

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХ.

1888.

НОЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Изд. Екатеринбургскаго кан., № 78.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 3

- Н. И. Карѣевъ. „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ
(окончаніе) 1
- А. Н. Веселовскій. Нерѣшенные, нерѣшительные и безразличные
Дантоваго ада. 87
- М. И. Изюмовъ. Историческій обзоръ доказательствъ теоремы о
паралелограммѣ ослъ 117

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- Ө. М. Истоминъ. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго
населенія сѣверо-западнаго края. П. В. Шейна. Т. I. С.-Пб.
1887. 132
- И. И. В. Дѣтскія игры преимущественно русскія. Е. А. Покровскаго.
Москва. 1887 147
- Ю. И. Сулаковскій. Новая мысль въ области греческой мегрики. 150
- А. С. Ланно-Данилевскій. Замѣтка по поводу статьи Ө. Г. Ми-
щенко о „Скнесскихъ древностяхъ“ 162
- Книжныя новости 172
- М. Л. Стефановичъ. Берлинская конференція 1873 года и дѣ-
ятельность главнаго нѣмецкаго педагогическаго общества
по женскому школьному образованію отъ 1872 по 1886 годъ
(окончаніе) 1
- Наша учебная литература (разборъ трехъ книгъ). 49

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- Отчетъ о тридцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1
- Наши учебныя заведенія: Школы въ Сибиріи 20
- Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 42
- И. И. Мишаевъ. Н. М. Пржевальскій (искроловъ). 49

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

- Л. Ю. Шредеръ. Пневгоръ и индійцы (окончаніе) 49
- К. Н. С—скій. Изъ Проперція 74

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- Князь Н. И. Голлицинъ. Вибліографическій словарь русскихъ пи-
сательницъ (продолженіе) 97

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го ноября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ ССЛХ.

1888.

НОЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Блашневъ. Наб. Екатеринбургскаго кам., № 78.
1888.

Екатеринбургскій пак., г. № 78
2854.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (4-го марта 1888 года). Объ учрежденіи Московскаго нумизматическаго общества.

Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи Московскаго нумизматическаго общества, съ предоставленіемъ ему, министру народнаго просвѣщенія, права утвердить уставъ сего общества, полагая: на приведеніе въ исполненіе изложеннаго предположенія министра народнаго просвѣщенія испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, въ 4-й день марта 1888 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

2. (13-го августа 1888 года). Объ учрежденіи при Краснослободской прогимназій стипендіи имени въ Возѣ почившаго Императора Александра II.

Общее собраніе членовъ общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ Краснослободской прогимназій ходатайствовало чрезъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа объ учрежденіи при названной прогимназій одной стипендіи имени въ Возѣ почившаго Императора Александра II на счетъ процентовъ съ восьмисотъ руб., отчисленныхъ симъ обществомъ изъ своего неупрякосновеннаго капитала.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день августа 1888 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

3. (4-го сентября 1888 года). Объ устройствѣ въ г. Москвѣ VIII археологическаго съѣзда.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 4-й день сентября 1888 г., Высочайше соизволилъ на устройство въ городѣ Москвѣ VIII археологическаго съѣзда.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

29-го сентября 1888 года. Произведены: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ баронъ Розенъ—въ дѣйствительные статскіе совѣтники, за отличіе, съ 28-го іюля 1888 г. (Выс. пов. 23-го іюля 1888 г.); эзекуторъ департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Лаутеръ—въ коллежскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 1-го мая 1887 года (Выс. пов. 30-го августа 1888 года).

Утвержденъ заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ренненкампфъ—вновь ректоромъ сего университета, на четыре года, съ 16-го сентября 1888 года.

Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью: ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Будиловичу—на 28 дней; привать-доценту Императорскаго Базанскаго университета Бергману—по 15-е января 1889 года.

Командированы за границу съ ученою цѣлью: причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Шварсалонъ и титулярный совѣтникъ Юшкевичъ, кандидаты университетовъ: Московскаго Пассекъ и Новороссійскаго Смирновъ—на два года, съ зачетомъ Шварсалону въ командировку двухмѣсячнаго заграничнаго отпуска.

Продолженъ срокъ отпуска внутри имперіи: причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскому секретарю Мазаровичу—на двадцать-восемь дней; инспектору Лебедев-

ской прогимназіи, статскому совѣтнику Рощуцкину—на четыре мѣсяца (Выс. пов. 13-го сентября 1888 года).

Уволены въ отпускъ въ Россіи: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бредихинъ — на пять мѣсяцевъ, по болѣзни (Выс. пов. 13-го сентября 1888 г.); причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Осоргинъ — на десять мѣсяцевъ.

Уволенъ, согласно прошенію, почетный попечитель Кіевской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Терещенко—отъ сей должности.

Объявлено Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе, профессору С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, статскому совѣтнику Вылежинскому—за особо-полезные его труды по устройству въ С.-Петербургѣ въ текущемъ году выставки предметовъ освѣщенія и нефтяного производства (Высоч. повел. 19-го августа 1888 года).

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, 4-го сентября сего года, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, оказавшихъ своею дѣятельностью и пожертвованіями пользу учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, медалями съ надписью: „за усердіе“, для ношенія на шеѣ: золотыми, на лентахъ: Андреевской—учредителя и члена С.-Петербургской двухклассной бесплатной для бѣдныхъ дѣтей Комиссаровской школы, с.-петербургскаго 2-й гильдіи купца Ивана Павлова и казанскаго 2-й гильдіи купца Матвѣя Веніамина; Александровской: почетнаго смотрителя Вязниковскаго, Владимірской губерніи, городского четырехкласснаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Владиміра Елизарова и почетнаго смотрителя Новгородскаго городского училища, новгородскаго 2-й гильдіи купеческаго брата Ивана Ѳедорова; Владимірской—почетнаго блюстителя Новгородскаго 1-го городского приходскаго училища, новгородскаго 1-й гильдіи купца Григорія Смѣтапина, иркутскаго 1-й гильдіи купца Егора Малыхъ и попечителя Евнаторійскаго 1-го приходскаго училища, евнаторійскаго 2-й гильдіи купца Ивана Демер-

джи; Анненской—члена-соревнователя попечительнаго совѣта Комиссаровскаго техническаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина, московскаго 1-й гильдіи купца Константина Осипова, вольноначиннаго писца канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Ланина, попечителя трехъ начальныхъ училищъ въ гор. Елабугѣ, содержимыхъ земствомъ, потомственнаго почетнаго гражданина, елабужскаго 1-й гильдіи купца Федора Гирбасова; совѣтника правленія Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, личнаго почетнаго гражданина Ивана Джангарова, почетнаго попечителя Владимірскаго Нижегородскаго реальнаго училища, почетнаго гражданина гор. Нижняго-Новгорода Архистарха Блинова, почетнаго блюстителя Уральскаго двухкласснаго русско-киргизскаго училища, уральскаго временнаго 1-й гильдіи купца Фирса Макарова, почетнаго попечителя Керченской мужской гимназіи, гласнаго Керчь-Еникальскаго городской думы, керченскаго 2-й гильдіи купца Гаврила Цыбульскаго 1-го, попечителя Сеголевскаго начальнаго народнаго училища, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, клинскаго 2-й гильдіи купца Аркадія Фирсова и почетнаго блюстителя Борисоглѣбскаго однокласснаго начальнаго народнаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Старорусскаго уѣзда, крестьянина Якова Антонова, и Станиславской—почетнаго блюстителя Николаевскаго приходскаго училища въ селѣ Искому-Устьѣ, Елабужскаго уѣзда, Вятской губерніи, потомственнаго почетнаго гражданина, московскаго 1-й гильдіи купца Евстафія Емельянова, потомственнаго почетнаго гражданина Израила Бродскаго, старосты при домовоіи церкви С.-Петербуржской второй гимназіи, личнаго почетнаго гражданина Сергѣя Гулина, попечителя Сорховскаго сельскаго училища, Тульской губерніи и уѣзда, Кяхтинскаго 1-й гильдіи купца Якова Молчанова, попечителя училища села Долгаго, Крапивненскаго уѣзда, Тульской губерніи, тульскаго 1-й гильдіи купца Николая Дивенцева, почетнаго попечителя Краснослободской прогимназіи, краснослободскаго 2-й гильдіи купца Николая Ненюкова, ревійскаго городского голову, 2-й гильдіи купца Николая Караяногло, шуйскаго городского головы, 2-й гильдіи купца Ивана Леонтьева, почетнаго блюстителя Верхне-Чирскаго приходскаго училища, таганрогскаго 2-й гильдіи купца Николая Батырена, попечителя Дорогобужскаго втораго городского приходскаго училища, дорогобужскаго 2-й гильдіи купца Семена Гольцова, попечителя Хомяковскаго сельскаго училища, Ефремовскаго уѣзда,

Тульской губерніи, 2-й гильдіи купца Николая Ширяева, медицинскаго 2-й гильдіи кунеческаго сына Григорія Волкова, почетнаго блюстителя Боромлянскаго двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Ахтырскаго уѣзда, сумскаго 2-й гильдіи купца Василя Григорьева, курьера департамента народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ писарей 1-го класса медицинскаго департамента военнаго министерства Анисима Бормина, попечителя Жилинскаго начальнаго народнаго училища, Вронницкаго уѣзда, Московской губерніи, московскаго мѣщанина Николая Шатскаго, почетнаго блюстителя Камратскаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Вендерскаго уѣзда, поселаннина Георгія Каравфила, попечителя Борщевскаго начальнаго народнаго училища, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, крестьянина того же уѣзда, Борщевской волости, деревни Слободы, Александра Сидорова и попечителя Карачельскихъ мужскаго и женскаго, Рижскаго, Горшковскаго и Стариковскаго сельскихъ училищъ, Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, крестьянина Федота Соловьева; серебряными: на лентахъ: Анненской—почетнаго смотрителя Опочецкаго четырехкласснаго городскаго училища, 2-й гильдіи купца Николая Кудрявцева, попечителя Θεодосійскаго приходскаго училища 2-й гильдіи купца Шелеме Хаджи, попечителя Евпаторійскаго втораго приходскаго училища, евпаторійскаго 2-й гильдіи купца Ильи Васильева, вахтера при домѣ Императорской Академіи Наукъ, отставнаго унтеръ-офицера Леонтія Михайлова, сторожа при архивѣ комитета правленія Императорской Академіи Наукъ, отставнаго артиллерійскаго унтеръ-офицера 2-го класса 8-го флотскаго экипажа Трофима Чекулаева и нижняго служителя и разсылнаго при ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, отставнаго унтеръ-офицера Бартоломея Станукина, и Станиславской—почетнаго смотрителя Слободскаго городскаго двухкласснаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина, слободскаго 1-й гильдіи купца Ивана Колотова, почетнаго блюстителя Симферопольскаго караимскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, потомственнаго почетнаго гражданина Самуила Чернеса, попечителя Вердянскаго земскаго начальнаго народнаго училища, личнаго почетнаго гражданина Кирилла Ковалевскаго, попечителя Георгіевскаго, въ гор. Тульѣ, начальнаго училища, 1-й гильдіи купца Владимира Теплова, почетнаго смотрителя Орѣховскаго городскаго трехкласснаго училища, орѣховскаго купца Алексѣя Ситникова, почетнаго смотрителя Читинскаго го-

родскаго трехкласснаго училища, читинскаго 2-й гильдіи купца Василя Хлыновскаго, почетнаго смотрителя Сергачскаго уѣднаго училища, макарьевскаго 2-й гильдіи купца Ивана Воронина, почетнаго блюстителя Тулуновскаго приходскаго училища, нижеудинскаго 2-й гильдіи купца Ивана Овчинникова, почетнаго блюстителя Шилкинскаго приходскаго училища, верчинскаго 2-й гильдіи купца Евгенія Немѣрова, почетнаго блюстителя Борисоглѣбскаго женскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купца Алексѣя Гаврилова, попечителя Бахчисарайскаго приходскаго училища, бахчисарайскаго 2-й гильдіи купца Харлампія Арабаджи, попечителя Вердьянскаго Лязковскаго начальнаго народнаго училища, бердянскаго 2-й гильдіи купца Макара Баточенко, попечителя Соснинско-Привстанскихъ мужскаго и женскаго сельскихъ (земскихъ) начальныхъ народныхъ училищъ, Новгородскаго уѣзда, 2-й гильдіи купца Миханла Забѣлина, попечителя Дубенскаго земскаго училища, новолодожскаго 2-й гильдіи купца Григорія Бартенева, старосты церкви Ташкентской мужской гимназій, ташкентскаго 2-й гильдіи купца Александра Бляповскаго, маловишерскаго 2-й гильдіи купца Петра Кудрявцева, попечителя Куликовскаго однокласснаго начальнаго народнаго училища, Костромской губерніи и уѣзда, костромскаго купца Петра Стоюнина, попечителя Гладскаго земскаго начальнаго народнаго училища, Крестедкаго уѣзда, маловишерскаго купца Василя Буйдина, попечителя Золотовскаго начальнаго училища, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи, временно бронницкаго 2-й гильдіи купца Якова Князятова, попечителя Буяковскаго однокласснаго начальнаго народнаго училища, Костромской губерніи и уѣзда, временно-костромскаго 2-й гильдіи купца Ивана Синяева, попечителя Никольско-Мизинецкаго начальнаго училища, Козловскаго уѣзда, ученаго управителя, происходящаго изъ купеческаго званія Ивана Медвѣдева, почетнаго блюстителя Біжъ-Ламбатскаго татарскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Ятинскаго уѣзда, Али Мурзы - Булгакова, почетнаго блюстителя Товарковскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи, прусскаго подданнаго Ивана Бейера, учителя Ильинскаго однокласснаго сельскаго училища, Кубанской области, урядника Евдокима Акмылова, учителя Барсуковскаго станичнаго училища, Кубанской области, урядника Елистрата Донцова, вахтера Императорской Академіи Наукъ по строительной части, отставнаго унтеръ-офи-

цера Семеновскаго полка Павла Колодежнаго, вахтера при зданіяхъ той же Академіи главномъ и библиотечномъ, отставнаго унтеръ-офицера 28-го пѣхотнаго Петровскаго полка Михаила Ледененкова, старшаго служителя Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, отставнаго унтеръ-офицера служительской роты 1-го кадетскаго корпуса Сергѣя Васильева, состоящаго по найму старшимъ унтеръ-офицеромъ при С.-Петербургскомъ практическо-технологическомъ институтѣ, отставнаго артиллерійскаго счетчика 4-го класса Филиппа Акимова, состоящаго при томъ же институтѣ, зачисленнаго въ ополченіе, старшаго унтеръ-офицера лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Петра Золотова, швейцара при С.-Петербургской первой гимназіи, младшаго унтеръ-офицера 1-го резервнаго сапернаго батальона Агафона Сидорова, вахтера и гардеробщика С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища, отставнаго барабанщика лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Алексѣя Васильева, и для ношенія на груди: золотими на лентахъ: Анненской—почетнаго блюстителя Елисаветинскаго станичнаго училища, Кубанской области, урядника Дениса Рожена и попечителя Порѣчскаго начальнаго училища, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянина села Порѣчья Николая Пыхова, и Станиславской—почетнаго блюстителя Цымлянскаго приходскаго училища, урядника Ивана Захарова, земскаго техника Пермской губерніи, Красноуфимскаго уѣзда, крестьянина Григорія Манохина, попечителя Переславцевскаго народнаго училища, крестьянина Ярославской губерніи, Угличскаго уѣзда, Василя Калистратова, почетнаго блюстителя Барвенковскаго двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Изюмскаго уѣзда государственнаго крестьянина Федора Ищенко и старшины Чадирь-Лунгской волости, Бердянскаго уѣзда, поселянина Николая Кирова, и серебряными, на лентахъ: Анненской—почетнаго блюстителя Воронежскаго станичнаго училища, Кубанской области, купца Ивана Гребенникова, почетнаго блюстителя Архангельскаго однокласнаго сельскаго училища, Кубанской области, купца Ивана Попова, почетнаго блюстителя Прасковейскаго однокласнаго сельскаго училища, Ставропольской губерніи, крестьянина Егора Ломова, попечителя Раменскаго сельскаго училища, Грязовецкаго уѣзда, крестьянина Раменской волости Дмитрія Разсмагина, попечителя Давидовскаго начальнаго народнаго училища, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянина села Давыдова Алексѣя Фураева, попечителя Краснянскаго начальнаго

училища, Новохоперскаго уѣзда, крестьянина Ивана Выценко, старшины Липванской волости, Хотинскаго уѣзда, поселянина Ивана Чокорды, волостнаго старшины Градско-Стрѣлецкой волости, Козловскаго уѣзда, государственнаго крестьянина Ивана Дубинина и крестьянина Ивана Ковлова, и Станиславской—почетнаго блюстителя Новгородскаго двухкласснаго городскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купца Алексѣя Саблукова, почетнаго блюстителя Калитвенскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купца Христофора Муртова, почетнаго блюстителя Мойсеевскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купца Никифора Винникова, почетнаго блюстителя Тиховскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купца Василя Вакулина, члена училищнаго попечительства Вознесенскаго училища: Кубанской области, 2-й гильдіи купца Василя Розутова, купца Ивана Карасева, члена попечительнаго совѣта Киренской женской прогимназіи якутскаго мѣщанина Ивана Полова, почетнаго блюстителя Веснеболыгскаго однокласснаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, мѣщанина Ивана Лапина, почетнаго блюстителя Новодмитріевскаго станичнаго училища, Кубанской области, мѣщанина Ильи Бурлакова, попечителя Зеленцинскаго начальнаго народнаго училища, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, клинскаго мѣщанина Леонтія Иванова, попечителя Керченскаго, на Глинищѣ, народнаго училища, Керченскаго мѣщанина Николая Крыжановскаго, попечителя Устьинскаго начальнаго училища, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, мѣщанина Александра Рыбина, кузачнаго мастера ремесленнаго отдѣленія при Баталпаинскомъ городскомъ училищѣ, Кубанской области, мѣщанина Хугаса Арабаджи, швейцара С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища, кронштадтскаго мѣщанина Михаила Галкина, служителя при главной физической обсерваторіи, кронштадтскаго мѣщанина Николая Макарова, сторожа при главномъ зданіи Императорской Академіи Наукъ, с.-петербургскаго мѣщанина Никифора Григорьева, с.-петербургскаго мѣщанина Николая Скачкова, жителя г. Черкассы, Кіевской губерніи, мѣщанина Федора Лысака, жителя того же города, мѣщанина Моисея Чернаго, почетныхъ блюстителей одноклассныхъ сельскихъ училищъ, Кубанской области: Старонижестеблѣвскаго, урядника Кассіана Моцако, Каневскаго, урядника Алексѣя Черныака и Новошербиновскаго, урядника Парфентія Крайняго, почетнаго блюстителя Новомышастовскаго станичнаго училища, Кубанской области, урядника Михаила Мартояса, попечителя Безкоробнаго станичнаго училища,

Кубанской области, урядника Григорія Мѣшков а, почетнаго блюстителя Урупскаго однокласнаго сельскаго училища, Кубанской области, казака Якова Книшева, почетнаго блюстителя Государевскаго приходскаго училища, казака Матвѣя Нефедова, попечителя Суворовскаго женскаго станичнаго училища, Кубанской области, казака Ивана Мищенко, попечителя Тимошевскаго станичнаго училища, Кубанской области, казака Константина Цыханскаго, швейцара при С.-Петербургской седьмой гимназій, состоящаго въ запасѣ, младшаго унтеръ-офицера лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Михаила Кондрашева, служителя при той же гимназій, отставнаго унтеръ-офицера 3-го пѣхотнаго резервнаго баталіона Никиты Иванова, курьера при президентѣ Императорской Академіи Наукъ, отставнаго матроса 1-й статьи гвардейскаго экипажа Семена Телицына, курьера при вице-президентѣ той же Академіи, отставнаго рядоваго 124-го пѣхотнаго Воронежскаго полка Василія Стотика, служителя при архивѣ конференціи и книжномъ складѣ упомянутой Академіи, отставнаго рядоваго лейбъ-гвардіи сапернаго батальона Алексѣя Ваймова, швейцара Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, отставнаго рядоваго лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Филиппа Голубова, швейцара при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ, отставнаго рядоваго Арефія Аксонова, буфетчика при С.-Петербургскомъ первомъ реальномъ училищѣ, отставнаго рядоваго морскаго кадетскаго корпуса Гана Виля, служителя при С.-Петербургскомъ первомъ реальномъ училищѣ, отставнаго рядоваго лейбъ-гвардіи гарнизоннаго батальона Василія Низова, пажнаго служителя Московской второй гимназій, отставнаго рядоваго Яна Лыдки, члена Молочанскаго меновитскаго училищнаго совѣта, Бердявскаго уѣзда, Таврической губерніи, поселанина-собственника Ивана Клатта, почетнаго блюстителя Благодатненскаго сельскаго училища, Ставропольской губерніи, крестьянина Тимофея Вертилецкаго, почетнаго блюстителя Ново-Михайловскаго сельскаго училища, той же губерніи, государственнаго крестьянина Захара Харченко, почетнаго блюстителя Чудско-Ворскаго однокласнаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Новгородскаго уѣзда, крестьянина деревни Чудскаго-Бура Ивана Михайлова, почетнаго блюстителя Калиновскаго сельскаго училища, Ставропольской губерніи крестьянина Андрея Гандарина, почетнаго блюстителя Китаевскаго Александровскаго сельскаго училища той же губерніи, крестьянина Ивана

Гороваго, попечителя Силинскаго начальнаго училища, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи, крестьянина Силинской волости, села Владимірскаго Ивана Евфимова, попечителя Ильинскаго начальнаго народнаго училища, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, крестьянина села Ильинскаго, Калѣвской волости Фрола Анастасѣва, крестьянина деревни Починки, Андреевской волости, Костромской губерніи и уѣзда, Федора Гусева, попечителя Шаламовскаго сельскаго училища, Челябинскаго уѣзда, крестьянина Дмитрія Шишкина, попечителя Воскресенскихъ мужскаго и женскаго и Варлаковскаго сельскихъ училищъ, Челябинскаго уѣзда, крестьянина Николая Прохорова, попечителя Федювинскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Смоленской губерніи и уѣздовъ, крестьянина того же уѣзда, деревни Сухоруковой, Спасской волости, Теофилакта Короткова, попечителя Воловниновскаго начальнаго народнаго училища, Клинскаго уѣзда, крестьянина Московской губерніи, того же уѣзда, Круговской волости, деревни Чернатиной Кувьмы Сулинова, попечителя Кутеловскаго начальнаго народнаго училища, Клинскаго уѣзда, крестьянина Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, деревни Кущелево Петра Нѣмова, попечителя Койсугскаго начальнаго народнаго училища, Ростовскаго-на-Дону уѣзда, крестьянина Ивана Вернигоры, попечителя Квасниковскаго, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, сельскаго начальнаго народнаго училища, крестьянина Михаила Лопатина, печатника литографіи департамента народнаго просвѣщенія, крестьянина Ярославской губерніи, Мологскаго уѣзда Игватія Кокушкина, крестьянина села Татаркискъ, Новоушицкаго уѣзда, Подольской губерніи, Петра Вышемирскаго, почетнаго блюстителя Нижне-Сѣрагожскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Мелитопольскаго уѣзда, поселенина Логвина Гришина, почетнаго блюстителя Акимовскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Мелитопольскаго уѣзда, поселенина Михаила Павлова, попечителя цареводарскаго сельскаго народнаго училища, Бердянскаго уѣзда, поселенина-собственника Дмитрія Кулова, попечителя начальной школы въ деревнѣ Кабардинкѣ, Черноморскаго округа, поселенина той же деревни Георгія Мелика и войта гмины Пухали, Ломжинской губерніи, изъ сельскихъ обывателей Ивана Дзенишевскаго, и почетнымъ кафтаномъ перваго разряда—волостнаго старшины Ново-Руднянской волости, Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, Филиппа Семенова.

— Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, 4-го сентября сего года, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, оказавшихъ своею дѣятельностію и жертвованіями пользу учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, орденами: св. Анны 2-й степени: предсѣдателя попечительнаго совѣта Тамбовской женской гимназій, отставнаго поручика Вышеславцева; попечителя Шелепихинскаго земскаго начальнаго народнаго училища, Московской губерніи и уѣзда, губернскаго секретаря Гирша; смотрителя посьми Лодзинскихъ городскихъ начальныхъ общинъ училищъ Людовика Майера; потомственныхъ почетныхъ гражданъ: попечителя Пятницкаго женскаго начальнаго въ Москвѣ училища Владиміра Вишнякова, и учредителя и попечителя Никольско-Богоявленскаго начальнаго училища Московской губерніи и уѣзда, 1-й гильдіи купца Алексѣя Ленточникова, и купческаго сына Эдуарда Гербста; изъ нихъ: Майера, Вишнякова, Ленточникова и Гербста, съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. знак. отл. т. I св. зак., изд. 1876 г.; св. Станислава 2-й степени: члена Екатеринославскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, статскаго совѣтника Бѣльченко; почетнаго блюстителя Тельбовичскаго однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Боровичскаго уѣзда, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскаго ассессора Вульфа; состоящаго при управленіи Одесскаго учебнаго округа, по дѣламъ еврейскимъ, тутулярнаго совѣтника Генікеса; попечителя Серпуховскаго женскаго начальнаго въ Москвѣ училища губернскаго секретаря Ляпина; потомственныхъ почетныхъ гражданъ: Людовика Громана; попечителя Пушкинскаго частнаго начальнаго народнаго училища, Московской губерніи и уѣзда, мануфактуръ-совѣтника, 1-й гильдіи купца Евгенія Арманда, и почетнаго блюстителя Мошенскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Судогодскаго уѣзда, Владимирской губерніи Ивана Безбородова; изъ нихъ: Громана, Арманда и Безбородова, съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зв. отл., т. I св. зак., изд. 1876 г.; св. Анны 3-й степени: почетнаго блюстителя Лозечскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Боровичскаго уѣзда, отставнаго гвардіи штабс-ротмистра князя Блякѣва и смотрителя Лодзинскихъ еврейскихъ начальныхъ двухкласснаго мужскаго и однокласснаго женскаго училищъ, потомственнаго почетнаго гражданина, 1-й гильдіи купца Гер-

мана Конштадта, изъ нихъ Конштадта съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зн. отл., т. I св. зак., изд. 1876 г.; св. Станислава 3-й степени: попечителя Петровско-Пречистенскаго мужскаго начальнаго въ Москвѣ училища коллежскаго совѣтника Рихтера; члена Бердянскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, коллежскаго ассессора Гаевского, дѣйствительнаго члена Охтенскаго ремесленнаго училища, отставнаго штабсъ-капитана Флегонтова; почетнаго блюстителя Камышевахскаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Бахмутскаго уѣзда, титулярнаго совѣтника Депрерадовича; коллежскихъ секретарей: попечителя Ивановскаго однокласснаго начальнаго народнаго училища, Костромской губерніи и уѣзда, Вирюкова; почетнаго блюстителя Бѣлецкаго приходскаго и попечителя Пеленійскаго народнаго училищъ, Бѣлецкаго уѣзда, Шуку и почетнаго блюстителя Кишиневскаго однокласснаго женскаго училища Препелицу; губернскихъ секретарей: члена Хотинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта Булатовича и бывшаго попечителя Колѣнскаго сельскаго училища, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи, Котова; попечителя Петровско-Прѣсненскаго мужскаго начальнаго въ Москвѣ училища, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Мамонтова и вольнопрактикующаго врача Мартина Валленштейна; изъ нихъ: Мамонтова и Валленштейна, съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зн. отл., т. I св. зак., изд. 1876 года.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (10-го августа 1888 года). Уставъ общежитія студентовъ при Томскомъ университетѣ.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память закладки Сибирскаго университета въ 1880 году собрано было по иниціативѣ члена строительнаго комитета профессора В. М. Флоринскаго частныхъ пожертвованій 32,388 р. 94 коп. для постройки на принадлежащей университету землѣ особаго зданія для общежитія студентовъ. Зданіе, выстроенное частію на эту сумму, частію на остатки строительныхъ матеріаловъ, образовавшихся отъ экономіи при постройкахъ университетскихъ зданій, представляющее

собой особый трех-этажный каменный корпусъ,—принадлежитъ къ недвижимой собственности Томскаго университета.

§ 2. Помѣщенія общежитія студентовъ не могутъ быть ни отчуждаемы въ другое вѣдомство, ни обращаемы на какія бы то ни было другія потребности университета, но должны служить исключительно для цѣли студенческаго общежитія, дабы предоставить студентамъ, помѣщаемымъ въ общежитіи, надежнѣйшіе и удобнѣйшіе способы къ научнымъ занятіямъ.

§ 3. Въ общежитіи помѣщаются: а) всѣ казенные стипендіаты Томскаго университета; б) стипендіаты частныхъ лицъ, обществъ и учреждений и в) своекоштные.

§ 4. Содержаніе дома общежитія и живущихъ въ немъ студентовъ производится изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) суммы, отпускаемой университету на содержаніе казенныхъ стипендіатовъ; 2) на проценты съ капиталовъ, имѣющихся въ университетѣ для частныхъ стипендій; 3) на взносы съ своекоштныхъ студентовъ; 4) на спеціальныя средства, могущія быть въ распоряженіи правленія университета и попечительнаго комитета для пособія недостаточнымъ студентамъ.

§ 5. Казенные и частные стипендіаты пользуются въ общежитіи полнымъ содержаніемъ, то-есть, помѣщеніемъ, освѣщеніемъ, столомъ, бѣльемъ, одеждою и обувью. Остающаяся отъ содержанія стипендіатовъ сумма обращается на покрытіе общихъ расходовъ по содержанію дома и на первоначальное обзаведеніе мебелью, домашней утварью и проч. Въ послѣдствіи времени остатки отъ стипендій, еслибы таковыя оказались, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по содержанію стипендіатовъ, могутъ быть, по усмотрѣнію правленія университета, обращаемы на содержаніе дополнительнаго числа студентовъ въ общежитіи, имени того жертвователя, которымъ внесень основной капиталъ на учрежденіе данной стипендіи.

§ 6. Своєкоштные вносятъ за помѣщеніе и полное содержаніе въ общежитіи по 300 руб. въ годъ, по полугодно впередъ къ 1-му сентября и къ 1-му февраля каждаго года. Внесенная плата ни въ какомъ случаѣ не возвращается.

§ 7. Для поступленія въ общежитіе студенты какъ стипендіаты, такъ и своекоштные, должны подавать прошенія инспектору, который представляетъ оныя, чрезъ ректора, въ правленіе университета. Правленіе, провѣривъ всѣ данныя о просителяхъ, и избравъ луч-

шихъ изъ нихъ, представляетъ свое заключеніе на утвержденіе попечителя.

§ 8. Право удаленія студентовъ изъ общежитія принадлежитъ попечителю округа, по представленію правленія, а въ экстренныхъ случаяхъ и по непосредственному усмотрѣнію.

§ 9. Студенты, живущіе въ общежитіи, подчиняются во всѣхъ отношеніяхъ всѣмъ органамъ университетскаго начальства, на общихъ, установленныхъ для университета основаніяхъ.

§ 10. Студенты, живущіе въ общежитіи, обязуются соблюдать порядокъ, не нарушать спокойствія своихъ товарищей и вообще исполнять правила, установленныя для общежитія.

Примѣчаніе. Правила для студентовъ, живущихъ въ общежитіи, составляются правленіемъ университета и утверждаются попечителемъ округа.

§ 11. Завѣдываніе домою общежитія въ хозяйственномъ отношеніи возлагается на правленіе университета, а въ дисциплинарномъ отношеніи непосредственно на инспектора студентовъ, при чемъ, ближайшій надзоръ за студентами въ домѣ общежитія возлагается на одного изъ помощниковъ инспектора. Для веденія хозяйства назначается экономъ, по выбору правленія и съ утвержденія попечителя округа. Содержаніе эконома производится изъ суммъ общежитія или же, въ случаѣ недостаточности таковыхъ, — изъ специальныхъ средствъ университета.

§ 12. Для изысканія способовъ къ увеличенію средствъ дома общежитія и вообще для сбора пожертвованій въ пользу недостаточныхъ студентовъ учреждается попечительный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя округа: 1) изъ членовъ правленія университета; 2) изъ трехъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, выбираемыхъ на два года изъ жителей г. Томска. На первый разъ выборъ этотъ производится членами правленія подъ предсѣдательствомъ попечителя округа, а затѣмъ комитетомъ въ полномъ его составѣ; 3) изъ почетныхъ членовъ, оказавшихъ особое содѣйствіе общежитію значительными матеріальными взносами, не менѣе 6,000 р. одновременно или 300 р. ежегодно. Члены комитета, избираемые по пп. 2 и 3, представляются попечителемъ округа на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе. Въ случаѣ отсутствія попечителя округа, въ комитетѣ предсѣдательствуетъ ректоръ университета.

§ 13. Всѣ вопросы въ засѣданіяхъ рѣшаются большинствомъ го-

лосовъ, а въ случаѣ раздѣленія голосовъ по-ровну — голосъ предсѣдателя дать перевѣсъ.

§ 14. Комитетъ собирается по приглашенію предсѣдателя по его усмотрѣнію или по заявленію трехъ членовъ. Для дѣйствительности засѣданія необходимо присутствіе, кромѣ предсѣдателя, по крайней мѣрѣ, трехъ членовъ и инспектора студентовъ.

§ 15. Дѣла комитета, книги, журналы, денежные документы и проч. хранятся въ управленіи университета, а для засѣданій члены комитета собираются либо въ залахъ управленія, либо въ другомъ свободномъ помѣщеніи университета.

§ 16. Капиталы и вообще денежные суммы, собранныя комитетомъ, передаются въ казначейство университета, если они предназначаются для текущихъ расходовъ; или же обращаются въ процентныя бумаги, если они составляютъ неприкосновенный капиталъ, и въ этомъ случаѣ хранятся въ отдѣленіи государственнаго банка.

§ 17. Ежегодный отчетъ о дѣятельности комитета и по общему житію студентовъ помѣщается особою статьею въ общемъ университетскомъ отчетѣ.

2. (10-го августа 1888 года). Положеніе о преміяхъ имени С. М. Соловьева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память ученой дѣятельности С. М. Соловьева, съ цѣлью поощренія ученыхъ трудовъ по исторіи, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ учреждаются денежные преміи, которыя именуется преміями Сергѣя Михайловича Соловьева.

Примѣчаніе. Эти премія составляются изъ процентовъ съ собраннаго посредствомъ повсемѣстной по имперіи подписки капитала (по 1-е іюля 1888 года процентными бумагами 20,600 р., наличными 1,141 р. 51 к. и процентовъ съ бумагъ 3,300 р. а всего 25,041 р. 51 к.), часть коего (5,000 р.) пожертвована Московскою городскою думой.

§ 2. Для присужденія премій при историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета образуется постоянная коммиссія, состоящая изъ заслуженныхъ и штатныхъ профессоровъ этого факультета по кафедрѣ всеобщей, церковной и русской исторіи, подъ предсѣдательствомъ старшаго по службѣ профессора русской исторіи.

§ 3. Преміи присуждаются чрезъ каждыя два года за сочиненія часть сслѣдствій, отд. 1.

на темы по исторіи, преимущественно русской, предлагаемая комиссіей.

Примѣчаніе. Въ виду высказаннаго при пожертвованіи капитала желанія Московской городской думы, комиссія будетъ черезъ два двухлѣтія давать темы по исторіи царствованія Императрицы Екатерины II или по исторіи города Москвы и принимать къ соисканію премій сочиненія по этимъ отдѣламъ русской исторіи.

§ 4. Комиссія предлагаетъ одну тему на преміи каждаго двухлѣтія, считая началомъ его 4-го октября, день памяти С. М. Соловьева.

§ 5. Тема на преміи каждаго двухлѣтія объявляется по представленію комиссіи ректоромъ Московскаго университета въ Московскихъ вѣдомостяхъ 5-го мая, въ день рожденія С. М. Соловьева за годъ и 5 мѣсяцевъ до начала самаго двухлѣтія, а сочиненія на эту тему, печатныя или рукописныя, исключительно на русскомъ языкѣ, представляются въ комиссію черезъ три года по объявленіи темы, не поздне 5-го мая втораго года того двухлѣтія, премій котораго ищутъ авторы представляемыхъ на конкурсъ сочиненій.

Примѣчаніе. Началомъ перваго двухлѣтія будетъ 4-го октября того года, который слѣдуетъ за годомъ объявленія первой темы.

§ 6. Къ соисканію премій не допускаются сочиненія членовъ присуждающей ихъ комиссіи, а равно сочиненія, изданныя до объявленія темы, хотя бы они по содержанию своему близко подходили къ этой темѣ.

§ 7. Для разсмотрѣнія и обсуждения достоинства представленныхъ на курсъ сочиненій комиссія принимаетъ въ свой составъ въ качествѣ временныхъ членовъ одного члена общества исторіи и древностей российскихъ, по избранію общества, и одного представителя Московской городской думы, по назначенію послѣдней.

§ 8. Ближайшее разсмотрѣніе представленныхъ на конкурсъ сочиненій комиссія поручаетъ одному или нѣсколькимъ своимъ членамъ, какъ постояннымъ, такъ и временнымъ, при чемъ можетъ обратиться съ приглашеніемъ принять участіе въ этомъ разсмотрѣніи и къ постороннимъ лицамъ, извѣстнымъ своими спеціальными занятіями по предмету данной темы. Эти лица, въ случаѣ своего согласія на приглашеніе, также считаются временными членами комиссіи.

§ 9. Критическіе отзывы о сочиненіяхъ представляются въ комиссію къ 1-му сентябрю втораго года извѣстнаго двухлѣтія и въ

теченіи сентября разсматриваются комиссіей. Основанный на этомъ разсмотрѣніи приговоръ большинства комиссія о представленныхъ на конкурсъ сочиненіяхъ сообщается ихъ авторамъ письменно чрезъ предсѣдателя комиссія 4-го октября того же года и печатается въ ближайшемъ отчетѣ Московскаго университета.

§ 10. Временные члены, которые возьмутъ на себя разборъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, награждаются за то золотыми медалями, для чего изъ всей суммы двухлѣтнихъ процентовъ съ капитала премій отчисляется $\frac{1}{20}$ часть.

§ 11. За сочиненія, представленные на конкурсъ и признанныя удовлетворительными, комиссія присуждаетъ или полную премію, или большую, или малую. Полная премія составляетъ изъ всей суммы двухлѣтнихъ процентовъ съ капитала премій, большая изъ двухъ третей, малая изъ одной трети этой суммы съ вычетомъ $\frac{1}{20}$ части изъ каждой преміи согласно съ § 10.

Примѣчаніе. Этотъ вычетъ дѣлается и въ томъ случаѣ, когда разборъ сочиненій былъ порученъ постояннымъ членамъ комиссія, не получающимъ за это золотыхъ медалей. Въ этомъ случаѣ сумма, отчисленная на медали, получаетъ назначеніе согласно § 14.

§ 12. Премія, присужденная за рукописное сочиненіе, выдается по напечатаніи онаго, безъ процентовъ, наросшихъ на сумму преміи со времени ея присужденія.

§ 13. Если къ установленному сроку не будетъ представлено ни одного сочиненія на данную тему, комиссія можетъ отсрочить представленіе сочиненій на эту тему еще на два года.

§ 14. Преміи, оставшіяся не присужденными или не выданными по какимъ-либо причинамъ, и всѣ вообще не израсходованные остатки отъ суммы двухлѣтнихъ процентовъ съ капитала премій, равно какъ и проценты, наросшіе на не выданныя въ срокъ преміи, присоединяются сперва къ капиталу стипендіи имени С. М. Соловьева, пока послѣдняя не возрастетъ до 600 р. (см. § 6. Положенія объ этой стипендіи), а потомъ къ капиталу премій для увеличенія ихъ размѣровъ.

3. (12-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени заслуженнаго профессора тайнаго совѣтника Модеста Яковлевича Киттары при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Согласно духовному завѣщанію заслуженнаго профессора тай-

паго совѣтника Модеста Яковлевича Киттары, въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ учреждаются двѣ стипендіи изъ процентовъ съ представленнаго душеприкащикомъ профессора Киттары капитала въ 13.200 руб., заключающихся въ государственныхъ 5% бумагахъ.

§ 2. Сумма процентовъ съ 12.000 р., за вычетомъ 5% государственнаго налога, назначается на содержаніе двухъ стипендіатовъ, а проценты съ 1.200 руб., равно и остатки отъ двухъ стипендій прилагаются къ 1.200 р. до образованія изъ нихъ капитала въ 12.000 р., на проценты съ котораго учреждаются другія двѣ стипендіи, такъ чтобы въ распоряженіи каждаго факультета находилось по одной стипендіи.

§ 3. До образованія капитала для 4 стипендій, наличныя двѣ стипендіи съ капитала 12.000 р. распредѣляются между факультетами по очереди, въ порядкѣ, въ какомъ факультеты значатся въ дѣйствующемъ университетскомъ уставѣ, такъ чтобы въ распоряженіи каждаго факультета по очереди было по одной стипендіи въ теченіи трехъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ стипендіи передаются въ распоряженіе слѣдующихъ факультетовъ. До истеченія трехлѣтняго срока стипендія передается въ распоряженіе другаго факультета, когда на очередномъ факультетѣ не окажется студентовъ, удовлетворяющихъ условіямъ для полученія стипендіи (§ 4). О переходѣ стипендіи изъ одного факультета въ другой правленіе увѣдомляетъ соотвѣтствующіе факультеты.

§ 4. Стипендіи М. Я. Киттары могутъ быть назначены безупречнаго поведенія студентамъ историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ, если имъ зачтено безусловно не менѣе двухъ полугодій, а студентамъ медицинскаго факультета, если они выдержали полукурсовое испытаніе. Назначеніе стипендій производится на основаніи результатовъ конкурснаго испытанія изъ основныхъ предметовъ факультета, по представленію факультета, правленіемъ университетв и утверждается попечителемъ учебнаго округа.

§ 5. Студенты, удостоенные стипендіи М. Я. Киттары, продолжаютъ получать ее и въ слѣдующія полугодія до окончанія курса, если, при безупречномъ поведеніи, засвидѣтельствованномъ инспекціею, и воплиѣ удовлетворительныхъ успѣхахъ, имъ будутъ зачтены безусловно слѣдующія полугодія. О продолженіи стипендіи факультетъ на каждое полугодіе входитъ въ правленіе съ особымъ представленіемъ.

§ 6. Въ случаѣ невачета или условнаго зачета полугодія, стипендіатъ лишается стипендіи. Но если причиною малоусидчивости студента была тяжкая и продолжительная болѣзнь, известная членамъ факультета и засвидѣтельствованная студентскимъ врачомъ или членомъ медицинскаго факультета, то факультетъ можетъ ходатайствовать о продолженіи стипендіи, хотя бы стипендіату и не было зачтено полугодіе или зачтено условно. Такое исключеніе изъ правила (§ 5) можетъ быть сдѣлано для одного студента стипендіата только одинъ разъ и не должно увеличивать 3-хъ-лѣтняго срока, на который стипендія поступаетъ въ распоряженіе очереднаго факультета.

§ 7. Выдача стипендіи студентамъ, удостоеннымъ ея, производится со дня факультетскаго засѣданія, въ которомъ студентъ-конкурентъ удостоенъ стипендіи, и продолжается до конца того полугодія, на которое она, согласно представленію факультета, назначена или продолжена.

§ 8. Стипендіаты состоятъ подъ особымъ надзоромъ инспекціи, декана факультета и одного изъ преподавателей—профессоровъ, по назначенію факультета.

§ 9. Студенты, получающіе стипендіи М. Я. Киттары, именуются, во время пользованія ими, стипендіатами М. Я. Киттары и никакой обязательной службъ за пользованіе стипендіей не подлежатъ.

4. (22-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Николая Петровича Рощупкина при Воронежской мужской прогимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ семьсотъ руб., пожертвованнаго преподавателями Воронежской прогимназіи и другими лицами, въ память 25-ти лѣтней педагогической дѣятельности бывшаго инспектора названной прогимназіи, статскаго совѣтника Николая Петровича Рощупкина учреждается при Воронежской прогимназіи одна стипендія имени Николая Петровича Рощупкина.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ I восточнаго займа, хранится въ Воронежскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Воронежской прогимназіи, и составляетъ неотъемлемую собственность ея, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода въ тиражъ погашенія обли-

гацій I-го восточнаго займа, въ которыхъ нинѣ заключается обезпечивающій стипендію капиталъ, прогимназію приобрѣтаются взамятъ ихъ другія государственныя процентныя бумаги.

§ 3. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи, или по какой-либо другой причинѣ, причисляются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на уплату за право ученія стипендіата въ прогимназіи а въ случаѣ недостаточности сей суммы, выдаются стипендіату въ пособіе для взноса платы за его обученіе въ заведеніе.

§ 5. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи изъ числа бѣднѣйшихъ сиротъ, по преимуществу, изъ дѣтей лицъ педагогическаго сословія, православнаго вѣроисповѣданія, отличный по поведенію и успѣвающимъ въ наукахъ.

§ 6. Стипендіатъ лишается стипендіи, по постановленію педагогическаго совѣта, въ случаѣ оставленія въ томъ же классѣ на второй годъ по неуспѣшности въ наукахъ, или по неудовлетворительному поведенію, вслѣдствіе выбитія изъ прогимназіи по какимъ-либо причинамъ, а также по приобрѣтеніи имъ достаточныхъ средствъ для взноса платы за ученіе безъ пособія отъ прогимназіи.

§ 7. Непереводъ стипендіата въ высшій классъ не считается законнымъ поводомъ къ лишенію его стипендіи, если онъ остался въ томъ же классѣ по уважительнымъ причинамъ, какъ-то по болѣзни и тому подобное.

§ 8. Въ случаѣ закрытія Воронежской прогимназіи, или преобразованія ея въ какое-либо учебное заведеніе другаго типа пожертвованный капиталъ на стипендію обращается, на тѣхъ же основаніяхъ, въ Воронежскую классическую гимназію.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (22-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Василія Алексѣевича Акифьева при Владимірскомъ Нижегородскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго вдовою потомственнаго почетнаго гражданина Марьей Михайловной Акифьевой капи-

тала въ тысячу руб. учреждается при Владимірскомъ Нижегородскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени потомственного почетнаго гражданина Василия Алексѣевича Акифьева.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціи втораго восточнаго займа, хранится въ Нижегородскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища, составляя неотъемлемую собственность сего послѣдняго и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата въ продолженіи всего курса наукъ въ помянутомъ реальномъ училищѣ.

§ 4. Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣдныхъ учениковъ сего заведенія, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, по преимуществу изъ родственниковъ покойнаго Василия Алексѣевича Акифьева.

§ 5. Могущіе образоваться отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки выдаются стипендіату на учебныя пособія.

§ 6. Право избранія стипендіата предоставляется вдовѣ Марьѣ Михайловнѣ Акифьевой, по смерти же ея—педагогическому совѣту.

§ 7. Въ случаѣ неуспѣшности стипендіата безъ уважительныхъ на то причинъ, или неодобрительнаго поведенія, педагогическому совѣту училища предоставляется право лишать стипендіата пользованія этою стипендіею, каковая вышеуказаннымъ порядкомъ переходитъ къ вновь избираемому стипендіату.

§ 8. Пользованіе этою стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (5-го октября 1888 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени управляющаго нижегородскою конторою графа С. А. Строганова ораніенбаумскаго купца Ивана Карповича Ширшова при Владимірскомъ Нижегородскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ три тысячи рублей, пожертвованнаго покупателями-заказчиками желѣза завода графа С. А. Строганова, учреждаются при Владимірскомъ Нижегородскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени управляющаго нижегородскою конторою графа С. А. Строганова ораніенбаумскаго купца И. К. Ширшова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ трехъ билетахъ

восточнаго займа, хранится въ Нижегородскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность названнаго училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за право ученія двухъ стипендіатовъ до окончанія ими полнаго курса наукъ въ названномъ заведеніи. Могущіе образоваться отъ процентовъ остатки выдаются стипендіатамъ на учебныя пособія.

§ 4. Въ стипендіаты избираются двое изъ бѣдныхъ учениковъ означеннаго училища, православнаго исповѣданія, заслуживающихъ того по своему поведенію и успѣхамъ въ наукахъ, при чемъ оставленіе стипендіатовъ на второй годъ по уважительнымъ на то причинамъ, какъ, напримѣръ, по болѣзни, не лишаетъ ихъ права пользованія стипендіями.

§ 5. Избраніе стипендіатовъ предоставляется И. К. Ширшову, по смерти же его — педагогическому совѣту реальнаго училища.

§ 6. Пользованіе этими стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управлявшимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: „Дѣтскій акваріумъ. Руководство къ собиранію водныхъ животныхъ, растений и къ устройству и уходу за акваріумомъ, для дѣтей и пачинающихъ: Н. Ѳ. Золотницкаго. Съ 73 политипажамъ и 4 таблицами. Москва. 1888. Въ 8-ку 126 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Первая помощь. Альбомъ подачи пособія раненымъ и больнымъ. Составлена докторомъ П. С. Алексѣевымъ. Москва. 1888. Цѣна 25 коп.“—одобрить для библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Соловки. Воспоминанія и разказы изъ поѣздки съ богомольцами (въ сокращеніи). В. И. Немировича-Данченко. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. С.-Пб. 1888. Въ 16-ю д. л. 77 стр. Цѣна 12 коп.“—допустить въ ученическія библиотеки сред-

нихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи было сдѣлано указанное комитетомъ исправленіе.

— Книгу: „Записки по методикѣ элементарной ариметики. Составилъ Г. М. Вишневскій. Самара. 1888. Въ 8-ку 196 стр. Цѣна 75 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для учительскихъ семинарій, институтовъ и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій, а также включить въ каталоги учительскихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Добрый сынъ. Эпизодъ изъ жизни Императора Александра I. Разказъ въ стихахъ. Изд. 4-е. Кіевъ. 1888. Въ 12-ю д. л. 36 стр., съ 11 картинами. Цѣна 20 коп.“—допустить къ чтенію въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книгу: „М. Герасимовъ. Элементарная анатомія, фізіологія и гігіена. Съ добавленіемъ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ, ухода за дѣтьми, начальныхъ признаковъ заразныхъ болѣзней въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ и правилъ предупрежденія заноса заразныхъ болѣзней въ учебныя заведенія. Руководство для городскихъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Изд. 3-е, исправленное и значительно дополненное. Съ рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 154 стр. Цѣна 75 коп.“—допустить какъ учебное пособіе для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій и въ учительскія библиотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Вторая пчелка. Книга для класнаго чтенія въ народныхъ многолѣтнихъ училищахъ, сельскихъ, уѣздныхъ, городскихъ четырехъ- и шестиклассныхъ, духовныхъ и епархіальныхъ, въ школахъ профессиональныхъ и учительскихъ семинаріяхъ мужскихъ и женскихъ. Составилъ Левъ Поливановъ. М. 1886. Въ 8-ку 528 стр. Цѣна 1 руб.“—одобрить для старшаго возраста городскихъ училищъ и сельскихъ двухклассныхъ, въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи русскаго языка и для вѣбкласснаго чтенія.

— „Читальня народной школы“, еженедѣльный журналъ, издаваемый редакціею журнала „Родникъ“. Цѣна за годъ 2 руб., съ пересылкою 3 руб., №№ 1—20. С.-Пб. 1888.“—допустить въ ученичскія библиотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе для народно-учебной библиотеки. Редакція, предисловіе и примѣчанія Н. Бунакова. Изданіе редакціи журнала „Русскій начальный учитель“. Выпускъ I. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 122 стр. Цѣна 15 коп.“—допустить въ ученичскія библиотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Dr. Павелъ Гарре. Учебникъ латинскаго синтаксиса, съ примѣненіемъ подбора таблицъ. Приспособилъ къ курсу русскихъ гимназій А. Головачевскій. Варшава. 1888. Цѣна 40 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Бонцель. Реальный латинскій словарь, съ приложеніемъ пословицъ и изреченій для I и II классовъ гимназій. Обработалъ С. Любомудровъ. Москва. 1888. Цѣна 30 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Географическое обозрѣніе Китайской имперіи, съ картою на четырехъ листахъ и пятью приложеніями въ текстѣ. З. Матусовскаго. С.-Пб. 1888. Цѣна съ картою 6 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Исторія французской литературы. Выпускъ I. Средніе вѣка. Переходное время (IX—XV столѣтія). Составлена по Demogent, Aubertin'y, Gidel'y, Littré, Lorient и другимъ. С.-Пб. 1887. Стр. X+215. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библиотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ, и учительскихъ институтовъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 8-го минувшаго сентября въ г. Елабугѣ открыто трехъ-классное, по положенію 31-го мая 1872 года, городское училище.

— Въ г. Волоколамскѣ 1-го сего сентября открыто двухклассное городское училище; таковыя же училища открыты въ Карлсгофѣ и Перновѣ въ первомъ 20-го минувшаго августа, а во второмъ 8-го сего сентября. Кромѣ того, открыты слѣдующія начальныя народныя училища, двухклассныя: Семеновское въ с. Куликовѣ, Темниковскаго уѣзда, Тамбовской губ. съ ремесленнымъ отдѣленіемъ при немъ слесарно-кузнечнаго мастерства, при 46 учащихся, въ с. Коломенскомъ, Моковской губ. и уѣзда, при 85 учащихся; одноклассныя: въ с. Кисоричахъ, Овручскаго уѣзда, Волынской губ., при 53 учащихся, въ поселеніи Кустанкѣ, Николаевскаго уѣзда, Тургайской области при 57 учащихся, въ г. Каменецъ-Подольскѣ, при 96 учащихся, инородческое въ дер. Аллагуватовой, Стерлитамакскаго уѣзда, Уфимской губ. при 17 учащихся, и приходское въ с. Дмитріевскомъ, Сыръ-Дарьинской области, при 42 учащихся.

„ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ“ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТРАТУРѢ ¹⁾.

VII.

Новѣйшіе польскіе историческіе труды объ эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой.

Возвращаемся въ польской исторіографіи, разсмотрѣніе которой мы довели до начала текущаго десятилѣтія: въ 1880 году „последнимъ словомъ“ польской исторической науки были книги профессоръ Краковскаго университета Бобржинскаго и Шуйскаго. Послѣ этихъ компендіевъ по исторіи Польши вышли въ свѣтъ два капитальные труда, прямо относящіеся къ занимающей насъ эпохѣ, именно „Четырехлѣтній сеймъ“ кс. Валерьяна Калянки и „Внутренняя исторія Польши въ царствованіе Станислава-Августа“ г. Эаддея Корзона. Разсмотрѣніе этихъ двухъ сочиненій, равно какъ еще двухъ другихъ, специально посвященныхъ эпохѣ, я выдѣляю въ особую главу, во первыхъ, потому, что въ главѣ, въ которой шла рѣчь о польской исторіографіи XIX вѣка, разсматривались главнымъ образомъ общія построенія польской исторіи, а во вторыхъ, потому, что обзору новѣйшихъ польскихъ историческихъ трудовъ по эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой мы нашли пужнымъ предислать болѣе или менѣе подробный очеркъ того, что сдѣлано было по тому же вопросу иностранными и русскими учеными. Одна изъ особенностей современныхъ польскихъ историковъ въ сравненіи съ прежними заключается въ томъ, что они уже менѣе игнорируютъ историческіе труды, написанные не по

¹⁾ *Продолженіе.* См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

польски, а это, понятное дѣло, не могло не отразиться выгоднымъ образомъ на новѣйшихъ польскихъ историческихъ работахъ: новые методы, новыя данныя, новые взгляды, съ какими современные польскіе историки, безъ различія школъ, знакомились у чужихъ писателей, должны были расширить умственный кругозоръ этихъ историковъ и ввести въ ихъ изслѣдованія болѣе научнаго духа. Пренные историки, описывая послѣднія времена Рѣчи Посполитой, были прежде всего патріотами, у которыхъ на первомъ планѣ—чувство, настроеніе, тогда какъ теперешніе прежде всего хотятъ быть настоящими учеными, стремящимися къ объективной истинѣ. Объ этомъ говорятъ и сами историки; это отмѣчаютъ и ихъ критики.

„Вѣроятно“, говоритъ, на примѣръ, профессоръ Павиискій въ своей рецензіи сочиненія г. Корзона о внутреннемъ состояніи Польши въ царствованіе Станислава-Августа,—„вѣроятно, не такъ скоро у насъ выступитъ на арену историкъ, который отважился бы добиваться пальмовой вѣтви за дѣльный образъ Польши въ послѣднихъ годахъ ея политическаго существованія. Не предвосхищая однако суда надъ будущагошю попытокъ въ этомъ направлеши, приходится только отмѣтить, какъ явленіе, не лишнее высшаго значенія, то, что за подобное дѣло теперь начинаютъ браться, что въ первый разъ рѣшились приступить къ серьезному и научному разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ. Труднѣе всего начало. Но разъ вопросъ выступитъ на поле публичнаго обсужденія, постепенно будутъ являться все новыя и новыя попытки разрѣшенія этой историко-философской задачи. Одно поколѣніе за другимъ будетъ постоянно возвращаться къ этому вопросу и все глубже и глубже проникать своимъ взоромъ въ тайники тѣхъ судебъ, которыя приготовили государству политическую кончину, все яснѣе и яснѣе понимать долговременный процессъ разложенія и слабую завязь возрожденія“¹⁾. „Хотя и печальна“, говоритъ тотъ же авторъ, въ другомъ мѣстѣ своей рецензіи,—„хотя и горька исторія паденія, ничто не должно удерживать нашихъ историковъ, оживленныхъ духомъ своего великаго призванія, отъ исканія и глашенія истинны“²⁾. Между тѣмъ это исканіе истины относительно паденія Польши затрудняется для польскихъ историковъ весьма многими причинами. „Ни одинъ пе-

¹⁾ *A. Gawinski. Z piśmictwa historycznego (Dział literacki Kraju, 1885. № 44, стр. 25).*

²⁾ *Ibid., № 47, стр. 26.*

ріодъ нашего историческаго прошлаго¹⁾, говоритъ анонимный рецензентъ второй половины II тома „Четырехлѣтнаго сейма“ кс. Калинки, — „не былъ предметомъ столь разныхъ и между собою противорѣчивыхъ сужденій и такого количества пристрастныхъ обработокъ, какъ исторія Польши при Станиславѣ - Августѣ. Выходили изъ границъ въ обонхъ направленіяхъ, какъ въ похвалахъ, такъ и въ порицаніяхъ. Одни событія и лица превозносились до не заслуженной высоты, другія принимались безъ добросовѣстнаго изслѣдованія и безъ спокойствія, необходимаго каждому судѣ, а особенно судѣ прошлаго“¹⁾).

Это стремленіе польскихъ историковъ къ большей научности началось, конечно, не со вчерашняго дня.—Въ настоящей главѣ, кромѣ указанныхъ трудовъ кс. Калинки и г. Корзона, намъ придется имѣть дѣло съ однимъ болѣе раннимъ (1868 г.) сочиненіемъ перваго изъ названныхъ авторовъ и съ работой извѣстнаго польскаго писателя И. I. Крашевскаго, относящейся къ первой половинѣ семидесятихъ годовъ. Мы и начнемъ свой обзоръ новѣйшей литературы по исторіи паденія Польши съ сочиненія послѣдняго писателя, нарушая такимъ „образомъ хронологію ради того, чтобы потомъ рассмотретьъ вмѣстѣ и болѣе раннюю, и болѣе позднюю работы Калинки.

Сочиненіе Игнатія Юсіфа Крашевскаго „Польша въ эпоху трехъ раздѣловъ“, обозначенное самимъ авторомъ, какъ „этюды по исторіи духа и нравовъ“²⁾, вышло въ свѣтъ въ Познани въ трехъ томахъ, при чемъ первый былъ помѣченъ 1873 годомъ, а третій—1875. Въ первомъ томѣ Крашевскій разсматриваетъ исторію Рѣчи Посполитой отъ перваго раздѣла до четырехлѣтнаго сейма (1772—1787), во второмъ доводитъ ее до конституціи 3-го мая (1788—1791), а въ послѣднемъ—до конца прошлаго столѣтія (1791—1799).

Въ предисловіи къ своему труду знаменитый польскій писатель возражаетъ на то мнѣніе, по которому народъ будто бы имѣетъ право переѣлывать свою исторію сообразно съ потребностями минуты: самъ онъ оправдываетъ переработку исторіи только въ виду расширяющагося умственнаго горизонта и накопляющагося матеріала, который прежде оставался неизвѣстнымъ³⁾. Именно ради отысканія истины, а не ради служенія „злѣбъ дня“, и предпринялъ Крашевскій свою работу объ

¹⁾ *Kwartalnik historyczny*. 1887. I, 121—122.

²⁾ *J. I. Krasszewski*. *Polska w czasie trzech rozbiorów (1772—1799)*. *Studia do historii ducha i obyczaju*. Poznań. 1873—1875.

³⁾ *Ibid.*, I, стр. V.

эпохѣ раздѣловъ. „Эта эпоха“, говоритъ онъ, — „многokrатно и разно-сторонне разработывалась немалымъ количествомъ писателей; за нее брались, какъ за любопытный предметъ, всматриваясь въ нее съ разныхъ сторонъ, пробуя на ней перо и изощряя остроуміе. Даже чужеземцы, какъ Рюльеръ, Ферранъ, Раумеръ, Зибель, Смиттъ, Германъ, а недавно Бееръ охотно брали время упадка и раздѣла Польши, какъ предметъ для исчерпывающихъ вопросовъ работъ. Меньшаго размѣра сочиненій, взглядовъ, воспоминаній, разсужденій относительно этой эпохи число безконечно велико. Матеріалъ накопленъ и по сей день накапливается такой обильный, что его можно было бы назвать черезъ-чуръ богатымъ, еслибы когда-нибудь историкъ могъ считать за бремя для себя обиліе данныхъ. Изъ новѣйшихъ работниковъ у насъ писали объ этой эпохѣ, болѣе или менѣе исчерпывая предметъ, Шмиттъ, Шуйскій, Вегнеръ, Моравскій, Калининъ. Если прибавить къ этому свѣтъ, который бросаютъ на эпоху мемуары Огинскаго, Нѣмцевича, Кятовича, Выбицкаго, Кялинскаго, Мощенскаго, Космоскаго, Заюнчика и многихъ другихъ, то казалось бы, данный историческій моментъ долженъ былъ бы быть намъ достаточно извѣстнымъ и не требовать новаго изображенія. Этого однако нѣтъ. Все это, конечно, весьма цѣнный матеріалъ, подготовительная работа, а все-таки мы не имѣемъ еще полной картины времени, столь любопытнаго во всѣхъ отношеніяхъ, и не скоро будемъ ее имѣть. Съ каждою минутой отыскиваются новые матеріалы, свѣтъ увеличивается, много прежнихъ приговоровъ о людяхъ и дѣлахъ рушится; эта исторія для насъ не можетъ назваться вполне ясною и законченною. Однако и то, что добыто столѣтнею работою, дозволяетъ представить нѣкоторый цѣльный очеркъ, сдѣланный безпристрастнымъ перомъ во имя истины и ради нашего поученія. Двоимъ образомъ“, продолжаетъ Крашевскій, — „писали исторію этого времени, — какъ апологію погубленной Польши, или какъ страстную и злобную по отношенію къ намъ защиту тѣхъ, которые хотѣли оправдаться въ совершенномъ ими насиліи, но полной, безпристрастной правды никто не хотѣлъ или вѣрнѣе не могъ написать. Дѣти, еще огорченныя, не хотѣли обвинять отцовъ; потомки виновниковъ не хотѣли признаніемъ въ грѣхѣхъ порицать тѣхъ, отъ коихъ получили тяжкое наслѣдство сдѣланной несправедливости. Теперь, — теперь мы нѣсколько поостыли, печальная эпоха уже достаточно отъ насъ отдалилась для того, чтобы мы могли обозрѣть ее, взявъ въ цѣломъ, — и на столько мы созрѣли, что уже должны снести правду, хотя горькую и печальную.

Этой-то правды и искалъ авторъ настоящей картины, особенно въ лучшемъ знакомствѣ съ внутренними отношеніями страны, и хотя бы, какъ человѣкъ, онъ нашелъ только часть правды и лишь частицу ея изобразилъ, работа эта всегда себя вознаграждаетъ¹⁾). Въ своемъ трудѣ Крашевскій обратилъ главное вниманіе на внутреннюю исторію: прежніе историки, говоритъ онъ,—очень заботливо описывали, что дѣлалось внѣ Польши, въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ или въ кабинетѣ посла и въ замкѣ у короля въ то время, когда четвертовали Польшу,—мы слишкомъ мало видѣли и знаемъ, что дѣлалось въ самой странѣ²⁾ и т. д.³⁾). Свое изложеніе онъ группируетъ около рѣшительныхъ моментовъ въ жизни націи, каковыми считаетъ первый раздѣлъ, „годину самага печальнаго и позорнаго паденія“, четырехлѣтній сеймъ, „богатырское напряженіе силъ возрождавшейся Польши“, возстаніе Костюшки⁴⁾). Въ основу труда положенъ былъ, какъ печатный матеріалъ, бывшій извѣстнымъ ранѣе, хотя и не всегда обращавшій на себя должное вниманіе, такъ и матеріалъ рукописный, изъ коего многое, кажется, и до сихъ поръ остается не изданнымъ⁴⁾). Судя по предисловіямъ автора къ двумъ другимъ томамъ, его трудъ не вызвалъ въ свое время сколько-нибудь серьезныхъ критическихъ статей, а газетные рецензенты были въ общемъ расположены къ труду далеко не такъ, какъ этого можно было ожидать при громадной популярности, какою пользуется имя Крашевскаго въ польскомъ обществѣ, и при несомнѣнныхъ достоинствахъ самага труда. Въ этомъ отношеніи историки восьмидесятихъ годовъ, писавшіе о послѣднихъ временахъ Рѣчи Посполитой, то-есть, кс. Калинка и г. Корзонъ, были гораздо счастливѣе: ихъ сочиненія быстро разошлись, вызывая множество статей, подписанныхъ именами извѣстныхъ историковъ.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе всего богатаго содержанія трехъ томовъ Крашевскаго по внутренней, культурной и соціальной исторіи Польши въ эпоху трехъ раздѣловъ, мы остановимся преимущественно на общихъ идеяхъ знаменитаго писателя, какъ и на ясно имъ выраженныхъ, такъ и на тѣхъ, которыя такъ сказать, извлекаются изъ книги самимъ читателемъ. Что касается до фактическаго содержа-

¹⁾ Ibid., VI и VII.

²⁾ Ibid., IX.

³⁾ Ibid., X.

⁴⁾ Ibid., XI.

нія, то къ нему долженъ будетъ обращаться вслѣдъ историкъ, занимающійся эпохой паденія Рѣчи Посполитой: въ сочиненіи есть кое-что такое, что впервые въ немъ увидѣло свѣтъ, но если даже и согласиться съ однимъ изъ рецензентовъ перваго тома, замѣтившимъ, что въ немъ нѣтъ ничего новаго, то и на это можно отвѣтить словами самого Крашевскаго „вѣдь и извѣстный матеріалъ дѣлается новымъ, когда его такъ или иначе сопоставляютъ и имъ пользуются“¹⁾.

Сочиненіе Крашевскаго охватываетъ всю эпоху въ дѣломъ рядѣ очерковъ повѣствовательнаго и описательнаго характера²⁾, и, быть можетъ, самое важное въ немъ то, что авторъ дѣлаетъ обширныя выдержки изъ разнаго рода памятниковъ, характеризующія внутреннюю жизнь Польши во всѣхъ отношеніяхъ: свидѣтельства иностранцевъ и поляковъ, современныя брошюры, сохранившіяся изъ той эпохи письма, тогдашнія литературныя произведенія, позднѣйшія воспоминанія и т. д. были матеріаломъ, изъ коего черпалъ Крашевскій или конемъ пользовался непосредственно, то-есть, приводя изъ него извлеченія большаго или меньшаго размѣра. Въ этомъ отношеніи читатель, желающій въ одной книгѣ имѣть какъ можно больше подобныхъ свидѣтельствъ изъ эпохи паденія Рѣчи Посполитой, долженъ обратиться къ „Polsce w czasie trzech rozbiorów“, какъ для челоуѣка, знающаго только по нѣмецки, лучше всего будетъ въ такомъ случаѣ познакомиться съ книжкой фонъ-деръ Брюггена, а для знающаго только по русски—съ сочиненіемъ Костомарова. Нельзя однако не упомянуть, что по количеству и полнотѣ бытоваго матеріала трудъ Кра-

¹⁾ Ibid., т. II. Słowo wstępne, V.

²⁾ Вотъ перечень содержанія по главамъ. Томъ I. 1. Вступленіе (общаго характера). 2. Польша передъ раздѣломъ (1764—1772). 3. Геневскія раздѣла. 4. Сеймъ и делегация (1772—1775). 5. Свѣтъ и тѣни (дѣла и люди 1776—1777 гг.). 6. Король и край (1778—1779). 7. Тавенгаусъ и Замоискій (1780—1781). 8. Сеймъ и дѣло Солтыка (1782—1783). 9. Дѣло Угрюмовой. „Uwagi“ Станисла (1784—1785). 10. Сеймъ. Съездъ въ Каневѣ (1786—1787). 11. Литература (1775—1787). Томъ II. 1. Сцена и актеры (1788). 2. Борьба (1788). 3. Проволочки (1788). 4. Казно и войско (1789). 5. Столица и люди. Мозавка (1790). 6. Сеймъ и прусскій союзъ. 7. Король съ народомъ, народъ съ королемъ (1 янв.—3 мая 1791 г.).—Томъ III. 1. Польша и сосѣднія государства (1791). 2. Сеймъ и страна (1791—1792). 3. Май и Тарговица (1792). 4. Князь Юскевъ и Костюшко (1792). 5. Тарговицане (1792). 6. Последнія минуты Тарговицы (1792). 7. Последній сеймъ Рѣчи Посполитой (1793). 8. Краковъ и Варшава (1794). 9. Костюшковское возстаніе (1794). 10. Осада Варшавы, Мацѣвкцы и Прага (1794) 11. На могилкахъ (1795—1799).

шевскаго превосходитъ объ названія работы. За то разсматриваемый писатель не особенно щедръ на обобщенія своего матеріала, на подведеніе итоговъ подъ сообщенными фактами, однимъ словомъ, на разсужденія и соображенія болѣе общаго характера: онъ былъ болѣе художникомъ, нежели мыслителемъ, а потому пользовался своимъ матеріаломъ преимущественно для разказа и описанія, долженствовавшихъ воскресить передъ глазами читателя Польшу, какою она была сто лѣтъ тому назадъ, а не для общихъ выводовъ, формулировать которые ставитъ себѣ задачею философствующій историкъ или политикъ. Однимъ словомъ, въ изложеніи Крашевскаго мало того, что французы называютъ „histoire raisonnée“, вслѣдствіе чего и въ нашемъ обзорѣ главнымъ образомъ именно общихъ историческихъ взглядовъ приходится дѣлать сравнительно мало выдержекъ изъ такого большаго труда. Мало того: иногда мысль автора просто бываетъ неясна, потому что приговоръ его двоятъ, и, напримѣръ, старое шляхетское общество то рисуется у него симпатичными чертами за свою религиозно-рыцарскую патріархальность, противопоставляемую „европейской порчѣ“, внесенной французскимъ образованіемъ, то, на оборотъ, изображается коснѣющимъ въ средневѣковомъ состояніи, отсталымъ отъ общаго движенія вѣка, такъ что читатель недоумѣваетъ, пала ли Польша, по мысли Крашевскаго, вслѣдствіе своей измѣны старинѣ или вслѣдствіе своей отсталости. Наконецъ, тамъ, гдѣ онъ излагаетъ свою философію польской исторіи, его мысль тоже пужно скорѣе угадывать, и отличительною чертой этой мысли является склонность къ идеализаціи польской исторіи и польскаго быта.

Въ самомъ началѣ своего труда Крашевскій говоритъ о миссіи (posłannictwie) Польши быть посредницей и примирительницей между двумя мірами, между Западомъ и Востокомъ: какъ исполнила Польша свое посланничество, говоритъ онъ,—это другой вопросъ, но миссію эту Польша имѣла ¹⁾. Опредѣленнѣе свою мысль онъ выражаетъ такимъ образомъ: „Здѣсь восточный абсолютизмъ переплетался съ западнымъ стремленіемъ къ свободѣ, ища формы примиренія. Задачею Рѣчи Посполитой было сочетать (ześlubić) монархическую власть съ республиканскою идеею“ ²⁾. Авторъ хочетъ видѣть выполненіе этой задачи, стремленіе къ этой цѣли во всей польской исторіи и трудностью самаго дѣла объясняетъ то, что по внѣшности (na rozór)

¹⁾ Ibid., I, 4—5.

²⁾ Ibid., I, 5.

польская жизнь была „героически безладною“. Здѣсь же, въ такой идеѣ онъ находитъ и утѣшеніе: „Не слѣдуетъ“, говоритъ онъ, — „предавать проклятію прошлое и называть несчастнымъ то, что было, такъ какъ это было необходимо. Мы жили для миссіи, наложенной на насъ закономъ нашего бытія, и на сколько у насъ еще осталось этой идеи, столько и теперь въ насъ есть жизни“¹⁾. „Польская идея“, продолжаетъ Крашевскій, — „возникла непосредственно изъ природы націи и страны, которую она населяла. Страна эта представляла собою окраину славянины, выдвинутую на границы, гдѣ послѣдняя соприкасалась съ германскимъ племенемъ. Съ другой стороны направили на эту землю племена славянскія, смѣшавшіяся съ монгольскими и проникшіяся азиатскимъ духомъ (pađ azyatucki pioŝace). Несомнѣнно, ея призваніемъ было переносить на востокъ западную цивилизацію и подчинять себѣ славянско-монгольскія (slci) племена, чтобы втянуть ихъ въ работу прогресса“²⁾. Въ двойной борьбѣ: съ вѣщими изъ-за земли, съ славянами изъ-за могущества — Польша не всегда была счастлива, но самымъ счастливымъ фактомъ, по Крашевскому, было соединеніе съ Русью и Литвою. Три соединенныя народности, временно сломивъ силу германизма, „естественно“, говоритъ онъ, — „должны были вступить въ борьбу или въ союзъ съ монгольской (!) Русью, ибо безъ ея уничтоженія не могли исполнить своей миссіи“. При Сигизмундѣ III Москва была въ рукахъ поляковъ, но они не сумѣли или не смогли въ ней удержаться, и тутъ рѣшились судьбы Рѣчи Посполитой. „Сокрушеніе московской силы было условіемъ дальнѣйшаго шествія. Отступая передъ этимъ, Польша подписывала собственный приговоръ: паденіе ея было только вопросомъ времени“. Въ этомъ апіорномъ построеніи польской исторіи попадаются, однако, вѣрныя замѣчанія: указывая на то, что въ XVII вѣкѣ Польшѣ повредила ея католическая нетерпимость, Крашевскій вспоминаетъ, что въ XV вѣкѣ поляки изъ-за гуситства чеховъ оттолкнули ихъ отъ себя, какъ въ XVII вѣкѣ іезуиты испортили отношенія къ Москвѣ. „Два раза“, говоритъ онъ, — „мы падали жертвою нашей слѣпой вѣрности Риму, не считая того, что мы восприняли присущіе ему божанъ свѣта, науки и фанатизмъ, понемногу прививая послѣдній и къ нашей политикѣ“³⁾. Между

¹⁾ Ibid., I, 6.

²⁾ Ibid., I, 7.

³⁾ Ibid., I, 8. Польша гораздо чаще, собственно говоря, падала жертвою своей слѣпой привязанности къ Риму, о чемъ см. въ нашей статьѣ „Новѣйшая польская исторіографія“, стр. 566—574, то-есть, всю главу V.

тѣмъ, продолжаетъ авторъ свои соображенія, — „Москва инстинктивно чувствовала, что съ Запада должны были придти къ ней жизнь и свѣтъ, что поляки преграждаютъ дальнѣйшее шествіе“, и потому, думаетъ онъ, всею своею тяжестью она должна была налечь на Польшу, въ которой происходила внутренняя борьба. „Въ этихъ самыхъ условіяхъ нападевій, насилія, внутренняго раздора сословій, вѣрз, идей (и народностей, долженъ былъ бы еще прибавить Крашевскій), можетъ быть, и никакой другой народъ не устоялъ бы. Смѣялись надъ этою варварскою республикой, одѣтою по турецки, шебечущею по французски, риторствующею по латыни, въ городахъ нѣмецкою, на границахъ русскою, у Балтійскаго моря литовскою, въ Пруссіи германскою, надъ этою республикой, которую несли на своихъ плечахъ небольшое число магнатовъ и гораздо большее—шляхты, смѣялись надъ этимъ страннѣмъ произведеніемъ вѣковъ, задирали его, нападали на него, а одолѣть его было нельзя. Не находили его ахиллесовой пяты... Пробовали оружіемъ и потоками крови, но вырастали новыя головы; пробовали измѣной, но она не хватала крѣпкаго тѣла. Явились внутреннія порча и гниль, и онъ-то съѣлъ, какъ ржавчина, если не всю Польшу, то ея верхи“¹⁾).

Дошедши въ этомъ обзорѣ всей польской исторіи à vol d'oiseau до эпохи раздѣловъ, Крашевскій такъ представляетъ русскую политику въ этомъ дѣлѣ: „Россія не справилась съ своею миссіей, ибо должна была стремиться добыть всю Польшу и соединить себя съ нею, а она дала ее разорвать... Не будучи въ состояніи поглотить ее сразу, не умѣя ждать, не чувствуя въ себѣ достаточно силы, Россія допустила враговъ своихъ и враговъ Польши, пѣмцевъ, къ раздѣлу“. Что касается до внутреннихъ причинъ паденія Польши, то Крашевскій затрудняется ихъ опредѣлить. „Трудно обозначить“, говоритъ онъ самъ, — „причины этого паденія и ослѣпленія цѣлаго народа, которое не позволяло ему видѣть опасность и вѣрять въ предсказанія о ней. Духъ народа былъ слишкомъ благороденъ, чтобы повѣрить подкапывающейся подъ него мерзости, чтобы даже ее допустить. Мы вѣрили въ слова, никогда не домышляясь, соотвѣтствовала ли имъ сущность фактовъ. Мы шли за великимъ знаменемъ съ изображеніемъ орла, когда говорили, что мы идемъ на зло и фальшь,.... а фальшь и зло заслонялись отъ насъ складками этого знамени. Идеалисты, мы были слѣпы оттого, что смотрѣли на солнце. Во имя

¹⁾ *Kraszewski*. I, 9.

громкихъ фразъ насъ можно было довести до гибели" ¹⁾). Любопытно еще, что и въ общемъ изображеніи Рѣчи Посполитой XVIII в. авторъ ея подробнаго описанія находитъ весьма многое для своей идеализаціи. Онъ говоритъ о „католической или, лучше сказать, чисто христіанской религіозности шляхты“, о старомъ патріархальномъ складѣ хлопско-шляхетскихъ отношеній, „который вовсе не былъ столь тяжелымъ, какъ казался издали" ²⁾). Любопытно и то, что онъ часть вины внутренняго разложенія приписываетъ французскому образованію, приносившему съ собою „космополитизмъ, любовь къ великой монархіи, Семирамидѣ сѣвера, обожаніе короля-философа, можетъ быть, позднѣе даже симпатію для цесаря-реформатора. Для офранцузившихся“, прибавляетъ онъ еще,—гдѣ только „раздавался этотъ языкъ, было отечество, и они даже могли безъ угрызения совѣсти продать свое тому, кто заговаривалъ съ ними по французски" ³⁾). Симпатіи автора на сторонѣ старой шляхты, не тронутой французскою культурой, на сторонѣ старой польской жизни, этой, „полной красокъ, прелести, фантазій, картины“, которая стала блѣднѣть при Станиславѣ-Августѣ. „Послѣднею пѣснью шляхетской Рѣчи Посполитой былъ" для Крашевскаго „гимнъ барскихъ конфедератовъ. Съ ними пала старая, католическая и рыцарская Польша, и на ея развалинахъ развѣвались уже новыя знамена". Девять вѣковъ, говоритъ онъ еще,—отстраивалась Польша: прошлое столѣтіе стало ее подмывать, подскребать, подтесывать и, передѣлывая, валить ⁴⁾). Однако, когда ему приходится указывать на причины внутренняго ослабленія Польши, онъ видитъ одну изъ нихъ въ коснѣніи на средневѣковомъ бытѣ, хотя и тутъ находитъ кое-что, служащее прославленію шляхетства, признаннаго неспособнымъ управлять Рѣчью Посполитой: „Политика благородства и добросовѣстности, которою всегда отличалась Польша въ публичныхъ дѣлахъ, была бессильна противъ макіавелизма кабинетовъ, дѣйствовавшихъ коварствомъ и интригой" ⁵⁾). Разказывая и упомывая о барской конфедераціи, онъ также отмѣчаетъ симпатичныя ему черты стараго шляхетскаго и католическаго рыцарства, не тронутого еще „европейской порчей" ⁶⁾).

¹⁾ Ibid., I, 10.

²⁾ Ibid., I, 13.

³⁾ Ibid., I, 14.

⁴⁾ Ibid., I, 16—17.

⁵⁾ Ibid., I, 23.

⁶⁾ Ibid., I, 35—36, особенно 65.

Еще болѣе поводовъ для идеализаціи даютъ ему тѣ моменты въ жизни Польскаго государства за время трехъ раздѣловъ, которые могутъ быть названы болѣе свѣтлыми, хотя бы строгая критика и въ нихъ находила мрачныя стороны или политическія ошибки. Крашевскій, гдѣ только представляется случай, говорить о возрожденіи націи послѣ перваго раздѣла, прославляетъ четырехлѣтній сеймъ и конституцію 3-го мая и т. д., но при этомъ либо самъ дѣлаетъ оговорки, ослабляющія его склонность къ оптимистическимъ взглядамъ, либо своимъ отношеніемъ къ тому или другому затронутому имъ вопросу даетъ право думать читателю, что на образованіе такихъ взглядовъ оказывали болѣе вліянія воображеніе и чувство, нежели анализъ фактовъ и критическая мысль. Эту сторону его труда мы теперь вкратцѣ и рассмотримъ.

Опредѣляя причины внутренняго безсилія Польши, Крашевскій прежде всего говоритъ о неспособности шляхты управлять государствомъ вслѣдствіе ея отсталости и привычной ей „политики благородства и добросовѣстности“, безсильной противъ макиавелизма ¹⁾. Впрочемъ, шляхта только по видимому была правящимъ классомъ: „Рѣчь Посполитая покоилась на рукахъ нѣсколькихъ вельможныхъ родовъ, которые ссорились между собою изъ-за преобладанія и значенія, и на нихъ-то“, прибавляетъ историкъ, — „падаетъ большая часть отиѣтственности за несчастія націи“ ²⁾. Къ этимъ вельможнымъ фамиліямъ относится главнымъ образомъ и упрекъ въ деморализаціи, которая овладѣла поляками ³⁾. Зерно націи (= шляхты) было здоровое и способное къ тому, чтобы выйдти изъ униженія, въ какое ее повергла „европейская порча“ магнатовъ. Крашевскій съ особымъ интересомъ слѣдитъ за проявленіями возрожденія. Онъ смотритъ на эпоху 1772—1775 гг. какъ на самую печальную, какъ на полнѣйшее проявленіе порчи, хотя въ этомъ глубочайшемъ паденіи уже начинается возрожденіе. Совершенно вѣрно характеризуетъ онъ тогдашній патріотизмъ, „если только еще въ комъ-нибудь онъ существовалъ“: это, по его словамъ, „была любовь не къ отечеству, но къ золотой вольности, страстная привязанность къ шляхетскому господству и старому порядку“ ⁴⁾. Прослѣдивъ, какіе успѣхи сдѣлала Польша за пятнадцать лѣтъ послѣ

¹⁾ Ibid., I, 23.

²⁾ Ibid., I, 24.

³⁾ Ibid., I, 64, sq., 72, 144, 160, 453.

⁴⁾ Ibid., I, 67. Объ этой эпохѣ см. главу 4-ю перваго тома, стр. 71 sq.

перваго раздѣла, авторъ отмѣчаетъ, что новаторское движеніе въ Рѣчи Посольской передъ 1788 г. стоитъ въ связи съ готовившимся во Франціи взрывомъ ¹⁾, и что вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннее настроеніе польскаго общества совершенно измѣнилось. Къ указанію на это Крашевскій возвращается нѣсколько разъ, хотя болѣею частью ему приходится дѣлать при этомъ оговорки и ограниченія. Напримѣръ, пятая глава втораго тома, цѣлкомъ посвященная четырехлѣтнему сейму, начинается такими словами: „Сеймъ табулся уже (въ 1790 г.) съ 1788 года и измѣнилъ совершенно не только политическія отношенія страны, но почти и все общество. Правда, не могло оно избавиться отъ своего характера и легкомыслія, но мысли и стремленія, нѣ овладѣвшія, подверглись совершенному измѣненію“ ²⁾. На слѣдующей страницѣ онъ опять говоритъ: „Съ 1775 г. общество облагородилось, усилилась любовь къ отечеству, увеличилась готовность жертвовать; только, къ сожалѣнію, нравы не могли особенно измѣниться. Однако когда нація ставитъ на своемъ алтарѣ идеалы и нимъ поклоняется, это есть признакъ того, что она къ нимъ стремится. Не въ человѣческихъ силахъ перерожденіе общества въ одинъ день“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ, отмѣчая большую силу и важное значеніе вліянія, какое оказывалъ четырехлѣтній сеймъ на понятія и чувства націи, онъ оговаривается однако, что сдѣлано было мало, и что только въ будущихъ поколѣніяхъ могли обнаружиться настоящіе плоды этого вліянія ⁴⁾. Общее отношеніе Крашевскаго къ четырехлѣтнему сейму сочувственное, хотя онъ и не закрываетъ глаза на его ошибки: сеймъ способствовалъ нравственному подъему націи ⁵⁾.

Въ своемъ сочиненіи Крашевскій является однимъ изъ сторонниковъ конституціи 3-го мая. Пятую главу втораго тома, гдѣ изображается состояніе государства и общества въ 1791 г., онъ заканчиваетъ словами о необходимости *соур d'état*. По его мнѣнію, послѣдній былъ совершенъ поздно; его нужно было сдѣлать не въ 1791 г., а въ 1789 г., съ устраненіемъ формальностей, чтобы получить наконецъ устройство для страны, „не взирая на крики и угрозы, не уважая до такой степени формъ, чтобы спасти сущность“ ⁶⁾. Въ

¹⁾ Ibid., I, 451.

²⁾ Ibid., II, 239.

³⁾ Ibid., II, 240.

⁴⁾ Ibid., II, 367.

⁵⁾ Ibid., II, 445—447.

⁶⁾ Ibid., II, 293.

седьмой главѣ того же тома, излагающей событія первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1791 г. по 3-е мая включительно, онъ говоритъ, что у конституціи ничего не отнимаетъ ея введеніе посредствомъ государственнаго переворота: „въ одномъ только“, прибавляетъ онъ, — „можно упрекнуть національную партію, это въ томъ, что она не сдѣлала переворота смѣлѣе и раньше. Тамъ, гдѣ свободно могли распространяться самыя позорныя интриги, гдѣ безнаказанно нападали на земскихъ пословъ съ оружіемъ въ рукахъ, гдѣ продажность была явною, коварные замыслы не дозволяли доводить до конца совѣщанія, нужно было искать спасенія отечества хотя бы въ такомъ насильственномъ шагѣ, вполне оправдываемомъ силою обстоятельствъ и потому не нуждающемся въ оправданіи“¹⁾. О самой конституціи 3-го мая Крашевскій высказываетъ такое мнѣніе: „Въ виду того, что дѣлалось во Франціи, чѣмъ волновались умы въ Европѣ, нельзя не оцѣнить необыкновенной умѣренности, сдержанности (*wstrzeźliwość*) конституціи, сообразованной скорѣе съ потребностями, нежели съ доктринами вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрпой великимъ и вѣчнымъ принципамъ справедливости“²⁾. Самую конституцію онъ лишь слегка очерчиваетъ, но гораздо больше говоритъ о томъ, какъ къ ней относились съ разныхъ сторонъ. Собранные отзывы интересны, но въ собственномъ судѣ историка больше чувства, вызваннаго воображаемыми отношеніями того времени и дѣйствительными позднѣйшаго, нежели ясной мысли, добытой путемъ историческаго вслѣдованія. „Инстинктъ народа, признаніе потомства“, оправдываетъ Крашевскій конституцію отъ сдѣланныхъ ей упрековъ, — „окурили ее ореоломъ и сдѣлали изъ нея какъ бы путеводную звѣзду въ дальнѣйшихъ судьбахъ. То, чего въ ней не доставало, лежало зерномъ и зародышемъ въ глубинѣ (?). Она осталась въ пѣснѣ, въ груди, въ воспоминаніяхъ, какъ лучезарное мгновенье, какъ цвѣтъ жизни съ самыми благородными ея красками. На морщинистое лицо Рѣчи Посполитой она клада новое, юношеское обличіе. Историкъ все это долженъ включить въ счетъ прошлаго, зло и добро, критику и апологію, но послѣдній безпристрастный судъ совпадаетъ съ приговоромъ общества. *Vox populi—vox Dei*. Спасеніе Польши въ условіяхъ, въ какихъ она находилась, быть можетъ, было уже невозможностью, но передъ гибелью лучше было дать столь прекрасный и благородный, столь смѣ-

¹⁾ Ibid., II, 404.

²⁾ Ibid., II, 416.

мый и внѣшскій признакъ жизни, нежели замерѣть и пасть въ попыткахъ спасти себя униженіемъ и подлостью. Уставъ 3-го мая остается какъ бы завѣщаніемъ Рѣчи Посполитой польской внѣшески, можетъ быть, неразумительнымъ, но внѣшески благороднымъ, великимъ и достойнымъ уваженія. Польша, благодаря ему, вписалась въ книгу исторіи достойною своего прошлаго, съ протестомъ противъ господства силы надъ правомъ, пасилія надъ духомъ, и если мы чѣмъ еще живемъ, то наслѣдіемъ идей и чувствъ четырехлѣтняго сейма и той святой години безумія (szaleń), которая создала уставъ 3-го мая¹⁾. Такимъ образомъ для Крашевскаго эта конституція не историческій фактъ, требующій научнаго анализа, а пѣчто такое, чтó въ силу историческихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ появленіе на свѣтъ и дальнѣйшую судьбу „ustawy 3 maja“, сдѣлалось національнымъ и патріотическимъ символомъ, предметомъ своего рода религіи и поэзіи. Тѣ же оговорки, ослабляющія значеніе совершавшагося въ Рѣчи Посполитой возрожденія, и то же болѣе поэтическое, идеализирующее, нежели историческое, критикующее отношеніе къ этому возрожденію представляются намъ и въ изложеніи дальнѣйшихъ событій эпохи двухъ послѣднихъ „разборовъ“ Польши, хотя отдѣльными замѣчаніями объ явленіяхъ характера довольно общаго ему приходится сильно умалить значеніе фактовъ, напрашивавшихся на патріотическую идеализацію. Второй томъ „Polski w czasie trzech rozbiogów“, доведенный до конституціи 3-го мая, оканчивается такими словами: „Подъ возрастающимъ вліяніемъ идей и чувствъ (посѣянныхъ сеймомъ) Польша имѣла передъ собою еще цѣлый годъ, одинъ изъ наиболѣе богатыхъ все болѣе и болѣе умножавшимися проявленіями любви къ отечеству, готовности посвятить ему себя и пожертвовать ему всею“²⁾. Эти слова давали знать читателю, какъ будутъ разсматриваться въ третьемъ томѣ событія, предшествовавшія второму раздѣлу Рѣчи Посполитой.

Третій томъ своего труда Крашевскій начинаетъ съ указанія на то, что во всемъ поведеніи поляковъ той эпохи было много героизма, но мало предусмотрительности³⁾, и это одно должно ослабить значеніе конституціи 3-го мая. Другая ошибка была та, что страна не вооружалась на защиту новой конституціи, хотя уже предвидѣла

¹⁾ Ibid., II, 443—444.

²⁾ Ibid., II, 447.

³⁾ Ibid., III, 5 sq.

оппозицію: Крашевскій объясняетъ это боязнью, какъ бы при вооруженіи шляхты и мѣщанъ не случилось того, что происходило во Франціи, гдѣ „толпы“ не хотѣли повиноваться и сами господствовали надъ народными представителями. „Поэтому страна, духовно готовая, не была вооружена“ ¹⁾. За то правднествъ въ честь новаго „устава“ была масса ²⁾, и въ этомъ, равно какъ и на словахъ, главнымъ образомъ и выражался патріотическій пылъ къ конституціи, о возрастаніи коего говоритъ авторъ ³⁾. Между тѣмъ оппозиція противъ 3-го мая возросла въ цѣлую конфедерацію, которой Россія оказала поддержку. „Въ національныхъ традиціяхъ“, говоритъ Крашевскій, — „удержалось ошибочное мнѣніе, будто тарговицкая конфедерація продала край. Она содѣйствовала его гибели, была ея орудіемъ, но не для денегъ, не для наживы отправлялись въ Петербургъ, движимые мстью и необузданнымъ честолюбіемъ, Ржевускій, Потоцкій и Браницкій“ ⁴⁾. Достаточно было возникновенія этой конфедераціи, чтобы произвести переполохъ въ высшихъ сферахъ въ Варшавѣ, и многіе думали только о собственномъ спасеніи ⁵⁾. Но, замѣчаетъ авторъ, — „настроеніе въ Варшавѣ было хорошее (то-есть, въ массѣ), можно было имъ воспользоваться, и еслибы у короля было болѣе рѣшительности и энергіи, охотники посмѣлись бы со всѣхъ сторонъ“ ⁶⁾. Такимъ образомъ козломъ отпущенія является Стапиславъ Августъ, точно онъ мѣшалъ собираться охотникамъ подъ знамена Рѣчи Посполитой, тогда какъ самъ же Крашевскій указываетъ на то, что въ войско шли плохо сами собою ⁷⁾. Еще важнѣе его замѣчаніе о томъ, почему Польша проиграла въ 1792 г., почему, какъ самъ онъ выражается, ослабляя значеніе собственныхъ словъ объ овладѣвшемъ Польшою энтузіазмѣ къ конституціи 3-го мая, — „вся страна не двинулась сразу и съ такою силою, какъ надлежало ожидать при настроеніи, созданномъ четырехлѣтнимъ сеймомъ“. Его отвѣтъ тотъ, что „боязнъ революціоннаго движенія среди простаго народа овладѣла помыслами, а потому всеобщему вооруженію скорѣе ставили препятствія, нежели оказывали помощь“, хотя и тутъ дѣло не обошлось

¹⁾ Ibid., III, 27—28. Ср. 126, 172, 175, 225 и др.

²⁾ Ibid., III, 81 sq.

³⁾ Ibid., III, 109. Cf. 125 sq.

⁴⁾ Ibid., III, 145.

⁵⁾ Ibid., III, 167.

⁶⁾ Ibid., III, 171.

⁷⁾ ...werbunki jednak ochotnika do wojska szły bardzo oporem. Ibid., III, 172.

безъ прибавки, что „король не сталъ во главѣ и не показалъ при-
иѣра другимъ“¹⁾). Отмѣчая даже индивидуальныя случаи патріотизма
въ 1792—1793 гг., Крашевскій однако не могъ не упомянуть о про-
явленіяхъ противнаго. Въ главѣ о сеймѣ 1793 г., на которомъ со-
стоялся второй раздѣлъ, онъ говоритъ, наприимѣръ, что „среди конвуль-
сивнаго метанія нѣсколькихъ благородныхъ людей, толпа справляла
тривну (stypę) по Рѣчи Посполитой. Картина не была бы полной“,
прибавляетъ онъ, — „еслибы мы объ этомъ не упомянули. Тутъ дума-
ютъ, писалъ Щуровскій къ Коллонтаю, — что ни одинъ народъ не
отдавалъ такъ весело своей земля и людей другому, какъ поляки,
ибо здѣсь это происходило съ танцами“²⁾).

Заключая обзоръ историческаго труда Крашевскаго, скажемъ нѣ-
сколько словъ объ отношеніи автора къ Россіи. Отчасти мы уже зна-
комы съ тѣмъ, какъ онъ смотритъ на русскій народъ и Русское государ-
ство, а потому прибавить остается немного. Вопервыкъ, стоитъ упомя-
нуть о томъ, что онъ идеализируетъ русско-польскія отношенія въ
самой Рѣчи Посполитой, отношенія, сводившіяся на отношенія хлопоко-
шляхетскія, которыя далеко не были „братскими“, какими ихъ го-
товъ признать Крашевскій, но многіе поляки bona fide воображали,
что это братство дѣйствительно существовало. Восторжъ, онъ раз-
бираетъ русскую политику по отношенію къ Польшѣ, высказывая
крайнюю враждебность къ Екатеринѣ, хотя подчасъ и отмѣчаетъ
выгодныя для рѣчи Посполитой стороны союза съ Россіей. остано-
вимся нѣсколько подробнѣе на томъ и на другомъ.

Русско-польскихъ отношеній Крашевскій прежде всего касается,
хотя и мимоходомъ, во вступленіи, изъ котораго сдѣланы уже были
значительныя выдержки. Именно указывая на то, что „россійское
вліяніе на сущность жизни въ Польшѣ было незначительно“, онъ
противопоставляетъ ему „элементъ русскій (ruski), вгравшій важную
роль въ Польшѣ и братавшійся съ польскимъ духомъ, пока умни-
ленно ихъ не разсорили“. „Въ русскихъ земляхъ“, говоритъ онъ, —
„поселянинъ (wieśniak) охотно учился на дворѣ панскомъ по польски,
а панъ часто подъ добрую руку бывало запоетъ русскую думку или
пальнетъ колкимъ присловьемъ. Не было борьбы между братскими
языками, сплетались они между собою, какъ дѣти въ колибели“³⁾).

¹⁾ Ibid., III, 219.

²⁾ Ibid., III, 382.

³⁾ Ibid., I, 14.

Первая же глава за вступленіемъ, названная— „Польша передъ раздѣломъ“, начинается съ обзора отношеній между Польшею и Россіей, „природа и характеръ конхъ дѣлали изъ нихъ противниковъ“, такъ что „онѣ должны были либо слиться и соединиться, либо бороться и сокрушать другъ друга“¹⁾). Объ этомъ слияніи и мечтала Екатерина: въ ея первоначальномъ планѣ, говоритъ Крашевскій,—было овладѣть всею Польшею²⁾). „Императрица Екатерина,—говоритъ онъ еще въ главѣ о происхожденіи перваго раздѣла,—согласилась, не очень-то можетъ быть охотно, на дѣлежъ того, чѣмъ могла бы цѣлкомъ завладѣть“³⁾). Не слѣдя за дальнѣйшими указаніями автора „Polski w czasie trzech rozbiorów“ на русскую политику, нельзя однако обойти молчаніемъ и его мнѣнія о томъ, что, можетъ быть, въ эпоху четырехлѣтняго сейма „всякій иной союзъ, даже съ Россіей былъ бы менѣе вреденъ для будущности, нежели довѣріе къ прусской политикѣ“⁴⁾). То же самое мнѣніе высказывается имъ въ началѣ третьяго тома, гдѣ онъ еще разъ бросаетъ взглядъ на прошлое Рѣчи Посполитой, чтобы перейти къ событіямъ, послѣдовавшимъ за принятіемъ конституціи 3-го мая: именно онъ находитъ, что осуществленіе плана Россіи завладѣть всею Польшею было для послѣдней менѣе опаснымъ, нежели четвертованіе, коему она подверглась⁵⁾).

Однако Крашевскій весьма неловко обходитъ вопросъ о населеніи земель, отошедшихъ къ Россіи. Напримѣръ, даже передавая содержаніе русской деклараціи, кою возвѣщался второй раздѣлъ, онъ не упомянулъ о томъ, что въ числѣ мотивовъ этого раздѣла Екатерина указывала на „утѣсненія, которыя должны были переносить города и провинціи, прилегавшіе къ ея владѣніямъ, вѣкогда бывшіе ея истиннымъ наслѣдіемъ, обитаемые и наполненные людьми одного происхожденія и племени, просвѣщенными православною христіанскою вѣрою

¹⁾ Ibid., I, 21.

²⁾ Ibid., I, 22.

³⁾ Ibid., I, 63.

⁴⁾ Ibid., II, 446. Замѣтимъ еще, что учрежденіе „постояннаго совѣта“ онъ объясняетъ желаніемъ (Россіи ли или трехъ державъ, не сказано) отнять у короля силу, кою, скажемъ отъ себя, у короля не было,—и находитъ, что по существу своему учрежденіе это вовсе не было вреднымъ, а было оно опасно влѣдетвіе общей деморализаціи и преобладанія московской партіи. Ibid., I, 133.

⁵⁾ *Woszu, która chciała całą Polskę zagarnąć,—a dla Polski takie przyłączenie nieważne, bądź co bądź, daleko mniej było groźne, niż rozświetowanie,—choćby zmuszoną przez cyniczną politykę Prus do podziału.* Ibid., III, 2.

и до сихъ дней исповѣдующими эту вѣру¹⁾). Или, говоря о томъ, что взяла Россія по второму раздѣлу, онъ исчисляетъ количество кв. м., городовъ, деревень, дымовъ, народа и т. д., но объ этнографическомъ составѣ этого народа не даетъ никакихъ свѣдѣній²⁾).

Окончательный приговоръ Крашевскаго надъ политикой Екатерины таковъ: „Россія могла желать приобрѣтенія Польши и соединенія съ нею; это было въ природѣ ея положенія; со временъ Ивана Грознаго это объединеніе постоянно высказывалось, какъ поступать, то со стороны Польши, то со стороны Россіи. Екатерина выбрала самую дурную дорогу, не желая, а въ концѣ концовъ, вынужденная разчетвертовать народъ, который могла получить весь, а съ нимъ безконечно большую силу, нежели та, какой достигла чрезъ раздѣлъ. Но для этого нужны были чувство справедливости, политика, въ одно и то же время рѣшительная и честная, уваженіе къ человѣку и народу, та высшая, человѣчная, благородная мысль, которой недоставало циническому реализму XVIII вѣка, и антитезой которой была сама Екатерина“³⁾).

Таково сочиненіе Крашевскаго. Авторъ его былъ не ученый, а художникъ, и старая манера идеализаціи польщизны еще оказываетъ весьма сильное вліяніе на его историческія воззрѣнія. Но у него несомнѣнно все-таки исканіе настоящей правды, и она даже пробивается въ его сочиненіи на свѣтъ Божій не въ общихъ соображеніяхъ и разсужденіяхъ, гдѣ авторъ все еще патріотъ и художникъ, которому дорогъ старый національный идеалъ, а тамъ, гдѣ онъ является добросовѣстнымъ собирателемъ и излагателемъ фактовъ въ томъ видѣ, какъ они даются въ историческихъ источникахъ. Сужденіе Крашевскаго часто не вытекаетъ изъ фактовъ, пожалуй, имъ противорѣчитъ даже, но факты все-таки онъ приводитъ и не отказывается отъ выводовъ изъ нихъ, если даже они идутъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что въ польскомъ обществѣ признано за непререкаемую истину. Замѣтнаго вліянія на польскую историографію трудъ Крашевскаго, однако, не произвелъ, хотя въ ней онъ все-таки занимаетъ почетное мѣсто.

Валерьянъ Калинка началъ свою литературную дѣятельность съ идеями, не похожими на тѣ, которыя онъ развивалъ въ двухъ по-

¹⁾ Ibid., III, 330. Cf. *Костомаровъ*, II, 245.

²⁾ *Kraszewski*, III, 381. Ср. то же и по отношенію къ другимъ раздѣламъ. О 3-мъ раздѣлѣ III, 638.

³⁾ Ibid., III, 657—658. Ср. характеристику Екатерины на стр. 656—657.

слѣднихъ своихъ крупныхъ историческихъ трудахъ¹⁾; въ вопросахъ религіозныхъ и политическихъ онъ высказывалъ первоначально мысли гораздо болѣе свободныя, нежели впоследствии. Начавъ заниматься исторіей своей родины въ очень еще молодыхъ годахъ, онъ обратилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на XVII вѣкъ, преимущественно съ точки зрѣнія отношеній Польши къ Западу, но съ теченіемъ времени перешелъ къ XVIII столѣтію, для исторіи коего въ Рѣчи Посполитой и слѣдалъ такъ много впоследствии. Для характеристики его раннихъ взглядовъ представляетъ нѣкоторый интересъ изданная имъ въ 1848 г. подъ псевдонимомъ „крестьянина съ береговъ Вислы“ брошюра: „Какую прежде была Польша“, состоящая всего изъ 28 страничекъ²⁾: это—идеализація прошлаго Рѣчи Посполитой и своего рода обвинительный актъ противъ фанатизма іезуитовъ. Слѣдующими его трудами изъ первой половины пятидесятыхъ годовъ были біографія Фаддея Тышкевича, заключающая въ себѣ описаніе войны 1792 г., костюшковскаго движенія и событій 1809, 1812 и 1831 гг.³⁾, потомъ извѣстія о матеріалахъ для польской исторіи, найденныхъ имъ въ отдѣленіи рукописей національной (тогда императорской) бібліотеки въ Парижѣ⁴⁾ и сочиненіе подъ заглавіемъ „Галиція и Краковъ подъ австрійскимъ владычествомъ“⁵⁾. Выходъ въ свѣтъ этихъ работъ Калинки относится ко времени его сближенія съ кп. Адамомъ Чарторыскимъ, который пользовался имъ для дипломатическихъ порученій: это сближеніе сопровождалось усвоеніемъ Калинкою историческихъ идей отела Lambert, хотя въ подробностяхъ онъ и отступилъ отъ той теоріи, которая нашла выраженіе въ упомянутой выше статьѣ Карла Гофмана въ *Przeglądzie rolniczym*⁶⁾. Послѣдній, указывая на отсутствіе сильнаго правительства, какъ на главную причину упадка Польши, думалъ, что самый этотъ фактъ коренится въ раздѣлѣ государства Казиміромъ Кривоустымъ на удѣлы и въ томъ, что въ

¹⁾ Исторія идей Калинки вкратцѣ разказана въ брошюрѣ *Wł. Smoleńskiego: Stanowisko Waleryana Kalinki w historyografii polskiej*. Warszawa. 1887.

²⁾ *Jaką była dawniej Polska. Przez włościanina z nad Wisły*. 1848.

³⁾ *Żywot Tadeusza Tyzkiewicza*. Poznań. 1853. Объ этой работѣ см. ниже при разборѣ „Четырехлѣтнаго сейма“.

⁴⁾ См. въ *Bibliotece Warszawskiej* (1853), а особенно въ *Przeglądzie Poznańskim* (1854—1855), гдѣ помѣщена его работа „Zabiegi posła francuskiego, ks. de Polignac po śmierci Jana III, by na tron polski wynieść księcia de Conti“.

⁵⁾ *Galicja i Kraków pod panowaniem austriackim*. Paryż. 1853.

⁶⁾ *Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski*.

Польшѣ не было ни феодализма, ни развитаго городского сословія, Калинка же искалъ причинъ ослабленія власти въ Рѣчи Посполитой во временахъ болѣе близкихъ. Въ статьѣ о хлопотахъ аббата Полинъяка въ пользу кандидатуры принца де-Конта онъ выставилъ такой тезисъ, что съ середины XVII вѣка, когда народъ во время войны уже не спѣшилъ въ ряды войска, а во время мира ничего не могъ устроить, для Польши единственнымъ спасеніемъ была бы энергичная перемѣна правленія, а такъ какъ послѣдней не произошло, то уже за цѣлый вѣкъ до послѣдняго раздѣла Рѣчи Посполитая морально утратила свою независимость: сначала посланники австрійскій и французскій, потомъ россійскій и прусскій взяли въ свои руки ту самую власть, въ которой народъ отказывалъ собственнымъ королямъ. Уже тутъ Калинка высказалъ свой взглядъ на XVIII в.: при порокахъ народа и его политической незрѣлости самостоятельную Польша быть не могла, реформа же, произведенная въ концѣ царствованія Станислава-Августа, пришла слишкомъ поздно. Слишкомъ глубоко вкоренился недугъ и слишкомъ далеко опередила Польшу Европа, чтобы въ нѣсколько лѣтъ было возможно исправить то, что портилось въ теченіе цѣлаго столѣтія, чтобы оказалось возможнымъ Рѣчи Посполитой догнать Европу во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ, ибо хотя народъ началъ излѣчиваться отъ своихъ недостатковъ необыкновенно быстро и съ энтузіазмомъ, враги не позволили ему идти по этой дорогѣ. Дѣло, однако, не въ томъ, прибавляетъ Калинка, чтобы мы имѣли право сваливать вину катастрофы на иностранцевъ: мы пали по своей собственной винѣ¹⁾. Читатель увидитъ, что впоследствии Калинка разувѣрился и въ томъ энтузіазмѣ къ реформамъ, о которомъ упоминаетъ къ выгодѣ, конечно, поколѣпія, жившаго въ послѣдніе дни Рѣчи Посполитой, а здѣсь только замѣтимъ, что прежней идеализаціи прошлаго Польши, какую грѣшитъ брошюра 1848 г., уже и слѣда нѣтъ въ статьѣ, написанной лятью-шестью годами позднѣе. Впрочемъ, совсѣмъ безъ идеализаціи дѣло не обошлось: въ публицистическомъ сочиненіи о Галиціи и Краковѣ, уже проникнутомъ клерикальнымъ духомъ, который со временемъ только усиливался въ произведеніяхъ Калинки, онъ доказывалъ, что нагдѣ до такой степени не была проникнута христіанскими началами вся жизньъ, государственная, общественная, семейная, какъ именно въ Польшѣ до середины XVII вѣка. Писатель, не задолго передъ тѣмъ нападавшій на

¹⁾ *Wi. Smoleński. Stanowisko W. Kalinki, etc., 9.*

фанатизмъ іезуитовъ, начиналъ тогда высказывать мысли, собственно говоря, довольно близкія къ іезуитскимъ. И въ другомъ отношеніи Калинка измѣнилъ свои взгляды: раньше онъ высказывался о „хлопкахъ“ гораздо симпатичнѣе ¹⁾, нежели въ рассматриваемую эпоху своей жизни, когда писалъ слѣдующее: „въ наше время довольно распространена мысль, что причиною всякаго яля въ Польшѣ было крѣпостничество (pańszczyzna). Это—ошибка, имѣющая корень въ ненависти, возникающей въ ту эпоху, которая предназначена для уничтоженія этой формы. Какъ въ политикѣ народъ дозрѣваетъ подъ разными формами правленія, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ (w gólnictwie) пущы для его образованія разныя формы, и та, которая для одного времени можетъ быть хорошей, для другаго становится не подходящей (niestosowna) и вредной“ ²⁾. По мнѣнію Калинки, говорить объ очиншеніи крестьянъ въ XVII вѣкѣ было рано, и болѣе благо-разумными онъ считаетъ совѣты „болѣе осторожныхъ“, думавшихъ, что нужно прежде сдѣлать хлопа способнымъ пользоваться свободой.

Съ середины пятидесятихъ годовъ Калинка отдался вполне публицистикѣ (въ *Wiadomościach polskich* за 1857—1861 гг.). Политическіе взгляды и историческія сужденія его изъ этого времени весьма важны для пониманія его идей въ тотъ періодъ жизни, когда онъ снова обратился къ историческимъ занятіямъ. Хвали въ старомъ времени религіозность, хорошіе обычаи и добрые нравы, Калинка сильно нападалъ на существовавшую тогда политическую безтолковщину, главное же средство спасенія видѣлъ въ конституціи 3-го мая, а причину окончательнаго паденія—въ томъ, что народъ бѣжалъ изъ-подъ знамени, на которомъ было написано его спасеніе. Высказывая такую мысль, Калинка еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ находилъ нужнымъ дать польской націи ся „патологію“ въ формѣ повѣствованія о польскихъ дѣлахъ конца XVIII вѣка, которое было бы написано историкомъ и политикомъ ³⁾. Самъ онъ и далъ такую патологію Польскаго государства въ двухъ главныхъ своихъ историческихъ трудахъ.

Первый изъ нихъ вышелъ въ свѣтъ въ 1868 г. подъ заглавіемъ „Послѣдніе годы царствованія Станислава Августа“ ⁴⁾. Въ основу

¹⁾ Ibid., 3.

²⁾ Galicya i Kraków pod panowaniem austryackim, стр. 169 (приведено въ цитуемой брошюрѣ на стр. 12).

³⁾ *Wz. Smoleński. Stanowisko Kalinki*, 14—15.

⁴⁾ *Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta*. Напечатано въ сборникѣ

этого сочиненія легъ матеріаль, собиравшійся авторомъ для біографіи Адама Чарторыскаго, а цѣлью его поставлено было „отрезвленіе“ націи, „поученіе современниковъ и потомства“: Калинка взялся за свой трудъ въ виду, какъ самъ онъ говоритъ, „стремленія, столь долго у насъ (то-есть, поляковъ) господствующаго,—прикрывать свои ошибки и выставлять выше мѣры свои добродѣтели и заслуги“, а главною его задачей было показать на основаніи историческихъ данныхъ, что поляки сами были виновниками своего паденія, и что несчастья, которыя обрушивались на нихъ тогда и впоследствии, суть „наказаніе (rokieta), заслуженное народомъ“, при чемъ „главная, если не исключительная причина паденія“ и всѣхъ бѣдствій, какъ въ XVIII, такъ и въ XIX вѣкѣ лежитъ для Калинки въ различныхъ недостаткахъ польскаго характера, переходящихъ по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ¹⁾. Послѣдняя мысль, то-есть, указаніе на недостатки польскаго характера, какъ чуть не на исключительную причину паденія Польши, высказывается здѣсь не впервые: еще въ статьѣ о кандидатурѣ Кюнти Калинка, говоря о деморализаціи поляковъ съ середины XVII вѣка, довольно ясно проводитъ ту общую мысль, что главная причина всѣхъ бѣдъ была не въ политическомъ устройствѣ, не въ социальныхъ отношеніяхъ, не въ бѣдности матеріальныхъ средствъ, не въ направленіи реформы, проведенной въ XVIII вѣкѣ, а въ порчѣ народнаго характера. Эта порча не прекратилась по представленію, историка и въ XIX вѣкѣ, и вотъ почему своимъ первымъ сочиненіемъ о царствованіи послѣдняго польскаго короля онъ думаетъ поучать современниковъ и потомство. Почти одновременно съ этою историческою работою Калинки вышла родственная ей по духу Тека Стаńczyка, сдѣлавшаяся манифестомъ вновь образовавшейся въ Галиціи политической партіи „станьчиковъ“. Объ исторіи образованія этой партіи мнѣ приходилось говорить и раньше, и я позволю себѣ привести здѣсь извлеченіе изъ того, что было тогда мною объ этомъ написано.

Рamiętników z XVIII w., poznańskimъ книгопродавцемъ Жупанскимъ (т. X, въ двухъ частяхъ). Трудъ состоитъ изъ „вступленія“ въ 285 страницъ и документовъ, занимающихъ 401 стр. Здѣсь рассматриваются: 1) внѣшнія отношенія Р. П. въ эпоху перваго раздѣла; 2) характеры Станислава-Августа и Екатерины II; 3) внутреннія дѣла отъ 1764 до 1772 г.; 4) первый раздѣлъ; 5) „соправительство“ Штакельберга въ 1776—1787 гг.; 6) политика Петербургскаго двора и 7) съездъ въ Каневѣ. Къ послѣднимъ годамъ Станислава-Августа относятся приложенія, а текстъ—къ первымъ.

¹⁾ Ibid., предисловіе.

Послѣ 1863 г. поляки все еще надѣялись на иностранную интервенцію и на пушки Наполеона III. Въ 1866 г. Австрію сильно поколотила Пруссія: усиленіе Пруссіи было, конечно, не на руку патриотамъ, мечтавшимъ о возстановленіи Польши при помощи Франціи. Въ Краковѣ задумались — задумались нѣкоторые профессора тамошняго университета и редакція газеты Часъ. И профессора, и журналисты, относившіеся прежде враждебно къ Велѣпольскому, стали сожалѣть, что возстаніе 1863 г. опрочинуло маркиза. Тогда четыре человекъ, въ числѣ которыхъ былъ Шуйскій, задумали составить общими силами анонимный памфлетъ, которому дали названіе Теки Станьчика („тека“ по польски значитъ портфель, а Станьчикъ былъ придворный шутъ въ XVI в., играющій въ историческихъ преданіяхъ Польши ту же роль, какъ у насъ извѣстный Балакиревъ). Авторы прикрылись именемъ Станьчика не даромъ: онъ прослылъ за великаго острошлова, за критика и сатирика, осмѣивавшаго оппозиціонныхъ сенаторовъ и сеймовыхъ депутатовъ. Появившись сначала въ журналѣ *Przegląd Polski*, портфель Станьчика былъ наданъ потомъ и отдѣльно (1868 г.). Все возстаніе было здѣсь осмѣяно очень остроумно и съ талантомъ; памфлетъ читался, но и ругался, ругался жестоко. Собственно говоря, и самое прозвище станьчиковъ было дано врагами Теки сотрудникамъ Польскаго Обоврѣнія, пріютившаго у себя памфлетъ, и сотрудникамъ Часа, которые работали и въ Обоврѣніи. Около первоначальной вучки станьчиковъ стали группироваться другіе профессора изъ Кракова и Львова, аристократы и шляхта, депутаты въ вѣнскомъ рейхсратѣ и въ берлинскомъ рейхстагѣ, — конечно, все поляки. Такъ и образовалась цѣлая партія, провозгласившая, что возстаній больше не нужно, что возстаніе 1863 г. было величайшимъ бѣдствіемъ. Собственно говоря, идея партіи не была новою: ее проповѣдывали и раньше, хотя бы тотъ же Велѣпольскій. Новостью было образованіе революціонной польской партіи. Образовалась она, какъ мы видѣли, въ періодъ между Садовой и Седаномъ, между разгромомъ Австріи и разгромомъ Франціи: усиленіе Пруссіи и ослабленіе Франціи должны были подрѣзывать крылья полету польскихъ мечтаній на счетъ осуществленія независимой Польши. Въ этотъ же промежутокъ времени, именно 10-го іюня 1869 г., Францъ-Іосифъ далъ Галиціи патентъ, допускаявшій польскій языкъ въ школу, администрацію и судъ: до того времени въ Галиціи съ 1772 г., а въ Краковѣ съ 1846 г., кромѣ 1848—1851 годовъ, царствовалъ нѣмецкій языкъ.

Станьчики были въ восторгѣ, превозносили Франца-Иосифа и клялись въ вѣрности Габсбургской династіи¹⁾. Идея лояльности и сдѣлалась лозунгомъ партіи (хотя въ отношеніи къ Россіи эта идея не была примѣнена „австрійскими легитимистами“, какъ кто-то называлъ станьчиковъ). Въ области историографіи станьчики обратились къ антиреспубликанской традиціи, и результатомъ этого было возникновеніе „краковской“ исторической школы. Названное сочиненіе Калинки, вышедшее въ свѣтъ въ одинъ годъ съ Текой Станьчика, играло немаловажную роль въ образованіи новой школы. Можно установить извѣстную связь между партіей станьчиковъ и краковскою школою, и она будетъ ясна главнымъ образомъ изъ отношенія, въ какое становится Калинка къ личности Станислава Августа.

До выхода въ свѣтъ „Последнихъ годовъ царствованія Станислава Августа“, польскіе историки слѣдовали въ своихъ взглядахъ какъ на это время, такъ и на названнаго короля разсмотрѣнной нами выше книгѣ Коллонтая, Дмоховскаго и Потоцкихъ (Станислава и Игнатія) „O ustanowieniu i upadku konstytucyi 3 maja“. Авторы этого политическаго памфлета объявили главными виновниками паденія Польши тарговичанъ и короля, котораго они винили въ томъ, что онъ принималъ участіе въ наиболѣе позорныхъ дѣлахъ эпохи, и что его характеръ не соответствовалъ великимъ дѣламъ конституціоннаго сейма. Калинка первый изъ польскихъ историковъ sine ira, хотя и не всегда sine studio, представилъ характеръ этого короля въ настоящемъ свѣтѣ²⁾. Въ представленіи Калинки Станиславъ Августъ, самъ не безъ грѣха, перестаетъ быть единственнымъ козломъ отпущенія, если не считать еще тарговичанъ. Не онъ одинъ былъ вино-

¹⁾ См. мон „Польскія письма“, печатавшіяся въ *Русской Мысли* за 1881, 1882 и 1885 гг. Июлью восьмое (1885 г., февраль, стр. 38—39).

²⁾ Вотъ, напримеръ, отзывъ *Вн. Смоленскаго* о характеристикѣ Станислава-Августа: „Można by autorowi zarzucić pewną dla Stanisława Augusta słabość, chęć oszczędzania go przez pominięcie np. faktu—brania pieniędzy; pomimo tego charakterystykę czło wieka uważamy za rzetelną i wykonaną świetnie. Delikatnie Kalinka ją rzeźbił i zgodne z prawdą niełatwe do uchwycenia rysy przedstawił trafnie“. Становиско Калинки, 21. Характерыстыка Ст. Авг. jest tak ściśle że podpisalibyśmy ją dziś jeszcze prawie bez zastrzeżeń. *T. Korzon*. W. Kalinka jako historyk. Г. Смоленскій, находящій недостаточною характеристику самого г. Корзона, говоритъ еще: Chociaż nowego materiału do osobistej działalności Poniatowskiego dostarczył p. Korzon dużo, pomimo tego nie straciła wartości optymistyczna nieco, lecz subtelna i pełna prawdy psychologicznej charakterystyka króla wyrzeźbiona rylcem Kalinki (*Ateneum* 1887. Październik, 6).

вать. „Виновать былъ“, говоритъ историкъ, — „весь народъ (cały naród), преимущественно правящій классъ (klasa rządząca), который завла­дѣлъ для себя всѣми достоинствами и выгодами, могшими служить цѣ­лому, отвыкъ отъ труда, не могъ отдѣлаться отъ своей надменности, а съ нею и отъ легкомыслія, и для котораго сдѣлалось какъ бы поли­тическимъ кодексомъ — подозрѣвать своихъ королей, предпочитать чужую власть, продаваться высшимъ, презирать низшихъ. Виновато духовенство, по скольку не дѣйствовало противъ ни одного изъ народ­ныхъ недостатковъ и даже само раздѣляло каждый какъ въ публич­ной, такъ и въ частной жизни. Были виновны и вельможные дома Радзивилловъ, Потоцкихъ, Красинскихъ, Пацовъ, Сулковскихъ, Ябло­новскихъ, Браницкихъ, которые втискивали общественное дѣло въ свои семейные кружки, не признавая въ обыденной жизни ни закона, ни нравственныхъ правилъ, — разнузданныя (rozluźnione) индивидуаль­ности съ неугасимою другъ ко другу завистью, неспособныя что-либо создать, способныя обыкновенно только сокрушать. Не были безупреч­ными и немногія реформаторскія фамиліи, Чарторыскіе, гораздо болѣе разумные, чѣмъ тѣ, но жесткіе (twardzi) и презрительные (pogardliwi) которые хотѣли спасти народъ помимо его воли ловкостью или силой (gwałtem, то-есть, насиліемъ), заимствованною у иностранцевъ, не приня­мая въ расчетъ, что это насиліе легко обратится противъ нихъ са­михъ, если они не сумѣютъ напередъ примирить своихъ соотече­ственниковъ. Виновать былъ наконецъ и Станиславъ Августъ, кото­рый горячо желалъ престола ради славы (dla chwały), а достигъ его путемъ наименѣе славнымъ и упорно за этотъ престолъ держался, хотя послѣдній приносилъ ему не разъ только омерзѣніе (obrzydzenie) и безславіе“¹⁾. Если, не смотря на мѣста въ родѣ этихъ строкъ о Станиславѣ Августѣ, встрѣчающіяся и на другихъ страницахъ сочи­ненія, все-таки замѣтенъ нѣкоторый „studium“ Калинки по отно­шенію къ королю, то причину такого расположенія историка къ Станиславу Августу нужно искать въ политическихъ возрѣвіяхъ пер­ваго, съ точки зрѣнія коихъ должна была оправдываться и прави­тельственная программа втораго. И въ XVIII вѣкѣ, и въ XIX было два теченія въ польской политикѣ: одно, ставившее цѣлью народной дѣятельности упорядоченіе внутренняго быта страны, оставаясь въ данныхъ условіяхъ, и другое, стремившееся прежде всего отдѣлаться отъ виѣшней силы, оставляя внутреннее улучшение ad meliora tem-

¹⁾ Ostatnie lata panowania St. Aug., I стр. L.

рога. Станиславъ Августъ въ XVIII вѣкѣ старался идти за первымъ теченіемъ, и это ставитъ ему въ заслугу историкъ XIX вѣка, принадлежащій къ партіи, которая выставила аналогичный девизъ. Само собою разумѣется, что тѣхъ, которые стояли въ оппозиціи къ Станиславу Августу, Калинка порицаетъ. Такое положеніе историка, какъ мы увидимъ, не всегда позволяетъ ему быть вполне безпристрастнымъ: въ немъ все-таки слышенъ членовѣкъ партіи, хотя бы, пожалуй, и той, которая была при данныхъ обстоятельствахъ болѣе права и могла бы принести болѣе пользы, чѣмъ другая. Совершенно какъ публицистъ, карая и негодуя, относится онъ къ отдѣльнымъ личностямъ прошлаго вѣка и отдѣльнымъ ихъ поступкамъ, словно онѣ живутъ и дѣйствуютъ теперь, и на нихъ можно еще оказывать вліяніе словомъ убѣжденія, дабы обратить ихъ на истинный путь. Это относится къ числу недостатковъ сочиненія, о которыхъ можно еще сказать слѣдующее. Въ „Послѣднихъ годахъ царствованія Станислава Августа“ Калинка ограничивается внѣшними отношеніями и борьбою партій, не останавливаясь ни на матеріальномъ бытѣ, ни на умственномъ состояніи польской націи въ это время: историкъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ его критиковъ, не придавалъ этимъ сторонамъ національной жизни большого значенія, думая, что судьбы государствъ зависятъ только отъ стеченія общихъ историческихъ обстоятельствъ и нравственнаго состоянія гражданъ¹⁾. Поэтому картина Польши при Станиславѣ Августѣ, начертанная Калинкою, не полна. Это одинъ недостатокъ его сочиненія. Другіе два—только—что отиѣченный публицистическій тонъ, который не всегда соответствуетъ той цѣли, къ какой стремится спокойно-научное обсужденіе фактовъ, и замашки моралиста, не столько ищущаго причины зла и описывающаго его проявленія, сколько думающаго уничтожить его своею проповѣдью. Тѣмъ не менѣе сочиненіе это пользуется заслуженнымъ почетомъ у польскихъ историковъ. „Ostatnie lata panowania Stanistawa Augusta“, говоритъ г. Смоленскій, — „трудъ большой цѣны, вслѣдствіе обилія матеріала, открывающаго въ исторіи XVIII вѣка обширныя и новыя

¹⁾ *Wł. Smoleński*. Stanowisko Kalinki, 23. Онъ порицаетъ еще Калинку за то, что тотъ слишкомъ обобщаетъ факты деморализаціи: „Народъ не былъ такимъ пьяницей, какъ Радзивиллъ, такимъ сумасшедшимъ (*waryatem*), какъ Солтыкъ, такимъ злодѣемъ, какъ Поняскій, такою ничтожностью, какъ Бранцкій, такимъ гордецомъ, какъ Федякъ Потоцкій, такимъ интриганомъ, какъ Подоскій—не былъ такимъ, какъ они, а только былъ глупъ“. *Ibid.*, 24.

виды. Не одинъ Калинка имѣлъ смѣлость писать о прошломъ прямо и открыто, но онъ первый съ запасомъ богатаго матеріала разсѣялъ мракъ эпохи Станислава Августа, представилъ въ настоящемъ свѣтѣ главныя личности, открылъ тайныя пружины закулисныхъ интригъ. Онъ сдѣлалъ это съ основательнымъ знаніемъ польскихъ и заграничныхъ отношеній, съ проникательностью и талантомъ¹⁾. „Достоинство предисловія къ „*Ostatnim latom panowania Stanisława Augusta*“, говорить г. Корзонъ,—„заключается въ провозглашеніи новаго девиза для историческихъ изслѣдователей. Документы, извлеченные изъ архивовъ, были обиднаго свойства, оскорбительные для національнаго самолюбія; съ разныхъ сторонъ приходили тогда къ Калинкѣ протесты и желанія, чтобы онъ ихъ не печаталъ, чтобы не маралъ собственного гнѣзда; онъ же, разсмотрѣвъ всѣ аргументы, доказываетъ, что правда должна быть узнана во всей наготѣ, если должна быть дѣйствительнымъ средствомъ для излѣченія народнаго духа... Смѣло возстаетъ онъ противъ господствовавшего до того времени убѣжденія, что Польша была Христомъ народовъ и сошла въ гробъ добровольно святою и непорочною. Онъ прямо указываетъ, что ея паденіе произошло вслѣдствіе собственной вины. Такая декларация“, прибавляетъ историкъ,—„требовала въ то время гражданскаго мужества... Это предисловіе“, говоритъ онъ далѣе,—„пронизало въ свое время большое впечатлѣніе: ему въ значительной степени слѣдуетъ приписать переворотъ во взглядахъ на прошлое и въ программахъ научныхъ работъ, особенно краковской школы. Я долженъ признаться, что и я былъ въ числѣ убѣжденныхъ доводами Калинки, и въ этомъ отношеніи я, такимъ образомъ, его ученикъ“²⁾. Последнее заявленіе особенно важно въ виду того, что г. Корзонъ по многимъ пунктамъ діаметрально противоположнаго мнѣнія, чѣмъ Калинка.

Предисловіе къ „Последнимъ годамъ царствованія Станислава Августа“ дѣйствительно любопытно. Кое-что изъ него было приведено выше, но кое-что слѣдуетъ еще и прибавить. Напримѣръ, автору приходится доказывать, что опубликованіе новыхъ историческихъ документовъ, важное въ научномъ отношеніи, не можетъ быть для поляковъ вреднымъ въ отношеніяхъ моральномъ и политическомъ³⁾;

¹⁾ *Wł. Smoleński*. Stanowisko Kalinki, 26.

²⁾ *F. Korzon*. Walecyan Kalinka jako historyk. *Przegląd literacki* (dodatek do *Kraju*) 1887. I, стр. 3—4.

³⁾ *Ostatnie lata*, стр. V sq.

приходится указывать на вредъ, происходящій отъ стремленія поляковъ замалчивать свои ошибки и чрезмѣрно выставлять свои добродѣтели и заслуги ¹⁾; приходится возражать противъ мысли, что польскіе историки должны доказывать иностранцамъ, будто народъ польскій всегда былъ достоинъ независимости и имѣлъ силы ее поддерживать, и будто Рѣчь Посполитая пала только отъ внѣшнихъ причинъ ²⁾, приходится увѣрять своихъ соотечественниковъ, что странно было бы скрывать прежніе свои недостатки, чтобы не доставить радости „москалямъ“ ³⁾. Основная идея Калинки та, что поляки были сами виновю своего паденія. „Исторія XVIII вѣка свидѣтельствуетъ“, говоритъ онъ, — „что чужеземныя правительства, которыя насъ такъ теперь удручаютъ, не случайно попали въ Польшу; мы сами и постоянно влекли ихъ въ страну, можно сказать, упрашивали ихъ придти“ ⁴⁾.

Не рассматривая фактическаго содержанія книги, укажемъ еще на то, какимъ образомъ Калинка, австро-польскій патриотъ и ультрамонтанскій католикъ, понимаетъ русско-польскія отношенія и диссидентскій вопросъ. Авторъ „Послѣднихъ лѣтъ Станислава Августа“ разбираетъ русскій взглядъ (собственно Соловьева въ „Паденіи Польши“) на эти отношенія: излагая этотъ взглядъ, онъ пропускаетъ, однако, указаніе на „собираніе Руси“ и все сводитъ къ тому, что Польша лежала на дорогѣ, по которой Россія шла къ своему величію,—такъ будто бы мотивируетъ всю русскую политику по отношенію къ Рѣчи Посполитой Соловьевъ ⁵⁾. По Калинкѣ, „заборъ“ Польши для Россіи не былъ ни необходимымъ, ни выгоднымъ дѣломъ: Петръ Великій стремился на востокъ, къ Каспійскому морю и Персін, а послѣ его смерти „нѣмецкіе авантюристы“ толкнули Россію на западъ и этими только отвлекли ее отъ ея прямого назначенія—идти въ Азію ⁶⁾. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о томъ, что Екатерина, сажая на престолъ Понятовскаго, никакъ не могла думать о возможности покоренія, раздѣла и уничтоженія Польши ⁷⁾, Калинка критикуетъ русскихъ историковъ, утверждающихъ рѣшительно, что въ ту эпоху не всѣ

¹⁾ . dążność tak długo u nas panująca zakrywania błędów a podnoszenia nad miarę naszych cnót i zasług. Ibid., VII.

²⁾ Ibid., IX.

³⁾ Ibid., XI.

⁴⁾ Ibid., LXV.

⁵⁾ Ibid., LXV.

⁶⁾ Ibid., LXVI sq.

⁷⁾ Ibid., LXXX.

счета между Россіей и Польшей были покончены. Совсѣмъ напротивъ, говорить онъ, —, вѣковые споры были улажены. Москва достигла уже обладанія Кіевомъ, который, въ самомъ дѣлѣ, былъ ей очень дорогъ, а полякамъ былъ совсѣмъ не въ прокъ; дальнѣйшія ея претензіи до Черной и Червонной Руси были болѣе или менѣе столь же основательны, какъ притязанія Польши, еслибъ она заявляла право на Лувацию или устья Эльбы потому, что надъ ними когда-то тамъ, въ XI и XII вѣкѣ господствовала¹⁾. Поэтому и Екатерина, по словамъ автора, „довольно спокойно (въ началѣ) смотрѣла на устанавливавшійся въ Польшѣ порядокъ подъ условіемъ, что польское правительство будетъ подчиняться ея влиянію²⁾. Когда съ прусской стороны зашла рѣчь о раздѣлѣ, Екатерину, — думаетъ Калининка, — склоняли къ этому приближенные такими аргументами: Бѣлоруссія, ближайшая къ Петербургу польская провинція, была богата королевскими и панскими экономіями (для будущей раздачи сторонникамъ раздѣла) и весьма подходящимъ образомъ округляла границы и облегчала сообщеніе съ южными областями, тѣмъ болѣе, что она уже не разъ принадлежала Россіи, и изъ-за нея происходила кровавая борьба³⁾. Впрочемъ, потерю этой провинціи, бѣдной, мало населенной и „притомъ сомнительной народности“ (*watpliwej narodowosci*) онъ не считаетъ важною, и поляки съ этимъ помирились бы, если бы Россія въ этоу четырехлѣтняго сейма соединилась съ ними противъ Пруссіи, что было въ интересахъ обоихъ государствъ⁴⁾. Мстительность Екатерины, по объясненію польскаго историка, помѣшала этому.

Въ диссидентскомъ вопросѣ авторъ останавливается только на вѣшной дипломатической сторонѣ: онъ, какъ думаетъ одицъ критикъ, — не заглянулъ глубже въ настроеніе народныхъ массъ, вѣроятно для того, чтобы не касаться проявленій католическаго фанатизма⁵⁾. Религіозный индифферентизмъ въ Польшѣ, о которомъ онъ часто говорить, обобщая это явленіе, встрѣчался, да и то не безъ исключеній,

¹⁾ Ibid., LXXXI.

²⁾ Ibid., LXXXIII.

³⁾ Ibid., XCI.

⁴⁾ Ibid., XCIII.

⁵⁾ *T. Korszon. W. Kalinka, jako historyk. II, 3.* Вотъ еще важное замѣчаніе г. Корсона о книгѣ: *secha katolik albo polak i katolik jest uzywaną za problemz wartosci politycznej ludzi, chociaż Polka posiadała zaledwo połowę ludności wyznania skusto katolickego.*

въ высшемъ слоѣ общества, испытывавшемъ на себѣ вліяніе французской литературы. Въ другихъ отношеніяхъ Калинка коснулся церковныхъ дѣлъ этой эпохи, но съ довольно исключительной точки зрѣнія: къ папѣ Клименту XIII онъ старается возбудить симпатію читателя-поляка указаніемъ на то, что папа велѣлъ внести въ бревиарій молитву за Польшу и устроилъ въ Римѣ торжественные молебны съ участіемъ всѣхъ орденовъ и конгрегацій на *intencye Polski* ¹⁾. О дурномъ вліяніи пущіатуры на ходъ униатскаго дѣла онъ умалчиваетъ. Впрочемъ, мѣстное духовенство, особенно епископъ, нашло въ историкѣ строгаго судью, который не стѣсняется даже въ выраженіяхъ, когда говоритъ о лицахъ изъ клира, игравшихъ роль въ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ ²⁾. Калинка, далѣе, не соглашается съ объясненіемъ „русскихъ писателей, убѣждающихъ, что Екатерину заставила поднять диссидентскій вопросъ забота о польскихъ „схиматикахъ“: „разновѣрцы этого рода“, говоритъ онъ, — „которыхъ въ Польшѣ было не больше двухсотъ или трехсотъ тысячъ, принадлежали вообще къ крестьянскому сословію, а тѣмъ самымъ вовсе не могли пользоваться политическими правами, конхъ Русская императрица требовала для диссидентовъ“ ³⁾.

Отмѣтимъ еще нѣсколько страницъ, на которыхъ Калинка разсматриваетъ, на сколько вѣрно мнѣніе, что поляки стали исправляться послѣ перваго раздѣла. Эту мысль пустилъ въ ходъ Ферранъ, книга котораго и „ввела“, говоритъ авторъ, — „поляковъ въ заблужденіе“. Самъ онъ противнаго мнѣнія: „бѣдствіе перваго раздѣла не исправило народа“ ⁴⁾. Спокойствіе Польши послѣ перваго раздѣла зависѣло отъ „востраціи силъ“ и „зоркаго глаза“ русскаго посланника ⁵⁾. Чтò дѣлалось хорошаго, то дѣлалось королемъ, „постояннымъ совѣтомъ“ и усиліями единицъ ⁶⁾.

Своимъ трудомъ о царствованіи Станислава Августа Калинка помогъ образованію политической партіи „станьчиковъ“ и положилъ начало краковской исторической школѣ, изъ которой, какъ мы видѣли, вышли: Бобржинскій, и Шуйскій; первый — совершенно ея по-

¹⁾ *Ostatnie lata*, стр. CXLIX.

²⁾ *Ibid.*, LX, CXVIII.

³⁾ *Ibid.*, LXXXIV.

⁴⁾ *Ibid.*, CCXXI.

⁵⁾ *Ibid.*, CCXXII.

⁶⁾ *Ibid.*, CCXXIII.

рожденіе, хотя не безъ содѣйствія нѣмецкой науки государственнаго права, второй—завоеваніе, сдѣланное школой у противной доктрины. Черезъ десять съ небольшимъ лѣтъ послѣ основанія „школы“ ея главѣ пришлось, однако, выступить противъ наиболее виднаго ея адепта: въ числѣ критиковъ „Dziejów Polski w zagrybie“ Бобржинскаго оказался и Калинка, протестовавшій между прочимъ противъ выраженной въ книгѣ симпатіи къ полицейскому государству. Кромѣ критическаго разбора идей своего ученика ¹⁾, онъ написалъ въ промежутокъ времени между обоими главными своими историческими трудами только небольшой (66 стр.) этюдъ о политикѣ Австріи въ дѣлѣ конституціи 3-го мая ²⁾, вошедшій въ составъ „Четырехлѣтняго сейма“, лекцію о мученической кончинѣ св. Станислава ³⁾, и въ этотъ же промежутокъ онъ вступилъ въ орденъ „воскресенцевъ“ (zmartwychwstańców) и сдѣлался священникомъ. Въ двѣнадцать лѣтъ, отдѣляющихъ „Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta“ отъ „Четырехлѣтняго сейма“, Калинка еще дальше ушелъ отъ своихъ первоначальныхъ, болѣе свободныхъ взглядовъ въ области религіи и политики, но, какъ историкъ, несомнѣнно, сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію послѣдняго капитальнаго труда Калинки.

„Книга“,—такъ начинается предисловіе къ „Четырехлѣтнему сейму“ ⁴⁾—„книга, первый томъ которой выходитъ въ свѣтъ, отличается по многимъ взглядамъ отъ сочиненій другихъ авторовъ, занимавшихъ тою же самою эпохою. Полагаю, что главная причина разницы—обиліе историческихъ матеріаловъ, бывшихъ въ первый разъ доступными автору книгъ“ ⁵⁾. Въ предисловіи ко второму изданію первой

¹⁾ O książce prof. M. Borbzyńskiego: „Dzieje Polski w zagrybie“. Kraków. 1879.

²⁾ Polityka dworu austriackiego w sprawie konstytucyi 3-go maja. Kraków. 1873.

³⁾ Męczeństwo św. Stanisława i jego znaczenie w dziejach narodu. Kraków. 1879.

⁴⁾ Sejm czteroletni. Первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1880 г., второй въ два приѣма въ 1884 и 1886. Мы пользоваться будемъ третьимъ изданіемъ.

⁵⁾ Эти матеріалы суть: архивъ Станислава Августа, которымъ раньше никто не пользовался; бумаги музея князей Чарторыскихъ въ Краковѣ; тайные архивы въ Вѣнѣ и Берлинѣ; ватиканскій архивъ; разныя фамильные архивы и т. п. Но собственнымъ словамъ автора (предисловіе, стр. VI), русскихъ источниковъ у него подъ руками было мало. Въ одномъ мѣстѣ онъ сожалѣетъ, что по не зависящимъ обстоятельствамъ не пользовался варшавскимъ главнымъ архивомъ Царства Польскаго. I, 339. *Korzon* въ своей критической статьѣ объ этомъ соч. указываетъ на нѣкоторые важные пробѣлы въ источникахъ (*Ateneum*. 1881. Luty, 325).

половины втораго тома Калинка говорить, что ожидать много порицаній по адресу своего труда: „Я“, поясняетъ онъ, — „опровергалъ многое, что до тѣхъ поръ принималось за исторически-достоверное, указывалъ на тяжкія прегрѣшенія тѣхъ, которые блистали безъ пятенъ, возвышалъ заслуги другихъ, обыкновенно всѣми порицавшихся“. Книга, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ много новаго, и именно, благодаря желанію автора не пропустить ничего изъ того, что было найдено имъ въ архивахъ, общее построеніе труда оставляетъ желать очень многого. Въ этомъ сознается самъ Калинка. „Не сомнѣваюсь“, говоритъ онъ, — „что на моемъ мѣстѣ какой-нибудь Ранке, Токвиль, Тэнъ и не одинъ изъ нашихъ сумѣлъ бы короче изложить дѣло, не лишая его вслѣдствіе этого ясности и обстоятельности (dokładności): я не умѣлъ“. Въ свое оправданіе онъ приводитъ то соображеніе, что помѣщеніе документовъ въ концѣ книги было бы равносильно обреченію ихъ на то, чтобы ихъ не читали. Восторыхъ, четырехлѣтній сеймъ началъ свою дѣятельность съ уничтоженія многихъ учреждений, а такъ какъ при маломъ знакомствѣ польскаго общества съ эпохой многія изъ этихъ учреждений плохо извѣстны, то и пришлось дѣлать ретроспективные экскурсы, чтобы имѣть возможность правильно оцѣнить дѣятельность сейма. Наконецъ, авторъ нашелъ много фактовъ, дотогдѣ бывшихъ неизвѣстными или передававшихся невѣрно: одни нужно было исправить, а другіе жаль было опустить, такъ какъ извлечены они были изъ не всѣхъ и не всегда доступныхъ архивовъ ¹⁾.

Калинка умеръ въ 1886 году, не успѣвъ окончить свой трудъ. По первоначальному плану послѣдній долженъ былъ состоять изъ семи „книгъ“, изъ коихъ авторъ успѣлъ исполнить закончить пять, а изъ дальнѣйшаго остались только большіе или меньшіе отрывки, помѣщавшіеся послѣ его смерти въ поврежденныхъ изданіяхъ ²⁾. Первая книга посвящена предсеймовымъ дѣламъ вѣшнимъ и внутреннимъ (1787 — 1788), вторая — уничтоженію „постояннаго совѣта“ (1788—1789), третья—правленію сейма (1789), четвертая — дружбѣ съ Пруссіей, пятая — реформѣ Рѣчи Посполитой (1790—1791); изъ двухъ остальныхъ книгъ одна должна была представить разборъ кон-

¹⁾ Sejm czteroletni. I, стр. VII.

²⁾ Редакція газеты *Kraj* приобрѣла право на впечатаніе этихъ фрагментовъ. См. №№ 21, 22, 22, 24, 50 и 51 этой газеты за 1887 и въ №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11 за 1888 г.

ституціи 3-го мая, а другая была бы посвящена нравственному и общественному состоянію Польши.—Калинка прямо вводитъ насъ in medias res. Онъ не дѣлаетъ предварительнаго обзора польскихъ учрежденій и культуры, а рассматриваетъ ихъ при случаѣ, урывками, не давая цѣльной картины и нарушая теченіе разказа, который самъ страдаетъ излишнею, такъ сказать, хронологичностью, такъ какъ авторъ не сближаетъ между собою однородные предметы. Кромѣ того, критики имѣли полное право поставить на видъ трудность добраться до сужденій автора вслѣдствіе обилія въ сочиненіи виѣшной политики ¹⁾. Я уже упоминалъ объ идеѣ Калинки относительно: судьбы государствъ: онѣ, по его представленію, зависятъ только отъ двухъ факторовъ, изъ коихъ одинъ—именно общія политическія обстоятельства, а потому и понятно, почему онъ далъ столько мѣста въ своемъ сочиненіи *srprawom zagranicznym*. Въ самомъ дѣлѣ, виѣшной политикѣ посвящено у него все начало перваго тома: въ первой главѣ идетъ рѣчь объ австро-русскомъ союзѣ и турецкой войнѣ, вторая носитъ названіе „плановъ Герцберга“; третья отведена вопросу о польско-русскомъ союзѣ, то-есть, авторъ начинаетъ свою книгу съ имѣвшихъ для Польши значеніе взаимныхъ отношеній Россіи, Австріи и Пруссіи въ эпоху непосредственно предшествовавшихъ четырехлѣтнему сейму (1787—1788) годовъ и т. д. Издавая первую половину втораго тома, цѣликомъ посвященную виѣшной же политикѣ, Калинка писалъ въ предисловіи, что эта часть вмѣстѣ съ прежде вышедшимъ томомъ составитъ нѣкоторое отдѣльное, законченное цѣлое: „это—изображеніе виѣшной политики четырехлѣтнаго сейма по день 3-го мая“. Дѣйствительно, въ первомъ томѣ изъ 113 параграфовъ 34, то-есть, дѣлая треть, заняты виѣшною политикою, а первая половина втораго тома (30 параграфовъ) цѣликомъ почти содержитъ въ себѣ то же. Въ исторіи собственно сейма Калинка останавливается въ первомъ томѣ на возникновеніи вопроса о новой конституціи. Вторая половина II тома (26 §§) вся запята внутренними дѣлами Польши отъ февраля 1790 г. до апрѣля 1791 г., при чемъ въ отдѣльной главѣ рассматривается политическая литература той эпохи. Обращая главное вниманіе на внутреннюю исторію Рѣчи Посполитой, я не стану касаться того,

¹⁾ Punktem wyjścia i osi opowiadania są stosunki dyplomatyczne: ani intencji autora zrozumieć, ani wartości sądów jego ocenić niepodobna, nie ogarnąwszy ówczesnych zawiązków politycznych, podstępnych działań gabinetów i intryg. *Smoleński. Stanowisko Kalinki*, 30.

какъ изображаетъ Калинка виѣшнюю политику этой эпохи, хотя, быть можетъ, здѣсь-то менѣе всего могутъ быть сдѣланы противъ него особенно серьезныя возраженія. Даже самый суровый критикъ „Четырехлѣтняго сейма“ (г. Корзонъ) остается болѣе всего доволенъ именно тѣми частями труда, которыя посвящены виѣшной политикѣ, находя, что Калинка здѣсь сдѣлалъ все, что было можно, а потому призывая громадную важность за выводами автора ¹⁾. Я не стану также передавать въ строгой послѣдовательности содержаніе „Четырехлѣтняго сейма“ ²⁾, а выберу отдѣльныя мѣста, въ коихъ наиболѣе рельефно выражаются мысли Калинки, и изложу ихъ въ известномъ порядкѣ съ критическими замѣчаніями, гдѣ въ таковыхъ окажется надобность. Начнемъ съ отношенія автора къ политическому устройству Рѣчи Посполитой.

Въ параграфѣ, озаглавленномъ „Безсиліе польскаго правительства и его ввутреннія причины“ ³⁾, отмѣтивъ недостатокъ воинственности въ польскомъ народѣ, какъ причину слабого дѣйствія Рѣчи Посполитой извѣстѣ ⁴⁾, Калинка продолжаетъ: „Но было еще иѣчто болѣе печальное, нежели невоинственность народа, болѣе грозная, хотя и мало замѣчавшаяся болѣзнь, отсутствіе духа послушанія и то, что за этимъ идетъ, отсутствіе силы, единства общаго направленія“ ⁵⁾. Далѣе мы находимъ въ этомъ параграфѣ указанія на тѣ послѣдствія, какія имѣло для государства положеніе въ немъ королевской власти, при чемъ авторъ главнымъ образомъ имѣетъ здѣсь въ виду избирательность королей. Если Польша, думаетъ онъ,—не распалась раньше, то лишь благодаря тому, что шляхту еще долгое время оживило чувство долга по отношенію къ родинѣ, и тому еще, что даже въ XVII вѣкѣ

¹⁾ Wyświetlenie nader zawilęj akcyi dyplomatycznej z lat 1787 i 1788 stanowi cenny i trwały dla nauki nabytek; trudność zadania i kunsztowność ekspozycji podnosi zasługi autora. Paragrafy księgi pierwszej, traktujące o sprawach obcych zadawalniają nas w zupełności. *Ateneum*. 1881. Luty, 326.—Część dyplomatyczna, stosunki i plany dworów, kombinacye polityki zagranicznej skreślone są w sposób wyczerpujący підцем mistrzowskiem, 354.

²⁾ Это очень искусно сдѣлано на семи-восьми страничкахъ въ цитированной брошюрѣ *Смоленскаго* (стр. 30—37.).

³⁾ *Kalinka*, I, 78—86. Параграфъ этотъ вставленъ въ главу подъ названіемъ „Польско-русскій союзъ“ (1787—1788).

⁴⁾ Въ началѣ только-что указанной главы Калинка находитъ, что польско-русскій союзъ и война съ Турціей были бы полезны для Рѣчи Посполитой, такъ какъ пробуждали бы въ ней уснувшій духъ воинственности. I, 61.

⁵⁾ *Ibid.*, I, 80.

были еще люди высшаго характера, разума и самопожертвованія, какихъ уже совсѣмъ не было въ XVIII столѣтіи ¹⁾. Не довѣряя избирательному королю въ дѣлахъ внѣшней политики, каждая сколько-нибудь значительная семья съ чистою совѣстью считала всегда себя въ полномъ правѣ вести собственную политику, противную королевской. „Не было это съ ихъ стороны“, замѣчаетъ историкъ, — „продажею себя чужеземцу, забвеніемъ отчизны, или же измѣною, какъ слишкомъ часто и черезъ-чуръ огульно говорятъ теперь: логика фактовъ, послѣдствія системы вели необходимо къ такой путаницѣ“ ²⁾. Эти „дома“ были какъ бы маленькими наследственными государствами, въ которыхъ господствовала бѣлая дисциплина, нежели въ самой Рѣчи Посполитой, гдѣ таковой вовсе не было: короля можно было совершенно безопасно не слушаться, но бѣда была шляхтичу, который навлекалъ на себя неудовольствіе папа; нелегко удавалось ему уйти отъ его мести... Еслибы эти дома хотѣли держаться за руки, какъ это бывало въ XV вѣкѣ, особенно въ малопольскихъ родахъ, не было бы трудности, которой бы они не преодолѣли и ни одинъ сосѣдъ не осмѣлился бы покуситься на цѣлость Рѣчи Посполитой. Они и короля принудили бы къ тому, чтобы онъ шелъ за ними; они въ король и въ себѣ соединили бы всѣ силы народа“ ³⁾. Огласи

¹⁾ Ibid., I, 81.

²⁾ Ibid., 82. Нѣсколько выше по поводу конфедераціи, замышлявшейся Браицкимъ и Феликсомъ Потоцкимъ, по тогда отклоненной Россіей, Калинка выражается нѣсколько суровѣе о такомъ политикѣ шноуѣ, хотя и говоритъ, что они оставались въ душѣ поляками и ни за что на свѣтѣ не отрелись бы отъ польщины, слѣдовательно, не продавались. I, 69. О Феликxъ Потоцкомъ въ другомъ мѣстѣ сказано: „Dzięki był wiele, może nawet wszystko się posiadał, aby kraj dzwignąć i ratować, ale pod warunkiem, aby on był zbawcą, aby w kraju tak się działo jak on chce“. I, 120. Ср. § подъ заглавіемъ Przedsiębiorstwo w XVIII wieku powszechna, гдѣ любопытныя, хотя болѣею частью и извѣстныя, подробности объ этомъ предметѣ. Продажности Калинка не приписываетъ большого вліянія и, далеко не отрицая этой „паяугавой“ болѣзни въ Польшѣ, напротивъ, давая ея примѣры, онъ замѣчаетъ, что это была всеобщая болѣзнь XVIII вѣка. Ibid., I, 321—328.

³⁾ Ibid., I, 82—83. Въ примѣчаніи авторъ общается въ другомъ мѣстѣ разобратъ вопросъ, почему въ XV вѣкѣ избирательный престолъ не причинялъ такихъ бѣдствій, а въдѣ высказываетъ такую мысль, что тогда не было-де *artificialum Hæreticorum*, и „еще развращительный духъ протестантизма не уснажалъ въ той эпохѣ имъричныхъ элементовъ“. Ср. еще мѣсто, гдѣ говорится, что между двумя сеймами въ Польшѣ ничего не дѣлалось, то-есть, какъ бы не было исторіи страны. I, 112.

разладъ аристократическихъ фамилій на счетъ избирательности короны, Калинка совершенно вѣрно оцѣнилъ слѣдствія этого разлада: „Разказывая о тѣхъ временахъ, надлежало бы писать исторію скорѣе семей (rodzin), нежели страны, ибо первыя,—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ,—имѣли свою руководящую мысль, свою сконцентрированную дѣятельность, здѣсь же не могло быть никакой послѣдовательности, такъ какъ ее прерывала смерть короля, или еще предъ этимъ затрудняли разныя препятствія“. Въ концѣ концовъ иноземецъ всегда могъ встрѣтить поддержку одной части народа противъ другой ¹⁾. „Прискорбно признаться“, говоритъ Калинка въ заключеніе,—„никакое польское правительство не могло уже найти опоры въ собственномъ народѣ, никакое не было въ состояніи одними собственными силами выдержать внѣшнюю или внутреннюю бурю... И отъ иноземныхъ, и отъ своихъ враговъ польское правительство могло заслонить себя не иначе, какъ будучи въ согласіи съ Россіей, а соглашеніе съ Россіей при тогдашнемъ характерѣ поляковъ, было зависимостью отъ нея“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, уже разказывая о дѣятельности четырехлѣтняго сейма, Калинка дѣлаетъ такое замѣчаніе: „говорили, что сеймъ былъ у насъ правительствомъ, но общество не можетъ остаться при правительствѣ, которое собирается разъ въ два года, а также и высшая исполнительная власть не можетъ быть поручена нѣсколькимъ стамъ людей. Правительство должно существовать и дѣйствовать безъ перерыва: natura horret vacuum; общество, которое себя лишаетъ этого элемента, тѣмъ самымъ обрекаетъ себя добровольно на подчиненіе чужому правительству“ ³⁾.

Еще цѣлый параграфъ посвящаетъ Калинка разъясненію того, почему „постоянный совѣтъ“, учрежденный въ 1775 г. Россіей и имѣвшій значеніе правительства, сдѣлался въ Польшѣ непопулярнымъ. Именно потому, отвѣчаетъ историкъ,—что онъ все-таки былъ правительствомъ, тогда какъ уже въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній польскій шляхтичъ не чувствовалъ надъ собою публичной власти, и, помимо того, на что самъ согласился, не считалъ себя обязаннымъ кого-нибудь или чего-нибудь слушаться ⁴⁾. Изложивъ морально-политическій кодексъ польской шляхты въ XVII и XVIII вѣкахъ, авторъ

¹⁾ Ibid., I, 83.

²⁾ Ibid., I, 86.

³⁾ Ibid., I, 225—226.

⁴⁾ Параграфъ такъ и называется: *wybujały indywidualizm obywatelstwa nie znosi żadnego przymusu*. I, 341—344.

дѣлаетъ такое заключеніе: „Не споримъ, въ этомъ кодексѣ есть много прекрасныхъ аспирацій, но развѣ въ немъ есть мѣсто для государства, для правительства? Весь строй Рѣчи Посполитой такимъ образомъ опирался единственно и исключительно на доброй волю обывателя. Послѣдней не годилось ставить какія-либо препоны, и это имѣло свою хорошую сторону, но не годилось также къ ней принуждать, ибо это было уже болѣзненнымъ оптимизмомъ. Добрая воля—стимуль, совѣсть—контроль, награда—поощреніе, и вотъ всѣ *instrumenta regni*. На столь идеальной основѣ нельзя удержать государства; народъ состоитъ не изъ ангеловъ“¹⁾. Въ слѣдующемъ параграфѣ Калинка разсматриваетъ практическое примѣненіе этого кодекса къ самой жизни Рѣчи Посполитой, что даетъ ему поводъ вкратцѣ изложить старопольскую конституцію²⁾. Зло, по его мнѣнію, было не въ *liberum veto*, а въ духѣ неповиновенія: „Народъ можетъ обойтись нѣкоторое время безъ сеймовъ и законодательства, но не можетъ существовать безъ правительства“. При Августѣ III не только не могли утверждаться новые законы, но и старые утратили обязательную силу; главные органы публичной службы разорвали между собою всякую связь, и отправленія правосудія почти не существовало. Законы требовали суровой кары за уклоненія отъ исполненія повинностей, но примѣнять эту кару боялись; наказанія смягчали, но и смягченныхъ не примѣняли. Король назначалъ сановниковъ, но смѣнять ихъ не могъ, и каждый сановникъ безконтрольно хозяйничалъ въ своемъ вѣдомствѣ: Рѣчь Посполитая уподоблялась экипажу, возница котораго сидѣлъ со связанными руками, а кони тащили въ разныя стороны. Надъ судомъ не было никакого контроля, и не существовало органовъ власти, которые приводили бы въ исполненіе рѣшенія суда. Поэтому Калинка вообще хорошо относится къ учрежденному и поддерживавшемуся Россіей „постоянному совѣту“, послѣ долгаго времени въ первый разъ дававшему Польшѣ правительственную власть³⁾. Но именно вслѣдствіе того, что „*rada nieustająca*“ явилась правительствомъ въ обществѣ, отъ него отвыкнемъ, она и возбудила противъ себя это самое общество.

Таково отношеніе новѣйшаго историка четырехлѣтняго сейма къ

¹⁾ Ibid., I, 343.

²⁾ Ibid., I, 345—352.

³⁾ Ibid., I, 352—364. Rada miała główne atrybucje prawdziwego rządu, jakiego Polska od dwóch wieków nie знала, I, 352. Rada nieustająca była pierwszą próbą rządu w społeczeństwie, które się przez wiek cały odbywało bez niego. I, 361.

польскому государственному строю. Въ замѣчаніяхъ Калинки объ отдѣльныхъ сторонахъ этого строя, собственно говоря, нѣтъ ничего новаго, но онъ собралъ и обобщилъ все, что до него говорилось о недостаткахъ политической организаціи Рѣчи Посполитой. Однако не въ этой послѣдней онъ видитъ главную причину зла: польскій историкъ сошелся во взглядахъ съ однимъ изъ русскихъ историковъ, полагавшимъ всю бѣду въ общественной деморализаціи, именно съ Костомаровымъ, и пессимизмъ Калинки во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ общее отношеніе автора „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ къ нравственному состоянію польскаго общества той эпохи.

Илиаясь очень часто въ своихъ сужденіяхъ моралистомъ и даже проповѣдникомъ азбучныхъ сентенцій, Калинка обобщаетъ отмѣчаемыя имъ постоянно явленія общественной деморализаціи. По поводу того, что никто, какъ говоритъ онъ, не хотѣлъ жертвовать своимъ достаткомъ въ пользу отечества, онъ, напримѣръ, замѣчаетъ: „печальна наша политическая исторія въ XVIII вѣкѣ, но во сто кратъ тягостнѣе картина нашей общественной нравственности передъ кончиною Рѣчи Посполитой“ ¹⁾. Но, спрашиваетъ онъ сейчасъ же, — „развѣ мы хуже были другихъ въ прошломъ столѣтіи?“ — и тотчасъ же отвѣчаетъ такъ: „Не вполнѣ и не во всемъ, только наше политическое устройство приводило къ тому, что зло, которое въ насъ гнѣздилося, не встрѣчая сдержки, шире разливалось, глубже подъ нами подкапывалось“ ²⁾. Тѣмъ не менѣе онъ высказывается противъ реформаторской дѣятельности четырехлѣтняго сейма, по скольку послѣдняя касалась всего строя Рѣчи Посполитой, и, на оборотъ, больше значенія придаетъ моральному перевоспитанію общества. „Уже самая потребность такихъ перемѣнъ, которыя преобразовываютъ всю правительственную машину, предполагаетъ предшествующее долговременное верадѣіе, исправить которое нельзя сразу никакими уставами. Не законы и не учрежденія пужно было бы въ такихъ случаяхъ прежде всего улучшать, но людей или ихъ характеръ, а объ этомъ либо не думаютъ, либо на это не имѣютъ времени. Государства, которыя въ XVIII вѣкѣ слишкомъ яро (skwapliwie) поддались реформаторской лихорадкѣ, дурно кончили: Португалія, Неаполь, Австрія, а особенно Франція и Польша, не платились за это длиннымъ рядомъ бѣдствій и опасностей“ ³⁾. Въ послѣднихъ словахъ видѣнъ ксендзь, который

¹⁾ Ibid., II, 314.

²⁾ Ibid., II, 315.

³⁾ Ibid., II, 505.

не могъ одобрить даже тѣхъ реформъ въ духѣ XVIII вѣка, какія проводились „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“, да и самое перевоспитаніе народа онъ понимаетъ пѣсколько съ монашеской точки зрѣнія ¹⁾, вслѣдствіе чего остается равнодушнымъ къ успѣхамъ въ народномъ образованіи и литературѣ, все-таки сдѣланнымъ Польшею въ эту эпоху. Притомъ, по мнѣнію Калинки, „направа“ приходила слишкомъ поздно ²⁾. Поляки были несправими: они держались утопич *liberum veto*, „не выпедшей изъ польскихъ головъ даже послѣ двухъ конфедерацій и перваго раздѣла; другою такою же утопией была вольная элекція королей, а эта намъ обошлась“, говоритъ историкъ, — „еще въ одну конфедерацію и въ два послѣдніе раздѣла“ ³⁾.

Таково отношеніе Калинки къ внутреннимъ дѣламъ Польши: его взглядъ на политическое и моральное состояніе Рѣчи Посполитой отличается крайнимъ пессимизмомъ. Съ другой стороны, судьба государства зависѣла отъ отношеній къ сосѣдямъ, и, конечно, взглядъ историка, особенно тщательно изучавшаго вѣдшнюю политику, весьма важенъ для опредѣленія этихъ отношеній. Въ особомъ параграфѣ, вставленномъ въ разказъ о первыхъ шагахъ сейма, и озаглавленномъ „Отношеніе Рѣчи Посполитой къ тремъ сосѣднимъ державамъ“ ⁴⁾, Калинка и разсматриваетъ этотъ предметъ. Объяснивъ, почему изъ трехъ державъ Австріи ⁵⁾ имѣла наименѣе интереса уменьшать Польшу и даже имѣла положительный интересъ ее защитить (боязни увеличенія Пруссіи на счетъ Польши), хотя первая же подала знакъ раздѣла и потомъ оказалась наиболее жадною, — и почему Польша не могла сблизиться съ Австріей (политика Юсифа II), историкъ замѣчаетъ, что Рѣчи Посполитой оставалось выбирать между Россіей и Пруссіей. „Со времени союза съ Августомъ II противъ Швеціи“, говоритъ онъ, — „Россія пріобрѣла въ Рѣчи Посполитой преобладающее вліяніе и энергично стремилась его поддержать и расширить. Она охраняла Польшу, чтобъ ею заградиться отъ Европы, но въ Польшѣ она охраняла авархію. Эта ея политика довела до перваго раздѣла. Въ раздѣлѣ приняла Россія участіе неохотно и получила наихудшую

¹⁾ Ibid., I, 295.

²⁾ Ibid., II, 316, 393.

³⁾ Ibid., II, 487.

⁴⁾ Ibid., I, 241—247.

⁵⁾ Отмѣчу въ II томѣ (стр. 93—100) параграфъ „Галиція“, гдѣ говорится, что изъ трехъ провинцій, доставшихся по первому раздѣлу чужеземцамъ, самою несчастною была Галиція.

часть, но вознаградила себя за эту утрату признанною за нею со стороны сосѣдей опекою надъ Рѣчью Посполитою. Была тягостна и обидна ея опека, но все-таки послѣ перваго раздѣла она была настолько лучше, чѣмъ прежде, что дозволяла известное укрѣпленіе правительства, улучшение внутренней администраціи, созданіе нѣкоторыхъ государственныхъ порядковъ, чего совершенно не было въ Польшѣ. Это была заслуга Штакельберга, признать которую требуетъ справедливость. Вслѣдствіе турецкой войны согласилась въ концѣ Россія и на увеличеніе вооруженныхъ силъ. Можно было надѣяться, что страна, хоть сколько-нибудь благоустроенная, снабженная арміей, на какую хватило бы ея силъ, приготовивъ людей, приспособленныхъ для общественной службы, и отряхнувъ съ себя вѣковыя свои пороки, со временемъ по самой силѣ вещей пришла бы къ большей внутренней прочности и большому значенію извнѣ и понемногу, но съ каждымъ разомъ все больше стала бы уходить изъ-подъ московскаго деспотизма. Все дѣло было только въ терпѣніи, работѣ, согласіи, и программа эта соответствовала бы надеждѣ, на нее возложенной. Разъ польское правительство не могло обойтись безъ иностранной опеки, русская опека была самая выгодная изъ всѣхъ, какія допускали тогдашнія обстоятельства. Нужно прибавить, что со стороны Россіи вовсе не грозила опасность новыхъ заборовъ,—напротивъ, отъ нея можно было ожидать охраны отъ Пруссіи,—и что въ матеріальномъ, торговомъ отношеніи Рѣчь Посполитая не испытывала отъ Москвы угѣсненія, а на оборотъ—имѣла уже известныя выгоды и могла еще получить большія. Религіозный вопросъ, который является ядромъ теперешняго антагонизма, еще не раздѣлялъ тогда обихъ народовъ¹⁾. Поэтому отношеніе Польши къ Россіи, которое, съ одной стороны, было непріятно и обидно, Калинка считаетъ, съ другой стороны, сноснымъ и даже выгоднымъ, тѣмъ болѣе, что сами поляки своими постоянными обращеніями въ Петербургъ вмѣшивали Россію въ собственныя внутреннія дѣла, которыя Екатерина, на оборотъ, предоставляла самимъ полякамъ. Быть можетъ, думаетъ авторъ,—при жизни Екатерины полякамъ и не удалось бы избавиться отъ чужой опеки. Мало того, католическому автору рисуется и болѣе блестящая перспектива: сохраненіе дружественнаго отношенія къ Россіи помогло бы Польшѣ въ „ея цивилизаторской миссіи на востокѣ, которая для Польши является жизненнымъ первымъ и безъ

¹⁾ Ibid., I, 242—243.

которой она не имѣетъ *raison d'être* ¹⁾): Польша приобрѣла для церкви (католической) и цивилизаціи Литву, и ей надлежало принять на себя ту же задачу и по отношенію къ „Москвѣ“. „Совѣтъ иной природы было отношеніе Польши къ Пруссіи“, говоритъ историкъ, переходя къ опѣнкѣ послѣдняго отношенія, какъ извѣстно, припеснаго много для Рѣчи Посполитой: Пруссіи нужны были новыя земли, а „Россія не нуждалась въ польской землѣ, имѣла своей довольно“ ²⁾). Патриотизмъ и разумъ велѣли идти за Россіей, и если Польша тѣмъ не менѣе не пошла за нею, то, по мнѣнію Калинки, вся вина этого въ „брутальствѣ Россіи и ея представителей“, которое „изглаживало изъ памяти выгоды пріязненнаго съ нею сосѣдства“: объ этомъ авторъ „Четырехлѣтняго сейма“ написалъ цѣлый параграфъ ³⁾). Ненависть къ Штакельбергу перенесли на все, что зависѣло отъ Россіи, на короля, на его сторонниковъ, на учрежденія, созданныя по волѣ Екатерины ⁴⁾).

Калинка симпатизируетъ союзу съ Россіей, о коемъ помышлялъ Станиславъ Августъ, именно съ точки зрѣнія станьчиковскихъ принциповъ, перенесенныхъ въ обсужденіе событій прошлаго: своего рода оппортунизмъ, отвращеніе отъ рискованныхъ предпріятій, извлеченіе выгодъ изъ даннаго положенія вещей, паталкивали Калинку на такого рода мысль, помню дѣйствительныхъ фактовъ, говорившихъ въ пользу той же мысли, и фантазій спеціально католическаго свойства, по видимому, немало занимавшихъ историка четырехлѣтняго сейма. По поводу этихъ фантазій нельзя, однако, не замѣтить, что, какъ историкъ, Калинка долженъ былъ бы понимать вещи трезвѣе, тѣмъ болѣе, что въ его отношеніи къ униатскому дѣлу въ самой Рѣчи Посполитой много вѣрныхъ замѣчаній и здравыхъ взглядовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ его фантазіей объ обращеніи Россіи въ като-

¹⁾ Въ 1885 г. Калинка, вмѣстѣ съ бенедиктинскимъ монахомъ Гененомъ (Guérin) издалъ во Львовѣ *Żywot św. Józefa Kupcewicza*, гдѣ проводится та же мысль: „Первымъ признакомъ воскресенія (odźwiecia) Польши будетъ походъ на востокъ не съ мечемъ, а съ крестомъ“. Въ концѣ же совѣтуется всѣмъ полякамъ подняться, „*jak jeden mał*“, для обращенія Россіи въ унию!!! Въ 1883 г. онъ издалъ еще брошюру „*Schyzma i unia*“.

²⁾ *Sejm czteroletni*, I, 244—246.

³⁾ *Ibid.*, I, 260.

⁴⁾ *Ibid.*, I, 250. О выгодности союза съ Россіей, обеспечивавшаго цѣлость территоріи и внутренній порядокъ, см. разсужденія автора и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, II, 279 sq.

лицизмъ. Въ концѣ довольно длиннаго эпизода объ „украинскихъ бунтахъ“, такъ переполошившихъ всю Польшу вообще и въ частности самый сеймъ ¹⁾, разказавъ объ Execuціяхъ въ Дубиѣ, Кременцѣ и Владиміръ-Волинскомъ, чинившихся надъ заподозрѣнными хлопамъ и униатскими попами, Калинка говоритъ: „Отсюда русскій хлопъ на Волыни сдѣлался еще болѣе завзятымъ непріятелемъ польской власти... Съ тѣхъ же поръ и униатскій ксендзъ на Волыни, который и прежде не былъ достаточно утверждёнъ въ вѣрѣ, утратилъ безъ остатка привязанность къ церкви, и извѣстно, что позднѣе достаточно было одного указа Екатерины для того, чтобы униа чуть не сразу исчезла въ Руси“ ²⁾. Объ униатскихъ дѣлахъ есть во второмъ томѣ „Четырехлѣтняго сейма“ цѣлый параграфъ, довольно обстоятельно знакомящій насъ со взглядами автора на этотъ предметъ ³⁾. Калинка порицаетъ недопущеніе „русскихъ владыкъ“ въ королевскій совѣтъ, то-есть, сепать, не одобряетъ нерасположеніе латинскихъ епископовъ къ униі и ихъ стремленіе уничтожить унию посредствомъ прямого распространенія католицизма, находитъ невыгоднымъ то, что униа, сдѣлавшаяся религіей однихъ мѣщанъ и хлоповъ, утратила всякую политическую силу. При этомъ авторъ старается выставить на видъ, что такая политика польскаго епископата и шляхты шла въ разрѣзъ съ настоящими видами св. престола и Польскихъ королей. „Безъ апостольскаго труда“, говоритъ онъ, — „безъ услугъ церкви, при пренебреженіи и неуваженіи къ униі, господство Польши надъ Русью зависѣло только отъ силы оружія, а когда это оружіе притупилось и заржавѣло, должно было рухнуть и своею тяжестью пало на самую Польшу. Раньше или позже кара идетъ въ слѣдъ за грѣхомъ, несчастье за зломъ. Пока Русь держалась съ Польшей, до тѣхъ поръ Москва была безсильна противъ Рѣчи Посполитой; нѣсколько разъ начинавшіеся наступательныя войны всегда кончались съ позоромъ для московскихъ царей. Лишь тогда, когда Русь стала на сторону послѣднихъ, наши опіи, а съ ними и „схизма“ пастежь открытыми къ намъ ворота“ ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ Калинка говоритъ: „Самымъ сподручнымъ для „схизмы“ и Россіи союзникомъ была наша собственная, вѣковая нерадивость

¹⁾ Ibid., I, 393 sq.

²⁾ Ibid., I, 441—442.

³⁾ Ibid., II, 362 sq.

⁴⁾ Ibid., II, 370.

относительно униі и неуваженіе къ ней поляковъ¹⁾. По мѣстамъ, какъ признаеть самъ Калинка, униа существовала только по имени²⁾. Понятно всего этого странно, что на союзъ Польши съ Россіей онъ возлагалъ такіа надежды въ смыслѣ возможности распространенія униі и на „Москву“, разъ онъ самъ видѣлъ всю ея непрочность тамъ, гдѣ она существовала, и всю несправедливость отношенія къ ней со стороны поляковъ. Нужно все-таки поставить на видъ, что, изображая дѣла прошлаго, Калинка въ столь щекотливомъ для католическаго священника вопросѣ, каковъ вопросъ о положеніи униатовъ въ Рѣчи Посполитой, сумѣлъ удержаться на высотѣ задачи настоящаго историка, и не безъ особаго права онъ могъ поставить себя въ заслугу то, что поднялъ вопросъ, который другими историками охотно обходился³⁾.

Возвращаемся къ изложенію мыслей Калинки относительно союза Рѣчи Посполитой съ Россіей. Мы только-что видѣли, что изъ трехъ державъ, съ коими Польша находилась въ сосѣдствѣ, историкъ указываетъ на Россію, какъ именно на ту державу, съ которою полякамъ всего выгоднѣе было находиться въ союзѣ, ибо только при существованіи послѣдняго Рѣчь Посполитая могла бы упорядочить свои внутреннія отношенія. Такимъ образомъ Калинка видитъ въ русскомъ союзѣ средство для цѣлей внутренней политики, а не для какихъ-нибудь внѣшнихъ предпріятій. Находя, напримѣръ, что замышлявшійся Станиславомъ-Августомъ наступательный союзъ съ Россіей для общей войны съ Турціей, могъ бы пробудить уснувшую воинственность народа и быть предлогомъ для увеличенія арміи⁴⁾, онъ, однако, не скрываетъ своего удовольствія по поводу того, что такой союзъ не состоялся. Вопервыхъ, Рѣчь Посполитая совершенно должна была бы въ этомъ союзѣ подчиниться русской политикѣ, а во вторыхъ, для Польши пужно было прежде всего устроить свои внутреннія дѣла. Среди внѣшнихъ затрудненій, наставшихъ для пожившихся уже на счетъ Польши державъ, польская нація могла бы осторожно двигаться впередъ „въ не вооруженномъ, но уже вооружающемся нейтралитетѣ“, дѣлая что-либо существенное для усиленія своего государства съ дозволенія Россіи, даже съ поддержкою со стороны ея

¹⁾ Ibid., II, 373.

²⁾ Ibid., II, 384.

³⁾ Изложивъ въ трехъ параграфахъ униатскія дѣла на сеймѣ, Калинка замѣчаетъ, что русскія отношенія у польскихъ историковъ буваду romjane. II, 393.

⁴⁾ Ibid., I, 61.

посланника, а также безъ возраженій со стороны Австріи. „Это временное улажаніе (uglaskanie) сосѣдей было заслугой Станислава-Августа“, но эту-то заслугу его Рѣчь Посполитая и не воспользовалась¹⁾. Известно, что дѣятельность четырехлѣтняго сейма была направлена противъ Россіи: это было именно то рискованное предпріятіе, коего не могъ одобрить Калинка, такъ что четырехлѣтній сеймъ съ двухъ точекъ зрѣнія долженъ былъ вызвать его неодобреніе: сеймъ этотъ задумалъ все перестранвать, когда пужно было больше всего заботиться о перевоспитаніи общества, и притомъ задуманная имъ перестройка была направлена противъ державы, съ кою Польша должна была бы паходиться въ дружбѣ ради собственнаго блага. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ книги замѣтно нерасположеніе автора къ четырехлѣтнему сейму за нѣкоторое родство его мѣръ съ идеями XVIII в., не могшими быть симпатичными историкомъ „змартыхвстанцу“.

Отношеніе Калинки къ сейму, дѣйствительно, самое отрицательное. По его изображенію, въ Польшѣ передъ сеймомъ было значительное оживленіе, явилась охота воспользоваться затрудненіями двухъ ея самыхъ могущественныхъ сосѣдокъ, но о крупныхъ политическихъ реформахъ, говоритъ авторъ, о преобразованіи правительства никто, кромѣ нѣсколькихъ неспокойныхъ головъ, не думалъ. Программа большинства была—умножить войско и съ помощью конфедератскаго сейма вывести Рѣчь Посполитую изъ ся ослабленія; но громадное большинство шляхты, вслѣдствіе полнаго невѣжества въ дѣлахъ политики и администраціи, не имѣло ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ все это сдѣлать²⁾. На сеймкахъ передъ сеймомъ 1788 г. шляхта всю свою политическую мудрость видѣла въ томъ, чтобъ идти за панами, и хотя всѣ они соглашались на королевское предложеніе объ увеличеніи арміи, но лашъ подъ условіями и съ оговорками, которыя не свидѣтельствуютъ ни въ пользу охоты шляхты чѣмъ-либо жертвовать, ни въ пользу пониманія ею дѣйствительныхъ нуждъ края³⁾.

Въ исторіи самого сейма Калинка отмѣчаетъ ошибку за ошлябкой, изъ коихъ главною было, по его мнѣнію, образованіе партій, вра-

¹⁾ Ibid., I, 109—111.

²⁾ Ibid., I, 113—114.

³⁾ Ibid., I, 136—137.

ждебной королю и шедшей потомъ на буксирѣ Пруссіи ¹⁾). Не разъ онъ высказываетъ такой взглядъ, что главными руководителями пословъ были фантазія и чувство, а не знаніе и здравый смыслъ ²⁾). То и дѣло онъ говорить о полномъ неумѣніи пословъ вести дѣла въ какомъ бы то ни было порядкѣ ³⁾). Съ едва скрываемою горечью онъ отмѣчаетъ у нихъ отсутствіе настоящаго патріотизма, хотя бы дѣлая партія и называла себя *par excellence* патріотическою ⁴⁾). Тираниа большинства пословъ по отношенію ко всякому независимому голосу ⁵⁾, вліяніе свѣтскихъ дамъ на сеймовыя совѣщанія ⁶⁾, полное отсутствіе на сеймѣ „политическихъ головъ“ ⁷⁾ и т. д. налагаютъ еще болѣе темныя краски на эту картинну четырехлѣтняго сейма, хотя во всемъ этомъ много преувеличеній, что и было отмѣчено критикой ⁸⁾. Калника находить, дажѣ, что сдѣланныя въ началѣ сейма королемъ предложенія вели наилучшимъ образомъ къ дѣлу „безъ потрясеній и насильственныхъ реформъ, коихъ вовсе не желало громадное большинство сеймовыхъ инструкцій посламъ, и изъ коихъ ни одна не была столь настоятельно, дабы предшествовать вооруженію страны. Дорогою, ведущею къ дѣлу, было найдти прежде всего новые источники доходовъ, потомъ, по мѣрѣ ихъ находженія, умножать войско и затѣмъ лишь, на сколько хватило бы времени, употребить эти доходы на административныя и судебныя улучшенія“. Главное—все можно было бы сдѣлать, „не поднимая щекотливыхъ вопросовъ и не беря на себя слишкомъ трудныхъ задачъ, которыхъ Рѣчь Посполитая еще не въ состояніи была разрѣшить“. И противъ „обидной зависимости отъ Россіи“ было лѣкарство въ самыхъ законахъ: не испровергая гарантированныхъ Россіей учрежденій, можно было бы наполнить ихъ людьми, которые представляли бы

¹⁾ Ibid., I, 174. Другія ошибки, I, 185 sq., 209, 224, 303—304, 332, 477 sq. II, 250—251, 538.

²⁾ Ibid., I, 196, 329, 332, 375. II, 283, 285, 288.

³⁾ Ibid., I, 198—199, 222, 273—274, 311 sq. (§ : nieporządek obrad sejmowych), 396, 480—481, 525, 656. II, 346, 598 и др.

⁴⁾ Ibid., I, 201.

⁵⁾ Ibid., I, 250 sq., 283—284. II, 281.

⁶⁾ Ibid., I, 255 sq.

⁷⁾ Nie brakowało w tym sejmie ludzi zasnych, nie brakowało i patriotycznego zapału; zdolnych liczono wielu, świątłych i rozumnych kilku, choć politycznych głów nie było. I, 677.

⁸⁾ Korzon въ *Ateneum*'ѣ 1881. Luty, 346 sq., 351.

собою сеймовое большинство. Сеймъ однако пошелъ совсѣмъ по другой дорогѣ, по дорогѣ революціонной, предпочитая порвать всякую связь съ отношеніями, коими онъ могъ бы съ пользою пользоваться ¹⁾. Разбирая постановленія сейма объ арміи и финансахъ, авторъ замѣчаетъ, что, не создавъ ни того, ни другого, сеймъ не могъ оставить послѣ себя ничего, „кромя нѣсколькихъ томовъ печатной макулатуры ²⁾“. „Сеймъ“, говоритъ онъ еще по поводу его правительственныхъ реформъ, — „разбилъ правительственную машину, но вмѣсто нея ничего не склсилъ, и онъ-то былъ виновникомъ той анархіи, которая вкралась во всѣ отдѣлы государственной службы“ ³⁾. Между тѣмъ, сеймовые вожаки, сами уничтожившіе „постоянный совѣтъ“, какъ учрежденіе, гарантированное сосѣдними державами и державшее Польшу отъ нихъ въ зависимости, не хотѣли устанавливать новаго правительства, не имѣя полной увѣренности въ томъ, что найдутъ въ союзѣ съ Пруссіей для своего дѣла санкцію и оборону ⁴⁾. Связавшись, кромѣ того, съ Пруссіи королемъ, сеймъ сдѣлалъ одну ошибку, а оттолкнувъ отъ себя этого союзника, совершилъ другую: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ навлекъ на Рѣчь Посполитую одинъ бѣды ⁵⁾.

Черезъ все сочиненіе Калинки такимъ образомъ проходитъ та мысль, что разрывъ съ Россіей и переходъ на сторону Пруссіи были большою ошибкой со стороны поляковъ, были политикой приключеній. О томъ же четырехлѣтнемъ сеймѣ и по тому же вопросу Калинкѣ приходилось высказываться ранѣе, но тогда взгляды его были иные: именно въ биографіи Фаддея Тышкевича онъ не скрываетъ своей симпатіи къ оппозиціонной партіи, порицая вмѣстѣ съ тѣмъ короля и брата его, примаса ⁶⁾. Какъ мы видѣли, уже въ „Послѣднихъ годахъ царствованія Станислава Августа“ онъ перемѣнилъ свою точку зрѣнія подъ вліяніемъ усвоенныхъ имъ передъ выходомъ въ свѣтъ этого сочиненія новыхъ политическихъ убѣжденій. Еще болѣе утвердился онъ на новой точкѣ зрѣнія въ „Четырехлѣтнемъ сеймѣ“, ознакомившись съ матеріаломъ берлинскаго и вѣнскаго тайныхъ архивовъ: разобрать по ниточкамъ всю сѣть той

¹⁾ Ibid., I, 477—478. II, 280.

²⁾ Ibid., I, 573.

³⁾ Ibid., I, 579. Имѣется въ виду уничтоженіе гady nieustawczej.

⁴⁾ Ibid., I, 626.

⁵⁾ Ibid., II, 250—251.

⁶⁾ Smoleński. Stanowisko Kalinki, 38.

интриги, въ какую запутывала Рѣчь Посполитую Пруссію, онъ и обрушивается на партію, пошедшую за Пруссіей, не принимая въ расчетъ, что интрига эта велась тайно, такъ что „патріотическая“ партія не могла предвидѣть послѣдствій берлинской дружбы. Расхваливая Станислава Августа и его брата, примаса, за ихъ желаніе быть въ согласіи съ Россіей, Калинка не основывается, однако, на какихъ-нибудь положительныхъ данныхъ, которыя представляла бы тогдашняя русская политика, притомъ не бывшая ему извѣстной, въ такой степени, по крайней мѣрѣ, какъ прусская и австрійская, а исходитъ изъ общихъ соображеній, что и ослабляетъ, конечно, силу упрековъ, дѣлаемыхъ имъ по адресу „патріотовъ“¹⁾. По отношенію къ „патріотической“ партіи у историка были матеріалы, на основаніи коихъ онъ можетъ теперь, слѣдя шагъ за шагомъ за ея поведеніемъ, обвинять ее въ недалковидности, по у него не было такого же матеріала подъ руками для сужденія о дѣятельности ея противниковъ, а это въ книгѣ его будетъ составлять *locum tinoris resistantiae* для людей, несогласныхъ съ его взглядами: критика могла бы требовать отъ историка, чтобы онъ такъ же документально доказалъ дальновидность Станислава Августа и его партіи, какъ документально доказана имъ близорукость его противниковъ. Какъ и въ „Послѣднихъ годахъ царствованія Станислава Августа“, такъ и здѣсь, историкъ можетъ быть обвиненъ въ партійности по отношенію къ людямъ, о которыхъ ему приходится говорить²⁾. Весьма естественно, что Калинка является защитникомъ Станислава Августа: онъ ублажилъ Россію и Австрію передъ четырехлѣтнимъ себѣмъ, давъ такимъ образомъ Польшѣ возможность заняться своимъ внутреннимъ устроеніемъ³⁾; онъ организовалъ въ Польшѣ хотя маленькое, но порядочное все-таки войско⁴⁾; какъ ни на есть, хотя и съ помощью Россіи, онъ все-таки заводилъ въ Рѣчи Посполитой правительственную власть⁵⁾; доселѣ не оцѣнена та великая заслуга

1) Jak nikt dzisiaj, dzięki badaniom Kalinki, nie ma wątpliwości o wartości przyjaźni z Prusami, tak z drugiej strony nikt nie może zasadnie przeciwstawić stronnictwu patryotycznemu obozu królewskiego bez informocyi zró: lno syjskich. Може бы по ихъ познанію зрівноважили ся шансе стронництв, а wtenczas i opinia o patryotycznym, tak niedorzeczne wobec opramienionego iluzję obozu Stanisława Augusta, wypadłoby inaczej. Ibid., 39.

2) См. нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній у *Смолевскаго*, стр. 39—40.

3) Ibid., I, 111.

4) Ibid., I, 162.

5) Ibid., I, 226, 355—360.

короля на четырехлѣтнемъ сеймѣ, что своею уступчивостію онъ не далъ прусской партіи разорвать сеймъ ¹⁾ и проч., и проч. Въ предисловіи ко второму изданію Калиника говорятъ объ одномъ изъ своихъ критиковъ, который поставилъ ему въ вину такое отношеніе къ Станиславу Августу. „Не смѣю“, замѣчаетъ онъ,—, совершенно снять съ себя этотъ упрекъ..... Иво всѣхъ Польскихъ королей Станиславъ Августъ былъ самый несчастный, наиболѣе долженъ былъ претерпѣть отъ своего народа: трудно, чтобы историкъ, пишущій о немъ, выбросилъ это совсѣмъ изъ своей памяти..... Не думаю, однако, чтобы меня можно было обвинить въ умыленномъ сокрытіи грѣховъ Станислава Августа; отвѣтомъ на такой упрекъ могли бы послужить тѣ главы, гдѣ пишущій подробно выставляетъ такіа ошибки короля, о коихъ до тѣхъ поръ мало знали или совсѣмъ не знали. Одинъ изъ моихъ рецензентовъ, порицая эту слишкомъ большую, какъ онъ выражается, благосклонность къ королю, борется противъ меня фактами и сужденіями, почерпнутыми въ моей же книгѣ. Это одно должно было бы его убѣдить, что я не прячу правды отъ своихъ читателей“ ²⁾. Это совершенно вѣрно: къ чести Калиника, какъ историка, нужно сказать, что, стараясь выставить на видъ „заслуги Станислава Августа“, оправдать его политику, родственную станьчиковской, онъ не увлекся въ преслѣдованіи своей цѣли до забвенія своей обязанности обобщать всѣ факты, а не подбирать только извѣстные.

Въ заключеніе этого обзора труда Калиника укажемъ на главу о „политической литературѣ этой эпохи“ ³⁾. Калиника говоритъ здѣсь прежде всего о Руссо, который, какъ онъ выражается, „принесилъ съ собою то, что находилъ у поляковъ, приходилъ въ своимъ, и свои его уянали“ ⁴⁾, указывая этими словами на сродство политическихъ идей самого Руссо и идей поляковъ, коимъ онъ давалъ политическіе совѣты ⁵⁾. Авторъ отмѣчаетъ однако и разницу: въ государствѣ Руссо каждый гражданинъ есть не только часть суверена, но и слуга цѣлаго, но послѣдняя сторона теоріи женевскаго

¹⁾ Ibid., I, 300—301.

²⁾ Ibid., II. Przedmowa do drugiego wydania, стр. VI—VII. Критикомъ этотъ былъ г. Корзонъ.

³⁾ Ibid., II, 407—502.

⁴⁾ Ibid., II, 411.

⁵⁾ Te wszystkie ustępy z *Umowy Społecznej*, to jakby nasz kodeks polityczny z czasów suskich, w następnych pokoleniach przechowany. II, 415.

гражданина и не нашла сторонниковъ въ Польшѣ ¹⁾. О другомъ французскомъ политическомъ писателѣ, равнымъ образомъ дававшимъ, какъ и Руссо, полякамъ политическіе совѣты, то-есть, о Мабли ²⁾, авторъ „Четырехлѣтняго сейма“ ничего не говоритъ. Изъ польскихъ публицистовъ Калинка разсматриваетъ Станислава Сташица, Гюгона Коллонтая, Северина Ржевускаго и Анонима. Въ общемъ онъ не особенно высокаго мнѣнія о достоинствахъ ихъ политическихъ плановъ ³⁾, хотя и находитъ, что зло они хорошо видѣли и его не скрывали. „Читать сочиненія Сташица“, говоритъ онъ, оканчивая параграфъ, посвященный послѣднему, — „читать ихъ и обдумывать должны и теперь тѣ въ особенности историки и публицисты, которые не хотятъ понять, въ на сколько, дѣйствительно, большой мѣрѣ народъ самъ былъ виновникомъ своихъ поражений“ ⁴⁾.

Изъ третьяго тома „Четырехлѣтняго сейма“, начатаго авторомъ передъ смертью, была напечатана въ нѣсколькихъ нумерахъ издающейся въ Петербургѣ польской газеты Край за 1887—1888 годы довольно значительные отрывки, которые можно раздѣлять на двѣ категоріи: въ первыхъ идетъ рѣчь о виѣшней политикѣ предъ переворотомъ 3-го мая, вторые составляютъ какъ бы главу объ этомъ переворотѣ ⁵⁾. По представленію Калинки, конституція 3-го мая дала Польшѣ очень много: она создавала правительство, котораго не было въ государствѣ послѣ уничтоженія „постояннаго совѣта“, соединяла въ одно цѣлое правительственныя комиссіи, уничтожала „liberum veto“ и конфедерации, требовала для сеймовыхъ рѣшеній санкции сената и отрекалась отъ вольной элекціи королей, а кромѣ того, нація признавала здѣсь прежнія свои ошибки, и самый переворотъ не стоилъ никому ни одной капли крови, ни одной слезы. „Государство“, продолжаетъ авторъ, — „разстроеное болѣе, нежели столѣтней анархіей, не умѣвшее ни управляться, ни защищаться, оказывалось способнымъ къ управленію, способнымъ держаться собственными силами, лишь

¹⁾ Ibid., II, 415—416.

²⁾ *Mably*. Du gouvernement et des lois de Pologne. См. у насъ гл. III.

³⁾ См., напримѣръ, стр. 428, 444, 489. Исключенія дѣлаются для „Myśli politycznych dla Polaki“ (1789 г.), вышедшей безъ имени автора. Анонимъ былъ тогдашній примасъ, братъ короля.

⁴⁾ Ibid., II, 435.

⁵⁾ 1) Довѣренное лицо короля (аб. Піатоли); 2) Тайственные приготовления; 3) На каузу переворота; 4) Государственный переворотъ; 5) Государственное право (prawo gżadowe) и его оценка.

бы ему не мѣшали сосѣди¹⁾. Калинка не нравится, однако, робость, съ какою составители конституціи заявляютъ новыя принципы, нерѣшительность, оставившая въ ней многое не договореннымъ, и это свое мнѣніе онъ подкрѣпляетъ анализомъ нѣкоторыхъ подробностей конституціи²⁾. Съ другой стороны, многіе старые принципы, въ коиъ лежалъ корень всякихъ золъ, остались неприкосновенными въ конституціи 3-го мая. Но самымъ въ ней печальнымъ фактомъ (*najsmutniejszy w konstytucyi 3 maja jest fakt*), по словамъ автора, является то, что она „почти ничего не сдѣлала для крестьянъ“. — „И вотъ“, продолжаетъ онъ, — „государство, которое пожелало воспрянуть изъ паденія, которое признаетъ старыя свои ошибки и стремится исправить свое правленіе, не дѣлаетъ ничего для улучшения участи того класса, который сама же конституція 3-го мая называетъ самую полезною силой. Можно было бы сказать, что польская шляхта, спасая страну, имѣла въ мысляхъ не весь народъ, а только самоё себя“. Калинка объясняетъ дѣло тѣмъ, что творцы конституціи 3-го мая не смѣли идти далѣе при общемъ настроеніи шляхты: „Нужно допустить“, говоритъ авторъ, — „что творцы устава правленія ожидали отъ власти наслѣдственныхъ королей рѣшенія этого вопроса, какъ и введенія другихъ политическихъ и социальныхъ реформъ, начало коиъ было положено въ конституціи“. Переходя къ вопросу о сукцессіи трона, въ принципѣ одобренной авторомъ, Калинка выражаетъ ту мысль, что сразу, насильственно не слѣдовало ее вводить. Прежде, говоритъ онъ, нужно было отвѣтить на вопросы: 1) желалъ ли наслѣдственности престола самъ народъ такъ сильно, чтобы быть готовымъ въ случаѣ надобности защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ; 2) приняла ли бы корону избранная династія, и 3) согласились ли бы на эту перемѣну сосѣди. Отвѣты, прибавляетъ авторъ, могли быть лишь отрицательныя³⁾. Въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ, Калинка сходится во мнѣніи съ г. Корзономъ.

Когда вышелъ въ свѣтъ первый томъ сочиненія Калинки, въ нѣсколько недѣль его не было болѣе въ продажѣ, и одинъ за другимъ критики стали прославлять новое историческое произведеніе Калинки³⁾. Исключеніе составилъ одинъ г. Корзонъ, помѣстившій въ

¹⁾ *Przegląd literacki*. Dodatek do *Kraju*. 1888. № 9.

²⁾ *Ibid.*, № 10. Противъ конституціи было нерасположеніе большей части воеводствъ. *Ibid.*, № 11. Въ концѣ своей рукописи авторъ опровергаетъ утвержденіе, будто депеши, читавшіяся передъ принятіемъ конституціи, были подложныя.

³⁾ Cf. *Jahresbericht der Geschichtswissenschaft*. IV Jahrgang. Berlin. 1885. II, 845.

февральской книгѣ варшавскаго Атеней за 1881 г. статью подъ заглавіемъ „Начало четырехлѣтнаго сейма“¹⁾), въ которой довольно сурово отнесся къ тому, какъ вообще изображаетъ Калинка внутреннюю исторію Польши за эту эпоху. „Мы“, говоритъ онъ,—„не знаемъ тѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ главнымъ образомъ писалъ Калинка свой трудъ; мы изслѣдовали ту же самую эпоху съ иной точки зрѣнія (z innego stanowiska) и съ другими документами; поэтому въ случаѣ спора мы не могли бы сражаться равнымъ оружіемъ; въ разборѣ по существу дѣла мы не можемъ перебрать подробности и частныя сужденія, содержащіяся въ томѣ, заключающемъ въ себѣ 37 листовъ, но мы думаемъ, что не бесполезнымъ будетъ изложить отличныя и часто противоположныя этимъ сужденіямъ замѣчанія, сдѣланныя нами на основаніи собственныхъ изслѣдованій“²⁾). „Въ своихъ изслѣдованіяхъ“, говоритъ онъ—„еще, мы встрѣтились на одной и той же эпохѣ, по мы смотрѣли на общество съ двухъ далеко не одинаковыхъ точекъ зрѣнія, мы—снизу, кс. Калинка сверху, изъ канцеляріи дипломатовъ, отъ трона Станислава-Августа“³⁾). Этимъ г. Корзонъ объясняетъ различіе взглядовъ своихъ и автора „Четырехлѣтнаго сейма“, а состоитъ различіе это вотъ въ чемъ: г. Корзонъ защищаетъ то, что подвергается осужденію у Калинки, и на оборотъ, то, что у послѣдняго вызываетъ похвалу, названный критикъ находитъ болѣе достойнымъ порицанія. Указанная статья имѣетъ характеръ апологіи четырехлѣтнаго сейма. Г. Корзонъ защищаетъ все общество, которое Калинка изображаетъ испорченнымъ и анархичнымъ⁴⁾); защищаетъ дѣятельность сейма⁵⁾); защищаетъ патріотическую партію, къ которой такъ неблаговольтъ авторъ⁶⁾); отвергаетъ упреки Калинки относительно сеймовой и уличной тиранинн и вліянія женщинъ на сеймовыя пренія, указывая на то, что сеймы и парламенты не академіи и что, по изображенію Тэна, во французскомъ національномъ собраніи (конституантъ) непорядковъ было больше, чѣмъ въ четырехлѣтнемъ сеймѣ⁷⁾, и такъ далѣе. Тѣмъ не мѣнѣе г. Корзонъ не считаетъ невозможнымъ окончательное

¹⁾ Т. Корзон. Początki sejmów czteroletniego. *Ateneum*, 1881, luty, 324—354.

²⁾ *Ibid.*, 329.

³⁾ *Ibid.*, 354.

⁴⁾ *Ibid.*, 332 sq.

⁵⁾ *Ibid.*, 334 sq.

⁶⁾ *Ibid.*, 345.

⁷⁾ *Ibid.*, 346, 347, 351.

примиреніе противорѣчій ¹⁾). Всѣ эти замѣчанія заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что принадлежатъ перу выдающагося историка, который самъ издалъ капитальный трудъ объ этой эпохѣ: мы видимъ, однако, что историкъ этотъ кореннымъ образомъ расходится съ Калинкою. „Г. Корзонъ“, говоритъ одинъ изъ его критиковъ, — „въ отношеніи краковской школы стоитъ на діаметрально противоположной сторонѣ; результаты его изслѣдованій должны равно или повдно изгнать изъ исторіографіи взгляды, окрашенные политическими тенденціями... Нельзя“, замѣчаетъ онъ еще, — „смпѣваться относительно матеріала, пошедшаго въ дѣло, и примѣннаго къ изслѣдованію метода на полученныя результаты, но не въ одномъ различіи источниковъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать разницы между взглядами г. Корзона и краковской школы. Намъ пріятно въ славѣ нашей исторіографіи отмѣтить тотъ фактъ, что г. Корзонъ стоитъ выше доктринъ и отдаетъ дань одной истинѣ. Съ подозрительностью литвина, какъ самъ онъ любитъ выражаться, онъ восемь лѣтъ всматривался въ тайны послѣднихъ поколѣній Рѣчи Посполитой не для того, чтобы изъ полученныхъ впечатлѣній дѣлать бичи на мертвыхъ и живыхъ, не для того, чтобы подтверждать результатами изслѣдованій и преподносить для пользованія текущей минуты политическія теоріи — но единственно во имя глубокой потребности искать истину“ ²⁾). Самъ г. Корзонъ въ предисловіи къ первому тому своего труда по „Внутренней исторіи Польши въ царствованіе Станислава Августа“ ³⁾ опредѣляетъ свою задачу въ томъ смыслѣ, что прежніе историки занимались главнымъ образомъ дѣяніями правящихъ сферъ и классовъ въ Рѣчи Посполитой, естественно приходя къ самымъ трагическимъ результатамъ, но упуская изъ виду „загадочный элементъ“, проявленій жизнеспособности въ столь гангренозномъ организмѣ народа: поэтому авторъ находитъ, что эпоха Станислава Августа въ сущности очень мало извѣстна, что именно мало изслѣдована исторія управляемыхъ

¹⁾ Pogodzenie ich wszakże nie jest niemożliwem; pochlebiam sobie nawet, że przy końcu badań, na ostatnich kartach prac naszych, znajdzie się jeśli nie jednomyślność, to przynajmniej zgodność jakiej z ksiąg początkowych nie możnaby wyróżyć, 354.

²⁾ *Wł. Smoleński*. Z dziejów wewnętrznych Polski za St. Aug. *Ateneum*. 1887. Paźdz. стр. 14.

³⁾ *Tadeusz Korzon*. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794). Badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego. *Kraków*. 1882—1886.

классовъ, а потому и берется восполнить этотъ пробѣлъ, дабы установить болѣе вѣрный взглядъ на причины и сущность паденія Польскаго государства. „Ми“, продолжаетъ г. Корзонъ, — были однако далеки отъ какихъ бы то ни было полемическихъ стремленій. Искренне, ревностно мы искали только правды и ничего, кромѣ правды, не обращая вниманія на то, покажется ли она кому-нибудь пріятной или горькой, лестной или позорной. Будемъ имѣть достаточно силы, чтобы овладѣть чувствами, разъ дѣло — въ работѣ мысли, въ свѣтѣ науки... Никому я не оказываю поправки, ни людямъ, ни сословіямъ, ни народамъ, ни даже принципамъ, но никого я не черню. Для соотечественника и для иностранца, хотя бы и для врага, у меня одинъ отвѣтъ: вотъ правда, на сколько я ее схватилъ и уразумѣлъ“. Быть можетъ, никто другой изъ польскихъ историковъ не стремился такъ къ одной исторической истинѣ безъ всякой задней мысли, какъ г. Корзонъ, хотя это стремленіе — девизъ всѣхъ новѣйшихъ историковъ польскихъ, столь отличный отъ девиза прежнихъ — возбуждать, сколь возможно болѣе, патріотическое чувство, хотя бы и путемъ идеализаціи явленій, этого не заслуживающихъ.

Въ первомъ томѣ труда г. Корзона, заключающемъ въ себѣ около 500 страницъ, помѣщены обзорніе источниковъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ ¹⁾, общее введеніе (wstęp) и три главы, изъ коихъ первая посвящена территоріи Польши (rozległość), вторая — народонаселенію (ludność), а третья — земледѣлію и земледѣльцамъ (rolnictwo i rolnicy). Въ текстѣ авторъ помѣщаетъ небольшія „таблицы“ и отдѣльно стоящія числовыя данныя („numera“), которымъ ведется общій счетъ, облегчающій нахожденіе послѣднихъ, такъ какъ для „таблицъ и чиселъ“, коихъ въ первомъ томѣ 66, существуетъ особый перечень съ ссылками на страницы. Прибавлю еще, что вопросу о населеніи Польши посвящена цѣлая половина перваго тома.

Въ общемъ вступленіи г. Корзонъ сравниваетъ состояніе Польши отъ середины XVII вѣка съ состояніемъ другихъ государствъ, находя, что въ то время, какъ другія росли и крѣпли, Польша уменьшалась и ослабѣвала „отъ порчи своего республиканскаго правленія“, одновременно съ упадкомъ Испаніи Филиппа IV и Карла II „вслѣдствіе искаженія (wyruszenia) всемогущаго монархическаго правленія“ ²⁾. По его сло-

¹⁾ О с., I, 3—36.

²⁾ Ibid., I, 38.

вамъ, передъ Рѣчью Посполитою ,открывались три дороги—къ монархіи, дорога Цезаря; къ аристократическому правленію, по стопамъ венеціанской синіоріи или къ демократіи, по слѣдамъ Вашингтона и Гамильтона, въ то время еще не проложеннымъ¹⁾. Польское общество не ломало себѣ головы надъ разрѣшеніемъ своей политической задачи, и Рѣчь Посполитая ,сдѣлалась аномаліей въ ряду европейскихъ государствъ“, „противорѣчіемъ духу XVIII вѣка“. „Она“, говоритъ г. Корзонъ,—,хотѣла остаться „шляхетскимъ народомъ“ въ то самое время, какъ всѣ правительства дѣйствовали громадными простонародными (ludowemi) массами на поляхъ битвъ, на подрищѣ промышленномъ, торговомъ, финансовомъ²⁾. Она распалась на самостоятельныя аристократическія владѣнія, какъ во времена средневѣковаго феодализма, съ придворными войсками, съ дипломатіей и политикой на свой страхъ, за то центральное правительство не имѣло ни арміи, ни дипломатіи и даже не держало посольствъ при иностранныхъ дворахъ“, и все это въ то самое время, когда вездѣ укрѣплялась государственность³⁾. Польскому „рыцарству“ нечего было дѣлать въ войнахъ XVIII вѣка, въ которыхъ главная роль принадлежала постояннымъ арміямъ: рыцарскій духъ шляхты проявлялся только во внутреннихъ свалкахъ и набѣздахъ, а къ европейскимъ войнамъ Рѣчь Посполитая оставалась равнодушною даже тогда, когда дѣло шло объ ея собственной коронѣ⁴⁾. Реформировать Польшу задумала „фамилія“ Чарторыйскихъ, но по типу французской монархіи, которая не могла быть симпатична полякамъ, такъ какъ и на родинѣ своей она была опозорена регентомъ и Людовикомъ XV и подкопана въ самыхъ основахъ своихъ философами XVIII вѣка; поэтому-то Чарторыйскіямъ и оставалось дѣйствовать не народными силами, а съ помощью иностраннаго государства, на которую они наввно возлагали всѣ надежды, результатомъ чего были внутреннія замѣшательства шестидесятихъ годовъ и катастрофа семидесятихъ⁵⁾. Такъ понимаетъ авторъ дѣло реформы Польши въ началѣ царствованія Станислава Августа: Рѣчь Посполитая страдала отъ „порчи своего республиканскаго режима“, и исцѣлить ее было не политической реформой „по типу французской монархіи“ и съ иностранною помощью.

¹⁾ Ibid., I, 40.

²⁾ Ibid., I, 41.

³⁾ Ibid., I, 42.

⁴⁾ Ibid., 43.

Если Калининка можетъ считаться потомкомъ монархическихъ публицистовъ XVIII вѣка, то г. Корзонъ примыкаетъ къ нимъ тогдашнимъ оппонентамъ: такъ и въ новѣйшей польской историографіи мы все еще встрѣчаемся съ тѣми двумя теченіями, которыя отмѣтили въ политической литературѣ XVIII вѣка и въ историографіи первой половины XIX столѣтія. Въ концѣ своего „вступленія“ авторъ дѣлитъ“ изучаемую имъ эпоху на четыре періода (1764—1774, 1775—1788, 1788—1792 и 1792—1794) съ характеристикой каждаго, при чемъ уже здѣсь даетъ онъ почувствовать, что общее его отношеніе къ четырехлѣтнему сеймму будетъ иное, чѣмъ у Калининки ¹⁾.

Первыя за вступленіемъ страницы въ первомъ томѣ „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ Августѣ“ (глава I и начало II) имѣютъ значеніе для географіи и статистики народонаселенія Рѣчи Посполитой той эпохи, а со страницы 86 начинается обзорѣніе этого населенія по сословіямъ и общественнымъ классамъ ²⁾, а также и по вѣроисповѣданіямъ ³⁾; къ этимъ рубрикамъ авторъ могъ бы прибавить еще одну—національныя или племенные различія, что имѣло бы важное значеніе для государства, въ которомъ, кромѣ господствующей національности, было громадное количество русскихъ (малороссовъ и бѣлороссовъ), литвиновъ и вѣмцевъ. Этотъ пробѣлъ тѣмъ болѣе ощутителенъ, что вѣмцевіе и русскіе историки польскихъ раздѣловъ (вѣмецкіе особенно по отношенію къ первому раздѣлу) указываютъ на тяготѣніе къ Пруссіи и Россіи родственныхъ имъ національныхъ элементовъ въ Польшѣ, и польскому историку, ищущему одной правды, не слѣдовало бы умалчивать объ этнографіи Польскаго государства. Наконецъ, самъ же онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о слабости Польши, вытекавшей изъ ея федеративнаго устройства, указывая на существованіе въ разныхъ государствахъ (=частяхъ) Рѣчи Посполитой „народа русскаго“, „народа еврейскаго“ и т. д. ⁴⁾. До извѣстной, впрочемъ, степени этнографическую классификацію замѣняетъ у него классификація по вѣроисповѣданіямъ, хотя все-таки одна другую не покрываетъ. Въ обзорѣ народонаселенія по вѣроисповѣданіямъ у г. Кор-

¹⁾ Ibid., I, 44—46.

²⁾ Шляхта, стр. 86 вѣ., 247 вѣ.; духовенство, стр. 161 вѣ., 252 вѣ.; евреи, стр. 164 вѣ.; шляхачи, стр. 271 вѣ.; крестьяне, стр. 312 вѣ.

³⁾ Протестанты, стр. 173 вѣ., „дизуниты“, стр. 177 вѣ., униаты, стр. 221 вѣ., раскольники, армяне и татары, стр. 228 вѣ.; евреи, стр. 230 вѣ.; греки и цыгане, стр. 246; католики, стр. 246 вѣ.

⁴⁾ Ibid., I, 170.

вона много любопытнаго ¹⁾). „Польша“, говорить онъ, — „даже послѣ конституціи 3-го мая не могла добиться и не добилась ни въ 1792, ни въ 1794 г. горячей, готовой къ жертвамъ, дѣлательной любви отъ дивунитскаго люда. Авторы этой конституціи и окружающая ихъ партія реформы должны были видѣть въ дивунитахъ не сокровищницу государственной силы и мощи, но скорѣе помѣху въ работахъ надъ новою организаціей войска, управленія, крестьянскихъ и хозяйственныхъ отношеній“ ²⁾). Всѣхъ православныхъ въ Польшѣ онъ насчитываетъ передъ 1772 г. около 550,000 человекъ, а въ 1791 г. около 300,000 ³⁾, при 3.790,000 и 2.666,000 униатовъ въ тѣхъ же годахъ ⁴⁾ и 100,000 раскольниковъ (великороссовъ) до перваго раздѣла ⁵⁾. Г. Корзонъ находитъ, что католиковъ въ Польшѣ было немного меньше половины всего народонаселенія, и, только присоединяя къ нимъ униатовъ и татаръ, можно было составить большинство 7, а милліоновъ расположеннаго къ Польшѣ населенія надъ 1, а милліонами населенія равнодушнаго или прямо враждебнаго ⁶⁾). Намъ кажется, что при непрочности уніи, отиѣченной самимъ авторомъ, и при указанной имъ прииженности униатовъ ⁷⁾ слѣдовало бы дать иное отношеніе преданнаго Рѣчи Посполитой большинства и враждебнаго ей меньшинства. Еслибы авторъ принялъ въ расчетъ національныя отношенія, то униатовъ, столь легко переходившихъ въ православіе, ему пришлось бы занести въ одну группу съ дивунитами, а не съ католиками. Во всякомъ случаѣ эти статистическія данныя объясняютъ намъ самымъ нагляднымъ образомъ, гдѣ лежала одна изъ причинъ слабости Польши въ сравненіи съ сосѣдними государствами.

Изъ приведенныхъ въ книгѣ статистическихъ данныхъ и много

¹⁾ Враждебное настроеніе дивунитовъ, стр. 177; непрочность уніи и память униатовъ о православіи, стр. 181; притѣсненія униатовъ, стр. 183; коннеccionальный характеръ польской политики, стр. 186; переходы униатовъ въ православіе, стр. 180—181, 201. Интересныя страницы о дѣятельности Конисскаго, 184 вѣ., — и Садиовскаго, 209 вѣ. Въ этой части труда много цитатъ на трудъ проф. Кошловича объ уніи въ XVIII в., у котораго авторъ заимствуетъ церковныя данныя.

²⁾ Ibid., I, 221. Интересны также данныя объ отсутствіи польскаго патриотизма и у евреевъ даже послѣ реформъ. I, 242 вѣ.

³⁾ Ibid., I, 180.

⁴⁾ Ibid., I, 225.

⁵⁾ Ibid., I, 228.

⁶⁾ Ibid., I, 247.

⁷⁾ Ibid., I, 225.

рода г. Корзонъ далаеь нѣкоторые общіе выводы, сравнивая Польшу съ другими государствами. Принимая въ расчетъ густоту населенія, авторъ находитъ, что Польша была населена въ 8 разъ меньше, нежели Франція: въ концѣ XVIII в. „Франція“, заключаетъ онъ,—побѣдила европейскую коалицію, Польша пала въ борьбѣ съ двумя союзными государствами¹⁾, тѣмъ болѣе, что и границы Франціи въ стратегическомъ отношеніи неизмѣримо выгоднѣе были польскихъ²⁾. Г. Корзонъ могъ бы прибавить, что население сосѣднихъ Франціи странъ привѣтствовало вступленіе французовъ, какъ избавителей отъ тягостей „старого порядка“, тогда какъ, на оборотъ, польскія провинціи до извѣстной степени смотрѣли, какъ на избавителей, на иностранныхъ солдатъ, вступавшихъ въ Рѣчи Посполитую. Имѣеть также значеніе и указаніе г. Корзона на то, что Франція, приученная къ централизациі, могла съ болѣшимъ успѣхомъ соединить свои силы, чѣмъ Польша съ ея федеративно-сословной формой государственнаго общенія³⁾.

Третья глава (и отчасти конецъ второй) представляетъ изъ себя цѣлое изслѣдованіе о крестьянствѣ, занимающее около 150 страницъ. Здѣсь опять авторъ пользуется статистическими данными для рѣшенія вопроса о крѣпости политическаго организма Польши. По его вычисленію, около трети населенія (0,33) находилось въ путахъ крѣпостничества, почти одна десятая часть (евреи, армяне, греки) была совершенно равнодушна къ судьбамъ края, и $\frac{1}{25}$ (дизуниты и раскольники) была уже совсѣмъ дурно расположена къ Польшѣ. Пассивныя и даже недовольныя массы, говоритъ г. Корзонъ,—существовали во всѣхъ государствахъ, но въ иныхъ мѣстахъ ими пользовалась для государственныхъ цѣлей сильная и упругая власть, а потому рѣшеніе вопроса о власти въ эпоху четырехлѣтняго сейма заключало въ себѣ рѣшеніе вопроса и о суммѣ физическихъ силъ, какими могла бы располагать Польша въ своей борьбѣ за независимость. Эта независимость покоилась въ Польшѣ на свободныхъ сословіяхъ, на шляхтѣ, духовенствѣ и мѣщанахъ, составлявшихъ лишь $\frac{1}{4}$ населенія; но если въ пассивную часть отнести бѣднѣйшую шляхту и низшій слой мѣщанства, то взрослые мужчины въ указанной части едва составятъ цифру въ 180.000⁴⁾. Но и они при иной организаціи государства

¹⁾ Ibid., I, 170.

²⁾ Ibid., I, 57.

³⁾ Ibid., I, 171.

⁴⁾ Ibid., I, 319.

могли бы сыграть въ немъ ту роль, какая въ современныхъ монархіяхъ выпадаетъ на чиновничество и офицерство ¹⁾).

И въ главѣ о крестьянствѣ г. Корзону приходится говорить о предметахъ, которые должны были бы заставить его отнестись внимательнѣе къ этнографическому составу Рѣчи Посполитой. Говоря, впрочемъ, о томъ, что хлопъ въ Польшѣ бунтовалъ рѣдко, онъ дѣлаетъ исключеніе для Украйны и южно-русскихъ воеводствъ ²⁾. Изъ другихъ мѣстъ этой главы отмѣтимъ мнѣніе, что положеніе крѣпостныхъ въ Россіи было хуже, чѣмъ въ Польшѣ ³⁾, тогда какъ въ Пруссіи крестьянину жилось вообще легче ⁴⁾. Интересно также изложеніе проектовъ реформъ въ крестьянскомъ быту въ отдѣльные періоды этой эпохи ⁵⁾, при чемъ авторъ относится весьма сурово (и справедливо) къ рѣшенію крестьянскаго вопроса конституціей 3-го мая ⁶⁾. Интересенъ и параграфъ объ отношеніи крестьянъ къ сей послѣдней ⁷⁾: общій выводъ—равнодушіе, изъ коего не дѣлали попытокъ вывести крестьянъ ни сеймъ, ни правительственныя власти, или политическія партіи ⁸⁾; притомъ шляхта,—которую г. Корзонъ, впрочемъ, оправдываетъ отъ обвиненій Костомарова и въ личномъ равнодушіи къ дѣлу повстанія,—неохотно пускала хлоповъ въ войско ⁹⁾, хотя послѣдніе въ немъ все-таки были ¹⁰⁾. Кроме того, авторъ съ новыми данными въ рукахъ старается представить отношеніе шляхты и хлоповъ къ возстанію Костюшки нѣсколько иначе, чѣмъ это дѣлается другими историками и особенно тѣмъ же Костомаровымъ ¹¹⁾, такъ что, по автору, факты, принятые этими историками за общее правило, нужно скорѣе считать исключеніями. „Мы“ говорить г. Корзонъ,—столько начитались въ историческихъ трудахъ XIX в., особенно въ самыхъ новыхъ, объ эгоніи шляхты в испор-

¹⁾ Ibid., I, 320.

²⁾ Ibid., I, 362 sq.

³⁾ Ibid., I, 369 sq.

⁴⁾ Ibid., I, 370.

⁵⁾ Ibid., I, 371 sqq.

⁶⁾ Ibid., I, 435 sq.

⁷⁾ Ibid., I, 447 sqq.

⁸⁾ Ibid., I, 458.

⁹⁾ Ibid., I, 461—462. Мѣстами г. Корзонъ вообще поправляетъ Костомарова за основаніи данныхъ, бывшихъ послѣднему неизвѣстными. См. особенно стр. 468 sq.

¹⁰⁾ Ibid., I, 464.

¹¹⁾ Ibid., I, 479. Ср. о манифестѣ Костюшки, освобождавшемъ хлоповъ, стр. 467 sq.

ченности общества, которое яко бы не хотѣло оцѣнить и поддержать Костюшку, что намъ нелегко было отдѣлаться отъ предубѣжденія и прийти къ выводу, находящемуся въ такомъ противорѣчїи съ распространеннѣйшими взглядами¹⁾. Онъ даже думаетъ, что манифестъ Костюшки о вольности хлоповъ открывалъ для польскаго крестьянина болѣе счастливую эру²⁾, но для автора все-таки остается загадкою, допускающею только предположительный отвѣтъ, то обстоятельство, что манифестъ этотъ не произвелъ впечатлѣнїя на крестьянъ³⁾, хотя, на нашъ взглядъ, загадки тутъ никакой нѣтъ.—Таково въ высшей степени интересное содержаніе перваго тома капитальнаго труда г. Корзона.

Второй томъ труда г. Корзона, вышедшій въ свѣтъ въ 1883 г., заключаетъ въ себѣ до 400 страницъ и распадается на три главы (IV, V и VI). Одна изъ нихъ называется— „торговля, купцы и банкиры“, другая— „промышленность и городское дѣло“ (sprawa miejska), третья посвящена вообще національному богатству. Вставленныхъ въ текстъ „таблицъ и цифръ“ этотъ томъ заключаетъ 66 (отъ 67 до 133 по общему счету во всемъ трудѣ). Въ IV главѣ по общему счету и первой этого тома авторъ рассматриваетъ состояніе торговли въ Польшѣ до Станислава-Августа, теоретическія воззрѣнїя экономистовъ и голоса въ польской прессѣ относительно торговли, вышнїя ея условїя (торговли политика Пруссїи, Австрїи и Россїи)⁴⁾ при Станиславѣ-Августѣ, пути сообщенїя, цѣны (между прочимъ цѣны на трудъ и годовой бюджетъ жителя въ Польшѣ въ XVIII вѣкѣ), вывозную и привозную торговлю, (параграфъ о коей касается расточительности поляковъ), правительственныя мѣры, хлопившіяся къ поддїятїю торговли и т. д. Не входи въ подробности, иногда весьма любопытныя, мы остановимся при обзорѣ этой главы лишь на двухъ мѣстахъ. Г. Корзонъ касается весьма важнаго вопроса о годовомъ бюджетѣ жителя Польши въ концѣ XVIII вѣка и приходитъ къ тому выводу, „что трудъ земледѣльца хуже оплачивался около 1790 года нежели въ XV и до нѣкоторой въ степени XIV вѣкѣ. Это“, прибавляетъ

¹⁾ Ibid., I, 490.

²⁾ Ibid., I, 493.

³⁾ Ibid., I, 494.

⁴⁾ Ташевѣ всего для Польши была прусская политика (Korzson, II, 30 sq.), а о русской авторъ выражается, какъ о самой выгодной сравнительно: najkorzystniejszej stosunkowo przedstawiały się warunki handlowe od ściany Rossyjskiej. II, 49.

опъ,—„представляетъ лишнее доказательство притѣсненія и нужды, которыя претерпѣвали крестьяне“¹⁾). Съ другой стороны, въ параграфѣ о привозной торговлѣ авторъ имѣетъ случай сообщить много данныхъ о расточительности высшихъ сословій въ Польшѣ и высказать свое согласіе съ свидѣтельствомъ современнаго описываемою эпохѣ нѣмецкаго путешественника (Шульца), утверждающаго, что жизнь польскаго пана стоила гораздо дороже, нежели богатаго дворянина въ какой-либо иной странѣ²⁾). Общій выводъ изъ этой главы, однако, тотъ, что все-таки въ Польшѣ въ данную эпоху замѣтенъ нѣкоторый экономическій прогрессъ, коему много содѣйствовали правительственныя мѣропріятія, такъ что это улучшение, отразившееся и на финансахъ, г. Корзонъ ставитъ въ заслугу Станиславу-Августу, особливо же „комиссіи короннаго скарба“, представлявшей изъ себя нѣчто въ родѣ министерства финансовъ въ эпоху русской гарантіи³⁾). Въ слѣдующей главѣ г. Корзонъ даетъ подробный обзоръ городского быта и промышленности въ Польшѣ при Станиславѣ-Августѣ: здѣсь, кромѣ общихъ данныхъ о городахъ и промышленности, мы находимъ подробныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и о нѣкоторыхъ изъ болѣе значительныхъ городовъ, литературныя мнѣнія о способахъ улучшенія городского быта и реформы, его касавшіяся (особенно дѣло мѣщанъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ), нашли въ г. Корзонѣ также весьма тщательнаго историка. Особый интересъ для насъ имѣютъ тѣ мѣста этой главы, гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніи мѣщанъ къ событіямъ послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой. Обзоръ состоянія отдѣльныхъ городовъ, сдѣланный г. Корзономъ на 30—40 страницахъ⁴⁾), приводитъ его къ тому общему заключенію, что при Станиславѣ-Августѣ города стали выходить изъ прежняго своего коснѣнія. „Тогда“, говоритъ онъ,—„положеніе городовъ было лучшимъ, чѣмъ когда бы то ни было въ XVII и XVIII вѣкахъ; свободнѣе чувствовали себя мѣщане, шляхта освобождалась отъ прежнихъ предразсудковъ своихъ относительно мѣщанства, хотя въ законодательствѣ городское дѣло не сдѣлало никакихъ успѣховъ, когда на-

¹⁾ Ibid., II, 95.

²⁾ Ibid., II, 136—137.

³⁾ Ibid., II, 196.

⁴⁾ Ibid., II, 298 sq. Города эти слѣдующіе: Минскъ, Вилькомиръ, Ковно, Несвижъ, Гродно, Вильно, Житомиръ, Дубно, Бердичевъ, Камеицеъ, Могилевъ-на-Днѣпрѣ, Тульчинъ, Люблинъ, Казимиръ на Вислѣ, Сандомиръ, Краковъ, Вскова, Равичъ, Злуны, Оборники, Познань, Петровъ, Вѣлостокъ, Варшава.

чался четырехлѣтній сеймъ¹⁾. Извѣстно, что во время этого сейма мѣщанство напомнило о своихъ правахъ: около 140 городовъ прислали въ Варшаву своихъ депутатовъ, сеймомъ назначена была особая „городская депутація“ (комиссія), началась брошюрная полемика, и дѣло городского сословія стало предметомъ сеймовныхъ прерій, пока въ апрѣлѣ 1791 года не былъ постановленъ о городахъ новый законъ и права мѣщанъ не были расширены конституціей 3-го мая. Русскій читатель можетъ познакомиться съ исторіей этого эпизода изъ сочиненія Костомарова, которое въ данномъ случаѣ, однако, потребовало бы теперь кое-какихъ дополненій по книгѣ г. Корзона. Мы здѣсь приведемъ опять-таки лишь общія сужденія польскаго историка о результатахъ мѣщанскаго движенія. Изложивъ содержаніе апрѣльскихъ и майскихъ постановленій 1791 г., авторъ находитъ ихъ весьма справедливыми съ моральной точки зрѣнія²⁾, но ставитъ вопросъ о томъ, какія практическія послѣдствія были бы отъ этихъ постановленій, еслибы они вошли въ жизнь. Мѣщане получили многое отъ конституціи 3-го мая, но не были сравнены въ правахъ со шляхтою, хотя доступъ въ послѣднюю для наиболѣе зажиточныхъ элементовъ былъ весьма облегченъ. Указавъ на новые способы нобилитаціи, г. Корзонъ спрашиваетъ: „Согласовался ли такой законъ съ принципомъ удержанія городского сословія въ Польшѣ? Не переодѣлась ли бы въ шляхетскіе куптуши вся болѣе зажиточная и интеллигентная часть мѣщанъ, оставивъ болѣе убогихъ и темныхъ своихъ товарищей? Не стало ли бы страстное стремленіе покупать имѣнія, сразу проявившееся въ 1791 г., отвлекать капиталы и способности отъ промышленности въ угоду предразсудку, что земля и плохое хозяйство облагораживаютъ человѣка? Не представляетъ ли изъ себя пріятный для слуха прищипъ „ушляхетненія“ низшихъ сословій посредствомъ надѣленія ихъ шляхетскими привилегіями—звучной, но въ основѣ своей ошибочной фразы? Но это“, заключаетъ авторъ, — „такіе вопросы, на которые жизнь не дала отвѣта, такъ какъ законъ не прошелъ чрезъ опытъ сколько-нибудь долговременной практики. То лишь вѣрно, что партія реформы въ этомъ дѣлѣ не заслужила никакого упрека; она состояла изъ шляхты и только дала доказательство, что искренне, сердечно желала вознаграждать мѣщанъ за обиды, на-

---

¹⁾ Ibid., II, 334.

²⁾ Ibid., II, 353.

несенія имъ отцами, дѣдами и прадѣдами¹⁾. Такъ²⁾, говорятъ г. Корвонъ въ другомъ мѣстѣ,—“разрѣшился мѣщанскій вопросъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ—мудро, удовлетворительно съ точки зрѣнія самихъ мѣщанъ. Партіи реформы удалось сразу уничтожить ошибки двухъ столѣтій. Въ угасавшую лампаду подлили масла, какъ того хотѣлъ Коллонтай. И результатъ былъ большой. Когда пришло время испытанія, мѣщане на дѣлѣ показали и искреннюю преданность уставу 3-го мая, и горячій патриотизмъ (uczucia obywatelskie), вакого, быть можетъ, никогда не обнаруживалось въ исторіи польскихъ городовъ³⁾. Второй томъ сочиненія Корвона почти и оканчивается нѣсколькими страницами, на которыхъ собраны факты, служащіе подтвержденіемъ этой мысли⁴⁾, и дѣйствительно, если было въ Польшѣ сословіе, которое имѣло особый интересъ дорожить политическими реформами четырехлѣтняго сейма, то это именно были мѣщане. Тарговицкая конфедерация начала съ уничтоженія всѣхъ „революціонныхъ“ новшествъ сейма относительно мѣщанъ, и когда совершался второй раздѣлъ Рѣчи Посполитой, уже мѣщанинъ Капостасъ составлялъ планъ возстанія и организовалъ союзъ, который предназначалъ Костюшкѣ стать во главѣ націи. Роль городского сословія въ послѣдней попыткѣ предотвратить отъ Польши ея печальную участь слишкомъ извѣстна, чтобы о ней распространяться, и тѣмъ не менѣе эта часть труда г. Корвона читается съ особымъ интересомъ.

Послѣдняя маленькая глава II тома (Ogól bogactwa narodowego) вся статистическаго содержанія. Авторъ собираетъ изъ показаній XVIII вѣка цифры о національномъ богатствѣ Польши, сравниваетъ эти цифры между собою, даетъ свои и приходитъ къ тому выводу, что польскіе политики XVIII вѣка не знали всѣхъ средствъ, конми могла располагать Польша, производили имъ слишкомъ низкую оцѣнку, пессимистическое же настроеніе патриотовъ при ихъ незначительныхъ силъ страны вреднымъ образомъ отражалось на дѣлѣ реформы⁴⁾.

Третій томъ „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ Августѣ“, изданный въ 1883 г., посвященъ исторіи финансовъ. Въ этомъ томѣ, раздѣленномъ на пять главъ (VII—XI) съ „таблицами и цифрами“ отъ 134 до 322,—болѣе 450 страницъ. Критика привѣтствовала по-

¹⁾ Ibid., II, 353—354.

²⁾ Ibid., II, 356—356.

³⁾ Ibid., II, 357 sq.

⁴⁾ Ibid., II, 379.

явленіе этого тома, безъ котораго до сихъ поръ оставалась бы мало извѣстною такая важная сторона дѣла ¹⁾. „Сочиненіе г. Корзона“, говоритъ въ своей рецензіи профессоръ Шаминскій, — „доставило намъ не мало средствъ для разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ заключается сущность историческаго развитія Польши за нѣсколько вѣковъ. Картина послѣднихъ тридцати лѣтъ, изображенная въ названномъ трудѣ, не раскрываетъ передъ нами вида дипломатическихъ переговоровъ или внѣшнихъ событій, но даетъ намъ богатое по своимъ подробностямъ изображеніе внутренняго состоянія тогдашней Рѣчи Посполитой. Ея организмъ, который до сихъ поръ рисовался такъ блѣдно, въ такихъ колеблющихся и невѣрныхъ очертаніяхъ среди множества повѣствованій, мемуаровъ и эскизовъ выступаетъ въ сочиненіи г. Корзона со всею анатомическою обстоятельностью. Мы имѣемъ передъ собою въ первыхъ двухъ томахъ весь, если такъ можно выразиться, костяной остовъ со всею пластичностью тѣла и обширную сѣть нервовъ, по которымъ совершается движеніе. На такой непоколебимой основѣ историкъ можетъ болѣе твердою рукою начертывать изображеніе жизни и развитія этого организма. Третій томъ, вышедшій въ концѣ прошлаго года, хватаетъ еще ступенью выше на этой лѣстницѣ научной систематики. Именно, онъ разсматриваетъ финансы, то-есть, посвященъ не только описанію составныхъ частей политическаго организма, но изображаетъ самую важную часть его дѣятельности, дѣятельность одного изъ главнѣйшихъ его органовъ—сердца, которое по всему тѣлу разноситъ животворные соки. Съ этимъ соединяются самые жизненные вопросы, которые ставятъ передъ нами вся трагическая сторона той эпохи. Предметъ, затронутый въ этомъ томѣ, возбуждаетъ высшую степень интереса, ибо прямо касается вопроса существованія, вопроса жизни, вопроса всей будущности“. Почтенный профессоръ имѣетъ въ виду то важное значеніе, какое для внѣшней безопасности государства принадлежитъ хорошимъ финансамъ и благоустроенному войску, — двумъ вещамъ, коими Рѣчь Посполитая пренебрегала, что и повело ее къ паденію. Г. Корзонъ говоритъ, что стотысячная армія, декретированная четырехлѣтнимъ сеймомъ, могла бы спасти

¹⁾ „Смоленскій въ своей рецензіи о двухъ послѣднихъ томахъ (*Ateneum* 1887, *Rzeczpospolitej*, стр. 1) говоритъ, что тутъ авторъ rozświetlił tę stronę działalności, bez której zbadania sądom historycznym o ostatnich czasach Rzeczpospolitej brakło pozytywnej podstawy.

страну въ 1792 г., но на нее не хватило средствъ, а „слѣдовательно“, продолжаетъ профессоръ Павинскій; — „отсюда вытекаетъ убѣдительный выводъ, что о недостатокъ надлежащихъ средствъ государственной казны и разбилось великое дѣло обороны бытія и жизни“. Вотъ почему именно онъ и придаетъ такое важное значеніе третьему тому сочиненія г. Корзона, посвященному „системѣ государственнаго хозяйства въ Польшѣ въ эпоху, предшествующую ея политическому паденію“ ¹⁾. Главный упрекъ профессора Павинскаго автору „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ Августѣ“ заключается въ томъ, что онъ не обратилъ вниманія на мѣстные финансы отдѣльных воеводствъ ²⁾, а между тѣмъ изслѣдованіе послѣднихъ дало бы надлежащую точку зрѣнія на областное самоуправленіе въ Рѣчи Посполитой: послѣднее, по совершенно вѣрному замѣчанію рецензента, было искажено въ Польшѣ въ своемъ примѣненіи, между тѣмъ какъ г. Корзонъ готовъ его поставить выше самой энергичной бюрократіи централизованныхъ государствъ XVIII вѣка ³⁾. Три года спустя послѣ этой рецензіи профессоръ Павинскій исполнилъ указанный пробѣлъ своимъ превосходнымъ изслѣдованіемъ подъ заглавіемъ „Сеймиковое правленіе въ Польшѣ“ ⁴⁾, весьма важнымъ для пониманія внутреннихъ причинъ разложенія Рѣчи Посполитой.

Но возвратимся къ третьему тому труда г. Корзона. Какъ было упомянуто, въ немъ пять главъ. Первая изъ нихъ (по общему счету VII) посвящена „скарбу Короля Егомосци“, вѣрнѣе денежнымъ дѣламъ Станислава Августа, въ коиъ, какъ извѣстно, не все обстояло благополучно и въ томъ смыслѣ, что онъ часто нуждался, и въ томъ, что добывалъ онъ деньги весьма часто средствами непозволительными: „Одна Польша“, говоритъ авторъ, — „имѣла ту особенную судьбу, что ея король былъ продаженъ. Станиславъ Августъ представляетъ изъ себя оригинальное, чуть не единственное явленіе этого рода. Какъ ни испорченъ былъ шляхетскій народъ, какъ ни разстроены государственный механизмъ, мы не думаемъ, чтобы катастрофа пер-

¹⁾ *A. Pawiński. Z piśmienictwa historycznego (Dział literacki Kraju. 1886. № 44, стр. 25).*

²⁾ *Ibid., № 45, стр. 25.*

³⁾ *Ibid., № 45, стр. 26.*

⁴⁾ *A. Pawiński. Rządy sejmikowe w Polsce na tle stosunków województw kujawskich. Warszawa, 1888. Ср. нашу рецензію этого труда въ июньской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1888 г., а главными выводами мы воспользовались въ своемъ „Историческомъ очеркѣ польскаго сейма“ (М. 1888).*

ваго раздѣла могла совершиться такъ легко, такъ быстро при другомъ королѣ съ такою же слабою волею, но съ чистыми руками¹⁾. За главою о денежныхъ дѣлахъ Станислава Августа, заключающею въ себѣ много любопытныхъ фактическихъ и цифровыхъ данныхъ, идутъ четыре главы о „коронномъ и литовскомъ скарбахъ Рѣчи Посполитой“ въ четыре отдѣльные періода, на которые г. Корзонъ дѣлитъ всю эпоху. Содержаніе этихъ главъ весьма спеціальное: масса названій налоговъ съ краткою исторіей каждого, масса цифръ, масса техническихъ подробностей государственнаго хозяйства, финансовыя теоріи, проекты, законодательныя мѣры и т. д. заставляютъ насъ ограничиться только сдѣланными уже указаніями на значеніе III тома въ цѣломъ сочиненіи. Что касается до самаго общаго представленія дѣла, то, излагая составленное самимъ авторомъ résumé ко всему труду, мы дополнимъ это résumé въ соответственномъ мѣстѣ нѣкоторыми данными, взятыми непосредственно изъ III тома²⁾.

Четвертый томъ „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ Августѣ“ вышелъ въ свѣтъ въ 1885 и 1886 гг. въ двухъ частяхъ неравнаго объема: первая часть заключаетъ въ себѣ немного болѣе 300 страницъ, вторая—около 650, не считая 38 стр. особой нумераціи, на конхъ помѣщается алфавитный указатель ко всѣмъ четыремъ томамъ обширнаго труда. Конецъ текста посвященъ общимъ выводамъ, съ которыми послѣ обзора содержанія самаго тома мы познакомимъ читателя подробнѣе. Общее содержаніе IV тома—„правительство Рѣчи Посполитой и дѣятельность административной машины“, изложеніе же этого предмета раздѣлено на пять главъ, отъ XII до XVI включительно: въ первой изъ нихъ рѣчь идетъ о судахъ и сеймахъ, во второй и третьей—объ административныхъ властяхъ въ первые два періода (и между прочимъ о *radzie nieustającej*) въ четвертой—о правленіи четырехлѣтняго сейма, а послѣдняя повѣствуетъ о переворотахъ четвертаго періода. Кромѣ того, приложение подъ лит. В заключаетъ въ себѣ описаніе битвы подъ Мацѣвицами, при чемъ авторъ даетъ къ этому описанію три карты³⁾. Наконецъ въ текстѣ обѣихъ частей IV тома помѣщено до полутораста

¹⁾ *Korzon*, III, 46.

²⁾ Въ приложеніи къ третьему тому помѣщенъ *Spis oŃar z lat 1788—1792 i 1794*.

³⁾ Одна, составленная генералъ Фервеномъ, другая—самимъ авторомъ, третья изображаетъ окрестности Мацѣвиць.

„таблицъ и цифръ“ (отъ 223 до 368 включительно по общей нумераціи во всемъ трудѣ).

О судоустройствѣ г. Корзонъ говоритъ сравнительно мало, представляя его въ гораздо лучшемъ свѣтѣ, нежели дѣлали это другіе писатели. Изъ обзора сеймовъ онъ равнымъ образомъ выноситъ благопріятное для польской націи мнѣніе, но со многими тутъ нельзя согласиться ¹⁾. Гораздо основательнѣе произведено было г. Корзономъ изслѣдованіе дѣятельности польской администраціи: между прочимъ здѣсь отмѣчена, какъ мы увидимъ, съ хорошей стороны, дѣятельность „*gady pleustającej*“, не пользовавшейся однако популярностью за свое русское происхожденіе. Только о комиссіи народнаго просвѣщенія авторъ говоритъ сравнительно коротко и мимоходомъ, такъ что, по отъыску г. Смоленскаго, эта комиссія „еще должна ждать своего историка“ ²⁾. Кончаетъ авторъ свой трудъ исчисленіемъ военныхъ силъ Рѣчи Посполитой во время четырехлѣтняго сейма, войны 1792 года и возстанія 1794 года.

Нельзя не выразить удивленія по поводу того незначительнаго мѣста, какое отведено г. Корзономъ разсмотрѣнію „законодательной власти“ въ Рѣчи Посполитой, то-есть, сейму, хотя онъ и оправдывается тѣмъ, что о сеймахъ ему приходилось говорить въ другихъ частяхъ сочиненія ³⁾. Сеймъ самъ по себѣ, какъ учрежденіе, представляетъ весьма интересное явленіе, и въ организаціи сейма, въ ненормальномъ отношеніи къ нему сеймиковъ и т. д. слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ внутренняго разложенія Рѣчи Посполитой, а между тѣмъ этому учрежденію авторъ посвящаетъ всего около 35 страницъ ⁴⁾. О дѣйствіяхъ исполнительной власти ему также приходилось говорить не мало въ другихъ частяхъ сочиненія, но это, однако, не мѣшаетъ ему на ней именно и сосредоточить все свое вниманіе въ IV томѣ. Поэтому небольшой только параграфъ о сеймахъ представляется какъ будто бы вставленнымъ лишь для полноты: авторъ отводитъ имъ столько же мѣста, сколько и судоустройству, о которомъ позволяетъ себѣ говорить коротко, такъ какъ оно, по его словамъ, „оказывало весьма слабое вліяніе на судьбы находившихся въ опасности народа и государства“ ⁵⁾: разумѣется, о сеймахъ нельзя было сказать то же

¹⁾ Ср. рецензію г. Смоленскаго (*Ateneum*. 1887. Październik, стр. 10).

²⁾ *Ibid.*, стр. 11.

³⁾ *Korzon*, IV, 2—3.

⁴⁾ *Ibid.*, IV, 36—72. Ср. упомянутый выше „Историческій очеркъ“.

⁵⁾ *Korzon*, IV, 2.

самое. Весь почти параграфъ о законодательной власти посвященъ притомъ разрѣшенію вопроса о степени легальности сеймовъ 1764, 66, 67—68, 73—75, 76, 78, 80, 82, 84, 86, 88—92 и 1793 годовъ. Отмѣтимъ, по этому поводу, что авторъ не сомнѣвается въ легальности сеймовъ 1778, 80, 82, 84, 86 годовъ, собиравшихся подъ вліяніемъ всемогущаго Штакельберга, подъ вліяніемъ, не выходявшимъ, впрочемъ, за предѣлы тайной агитаціи, не выражавшемся въ актахъ насилія. То обстоятельство, что на этихъ пяти сеймахъ не было пущено въ ходъ ни разу „liberum veto“, хотя сеймы не были конфедерированные, г. Корзонъ приписываетъ не чему иному, какъ „возросшей зрѣлости общества“ ¹⁾. О четырехлѣтнемъ сеймѣ онъ повторяетъ свои прежніе сочувственные отзывы, защищая тутъ его легальность ²⁾, хотя нарушеніемъ сеймоваго регламента при проведеніи конституціи 3-го мая партія реформы дала противъ себя оружіе своимъ противникамъ. Что касается самой конституціи, то, по г. Корзону, она „имѣла за себя огромное большинство не только въ сеймѣ, но и въ цѣломъ народѣ; оппозиція была незначительная въ численномъ отношеніи и слаба какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 597 sq. второй половины IV тома по особой нумераціи) авторъ высказываетъ мысль, что введеніе наследственнаго трона было главной ошибкой конституціи, такъ какъ „сукцессія“ болѣе всего вооружала противъ себя консерватизмъ, и что безъ нея тарговицанская оппозиція не получила бы значенія и силы. Сеймы 1773—75 и 1793 гг., утвердившіе первый и второй раздѣлы, также разсматриваются г. Корзономъ ⁴⁾, и, конечно, о ихъ легальности не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній.

Объ исполнительной власти г. Корзонъ даетъ болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія. „Пресловутая анархія польская“, говоритъ онъ,—выразилась главнымъ образомъ въ разложеніи (rozrgzeżeniu) и чуть не полномъ исчезновеніи администраціи какъ гражданской, такъ и военной.. Здѣсь уже недостаточно было только реформировать, а нужно было строить, основывать, начиная почти съ самаго элементарнаго“ ⁵⁾. Въ главѣ XIII разсматриваются учрежденія, создан-

¹⁾ Ibid., IV, 55.

²⁾ Ibid., IV, 56 sq.

³⁾ Ibid., IV, 61.

⁴⁾ Ibid., IV, 51 sq. 62 sq.

⁵⁾ Ibid., IV, 72—73.

ныя Чарторыскими, въ XIV — постоянный совѣтъ (rada nieustająca). На послѣднемъ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Приведеніе въ исполненіе существовавшей еще въ 1767 г. мысли о „Radzie przy Boku JKMcі Nieustającej“ было, говоритъ г. Корзонъ, — дѣломъ Штакельберга, который, испытавъ продажность государственнаго совѣта въ Швеціи въ бытность свою въ Стокгольмѣ, хотѣлъ имѣть подобное же учрежденіе и въ Польшѣ, а уставъ этого новаго совѣта редактировалъ „одинъ изъ наилучшихъ людей этой эпохи — Древновскій, подचाший земли Ломжинской, секретарь конфедерации и сейма (1773—1775 гг.)“, получавшій отъ Россіи деньги ¹⁾. Станиславъ Августъ превратился въ простаго постоянного президента „рады“, члены которой были выборщице ²⁾. Г. Корзонъ подробно разсматриваетъ въ особыхъ §§ дѣятельность департаментовъ, изъ коихъ состоялъ совѣтъ, и подчиненныхъ имъ комиссій ³⁾ и заключаетъ главу параграфомъ, содержащимъ въ себѣ общій приговоръ о „radzie nieustającej“. Это учрежденіе было, какъ извѣстно, весьма непопулярно у современниковъ ⁴⁾, и г. Корзонъ приводитъ тѣ нареканія на „раду“, которыя дѣлались особенно на четырехлѣтнемъ сеймѣ. „Въ нашихъ глазахъ“, говоритъ онъ, высказывая уже свое собственное сужденіе, — „въ нашихъ глазахъ, по истеченіи столь богатаго опытомъ столѣтія, большая часть этихъ нареканій не можетъ быть признана за справедливую“, — и шагъ за шагомъ онъ отражаетъ отдѣльныя обвиненія ⁵⁾. „Вполнѣ справедливымъ и подходящимъ“, продолжаетъ онъ, — „былъ упрекъ Ст. Потоцкаго, что постоянный совѣтъ былъ всегда открытъ для вхожденія чужой инфлуенціи. Съ этою цѣлью собственно и „былъ онъ“ созданъ Штакельбергомъ, къ этому клонились всѣ хлопоты его и короля при выборѣ консилиаріевъ и маршалка“ ⁶⁾. Факты зависимости польскаго правительства отъ Штакельберга извѣстны. И въ общемъ все-таки, сравнивая администрацію „rady nieustającej“ съ администраціей предыдущей эпохи, авторъ указываетъ на совершившійся прогрессъ ⁷⁾. Уничтоженіе „рады“ четырехлѣтнимъ сеймомъ рассматри-

¹⁾ Ibid., IV, 179.

²⁾ Ibid., IV, 180.

³⁾ Г. Корзонъ замѣчательно мало говоритъ здѣсь о не подчиненной, правде, „радѣ“ комиссіи эдукационной, всего четыре страницы. IV, 306—309.

⁴⁾ Ibid., IV, 309 sq.

⁵⁾ Ibid., IV, 314.

⁶⁾ Ibid., IV, 314—315.

⁷⁾ Ibid., IV, 309. Ср. еще благоприятный отзывъ о „radzie“, которую „незавидя главнымъ образомъ за ея происхожденіе“, IV, 594—595 (изъ второй половины тома).

вается имъ тѣмъ не менѣе съ совершенно иной точки зрѣнія, нежели у Калинки, видѣвшаго въ такомъ рѣшеніи сейма „разрушеніе правительства“¹⁾). Калинка думаетъ, что сеймъ замѣнилъ лучшее учрежденіе худшими, г. Корзонъ—противоположнаго мнѣнія. Глава XV и имѣетъ своимъ содержаніемъ „zząd sejmu czteroletniego“.

Въ указанной главѣ, равно какъ въ слѣдующей—„перевороты четвертаго періода“, наибольшій интересъ представляютъ страницы, гдѣ рѣчь идетъ объ административныхъ реформахъ четырехлѣтняго сейма, о повстанческомъ правительствѣ 1794 г. и объ усиліяхъ поляковъ въ 1792 и 1794 гг. отстаивать свою національную независимость, хотя и здѣсь очень много мы встрѣчаемъ спеціальныхъ подробностей о военной администраціи, о военныхъ дѣйствіяхъ и т. д. Наиболѣе любопытное изъ двухъ названныхъ главъ, составляющихъ цѣлый томъ въ 600 страницъ, мы здѣсь и приведемъ, имѣя въ виду опять-таки не подробности, а главныя мысли.

Вопервыхъ, г. Корзонъ съ документальными данными въ рукахъ разсматриваетъ дѣятельность своего рода военного министерства (komisyji wojska Rzpltej obojga narodów) въ эпоху четырехлѣтняго сейма и представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для рѣшенія вопроса о состояніи военныхъ силъ Рѣчи Посполитой во время ея борьбы съ Россіей въ 1792 году. Въ этомъ отдѣлѣ особенно важенъ обзоръ того, какъ приведено было въ исполненіе постановленіе сейма о стотысячной арміи²⁾, которой, какъ извѣстно, Польшѣ организовать не удалось. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ историкъ сваливаетъ вину на короля³⁾; что же касается до общества, говоритъ онъ,—то въ это время „оно жаждетъ борьбы и своими пожертвованіями свѣтитъ поддержать пошатнувшееся дѣло націи. Слѣды патриотическаго усердія“, прибавляетъ онъ,—мы находили вездѣ съ самаго начала войны“⁴⁾. Это общее положеніе авторъ подтверждаетъ множествомъ фактовъ, собранныхъ на десяткѣ страницъ⁵⁾, чтобъ еще разъ повторить, что „патриотическій пылъ былъ всеобщій, что народъ горячо хотѣлъ защищать свою независимость... Дѣло было“, замѣчаетъ онъ,—не въ по-

¹⁾ Ibid., IV, 1—3. Въ дальнѣйшемъ ссылки будутъ дѣлаться на вторую половину IV тома, выходящую свою особую нумерацію.

²⁾ Ibid., IV, 130 sq.

³⁾ Ibid., IV, 150.

⁴⁾ Ibid., IV, 151.

⁵⁾ Ibid., IV, 151—161. См. аналогичные факты и въ другихъ мѣстахъ на прилѣжъ, 164.

сиолитомъ рушеніи шляхты, не имѣвшемъ въ XVIII вѣкѣ никакого значенія въ сравненіи съ регулярными арміями, но верховный вождь и король долженъ былъ организовать изъ добровольческихъ массъ регулярную и дисциплинированную военную силу¹⁾. Мѣстами, однако, по словамъ самого г. Корзона, этотъ пылъ не могъ проявиться, такъ какъ этому мѣшали торговичане²⁾. „Какъ разъ въ это же самое время“, читаемъ мы еще нѣсколько дальше—„на парижскихъ площадяхъ развѣвалось красное знамя съ надписью „*Patric en danger*“ и поставлены были столы для записыванія волонтеровъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ сбѣжалось въ пограничные лагеря около 200 тысячъ молодежи. Неужели Польша не представила бы такого же зрѣлища, если бы только раздалось подобное же воззваніе? Приведенные факты и свидѣтельства современниковъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ сходствѣ настроенія массъ населенія. Была однако та разница въ положеніи двухъ народовъ, что монархическая Франція помогла себѣ безъ Людовика XVI, а республиканская Польша ждала лозунга отъ Станислава Августа... и дождалась... мерзвѣйшей измѣны“³⁾. Поведеніе военныхъ начальниковъ, покидавшихъ службу и даже оставлявшихъ отечество послѣ „акцесса“ короля къ торговицкой конфедерации, авторъ объясняетъ нежеланіемъ ихъ во всѣмъ бѣдствіямъ присоединить новое—междоусобіе, повторить барскую конфедерацию⁴⁾. Такова, по г. Корзону, причина окончательной побѣды торговицкой конфедерации⁵⁾. Въ параграфѣ объ этой послѣдней исторіи описываетъ, хотя и не особенно подробно, террористическія мѣры, пущенныя въ ходъ торговичанами, чтобы принуждать отдѣльныя мѣстности къ ней присоединиться⁶⁾, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что сдѣланное г. Корзономъ сравненіе ея дѣяній съ дѣйствіями четырехлѣтняго сейма будетъ не въ ея пользу, хотя она и обвиняла „варшавскій заговоръ“ (*spisek warszawski*, какъ принято было въ ней называть четырехлѣтній сеймъ) въ установленіи въ Польшѣ „деспотизма“⁷⁾. Мѣстныя конфедерации завязыва-

1) Ibid., IV, 161.

2) См., напримѣръ, IV, 153—154.

3) Ibid., IV, 165. О Станиславѣ Августѣ авторъ выражается здѣсь такъ: *tebórzliwy i spódlony do szpiku kości król*.

4) Ibid., IV, 168.

5) Обращаемъ вниманіе на подробную характеристику ея вождя Феликса (*szczęsnego*) Потоцкаго. IV, 221—230.

6) Ibid., IV, 238 вк.

7) Ibid., IV, 239.

лись по мѣрѣ поступательнаго движенія русскихъ войскъ и расширенія власти Ф. Потоцкаго въ южныхъ воеводствахъ и братьевъ Коссаковскихъ въ Литвѣ: въ Великопольской провинціи и въ Мазовіи тарговицане встрѣчали болѣе сопротивленія ¹⁾). Въ другомъ мѣстѣ успѣхъ тарговицанъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что противорѣчившая консерватизму шляхта „сукцессія трона“ дала имъ не мало сторонниковъ ²⁾).

Исторія возстанія 1794 г. изложена г. Корзономъ въ трехъ параграфахъ. Въ первомъ изъ нихъ разсматривается революціонное правительство въ 1794 г., во второмъ производится исчисленіе военныхъ силъ Костюшки, а въ третьемъ разказывается военная исторія самаго возстанія. Отмѣтимъ, что, по вычисленію автора, передъ началомъ повстанія въ Польшѣ было только 26—27 тысячъ войска ³⁾) а къ концу его оно доходило до 95 т., то-есть, Костюшко при менѣе благоприятныхъ условіяхъ и послѣ втораго раздѣла создалъ почти такую армію, какую постановилъ четырехлѣтній сеймъ ⁴⁾). Но эта армія составлялась постепенно, не была собрана въ одномъ мѣстѣ, была плохо вооружена, и по мѣрѣ того, какъ возникали новые отряды, старше по частямъ разбивались и разгонялись непріятелями ⁵⁾). Въ этотъ періодъ Польша возвратилась къ своему республиканскому строю и отмѣненными тарговицанами установленіемъ четырехлѣтняго сейма, а вопросъ о формѣ правленія долженъ былъ рѣшить будущій (не состоявшійся) сеймъ. Временныя власти этого періода, говоритъ г. Корзонъ,—какъ слѣдуетъ исполнили свой долгъ, а Костюшко заслужилъ названіе героя ⁶⁾). Польскія патріотическія усилія разбились о силы трехъ могущественныхъ державъ.

Переходимъ къ общимъ выводамъ, сдѣланнымъ самимъ авторомъ этого огромнаго труда. Самая общая его идея выражена г. Корзономъ въ нѣсколькихъ строкахъ, кончи онъ заканчиваетъ четвертый и послѣдній томъ своего изслѣдованія внутреннихъ отношеній Польши въ эпоху ея раздѣловъ. „Можетъ быть“, говоритъ онъ именно,—„нашимъ будетъ увѣрять, что мы исполнили обязательство, взатое на себя въ предисловіи. Если общество вышло изъ анализа очищен-

¹⁾ Ibid., IV, 242—244.

²⁾ Ibid., IV, 598—599.

³⁾ Ibid., IV, 334.

⁴⁾ Ibid., IV, 592.

⁵⁾ Ibid., IV, 593.

⁶⁾ Ibid., IV, 600.

нимъ по отношенію ко многимъ упрекамъ, какими его до сихъ поръ осмысливали, то это есть слѣдствіе извлеченія изъ забвенія, изъ пыли архивовъ и пристрастныхъ сужденій многосторонней дѣятельности, представленія ея въ ежедневныхъ, мелкихъ, не систематическихъ, а потому самыхъ настоящихъ и самыхъ широкихъ проявленіяхъ. Мы ничего не скрыли, старались, напротивъ, довести дѣло до полнаго исчерпанія матеріала, пропуская только повторяющіеся факты или дѣла слишкомъ мелкія и личныя¹⁾. При этомъ г. Корзонъ замѣчаетъ еще, что свои предположенія онъ дѣлалъ „съ подозрительностью и строгостью обвинителя“, но что ему нерѣдко приходилось въ теченіе работы находить документы, которые „заставляли его смягчать или даже измѣнять строго сформулированныя гипотетическія сужденія“²⁾. Этими строками онъ предпосылаетъ общее résumé, заслуживающее особаго вниманія.

Résumé, или заключеніе (zamyślenie), занимаетъ около сорока послѣднихъ страницъ (623—667) послѣднаго тома. На первомъ мѣстѣ здѣсь авторъ ставитъ вопросъ о Станиславѣ Августѣ и рѣшаетъ его въ извѣстномъ уже намъ смыслѣ. Онъ цѣнитъ однако въ послѣднемъ Польскомъ королѣ его заботливость въ дѣлѣ разрѣшенія крестьянскаго вопроса и въ дѣлѣ поднятія промышленности изъ ея упадка, болѣе же всего его просвѣщенный умъ. „Мы“, говоритъ г. Корзонъ, — „неоднократно напоминали, какая густая туча невѣжества (ciemnoty) висѣла надъ польскимъ народомъ въ срединѣ XV.ІІІ вѣка. Взвѣсившая всѣ элементы разложенія, мы пришли къ убѣжденію, что это невѣжество было первою и главною причиною паденія бывшей Рѣчи Посполитой. Незначительно было число людей, которые принесли лучи свѣта съ запада, и въ этой горсточкѣ Станиславъ Августъ былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ, самыхъ способныхъ, самыхъ ревностныхъ.... Исторія умственнаго развитія свидѣтельствуетъ, что труднѣе всего бываетъ добываніе первой искры. Эту искру зажегъ Станиславъ Августъ. Черезъ двадцать лѣтъ горѣлъ уже большой очагъ литературы, науки, школы. Станиславъ Августъ никогда его не угашалъ, а напротивъ раздувалъ на немъ огонь. И явилось поколѣніе четырехлѣтняго сейма, которое преобразило, возродило Польшу, и вышли почтенные граждане, даже герои, а они съ Костюшкою

¹⁾ Ibid., IV, 663.

²⁾ Ibid., IV, 664.

во главѣ были большею частью изъ кадетскаго корпуса¹⁾. Это мѣсто мы привели не ради выраженаго здѣсь взгляда на хорошую сторону дѣятельности послѣдняго Польскаго короля²⁾, а ради общаго взгляда автора на причину паденія Польши. Что касается до самого Станислава Августа, то указанныя заслуги не искупаютъ въ глазахъ г. Корзона его грѣховъ: по мнѣнію историка его царствованія, „самымъ выгоднымъ для Польши и для него самого событіемъ было бы низложеніе его съ престола или по крайней мѣрѣ отрѣшеніе его отъ власти въ минуту рѣшительной борьбы съ врагами въ 1792 г., какъ это именно сдѣлано было двумя годами поздѣе. Въ такомъ случаѣ возродитель народа не очутился бы между его убійцами“³⁾. И въ этихъ словахъ, впрочемъ, сквозитъ общій взглядъ автора.

„Достоинство народа“, продолжаетъ г. Корзонъ,— „въ эту ужасную эпоху должно быть измѣряемо количествомъ патріотизма, проявленнаго въ дѣйствіяхъ; прежде, однако, нежели мы опредѣлимъ эту мѣру, мы должны принять въ расчетъ, кромѣ извѣстныхъ изъ нашего изслѣдованія явленій, еще двѣ точки зрѣнія, чуждыя теперешнимъ поколѣніямъ и непонятныя безъ свѣта исторіи“. Авторъ имѣетъ въ виду, во первыхъ, сословный строй Польши, а во вторыхъ, космополитизмъ прогрессивистовъ. „Сословная организація“, говоритъ онъ,— „вообще оказывала вредное вліяніе на патріотическое чувство, на понятіе о цѣльности края, объ единствѣ народа и государства“⁴⁾. Въ Польшѣ „шляхтичъ *bene natus et possessionatus* въ сравненіи съ плебеємъ выглядывалъ, какъ человѣкъ другой расы, другой породы, болѣе благородной, болѣе чистой, іафетовой, а не хамовой крови“. Однако, замѣчаетъ далѣе авторъ,— шляхтичъ не утрачивалъ никогда понятія отчизны и „хотя бы вѣроломными устами“, но провозглашалъ, что ради нея готовъ жертвовать имѣніемъ и жизнью. Онъ только думалъ, что отчизна существуетъ лишь для него, что шляхетское сословіе составляетъ весь народъ, что безъ золотой вольности Польша перестанетъ быть его отечествомъ. Съ середины XVIII вѣка въ высшемъ слоѣ

¹⁾ Ibid., IV, 628—629.

²⁾ Объ общемъ отношеніи автора къ Станиславу Августу рѣчь будетъ идти ниже. Одинъ изъ критиковъ г. Корзона, г. Смоленскій, находящій вообще слишкомъ суровымъ приговоръ автора о послѣднемъ Польскомъ королѣ, замѣчаетъ однако, что въ этомъ мѣстѣ *zadużo przyznano Stanisławowi Augustowi w sprawie odrodzenia narodu* (*Ateneum*. 1887. Październik, стр. 5).

³⁾ *Korzon*, IV, 629.

⁴⁾ Ibid., IV, 630.

общества является группа прогрессистовъ, увлекающаяся идеями философовъ. Эта группа желаетъ усиленія власти, прекращенія анархій, введенія полиціи на образецъ благоустроенныхъ государствъ, но, думаетъ авторъ,—желаніе для Польши этихъ дѣйствительно бывшихъ потребными для нея вещей вытекало не изъ патріотической заботливости о Польшѣ, ибо тогдашніе философы презирали патріотизмъ и провозглашали свои идеи для всего человѣческаго рода ¹⁾. Этотъ-то космополитизмъ прогрессистовъ и есть второе обстоятельство, которое авторъ считаетъ нужнымъ имѣть въ виду, обсуждая вопросъ о польскомъ патріотизмѣ въ прошломъ вѣкѣ. Такимъ образомъ, говорить онъ,—оба направленія, существовавшія среди поляковъ, губили Польшу, что особенно видно по отношенію къ первому раздѣлу. „Для пониманія хода этой катастрофы“, по словамъ г. Корзона,—„намъ не нужно распространяться о другихъ элементахъ разложенія; слѣдуетъ только еще прибавить, что на такой психической основѣ развивалась безъ препятствій и безъ лѣкарства страшная умственная болѣзнь, плодъ двухъвѣковыхъ избирательныхъ интригъ и безнаказанныхъ отношеній между вельможами и иностранными монархами“ ²⁾. Авторъ разумѣетъ здѣсь „фатальную увѣренность, которая сдѣлалась ядромъ столь осмѣивавшейся политической неспособности („глуности“) поляковъ,—что иностранецъ можетъ быть другомъ, охранителемъ, даже безкорыстнымъ спасителемъ Рѣчи Посполитой, что вся Европа должна спасать и поддерживать Польшу. Ни сословный принципъ“, продолжаетъ г. Корзонъ,—„ни философскій космополитизмъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не подавили истиннаго самосохраненія; только въ Польшѣ подъ вліяніемъ особенныхъ историческихъ вліаній эгоисты могли находить выгоду для себя и для своей родни въ измѣннической по отношенію къ собственной странѣ службѣ дворамъ французскому, австрійскому, прусскому, русскому, а честные люди, даже патріоты—тѣшить себя сладкими надеждами на спасительное вмѣшательство того или другаго государства, спихивая на чужія плечи тягчайшій, но и высочайшій трудъ основанія самобытной силы народа“. Эта болѣзнь, прибавляетъ авторъ,—глубоко вкоренилась и распространилась широко въ польскомъ обществѣ. „Когда“, заключаетъ онъ,—„миліоны, когда весь народъ утрачиваетъ ясное понятіе о своей самостоятельности, по истинѣ единственнымъ для него лѣкарствомъ могутъ быть развѣ однѣ только муки неволи!“ ³⁾.

¹⁾ Ibid., IV, 631—633.

²⁾ Ibid., IV, 633.

³⁾ Ibid., IV, 634.

Отъ этого общаго разсужденія г. Корзона переходить къ фактамъ. Изобразивъ хозяйничанье русскаго посланника Рѣнцина въ Польшѣ, онъ говоритъ, что „объяснить это можно только ничемностью (ничтожествомъ) и политическою деморализаціей всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣли соприкосновеніе какъ самъ Рѣнцинъ, такъ и вообще русскіе генералы и офицеры“,—и затѣмъ слѣдуютъ факты. Ко всему этому, замѣчаетъ онъ,—„визшіе классы и городское населеніе Варшавы относились равнодушно, безмысленно, мертво, а король, паны и шляхта—позорно“¹⁾... „Допуская даже, что сеймующіе чины Рѣчи Посполитой не имѣли возможности оказать сильнаго сопротивленія, они могли все-таки сохранить нравственное достоинство, не унижать себя до подлости“. И опять идутъ факты и факты, съ которыми русскій читатель можетъ познакомиться изъ сочиненій нашихъ историковъ, разбиравшихся выше²⁾. Здѣсь я отмѣчу только сужденіе г. Корзона о Чарторыскихъ. Они, говоритъ онъ, „осрамили (sprofelowali) свою реформаторскую заслугу и стали подъ позорнымъ столбомъ исторіи: они сразу поняли значеніе потребованной гарантіи (со стороны Россіи для польскаго устройства), но что же они сдѣлали для спасенія національной независимости, которой сами причинили непосредственную опасность, вводя чужія войска, беря деньги для подкуповъ, пользуясь вліяніемъ и могуществомъ русской императрицы? Они препирались съ Рѣнцинымъ на словахъ, пока не почувствовали опасности за свои имѣнія и мѣста“³⁾.

Таковъ общій отвѣтъ г. Корзона на вопросъ о польскомъ патриотизмѣ въ шестидесятихъ годахъ прошлаго вѣка, и болѣе всего здѣсь его огорчаетъ мертвенность массъ шляхетскихъ и народныхъ⁴⁾. Но нѣсколько лучшимъ считаетъ онъ общее настроеніе въ 1772—1775 гг. Общество „прошло уже черезъ барскую конфедерацію, которая хотя и провозглашала не подходящимъ образомъ (niewłaściwie) девизы вѣри и шляхетской вольности, была все-таки протестомъ противъ иноземнаго владычества“. Въ первомъ раздѣлѣ дѣйствовало уже насиліе, и почти половина сейма подавала голосъ противъ требованій трехъ посланниковъ, въ массахъ же не было прежняго равнодушія⁵⁾. Тѣмъ не

¹⁾ Ibid., IV, 635.

²⁾ Ibid., IV, 636 sqq.

³⁾ Ibid., IV, 639.

⁴⁾ Najtraźniejszym atoli objawem w oczach naszych jest mar twota masy nie tylko plebejuskowskiej, ale i szlacheckiej. Та же страница.

⁵⁾ Ibid., VI, 640—641.

менѣе г. Корвопъ совершенно вѣрно замѣчаетъ слѣдующее: „Зародыши патріотизма, возвышающагося подѣ сословнымъ интересомъ, были столь незначительны и слабы, что ихъ едва можно принимать лишь за посѣвъ для будущаго; проливаніе горькихъ слезъ ¹⁾ можетъ только служить доказательствомъ безсилія (nieodolęzstwa) потомковъ рыцарскаго сословія; отсутствіе всякаго отпора даже физическаго въ отрывавшихся подѣ чужую власть воеводствахъ и повѣтахъ, передвиженіе впередъ непріятельскихъ войскъ безъ выстрѣла, пребываніе русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ солдатъ въ гостяхъ въ столицѣ безъ всякой драки, безъ уличныхъ приключеній,—все это было возможнымъ только у народа, погруженнаго въ политическую мертвенность. *Sunt in praesidium ac robur* груди шляхетской—посполитое рушеніе—изчезло безъ слѣда, а мѣщане, хлопъ и плебенъ разныхъ названій бездѣятельно и въ бессмысленномъ молчаніи смотрѣли, какъ валилась шляхетская Рѣчь Посполитая“ ²⁾).

Въ слѣдующемъ періодѣ Польша уже перестаетъ представлять изъ себя независимое государство. Ею правилъ теперь, какъ римскій проконсулъ, Штакельбергъ, а Станиславъ Августъ игралъ роль русскаго генераль-губернатора. „Патріотическая служба странѣ, при такихъ условіяхъ, дѣлалась гораздо болѣе трудной, чѣмъ прежде, но испытанныя страданія и срамъ раздѣла пробуждали отъ глубокаго сна и чувство, и мысль“ ³⁾). Это было и пробужденіемъ патріотизма; но, изображая послѣднее, авторъ на нашъ взглядъ, увлекается, говоря, что „по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ уже иначе бились сердца,... и народъ уже не шляхетскій, но въ разныхъ слояхъ и значительныхъ группахъ весь народъ ощутилъ желаніе независимости и началъ понимать ея цѣну“ ⁴⁾).

Больше ничего авторъ не говоритъ въ заключеніи объ эпохѣ между 1775 и 1787 г. Въ послѣднемъ году Россія и Австрія пу- скались въ турецкую войну, а Пруссія готовилась и для себя яв- влечь ихъ этого выгоду. Прежде поляки не пользовались такими условіями для своихъ интересовъ, а въ 1788 г. обнаружилось повсе- мѣстное движеніе противъ Россіи. Г. Корвопъ обобщаетъ далѣе

¹⁾ Намекъ на слова Косцюлковскаго: „Отчизну разрывали, а мы, будучи не въ состояніи ее защищать, заливались надѣ ея судьбою горькими слезами и мо- рально, и физически“.

²⁾ Ibid., IV, 642—643.

³⁾ Ibid., IV, 643.

⁴⁾ Ibid., IV, 645.

дѣятельность четырехлѣтняго сейма, къ которой, какъ мы не разъ уже видѣли, относится совершенно иначе, нежели Калинка ¹⁾). Все, по его мнѣнію, шло прекрасно, но „это триумфальное шествіе возрождающагося національнаго духа продолжалось лишь до того момента, пока не коснулись избирательности престола, которая уже два вѣка казалась шляхтѣ необходимымъ условіемъ свободы. Это дѣло наследственности трона“, продолжаетъ г. Корзонъ,— „стало трагическимъ узломъ въ критическій моментъ, когда долженъ былъ рѣшаться вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи или гибели Польши. Не нужно было предвидѣть, достаточно было смотрѣть и слушать вокругъ себя, чтобы понять, что существовавшая въ теченіи вѣковъ форма правленія найдетъ много защитниковъ, что нельзя будетъ безъ сильнаго потрясенія всего зданія вынуть камень, лежавшій въ его основаніи.... Сеймовое большинство не обратило вниманія на дѣлавшіеся въ этомъ смыслѣ протесты, но послѣдніе производили впечатлѣніе на головы, наполненныя предрасудками, закоснѣлостью, привычками золотой вольности и мечтами о сладкой жизни въ мирѣ, объ уваженіи къ Польшѣ со стороны другихъ державъ за ея отвращеніе къ захватамъ. Выраженіе сукцессіа до глубины души возмущало консервативнаго шляхтича и, что хуже всего, пробуждало въ немъ ложное и преступное представленіе, что Польша безъ польности уже не можетъ быть его отечествомъ. И исполнились зловѣщія предскаванія, и настало правленіе Тарговицы, а потомъ второй раздѣлъ страны и страшныя сцены гродненскаго сейма“ ²⁾). Однако авторъ находитъ и въ эту эпоху большую разницу въ общественномъ настроеніи съ тѣмъ, что было въ 1773—1775 гг., указывая главнымъ образомъ на поведеніе пѣкоторыхъ лицъ, которое заслуживаетъ похвалы ³⁾). За этимъ г. Корзонъ переходитъ къ исторіи возстанія подъ предводительствомъ Костюшки. „Что напряженіе патриотизма и нравственная сила общества, по крайней мѣрѣ шляхты и мѣщанъ, въ 1794 г. была значительна“, доказываютъ, говоритъ авторъ,—явленія и дѣйствія, сопоставленныя въ главахъ III, V, XI и XVI книги: они могутъ принести честь любому изъ цивилизованныхъ народовъ свѣта ⁴⁾). Напомнимъ, что въ главѣ III говорится объ

¹⁾ Ibid., IV, 645 sq.

²⁾ Ibid., IV, 648.

³⁾ Ibid., IV, 648 sq. Указывается и на то, что подписи подъ трактатомъ 1793 г. были вынуждены примѣненіемъ оравической силы, 650.

⁴⁾ Ibid., IV, 651—652.

участіи крестьянъ въ возстаніи Костюшки, но тутъ же отвѣчается и слабость простонароднаго движенія ¹⁾; напомнимъ, что въ главѣ V рѣчь идетъ о дѣйствительно происходившемъ мѣщанскомъ движеніи, и что въ главахъ XI и XVI сообщаются подробныя свѣдѣнія о состояніи финансовъ и войска въ этотъ періодъ.

Конецъ „заключенія“ посвященъ „природѣ паденія Польши“. Г. Корзонъ начинаетъ съ указанія на успѣхи Пруссіи при Фридрихѣ II, этомъ „мастерѣ въ искусствѣ управленія государствомъ“ ²⁾. Далѣе идетъ сравненіе Польши съ Пруссіей въ 1764 году: первая имѣла (безъ Курляндіи) 11¼ м. населенія при территоріи въ 13.300 кв. м., тогда какъ вторая 3¼ м. при 2.840 кв. м. Польское рыцарство было многочисленнѣе прусской арміи и имѣло въ своихъ вотчинахъ болѣе населенія, чѣмъ прусскій король во всемъ государствѣ. Уже полѣвка Польша не участвовала въ войнахъ, не знала государственнаго долга и фискальнаго гнета, была богата хлѣбомъ, лошадьми, серебромъ въ магнатскихъ замкахъ ³⁾. „Можно было бы вести“, восклицаетъ авторъ,— „болѣе долгую, чѣмъ семилѣтняя, войну съ цѣлымъ свѣтомъ!“ Какимъ же образомъ произошло паденіе и раздѣлъ тремя недружными между собою державами? „Только по причинамъ интеллектуальнымъ и моральнымъ“, отвѣчаетъ авторъ. Онъ приводитъ и факты въ доказательство огульнаго невѣжества ⁴⁾, и соглашается на квалификацію умственнаго состоянія Польши, какъ варварства. „Было въ этомъ“, продолжаетъ онъ,— „еще нѣчто похуже варварства. Варварскіе народы обмыкновенно обладаютъ свѣжестью мысли и неспорченною, грубою, естественною силой воли, тогда какъ господствовавшая надъ Польшей шляхта была блуднымъ сыномъ нѣкогда богатырскаго рыцарства, мудрыхъ, свѣтлыхъ, любимыхъ въ свѣтѣ пращуровъ“ ⁵⁾. Авторъ думаетъ, что „три двора могли бы въ 1772 г. подѣлить между собою всю Польшу, какъ для острастки говорили это господа посланники въ Варшавѣ: тогда наступила бы полная смерть, вѣчная, или, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько столѣтій гибель имени и духа польскаго“. Г. Корзонъ ссылается при этомъ на равнодушіе Бѣлоруссіи, королевской Пруссіи и Галиціи къ Рѣчи Посполитой, противъ

¹⁾ Ibid., IV, 464.

²⁾ Ibid., IV, 652—653.

³⁾ Ibid., IV, 663.

⁴⁾ Ibid., IV, 654 sq.

⁵⁾ Ibid., IV, 655.

которой они выставляли и солдатъ, и офицеровъ. Для поляковъ было счастьемъ, что ихъ государство не подѣлили сразу ¹⁾. Въ Польшѣ начались реформы, слѣдствіямъ коихъ авторъ приписываетъ большое значеніе, ссылаясь на собранныя имъ статистическія данныя ²⁾, на начавшееся умственное развитіе, на улучшеніе международнаго положенія Польши ³⁾. Но, говоритъ самъ историкъ,—нужно было еще защитить силой всѣ эти матеріальныя и моральныя приобрѣтенія, эту независимость и это достоинство, которыя теперь почувствовалъ народъ. Къ несчастью этого-то Польша и не сдѣлала⁴⁾. По чьей винѣ? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ, что нельзя указать на одного какого-либо козла отпущенія. Не было создано стотысячнаго войска по недостатку денегъ, но ихъ не было не отъ скупости шляхты и не отъ недостатка средствъ въ странѣ, а отъ неумѣлости творцовъ новыхъ налоговъ. Мы позволимъ себѣ пополнить здѣсь изложеніе общихъ выводовъ г. Корзона обращеніемъ къ самому тексту книги.

Въ первые два года царствованія Станислава Августа по введеніи нѣкоторыхъ финансовыхъ реформъ весь доходъ Ръчи Посполитой составлялъ около 13 милліоновъ злотыхъ (1764—1766 гг.). Послѣ перваго раздѣла, отпавшаго у Польши обширныя провинціи, доходы достигали уже 18 милліоновъ (1776 — 1777 гг.), а черезъ десять лѣтъ они возросли еще на три милліона. Наконецъ, въ 1791 г. въ моментъ наибольшаго напряженія податныхъ силъ общая цифра доходовъ была приблизительно въ 40 милліоновъ. Въ ту эпоху, когда государство получало 18 милліоновъ, войска оно содержало 16 тысячъ (11¹/₂ тысячъ Корона, 4¹/₂ тысячъ Литва), но во время постановленія сейма о стотысячной арміи доходовъ на послѣднюю не хватало, такъ что пришлось понизить цифру до 65 тысячъ, да и она оказалась неосуществимой мечтой, благодаря внутреннимъ распрямъ. Замѣчательно, что за долгое время доходы возросли только съ 18 до 21 милліона, и только тогда, когда нація ясно увидѣла, что она идетъ къ политической гибели, рѣшено было увеличить государственный доходъ вдвое ⁴⁾. Притомъ система налоговъ сохраняла свой старый характеръ даже послѣ перемѣнъ въ ней, произведенныхъ въ 1776 г.: шляхта была освобождена отъ несенія тяго-

¹⁾ Ibid., IV, 656.

²⁾ Ibid., IV, 657—658.

³⁾ Ibid., IV, 658—659.

⁴⁾ Ibid., III, 288.

стей въ пользу государства. Только четырехлѣтній сеймъ въ 1789 году установилъ такъ называемое вѣчное пожертвованіе (*obaga wieczysta*) рыцарскаго сословія въ родѣ подоходнаго налога, но онъ не далъ того, что отъ него ожидали, и предпринятое умноженіе войска оказалось невозможнымъ. Калинка винить въ этомъ шляхту¹⁾ и систему присяги, которая была положена въ основу показаній доходовъ и только вводила въ искушеніе людей, привыкшихъ ничего не платить, но г. Корзонъ держится другаго мнѣнія: по его представленію дѣла вся вина была въ неясной редакціи закона²⁾. Проф. Павинскій въ своей рецензіи не соглашается съ такимъ объясненіемъ и скорѣе раздѣляетъ мнѣніе Калинки³⁾. Гораздо вѣрнѣе замѣчаніе автора, что армію создать въ нѣсколько мѣсяцевъ было дѣломъ невозможнымъ⁴⁾.

Перечисляя причины того, что въ 1792 году Польша не сумѣла силою защитить своей внутренней реформы, г. Корзонъ переходитъ затѣмъ къ поведенію Станислава Августа, „добровольно и легкомысленно взявшаго на себя наибольшую отвѣтственность“, хотя и ссылается при этомъ на смягчающія обстоятельства въ его пользу, на то, что большинствомъ голосовъ „стража“ присовѣтовала ему перейти на сторону тарговичанъ. За то авторъ порицаетъ меньшинство за то, что оно не низложило „измѣнника“ и не созвало сейма. Въ этомъ была, по мнѣнію его, „роковая ошибка реформаторовъ четырехлѣтняго сейма—доктринерскан, не основанная ни на какихъ реальныхъ видахъ погоня за наследственной монархіей безъ монарха“. У Станислава Августа дѣтей не было, а у курфюрста Саксонскаго, наследника совсѣмъ не славной памяти двухъ Августовъ, была только дочь, изъ-за возможнаго, но совершенно невзвѣстнаго будущаго мужа которой совсѣмъ не стоило толкать консерваторовъ на отчаянные шаги. Самъ Станиславъ Августъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Корзонъ, совсѣмъ не годился для роли бойца, которую поручили ему патріоты. Вообще нужно еще разъ сказать, что авторъ „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ-Августѣ“ относится къ числу наиболѣе ярыхъ обвинителей этого короля. Проф. Павин-

¹⁾ *Kalinka. Sejm czteroletni*, I, 570 sq.

²⁾ *Korzon*, III, 226.

³⁾ *Dział literacki Kraju*, 1885 г., № 44, стр. 26. См. особенно продолженіе рецензіи въ № 45 (стр. 25), гдѣ приведены проф. Павинскимъ сильные доводы противъ г. Корзона.

⁴⁾ *Ibid.*, IV, 660.

скій въ своей рецензіи изъ одного III тома выбралъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ встрѣчаются самыя рѣзкія выраженія о Станиславѣ Августѣ („нравственная гниль“, „галь“, „рецидивъ подлости“ и пр. и пр.). „Защищать короля“, говорить онъ далѣе, — „отъ тяжкихъ упрековъ, справедливо дѣлавшихся ему и современниками, и потомствомъ, было бы дѣломъ труднымъ, невозможнымъ, недостойнымъ историка, который по самой обязанности ставитъ величество правды выше величества королей, хотя бы и собственной земли. Передъ строгимъ судомъ истины господствуетъ одинаковая мѣра справедливости какъ по отношенію къ народу, такъ и по отношенію къ трону. Приговоры этого суда основываются, однако, не на одномъ обвинительномъ актѣ, но на глубоко и добросовѣстно со всѣхъ сторонъ обслѣдованной правдѣ. Изъ-подъ пера автора при изображеніи короля Станислава Августа появляются чаще слова обвинителя, нежели судьи, который спокойно и безъ предубѣжденія взвѣшиваетъ на вѣсахъ человѣческіе поступки“¹⁾). Критикъ вѣрно замѣчаетъ, что историкъ Станислава Августа приписываетъ ему больше, нежели можетъ приписать безпристрастный изслѣдователь, — дѣлаетъ ему упреки, не имѣющіе за себя правдоподобія, преувеличиваетъ (przesenia) вліяніе, которое могъ имѣть король при тогдашнемъ политическомъ и моральномъ состояніи Польши. „Портретъ короля „злодѣя и измѣнника“ (zbrodnia i zdradca)“, продолжаетъ критикъ, — „расписанный такими мрачными красками, могъ бы сразу породить въ умѣ читателя предположеніе, что эти густыя тѣни приняли столь нечальный цвѣтъ потому, что выступили на ясномъ и чистомъ общественномъ фонѣ. Правда, самъ авторъ предостерегаетъ противъ такого вывода, который могъ бы сдѣлать читатель, упоминая, что и народъ шляхетскій былъ испорченъ, но эта одна черта отнюдь не кладетъ на картину подлежащей свѣтотѣни. Не смотря на всю растяжимость слова „испорченность“ (zepsucie), имъ не покрывается тотъ глубокой омутъ, въ который погрузилась значительная часть правящаго класса, съ коимъ король шелъ рука объ руку до самаго дна паденія“²⁾).

Продолжаемъ разсмотрѣніе причинъ, которыя, по г. Корзону, привели къ неудачѣ кампаніи 1792 года. Кромѣ виновныхъ или оши-

¹⁾ Е. с., № 47, стр. 25.

²⁾ Ibid., стр. 26. Ср. аналогичныя замѣчанія, которыя дѣлаетъ г. Корзону въ своей рецензіи на III и IV томы его труда г. Смоленскій (*Діемисъ* 1887. *Państwianik*, 2 sq.).

бочныхъ поступковъ заправилъ дѣла, онъ указываетъ еще на „не зависящія обстоятельства“. Вопервыхъ, не было человѣка дѣйствія, извѣстнаго и признаннаго народомъ, ибо Костюшко до Дубенки не былъ извѣстенъ массѣ. Въ вторыхъ, географическія условія дозволяли русскимъ наступать семью дорогами съ востока, а пруссаки могли также идти открытыми путями съ запада. Притомъ въ русскихъ воеводствахъ боязнь хлопскихъ бунтовъ могла до извѣстной степени поудержать шляхту отъ участія въ возстаніи ¹⁾). Третьею фатальностью было вѣроломство Прусскаго короля. Наконецъ, неблагоприятнымъ для Польши обстоятельствомъ было начало франко-австро-прусской войны, обратившей на себя общее вниманіе западныхъ державъ и удержавшей Пятта отъ защиты Польши. „Столько ужасныхъ условій“, говоритъ Корзонъ, — „мы не найдемъ, конечно, ни въ одной изъ записанныхъ во всеобщей исторіи войнъ за независимость“ ²⁾). Условія, при какихъ произошло возстаніе Костюшки, авторъ считаетъ еще болѣе печальными; но тутъ нація, по крайней мѣрѣ, возвратила себѣ самое дорогое моральное сокровище, національную честь ³⁾).

Такое содержаніе „заключенія“ къ труду г. Корзона. Можно вполне согласиться съ мнѣніемъ польской критики, ставящей очень высоко этотъ отдѣлъ труда ⁴⁾), хотя сама же она и не во всемъ согласна съ авторомъ.

Въ общемъ заслуга г. Корзона заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ изслѣдовалъ экономическую жизнь и систему управленія въ Польшѣ этой эпохи: и на самой обложкѣ его труда обозначено, что онъ представляетъ собою „историческія изслѣдованія съ точки зрѣнія экономической и административной“ (*badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego*). Авторъ показалъ намъ, что Рѣчь Посполитая въ обѣихъ сферахъ дѣлала значительные успѣхи въ послѣднія три десятилѣтія своего существованія. Въ отдѣлѣ объ администраціи г. Корзонъ, однако, не изслѣдовалъ системы

¹⁾ *Korzon*. IV, 661. Последнее мѣсто читается такъ: *Mniej wyraźnie uwidatnia się wpływ stosunków ludności, mianowicie w wojewodztwach ruskich: obawa buntów chłopskich mogła do pewnego stopnia etc.* Обращаю вниманіе на смягченную форму этого заявленія дѣйствительнаго факта.

²⁾ *Ibid.*, IV, 662.

³⁾ *Ibid.*, IV, 663.

⁴⁾ *Smoleński* въ своей рецензіи въ *Ateneum*'ѣ, стр. 12. По отзыву рецензента весь трудъ есть *monumentum aere perennius*, стр. 14.

польскаго самоуправленія, которая сдѣлалась впервые совершенно ясною только въ изслѣдованіи проф. Павнискаго о сеймикомъ правленіи въ Польшѣ. Гораздо менѣе обращаетъ авторъ вниманія на политическій строй Рѣчи Посполитой, на умственную культуру и на общественные нравы польской шляхты, такъ что съ этой стороны трудъ его оставляетъ желать весьма многого, и его заключенія кажутся не всегда убѣдительными. Если въ области народнаго и государственнаго хозяйства, въ области администраціи мы замѣчаемъ улучшенія, то отсюда еще нельзя дѣлать вывода, что столь же быстро совершались измѣненія въ лучшую сторону и во взглядахъ, и въ привычкахъ общества, хотя мы и не отрицаемъ здѣсь улучшеній, думая только, что они не захватывали въ такой степени все общество, какъ это представляетъ авторъ. Польскій патриотизмъ все-таки оставался сословнымъ, шляхетскимъ: во время дебатовъ о „сукцессіи трона“ на четырехлѣтнемъ сеймѣ одинъ изъ пословъ (Сухорженскій) выразилъ вполне мысль большинства шляхты въ словахъ, которыя весьма умѣстно здѣсь привести. „Я“, восклицалъ онъ, — „готовъ умереть, но да будетъ счастлива моя отчизна! Я увѣренъ, что потомство признаетъ мою правоту. Я желаю блага своему отечеству, я настоящій полякъ, но если сбросить тѣ оковы, которыя думаютъ наложить на народъ посредствомъ сукцессіи, иначе нельзя, какъ будучи пруссакомъ, москалемъ или австріякомъ, я имъ буду“¹⁾. Самъ г. Корзона говоритъ, что по представленію шляхтича эпохи четырехлѣтняго сейма Польша безъ условной вольности не могла быть его отечествомъ²⁾. Въ интеллектуальныхъ и моральныхъ условіяхъ, а не въ экономическихъ и административныхъ и видитъ этотъ историкъ главную причину паденія Польши³⁾.

Сравнивая между собою общіе выводы Калинки и г. Корзона, мы во многихъ отношеніяхъ обнаруживаемъ между ними разницу. Во-первыхъ, у нихъ оцѣнка многихъ дѣателей и дѣаній этой эпохи различная: это зависитъ отъ различія взглядовъ на то, какъ слѣдовало вести себя Польшѣ для того, чтобъ отстоять свою независимость и произвести внутреннюю реформу. Прилагая эту точку зрѣнія къ обзору отдѣльныхъ выводовъ, мы нашли бы, что именно этимъ во многихъ

¹⁾ *Kalinka*. II, 544.

²⁾ *Korzon*. *Zamknięcie*. IV, 648.

³⁾ *Ibid.*, IV, 654.

случаяхъ и объясняется несогласіе двухъ историковъ послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой. Вовторыхъ, Калинка—больше моралистъ, г. Корзонъ—главнымъ образомъ экономистъ; Калинка ставитъ судьбы Польши въ зависимость отъ вѣшной политики, Корзонъ—отъ внутренняго управленія финансовою и военною частями; первый, какъ моралистъ, рисуетъ общество самыми мрачными красками, а какъ полетикъ, отмѣчаетъ постоянные промахи и ошибки во вѣшнихъ отношеніяхъ Польши, тогда какъ г. Корзонъ „съ экономической и административной точки зрѣнія“ обнаруживаетъ дѣйствительные успѣхи, какіе дѣлала Рѣчь Посполитая, а отсюда мрачный фонъ всей картины у одного и болѣе свѣтлый—у другаго. Втретьихъ, и по отношенію къ частностямъ, различіе во взглядахъ объясняется иногда тѣмъ, что одинъ историкъ указываетъ на одну причину факта или сторону дѣла, другой на другія, но въ такихъ случаяхъ оба изслѣдователя только дополняютъ другъ друга. Наконецъ, весьма часто у обоихъ историковъ наблюдается только реакція противъ невѣрныхъ или не совсѣмъ вѣрныхъ историческихъ взглядовъ, реакція, доведенная до крайности и притомъ въ разныхъ направленіяхъ. Критика и дальнѣйшія изслѣдованія найдутъ во всемъ этомъ общую почву для примиренія того, что примиренію подлежитъ, золотую середину между крайностями, происходящими отъ увлеченій и одностороннихъ взглядовъ, и самъ г. Корзонъ не считалъ это невозможностью. Останутся, конечно, непримиримыя противорѣчія, взгляды, исключаютъ возможность золотой середины, но такихъ будетъ сравнительно мало; во всякомъ случаѣ, однако, критикѣ и будущимъ изслѣдованіямъ придется тутъ рѣшать вопросъ, кто правъ, Калинка или Корзонъ, если вся правда только на сторонѣ одного изъ нихъ. Быть можетъ, повторяю, такихъ противорѣчій меньше сравнительно съ тѣми, гдѣ придется видѣть долю правды у одного, долю правды у другаго. При различіи общей концепціи оба историка должны были выдвигать на первый планъ, каждый различные факты, одинъ—деморализацію и ошибки, другой—улучшенія и успѣхи, но и тѣ, и другіе факты существовали въ обществѣ, и только будущее могло бы рѣшить окончательно, на чьей сторонѣ осталась бы побѣда въ этой борьбѣ началъ разложенія и началъ возрожденія, еслибы борьбѣ этой было предоставлено свободное поле, еслибы въ нее не вмѣшались постороннія, вѣшнія силы. Можно относительно этого вопроса держаться различныхъ мнѣній, но они уже принадлежатъ къ категоріи историческихъ гаданій,

въ которыхъ позволительно защищать то или другое положеніе только съ нѣкоторою вѣроятностью. Въ критическія эпохи, къ числу какихъ относятся послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, когда общество, такъ сказать, колеблется между двумя дорогами, всегда существуетъ большая или меньшая вѣроятность въ пользу побѣды тѣхъ или другихъ началъ, а потому историческое сужденіе не можетъ обойтись безъ гипотетическаго элемента, ссылаясь, какъ это было въ нашемъ случаѣ, то на факты разложенія, то на факты возрожденія. Даже не отрицая существованія фактовъ, противорѣчащихъ основному убѣжденію, положенному историкомъ въ основу своей научной работы, онъ, на основаніи предположенія о томъ, что могло бы случиться, еслибы не было такихъ-то и такихъ-то обстоятельствъ, обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ только на одну категорію фактовъ.

Въ Польшѣ именно не хватило времени для того, чтобы могло выясниться, что побѣждало бы въ будущемъ, да и для самой побѣды необходимо было время, въ теченіи коего новое взяло бы верхъ надъ старымъ. „Старыхъ, глубоко вкоренившихся началъ публичной жизни“, говоритъ проф. Павинскій въ своемъ трудѣ о сеймикахъ, — „сокрушить не удалось. Воряба съ ними была трудная, тягостная, кровавая. Побѣда требовала больше времени, а времени уже не хватало“¹⁾. Въ области политическихъ понятій и привычекъ шляхты, на которую г. Корзонъ обратилъ слишкомъ мало вниманія, кромѣ „заключенія“ (zaknięcia), именно старое-то и преобладало, какъ это можно видѣть изъ только—что указаннаго изслѣдованія проф. Павинскаго²⁾, который къ тому же находитъ, что и конституція 3-го мая недостаточно глубоко измѣнила ненормальныя отношенія между сеймиками и сеймомъ³⁾. Кстати вотъ въ этой же работѣ почтеннаго варшавскаго ученаго еще одно мѣсто, весьма важное для пониманія тогдашнихъ польскихъ отношеній, важное потому, что здѣсь сдѣланы выводъ ихъ изученія сеймиковыхъ инструкцій въ царствованіе Станислава Августа. Это, говоритъ г. Павинскій, — были „годы великихъ пораженій, глубокихъ переворотовъ, борьбы между днемъ и ночью,

¹⁾ *Pawinski. Rzady sejnikowe*, 405—406.

²⁾ *Ibid.*, 407 sq.

³⁾ *Ibid.*, 413—415. Ср. послѣднюю главу нашего „Историческаго очерка польскаго сейма“.

между Армавомъ и Ормузомъ. На этой картинѣ есть ясныя полосы, солнечныя мѣста, возвышенныя очертанія въ великомъ, благородномъ стилѣ, есть и темныя, печальныя краски, отъ которыхъ и зависитъ то, что весь фонъ картины упадетъ въ черный цвѣтъ" ¹⁾). Присутствіе свѣтлыхъ тоновъ на мрачной картинѣ было во всякомъ случаѣ признакомъ возрожденія, и весь историческій вопросъ заключается въ томъ, чтобы дать строго-научный отвѣтъ: почему, вмѣсто возрожденія, результатомъ всѣхъ усилій было паденіе?

Н. Карѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Ibid., 410.

НЕРѢШЕННЫЕ, НЕРѢШИТЕЛЬНЫЕ И БЕЗРАЗЛИЧНЫЕ ДАНТОВСКАГО АДА.

(Посвящается О. Д. Батюшкову).

Дантовскій Alichino далъ мнѣ поводъ къ экскурсу о „дикомъ охотникѣ“¹⁾; имя и образъ, вызвавшіе мой комментарий, едва ли получили оттого большее, противъ прежняго, освѣщеніе по отношенію къ Божественной Комедіи, но они стали, быть можетъ, прочтѣе и опредѣленнѣе въ той вереницѣ представленій и возрѣній, которыя Данте воспринялъ по наслѣдству и усвоилъ по праву поэта: je prends tout bien où je le trouve. По отношенію къ Alichino не было почти и усвоенія: осталось имя и старое пониманіе типа. Иное дѣло—Дантовскіе нерѣшенные и безразличныя: здѣсь вамъ легче разграничить долю поэта отъ легенды, мотивы древнихъ представленій отъ ихъ новаго пониманія, опредѣленнаго и новымъ спросомъ дѣйствительности и качествами личнаго убѣжденія. Вопросъ интересный не только въ историко-литературномъ, но и въ культурно-психологическомъ отношеніи: вопросъ о нравственной цѣльности или обобщности въ ихъ историческомъ развитіи и оцѣнкѣ въ различныхъ областяхъ проявленія; о нравственномъ безразличіи — въ убѣжденіяхъ или въ практикѣ жизни, нерѣдко удовлетворяющей казовымъ заявленіемъ сторонничества и не спрашивающей далѣе, подсказано ли оно голосомъ совѣсти или страхомъ чужого мнѣнія. Вопросы, интересовавшіе Данте, продолжаютъ волновать и насъ. Древнія легенды рѣшали ихъ прямѣе и образнѣе. Къ нимъ мы и обратимся.

---

¹⁾ *Записки романо-германскаго отдѣленія филолог. общества при Имп. С.-Петербургскомъ университетѣ*, вып. I, стр. 47 слѣд.: Легенды о дикомъ охотникѣ. Опытъ генетическаго объясненія, стр. 55—56.

I.

По христіанскому представленію, упрочившемуся въ средніе вѣка на западѣ, существовало три постоянныхъ мѣста пребыванія для отжившихъ: кромѣ райа и ада—еще и „лово Авраамово“, *sinus Abrahæ*, иначе *limbus patrum*, въ которомъ обрѣтались ветхозавѣтные святые, лишенные лицезрѣнія Божія вслѣдствіе первороднаго грѣха и жившіе надеждою спасенія, пока І. Христосъ не ввелъ ихъ въ свою славу. Въ связи съ этимъ лимбомъ „отцовъ“ стоитъ и особое мѣсто пребыванія для не крещенныхъ младенцевъ, на которое св. Ома Аквинскій перенесъ то же названіе: *limbus infantum* или *puerorum*. Въ представленіи св. Омы адъ находится въ центрѣ земли, надъ нимъ чистилище, далѣе *limbus infantum* и, наконецъ, *sinus Abrahæ*, которое представляется, такимъ образомъ, стоящимъ ближе всего къ райскимъ селеніямъ. Древнія живописныя изображенія помѣщаютъ его въ рай, въ символическомъ образѣ: Авраамъ съ праведною душою или душами на лонѣ, вокругъ него нѣсколько другихъ душъ въ видѣ дѣтей¹⁾. Въ житіи Василія Новаго (+ 944 или 952), писанномъ его ученикомъ, мнихомъ Григоріемъ, Θεодора видитъ въ раю, въ числѣ другихъ святыхъ обитателей, и лова Авраамово, и то, что мы могли бы назвать — *limbus infantum*. „И привелъша мя въ нѣдра Авраама патріарха, вся показующе; бѣ же исполнь славы и радости духовныя и благовонныхъ цвѣтцъ и мвра и шипокъ и арамать; блху же тамъ и палаты различны, токмо духомъ божіимъ устроены. И тамо видѣхъ множество безчисленно младенецъ ликующихъ и веселящихся радостно окрестъ его. И вопросихъ водящихъ мя ангель: Что есть сицевый соборъ святопосныхъ сихъ младенецъ ликующихъ окрестъ снитоуѣннаго сего старца? И рѣша ми: Се есть патріархъ Авраамъ, и си еже слышала еси нѣдра Авраамля, и сій соборъ—христіанстїи младенцы соуть, разрѣшившеся отъ плоти нескверни“.

¹⁾ Такъ въ миниатюрѣ *Nortus Deliciarum*; на фрескахъ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода (1199 года), Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ (исполненныя первоначально въ концѣ XII в., онѣ были реставрированы русскими мастерами въ XV—XVI вв.), Успенскаго собора тамъ же и др. Указанія эти заимствованы изъ труда проф. *Покровскаго*, *Страшный судъ въ Памятникахъ византійскаго и русскаго искусства*, въ Трудахъ VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. III.

Въ этомъ лонѣ Авраамовѣ похонтся и ниціи въ притчѣ о Лазарѣ (Лук. XVI, 22 и др.); всюду, разумѣется, то состояніе блаженства, котораго сподобились ветхозавѣтные праведники, когда Христось извлекъ ихъ изъ ада и, приведа въ рай, перелалъ арх. Михаилу (Никодимово евангеліе). Въ рай знаетъ ихъ и отреченный Апокалипсисъ ап. Павла и другіе тому подобныя памятники; въ повѣсти объ Іосифѣ Аримаѣекомъ ¹⁾ Христось говоритъ праведному разбойнику: „Ты одинъ вселишься въ рай, и никто изъ первосозданныхъ не увидеть въ него тѣломъ, ты одинъ до втораго и страшнаго моего пришествія“; въ видѣніи Альберика Авель, Авраамъ, Лазарь и праведный разбойникъ одни лишь и обитають въ рай, другіе святые поселены вокругъ и удостоются принятія въ него лишь во второмъ пришествіи Христа.

Такимъ образомъ древній „лѣмбъ отцовъ“ у предѣловъ ада опустѣлъ ²⁾, и средневѣковая фантазія принялась населять его новыми жильцами: душами дѣтей, умершихъ до крещенія, и тѣнями добродѣтельныхъ язычниковъ. Населеніе совершилось не вдругъ. Видѣніе страшнаго суда мнихомъ Григоріемъ, составляющее часть житія Василія Новаго, указывало дѣтямъ, умершимъ до крещенія, такую конечную участь: такъ какъ въ нихъ не было никакого зла, но не видно было и Божьей благодати, то, возрѣвъ на нихъ, Господь разгнѣвался не на нихъ, а на ихъ родителей, не просвѣтившихъ ихъ святымъ крещеніемъ, и повелѣлъ имъ дать мѣсто покойное на полуднѣ, „и мало нѣкія вѣчныя жизни наслажденіе, обаче да не видятъ лица Господня“. У Альберика дѣтскія души очищаются въ первой долиніи ада, полной огня и жгучихъ паровъ; Данте помѣщаетъ такихъ младенцевъ въ первомъ кругѣ своего Ада, то-есть, въ

¹⁾ См. *Tischendorf, Evangelia apocrypha*, стр. 435.

²⁾ Къ представленію лѣмба интересно отнѣтитъ слѣдующее: въ латинскихъ Діалогохъ между Адрианомъ и Эпитектомъ земля представляется покоящеюся на камнѣ, камень поддерживають *quatuor animalia*, подъ ними огонь, огонь держитъ *abissus*, а пресподнюю поддерживаетъ *urbor, quae ab initio posita est*. Въ соответствующемъ отрывкѣ испанской народной книги, *Historia de la donzella Theodor*, это то древо, которое посажено было въ рай, а корень его, до смерти Спасителя, спускался въ самый адъ. Провансальскіе Діалоги называютъ это древо райскимъ, на немъ патриархи и пророки, оно держитъ небо и море и весь свѣтъ (сл. *R. Koehler* въ *Archiv. f. slav. Philologie* I, стр. 335—336). Такимъ образомъ ветхозавѣтные праведники оказываются въ аду (*abissus*) и, вѣсть, при (на?) райскомъ деревѣ.

лимбѣ (сл. Inf. IV, 30, 35; Par. XXXII, 83), какъ въ Энеидѣ (VI, 426 слѣд.), тотчасъ за адскою рѣкой, при вступленіи въ область, охраняемую Церберомъ:

continuo auditaе voces, vagitus et ingens,
infantumque animae fientes in limine primo:
quos dulcis vitae exsortes, et ab ubere raptos
abstulit atra dies et funere mergit acerbo¹⁾.

За ними слѣдуютъ: неповинно осужденные на смерть, самоубійцы и погибшіе отъ несчастной любви; далѣе герои. У Данте порядокъ нѣсколько иной: въ лимбѣ дѣти и герои древности — добродѣтельные язычники; во второмъ кругѣ Ада—Паоло и Франческо, поэтическіе показатели цѣлаго ряда другихъ, увлеченныхъ во грѣху любовью.

Добродѣтельные язычники въ Дантовскомъ лимбѣ также являются результатомъ постепеннаго приуроченія. Въ хожденіи ап. Павла по мукамъ²⁾ они еще въ аду: апостолу представляются въ числѣ другихъ грѣшниковъ, между содомитами и женами, наказанными за вытравленіе плода, другіе мужи и жены, облеченные въ свѣтлыя ризы, но незрячіе очами; они погружены въ пропасти огненной. Ангелъ объясняетъ: это—язычники, творившіе милость, но не познавшіе Бога; потому они и принимаютъ безпрестанную муку. — Боже гуманное отношеніе къ нимъ мы встрѣчаемъ у Діонисія Ареопагита (ed. Cordarius I, 608—609): св. Карпу представляются въ видѣніи два язычника, проклятые имъ, ибо они учинили соблазнъ въ его паствѣ. Они стоятъ на краю пропасти полной гадюкъ; онъ хочетъ столкнуть ихъ туда и уже простеръ руку, но остановленъ Христомъ, являющимся съ небесъ и говорящимъ ему: Порази меня, ибо я готовъ еще разъ умереть за человечество. Стало быть, и для доблестныхъ язычниковъ возможно было, если не спасеніе, то нѣвѣстное смягченіе участи: пребываніе не въ тартарѣ, а въ лимбѣ. Мехтгильда Магдебургская отводитъ имъ верхнія части ада, гдѣ мученія меньше;

¹⁾ Въ древнегреческомъ повѣртіи дѣти, умершія преждевременно, носятъ на ногахъ въ свѣтъ Гелаты вытопъ съ тѣни, которые скончались безъ потомства и не знайдавъ любви.

²⁾ *Тисокрасовъ*, Нам. отреч. русск. литературы, II, стр. 53. Ни въ греческомъ текстѣ Апокалипсиса ап. Павла (*Apocalypses apocryphae ed. Tischendorf*, стр. 60—61), ни въ сирійскомъ (*P. Zingerle* въ *Heidenheim's Vierteljahrsschrift* 4-ter B., стр. 139—138) этого эпизода нѣтъ.

за ними слѣдуютъ евреи, далѣе—невѣрные христіане¹⁾. Данте также помѣщаетъ въ первомъ адскомъ кругѣ, то-есть, въ лимбѣ, добродѣтельныхъ язычниковъ: рядомъ съ поэтами и философами древности—Аверроэса и Саладина, женщинъ, мужчинъ и дѣтей. Что ихъ соединяетъ въ этой доли скорби—это не грѣхъ: они не согрѣшили, но, родившись до явленія Спасителя, не могли сподобиться ни крещенія, ни вѣры въ истиннаго Бога. Въ этомъ ихъ единственная не личная вина; въ сущности, они стоятъ внѣ опредѣленія грѣха или добродѣтели—въ христіанскомъ пониманіи этихъ словъ, и въ этомъ смыслѣ безразличны. Толкуя дантовскій стихъ, *Inf. IV, v. 45*:

Conobbi che in quel limbo eran coeresi,

древніе комментаторы объясняли, что эти люди не осуждены и не спасены. Данте не даетъ имъ матеріальнаго наказанія, но за то другое, пожалуй, болѣе страшное: они живутъ страстнымъ желаніемъ, но безъ надежды лицезрѣть Господа, *Inf. IV, v. 42*:

Che senza speme viviamo in disio.

Сл. *Inf. IX, v. 18*:

Che voi per pena ha la speranza cionca.

Данте удостоилъ рай души праведныхъ язычниковъ, Трояна и Рифея, окружилъ такимъ благоговѣніемъ образы доблестныхъ мужей древности, пребывающихъ въ лимбѣ, что казалась несомвѣстной съ такимъ отношеніемъ поэта примѣненная къ нимъ кара: безнадежнаго желанія. И вотъ явилась попытка: внести въ приведенные выше стихи смыслъ, долженствовавшій помирить ихъ съ гуманними воззрѣніями Данте, или скорѣе, его почитателей. Сколари усмотрѣлъ въ состояніи безнадежнаго желанія такое настроеніе духа, которое не равносильно отчаянію; все дѣло въ психологическомъ его толкованіи: надо представить себѣ въ тѣхъ душахъ такую силу желанія, которая удаляла бы отъ нихъ приводящую въ отчаяніе мысль о безконечномъ лишеніи, и, вмѣстѣ, столь робкую надежду, чтобы увѣренность въ будущемъ блаженствѣ не доводила желанія до страстнаго его предвкушенія. Иначе и реальнѣе понялъ состояніе *sospeso*, то-есть, стоящаго, поставленнаго по срединѣ, въ колебаніи, другой комментаторъ Божественной комедіи, Ломбарди: это не расторгенность духа между желаніемъ и надеждой, не состояніе „нерѣшеннаго“, между блажен-

¹⁾ *Preger, Geschichte der deutschen Mystik, I, 104.*

ствомъ и наказаніемъ; оно понимается какъ временное — въ виду окончательнаго приговора на послѣднемъ судѣ, когда нерѣшенное рѣшится и души праведныхъ язычниковъ населятъ обновленную землю. Blanc также склоненъ понять выраженіе *zosreso* въ томъ смыслѣ, что Данте хотѣлъ имъ указать на лучшую участь, ожидающую въ будущемъ временныхъ обитателей лимба; иначе, какъ объяснить себѣ обѣщаніе Беатриче Виргилію, *Inf. II, v. 73—74*: когда я буду предстоять передъ Господомъ, я часто буду хвалить тебя?

Quando sarò dinanzi al Signor mio
Di te mi loderò sovente a lui.

Виргилію также естественно было очутиться въ средневѣковомъ раю, какъ Трояну извѣстной легенды о Григоріѣ Великомъ: въ IV-й эклогѣ Виргилія средневѣковые люди вычитывали пророчество о рожденіи Спасителя; онъ былъ типомъ мудраго, вѣщаго язычника, приготовленный сосудъ христіанства, еслибъ онъ былъ взмыканъ его откровеніемъ; въ Мантуѣ до XV вѣка пѣлся въ церкви гимнъ: будто бы ап. Павелъ пролилъ слезы надъ гробницей Марона: „какимъ бы (христіаниномъ) я учинилъ тебя, еслибъ засталъ тебя въ живыхъ, о величайшій изъ поетовъ“. Далѣе, можно было идти въ направленіи, указанномъ ирландскою легендой о св. Кадокѣ (V вѣка)¹⁾: однажды онъ гулялъ по морскому берегу въ обществѣ св. Гильды, держа подъ мышкой книгу Виргилія, по которой имѣлъ обыкновеніе обучать мальчиковъ въ шкодѣ. Онъ плакалъ и, на вопросъ св. Гильды, отвѣчаетъ, что проливаетъ слезы о Виргиліи, вѣроятно, обреченномъ на вѣчныя муки. Гильда подтверждаетъ это предположеніе; въ это время порывъ вѣтра выхватилъ книгу изъ-подъ рукъ святаго и унесъ ее въ море. Тогда св. Кадокъ даетъ завѣтъ: не ѣсть и не пить, пока ему не будетъ открыто, какая участь ожидаетъ на томъ свѣтѣ тѣхъ, которые на землѣ пѣли, какъ поютъ ангелы на небѣ. Во снѣ онъ слышитъ голосъ, просящій—молиться за него, а на другой день находитъ въ пойманной имъ лососѣ утраченную книгу. Виргилій, очевидно, былъ спасенъ²⁾.

¹⁾ *Hersart de la Villemarqué, La légende celtique et la poésie des cloîtres en Irlande, en Cambrie et en Bretagne* (Paris. 1864): XIV. La légende de st. Cadoc.

²⁾ Древнія славянскія представленія о Виргиліи отражаютъ сравнительно позднюю стадію въ развитіи его легендарнаго типа на западѣ: это — Виргилій магъ и волшебникъ. Сл. *Jagić, Die südslavischen Volkssagen von dem Grabanetjaß dyak und ihre Erklärung* въ *Archiv f. slav. Philologie*, II, 437—481 и 743; ib.

Представленія о загробной участи праведныхъ язычниковъ, стало быть, колебалось между св. Гильдой и Кадокомъ, строгимъ рѣшеніемъ догмы и воздегнѣніями человѣческаго милосердія. Видѣніе мнѣха Григорія (въ житіи Василія Новаго) склонилось въ послѣднюю сторону: въ числѣ праведниковъ, входящихъ „въ радость Господа“, за Адакомъ, Авелемъ и др., является новый сонмъ: „И по сихъ прииде малъ ликъ, лица же ихъ бѣху красна, бѣла и румяна; сіи же бѣху иже преже пришествія Христова отъ языкъ, не ищуще закона, но дѣлаи законъ исполняюще, и идоломъ не поклонившеся, но цѣломудренни быша и милостивы и бога чтуще; и симъ повелѣ (Господь) ввити, и того ради сподобитися сея радости неизреченныя“.

Не такого мѣстна бѣлъ Данте, не взирая на желанія его комментаторовъ: его Виргилій далекъ отъ христіанскаго освѣщенія ирландской легенды; онъ—вдохновенный учитель, поэтъ и мудрецъ, но его руководства хватаетъ лишь до границъ откровенной истины. Онъ самъ обрѣтается въ лимбѣ, между желаніемъ и надеждой; его мѣсто въ аду, какъ учило и хожденіе ап. Павла, но онъ и всѣ великіе новѣрци лимба являются въ такомъ симпатичномъ и вмѣстѣ груст-

IV, стр. 611 сл.: *Asboth, Der Garabonczás diák nach der Volksüberlieferung der Magyaren*. Виргилій, какъ провозвѣстникъ Христа, извѣстятъ намъ изъ старопечатанныхъ (XVII в.) Чудесъ Пресвятой Богородицы, извлеченія изъ которыхъ (по десятиному экземпляру библи. Кіево-Печерской Лавры, отд. VII, № 7) любезно доставлены были намъ Вл. Вл. Каллашемъ. Выбѣтъ съ „чудомъ“ о Виргиліи приведу и слѣдующее за нимъ, касающееся христіанскаго пророчества Овидія:

Чѣда престон Бѣи межѣ поганѣми.

Чѣдо трѣтеѣ, л. ѣа (стр. 2).

Вѣргиліупъ поета будучи поганіпомъ невѣрнымъ, чы ѡ злогѣ духа наученный написалъ ѡ прѣтой Двѣ ѣ ѡ цртвѣи Хѣомъ такіи слова: Южъ вертаѣтся и Двѣа, вертаѣются сатурншвы царствѣа (съ боку: 'Еглогъ д).

Чѣдо чѣтвѣртоѣ л. ѣв (стр. 1).

Овѣдѣушъ Вѣршопісецъ, будучи поганиномъ на выгнѣнію межѣ Сармѣтами написалъ ѡ Престѣой Бѣѣ Вѣрши, въ котѣрыхъ Бѣгинею ѣи называетъ, мѣвачи:

Вѣръ томѣ що ѣ мовлю, въ тымъ та оупевнѣю.

Же въ Сармѣцкой крайнѣ ѡ тымъ дѣбре знѣю.

Зѣ ѣба са тутъ зѣвилѣо чѣдо, повѣдаѣютъ

Предъ Богиню, которѣю всѣ тутъ выславѣаютъ.

(съ боку: "Овѣдѣушъ де По: кнѣ: ѣ. "Егег. ѣ, до Маѣнѣма).

номъ освѣщеніи, что оно искупаетъ, не отмѣняя его, строгій приговоръ догмата. И это не шагъ назадъ въ пониманіи древности, а прогрессъ; гуманистическая ея идеализація взяла перевѣсъ надъ христіанской: содержаніе языческой мысли и поэзіи цѣнится въ нихъ самихъ, въ ихъ цѣляхъ и человѣческихъ задачахъ, не по идеѣ преобразования, спасавшей для новой культуры завѣты древней—поскольку послѣдняя, казалось, предвѣщала первую; *Виргилія поэта*—въ вдохновенномъ пѣвцѣ IV-й эпоги.

II

Если обитатели лимба стоятъ, нерѣшенные, въ опредѣленій грѣха и заслуги, то въ преддверіи къ Дантовскому Аду мы встрѣчаемся съ другимъ, подобнымъ же типомъ. На этотъ разъ опредѣленіе существуетъ, ибо мы имѣемъ дѣло съ грѣшниками, которыми оно было раскрыто и вмѣнено; ихъ грѣхъ не въ невѣдѣніи, а въ колебаніи между завѣтами добра и зла, въ нравственной нерѣшительности. Это, въ самомъ дѣлѣ, безразличныя и обоюдныя; не безусловно грѣшныя, но и не добродѣтельныя; въ смыслѣ примѣненнаго къ нимъ наказанія они такія же нерѣшенные, какъ и грѣшившіе по невѣдѣнію.

По современному нидерландскому повѣрью ¹⁾, когда женщина умираетъ въ родахъ, ея душа стремится къ небу, гдѣ ее не принимаютъ за грѣха, адъ также отрицается ея, ибо она достаточно искупила содѣянное ею—своими страданіями. Она и мечется между небомъ и землей: такъ объясняется явленіе вихря.—Это лишь частная народная разработка древняго мотива, не усвоеннаго церковнымъ догматомъ, но оставившаго слѣды въ апокрифической легендѣ и искусствѣ. Въ сирійскомъ и греческомъ текстахъ *Апокалипсиса* ап. Павла (*Tischendorf, l. c., 52—53; Zingerle, l. c., 159—160*) онъ видитъ передъ вратами Господняго града нѣсколько людей, стоявшихъ и плаквшихъ подъ безплодными деревьями (*καὶ οὐκ ἔχοντων αὐτοῖς τὰ δένδρα*) и не имѣвшихъ возможности вступить въ божій градъ. Это постники и молитвенники, грѣшныя самоопиенемъ и гордыней. Какъ они поставлены въ преддверіи блаженства, такъ другіе грѣшники такого же обоюднаго типа помѣщены въ самомъ началѣ адской области, ихъ ноги въ огненной рѣкѣ: это тѣ, которые при жизни не были ни праведными, ни грѣшниками (*Zing., 164, въ греч. этого нѣтъ*),

¹⁾ *Wolf, Niederländische Sagen, № 519.*

„ни тепли ни студени“, какъ сказано о нихъ въ старо-славянскомъ текстѣ (Тихонравовъ, I. с., стр. 49), и въ нѣсколько иныхъ образахъ, въ ново-болгарской переработкѣ апокрифа: на рѣкѣ, гдѣ мучатся грѣшники, апостолу видится „едень машь, че са весели и пее нито у праведни-те, нито у грешни-те“. На землѣ онъ проводилъ жизнь „на пусто и на лудо“, „не зло не добро“, не приносилъ Богу ни поста, ни милостини, ни поклоновъ; вотъ почему онъ и помѣщенъ „ни ва грешни, ни в праведни“ (Novaković, Starine, VI, стр. 39). Сюда же относится эпизодъ апокрифическаго разказа объ Авраамѣ, котораго мнѣ пришлось коснуться при другомъ случаѣ (Разысканія, VI, 34): Авраамъ перенесенъ на „окіанъ“, гдѣ поглядѣвъ „выспрь“, онъ видитъ двое вратъ: однѣ малыя, другія великія, тѣ ведутъ „въ животъ“, эти въ пагубу. Ангелы вгоняютъ въ послѣднія семь душъ; всѣ онѣ оказались грѣшными, „равнѣ юже дрѣжаше ангелъ дшю въ руку свою, обрѣте бо еа грѣхъ точенъ съ правдами еа, да не остави еа, ни въведе еа в покоя, но въведе ю еже есть осре“ (Тихонравовъ, I. с., I, 84—85). Въ одномъ текстѣ этой статьи такая душа изображена женой, ставшей посреди обонхъ вратъ, „и ни въ една врата въходящи“.—Если повѣсть о Тундалѣ отводить особое мѣстопребываніе душамъ тѣхъ, которые были *mal sed non valde* и тѣмъ *boni non valde, qui de inferni cruciatibus erepti nondum merentur sanctorum consortio conjungi*—то разумѣется какое-то переходное состояніе, подобное чистилищному. Въ видѣніи Баронта (*Acta Sanctorum*, 25 Mart. III, 564—574) грѣшники подобнаго рода помѣщены въ аду: такъ какъ въ жизни они дѣлали нѣчто доброе, то каждый день въ шестомъ часу они освѣщаются обоняніемъ райской манны, придающей имъ новыя силы. Въ видѣніи Григорія (въ житіи Василія Новаго) этимъ грѣшникамъ отвѣчаетъ особый типъ милостивыхъ блудниковъ: они видѣлены изъ числа другихъ осужденныхъ, ихъ „одѣяніе яко мгла, лица же ихъ бяху яко черныхъ человекъ, овогда усрамляхуса, овогда же просиѣщахуса, отъ рукъ же ихъ десныхъ капаше масло чисто яко злато, отъ лѣвыхъ же яко суровая смола. Ихъ же видѣ Господь остави и отврати лицо свое отъ нихъ; и абіе пришедше суровии ангели влечаху ихъ съ нуждою, они же обрацахуса, часто вопіюще, къ Господу: Пощади насъ, милостивый Воже! И видяшеса Господь милосердуя и гнѣваяся на нихъ. И се внезапно сниде отроковица съ небесе, красна зѣло и препрославлена, и служаху ей ангели, и пришедши ста предъ господомъ и поклонися о соннѣ ономъ, и скоро постиже немилостиво“).

стивыхъ ангелъ и глаголаше имъ: Живо лице Отца нже есть на небесѣхъ, и едиnorodнаго Сына его и Святаго Духа, яко не имать мучитися сонмъ сей. Познавше же ангели, кто есть та, и рѣша къ ней: Вѣмъ, кто ты еси, яко ты еси возлюбленная богомъ Милостыня, и никто же нѣзъ паче тебе имать дерзновение, но мы не можемъ преслушати судіи. Она же рече: Вѣмъ и азъ сице, но молихся о нихъ много, и повелѣ ми возвратити васъ съ нами. Тѣмъ же возвратишася и сташа предъ лицомъ судіи, трепещуще яко листвіе. И абіе глагола къ нимъ судія: яко милостыни вашей ради огнявѣчнаго избавляю вы, блуда же ради и нѣхъхъ нечистотъ и страстей во царство мое не ввидѣте и благихъ моихъ не насладитесь, и радости святыхъ не узрите. И повелѣ дати имъ мѣсто на сѣверѣ, да будутъ потребныхъ скудни⁴.

Милостивымъ блудникамъ Григоріева видѣнія, говоритъ Буслаевъ¹⁾, отвѣчаетъ въ русскихъ изображеніяхъ страшнаго суда образъ блудника, привязаннаго между адомъ и раемъ къ столбу, съ надписью: „Что стонеша, человекъ, и позираеша на рай и на муку? Блуда бо ради лишень бысть блаженнаго рая, а милостыни ради лишень вѣчна мука“²⁾.—Источникомъ этого представленія, замѣнившаго страну на сѣверѣ мѣстомъ между адомъ и раемъ, могъ быть разказъ въ родѣ сообщеннаго Амартоломъ, извѣстный и въ русскихъ пересказахъ³⁾. Былъ въ Константинополѣ при Львѣ Исаврѣ († 741) человекъ очень сильный и знаменитый, весьма богатый, крайне нищелюбивый и милостивый, но по дѣйствию лукаваго имѣлъ страсть блуда. По его внезапной смерти было стязаніе о судьбѣ этого человека у патриарха Германа и знаменитыхъ епископовъ; одни говорили: писано: искупленіе души человека его богатство—оно давалъ милостыню отъ своихъ и праведныхъ трудовъ, а не отъ чужихъ или неправедныхъ; другіе же возражали, что рабъ Божій долженъ быть во всемъ совершенъ и непороченъ, ибо писано: „аще кто весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же въ единомъ, бысть всѣмъ

¹⁾ Буслаевъ, Очерки II, стр. 139—141, 135. Сл. Сахаровъ, Эсхатологическія сказанія въ древней русской письменности, стр. 143—180.

²⁾ Сл. Ромискій, Русск. нар. картини, № 1007; Покровский, I, с., стр. 323 (миниатюра XVII в.).

³⁾ Терновскій, Изученіе византийскаго исторіи и ея тенденціознаго приложенія въ древней Руси, I, стр. 90—91; Покровский, I, с., стр. 380. Сл. Лятовичъ, Георгія мниха къ заданію общества любителей древней русской письменности вып. III, л. 337.

повиненъ"; и еще: „въ чемъ застану, сужу тебя, говорить Богъ“. Патріархъ заповѣдалъ постъ и молитву и предложилъ по всѣмъ монастырямъ и жилищамъ отшельниковъ просить Бога, да откроетъ имъ судьбу человѣка. Одному боголюбивому мужу было видѣніе, которое онъ и разказалъ всенародно: онъ видѣлъ „такое мѣсто, съ правой стороны котораго рай неизреченной красоты, съ лѣвой печь, пламень которой восходилъ до облаковъ, а покойный богачъ стоитъ между раемъ и оною страшною печью и много и горько стенаеть, смотря на рай. И вотъ, когда онъ стоналъ и сокрушался, какой-то свѣтоносный мужъ сталъ около него и говоритъ: „что все стенаешь, человѣче, вотъ ради своей милостивы ты избавился отъ геенны, а за преданность скверному и нечистому блуду лишенъ царства небеснаго“.

Въ одной изъ „Повѣстей отца нашего Пафутія Боровскаго“ ¹⁾ тотъ же мотивъ своеобразно разработанъ—въ приложеніи къ милостивому язычнику. Дѣло было во время мора 1427 года: съ его описанія, чрезвычайно интереснаго въ культурномъ отношеніи, и начинаются повѣсти, какъ въ Декамеронѣ съ описанія чумы, только вмѣсто игривыхъ новеллъ слѣдуютъ—видѣнія. Нѣкая инокиня, обмершая въ ту пору и потомъ очнувшаяся, разказываетъ, что и кого она видѣла въ рай и въ аду и—въ мѣстѣ по срединѣ. Отойдя отъ рая, „и мѣста мучнаго не дошедъ; и видѣ шдръ и на немъ нса лежача, одѣана шубою соболію. Шнаже въпроси водачаго еа, глгчла: Что есть сіе? Шнже рече: Се есть церьбетника сего горанинъ милостивый и добродѣтельный; неизреченна ради его милостивы избави его Богъ штъ муки, и тако не потщиса стажати истинную вѣру и не породиса водою и духомъ, недостовнѣ бысть внити въ рай по Господню словеси: иже не родитса водою и духомъ, не внидеть въ царство небесное. Толико жъ бѣ милостивъ, всѣхъ искупаа што всакна бѣды и штъ долгу, и пускаше и по шрдамъ посылаа и плене-

¹⁾ По рукописи Волоколамской бібліотекы, нынѣ Московской Дух. Академіи № $\frac{164}{580}$, л. 575 об.—577 л. Сборникъ въ небольшую осьмушку, писанъ Васціаномъ, ученикомъ старца Фатяа, ученика Касьяна Босаго; перечень статей сборника въ описи рукописей Волоколамскаго монастыря, *Чтенія въ Общ. исторіи и древностей* 1881 г. кн. 3-я. За эти свиданія и за предоставленіе мнѣ списка радныхъ повѣстей приношу мою искреннюю благодарность Н. С. Тихонову. По другому списку (библ. Троицкой Лавры, XVI в.) повѣсти были напечатаны въ IV-мъ приложеніи къ рѣчи прое. И. Некрасова, *О современныхъ задачахъ изученія древне-русской литературы* (Одесса. 1869); я пользовался ими и въ рип. Синодальной бібл., № 927, л. 30 лѣц. и слѣд.

ныя христіяны искупуа нуцаше, и не токмо человекѣи, но и птица, отъ оуловившихъ искупуа, пускаше. Показа же Господь по человекѣскому шбычаю зловѣрна ради его въ псѣиѣмъ шбразѣ, милостыни же честное многоцѣнною шубою шбъяви, еуже покрываемъ избавленіе вѣчныа муки назнамена, тамо бо и невѣрныхъ душа не псѣиѣмъ шбразѣ будутъ, ниже шубами покрываются, но ѣкоже рѣхъ, псомъ зловѣріе его шбъяви, шубою же честное милостыни. Видь ми величество Милостыни, ѣко и невѣрнымъ помогаетъ!⁴

Буслаевъ сравниваетъ съ образомъ одинокаго грѣшника у столба фигуру Соломона, встающаго изъ могилы въ страшномъ судѣ Орканья: онъ, дѣйствительно, отвѣчаетъ тому специальному пониманію нравственной обоудности, которая выражается въ сочетаніи милостыни и блуда; житіе Василя Новаго присоединяетъ къ этому нымъ нечистоты и страсти; повѣсть Пафнутія вводитъ моментъ азмчества. Обоудность какъ бы расширяется, такимъ образомъ, къ общему понятію человекѣа, стоящаго между наказаніемъ и блаженствомъ, потому что колебался между грѣхомъ и добродѣтелью.

Западная легенда типически олицетворила такихъ сознательно—перѣшительныхъ въ образѣ ангеловъ, которые при паденіи Люцифера продолжали ему повиноваться, но не погрѣшили, подобно ему, гордыней. Оттого они не спасены, но и не наказаны, какъ павшіе ангелы, а только лишены лицезрѣнія Божія. Ихъ представляли себѣ въ образѣ птицъ, населяющихъ свой особый рай; въ теченіи всего года они блуждаютъ, какъ духи, и лишь о Пасхѣ получаютъ птичій образъ и спускаются на островъ св. Врандана, чтобы пѣснопѣніемъ возблагодарить Господа за его милосердіе. Какъ они не умѣли сдѣлать выбора между добромъ и зломъ, такъ и въ своемъ превращеніи они живутъ и на сушѣ, и на морѣ, отдаваясь теченію волнъ, ловя рыбу и ничего не понимая, взывая къ Богу: „Остави намъ владыко, и помилуй насъ, Господи, мы бо согрѣшихомъ пачи всеа твари“, какъ читается въ легендѣ о св. Макаріи римскомъ¹⁾.

Какъ сложилось это зооморфическое представленіе безразличныхъ ангеловъ? Въ основѣ, очевидно, представленіе райской втицы—но вмѣстѣ и души, которую средневѣковыя легенды любили изображать въ такомъ именно образѣ, знакомомъ уже Египтянамъ.

¹⁾ См. мое изслѣдованіе: Изъ исторіи романа и повѣсти, I, стр. 270—271, 309, 317 и слѣд.

У нихъ птица — душа является съ человѣческимъ лицомъ, какъ въ эпизодахъ псевдокаллистонова романа — и въ русскихъ миниатюрахъ, гдѣ райскія птицы Алконостъ и Сиринъ изображены до пояса дѣвушкой, съ распущенными волосами, съ вѣнкомъ и нимбомъ, а отъ пояса до ногъ въ видѣ пернатомъ ¹⁾.

Данте не знаетъ птичьихъ образовъ легенды, но ея ангелы населяютъ преддверіе къ его аду. Это тѣ, которые

non furon ribelli
Nè fur fedeli a Dio, ma per sè foro.
Cacciarli i ciel per non esser men belli,
Nè lo profondo Inferno gli riceve
Chè alcuna gloria i rei avrebber d'elli (Inf. III, v. 38 слѣд.).

(„которые не возмутились противъ Господа, но и не пребыли вѣрными ему, а стояли по себѣ. Небеса отринули ихъ, хотя они были не менѣе красивы, чѣмъ другіе, а глубокій адъ ихъ не принялъ, ибо грѣшникамъ была бы отъ нихъ вѣкая слава“).

Интересно для свѣтскаго, политически-дѣятельнаго взгляда Данте — то обобщеніе, которому подвергся у него завѣщанный преданіемъ обоюдный нравственный типъ. Полу-грѣшныя, полу-праведныя ангелы попали въ общій сонмъ людей безразличныхъ не только передъ широкими принципами добра и зла, но и практически-нерѣшительныхъ, трусливыхъ, робкихъ духомъ передъ требованіями дѣла; тотъ „печальный родъ“, что

Жилъ безъ хулы и славы бытія (Inf. III, v. 35—36),

не угодивъ ни Богу, ни его супротивникамъ (ibid., v. 63). При жизни эти „несчастные, никогда (въ сущности) не жившіе“ (ibid., v. 64 слѣд.), не рѣшились откровенно двинуться за тѣмъ или другимъ знаменемъ; теперь они осуждены вѣчно и безъ усталости стремиться за быстро движущимся стагомъ, нагіе, кусаемые мухами и осами, обливаясь кровью и слезами, которыми у нихъ ногъ питаются гадкіе черви. „У нихъ нѣтъ надежды на смерть“, толкуетъ Данте *Виргилій*, — „ихъ слѣпая жизнь на столько преврѣнна, что они завидуютъ всякой другой участи. На свѣтѣ нѣтъ ихъ памяти: Милосердіе и Правосудіе гнушаются ими. Не будемъ говорить о нихъ: посмотри на нихъ и пройди мимо“:

Non ragioniam di lor, ma guarda e passa.

Данте наказалъ Паоло и Франческу, но онъ видимо растроганъ, человѣчески заинтересованъ ихъ участіемъ, ихъ грѣхомъ, и лишается

¹⁾ *Покровский*, 1. с. стр., 351 и слѣд.

чувствъ, услышавъ ихъ разказъ о себѣ. Мимо трусовъ и безразличныхъ онъ проходитъ съ презрѣніемъ, онъ суровѣе къ нимъ, чѣмъ мпихъ Григорій, у котораго Господь то гнѣвается, то милосердуетъ при видѣ такихъ же грѣшниковъ; Милостыня и Правосудіе противопоставлены, но первая перемогаетъ. И въ этомъ случаѣ, какъ въ вопросѣ о судьбѣ праведныхъ язычниковъ, Данте вышелъ изъ предѣловъ и міросозерданія легенды: тамъ — подь вліяніемъ классическихъ симпатій, здѣсь подь давленіемъ живой политической среды, воспитавшей въ немъ перваго гражданина Италіи, того, кто въ преддверіи къ своему аду покаралъ общественное безразличіе, въ его вѣдрахъ—политическое предательство въ лицѣ Брута и Кассія.

Такъ преобразились въ Дантовскомъ пониманіи древнія представленія о загробной участи безразличныхъ и обоюдныхъ. Въ христіанскомъ преданіи этотъ типъ безвыходной, устойчивой участи едва намѣченъ, можетъ быть, потому, что отдалъ черты на выработку другихъ: представленія о движеніи по мытарствамъ, ведущемъ въ адъ или рай, о переходномъ состояніи чистилища, приготавлиющемъ къ вѣчному блаженству. Естественно предположить, что въ дошедшихъ до насъ древнихъ и современныхъ народныхъ сказаніяхъ сохранился кое-гдѣ, подь новою окраской, болѣе древній образъ обоюдныхъ, устойчиво-наказанныхъ грѣшниковъ. Критеріемъ для приблизительнаго выдѣленія такого именно типа изъ связи съ остальными можетъ служить, кромѣ мотива нравственной обоюдности, смѣшенія добра со зломъ, еще и колебаніе въ приуроченіи: то къ раю, то къ аду, или гдѣ-то по срединѣ, на землѣ, гдѣ эти полугрѣшники отбываютъ свое наказаніе. Здѣсь и могъ привязаться къ нимъ тотъ моментъ движенія, который увлекъ ихъ въ другую сферу представленій.

Нѣсколько примѣровъ послужать къ уясненію сказаннаго.

Крестьянинъ въ старо-французскомъ *fabliau*: *Du vilain qui conquist paradis par plaist* ¹⁾, въ основѣ, обоюдный грѣшникъ, нынѣ полупонятный въ шуточной обработкѣ разказа. Когда онъ умеръ, при выходѣ его души изъ тѣла не было ни ангеловъ, ни дьяволовъ и никого, кто приказалъ бы ему что-либо или о чемъ спросилъ (*Ne*

¹⁾ *Anatole de Montaiglon et Gaston Briznaud, Recueil général et complet des Fabliaux, t. III, № LXXXI; Ad. von Keller, Erzählungen aus altdeutschen Handschriften, стр. 97 слѣд.: сл. мой отдалъ о повѣстяхъ въ Ист. русск. лит. Галахова, I, стр. 497—500.*

troeve qui riens li demant — Ne nule chose li coumant). Очевидно, знакомое намъ положеніе человѣка, котораго не хочетъ припятъ къ себѣ ни рай, ни адъ, ибо онъ не цѣльный ни по грѣхамъ, ни по заслугамъ. Видитъ, архангелъ Михаилъ несеть въ рай ликующую душу; вслѣдъ за нимъ входитъ туда и крестьянинъ и тамъ и остается, уличивъ всѣхъ святыхъ, что за каждымъ изъ нихъ считается въ жизни какой-нибудь грѣхъ. Грѣшилъ, очевидно, и онъ, но онъ же питалъ и одѣвалъ нищихъ, отъ Бога никогда не отрекался и никого не убивалъ. Въ старо-нѣмецкомъ пересказѣ этого фабліо впечатлѣніе двойственности, обоюдности еще усилено, но также въ формахъ комизма: когда умеръ мельникъ, попы двухъ сосѣднихъ приходоу начали спорить, кому его погребсти; одинъ умный человѣкъ совѣтуетъ имъ — положиться на осла: взвалить на него покойника, и куда осель пойдетъ съ нимъ, въ той церкви и похоронитъ. Осель остановился у висѣлицы; тутъ и схоронили тѣло мельника, а душу схватилъ бѣсъ и повесъ въ адъ. Но здѣсь рѣшили, чтобъ усилить муку грѣшника, показать ему напередъ райскія селенія, блаженства которыхъ онъ лишился на вѣки. Мельника несеть туда старый, глухой бѣсъ, несеть его, по уговорамъ, все выше и выше, пока мельнику не удалось сирыгнуть прямо въ рай. Бѣсъ начинаетъ требовать своей жертвы, а мельникъ препирается съ святыми, вступаетъ въ разговоръ съ Богородицей и Христомъ, которому говоритъ, что разъ въ жизни и онъ подалъ, во имя его, старый мѣшокъ. Господь велитъ тотчасъ же принести его и отдать жертвователю— но тотъ разостлалъ его у райскихъ вратъ и усѣлся на немъ. Я сижу на своемъ, говоритъ онъ, и стою на своемъ правѣ. Такъ онъ и остался въ раю.

Я едва ли ошибаюсь, придавая особое значеніе пѣкоторымъ чертамъ этой легенды: грѣшника не хоронятъ ни въ той, ни въ другой церкви, а посрединѣ, несуть въ адъ, а напередъ показываютъ ему райскую обитель. Онъ—грѣшникъ, какъ вообще мельникъ пароднаго разказа, но разъ въ жизни подалъ милостыню; ему мѣсто было первоначально не въ аду и не въ раю, а тамъ, гдѣ поставленъ милостивый блудникъ Григорьева видѣнія. Интересно въ этомъ отношеніи начало русской пошѣсти о бражникѣ, воспроизводящей основныя черты и содержаніе приведенныхъ французской и нѣмецкой. „Высть нѣкій бражникъ и зѣло много выпя пилъ во всѣ дни живота своего, а всякимъ ковшомъ Господа Бога прославлялъ и часто въ ноци Богу молился. И повелѣ Господь взять бражникову душу

и поставить ю у вратъ святаго рая⁴. Если онъ, какъ и его сверстники въ другихъ вариантахъ смѣхотворнаго разказа, попадають въ рай, то это лежало въ цѣляхъ самаго разказа; по требованію строгаго догмата ему мѣсто въ адѣ, ибо писано: „аще кто весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же въ единомъ, бысть всѣмъ повиненъ“. Такъ грѣшная мать въ распространенной легендѣ о святомъ Петрѣ попадаетъ въ адъ, хотя въ жизни совершила одно доброе дѣло: она была богата и скупа, но однажды подала милостыню луковичнымъ стеблемъ или листомъ пырея. На этомъ-то стеблѣ или листѣ и пытался сынъ вытянуть ее изъ некла, но она оборвалась, такъ много уцѣпилось за нее грѣшныхъ душъ¹).

Легенда о крестьянинѣ-мельникѣ-бражникѣ встрѣчается въ цѣломъ рядѣ народныхъ пересказовъ, болѣею частью въ смѣшеніи съ постороннимъ мотивомъ: трехъ желаній, которыя исполняетъ бѣдняку (игроку, солдату, кузнецу, мельнику, монаху и т. п.) І. Христось или ап. Петръ въ награду за его гостепрѣимство или милосердіе. При помощи одного изъ полученныхъ такимъ образомъ даровъ (кресло, ранецъ, карты и т. п.) бѣднякъ обманываетъ смерть, связываетъ чорта, и онъ же даетъ ему поводъ пробраться въ рай: въ этомъ моментѣ сказка разобраннаго типа сливается съ сказкой о трехъ желаніяхъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не коснемся послѣдняго момента, ограничиваясь лишь содержаніемъ, общимъ обнимъ группамъ разказовъ²).

¹) См. мое Слово о двѣнадцати снахъ Шахайши, стр. 40 и прим. 1; *Ortolé, Les contes populaires de l'île de Corse*, стр. 235—237, № XXIX; болгарскія (*Миладикомъ*, стр. 47—48, 50—51, 56) и сербскія пѣсни (*Караджичъ*, I, 208), въ которыхъ вмѣсто ап. Петра является иногда ап. Іоаннъ. См. *Ястребовъ*, Обычай и пѣсни турецкихъ сербовъ, стр. 86 и 123 и замѣтки *М. Дринова*, Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ добрянскихъ славянъ. С.-Пб. 1888, стр. 35—36. Монгольская легенда о слупомъ богатѣ разказываетъ, что когда пророкъ Моисей, прѣвзявъ видъ нищаго, попросилъ у него милостыни, онъ не пожелалъ дать ему больше, чѣмъ пучекъ конскаго волоса. За это Господь повелѣлъ землѣ поглотить его, но онъ не дошелъ до ея основанія: пучекъ волосъ, поданный имъ пророку, поддерживаетъ его на срединѣ между поверхностью земли и адомъ. См. *Потанинъ*, Очерки сѣверо-западной Монголіи, вып. II, примѣчанія, стр. 36, прим. 25.

²) Къ литературѣ см.: *Br. Grimm, Kinder—und Hausmärchen*, №№ 81 и 82 и примѣчанія къ № 82; *Bäckström, Svenska Folkböcker*, II, стр. 224 и слѣд.; *Champfleury, De la littérature populaire en France. Recherches sur les origines et les variations de la légende du bonhomme Misère* (Paris. 1869; повторено въ *ro Histoire de l'imagerie populaire*. Paris. 1869, стр. 105—188) и отчетъ *Н. Кош-*

Во Франціи герой сказки носитъ имя *Misère*, при немъ собака *Pauvreté* (*Carrou*, стр. 78 слѣд., *Sébillot*, *Contes*, № LII); либо *Sans-Souci* (*Luzel*, *Légendes*, стр. 311 слѣд.). По ремеслу онъ былъ мельникомъ, велѣлъ похоронить себя съ четвернекомъ (*quart*) и, добравшись до райскихъ дверей, улучилъ минуту, когда онѣ распахнулись передъ другимъ, чтобы невзначай войти и самому, катя передъ собою свою мѣру, на которую и садится: я сижу на своемъ добрѣ, говорить онъ (*Sébillot*, *Litt. orale*, p. 207—208). Въ другихъ случаяхъ онъ ссылается на то, что вѣтеръ унесъ его шапку въ рай, или самъ забрасываетъ ее туда и, войдя, располагается на ней (*Carrou*, стр. 139 слѣд.; *Luzel*, *Légendes*, I, стр. 311 слѣд.; *Widter*, *Wolf u. R. Koehler*, I. c., стр. 127—128, *Grimm*, I. c., III, стр. 139); вмѣсто шапки является иногда колода картъ (*Grimm*, I. c., III, стр. 133), рванецъ (I. c., стр. 134), фартукъ (I. c., стр. 136, 138, 139); либо герой сказки проситъ позволенія поставить въ рай хоть свои башмаки, а затѣмъ, когда у райскихъ вратъ ап. Петра смѣнилъ св. Антоній, входитъ и самъ, ссылаясь на то, что онъ посылный ап. Петра, вонъ и его башмаки стоять (*Ortoli*, I. c., стр. 219, № XXVII); или онъ говоритъ, что у него монетка закатилась за райскую подворотню, и самъ идетъ, чтобъ достать ее. Оказывается, что хотя при жизни онъ и грѣшилъ, за то каждый день молился св. Бернарду (*Ortoli* I. c.), Богородицѣ (*Finamore*, I. c., № XIII), либо былъ добрымъ человекомъ, но скрылъ убійство сосѣда, совершенное имъ въ запальчивости (*Carrou*, I. c., стр. 139 слѣд.), подавалъ милостыню

---

er'a въ *Jahrb. f. rom. u. engl. Literatur*, V 23—25; см. тамъ же, стр. 4—5, примѣчаніи *R. Koehler'a* къ *Cenac Moncaut*, *Contes pop. de la Gascogne: Le sac de La Ramée.—De Gubernatis*, *Le novelline di Santo Stefano di Calcinaja* (Torino. 1869), №№ 32 и 33; *G. Widter*, *A. Wolf u. R. Koehler*, *Volksmärchen aus Venetien* въ *Jahrb. f. rom. u. engl. Liter.*, VII, 121 слѣд. и примѣч. къ стр. 128; *Pitrè*, *Fiabe, novelle e racconti pop. siciliani*, № CXXV и прим. (ср. томъ IV, прим. на стр. 439—440); *Finamore*, *Novelle pop. abruzzesi* (*Pitrè*, *Archivio*, IV, стр. 480 слѣд., №№ XII и XIII); *Krauss*, *Sagen u. Märchen der Südslaven*, II, №№ 125 и 126; *Leskien und Brugmann*, *Lit. Volkslieder u. Märchen*, прим. къ № 17, стр. 559 слѣд.—*Ortoli*, I. c., стр. 235—237, № XLIX; *Carrou*, *Littérature orale de la Picardie*, стр. 67 и слѣд. и варианты; *Luzel*, *Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne*, t. I, стр. 311 слѣд. (см. библиографическія примѣчанія на стр. 334); *Sébillot*, *Littérature orale de la Haute-Bretagne*, стр. 207—208; его же: *Contes pop. de la Haute-Bretagne* t. II, № LII; *Percy*, *Reliques of ancient english Poetry*, III, p. 145 (*The wanton wife of Bath*); *Janss Kemp*, *Danske folkeeventyr* (*Kjöbevehaun*, 1879), стр. III слѣд.: *Hvordan Stefens sjael kom i himmerig*.

отъ своего богатства (Grimm, III, стр. 139)—и усаживается въ рай на плащѣ, который когда-то подаль бѣдняку (I. c., стр. 141). Его не пускаютъ ни въ адъ, ни въ чистилище, ни въ рай; ему удается остаться въ раю, но иногда онъ тамъ не уживается и его изгоняютъ (Ortoll, I. c.; Carrou, стр. 67 слѣд.; Sébillot, Contes, I. c.), и его и теперь еще можно встрѣтить на землѣ, иронически кончается сказка, имѣя въ виду прозвище Misère и вмѣстѣ съ тѣмъ случайно возвращаясь къ старому пониманію легенды, легкой въ ея основу: именно въ этой легендѣ грѣшники, подобные нашимъ, должны были находиться гдѣ-нибудь между адомъ и раемъ, какъ въ одной нѣмецкой сказкѣ (Grimm, III, стр. 139) разобраннаго типа и въ сказаніяхъ о ландскнехтахъ¹⁾: дьяволы не хотятъ принять ихъ у себя, ибо они носятъ красный крестъ въ своемъ знамени, а апостолъ Петръ не пускаетъ ихъ, потому что они были кровожадны, обирали народъ и кошунствовали. Тогда ихъ капитанъ такъ принимается стыдить ап. Петра его предательствомъ Спасителя, что тотъ покраснѣлъ со стыда и отводитъ грѣшникамъ деревню Beiteinweil („подожди немного“) между небомъ и адомъ: тамъ они живутъ, играютъ и столуютъ. Въ соответствующей фацеціи у Бебеля и ея подражаніяхъ они попадаютъ въ рай.

Этотъ моментъ упрековъ, обращенныхъ къ святымъ, возвращаетъ насъ къ мотивамъ старой новеллы о крестьяннѣ-мельникѣ-бражникѣ, еще не осложненной мотивомъ „Желаній“. Къ этой новеллѣ примыкаетъ и одна нѣмецкая, которую я съ умысломъ отдѣлялъ отъ другихъ, ибо она представляетъ особенности, до сихъ поръ не встрѣтившіяся намъ и отрывающія новую перспективу въ исторіи древнихъ представленій объ „ободныхъ“. Дѣло идетъ о старомъ шванеѣ, героемъ котораго является извощикъ Hans Pfrim; если онъ тождественъ съ Niclas Pfrim'омъ, упоминаемымъ на ряду съ Claus Nagg въ одномъ сатирическомъ листѣ 1524 года, то популярность его довольно стара. Bolte (I. c.) издалъ по рукописи второй половины XVI вѣка разказъ о немъ и указалъ на стихотворную его версію, выразивъ предположеніе, что оба восходятъ къ одному болѣе древнему, печатному оригиналу.

¹⁾ См. Grimm, I. c., III, стр. 143; Wendunmuth von Hans Wilhelm Kirchhof, ed. H. Oesterley, I, стр. 136 138 и V, стр. 39 (примѣчанія). Къ указанной тамъ библиографіи сл. добавленія Johannes Bolte, Das Märchen von Hans Pfrim въ Zeitschrift f. deutsche Philologie, XX, стр. 336.

Имъ или какимъ-нибудь устнымъ переводомъ воспользовался Martinus Haunessius для драматической обработки того же сюжета, въ которомъ В. Гриммъ, едва ли основательно, заподозрѣлъ мюнхенскую основу ¹⁾. Въ 1581 году явилась: *Hansoframea sive Momoscorus, comoedia nova M. Martini Haunessii Born. Lipsiae. MDLXXXI*, которую самъ же авторъ передѣлалъ по нѣмецки ²⁾. Въ предисловіи онъ разказываетъ и старую сказку, изъ которой заимствовалъ содержаніе своей комедіи, и которая такъ полюбилась Лютеру, что онъ сослался на нее въ своей проповѣди на 15-ую главу перваго посланія къ коринтянамъ. Какъ онъ, такъ и другіе ея пересказчики въ XVI вѣкѣ видѣли въ ея протагонистѣ готовый примѣръ для вразумленія людей, назойливо полагающихъ, что они могутъ своимъ умомъ постигнуть тайны Божія. Эта точка зрѣнія и повела, вѣроятно, къ измѣненію древняго типа нравственной двуличности: вмѣсто него является человѣкъ не злой, но безпокойно придирчивый, всюду и не впопадѣ лѣзущій съ совѣтомъ, ибо все оказывается не по немъ, и онъ все знаетъ лучше. Оттого въ рай сдѣлали напередъ распоряженіе не впускать его туда по смерти, а онъ все-таки пробрался туда и его оставляютъ, ибо онъ общается вѣсти себя покойно и не мѣшаться не въ свое дѣло. Между тѣмъ то, что онъ видитъ въ раю, сразу начинаетъ волновать его, возбуждая духъ противорѣчій: онъ видитъ людей или дѣвушекъ, наливающихъ воду въ дрявную бочку, откуда вода стекала; людей, несущихъ бревно на плечаль поперекъ узкаго прохода, когда удобнѣе было бы нести его вдоль; наконецъ погрязшую въ лужѣ телѣгу, къ которой возница припрегъ лошадей, чтобы вывести ее, но такъ, что пара приходилась спереди, другая сзади. На этотъ разъ Pfrіem не выдержалъ: развѣ такъ вытаскиваютъ повозку? вступаетъ онъ. Такъ онъ нарушилъ обѣтъ — невмѣшательства, и Господь посылаетъ къ нему св. Петра, чтобы выпроводить его изърая. Pfrіem начинаетъ стыдить его, какъ въ пересказанныхъ выше старо-французской и нѣмецкой новеллахъ, вступаетъ въ препирательство и съ другими святыми

¹⁾ *W. Grimm, Die Himmelstürmer* въ *Zeitschrift für deutsche Mythologie*, II, стр. 2—7. Нового изданія этой статьи съ примѣчаніями и дополненіями R. Koehler'a (*W. Grimm, Kleinere Schriften*, т. IV) я, къ сожалѣнію, не имѣлъ подъ руками.

²⁾ См. новое изданіе текста въ *Neudrucke deutscher Litteraturwerke des XVI u. XVII Jahrhunderts* № 36; Hans Pfrіem oder Meister Kecka. Komödie von *Meister Haunessius*. Abdruck der ersten Ausgabe (1582). Halle a. S. 1882.

которыхъ посылають къ нему съ тою же цѣлью, и остается на своемъ мѣстѣ. Не зная, какъ къ нему приступить, къ нему направляютъ — невинныхъ младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ: за ними нѣтъ никакого проступка, ихъ не уличить, они и выпроводятъ его изъ раю. Но онъ и тутъ нашелся: влѣзъ на райское дерево, сталъ отряхивать яблоки, а дѣтей пригласилъ кушать; тѣ развлеклись и забыли, зачѣмъ были посланы. У Deulins, *Contes d'un buveur de bière* (5-e éd. Paris. 1873, стр. 189) подобное разказывается о мельникѣ въ раю, также препирающемъ со святыми и также отводящемъ „невинныхъ младенцевъ“, которыхъ угощаетъ пирожками.

Изъ какого-нибудь изданія XVI или XVII вѣка почерпнулъ свой разказъ о Pfriem'ѣ Ludwig Aurbacher, *Ein Volksbüchlein* (1827 г.); его текстомъ воспользовалась *Neueste Kinderbibliothek* (Hildburghausen, 1827), II, 143 слѣд., откуда онъ попалъ и въ сборникъ Гриммовъ (*Kinder und Hausmärchen*, № 178: Meister Pfriem). Въ послѣднемъ Pfriem является портнымъ, у Aurbacher'а онъ по прежнему извозчикъ. Вѣроятно, Aurbacher'у принадлежатъ нѣкоторыя другія измѣненія противъ знакомой намъ древней редакціи сказанія. Такъ райскія видѣнія Pfriem'а происходятъ у него не на яву, а въ сновидѣніи; препирательства съ святыми нѣтъ; видѣніямъ дается толкованіе: такъ по поводу втораго (бревно, которое несутъ поперекъ) говорится, что это то самое бревно (евангельской притчи), котораго мы не видимъ у себѣ въ глазу, тогда какъ усматриваемъ лучинку въ глазу ближняго. Третье видѣніе, заставившее мастера Pfriem'а недоумѣвать, разказано такимъ образомъ: телѣга оказывается нагруженной „добрыми намѣреніями“; этого одного было недостаточно возницѣ, чтобы попасть на надлежащій путь, но ему все-таки удалось втащить свою повозку — и вотъ являются два ангела и припрагаютъ къ ней по парѣ крылатыхъ коней съ той и съ другой стороны. Когда Pfriem не воздержался отъ замѣчанія, одинъ изъ ангеловъ выпроводилъ его изъ райскихъ вратъ; обернувшись, онъ еще успѣлъ увидѣть, какъ крылатые кони понесли повозку въ высоту. Тутъ онъ проснулся.

III.

Что особенно остановило мое вниманіе въ сказкѣ о Pfriem'ѣ — это странный характеръ видѣній, представляющихся ему въ раю. Именно въ раю они не у мѣста: они скорѣе отвѣчаютъ старымъ представ-

леніямъ объ участіи обоюдныхъ, какъ они отразились въ цѣломъ рядѣ аллегорическихъ видѣній и въ эпизодѣ загадочныхъ „встрѣчъ“ народныхъ сказокъ ¹⁾.

Въ житіи св. Арсенія, написанномъ св. Θεодоромъ Студитомъ (†826), и соотвѣтственно ему въ прологѣ подѣ 3-мъ декабря разказывается, что святому бысть гласъ: Иди и смотри дѣла человѣческія. Онъ видитъ зѣюпа, рубившаго дрова и свалившаго на плечи вязанку: она ему не подѣ силу, а онъ все увеличиваетъ пошу (это тотъ, кто кается въ грѣхахъ и продолжаетъ грѣшнить); человѣка, черпавшаго воду изъ колодца въ разбитый сосудъ, изъ котораго вода выливалась назадъ (это человѣкъ, подающій милостиню, но теряющій ея плодъ, ибо продолжаетъ грѣшнить) ²⁾; наконецъ двухъ юношей, ѣхавшихъ верхомъ рядомъ другъ съ другомъ: предъ ними бревно, положенное поперекъ сѣделъ; они хотятъ проѣхать такимъ образомъ въ ворота святилища, но не могутъ и принуждены остановиться передъ храмомъ. Это—гордые люди, у которыхъ дьяволъ отнимаетъ смиреніе, почему они и не уступаютъ другъ другу въ узкомъ пути спасенія и такъ и остаются—у входа въ царство небесное ³⁾.

¹⁾ Я полагаю вѣроятнымъ, на основаніи изучаемыхъ долѣ сказокъ; что нѣсколько необычныхъ видѣній въ коптскомъ Апокалипсисѣ Софоніи, сохранившемся лишь въ отрывкахъ, относятся къ представленіямъ объ обоюдныхъ: Софонія водить двухъ человѣкъ, шествующихъ, какъ одинъ (съ однимъ лицомъ: μονοπροσώπος?), двухъ женщинъ, моловшихъ у одной мельницы. Сл. Stern, Die Apocalypse des Sophonias, въ *Zeitschrift f. ägyptische Sprache u. Alterthumskunde*, 1886 г., XXIV Jahrg., p. 119.

²⁾ Въ одной старофранцузской легендѣ и ея италіанскомъ пересказѣ отшельникъ возлагаетъ на грѣшника кусокъ, наполнить сосудъ водою и принести ему; но сосудъ не наполняется, пока въ него не капнула слеза покаянія. Сл. Zamboni, Dodici conti morali d'anonimo venese въ *Seelta di curiosità letterarie*, № IX, conto settimo, и R. Koehler въ *Zeitschrift f. rom. Philol.*, I, стр. 368.

³⁾ Сл. Acta Sanctorum Jul., t. IV, стр. 626 E, cap. 3, § 19: Καθημένου οὖν αὐτοῦ εἰς τὸ κέλλιον ἤλθα φωνὴ λέγουσα αὐτῷ· Δεῦρο, δεῖξω σοὶ τὰ ἔργα τῶν ἀνθρώπων. καὶ ἀναστὰς ἐξῆλθεν καὶ ἀπήνεγκεν αὐτὸν εἰς τόπον τινα καὶ εἶδειεν αὐτῷ αἰθρία καὶ χόπτοντα ξύλα καὶ ποιοῦντα φορτίον μέγα, ἐπέειράεε δὲ βαστάσαι αὐτὸ καὶ οὐκ ἠδύνατο, καὶ ἀντὶ τοῦ ἄραι ἐξ αὐτοῦ ἀπελθῶν κάλιν ἐχοπεε ξύλα καὶ προσετίθη τῷ φορτίῳ. Καὶ προβάς ὀλίγον εἶδειεν αὐτῷ τινα ἰστάμενον ἐπὶ λίθου καὶ ἀντιλοῦντα ὕδωρ ἐξ αὐτοῦ καὶ μεταβάλλοντα εἰς δεξαμένην τετραπημένην καὶ τὸ αὐτὸ ὕδωρ ἐκχεύουσαν. Καὶ κάλιν λέγει αὐτῷ· δεῦρο, δεῖξω σοὶ. Καὶ θεωρεῖ ἱερόν καὶ δύο ἀνδρα; καθημένους ἵπποιε καὶ βαστάζονταε ξύλον πλαγίω; ἕνα κατὰ τοῦ ἐνόε· ἤθελον διὰ τῆε πύληε τοῦ ἱεροῦ εἰσελθεῖν καὶ οὐκ ἠδύναντο διὰ τὸ εἶναι τὸ ξύλον αὐτῶν πλαγίον. οὐκ ἐταπείνωσε δὲ αὐτὸν ὁ εἰε ὀπίω τοῦ ἄλλου ἐνέγκαι τὸ ξύλον ἐπ' εὐθείαιε καὶ διὰ τοῦτο ἔμειναν ἐξω τῆε πύληε. Сл. *Вулаевъ*, Очерки, I, стр. 449, библиографію ле-

Сличите съ аллегоріей Пролога и тому подобными иносказательными видѣніями нашей Псален, Вопросовъ и Отвѣтовъ, Сновъ Шахашши и т. п. ¹⁾, эпизодъ сказки-легенды, типически представляемой „Христовымъ братцемъ“ сборника Аванасьева. Христосъ показываетъ человѣку, подавшему ему милостыню, когда онъ явился къ нему въ образѣ нищаго, либо похристовался или побратался съ нимъ—рай и адъ, и еще одну область испытаній, которую сказка поняла по своему. Тамъ дѣвницы изъ колодца въ колодець воду переливаютъ: при жизни онѣ въ молоко (вино) воду мѣшали; въ избѣ бѣгаетъ человѣкъ изъ угла въ уголь и кричитъ: Охъ, тѣсно охъ, тѣсно! Это за то, что онъ не обогрѣвалъ и не поилъ странниковъ; или стоитъ въ водѣ человѣкъ по самыя уста и кричитъ: Охъ, пить хочу! Охъ, пить хочу! При жизни онъ не поилъ жаждущихъ.

Также въ осетинской сказкѣ ²⁾ о мальчикѣ, котораго кони (духи) унесли въ загробный міръ еще питомцемъ. Когда верхомъ на лошади онъ отправляется къ мертвымъ, у него на путя такія встрѣчи: женщина зашиваетъ трещины земли, канать у нея ниткой, переводитъ иглой, ступа наперсткомъ; на землѣ она была распутна ³⁾. Другая

генды у *Oesterley, Gesta Romanorum*, с. 165, въ примѣчаніи, и у *Volke*, l. c., стр. 334. Въ одномъ прикладѣ у *Stricker's* одинъ человѣкъ, жившій въ цѣлахъ мѣстахъ и пустыни, усомнился въ Божьемъ промыслѣ надъ миромъ; пустыникъ велитъ ему ступить себѣ на правую ногу, послѣ чего ему представляются знакомыя намъ видѣнія, которыми и толкуются.

¹⁾ Сл. мое Слово о двѣнадцати снахъ Шахашши, стр. 4 слѣд., стр. 39 слѣд., *Fauche, Mahabharata*, I, 79—89 и *Gesta Romanorum*, ed. *Oesterley*, № 164: *Habetur in quodam libro de colloquio Petri ad Ihesum: Vidi aliquando quinque viros quos quidem freneticos arbitrabar; vidi unum comedentem arenam maris ita avide, quod per utramque partem oris exiret* (толкованіе: possumus intelligere virum avarum); *aliium vidi stantem super foveam sulphuream et pice plenam, de qua fetor intolerabilis exibat, qui toto nisu nitebatur fetorem illum in os suum haurire* (толкованіе: talis comparatur gulosis et luxuriosis); *tertium vidi in ardente fornace jacentem cui tantus calor sufficere non valebat, unde nitebatur capere scintillas de fornace volantes* (толкованіе: comparatur illis qui divitiis et honoribus ceteris se preponunt, sed et hoc non eis sufficit); *quartum vidi, qui supra pinaculum templi sedebat, ut ventum caperet, et semper os apertum habebat ut ventus per eum transiret (=hypocrite); quintum vidi, per omnia et singula membra sua quicquid potuit in os suum capere, devorabat et alios continuo deridebat* (это тѣ, qui omnia bona opera virorum ecclesiasticorum et doctorum sacrorum qui zelatores sunt sacre doctrine, detrahunt). Сл. *Scala coeli*, 80 b.

²⁾ *Вс. Миллеръ*, Осетинскіе этюды, часть I, стр. 109 слѣд.: Посвященіе коня.

³⁾ Сл. подобный же образъ великанши Эмегеи въ одной сказкѣ пятигорскихъ татаръ, въ Матеріалахъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. 1881 г. I, отд. 2, стр. 8—10.

длинною веревкой яйцо обвязывается, и ей на это веревки не хватает; это вотъ отъ чего: когда сосѣдская курица у ней неслась, она утаивала. Еще одна женщина сидитъ среди сотни грядъ, держитъ грязный заступъ въ рукѣ, и нѣтъ у ней пользы даже отъ одной гряды: это отъ того, что на землѣ свой животъ наполняла, близкимъ не помогала, сосѣда не любила, о домочадцахъ не заботилась. Та же вина искупается и слѣдующимъ далѣе наказаніемъ: женщина довтъ сотни коровъ, и нѣтъ ей доходу на отъ одной коровы. Переплетаясь съ двумя послѣдними видѣніями, идутъ другія, противоположныя: женщина сидитъ между двухъ грядъ, а получаетъ со ста и держитъ въ рукахъ золотой заступъ; другая довтъ двухъ коровъ, а получаетъ, какъ отъ сотни. Это толкуется въ смыслѣ награды за милосердіе къ ближнимъ. Подобный параллелизмъ встрѣчается и далѣе: мужчина и женщина спятъ спиною другъ къ другу подъ бычьей шкурой, ея не хватаетъ имъ, и они тянутъ ее туда и сюда другъ у друга (на землѣ они другъ друга не любили), тогда какъ слѣдующей далѣе парочкѣ хватаетъ съ избыткомъ зайчьей шкурки. Неправедные судьи засѣдаютъ и на томъ свѣтѣ: въ ихъ рукахъ ольховныя палки, сидятъ они на ольховыхъ скамеечкахъ, передъ ними ольховые столы, на нихъ навинуты большія шубы, на головахъ войлочные шляпы съ полями вверхъ, покрыты они вшами и гнидью. За ними— видѣніе праведныхъ судей, указывающихъ покойнику, куда ему ѣхать: нижній путь — сожигающій путь, верхній путь — отнимающій видъ, поѣзжай по среднему, къ мосту изъ стрѣлочнаго дерева, изъ волкаго дерева, изъ карагульника и гибкаго тростника; молодой конь пугливъ, молодой всадникъ бояливъ; не бойся, ударь коня и будешь на той сторонѣ въ виду райскаго кургана. — Мальчики выбѣгаютъ на встрѣчу пришельцу изъ молочнаго озера: онъ одаряетъ ихъ яблоками (см. сказку о Pfiem'ѣ), а златоудрый мальчикъ направляется впереди его, дверь рая отворнется ему съ трескомъ, и съ шумомъ встанутъ ему на встрѣчу люди. — На сколько древенъ въ этомъ разказѣ параллелизмъ наказаній и наградъ — судить не могу; награды во всякомъ случаѣ исключаютъ представленія рая, ибо онъ впереди; наказанія не адскія, ибо на то „сожигающій путь“.

Въ татарской сказкѣ, записанной Кастреномъ ¹⁾, дѣвушка Ку-

¹⁾ Сл. *Castrén*, *Vorlesungen über die finnische Mythologie*, стр. 147 слѣд., *Revue celtique*, II, стр. 307 слѣд.: *Lusel*, *La femme du Soleil*, p. 307. Сл. сходную чувашскую сказку у *Мамитскаго*, *Материалы къ объясненію старой чувашской стари*, стр. 191—193.

байко идетъ въ адъ искать своего убитаго брата. По дорогѣ ей встрѣчи: старуха, безостановочно переливавшая молоко изъ одного кувшина въ другой (при жизни она подмѣшивала воду въ молоко, теперь она осуждена на вѣки извлекать воду изъ молока); далѣе плотная лошадь, коротко привязанная среди песчаной степи и худой конь, свободно гуляющій на привязи среди роскошной травы (настоящее толкованіе этихъ видѣній забыто; вмѣсто него другое: что мудрый человекъ сумѣетъ выхолить свою лошадь безъ травы и воды, тогда какъ неразумному это не удастся и на прекрасномъ лугу). Слѣдующія видѣнія едва ли не ошибочно перенесены уже въ область ада: мужчина и женщина подъ покровомъ, сшитымъ изъ девяти овечьихъ шкуръ, котораго имъ не хватаетъ, а въ другомъ покоѣ мужъ и жена, довольствующіеся и одной шкуркой. Первые при жизни ссорились другъ съ другомъ; вторые служатъ примѣромъ сосѣднимъ грѣшникамъ, которые, при видѣ ихъ мира и согласія, чувствуютъ себя еще болѣе несчастными.

Тотъ же эпизодъ „встрѣчъ“ знакомъ цѣлому ряду европейскихъ сказокъ; нѣкоторые образы въ нихъ повторяются какъ типическіе, толкованіе колеблется между представленіемъ о возмездіи и аллегоріей, какъ въ видѣніи Пролога, и кое-гдѣ примѣшиваются идеи чистилища и рая.

Въ гасконской сказкѣ у *Bladé* (*Contes pop. de la Gascogne*, t. I, стр. 166 слѣд.) Господь посылаетъ младшаго сына одного бѣдняка съ письмомъ къ своей Матери. Встрѣчи: тощій скотъ на прекрасномъ лугу (это „*les mauvaises herbettes*“, объясняетъ позднѣе Богородица), тучный на тощемъ пастбищѣ („*les bonnes herbettes*“); два сталкивающихся камешка (то ссорятся между собою братья бѣдняка); въ лѣсу птицы летятъ путнику на встрѣчу (=ангелы). Такое же хожденіе въ рай съ посланіемъ встрѣчается и въ бретонской сказкѣ (*Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne*, II, стр. 225 слѣд.); встрѣчи: тучныя коровы на тощемъ лугу (—бѣдняки, довольствующіеся своею участью на землѣ) и тощія, больныя, понурья среди роскошной травы: когда одна изъ нихъ обнаруживаетъ желаніе попасться, всѣ остальные бросаются на нее и мѣшаютъ ѣсть (—ненасытныя богачи, желающіе все захватить другъ передъ другомъ). Далѣе: пирующіе и пляшущіе юноши и дѣвушки приглашаютъ путника повеселиться съ ними (—демоны-искусители); изгородь изъ колючаго терновника, сквозь который ему приходится пробираться (чистилище); дѣти, взбирающіяся въ гору и скатывающіяся внизъ: путникъ беретъ двухъ изъ

нихъ на плечи, третьяго за руку, и ведетъ ихъ. Это дѣти, умершія до крещенія. Въ одномъ вариантѣ этой сказки (1. с., стр. 247—249) послѣдовательность такая: видѣнія ада; чистилища—и встрѣчи нашего типа. Человѣкъ лежитъ и вопить: у него одинъ палець въ огнѣ, и онъ не можетъ вынуть его; вскорѣ и все его тѣло уходитъ туда же; это грѣшникъ, осужденный на адскія мученія. Далѣе: человѣкъ на кострѣ изъ горящихъ угольевъ улыбается взирая на небо (—чистилище); видѣнія тучныхъ и тощихъ коровъ (объясненіе то же, что и въ предыдущемъ вариантѣ); двѣ скалы по сторонамъ дороги сталкиваются другъ съ другомъ, такъ что летятъ искры и осколки (—враждующіе братья). Пересказы другой бретонской сказки (Luzel. Contes populaires de la Basse-Bretagne, t. I, стр. 3 слѣд.) равнообразятся подробностями. Въ одномъ встрѣчи такіа: тучныя и тощія коровы (—миловитыя и скуныя при жизни), двѣ бодающіяся козы (—два вора, любившіе ссору и распрю); въ другомъ первая видѣнія тѣ же (—бѣдные и богатые), вмѣсто послѣдняго дерущіеся вороны (ссорившіеся супруги); третій приноситъ новые образы: три стаи птицъ спускаются поочередно на лавровый кустъ и, посидѣвъ на немъ, уносятъ каждая въ своемъ клювѣ по листку; первая стая уронила листья недалеко отъ куста, вторая подалше и лишь третья унесла ихъ съ собою (толкуется въ приложеніи къ людямъ, неравномѣрно уносящимъ съ собою изъ церкви слышанное ими слово Божіе). См. наши Вопросы и отвѣты: Вопросъ: Стоитъ древо посрединѣ великаго поля і всакиимъ вѣтвнемъ изукрашено, і прилетаютъ на то древо ізо многихъ странъ многа птицы і садатца на то древо і с того древа вѣтвие ломають і во своа страны разносать, і с того древа вѣтвие не умалетца і не убываетъ никогда же, во своа сосуды полагають і вѣчно не оскудѣвають?—Толкъ: сватаа прѣковъ ¹⁾).

Эпизодъ „встрѣчь“, разобранный нами, приводитъ къ нѣкоторымъ обобщеніямъ. Онѣ на пути къ раю или аду, но не принадлежать ни той, ни другой области; образно выражаютъ сущность совершеннаго грѣшниками проступка; идея наказанія главнымъ образомъ въ лишеніи—какъ и въ видѣніи Григорія, обоюдные осуждены на лишеніе всего потребнаго: грѣшники льютъ воду въ бездонные сосуды, коровы ходятъ тощія въ густой травѣ, просторъ является тѣсною, широкаго одѣяла не хватаетъ для двухъ, сто грядъ не даютъ того, что приносить одна гряда и т. д. Съ этой точки зрѣнія я смотрю

¹⁾ Къ сказкамъ нашего типа сл. еще Maurer, Isländische Volkssagen, стр. 197—201.

теперь и на одно изъ видѣній Альберика, которое истолковывалъ раньше—аллегоріей церкви, отошедшей отъ чистоты своего божественнаго призванія ¹⁾. Аллегорическій смыслъ могъ быть подсказанъ позже, какъ кое-гдѣ въ сказкахъ и въ видѣніи Арсенія: въ основѣ лежитъ легенда объ обоюдныхъ. И здѣсь дѣло идетъ не о раѣ и о чистиланцѣ; съ высоты неба, въ одной изъ земныхъ областей Альберика видится слѣдующее: опустѣлый городъ, разрушенный храмъ, толпы дѣтей быстро проходятъ мимо, гонимыя людьми мрачнаго вида—демонами. Они хотѣли бы остановиться, войти въ церковь, положить на себя знаменіе креста, но не могутъ; обнаженная женщина съ распущенными волосами и двумя зажженными свѣчами въ рукахъ пытается сдѣлать то же самое—и не въ силахъ. А изъ города въ это время слышатся вопли. Это—наказаніе его нечестивымъ жителямъ, не чтившимъ церковь, приходившимъ въ нее не для того, чтобъ молиться и слышать Слово Божіе, но чтобъ затѣвать ссоры. Женщина была владѣтельницей города, ничего не подававшая ни бѣднымъ, ни на Божій храмъ; въ рукахъ у нея зажженные свѣчи: при жизни у нея ихъ было множество, но она не ставила ихъ передъ образами. Какъ-то случилось ей отдать нищему башмаки, за то Богъ и облегчилъ ей ея наказаніе, и она обута, хотя совсѣмъ нагая: ея распущенные волосы жгутъ ее огнемъ. И здѣсь все наказаніе въ лишеніи, подвергающіеся ему—знакомые намъ обоюдные: они ходили въ церковь, но затѣвали ссоры, были немилостивы, но совершили одно какое-нибудь доброе дѣло; мѣсто дѣйствія не въ раѣ и не въ аду, а гдѣ-то на землѣ, и нѣтъ еще идеи движенія: эти грѣшники неподвижны.

Но вотъ является новый моментъ. Въ сказкахъ типа „Христовъ братца“ люди, разнообразно томимые на пути, нерѣдко обращаются къ прохожему, направляющемуся къ Христу, волхву, солнцу, Усуду—судьбѣ, Дѣду-всевѣду и т. п., съ просьбой—спросить о нихъ: долго ли имъ мучиться и почему имъ выдалась такая именно участь? Прохожій приносить отвѣтъ: оказывается, что тѣ люди (часто и звѣри, деревья и т. п.) чѣмъ-нибудь провинились и отбиваются за то наказаніе. Такъ въ вариантахъ одной бретонской сказки у Luzel (*Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne*, t. I, стр. 249—251 и 252—253): герой отправляется къ Богу, по дорогѣ встрѣчи: два дерева сталкиваются другъ съ другомъ и пропускаютъ его подъ условіемъ—спросить у Господа, почему они

¹⁾ Сл. Данте и символическая поэзія католичества, *Вѣстникъ Европы* 1865 г., декабрь, стр. 188—189.

осуждены такъ биться вотъ уже 600 лѣтъ (при жизни это были ссорившіеся братья или супруги); старуха сидитъ и придетъ, заслоняя путь, и также позволяетъ ему пройти, если онъ спроситъ и о ней, находящейся въ этомъ положеніи въ теченіи 600 лѣтъ (она нарушала работою воскресный покой); далѣе перевозчикъ, 900 лѣтъ къ ряду перевозающій путниковъ черезъ Черное море—и та же просьба. Последняя встрѣча: стадо ягнать, рѣзвѣющихся, но блеющихъ какъ-то печально. Это—дѣти, умершія до крещенія; деревья-братья освободятся отъ наказанія, когда раздавить кого-нибудь, сталкиваясь между собою; старуха—когда убьетъ кого-нибудь веретеномъ или прялкой; перевозчикъ—когда кто-нибудь займетъ его мѣсто. Всѣ эти отвѣты Господа путникъ и передаетъ на обратномъ пути по принадлежности, но лишь когда опасность для него лично миновалась (сл. Luzel, Contes pop. de la Basse-Bretagne, t. I, стр. 259 слѣд.: La princesse du Palais enchanté). Въ литовской сказкѣ у Шлейхера (Litauische Märchen, Sprichworte etc. gesammelt u. übersetzt v. Aug. Schleichner, стр. 71 слѣд.) рыбаку, посланному съ порученіемъ на тотъ свѣтъ, встрѣчается на берегу моря китъ: его спина поросла ивнякомъ; долго ли ему терпѣть такую напасть? (это наказаніе за многія бѣды, учиненныя имъ людямъ); двѣ дѣвушки ссорятся изъ-за яблока (онѣ спорили изъ-за жениха и отравили его); двѣ женщины переливаютъ воду изъ одного колодца въ другой, не исчерпывая перваго и не наполняя втораго (при жизни онѣ были страшными вѣдьмами); тощія и тучныя коровы (скупыя и милостивыя); человекъ стоитъ, но подпирается не палкой, а частоколомъ (онъ портилъ молодыя деревья въ лѣсу). Всѣ обращаются къ путнику съ просьбой—спросить и о нихъ. Киргизская сказка (Radloff, Proben der Volksliteratur der türk. Stämme Süd-Sibiriens, IV, стр. 378 слѣд.) посылаетъ сироту съ порученіемъ къ ангелу, вращающему солнце; встрѣчи: старуха собираетъ золу (скупая); косарь велитъ спросить: почему его сѣно всегда вянетъ? (онъ кралъ чужое сѣно); щука лежитъ мостомъ черезъ море, почему ей такая доля? (она поглотила корабельщиковъ); муззынъ велитъ спросить: какое ему уготовано мѣсто въ раю? (онъ будетъ въ аду, ибо, читая молитвы, помышляетъ о райской наградѣ); двое пьяницъ—о томъ, гдѣ имъ быть въ аду? (они будутъ въ раю, ибо хотя и пьютъ, но потомъ каются).

Этотъ эпизодъ „встрѣчь и спросовъ“ отдалъ свои образы сказочному мотиву „трудныхъ, не исполнимыхъ порученій“, которыя возлагаютъ на героя. Сл., напримѣръ, сказки о Маркѣ Богатомъ у Ава-
часть сслѣх, отд. 2.

насьева, № 173 и прим.; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, т. I, губернія Могилевская, вып. 3: Сказки, стр. 198 слѣд. (Василь удювнѣ сынъ, богатаго Марочкинъ зять); Садовникова, Сказки и преданія Самарскаго края, № 86 (Марко Богатыи). Какъ общее мѣсто въ сказкахъ другаго типа: Труды этногр.-стат. эксп. въ Западно-русскій краѣ и т. д. Юго-Западный отдѣлъ, Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. II, стр. 11 слѣд. (Про хлопца сироту); стр. 290 слѣд. (Тремъ—сынъ Борись); Караджичъ, Прип. 89; Škult. a Dobř, Slov. roň. 125 и т. д. Сл. Аванасьевъ, Поэт. воззрѣнія. III, стр. 390—391, прим.

Не претендуя на полноту указаній на другіе варианты этого сюжета, остановлюсь на старой повѣсти, напечатанной Даничинымъ по рукописи начала XVI вѣка¹⁾: служитель Немрода, отпраляясь къ волхву, чтобъ узнать о своей долѣ, встрѣчаетъ дѣвицу, сидящую на пути: „сотвори любовь, въпроси и за ме“, говоритъ она ему, — „такъ есмь дѣвица .н. лѣтъ и никто прошаеть ме въ женоу себе; а на высако женьско хитра есмь и достойна есмь моужоу домъ дръжати“. Далѣе сидятъ на дорогѣ четыре мужа, просятъ прохожаго: „се ми братія есмы, а се .н. лѣтъ блудимъ по полоу семоу и не можемъ поути оправити“. Служитель приноситъ имъ отвѣтъ волхва: та дѣвица дѣйствительно мудра и полна достоинствъ, но горделива; когда одинъ юноша попросилъ ее себѣ въ жены, она отвѣчала отказомъ, ибо считала его ниже себя; она и терпитъ за гордость, „доньдеже дроугъ ея гавит се“. А тѣ мужи плутають по полю, „такъ вси ровни соуть и дроугъ дроуга прѣрѣкують“; будутъ такъ плутать, пока не поставятъ надъ собою бѣльшаго. Испытанія ихъ и дѣвицы прекращаются, когда послѣдняя становится женою служителя Немрода, а мужи ставятъ его надъ собою наибольшимъ.

Въ такой постановкѣ легенда о людяхъ полугрѣшныхъ и полудостойныхъ способна была прійти въ движеніе, вывести своихъ протагонистовъ изъ безвыходнаго положенія между карой и наградою. Здѣсь и привязался къ ней мотивъ чистилища, параллельно выразившійся въ буддйскомъ представленіи о претахъ, тогда какъ подобныя имъ грѣшники, находящіеся въ парсійскомъ Намѣстаганъ, неподвижны. Я пришелъ въ мѣсто, гдѣ увидѣлъ нѣсколько душъ, обрѣтавшихся въ одномъ и томъ же положеніи, разказываетъ Viráf;

¹⁾ Сл. мое Слово о дѣнадцати снахъ Шахавши, стр. 41, прим. I, и соответствующій текстъ Даничица.

кто они и зачѣмъ они здѣсь? Благочестивый Srôsh и Atarô объясняютъ ему: это мѣсто зовется Namêstagân (вѣчно недвижимое), а это души тѣхъ, которыхъ добрыя дѣла уравновѣшивались съ грѣхами. Повѣдай свѣту: пусть скупость и нерадѣніе не мѣшаютъ вамъ творить нетрудныя добрыя дѣла, ибо у кого они, хотя на малую долю, уравновѣшиваютъ грѣхи, тотъ пойдетъ въ небо; коли на оборотъ, то въ адъ; тѣ же, у которыхъ то и другое равно, останутся въ Namêstagân'ф—до воскресенія. Ихъ наказаніе въ холодѣ или въ жарѣ, зависящихъ отъ измѣненій атмосферы; другихъ невзгодъ они не испытываютъ ¹⁾).

Таковы „безразличны“ у Григорія, съ тою разницею, что ихъ осужденіе—вѣчно.

Иначе поставлены индійскіе преты ²⁾). Это—умершіе, не удостоившіеся блаженства, но и не заслужившіе наказанія въ аду, ибо они на половину были добродѣтельны, на половину порочны; ихъ грѣхъ опредѣляется, какъ эгоизмъ (mâtsarya) во всѣхъ его проявленіяхъ: скупость, неохота и небреженіе въ преподаваніи закона, зависть и т. п. Какъ у мниха Григорія, грѣшники подобнаго рода лишены всего потребнаго, такъ и въ буддійскомъ вѣрованіи ихъ главное наказаніе въ лишеніяхъ: они пребываютъ въ голодѣ и жаждѣ, хотя пища и питье передъ ихъ глазами (сл. соответствующій эпизодъ въ сказкахъ) ³⁾; у пныхъ тѣло золотое, лицо, что у свиньи, ибо они при жизни злословили; или они помѣщены въ роскошномъ дворцѣ, но ноги прикрыты лишь волосами, потому что были скупы, какъ женщина въ видѣніи Альберика. Мѣсто пребыванія претовъ, рgetalôka, точно не опредѣлено: ихъ видать на землѣ, они живутъ на деревьяхъ, но есть указаніе, что ихъ помѣщали и на сѣверѣ (въ Гималаѣ)—гдѣ у мниха Григорія помѣщены безразличные. Ихъ участь можетъ облегчить милостыня и молитва (сл. въ сказкахъ мотивъ спроса, за которымъ, въ повѣсти у Даничича, слѣдуетъ и из-

¹⁾ The book of Arda Viraf, ed. M. Haug, assisted by E. W. West, стр. 157. Сл. статьи Bartholomae въ Zeitschrift der deutschen morgenl. Gesellschaft, XXXV, 157; de Harlez, ibid., XXXVI, стр. 627 слѣд. и Roth, ibid., XXXVII, стр. 223 слѣд.

²⁾ Сообщеніемъ слѣдующихъ далае свидѣній и обязанъ И. П. Минаеву; сл. Journal Asiatique, 8-е série, t. III, № 1: Léon Feer, Etudes bouddhiques. Comment on devient preta, стр. 109 слѣд.

³⁾ Такъ въ бурятской легендѣ у Потанина, і. с., IV, стр. 134 умершій шмакъ наказанъ за свою скупость гнѣмъ, что прикованъ къ дереву: передъ нимъ поставлены яства и напитки, но онъ не можетъ достать ихъ.

иѣненіе участи); у мнихъ Григорія за нихъ предстательствуетъ олицетворенная Милостыня, и намъ остается лишь упомянуть о значеніи милостыни и поминальной обѣдин для облегченія участи грѣшниковъ, испытываемыхъ въ чистилищѣ, и молящихся:

ch'altri preghi
Si che s'avacci' lor divenir vante.

(Purg. VI, v. 26—27: молящихся о молитвѣ за нихъ, дабы они скорѣе удостоились святости) и восходящихъ по уступамъ къ земному раю на верху чистилищной горы, содрагающей при каждомъ актѣ спасенія (Purg. XXI, v. 31 и слѣд.).

Если безразличныя у Данте напомнили намъ буддійскихъ претовъ, то чистилищную гору Божественной комедіи давно сближали съ индійскимъ Ма́на = меру, съ ея уступами и раемъ Индры на вершинѣ¹⁾. И какъ надъ чистилищемъ вьются въ высотѣ круги небесъ до эмпирея, гдѣ Данте (Purg. XXX, v. 61 и слѣд.) созерцаетъ символическую рѣку свѣта, обращающуюся въ гигантскую бѣлую розу, со вѣтвѣмъ „святымъ воинствомъ“ (Purg. XXXI, v. 2) на ея лепесткахъ, и видѣніе кончается образнымъ откровеніемъ божественной тайны — такъ китайскому буддисту IV вѣка видѣлся образъ Амиты (=Будды), обнимавшій небо, съ сіяніемъ вокругъ него, изъ котораго выглядывали лики святыхъ, а затѣмъ рѣка свѣта, падавшая съ высоты и раздѣлявшаяся вполнѣдствіи на четырнадцать рукавовъ. — Совпаденіе образности случайное, но отрывающее одну изъ глухихъ перспективъ въ исторіи христіанской символикы, какъ легенда объ „обоядныхъ“ открыла намъ таковую же въ исторіи возрѣвній на нравственную вмѣняемость.

Александръ Веселовскій.

¹⁾ *The Journal of the royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.* New series, t. IV, v. 2 (1870): Some account of the Senbyu Pagoda at Mengun near the Burmese Capital in a Memorandum by capt. *E. H. Sladen*, Political agent at Mandale; with remarks on the Subject by Col. *Henry Yule*, C. B. стр. 415 и прим.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ ТЕОРЕМЫ О ПАРАЛЛЕЛОГРАММЪ СИЛЪ,

Теорія сложения и разложения силъ опирается исключительно на теорему о параллелограммѣ силъ; не только статика, главнѣйшій отдѣлъ механики, но и графическая статика, получившая въ последнее время огромное практическое примѣненіе, и многія другія прикладныя науки, основывающіяся на статикѣ, построены на этой теоремѣ или же на выводахъ изъ нея.

Относительно перваго изъ ученыхъ, доказавшаго теорему о параллелограммѣ силъ, въ исторіи механики существуетъ разногласіе, какъ это впрочемъ постоянно случается въ исторіи всякаго открытія и происходитъ отъ нелогичной постановки вопроса о какомъ-либо открытіи; того, кто далъ наукѣ только понятіе или часть какой-либо теоріи, нельзя считать творцомъ цѣлаго. Нѣкоторые историки приписываютъ параллелограммъ силъ голландскому механику Симону Стевину (Simon Stevin, род. въ Брюгге въ 1548 г., ум. въ Гагѣ въ 1630 г.), открывшему, будто бы, законъ о сложении силъ, когда онъ работалъ надъ статическою теоріей наклонной плоскости. Въ сущности же Стевинъ разсмотрѣлъ лишь тотъ частный случай, когда тяжесть привѣшена на нити въ точкѣ дѣленія другой нити на двѣ неравныя части, при чемъ къ концамъ этой другой, переброшенной черезъ два блока, привѣшены тяжести, не равныя между собою, но въ суммѣ почти равныя первой. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что открытіе разбираемой теоремы принадлежитъ Стевину, какъ ошибочно предполагаютъ Арнетъ, Канторъ, Штейхенъ (Sur la vie de Sim. Stevin par M. Stetchen. Bruxelles. 1846) и др.

Иные (Морвицъ, Поппе) относятъ это открытіе еще ранѣе, къ

XV столѣтію, и приписываютъ его почти универсальному гению своего лѣтца, математику, инженеру, художнику и философу Леонардо да Винчи (1452—1519 гг.); но это еще ошибочнѣе, такъ какъ въ статикѣ Винчи, хотя и разобранный дѣйствительно случай, подобный взятому Стевиномъ, но съ гораздо меньшею подробностью, а именно сказано только, что вѣсъ тѣла, привѣшеннаго къ одной изъ среднихъ точекъ нити будетъ почти равенъ суммѣ вѣсовъ тѣлъ, привѣшенныхъ къ ея концамъ. Много вѣроятія въ предположеніи Фельнера и отчасти Дюринга, что знаменитому Галилею (1564—1642 гг.) былъ извѣстенъ законъ сложения двухъ силъ, но въ его сочиненіяхъ не находится ясно выраженной хотя бы перпообраза параллелограмма силъ. Также несма вѣроятно, что и голландцу Христіану Гюйгенсу (1629—1695 гг.) и англійскимъ ученымъ Реву (1632—1723 гг.) и Галлею (1635—1703 гг.) былъ извѣстенъ способъ сложения двухъ силъ, какъ предполагаетъ Воолъ, но въ ихъ сочиненіяхъ ничего прямо не высказано относительно этой теоріи. Относительно разсматриваемой нами теоремы не сказано ничего и у Аристотеля, но въ его „Механическихъ задачахъ“ упоминается о параллелограммѣ движеній, именно онъ доказываетъ, что при сложении двухъ одновременныхъ одноименныхъ движеній, направленія которыхъ, изображенныя графически, пересѣкаются подъ какимъ-либо угломъ, равнодѣйствующее движеніе проходитъ по діагонали параллелограмма, образованнаго графическимъ построениемъ линій направленія обояхъ движеній. Слабое и неполное доказательство Аристотеля все же есть первое слово относительно метода сложения двухъ движеній, и такъ какъ оно имѣло рѣшающее значеніе для работъ ученыхъ послѣдующихъ вѣковъ, то отчасти справедливо причисляется Рюльманомъ къ первымъ идеямъ, давшимъ нить къ рѣшенію теоремы о сложении силъ. Извѣстно, что въ теченіе слишкомъ полутора тысячи лѣтъ послѣ Аристотеля и Архимеда не было ничего открыто или разработано по вопросамъ теоретической механики; только въ исходѣ среднихъ вѣковъ ученые стали заниматься механикою, какъ наукою. Теорія параллелограмма силъ или движеній, какъ научный теоретическій вопросъ, была затронута въ половинѣ XVII вѣка французскимъ ученымъ Робервалемъ въ сочиненіи „Observations sur la composition des mouvemens“ и другихъ, гдѣ разбиралась теорія движеній; но работы эти появились только послѣ его смерти въ четвертой книгѣ мемуаровъ Парижской академіи, напечатанныхъ въ 1693, а опубликованныхъ только въ 1730

году. Роберваль вывелъ довольно точное доказательство правильности Аристотелева параллелограмма движеній, а также приложенія этой теоріи ко многимъ движеніямъ, исходящимъ изъ одной точки, и къ теоріи удара тѣлъ.

28-го апрѣля 1686 года на разсмотрѣніе Королевскаго общества наукъ въ Лондонѣ представлена была Исаакомъ Ньютономъ рукопись подъ названіемъ „Philosophiæ naturalis principia“, гдѣ дѣйствительно въ первый разъ была упомянута и доказана теорема о параллелограммѣ силъ, съ новымъ также доказательствомъ параллелограмма скоростей. Быть можетъ, сопоставленіемъ и сравненіемъ работъ Стевина съ работами Роберваля удалось Пьютону открыть впервые такъ названный имъ законъ „параллелограмма силъ“; мы этого выяснитъ не можемъ и потому, въ виду очевиднаго факта, должны признать, въ противоположность вышеозначеннымъ историкамъ механики, за Ньютономъ первенство въ открытіи закона сложения и разложенія двухъ и нѣсколькихъ силъ и вообще въ открытіи и первомъ доказательствѣ разбираемой нами теоремы. Въ противоположность Ньютону, взявшему динамическіе принципы въ основаніе, Пьеръ Вариньонъ вскорѣ послѣ него основаніемъ своей механики поставилъ теорему о параллелограммѣ силъ; его механика или, вѣрнѣе, „Статика твердыхъ тѣлъ“, появилась въ 1725 г. въ четырехъ книгахъ, подъ заглавіемъ: „Nouvelle mécanique ou statique“. Легко предположить, что доказательство свое Вариньонъ основывалъ на трудахъ Камюса (Traité de mécanique. 1724) и Германна (Phoronomie. 1716); но все же доказательство Вариньона вполне оригинально, тѣмъ болѣе, что, основываясь на немъ, онъ вывелъ законы статики для такъ-называемыхъ простыхъ машинъ. Въ „Статикѣ“ Вариньона доказаны почти всѣ теоремы относительно веревочнаго многоугольника, при чемъ соотношеніе между веревочнымъ многоугольникомъ и многоугольникомъ силъ было доказано имъ впервые, а эта теорема, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми, и составляетъ весь фундаментъ, которымъ позднѣе воспользовались Яковъ Штейнеръ (1796 — 1863 гг.), фонъ-Штаудтъ (1798—1867 гг.) и Карлъ Кульманъ (1821—1881 гг.) при построеніи такъ-называемой „графической статики“.

Архимедъ, исходя изъ теоріи равноплечаго прямого рычага, вывелъ главныя положенія относительно неравноплечаго прямого, а позднѣе особенности и углового рычага. Пополнивъ и разработавъ труды Архимеда, Ла-Гиръ въ 1695 году передалъ Парижской академіи наукъ свое сочиненіе „Traité de mécanique“, помѣщенное въ 9-мъ томѣ

академическихъ мемуаровъ. Этотъ трудъ, въ которомъ Лагиръ синтетически доказалъ, пользуясь методомъ Архимеда, теорію параллелограмма силъ, очень схожую съ таковою же Вариньона, былъ дополненъ позднѣе новою работою, въ которой, говоритъ онъ, — „изясняется все, qui est nécessaire dans la pratique des arts“; теоремы статьи Лагира по существу очень близко подходятъ къ теоремамъ Вариньона, хотя теорія простыхъ машинъ, поподненная такъ-называемыми сложными машинами, дѣйствительно вполнѣ оригинальна, но доказана очень поверхностно. Къ лучшимъ доказательствамъ разсматриваемой нами теоремы, выведеннымъ безъ помощи рычага, необходимо причислить замѣчательно ясное доказательство Давиля Бернулли; трудъ этотъ, подъ названіемъ „*Examen principiorum mechanicae*“, былъ помѣщенъ въ комментаріяхъ С.-Петербургской Академіи Наукъ 1724 г. Опираясь на работы флорентинскаго ученаго Гвидо Убалди (1545 — 1607 гг.) относительно теоріи рычаговъ, частью на работы Лагира и др., Кестнеръ частью аналитически, частью синтетически вывелъ въ 1753 г., съ помощью теоріи углаго рычага, свое вполнѣ оригинальное и строго-научное доказательство; свой методъ Кестнеръ впервые опубликовалъ въ „*Theoria vectis et compositionis virium evidendius exposita*“ (Leipzig. 1753), а позднѣе въ своихъ руководствахъ по механикѣ 1777 г. (изд. въ Эрфуртѣ) и 1766 г. (изд. въ Гёттингенѣ). Методъ этотъ, отличающійся многими достоинствами по своему изложенію, былъ безъ перемѣны внесенъ проф. Иде въ его „Систему механики“ 1802 г. Съ небольшимъ измѣненіемъ, но съ указаніемъ на автора, приводитъ доказательство Кестнера вѣнскій механикъ Іоанъ Альбертъ Эйтельвейнъ (1764—1848 гг.) въ своей „Статикѣ“ 1808 и 1842 гг., а англійскій ученый Вильямъ Вевель (1794—1866 гг.) въ изданныхъ имъ въ Лондонѣ въ 1849 г. „*Principles of mechanics*“ предлагаетъ методъ Кестнера, видоизмѣняя только построеніе и притомъ не объясняя, кому онъ принадлежитъ. Большинство же англійскихъ ученыхъ считаютъ болѣе яснымъ доказательство Ньютона, которое и помѣщаютъ въ изданныхъ имъ учебникахъ.

Въ 1770 г. І. Ламбертъ опубликовалъ свое доказательство въ „*Beiträge zum Gebrauch der Mathematik*“, изданныхъ въ Берлинѣ. Выведенное аналитически и отличающееся ясностью, доказательство это и понынѣ встрѣчается въ учебникахъ механики; такъ, однимъ изъ представителей практической системы механики, Томсономъ, взятъ методъ Бернулли и доказательство Ламберта, взаимно дополняющіе другъ друга, въ его „*Treatise on natural philosophy*“ (Oxford.

1867). Тѣ же методы выводитъ представитель той же системы вѣнскій проф. д-ръ Фивгеръ въ своихъ „Elemente der reinen Mechanik“ (Wien, 1885).

Первое вполнѣ аналитически выведенное доказательство принадлежитъ Даламберту, опубликовавшему его въ 1773 г. Рѣшеніе разбираемой нами теоремы Даламбертъ выработалъ съ помощью дифференціального и интегрального исчисленій, исходя изъ простѣйшаго случая двухъ равныхъ силъ, приложенныхъ къ одной точкѣ, а затѣмъ переходя къ силамъ неравнымъ и, наконецъ, ко многимъ силамъ. Даламбертъ первый вывелъ аналитическія доказательства теоремы о сложеніи силъ; впрочемъ онъ первый воспользовался только приложеніемъ къ механикѣ и къ ея теоремамъ методовъ анализа, методовъ высшей математики, которая къ тому времени, послѣ открытія интегрального и дифференціального исчисленій Лейбницемъ (1646—1716 гг.) и математическихъ трудовъ Бернуллі, Манфреда, маркиза Л'Опиталя, Моавра, Эйлера и другихъ, достигла почти высшей точки развитія и завершилась позднѣе высшамъ математическимъ анализомъ, разработаннымъ знаменитымъ Лагранжемъ (1736—1813 гг.). Послѣдовавшія аналитическія доказательства, какъ опирающіяся на одни и тѣ же основанія и методы математики, конечно, очень мало различаются между собою, но несомнѣнно, что почти каждый изъ нижеперечисляемыхъ ученыхъ вводилъ въ общій ходъ рѣшенія свое самостоятельное разсужденіе и свой особый приѣмъ при доказательствахъ. Такъ, напримѣръ, вслѣдъ за Даламбертомъ, также помощью высшей математики, но понятнѣе и короче вывелъ Лапласъ свой методъ въ *Traité de mécanique céleste*, предполагая, что двѣ неравныя силы дѣйствуютъ на матеріальную точку, и что ихъ направленія образуютъ прямой уголъ; доказательство это, встрѣчающееся во многихъ французскихъ и нѣмецкихъ руководствахъ, принимается также нѣкоторыми италіанскими авторами; впрочемъ, надо замѣтить, что составители италіанскихъ учебниковъ чаще берутъ или методъ Ньютона, или соединенные методы Бернуллі и Ламберта, какъ болѣе легкіе.

Въ 1804 году въ журналѣ *Correspondance sur l'École Impériale polytechnique*, издававшемся подъ редакціей Гашетта, профессора Парижской политехнической школы (1769 — 1834 гг.), появилось новое несложное доказательство параллелограмма силъ, выведенное вполнѣ синтетически подъ названіемъ: „*Démonstration du parallélogramme des forces*“. Оно принадлежитъ Дюшайла (Duchayla)

и около полустолѣтія встрѣчалось почти во всѣхъ учебникахъ не только Франціи, но и Англіи и Германіи. Напримѣръ, наиболѣе въ то время распространенное во Франціи руководство Франкера: *Elements de statique* (Paris. 1810), хотя и приводитъ методъ Дюшайла, но въ приложеніи рекомендуетъ аналитическое доказательство Пуассона; въ послѣдующихъ же изданіяхъ упоминается о способѣ Дюшайла и рядомъ приводится методъ Пуассона. У проф. Брикса въ *Statik fester Körper* приводится методъ Дюшайла только въ изданіи 1831 года съ замѣчаніемъ, что этотъ ходъ доказательства чисто-конструктивный; но въ изданіи 1854 года только упоминается о Дюшайла, а берется способъ Пуассона и Навье. Въ Англіи методъ Дюшайла находимъ у Moseley (*Compendium of mechanics elementary*. London. 1 Ed. 1834. 2 Edit. 1836), Earnshaw (*A treatise on statics*. 3 Vol. Cambridge. 1844) и др. Въ томъ же журналѣ, гдѣ былъ помѣщенъ методъ Дюшайла, нѣсколько позднѣе, именно въ № 9 за январь 1808 г., приведено новое аналитическое доказательство, основанное на высшемъ анализѣ, подъ заглавіемъ: „*Démonstration analytique du parallélogramme des forces par M. Poisson, complétée par M. Petit de Besançon*“; оно вскорѣ было принято многими авторами, какъ наиболѣе подходящее къ руководствамъ по высшей механикѣ, а позднѣе, когда Пуассонъ нѣсколько упростилъ его, принято было во Франціи вообще для учебниковъ; въ упрощенномъ видѣ оно было помѣщено Пуассономъ и въ его „*Traité de mécanique*“ (Paris. 1811). Методъ Пуассона безъ измѣненія внесенъ въ руководство Монжа 1826 г., Хр. Жерара 1826 г., Адама Бурга 1844—1856 г.; видоизмѣненный—въ учебники Кайзера, Арнотта 1829 г. и др. Въ руководствахъ же Кулика 1846 г., Дехера 1851 г. и Зерникова 1835 г. помѣщены общія аналитическія доказательства, очень схожія то съ методомъ Пуассона, то съ методами Пуассона и Навье, при чемъ указанія на авторовъ ихъ не имѣется.

Съ помощью такъ-называемаго низшаго анализа Коши въ 1826 году вывелъ новый методъ рѣшенія теоремы о параллелограммѣ силъ; исходящій изъ того же случая взаимодействія двухъ силъ, который былъ взятъ Лапласомъ; методъ этотъ былъ опубликованъ въ первой книгѣ сочиненія Коши „*Exercices de mathématiques*“, 1826 г., подъ заглавіемъ: „*Sur la résultante et les projections de plusieurs forces appliquées à un seul point*“. Доказательство это почему-то нигдѣ не встрѣчается въ руководствахъ, не смотря на его легкость и практическую. Современники Коши, напримѣръ, Митисъ Эттинггаузенъ, Понтекулявъ, приводятъ доказательство Лапласа; новѣйшіе ученые—

Винклеръ въ Берлинѣ, проф. Фингеръ въ Вѣнѣ, фонъ-Бауръ въ Штутгартѣ, проф. Риттеръ въ Ахенѣ и другіе предлагаютъ въ своихъ учебникахъ или лекціяхъ доказательство Бернулли и Ламберты или же Вейсбаха и Редтенбахера; методъ же Коши разбирается только въ исторіи механики. Въ 1835—1836 годахъ вывелъ новый ходъ доказательства рассматриваемой нами теоремы Юліусъ Вейсбахъ, знаменитый германскій механикъ и одинъ изъ главнѣйшихъ представителей математической системы механики, то-есть, рассматривающей механику какъ часть математики. Это—система съ извѣстными, скорѣе философскими понятіями о матеріи, обладающей идеальными свойствами, о идеальной массѣ точки и т. п.; вслѣдствіе такихъ понятій, положенныхъ въ основаніе, она разрѣшаетъ свои теоремы а priori, независимо отъ какого-либо опыта, и такимъ образомъ, по выраженію Лагранжа въ его „Mécanique analytique“, механика переходитъ въ геометрію съ четырьмя измѣреніями, при чемъ четвертымъ служитъ абстрактное понятіе времени. Какъ на наглядный примѣръ теоремъ этой системы, мы можемъ указать на изслѣдованія Якоби (1804—1851 гг.) относительно силъ и ускореній второй и высшихъ степеней. Къ числу представителей математической механики принадлежитъ и проф. О. И. Сомовъ. Какъ явная противоположность указанной системѣ, существуетъ практическая или, вѣрнѣе, физическая механика, въ которой послѣдняя рассматривается какъ часть физики, и теоремы основываются только на опытахъ и эмпирически полученныхъ формулахъ и результатахъ. Представителей этого направленія несравненно болѣе (проф. Шимковъ, Фингеръ, фонъ-Бауръ и др.); изложеніе этой системы механики въ новѣйшее время въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ болѣе и болѣе распространяется—почти повсюду. Среднее между этими системами составляетъ математическая физика, поставившая себѣ задачей только описывать „самодвиженіе“ въ природѣ, если можно такъ выразиться, вѣчное движеніе въ системѣ міросозданія; исходящимъ изъ него другія механическія теоремы и явленія на землѣ служатъ основаніями этой системѣ механики. Книга доктора Густава Кирхгофа: „Vorlesungen über mathematische Physik“ (Leipzig. 1887) ярко выказываетъ всѣ достоинства и недостатки этой системы.

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, переходимъ къ рассматриваемой нами теоремѣ. Итакъ, Вейсбахъ, опираясь подобно Аристотелю, Ньютону, и др., на общіе законы движенія параллелограммъ скоростей и вообще на динамическіе принципы механики, вывелъ въ своей „Ме-

chanik und Bergmaschinen*, а воздѣе въ „Handbuch der theoretischen Mechanik“, новый ходъ рѣшенія теоремы о сложеніи двухъ силъ. Ученіе о движеніяхъ (Phononomie) Вейсбахъ поставилъ фундаментомъ всей механики, объясняя, что посредствомъ параллелограмма скоростей и ускореній можно многое сократить и упростить въ статикѣ, тѣмъ болѣе, что теоремы движеній на первый же взглядъ явно сходны съ главнѣйшими теоремами силъ. Джонъ Стевелли въ Лондонѣ (въ Philosophical Magazine 1866 г., ч. XXXI) помѣстилъ доказательство, по существу почти вполне одинаковое съ принятымъ Вейсбахомъ.

Профессоръ Мебиусъ въ 1837 году приводитъ въ своей книгѣ „Statik fester Körper“, а воздѣе. въ 1851 г., въ 42-й книгѣ журнала Крелля (Crelle. Journal für angewandte Mathematik) новый методъ рѣшенія теоремы о сложеніи двухъ силъ, съ помощью высшаго анализа, но по своей замысловатости этотъ методъ не вошелъ въ руководства. Отыскивая свой методъ, Мебиусъ основывался на работахъ Луи Пуансо (1777—1859 гг.) о парѣ силъ (Théorie de couple) и о параллелограммѣ вращенія, а отчасти также на теоремахъ Вариньона, о которыхъ мы упомянемъ ниже. Въ 1841 году былъ опубликованъ новый методъ рѣшенія параллелограмма силъ въ Résumé des leçons de mécanique données à l'École polytechnique par Poisson et Navier. Доказательство это болѣе извѣстно подъ названіемъ метода Навье, какъ оно и появилось въ переводѣ Майера въ Ганноверѣ въ 1842 году первымъ изданіемъ и въ 1858 году вторымъ. Въ „Механикѣ“ Густава Каріолиса (1792—1843 гг.), появившейся послѣ его смерти, въ 1844 г. помѣщенъ методъ Навье (Poggendorff I. Buch. C.). Андрей фонъ-Эттинггаузенъ (1796—1878 гг.) въ 1851 году предложилъ Вѣнской академіи наукъ строго аналитическій выводъ параллелограмма силъ; доказательство это помѣщено также въ его учебникѣ механики, изданномъ въ 1857 г. Новая французская школа представителей физической механики, во главѣ которой стоялъ рано скончавшійся профессоръ политехнической школы Шарль Делонэ, въ своихъ доказательствахъ пошла новыми путями: въ 1851 г. появился общій методъ этой школы въ „Traité de mécanique rationnelle“ par Delaunay. Въ 1885 году въ Парижѣ вышло 8-е изданіе этой механики; съ 4-го изданія былъ изданъ профессоромъ Риттеромъ въ 1868 г. ея нѣмецкій переводъ; этотъ же методъ появился въ „Lehrbuch der höheren Mechanik“, проф. Риттера, въ „Lehrbuch der Mechanik“ Молля и въ другихъ изданіяхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Такое количество переводовъ и распространенность метода

этой школы указываетъ на потребность именно физической или же „раціональной механики“, что мы и указали ранѣе, разбирая различныя системы механики. Делонэ, въ § 101, подъ названіемъ „Théorie des moments dans le cas der forces appliquées à un même point matériel“, доказалъ, что статическій моментъ равнодѣйствующей равенъ суммѣ моментовъ составляющихъ силъ, отнесенныхъ къ одному и тому же пункту, взятому вполнѣ произвольно на плоскости направленийъ составляющихъ силъ; эта теорема, отчасти основанная на принципахъ теоремъ Вариньона, употребляется многими авторами для доказательства теоріи сложения двухъ силъ вращенія или скоростей, концы оси пересѣкаются подъ угломъ. Изъ ученыхъ, не принадлежащихъ къ школѣ раціональной механики, по пользовавшимся послѣднею теоремою, можно указать на Резалю (Traité de cinématique pure. 1862. Paris.), Рюльмана (Grundzüge der Mechanik. Leipzig. 1860, и Geostatik), Риттера (Lehrbuch der analytischen Mechanik. 1887; Technische Mechanik) и др. Въ 1857 году появилось доказательство проф. Шёмилька (Schömilch) въ Zeitschrift für Mathematik und Physik; вполнѣ аналитическое, оно мало отличается отъ таковыхъ же Пуассона, Навье и др. Пражскій профессоръ Матцка въ 1856 г. въ томъ же журналѣ предложилъ новый аналитическій методъ, изложенный имъ позднѣе именно въ „Beveis der Kräfteparallelogramm“; доказательство это по существу ничѣмъ не отличается отъ общаго рода аналитически выведенныхъ методовъ, а потому нельзя и причислить его къ оригинальнымъ. Представитель практической или физической механики, знаменитый Редтенбахеръ, основываясь на теоремахъ Лагранжа относительно возможныхъ перемѣщеній и возможныхъ скоростей, вывелъ необычайно простое и ясное доказательство разбираемой нами теоремы, которое и опубликовалъ въ 1852—1859 гг. въ „Principien der Mechanik“, а позднѣе въ „Maschinenbau“, 1862—1865 гг. (оба сочиненія изданы въ Маннгеймѣ). Въ 1869 году Вольфомъ въ Цюрихѣ приведенъ методъ доказательства вполнѣ схожій съ методомъ Редтенбахера, почему первый и нельзя считать въ числѣ оригинальныхъ. Доказательство Редтенбахера, пользующееся теперь большою популярностью, введено во многіе учебники, а кромѣ того, приводится профессорами высшихъ учебныхъ заведеній Германіи, какъ одно изъ лучшихъ, пока существующихъ.

Въ дополненіе къ этому обзору прилагаемъ списокъ сочиненій, касающихся статики, или кинематики, или ученія о силахъ, расположенный по времени ихъ опубликованія. Сюда включены только оригинальныя и самостоятельныя произведенія ученыхъ западной Европы; учебники же, не содержащіе въ себѣ какихъ-либо самостоятельныхъ изслѣдованій или работъ, не упомянуты.

1557. P. Matutius. *Degli elementi di meccanica*. Venezia.
 1570. Bernh. Taleisio. *De sensuni natura*. Neapoli.
 1581. Dr. Franz. *Junctius speculum astrologiae*. Lugd.
 1597. J. Bodin. *Universum naturae*. Francfurt.
 1638. G. Galilei. *Discorsi intorno alla meccanica e i movi menti*. Vicenza.
 1649. N. Zucchi. *Nova de machinis philosophia*. Romae.
 1658. P. Casati. *Terra machinis mota*. Romae.
 1661. Jean Morin. *Astrologia gallica*. Hagae.
 „ H. Van-Roy. *Philosophia naturalis*. Amstelodami.
 1684. P. Casati. *Mechanicorum Libri VIII*. Lugd.
 1686. J. Newton. *Philosophia naturalis*. Londini.
 1687. P. Varignon. *Projet d'une nouvelle mécanique*. Paris.
 1689. Cherubin. *De la force*. Paris.
 1691. Lothar Zumbach. *Paradoxum nov. mechanicae*. Lugd.
 1695. D. Papin. *Fascicule de novis machinis*. Marburg.
 1700. A. Parent. *Eléments de mécanique et physique*. Paris.
 1701. C. Bartholin. *Specimen philosophiae naturalis*. Hofniae.
 1702. Ant. le Grand. *Historia naturae*. Nürnberg.
 „ Gobert. *Traité pour la pratique des forces mouvantes*. Paris.
 1708. H. Saccheri. *Neo-statica*. Mediolani.
 1714. J. Newton. *Philosophiae naturalis principia mathematica*. Amstelodami.
 „ Bonbardi. *Analecta mathematica et mechanica*. Linz.
 1716. Jacob. Hermann. *Phoronomia*. Amstelodami.
 1719. Harsch. *Mechanica sive scientia mechanica statica*. Leiden.
 1720. J. Ozanam. *La mécanique théorique*. Paris.
 1721. Cl. & P. Perrault. *Oeuvres de physique et de mécanique*. 2 Vol. Leiden.
 1722. Camus. *Traité des forces mouvantes*. Paris.
 1725. P. Varignon. *Nouvelle mécanique*. 2 Vol. Paris.
 1726. Grunert. *Statik fester Körper*. Leipzig.
 1727. J. Ode. *Principia philosophiae naturalis*. Trajecti ad. R. 2 Vol.
 „ N. de Martino. *Elementi di meccanica statica*. Napoli.
 1729. De-la-Gire. *Traité de mécanique*. Paris.
 1730. G. P. Domekins. *Philosophia mathematica*. Londini.
 1736. L. Euler. *Mechanica*. Petropoli. 2 Vol.
 1741. Deider. *La mécanique générale*. Paris.
 1746—48. H. Ferrari. *Philosophia sensuum mechanica*. Brixiae. 4 Vol.
 1750. G. M. della Torre. *Scienza di natura generale*. Venetia. 2 Vol.
 1751. Schnuse. *Statik fester Körper*.
 1753. „ *Philosophia naturalis*. Halae.
 „ A. Ziegler. *Philosophia naturalis*. Salisburg.

1758. W. Emerson. The principles of mechanics. London.
1759. Camus. Statique. Paris.
- 1759—60. J. Walcher. Mechanische Collegien. Wien. 2 Vol.
1759. J. Newton. Principes de la philosophie naturelle. Paris.
- Abbé de la Caille. Lectiones elementares mechanicae. Viennae.
1762. F. G. Waldner. Ad mechanicae principium. Dielig.
- 1762—68. M. C. Hanov. Philosophia naturalis. Halae. 4 Vol.
63. Bossut. Traité élémentaire de mécanique. Charleville.
1765. D. Bartaloni. Meccanica sublime. Napoli.
1772. Bossut. Mécanique. Paris & Charleville.
1765. La Caille. Elements de mécanique. Paris.
1772. Riccati. J. Principi di meccanica teoretica. Milano.
1774. J. F. Marie. Traité de mécanique. Paris.
1779. C. A. Guadgni. Specimen experimt. naturalis. Pisis.
- 1780—85. Newton. Philosophiae naturalis principia. 2 vol.
1782. Bossut. Cours de mécanique élémentaire. Charleville. 2 Vol.
- J. Sir. de Nw. De la philosophie naturelle par M. Paris.
1785. W. Enfield. Institutes of natural phylosophy. London.
- J. G. Karsten. Entwurf der Naturwissenschaften. Halle.
- J. Horwath. Allgemeine Mechanik und Statik. Pesth.
1786. G. Monge. Traité de statique élémentaire. Paris.
1787. J. Kraft. Handbuch der Mechanik. Dresden.
1786. Gerlach. Anfangsgründe der Mechanik. Wien.
1788. A. E. C. Gren. Grundriss der Naturwissenschaften. Halle.
1788. De-la-Grange. Mécanique analytique. Paris.
- Ch. Bossu. Trattato elementare di meccanica. Pavia.
1789. G. Guth. Grundlehre der angewandten Mechanik und Mathematik. Halle.
- Parkinson. A system of mechanics. Cambridge.
1793. Weber. Mechanik. Landshut.
1794. G. Adams. Lectures on natural phylosophy. London. 5 Bk.
- Voigt. Lehrbuch der angewandten Mathematik. Jena.
1795. Meinert. Lehrbuch der reinen und angewandten Mechanik. Halle.
1797. Lagrange. Analytische Mechanik bearb. von Murchard. Göttingen.
- 1798—1825. P. S. Laplace. Traité de mec unue coiceste. Paris. 5 Vol.
1800. Rony. Grundlehre der Mechanik. Leipzig.
1802. G. Langsdorf. Phronomie oder Grundlehre d. Mechanik. Erlangen.
1804. Francoeur. Eléments de mécanique Paris.
1806. L. N. M. Carnot. Grundlehre der Mechanik. Leipzig.
- Emerson. Principles of mechanics. London.
- Poinsot. Eléments de statique. Paris.
1807. J. A. F. Allix. Teoria dell' universo. Milano.
- Klügel. Anfangsgründe der Mechanik.
- Francoeur. Mécanique élémentaire. Paris. 2 Vol.
1811. Poisson. Mechanik fester Körper.
- Ganier. Cours et manuel de statique. Paris.
1813. N. Massa. Meccanica. Napoli. 2 vol.
- 1807—13. Gregory. A treatise of mechanics. London.

1813. Magold. Lehrbuch der Mechanik fester Körper. Landshut.
1844. B. Bridge. A teacher on mechanics. London. 2 vol.
1815. M. de Prony. Leçons de mécanique analytique. Paris.
Gregory. Elements of mechanics. London.
- „ Lagrange. Mécanique théorique et analytique. Paris.
1817. A. Lindner. Anleitung zur Mechanik fester Körper. Wien.
- „ J. Allix. Théorie de l'univers. Francfort.
- 1817—18. Wentuoli. Manuale di meccanica pratica. Milano.
1817. Brandes. Statik und Dynamik fester Körper. von NN. 1 Band. Wien.
- „ Brandes. Statique et dynamique. Paris.
1819. J. Nobili. Introductio alla meccanica. Milano.
- „ Hecht. Elemente der Mechanik. Wien.
1821. Wucherer. Lehrbuch der analytischen Mechanik.
- „ Borgnis. Cours de mécanique théorique et des machines. Paris.
- „ G. Tomassia. Elementi di filosofia naturale. Bergamo.
1822. Mitterer. Anleitung zur Mechanik. Bonn.
- „ Robinson. System of mechanics. Cambrige.
- „ A. Fischer. Anfangsgründe der Mechanik.
1823. E. G. Fischer. Meccanica e fisica. Milano.
- 1823—34. A. Baumgartner. Mechanik. Wien.
1823. Hoffmann. Grundlehre der Mechanik. Leipzig.
1824. Poselger. Statik und Dynamik. Hannover.
1825. Nicholson. Manual of mechanics. London.
- „ Christian. Mécanique industrielle. Paris.
- „ Umpfenbach. Statik und Dynamik.
- „ G. Piola. Applicazioni di princip. di meccanica analiticis del Lagrange. Milano.
1826. G. Monge. Traité de mécanique. Paris.
1828. Poinot. Statique. Paris.
- „ J. v. Mitis. Handbuch der Mechanik. Wien.
1828. Poncelet. Cours de mécanique. 2 Vol. Metz.
1829. Arnott. Mécanique ou statique. Paris.
1831. Forstner. Lehrbuch der theoretischen Mechanik. Berlin.
- „ Jung. Compendio di meccanica. Milano.
- „ V. Bonicelli. Principi di meccanica. Bergamo.
1832. Joung. Elements of mechanics. London.
1833. Poisson. Mechanik flüssiger und fester Körper.
1834. Gerstner. Grundlehre der Mechanik. Leipzig.
1835. Flachot. Mécanique théorique et industrielle. Paris.
1835. Zernikoff. Theorie der Statik nach dynamischen Principen. Berlin & Leipzig. 2 Vol.
1836. Terquem. Principes. Paris.
1836. Poisson. Cours de mécanique. Paris.
- „ Moseley. Compendium of mechanics elementary. London. 2 Ed. (1st Edit. in 1834). London.
- „ Lardner. Lehrbuch der Mechanik.
- 1836—38. Ohm. Handbuch der Mechanik. Berlin.

1837. Möbius. Lehrbuch der Statik. Leipzig.
 1838. Ohm. Lehrbuch der Mechanik. Berlin.
 1839. Kater. Elements of mechanics. London.
 1840. Peyré. Mécanique théorique et industrielle. Paris.
 „ Boucharlat. Elément de mécanique. Paris.
 1841. Navier. Cours de mécanique théorique. Paris.
 „ Bresson. Mécanique élémentaire. Paris.
 „ Gaubert. Principes de mécanique.
 „ Jarier. Mécanique théoretique et industrielle. Paris.
 1842. F. J. Maschek. Theorie der Kräfte. Prag.
 „ Eytelwein. Elemente der Mechanik fester Körper. Wien.
 „ Schubert. Grundlehre der Mechanik. Berlin.
 1843. Series. Theory of mechanics and physics. Cambridge.
 „ A. Parrochetti. Manuale di meccanica pratica. Milano.
 „ Bresson. Lehrbuch der Mechanik.
 1844. A. Fusinieri. Memorie di meccanica. Padova.
 1845. A. Fink. Lehrbuch der Mechanik. Wien.
 1846. A. Burg. Lehrbuch der theoretischen Mechanik. Wien.
 „ Cariolis. Elementare Mechanik.
 „ A. Berenger. Della logge fondamentale di foronomia. Venezia.
 „ J. Ph. Kulik. Anfangsgründe d. höheren Mechanik. Leipzig.
 „ Morin. Cours de mécanique. Paris.
 „ Dubamel. Cours de mécanique élémentaire. Paris.
 1847. Rühlman. Reine und technische Mechnaik. 2. V. Stuttgart.
 „ L. Euler. Mechanik. Grefsswald.
 „ Belanger. Lehrbuch der Mechanik. Leipzig.
 „ Deschwanden. Abrisse der gesammten. Mechnaik.
 1849. Abr. Bury. Compendium der Mechanik & Maschinenlehre. Wien.
 „ Whewell. Manual of mechanics elementary. London.
 1850. Carl Hartmann. Anfangsgründe der Mechanik. Leipzig.
 „ Holtzmann. Lehrbuch der Mechanik und Maschinenlehre. Berlin.
 1851. J. Newton. Statik, Dynamik, Hydrostatik bearb. von Hartmann.
 Leipzig.
 „ Delaunay. Cours de mécanique théorique et appliquée. Paris.
 „ Decher. Grundlehre der Mechanik.
 „ Callon. Eléments de mécanique pratique et théoretique. Paris.
 „ Vielle. Manuel de mécanique. Paris.
 1852. E. Redtenbacher. Principien der Mechanik 1 auf. Heidelberg.
 (1869—2 Aufl.).
 1853—54. Duhamel. Lehrbuch d. reinen Mechanik. bearb. von Wagner. 2 Th.
 Braunschweig.
 1853. L. Euler. Lehrbuch d. reinen Mech. bearb. von J. P. Dr. Wolfers.
 Berlin.
 1854—1862—86. Bruno. Repertorium der technischen Litoratur. Leipzig.
 1854. A. Burg. Lehrbuch der Mechanik, vermehrte 2 Ausg. Wien.
 „ Sonecke. Analytische Mechanik. Berlin.

- „ Moll. Nach Delaunay Lehrbuch der Mechanik.
 „ Brix. Mechanik fester Körper. Berlin.
 „ Broch. Lehrbuch der Mechanik.
 „ Jolly. Principien der Mechanik. Stuttgart.
 1856. Ohm. Mechanik. Berlin.
 „ Manzka. Beweis des Kräfteparallelogramm. Prag.
 1856—61. G. Decher. Handbuch der rationellen Mechanik. Augsburg. 4 Vol.
 1857. Ettinshausen. Mechanik. Wien.
 1858—59. Clesch. Vorlesungen über Mechanik in Carlsruhe.
 1861. Schmidt. Die Gesetze der Kräfte. Wien.
 „ Bitzel. Grundlehre der Mechanik.
 „ Sturm. Cours de mécanique élémentaire. Paris.
 1862. Dr. W. Schrader. Elemente der Mechanik. 2 Vol. Halle.
 1864. Morin. I principi di meccanica pratica. Roma.
 „ Bresson. Lehrbuch der Mechanik.
 1865. Bour. Cours de mécanique élémentaire. Paris.
 „ Clementini. I principi di meccanica. Milano.
 „ Redtenbacher. Maschinenlehre und Bau. 3 Vol. Heidelberg.
 „ R. W. Lubsen. Einleitung in d. Mechanik. Leipzig.
 1867. J. Bauschinger. Die Schule der Mechanik. München.
 „ W. Thomson. Treatise of natural philosophy. Oxford.
 1868. F. Moigno. Leçons de mécanique analytique par Cauchy. Paris.
 M. C. Delaunay. 4 Aufl. d. analytischen Mechanik bearbeitet von
 Dr. G. Krebs. Wiesbaden.
 1869. Presl. Cours de mécanique théorique. Paris.
 „ Jul. Henrici. Elementare Mechanik. Leipzig.
 1870. Dwelshauvers. Cinématique. Paris.
 P. Huber. Lehrbuch der Mechanik. Stuttgart.
 Dr. Wilh. Schell. Theorie der Kräfte und der Bewegung. 1 Aufl.
 Leipzig (2 Aufl. въ 1879—80 г.).
 1870—75. J. Weisbach. Lehrbuch der Ingenieur- und Maschinen-Mechanik.
 Braunschweig (1 Th. Theoret. Mechanik bearb. von Dr. G. Hermann).
 „ Viry. Lehrbuch der reinen und angewd. Mechanik.
 „ Mr. Sesser. Lehrbuch der Mechanik. Wien.
 1871. Bartlett. Elements of mechanics. New-York.
 „ Sonnet. Dictionnaire de mécanique. Paris.
 1872. J. Newton. Mathematische Principien d. Naturlehre bearb. von
 Dr. J. Ph. Wolfers. Berlin.
 „ Dr. W. Schrader. Elemente der Mechanik. 1 Th. Halle.
 1873. Delaunay. Elements de mécanique. 5 édit. à Paris.
 Pfeilstücker. Kinematik. Stuttgart.
 „ —78. A. Debauve. Manuels. Fascicule VI. Mécanique rationelle. Paris.
 „ A. Ritter. Lehrbuch der höheren Mechanik. Hannover.
 „ Rirkaldy. Results of mechanics. London.
 „ Resal. Traité de mécanique générale à Paris.
 1874. Poncelet. Cours de mécanique. Paris.
 „ M. L. de Mastaing. Cours de mécanique théorique. Paris.

1875. F. Reuleaux. Theoretische Kinematik. Braunschweig.
- 1875—78. Dr. M. Rühlmann. Allgemeine Maschinenlehre etc. Braunschweig.
1875. F. Steiner. Grafische Zusammensetzung d. Kräfte. Wien.
- „ F. Narr. Einleitung in d. theoretische Mechanik. Leipzig.
1876. A. Ritter. Lehrbuch der Ingenieurmechanik. Hannover.
- „ Wood. The elements of mechanics analitic. New-York.
- „ Th. Beck. Bemerkungen zu Reuleaux Kinematik. Darmstadt.
1876. H. B. Lübsen. Einleitung in d. Mechanik. 4 Aufl. Leipzig.
1877. Poinso. Eléments de statique. 2-me Édit. Paris.
- „ A. Ritter. Lehrbuch der technischen Mechanik. 4 Aufl. Hannover.
- „ Dr. G. Kirchhoff. Vorlesungen über mathematisch. Physik und Mechanik. 2-te Aufl. Leipzig.
- „ M. Niemann. Erläuterungen zu F. Reuleaux' Kinematik. Berlin.
- „ E. Ott. Elemente der Mechanik. Zürich.
- „ Ad. Wernicke. 1 Thl. Mechanik fester Körper. 3 Aufl. Braunschweig.
- „ J. B. Goebel. Wichtigste Theoremen und Sätze der neuen Statik. Zürich.
- „ W. J. M. Rankine. A manual of civil-engineering. 12 Ed. by E. F. Bramber. London.
- 1877—78. Weisbach. A manual of mechanics. 4 Ed. New-York.
- „ „ von Rebhann. Vorlesungen über Statik und Dynamik. Wien.
1878. E. H. Knight. The practical dictionary of mechanics. London.
- „ Laboulaye. Traité de cinématique. Paris.
1879. Drossbach. Ueber Kraft und Bewegung. Halle.
- „ —80. Rühlmann. Mechanik und Maschinenlehre. Hannover.
- „ Dr. H. Schellen. Schule der Elementar-Mechanik. 2 Bd. 4 Aufl. Braunschweig.
1880. von Reuleaux. Kinematik bearbeit. von Alshof, La-Raume, Roy etc. in Berlin.
- „ Karl F. von Zückenbacher. Die Schule der Mechanik. 3 Aufl. Leipzig.
- „ J. C. Trautwine. Civil-Engineers book. Philadelphia.
1881. Haedicke. Allgemeine Mechanik. I Th. Statique. Zürich.
- „ Salcher. Elemente der theoretischen Mechanik. Wien.
- „ B. Pek. Mechanika. v Praze.
- 1881—85. Ed. Collignon. Traité de mécanique. 2 Vol. Paris.
1883. Burmester. Lehrbuch der Kinematik I. 1 Th. Leipzig.
- „ Rob. Hudson Graham. Statics analitic in theory and comparisou. London.
- „ H. Streintz. Die physische Grundlagen der Mechanik. Leipzig.
1884. G. Herm. Elemente der theoretischen Mechanik. Leipzig.
1885. Bresse. Cours de mécanique à l'École polytechnique. Paris.
- „ Dr. Finger. Elemente der reinen Mechanik. Wien.
- „ Villié. Comp. d'analyse et de mécanique donné à Sorbonne. Paris.

М. Марюмовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ВѢТА И ЯЗЫКА РУССКАГО НАСЛѢНІЯ СѢВЕРНО-ЗАПАДНАГО КРАЯ, СОБРАННЫЕ И ПРИВЕДЕННЫЕ ВЪ ПОРЯДОКЪ *П. В. Шейномъ*. Т. I, ч. I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. С.-Пб. 1887.

Названный трудъ уже рассмотрѣвъ на страницахъ Журн. Мин. Нар. Просв. Е. Ѡ. Барскимъ (октябрь 1887 г., стр. 324—330), причемъ рецензентъ, сдѣлавъ общій обзоръ сборника, главнѣйшее вниманіе свое обратилъ на лексическую сторону его и далъ при этомъ весьма обстоятельныя указанія относительно достоинствъ и недостатковъ содержащагося въ немъ пѣсеннаго матеріала. Богатое содержаніе труда П. В. Шейна открываетъ однакоже свободный доступъ къ обзорѣннѣю его и съ другой стороны.

Собственно пѣснямъ бѣлорусскимъ за послѣднее время особенно посчастливилось: не такъ давно мы имѣли передъ собою два новыя сборника, въ ближайшемъ будущемъ ожидается еще одинъ¹⁾; но нельзя того же сказать о бѣлорусской этнографіи въ болѣе широкомъ смыслѣ. Далеко не такъ многочисленны труды, въ которыхъ было бы удѣлено достаточно мѣста описанію обрядовъ, сохранившихся въ быту бѣлорусса и заключающихъ въ себѣ глубокой интересъ старины, характеризующей нашъ западно-русскій край. Пѣсня, хотя бы и обрядовая, сообщаетъ лишь намеки и извѣстную окраску соответствующему обряду, не давая въ то же время точнаго понятія о самомъ обрядѣ. Вотъ почему особенную цѣнность придаемъ мы настоящему труду г. Шейна, въ которомъ на первомъ мѣстѣ постав-

---

¹⁾ З. Ѡ. Радченко. Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія)

лень обрядъ съ его подробнымъ описаніемъ и затѣмъ приведены пѣсни, прекрасно дополняющія это описаніе, придающія обряду извѣстный оттѣнокъ и своими отдѣльными стихами намекающія подъ часъ на тѣ подробности, которыя подъ влияніемъ времени, быть можетъ, успѣли или новсе изгладиться въ повседневномъ быту, или же замѣниться болѣе новыми.

Первая часть перваго тома обширныхъ матеріаловъ, собранныхъ и приведенныхъ въ порядокъ г. Шейномъ, посвящена „бытовой и семейной жизни бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ“. Съ этой точки зрѣнія мы и рассмотримъ лежащій передъ нами трудъ.

Не одну только словесность бѣлорусса, очевидно, поставилъ себѣ цѣлью изобразить здѣсь г. Шейнъ, но быть его и не повседневный съ обычными житейскими мелочами, а быть въ главнѣйшихъ моментахъ его, когда равнообразныя частныя заботы отходятъ на второй планъ и вся семья, все село и, быть можетъ, все крестьянство имѣютъ одинъ общій интересъ, одну заботу, настроены на одинъ ладъ; такими моментами въ семьѣ являются родины, крестины, похороны; въ крестьянствѣ — праздники зимніе, весенніе, лѣтніе съ полевыми работами и болѣе или менѣе общее препровожденіе времени въ осеннюю пору: бесѣды и т. п.

Но чтобы прослѣдить бѣлорусса во всѣ эти моменты, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ эти обряды и праздники не являлись понятіями отвлеченными, не совершались бы, такъ сказать, безъ самаго главнаго, безъ человѣка, — весьма естественно на первыхъ же порахъ представить этого человѣка, вызвать его на свѣтъ Божій и вмѣстѣ съ нимъ подвигаться, такъ сказать, по всѣмъ бытовымъ стадіямъ. Вотъ почему г. Шейнъ начинаетъ свой трудъ съ описанія родинъ и обряда крестиннаго; такое начало, по нашему мнѣнію, нельзя не назвать удачнымъ.

Обряды эти представлены весьма подробно и обстоятельно (стр. 3—16); родины и крестинный столъ, какъ они бытуютъ въ Витебской губерніи, прекрасно изображены сотрудникомъ г. Шейна, учителемъ приготовительнаго класса Свислочской учительской семинаріи Н. Н. Никифоровскимъ; сюда же отпосланный обрядъ муравинки, имѣющій мѣсто въ той же Витебской губерніи, описанъ С. К. Шимковичемъ; крестинный обрядъ Гродненской губерніи съ его особенностями (жмуръ) описанъ псаломщикомъ И. Корскимъ; краткое описаніе втораго (практики) и третьаго (муравинки) дня послѣ крестинъ въ Могилевской губерніи представлено самимъ г. Шейномъ; въ заключеніе тѣмъ же

г. Никифоровскимъ сообщены суевѣрья, выражающія нѣкоторыя предостереженія беременной женщины.

Отъ крещенія естественный переходъ къ дѣтству, и вотъ на слѣдующихъ страницахъ (16—18) мы находимъ: „повѣрья, суевѣрья и примѣты, касающіяся дѣтства“ (въ Витебской, Минской и Ковенской губерніяхъ) и представляющія не мало интереснаго въ описаніяхъ того же г. Никифоровскаго и учителя народнаго училища г. Гайдукова. За всѣмъ этимъ слѣдуютъ пѣсни крестинныя (№№ 1—20), съ обозначеніемъ, кому поется каждая пѣсня: родильницѣ (родныхъ), бабу и кумовьямъ, а также пѣсни колыбельныя и дѣтскія (№№ 21—35).

Поставивъ бѣлоруса на ноги и доведя его до такого возраста, когда онъ уже расцвѣтаетъ свои (дѣтскія) пѣсни, собиратель вмѣстѣ съ нимъ переходитъ отъ праздника къ празднику и, весьма естественно, начинаетъ съ тѣхъ, которые во всѣ времена и у всѣхъ народовъ по справедливости считались и считаются по преимуществу дѣтскими, это—святки, рождественскіе праздники, по бѣлорусски—„рождствяные или рыжтванне святки, коляды“, начинающіеся на канунъ Рождества такъ-называемою богатою куццей или щедрцомъ, „вѣроятно, оттого“, говорится въ сборникѣ,—„что въ этотъ вечеръ ходятъ парни и дѣвки щедровать, то-есть, ходятъ подъ окна хатъ пѣть пѣсни съ припѣвомъ: щедрый вечеръ“ (стр. 42). Главная роль въ этихъ праздникахъ выпадаетъ на долю подростковъ и вообще молодежи.

Приступая къ описанію рождественскихъ праздниковъ, г. Шейнъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: „Слѣдуя (начиная съ этой статьи) въ дальнѣйшемъ размѣщеніи собраннаго матеріала порядку календарному, принятому мною и въ первомъ моемъ бѣлорусскомъ сборникѣ, считаю нужнымъ оговориться, почему я на первомъ же шагѣ позволилъ себѣ отступить отъ этого порядка и началъ не съ 1-го января, а съ конца декабря. Дѣло въ томъ, что это отступленіе только кажущееся и вполнѣ, какъ смѣю думать, оправдывается тѣмъ, что въ представленіи народа Рождество, Новый годъ и Крещеніе сливаются въ одно нераздѣльное понятіе—Коляды, въ которомъ названные праздники составляютъ его видовые члены.... Не говоря уже о томъ, что всѣ сочельники называются колядами (и куццами), но и другое названіе, которымъ народъ бѣлорусскій обозначаетъ весь періодъ времени отъ кануна 25-го декабря по 6-е января, рождствяныя святки (какъ и велико-русскія святки), ясно говоритъ въ пользу принятаго мною начала для годоваго круга праздниковъ въ бытовой

жизни народа. Я не могъ рѣшиться, ради одного педантизма, разрознить то, что въ сознаніи и жизни народа существуетъ какъ неразрывное цѣлое" (стр. 37). Взглядъ, по нашему мнѣнію, совершенно правильный, особенно, когда не имѣются въ виду однѣ только рубрики извѣстныхъ празднествъ, а проводится послѣдовательно бытовая жизнь народа.

Итакъ, мы видимъ (на стр. 37—55) подробное описаніе рождественскихъ праздниковъ; прежде всего читаемъ про богатую куцью въ с. Мелешковичахъ, Мозырскаго у. Минской губ., описанную учителемъ народнаго училища А. Шарупичемъ, съ гаданьями и щедрованьемъ; затѣмъ слѣдуетъ изображеніе различныхъ обрядностей и примѣтъ всѣхъ трехъ сочельниковъ, въ д. Кочищи, Скородинской волости того же уѣзда и губерніи, въ описаніи учительницы П. О. Журавской; далѣе описаніе колядъ съ различными суевѣріями, въ Слонимскомъ у. Гродненской губ., доставленное учителемъ Рогачевского училища И. И. Овсейцомъ съ весьма любопытными особенностями, какъ напримѣръ—названіе Крещенія праздникомъ „трехъ Королю“, при чемъ въ этотъ день „хозяинъ утромъ пишетъ мѣломъ крести на дверяхъ и косякахъ оконъ. Нѣкоторые грамотные крестьяне, кромѣ того, пишутъ на дверяхъ начальныя буквы трехъ волхвовъ, приходившихъ на поклоненіе Господу, а именно: М+В+К (Melchior, Baltazar, Casper)* и т. д. (стр. 53); наконецъ, приводится описаніе коляды въ Смоленской губерніи, заимствованное собирателемъ изъ статьи г. Невѣровича, помѣщенной въ Памятной книжкѣ Смоленской губерніи на 1859 г. подъ заглавіемъ: „О праздникахъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ у крестьянъ великорусскаго племени, населяющихъ Смоленскую губернію“. Послѣ этихъ описаній идутъ пѣсни колядныхя (колядки, коляды) (№№ 36—99), съ поясненіями собирателя, касающимися подробностей щедрованья, хожденія съ козой и т. п. Особая глава (стр. 99—116) посвящена описанію „колядныхъ игрищъ“ и соединеннымъ съ ними пѣснямъ (№№ 100—115); игрища эти представляютъ значительный интересъ, въ особенности „женитьба Турешки (Цирѣшки)“, записанная въ 1884 г. во время святокъ въ с. Махировѣ (Витебской губерніи) г. Никифоровскимъ. „Какъ болѣе выдающаяся, точно священная, игра эта исполняется довольно рѣдко, и исключительно зимою, въ дни годовыхъ праздниковъ, какъ, напримѣръ, Рождества Христова, въ Новый годъ и въ заговѣнье предъ Великимъ постомъ, и непремѣнно въ заключеніе игрищъ, послѣ продолжительныхъ плясокъ. Мѣстомъ же игры обыкновенно и исключительно бываетъ

корчма, сколько потому, что здѣсь нѣтъ недостатка въ молодежи, столько и еще болѣе потому, что по нескромному характеру этой игры ни одинъ семейный домъ не согласился бы допустить ее у себя, такъ какъ большинство крестьянъ гнушается ею* (стр. 99) По смыслу этой игры, выборные „бацька зъ маткэй“ составляютъ изъ молодежи пары, которыя, какъ мужъ и жена, щеголяютъ другъ передъ другомъ въ любезностяхъ и угощеніи, пируя такимъ образомъ, съ характерными пѣснями и плясками, далеко за полночь. Менѣе подробное описаніе этой же игры, въ Виленской губерніи, приводится собирателемъ изъ статьи г. Киркора: „Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію,“ (въ III вып. Этногр. Сборника Имп. Р. Геогр. Общ. 1858 г.) Разновидность той же игры въ с. Латыголичахъ, Борисовск. у. Минск. губ. приводится въ описаніи учителя мѣстнаго народнаго училища П. В. Шолковича. Изъ другихъ игрѣщъ описаны: лучъ — С. Н. Рачинской со словъ крестьянки Смоленской губ.; ящерь—воспитанникомъ духовной семинаріи А. П. Ральцевичемъ, въ Могилевск. губ.; чортъ—заимствовано собирателемъ изъ статьи Сердюкова: „Крестьянская жизнь или обычай въ Мстиславск. уѣздѣ“ (Могилевск. Губ. Вѣд. 1867 г., № 52.); наконецъ Ананасъ и шило, записанные г. Шарупичемъ въ с. Мелишковичахъ, Мозырск. уѣзда Могилевск. губерніи.

Послѣ святокъ выдающимся праздникомъ является масленица. Изъ обрядовъ, сопровождающихъ этотъ праздникъ, собиратель приводитъ лишь два, записанные въ Игрушецкой волости Сѣвиненскаго уѣзда Могилевск. губ. народнымъ учителемъ Г. О. Свицерскимъ. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что родители съ дѣтьми посѣщаютъ свою повивальную бабуку, которая отвѣчаетъ тѣмъ же; при этомъ происходитъ взаимное угощеніе; второй обычай, носящій названіе молодую вовать, не лишенъ интереса. Любопытны также и приведенныя масленичныя пѣсни (№№ 116—122), въ которыхъ упоминается „масляная счастливая“, „масляная полязуха“, которая „сыръ и масло поливала“ и „великій постъ къ намъ послала“; упоминаются блины и прочіе атрибуты масленицы.

Кончилась масленица; наступилъ великій постъ, но не кончилась еще унеселеніи бѣлорусса; первая педѣля поста даетъ ему еще два повода попить и повеселиться. Первый поведѣльнякъ великаго поста во многихъ мѣстностяхъ Витебской губерніи называется шильнымъ, потому что въ этотъ день женатые мужики, а за ними и бабы, отправляются, какъ это описываетъ г. Никифоровскій, въ корчму, при-

говаривая: „треба исьци шило куваць,“ иначе говоря—опохмѣляться послѣ продолжительнаго масляничнаго пиროванья. Четвергъ несетъ другой праздникъ, подъ названіемъ Волося, въ обрядахъ котораго, по описанію г. Овсейца, главная роль выпадаетъ на долю скопичья; этотъ праздникъ съ чертами, указывающими на язычество, сохранился еще въ Словимск. у. Гродненской губерніи.

Заканчивая этимъ описаніе обрядовъ масляной недѣли и приведенныхъ выше отголосковъ той же масляницы, г. Шейнъ указываетъ на скудость добытыхъ имъ матеріаловъ по обрядности бѣлорусской масляницы. Отсылая читателя за болѣе подробными описаніями этихъ обрядовъ къ сборнику П. А. Безсонова и къ труду В. О. Миллера: „Русская масляница и западно-европейскій карнавалъ“, собиратель, между прочимъ говоритъ: „Самые ревностные мои сотрудники и сотрудницы, живущіе постоянно въ деревнѣ и имѣющіе возможность внимательно слѣдить за проявленіями бытою народной жизни на мѣстѣ, не могли сообщить мнѣ никакихъ выдающихся фактовъ относительно празднованія народомъ масляницы. Значить этихъ фактовъ или совсѣмъ нѣтъ, или они не такъ рѣзко бросаются въ глаза мѣстному наблюдателю, какъ, напримѣръ, обряды и обычаи крестинные, колядные, свадебные и проч.“ (стр. 124).

И дѣйствительно, нужно, по видимому, признать скудость этихъ обрядовъ въ бѣлорусскомъ быту, подтверждаемую и наблюденіями г. Безсонова, которыя, съ своей стороны, мы и позволимъ себѣ здѣсь привести:

Распространившись о широкомъ празднованіи масляницы въ Великой и Малой Руси, г. Безсоновъ продолжаетъ: „Что касается до Бѣлой Руси, то, повторимъ, для нея только и распространились мы о подробностяхъ „нашихъ“, ибо безъ нихъ не было бы никакой ясности и ничего бы почти тамъ не понялъ. Положеніе ея въ настоящемъ случаѣ по преимуществу отрицательное, темное безъ нашего положительнаго. Сколько имѣется у нея скудныхъ средствъ истощеннаго быта, растратившись вся на Кутью и Коляду, Бѣлая Русь сравнительно даже съ Малороссіей оставляетъ своей масляницѣ еще меньше яркихъ образовъ, меньше обрядовъ, игръ, пѣсней, народной обстановки и хозяйскаго довольства... Школярная виртуозность, внесенная въ коляду, западный карнавалъ, пропитавшій собою польскіе Запусты, но чуждый и недоступный простѣйшимъ слоямъ бѣлорусскаго народа, климатъ болѣе умѣренный, безъ рѣзкостей, вызывающихъ нашу рѣзкость и разительность празднованія, склонъ къ близ-

кой весиѣ, а вмѣстѣ тяга къ Великому дню и его волочобнымъ, надежды на Пасхальное Священное по домамъ ополяченныхъ павовъ, отсутствіе строгости и даже извѣстный скоромъ въ постѣ католиковъ, смягчающій и индифферентизирующій привычки православныхъ¹⁾, все это и многое другое вмѣстѣ, особенно при голодѣ, обычно наступающемъ въ мартѣ, лишило бѣлорусскую масляницу всего крупнаго и яркаго, заставляя старыя черты ея только „угадывать по остаткамъ“²⁾.

Со второй недѣли поста крестьянство погружается въ усиленный трудъ, по причинѣ предстоящихъ лѣтнихъ работъ—у мужчинъ, и изготовленія всего необходимаго для Великодня—у женщинъ; но и эти работы, по словамъ собирателя, не обходятся безъ пѣсенъ, при чемъ молодежь распѣваетъ преимущественно волочобники съ особыми припѣвами: „Пѣйце, молодойцы, пѣйце!“ или: „Да виномъ, виномъ зелено!“, а пожилые чаще всего поютъ пѣсни благочестиваго и религіознаго содержанія, образцы которыхъ г. Шейнъ представить въ отдѣлѣ духовныхъ стиховъ.

Такъ идетъ дѣло до наступленія весны. Съ Благовѣщенья, почти по всей Бѣлоруссіи, дѣвушки начинаютъ гукаць вясну, и это кланье весны, прерываясь на время страстной недѣли, продолжается до Петровокъ. Періодъ этотъ особенно богатъ пѣснями; всѣ онѣ носятъ названіе весеннихъ (вясноускихъ), подраздѣляясь на особые отдѣлы, примѣнительно къ ближайшимъ праздникамъ: а) благовѣщенскія или собственно веснянки, б) великодныя, в) троицкія или духовскія и г) русальныя³⁾.

Приведа описанный г. Батуринымъ способъ гуканья въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской губ. (стр. 125), собиратель даетъ рядъ веснянокъ (ММ 123—135) и переходитъ къ пѣснямъ великоднымъ

¹⁾ Не въ этомъ ли кроется причина возможности въ Бѣлоруссіи смѣланію помояльничка и перенесенія праздника *Волося* съ масляной на первую недѣлю Великаго поста—у людей православныхъ, такъ строго чтущихъ этотъ постъ и особенно первую его недѣлю? О. И.

²⁾ П. *Безсоновъ*. Бѣлорусскія пѣсни. I, стр. 135.

³⁾ Въ этомъ подраздѣленіи весеннихъ пѣсенъ (стр. 125) собирателемъ не указаны пѣсни въ *Юрьевъ день*, хотя, при дальнѣйшемъ изложеніи, онъ посвящаетъ имъ довольно значительное мѣсто на ряду съ соответствующими обрядами (стр. 165—184). При строгой систематичности сборника въ прочахъ частяхъ, такое упущеніе или недосмотръ какъ-то особенно бросается въ глаза.

Установивъ подраздѣленіе этихъ пѣсенъ на собственно великодныя, имѣющія основныя черты бытового характера, и на волочебныя или волочебники — пѣсни поздравительныя, распѣваемые подъ окнами обывателей въ теченіе первыхъ трехъ дней свѣтлой недѣли, г. Шейнъ съ особенною подробностью останавливается на характеристикѣ этихъ послѣднихъ, при чемъ указываетъ на волочебники, какъ на исключительную принадлежность бѣлорусскаго народнаго творчества, и сообщаетъ нѣкоторыя данныя касательно этимологіи слова—волочебники, ссылаясь на свой прежній сборникъ, труды г. Безсонова и статью г. Шпилевскаго: „Волочебники въ Витебской губерніи“; при этомъ говоритъ объ исчезновеніи въ настоящее время приводимаго г. Шпилевскимъ названія волочебника—лаланиъ и производитъ это слово не отъ лела и ладо, какъ думаетъ этотъ изслѣдователь, но отъ слова аллелюя, встрѣчающагося, какъ припѣвъ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ этого рода. Рядомъ съ волочебниками г. Шейнъ даетъ краткія свѣдѣнія о ралѣпникахъ (въ Слонимск. у. Гродненск. губ.) и о кукольникахъ (въ Оршанск. у. Могилевск. губ.); въ заключеніе указываетъ на географическое распространеніе волочебниковъ, обнимающее въ настоящее время губерніи: „Витебскую, Минскую, Могилевскую, Гродненскую, Виленскую, Смоленскую, Псковскую и тѣ уѣзды Калужской, Орловской и Черниговской, гдѣ звучитъ еще, хотя уже въ ослабѣвшихъ отголоскахъ, бѣлорусское нарѣчіе“ (стр. 136). Это послѣднее свѣдѣніе довольно любопытно, если сопоставить его съ указаніемъ г. Безсонова, который приурочиваетъ волочебники „преимущественно къ Смоленской губерніи, называя послѣднюю даже классическою ихъ страной,“ между тѣмъ какъ эта губернія, по заявленію г. Шейна, дала ихъ наименѣе всего. Вслѣдъ за тѣмъ приводятся весьма длинныя и характерныя пѣсни волочебныя (№№ 136—151) и великодныя (№№ 152—158).

Къ числу выдающихся весеннихъ праздниковъ относится Юрьевъ день. Обрядности, соединенныя съ этимъ праздникомъ, сгруппированы собирателемъ въ значительномъ количествѣ (стр. 165—171). Здѣсь находимъ описаніе, какъ проводится этотъ день въ м. Дукинъ, Новосалександровск. у. Ковенск. губ., сообщенное г. Гайдуковымъ, въ Гродненск., Слонимск. и Пружанск. у. Гродненск. губ., сообщенное г. Корскимъ и учителемъ Свислочской семинаріи, по разказамъ учениковъ приготовительнаго класса Мышка и Кирима, въ с. Мошковѣ, Оршанск. у. Могилевск. губ. (изъ записей учениковъ народ-

наго училища). Тутъ же сообщаются нѣкоторыя повѣрья и примѣты, приуроченныя къ этому дню, по сообщенію гг. Гайдукова и Пржисецкаго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ковенской и Витебской губ. Вслѣдъ за этимъ идутъ соответствующія пѣсни (№№ 159—177).

Духовъ день и день Св. Троицы, Семухи, Сѣмка или зеленые святки, соединены у бѣлоруссовъ, какъ и во всей Россіи, съ украшеніемъ зеленью и съ завиваніемъ вѣнковъ; подробное описаніе этого послѣдняго обычая въ Смоленской губерніи собиратель сообщаетъ (стр. 185—191), пользуясь статьей г. Невѣровича, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ рядъ пѣсенъ троицкихъ и духовскихъ (№№ 178—200).

Такимъ образомъ дѣло доводится до русальной недѣли; переходя къ этой послѣдней, г. Шейнъ, пользуясь сообщеніями гг. Станкевича, Сѣкача и г-жи Рачинской, передаетъ нѣсколько любопытныхъ разказовъ, рисующихъ вѣрованія народа въ русалокъ (главнымъ образомъ въ Минской губерніи, стр. 196—198), а также приводитъ описаніе русальныхъ игръ и плясокъ (по сообщенію г. Батурнина) — въ с. Старожурковичахъ, Гомельск. у. Могилевск. губ., сопровождая это описаніе одною лишь пѣсней (№ 201).

Вслѣдъ за симъ собиратель помѣщаетъ пѣсни петровскія №№ 202—204), а послѣ нихъ описываетъ толоки и купалу. Казалось бы, петровскія пѣсни должны быть приурочены къ Петрову дню (29-го іюня), который правдпуется послѣ Ивана Купала (24-го іюня), а потому для соблюденія строгой послѣдовательности въ сборникѣ, къ которой собиратель очевидно стремился, слѣдовало бы эти петровскія пѣсни помѣстить послѣ купальскихъ, какъ это и было сдѣлано г. Шейпомъ въ его первомъ Бѣлорусскомъ сборникѣ. Недоумѣваемъ, почему допущено имъ здѣсь такое отступленіе, хоть по существу и неважное, но нарушающее стройность и систему, вообще отличающую этотъ сборникъ.

„Съ наступленіемъ Петрова поста начинаются такъ называемыя толоки ¹⁾, то-есть, вывозка на парное поле навоза“, описываетъ г. Никифоровскій (стр. 201—202) и приводитъ затѣмъ особенности этого обычая, съ его возницей и ковачемъ, съ его затылепой и наконецъ съ тою особенностью, что во время этой работы

¹⁾ Въ заголовкѣ къ этому описанію находимъ названіе *толока* и пѣсни *толочанскія*; здѣсь встрѣчаемъ *толоки*; интересно бы знать, равноправны оба названія, или преимущество за которыми-нибудь однимъ; въ оглавленіи, вѣроятно, опечатки—дважды повторенное: *пѣсни толочанскія*.

„никто не заводитъ рѣчи о самой работѣ“. „При этомъ нужно замѣтить, что на собравшихся для работы толочанъ и толочанокъ (приглашенныхъ сосѣдей, родственниковъ и друзей) поселане скорѣе смотрятъ какъ на гостей, а не какъ на рабочихъ“. Какъ смотреть на себя сами толочане, видно изъ помѣщенныхъ собирателемъ пѣсенъ (ЖМ 205—222); приведемъ послѣднюю изъ нихъ, записанную В. И. Носовичемъ:

Кабы мнѣ заўтра изъ ранку
Горѣлицы шклянку,
И тютюню люльку
И дзѣўку Ганнульку,—
Люльку паліў бы,
Горѣлицы піў бы,
И дзѣўку Ганнульку
Къ сабѣ прегуліў бы.
Пане господару
Ты съ Божжаго дару!
Маяшь хлѣба—солю
И гроши доволи.
Господынька гладка,
Дай ты наша матка!
Принимай гостей,
Кабы бывали часцей.

Принеси горѣлки
Сыру на талерки
И хлѣба бокатку,
И мяса лопатку,
Индккъ надзѣваны,
Пирогъ вакроплѣны,
И лешни латку,
Къ тому поросатку.
Добре намъ ту быци,
Даюць ѣсци, пици,
Тольки одна крывда,
Што свое носити.
Кабы одѣжу дали,
Да таѣ шановали,
Тогды мы до дому
А ни подумали.

Въ ночь на 24-е іюня совершается празднество Купалы. Праздникъ этотъ по справедливости можно считать средоточіемъ лѣтнихъ праздниковъ; обычаевъ, повѣрій и суевѣрій, соединенныхъ съ этимъ днемъ, особенно много, и въ сборникѣ г. Шейна посвящено имъ не мало мѣста (стр. 213—223); здѣсь находимъ описаніе обрядностей купалы въ Минской губ., заимствованное собирателемъ изъ статьи М. Дмитріева: „Обряды и обычаи западно-русскихъ крестьянъ“, (въ Памятной книжкѣ Гродненской губерніи на 1869 годъ); далѣе приводятся обрядности въ селѣ Бабчѣ, Лепельскаго уѣзда Витебской губерніи, записанныя г. Пржисецкимъ въ 1872 году, и наконецъ, имѣемъ описаніе купальскихъ обычаевъ въ различныхъ мѣстностяхъ Гродненской губерніи, сообщенное собирателю г. Никифоровскимъ. Пѣсенъ, приуроченныхъ къ этому празднику приведено около 30 (ЖМ 223—251).

Вскорѣ послѣ Иванова дня наступаетъ время полевыхъ работъ; начинается жатва (жниво), тяжелая пора; недаромъ великоруссы называють ее страдой. Неспроста приступаетъ бѣлоруссъ къ этимъ работамъ; передъ началомъ ихъ и во время продолженія оны соблюдаютъ давніе обычаи, которые и сгруппированы здѣсь собирателемъ.

Обряды, обычаи и проч., соединенные съ полевыми работами, по словамъ г. Шейна, „до сихъ поръ живутъ въ средѣ бѣлорусскаго населенія какъ всѣхъ шести губерній сѣверо-западнаго края, такъ и бѣлорусскихъ уѣздовъ Смоленской губерніи, хотя относительно въ блѣдныхъ копіяхъ, но исполняются еще довольно серьезно, правда не такъ строго, полно и повсемѣстно, какъ гдѣ 20, 30 тому назадъ. Съ прекращеніемъ обязательныхъ крѣпостныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику и съ замѣною, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, прежнихъ способовъ сѣва и сѣмки хлѣба новыми, напримѣръ, сѣвателя сѣвальною машиной, жатвы косой и т. п., стали мало по малу прекращаться и полевая обрядность и даже жатвенныя пѣсни. Но тѣ и другія, благодаря живучести своей природы, существуютъ еще однако въ достаточно богатомъ запасѣ, только равнодушіе мѣстныхъ образованныхъ обывателей къ явленіямъ жизни окружающаго ихъ крестьянскаго населенія виною тому, что доселѣ не собрано побольше этого рода этнографическихъ данныхъ, менѣе доступныхъ для наблюденія вѣвшему собирателю“ (стр. 238).

„Обычай и обряды“, говоритъ далѣе г. Шейнъ, — „относящіяся къ начальнымъ земледѣльческимъ работамъ,—къ приготовленію почвы и посѣву—присоединены къ особой статьѣ о домашнемъ хозяйственномъ бытѣ крестьянъ вообще, которая помѣщена въ концѣ этой части“. Тщательно перелиставъ всю эту первую часть, мы, къ сожалѣнію, не нашли этой интересной статьи; про нее собиратель или забылъ, или же по измѣнившемуся плану отнесъ, быть можетъ, къ одной изъ послѣдующихъ частей.

Вслѣдъ за симъ начинается описаніе собственно жатвенныхъ обрядовъ. „Еще за нѣсколько дней до начала жатвы“, по словамъ г. Шейна, — „хозяинъ обходитъ свою ниву, тщательно осматривая: нѣтъ ли гдѣ заломъ“ и т. д.; затѣмъ описываются обряды—зажинки (стр. 239) и дожинки или обжинки (стр. 265—270), сообщенные гг. Никифоровскимъ, Шеряевымъ, Безперчымъ, Корскимъ и Пржисецкимъ.

Что касается до пѣсенъ, сопровождающихъ эти работы и какъ бы облегчающихъ испытываемую тяжесть, то г. Шейнъ подраздѣляетъ ихъ „на два главные разряда: житныя¹⁾“ (см. №№ 252—265), распѣваемые при жатвѣ ржи или жита, и ярные (№№ 286—297), сопровождающія уборку яровыхъ хлѣбовъ“... „Оба эти разряда распадаются на два (?) подраздѣленія: а) на заживочныя, которыя поются при

¹⁾ Житныя, на стр. 237—вѣроятно, опечатка.

началѣ жатвы, на зажинкахъ, и б) на собственно живыхъ, которыя поются на нивѣ въ продолженіи всего рабочаго времени, отъ зажинокъ до послѣдняго дня уборки, и наконецъ, в) (?) на дожиночныя (см. № 298—336), которыя составляютъ необходимую принадлежность празднованія дожинокъ, или окончательной уборки послѣднихъ сноповъ какого-либо хлѣба" (стр. 237).

Этимъ заключаетъ собиратель кругъ празднествъ, въ которыхъ съ достаточною рельефностью сказалась бытовая жизнь бѣлорусса въ главнѣйшихъ ея моментахъ; этимъ же и заканчивается первый отдѣлъ книги. Можетъ явиться однако вопросъ: почему же собиратель, придерживаясь календарнаго порядка, не завершилъ, такъ сказать, своего круга исполнѣ, и начавъ съ конца декабря, не довелъ описанія различныхъ празднествъ до того же декабря; вѣдь съ конца полевыхъ работъ и до рождественскихъ праздниковъ есть же и у бѣлоруссовъ выдающіеся и чтимые всенародно дни; таковы: Спасъ (6-го августа), Спленіе (Успеніе—первая Пречистая), Чуды (Воспом. чуд. Арх. Мих. 6-го сентября), Вторая Пречистая (Рожд. Пресв. Богор. 8-го сентября), Покровъ (1-го октября), Дмитра (Дмитр. Солунск. 26-го октября) и соединенные съ этимъ днемъ поминки предковъ подъ названіемъ дзѣды; Юрій Осенній (26-го ноября) и наконецъ Никола Зимній (6-го декабря). Но пробѣлъ этотъ, по нашему мнѣнію, едва ли можетъ быть поставленъ въ большую вину собирателю; всѣ только-что перечисленные праздники носятъ на себѣ характеръ по преимуществу церковный¹⁾ и если соединятся съ ними кое-какія обрядности чисто бытоваго характера, то обрядности эти не на столько выдающіяся, чтобы могли служить значительнымъ дополненіемъ къ бытовой характеристикѣ, которая сказалась въ празднествахъ, собирателемъ описанныхъ. Праздники, нами перечисленные, не отличаются такимъ широкимъ общественнымъ характеромъ, и справляются крестьянами посемейно—каждымъ у себя. Объ одномъ развѣ можно пожалѣть—это объ отсутствіи описанія интересныхъ обрядовъ, соединенныхъ съ поминаніемъ предковъ—дзѣды; но, быть можетъ, собиратель, если только располагаетъ матеріалами, дастъ ихъ въ другомъ мѣстѣ, хотя бы послѣ похоронныхъ обрядовъ, на появленіе которыхъ въ печати, думается,

¹⁾ См. „Календарь по народнымъ преданіямъ во Воложинск. прих. Ошмянск. у. Вил. губ.“ *Г. Вермана* и *Вѣлор. пѣсни*, собр. *И. И. Посоичемъ* (*Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этн.*, т. V).

намъ, можно разчитывать точно также, какъ и на появленіе обрядовъ свадебныхъ.

Второй отдѣлъ книги посвященъ исключительно пѣснямъ, изъ которыхъ читателю самому предоставляется уже дѣлать выводы о такой или иной характеристикѣ народа ихъ сложившаго, или поющаго. Здѣсь помѣщены пѣсни бесѣдныя, бытовыя, шуточные и разгульныя, въ которыхъ бѣлорусскъ характеризуется главнымъ образомъ въ своей семейной жизни, съ ея горемъ и радостями, въ отлучкѣ отъ семьи — въ рекрутчинѣ и солдатчинѣ; наконецъ, въ нихъ рисуется юморъ народный и разгульная веселость. Для удобства такой характеристики собиратель положилъ, по видимому, не мало труда, распредѣливъ всѣ эти пѣсни по деталямъ заключающагося въ нихъ содержанія. Такъ, пѣсни бесѣдныя (№№ 337—549) раздѣлены на А) любовныя (№№ 337—426) и Б) семейныя (№№ 425—749). Любовныя въ свою очередь распадаются на слѣдующія группы: а) любовь дѣвушки, б) любовь молодца, отношеніе молодца къ роднымъ, в) потеря вѣнка (дѣвической чести) и ея послѣдствія; похищеніе дѣвушки. Семейныя содержатъ въ себѣ группы: а) жизнь женщины въ семьѣ мужа, любый мужъ; б) отношеніе мужниной родни къ женщинѣ; тоска по матери на чужбинѣ, отвошеніе родныхъ къ женщинѣ-бездольницѣ: братьевъ къ замужней сестрѣ; целюбий злой мужъ, исканіе себѣ смерти для избавленія отъ злаго мужа; нелюбая жена; бездольница-оборотень у родни въ саду; нелюбая невѣстка; свекровь-чародѣйка; превращенія; заступничество золовки; стараніе мужа избавиться отъ нелюбой жены; разные способы такого избавленія; в) жизнь вдовы; г) жизнь сироты; д) убійство; неудачный замыселъ заморить мужа; жена убиваетъ нелюбого мужа; мужъ убиваетъ жену по наговору матери; е) (г) отравы; сестра отравляетъ брата; дѣвушка отравляетъ казака.

Второй отдѣлъ пѣсенъ — бытовыя (№№ 550 — 607) подраздѣленъ на А) рекрутскія (№№ 550—576) и Б) солдатскія (№№ 577—607).

Отдѣлъ шуточныхъ пѣсенъ (№№ 608—647) включаетъ въ себѣ, между прочимъ, особый разрядъ пѣсенъ слѣдующаго содержанія (№№ 638—647): женатба и смерть комара; свадьба щыглика; свадьба воробья и сватовство совы; птицы на пиру у воробья; свадьба чечотки.

Послѣднему отдѣлу пѣсенъ — разгульнымъ (№№ 648 — 796) г. Шейнъ предпосылаетъ небольшую характеристику, гдѣ, между прочимъ, говоритъ: „Разгульныя пѣсни (въ народѣ онѣ неизвѣстны подъ какимъ-либо отличительнымъ названіемъ) весьма распростра-

невы въ средѣ сѣверо-западныхъ русскихъ крестьянъ, не исключая линчуковъ и черноруссовъ, и по содержанию своему чаще всего отличаются довольно рѣзкимъ сатирическимъ характеромъ" (стр. 529). Собиратель подраздѣляетъ ихъ на а) дударскія (№№ 648—650), при чемъ даетъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о дударяхъ, б) пѣяницкія или застольныя (№№ 651 — 657) и в) плясовыя (№№ 658 — 796); эти послѣднія въ свою очередь раздѣляются на а) плясовыя характерныя, „сопровождаемыя выдѣлываніемъ разныхъ фигуръ (напоминающихъ нѣсколько послѣднюю фигуру кадрили), какъ, напримѣръ, метелица, подушечка и пр., и б) разнаго рода припѣвки, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—скакухи, скакушки, плясухи и пр. Припѣвки бѣлорусскія, по замѣчанію г. Шейна, имѣютъ нѣкоторое сходство съ коломыйками галицкими (стр. 529—530).

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе сборника г. Шейна.

Для полноты обзора мы должны еще упомянуть здѣсь о „примѣчаніяхъ и приложеніяхъ" (стр. 573—585 и 1—4). Примѣчанія относятся, главнымъ образомъ, къ нѣкоторымъ пѣснямъ и касаются ихъ происхожденія, характеристика и сличенія съ инославянскими; сверхъ того, здѣсь приведена довольно большая выписка изъ упоминаемой въ текстѣ статьи Шпилевскаго: „Волочевники Витебской губерніи (въ газетѣ Русскій Дневникъ 1859, № 101); а также выписка изъ рукописнаго сборника Н. А. Руберонскаго, содержащая въ себѣ нѣкоторыя, не лишеныя этнографическаго интереса, данныя о татарскомъ населеніи Минской губерніи. Приложенія заключаютъ въ себѣ мелодіи 18 пѣсенъ изъ числа приведенныхъ въ сборникѣ; изъ нихъ одна записана г. Шипко, три г. Оскерко, пять г-жей Рачинскою, семь г-жей Спасскою съ голоса г. Шейна и двѣ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ также съ голоса г. Шейна.

Все это можно еще дополнить указаніемъ на два краткія предисловія — отъ редактора и отъ собирателя, на подробное оглавленіе (VII—XX) и на указатель мѣстностей, откуда доставлены пѣсни; изъ указателя видно, между прочимъ, что данныя, заключающіяся въ сборникѣ, обнимаютъ собою многочисленныя уѣзды восьми сѣверо-западныхъ губерній. Книга была бы еще полнѣе, замѣтимъ кстати, еслибы къ ней прибавленъ былъ списокъ многочисленныхъ сотрудниковъ г. Шейна.

Приведенное обзорное содержаніе сборника, полагаемъ, достаточно говорить о богатствѣ его содержанія и объ одномъ изъ выдающихся до-
часть ССЛХ, отд. 2.

стоянствѣ его — систематичности изложенія; то и другое, по всей справедливости, даютъ право этому новому сборнику стать на ряду съ солидными трудами по русской этнографіи.

То же обзорніе, полагаемъ, достаточно уяснило, что разсмотрѣнный сборникъ имѣетъ характеръ труда коллективнаго. Мы не безъ намѣренія отмѣчали здѣсь имена всѣхъ принесшихъ свой вкладъ на пользу этнографической науки. Съ этой точки зрѣнія сборникъ также имѣетъ свой интересъ; онъ показавъ, что на мѣстахъ, изобилующихъ любопытными этнографическими данными, находятся люди, способные сознательно отнестись къ окружающимъ ихъ явленіямъ и сохранить для науки то, что, быть можетъ, ускользнуло бы отъ вниманія временныхъ наблюдателей, а черезъ непродолжительное время и совсѣмъ изгладилось бы изъ памяти даже мѣстныхъ обывателей. Особенную важность въ этомъ отношеніи имѣютъ доставленныя г. Шейну описанія различныхъ обрядовъ; для наблюденія ихъ, безъ сомнѣнія, необходимо пожить на мѣстѣ — это, съ одной стороны, а съ другой — обрядъ быстрѣе исчезаетъ, нежели пѣсня. Все это заставляетъ насъ сказать отъ лица интересующихся этнографіей большое спасибо этимъ незамѣтнымъ и подчасъ совершенно скрывающимся подъ именами болѣе крупными, мѣстными дѣателямъ, которые, внося свои скромныя лепты, содѣйствуютъ созиданію стройнаго цѣлага, уясняющаго своими мелочными деталями явленія народной жизни, какъ современной, такъ еще болѣе жизни отдаленнаго прошлаго. Большой благодарности заслуживаютъ всѣ многочисленные записыватели и записывательницы какъ пѣсенъ этого сборника, такъ въ особенности и обрядовъ, вошедшихъ въ составъ его. Особого вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ Н. Я. Никифоровскій, обогатившій сборникъ г. Шейна многочисленными и обстоятельными описаніями различныхъ обрядовъ.

Личное участіе въ этомъ сборникѣ г. Шейна, какъ бы ускользающее отъ вниманія въ приведенномъ обзорніи, сознается тѣмъ не менѣе на каждомъ шагѣ. Помимо пѣсенъ и нѣкоторыхъ обрядовъ, лично имъ записанныхъ, весьма важная дѣятельность собирателя сказалась и въ другихъ отношеніяхъ. Упоминаемыхъ выше мѣстныхъ дѣателей г. Шейнъ по праву называетъ: „мои сотрудники и сотрудницы“ (стр. 124). Чѣмъ дѣльвѣе эти сотрудники и сотрудницы, тѣмъ больше заслуга г. Шейна, сумѣвшаго розыскать ихъ на мѣстахъ, привлечь къ этому все-таки не легкому дѣлу путемъ многочисленныхъ свопеній, путемъ заслуженнаго авторитета,

направлять къ наблюденію за тѣми именно сторонами народнаго быта, которыя наиболѣе заслуживаютъ интереса, наконецъ руководить ими въ работахъ и такимъ образомъ положить основаніе сборнику, который явился результатомъ дѣятельности, требующей большой опытности, энергіи и терпѣнія. Но этою предварительною дѣятельностью еще не исчерпывается личное участіе въ сборникѣ г. Шейна. Многочисленный матеріалъ, доставляемый изъ разныхъ мѣстъ разными сотрудниками и сотрудницами, наводитъ на новые вопросы, вызывающіе новыя сношенія, требуетъ провѣрки и ждетъ обработки, приведенія въ порядокъ; тутъ уже является работа крайне кропотливая, усидчивая, требуется знаніе какъ литературы, такъ и края, въ которыхъ нельзя не отдать г. Шейну полной справедливости; продолжительной собирательской дѣятельностью приобрѣтено первое и неоднократными поѣздками въ Вѣлоруссію усвоено второе. Благодаря всѣмъ этимъ даннымъ, только и можно было создать изъ добытыхъ матеріаловъ стройное цѣлое; и это несомнѣнная заслуга П. В. Шейна.

●. **Историческія.**

Дѣтскія игры преимущественно русскія (въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гигиеной). *Е. А. Покровская*. Москва. 1887.

Почти десять лѣтъ назадъ вышла книга г. Кривенка подъ названіемъ „Физическій трудъ какъ необходимый элементъ образованія“ (С.-Пб. 1879). Въ сочиненіи этомъ авторъ проводитъ мысль, что гимнастическія упражненія въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ школахъ, не достигаютъ своей цѣли, и что они должны бы быть замѣнены работами въ саду, въ полѣ и въ мастерскихъ. Г. Покровский, подобно г. Кривенку, не придаетъ большой цѣны гимнастическимъ упражненіямъ и во введеніи къ вышеозначенному труду доказываетъ необходимость замѣны ихъ играми, по преимуществу русскими. Мысль эта не новая и уже давно пропагандировалъ ее извѣстный англійскій писатель Гербертъ Спенсеръ въ своемъ сочиненіи „Научные, политическіе и философскіе опыты“. „Отрада“, говоритъ поименованный писатель, — „есть самое сильное изъ тоническихъ средствъ. Ускоряя обращеніе крови, она облегчаетъ отправленіе всѣхъ другихъ функцій и такимъ образомъ упрочиваетъ здоровье и восстанавливаетъ его, когда оно разстроено. Крайній интересъ дѣтей въ ихъ играхъ, буйная радость, съ которою они приступаютъ къ новымъ шалостямъ, столь же важны, какъ и сопровождающее ихъ движеніе. А гимнастика, не

дающая этихъ духовныхъ стимуловъ, тѣмъ самымъ представляетъ радикальный недостатокъ". Нашъ авторъ видитъ въ играхъ не только средство для тѣлеснаго упражненія, но и средство для умственнаго и нравственнаго воспитанія дѣтей. „На игры“, полагаетъ авторъ, — „слѣдуетъ смотрѣть какъ на существенно необходимый, элементарный классъ жизни, въ которомъ нерѣдко нарождаются, развиваются и совершенствуются первые задатки развитія физическихъ силъ и мыслей, перепосымаемыхъ потомъ и въ практическую жизнь“. Съ такимъ возрѣніемъ на игры авторъ не стоитъ одиноко. Многие авторитетные педагогическіе писатели придаютъ большое воспитательное значеніе не только играмъ товарищескимъ и одиночнымъ, но даже и игрушкамъ. Профессоръ Гейдельбергскаго университета Стой, бывший директоръ извѣстнаго воспитательнаго заведенія въ Іенѣ, въ своей „Домашней педагогикѣ“ измѣняетъ извѣстное изреченіе: „Скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу, что ты за человекъ“, въ примѣненіи къ дѣтскому возрасту такъ: „Покажи мнѣ твои игрушки, и я скажу, что ты за дитя“. Въ виду такой важности игръ, г. Покровский полагаетъ, что онѣ должны бы составить предметъ спеціальнаго изученія для врачей. „Изученіе игръ“, говоритъ онъ во введеніи (стр. 50), — „можетъ составить само по себѣ не малую, особую вѣтвь для познанія человека съ дѣтства; но такъ какъ изученіе это волей-неволей связывается съ необходимыми научными познаніями изъ области анатоміи, фізіологіи, гігіены и т. д., то очевидно, что наиболѣе плодотворнымъ изученіе дѣтскихъ игръ можетъ быть только тогда, когда оно будетъ интересовать собою гораздо болѣе врачей, какъ людей наиболѣе знакомыхъ съ только-что поименованными науками, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, и особенно если это изученіе составитъ собою отдѣльную отрасль педиатріи, спеціалистамъ которой, конечно, дѣтская натура должна быть болѣе знакома и понятна, чѣмъ кому-либо другому, а потому имъ удобнѣе давать публикѣ и необходимыя объясненія касательно вліянія игръ на здоровье и всякое другое развитіе дѣтей“.

Сознаніе важности игръ для дѣтскаго возраста заставило автора взяться, по его собственному выраженію, за скромную роль исследователя, описателя, отчасти критика и истолкователя дѣтскихъ игръ вообще, и особенно праятвующихся у насъ“. Другимъ мотивомъ для этого труда служило „глубоко досадное и обидное для русскаго чувства“ обстоятельство, усмотрѣнное авторомъ въ томъ, что въ существующихъ сборникахъ дѣтскихъ игръ, за „небольшимъ исключеніемъ, не оказывается

описанія игръ отечественныхъ. Способъ собиранія матеріала для книги, какъ сказано во введеніи (на стр. 51), состоялъ въ томъ, что авторъ разослалъ по разнымъ концамъ Россіи свои программы учителямъ, сельскимъ священникамъ, земскимъ дѣятелимъ и почетителямъ учебныхъ округовъ, отъ которыхъ и получились отвѣты, въ числѣ 2000.

Описанію игръ предпослана глава, въ которой изъясняются приемы, употребляемые дѣтьми передъ постановкой игры, а именно различныя формы жеребьевки, и затѣмъ описываются наказанія, налагаемыя дѣтьми за нарушеніе порядка въ теченіе той или другой игры. Самыя игры сгруппированы въ описаніи или по приспособленію къ возрасту, или по степени напряженія умственныхъ и физическихъ силъ, требуемыхъ ими отъ дѣтей, или же по тому, совершаются ли онѣ съ орудіями, или безъ орудій, на открытомъ воздухѣ, или дома, лѣтомъ или зимою. Такимъ образомъ въ книгѣ вышло 19 главъ подъ слѣдующими заглавіями: „Игры съ игрушками“; „Игры съ движеніями“; „Прыганье“; „Состязаніе въ стойкости“; „Игры съ вращательными движеніями“; „Символическія игры“; „Игры съ пѣснями и хороводами“; „Игры съ завязанными глазами“; „Игры съ веревочкой“; „Жгуты“; „Игры съ метательными орудіями“; „Игры съ мячомъ и палками“; „Игры съ шарами“; „Игры съ палками и деревяшками“; „Игры съ костями“; „Игры съ камешками“; „Домашнія игры“; „Зимнія игры“. При описаніи отмѣчается, въ какой губерніи или въ какомъ краю употребляется та или другая игра; иногда даются свѣдѣнія о приготовленіи орудій, и многія игры иллюстрируются рисунками. Сверхъ того, при каждой группѣ игръ сообщаются краткія гигиеническо-педагогическія свѣдѣнія, мѣстами со ссылкой на авторитетныхъ медиковъ, психологовъ и другихъ писателей, преимущественно иностранныхъ.

Вообще трудъ г. Покровскаго можетъ быть названъ у насъ въ своемъ родѣ единственнымъ. Правда, въ немъ замѣчается нѣкоторая неравномѣрность; такъ, напримѣръ, играмъ инородческимъ и особенно закавказскихъ народностей дано мѣста много, игръ же малороссійскихъ и польскихъ почти нѣтъ; точно также нѣтъ игръ литовскихъ. Но и того, что дается составителемъ, нельзя найдти ни въ одномъ печатномъ сочиненіи. Кромѣ того, въ книгѣ разсѣяно весьма много правильныхъ свѣдѣній объ играхъ у древнихъ и у нѣкоторыхъ новыхъ народовъ съ освѣщеніемъ и оцѣнкою, заимствованными большею частью у извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей.

Нельзя не отмѣтить только въ книгѣ не совсѣмъ правильныхъ воззрѣній на положеніе гимнастики въ нашихъ школахъ. По автору,

она всюду находится въ крайнемъ пренебреженіи, но въ дѣйствительности, этого нельзя сказать, прежде всего, относительно кадетскихъ корпусовъ, гдѣ на тѣлесное развитіе обращается достаточно вниманія; нельзя этого сказать также по отношенію къ учительскимъ институтамъ, учительскимъ семинаріямъ и городскимъ училищамъ, гдѣ на гимнастическія упражненія дается довольно времени; для низшихъ народныхъ школъ, особенно для сельскихъ, гимнастика была бы тягостью, какъ могутъ быть тягостны и игры, отъ введенія коихъ авторъ ожидаетъ большой пользы. Безспорно, упрекъ автора можетъ быть отнесенъ лишь къ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, гдѣ на занятіе гимнастикой отведено и мало времени; и не совсѣмъ удобной частью; во въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ начальники назначаютъ для тѣлесныхъ упражненій другое, противъ положеннаго, время, и тамъ, достоверно извѣстно, гимнастическія упражненія приносятъ пользу.

И. Б.

Новыя мысли въ области греческой метрики.

H. Usener. Altgriechische Metrik, ein Versuch vergleichender Metrik. Bonn. 1867.

Среди немалаго числа ученыхъ работъ въ области преподаванія древней метрики, какія появились за послѣдніе годы, наибольшаго вниманія заслуживаетъ безспорно книга боннскаго профессора Узенера съ выписаннымъ выше заглавіемъ. Небольшая по своему объему—120 страницъ малаго формата—книга эта даетъ неожиданно много новаго по старымъ, давно и многократно трактованнымъ въ ученой литературѣ вопросамъ. По свѣжести и новизнѣ мыслей, которыми подѣлился съ ученымъ міромъ почтенный профессоръ въ этомъ достойномъ ученой славы произведеніи, оно смѣло можетъ претендовать на званіе epochemachendes Werk, какъ выражаются нѣмцы. Исходя изъ одного спеціальнаго вопроса и оставаясь на почвѣ различныхъ частностей, авторъ обосновалъ здѣсь мысли, которыя должны въ будущемъ перестроить не только существующія нынѣ системы изложенія древней метрики, но даже измѣнить отчасти и самое содержаніе этой дисциплины, какъ она понималась филологами доселѣ. На мѣсто общей отвлеченной и трудно воспріемлемой теоріи, которая разсматриваетъ факты нѣлаго ряда нѣковъ жизни языка какъ бы проектированными на одну плоскость, какъ излагаютъ ме-

трику не только Крестъ но даже и Вестфаль, — должна, по почину Узенера, явиться впоследствии та же дисциплина въ обновленномъ видѣ, какъ живая историческая картина съ отчетливымъ пониманіемъ отдѣльных явленій въ ихъ временной и генеалогической послѣдовательности. Но если таково должно быть, думается намъ, мнѣніе всякаго филолога объ этой книгѣ, то слѣдуетъ прибавить, что самъ авторъ вовсе не даетъ своему изложенію такого плана, а словно дѣлаетъ лишь частныя прибавки къ тому, что уже давно стало общимъ достояніемъ въ ученомъ мірѣ.

Обиліе мыслей, которыми такъ богата эта небольшая брошюра, и множество частности, которыя трактуетъ или лишь мимоходомъ задѣваетъ въ ней авторъ, ставятъ весьма существенныя затрудненія для того, кто беретъ на себя по отношенію къ ней обязанность рецензента. Сжатость изложенія, отличающая эту книгу, какъ и всѣ произведенія Узенера, и богатство его мысли дѣлаютъ то, что для того, чтобы ознакомить вполне съ заключеннымъ въ книгѣ, надо было бы написать даже больше, чѣмъ сколько написалъ самъ авторъ. Чтобы освободить себя отъ этой обязанности и по возможности короче изложить важнѣйшее въ ея содержаніи, мы въ нашемъ отчетѣ не будемъ держаться порядка, какой далъ своимъ мыслямъ въ изложеніи самъ авторъ и сгруппируемъ главнѣйшее въ двѣ рубрики: 1) происхожденіе гекзаметра и 2) исконный арійскій стихъ.

I. Вопросъ о происхожденіи гекзаметра былъ поставленъ уже давно. Известный филологъ *Θ. Бергъ* въ своей брошюрѣ „*Ueber das alteste Versmass der Griechen*“, появившейся въ 1854 году, поставилъ его и рѣшилъ въ такомъ смыслѣ: гекзаметръ возникъ путемъ сложения двухъ метрическихъ цѣлыхъ, которыя существовали какъ самостоятельныя формы стиха въ народной поэзіи грековъ. Въ своемъ опредѣленіи этихъ короткихъ стиховъ Бергъ исходилъ изъ факта существованія цезуры *pentemimeres*, которая обыкновенно считается нормальною цезурой гекзаметра. Дѣля по ней гекзаметръ, Бергъ получалъ слѣдующія два ритмическія предложенія.

$$\begin{array}{c} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \\ \approx \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \end{array}$$

Въ первомъ изъ нихъ Бергъ видѣлъ такъ-называемый *enchorion*, то-есть:

$$\times \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$$

лишенный своего анакруса. Стихъ этотъ въ полнотѣ своей формы

встрѣчается въ произведеніяхъ Сафо. Такъ, напримѣръ, 82 фрагментъ (Poetae Iyrici graeci. ed. Bergk. III. 1882).

Ἀβτα δὲ σὺ Καλλιόκα.

Что же касается второй половины гекзаметровъ дѣленія Бергка, то это весьма извѣстный стихъ, а именно: *ragolmiasos*. Узенеръ, отдавая должное заслугѣ Бергка и признавая за нимъ инициативу въ историческомъ изслѣдованіи греческой метрики², считаетъ однако его объясненіе происхожденія гекзаметра механическимъ и утверждаетъ, что оно находится въ противорѣчій съ фактами (р. 44). Узенеръ, какъ и Бергъ, дѣлитъ гекзаметръ на двѣ половины; но раньше чѣмъ высказать свою теорію, онъ устанавливаетъ путемъ анализа Гомерова текста факты, которые позволяютъ утверждать, что дѣлить гекзаметръ на двѣ половины слѣдуетъ не тамъ, гдѣ дѣлалъ это Бергъ. Противъ Бергка говоритъ то обстоятельство, что цезура *penhemimeres* не имѣетъ еще у Гомера значенія нормальной и преобладающей въ гекзаметрѣ. Такъ изъ 609 стиховъ первой пѣсни Иліады лишь 227 стиховъ имѣютъ эту цезуру, а 310 стиховъ имѣютъ цезуру *κατὰ τρίτου τροχαίου*. Важность этого обстоятельства усиливается тѣмъ, что „троханческая діереза“ (такую терминологию выдерживаетъ Узенеръ) преобладаетъ въ завѣдомо древнихъ частяхъ Иліады. Такъ въ пѣснѣ о Діомедѣ и Главкѣ—Z 119—236—на 114 стиховъ общаго числа 71 стихъ имѣетъ троханческую діерезу, и лишь 42 стиха „обычную“ цезуру гекзаметра, то-есть, *penhemimeres*. Отсюда получается вѣроятность, что въ поискахъ за ритмическими цѣлыми, составившими своимъ соединеніемъ гекзаметръ, слѣдуетъ исходить не отъ „обычной цезуры“, а отъ троханческой діерезы. Анализомъ нѣкоторыхъ стиховъ Гомера Узенеръ доказываетъ существованіе слѣдовъ той „снאיки“, которая произошла здѣсь отъ соединенія воедино двухъ короткихъ стиховъ.

По общей схемѣ гекзаметра троханческая діереза должна приходиться между двумя краткими слогами третьяго дактиля. Но при внимательномъ рассмотрѣніи нѣкоторыхъ стиховъ Гомера оказывается, что въ нихъ передъ діерезой или послѣ нея является долгій слогъ вмѣсто краткаго. Это свидѣтельствуетъ, что мѣсто это трактуется какъ начало и конецъ ритмическаго цѣлаго. Сюда относятся двѣ категоріи фактовъ. Первую составляютъ стихи, гдѣ долгота слога, заканчивающаго первую половину гекзаметра, не существуетъ въ текстѣ Гомера, какъ мы его читаемъ, но гдѣ мы должны ее признать въ первоначальной формѣ стиха. Разумѣемъ восстановленіе ди-

гаммы, звука, который, какъ то несомнѣнно, слышался какъ живой въ древнѣйшемъ видѣ Гомерова эпоса. Таковъ, для примѣра, ст. 141 первой пѣсни Илиады:

'Αλλ' ἄγε νῆα μέλαιναν ἐρύσομεν εἰς ἄλα διαν.

Глаголь ἐρύσιν, то-есть, *φέρουσιν*, довольно часто въ разныхъ своихъ формахъ начинаетъ вторую половину гекзаметра у Гомера. Узенеръ приводитъ до десяти стиховъ, гдѣ оказывается то же явленіе, что и въ ст. А 141. Такъ:

δ 577=λ 2: νῆας μὲν κάμπρωτον || *φέρουσιν* εἰς ἄλα διαν, и далѣе: κ 403, Ρ 635=713, ρ 479, τ 481, θ 34, π 348.

Число стиховъ, въ которыхъ придется признать то же самое явленіе, возрастетъ весьма значительно, если возстановить дигамму въ слѣдующихъ родственныхъ между собою словахъ, составляющихъ имена собственныхъ и эпитеты: 'Εχάρη, 'Εχηβόλος, 'Εχάτη, 'Εχατηβόλος, 'Εχατηβελέτης, 'Εχάρως, 'Εχαδημος, 'Εχатос, 'εχαβολία. Изъ многихъ приведенныхъ авторомъ примѣровъ укажемъ на слѣдующіе стихи:

Α 438: ἐκ δ' ἑκατόμβην βῆσαν || *φεχηβόλφ* 'Απόλλωνι.

Α 21: ἄζόμενοι Διὸς υἱὸν || *φεχηβόλον* 'Απόλλωνα.

Въ другой категоріи фактовъ то же самое метрическое явленіе еще очевиднѣе, ибо оно дано намъ непосредственно въ текстѣ Гомера, какъ мы его читаемъ теперь. Если его обыкновенно игнорируютъ, то лишь въ силу неправильнаго, какъ утверждаетъ Узенеръ, объясненія. Сочетаніе двухъ согласныхъ, изъ которыхъ первая muta, а вторая liquida, составляетъ у Гомера долготу по положенію (positio). Въ такихъ завѣдомо древнихъ частяхъ Гомерова эпоса, какъ бесѣда Гектора съ Андромахой и повѣствованіе о Діомедѣ и Главкѣ, сочетаніе тръ внутри слова въ слабой части стопы составляетъ positio:

446 и 468—πατρός,

215—πατρώιος.

Отсюда слѣдуетъ, что въ стихахъ:

Z 479 καὶ ποτὲ τις *φείψει* || πατρός γ' ὄδε πολλὸν ἀμείνων.

и Γ 384: ὄν νόμφη τέκε νηῖς || 'Οτρυνῆι πολικόρθφ—

начало второй половины гекзаметра есть несомнѣнно долгій слогъ. Узенеръ полагаетъ, что и сочетаніе тр должно быть признано составляющимъ positio. Обиліе случаевъ, гдѣ съ этого сочетанія (напримѣръ, въ предлогахъ πρός, πρό) начинается вторая половина гекзаметра, вовсе не доказываетъ того, будто сочетаніе это не имѣетъ

силы дѣлать предшествующій слогъ долгимъ; а напротивъ оно свидѣтельствуесть, что первоначально мѣсто троиханческой діэрезы трактуется, какъ конецъ и начало самостоятельныхъ ритмическихъ предложений. Изъ множества приведенныхъ Узенеромъ стиховъ, сюда относящихся, укажемъ на слѣдующіе:

Ν 799: *κυρτὰ φαληρίωτα*, || *πρὸ μὲν τ' ἄλλ', αὐτὰρ ἐπ' ἄλλα.*

Ρ 545: *οὐρανὸθεν καταβάσα·* || *προῖχα γὰρ εὐρύοπα Ζεὺς.*

Λ 648: *μῦθοισι πέροντο* || *πρὸς ἀλλήλους ἐνέποντες.*

Σ 388: *ὡς ἄρα φωνήσασα* || *πρόσω ἄγε δία θεάων.*

Въ цѣльномъ гекзаметрѣ, когда онъ существовалъ какъ давно сложившійся и единый въ своемъ существѣ стихъ, гласный звукъ, приходившійся передъ сочетаніемъ *κρ* въ этихъ и имъ подобныхъ стихахъ разсматривался какъ краткій. Узенеръ готовъ допустить, что именно обиліе подобныхъ случаевъ и повліяло на то, что сочетаніе *muta cum liquida* повдѣе вообще не составляло *positio*. Не такъ часто, какъ сочетаніе *κρ*, попадаетъ послѣ троиханческой діэрезы, и сочетаніе согласныхъ *τρ* и *κρ*. Для примѣра укажемъ —

Ξ 314: *νῶϊ δ' ἄγ' ἐν φιλότῳτι* || *τραπέριον ἐνηθάντε*

и весьма часто повторяющійся полустихъ (В 205, 319; Δ 75, Μ 450 и др.):

Κρόνου πάς ἀρχολομήτω.

Итакъ, у Гомера въ цѣломъ множествѣ стиховъ троиханская діэреза сопровождается своеобразнымъ явленіемъ въ метрической природѣ гекзаметра. Стихи совершенно такого же характера констатируетъ Узенеръ и среди гекзаметровъ, дошедшихъ до насъ въ видѣ надписей и надписаній на разныхъ предметахъ. Такъ, на одной чашѣ, найденной при раскопкахъ Аполлонова храма на островѣ Делосѣ, читается слѣдующее двустишіе:

Ἴουαίεος μ' ἀνέθηκον Κάλλωνος ὕπερ φίλ' Ἀπολλόν

Τήνδε συναμφεραίς εὐτοχίην ἔκασον.

На одной посвятительной надписи, найденной въ Аѳинскомъ акрополѣ, читается слѣдующій гекзаметръ ¹⁾:

Διογέν(ης) ἀνέθηκον Αἰσχύλου ὕς Κερ[α]λῆος.

На малоазійскихъ надписяхъ изъ разныхъ мѣстъ встрѣчается гекзаметръ, заключающій въ себѣ формулу проклятія:

ὄρφανὰ τέχνα λίπειτο, χῆρον βίον οἶχον ἔρημον.

¹⁾ С. I. А. I, n. 398

Раскопки въ Олимпіи дали, между прочимъ, слѣдующую надпись, принадлежащую V вѣку:

Ξυόν Ἀθανοδώρου τε καὶ Ἀσπιδώρου τόδα φέρρον,
χῶ μὲν Ἀχαιοί, δ' δ' ἐξ Ἀργεος εὐρυχόρου.

Тотъ, кто сочинилъ эти стихи, помѣнцаль—какъ предполагаетъ Узенеръ—вмѣсто именъ на -δωρος соотвѣтствующихъ имъ имена на -δотас. Возстановляя ихъ, получаемъ такой гекзаметръ:

Ξυόν Ἀθανοδότου τε || καὶ Ἀσπιδότου τόδα φέρρον.

Въ этой своей формѣ гекзаметръ съ очевидностью свидѣтельствуеъ, что его авторъ ясно сознавалъ самостоятельность обѣихъ частей гекзаметра. О томъ же самомъ говорятъ два весьма древніе гекзаметра, въ которыхъ троханческая дѣреза сопровождается интерпунктомъ. Одинъ изъ нихъ читается на надписи, найденной въ 1883 году въ Элизияни, написанной *bustrophedon*.

Ἀλ(λ)όμενος νίκησεν Ἐπαίνετος οὐνεχα τοῦδα

Другой, древность котораго (VII—VI в. до Р. X.) выдаетъ присутствіе буквы копна, читается такъ (С. I. A. I, 355):

Κοῦ[φαγόρας μ' ἀνέθη]κεν Διὸς γλαυκῶπιδι κοῦρη.

Значеніе указанныхъ фактовъ подтверждается и возрастаетъ привлеченіемъ одного мѣста Аристотелевой метафизики, на которое обратилъ вниманіе автора Дильсъ. Помня о пристрастіи къ аналогіямъ, которое характеризовало пнеагорейцевъ, Аристотель сравниваетъ ихъ съ „древними Гомериками“, которые замѣчаютъ мелочи, а прозрѣваютъ большое и важное. Онъ приводитъ одну изъ такихъ мелочей: λέγουσι δὲ τινες ὅτι πολλὰ τοιαῦτα, οἷον αἶ τε μέσαι ἢ μὲν ἐννεά ἢ δὲ ὀκτώ, καὶ τὸ ἔπος δεκαεπτά, ἐσαριθμον τοῦτοισ. Βρίσκεται δ' ἐν μὲν τῷ ἐπιφ' ἐννεά συλλαβαῖς, ἐν δὲ τῷ ἀριστερῷ ὀκτώ. (Met. p. 1093=lib. XIII, c. VI, 6.).

Итакъ, древніе толкователи Гомера дѣлили гекзаметръ (ἔπος) на двѣ половины, отводя 8 слоговъ въ „лѣвую“ половину и 9 въ „правую“. Древніе комментаторы Аристотеля выводили изъ его словъ существованіе такой схемы дѣленія гекзаметра:

— — — — — || — — — — —
правая сторона—9 лѣвая—8

Но подобное дѣленіе гекзаметра является совершенно бессмысленнымъ. Приурочивъ слова правый и лѣвый инымъ образомъ, мы получимъ дѣленіе гекзаметра на двѣ половины по троханческой дѣрезѣ:

Первая область ему была знакома; что же касается до славянскихъ языковъ, то авторъ имѣлъ въ распоряженіи лишь ограниченный матеріалъ, будучи принужденъ пользоваться только тѣмъ, что опубликовано на нѣмецкомъ языкѣ. Но намъ не трудно доволнить тѣ немногіе чешскіе примѣры, которые приводитъ авторъ, русскими изъ разныхъ нарѣчій и тѣмъ самымъ лучше обставить его доказательство, чѣмъ какъ то сдѣлано въ его книгѣ.

Германцы искони имѣютъ стихъ съ четырьмя повышеніями. Таковъ стихъ германскаго народнаго эпоса. Ритмъ обусловленъ присутствіемъ повышеній, но число слоговъ не имѣетъ въ этомъ стихѣ того значенія, какое дается ему въ искусственной поэзіи. Стихи не одинаковой длины чередуются здѣсь съ полною свободой. Слогъ съ повышеніемъ можетъ одинъ составить стопу. Стихъ народной поэзіи германской, какъ онъ живетъ теперь въ устахъ народа, позволяетъ констатировать ослабленіе заключительной стопы (*Verwitterung des Auslauts*, какъ выражается Узенеръ). На ряду со стихами съ четырьмя повышеніями можетъ являться стихъ съ тремя ударяемыми слогами, при чемъ ритмически онъ равенъ болѣе длинному стиху. Въ примѣръ этого явленія Узенеръ приводитъ слѣдующую пѣсню:

Dort unten an dem Rheine
Da ist ein Berg bekannt,
Der trägt ein guten Weine,
Rüdesheimer genannt,
Der hat ein geistlich Art an sich,
Macht äusserlich und innerlich.

Исчезновеніе слабой части есть явленіе вполне заурядное въ нѣмецкихъ народныхъ пѣсняхъ. Для примѣра укажемъ на слѣдующіе стихи:

O Stráßbürg, o Stráßbürg,
Du, wunderschöne Stadt,
Darinnen liegt begraben
So manicher Soldat.

Первый стихъ имѣетъ здѣсь такую схему:

— / — / — / — / — / — /

третій:

— / — / — / — / — / — /

второй и четвертый:

— / — / — / — / — / — /

Разсматриваемые какъ метрическія цѣлыя всѣ эти различные стихи оказываются равными между собою.

Совершенно такую же природу имѣетъ славянскій народный стихъ. Въ примѣръ Узенеръ приводитъ слѣдующую чешскую коладку:

Koleda koleda Štěpane,
Co to neseš ve džbaně?
nesu nesu koledu,
upadl jsem ni na ledu,
rži se na mě sběhli,
Koledu mi snědli.

Метрическая схема этой пѣсни будетъ такова:

первый стихъ: — —   — — / — —
второй и третій: / —   — / — — /
четвертый: —   / —   / — — / —
пятый: / —   / —   / —
шестой: / —   —   / / —

Въ основѣ размѣра этой пѣсни лежатъ стихъ съ четырьмя повышеніями, но число слоговъ въ отдѣльныхъ стихахъ различно, и слабая часть стопы (arsis) можетъ исчезать безслѣдно для природы стиха. Какъ примѣръ русской народной пѣсни, въ которой съ полною наглядностью выступаютъ тѣ же метрическія явленія, позволимъ себѣ привести всѣмъ извѣстную малорусскую пѣсню:

Ой, за гаємъ, гаємъ,
Гаємъ зелоненькимъ,
Тамъ орала двѣчиновка
Волькомъ черненькимъ.

Метрическая схема будетъ такова:

— / — / —
/ —   — / —
/ —   / —   / — — / —
/ —   / —   / —

Полный четырехстопный троханческій стихъ, третій въ метрическомъ отношеніи совершенно равенъ болѣе краткимъ стихамъ (1, 2, 4). Третій стихъ имѣетъ 4 повышенія, остальные $3\frac{1}{2}$; или же можно сказать, что въ болѣе короткихъ стихахъ послѣдняя стопа состоитъ изъ двухъ повышеній съ упраздненіемъ слабой своей части (arsis).

Музыкальное и метрическое тожество различныхъ въ метрическомъ отношеніи стиховъ дано хотя бы въ извѣстномъ припѣвѣ нашихъ великорусскихъ пѣсенъ:

Дунай ли мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай.

Схема здѣсь такая:

×   —   /   —
—   —   —   —   /   —   —

Здѣсь стихъ въ три повышенія съ анакрузой равенъ со стихомъ, не имѣющимъ ея.

Возьмемъ еще примѣръ, заимствовавъ его изъ области народной поэзіи бѣлоруссовъ ¹⁾:

Цыганъ—рыганъ!
Продавъ душу за лягушу,
Продавъ жонку за кошонку,
Продавъ хату за лопату,
А матку за швайку,
Купивъ балабайку.

Схема здѣсь такая:

      /   /   /   /
/   —   /   —   /   —   /   —   (три раза)
×   /   —   ×   /   —
×   /   —   —   /   —

Въ первомъ стихѣ здѣсь, несомнѣнно, четыре стопы съ полнымъ упраздненіемъ всѣхъ слабыхъ частей (arsis).

Короткій стихъ съ четырьмя или тремя съ половиной повышеніями существовалъ у италиковъ. Узенеръ приводитъ только одинъ примѣръ, изъ пѣсни арвальскихъ братьевъ:

Enós Lasés iuváto,
Enós Marmór iuváto.

Позволимъ себѣ указать еще на два заклія. Первое сохраненное Варрономъ (de re rustica I, 2, 27):

Terra pestem teneto
Salus hic maneto.

¹⁾ Романозъ, Бѣлорусскій сборникъ, т. I. Кіевъ. 1886, стр. 177.

и второе—Катонѣмъ (de agricultura, с. 160):

hanat hanat hanat
ista pista sista.

Плутархъ сохранилъ намъ одинъ образецъ народнаго литургическаго гимна (quaest. gr., 36). На праздники Діониса въ Элидѣ женщины взывали къ богу въ такихъ стихахъ:

ἐλθεῖν, ἦρω Διόνυσος,
'Αλειῶν ἐς ναὸν
ἀγνὸν σὺν Χαρίτεσσιν,
ἐς ναὸν,
Γῆ βοῆφ ποδῆ θύων.
ἄξιε ταῦρα, ἄξιε ταῦρα.

Узнеръ изъясняетъ метрическую схему этихъ стиховъ такъ:

— / — / — — / ˘
— — — / / ˘
— / / — — / ˘
| : — ˘ : |
— — — — / ˘
/ — — / — / — — / —

и предлагаетъ слѣдующую общую характеристику: „Хотя склонность къ дактилическому теченію здѣсь уже замѣтна, но дактиль является только какъ случайная форма смѣны тезиса и арзиса, и опредѣляющій элементъ стиха заключается еще единственно въ повышеніяхъ. Повсюду четвертое повышеніе ослаблено до полутона... Упраздненіе части стопы попадаетъ въ двухъ стихахъ; одинъ разъ при встрѣчѣ внутри стиха двухъ повышеній можно съ большою вѣроятностью принять ослабленіе втораго изъ нихъ (стихъ 4)* (р. 71).

Въ сравненіи съ этимъ образцомъ литургической лирики оказывается гораздо болѣе развитымъ въ отношеніи формы единственный въ своемъ родѣ образецъ народнои пѣсни, которая распѣвалась дѣтьми на островѣ Родосѣ въ привѣтствіе весны. Текстъ этой пѣсни, дошедшей до насъ у Аэнея, Узнеръ даетъ въ слѣдующемъ видѣ:

Ἦλυ' ἦλυε χελιδῶν
καλὰς ὥρας ἄγουσα
καὶ καλοῦς ἐνιαυτοῦς.

'Εκί γαστέρα λευκά, 'πι νῶτα μέλαννα.

8. Παλάθαν οὐ προκυλαῖν ἐκ πίονος οἴκου
Οἴνου δὲ δέκαστρον τρωῶ δὲ κανόστρον.
Κατορῶνα χαλιδῶν καὶ λαχιθίτον
Οὐκ ἀποθαῖται.

'Ακίωμας ἤ λαβόμεθα;

10. Εἰ μὲν τι δῶσαις, εἰ δὲ μὴ, οὐκ εἰσσομεν.

ἢ τὰν θύραν φέρωμας ἢ θοοκέρθορον

ἢ τὰν γυναῖκα τὰν εἴθε καθημέναν·

μικρὰ μὲν ἔσσι, ῥαδίως μιν οἴσομεν.

ἄν δὴ φέρης τι, μέγα δὲ τι φέροις.

"Ἄνοιγ' ἀνοιγε τὰν θύραν χαλιδόνι·

οὐ γὰρ γέροντές εἰσμεν ἀλλὰ παῖδια.

Первые три стиха имѣютъ три съ половиной повышенія. Затѣмъ слѣдуютъ четыре стиха, изъ которыхъ каждый распадается на двѣ половинны. Это—растяженная форма стиха съ четырьмя повышеніями, съ анакрузой. Стихъ 8-й представляетъ ритмическое заключеніе со своими сталкивающимися повышеніями; 9-й стихъ есть ямбическая тетраподія, 10-й—13-й—ямбическій триметръ; стихъ 14-й таковъ же, какъ стихи 4-й—7-й.

Въ связи съ изъясненіемъ метрическаго строя этой народной пѣсни Уэенеръ подвергаетъ анализу цѣлый рядъ метрическихъ надписей, дошедшихъ до насъ изъ разныхъ мѣстъ Греціи на камняхъ и на разныхъ предметахъ, въ которыхъ можно констатировать все тотъ же самый первоначальный стихъ въ четыре повышенія (pp. 85—89). Одною изъ формъ разившихся изъ этого исконнаго стиха и былъ *ραγοῖσιαις οα*. Древность этого разиѣра засвидѣтельствована въ самомъ его имени, отъ слова — *καρομία* (пословица). Гэфэстіонъ въ своемъ *'Εγγυαρίδιον* (стр. 8) замѣчаетъ: τὸ δὲ δίμετρον καταληκτικὸν χαλιταῖται μὲν καρομιακόν, διὰ τὸ καρομίας τινὰς ἐν τούτῳ τῷ μέτρῳ εἶναι. Продолжительнымъ трудомъ разныхъ ученыхъ собрано до 116 пословиць, закрѣпленныхъ въ этомъ стихѣ.

Въ текстъ Гомера и Гесіода введены нѣкоторые изъ нихъ; на выдѣленіи ихъ изъ текста и опредѣленіи ихъ первоначальной формы останавливается Уэенеръ въ III главѣ своего изслѣдованія (pp. 44—54). Отсылая читателя къ этимъ интереснымъ страницамъ, возвращаемся къ вопросу о гексаметрѣ.

Уэенеръ полагаетъ (р. 96), что сложеніе длинныхъ стиховъ, куда принадлежитъ и гексаметръ, было уже фактомъ раздѣльнаго члота осых, отд. 2.

развитія національностей. Въ дошедшихъ до насъ остаткахъ греческой поэзіи можемъ мы еще констатировать свободную форму гекзаметра изъ сложенія двухъ короткихъ стиховъ. Таковы слѣдующіе стихи Сапфо:

Ἦψι δὴ τὸ μέλαθρον Ἰμήναον
 ἀέρρειε τέχτονας ἄνδρες Ἰμήναον
 γάμβρος ἔρχεται ἴσος Ἄραυι (Ἰμήναον)
 ἄνδρος μεγάλῳ πόλυ μείζων' (Ἰμήναον).

Здѣсь передъ нами два короткихъ стиха. Они приведены въ связь: первый начинается съ повышенія, второй съ пониженія, но они еще самостоятельны. „Смѣна пониженій уже опредѣлена, но въ 1-мъ и 3-мъ стихахъ дактилическая стопа замѣняется еще трохеемъ“. Такую же неполную сложенность гекзаметра видитъ Узенеръ и въ фрагментѣ изъ стихотворенія Сапфо, которому подражалъ Катуллъ въ своемъ 62 стихотвореніи.

φέρεις οἶν, φέρεις αἶγα, || φέρεις ἀπο μητέρι καίδα.

Сюда же привлекаетъ Узенеръ также и слѣдующіе фрагменты изъ Сапфо: 99, 100, 106, 109. Такимъ образомъ, и въ ту пору, когда существовалъ уже сложившійся эпическій размѣръ, живы были тѣ основныя формы, изъ которыхъ опъ сложился, и греческіе лирики, создавая богатую самими формами греческую метрику, развивали элементы, существовавшіе искони въ народномъ словесномъ творествѣ эллиновъ.

Юліанъ Мулаковскій.

Замѣтка по поводу статьи **Θ. Γ. Мищенко** о „Скиескихъ древностяхъ“.

Критика г. Мищенко на мое сочиненіе о скиескихъ древностяхъ, появившаяся въ сентябрьской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Пр., кажется мнѣ во многихъ отношеніяхъ вполне справедливою. Г. Мищенко давно спеціально занимается вопросами, которыхъ я касался въ своемъ сочиненіи, и несомнѣнно весьма опытенъ въ этомъ дѣлѣ. Потому, если я и рѣшаюсь отвѣчать на критическія замѣчанія ученаго рецензента, то лишь съ цѣлью разъяснить нѣкоторыя изъ любопытныхъ и спорныхъ вопросовъ, затронутыхъ имъ въ своей рецензіи ¹⁾.

¹⁾ Вопросъ о языкѣ я оставляю въ сторонѣ, такъ какъ вмѣстѣ съ рецензентомъ признаю его необработанность.

Въ своемъ сочиненіи о скинскихъ древностяхъ я пытался дать возможно полный систематическій сводъ географическихъ, этнографическихъ, хронологическихъ, бытовыхъ и культурныхъ данныхъ о древнихъ племенахъ, вѣроятно—арійскаго происхожденія¹⁾, жившихъ въ южной части восточно-европейской равнины съ древнѣйшаго времени до начала великаго переселенія народовъ. Матеріаломъ для такого рода работы могли служить письменные источники и вещественныя данныя. И тѣ, и другія въ равной мѣрѣ обращали на себя мое вниманіе, но такъ какъ г. Мищенко въ своей рецензій первыя не касается, то и я остановлюсь здѣсь лишь на характерѣ послѣднихъ. Пользоваться вещественными данными для изображенія скинской старины возможно было, лишь разсмотрѣвъ предварительно этотъ матеріалъ съ топографической, этнографической и хронологической точки зрѣнія. Топографическая точка зрѣнія дозволяла мнѣ воспользоваться лишь тѣмъ матеріаломъ, который найденъ былъ на пространствѣ древней Скиаіи, но ея исключительность смягчалась тремя соображеніями. Во-первыхъ, мѣстонахожденіе даннаго предмета въ предѣлахъ древней Скиаіи давало поводъ къ ближайшему опредѣленію его достоинствъ, какъ источника для изображенія скинской старины, но не исключало возможности пользоваться памятниками, найденными и внѣ предѣловъ древней Скиаіи, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы спены изъ греческой мѣнологіи на чертомылицкой пластинѣ признать скинскими, или скинскаго царя—на кулюбской вазѣ—греческимъ. Во-вторыхъ самые предѣлы древней Скиаіи не допускали вполнѣ точнаго опредѣленія. По извѣстіямъ, сообщаемымъ Геродотомъ, можно было еще кое-какъ себѣ представить разселеніе скинскихъ племенъ; но до временъ Геродота и въ позднѣйшее время до Р. Х. нельзя было ручаться въ томъ, чтобы эти границы оставались тѣми же, а между тѣмъ мы имѣемъ цѣлый рядъ археологическихъ памятниковъ по времени происхожденія или болѣе раннихъ, или болѣе позднихъ, чѣмъ тотъ вѣкъ, въ которомъ жилъ отецъ исторіи.

Въ виду этихъ соображеній я долженъ былъ на ряду съ извѣстіями греко-римскихъ авторовъ и результатами раскопокъ на пространствѣ древней Скиаіи, принять во вниманіе находки, сдѣланныя и внѣ ея

¹⁾ В. О. Миллеръ, въ рефератѣ своемъ „Къ вопросу о происхожденіи Скиаіи“ (см. *Извѣстія о занятіяхъ VII Археологическаго съѣзда въ Ярославѣ*. Ярославль. 1887, № 11, стр. 9—10), также держится правской гипотезы.

предѣловъ, если послѣднія согласовались съ вышеуказанными болѣе достовѣрными данными. Вотъ почему я воспользовался многими открытіями, сдѣланными на сѣверномъ побережьи Чернаго моря и отчасти въ области рѣки Кубани, всюду однако указывая мѣстонахождение предметовъ, которыми я пользовался, и предоставляя такимъ образомъ самому читателю соглашаться или не соглашаться съ моимъ мнѣніемъ. Но было и третье соображеніе, которое побуждало меня принять во вниманіе не только находки въ окрестностяхъ греческихъ колоній, но и раскопки, производившіяся на сѣверо-западѣ.

Скиское населеніе представлялось мнѣ не цѣльною этнографическою группою; при этомъ я считалъ возможнымъ въ скиахъ западныхъ видѣть предковъ славянъ, родиною которыхъ въ Европѣ, по всей вѣроятности, были склоны Карпатскихъ горъ и отчасти верхнее теченіе рѣки Вислы. Вотъ почему необходимо было обратить вниманіе и на привислянскіе курганы, которые съ этой точки зрѣнія могли служить косвеннымъ источникомъ для ознакомленія съ бытомъ западно-скискихъ племенъ, тѣмъ болѣе, что курганы эти въ нѣкоторыхъ существенныхъ чертахъ оказались сходными съ позднѣйшими курганами при рр. Роси и Рассавѣ.

Таковы тѣ соображенія, которыя не дозволяли мнѣ держаться строго топографической точки зрѣнія на вещественные памятники скиской древности и обратили мое вниманіе на раскопки и въ предѣлахъ Скиаіи. То же отчасти можно сказать и относительно пользованія вещественными данными въ предѣлахъ Скиаіи безъ строгаго различія племенныхъ границъ. Г. Мищенко (стр. 219) упрекаетъ меня въ томъ, что я пользуюсь малорусскими курганами и даже одной могилой подлѣ Новочеркаска для доказательства существованія земледѣлія въ западной Скиаіи, а между тѣмъ границею между восточными и западными скиаами называю рѣку Днѣпръ. Нигдѣ я такого мнѣнія не высказываю, а говорю только, что скиены земледѣльцы занимали „часть Кіевской губерніи, а скиены царскіе расположены были между Герросомъ, Азовскимъ моремъ и Танаисомъ до сѣверныхъ границъ Скиаіи“, при чемъ тутъ же прибавляю, что они „вслѣдъ за тѣмъ, вѣроятно, заняли и западное побережье Днѣпра“, и что извѣстія, сообщаемыя Геродотомъ, „имѣютъ лишь условное значеніе“. (Ск. древности, стр. 67). Напротивъ, можетъ быть, западные скиены частью перешли на лѣвую сторону Днѣпра подъ напоромъ галатовъ и гетовъ или подъ вліяніемъ возможнаго передвиженія восточныхъ племенъ на правую сторону той же рѣки, при чемъ послѣдніе пере-

или южнѣе первыхъ. Да и неужели же возможно считать р. Днѣпръ неизмѣнною границей между скивами восточными и западными впродолженіи пяти-шести вѣковъ, протекшихъ съ того времени, когда былъ здѣсь Геродотъ? Что же касается могилы Новочеркасской, то найденное здѣсь просо можно было бы разсматривать какъ дань, которую западные скивы выплачивали восточнымъ, вѣроятно—хлѣбомъ, и слѣдовательно, видѣть въ ней косвенное доказательство существованія земледѣлія въ западной Скивіи.

Но кромѣ топографической точки зрѣнія, я долженъ былъ бы разсматрѣть памятники вещественные и въ этнографическомъ отношеніи, то-есть, опредѣлить народность курганныхъ насыпей. Послѣ напрасной затраты значительнаго запаса энергіи и времени, мнѣ, признаюсь, пришлось оставить вопросъ не разрѣшеннымъ. Это произошло частью въ виду невозможности установить вполне опредѣленные признаки народности древнихъ могильныхъ насыпей и почти полного отсутствія всякихъ попытокъ такого рода въ нашей ученой литературѣ ¹⁾, частью и въ виду крайне скудныхъ извѣстій о курганныхъ раскопкахъ, недостатка въ точныхъ дневникахъ этихъ раскопокъ, за исключеніемъ развѣ извѣстнаго сборника скискихъ древностей. Отказываясь, однако, отъ прямого разрѣшенія вопроса о народности кургановъ южно-русскихъ степей, я тѣмъ не менѣе продолжалъ работу, ибо нашелъ возможность дать въ нѣкоторой мѣрѣ опредѣленный отвѣтъ на тотъ же вопросъ косвеннымъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ пребываніе скискихъ племенъ въ области подлѣ г. Никополя въ V—IV вѣдо Р. Х., гдѣ также находятся всѣ толстыя могилы и близницы, замѣчательное, почти полное совпаденіе описанія Геродота съ тѣмъ обрядомъ погребенія, который обнаруживается при ближайшемъ знакомствѣ съ содержаніемъ этихъ насыпей, и возможность причислить нѣкоторые изъ нихъ приблизительно къ тому же времени, давали мнѣ право воспользоваться результатами добытыми при ихъ раскопкѣ для изображенія скискаго быта. Всѣми остальными археологическими данными я пользовался лишь на столько, на сколько они согласовались съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи сообщали письменные источники и что давали эти толстыя могилы или близницы. Исклю-

¹⁾ Гр. А. С. Уваровъ. О существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности могильныхъ насыпей въ *Древностяхъ*. Тр. Моск. Археолог. Общества, т. III, вып. 3, стр. 265—289. Авторъ старается установить признаки народности могилъ славянскихъ, хотя одна ли всегда вполне удачно, вслѣдствіе недостатка въ матеріалѣ. Ср., напримѣръ, стр. 276, признавъ № 3.

ченіе представляютъ лишь западно-русскіе и мало-русскіе курганы, а также такъ-называемыя бѣдныя могилы. Первые приняты были во вниманіе въ виду предполагаемаго мною родства западныхъ скивоувъ съ славянами; включеніе вторыхъ въ область моихъ работъ также обусловлено было отчасти соображеніями этнографическаго характера. Придавая термину „скивоув“ скорѣе собирательное значеніе, я хотя и называлъ эти могилы скивскими, но нигдѣ не причислялъ ихъ къ племени царскихъ скивоувъ, а считалъ ихъ лишь могилами бѣднаго класса и склоненъ былъ объяснять несходство этихъ могилъ съ другими даже племенными различіями. Есть и болѣе частныя недоразумѣнія между г. Мищенкоу и мною по вопросу объ этнографическомъ значеніи нѣкоторыхъ остатковъ древности, находимыхъ въ южно-русскихъ курганахъ.

Такъ г. Мищенко видитъ значительное противорѣчіе въ моемъ взглядѣ на то значеніе, какое имѣетъ серебро въ скивскихъ могилахъ, которыя, по моему мнѣнію, характеризуются будто бы его отсутствіемъ. Такого взгляда я нигдѣ не высказывалъ и постоянно ссылался на серебряную Чертомлыцкую вазу (къ которой можно было бы въ данномъ случаѣ присоединить еще нѣсколько серебряныхъ бляшекъ, найденныхъ въ толстыхъ же могилахъ и хранящихся теперь въ Императорскомъ Эрмитажѣ), говорилъ о серебрянныхъ обручахъ, серебряномъ кольцѣ, серебряныхъ черналкѣхъ и кувшинчикѣхъ; найденныхъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ (Ск. древности, стр. 68, 70, 100). Но я считалъ возможнымъ признать малое количество серебра въ особенности и серебряныхъ украшеній довольно характернымъ признакомъ скивскихъ могилъ. И вотъ почему, говоря о могилахъ при кучеровыхъ буеракахъ, гдѣ при обрядѣ сожженія найдены были золотыя украшенія, я замѣтилъ, что „нѣкоторыя изъ нихъ сдѣланы были изъ серебра, всего до 2 ф. 53 зол., кромѣ посеребренныхъ гвоздей, чего въ скивскихъ курганахъ не встрѣчается“, и этимъ желалъ указать на значительное количество серебряныхъ украшеній въ этой могилѣ, не встрѣчающихся въ такомъ изобиліи въ могилахъ скивскихъ. Что же касается третьяго расавскаго кургана въ частности, то я и не считалъ его особенно древнимъ, такъ какъ при его описаніи указывалъ на то, что „онъ, можетъ быть, болѣе позднаго происхожденія и насыпанъ иною народностью“ (Ск. древности, стр. 142—144).

Тѣ же западно-русскіе, малорусскіе курганы и бѣдныя могилы являются довольно спорными и въ хронологическомъ отношеніи. Необходимо прежде всего замѣтить, что извѣстное археологическое дѣ-

леніе первобытныхъ эпохъ на каменный, бронзовый и желѣзный вѣкъ имѣеть скорѣе культурное, а не хронологическое значеніе, ибо въ противномъ случаѣ нѣкоторыхъ изъ современныхъ намъ дикарей нужно было бы причислить къ допотопнымъ временамъ. Каменный вѣкъ иногда у даннаго племени продолжается весьма значительный періодъ времени, но при ознакомленіи этого племени съ высшею культурой желѣзнаго вѣка весьма быстро можетъ уступить мѣсто послѣдней. Такъ, напримѣръ, эскимосы, въ настоящее время знакомые съ употребленіемъ металловъ, не знали ихъ въ XVIII в. ¹⁾; новозеландскіе маори, еще недавно, по устнымъ преданіямъ стариковъ выдѣлывали свои орудія изъ твердаго дерева и камня ²⁾. Такимъ образомъ присутствіе каменныхъ орудій въ могилахъ еще не свидѣтельствуетъ о весьма древнемъ ея происхожденіи. Очень можетъ быть, что аріиды при поселеніи своемъ въ Европѣ не далеко ушли отъ каменнаго вѣка. Такъ, свайныя постройки въ Швейцаріи и Англіи въ настоящее время приписываются нѣкоторыми изслѣдователями древнимъ кельтамъ, при чемъ въ Британіи послѣдніе сохранили этотъ обычай даже въ болѣе повднее время ³⁾. Притомъ необходимо въ самомъ каменномъ вѣкѣ различать признаки культуры древнѣйшей и позднѣйшей. Обработанные камни найдены уже въ олигоценовомъ наслоеніи, промежуточномъ между лопеновымъ и міоценовымъ третичной эпохи, такіе же камни вмѣстѣ съ костяными издѣліями лишь въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ третичной эпохи, а обработанные камни вмѣстѣ съ керамическими издѣліями встрѣчаются только въ позднѣйшемъ наслоеніи робенгаузенскомъ ⁴⁾. При этомъ я въ привислянскихъ могилахъ встрѣтился съ бронзой, а въ придиэпровскихъ бѣдныхъ—съ мѣдью и въ виду всѣхъ этихъ соображеній не рѣшился причислить ихъ къ весьма древнимъ, не вычеркнулъ ихъ изъ ряда тѣхъ могилъ, которыя могли быть насыпаны уже послѣ прихода скифовъ, особенно западно-скиескихъ племенъ, которые появились въ восточно-Европейской равнинѣ до прихода скифовъ восточныхъ, значить до VIII или VII вѣка до Р. X. ⁵⁾.

¹⁾ E. Reclus. Les Primitifs. Paris. 1885. Chap. 1.

²⁾ H. Kerry-Nicholls. The Origin, physical characteristics, manners and customs of the Maori race; въ *Journal of the Anthropological Institute*, vol. XV, p. 204—205 (1886 г.)

³⁾ R. Munro. The Archaeological Importance of ancient british lake dwellings and their relation to analogous remains in Europe. *Ib.*, vol. XV, pp. 453—470.

⁴⁾ G. de Mortillet. Le préhistorique, pp. 28—29; 480.

⁵⁾ Примѣчаніе на стр. 138—139 Сяескихъ древностей покажетъ читателю, что я признаю и до-скиеское населеніе въ восточно-европейской равнинѣ.

Причины, которыя заставили меня обратить вниманіе на привислянскіе курганы, указаны выше. Болѣе спорными являются курганы при рр. Роси и Рассавѣ. Главныя причины, въ силу которыхъ я отчасти воспользовался и этими насыпями, состояли въ предполагаемомъ этническомъ родствѣ погребенныхъ въ привислянскихъ и рассавскихъ курганахъ варваровъ съ западными скивами, въ сходствѣ обряда погребенія въ тѣхъ и другихъ, наконецъ, въ древности нѣкоторыхъ предметовъ, найденныхъ въ этихъ могилахъ, какъ-то: бронзовыхъ стрѣлъ, амфоръ (Ск. др., стр. 142—144), хотя, конечно, могилы при рр. Роси и Рассавѣ насыпаны, вѣроятно, позднѣе толстыхъ могилъ. Замѣчу ядѣсь кстати, что г. Мищенко не всюду точно передаетъ мои выводы, основанные на результатахъ раскопокъ этихъ кургановъ. По его словамъ, могилы около Роси свидѣтельствуютъ для меня, что западные скивы „имѣли и домашнюю птицу, которую употребляли въ пищу“. Тутъ ученый рецензентъ, вѣроятно, забылъ упомянуть, что курганъ подлѣ Роси содержалъ въ себѣ кремневая орудія, и поставить вопросительный знакъ, который стоитъ у меня въ текстѣ послѣ словъ „домашнюю птицу“ и который свидѣтельствуетъ, что я вмѣстѣ съ г. Мищенко признаю нѣкоторую сомнительность этого вывода, хотя самъ по себѣ онъ ничего невѣроятнаго не заключаетъ (Ск. др., стр. 45) ¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ г. Мищенко видитъ у меня противорѣчіе и въ томъ, что я къ однимъ и тѣмъ же могиламъ причисляю разные обряды погребенія. Въ сущности, однако, тутъ противорѣчія, можетъ быть, и нѣтъ, такъ какъ въ одномъ и томъ же курганѣ мы встрѣчаемъ совмѣстное существованіе и того, и другого обряда. Одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей, у котораго я заимствовалъ кое-какія данныя о малорусскихъ курганахъ, сообщаетъ о нихъ слѣдующее: „Погребеніе преобладаетъ по похоронному обряду (кости не сожжены; Перешатиха, Петриковка-Ромейки, Осоты, Яблоновка, Аксютинцы), хотя встрѣчаются (значительно рѣже) и могилы съ сожженіемъ (Лазурцы, Пищальники, Яблоновка-Острая, Аксютинцы), равно (еще рѣже) совмѣстно и тотъ, и другой об-

¹⁾ Ср. *V. Hahn. Kulturpflanzen und Haustiere etc. Berlin. 1883, S. 268: „Diese Verbreitung (der Haushühner) konnte geraden Wege von Asien zu den stammverwandten Völkern der Südrussischen Steppen und des Ostabhanges gehen, deren Religion der der übrigen iranischen Stämme folgte und die in einigen ihrer Glieder zu Herodots Zeit Ackerbau trieben“.*

рядъ (Перепахиха, Яблоновка)* 1). Противорѣчіе дѣйствительно существовало бы, еслибъ я утверждалъ единовременность разныхъ обрядовъ погребенія въ одной и той же могилѣ, чего я нигдѣ не высказывалъ.

Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что я въ работѣ своей не ограничился опредѣленнымъ вѣкомъ, но взялъ обширный періодъ времени, а потому считалъ возможнымъ пользоваться, хотя и не безъ ограниченій, не только толстыми могилами, но и болѣе ранними и болѣе поздними данными, тѣмъ болѣе, что встрѣтилъ прямыя письменныя указанія на единообразіе быта племенъ, заселявшихъ южно-русскія степи, какъ во времена Геродота, такъ и при римскомъ господствѣ.

Вглядываясь въ памятники древности съ топографической, этнографической и хронологической точекъ зрѣнія, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не имѣть въ виду и сравнительно-культурнаго значенія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вотъ почему я въ рѣдкихъ случаяхъ дѣйствительно пользовался нѣкоторыми памятниками, можетъ быть и не скинскаго происхожденія, когда, какъ мнѣ казалось, они могли путемъ аналогій разъяснить бытъ скинскій; вотъ почему я принялъ во вниманіе и рисунки на гробницѣ Антисеерія и каменную могилу, какъ прекрасныя иллюстраціи кочеваго быта.

Таковы тѣ воззрѣнія, которыхъ я держался, при изученіи вещественныхъ памятниковъ быта. Разнообразіе, а иногда и противорѣчіе этихъ точекъ зрѣнія не позволяло мнѣ съ равнымъ довѣріемъ относиться ко всякому памятнику, и я для означенія степени его достовѣрности всюду старался присоединить указаніе о его мѣстонахожденіи въ томъ или другомъ курганѣ, нигдѣ безъ такихъ указаній не сливая разнообразныхъ данныхъ въ трудѣ, которому пытался придать не столько археологическій, сколько историко-этнографическій характеръ.

Пользуясь письменными источниками параллельно съ вещественными, я между прочимъ приравнивалъ показанія Тацита съ извѣстіями Прокопія и Иорнанда, за что и заслужилъ упрекъ со стороны г. Мищенко. Это приравненіе однако сдѣлано мною по частному вопросу о разселеніи славянъ, а что такого рода сравненія иногда возможны,

1) *А. Маттеусъ*. Къ вопросу объ археологическихъ изысканіяхъ въ южной Россіи. Одесса. 1884. Стр. 38. По опечаткѣ въ моей книгѣ трудъ этотъ, упомянутый на стр. 139 и 140, причисленъ къ 1887 году.

на то можно привести не одинъ случай. Любопытнымъ примѣромъ можетъ служить маленькій народецъ галиндовъ. Птолемей помѣщаетъ галиндовъ, по видимому, гдѣ-то около Карпатъ, а между тѣмъ еще въ 1058 году великій князь Изяславъ одерживаетъ побѣду надъ голядью, князь Юрій въ 1147 г. „взя люди Голядь верхъ Поротве“, а Оттокаръ Богемскій въ 1267 году заключаетъ съ Орденомъ условіе для покоренія Литвы и Галиндіи ¹⁾.

Кромѣ методологической стороны моего труда, г. Мищенко касается и нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ и выводовъ по географіи и этнографіи древней Скиѳіи. По мнѣнію рецензента (стр. 213), „авторъ занятъ главнымъ образомъ бытомъ скиѳовъ, а также степенью умственного и нравственнаго развитія ихъ, а потому всѣмъ другимъ онъ отводитъ въ своемъ трудѣ лишь нѣсколько страницъ, довольствуясь догматическимъ повтореніемъ мнѣній того или другаго изъ своихъ предшественниковъ“. Догматическое наложеніе дѣйствительно является недостаткомъ книги, недостаткомъ, котораго я однако устранить не могъ въ виду появленія моего сочиненія въ археологическомъ сборникѣ; но чтобы я довольствовался повтореніемъ чужихъ мнѣній по географіи, исторіи и торговлѣ ²⁾ скиѳовъ, этого г. Мищенко нигдѣ не доказалъ. Въ основаніе изученія географическихъ данныхъ положены были извѣстія Геродота, такъ какъ остальные свѣдѣнія оказались или слишкомъ неопредѣленными, или слишкомъ поздними, и позволяли дѣлать лишь второстепенныя измѣненія въ картѣ Геродотовой Скиѳіи. При изображеніи историческихъ судебъ древней Скиѳіи приняты во вниманіе почти всѣ доселѣ извѣстные источники до II вѣка, а вопроса о торговлѣ скиѳскихъ племенъ до сихъ поръ, какъ кажется, почти вовсе не касалась наша ученая литература. Самъ г. Мищенко замѣчаетъ наибольшую близость моихъ мнѣній о географіи древней Скиѳіи къ опредѣленіямъ И. Е. Забѣлина, но указываетъ и на нѣкоторыя аномаліи въ моей картѣ. Замѣчу прежде всего, что въ этомъ приложеніи къ своей работѣ я пытался: дать Геродотову Скиѳію въ переводѣ

¹⁾ Ptolem. Geogr. Lib. III, Cap. 5, § 3. Лавр. лѣт., 2-е изд., стр. 158. Ипат. лѣт., 2-е изд., стр. 114, 240. W. Nitzsch. Geschichte des deutschen Volks. Leipzig. 1885. B. III. S. 179.

²⁾ Отдѣлъ о торговлѣ я не рѣшился включить въ главу о бытѣ, потому что рассматривалъ ее скорѣе съ точки зрѣнія международныхъ сношеній и не могъ, конечно, имѣть въ виду ея экономическаго значенія для скиѳскихъ племенъ вслѣдствіе недостатка данныхъ.

на современную карту и помѣстилъ на ней племена (а не границы племенъ), упомянутыя Геродотомъ. Помѣщая скивоовъ царскихъ на такой картѣ и по правому берегу Днѣпра, я имѣлъ въ виду слѣдующія соображенія: Вонервыхъ, Геродотъ и послѣдующіе писатели, по видимому, представляли Борисеенъ текущимъ прямо съ сѣвера безъ отклоненій на востокъ. Даже Птоломей, вѣроятно, обладавшій болѣе точными географическими данными, чѣмъ Геродотъ, кажется, сдѣлалъ ту же ошибку и по этому отдѣлилъ отъ Борисеена Герросъ, который у него впадаетъ въ Вусе Iacus ¹⁾. Такимъ образомъ царскіе скиены могли занимать на Геродотовой картѣ ту полосу земли, которая при переводѣ Геродотовыхъ показаній на современную карту окажется не на лѣвомъ, а на правомъ берегу Днѣпра. Повторныхъ, на то же указываютъ извѣстія о движеніи сарматовъ съ востока на западъ, по которымъ они уже въ III вѣкѣ до Р. X. доходятъ до Ольвіи, а въ первомъ вѣкѣ до Р. X. паходятся во Фракіи. Такое движеніе, несомнѣнно, должно было повліять и на мѣстоположеніе царскихъ скивоовъ, хотя не возможно точно опредѣлить времени его возникновенія ²⁾. Наконецъ геологическія изслѣдованія ³⁾ и присутствіе на правой сторонѣ Днѣпра толстыхъ могилъ, можетъ быть, еще IV вѣкѣ до Р. X., могилъ, которыя и самъ г. Мищенко не отказывается принять за скиескія, побуждали меня помѣстить царскихъ скивоовъ отчасти и на западъ отъ Днѣпра, хотя, конечно, безъ точнаго опредѣленія времени ихъ переселенія.

Но особенно сильно нападаетъ г. Мищенко (стр. 213) на то различіе, какое я провожу между скивами западными и восточными. По его словамъ, „читатель скиескихъ древностей напрасно старался бы найдти въ сообщаемомъ авторомъ матеріалѣ какія-либо доказательства“ въ пользу этого дѣленія. Г. Мищенко, вѣроятно, позабылъ прибавить, что рѣчь идетъ не о письменномъ, а о вещественномъ матеріалѣ. Въ книгѣ моей указаны извѣстія Геродота (и цѣлаго ряда второстепенныхъ писателей) о различіи въ экономической жизни западныхъ и восточныхъ скивоовъ и любопытное свидѣтельство Страбона о различіи соціального строя тѣхъ и другихъ (стр. 41, 149). Всѣ дальнѣйшія мои соображенія на этотъ счетъ, являются не доказательствами,

¹⁾ Sarmatia et Dacia cum Ponto Euxino et Caucaso secundum Ptolomaeum. *Ukert. Geographie der Griechen und Römer. B. III, 2. Прилож. 2.*

²⁾ Скиескія древности, стр. 17. Ср. *Ukert. Ib. III, 2. 3. 320.*

³⁾ R. Murchison. *Geology of Russia и карта Скиевъ у G. Rawlinson. The history of Herodotus, vol. III.*

а выводами изъ этого разлчія, которыя поэтому нельзя называть „голословными увѣреніями“, а, пожалуй, смѣлыми заключеніями, почти никогда однако не высказываемыми въ видѣ положительныхъ утвержденій, чему примѣры приведены самимъ рецензентомъ. Почтенный рецензентъ упрекаетъ меня въ томъ, что я не принялъ во вниманіе весьма любопытныхъ дневниковъ гр. А. А. Бобринскаго и это потому что „не эти курганы нужны автору на правой сторонѣ Дибра; вѣдь западные скины должны были оставить по себѣ памятники въ курганахъ, отличныхъ отъ восточно-скинскихъ“... (стр. 218). Но дѣло въ томъ, что дневники гр. А. А. Бобринскаго появились въ свѣтъ двумя мѣсяцами позже моей книги: первые въ іюнѣ, а вторая въ апрѣлѣ 1887 года.

А. Лашно-Дашлевскій.

Книжныя новости.

Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія академика А. Н. Веселовскаго. Выпускъ II. Славяно-романскій отдѣлъ. С.-Пб.—Содержаніе этого выпуска замѣчательнаго труда академика А. Н. Веселовскаго составляетъ изслѣдованіе южно-славянскій повѣсти о Троѣ и бѣлорусскихъ повѣстей о Тристанѣ, о Бовѣ и объ Аттилѣ. Первые три повѣсти, равно какъ и сербскую Александрію (изслѣдованную въ I-мъ выпускѣ сочиненія „Изъ исторіи романа и повѣсти“), авторъ считаетъ возможнымъ выдѣлить въ особую группу „славяно-романскихъ“ повѣстей, объединенную характеромъ ихъ источниковъ — романскихъ — и нѣкоторыми особенностями ихъ идеальнаго — любовно-рыцарскаго — содержания. Въ общемъ ходѣ развитія славянскій повѣсти авторъ отводитъ этой группѣ мѣсто по срединѣ между византійскимъ вліяніемъ, рѣзко замѣтнымъ на памятникахъ древней южно-славянскій повѣствовательной литературы, и позднимъ западнымъ, проникнувшимъ въ Россію преимущественно чрезъ Польшу. Объясненію этого особаго характера „славяно-романскихъ“ повѣстей посвящена вводная статья къ настоящему выпуску. Затѣмъ слѣдуетъ подробное изслѣдованіе о происхожденіи и составѣ повѣстей о Троѣ, о Тристанѣ, о Бовѣ. Нѣкоторыя части этого изслѣдованія знакомы читателямъ Журн. Мин. Нар. Пр., на страницахъ котораго онѣ были помѣщены; нынѣ онѣ являются въ дополненномъ видѣ. Последній отдѣлъ книги заключается въ себѣ изслѣдованіе бѣлорусскій повѣсти объ Аттилѣ; ближайшій ея источникъ — польскій; но авторъ ведетъ свое изслѣдованіе въ глубь и объясняетъ, на какихъ основахъ сложился тотъ разказъ объ Аттилѣ, который находится въ польской книгѣ. Кромѣ изслѣдованій, въ настоящемъ трудѣ г. Веселовскаго напечатаны и тексты разсмотрѣнныхъ имъ памятниковъ. Имя А. Н. Веселовскаго такъ высоко стоитъ въ современной наукѣ, труды его вносятъ всегда такъ много новаго въ изучаемые имъ вопросы, что было бы излишне говорить объ ученой цѣнности настоящаго сочиненія.

Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Сочиненіе *Іосифа Первольфа*. Т. II. Славянская идея въ литературѣ до XVIII вѣка. Варшава.—Въ предисловіи къ этому тому своего сочиненія почтенный авторъ, профессоръ Варшавскаго университета весьма удачно опредѣлилъ его содержаніе въ слѣдующихъ словахъ: „Разбираемъ литературу историческую и филологическую, попытки славянскихъ книжниковъ изучать вообще славянскій міръ, его исторію, литературу, языкъ; указываемъ на славянскую идею, одушевлявшую многихъ польскихъ и хорватскихъ поэтовъ. Отъ такихъ занятій по славянской исторіи и филологіи, предпринимаемыхъ, конечно, безъ научнаго метода, отъ такихъ мудрствованій, залетающихъ въ область вопросовъ, которыхъ знать нельзя и не стоить,—наука собственно выигрываетъ мало. Но, съ другой стороны, такія разсужденія о разныхъ вопросахъ, касающихся славянскаго міра, поддерживали среди книжниковъ и читателей живой интересъ къ славянству, славянское сознаніе, славянскую идею, приготовляли путь научной славистики, которую сталъ въ концѣ XVIII вѣка создавать *Іосифъ Добровский*“. Изъ этого видно, что настоящее сочиненіе есть болѣе пространная разработка прежняго труда г. Первольфа „Славянская взаимность“, напечатаннаго на страницахъ Журн. Мюн. Нар. Пр. Если этотъ послѣдній представлялъ большой интересъ по собранннмъ въ немъ фактамъ, то настоящее сочиненіе еще болѣе обогащено любопытными данными, свидѣтельствующими о вѣрнѣйшей живучести славянской идеи.

Исторія русскаго права. Университетскій курсъ. Кн. I. *Д. Самоквасова*. Варшава.—Настоящій трудъ профессора Варшавскаго университета *Д. Я. Самоквасова* заключаетъ въ себѣ, кромѣ введенія, обзоръ исторіи славяно-русскаго права языческой эпохи, при чемъ дано обзорное изложеніе истиннаго содержания институтовъ права экономическаго, религіознаго, государственнаго и процессуальнаго. Для этого потребовалось до 400 страницъ убористаго шрифта; отсюда видно, что сочиненіе г. Самоквасова задумано въ очень широкихъ размѣрахъ, и дѣйствительно, въ кругъ своего изложенія авторъ вводитъ почти всю такъ называемую внутреннюю исторію русской народной жизни, и притомъ начиная ее со славскаго періода. Столь широкая постановка изученія русскаго права, требовавшая между прочимъ разсмотрѣнія вопросовъ археологическихъ и историко-этнологическихъ, безъ сомнѣнія, привлечетъ къ труду г. Самоквасова вниманіе ученой критики, и многія возрѣнія автора, вѣроятно, вызовутъ возраженія. Нѣсколько важныхъ замѣчаній объ археологическихъ теоріяхъ г. Самоквасова уже высказано въ слѣдующей любопытной брошюрѣ:

Кто вводитъ въ науку волюшія недоразумѣнія? Вопросъ и отвѣтъ профессору *Д. Я. Самоквасову* профессора Московскаго университета *Д. Н. Анучина*. М.

Описаніе Тверскаго музея. Археологическій отдѣлъ. *А. К. Жизневскаго*, с примѣчаніями гр. *А. С. Уварова*. М.—Превосходно изданный и иллюстрированный прекрасно исполненными рисунками квартантъ, представляющій явленіе въ высокой степени интересное для всякаго, кто интересуется родною древностью и ея судьбами въ новѣйшее время. Археологическій отдѣлъ Тверскаго музея открытъ сравнительно недавно, въ 1872 году, и въ короткое время успѣлъ обогатиться замѣчательными предметами, имѣющими непосредственное отношеніе къ мѣстной древности и старинѣ. Этими онъ обязанъ рѣдкой, неутомимой дѣятель-

ности мѣстнаго любителя-археолога А. К. Жизневскаго, который не щадил ни времени, ни усилий для того, чтобы привлечь въ музей какъ отдѣльные предметы, такъ и цѣлыя коллекціи. Задачу археологическаго отдѣла при музей г. Жизневскій понималъ широко и отвѣлъ въ немъ мѣсто какъ древностямъ доисторическимъ, такъ и памятникамъ недавней старины. Мало того, онъ озабочился составленіемъ альбома тверской старины, въ который вошли фотографіи съ такихъ предметовъ древности, которые либо въ музей поступить не могутъ, какъ, напримеръ, „чтимиы“ мѣстные иконы, священныя одежды и др. Надо надѣяться, что въ альбомѣ этомъ найдутъ мѣсто и памятники старинной архитектуры. Описание исполнено съ соблюденіемъ надлежащихъ, выработанныхъ современной археологіей, приѣмовъ и, судя по слыханію его съ приложенными снимками, отличается точностью. Древности группируются по слѣдующимъ отдѣламъ: I) Древности первобытныя (каменные орудія, курганные предметы); II) Камни съ надписями и изображеніями; III) Каменный гробъ; IV) Каменные кресты; V) Памятники церковные (иконы, кресты, мѣдныя образки, покровы, фелони, епитрахили, поручи, свѣчи, подсвѣчники, панъвадла, брачные вѣнды, ладоницы, казен, богослужебныя книги); VI) Домашняя утварь (серьги, перстни, юговницы, запонки, наряды, посуда, нѣсы, домашнія принадлежности, письменныя принадлежности, портреты); VII) Оружіе и доспѣхи; VIII) Строительный отдѣлъ; IX) Нумизматическій отдѣлъ. Большое содѣйствіе при описаніи оказалъ г. Жизневскому покойный графъ А. С. Уваровъ, примѣчанія котораго, заключающіяся въ первомъ отдѣлѣ книги, представляютъ большой интересъ.

Православный Палестинскій Сворникъ. Томъ IV. Вып. I. Памятники грузинской старины въ Святой Землѣ и на Синаѣ. *Александра Цагарели*. С.-Пб. — Проф. Цагарели, по почину Православнаго Палестинскаго Общества, предпринялъ въ 1883 г. ученую поѣздку въ Святую Землю и на Синаѣ, съ цѣлью обследованія и описанія находящихся тамъ довольно многочисленныхъ памятниковъ грузинской древности и старины. Еще равнѣе покойный А. С. Норовъ обращалъ вниманіе ученаго міра на то, что въ Синайскомъ монастырѣ хранится много грузинскихъ рукописей, ждущихъ описанія, но его заявленіе оставалось безъ результата до 1881 года, когда Августѣйшій предсѣдатель Православнаго Палестинскаго Общества великій князь Сергій Александровичъ, въ бытность свою въ Святой Землѣ, обратилъ вниманіе на остатки грузинскихъ древностей въ Крестномъ монастырѣ и выразилъ желаніе содѣйствовать изслѣдованію грузинскихъ древностей въ Палестинѣ и на Синаѣ. Съ этою цѣлю Палестинскимъ Обществомъ былъ командированъ въ эти мѣстности проф. Цагарели посѣтившій также Афонъ и Константинополь. Описаннымъ имъ древности не лишены интереса въ виду продолжительныхъ и довольно живыхъ сношеній Грузіи съ Палестиной и Востокомъ вообще, начавшихся, по преданію, еще въ V—VI вв. Очерку этихъ сношеній посвящена авторомъ обширная и любопытная глава труда; г. Цагарели въ ней онъ излагаетъ, на основаніи, какъ уже извѣстныхъ, такъ и впервые открытыхъ имъ данныхъ, различные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ грузины являлись въ Св. Землю, то какъ наемники и подьянники, то какъ книжники и художники, то какъ воины и защитники Св. Гроба. Описанію грузинскихъ памятниковъ въ Св. Землѣ и на Синаѣ посвящена вторая глава труда г. Цагарели. Въ ряду этихъ

памятниковъ на первомъ мѣстѣ стоятъ монастырь Св. Креста близъ Іерусалима, достовѣрная исторія котораго начинается съ XI в. Кроме того, грузинамъ принадлежало еще не мало обителей и церквей въ Іерусалимѣ и Палестинѣ, но большинство изъ нихъ перешло теперь къ другимъ національностямъ. Въ приложеніяхъ къ описанію помѣщены: а) каталогъ грузинскихъ рукописей монастыря св. Креста, б) каталогъ грузинскихъ рукописей Синайскаго монастыря, в) грузинскіе надписи въ Палестинѣ, и г) письмо царя Ираклія Армянскому патріарху Іоакиму въ Іерусалимѣ (1781 г.). Книга снабжена съ рисунками съ наиболее замѣчательныхъ предметовъ древности.

А. Адриановъ. Путешествіе на Алтай и за Саяны, совершенное лѣтомъ 1883 г. по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и его Западно-Сибирскаго отдѣла. Предварительный отчетъ. Омскъ. (Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общества, кн. VIII, вых. II).— Путешествіе г. Адрианова на Алтай и за Саяны въ 1883 году служить продолженіемъ путешествія, совершеннаго имъ въ 1881 году, когда конечнымъ пунктомъ служилъ Миусинскъ. Въ 1883 г. Миусинскъ былъ отправнымъ пунктомъ. Цѣль настоящаго краткаго предварительнаго отчета заключается въ томъ, чтобы „по возможности скорѣе опубликовать въ общихъ чертахъ добытые экспедиціей результаты, не дожидаясь подробной ихъ разработки, которая потребуетъ много времени. Подробный отчетъ объ этомъ путешествіи, въ которомъ будетъ заключаться подробное описаніе пройденныхъ мѣстъ, матеріалы по этнографіи, сказки, легенды и проч., матеріалы о шаманствѣ, собранные какъ въ эту экспедицію, такъ и въ 1881 году, и, наконецъ, матеріалъ курганныхъ раскопокъ, будетъ переданъ по обработкѣ въ распоряженіе Русскаго Географическаго Общества въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ рисунками и фотографіями, почти совсѣмъ подготовленными къ изданію“ (стр. V). 1-я глава отчета: Отъ Томска до Миусинска (стр. 1—8), по словамъ автора, непосредственнаго отношенія къ самому путешествію не имѣетъ и выйдетъ только въ настоящій предварительный отчетъ; въ ней онъ передаетъ тѣ замѣтки изъ записной книжки, которыя сдѣланы дорогой, на основаніи распросовъ крестьянъ, главнымъ образомъ объ урожайности земли, и ея качествахъ, способахъ обработки и проч.—по программѣ проф. В. В. Докучаева. Содержаніемъ 2-й главы служатъ: раскопки кургановъ въ Миусинскѣ (стр. 9—155). Мѣстомъ раскопокъ былъ избранъ Тагарскій островъ на Енисей, въ 5 верстахъ отъ города; изъ дневника раскопокъ, видно, что всапыто было 7 кургановъ, содержащихъ въ себѣ по нѣсколько могилъ. Въ послѣдующихъ главахъ въ формѣ дневника изложено дальнѣйшее путешествіе г. Адрианова, выступившаго изъ Миусинска 17-го іюня и возвратившагося въ Томскъ въ началѣ сентября. Такъ, въ главѣ III-й описывается путь отъ Миусинска до Карлыгана (стр. 56—74), въ IV-й главѣ—внизъ по Томи (стр. 75—89); V-я глава описываетъ переходъ на р. Мрассу (стр. 90—97); въ VI-й главѣ описывается путь вверхъ по р. Мрассу (стр. 98—108); глава VII-я содержитъ въ себѣ описаніе перехода на р. Абаканъ (стр. 109—118); содержаніемъ VIII-й главы служатъ описаніе экскурсіи за Саяны (стр. 119—140). „Походка на Саянскій хребетъ“, говоритъ авторъ, — „въ долину Кантегиря и на водораздѣльный хребетъ между притоками Кемчика и Енисея, отъ которой я ждалъ большихъ результатовъ, вполнѣ не удалась. Въ географическомъ отношеніи эта область совсѣмъ не

ислѣдована, точно также и у обитающихъ здѣсь сойотовъ никто изъ путешественниковъ не былъ, не наблюдалъ и ихъ образа жизни, вѣрованій и обычаевъ, сохранившихся больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ отъ монгольскаго вліянія. Не успѣхъ нашей поѣздки можно было предвидѣть, но я рискнулъ воспользо-ваться остаткомъ лѣта, полагаясь на вожака. Послѣ обнаружилось, что вожакъ выдалъ за это дѣло изъ корыстныхъ разчетовъ и рѣшительно не имѣлъ понятія о мѣстности. Кромѣ того, наступило холодное время, пошли снѣга, выгнавшіе изъ хребтовъ рѣдкое кочевое населеніе сойотовъ, что лишило насъ возможности добыть на пути припасы. Къ этому заодно присоединились и другія обстоя-тельства, обусловившія неудачу поѣздки; болѣзнь рабочихъ, безсиліе лошадей, выби-тыхъ во время двухъ съ половиною мѣсяцевъ труднаго пути и т. д. Къ тому же въ моемъ распоряженіи не было ни одной карты, дававшей яредрѣшеніе о мѣстности, въ которой предстояло дѣйствовать, за исключеніемъ карты военно-топографическаго отдѣла Омскаго штаба (десятиверстной), на которую былъ на-несенъ незначительный кусокъ мѣстности, куда я хотѣлъ проникнуть, именно водораздѣлъ между системой р. Она и верхняго Кантегира. Не знаю, сообщу ли я что новаго о пройденной мѣстности, такъ какъ мой маршрутъ здѣсь со-впадаетъ съ маршрутомъ Чихачева, вышедшаго въ 1842 году съ системы р. Она на оз. Анджужеръ-кулъ и слѣдовавшаго по водораздѣльному хребту съ лѣвой стороны Кантегира до вершинъ Карасибы, затѣмъ по этому послѣднему до Че-кана и по нему на Донебашъ и Абаканъ. Это былъ и мой путь. Но какъ изъ цѣсна слова не выкинешь, такъ и изъ путешествія выбрасывать цѣлымъ кускомъ его не приходится, а потому я привожу здѣсь свой дневникъ* (стр. 119). По-слѣдняя IV-я глава названа: вивзъ по Абакану и возвращеніе въ Томскъ (стр. 141—144); она содержитъ въ себѣ маршрутъ обратнаго пути и кой-какія отрывочныя дорожныя замѣтки. Въ отчетѣ своемъ г. Адриановъ не рѣдко упоминаетъ о своемъ спутникѣ Д. А. Клеменцѣ и, между прочимъ, при-писываетъ ему честь детальнаго изученія низовьевъ Абакана, которыя, въ по-нѣйшее время, послѣ Палласа, были посѣщены нѣсколькими путешественниками (Чихачевъ, Кастрень, Шварцъ и Радловъ), но ни одинъ изъ нихъ не далъ хоть сколько-нибудь обстоятельнаго описанія этой мѣстности" (стр. 56—57). Въ при-ложеніи къ отчету помѣщены: метеорологическій дневникъ, описаніе образцовъ почвъ и 2 таблицы, изображающія рисунки писаницъ и планы раскопокъ.

Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I. Введеніе. II. Составныя части пред-ложенія и ихъ замѣны. Составилъ А. Потебня. Изданіе 2-е, исправленное и до-полненное. Харьковъ.—Трудъ почтеннаго харьковскаго филолога давно уже оцѣ-ненъ по своимъ высокимъ достоинствамъ. Новое его изданіе представляетъ новую его переработку, которая, разумѣется, только возвысила его цѣну. Надѣмся представить на страницахъ журнала подробную оцѣнку этого замѣчательнаго сочиненія.

Польская хрестоматія. Пособіе для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Гедоръ Вержбовскій*. Варшава. 2-е изданіе.—Первое изда-ніе этого полезнаго пособія вышло въ 1884 году и обратило на себя вниманіе какъ въ учебныхъ сферахъ (въ Варшавскомъ округѣ), такъ и со стороны всѣхъ интересующихся предметомъ. Второе изданіе является теперь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Измѣненіе состоитъ главнымъ образомъ въ умень-

шеніи содержанія и объема книги (почти на 150 стр.), отчего она однако ничего не потеряла, какъ школьное пособие. Составитель исключилъ изъ него всѣхъ писателей на латинскомъ языкѣ (числомъ 15), помѣщенныхъ въ переводахъ въ томъ изданіи, а также нѣсколько незначительныхъ авторовъ; кромѣ того, у другихъ опущены нѣкоторые образцы изъ ихъ сочиненій. Всѣ эти пропуски обусловлены, конечно, педагогическими соображеніями, и нельзя не признать ихъ вполне умѣстными. Въ замѣнъ прибавлены трое изъ помѣщенныхъ писателей: Сигизмундъ Милковскій, Марія Конопницкая и Генрихъ Сенкевичъ. Къ сожалѣнію, изъ нихъ приведены такіе коротенькіе отрывки, что помѣщеніе ихъ скорѣе имѣетъ въ виду полноту перечня, чѣмъ ознакомленіе съ авторами и ихъ литературнымъ значеніемъ. Остальное въ книгѣ осталось безъ перемѣны. Достоинства ея со стороны полноты, пріемовъ изданія и библиографическаго аппарата въ свое время были вполне одѣнены. Можно пожелать ей полнаго успѣха въ тѣхъ учебныхъ сферахъ, для которыхъ она предназначена, а также нельзя не порекомендовать ее для практическихъ занятій студентовъ-филологовъ (славистовъ), особенно для употребленія въ университетскихъ семинаріяхъ.

Хронологическая канва для биографіи Пушкина. Составилъ Я. Гротъ. Изданіе второе съ дополненіями С. И. Пономарева. С.-Пб. — Пушкинъ въ родной поэзіи. С. И. Пономарева. — Первая изъ этихъ брошюръ составляетъ необходимое пособие для биографовъ Пушкина, вторая содержитъ въ себѣ перечень стихотвореній, въ которыхъ русскіе поэты разнаго времени говорили о Пушкинѣ. Къ многочисленнымъ даннымъ, сообщеннымъ въ этихъ брошюрахъ, могутъ быть сдѣланы уже нѣкоторыя дополненія (такъ, въ первой не указано времени смерти нѣкоторыхъ изъ современниковъ поэта, хотя эти даты имѣются въ печати, а во второй — пропущено стихотвореніе А. Н. Майкова, озаглавленное „Перечитывая Пушкина“); но, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать появленіе этихъ указателей очень полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу о великомъ русскомъ поэтѣ. Брошюра Я. К. Грота напечатана съ бѣлыми страницами, которыя даютъ возможность удобно вносить въ нее дополненія.

Каталогъ картъ, плановъ, чертежей, рисунковъ, хранящихся въ музеѣ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Составилъ А. Л. Б. Д. Одесса. — Каталогъ этотъ переработанъ изъ прежняго, составленнаго покойнымъ Н. Н. Муравьевичемъ, и заключаетъ въ себѣ слѣдующіе шесть отдѣловъ: 1) карты и планы областей, городовъ, крѣпостей, зданій; 2) карты морей, рѣкъ, заливовъ, гаваней; 3) церкви и церковные предметы; 4) портреты, бюсты, монументы; 5) историческіе и мѣстные виды; 6) древніе предметы; изъ него видно, что коллекція картъ, плановъ и рисунковъ, хранящихся въ означенномъ музеѣ, очень богата. Но кромѣ этихъ предметовъ, въ обществѣ есть собраніе рукописей; было бы желательно, чтобы появилось въ свѣтъ хотя бы краткое ихъ описаніе.

Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таурическаго губернія за 1887 г. Составленъ директоромъ народныхъ училищъ (А. Дьяконовымъ). Приложение: Краткая историческая записка объ Евпаторійскомъ уѣздномъ училищѣ съ 1852 по 1887 годъ. Составилъ В. Штейнъ. Бердянскъ.

Вторая учебная экскурсія Симферопольской мужской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности. Отчетъ составилъ инспекторъ А. Н. Поповъ, а приложения часть сс.нх, отд. 2.

рисоваль преподаватель *А. А. Архиповъ*. Симферополь.—Весьма интересная брошюра какъ по здоровой педагогической мысли, которая руководила начальствомъ гимназіи, предпринявшимъ и удачно осуществившимъ экскурсію, такъ и по географическимъ и историческимъ свѣдѣніямъ, здѣсь помѣщеннымъ и, наконецъ, по отчетливымъ рисункамъ мѣстныхъ памятниковъ.

Къ вопросу о ремесленномъ образованіи. Забѣтки *А. Н. Курбаковскаго*. С.-Пб.—Содержаніе: 1) О значеніи и важности учрежденія школъ при промышленныхъ мастерскихъ; 2) По поводу столѣтняго юбилея Петербургскаго ремесленного управленія; 3) Взглядъ практика на проектъ организаціи промышленнаго образованія въ Европейской Россіи и въ особенности въ Сибири.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. II, выпуски 3 и 4. С.-Пб.—Содержаніе: 1) О фрескахъ лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора—*И. И. Кондакова*; 2) О величинѣ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ древнерусскаго города по даннымъ первой половины XVII в.—*А. С. Лавно-Дьяковскаго*; 3) Гортинскіе законы—*С. В. Миронникова*; 4) Двѣ забѣтки по древней болгарской исторіи—*Х. М. Лопарева*; 5) О русскихъ амулетахъ, называемыхъ мѣтевиками,—гр. *И. И. Толстаго*; 6) Техника фресковой живописи по русскому рукописному подлиннику—*Д. А. Григорова*; кромѣ того, библиографія, мелкія забѣтки и протоколы засѣданій.

Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. III, выпуски 1 и 2 (съ приложеніемъ 4 таблицъ). С.-Пб.—Содержаніе: 1) Ярыки Токтамыша и Темиръ-Кутлуга—*В. В. Радловъ*; 2) Матеріалы для изслѣдованія индійскаго сказочнаго сборника *Brahatkatha*—*С. Ольденбурга*; 3) Новое собраніе восточныхъ монетъ *А. В. Комарова*—*В. В. Тизенгаузена*; 4) Дагбидъ—*Н. И. Веселовскаго*; 5) Мусульманскія печатныя изданія въ Россіи—*В. Д. Смирнова*; кромѣ того, протоколы Восточнаго отдѣленія, мелкія извѣстія и забѣтки, критика и библиографія.

БЕРЛИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ 1873 ГОДА И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВНАГО НѢМЕЦКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПО ЖЕНСКОМУ ШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ СЪ 1872 ПО 1886 ГОДЪ ¹⁾).

Въ третьемъ собраніи главнаго педагогическаго общества въ Карлс-
руэ ²⁾, 28-го сентября 1874 года, обсуждались слѣдующіе вопросы:

а) По поводу изданныхъ 24-го апрѣля 1874 года прусскимъ министер-
ствомъ народнаго просвѣщенія правилъ объ испытаніяхъ на званіе
учительницъ, обращено было вниманіе на неудобства совмѣстнаго
обученія въ одной и той же семинаріи кандидатокъ на званіе началь-
ныхъ учительницъ и учительницъ высшихъ женскихъ училищъ. Такъ
какъ цѣли ихъ различны, то и подготовка должна быть неодинакова.
Кромѣ того, подготовка примѣнительно къ программамъ, изложеннымъ
въ Prüfungs-Ordnung, признана недостаточною, особенно по ино-
страннымъ языкамъ, между тѣмъ какъ въ высшей степени желательно
замѣнить своими французскихъ боннъ и гувернантокъ въ нѣмецкихъ
семействахъ и учительницъ-иностранокъ въ общественныхъ и част-
ныхъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что „тотъ только можетъ вос-
питывать въ нѣмецкомъ духѣ, кто самъ мыслить и чувствуетъ по
нѣмецки“.

б) Кромѣ другихъ второстепенныхъ вопросовъ, напримѣръ, отно-
сительно опредѣленія времени для начала уроковъ и т. п., на этомъ
собраніи установлены были главные положенія о дисциплинѣ
въ высшихъ женскихъ училищахъ. Правила эти сводятся въ глав-
ныхъ чертахъ къ слѣдующему: женское училище, подобно мужскому,
не можетъ допускать, подъ предлогомъ обращенія вниманія на жен-

---

¹⁾ Окончаніе. См. октябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Dritte Hauptversammlung. *Zeitschrift für weibliche Bildung* 1874. 454.

скую индивидуальность, никакого безпорядка и произвола. Напротивъ, оно должно слѣдовать твердымъ правиламъ дисциплины, посредствомъ которой, въ противодѣйствіе склонности къ субъективизму, развивается понятіе объ объективномъ правѣ и законѣ. Но, ограниченная только вѣншею законностью и назначеніемъ наказаній, дисциплина менѣе всего соотвѣтствовала бы своей задачѣ въ высшемъ женскомъ училищѣ. Здѣсь дисциплина должна быть въ тѣсной связи съ обученіемъ и воспитаніемъ, къ которымъ она должна находиться въ служебномъ отношеніи и отъ нихъ получать средства для своей дѣятельности. Школьной жизни слѣдуетъ дать такое направленіе, чтобы прочно установившіяся въ училищѣ нормы домашняго строя сдѣлались прекраснымъ обычаемъ, которому слѣдуютъ, потому что съ нимъ внутренно согласуется чувство добра и прекраснаго.

в) Признано необходимымъ учредить, по образцу баденскихъ, особые курсы для учительницъ руководѣній, въ которыхъ можно было бы ознакомиться съ методомъ преподаванія этого предмета. Вѣстѣ съ этимъ обращено вниманіе, чтобы во всѣхъ женскихъ училищахъ одиночное обученіе руководѣніямъ было замѣнено класснымъ, и для этого рекомендована метода сестеръ Шалленфельдъ. Въ курсахъ для учительницъ руководѣній должно также преподаваться рисованіе и черченіе, какъ необходимое пособие для руководѣнія, и элементы педагогики и гигиены (*Gesundheitslehre*). На урокахъ руководѣнія и черченія ученицы должны быть упражняемы въ болѣе художественныхъ работахъ ¹⁾.

г) Уроки гимнастики должны быть обязательны и должны быть внесены въ общую таблицу уроковъ такимъ образомъ, чтобы каждый классъ имѣлъ не менѣе двухъ часовыхъ уроковъ въ недѣлю. Но для этого необходимо, чтобы каждое училище имѣло вполне благоустроенную гимнастическую залу. Въ рефератѣ убѣдительно доказано преимущество гимнастики сравнительно съ танцами, не только для физическаго здоровья дѣвочекъ, но и въ эстетическомъ отношеніи ²⁾.

¹⁾ Шалленфельдовскій методъ въ настоящее время примѣненъ во всѣхъ вѣмѣнкахъ женскихъ училищахъ и даже во многихъ начальныхъ школахъ. Онъ примѣненъ и въ некоторыхъ варшавскихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

²⁾ Вообще согласна съ мнѣніемъ собранія защита этого предмета въ палатѣ депутатовъ въ Берлинѣ въ 1880 году министерскимъ комиссаромъ Шнейдеромъ и въ 1884 г.—министромъ Госслеромъ. *Verhandlungen in dem Hause der Abgeordneten am 14. Dec. 1880 и 5. Febr. 1884 nach dem stenogr. Berichte. Zeitschrift für weibl. Bildung 1881, стр. 80, 1884, стр. 175.*

Въ четвертомъ собраніи въ Дрезденѣ ¹⁾ (17-го—28-го септября), въ присутствіи члена совѣта прусскаго министерства народнаго просвѣщенія д-ра Шнейдера, занимались обсужденіемъ слѣдующихъ вопросовъ относительно учебнаго плана высшихъ женскихъ училищъ:

а) Какіе предметы обученія должны войти въ учебный планъ высшихъ женскихъ училищъ, и каковы дѣли преподаванія каждаго предмета?

б) Сколько часовъ должно быть назначено на каждый предметъ?

в) Въ какомъ классѣ должно начинаться преподаваніе каждаго предмета?

По первому вопросу приняты безъ измѣненія постановленія берлинской конференціи, хотя были возраженія относительно предъявленныхъ конференціей слишкомъ большихъ требованій по иностраннымъ языкамъ и слишкомъ незначительныхъ по геометріи, нѣсколько болѣе солидное преподаваніе которой могло бы оказать вліяніе на развитіе мышленія дѣтей.

По второму вопросу постановлено, чтобы въ младшемъ и среднемъ отдѣленіи общее число недѣльныхъ уроковъ было 22—24, а въ старшемъ 28—30. Что касается числа уроковъ по каждому предмету, то слѣдуетъ наблюдать, чтобы ни одинъ предметъ не имѣлъ менѣе 2 часовъ, а на отечественный языкъ и литературу, какъ основной предметъ обученія, должно быть назначено наибольшее число уроковъ.

По третьему вопросу постановлено: Законъ Божій, отечественный языкъ и ариметика должны быть преподаваемы во всѣхъ классахъ, начиная съ самаго младшаго; преподаваніе французскаго языка и рисованія начинается въ первомъ классѣ средняго отдѣленія, а англійскій языкъ—спустя три года, то-есть, въ первомъ классѣ старшаго отдѣленія; нѣкоторыя свѣдѣнія изъ географіи и естественной исторіи могутъ быть сообщаемы въ послѣднемъ классѣ элементарнаго отдѣленія, какъ наглядное подготовленіе къ систематическому обученію этимъ предметамъ. Исторія должна начинаться не раньше втораго года средняго отдѣленія (нашъ 2-й классъ). На преподаваніе Закона Божія въ элементарномъ отдѣленіи слѣдуетъ назначить 3 урока въ недѣлю, такъ какъ этотъ предметъ представляетъ собою въ этомъ отдѣленіи исключительно нравственную сторону воспитанія и образованія. На уроки руководѣнья, принимая во вниманіе новый методъ обученія, принятый въ Карлсруэ, слѣдуетъ назначить въ низшемъ и

¹⁾ Verhandlungen der vierten Hauptversammlung. 1876. Leipzig.

среднемъ отдѣленіяхъ не менѣе 3-хъ часовъ, а въ старшемъ не менѣе двухъ часовъ въ недѣлю.

Разработка подробностей по каждому предмету должна быть предметомъ запятій въ слѣдующихъ собраніяхъ. Но главнымъ предметомъ запятій какъ дрезденскаго, такъ и слѣдующаго кельнскаго собранія главнаго педагогическаго общества ¹⁾ (2-го—3-го октября 1876 года) и предшествовавшихъ имъ нѣсколькихъ провинціальныхъ собраній (двухъ бранденбургскихъ въ Берлинѣ и Франкфуртѣ на Одерѣ, двухъ рейнско-вестфальскихъ, двухъ гамбургскихъ и другихъ) было опредѣленіе сферъ дѣятельности въ высшемъ женскомъ училищѣ двухъ различныхъ факторовъ, учителей и учительницъ, долженствующихъ взаимно дополнять другъ друга, совокупная дѣятельность которыхъ только въ состояніи обезпечить исполненіе задачи высшаго женскаго образованія.

Этотъ вопросъ, касающійся личнаго состава училища, преимущественно дѣятельности учительницъ, возбудилъ самый живой интересъ и самые жаркіе споры не только въ упомянутыхъ собраніяхъ, но въ прусской палатѣ депутатовъ и печати, не исключая ежедневной. Такъ какъ относительно вопроса до настоящаго времени не послѣдовало окончательнаго рѣшенія въ законодательномъ порядкѣ въ Пруссіи, и онъ не перестаетъ быть предметомъ обсуждения со стороны самыхъ компетентныхъ пѣмцевыхъ педагоговъ (члена совѣта министра д-ра Шнейдера, профессоровъ Бона-Мейеръ, Гольцендорфа и др.), то мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на изложеніи обсуждения этого вопроса.

Прусское правительство обратило вниманіе на подготовку учительницъ для женскихъ учебныхъ заведеній еще въ 1811 году, при открытіи училищъ въ память королевы Луизы. Хотя въ уставѣ этихъ училищъ воспитанницы названы будущими воспитательницами (*Erzieherinnen*); но, по роду ихъ занятій, очевидно, онѣ предназначались и для учительскихъ обязанностей. Въ 1832 году, при открытой тогда королевской *Augusta-Schule*, учреждена и учительская семинарія для приготовленія учительницъ высшихъ женскихъ училищъ; подобныя же заведенія существовали въ Кейзервертѣ на Рейнѣ, въ Дройсигѣ. 24-го іюля 1845 года изданы были министерствомъ просвѣщенія правила для испытаній на званіе учительницъ высшихъ женскихъ училищъ примѣнительно къ правиламъ, существующимъ въ *Augusta-*

¹⁾ *Verhandlungen der fünften Hauptversammlung. 1877. Leipzig.*

Schule. Но такъ какъ, по этимъ правиламъ, пробная лекція читалась кандидатками въ одномъ изъ среднихъ классовъ, то можно заключить, что получаемое кандидатками свидѣтельство давало имъ право преподавать только въ низшихъ и среднихъ классахъ высшихъ женскихъ училищъ, тѣмъ болѣе, что въ собраніи узаконеній сказано, что отъ преподавателей высшихъ женскихъ училищъ требуется та же самая подготовка и научная квалифікація, что и отъ учителей мужскихъ гимназій.

Для полученія права завѣдывать женскими училищами министерскимъ распоряженіемъ 29-го ноября 1853 года и 3-го ноября 1865 года установлены были особыя испытанія, къ которымъ допускались только лица, выдержавшія испытаніе на званіе учительницъ высшаго женскаго училища и прослужившія нѣсколько лѣтъ въ общественномъ или частномъ учебномъ заведеніи ¹⁾.

На практикѣ во всѣхъ католическихъ общественныхъ и частныхъ училищахъ управленіе заведеніемъ и преподаваніе во всѣхъ классахъ поручалось почти исключительно учительницамъ, принадлежащимъ къ извѣстному ордену; во всѣхъ же королевскихъ и городскихъ высшихъ женскихъ училищахъ начальниками были директора или ректора ²⁾; въ старшихъ классахъ преподавали академически образованные учителя, а въ среднихъ и низшихъ классахъ учительницы или получившіе семинарское образованіе учителя. Но, по словамъ д-ра Визе, нерѣдко преподаваніе въ городскихъ высшихъ женскихъ училищахъ, по экономическимъ причинамъ, и въ старшихъ классахъ поручалось учителямъ, получившимъ только семинарское образованіе и даже учительницамъ. Во всякомъ случаѣ мужской учительскій трудъ предпочитался женскому.

Послѣ Веймарскаго съѣзда и Берлинской конференціи, на которыхъ постановлено, что высшія женскія училища—преимущественно воспитательныя учебныя заведенія, прѣмечное женское педагогическое Общество (der allgemeine Deutsche Frauenverein) подало въ министерство петицію, чтобы преподаваніе во всѣхъ классахъ высшихъ женскихъ училищъ и управленіе этими училищами находилось въ женскихъ рукахъ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ и на

¹⁾ Verordnungen und Gesetze für die höheren Schulen in Preussen. Dr. L. Wiese. Berlin. 1867—1868. I, 402—414.

²⁾ Въ настоящее время ректорами называются начальники высшихъ женскихъ училищъ, при которыхъ нѣтъ семинарій.

Берлинской конференціи, но, какъ выше сказано, не былъ подвергнутъ серьезному обсужденію; поэтому сторонники правъ учительницъ позаботились выдвинуть его на очередь въ нѣсколькихъ провинціальныхъ педагогическихъ собраніяхъ и въ главныхъ, сначала въ Дрезденѣ, гдѣ не постановлено по этому предмету никакого рѣшенія, потому что онъ признанъ недостаточно *ergreifend*; а потомъ въ Вельвѣ, гдѣ онъ и рѣшенъ утвердительно.

Въ Prüfungs-Ordnung 24-го апрѣля 1874 года сказано: „Къ преподаванію въ народныхъ, среднихъ и высшихъ женскихъ училищахъ и къ управленію этими училищами допускаются только такія учительницы, которыя обнаружатъ надлежащую научную и техническую подготовку посредствомъ испытанія“. Здѣсь не указано, въ какихъ классахъ высшихъ женскихъ училищъ могутъ преподавать учительницы. Но логика фактовъ оказывается и въ этомъ случаѣ сильнѣе существующихъ постановленій, потому что и правительство, и городское Общество понимаютъ этотъ § такъ, что учительницы допускаются къ преподаванію только въ низшихъ и среднихъ классахъ высшихъ женскихъ училищъ.

Сторонники допущенія учительницъ къ преподаванію научныхъ предметовъ въ старшихъ классахъ руководствуются слѣдующими соображеніями: Еще на Берлинской конференціи былъ констатированъ фактъ, что въ прежніе годы, при меньшемъ вознагражденіи, Германія была болѣе богата академически образованными учителями, чѣмъ нынѣ, при удвоенномъ жалованьи, потому что другія профессіи, болѣе вознаграждающія умственный трудъ и представляющія болѣе шансовъ на карьеру, привлекаютъ къ себѣ университетскую молодежь, такъ что теперь едва хватаетъ кандидатовъ для мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Для женскихъ же училищъ остаются или слишкомъ молодые учителя, которые во всякомъ случаѣ признаются въ Германіи неудобными для этихъ училищъ, или же такіе, которые признаны неспособными для занятія учительскихъ мѣстъ въ мужскихъ учебныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это заявленіе сдѣлано въ вышеупомянутыхъ педагогическихъ собраніяхъ. Съ другой стороны, обращено вниманіе на то, что вообще среди получившихъ университетское образованіе учителей весьма мало можно найти подходящихъ для женскихъ училищъ. По словамъ присутствовавшего въ собраніи депутата Зейфарта, „подготовка нѣмецкихъ академически образованныхъ учителей весьма сомнительнаго качества даже для мужскихъ учебныхъ заведеній. Многіе директора свидѣтельствуютъ, что едва ли найдется

другая спеціальность, къ которой приступали бы съ такою недоста-точною подготовкою, какъ педагогическая, потому что во многихъ университетахъ студенты не имѣютъ даже возможности прослушать курсъ педагогики. Еще меньше они подготовлены для высшихъ женскихъ училищъ: буршескій образъ жизни, который ведутъ студенты университета, и усвоенныя ими привычки и манеры едва ли соответствуютъ тому, чего каждый въ правѣ ожидать и требовать отъ учителя высшаго женскаго училища. Поэтому много лѣтъ требуется для того, чтобы такой молодой человекъ передѣлалъ себя и усвоилъ качества, необходимыя для учителя высшаго женскаго училища. Между на-личными учителями этихъ училищъ весьма трудно указать такихъ, которые бы иногда соответствовали принятой ими на себя задачѣ⁴. По словамъ профессора Бона-Мейеръ ¹⁾, молодые студенты, предна-значающіе себя къ учительскому званію, готовятъ къ этой дѣятельности не такъ, какъ было бы желательно въ педагогическомъ отношеніи: они получаютъ въ университетѣ необходимое научное образованіе; но имъ недостаетъ основательныхъ педагогическихъ свѣ-дѣній, о которыхъ они и не думаютъ въ университетѣ. Въ Лейп-цигскомъ и нѣкоторыхъ другихъ пѣмецкихъ университетахъ суще-ствуютъ кафедры педагогики, дидактики и исторіи воспитанія; но въ прусскихъ университетахъ попытки отдѣльныхъ профессоровъ въ этомъ отношеніи не встрѣтили поддержки со стороны прави-тельства. Поэтому подготовка учителей имѣетъ очень много пробѣ-ловъ, и особенно чувствителейъ такой недостатокъ соответственной педагогической подготовки у учителей женскихъ училищъ. Профес-соръ слышалъ отъ многихъ директоровъ, что имъ приходится го-раздо чаще дѣлать наставленія весьма хорошо научно подготовлен-нымъ учителямъ относительно выбора и изложенія учебнаго мате-ріала, чѣмъ учительницамъ, которыя очень легко осваиваются съ дѣломъ. Поэтому, по мнѣнію Бона-Мейера, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отдавать безусловнаго преимущества мужскому учебному персоналу въ высшихъ женскихъ училищахъ. Г-жа Бухнеръ, началь-ница дармштадтскаго лица, въ письмѣ къ прусскому министру на-роднаго просвѣщенія Фальку говоритъ: „Мы должны мириться съ безтактностью, которою въ большинствѣ случаевъ страдаютъ учи-теля литературы. „Эмилиа Галотти“ не принадлежитъ вообще къ числу школьныхъ произведеній; но я сама была свидѣтельницей, какъ

¹⁾ Schriften des liberalen Schulvereins Rheinlands und Westfalens. Bonn.

одинъ академически образованный учитель разбиралъ это произведеніе съ пятнадцатилѣтними ученицами и предлагалъ такіе вопросы: какія чувства питала Эмилія къ принцу? Къ сожалѣнію, это только одинъ изъ очень многихъ случаевъ¹⁾.

Вышеизложенные факты, при всей своей вѣскости, не могли бы сами по себѣ послужить въ пользу притязаній учительницъ, и учительницы мало бы выиграли, разчитывая на вниманіе къ ихъ желанію только въ такомъ случаѣ, если дѣйствительно будутъ доказаны недостатокъ и даже педагогическая и дидактическая неспособность нынѣшнихъ научно-образованныхъ учителей. Въ Пруссіи, по словамъ депутата Зейфарта, часто не даютъ хода тому, что всесторонне признано настоятельно необходимымъ, только потому, что оно противорѣчитъ старымъ прусскимъ преданіямъ. Поэтому правительство скорѣе позаботится о подлежащей подготовкѣ учителей, чѣмъ передастъ преподаваніе научныхъ предметовъ въ руки учительницъ. Никакія кратковременныя и долговременныя неблагопріятныя обстоятельства, никакія, даже перѣдко встрѣчающіяся печальныя явленія не могутъ повліять на перемѣну установившагося обычая и вѣры въ образовательную силу мужскаго учебнаго персонала; этого можно достигнуть только при помощи общихъ педагогическихъ соображеній, указывающихъ на настоятельную потребность въ женской учебно-воспитательной дѣятельности во всѣхъ классахъ высшихъ женскихъ училищъ. На эту-то сторону и было обращено особенное вниманіе въ древденскомъ и кельпскомъ педагогическихъ собраніяхъ.

Исходя изъ постановленій Веймарскаго съѣзда и Верлинской конференціи о томъ, что высшія женскія училища должны быть совершенно отличны отъ мужскихъ гимназій, что они должны преслѣдовать исключительно воспитательныя цѣли, и что обученіе должно служить только средствомъ для воспитательныхъ цѣлей, было высказано нѣкоторыми членами педагогическаго собранія мнѣніе, что самые лучшіе, получившіе постоянную педагогическую подготовку, учителя не въ состояніи, выражаясь словами французскихъ педагоговъ, „*fémiliser l'instruction*“ и воспитывать дѣвушекъ „*dans l'ordre de la nature*“, потому что они не въ состояніи отрѣшиться отъ метода своего собственнаго обученія и по неволѣ впадаютъ въ ошибку перенесенія методовъ и цѣлей преподаванія изъ мужскихъ гимназій въ женскія училища; препода-

¹⁾ *Luise Buchner*. Gedanken über die Protocolle der im August 1873 durch das preussische Unterrichtsministerium versammelten Conferenz. 1876.

жизні ихъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, обращаетъ вниманіе преимущественно на умъ, оставляя безъ особеннаго вниманія другія стороны души, при развитіи и образованіи которыхъ сохранится въ ученицахъ женственность. Учитель не можетъ обладать достаточнымъ запасомъ такта и своего рода чутья, чтобы, при изложеніи учебнаго матеріала, избѣжать или сумѣть изгладить все то, что можетъ оскорбить женское чувство и даже притупить его; а всякій успѣхъ въ научныхъ и практическихъ познаніяхъ, купленный цѣной огрубенія вѣжнаго женскаго чувства, будетъ регрессомъ въ образованіи. Притомъ извѣстно, что самымъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ служить примѣръ; а такимъ непосредственнымъ образцомъ для подражанія въ женскомъ училищѣ не можетъ быть учитель: онъ можетъ отвлеченно высказывать ученицамъ возвышенные идеалы; но назначеніе учительницы собою представить осуществленіе ихъ на дѣлѣ. Пройдя сама женскую школу и на себѣ испытавъ особенности женскаго воспитанія и обученія, съ его достоинствами и недостатками, учительница сумѣетъ лучше понять дѣвушекъ и говорить съ ними болѣе соответственнымъ языкомъ, какъ о предметахъ обыкновенныхъ, такъ и о высокихъ научныхъ и художественныхъ матеріяхъ, и такимъ образомъ гораздо болѣе можетъ содѣйствовать достиженію гармоническаго, всѣ силы ума и сердца проникающаго образованія, которое всѣми признается какъ идеаль школьнаго женскаго воспитанія и обученія.

Не отрицая безусловно справедливости этихъ мнѣній, большинство членовъ педагогическихъ собраній не могло не признать ихъ вообще односторонними, даже не принимая во вниманіе того обстоятельства, что такую идеальную задачу могли бы выполнить только лучшія женщины; но такія особы въ большинствѣ случаевъ выходятъ замужъ, и на долю училищъ остаются только такія, которымъ судьба не сулила достигнуть опредѣленнаго имъ Богомъ и природою назначенія быть матерями и хравительницами семьи и домашняго очага, и которыя поэтому не могутъ служить образцами для подражанія, тѣмъ болѣе, что педагогическая профессія избирается ими, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, только за немнѣніемъ другой лучшей и болѣе имъ симпатичной. Правительство не можетъ принимать въ своихъ мѣропріятіяхъ въ расчетъ даже многихъ счастливыхъ исключеній въ этомъ отношеніи.

Берлинскій городской шульратъ д-ръ Кауэръ по этому вопросу высказался такъ: „Я считалъ бы невознаградивою потерей для моихъ

дочерей, еслибъ онѣ лишены были возможности пользоваться въ училищѣ вліяніемъ мужского ума. Но не могу одобрить, если это вліяніе дѣлается исключительно господствующимъ въ старшихъ классахъ, въ годы самаго рѣшительнаго женскаго развитія. Не только для внѣшняго образованія, для приученія къ болѣе тонкимъ приемамъ, могли бы не лишать дѣвушекъ женскаго руководства и образцовъ, особенно въ эти годы, когда школа дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ домъ; но еще болѣе для ихъ внутренней сердечной жизни необходима вѣкоторая поддержка, совѣтница, на которую онѣ съ довѣрчивостью могли бы положиться, и которая наиболѣе въ состояніи уничтожить пропасть, очень часто раздѣляющую, ко вреду обонхъ, школу и родительскій домъ. Само собою разумѣется, для такого вліянія недостаточно преподаванія руководствъ и гимнастики или вѣсколькихъ часовъ надзора. Для этого нужно болѣе почетное положеніе учительницъ въ училищѣ и участіе ихъ въ тѣхъ предметахъ обученія, благодаря которымъ оно носитъ названіе высшаго учебнаго заведенія. На этомъ основаніи д-ръ Кауэръ считаетъ существенно необходимымъ раздѣлить преподаваніе всѣхъ предметовъ въ старшихъ классахъ высшихъ женскихъ училищъ между академически образованными учителями и получившими соотвѣтственное научное образованіе учительницами.

Такое рѣшеніе принято и всѣми педагогическими собраніями, занимавшимися этимъ вопросомъ; но при этомъ обращено было вниманіе и на то, что не всѣ предметы могутъ быть преподаваемы женщинами, наиримѣръ, физико-математическіе предметы и даже исторія, не потому что дѣвушки не способны къ основательному изученію этихъ предметовъ, а потому что нѣтъ педагогической силы, которая возбуждала бы въ нихъ (говорится о массѣ) интересъ къ этимъ предметамъ съ той стороны, основательное ознакомленіе съ которою необходимо для правильнаго преподаванія. По словамъ отчета объ испытаніи въ Victoria-Lyceum, въ 1876 г. успѣхи слушательницъ по математикѣ оказались весьма слабыми, не смотря на то, что между ними находились весьма даровитыя, которымъ способности, прележаніе и домашняя обстановка представляли всѣ средства для занятій и можно было ожидать отъ нихъ надлежащихъ успѣховъ. Очевидно, предметъ не интересовалъ ихъ. Поэтому лекціи по математикѣ собственно въ лицѣхъ были прекращены; а преподаваніе ея оставлено въ такъ-называемомъ Unterrichts-Kurse, если найдется достаточное число ученицъ, что бываетъ очень рѣдко.

Преподаваніе исторіи, конечно, должно быть различно въ мужскихъ и женскихъ училищахъ; но учительница должна иначе относиться къ предмету преподаванія, чѣмъ ученицы, которыя не только въ училищахъ, но и въ лицеехъ относятся съ слишкомъ большимъ участіемъ души и сердца къ предмету изученія. Это преобладаніе сердца надъ разсудкомъ можно ежедневно наблюдать въ училищѣ: въ способѣ разсужденія дѣвушки замѣчается etwas von der reinen Gemüthlichkeit des Eros; для дѣвушекъ историческое лицо есть не только человѣкъ, имѣющій извѣстныя качества, но онъ смотря по ходу дѣла, бываетъ для нихъ или симпатичнымъ, добрымъ, прекраснымъ или же злымъ, отвратительнымъ человѣкомъ; дѣвушки останавливаются на тѣхъ моментахъ какого-нибудь дѣйствія, которые трогаютъ душу и возбуждаютъ чисто человѣческія симпатіи и антипатіи. Конечно, преподаватель долженъ имѣть это въ виду при преподаваніи; но было бы ошибочно, еслибы школа вполне подчинялась такому направленію, чего она не могла бы избѣжать, поручая преподаваніе исторіи въ старшихъ классахъ учительницамъ. Преподаватель долженъ умѣть своевременно обуздывать слишкомъ расхлывшуюся фантазію и чувство, привлекая ученицъ въ такое время къ умственной работѣ, чтобы предохранить ихъ отъ ненормальныхъ увлеченій, которымъ и безъ того подвержены женщины, и которыя нерѣдко самымъ безпощаднымъ образомъ разстраиваютъ правильное теченіе ихъ жизни. Такое своевременное обращеніе дѣвушекъ къ умственной работѣ, къ самостоятельнымъ сужденіямъ оставить неприкосновенными ихъ привлекательныя природныя свойства и совмѣстимо съ истинною женственностью. Учительница въ этомъ отношеніи сама увлечется еще болѣе по направленію увлеченія ученицъ, и выйдетъ не исторія, а лирическая повѣсть. Это нѣсколько идеальное и, можно сказать, одностороннее мнѣніе лейпцигскаго преподавателя доктора Вихграма нашло такое сочувствіе въ педагогическомъ собраніи, что даже профессоръ Бона-Мейеръ, извѣстный защитникъ учительницъ, съ своей стороны подтвердилъ, что исторію гораздо лучше поручать учителю, отъ котораго болѣе можно ожидать объективности въ изложеніи и при не устранимыхъ при всякомъ преподаваніи политическихъ сужденіяхъ. Во всякомъ случаѣ, при опредѣленіи учительницъ къ преподаванію въ старшихъ классахъ, слѣдуетъ, по словамъ Бона-Мейера, избирать для нихъ соответственныя предметы.

Соотвѣтственными предметами для преподаванія учительницами

въ старшихъ классахъ признаны главнымъ образомъ иностранные языки и литературы, исторія отечественной литературы, преимущественно чтеніе произведеній, географія и техническіе предметы. Но для этого онѣ должны имѣть надлежащую подготовку, не такую, конечно, какую онѣ получаютъ въ существующихъ учительскихъ семинаріяхъ, по правиламъ 24-го апрѣля 1874 г. Въ большинствѣ семинарій, особенно во всѣхъ двухклассныхъ, которыхъ гораздо больше, чѣмъ трехклассныхъ, количество и качество сообщаемыхъ свѣдѣній немногимъ выше сравнительно съ хорошо организованнымъ высшимъ женскимъ училищемъ. Способъ преподаванія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ отличается отъ училищнаго больше направленіемъ его къ практическому примѣненію, чѣмъ большею научностью и основательностью. Да и время, назначенное для прохожденія семинарскаго курса, слишкомъ коротко для болѣе основательнаго умственнаго развитія учащихся. Можетъ ли 18—19-лѣтняя дѣвушка — возрастъ въ которомъ большинство сдаетъ учительскій экзаменъ — быть на столько образованною, чтобы можно было составить хоть сколько-нибудь вѣрное понятіе о томъ, что она способна по крайней мѣрѣ въ будущемъ къ исполненію тяжелыхъ обязанностей избранной ею профессіи. Притомъ на испытаніи изъ большинства предметовъ требуются тѣ самыя свѣдѣнія, что и отъ кандидатокъ на званіе начальныхъ учительницъ, такъ какъ и тѣ, и другія обучаются вмѣстѣ; слѣдовательно, тѣ и другія имѣютъ общія основанія ихъ умственнаго развитія. Не можетъ оказать особеннаго вліянія нѣкоторое увеличеніе для кандидатокъ на званіе учительницъ высшихъ женскихъ училищъ курса отечественнаго языка и исторіи и прибавленіе французскаго и англійскаго языковъ почти въ объемъ курса первыхъ двухъ старшихъ классовъ высшихъ женскихъ училищъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, судя по циркулярному распоряженію министра Фалька 16-го іюня 1879 г., во многихъ мѣстахъ дѣлается большое снисхожденіе при оцѣнкѣ познаній кандидатокъ, что, безъ сомнѣнія, весьма понятно и естественно по отношенію къ робкимъ и застѣнчивымъ дѣвушкамъ; но это не можетъ содѣйствовать необходимой гарантіи въ томъ, что особы эти пригодны для преподаванія вообще въ высшихъ женскихъ училищахъ. Въ Кельнскомъ собраніи было заявлено, что правила объ испытаніяхъ на званіе учительницъ до того растяжимы, что не выдерживаютъ испытаній только вовсе невѣжественныя кандидатки.

Для выхода изъ такого положенія въ педагогическихъ собраніяхъ

въ Дрезденѣ и Кельнѣ представлены были слѣдующіе проекты: одни предлагали открыть при существующихъ семинаріяхъ высшія отдѣленія или курсы для дальнѣйшаго образованія учительницъ (Fortbildungskurse), прослужившихъ не менѣе 5 лѣтъ и по крайней мѣрѣ два года въ высшемъ женскомъ училищѣ. Въ этихъ курсахъ (можно назвать ихъ семинаріями 1-го разряда) могли бы учительницы не только слушать лекціи, но получать такое обученіе, которое имѣло бы характеръ руководства въ занятіяхъ, и онѣ были бы приучаемы къ свободному изложенію своихъ мыслей и къ обстоятельной передачѣ изученнаго. Выборъ группы предметовъ (напримѣръ, французскаго и англійскаго языковъ, исторіи и географіи и т. п.; отечественный языкъ и литература должны быть обязательны для всѣхъ группъ) можетъ быть предоставленъ слушательницамъ, и по окончаніи этихъ курсовъ, онѣ должны подвергаться въ государственной испытательной комиссіи испытанію, требованія котораго должны быть равны требованіямъ отъ кандидатовъ на званіе учителя реальнаго училища. Не слѣдуетъ слишкомъ возвышать требованій, предъявляя, напримѣръ, знаніе такихъ подробностей, которыя имѣютъ сомнительную цѣну для училищъ, какъ, напримѣръ, древне французскаго, англо-саксонскаго и готскаго языковъ.

Противъ этого послѣдовало возраженіе, что такъ какъ Берлинская конференція признала высшія женскія училища хотя свособравными, но равными гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, то для поддержанія ихъ на этой высотѣ и для выполненія учебнаго плана необходимы испытанныя солидныя учебныя силы; между тѣмъ не извѣстно, какого сорта учительницы получатся изъ проектируемыхъ курсовъ. Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобъ онѣ сравнялись съ академически образованными. Кроме того, такая подготовка учительницъ для старшихъ классовъ противорѣчила бы закону, требующему отъ преподавателей старшихъ классовъ высшихъ училищъ прохожденія гимназическаго и университетскаго курсовъ.

Исходя изъ той точки зрѣнія, что если учительницы желаютъ воспользоваться одинаковыми съ учителями правами, то должны имѣть и одинаковую степень образованія, было предложено завести особенныя женскія гимназіи съ древними языками и для дальнѣйшаго образованія академіи или лицей, соотвѣтствующіе спеціальнымъ университетскимъ факультетамъ. Замѣчательно, что мнѣніе профессора Зибеля о женскихъ гимназіяхъ поддерживалось преимущественно женщинами: miss Арчеръ, начальницей берлинскаго Victoria-Lyceum,

г-жею Бухнеръ, начальницею дармштатдскаго лицея, графиней Ностицъ и членами Letteverein'a, известнаго разсадника и покровителя промышленнаго женскаго образованія; директора же, требовавшіе классической подготовки отъ преподающихъ въ старшихъ классахъ, имѣли въ виду этимъ устранить учительницъ отъ преподаванія въ старшихъ классахъ.

„Мысль, что наши дочери“, говоритъ miss Арчеръ ¹⁾,—„должны получать гимназическое или подобное ему образованіе для многихъ покажется ноожиданною, быть можетъ, даже неприятною. Съ этимъ соединяютъ обыкновенно образъ сняго чулка. Но чтобы видѣть, что въ этомъ случаѣ нѣтъ и рѣчи о какой-нибудь учености, слѣдуетъ не забывать нашихъ сыновей, не избравшихъ себѣ ученой карьеры, пи купцовъ, напрямѣръ, изъ которыхъ многіе очень образованные люди и способные расторопные купцы: они совершенно забыли латинскій и греческій языки. То же самое случится въ большинствѣ случаевъ и съ нашими дочерями, потому что здѣсь дѣло идетъ не столько о латиня, сколько о Geschultsein посредствомъ ея изученія. Это—главное, потому что изученіе латинскаго языка даетъ понятіе о грамматическихъ формахъ, которое едва ли возможно получить инымъ способомъ; далѣе латынь развиваетъ привычку къ строгой внимательности и точности въ выраженіи мыслей и мало по малу доводитъ учащихся до логической ясности, правильности и энергіи мышленія. Не бойтесь учености; женщины могутъ быть очень учеными, но такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ“.

Letteverein предложилъ устроить женскую гимназію въ Берлинѣ, по окончаніи которой молодыя дѣвушки, получившія аттестатъ зрѣлости, могли бы поступать въ университетъ, чтобы получить доступъ къ высшей учебной дѣятельности наравнѣ съ мужчинами. Въ Берлинѣ ежегодно 40% всего женскаго населенія столицы остаются незамужними; общество должно озаботиться дать имъ соотвѣтственныя занятія, чтобы предохранить отъ безнравственности или нищеты. Шульратъ Кауэръ считаетъ эту мысль совершенно нецѣлесообразною, не столько потому, что путь, по которому молодыя дѣвушки должны достигнуть желаннаго высшаго учительства (Oberlehrerthum), хотя вообще можетъ быть признанъ практичнымъ, во всякомъ случаѣ былъ бы самый трудный и самый продолжительный, но главнымъ образомъ

¹⁾ Victoria-Lyceum in Berlin 1869—1879. Слова эти имѣютъ интересъ, какъ сказанныя женщиною. Г-жа Арчеръ умерла въ 1883 г.

потому, что ходъ образованія, какъ онъ понимается защитниками женскаго академическаго образованія, противорѣчитъ женской природѣ и не по силамъ ей. Учительницы, получившія такое образованіе, сдѣлались бы въ самомъ благопріятномъ случаѣ только неудачною копіей со своихъ товарищей-мужчинъ, а еслибы даже и удачною, то во всякомъ случаѣ каждый охотнѣе предпочтетъ оригиналъ. Если желательно, чтобы на ряду съ учителями преподавали въ старшихъ классахъ и учительницы, то онѣ должны представлять изъ себя не учителей въ юбкахъ, а нѣчто совсѣмъ иное. Женскою натурѣ всегда будетъ соотвѣтствовать другой ходъ образованія, чѣмъ мужской, не столько относительно учебнаго матеріала, сколько относительно метода. Дѣвушки, которыя прошли бы гимназическій и университетскій курсы, заплатили бы за полученное такимъ образомъ специальное образованіе потерю тѣхъ преимуществъ женской природы, которыя въ ней выше всего цѣнятся, и вслѣдствіе того онѣ всѣмъ своимъ существомъ на столько были бы не похожи на другихъ женщинъ, что явилось бы большое затрудненіе относительно рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли такихъ особъ допускать къ участию въ воспитаніи и обученіи дѣвушекъ.

Что касается того обстоятельства, что 40% остающихся незамужними должны получить возможность своими силами добывать средства къ жизни, то было заявлено, что педагогическое собраніе вовсе исключило изъ сферы своей дѣятельности такъ-называемый „женскій вопросъ“, а, сверхъ того, едва ли будетъ справедливо предоставить учительницамъ равныя права съ учителями только потому, что онѣ въ такомъ только случаѣ будутъ вполне обезпечены. Если признается весьма желательнымъ и необходимымъ женское участіе въ дѣлѣ воспитанія и обученія, то не по соображеніямъ благотворительности; предъявляющія желаніе посвятить себя учительской дѣятельности въ старшихъ классахъ должны представить гарантію, что дѣятельность ихъ будетъ плодотворна: онѣ должны представить удостовѣреніе въ степени научной подготовки, обнаруженной на государственномъ экзаменѣ, къ которому должны быть допускаемы только учительницы, выдержавшія испытанія по правиламъ 1874 г. послѣ пятилѣтней педагогической практики преимущественно въ высшихъ женскихъ училищахъ. Учительницамъ самимъ предоставляется найти средства для подготовки ко второму испытанію. Большинство, конечно, будетъ довольствоваться частными занятіями; но нѣтъ недостатка и въ общественныхъ средствахъ для продолженія образованія.

Резолюція Кельнскаго главнаго педагогическаго собранія (1876 г.) по этому предмету слѣдующія:

1) Высшее женское училище, для исполненія своей задачи, нуждается въ дѣятельности мужскихъ и женскихъ учебныхъ силъ, равнымъ образомъ участіе научно-образовательныхъ учительницъ въ преподаваніи въ старшихъ классахъ не только допускается, по въ высшей степени желательно.

2) Ко второму испытанію допускаются учительницы, выдержавшія испытаніе по правиламъ 1874 г. и не менѣе пяти лѣтъ занимающія преподаваніемъ, изъ нихъ не менѣе двухъ лѣтъ въ высшемъ женскомъ училищѣ.

3) Второе испытаніе производится комиссіею, которая экзаменуетъ кандидатовъ pro facultate docendi. Для полученія свидѣтельства отъ учительницъ требуется то же самое количество знаній въ избранныхъ ими для преподаванія предметахъ, которое требуется отъ кандидатовъ на званіе учителей реальныхъ училищъ 1-го разряда.

Вмѣстѣ съ этимъ Кельнское собраніе избрало депутацію для представленія прусскому министру народнаго просвѣщенія выработаннаго проекта втораго испытанія для учительницъ. Въ этомъ проектѣ, между прочимъ, выражено желаніе, чтобъ испытательная комиссія требовала отъ кандидатокъ не столько извѣстнаго количества усвоенныхъ памятью знаній, сколько пониманія смысла предмета, для чего должно служить средствомъ, составленное не въ нѣсколько часовъ, подъ строгимъ надзоромъ, сочиненіе на заданную тему, а самостоятельная, въ теченіе довольно продолжительнаго времени, дома приготовленная работа и по поводу ея colloquium, какъ это требуется отъ кандидатокъ на званіе Vorsteherin. Потому, такъ какъ уже на первомъ экзаменѣ констатированъ извѣстный уровень общаго образованія, второе испытаніе должно имѣть характеръ спеціальныи изъ нѣкоторыхъ только предметовъ. Само собою разумѣется, что не всѣ предметы представляются одинаково возможными для дальнѣйшаго научнаго образованія учительницъ; поэтому каждая учительница должна избрать сообразно съ склонностями и способностями тотъ или другой предметъ для изученія.

Министръ Фалькъ отказался дать ходъ этому проекту, признавая, что „необходимость такой мѣры въ настоящее время не можетъ быть имъ признапа настоятельною“. Но чтобы не разочаровать окончательно почтенныхъ директоровъ прямымъ отказомъ, онъ велѣлъ

спросить по этому предмету мнѣніе берлинскаго училищнаго совѣта. Городской училищный совѣтъ, хотя въ принципѣ и призналъ желательнымъ допущеніе учительницъ къ преподаванію и научныхъ предметовъ въ старшихъ классахъ высшихъ женскихъ училищъ и указалъ на примѣръ весьма удачнаго назначенія такой учительницы въ Charlottenschule, присовокупивъ, что найдется для этой цѣли не мало и другихъ достойныхъ учительницъ, но учрежденіе втораго экзамена вышелъ ненужнымъ. Согласно съ этимъ написанъ былъ отвѣтъ министра депутаціи кельнскаго педагогическаго собранія.

Узнавъ объ отказѣ министра, берлинскій ферейнъ учительницъ и воспитательницъ подалъ петицію кронпринцессѣ Викторіи, въ которой обстоятельно изложены задачи и цѣли высшаго женскаго воспитанія и обученія на основаніи постановленій веймарскаго педагогическаго собранія и берлинской конференціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ указана необходимость участія учительницъ въ преподаваніи всѣхъ научныхъ предметовъ въ этихъ училищахъ и недостатокъ средствъ для надлежащей подготовки ихъ къ этой дѣятельности. Вѣроятно, это ходатайство было принято благосклонно, потому что находящійся въ Берлинѣ, подъ покровительствомъ кронпринцессы Викторіи, лицей (Victoria-Lyceum) учредилъ для учительницъ послѣбобъденные курсы, а министерство народнаго просвѣщенія оказало содѣйствіе къ образованію Studien-und Stipendienfonds и, кромѣ того, два раза выдавало экстраординарныя пособія для поддержанія послѣбобъденныхъ курсовъ. Такимъ образомъ учительницамъ, желавшимъ преподавать въ старшихъ классахъ, предоставлена была возможность продолжать научныя занятія, безъ особенныхъ денежныхъ затратъ и при возможности аккуратно исполнять свои служебныя обязанности. Примѣру Victoria-Lyceum послѣдовали другіе шмеккіе лицеи, устроенные по его образцу, въ Бреславлѣ, Кельнѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ-Дармштадтѣ, Карлсруэ и Мюнхенѣ. Кромѣ того, открытая въ 1887 г. Humboldt-Akademie съ цѣлію дать возможность получать дальнѣйшее научное образованіе молодымъ людямъ, окончившимъ гимназіи и реальныя училища 1-го разряда, но не имѣвшимъ возможности поступить въ университетъ или другое высшее учебное заведеніе и принужденнымъ, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, немедленно посвятить себя практической дѣятельности, привлекла въ число слушателей и учительницъ. Humboldt-Akademie допускаетъ слушателей безъ различія пола и возраста, подъ условіемъ представленія аттестата объ окончаніи курса въ общеобразовательномъ

учебномъ заведеніи и внесеніи платы. Въ числѣ слушательницъ лекцій по исторіи, исторіи литературы и искусствъ оказалось много учительницъ, благодаря тому обстоятельству, что чтеніе лекцій въ академіи происходитъ только по вечерамъ отъ 7 до 9 часовъ ежедневно. По словамъ д-ра Гирша, главнаго секретаря конференціи, учительницы занимаются въ высшей степени серьезно, и за 9 лѣтъ существованія академіи не было случая, указывающаго на неудобства для академіи въ какомъ бы то ни было отношеніи отъ совѣстнаго слушанія лицъ обоеихъ половъ. Но такой по истинѣ американскій способъ обученія не былъ симпатиченъ нѣкоторымъ очень вліятельнымъ профессорамъ и не соответствовалъ видамъ министерства народнаго просвѣщенія, а потому правительство нахѣрено было закрыть академію, и она спаслась только благодаря вступничеству императрицы Августы ¹⁾.

Въ послѣобѣденныхъ курсахъ при Victoria-Lyceum, кромѣ чтенія лекцій, преподаватели руководятъ занятіями учительницъ и приучаютъ ихъ къ свободному изложенію мыслей и къ умѣнью обстоятельно передавать письменно и устно прослушанное и прочитанное. Для этого установлены репетиціи и назначены особые часы для классныхъ письменныхъ упражненій на темы изъ исторіи и исторіи литературы. Независимо отъ того, учительницамъ предоставлена возможность слушать и собственно лицейскія лекціи по нѣкоторымъ предметамъ, интереснымъ для учительницъ, какъ, напримѣръ, по исторіи искусствъ, англійской литературѣ и исторіи культуры, назначеніемъ послѣобѣденнаго времени для чтенія этихъ лекцій.

Лекціи въ Victoria-Lyceum и въ Humboldt-Academie не имѣютъ характера университетскихъ чтеній; профессора не задаются цѣлью создать изъ своихъ слушателей ученыхъ и государственныхъ людей, но имѣютъ въ виду приготовить людей истинно образованныхъ. Поэтому лекціи эти излагаются въ систематическомъ, строго научномъ порядкѣ, но популярно, на подобіе публичныхъ лекцій нашихъ прежнихъ профессоровъ. По окончаніи курса въ Victoria-Lyceum и Humboldt-Academie, желающіе подвергаются испытанію изъ извѣстнаго цикла предметовъ и получаютъ установленныя свидѣтельства.

Такимъ образомъ открывшаяся возможность учительницамъ получать дальнѣйшее научное образованіе, а затѣмъ переимѣна въ 1879 г. министра народнаго просвѣщенія, вѣроятно, и были причиною та-

¹⁾ Dr. Max Hirsch. Humboldt-Akademie und Wissenschaftlicher Centralverein. 1878—1885. Berlin, стр. 15.

жого чрезвычайнаго явленія, что въ 1880 г. во многихъ прусскихъ высшихъ женскихъ училищахъ преподаваніе языковъ и въ некоторыхъ научныхъ предметовъ въ старшихъ классахъ поручено было наравнѣ съ академически образованными учителями и учительницамъ. Новый министръ народнаго просвѣщенія Путкаммеръ, не смотря на кратковременное управленіе этимъ министерствомъ, успѣлъ заявить депутаціи директоровъ высшихъ женскихъ училищъ 1-го октября 1880 г., что, по его мнѣнію, эти училища должны имѣть семейный характеръ и вообще обнаружилъ симпатію къ частнымъ училищамъ. Но съ назначеніемъ министра Госслера обстоятельства совершенно перемѣнились. Въ 1881 г. на запросъ по поводу высшихъ женскихъ училищъ въ палатѣ депутатовъ со стороны членовъ партіи центра, особенно покровительствующей женскому учебному персоналу и желающей передать женское воспитаніе въ руки іезуитскаго ордена, министерскій комиссаръ д-ръ Шнейдеръ, въ прекрасной рѣчи охарактеризовавъ всесторонне эти училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи, въ заключеніе сказалъ слѣдующее: „Министерство народнаго просвѣщенія будетъ противождать извѣстному направленію въ области высшаго женскаго образованія, имѣющему цѣлью завести женскія гимназій и вообще такого рода обученіе, которое выходило бы за предѣлы нынѣшнихъ высшихъ женскихъ училищъ. Въ связи съ этими стремленіями находится проектъ установленія для учительницъ подобія такъ-называемому экзамену на званіе старшаго учителя и желаніе чисто научнаго преподаванія въ высшихъ женскихъ училищахъ. Заботою министерства было и будетъ всевозможными мѣрами противождать этимъ тенденціямъ и удержатъ высшее образованіе дѣвушекъ въ его естественныхъ границахъ... Правительство должно гарантировать, что учительницы имѣютъ формальное, научное и техническое образованіе, которое необходимо, если онѣ желаютъ заниматься какъ въ элементарныхъ училищахъ, такъ и въ такъ-называемыхъ высшихъ женскихъ училищахъ. Но можете быть увѣрены, что не въ видахъ правительства созданы неестественное и zu hoch geschraubte образованіе ни дѣвушкамъ, ни ихъ учительницамъ и устанавливать порядокъ вещей, противный ихъ природѣ и женственности. Учительница должна учить дѣтей только тому, что сама знаетъ и можетъ знать, не выше требованій Prüfungsordnung 1874 г.“¹⁾

¹⁾ Verhandlungen über das höhere Mädchenschulwesen in dem Hause der

Въ 1884 г. самъ министръ Госслеръ, возражая Виндгорсту и Рейхеншпергеру по поводу обученія гимнастикѣ въ женскихъ училищахъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ будетъ бороться съ стремленіями многихъ установить мало по малу такъ-называемое женское *Oberlehrerthum*¹⁾). По словамъ депутата д-ра Наторпа, въ Берлинѣ въ послѣднее время учительницы вовсе устраниены отъ преподаванія научныхъ предметовъ въ старшихъ классахъ и занятія ихъ въ этихъ классахъ ограничиваются преподаваніемъ техническихъ предметовъ и отчасти иностранныхъ языковъ; а депутатъ Рейхеншпергеръ (Кельнъ) заявилъ, что изъ 17 учащихся въ каждомъ изъ рейпскихъ училищъ менѣе $\frac{1}{2}$ учительницъ вообще.

Мы имѣемъ до 50 отчетовъ разныхъ прусскихъ высшихъ женскихъ училищъ за 1886—1887 учебный годъ. Изъ нихъ видно, что въ настоящее время дѣйствительно участіе учительницъ въ преподаваніи научныхъ предметовъ въ старшихъ классахъ самое незначительное. Въ берлинскихъ королевскихъ: *Augustaschule* изъ 66 уроковъ учительницамъ предоставлены только 4; въ *Elisabethschule* изъ 90 уроковъ—8; въ городскихъ: *Victoriaschule* изъ 132—11; въ *Charlottenschule* изъ 153—10, въ *Sophienschule* изъ 132—2, *Margarethen-schule* изъ 88—6; въ *Luisenschule* всѣ 132 урока предоставлены учителямъ. Такимъ образомъ, въ берлинскихъ высшихъ женскихъ училищахъ изъ 794 уроковъ научныхъ предметовъ въ старшихъ классахъ преподаютъ учительницы 41 урокъ, то-есть, $5,2\%$. Изъ этихъ уроковъ 30 иностранныхъ языковъ, 5 исторіи, 4 религіи и 2 нѣмецкаго чтенія. Изъ остальныхъ училищъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія, только въ двухъ преподаютъ въ старшихъ классахъ по нѣсколько уроковъ учительницы: въ Эльберфельдскомъ училищѣ—географія 4 урока, нѣмецкаго языка—8 уроковъ, исторіи—4 урока, въ Данцигѣ нѣмецкое чтеніе 8 уроковъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время учительницы, преподающія въ старшихъ классахъ королевскихъ и городскихъ высшихъ женскихъ училищъ, составляютъ исключеніе; имъ предоставлено исключительно преподаваніе въ элементарномъ отдѣленіи, отчасти онѣ преподаютъ въ среднемъ отдѣленіи и почти во всѣхъ училищахъ во всѣхъ классахъ технические предметы и въ нѣкоторыхъ училищахъ французскій и англій-

Abgeordneten. Berlin, am 14 Decemb. 1880 und 17 März 1882 (nach dem stenographischen Berichte). *Zeitschrift für weibl. Bildung.* 1887, стр. 78.

¹⁾ Verhandlungen des preussischen Abgeordnetenhauses vom 5 Februar 1884. *Zeitschrift für weibl. Bildung,* стр. 175.

скій языкъ. Въ другихъ государствахъ Германіи, за исключеніемъ Баваріи, они находятся въ такомъ же положеніи; такъ, напримѣръ, въ Дармштадтскомъ училищѣ только одна учительница Fräulein Bömer преподаетъ исторію во 2-мъ классѣ; въ Дессау (Ангальтъ) въ герцогской Antoinettenschule учительницы преподаютъ французскій и англійскій языки и во 2-мъ классѣ учительница преподаетъ 2 урока исторіи и 2 географіи. Въ Саксонскомъ королевствѣ на 6,651 учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ только 350 учительницъ. Это отношеніе указываетъ, что саксонское правительство не раздѣляетъ мнѣнія относительно допущенія учительницъ къ слишкомъ широкому участию въ общественномъ обученіи, не смотря на то, что саксонскія женскія учительскія семинаріи считаются самыми лучшими во всей Германіи. Въ Вюртембергскомъ королевствѣ въ Katharinenstift и Olga-Schule, находящихся подъ непосредственнымъ покровительствомъ королевы Ольги Николаевны, заведены такъ-называемыя Aufsichtsgouvernanten или Erzieherinnen, на подобіе низшихъ классныхъ дамъ; но противъ этихъ особъ въ одномъ педагогическомъ собраніи высказано мнѣніе, что присутствіе ихъ можетъ быть оправдано только въ такомъ случаѣ, если училище не имѣетъ своихъ собственныхъ штатныхъ учителей; въ противномъ случаѣ эти блюстительницы нравовъ (die Wächterinnen der Sitte) совершенно излишни ¹⁾. Въ баденскомъ Landesherrliche Verordnung прямо сказано, что въ каждомъ женскомъ училищѣ должно быть не менѣе трехъ, получившихъ академическое образованіе, учителей.

Не смотря на такое положеніе вопроса объ учительницахъ, Frauen-Verein не считаетъ своего дѣла проиграннымъ. Въ октябрѣ 1887 г. берлинскія дамы представили прусскому министру исповѣданій и народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ въ Abgeordnetenhaus петицію, чтобы 1) учительницамъ предоставлено было большее участіе въ преподаваніи научныхъ предметовъ въ среднихъ и старшихъ классахъ высшихъ женскихъ училищъ, и чтобы преподаваніе религіи и нѣмецкаго языка было исключительно въ женскихъ рукахъ; и 2) чтобы были государствомъ устроены учебныя заведенія для приготовленія учительницъ для старшихъ классовъ высшихъ женскихъ училищъ. Результатъ этой петиціи еще неизвѣстенъ.

Теперь мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе отъ хронологическаго порядка изложенія и обратимъ вниманіе сначала на обсужденіе въ

¹⁾ *Zeitschrift für weibliche Bildung*. 1886.

восьмомъ педагогическомъ собраніи въ Штутгартѣ вопросовъ о преподаваніи отечественной литературы и исторіи.

Вопросъ о преподаваніи отечественной литературы обсуждался въ главномъ педагогическомъ собраніи въ Штутгартѣ 4-го—7-го октября 1882 г. Но ему предшествовало обсужденіе этого предмета во многихъ провинціальныхъ собраніяхъ; изъ нихъ особенно замѣчательно предварительное вюртембергское провинціальное собраніе (тоже въ Штутгартѣ) 30-го ноября 1881 г., какъ потому, что постановленія его послужили основаніемъ для обсужденія этого вопроса въ главномъ штутгартскомъ собраніи, такъ особенно потому, что оно происходило въ присутствіи ея величества королевы Вюртембергской, великой княгини Ольги Николаевны, покровительницы вюртембергскаго педагогическаго собранія, принявшей участіе въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ касательно преподаванія исторіи литературы.

Принимая во вниманіе постановленіе дрезденскаго педагогическаго собранія, что основнымъ предметомъ обученія въ высшихъ жевскихъ училищахъ долженъ быть отечественный языкъ, было высказано мнѣніе, что главнымъ центромъ обученія въ старшихъ классахъ должно быть ознакомленіе съ отечественною литературой и преимущественно чтеніе ограниченнаго числа соотвѣствующихъ степени развитія учащихся цѣлыхъ произведеній нѣмецкихъ классиковъ. При этомъ чтеніи должны быть дѣлаемы необходимыя для пониманія объясненія и главнымъ образомъ слѣдуетъ обращать вниманіе на планъ и идейное содержаніе художественнаго произведенія. Задача чтенія, между прочимъ, состоитъ въ пріученіи ученицъ къ самостоятельности, для чего служитъ средствомъ не только возможно хорошее чтеніе, но и по поводу его различныя письменныя и устныя упражненія.

Противъ чтенія ученицами цѣлыхъ произведеній классиковъ высказаны были слѣдующія возраженія: 1) во многихъ произведеніяхъ классиковъ находятся эротическія мѣста, чтеніе которыхъ неудобно для 14—15-лѣтнихъ ученицъ; 2) нехристіанское міросозерцаніе, которымъ проникнуты нѣкоторыя произведенія классиковъ, можетъ служить для нихъ соблазномъ. Но всѣ были того мнѣнія, что только посредствомъ правильнаго и разумаго ознакомленія учащихся съ классическою литературой возможно отвлечь ихъ отъ чтенія банальныхъ и предвѣстныхъ произведеній современной беллетристики. Избранныя классическія произведенія не могутъ поколебать христіанскихъ убѣжденій дѣтей, если содержаніе этихъ произведеній достаточно будетъ уяс-

нено и освѣщено. Что касается эротическихъ мѣстъ, то въ принятыхъ въ большинствѣ училищъ классическихъ произведеніяхъ Лессинга, Шиллера и Гете (Вильгельмъ Телль, Валленштейнъ, Германъ и Доротея, Ифигенія, Минна фонъ-Барнхельмъ и нѣкоторыя другія) они не представляютъ собою ничего соблазнительнаго; кромѣ того, въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ такта учителя, который долженъ самъ прочесть такія мѣста (еслибы они встрѣтились) серьезно и съ достоинствомъ, подобно тому, какъ пасторъ читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ Библіи изъ опасенія, чтобы пропускомъ ихъ не обратитъ на нихъ нежела- тельнаго вниманія ученицъ. Не слѣдуетъ только дѣлать по этому поводу никакихъ замѣчаній.

При этомъ ея величество сказала слѣдующее: „Какое благотворное вліяніе будетъ для семействъ, если дѣвушка, посредствомъ со- отвѣтственнаго изученія классическихъ произведеній, будетъ доста- точно вооружена, чтобы противодѣйствовать ложнымъ воззрѣніямъ, которыя нерѣдко проникаютъ и въ семейства, и будетъ въ состояніи направить своихъ братьевъ, увлекшихся въ обществѣ товарищей не- христіанскими воззрѣніями“. Что касается способа объясненій при чтеніи, то ея величествомъ сдѣлано было предостереженіе противъ „Uebergündlichkeit, вслѣдствіе которой слишкомъ много объясняютъ и общипываютъ художественное произведеніе и дѣлаютъ его скуч- нымъ для ученицъ, съ другой стороны—противъ пустого восхищенія и мечтательности. Чувство должно дисциплинироваться посредствомъ мышленія; но объясненія и разсужденія не должны выходить изъ предѣловъ предметнаго пониманія. Прекрасное должно оставаться прекраснымъ и какъ такое непосредственно дѣйствовать на восприм- чивыя души“. Въ заключеніе королева еще разъ обратила вниманіе на то громадное значеніе, какое имѣетъ хорошее чтеніе на благо- роженіе и украшеніе семейной жизни. Относительно письменныхъ упражненій королева рекомендовала обращать особенное вниманіе на краткость, простоту и ясность изложенія, которое должно быть логи- чески правильно, свободно отъ фразъ и *formell korrekt sei*“.

По уходѣ ея величества, при единодушномъ „hoch“, собраніе про- должало обсужденіе вопроса о преподаваніи отечественной литературы.

Вторымъ средствомъ для ознакомленія учащихся съ произведе- ніями литературы признано связное изложеніе главныхъ періодовъ исторіи отечественной литературы. Относительно выбора учебнаго матеріала произошли нѣкоторыя разногласія, но единогласно признано, что при преподаваніи слѣдуетъ останавливаться только на произве-

деніяхъ поэзія; что поэты, въ произведеніяхъ которыхъ вовсе не выражается духъ времени, должны быть исключены изъ курса, а изъ произведеній избранныхъ поэтовъ слѣдуетъ ограничиться только главнѣйшими. Далѣе, признапо правильнымъ мнѣніе, что при историческомъ изложеніи развитія отечественной поэзія въ средніе вѣка слѣдуетъ ограничиться немногими произведеніями; но за то слѣдуетъ обстоятельно изложить значеніе Лютера для нѣмецкой литературы; а изъ поэтовъ новаго періода средоточіемъ преподаванія должны быть Лессингъ, Гете и Шиллеръ. Ознакомленіе съ поэтикой должно предшествовать преподаванію литературы и должно быть не случайное только, при чтеніи.

Относительно письменныхъ упражненій учащихся всѣ были согласны, что такъ-называемыя сочиненія ученицъ даже старшихъ классовъ должны быть только воспроизведеніями (Reproduction), то-есть, чтобы предварительно былъ указанъ ученицамъ и объясненъ матеріалъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено вниманіе на то, что хорошо было бы давать и такія задачи, которыя хотя предварительно не были объяснены, но касаются предметовъ, соответствующихъ степени пониманія ученицъ, и о которыхъ онѣ могутъ имѣть свое, основанное на опытѣ мнѣніе.

При преподаваніи грамматики слѣдуетъ вовсе исключить Mittelhochdeutsche, а методъ сравнительнаго изученія языка примѣнить къ преподаванію иностранныхъ языковъ. Было высказано мнѣніе, что было бы естественно пользоваться при преподаваніи, по крайней мѣрѣ въ младшихъ классахъ, мѣстнымъ швабскимъ или рейнскимъ нарѣчіями, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считаются роднымъ языкомъ. Это мнѣніе показалось собранію до такой степени дикимъ, что подобные нѣмцы названы межеумками. По этому предмету сдѣлано слѣдующее постановленіе: „Есть только одинъ отечественный языкъ въ Германіи, не швабскій и не рейнскій, а тотъ, которымъ говоритъ церковь, на который переведены Библия и церковныя пѣснопѣнія, на которомъ написаны всѣ величайшія произведенія нѣмецкаго гениа, на которомъ ведется преподаваніе во всѣхъ училищахъ и усвоеніе котораго составляетъ принадлежность истиннаго образованія“.

Восьмое собраніе главнаго педагогическаго общества происходило въ Штутгартѣ, въ присутствіи члена совѣта прусскаго министерства народнаго просвѣщенія г-ра Шнейдера, вюртембергскаго государ-

ственного министра д-ра фонъ Гесслера, баденскаго оберъ-шурьрата и 195 директоровъ, учителей и учительницъ ¹⁾).

Предметомъ занятій собранія было обсужденіе слѣдующихъ вопросовъ: а) Каково должно быть преподаваніе исторіи литературы въ старшихъ классахъ высшихъ женскихъ училищъ? б) При какихъ условіяхъ исторія можетъ быть дѣйствительно образовательнымъ предметомъ обученія, и какъ для этого слѣдуетъ распорядиться съ учебнымъ матеріаломъ?

Для обсужденія перваго вопроса представлены были слѣдующіе тезисы:

1) Ознакомленіе учащихся съ отечественною литературою должно производиться главнымъ образомъ (in erster Linie) посредствомъ обстоятельнаго чтенія ограниченаго числа соотвѣствующихъ степени образованія ученицъ цѣлыхъ произведеній классиковъ.

2) При этомъ, сверхъ объясненій, необходимыхъ для пониманія отдѣльныхъ мѣстъ, слѣдуетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ планъ и идеальное содержаніе художественнаго произведенія и посредствомъ постоянныхъ письменныхъ и устныхъ упражненій приучать ученицъ къ самодѣятельности.

3) Нельзя обойтись безъ связнаго историческаго изложенія нѣмецкой поэзіи; но изъ средневѣковой слѣдуетъ ограничиться немногими произведеніями и поэтами; средоточіемъ новѣйшей поэзіи должны быть Лессингъ, Шиллеръ и Гете.

4) Только такія произведенія должны быть избираемы для изученія, которыя имѣютъ особенное характеристическое значеніе или въ историческомъ отношеніи, или въ воспитательномъ.

5) Ознакомленіе съ *Mittelhochdeutsch* слѣдуетъ вовсе исключить.

6) Систематическое преподаваніе поэтики необходимо.

7) Ни одинъ изъ названныхъ предметовъ не долженъ быть преподаваемъ ученицамъ моложе 14-ти лѣтъ.

8) Для преподаванія литературы требуется не менѣе 4-хъ уроковъ въ недѣлю. Успѣхъ обученія зависитъ, впрочемъ, не столько отъ числа часовъ, назначенныхъ на предметъ, сколько отъ способа преподаванія.

Послѣ обычныхъ рѣчей, предшествующихъ обыкновенно обсужде-

---

¹⁾ Verhandlungen der achten Hauptversammlung des Deutschen Vereins abgehalten zu Stuttgart, vom 4—7 Oktober 1882. Leipzig.

нію спеціальныхъ вопросовъ, и реферата, объясняющаго тезисы, д-ръ Шнейдеръ счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу тезисовъ.

„Позвольте мнѣ“, сказалъ д-ръ Шнейдеръ, — „рассказать вамъ по этому поводу одну старую, въ высшей степени поучительную сказку. Одинъ старый калифъ видѣлъ во снѣ, что у него выпали всѣ зубы. Онъ велѣлъ позвать снотолкователя, который объяснилъ ему сонъ такъ: „Всѣ твои родственники умрутъ“. Калифъ велѣлъ дать ему за это 500 ударовъ и позвать другаго снотолкователя. Этотъ объяснилъ сонъ слѣдующимъ образомъ: „Поведитель правовѣрныхъ! Ты переживешь всѣхъ твоихъ родственниковъ“. Этому снотолкователю калифъ велѣлъ дать 500 золотыхъ монетъ. Я думаю, что калифъ въ этомъ случаѣ былъ совершенно правъ. Вліяніе сказаннаго чрезвычайно много зависитъ отъ того, какъ оно сказано, и по отношенію ко всѣмъ, которые борются, работаютъ и трудятся слѣдуетъ наблюдать, чтобы каждое слово такъ было сказано, чтобы оно не раздражало и не возбуждало неприятнаго чувства. Кто слышалъ тезисы и объясненія референта, тотъ знаетъ, что никто такъ не далеко отъ слишкомъ высокихъ требованій по отношенію къ высшимъ женскимъ училищамъ, какъ онъ. Но когда тезисы будутъ напечатаны и прочтутъ: „систематическая исторія литературы необходима, систематическое преподаваніе поэтики также не можетъ не быть необходимымъ“—это будетъ поводомъ къ нападкамъ. Систематическая исторія литературы въ томъ смыслѣ, какъ предлагаетъ Кюберштейнъ и нѣкоторые другіе, слава Богу, исключена даже изъ нашихъ мужскихъ гимназій, и я желалъ бы поэтому не подавать даже повода, чтобы кто-нибудь могъ подумать, что мы желаемъ чего-нибудь подобнаго. „Mass zu halten ist gut“—золотыя слова особенно въ настоящее время. Писатели, произведенія которыхъ въ настоящее время вовсе не читаются и не должны быть читаемы, не должны обременять памяти ученицъ. На что намъ Раммлеръ, Хр. Гунтеръ и множество писателей, группирующихся въ первой и второй силезскихъ школахъ? Позвольте мнѣ сказать прямо, что я отвергаю пригодность этихъ и подобныхъ писателей для высшихъ женскихъ училищъ. То же самое съ поэтикой. Само собою разумѣется, что дѣвушка должна знать отличительныя особенности драмы и эпоса; но я не вижу пользы въ знаніи, что такое терцетъ, секстимъ, апакреонтичскій стихъ и т. п., къ чему даютъ поводъ оды Клоштока. Никто не думаетъ, чтобы этому учили нашихъ дѣвушекъ, но при всемъ томъ это кое-гдѣ практикуется. „Мы желаемъ ознако-

мать нашихъ дочерей съ богатою нашею литературою не какъ ученыхъ, а какъ образованныхъ дѣтей и притомъ образованныхъ родителей. Тонкости языка, на которомъ дитя думаетъ, о чемъ такъ прекрасно говорить Шенкендорфъ, должны быть дороги нашимъ дѣтямъ. Потому основнымъ предметомъ обученія мы считаемъ ознакомленіе съ сокровищами родного языка и притомъ такими, которыя могутъ сдѣлаться доступными пониманію нашихъ дѣтей. Естественно слѣдуетъ понимать это не въ логическомъ смыслѣ, не такъ, чтобы каждая мелочь въ предложеніи была объяснена; но такъ, чтобы душа говорила съ душой и сердце трогало сердце, и если дитя потомъ будетъ знакомиться съ литературою, чтобы оно умѣло наслаждаться тѣмъ, что оно читаетъ, умѣло отдѣлять плевелы отъ пшеницы, чтобы оно оттолкнуло отъ себя всю Schundliteratur и могло чувствовать при чтеніи дурныхъ англійскихъ и французскихъ переводныхъ сочиненій, что въ нихъ говоритъ не духъ его родного языка; въ такомъ только случаѣ мы можемъ сказать, что достигли чего-нибудь. Если мы здѣсь смотримъ на пять памятниковъ ¹⁾, если они намъ кажутся Божіею милостію возвышенными умами, королями въ свободномъ царствѣ ума, людьми, созерцавшими и творившими великое, они должны, такъ мы искренно думаемъ, быть въ такой же степени дороги нашимъ дѣвушкамъ, какъ и мальчикамъ, какъ люди, всю жизнь посвятившіе на исполненіе идеальной задачи, которые пренебрегли мірскими почестями, рагами, матеріальными выгодами, и въ этомъ заключается причина, почему картина жизни этихъ поэтовъ должна запечатлѣться въ ребенкѣ и почему онъ долженъ учиться имъ сочувствовать. Наконецъ въ отечественной поэзіи заключается такое обиліе вѣчныхъ нравственныхъ и религіозныхъ истинъ—золотыя яблоки въ серебряныхъ сосудахъ. Это слова, которыя проникаютъ въ сердце, утѣшая насъ и ободряя въ минуты нужды и искутаній, наставляя и предостерегая, когда намъ предстоитъ какое-нибудь дѣло; тутъ учишься слушать и размышлять надъ тѣмъ, что случилось и что ежедневно можетъ случиться. Если эти задачи будутъ исполнены, тогда, я увѣренъ, обученіе сдѣлается то, что должно сдѣлать, а о мелочахъ не стоитъ спорить. Къ нашей цѣли ведутъ различные пути: одинъ хочетъ учить систематически, другой отрывочно, одинъ въ одной, другой въ другой

¹⁾ Здѣсь говорится о находящихся въ Штутгартѣ памятникахъ Шиллера, Уланда, Ислера, Шваба, Гауса.

эпохѣ желаетъ видѣть исходную точку для своего преподаванія; многіе желаютъ считать самымъ важнымъ то, что произвело наибольшее впечатлѣніе на ихъ сердце. Если одинъ говоритъ, что дѣвушки должны имѣть не меньше 14 лѣтъ, чтобы имѣть право заниматься литературой; другой можетъ сказать: нѣтъ, можно и раньше знакомить дѣвушекъ съ литературой, только другимъ способомъ. Нѣкоторые считаютъ полезнымъ даже 12-лѣтнихъ дѣвушекъ знакомить съ извѣстными пѣснями и стихотвореніями, чтобы потомъ удобнѣе вести съ ними дальнѣйшія занятія; только они не называютъ этихъ занятій ни исторіей литературы, ни ознакомленіемъ съ литературой. Референтъ требуетъ, чтобы ученицы читали цѣлыя произведенія, что только въ такомъ случаѣ возможно полное впечатлѣніе: онъ не желаетъ читать отрывковъ. Другой скажетъ: мнѣ больше по душѣ отрывки и т. п. Я думаю, что относительно такихъ подробностей должна быть предоставлена училищамъ вѣкоторая свобода. Главное, чтобы мы никогда не упускали изъ виду высокой цѣли и не забывали, что мы имѣемъ дѣло съ дѣтьми, съ молодыми дѣвушками*.

Изложимъ теперь сущность замѣчаній, сдѣланныхъ членами собранія по поводу тезисовъ, въ порядкѣ ихъ обсужденія въ собраніи.

Первый тезисъ, очевидно, имѣетъ цѣлью указать на различіе между способомъ преподаванія литературы, который довольствуется только отдѣльными выдающимися отрывками изъ избранныхъ литературныхъ произведеній, и другимъ способомъ, считающимъ необходимымъ изучать въ классѣ немногія, но цѣлыя произведенія отечественной литературы. Конечно, изученіе отрывковъ въ младшихъ классахъ очень полезно и слѣдуетъ заботиться о такой предварительной подготовкѣ ученицъ, но такимъ образомъ, чтобы это изученіе служило только средствомъ для другихъ цѣлей. Ученицы старшихъ классовъ должны изучать цѣлыя произведенія классическихъ писателей, чтобы научиться не схватывать только что-нибудь здѣсь и тамъ, но основательно вдумываться въ смыслъ цѣлаго и это цѣлое понимать какъ произведеніе, созданное на основаніи законовъ прекраснаго и по извѣстному плану.

Такъ какъ относительно этого объясненія послѣдовали нѣкоторыя недоразумѣнія, то д-ръ Шнейдеръ разъяснилъ его слѣдующимъ образомъ: „Если въ тезисѣ говорится: „посредствомъ обстоятельнаго чтенія и т. д.“, то конечно, понимается обстоятельное чтеніе цѣлыхъ произведеній классиковъ; но вопросъ касается исключительности. Дѣйствительно ли слѣдуетъ давать для чтенія ученицамъ исключительно цѣлыя

произведенія? Обратите только вниманіе на „Лингардта и Гертруду“¹⁾, классическое произведеніе новаго времени, первый большой народный романъ, который послужилъ началомъ и образцомъ всей послѣдующей народной литературы. Его не возможно дать для чтенія ученикамъ въ цѣломъ объемѣ; но слѣдуетъ ли оставить не прочитанными прекрасныя мѣста, напримѣръ: „wo die Mutter stirbt“, потому что нѣтъ возможности прочесть цѣлое произведеніе? Я думаю—нѣтъ! Мы имѣемъ нѣкоторые новѣйшіе во всѣхъ отношеніяхъ прекрасные романы, ознакомленіе съ которыми можетъ быть въ высшей степени полезно для дѣвушекъ; но они слишкомъ велики, чтобы быть прочитанными въ классѣ, а потому мы выбираемъ изъ нихъ характеристическія мѣста, которыя могутъ дать полную картину и представляютъ собою законченное цѣлое, не лоскуты, не такія мѣста, для пониманія которыхъ требуется масса объясненій; но такіа, изъ которыхъ читающій могъ бы вынести представленіе цѣлаго. Я увѣренъ, что собраніе не имѣетъ въ виду исключать подобное чтеніе“.

Баденскій оберъ-шультратъ Сальвюркъ съ своей стороны замѣтилъ, что ему кажется несущественнымъ разсужденіе о томъ, цѣлое ли произведеніе должно быть прочитано или, напримѣръ, изъ драмы три акта. Иногда драма производитъ болѣе дѣйствительное впечатлѣніе, если выбросить изъ нея нѣкоторыя сцены. Если опустить нѣкоторыя явленія, то характеры обрисуются яснѣе, дѣйствіе будетъ казаться стройнѣе при сближеніи моментовъ, и такого чтенія никто не назоветъ фрагментарнымъ.

По окончаніи дебатовъ предсѣдатель собранія директоръ Екатерининскаго училища д-ръ Геллеръ представилъ на рѣшеніе собранія слѣдующее положеніе: задача предмета, о которомъ мы говоримъ, состоитъ въ томъ, чтобы ознакомить учащихся съ духовными сокровищами нашего народа. Это достигается главнымъ образомъ посредствомъ изученія выдающихся произведеній литературы. При этомъ должны быть прочитаны нѣкоторыя цѣлыя произведенія, но могутъ быть читаемы и отрывки не только въ старшихъ, но въ среднихъ и даже младшихъ классахъ. При этомъ не слѣдуетъ допускать никакого учебника и замѣтокъ. Поэтому первый тезисъ долженъ быть редактированъ такъ: ознакомленіе съ литературою должно производиться прежде всего посредствомъ обстоя-

¹⁾ Сочиненіе Песталоцци.

тельнаго чтенія; предметомъ чтенія должно быть преимуще- ственно ограниченное число соотвѣтственныхъ степени развитія учащихся произведеній классиковъ.

Въ такой редакціи первый тезисъ принять собраніемъ.

Второй тезисъ касается метода чтенія. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе при чтеніи ученицъ на чистое произношеніе, разумное усвоеніе, осмысленное разчлененіе содержанія и хорошую двицію. Забота о языкѣ есть забота объ образованіи въ обширномъ смыслѣ. Но для этого учитель долженъ самъ владѣть искусствомъ хорошо читать и въ этомъ служить образцомъ для ученицъ, предварительно прочитывая имъ каждое произведеніе. На сколько хорошее чтеніе есть искусство, въ такой же степени должно соблюдать мѣру при объясненіи художественнаго произведе- нія. Чѣмъ труднѣе предметъ, тѣмъ менѣе можно обойтись безъ особенныхъ предметныхъ, грамматическихъ и историческихъ объясне- ній; но слѣдуетъ остерегаться нарушить цѣльность впечатлѣнія из- лишними подробностями и педантизмомъ. Сухой логическій методъ разчлененія, который практикуется во многихъ учебныхъ пособіяхъ для изученія поэтическихъ произведеній, совершенно дискредитиро- вала было на вѣкоторое время настоящій предметъ обученія, такъ что серьезно было сдѣлано предложеніе ограничиться однимъ чте- ніемъ безъ всякихъ объясненій. И то и другое худо.

Объясненія должны состоять въ томъ, чтобы привести учащихся къ пониманію направленія поэта, сначала посредствомъ усвоенія цѣ- лаго, какъ художественнаго произведенія, потомъ посредствомъ уяс- ненія великихъ нравственныхъ мыслей произведенія. При этомъ слѣ- дуетъ избѣгать критики и подробныхъ эстетическихъ толкованій, а еще болѣе мелочной морали. Прекрасное должно всегда оставаться прекраснымъ и если даже проводится въ сознаніе, то должно само собою оказывать свое дѣйствіе. Если художественное произведеніе— драма, то занятіе начинается уясненіемъ отдѣльныхъ сценъ; но при чтеніи cadaго послѣдующаго дѣйствія, слѣдуетъ всегда возвращаться къ предыдущимъ; въ такомъ случаѣ будетъ ясна связь между собою отдѣльныхъ сценъ, то-есть, будетъ очевидно, какъ та или другая часть соединяется съ другою, служа дополненіемъ или подготовленіемъ ея; характеристика лицъ будетъ обстоятельнѣе и опредѣленнѣе; будетъ понятно, въ какой зависимости части и цѣлое находится отъ сущ-ности даннаго рода поэтическихъ произведеній. Преимущественно для дѣвушекъ, которыя такъ охотно останавливаются на частностяхъ и

конкретномъ, такой способъ преподаванія въ высшей степени полезенъ, какъ средство въ извѣстной степени подчинить чувство дѣйствию мышленія и избавить учащихся отъ нареканій въ поверхностности.

Другая задача состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть идеальныя стороны представленныхъ въ произведеніи образовъ. Поэзия должна не только обогатить познанія учащихся и усовершенствовать вкусъ, но вообще сдѣлать ихъ лучше и благороднѣе. Нравственная сторона не стоитъ особнякомъ относительно прекрасной формы, и главнѣйшія произведенія отечественной словесности служатъ примѣромъ такого соединенія и гармоніи красоты съ благороднѣйшею нравственностью (Германъ и Доротея).

Къ занятіямъ чтеніемъ необходимо принадлежать письменные и устные отчеты со стороны ученицъ о прочитанномъ и объясненномъ въ классѣ. Между другими задачами, связанными съ чтеніемъ, не слѣдуетъ пренебрегать изложеніемъ содержащаго литературнаго произведенія. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что ученицы должны заучивать избранные отрывки изъ старинно прочитанныхъ произведеній и умѣть выразительно произносить ихъ.

Второй тезисъ былъ принятъ почти безъ измѣненій.

При обсужденіи третьяго тезиса рѣзко обозначились между присутствующими два направленія относительно преподаванія исторіи литературы. По мнѣнію однихъ, главное мѣсто должно принадлежать исторіи литературы, а чтеніе должно служить только пособіемъ; другіе, на оборотъ, чтеніе признавали главнымъ средствомъ для ознакомленія учащихся съ національною литературою, а исторіи литературы придавали только служебное значеніе, то-есть, что курсъ исторіи литературы долженъ состоять изъ біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ, произведеній которыхъ избраны для чтенія, съ указаніемъ направленія и отношенія ихъ къ своему и предшествующему имъ времени и т. п.

Въ защиту преподаванія исторіи литературы, какъ самостоятельнаго предмета, было обращено вниманіе на то, что при соединеніи исторіи литературы съ чтеніемъ, ни чтеніе, ни исторія литературы не будутъ въ состояніи служить предназначенной цѣли. Чтеніе, по необходимости сопровождаемое всевозможными посторонними эпизодическими вставками, будетъ парализовать дѣйствіе, какое можетъ оказывать на учащихся отдѣльное произведеніе, потому что вниманіе ученицъ постоянно будетъ отвлекаться въ разныя стороны. Исторія литературы въ свою очередь отъ такого служеб-

наго отношенія потеряетъ то, въ чемъ состоитъ ея главное достоинство, историческій характеръ. При этомъ самъ собою напрашивается выводъ, что если ученицы не зрѣлы для связнаго преподаванія исторіи литературы, то едва ли онѣ будутъ въ состояніи понимать и вырванныя изъ цѣлаго части. Было высказано предположеніе, что причиной исключенія изъ курса высшихъ женскихъ училищъ связнаго преподаванія исторіи литературы послужили, съ одной стороны, неудовлетворительные учебники, а съ другой—подражаніе мужскимъ гимназіямъ. Но мужскія гимназіи сообщаютъ только приготовительныя свѣдѣнія для университетовъ, дающихъ окончательное образованіе. На такое дальнѣйшее образованіе дѣвушки въ большинствѣ случаевъ рассчитывать не могутъ; поэтому училище обязано дать имъ извѣстное законченное образованіе, а потому необходимо, чтобы оно сообщило имъ ясное представленіе о ходѣ развитія національной литературы, и притомъ такъ, чтобы онѣ, по выходѣ изъ училища, были въ состояніи легко ориентироваться среди массы литературныхъ произведеній и останавливаться только на твореніяхъ образцовыхъ писателей. Принимая во вниманіе вышенназванное, предложено было формулировать 3-й тезисъ такъ: „Чтеніе и исторія литературы—два средства для ознакомленія съ отечественною литературою“.

Предложеніе это было отвергнуто, потому что исторія литературы, по своему существу, предметъ критическій, объяснительный и безъ ознакомленія съ матеріаломъ, о которомъ говорится, не можетъ быть допущенъ въ училищѣ. Баденскій оберъ-шурлатъ при этомъ обратилъ вниманіе на то, что во многихъ училищахъ на урокахъ литературы занимаются пустымъ резонерствомъ, многорѣчиво разглагольствуя, напримѣръ, о Лессингѣ, не ознакомивъ предварительно ученицъ ни съ однимъ изъ произведеній этого писателя. Такое преподаваніе, по его мнѣнію, сомнительно даже въ нравственномъ отношеніи. Нѣкоторые преподаватели сдѣлали основанное на опытѣ замечаніе, что если желательнo ознакомить ученицъ съ самыми лучшими произведеніями отечественной литературы, то для историческаго изложенія ея въ такомъ родѣ, чтобы оно было полезно для учащихся, остается очень мало времени.

Референтъ, не желая уменьшить значенія ни чтенія, ни исторіи литературы, предложилъ вставить матеріалъ для чтенія въ историческія рамки, потому что все-таки исторія, а не языковеденіе, должно лежать въ основѣ преподаванія литературы въ высшемъ женскомъ училищѣ. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, онъ предложилъ слѣ-

дующую программу весьма сокращеннаго преподаванія литературы и полагалъ, что при сокращеніи учебнаго матеріала можно будетъ остановиться на подробномъ и обстоятельномъ изученіи классиковъ, преимущественно, которые должны служить средоточіемъ обученія литературѣ.

Послѣ довольно продолжительныхъ преній собраніе приняло третій тезисъ въ слѣдующей редакціи: „Историческое изложеніе развитія нѣмецкой поэзіи должно ограничиться очень немногими, самыми главными средневѣковыми произведеніями и поэтами. Средоточіемъ преподаванія новѣйшей поэзіи должны быть Лессингъ, Шиллеръ и Гете“.

Какъ образецъ удачнаго соединенія чтенія свѣдѣній изъ исторіи литературы и письменныхъ упражненій рекомендовано сочиненіе кобленцскаго шульрата Линнига.

Четвертый тезисъ одобренъ безъ существенныхъ возраженій.

Относительно пятаго тезиса выражено нѣкоторыми членами желаніе, чтобъ ученицы могли прочесть въ оригиналѣ какое-нибудь произведеніе *Mittelhoch-deutscher Litteratur* и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ грамматикой этого языка. Но это предложеніе было отвергнуто, потому что училище не въ состояніи на столько ознакомить ученицъ съ этимъ языкомъ и литературою, чтобъ онѣ понимали своеобразныя красоты средневѣковыхъ произведеній, которыя блѣднѣютъ во всякомъ переводѣ.

Шестой тезисъ указывалъ на то, что свѣдѣнія изъ теоріи поэзіи составляютъ необходимое пособіе для ознакомленія съ поэтическими произведеніями. Но вопросъ въ томъ, должны ли свѣдѣнія эти быть сообщаемы учащимся, по мѣрѣ надобности, при чтеніи, наравнѣ съ другими реальными объясненіями, или же слѣдуетъ предварительно преподавать учащимся систематическій курсъ теоріи поэзіи, чтобъ они при чтеніи могли самостоятельно давать требуемыя объясненія. Шестой тезисъ, очевидно, склоняется къ этому послѣднему способу преподаванія, Референтъ, въ своемъ объясненіи этого тезиса, старался доказать, что изложеніе сущности поэзіи и ея видовъ не можетъ быть предоставлено случаю и отрывочному преподаванію, которое во многихъ отношеніяхъ недостаточно и служитъ источникомъ разрозненности знаній; но ознакомленіе съ теоріей изложенія не должно быть абстрактно, а конкретно, при помощи многихъ образцовъ, заимствуемыхъ не только изъ отечественной, но и изъ иностранныхъ литературъ. Въ нѣкоторыхъ училищахъ принято чтеніе пѣсенъ Гомера и драмъ Софокла; при этомъ самое подходящее мѣсто для теоріи поэзіи.

Само собою разумѣется, что здѣсь не имѣются въ виду такъ-называемыя образныя выраженія, стопы, рими и т. п., которыя не нуждаются въ системѣ. Большинство собранія поддержало однако противоположное мнѣніе, что многіе учителя, руководствуясь этимъ соображеніемъ, естественно впадутъ въ мертвый схематизмъ.

6-й тезисъ измѣненъ слѣдующимъ образомъ: „слѣдуетъ сообщать свѣдѣнія изъ поэтики“.

7-й тезисъ, по словамъ референта, указываетъ на то, что несвоевременное ознакомленіе ученицъ съ литературою не только бесполезно, но можетъ быть и вредно, не говоря уже о теоріи поэзіи и исторіи литературы. Если этотъ предметъ будетъ преподаваться дѣтямъ моложе 14 лѣтъ, то нельзя избѣжать опасности причинить имъ или крайнее умственное напряжение, или же сообщить имъ то печальное полужнаніе, которое совершенно притупляетъ способность къ дѣйствительному наслажденію прекраснымъ, могущему проявиться только гораздо позже, въ свое время. Такимъ образомъ, ни пониманіе прекраснаго, ни образованіе нравственной стороны не можетъ быть достигнуто слишкомъ раннимъ знакомствомъ съ литературою. Необходимъ ли и цѣлесообразенъ приготовительный курсъ, который заведенъ въ нѣкоторыхъ училищахъ,—вопросъ этотъ оставленъ безъ отвѣта; но замѣчено, что нельзя допускать разнаго рода экспериментовъ надъ дѣтьми такого возраста, когда опытомъ признано необходимымъ по возможности ограничить для нихъ учебный матеріалъ изъ отечественной словесности и сосредоточить ихъ вниманіе только на самомъ необходимомъ.

7-й и 8-й тезисы приняты безъ измѣненія.

Приведемъ здѣсь мнѣніе по этому предмету г-жи Л. Бухнеръ, начальницы Дармштадтскаго лицея, пользующейся большимъ уваженіемъ въ нѣмецкомъ педагогическомъ мѣрѣ, мнѣнія которой цѣнилъ бывшій русскій министръ народнаго просвѣщенія д-ръ Фалькъ.

„Нелегкая задача—выборъ учебнаго матеріала изъ исторіи литературы, предмета въ высшей степени сложнаго по содержанию, особенно когда имѣются въ виду 13, 14 и хотя бы 15-лѣтнія дѣвочки. Берлинская конференція постановила: „ознакомленіе съ соответствующими степени развитія дѣвочекъ главнѣйшими произведеніями отечественной поэзіи и съ главными эпохами исторіи литературы“. Главными произведеніями Гете считаются: Фаустъ, Вильгельмъ Мейстеръ, die Wahlverwandtschaften, Вертеръ, Тассо, Ифигенія. Какое изъ этихъ произведеній можно выбрать для чтенія и усвоенія четырнадцатилѣт-

нимъ дѣвочкамъ, которыя, если онѣ естественны, не прочь въ куклы играть? Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній вовсе неудобны для чтенія ученицамъ; а что касается Тассо и Ифигеніи, то нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть на дѣвочекъ, когда съ ними ведутъ бесѣду объ этихъ произведеніяхъ, ни содержанія которыхъ, ни внутреннихъ психологическихъ явленій въ мужинахъ, ни нравственнаго достоинства и чистоты, которыми дышатъ женскіе образы, онѣ или вовсе не понимаютъ, или же въ крайнемъ случаѣ имѣютъ весьма слабое представленіе. Изъ произведеній Гете удобнымъ для чтенія въ женскомъ училищѣ признается только „Германъ и Доротея“; но и съ нимъ не мало хлопотъ. Можно читать еще избранныя отрывки изъ „Wahrheit und Dichtung“: но только избранные... Безъ сомнѣнія, ученые педагоги скажутъ: мы стоимъ за Шиллера, поэта юношей и народа! Какъ будто Шиллеръ не въ такой же степени, какъ и Гете, можетъ быть въ пору зрѣлымъ развитымъ умамъ. Но изъ сочиненій Шиллера, за исключеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній, какія можно выбрать и изъ Гете, только нѣсколько драмъ пригодны для классныхъ занятій съ ученицами 14—15 лѣтъ. Въ собственномъ исполненіи повитномъ интересѣ женскаго юношества большинство произведеній Шиллера можно отложить до 16—18-лѣтняго возраста, когда проявится естественная поэтическая и духовная восприимчивость къ твореніямъ этого великаго поэта, и онъ сдѣлается для нихъ въ свое время мѣриломъ чистаго и благороднаго вкуса и идеальнаго настроенія. То же самое слѣдуетъ сказать о Лессингѣ. На сколько прекрасенъ и величественъ для насъ взрослыхъ Натанъ,—мы постоянно можемъ читать и перечитывать это великое произведеніе,—на столько оно скучно для дѣвочекъ. Онѣ интересуются только Ревекой и Тамплиеромъ и потомъ разочаровываются, узнавъ, что они—братъ и сестра. Оказывается, что изъ этого возвышеннаго произведенія производить на нихъ впечатлѣніе и остается въ памяти только фабула... Лессингъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ его юношескихъ произведеній, долженъ считаться неудобнымъ для младшаго класса старшаго отдѣленія, потому что даже Минна фонъ-Барнгерльмъ возбуждаетъ одну тоску въ дѣтяхъ, если она читается прежде чѣмъ ученицы достаточно ознакомятся съ историческими отношеніями, или же когда ихъ эстетическое чувство еще недостаточно развито, чтобы по достоинству оцѣнить прекрасный планъ и исполненіе его въ этомъ произведеніи. Конечно, учитель все это имъ можетъ разказать, и онѣ, при хорошей памяти, могутъ при случаѣ повторить его объясне-

ніа; но повторить не значитъ усвоить. Такое искусственное знаніе влечетъ за собою справедливо осуждаемую поверхностность и полу-образованіе. При этомъ всегда нужно принимать въ расчетъ качество преподавателей литературы въ женскихъ училищахъ, которые, по очень понятной причинѣ, въ большинствѣ случаевъ далеки отъ совершенства... Слѣдствіемъ несвоевременныхъ и неумѣлыхъ запятій литературою бываетъ не дѣйствительное почитаніе въ ней великаго и прекраснаго, по равнодушіе. Нисколько не странно, если дѣвушки говорятъ, что имъ скучно читать Шиллера или Лессинга, потому что онѣ читали уже ихъ въ училищѣ; онѣ набрасываются на пустые романы, и молодымъ людямъ обонхъ половъ гораздо больше удовольствія доставляетъ Родерихъ Бенедиксъ и др., чѣмъ Тассо, Ифигенія или Валленштейнъ; потому что эти произведенія онѣ знаютъ почти наязуть, хотя на самомъ дѣлѣ вовсе ихъ не понимаютъ. Съ большимъ страхомъ, но основываясь на многолѣтнемъ опытѣ, я рѣшаюсь высказать мнѣніе, что новѣйшая литература и исторія литературы, какъ таковая, не должны быть предметомъ обученія въ женскихъ училищахъ, въ которыхъ ученицы оканчиваютъ курсъ не позже 16-ти-лѣтняго возраста, и что, для подготовки ученицъ къ болѣе позднему пониманію литературы, равно какъ для развитія ихъ вкуса, желательно предложить иной методъ. Ребенку мы будемъ давать сказки, древнѣйшій первоначальный источникъ поэзіи; на слѣдующей ступени можно давать дѣтямъ тѣ произведенія, которыя созданы народомъ въ его юношескомъ возрастѣ. Развѣ намъ не могутъ служить для этой цѣли произведенія греческой и отчасти римской поэзіи? Можно съ пользою читать ученицамъ избранныя мѣста изъ Гомера, отрывки изъ Гезіода, Виргилія и нѣкоторыя болѣе подходящія мелкія стихотворенія тѣхъ временъ. Существуетъ мнѣніе, что для полнаго пониманія читаемаго нужно знать языкъ, на которомъ написано произведеніе. Въ этомъ отношеніи достаточно воспользоваться лучшими переводами. Это чтеніе будетъ, между прочимъ, имѣть и тотъ результатъ, что въ музеяхъ и галереяхъ дѣвушки не будутъ чувствовать себя, какъ въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ мірѣ и выстѣ съ тѣмъ не будутъ чужды имъ многія художественныя произведенія и подражанія. Выстѣ съ греческими могутъ быть читаемы персидскія героическія саги, которыя составляютъ естественный переходъ къ германскимъ религіознымъ вѣрованіямъ и эпическимъ поэмамъ. Хорошая книга для чтенія, кромѣ соотвѣтственныхъ статей изъ отечественной литературы, должна содержать

еще статьи изъ вышеупомянутыхъ литературъ; вмѣстѣ съ этимъ въ такой книгѣ весьма полезно будетъ помѣстить нѣкоторыя произведенія греческаго театра, напримѣръ, какое-нибудь произведеніе Эсхила, преимущественно же Софокла, который создалъ идеальный образъ дочери и сестры, выше котораго не представляетъ никакая другая литература. Такимъ образомъ достаточно будетъ матеріала до 15-ти-лѣтняго возраста. Послѣдній годъ можно употребить на ознакомленіе съ нѣкоторыми главнѣйшими произведеніями отечественной литературы и на изложеніе общаго очерка ея исторіи*.

Замѣчательное мнѣніе это не было однако принято въ соображеніе штутгартскимъ собраніемъ, хотя указаные ею факты нисколько не прикрашены, а цѣликомъ взяты изъ дѣйствительности.

Вообще чтеніе стенографическаго отчета о занятіяхъ штутгартскаго педагогическаго собранія обсужденіемъ вопроса о преподаваніи исторіи литературы производитъ какое-то странное впечатлѣніе; какъ будто оно не уяснило себѣ обстоятельно вопроса. Преподаваніе отечественнаго языка и литературы составляетъ, кажется, вездѣ, по крайней мѣрѣ, на сколько намъ извѣстно, въ Германіи, Австріи и Франціи большое мѣсто. Какъ-то невольно припоминаются слова Шрадера ¹⁾: „Едва ли какимъ-нибудь другимъ предметомъ обученія педагогическій міръ занимался съ такимъ усердіемъ, какъ отечественнымъ языкомъ; богатѣйшая литература этого предмета служитъ очевиднымъ свидѣтельствомъ какъ добросовѣстнаго прилежанія относительно отысканія наилучшаго метода, такъ еще болѣе неопредѣленности, господствующей въ этой области дидактики.“

Какъ свидѣлствуютъ отчеты разныхъ высшихъ женскихъ училищъ, постановленія штутгартскаго собранія не приняты въ руководство въ большинствѣ нѣмецкихъ женскихъ училищъ.

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что постановленія штутгартскаго собранія, какъ относительно преподаванія *Mittelhochdeutsch*, такъ и литературы, составлены подъ вліяніемъ изданныхъ 31-го марта 1882 г. прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія учебныхъ плановъ для мужскихъ гимназій. Для сравненія и для большей ясности штутгартскихъ постановленій приведемъ здѣсь выписку изъ объяснительной записки къ этимъ планамъ касательно преподаванія отечественной литературы. „Исторія отечественной литературы не должна быть преподаваема, какъ

¹⁾ Erziehung-und Unterrichtslehre. 1868.

самостоятельный учебный предмет; потому что, если она не основывается на чтеніи достаточнаго числа произведеній, ведетъ къ обремененію памяти именами и числами и вредному повторенію непонятныхъ сужденій и общихъ фразъ. Напротивъ того, требуется, чтобъ ученики, на основаніи удачно выбраннаго класснаго и домашняго чтенія, ознакомились съ главными эпохами отечественной литературы, и чтобъ они прониклись почтеніемъ къ дѣателямъ литературы посредствомъ изученія важнѣйшихъ изъ доступныхъ имъ произведеній. Національный долгъ каждаго образованнаго человѣка сохранить въ памяти самыя цѣнныя произведенія классическихъ поэтовъ своего народа, какъ нетлѣнныя сокровища. Школа должна позаботиться объ исполненіи этого, избравъ изъ доступныхъ пониманію учениковъ и соотвѣтственныхъ степени ихъ развитія стихотворенія, которыя должны заучить цѣлый классъ. Соотвѣтственное произвошеніе заученнаго будетъ содѣйствовать пониманію и развитію способности чтенія вслухъ... Точно въ такомъ же отношеніи, какъ къ исторіи литературы задача школы находится къ піитикѣ, риторикѣ, метрикѣ. Учитель долженъ имѣть обо всемъ этомъ основательныя, систематически связныя познанія; ученикъ тоже долженъ усвоить не малую степень познаній, но исключительно такъ, чтобъ сообщаемыя ему свѣдѣнія служили къ обстоятельному пониманію читаемаго произведенія и потомъ мало по малу были приведены въ извѣстную связь и порядокъ. Подобное же мѣсто должны занимать свѣдѣнія, относящіяся къ стилистикѣ и расположенію (*dispositio*) при урокахъ, назначенныхъ на подготовку къ сочиненіямъ и на ихъ исправленіе⁴.

Любопытна постановка этого предмета въ австрійскихъ гимназіяхъ. Въ *Instruktionen für den Unterricht an den Gymnasien in Österreich* 1884 г. сказано: „Исторія литературы въ принципѣ не должна считаться предметомъ обученія въ гимназіяхъ, если она преподается *ästhetisierend*, то-есть, если ученику сообщаются эстетическія сужденія, которыхъ онъ не научился самъ составлять изъ чтенія; но оставаясь чисто историческою, то-есть, описывая литературныя произведенія, личности, направленія въ ихъ исторической связи съ мѣстомъ и временемъ, она въ такой же степени допускается, какъ и гражданская исторія и дополняетъ послѣднюю. При всемъ томъ необходимо наибольшее ограниченіе учебнаго матеріала, особенно въ тѣхъ періодахъ, произведенія которыхъ не составляютъ предмета школьнаго чтенія⁴. По этимъ извлеченіямъ очевидно, что требованія отъ преподаванія отечественной литературы даже въ официальныхъ актахъ страдаютъ неопредѣленностью.

Для обсужденія втораго вопроса: „при какихъ условіяхъ исторія можетъ быть дѣйствительно образовательнымъ предметомъ обученія и какъ для этого слѣдуетъ распорядиться съ учебнымъ матеріаломъ“ — представлены были слѣдующіе тезисы:

I. Цѣль преподаванія.

1. Преподаваніе исторіи должно оказывать вліяніе на развитіе всѣхъ способностей души и дать имъ нравственное направленіе.

2. Съ этою цѣлью необходимо: а) упражнять ученицъ въ нахожденіи причинной связи между событіями и руководить ихъ въ пониманіи настоящаго изъ прошедшаго; б) пробудить въ дѣтяхъ сочувствіе и стремленіе ко всему великому и благородному въ жизни человѣчества, къ праву, нравственности, а также интересъ къ государственнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ они должны видѣть представителей права и нравственности; в) указать въ историческихъ событіяхъ развитіе вѣчныхъ идей и такимъ образомъ укрѣпить въ дѣтяхъ благотворную вѣру, что Провидѣніе направляетъ человѣчество къ исполненію великихъ историческихъ задачъ.

II. Методъ преподаванія.

1. Необходимо исключительно живое слово учителя (а не чтеніе въ классѣ и не объясненіе учебника) и уясненіе разказаннаго посредствомъ спрашиванія ученицъ.

2. Изложеніе учителя должно быть простымъ разказомъ, вполне согласнымъ съ истиной и должно быть наглядно.

3. Спрашиваніе ученицъ имѣетъ цѣлью переработать изложенное на урокъ и должно быть всесторонне развивающимъ упражненіемъ, чтобы преподаанный историческій матеріалъ, на основаніи данныхъ различныхъ точекъ зрѣнія, былъ усвоенъ въ его внутренней связи.

4. Приобрѣтенныя свѣдѣнія слѣдуетъ закрѣпить въ памяти посредствомъ повтореній, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ дадутъ возможность находить внутреннюю связь между болѣе отдаленными другъ отъ друга историческими событіями.

5. Рекомендуются такой учебникъ, въ которомъ кратко изложены главные факты, безъ накопленія подробностей. Дѣло учителя — обстоятельное изложеніе. Диктовка урока или записываніе со словъ учителя безусловно воспрещается.

6. Историческія свѣдѣнія должны быть основаны на географическихъ. Для наглядности преподаванія рекомендуется пользованіе историческими картинками.

7. Порядокъ преподаванія слѣдующій: приготовительный курсъ и рядъ курсовъ древней, средней и новой исторіи, въ которыхъ главное вниманіе должно быть обращено на отечественную исторію.

III. Учебный матеріалъ.

1. При сортировкѣ учебнаго матеріала, кромѣ общихъ педагогическихъ основаній, слѣдуетъ принимать во вниманіе природу и назначеніе дѣвушки; поэтому слѣдуетъ болѣе всего останавливаться на такихъ эпохахъ, въ которыхъ выдаются идеальныя моменты и нравственные интересы.

2. Дополненіемъ къ двумъ послѣднимъ годичнымъ курсамъ могутъ служить эпохи и явленія въ развитіи изящныхъ искусствъ.

Референтъ, директоръ эльберфельдскаго училища Шораштейнъ, весьма обстоятельно объяснилъ эти тезисы. Объясненія его сводятся къ слѣдующему основному положенію: преподаваніе исторіи имѣетъ цѣлю, кромѣ положительныхъ свѣдѣній, дать ученицамъ формальное образованіе и содѣйствовать ихъ нравственному развитію. Формальное образованіе достигается посредствомъ прагматическаго изложенія событій. Конечно, такое изложеніе возможно только въ старшихъ классахъ; но и въ приготовительномъ курсѣ, въ которомъ положены только разказы и біографическіе очерки, слѣдуетъ заботиться объ извѣстной связи, группируя событія по эпохамъ, и не слѣдуетъ сообщать ученицамъ безсвязныхъ анекдотическихъ разказовъ, а только полезныя свѣдѣнія, хотя занятія на этой степени не входятъ въ кругъ существеннаго преподаванія исторіи. Говора о нравственномъ вліяніи преподаванія исторіи, референтъ не имѣетъ въ виду приучать находить связь между событіями и объясненіе судьбы историческихъ лицъ на основаніи правилъ нравственности. Исторія не есть наука о зависимости счастья отъ добродѣтели, и нельзя переносить на ходъ развитія всемірной исторіи узкія правила нашей обыденной морали. Равнымъ образомъ слѣдуетъ избѣгать и противоположнаго взгляда, также поверхностно и неразумно судящаго объ историческихъ явленіяхъ. Здѣсь имѣется въ виду та малодушная, не вѣрующая философія, которая, находя міровой порядокъ не соответствующимъ обыкновеннымъ правиламъ человѣческаго

ума, отвергаетъ всякое участіе Высшаго Разума въ исторіи человѣчества. И къ тому, и къ другому слѣдуетъ отнести слова Библіи: „Мои мысли не ваши мысли, ни ваши пути—Мои пути, говорятъ Господь“. (Исаія 55. 8.). Эта высшая связь и дѣлаетъ исторію возвышеннымъ предметомъ для человѣческаго ума. Но учитель долженъ хорошо и вѣрно понимать свою обязанность въ этомъ отношеніи, избѣгая сообщать ученикамъ готовые разсужденія и предоставляя фактамъ говорить за себя. Относительно распредѣленія курса исторіи по классамъ референтъ того мнѣнія, что цѣль преподаванія одинаково можетъ быть достигнута какъ коцентрическимъ расположеніемъ учебнаго матеріала, такъ и прогрессивнымъ. Все зависитъ отъ разумнаго выбора учебнаго матеріала и отъ передачи его преподавателемъ. Конечно, ограниченіе учебнаго матеріала должно быть не въ той мѣрѣ, которую К. Раумеръ предлагаетъ въ своемъ сочиненіи о воспитаніи дѣвушекъ. Его требованію слѣдуетъ противопоставить требованіе основательности свѣдѣній и для дѣвушекъ. Великія эпохи и личности должны быть обстоятельно изложены; при этомъ слѣдуетъ обращать вниманіе, кромѣ политической исторіи, на культуру и искусство. При разумномъ выборѣ учебнаго матеріала болѣе важное должно быть отдѣлено отъ менѣе важнаго, при чемъ послѣднее должно проходить только вкратцѣ, или и совсѣмъ выброшено. Такъ, одни имена и числа, если съ ними не связаны живыя представленія, не имѣютъ никакого значенія. Борьба за династическіе интересы, войны для пріобрѣтенія новыхъ земель должны быть изложены очень кратко, съ указаніемъ причинъ и результатовъ ихъ. Только тѣ войны, въ которыхъ интересъ сосредоточенъ на выдающихся личностяхъ и которыя имѣютъ важное вліяніе на всю эпоху, должны быть изучены обстоятельно. Что касается государственнаго устройства, то достаточно объяснить главное различіе между формами правленія и указать на зависимость отъ нихъ благосостоянія народовъ. Такъ какъ уваженіе къ женщинѣ и исполненіе ею своего назначенія обуславливается главнымъ образомъ нравственнымъ взглядомъ на жизнь, то конечно, тѣ эпохи, въ которыхъ наиболѣе обнаруживается дѣйствіе идеальныхъ и нравственныхъ мотивовъ, имѣютъ самое важное воспитательное значеніе для высшихъ женскихъ училищъ.

По выслушаніи реферата, предсѣдатель собранія директоръ Геллеръ выразилъ мнѣніе, что референтъ представилъ высшій идеаль преподаванія исторіи; но не легко снискать съ этой высоты воззрѣній къ дѣйствительности, въ наши классныя комнаты. Поэтому онъ

предложили собранію избрать для обсужденія только слѣдующіе пункты, касающіеся собственно практическаго примѣненія высказанныхъ референтомъ взглядовъ: а) достиженіе учащимися основательныхъ и точныхъ свѣдѣній и этическаго или нравственно-религіознаго настроенія; б) возможное ограниченіе учебнаго матеріала съ обращеніемъ особеннаго вниманія на то, что имѣетъ значеніе для отечества и для всего человѣчества; в) при распредѣленіи учебнаго матеріала слѣдуетъ руководствоваться этимъ же взглядомъ и рекомендовать концентрическое изложеніе.

Собраніе согласилось обсуждать вопросъ о преподаваніи исторіи въ предложенномъ предсѣдателемъ порядкѣ.

По поводу перваго пункта нѣкоторыми директорами, на основаніи многолѣтняго опыта, сдѣлано заявленіе, что дѣйствительно отношеніе между познаніями ученицъ въ исторіи и временемъ, посвящаемымъ на занятіе этимъ предметомъ (5—6 лѣтъ), далеко не пропорціонально. Причина этого зла заключается, между прочимъ, въ шаблонномъ отношеніи преподавателей къ учащимся. Преподаватели большею частію забываютъ, что передъ ними не мальчики, а дѣвочки для возбужденія и поддержанія интереса которыхъ къ предмету занятій должны быть нѣсколько иныя средства. Референтъ, между прочимъ, предлагаетъ для этого, чтобы половина каждаго урока посвящена была преподавателемъ на изложеніе, которое должно быть живо, наглядно, при помощи географическихъ картъ, историческихъ картинъ, стихотвореній и т. п. и совѣтуетъ при этомъ избѣгать, по мѣрѣ возможности, излишнихъ хронологическихъ данныхъ. Другая половина должна состоять въ спрашиваніи ученицъ, которое имѣетъ цѣлю довести ихъ до основательнаго пониманія изложеннаго, до самостоятельнаго находенія ими внутренней связи и послѣдовательности какъ между только что изложенными фактами, такъ и между этими и фактами, извѣстными ученицамъ изъ прежнихъ уроковъ. Однимъ словомъ, исторія въ сознаніи ученицъ не должна быть несвязнымъ агрегатомъ случайныхъ событій. Все это гораздо легче сказать, чѣмъ исполнить. Затрудненіе, при исполненіи этого прекраснаго требованія, встрѣтится какъ со стороны учащихся, такъ и учащихся. Извѣстно, что человѣку не особенно умственно развитому не легко съ одинаковымъ вниманіемъ слѣдить довольно продолжительное время за какою бы то ни было рѣчью, Ребенку это еще труднѣе. Для изложенія урока исторіи, при выше изложенныхъ условіяхъ, потребуется минимумъ 25 минутъ. Это время

для дѣтей особенно младшаго и даже средняго возраста слишкомъ достаточно, чтобы утомить ихъ вниманіе и заставить ихъ потерять нить разказа. Съ другой стороны едва ли кто-нибудь изъ слѣдующихъ за ходомъ преподаванія въ училищахъ станетъ отрицать, что способность живой увлекательной рѣчи большая рѣдкость между преподавателями исторіи. Въ большинствѣ случаевъ мы слышимъ отъ нихъ на урокахъ изложеніе весьма далекое отъ того, чтобы возбудить въ учащихся интересъ къ предмету. Тѣ преподаватели поступаютъ гораздо практичнѣе, которые не полагаясь на вліяніе своего краснорѣчія послѣ каждаго примѣрно десятиминутнаго разказа, обращаются къ ученикамъ съ нѣсколькими вопросами относительно предмета изложенія. Благодаря этому, хотя, какъ говорятъ, и нарушается цѣльность представленія, но освѣжается вниманіе ученицъ и лучше запоминаются ими основные факты. При этомъ не слѣдуетъ пренебрегать и хронологіей, избирая для заучиванія преимущественно тѣ хронологическія данныя, которыя должны быть средствомъ для болѣе легкаго усвоенія историческихъ фактовъ. Что касается до указаннаго референтомъ способа спрашиванія ученицъ, съ которымъ въ принципѣ нельзя не согласиться, то для достиженія предполагаемой имъ цѣли, мало второй половины урока (25 минутъ). Учитель прежде всего долженъ заставить болѣе слабыхъ ученицъ связно повторить разказъ. Трудно допустить, чтобы въ этомъ случаѣ въ помощь спрашиваемой не были привлекаемы другія ученицы и не потребовалось содѣйствіе самого учителя. Потомъ должны слѣдовать вопросы касательно связи событій, не только сообщенныхъ на этомъ урокѣ, но извѣстныхъ ученицамъ изъ цѣлаго ряда прежнихъ уроковъ. Можетъ случиться, что нѣкоторыя ученицы вовсе забыли или спутали прежніе факты; въ такомъ случаѣ учитель едва ли оставитъ безъ вниманія это обстоятельство; но если это и не случится, то во всякомъ случаѣ нахожденіе самими ученицами причинной связи въ среднихъ классахъ и даже въ младшихъ классахъ высшаго отдѣленія (Oberstufe) останется вовсе безъ результата; а въ старшихъ классахъ потребуетъ довольно продолжительнаго времени. Въ большинствѣ случаевъ нетерпѣливый учитель самъ объяснитъ эту связь и этимъ превратитъ въ ничто весь прекрасно задуманный планъ преподаванія исторіи. Такимъ образомъ препятствіе къ исполненію разумаго желанія референта, кромѣ степени умственнаго развитія учащихся и недостатка въ талантливыхъ учителяхъ, заключается еще въ недостатокѣ времени.

По вопросу о возбужденіи въ учащихся, посредствомъ преподаванія исторіи, этическаго или религіозно-нравственнаго настроенія, собраніе согласилось съ мнѣніемъ референта.

Относительно втораго пункта, то-есть, возможнаго ограниченія учебнаго матеріала, чтобы при выборѣ его обращаемо было преимущественно вниманіе на значеніе его для отечества и для всего человѣчества, къ сказанному референтомъ можно прибавить слѣдующія соображенія: Если исторія не должна оставаться простымъ перечнемъ именъ и чиселъ, а быть живымъ предметомъ, могущимъ оказывать на учащихся извѣстное вліяніе, то содержаніемъ ея должно быть небольшое количество обстоятельно и систематически изложенныхъ фактовъ. Конечно, она не должна состоять, какъ нѣкоторые рекомендуютъ, только изъ біографическихъ очерковъ, характеристикъ эпохъ, исторіи культуры и искусствъ и жизнеописаній благороднѣйшихъ женщинъ. Біографическіе очерки должны войти въ подготовительный курсъ; для исторіи культуры и искусствъ слѣдуетъ назначить особые уроки въ старшихъ классахъ, когда ученицами достаточно усвоенъ необходимый матеріалъ изъ всеобщей исторіи. На этихъ урокахъ исторія искусствъ можетъ быть преподаваема во внутренней связи и зависимости отъ общаго культурнаго состоянія народовъ въ данную эпоху; иначе этотъ предметъ превратится въ безцвѣтный, только хронологически связанный, не осмысленный рядъ именъ и произведеній. Но превратить всю исторію въ біографическіе очерки историческихъ мужчинъ и женщинъ было бы вовсе не педагогично. Даже при тѣхъ небольшихъ требованіяхъ, какія предъявляются женскимъ училищамъ, исторія не должна терять извѣстной доли своего научнаго характера. Изъ всѣхъ руководствъ и учебныхъ пособій, извѣстныхъ подъ именемъ „Всеобщая исторія въ біографіяхъ“, едва ли кто-нибудь въ состояніи назвать хоть одно пригодное для этой цѣли, представляющимъ въ извѣстной связи правильный ходъ событій, а потому они не дадутъ возможности обозрѣть исторію человѣчества, какъ нѣчто цѣлое. Изъ видовъ педагогическихъ, конечно, слѣдуетъ начинать исторію съ отдѣльныхъ біографій; но въ слѣдующихъ классахъ біографическій элементъ долженъ уступить мѣсто историческому. Такія книги, какъ „Всеобщая исторія въ біографіяхъ“ могутъ служить для домашняго чтенія ученицамъ; но нельзя слѣдовать имъ при преподаваніи. Что касается историческихъ женщинъ, то имъ слѣдуетъ отвѣсти столько мѣста, сколько онѣ дѣйствительно занимаютъ въ исторіи по своему значенію и вліянію, не обращая вниманія на то, будутъ ли

это образцы нравственности и добродѣтели, или представительницы невѣдомыхъ міру пороковъ и безнравственности ¹⁾).

Директоръ Геллеръ обратилъ вниманіе собранія на слѣдующее: Такъ какъ обученіе иностраннымъ языкамъ признано весьма важнымъ и полезнымъ для образованной дѣвушки, то слѣдовало бы ихъ ознакомить съ главными эпизодами изъ исторіи Франціи и Англіи не только въ связи съ отечественною исторіей. Исторія Франціи и Англіи слишкомъ важна для исторіи Германіи, и сравненіе ихъ будетъ однимъ изъ необходимыхъ для пониманія исторіи упражненій. Притомъ, по справедливому толкованію Ж. Б. Вико, названіе всеобщей исторіи указываетъ, что содержаніемъ ея служитъ то, что обще всемъ народамъ. Слѣдуетъ, конечно, при составленіи учебныхъ плановъ позаботиться объ удачномъ выборѣ учебнаго матеріала, чтобы избѣжать излишняго обремененія учащихся.

При обсужденіи вопроса о распредѣленіи учебнаго матеріала единогласно была признана необходимость приготовительнаго курса (VI и V кл.), который долженъ состоять изъ біографическихъ очерковъ и разказовъ, заимствованныхъ изъ древней, средней и новой исторіи; но эти разказы не должны составлять цѣльнаго курса исторіи. Вообще приготовительный курсъ долженъ служить только къ пріученію учащихся заниматься исторіей.

Но мнѣнія разошлись относительно распредѣленія учебнаго историческаго матеріала въ четырехъ старшихъ классахъ. Одни доказывали необходимость преподаванія исторіи въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная съ древней въ 4-мъ классѣ и оканчивая новѣйшею въ 1-мъ классѣ; другіе предлагали раздѣлить весь матеріалъ на два курса, и въ каждомъ изъ нихъ проходить всю исторію.

Прогрессивный (aufsteigend) способъ преподаванія исторіи поддержанъ былъ тѣмъ соображеніемъ, что, при концентрическомъ преподаваніи, не возможно связное изложеніе историческихъ событій, потому что для такого изложенія будетъ слишкомъ мало времени. Если первые два года будутъ назначены на краткій курсъ, въ которомъ могутъ быть сообщены только отрывочныя свѣдѣнія изъ всей исторіи, то на болѣе обстоятельное прохожденіе систематическаго курса, съ прибавленіемъ исторіи культуры и искусствъ, останется только два года, при двухъ (или трехъ, если преподается исторія искусствъ)

---

¹⁾ Эта сторона вопроса о преподаваніи исторіи обстоятельно разбрана въ статьѣ *Вистора: Die höhere Töchtersehule und ihre Gegner.*

урокахъ въ недѣлю. Какъ ни ограничивать учебный матеріалъ, все-таки его будетъ столько, что, принимая во вниманіе задачу преподаванія исторіи, кромѣ сообщенія положительныхъ свѣдѣній, оказывать вліяніе на умственное и нравственное развитіе дѣтей, цѣль эта не будетъ достигнута. Между тѣмъ при прогрессивномъ распре-дѣленіи историческаго матеріала, оставляя пригготовительный курсъ при біографическихъ очеркахъ и разказахъ на четыре послѣдова-тельныхъ годовыхъ курса (древняя, средняя, новая и новѣйшая исторія), можно излагать исторію въ надлежащей связи. Кромѣ того, такъ какъ для дѣвушекъ наиболѣе важна отечественная исто-рія, онѣ будутъ заниматься ею въ теченіе трехъ лѣтъ, и самый труд-ный отдѣлъ исторіи (новѣйшая) придется изучать ученицамъ самаго старшаго возраста.

При этомъ нѣкоторые члены собранія высказались противъ обы-чая пачинать преподаваніе исторіи изложеніемъ событій изъ исторіи ревности; начиная исторію ознакомленіемъ дѣтей съ бытомъ и государ-ственнымъ устройствомъ чужихъ и притомъ весьма отдаленныхъ отъ насъ по времени народовъ, мы сдѣлаемъ или вовсе невозможными наглядность изложенія и живость представленія, или же достигнемъ этого съ большимъ трудомъ. Поэтому было бы полезнѣе отказаться отъ этой привычки и начнать преподаваніе съ отечественной исторіи, которая ближе пониманію дѣтей, чѣмъ древнія времена, чѣмъ исторія Греціи и Рима, а потому и гораздо легче для усвоенія.

Директоръ Геллеръ возразилъ, что это мнѣніе противорѣчитъ его убѣжденію, основанному на многолѣтней опытности въ дѣлѣ препо-даванія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ: „Для начинающихъ равно затруднительно усвоеніе исторіи—начнемъ ли мы преподаваніе ея съ древнихъ германцевъ или съ грековъ и римлянъ; а безъ исторіи Греціи и Рима учащіеся не поймутъ хода развитія нашей новой исто-ріи. Тамъ можно ограничиться изложеніемъ въ общихъ очеркахъ; а при преподаваніи исторіи Германіи необходимо входить въ подроб-ности, которыя часто не соотвѣтствуютъ степени развитія дѣтскаго возраста. Хотя въ женскихъ училищахъ не занимаются исключи-тельно политическою исторіей, при всемъ томъ въ новой исторіи попадаются выраженія, которыя вовсе непонятны ребенку, если онъ не ознакомленъ съ общимъ ходомъ исторіи при помощи исторіи Гре-ціи и Рима. Мы должны начинать преподаваніе исторіи ознакомле-ніемъ съ тѣми странами и народами, съ которыхъ вообще начинается исторія. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, что было бы въ высшей

степени полезно еще разъ прѣйдти исторію Греціи и Рима въ старшихъ классахъ въ связи съ исторіей искусствъ; но начинать преподаваніе съ исторіи Германіи, а изученіе исторіи Греціи и Рима перенести въ старшіе классы едва ли будетъ въ интересѣ историческаго обученія". Мнѣніе д-ра Геллера поддержалъ профессоръ Стой изъ Іены. „Я не могу допустить“, сказалъ онъ,—„чтобъ ученикамъ тѣхъ классовъ, въ которыхъ начинается систематическое преподаваніе исторіи, могли быть понятны, а слѣдовательно, и интересны личности новой и новѣйшей исторіи, побудительныя причины дѣйствій и поступковъ которыхъ можно объяснить только государственными отношеніями, религіозными вліяніями и т. п. фактами, съ которыми не мыслимо знакомить дѣтей этого возраста. Я допускаю, что для дѣтей это будетъ любопытно; новые для нихъ факты могутъ ихъ занимать: но мы не достигнемъ того желательнаго вліянія, которое возможно только при совершенномъ пониманіи и сочувствіи изображаемой личности. Такими личностями богата только древняя исторія, преимущественно Греція и Римъ, съ которой и слѣдуетъ начинать систематическій курсъ исторіи. Образъ мыслей и дѣйствій древнихъ, ихъ рѣчи и чувства такъ просты и ясны, что, какъ мы знаемъ изъ опыта, совершенно понятны дѣтскому уму, не смотря на отдаленность времени ихъ жизни и дѣятельности. Возьмемъ, напримѣръ, Одиссея, Солона, Перикла, Демосеена, и т. п. Для слѣдующаго возраста будетъ болѣе подходящею средняя исторія и т. д.“

Защитники концентрическихъ курсовъ воспользовались этимъ разногласіемъ своихъ противниковъ и старались доказать, что такіа затрудненія не могутъ встрѣтиться, если раздѣлить исторію по крайней мѣрѣ на два курса. Въ первомъ двухгодичномъ курсѣ можетъ быть пройдена вся исторія кратко, въ видѣ удобопонятныхъ разказовъ. Этимъ способомъ ученицы приобрѣтутъ навыкъ и достаточный запасъ свѣдѣній для связнаго и, если угодно, научнаго изложенія исторіи, начиная съ древней. Выстѣ съ тѣмъ концентрической способъ преподаванія обладаетъ еще тѣмъ преимуществомъ, что, благодаря краткости времени, не дастъ учителю возможности вдаваться, особенно въ послѣднемъ курсѣ, въ излишнія подробности, только обременяющія память ученицъ. Кромѣ того, этотъ способъ, давая возможность ученицамъ два раза повторить весь историческій матеріалъ, ручается за прочность приобрѣтенныхъ ими познаній.

Но что концентрическая система состоитъ не въ томъ, чтобы учебный матеріалъ непременно былъ заключенъ въ нѣсколько круговъ;

онъ долженъ постепенно увеличиваться, и такой послѣдовательно восходящій методъ гораздо правильнѣе, чѣмъ разрываніе учебнаго матеріала на нѣсколько круговъ.

Такъ какъ по этому предмету обнаружилось непримиримое разногласіе, то комиссаръ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія объяснилъ съ своей стороны, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ понимать подъ концентрическими курсами. „Съ этими курсами“, сказалъ онъ,— „приходится имѣть дѣло при преподаваніи различныхъ предметовъ, и это совершенно естественно и понятно въ томъ отношеніи, что вмѣстѣ съ расширеніемъ умственнаго кругозора ребенка расширяется, соответственно съ этимъ, и учебный матеріалъ. Если же слѣдуетъ понимать это въ томъ смыслѣ, что учебный матеріалъ нельзя распределять иначе какъ только концентрично, то возникаетъ вопросъ, согласуется ли такое дѣленіе съ характеромъ даннаго учебнаго предмета. Не уничтожить ли интереса дѣтей постоянное втискиваніе всей исторіи въ рамки круговъ?—Кто заинтересовалъ, тотъ и привлекъ къ себѣ, дѣтя, и я не знаю другаго средства заставить дѣтей учиться, какъ заинтересовавъ ихъ предметомъ. Я понялъ вопросъ о концентрическихъ курсахъ такъ, что вы считаете необходимымъ, послѣ приготовительнаго курса, состоящаго изъ простыхъ историческихъ разказовъ, который послужитъ фундаментомъ, начать настоящее преподаваніе исторіи, продолжительность срока котораго будетъ зависѣть отъ значеннаго времени, существующихъ потребностей, способностей и подготовки дѣтей. Съ этимъ я согласенъ“.

Постановленіе собранія по этому предмету редактировано такъ:

Исторія раздѣляется на приготовительный курсъ (Vorstufe) и главный (Hauptstufe). Первый состоитъ изъ двухъ годичныхъ курсовъ при томъ же числѣ уроковъ. Первый годъ назначается на изученіе древней исторіи, второй—средней, третій—новой, четвертый—новѣйшей. Въ послѣднемъ классѣ прибавляется одинъ урокъ на повтореніи исторіи Греціи и Рима въ связи съ исторіей искусства.

Это распределеніе принято во многихъ немѣцкихъ высшихъ женскихъ училищахъ съ тѣмъ только различіемъ, что въ однихъ приготовительный курсъ начинается съ VII (нашего 1-го класса), въ другихъ съ VI, а въ нѣкоторыхъ съ V класса. Но во многихъ училищахъ весь историческій матеріалъ раздѣленъ на два (въ нѣкоторыхъ даже на три) концентрические круга. Такое распределеніе принято и прусскимъ министерскимъ нормальнымъ учебнымъ планомъ 1886 года.

М. Стефановичъ.

НАША УЧЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Родная рѣчь. Русская хрестоматія для двухъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Соколовъ. Москва 1888. Въ 8-ку стр. XI+259. Цѣна 70 коп.

При обученіи языку вообще и живому устному слову въ особенности хорошая книга для чтенія, хрестоматія, является существеннымъ и необходимымъ пособіемъ. Изъ нея учащійся обогащается запасомъ словъ и выраженій; по ней приучается говорить складно и связно; изъ статей, помѣщенныхъ въ хрестоматіи, малолѣтній учащійся усваиваетъ первыя болѣе или менѣе дѣльныя мысли, хорошія чувства, приобретаетъ эстетическій вкусъ. И все это бываетъ тѣмъ скорѣе, тѣмъ благотворнѣе, чѣмъ цѣннѣе по содержанію, чѣмъ доступнѣе и занимательнѣе для пользующихся хрестоматіей статьи, помѣщенные въ ней. Такъ именно взглянулъ на задачу книги для чтенія г. Соколовъ, составитель хрестоматіи для двухъ низшихъ классовъ подъ названіемъ „Родная рѣчь“. Примѣняясь къ требованіямъ учебныхъ плановъ министерства народнаго просвѣщенія и главнымъ видамъ практическихъ занятій по хрестоматіи, г. Соколовъ раздѣлилъ свою книгу на четыре отдѣла, имѣли въ виду дать матеріалъ для пересказа (I отдѣлъ), заучиванія наизусть (II и III отдѣлы), и для извлеченій и вѣкласнаго чтенія (IV отдѣлъ).

И соотвѣтствіе поставленнымъ цѣлямъ и задачамъ автора можно видѣть въ хрестоматіи г. Соколова. Такъ всѣ статьи его хрестоматіи, будучи заимствованы изъ образцовыхъ русскихъ писателей, по

---

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

языку представляют образцы правильной, изящной и доступной дѣтскому пониманію русской рѣчи. Описанія природы въ большинствѣ случаевъ представляют выдержки изъ произведеній такихъ знатоковъ и цѣнителей ея, какъ Аксаковъ, Тургеневъ. Если и встрѣчаются изрѣдка обороты, свойственные нашему народному языку, или названія предметовъ крестьянской обстановки и жизни, (въ родѣ: „медвѣдь учуялъ, ухватился за грядки“, стр. 22; или: „тамъ брали окуни и липя“, стр. 39), то ихъ, сравнительно, напримѣръ, съ хрестоматіей г. Полеваго, очень немного, и пренебрегать знакомствомъ съ ними, какъ съ техническими выраженіями своего рода, нельзя. Затруднять же маленькаго читателя они не могутъ, такъ какъ находятся въ I отдѣлѣ для объяснительнаго чтенія и пересказа подъ руководствомъ преподавателя; въ IV отдѣлѣ, для вѣкласснаго чтенія, подобныя слова объяснены въ выноскахъ, какъ, напримѣръ, слово пережоки на стр. 193.

Содержаніе статей не только вполне доступно дѣтямъ первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, но полно живаго интереса и способно будить въ учащихся мысль и хорошія чувства, внушая, напримѣръ, стремленіе къ добру и правдѣ, любовь къ родиנѣ и ко всему родному. Кромѣ относящихся къ области русской исторіи, весьма многія статьи типически вѣрно рисуютъ черты русскаго характера, обстановки и условій русской жизни и быта. Таковы, напримѣръ, въ I отдѣлѣ №№ 36, 57, 65, 71, 73, 81, 85, 89, 90, 91, 104, всѣ статьи II и III отдѣловъ, и по крайней мѣрѣ пять шестихъ между статьями IV отдѣла. Съ 18-й страницы до конца книги уже не встрѣчается статей, обязанныхъ своимъ появленіемъ на свѣтъ какому-нибудь иностранному писателю и только переведенныхъ русскимъ авторомъ кромѣ трехъ сказокъ Андерсена и двухъ-трехъ выдержекъ изъ сочиненій Жуковскаго. Множество выдержекъ изъ сочиненій гр. Л. Толстаго, гр. А. Толстаго, Тургенена придаютъ свѣжесть и характеръ новизны книгѣ г. Соколова. Въ отношеніи содержанія можно бы развѣ пожелать только устраниенія изъ хрестоматіи, при будущихъ ея изданіяхъ, разказовъ нѣсколько мистическаго характера, каковы, напримѣръ, №№ 45, 55, 76 въ I отдѣлѣ, и разказовъ, оставляющихъ тяжелое впечатлѣніе, въ родѣ №№ 37 и 47 того же I отдѣла.

Во II и III отдѣлахъ составитель, помѣщая басни и стихотворенія, по видимому, имѣлъ въ виду ознакомить учащихся хоть съ нѣкоторыми произведеніями по возможности всѣхъ выдающихся нашихъ баснописцевъ и поэтовъ. Это, конечно, можетъ служить прекраснымъ

подспорьемъ при дальнѣйшемъ изученіи исторіи литературы. Но притомъ г. Соколовъ не забылъ и требуемаго отъ учениковъ первыхъ четырехъ классовъ учебными планами министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ въ этихъ двухъ отдѣлахъ помѣщено до 20 стихотвореній, обязательныхъ для заучиванія наизусть. Можно бы, конечно, и еще что-нибудь прибавить изъ стихотвореній, рекомендуемыхъ учебными планами министерства народнаго просвѣщенія, вмѣсто, напримѣръ, №№ 5, 12, 14 изъ III отдѣла. Въ дѣтствѣ стихотворенія заучиваются гораздо легче, чѣмъ въ старшихъ классахъ гимназій, и, заученныя помнятся всю жизнь, а потому, чѣмъ больше заучить ученикъ первыхъ классовъ изъ обязательнаго для заучиванія наизусть, тѣмъ лучше ему будетъ впоследствии.

IV отдѣлъ хрестоматіи г. Соколова по характеру статей похожъ на I отдѣлъ; только статьи въ немъ, какъ предназначенныя для бѣлаго внѣкласснаго чтенія и извлеченій, сложнѣе по содержанию и объемистѣе. Онъ также составленъ съ умѣньемъ и пониманіемъ какъ дѣла, такъ и дѣтей, и можно быть увѣреннымъ, что и объемистыя статьи IV отдѣла будутъ прочитаны съ большимъ удовольствіемъ внѣ класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ хорошимъ матеріаломъ для множества извлеченій.

Вообще на всей книгѣ г. Соколова лежитъ отпечатокъ желанія автора дать хорошее учебное пособіе при обученіи родному языку, и притомъ такое, къ которому учащіеся обращались бы не только какъ къ обязательному учебнику, но и какъ къ любимой книгѣ для чтенія.

Русская исторія въ русской поэзи. Сборникъ стихотвореній. Составилъ *Петръ Вейнбергъ*. С.-Пб. 1888.

Составитель задумалъ, какъ это видно изъ самаго заглавія книги, въ хронологическомъ порядкѣ отъ Олега до нашего времени представить исторію Россіи въ выдержкахъ изъ стихотвореній лучшихъ русскихъ поэтовъ и изъ историческихъ народныхъ пѣсней. Началъ онъ со стихотворенія „Олеговъ шить“ Пушкина и вслѣдъ затѣмъ помѣстилъ „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“. Помѣщеніе втораго изъ этихъ двухъ стихотвореній вполне соответствуетъ плану, но первое изъ нихъ относится къ событіямъ 1829 года. Олегъ тутъ только припоминается; главная же мысль стихотворенія сосредоточена на событіи войны, окончившейся Адрианопольскимъ миромъ;

Твой путь мы снова обрѣли.
 Но десь, когда мы вновь со славою
 Къ Стамбулу грозно притекли,

Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
 И нашу рать передъ Отамуломъ
 Твой старый щитъ остановилъ.

Ясно, что Олегъ тутъ—только поэтическое сопоставленіе. Весьма странно, что съ первой страницы сборника его система нарушена. Вслѣдъ за пѣсней о Вѣицѣмъ Олегъ помѣщена пѣсня о походѣ Владиміра на Корсунь гр. А. Толстаго. (Святославъ пропущенъ). Въ стихотвореніи этомъ вмѣстѣ съ предельно заключительныхъ стиховъ и художественными мѣстами (напримѣръ, при описаніи возвращенія Владиміра въ Кіевъ) много нестройнаго и непоэтического. Въ первой части преобладаетъ тонъ „Садка богатаго гостя“ того же автора—возвръніе на нашу старину въ духѣ проспавшаго цѣлые вѣка юмористическаго „Потока“. О принятіи Владиміромъ вѣры Христовой говорится въ тонѣ, не соответствующемъ важности и святости предмета:

Смотри жъ, говоритъ (монахъ): для небесныхъ наградаъ,
 Чтобъ въ райскій по смерти войти виноградаъ,
 Ты долженъ душою смириться.
 Смирюсь, говоритъ ему князь: я готовъ,
 Но только смирюсь безъ урону.

И въ мудрости тотчасъ рѣшаетъ сенатъ,
 Чтобъ Руси отверзлись ворота;
 Владиміръ приему радушному радъ,
 Вступаетъ съ дружиной въ испуганный градъ—
 И молвить сенату: „ну, то-то!

Сдавайтесь прошу васъ смиренно,
 Не то—не взмните, собью вашу спѣсь—
 Креститься хочу непременно!“

Въ величавомъ подборѣ классическихъ воспроизведеній поэтами событій русской исторіи можно было бы помѣстить только вторую часть этого стихотворенія, гдѣ поэтъ, покинувъ юмористическій тонъ, отдался событію крещенія Руси:

По лону Диѣпровскихъ сіяющихъ водъ

Какъ сонъ вся мнувшая жизнь пронеслась,
 Почувлась правда Господня . . .

И на берегъ, вышелъ душой возрождень,
Владиміръ для новой державы,
И изъ Русь милосердія внесъ онъ законъ:
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Предавъ не явнущей славы.

Изъ Слова о Полку Игоревѣ помѣщены переводы Майкова, Гербеля и Мея. Татарскую эпоху представляютъ: большой отрывокъ изъ трагедіи Озерова: „Димитрій Донской“, народная пѣсня: „Щелкапъ Дудетьевичъ“ и „Александръ Невскій“ Мея. Противъ такого выбора можно сказать, что онъ далеко не полонъ, да къ тому же была бы выбрана не лучшей редакціи; въ сборникахъ Кирѣевскаго и Рыбникова можно найти описаніе нашествія и трогательные мотивы „татарскаго плѣна“. Нельзя было пропустить стихотворенія Майкова: „Въ Городцѣ“, гдѣ подвигъ Александра Невскаго охваченъ во всемъ его нравственномъ и патриотическомъ значеніи. Это стихотвореніе слѣдовало бы помѣстить непосредственно послѣ стихотворенія Мея. Евнатій Коловратъ пропущенъ, хотя и послужилъ предметомъ для поэмъ Лыжкова и Мея. Вообще о Лыжковѣ составитель забылъ; ничего не взято изъ его „Услада“, даже нѣтъ прекрасныхъ стиховъ о Святославѣ:

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу.

Какъ было пропустить строфы изъ кантаты Майкова на коронаваніе нынѣшняго Государя, гдѣ такъ хорошо изображено государственное значеніе Москвы отъ самого ея начала, и цѣлыя двѣ страницы о значеніи Кремля—изъ посланія того же поэта „Къ Карамзину“? Только такими произведеніями и можно поэтически запечатлѣть русскую исторію въ юныхъ сердцахъ.

Время Іоанна Грознаго представлено восемью піесами. Изъ нихъ неудачно выбрана сцена изъ трагедіи гр. А. Толстаго и его же: „Князь Михайло Репнинъ“. Лермонтова нельзя было пропустить; однако же нѣтъ ни одного стиха его. „Василій Шибановъ“ гр. А. Толстаго помѣщенъ по справедливости. Въ этой повѣсти Грозный царь представленъ въ борьбѣ съ измѣной, онъ ранитъ, какъ только могъ ранитъ Грозный невиннаго, но этотъ невинный—вѣрный слуга его государева измѣнника. Выдержки изъ письма Курбскаго и вся обстановка сцены уравновѣшиваютъ впечатлѣніе своею историческою правдой. „Князь Репнинъ“ не болѣе какъ вымыселъ. Тутъ изображено бѣшенство тирана, глумленіе надъ обычаями предковъ, чего въ Грозномъ не было. Отрывокъ изъ „Смерти Іоанна Грознаго“, рисуется въ Грозномъ

одну напыщенность и безсиліе, паденіе всякаго величія. Грозный жалокъ и смѣшенъ въ сценѣ съ Гарабурдой.

Изъ „Исковитянки“ Мея взята сцена народнаго вѣча; она оканчивается возстаніемъ молодежи, не подчинившейся общему рѣшенію гражданъ. Въ цѣлой драмѣ сцена эта у мѣста и не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія на юную голову, какъ взятая отдѣльно. Еще сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе сцена убіенія Дмитрія Самозванца изъ хроники Островскаго. Тутъ вниманіе читателя останавливается на деталяхъ бунта. Остальныя статьи первой половины сборника хорошо подобраны, хотя онѣ общеизвѣстны и находятся въ хрестоматіяхъ.

Послѣ пародіи иѣспы объ избраніи Михаила Феодоровича помѣщена былина „Стенька Разинъ“, тоже неудачно выбранная. Въ большинствѣ былинъ на эту тему народъ выдаетъ Стеньку правосудію, онъ такъ-сказать плачетъ съ нимъ вмѣстѣ, и съ нимъ вмѣстѣ кается, предусматривая грядущую казнь. Въ былинѣ, помѣщенной у г. Вейнберга, Разинъ представленъ въ апоэозѣ героя. Ему пришло время умереть, и онъ кончается на извѣстномъ эпосу таинственномъ бѣломъ камнѣ, на которомъ умирають богатыри, а осиротѣлые его ставничники убѣгаютъ въ далекія степи.

О Петрѣ Великомъ необходимо было взять отрывки изъ поэмъ Ломоносовскаго періода, изъ Пушкинна все, что есть у него о Петрѣ какъ это сдѣлано въ брошюрѣ Филонова: „Петръ Великій по Пушкину“ (изданіе комиссіи народныхъ чтеній). Приступая къ эпохѣ преемниковъ Петра, г. Вейнбергъ былъ видимо въ затрудненіи и выбралъ только оду Ломоносова на восшествіе на престолъ Елисаветы

Царей и царствъ земныхъ отрада...

Здѣсь, слѣдуя идѣи сборника, надо было помѣстить стихи лучшихъ поэтовъ о Ломоносовѣ, какъ, напримѣръ, Майкова, гдѣ нѣсколькими штрихами очерчена и эпоха Анны Іоанновны. Ода Ломоносова есть характерный образецъ литературы, но она не живописуетъ событій. Въ періодъ царствованія Екатерины Второй опять отступленіе отъ общей системы сборника: взять „Водопадъ“ Державина — стихотвореніе безцвѣтное, за исключеніемъ начала и четырехъ строкъ о великолѣпномъ князѣ Тавриды. Авторъ видимо не потрудился перелистать Державина для своей цѣли. Первые два тома академическаго изданія дали бы ему яркую картину эпохи, и небольшія выдержки могли бы быть существеннымъ пособіемъ для преподавателя исторіи, когда ему приходится упоминать о Румянцовѣ, Орловыхъ, Бец-

комъ, Безбородкѣ, о Суворовскихъ побѣдахъ. Спрашиваешь: почему „Одѣ на шведскій миръ“ отдано предпочтеніе? И не получаешь отвѣта. Измаилъ же пропущенъ, и съ нимъ вмѣстѣ утрачены черты живой патриотической струи и особаго колорита эпохи, создавшей ставъ Екатерининскихъ орловъ и лебедей ¹⁾. Остались только примѣры холодной напыщенности (Водопадъ, Ода на миръ со Швеціей) и критика нравовъ двора (Фелица).

Двѣнадцатый годъ представленъ полнѣе, но жаль, что и здѣсь забыто стихотвореніе Майкова, какъ забыты многія историческія стихотворенія московскихъ поэтовъ.

Для исторіи русской слѣдовало бы подобрать цѣлый рядъ историческихъ народныхъ пѣсень, подобно тому, какъ это сдѣлано въ исторической хрестоматіи Буслая ²⁾ и, болѣе разнообразными выдержками избѣгнуть односторонности. При существованіи исторической хрестоматіи Галахова сборникъ г. Вейнберга ничего не даетъ въ помощь преподаванія исторіи словесности. Мысль составителя хорошая, но нельзя не упрекнуть г. Вейнберга въ легкомъ отношеніи къ труду, въ небрежномъ, какъ бы скороспѣшномъ выборѣ образцовъ для книги, которой онъ хотѣлъ дать значеніе „пособія“ для преподаванія не только русской исторіи, но и исторіи литературы. Трудъ не достигаетъ цѣли.

Г. Веркгауитъ. Пособіе къ чтенію и изученію Фѣдра. PRAEDRI FABULAE AENONIAE. Curavit G. Werkhaupt. M. 1888. Въ 8-ку стр. 122. Цѣна 60 к.

Въ „Пособіи“ г. Веркгауита заключаются текстъ басенъ Фѣдра, пояснительныя къ нимъ примѣчанія и латинско-русскій словарь. Что касается текста, то онъ представляетъ такъ-называемую нульгату

¹⁾ Разумѣемъ мѣста, подобныя слѣдующимъ, которыя не искутъ стать у Державина:

Идутъ въ молчаніи глубокою,
Во мрачной, страшной тишинѣ;

Они молчатъ—идутъ впередъ.
Не бардъ ли древній, наступавшій,
Волшебнымъ ихъ ведетъ жезломъ?
Нѣтъ, свыше пастырь вдохновенный
Идетъ предъ ними со крестомъ и т. д.

²⁾ Пѣанъ Астраханя; подвиги на Волги и въ степяхъ; сплается царевна на Москвѣ; Лапуновъ. О Петрѣ Великомъ есть пѣсня о Ладожскомъ каналѣ, и многія о Шведскомъ походѣ.

безъ какихъ-либо исправленій со стороны издателя. Примѣчанія имѣютъ цѣлю способствовать учащимся въ легчайшемъ и скорѣйшемъ пониманіи текста, и, въ общемъ, достигаютъ ея: они довольно обстоятельны, не оставляютъ встрѣчающихся трудностей безъ объясненія и только изрѣдка представляются излишними. Главный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что комментаторъ не строго приворовился къ степени познаній и развитости своихъ читателей: по учебнымъ планамъ министерства, чтеніе басенъ Федра имѣетъ мѣсто въ III классѣ гимназій и прогимназій, и учениковъ этого класса слѣдовало имѣть въ виду г. Веркгаупту. Между тѣмъ у него встрѣчаются нерѣдко такіа указанія, которыя уже давно извѣстны гимназистамъ III класса, или же, на оборотъ, для нихъ преждевременны. Приведемъ нѣсколько примѣровъ того и другаго рода: стр. 3, объясняя эпитетъ *legibus* — *aequis*, г. Веркгауптъ приводитъ въ скобкахъ: *aequus*, а, умъ ровный, справедливый; стр. 7 „*victus* — побѣжденный“; стр. 8 „*quiscumque* — „кто бы ни“; стр. 16 „*inops* — неимущій, недостаточный, бѣдный“; стр. 38 „*interdium* — днемъ“; и на ряду съ такими элементарными указаніями, въ которыхъ совершенно не нуждаются ученики III класса, мы встрѣчаемъ упоминаніе—безъ дальнѣйшаго разъясненія—о *nota sensoria* (стр. 5), на то, что *olim* происходитъ отъ *ole* (стр. 39), на фигуру *хизма* (стр. 40), цитату на Овидія (*Metam.* X, 150), стр. 43. Кромѣ указаннаго главнаго недостатка, комментарий г. Веркгаупта мѣстами содержитъ въ себѣ выраженія неточныя и неловкія, напри- мѣръ, на стр. 8—*oppressum ab aquila et fletus edentem graves leporem obliurgabat passer* — слова: *oppressum leporem* г. Веркгауптъ переводитъ: „зайца, который былъ задавленъ“, что не вѣрно, потому что еслибъ онъ былъ задавленъ, то не могъ бы *edere fletus graves*; на стр. 25—*alticinctis unis atriensibus* объясняется черезъ: „изъ высокоподпоясанныхъ смотрителей дворца“ — объясненіе непонятное и неточное; на стр. 42—*tumrana* объясняется какъ литавры, что не вѣрно: *tumranum* соотвѣтствуетъ нашему бубну, тогда какъ литавры называются *cymbala*.

Приложенный къ книжкѣ словарь достаточно полонъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О ТРИДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ¹⁾).

Для соисканія наградъ графа Уварова въ настоящемъ году было представлено восемь историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ два рукописныхъ. Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора, конференція Академіи, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, назначила комиссію, состоявшую, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ гг. академикомъ: Я. К. Грота, А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника, В. П. Безобразова и адъюнкта Н. Ѳ. Дубровина.

Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, комиссія, для ближайшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ, избрала рецензентовъ частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ доставить рецензіи на конкурсныя произведенія къ назначенному для того сроку. По истеченіи этого срока, комиссія признала необходимымъ два сочиненія отложить до слѣдующаго конкурса, за неполученіемъ отзывовъ отъ лицъ, которыя припали на себя ихъ разсмотрѣніе. Внимательно обсудивъ, на основаніи поступившихъ отзывовъ ученыхъ специалистовъ, сравнительное достоинство сочиненій, представленныхъ ихъ авторами на конкурсъ, комиссія присудила четыремъ изъ нихъ малыя Уваровскія преміи, въ 500 р. каждая.

---

¹⁾ Читанъ въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, 25-го сентября 1888 года, непремѣннымъ секретаремъ академикомъ К. С. Веселовскимъ.
ЧАСТЬ ССЛІХ, ОТД. 4.

I.

ХАРАКТЕРЪ ОТНОШЕНІЙ РОССИИ КЪ ПРАВОСЛАВНОМУ ВОСТОКУ ВЪ XVI И XVII ОТОУЛѢТІЯХЪ. Сочиненіе Н. Ѳ. Каптерева, профессора Московской духовной академіи. Москва. 1885.

Профессоръ Казанской духовной академіи П. В. Знаменскій, принявшій на себя съ предупредительною готовностью трудъ составленія рецензіи изслѣдованія г. Каптерева, представилъ о немъ отчетъ, въ которомъ, дѣлая оцѣнку названнаго сочиненія, свидѣтельствуешь, что оно, по обилію и новизнѣ сообщаемыхъ фактовъ, составляетъ весьма любопытное приобрѣтеніе въ отечественной церковно-исторической литературѣ. „Самое заглавіе и содержаніе сочиненія г. Каптерева“, говоритъ ученый рецензентъ,—„показываютъ, что авторъ поставилъ себѣ задачей обзрѣть характеръ преимущественно религіозныхъ, церковныхъ сношеній Россіи съ востокомъ за періодъ времени, когда Россія, достигнувъ извѣстной степени политическаго могущества, стала освобождаться отъ прежняго церковнаго подчиненія востоку и устроила у себя національную—автокефальную—церковь. Начальными пунктами этого періода авторъ выставляетъ, съ одной стороны, паденіе Греческой имперіи передъ турками, послѣ котораго греки принуждены были умѣрить свои притязанія на опеку надъ Россіей и уже сами начали заискивать предъ Русскими государями и духовными властями, а съ другой—Флорентійскую унію, послѣ которой пошатнулся авторитетъ греческаго православія въ Россіи“.

Въ образованіи возникшихъ послѣ того новыхъ отношеній Руси къ востоку особенную важность, по мнѣнію автора, приобрѣла развившаяся въ XV вѣкѣ мысль о томъ, что съ паденіемъ Византіи первенство послѣдней надъ всѣмъ православнымъ міромъ унаслѣдовала Москва, которая становится такимъ образомъ третьимъ Римомъ, подобно тому, какъ, послѣ отступленія древняго—перваго—Рима отъ православія, первенство его перешло къ Византіи—этому второму Риму.

По замѣчанію рецензента, именно эту мысль, или теорію, о преемствѣ Москвы Константинополю и, притомъ въ русско-московскомъ ея смыслѣ, со всѣмъ отличающимъ этотъ смыслъ національнымъ самомиѣніемъ XVI и XVII вв. и съ религіозною обрядовою подозрительностью относительно цѣлости греческаго православія, авторъ ставитъ

за основное начало для характеристики отношеній Россіи къ востоку и для изученія относящихся сюда фактовъ; но относительно теоріи третьяго Рима, по мнѣнію рецензента, можно поднять вопросъ о томъ, была ли она въ самомъ дѣлѣ настолько въ свое время распространена, чтобъ авторъ могъ принять ее за исходную точку въ своемъ изслѣдованіи. Благодаря стремленію въ фактахъ явленій старой жизни постоянно улавливать нѣчто общее, основное, и все разнообразіе фактовъ выводить изъ одного общаго начала, замѣчаетъ г. Знаменскій,—мысль автора принимаетъ одностороннее направленіе, и вся книга представляетъ характеристику только такихъ отношеній между Россіей и востокомъ, въ которыхъ выражались подозрительныя и отрицательныя воззрѣнія русскихъ на грековъ, съ одной стороны, и фальшивыя, своскорыстныя стремленія грековъ поживиться на счетъ благочестія русскихъ; г. Каптеревъ не касается вовсе такихъ между ними отношеній, въ которыхъ, по временамъ, сказывалось уваженіе русскихъ къ православному авторитету востока и непрерывное единеніе между Русскою и Греческою церквами.

Стремленіе систематизировать факты приводитъ автора къ искусственному и неудобному дѣленію сочиненія на слѣдующіе три главные отдѣла: I) „Москва—третій Римъ“, обнимающій три первые главы сочиненія; II) „Русскій царь есть опора и покровитель всего вселенскаго православія“ (гл. IV—VIII), и III) „Русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ“ (гл. IX—XI). Искусственность и даже насильственность этихъ отдѣловъ нерѣдко обнаруживается въ группировкѣ и изложеніи фактовъ; чуть ли не въ каждой рубрикѣ, замѣчаетъ г. Знаменскій,—сумма отнесенныхъ къ ней фактовъ видимо рвется вонъ изъ неподходящей для нея рамки, заставляетъ автора измѣнять главную мысль или тему рубрики, располагать свой матеріалъ или часть его около какой-нибудь другой мысли, допускать болѣе или менѣе длинныя эпизодическія вставки и прибѣгать къ лишнимъ комментаріямъ съ единственною цѣлью связать въ изложеніи концы съ концами.

Послѣ общей характеристики труда г. Каптерева рецензентъ обращается къ подробному анализу его содержанія, по каждому изъ вышеозначенныхъ трехъ отдѣловъ особо; мы здѣсь ограничимся лишь указаніемъ на важнѣйшіе факты и соображенія, какъ они изложены въ рецензії.

Въ первыхъ трехъ главахъ, составляющихъ первый отдѣлъ, г. Каптеревъ разсматриваетъ тѣ главныя явленія нашей исторіи, ко-

торыя должны были сообщить Москвѣ высокое значеніе столицы всего православнаго міра, а именно:—переходъ въ нее съ востока царскаго сана, учрежденіе самостоятельнаго Московскаго патриаршества и перенесеніе въ Московское царство восточныхъ святинь. На первыхъ двухъ предметахъ, довольно разработанныхъ уже раньше, авторъ спеціально не останавливается и къ тому же, подъ вліяніемъ преобладающей въ немъ склонности съ систематикѣ, замѣтно старается разказъ склонять къ соглашенію со своею основною мыслью. Такъ, напримѣръ, говори о принятіи Іоанномъ Грознымъ царскаго сана, г. Каптеревъ утверждаетъ, будто царь домогался у восточныхъ іерарховъ признанія за нимъ вселенскаго царскаго сана, въ значеніи греческаго βασιλευς'а, тогда какъ, наоборотъ, именно сами восточные іерархи и стали, въ своихъ сношеніяхъ съ Россіей, подсказывать царю эту мысль—въ предположеніи, что этимъ путемъ снѣдутъ подчинить Іоанна своему вліянію черезъ новое греческое вѣнчаніе на царство, а кстаті возложить на него и всѣ выгодныя для нихъ новыя обязанности въ отношеніи къ восточнымъ церквамъ. При такихъ обстоятельствахъ политическое значеніе отказа Іоанна отъ предложеннаго ему новаго вѣнчанія гораздо серьезнѣе, чѣмъ объясненіе г. Каптерева, будто отказъ Іоанна обуславливался лишь сомнѣніями царя относительно чистоты греческаго православія. Равнымъ образомъ, говоря объ учрежденіи Русскаго патриаршества, г. Каптеревъ принимаетъ въ расчетъ лишь факты, болѣе подходящіе къ его предвзятой мысли, будто патриаршество нужно было Москвѣ, какъ третьему Риму; здѣсь не принято во вниманіе національное стремленіе Россіи къ устроенію у себя самостоятельной, независимой церкви, начавшееся задолго до возвышенія Москвы. Наконецъ, разказывая о томъ, какъ, при учрежденіи особаго Русскаго патриаршества, на первыхъ порахъ предлагали Константинопольскому патриарху Іереміи остаться въ Россіи, а когда онъ на это сталъ склоняться, то постарались устранить его, г. Каптеревъ этотъ фактъ объясняетъ не по указаніямъ историческихъ памятниковъ, а подъ вліяніемъ предвзятой мысли о томъ, будто русскіе, дорожа чистотой и полнотой своего христіанскаго благочестія, въ назначеніи главою Русской церкви патриарха-грека усматривали серьезную опасность для истиннаго православія; въ статейномъ же спискѣ, при описаніи снѣнчанія объ этомъ предметѣ царя съ боярами, упомянутомъ г. Каптеревымъ вовсе изъ виду, дѣло объясняется проще: царю не хотѣлось отпустить отъ себя митрополита Іова и пачать управлять ду-

ховными дѣлами съ патріархомъ-чужеземцемъ, сносясь съ этимъ послѣднимъ черезъ толмача.

Съ третьей главы I отдѣла, трактующей о перенесеніи въ Москву святинь православнаго востока, начинается исполнѣ самостоятельная работа ученаго изслѣдователя, поражающая читателя въ каждой своей части эрудиціей и замѣчательнымъ ученымъ талантомъ. Самые факты, собранные здѣсь—заключаетъ рецензентъ свой обзоръ I отдѣла— „полны въ изложеніи автора художественной выразительности, а по своей новосте въ нашей исторической литературѣ возбуждаютъ глубокий интересъ въ изучающихъ древне-русскую—особенно религиозную—жизнь.

Переходя къ обзорѣнню втораго отдѣла, г. Знаменскій замѣчаетъ, что хотя вредное вліяніе фиктивной системы автора сказывается и здѣсь, но за то въ этомъ же отдѣлѣ авторъ удачно воспользовался своимъ талантомъ систематизаціи: „Въ массѣ самыхъ мелкихъ и скучныхъ фактовъ онъ разбирается быстро и легко, умѣлою рукою рассортировываетъ ихъ по разнымъ классамъ, отыскиваетъ въ извѣстномъ рядѣ ихъ общую руководящую идею и болѣе или менѣе важный историческій смыслъ, потомъ каждый изъ нихъ искусно ставитъ на самое выгодное для его освѣщенія мѣсто и составляетъ изъ нихъ цѣлый рядъ такихъ стройныхъ и осмысленныхъ историческихъ очерковъ, что весь этотъ отдѣлъ читается съ начала до конца съ неослабляющимъ, даже съ усиливающимся интересомъ, и притомъ интересомъ какъ научнымъ, такъ даже и литературнымъ. Въ пяти главахъ этого отдѣла изображаются: 1) благотворительность Русскихъ государей православному востоку въ XVI и XVII вѣкахъ; 2) злоупотребленіи благотворительностью со стороны разныхъ восточныхъ просителей милостыни; 3) постановленія правительства относительно ограниченія ихъ пріѣзда въ Россію; 4) услуги, оказанныя Россіи разными представителями востока въ качествѣ политическихъ агентовъ, и наконецъ, 5) призваніе русскимъ правительствомъ, въ концѣ XVII вѣка, своею историческою миссіей освобожденіе православнаго востока отъ турецкаго ига. Вообще этотъ отдѣлъ, по замѣчанію рецензента, составляетъ капитальнѣйшую часть книги, и авторъ ею одною и могъ бы ограничиться въ своемъ изслѣдованіи, давъ ей только болѣе широкую постановку, дополняя ее нѣкоторыми фактами и мыслями изъ I и III отдѣловъ и приобщивъ отсутствующія извѣстія о церковныхъ сношеніяхъ Россіи съ востокомъ, въ которыхъ сказывалось уваженіе Россіи къ православному авторитету востока и единеніе частныхъ православныхъ

церквей. Содержаніе этого отдѣла, продолжаетъ г. Знаменскій, — близко сходится съ содержаніемъ извѣстнаго сочиненія Муравьева „Сношенія Россіи съ Востокомъ“, но по научному достоинству, между послѣднимъ сочиненіемъ и трудомъ г. Каптерева замѣчается громадная разница: кромѣ массы фактовъ, извлеченныхъ изъ архивныхъ сокровищъ и впервые обследованныхъ, рассматриваемое сочиненіе превосходитъ сочиненіе Муравьева высокими достоинствами серьезнаго научнаго изученія предмета, а равно историко-прагматическаго его выясненія и изложенія.

Не оставались на подробной передачѣ замѣчаній, дѣлаемыхъ г. Знаменскимъ при разсмотрѣніи каждой изъ вышеозначенныхъ пяти главъ, составляющихъ II отдѣлъ, сошлемся лишь на то, что рецензентъ говоритъ по поводу IV, VII и VIII главъ книги г. Каптерева.

Среди многихъ любопытныхъ фактовъ, сопоставленныхъ въ IV главѣ (таковы, напримѣръ, мало доселѣ разработанныя извѣстія о томъ, что гречанъ, поселявшихся въ Россіи на жительство, русскіе, предварительно пріема въ церковное общеніе съ собою и особенно передъ допущеніемъ къ церковнымъ должностямъ, „исправляли въ вѣрѣ“), у автора особенно выдаются характеристики личностей и дѣйствій вліятельныхъ выходцевъ съ востока. Этому предмету посвящено пространное мѣсто въ книгѣ (болѣе 50 страницъ); эти мастерскіе очерки составлены большею частью по совершенно новымъ матеріаламъ и, по замѣчанію рецензента, читаются съ большимъ интересомъ. Нѣсколько интересныхъ и новыхъ данныхъ встрѣчаются въ характеристикѣ даже такого виднаго лица, какъ Паисій Лигаридъ, о которомъ у насъ писано довольно. Особенную же цѣну въ научномъ отношеніи имѣетъ статья г. Каптерева о справщикѣ Никоновскаго времени Арсеніи Грекѣ; большая часть подробностей для характеристики его извлечена изъ слѣдственнаго о немъ дѣла, которое составляетъ архивную находку г. Каптерева и было имъ издано въ 1881 году въ Читеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія; но, по мнѣнію г. Знаменскаго, авторъ къ замѣчательной личности Арсенія Грека относится слишкомъ отрицательно, и если намѣренное усиленіе красокъ въ обрисовкѣ дурныхъ чертъ замѣчается у г. Каптерева и въ другихъ характеристикахъ описываемыхъ имъ вліятельныхъ гречанъ, то въ характеристикѣ Арсенія онъ становится прямо на старовѣрскую точку зрѣнія и невольно заставляетъ припомнить осторожный и настоящій историческій отзывъ о

личности Арсенія, сдѣлаиный покойнымъ митрополитомъ Макаріемъ. Считаю обвиненія автора противъ Арсенія недоказанными съ его стороны, г. Знаменскій прибавляетъ: „Мы не можемъ, конечно, согласиться и съ тѣми обвиненіями, какія потомъ, вмѣстѣ съ нашими старовѣрами, г. Каптеревъ вводитъ изъ-за Арсенія и на патріарха Никона, допустившаго этого подозрительнаго грека къ исправленію церковныхъ книгъ; обвиненія эти имѣютъ особенную силу среди старовѣровъ даже и до настоящаго времени, но падаютъ сами собою, если припомнить, что Арсеній правилъ книги не безъ надзора церковной власти, и притомъ, въ сообществѣ съ другими справщиками, а между прочимъ и съ знаменитымъ Арсеніемъ Сухановымъ, горячимъ патриотомъ, ревнителемъ обрядности и неутомимымъ порицателемъ всѣхъ грековъ, который, при хорошемъ знаніи греческаго языка, всегда могъ замѣтить фальшь въ работахъ своего товарища по исправленіямъ и поднять изъ-за нея тревогу.

Въ V и VI главахъ г. Каптеревъ обовѣриваетъ русскую благотворительность православному востоку, бывшую предметомъ живѣйшихъ сношеній между Москвой и востокомъ; этотъ предметъ даетъ автору матеріалъ для ряда новыхъ очерковъ, въ мрачныхъ краскахъ рисующихъ продѣлки, обманы и преступленія, какіе производили въ Россіи сборщики милостини и странствующие іерархи, и дѣйствительные, и самозваные. При этомъ авторъ излагаетъ и нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ, производившихся по поводу обмановъ и злоупотребленій просителей въ Москвѣ; здѣсь, по замѣчанію г. Знаменскаго, автора можно упрекнуть въ нѣсколько излишнемъ обобщеніи нарисованной имъ картины греческихъ злоупотребленій русскою щедростью.

Къ концу II отдѣла г. Каптеревымъ присоединены двѣ главы (по порядку VII и VIII), трактующія о политическихъ услугахъ грековъ русскому правительству, о вліяніи ихъ внушеній и извѣстій на русскую политику и о томъ, какъ подъ вліяніемъ этихъ внушеній постепенно созрѣвало въ Россіи сознаніе ея высокой миссіи относительно освобожденія восточныхъ христіанъ изъ-подъ турецкаго ига; въ началѣ VIII главы, между прочимъ, авторъ приводитъ любопытныя указанія на то, какъ между православнымъ народонаселеніемъ востока всегда жило убѣжденіе въ томъ, что христіанскіе народы непремѣнно со временемъ должны освободиться отъ власти невѣрныхъ, и что эту свободу дастъ имъ Русскій царь. Во имя такой идеи о высокомъ значеніи Россіи для востока греки проявляли усер-

діе въ служеніи интересамъ Россіи отнюдь не изъ-за корыстныхъ только побужденій, принимали живѣйшее участіе въ политической судьбѣ Россіи, старались, кромѣ передачи нужныхъ вѣстей, вліять на тѣ внутреннія шаги дѣла, которыя возбуждали надежды на русскую помощь въ дѣлѣ освобожденія востока отъ турокъ. Обзоръ содержанія VII и VIII главъ приводитъ рецензента къ заключенію, что эти двѣ главы—единственныя во всемъ сочиненіи, въ которыхъ говорится о заслугахъ грековъ,—эти главы говоритъ г. Знаменскій,—пріятно отбѣняютъ остальные части сочиненія, въ которыхъ проводится сплошь отрицательный взглядъ на грековъ, и тѣмъ живѣе въ читателѣ возбуждается сожалѣніе, что авторъ не дополнилъ своего труда изображеніемъ другихъ положительныхъ сторонъ и заслугъ православнаго востока, которыя были цѣнны для Россіи и поддерживали ея съ нимъ связи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рецензентъ замѣчаетъ, что для болѣе яснаго и генетическаго развитія интереснаго предмета, затронутаго въ упомянутыхъ VII и VIII главахъ, г. Каптеревъ поступилъ бы выгодно, еслибъ обѣ главы слилъ въ одну и, не подводя многосложнаго матеріала подъ искусственныя рубрики: кто изъ грековъ, когда, по какимъ побужденіямъ, что переносилъ и какія внушенія дѣлалъ московскому правительству, — изложилъ бы этотъ матеріалъ въ болѣе естественномъ историческомъ порядкѣ по главнымъ фазисамъ развитія восточной полтики Россіи.

Обращаясь, наконецъ, къ третьему отдѣлу, носящему заглавіе: „Русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ“, рецензентъ указываетъ на то, что здѣсь авторъ отличается особенною тенденціозностью и стремленіемъ приурочивать факты къ подтвержденію его искусственной системы; эта тенденціозность и приводитъ г. Каптерева, въ дѣлаемомъ имъ здѣсь историческомъ очеркѣ судьбы греческаго вліянія на русскія церковныя обстоятельства, и церковной дѣятельности патріарха Никона, „къ смѣшенію разнородныхъ понятій и предметовъ“ безъ должной критической ихъ сортировки, а въ концѣ помъ результатъ г. Каптеревъ впадаетъ въ погрѣшности и относительно капитальнѣйшихъ выводовъ о томъ, когда и почему пало на Руси византійское вліяніе. Въ дѣйствительности, если московскіе люди и узнавали о язвахъ и болѣзняхъ Греческой церкви, то въ значительной степени отъ самихъ же грековъ, которые первые жаловались на эти язвы, съ цѣлью поднигнуть русское правительство на помощь своей угнетенной и страждущей церкви, каковая цѣль и была ими успѣшно достигаема. Затѣмъ, по

замѣчанію рецензента, самыя перемѣны въ отношеніяхъ русскихъ къ грекамъ зависѣли лишь отъ большей или меньшей надобности въ грекахъ для рѣшенія возбуждавшихся въ то или другое время церковныхъ вопросовъ, но, вообще говоря, старое до-Петровское образованіе русскихъ людей, основанное на религіи и церковности, вплоть до самой реформы оставалось гепетически связаннымъ съ византійскимъ образованіемъ, и едва ли справедливо думать, что въ XVIII вѣкѣ византійское вліяніе совершенно прекратилось на Руси. Въ началѣ XVIII вѣка русское общество лишь отвернулось отъ византійскаго вліянія, точно также, какъ и отъ полулатинскаго кievскаго духовнаго образованія.

На основаніи вышеизложеннаго, г. Знаменскій заключаетъ свою рецензію слѣдующими соображеніями: „Намъ пришлось сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно недостатковъ сочиненія г. Каптерева. Замѣчанія эти сводятся всѣ, главнымъ образомъ, къ указанію обозначеннаго въ рецензіи пробѣла, допущеннаго авторомъ въ своемъ изслѣдованіи, и къ группировкѣ фактовъ по началамъ искусственно придуманной системы и по теоретически составленнымъ рубрикамъ. Вопросъ о полнотѣ изслѣдованія имѣетъ довольно условный характеръ; въ извиненіе автора нельзя не замѣтить, что онъ упустилъ изъ вниманія наиболѣе разработанную сторону своего предмета и очень можетъ быть, что сдѣлалъ это нарочно. Что же касается до предвзятыхъ мыслей его общей системы, которыя проходить по всему его сочиненію, то о нихъ нужно замѣтить, что онѣ съ сочиненіемъ вовсе не связаны органически; съ начала до конца онѣ представляютъ изъ себя что-то приставное, нисколько не мѣшающее автору изслѣдовать каждую отдѣльную группу фактовъ совершенно научнымъ способомъ. Эти небольшія слабости разсматриваемаго труда вполне искупаются его высокими научными достоинствами. Это—трудъ 1) впервые открывающій въ нашей литературѣ цѣлую обширную и важную отрасль отечественной исторіи, которая до г. Каптерева только слегка и довольно неумѣло была затронута однимъ Муравьевымъ; 2) вполне самостоятельный, выполненный на основаніи исключительно архивныхъ, за немногими исключеніями, совершенно доселѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ, стоившій автору упорной и продолжительной работы; 3) разработанный, за малыми исключеніями, методомъ строго научнымъ и предлагающій читателю рядъ тщательно проверенныхъ критикой и обслѣдованныхъ фактовъ, но въ такомъ видѣ, что факты эти, благодаря характернымъ извлеченіямъ

въ нихъ краткомъ пересказѣ изъ источниковъ, могутъ, въ случаѣ нужды, для невмѣющихся доступа къ матеріаламъ, которыми пользовался авторъ, съ пользою замѣнить указанія самыхъ архивныхъ документовъ, и наконецъ, 4) трудъ, обладающій въ самомъ изложеніи большими литературными достоинствами.

Поэтому рецензентъ полагаетъ, что г. Каптеревъ своимъ настоящимъ сочиненіемъ вполне заслужилъ поощреніе выдачей ему отъ Академіи Наукъ если не полной, то, по крайней мѣрѣ, меньшей награды графа Уварова.

II.

Исторія Киевской духовной академіи. Выпускъ I. Періодъ до-Могилянской. Сочиненіе доцента Киевской духовной академіи. С. Т. Голубева. Кіевъ. 1886.

Нашъ многозаслуженный членъ, корреспондентъ И. А. Чистовичъ составлялъ, по приглашенію Академіи, разборъ сочиненія г. Голубева и тѣмъ доставилъ намъ возможность основать нашъ приговоръ объ этомъ сочиненіи на всѣмъ признанномъ авторитетѣ почтеннаго изслѣдователя исторіи нашихъ духовныхъ академій. Сочиненіе г. Голубева составляетъ лишь начало труда, рассчитаннаго на весьма значительные размѣры, и распадается на четыре главы: въ I-й устанавливается новое мнѣніе о времени возникновенія братства и училища въ Кіевѣ, относимаго изслѣдователемъ не къ концу XVI, а къ началу XVII вѣка; II-я глава, служащая дополненіемъ первой, заключаетъ въ себѣ любопытныя генеалогическія и біографическія свѣдѣнія о первой фундаторшѣ Киево-Братскаго монастыря Галшкѣ (Аннѣ или Елисаветѣ) Гулевичъ, бывшей въ первомъ бракѣ за сыномъ извѣстнаго Подѣя, впоследствии униатскаго митрополита. Въ III-й главѣ сообщаются краткія свѣдѣнія о внутренней жизни киево-братской школы въ первое время ея существованія, о предметахъ преподаванія въ ней, о ректорахъ, учителяхъ и ученикахъ; а въ IV-й — о Могилянской школѣ въ лаврѣ и послѣдовавшемъ соединеніи ея съ братскою въ одно училище.

Важнѣйшія замѣчанія, дѣлаемыя рецензентомъ при разсмотрѣніи каждой изъ этихъ главъ, сводятся къ слѣдующему.

Содержаніе первой главы носитъ по преимуществу полемическій характеръ, такъ какъ, касаясь вопроса о времени основанія Киевской академіи, г. Голубевъ разбираетъ мнѣнія, высказанныя по этому предмету М. А. Максимовичемъ, г. Малышевскимъ и дру-

гимн; основываясь на свидѣтельствѣ современныхъ памятниковъ, авторъ относитъ моментъ основанія братства и братской школы къ 1615 или 1616 году. По мнѣнію рецензента, однако же, въ прежнемъ—отвергаемомъ г. Голубевымъ—представленіи объ учрежденіи братства и школы въ Кіевѣ, хотя оно и основывалось на скудныхъ данныхъ, было меньше догадокъ, предположеній и придуманныхъ разнаго рода толкованій, нежели въ новомъ взглядѣ, устанавливаемомъ г. Голубевымъ: взглядъ этотъ отнюдь не производитъ недолимаго убѣжденія въ томъ, что дѣло происходило именно такъ, какъ оно имъ представлено. вмѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ ставитъ въ упрекъ г. Голубеву и то, что, весь отдавшись полемическому возбужденію и критическому изслѣдованію спорныхъ памятниковъ, онъ, говоря объ основаніи братства и училища въ Кіевѣ, не даетъ никакого понятія о томъ, что такое былъ Кіевъ во время основанія въ немъ братства и школы, каково было его церковное и общественное состояніе, для кого назначалась школа, и изъ кого приблизительно образовался составъ ея учениковъ.

Относительно второй главы рецензентъ замѣчаетъ, что генеалогическія и біографическія изслѣдованія автора о фундаторшѣ братскаго монастыря Галшкѣ Гулевичъ, о ея родѣ и судьбѣ основаны на весьма тщательныхъ изысканіяхъ и составляютъ наименѣе оспоримую часть книги. Исключеніе составляетъ догадка г. Голубева о томъ, будто пожертвованіе на монастырь и на братство сдѣлано было Гулевичевою не по собственному ея побужденію и почину, а по завѣту мужа, но—въ подтвержденіе этой догадки вѣскихъ доказательствъ не приводится.

Наконецъ, обобщая свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о кіево-братской и Могилынской школахъ (гл. III и IV), рецензентъ замѣчаетъ: „Кіево-братская школа основана въ самое тяжкое время для Западно-Русской церкви, когда противъ нея совмѣстно дѣйствовали униа и католичество. Поэтому можно было бы желать, чтобъ авторъ полнѣе и раздѣльнѣе показалъ, изъ какихъ элементовъ сложились силы, дѣйствовавшія въ то время на защиту православной церкви, гдѣ первые начальники и наставники братской школы и вообще передовые православные дѣятели того времени получили образованіе, и каково было это образованіе? Откуда взяты введенные въ школу порядки и вообще какъ относилась эта школа къ тогдашнему образованію и главнымъ его центрамъ? Мы видимъ, что какъ на сторонѣ униа дѣйствовали латиняне (Скарга и др.), такъ на сторонѣ православія дѣйствовали греки. Раньше кіевской школы существо-

вала львовская (не говоря о волынскихъ школахъ), съ помощью которой, главнымъ образомъ, и основана кievская школа. Существовали иезуитскія школы, Краковская и Замойская академіи, въ которыхъ учились весьма многіе православные дѣтели: но ни о православныхъ, ни о польскихъ школахъ того времени въ сочиненіи г. Голубева почти ничего не сказано. Вслѣдствіе этого кievская школа является самородкомъ; не показано ни связи, ни родства ея со школами, которыя существовали раньше и имѣли вліяніе на установившійся въ ней строй и порядокъ и даже на характеръ получаемого въ ней образованія. Недостаточно выяснены также и характерныя разности даже тѣхъ двухъ типовъ школы, которые прямо входятъ въ обзоръ г. Голубева, именно школы древне-братской эллино-словенской и Могиланской латинно-польской.

Не смотря на вышеннеложенныя пробѣлы, разбираемое сочиненіе, по мнѣнію рецензента, нужно признать весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. „Оно составляетъ результатъ чрезвычайно тщательнаго изслѣдованія памятниковъ, относящихся къ предмету сочиненія, и тонкой, но вѣстѣ съ тѣмъ вполне основательной критики. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что весьма значительное количество документовъ извлечено г. Голубевымъ изъ различныхъ архивовъ и впервые введено въ науку“, а много другихъ документовъ проверено и издано по лучшимъ спискамъ. Г. Чистовичъ заключилъ свой отзывъ слѣдующими словами: „Въ чувствѣ справедливости къ достоинствамъ разсматриваемаго сочиненія и къ весьма значительнымъ заслугамъ г. Голубева для исторіи Южно-Русскаго края, которую онъ обогатилъ множествомъ вновь открытыхъ и изданныхъ памятниковъ и своими капитальными научными изслѣдованіями, я позволю себѣ ходатайствовать предъ Академіей о награжденіи г. Голубева Уваровскою преміей“.

Коммиссія вполне присоединилась къ этому мнѣнію заслуженнаго и уважаемаго рецензента.

III.

Очерки въ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣдованіе профессора Харьковскаго университета *Д. Н. Багалъя*. Москва. 1887.

Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерній) въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, собранныя въ разныхъ архивахъ и редактированныя *Д. Н. Багалъемъ*. Харьковъ. 1886.

Разборъ этого сочиненія, по приглашенію Академіи, былъ составленъ проф. Казапскаго университета *Д. А. Корсаковымъ*.

Исторія колонизаціи придонской степи или южной степной окраины Московскаго государства, говоритъ рецензентъ, — есть фактическое изложеніе населенія этой мѣстности русскимъ народомъ съ половины XVI до исхода XVIII в. Для исполненія этой задачи однимъ ученымъ, путемъ совершенно самостоятельнаго изслѣдованія, ему пришлось бы употребить 10—12 лѣтъ усидчивыхъ занятій. Но всѣхъ вопросовъ, связанныхъ такъ или иначе съ основнымъ вопросомъ изслѣдованія, историкъ въ правѣ не разрабатывать ab ovo, по источникамъ, а можетъ воспользоваться для нихъ выводами изъ специальныхъ монографій. Такимъ образомъ, при самостоятельномъ изслѣдованіи исторіи собственно водворенія русскаго народа въ придонскую степь, начиная съ половины XVI вѣка, по мнѣнію рецензента, можно было поступить трояко: 1) ограничиться подведеніемъ итоговъ подъ результаты, извѣстные изъ источниковъ изданныхъ, или, 2) избравъ какую-нибудь часть пространства придонской степи, рассмотреть исторію ея колонизаціи по архивнымъ и печатнымъ источникамъ, или наконецъ, 3) разработать такимъ же образомъ отдѣльный періодъ въ исторіи колонизаціи.

Ни подъ однимъ изъ указанныхъ видовъ историческаго изслѣдованія разбираемое сочиненіе не подходитъ, какъ по отношенію автора къ историческимъ пособіямъ и источникамъ, такъ по методу изслѣдованія и изложенія историческихъ фактовъ. Самъ г. Вагалій опредѣляетъ основную задачу своей работы въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ своихъ „Очеркахъ“ я стараюсь изучить творческую силу государства и народнаго начала, другими словами—дѣлаю наблюденія надъ образованіемъ въ степи гражданскихъ обществъ, надъ превращеніемъ незаселенныхъ степныхъ окраинъ въ государственныя организмы. Такимъ образомъ, моя исторія окраинъ является въ сущности исторіей государственнаго начала въ его историческомъ развитіи. Исторія возростанія Московскаго государства (съ XV в.) заключается въ томъ, что прежнія окраины обращаются въ болѣе или менѣе центральныя области, а ихъ мѣсто занимаютъ поляны. Я старался возможно болѣе выяснить роль правительства въ заселеніи южной степной окраины служилыми людьми. Но не всегда колонизація носила такой государственный характеръ; перѣдко правительство являлось только силою направляющею и регулирующею, а инициатива переселеній принадлежала самой народной массѣ. Эта народная колонизація въ этнографическомъ отношеніи дѣлится на два вида—великорусскую и малорусскую. Я съ одинаковымъ вниманіемъ,

безъ всякихъ предвзятыхъ теорій, симпатій или антипатій изучалъ ту и другую^а. Уже отсюда можно заключить вмѣстѣ съ рецензентомъ, что г. Багалъй поставилъ себѣ задачу слишкомъ широкую.

Изложеніе исторіи колонизаціи въ изслѣдованіи г. Багалъя распадается на пять неравномѣрныхъ по объему главъ, въ которыхъ группируется матеріалъ по слѣдующимъ рубрикамъ: Глава I состоитъ изъ историко-топографическаго очерка степной окраины Московскаго государства; въ началѣ главы авторъ разсматриваетъ географическія и естественныя условія намѣченной имъ территоріи и останавливается на татарскихъ перевозахъ и шляхахъ, которые вели въ Московское государство. Глава II разсматриваетъ государственную московскую колонизацію въ южной степной окраинѣ съ половины XVI до половины XVII в. и очерчиваетъ вольную и монастырскую великорусскую колонизацію за тотъ же періодъ времени. III глава излагаетъ переселеніе въ Московское государство вообще и только отчасти въ южную московскую степную окраину, со времени Юліана IV до Михаила Оеодоровича включительно. IV глава заключаетъ въ себѣ обзоръ всѣхъ видовъ великорусской колонизаціи со времени царя Алексѣя Михайловича до конца 30-хъ годовъ XVIII в. Наконецъ, V глава разсматриваетъ малорусскую колонизацію со времени Алексѣя Михайловича до половины XVIII в., повѣствуетъ о приливѣ въ слободскую окраину иностранныхъ поселенцевъ и объ эмиграціи малоруссовъ изъ слободской окраины на востокъ и на юго-востокъ. Глава эта заканчивается подробнымъ топографическимъ и статистическимъ обзорѣніемъ слободской окраины за XVIII в. и общимъ заключеніемъ, какъ о характерѣ малорусской колонизаціи слободской окраины, такъ и о всей работѣ автора.

Не приводя подробно всѣхъ критическихъ замѣчаній рецензента, мы ограничимся лишь перечисленіемъ существеннѣйшихъ достоинствъ и недостатковъ, усмотрѣнныхъ проф. Корсаковымъ въ разбираемомъ изслѣдованіи.

Пр. Корсаковъ находитъ, что въ общемъ книга г. Багалъя является первоначальнымъ сводомъ если не всего, то весьма значительной части печатнаго матеріала по исторіи колонизаціи степной московской окраины, а потому всегда останется весьма полезною книгой для будущаго историка этой колонизаціи; въ частности же нѣкоторые отдѣлы сочиненія, носящіе характеръ монографическихъ изслѣдованій, выполняютъ пробѣлы въ наукѣ и вносятъ въ нее почетный вкладъ. Такова, напримѣръ, разработка вопроса о первомъ

поселеніи малоруссовъ въ Донецкихъ степяхъ, основаніе ими Чугуева, судьба гетмана Яцки Остревина и бѣгство малоруссовъ изъ Чугуева (1638—1641 г.); въ этомъ эпизодѣ у автора видно самостоятельное изученіе по источникамъ, притомъ неизданнымъ, и критическое отношеніе къ мнѣніямъ, высказаннымъ по этому вопросу прежними изслѣдователями. Такою же самостоятельностью изслѣдованія отличается описаніе Бѣлгородской черты при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Далѣе авторомъ собрано немало весьма интересныхъ данныхъ за вторую половину XVII в. о распоряженіяхъ воеводъ окраинныхъ городовъ, при полученіи ими вѣстей о татарскихъ нападеніяхъ. Наконецъ, полную самостоятельность проявляетъ авторъ и въ изслѣдованіи о массовыхъ переселеніяхъ изъ (польской) Малороссіи въ степную окраину и построеніи ими городовъ и селеній въ слободской окраинѣ, причѣмъ это изслѣдованіе сопровождается критикой источниковъ и воззрѣній на него ученыхъ.

Перехода затѣмъ къ проблѣмамъ и недостаткамъ сочиненія, рецензентъ указываетъ, что г. Багалѣй въ своей работѣ не воспользовался писцовыми, напримѣръ, книгами городовъ стеной Украины и столбцами Бѣлгородскаго стола, хранящимися въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, да и вообще архивными источниками пользовался „лишь отрывочно и случайно“, какъ, впрочемъ, сознается въ томъ и самъ авторъ. Объ этомъ проблѣ, по словамъ рецензента, „можно тѣмъ болѣе пожалѣть, что въ тѣхъ мѣстахъ книги г. Багалѣя, гдѣ ему приходится высказываться на основаніи собранныхъ имъ архивныхъ данныхъ онъ стоитъ на твердой почвѣ, а въ своемъ „Сборникѣ матеріаловъ для исторіи колонизаціи“ и т. д. онъ явился весьма знающимъ и усерднымъ собирателемъ и редакторомъ архивнаго матеріала.

Далѣе проф. Корсаковъ замѣчаетъ, что „изъ источниковъ изданныхъ г. Багалѣй воспользовался обширнымъ матеріаломъ, но и въ этомъ отношеніи у него встрѣчаются проблѣмы“. Такъ, упущены вовсе изъ виду Курскія и Воронежскія губернскія вѣдомости, недостаточно изучены изданія мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, гдѣ имѣются спеціальныя монографіи, основанныя на неизданномъ матеріалѣ, о городахъ Бѣлгородской черты и слободской окраины; изданные центральнымъ статистическимъ комитетомъ „Списки населенныхъ мѣстъ“ недостаточно внимательно проанализированы и оставлены безъ вниманія важныя и любопытныя преданія, соединенныя

съ тѣмъ или другимъ названіемъ селеній, рѣкъ, озеръ, урочищъ, на которыя наводятъ помянутые списки.

Въ заключеніе рецензентъ соглашается, что основную свою задачу—выясненіе роли правительства въ дѣлѣ колонизаціи окраинны служилыми людьми, г. Багалѣй выполнялъ, но, по мнѣнію г. Корсакова, вопросы, граничащіе съ темою изслѣдованія г. Багалѣя—то есть, уясняющія историческія обстоятельства и географическія и этнографическія условія, при которыхъ происходило заселеніе территоріи Слободской украины, съ половины XVI до исхода XVIII вѣка, должнымъ образомъ не выяснены.

Коммиссія съ благодарностью приняла обширный трудъ г. Корсакова о сочиненіи г. Багалѣя, но не могла вполне и во всѣхъ отношеніяхъ согласиться съ заключеніями рецензента, а потому признала за справедливое поощрить трудолюбиваго автора присужденіемъ ему малой преміи графа Уварова.

IV.

Русская православная старина въ Замостьѣ. Сочиненіе магистра, священника *Александра Будиловича*, Варшана. 1885.

Коммиссія получила возможность надлежащимъ образомъ оцѣнить означенное сочиненіе, благодаря содѣйствію причисленнаго къ учебному комитету при св. синодѣ, нынѣ, къ сожалѣнію, умершаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Еф. Мих. Крыжановскаго, суду котораго была предоставлена книга магистра Будиловича, въ виду ея спеціальнаго характера.

Авторъ вышеназваннаго сочиненія излагаетъ судьбы православно-русской жизни въ городѣ Замостьѣ отъ самой постройки города до нашихъ дней. Представителемъ этой жизни было существовавшее въ г. Замостьѣ съ 1606 по 1762 годъ братство, отъ котораго осталось вѣскольکو письменныхъ и другихъ памятниковъ. По этимъ памятникамъ и свѣдѣніямъ, разсѣяннымъ въ разныхъ изданіяхъ русскихъ и польскихъ, авторъ разсказываетъ въ 28 главахъ исторію, какъ самаго братства—въ православіи и униі, такъ и замѣнившаго его Онуфріевского униатскаго братства съ базилианскимъ монастыремъ.

Значеніе церковныхъ братствъ въ исторіи юго-западной Россіи, замѣчаетъ рецензентъ,—извѣстнo: .Изъ которыхъ изъ нихъ были истинными борцами за вѣру и народность русскую и руководителями народа; другія же хотя и пользовались благоприятными условіями вышними,

но въ самомъ устройствѣ своемъ допустили начала, чуждыя духу братствъ, и въ самихъ себѣ носили зародыши разложенія; они послѣ первой вспышки скоро оказались не въ силахъ выолнить свою задачу, были обязаны большею или меньшею продолжительностью своего существованія только отсутствію препятствій и пали при первой же встрѣчѣ съ ними. Къ послѣднаго рода братствамъ принадлежитъ и братство Замостьское. Кромѣ постройки церкви, оно ничего сколько-нибудь замѣтнаго не сдѣлало, въ общей церковной жизни участія не принимало, на окрестныя поселенія не влияло и пребывало въ православіи, пока внѣшнія обстоятельства тому благопріятствовали, но при первыхъ же измѣнившихся внѣшнихъ обстоятельствахъ, растерялось, а затѣмъ тихо перевалилось въ унию⁴.

Иначе смотритъ на Замостьское братство самъ авторъ разсматриваемаго сочиненія. Утвержденія о. Александра Будиловича, будто это братство въ теченіе всего своего существованія исполнило свое дѣло „съ честью и славой“, показало „стойкость въ праотеческой вѣрѣ“, десятки лѣтъ удерживало отъ униі православныя приходы всего Замостьскаго округа⁴, „состояло православною церковью и русскому народу великую службу“—искомичивно грѣшать пристрастіемъ, но при оцѣнкѣ трудовъ, подобныхъ книгѣ магистра Будиловича, отнюдь нельзя безразлично относиться къ самому положенію изслѣдователя. „Такъ, на примѣръ, въ данномъ случаѣ авторъ“, говоритъ г. Крыжановскій,—не только уроженецъ Западно-Русскаго края, но и практически служить ему, притомъ въ средѣ самыхъ священныхъ, а потому и самыхъ тревожныхъ интересовъ его,—въ санѣ священника. Требуется чрезвычайныхъ усилій надъ собою, чтобы объективироваться въ такомъ трудѣ: сырой, новый матеріалъ, такой обильный... точно изъ гроба встаетъ давно похороненное братство... тутъ же по сосѣдству съ нимъ, на глазахъ правнуковъ и ближайшихъ потомковъ этихъ братчиковъ, на глазахъ людей, еще не вполне понимающихъ свое положеніе... все это такіе мотивы, предъ которыми трудно устоять изслѣдователю. Нашъ авторъ всею душою отдался имъ... Онъ съ необыкновенною любовью относится къ каждому предмету, оставшемуся отъ братства или касающемуся его; съ трепетнымъ чувствомъ собираетъ въ нихъ по крохамъ все, что говоритъ въ пользу его, восхищается каждымъ движеніемъ его, всюду видитъ только энергію въ исполненіи своей задачи, все лучшее, святое"... „Къ нему вполне приложимы въ этомъ случаѣ слова: „многое отпущитъ ему, потому что онъ возлюбилъ много“.

Впрочемъ, самое отсутствіе объективности въ изслѣдованіяхъ, въ родѣ рассматриваемаго, по мнѣнію рецензента, имѣеть для исторіи не меньшую важность, чѣмъ изслѣдованія о братствахъ, несомнѣнно отличившихся силой и плодотворностію своей дѣятельности, такъ какъ первыя многое прибавляютъ къ разъясненію внутреннихъ причинъ паденія православія въ большинствѣ русскихъ поселеній, неуспѣха, постигавшаго многія изъ православныхъ учрежденій, и въ томъ числѣ ошибокъ и увлеченій со стороны передовыхъ братствъ. Хотя рецензентъ рѣшительно не соглашается со взглядомъ магистра Будиловича на происхожденіе, дѣятельность и значеніе Замостьскаго братства и, притомъ, признаетъ приемы и способы его весьма условными, а въ его выводахъ находитъ много увлеченій и въ цѣломъ невѣрное освѣщеніе, тѣмъ не менѣе г. Крыжановскій далеко отъ мысли ставить о Будиловичу все это въ особенную вину. „Исторія юго-западныхъ церковныхъ братствъ“, по замѣчанію рецензента, — „вообще мало разработана; вопросъ о самомъ происхожденіи братства все еще остается не рѣшеннымъ и не позволяетъ вполне опредѣленно установить приемы и способы ихъ дѣятельности, въ отношеніи къ ихъ задачѣ, и оцѣнить по достоинству тѣ грамоты и акты, которыми они руководствовались. Въ общемъ, г. Будиловичъ слѣдуетъ только съ особеннымъ расположеніемъ тому взгляду на церковныя братства, какой издавна и почти до послѣдняго времени господствовалъ въ нашей церковной и даже свѣтской исторической литературѣ“. Заслуга изслѣдователя „Русской православной старины въ Замостьѣ“, по признанію рецензента, несомнѣнно почтенна: онъ собралъ и частью описалъ, частью представилъ въ извлеченіи нѣсколько десятковъ документовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе важное значеніе для мѣстной исторіи; конечно, архивъ гр. Замоискихъ и акты Люблинскаго трибунала служатъ необходимымъ комментариемъ къ этимъ документамъ и могутъ значительно пополнить ихъ, но это впереди, и авторъ положилъ къ тому прочное начало. „Было бы, впрочемъ, болѣе желательно“, прибавляетъ г. Крыжановскій, — „нѣкоторые изъ вышеозначенныхъ документовъ имѣть въ цѣломъ и подлинномъ видѣ (въ приложеніяхъ), а не въ отрывкахъ и не въ переводѣ на русскій языкъ, какъ то видимъ въ книгѣ о. Будиловича“.

Вышеизложенныя соображенія ириводятъ г. Крыжановскаго къ заключенію, что, не смотря на замѣченные недостатки, трудъ г. Будиловича по кропотливости и добросовѣстной разработкѣ большею

частью сырыхъ матеріаловъ, заслуживаетъ по справедливости, малой Уваровской преміи.

Въ заключеніе комиссіи постановила выразить благодарность Академіи постороннимъ ученымъ, оказавшимъ ей содѣйствіе составленіемъ разборовъ конкурсныхъ сочиненій, и четыремъ изъ этихъ рецензентовъ, а именно: тайн. сов. Ил. Ал. Чистовичу, проф. П. В. Знаменскому, проф. Дм. Ал. Корсакову и Еф. Мих. Крыжановскому присудила золотыя Уваровскія медали.

ИЗДАТЕЛЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ШКОЛЫ ВЪ СИБИРИ.

Послѣдовавшее въ нынѣшнемъ-году открытіе Сибирскаго университета обращаетъ особенное вниманіе на вопросъ о состояніи народнаго образованія въ Сибири. При составленіи настоящаго очерка основнымъ матеріаломъ служили приложенія къ всеподданнѣйшему отчету г. министра народнаго просвѣщенія за 1885 годъ, а дополнительными—равныя соотвѣтственныя данныя за предыдущіе годы, разбросанныя въ приложеніяхъ ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ, по памятнымъ книжкамъ, календарямъ и въ статьяхъ разныхъ органовъ какъ столичной, такъ и мѣстной сибирской печати. Предлагаемый обзоръ обнимаетъ всю Западную Сибирь въ прежнемъ ея составѣ, то-есть, Тобольскую и Томскую губерніи, и области Акмолинскую и Семипалатинскую, а также всю Восточную Сибирь въ прежнемъ ея составѣ—безъ Пріамурскаго края, то-есть, Иркутскую и Енисейскую губерніи, да Забайкальскую и Якутскую области. Стало бытъ, онъ обнимаетъ площадь въ 202.683,9 кв. миль.

А. Положеніе народнаго образованія въ Сибири вообще.

Школьное дѣло въ обозрѣваемыхъ нами районахъ Сибири, къ январю 1886 года представлялось въ такомъ, приблизительно, видѣ: всѣхъ учебныхъ заведеній, считая воскресныя и церковно-приходскія школы, было 1.446 съ 49.118 учащихся—36.770 мальчиковъ и 12.348 дѣвочекъ.

Населеніе обозрѣваемыхъ четырехъ губерній и четырехъ областей простиралось, въ это время, до 5.223.298 душъ обоюга пола (2.720.409 м.

и 2.502.889 ж.)¹⁾ Стало быть, въ нихъ, вмѣстѣ взятыхъ, одно учебное заведеніе приходилось на 3.612,2 жителей, а одинъ учащійся—на 106,3 души обоого пола; на каждое же учебное заведеніе, среднимъ числомъ, по 33,9 учащихся.

Само собою разумѣется, что уровень школьно-учебнаго дѣла въ средѣ мужскаго и женскаго населенія не одинаковъ: дѣвочки составляли всего 25,1% общаго числа учащихся; остальные же 74,9% приходятся на долю мальчиковъ. Такимъ образомъ, изъ 10.000 душъ мужскаго пола населенія обозрѣваемыхъ нами районовъ обучалось въ учебныхъ заведеніяхъ 135,2 человека, а изъ 10.000 душъ женскаго пола—всего 49,3 души, то-есть, обучавшіяся мальчики составляли 1,4% мужскаго населенія, а обучавшіяся дѣвочки—лишь 0,5% женскаго населенія. Другими словами, изъ среды мужскаго населенія посѣщала школы одинъ изъ 74, а изъ среды женскаго населенія—одна изъ 202,7; или школьно-учебный уровень въ средѣ женскаго населенія былъ въ 2,7 разъ ниже, чѣмъ въ средѣ мужскаго населенія.

Изслѣдуя школьное дѣло обозрѣваемыхъ нами районовъ по городамъ и округамъ отдѣльно, мы замѣчаемъ рѣзкую неравномѣрность: изъ общаго числа 1.446 учебныхъ заведеній на долю городовъ приходится 307 или 21,2%, а изъ общаго контингента 49.118 учащихся—22.341 или 45,5% общаго числа учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ. Если имѣть въ виду, что изъ общаго населенія обозрѣваемыхъ районовъ—5.223.998 душъ обоого пола—на городское населеніе приходится всего 412.793 души (229.025 м. и 183.768 ж.) или 7,9%, то получится такой выводъ: хотя число учебныхъ заведеній и учащихся въ городахъ абсолютно и меньше, чѣмъ въ округахъ, но относительно оно превышаетъ таковое же въ округахъ въ 3,2 раза; число же учащихся въ городахъ, будучи абсолютно меньше такового же въ округахъ на 4.436 (26.777—22.341) или на 20%, относительно больше на 673,4% или въ 7,7 разъ: въ то время, какъ въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ обучался одинъ изъ 18,4 душъ городского населенія, въ округахъ обучался одинъ изъ 143,3 душъ сельскаго населенія; въ то время, какъ въ городахъ приходилось одно учебное заведеніе на 1.341,3 жителя и на 79,8 учащихся, въ округахъ приходилось оно на 3.345,5 жителей и на 23,5 учащихся.

Анализируя контингенты учащихся въ городскихъ и окружныхъ

¹⁾ Мы включили въ эту цифру, какъ осѣдлое, такъ и кочевое населеніе.

учебныхъ заведенійхъ по поламъ, мы получаемъ слѣдующіе результаты: въ городахъ учащіеся дѣвочки составляютъ 33,5% общаго числа учащихся, а въ округахъ всего 18,2% общаго числа учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, или въ 1,8 разъ меньшій процентъ, чѣмъ въ городахъ. На 10.000 душъ мужскаго пола приходится: въ городахъ—650 учащихся мальчиковъ, а въ округахъ—только 87,9; а на 10.000 душъ женскаго пола—въ городахъ—405,1 учащихся дѣвочекъ, а въ округахъ—всего 21,1. Стало бытъ, въ то время, какъ уровень учебно-школьнаго дѣла для мужскаго населенія въ городахъ относится къ таковому же въ округахъ какъ 650: 87,9,—уровень учебно-школьнаго дѣла для дѣвочекъ въ городахъ относится къ таковому же въ округахъ, какъ 405,1: 21,1. Другими словами, школьное образованіе мужскаго населенія въ округахъ слабѣе, чѣмъ въ городахъ въ 7,4 разъ; образованіе же женскаго населенія въ округахъ слабѣе, чѣмъ въ городахъ въ 19,2 разъ. Одинъ учащійся въ учебномъ заведеніи мальчикъ приходится: въ городахъ—на 15,4 душъ мужскаго населенія, и въ округахъ—на 113,8 душъ; одна же учащаяся дѣвочка приходится: въ городахъ на 24,7 душъ женскаго населенія, а въ округахъ—на 474,9 душъ.

Кромѣ начальныхъ школъ ¹⁾, въ составъ городскихъ учебныхъ заведеній, какъ извѣстно, входятъ еще и среднія. Учебныхъ заведеній съ характеромъ „среднихъ“ ²⁾ мы, въ общемъ числѣ 307 городскихъ учебныхъ заведеній обзрѣваемыхъ районовъ, насчитываемъ 31, или 11%. Къ этимъ „среднимъ“ учебнымъ заведеніямъ мы относимъ: 6 мужскихъ классическихъ гимназій съ 1.361 учащимся, Енисейскую и Якутскую мужскія шестиклассныя прогимназіи съ 156 учащимся, 5 женскихъ гимназій съ 1.287 учащимся, Тобольскую Марининскую семиклассную женскую школу съ 240 учащимся, и Иркутскій женскій институтъ съ 116 ученицами; 3 реальныхъ училища съ 367 уч., 2 техническихъ школы съ 246 уч., Сибирскій кадетскій корпусъ (въ Омскѣ), да Иркутскія военную прогимназію и юнкерское училище съ 592 ч., 4 духовныхъ семина-

¹⁾ Мы вынуждены были, по разнымъ соображеніямъ, городскія школы, узданныя училища, женскія прогимназіи вѣдомства Императрицы Маріи включить въ одну общую группу „начальныхъ“ или низшихъ школъ.

²⁾ Въ общую категорію „среднихъ“ учебныхъ заведеній включены и спеціальныя техническія, военныя, духовныя и учительскія семинаріи.

рін съ 491 уч., Барнаульское горное училище (съ 2 спеціальными классами) съ 173 уч., и 3 учительскихъ семипарии съ 177 учащихся. Итакъ, изъ общаго числа 307 городскихъ учебныхъ заведеній съ 22.341 учащихся въ нихъ должно выдѣлить 31 среднее учебное заведеніе (считая въ томъ числѣ и высшія спеціальныя) съ 5.206 учащихся (3.563 м. и 1.643 д.). Такимъ образомъ, на долю начальнаго учебно-школьнаго дѣла въ городахъ остается 276 учебныхъ заведеній съ 17.135 учащихся, что составитъ, среднимъ числомъ, по одному учебному заведенію на 1.495,6 душъ общаго населенія и 61,7 учащихся.

Посмотримъ теперь, какъ великъ процентъ населенія, получающій среднее образованіе. Изъ 10.000 душъ мужскаго населенія среднее образованіе получаетъ 13,1 человекъ, а изъ 10.000 душъ женскаго населенія—только 6,6. Другими словами, среднимъ образованіемъ въ обобщаемыхъ нами районахъ, среднимъ числомъ, пользуется: одинъ мальчикъ изъ 762,4 душъ мужскаго пола и одна дѣвушка изъ 1.523,4 душъ женскаго пола, или одинъ изъ 1.003,3 душъ обоого пола населенія. Стало бытъ, среднее образованіе выпадаетъ на долю лишь 10-ти изъ 84-хъ получающихъ начальное-школьное образованіе; или среднее образованіе достается, въ среднемъ выводѣ, на долю 10-ти изъ 93,5 мальчнковъ, получившихъ начальное-школьное образованіе; въ женскомъ же населеніи оно достается на долю десяти изъ 65-ти посѣщавшихъ начальныя школы.

Но одинаково доступно среднее образованіе городскому и сельскому населенію лишь de jure, и мы сдѣлаемъ очень ничтожную погрѣшность, если все среднее образованіе отнесемъ на долю городскихъ классовъ, то-есть, на долю 412.793 душъ обоого пола. Въ такомъ случаѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: Среднее образованіе достается на долю одного изъ 79,3 душъ обоого пола, или—разсматривая городское населеніе отдѣльно по поламъ—на долю одного изъ 64,3 мужчинъ и одной изъ 111,8 женщинъ; между тѣмъ какъ начальное-школьное образованіе получаетъ одинъ изъ 24 душъ обоого пола, или—отдѣльно по поламъ—одинъ мальчикъ изъ 20,3 мужчинъ и одна дѣвушка изъ 31,5 женщинъ. Другими словами, въ средѣ контингента, получающаго начальное-школьное образованіе въ городахъ, среднее образованіе получаетъ: 10 мальчиковъ изъ 32, да 10 дѣвочекъ изъ 35 или по 10 человекъ изъ 33 учащихся обоого пола, получающихъ начальное-школьное образованіе. Въ то время, какъ въ контингентѣ, получающемъ начальное-

школьное образованіе, дѣвочки составляютъ 34%, въ контингентѣ, получающемъ среднее образованіе, онѣ составляютъ только 31,4%.

Приведенные итоги количественной стороны школьнаго дѣла въ Сибири, къ сожалѣнію, не характеризуютъ его въ благоприятномъ смыслѣ.

Однако, нельзя сказать, что въ Сибири школьное дѣло оставалось въ неподвижномъ состояніи. Ниже мы увидимъ, что за послѣднее полстолѣтіе, въ особенности начиная съ 60-хъ годовъ, учебно-школьное дѣло вдѣсь значительно подвинулось впередъ. Это очевидно будетъ для всякаго, если онъ припомнитъ, что до конца первой половины прошлаго столѣтія существовала на всю Сибирь лишь одна школа при Тобольскомъ митрополичьемъ дворѣ¹⁾, а затѣмъ вплоть до Сперанскаго школьное дѣло подвигалось впередъ крайне медленно, и при прибытіи Сперанскаго сельскія школы существовали лишь въ одной Иркутской губерніи, приходскихъ училищъ вовсе не было во многихъ городахъ, гимназій на всю Сибирь существовало всего двѣ (въ Тобольскѣ и Иркутскѣ); еще 2 семинаріи (тамъ же), 2 горныхъ училища (въ Варнаулѣ и при Нерчинскомъ большомъ заводѣ), Омское казачье училище, 4 военно-сиротскихъ отдѣленія (въ Тобольскѣ, Омскѣ, Иркутскѣ и Селенгинскѣ), Охотская навигаціонная школа.

В. Школьное дѣло въ отдѣльныхъ районахъ Сибири.

І. Тобольская губернія.

Общее населеніе Тобольской губерніи, занимающей площадь въ 25.021 кв. миль, простиралось къ январю 1886 г. до 1.346.287 душъ обоого пола, изъ которыхъ приходится на города 79.240 душъ и на округа 1.267.047 душъ.

Населеніе это располагало, въ 1885 г., училищами: 38 мужскими, 16 женскими и 294 общими для обоого пола,—всего 348 учебныхъ заведеній, изъ числа которыхъ приходится на города 55, или 15,8%, и на округа 293, или 84,2%. Стало быть, въ городахъ число учебныхъ заведеній абсолютно меньше, чѣмъ въ округахъ на 532,9%, или въ 5¹/₂ разъ; относительно же оно больше въ 3 раза или

¹⁾ Эта школа была учреждена въ 1728 году для обученія чтенію церковному, письму, пѣнію, катихизису и грамматикѣ.

на 200%. По губерніи вообще приходится одно учебное заведеніе на 3.869 душъ обоого пола; въ отдѣльности же: въ городахъ—на 1.440 душъ, а въ округахъ на 4.334 души.

Въ упомянутыхъ 348 учебныхъ заведеніяхъ обучалось 11.343 человекъ, что составляетъ, въ среднемъ, по 35,5 учащихся на одно учебное заведеніе. Въ общемъ числѣ учащихся было 8.312 мальчиковъ и 3,031 дѣвочка, то есть, первые составляютъ 73,3%, а послѣднія — 26,7% всего числа.

Сравнивая цифры учащихся съ цифрами населенія, мы видимъ, что по губерніи вообще обучался одинъ изъ 118,7 душъ обоого пола, при чемъ въ мужскомъ населеніи обучался одинъ изъ 76,9 человекъ, а въ женскомъ—одна изъ 220,6. Другими словами, школьно-учебный уровень женскаго населенія былъ относительно въ 2,9 разъ слабѣе. Изъ общаго контингента—11.343 учащихся приходится: на города съ населеніемъ въ 79.240 душъ—4.339 учащихся, а на округа съ населеніемъ въ 1.267.047 душъ—7.004 учащихся¹⁾. Стало быть, учащиеся составляютъ—въ городахъ 5,5% городскихъ обывателей, а въ округахъ 0,55% сельскихъ обывателей,—или, по всей губерніи, они составляютъ 0,8 населенія. Мы видимъ, такимъ образомъ, что, хотя число учащихся въ городахъ абсолютно меньше такового же въ округахъ на 2.665 человекъ, или въ 1,6 разъ (на 61,4%), но относительно оно больше въ слишкомъ десять разъ или на 1.037%; въ то время, какъ въ городахъ одинъ учащійся приходится на 16,9 жителей, въ округахъ онъ приходится на 180,9 душъ.

Изъ 4,339 человекъ, обучавшихся въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ, было: мальчиковъ—2.744 и дѣвочекъ 1.595, то-есть, первые составляли 63,2%, а послѣднія 36,8% общаго числа учащихся. Изъ обучавшихся же въ сельскихъ училищахъ 7,004 чел. было: мальчиковъ—5,568 и дѣвочекъ—1.436, то-есть, первые составляли 79,3%, а послѣднія—только 20,7% общаго числа. Другими словами, если уровень начально-школьнаго дѣла въ округахъ, вообще, значительно ниже чѣмъ въ городахъ, то для сельскаго населенія въ частности онъ еще ниже: въ то время, какъ, въ среднемъ выводѣ, на каждые 10 учащихся мужскаго пола въ городахъ учащихся женскаго пола приходится 5,8,—въ округахъ приходится всего 2,6.

Стало быть, уровень начально-школьнаго образованія женщинъ

¹⁾ Въ этомъ числѣ 809 чел., обучавшихся въ 71 церковно-приходской школѣ.

въ округахъ ниже такового же въ городахъ (соотносительно съ пропорціональными уровнями мужскаго образованія) въ 2,2 раза,—а въ то время, какъ въ городахъ обучается одинъ мальчикъ изъ 16,2 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 21,7 женщинъ,—въ округахъ обучается одинъ мальчикъ изъ 113,7 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 441,6 женщинъ,—такъ что уровни школьнаго образованія мужскаго населенія въ городахъ и округахъ относятся другъ къ другу, какъ 113,7:16,2; а уровни женскаго населенія—какъ 441,6:21,7. Это значитъ, другими словами, что уровень школьнаго образованія въ городахъ Тобольской губерніи въ мужскомъ населеніи выше уровня образованія того же населенія въ округахъ въ 7 разъ, а уровень школьнаго образованія женскаго населенія городовъ выше такового же въ округахъ въ 20,3 раза.

Среднихъ учебныхъ заведеній въ губерніи четыре: въ Тобольскѣ—мужская классическая гимназія ¹⁾ съ 224 учащихся, духовная семинарія ²⁾ съ 186 уч., да Маріинская женская 7-ми классная школа (вѣдомства императрицы Маріи) съ 240 уч.; а въ Тюмени—Александровское реальное училище съ 158 учащихся. Стало быть, во всѣхъ 4-хъ среднеучебныхъ заведеніяхъ Тобольской губерніи, въ 1885 г. обучалось 808 человекъ—568 мальчиковъ и 240 дѣвушекъ. Если распредѣлить ихъ на населеніе всей губерніи, то окажется, что въ губерніи получалъ среднее образованіе одинъ изъ 1.666,2 душъ обоюго пола, или по одному изъ 14 человекъ, получившихъ начальное образованіе. При анализѣ же учащихся по поламъ, оказывается, что въ мужскомъ населеніи губерніи среднее образованіе получалъ одинъ изъ 1.175,3 или одинъ изъ 15-ти получившихъ начальное образованіе; въ женскомъ же населеніи—одна изъ 1.786,3 или одна изъ 8,1 получившихъ начальное образованіе.

Если исключить изъ общаго числа учебныхъ заведеній и учащихся въ городахъ эти 4 учебныя заведенія съ 808 учащихся, то въ городахъ окажется 51 учебное заведеніе съ 3.531 учащихся, что составитъ, въ среднемъ, одно учебное заведеніе на 1.553,7 душъ обоюго пола и на 69,2 учащихся. При распредѣленіи этихъ цифръ по поламъ, окажется, что на мужское населеніе въ 44.620 душъ приходится 2.176 учащихся, а на женское населеніе въ 34.620 душъ—1.355 учащихся. Другими словами, при этомъ окончательномъ итогѣ,

¹⁾ Тобольская гимназія открыта въ 1810 г.

²⁾ Духовная семинарія открыта въ 1748 году.

оказывается, что въ городахъ обучалось въ начальныхъ школахъ: одинъ изъ 20,6 мужчинъ и одна изъ 25,5 женщинъ; въ округахъ же— одинъ изъ 113,7 мужчинъ и одна изъ 441,6 женщинъ.

Въ виду вышеприведенныхъ соображеній, считаемъ себя въ правѣ отвести среднее образованіе на счетъ городского населенія. И тогда выводы наши будутъ таковы:

Для городского населенія Тобольской губерніи въ 1885 г. было 4 среднихъ учебныхъ заведенія съ 808 учащимися (568 м. и 240 д.). Стало бытъ, среднимъ числомъ, приходилось одно учебное заведеніе на 19.810 душъ населенія и на 202 учащихся, причеиъ изъ мужскаго населенія среднее образованіе получалъ одинъ изъ 78,6 мужчинъ, или одинъ изъ 3,8 получавшихъ начальное образованіе; а изъ женскаго населенія—одна изъ 144,2 женщинъ, или одна изъ 5,7 получившихъ начальное образованіе. Другими словами, изъ 10.000 душъ городского населенія мужскаго пола получали образованіе: начальное—488 мальчиковъ а среднее—127 мужчинъ; а изъ 10.000 душъ женскаго пола получили образованіе: начальное—391, а среднее—69.

Изъ общаго числа 51 городскихъ учебныхъ заведеній губерніи на долю одного города Тобольска приходится 15 (29,4%), а изъ 4-хъ среднихъ учебныхъ заведеній — три (75%). Изъ общаго числа учащихся въ городахъ—4.339 чел.—на долю одного Тобольска приходится 1.910 учащихся, или 44%, при чемъ учащихся въ начальныхъ учебныхъ заведеніяхъ на его долю изъ общей цифры 2.176 мальчиковъ приходится 1.260 мальчиковъ, или 57,9%, а изъ общаго числа 1.355 учащихся дѣвочекъ—650 дѣвочекъ или 48%,—да изъ 808 учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ — 650 учащихся или 80,4%. Если мы будемъ имѣть въ виду, что населеніе г. Тобольска простиралось, въ 1885 года, до 20.074 душъ обоего пола (10.947 м. и 9.127 ж.), такъ что на населеніе всѣхъ остальныхъ девяти городовъ, вмѣстѣ взятыхъ, оставалось 59.166 душъ обоего пола (33.673 м. и 25.493 ж.), то-есть, что населеніе Тобольска составляло лишь около четвертой части всего городского населенія губерніи (25,3%), то преимущества его вполне будутъ очевидны: въ то время, какъ во всѣхъ окружныхъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, въ начальныхъ учебныхъ заведеніяхъ обучался одинъ изъ 23,8 мужчинъ и одна изъ 25,9 женщинъ, или одинъ изъ 24,6 душъ общаго населенія—въ Тобольскѣ обучался въ начальныхъ учебныхъ заведеніяхъ одинъ изъ 14,4 мужчинъ и одна изъ 18,3 женщинъ, или одинъ изъ 15,9 душъ общаго населенія; другими словами, общій уровень начально-школь-

наго дѣла въ г. Тобольскѣ въ 1,5 разъ выше, чѣмъ въ окружныхъ городахъ; при этомъ уровень начально-школьнаго дѣла въ мужскомъ населеніи выше въ 1,6 разъ, а въ женскомъ населеніи—въ 1,4 раза. Ко всѣмъ этимъ преимуществамъ присоединяется еще и то важное преимущество, что на долю Тобольска приходятся три казенныя среднія учебныя заведенія ¹⁾, съ 650 учащихся.

Слѣдующая таблица представляетъ ходъ школьнаго дѣла въ губерніи за послѣднее десятилѣтіе:

	Въ 1878 г.	Въ 1882 г.	Въ 1885 г.
Количество учебныхъ заведеній .	267	299	848
Изъ нихъ: а) въ г. Тобольскѣ	12	14	18
б) въ окруж. городахъ.	31	33	37
в) въ округахъ .	224	252	293
Въ томъ числѣ: а) мужскихъ .	31	36	37
б) женскихъ .	15	15	26
в) для обоого пола	221	248	294
Одно учебное заведеніе приходится:			
а) въ городахъ на	1.493	1.572	1.441
б) въ округахъ на	5.134	5.846	4.324
в) по всей губерніи на	4.548	4.254	3.868
Количество учащихся:			
а) въ городахъ	3.445	3.740	4.339
б) въ округахъ	4.969	5.982	7.004
в) по всей губерніи.	8.414	9.722	11.343
Изъ нихъ: 1) мальчиковъ:			
а) въ городахъ	2.270	?	2.744
б) въ округахъ	4.165	?	5.568
в) по всей губерніи.	6.435	7.389	8.312
2) Дѣвочекъ:			
а) въ городахъ	1.175	—	1.595
б) въ округахъ	804	—	1.436
в) по всей губерніи.	1.979	2.303	3.031
Изъ общаго количества учащихся:			
а) мальчиковъ.	6.435	7.389	8.312
б) дѣвочекъ.	1.979	2.303	3.031
Процентъ учащихся:			
а) мальчиковъ.	76,5	74,00	73,00
б) дѣвочекъ	23,5	25,11	26,70
Процентъ учащихся къ населенію:			
а) въ городахъ	5,4	5,00	5,00
б) въ округахъ	0,4	0,40	0,40

¹⁾ Алексѣевское реальное училище находится въ очень промышленномъ и богатоу г. Тюмени. Зданіе подъ училище построено на средства тюменскаго купца Проконія Подаруева, а на содержаніе вносится ежегодно Тюменскимъ городекимъ обществомъ въ пособіе казны 10.000 руб.

Отсюда видно, что число учебных заведеній въ Тобольской губерніи за 7-ми-лѣтній періодъ (1878 — 1885 годъ) увеличилось абсолютно на 8,1 или на 30,3%. Относительное же его увеличеніе составляетъ 17,6%. Въ городахъ число учебных заведеній увеличилось абсолютно на 12, или на 27,9%; относительно же оно увеличилось на 3,6%. Въ округахъ число учебных заведеній увеличилось абсолютно на 69, или на 30,8%; относительное же увеличеніе его составляетъ здѣсь 18,7%. Что же касается г. Тобольска въ отдѣльности, то число его учебных заведеній абсолютно увеличилось на 6, или на 50%, а относительно—на 37,1% ¹⁾.

Число учащихся за семь лѣтъ довольно замѣтно возросло: вмѣсто, 8.414 учащихся въ 1878 году, въ 1885 году оказывается 11,343, то-есть, оно абсолютно увеличилось на 2.929 учащихся, или на 34,8%, что составляетъ среднее годовое приращеніе на 418,4 учащихся, или почти на 5%; относительно же число учащихся увеличилось на 21,6%. Въ городахъ число учащихся возросло на 894 чел., или на 25,9% абсолютно и на 17% относительно ²⁾; въ округахъ же абсолютно на 2,035 учащихся, или на 41% (среднее годовое приращеніе на 5,9%); относительно же оно увеличилось на 27,9%; въ то время какъ въ 1878 г. въ округахъ приходился одинъ учащійся на 231,1 душу населенія, въ 1885 г. одинъ учащійся приходился на 180,9 душъ. Столь явный ростъ школьнаго дѣла въ губерніи позволяетъ надѣяться на лучшее будущее. Еще въ 1869 году число всѣхъ учащихся простиралось до 6.407 человекъ, а черезъ 9 лѣтъ, въ 1878 г., оно возросло до 8.414, то-есть, на 2.007 человекъ или на 31,2, а за послѣднія 7 лѣтъ, опять возросло на 2.929, или на 34,8%, то-есть, за 7 лѣтъ оно возросло больше, чѣмъ за предыдущія 9 лѣтъ, на 922 человекъ или на 45,9%—а за 16-лѣтній періодъ (1869—1885) число учащихся возросло съ 6.407 до 11.343, то-есть, на 4.936 чел., или на 77%, что составляетъ среднее годовое приращеніе въ 4,8, при чемъ это приращеніе прогрессировало: въ первыя 9 лѣтъ, оно доходило въ годъ, среднимъ числомъ, до 3,5%,—а въ послѣднія 7 лѣтъ—до 5%.

Какъ извѣстно, школьнымъ возрастомъ признается возрастъ отъ 7 до 14 лѣтъ. По вычисленіямъ академика Буяковскаго, въ Россіи

¹⁾ Въ 1878 г., въ Тобольскѣ одно учебное заведеніе приходилось на 1525,3 жителей, а въ 1885 г.—на 1115,4.

²⁾ Въ 1878 г., одинъ учащійся приходился въ городахъ на 18,3 жителей, а въ 1885 г.—на 15,3 жителей.

дѣти школьнаго возраста составляютъ 16,14% мужскаго и 17,44% женскаго населенія. Въ Тобольской губерніи, какъ мы видѣли, въ 1885 г., населеніе состояло изъ 677.577 душъ мужскаго пола и 668.710 душъ женскаго пола. Стало быть, дѣтей школьнаго возраста здѣсь должно было быть, приблизительно, около 109.370 мальчиковъ и 116.623 дѣвочекъ, а всего около 225.993. Во всѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ Тобольской губерніи, какъ мы видимъ, обучалось всего 11.343 чел., то-есть, почти въ двадцать разъ меньше, при чемъ мальчиковъ обучалось 0,08 школьнаго возраста, а дѣвочекъ—0,03 школьнаго возраста.

Въ городахъ Тобольской губерніи въ 1885 году было 51 учебное заведеніе съ 3.531 учащихся (мы включили въ этотъ счетъ и уѣздныя, и спеціальныя школы). А такъ какъ населеніе городское состоитъ изъ 79.240 душъ—44.620 м. и 34.720 ж., то стало быть, дѣтей школьнаго возраста здѣсь должно было быть около 7.200 мальчиковъ и 6.038 дѣвочекъ, всего около 13.238, стало быть, школа была доступна лишь для 0,266 дѣтей школьнаго возраста, при чемъ изъ мальчиковъ школьнаго возраста обучалось 0,302, а изъ дѣвочекъ школьнаго возраста 0,224.

По свѣдѣніямъ памятной книжки Тобольской губерніи на 1884 г., въ 1880 году изъ 158 волостей съ русскимъ населеніемъ въ 10 волостяхъ (съ 170 селеніями и 60.000 жителями) школъ вовсе не было; изъ остальныхъ 148 волостей 103 волости имѣли по 1 школѣ, 36 вол.—по 2 школы, 6 вол.—по 3 школы и 3 вол.—по 4 школы. Въ то же время, надо замѣтить, что въ 3 волостяхъ, имѣвшихъ по 4 школы, было только 58 селеній съ 18.000 жителей, въ 6 вол., имѣвшихъ по 3 школы, было 159 селеній съ 51.000 жителей; большинство же волостей, имѣвшихъ отъ 60 до 18 тыс. жителей каждая, было только по одной школѣ. Преподавательскій составъ, относительно котораго имѣлись свѣдѣнія у составителей Памятной книжки распредѣлялся такъ: 1) изъ 48 учителей 8 было изъ учительской семинаріи; 38 — изъ гимназій, духовныхъ семинарій, духовныхъ, военныхъ и уѣздныхъ училищъ, — да 2 съ домашнимъ образованіемъ; 2) изъ 145 учительницъ — 120 было изъ институтовъ, женскихъ гимназій, прогимназій и Марининской женской школы, 13 изъ монастырской школы и дѣтскихъ пріютовъ, да 12 съ домашнимъ образованіемъ.

Вознагражденіе учительскаго персонала въ начальныхъ сельскихъ школахъ довольно скудное. На каждую школу расходуется въ годъ до 310 р., въ томъ числѣ жалованья учителю 200 р., законоучителю 60 р. и на учебныя пособія 50 р. въ годъ.

Помѣщенія подъ школы большею частью мало удовлетворительны. Это касается не только сельскихъ школъ, но и городскихъ учебныхъ заведеній.

II. Томская губернія.

Первая въ губерніи школа (при Алексѣевскомъ монастырѣ) основана была въ г. Томскѣ 143 года тому назадъ, 30-го октября 1744 г. Специально задачей ея было — постепенно создать необходимый контингентъ для духовнаго вѣдомства. Только спустя 45 лѣтъ, въ 1789 году въ обзорѣваемой губерніи появляются (въ городахъ Томскѣ и Наринѣ) первыя два народныхъ училища, къ которымъ въ началѣ текущаго столѣтія прибавилось третье, да горное училище въ Барнаулѣ. Такимъ образомъ, если присоединить еще и тѣ два военно-сиротскихъ „отдѣленія“ при Війской крѣпости, которыя учреждены были по положенію 1794 года, — Сперанскій, прибывъ въ Сибирь, могъ застать во всей Томской губерніи всего шесть школъ: цифры, безспорно крайне мизерныя при населеніи въ 400.000 душъ (об. пола), разбросанныхъ на обширной площади въ 76.058,950 десятинъ.

Въ этомъ положеніи школьное дѣло оставалось до второй половины текущаго столѣтія. Въ 60-хъ годахъ, въ Томской губерніи существовало уже въ шесть разъ больше, чѣмъ при Сперанскомъ, учебныхъ заведеній, — и между послѣдними фигурируютъ уже: губернская гимназія, открытая 10-го декабря 1838 года, духовная семинарія, основанная въ 1856 году — четыре высшихъ гимназическихъ класса для 40 дѣтей горныхъ чиновниковъ, 3 уѣздныхъ училища, 6 городскихъ и 8 сельскихъ приходскихъ училищъ, да 4 земскихъ училища. Къ январю 1886 года въ Томской губерніи оказывается въ двѣнадцать разъ больше учебныхъ заведеній, чѣмъ въ началѣ 60-хъ годовъ, и въ семьдесятъ разъ больше, чѣмъ при Сперанскомъ!..

Общее населеніе Томской губерніи, занимающее площадь въ 15.476 кв. миль, простиралось къ январю 1886 года до 1.196.115 душъ об. пола — 612.205 муж. и 583.830 жен. Это населеніе располагало 265 учебными заведеніями, изъ которыхъ приходилось на города — съ населеніемъ въ 113.213 дѣтей об. пола — 56 и на округа — съ населеніемъ въ 1.082.902 дѣтей об. пола — 209. Стало быть, по всей губерніи, вообще приходилось одно учебное заведеніе на 4.513 дѣтей об. пола, а въ отдѣльности, въ городахъ — на 2.021 дѣтей, а въ округахъ — на 5.181. Другими словами, на города приходилось 21,1%, а на округа 78,9% всего числа учебныхъ заведеній. Это значитъ, что число учебныхъ

заведеній въ округахъ было абсолютно больше, чѣмъ въ городахъ, въ 3,7 раза, а относительно меньше въ 2,6 раза.

Общее число учащихся во всѣхъ 265 учебныхъ заведеніяхъ губерніи простиралось до 10.803 дѣтей, что составляетъ среднимъ числомъ на каждое учебное заведеніе по 40,8 учащихся. Въ составъ приведенной цифры учащихся входятъ 8,111 мальчиковъ и 2.692 дѣвочки. Стало быть, первые составляютъ 75%, а послѣднія — только 25% общаго числа учащихся.

При сравненіи контингента учащихся съ общимъ числомъ населенія, оказывается, что въ Томской губерніи обучался одинъ изъ 108,3 душъ, — или обучался въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 75,5, а въ женскомъ населеніи — одна изъ 216,9. Стало быть, уровень школьнаго дѣла въ средѣ женскаго населенія былъ ниже, чѣмъ въ мужскомъ, въ два раза слишкомъ.

Разсматривая отдѣльно города и округа, мы видимъ, что изъ общаго контингента 10.813 учащихся приходится на города 4.955 или 45,24% и на округа — 5.808 или 53,76%. Значитъ, число учащихся въ городахъ абсолютно въ 1,2 разъ меньше, чѣмъ въ округахъ; относительно же оно въ восемь разъ больше, ибо въ то время, какъ въ городахъ обучался одинъ изъ 22,7 душъ общаго населенія, въ округахъ одинъ учащійся приходится на 186,5 душъ. Въ округахъ учащіеся составляютъ 4,4% населенія, а въ городахъ лишь 0,54% сельскаго населенія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію контингентовъ учащихся въ городахъ и округахъ по поламъ, мы видимъ, что въ то время, какъ въ городахъ въ общемъ составѣ 4.995 учащихся было 3.304 мальчика и 1.691 дѣвочка, то-есть, первые составляютъ 66,2%, а послѣднія — 33,8%, — въ составѣ 5.880 учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ округовъ входитъ 4.807 мальчиковъ и 1.001 дѣвочка, то-есть, первые составляютъ 82,8%, а послѣднія — не болѣе 17,2%. Это значитъ, что безотносительно даже къ численности населенія того и другаго пола по городамъ и округамъ, женскій полъ въ школьно-учебномъ дѣлѣ представленъ въ округахъ почти въ два раза (1,97) слабѣе, чѣмъ въ городахъ. Если же мы примемъ во вниманіе и этотъ факторъ, то увидимъ, что въ городскомъ населеніи Томской губерніи, простирающемся до 60.552 душъ мужскаго пола и 52.661 души женскаго пола, обучается одинъ мальчикъ изъ 18,3 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 31,1 женщинъ, — въ окружномъ же населеніи, простирающемся до 551,733 душъ мужскаго пола и 531.109 душъ жен-

окаго пола, одинъ учащійся мальчикъ приходится на 114,8 мужчинъ, а одна учащаяся дѣвочка—на 530,6 женщинъ. Стало быть, отношеніе учащихся мальчиковъ ко всему мужскому городскому населенію въ 6,3 разъ больше въ городахъ, чѣмъ въ округахъ; отношеніе же учащихся дѣвочекъ ко всему женскому населенію въ городахъ—въ 18 разъ больше, чѣмъ въ округахъ, то-есть, послѣднее отношеніе въ 2,8 разъ слабѣе перваго. Другими словами, въ то время какъ въ городахъ изъ 100 мужчинъ обучается 5,46 мальчиковъ, а изъ 100 женщинъ—3,21 дѣвочка, —въ округахъ изъ 100 мужчинъ обучается 0,87 мальчиковъ, а изъ 100 женщинъ—0,18 дѣвочекъ, то-есть, уровни школьно-учебнаго дѣла въ мужскомъ населеніи городовъ и округовъ относятся между собою, какъ 5,46: 0,87, а уровни въ женскомъ населеніи—какъ 3,21: 0,18.

Чтобы отчетливѣе отнѣнить взаимныя отношенія начальнаго школьнаго дѣла въ городахъ и округахъ, намъ слѣдуетъ теперь изъ числа учебныхъ заведеній и учащихся въ городахъ выдѣлать число среднихъ учебныхъ заведеній съ учащимися въ нихъ.

Такихъ учебныхъ заведеній въ Томской губерніи пять—въ Томскѣ: мужская классическая гимназія съ 296 учащихся, женская гимназія съ 356 учащихся, реальное училище съ 149 учащихся и духовная семинарія съ 145 учащихся, да въ Барнауль горное училище (курсъ уѣзднаго училища съ 2 спеціальными классами) съ 173 учащихся. Стало быть, изъ 56 городскихъ учебныхъ заведеній съ 4.995 учащихся должно быть выдѣлено 5 среднихъ учебныхъ заведеній (8,9%) съ 1.119 учащихся (22,4%),—и начальнаго школьнаго дѣла въ Томской губерніи выразится въ 51 учебномъ заведеніи съ 3.876 учащихся обоого пола, что составитъ, среднимъ числомъ, по одному учебному заведенію на 2.220 душъ и по одному учащемуся на 29,2 душъ обоого пола, да по 76 учащихся на одно учебное заведеніе. Группируя послѣднія данныя по поламъ, окажется, что собственно начальнаго школьнаго дѣла мальчиковъ приходится 2.541 на мужское городское населеніе въ 60.552 души, а дѣвочекъ—1.335 на женское населеніе въ 52.661 души.

Итакъ, окончательные итоги для начальнаго школьнаго дѣла въ Томской губерніи таковы: въ городахъ обучался одинъ мальчикъ изъ 23,8 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 39,4 женщинъ, а въ округахъ, какъ мы выше видѣли, одинъ учащійся мальчикъ приходится на 114,8 мужчинъ и одна дѣвочка на 530,6 женщинъ. Стало быть, уровни начальнаго школьнаго дѣла въ округахъ и городахъ относятся

между собою: въ мужскомъ населеніи, какъ 114,8: 23,8, а въ женскомъ — какъ 530,6: 39,4; то-есть, первое отношеніе благоприятнѣе послѣдняго въ 2,8 разъ.

Что же касается положенія средняго образованія въ Томской губерніи, то если отнести упомянутыя 5 среднихъ учебныхъ заведеній ко всей губерніи, среднимъ числомъ прійдется по одному учебному заведенію на 239.223 души и по одному учащемуся на 1.068,9 душъ обоего пола, на одно же учебное заведеніе по 224 учащихся. Притомъ изъ мужскаго населенія губерніи это образованіе досталось среднимъ числомъ, на долю одного изъ 802, а изъ женскаго населенія—одной изъ 1.640, то-есть, на долю вдвое меньшаго контингента. Но уже при обзорѣ Тобольской губерніи мы замѣтили, что гораздо вѣрнѣе и ближе къ истинѣ будетъ относить среднее образованіе (что и будетъ дѣлаться нами впередъ) къ одному городскому населенію,—и тогда оказывается, что къ услугамъ городского населенія въ 113.218 душъ (60.552 мужчинъ и 52.661 женщинъ) было 5 среднихъ учебныхъ заведеній съ 1.119 учащихся (763 мальчиковъ и 356 дѣвочекъ), то-есть, приходилось, среднимъ числомъ, одно учебное заведеніе на 22.642,6 души обоего пола и на 224 учащихся; при этомъ получалъ среднее образованіе изъ мужскаго населенія одинъ изъ 79,4, или одинъ изъ 3,3 получавшихъ начальное образованіе; а изъ женскаго населенія—одна изъ 147,9 душъ, или одна изъ 3,7, получавшихъ начальное-школьное образованіе. Стало быть, 10.000 душъ мужскаго пола городского населенія получало образованіе: начальное 420,1, да среднее—126; а изъ 10,000 душъ женскаго—начальное 253,8, да среднее—67,6.

Слѣдующая таблица даетъ наглядное историко-статистическое освѣщеніе школьнаго дѣла въ Томской губерніи:

	Въ 1843 г.	Въ 1856 г.	Въ 1873 г.	Въ 1886 г.
Количество учебныхъ заведеній:				
а) въ городахъ.	10	16	30	56
б) въ округахъ .	21	34	104	209
в) по всей губерніи	31	50	134	265
Одно учебное заведеніе на число душъ:				
а) въ городахъ.	3.331	2.698	2.193	2.020
б) въ округахъ	28.774	19.015	7.988	5.181
в) по всей губерніи	17.180	13.774	6.696	4.513
Количество учащихся:				
а) въ городахъ:				
1) мальчиковъ .	1.130	1.204	1.452	3.304
2) дѣвочекъ.	19	83	679	1.691

3) обоего пола	1.149	1.287	2.131	4.905
б) въ округахъ:				
1) мальчиковъ	1.508	1.527	2.071	4.807
2) дѣвочекъ	—	—	283	1.001
3) обоего пола	1.503	1.527	2.354	5.808
Однѣхъ учащійся на число душъ:				
а) въ городахъ	29	32,8	30,8	22,7
б) въ округахъ	332,4	423,8	352,8	182,8
в) по всей губерніи	200,8	244,7	199,8	108,8
Учащихся на одно учебное заведеніе:				
а) въ городахъ	115	80	71	89,8
б) въ округахъ	71	45	22	27,8
в) по всей губерніи	85,8	56,8	33,8	40,8
Изъ 1000 душъ мужскаго пола обучалось мальчиковъ:				
а) въ городахъ	62	50	41	54,8
б) въ округахъ	5,7	5,8	4,8	8,7
в) по всей губерніи	9	8,8	7,7	13,8
Изъ 1000 душъ женскаго пола обучалось дѣвочекъ:				
а) въ городахъ	1	4,8	21,8	32,8
б) въ округахъ	—	—	0,88	1,88
в) по всей губерніи	0,87	0,88	2,18	4,88
% дѣвочекъ къ числу учащихся:				
а) въ городахъ	1,8	6,8	31,8	33,8
б) въ округахъ	—	—	12,88	17,88
в) по всей губерніи	0,87	0,88	21,88	24,88
% учащихся въ городахъ къ городскому населенію	3,8	3,88	3,88	4,88
% учащихся въ округахъ къ сельскому населенію	0,8	2,88	0,88	0,88
% учащихся въ губерніи къ общему губернскому населенію	0,88	0,88	0,88	0,88

Внимательно разсматривая эту таблицу, мы должны признать, что школьное дѣло въ Томской губерніи успѣшно развивается. И прогрессъ этотъ не только абсолютный, но и относительный. Мало того, таблица показываетъ, что школьное дѣло въ послѣднее тридцатилѣтіе поставлено совершенно прочно, такъ что ростъ его совершается безпрепятственно. И въ самомъ дѣлѣ, въ 13-ти-лѣтній періодъ [(1843 — 1856 гг.)] школьное дѣло абсолютно подвинулось впередъ, и число учебныхъ заведеній увеличилось съ 31 до 50, то-есть, на 62%, а число учащихся съ 2.652 до 2.814, то-есть, на 6,1%; но относительно школьное дѣло въ этотъ періодъ даже регрессировало: вмѣсто 0,49% населенія, обучавша-

гося въ школахъ въ 1843 году,—въ 1856 году чрезъ школы прошло только 0,40% населенія, и въ то время какъ въ 1843 году учащіеся въ городахъ составляли 3,4% городского населенія, а въ округахъ — 0,3%,—въ 1856 г. первые составляли 3,05%, а послѣдніе 0,25%. Въ дальнѣйшее же время мы этого уже не замѣчаемъ: ростеть уже школьное дѣло не только абсолютно, но и относительно: въ 1856 г. учащіеся составляютъ 0,40% всего населенія губерніи, въ 1873 г.— 0,50%, а въ 1886 г.—0,90%. Выходить, что въ первый тринадцатилѣтній періодъ (1843—1856 гг.) общій контингентъ учащихся по губерніи относительно уменьшился на 18,4%, а въ послѣдній тринадцатилѣтній періодъ (1873—1886 гг.) онъ относительно увеличился на 80%. Возросъ онъ относительно и въ предшествовавшій ему семнадцатилѣтній періодъ (1856—1873 гг.), хотя и не такъ замѣтно (на 25%). Если мы прослѣдимъ за ростомъ школьнаго дѣла въ послѣдніи 30 лѣтъ, то увидимъ такой успѣхъ: въ 1856 г. на всю губернію имѣется 50 школъ, въ 1886 г.—265—въ 5,3 разъ больше; въ 1856 г.—2.814 учащихся,—въ 1886 г.—10.803 учащихся—въ 3,8 разъ больше, или на 284%, что составляетъ среднее годовое относительное приращеніе въ 9,43%; въ то время какъ въ 1856 году одно учебное заведеніе приходилось въ губерніи на 13.774 души населенія и 56,3 учащихся,—въ 1886 г. оно приходится на 4.513 души населенія и 40,8 учащихся. Притомъ ростъ школьнаго дѣла совершается замѣтно не только въ городахъ, но и въ округахъ: въ 1856 г. въ послѣднихъ одно учебное заведеніе приходилось на 19.015 душъ населенія и 45 учащихся, въ 1886 г. на 5.181 душу населенія и на 27,8 учащихся. Особенно быстро подвинулось впередъ образованіе женскаго элемента: ни въ 1843 г., ни въ 1856 г. не показано въ школахъ округовъ учащихся дѣвочекъ, да и въ городахъ показаны ничтожныя цифры: въ 1843 г.—они составляютъ 1,4% общаго числа учащихся, а въ 1856 г.—6,4%; но вотъ въ 1873 г. онъ въ городахъ уже составляетъ 31,9%, да и въ округахъ—12,02%; а въ 1886 г.— въ городахъ—33,9%, а въ округахъ—17,24%; въ 1856 г. учащихся дѣвочекъ въ школахъ всей губерніи—83, а въ 1886 г. ихъ въ однихъ городскихъ школахъ—1.691, да въ сельскихъ—1.001, то-есть, число учащихся въ школахъ дѣвушекъ возросло абсолютно на 3,143% (въ 32,4 раза), а относительно на 2.021%, то-есть, среднее годовое приращеніе составляетъ: абсолютное—104,8%, а относительное—67,4%;—въ 1856 г. ивъ 10.000 душъ женскаго населенія губерніи

обучались всего 2,2 душъ, а въ 1886 г.—46,1. Еще въ 1873 г. изъ 10.000 душъ женскаго населенія округовъ обучалось всего 6,8 дѣвочекъ,—а въ 1886 г.—уже 18,9, то-есть, за послѣднія 13 лѣтъ число учащихся въ сельскихъ школахъ дѣвочекъ увеличилось относительно на 178%, между тѣмъ какъ число учащихся въ сельскихъ школахъ мальчиковъ за это же время возросло относительно только на 78%. Сообразно съ вычислениями академика Буняковского, дѣтѣй школьнаго возраста въ Томской губерніи должно быть около 200.683—98.863 мальчиковъ и 101.820 дѣвочекъ, а мы видѣли, что въ 1886 году ядѣсь всѣхъ учащихся было не болѣе 10.803—8.111 мальчиковъ и 2.692 дѣвочекъ. Стало быть, число учащихся должно увеличиться на 1.850%—для мальчиковъ на 1.119%, а для дѣвочекъ—на 3645%, то-есть, еслибы школьное дѣло прогрессировало въ такомъ же размѣрѣ, какъ въ послѣднія 30 лѣтъ, то и тогда должно бы пройти еще лѣтъ 35, чтобы нынѣшній контингентъ дѣвочекъ школьнаго возраста проходилъ бы весь черезъ школы. Правда и то, что если положить, среднимъ числомъ, даже по 100 учащихся на школу—число училищъ для вмѣщенія всѣхъ дѣтѣй школьнаго возраста должно бы возрасти съ 265 до 20 тысячъ съ лишнимъ, то есть, въ 75 разъ или на 7.473% и т. д., но все же, рассматривая школьное дѣло Томской губерніи въ историческомъ его ходѣ, мы не можемъ не признать его замѣтно прогрессирующимъ.

Если при обзорѣ Тобольской губерніи мы нашли нужнымъ остановиться отдѣльно на г. Тобольскѣ, то рассматривая школьное дѣло въ Томской губерніи, не останавливаясь съ особенною тщательностью на г. Томскѣ нельзя—въ виду той выдающейся роли, которая вынала въ данномъ отношеніи на его долю, въ сравненіи не только съ сибирскими городами, но даже и съ городами Европейской Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, первая школа въ Томскѣ, какъ намъ извѣстно, была основана въ 1744 году; еще въ началѣ текущаго столѣтія онъ располагалъ всего двумя училищами; еще лѣтъ 20 назадъ, въ серединѣ 60-хъ годовъ, въ Томскѣ—не считая гимназій—было всего три учебныя заведенія—одно приходское мужское, одно приходское женское, да уѣздное. Къ январю же 1886 года изъ всѣхъ 51 начальныхъ городскихъ учебныхъ заведеній губерніи на долю одного Томска приходилось 32 или 62,7%, а на долю всѣхъ другихъ семи городовъ всего 19 учебныхъ заведеній, то-есть, 37,3%. Принимая во вниманіе, что населеніе этихъ

7 городовъ ¹⁾ простиралось въ 1886 г. до 76.421 души обоого пола, а населеніе Томска — до 36.742 душъ, выходитъ, что число его учебныхъ заведеній абсолютно больше на 68%, а относительно — на 250%, или въ 3½ раза. Но еще болѣе осязательнымъ дѣлается преимущество Томска, при анализѣ числа его учащихся: изъ общаго числа 3.876 обучавшихся во всѣхъ 51 городскихъ начальныхъ заведеній губерніи, на Томскъ приходится 2.086 или 53,8; на остальные же всѣ города приходится 1.790 учащихся, или 46,2%. Стало быть, число учащихся въ начальныхъ училищахъ одного Томска превышаетъ таковое же въ остальныхъ городахъ губерніи, вмѣстѣ взятыхъ, въ 1,1 раза или на 16,4%; это абсолютно; относительно же оно превышаетъ его въ 2,2 раза или на 143,4%. Съ еще болѣею рельефностью выступаетъ превосходство Томска, при анализѣ числа учащихся по поламъ: изъ общаго числа учащихся въ начальныхъ городскихъ училищахъ губерніи—3.876 человекъ—дѣвочекъ было 1.295, или 33,4%; но изъ этихъ 1.295—и на Томскъ, при общемъ числѣ его учащихся въ 2.086 человекъ, приходится 825, а на всѣ остальные города съ общимъ числомъ учащихся 1.790 человекъ—470, то есть, дѣвочки въ общемъ контингентѣ учащихся составляли: въ Томскѣ—39,5%, а въ другихъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ,—всего 26,2%. Другими словами, въ начальныхъ городскихъ училищахъ Томской губерніи обучалось: въ Томскѣ—одинъ мальчикъ изъ 15,8 мужчинъ и одна дѣвочка—изъ 20,3 женщинъ,—а въ другихъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ,—одинъ мальчикъ изъ 30,7 мужчинъ, и одна дѣвочка изъ 76,3 женщинъ. Стало быть, уровни начально-школьнаго дѣла Томска и другихъ городовъ, вмѣстѣ взятыхъ, относятся другъ къ другу: въ мужскомъ населеніи, какъ 15,8: 30,7, а въ женскомъ, какъ 20,3: 76,3; то есть, начально-школьное дѣло мужскаго населенія поставлено въ 2 раза лучше, чѣмъ въ другихъ городахъ, а женскаго населенія — въ 3,8 разъ лучше. Въ то время, какъ на всю Томскую губернію въ начальныхъ училищахъ дѣвочекъ считалось 2.336, изъ нихъ на одинъ Томскъ приходилось 825, или 35,3%. Принимая во вниманіе, что женское населеніе всей губерніи простиралось до 583.830 душъ; а г. Томска — лишь до 16.762 душъ (1/35), мы убѣждаемся въ томъ, что въ то время, какъ во всей губерніи начально-школьное

¹⁾ 5 окружныхъ—Маріинскъ, Каянскъ, Бійскъ, Барнаулъ и Кузнецкъ, да два заштатныхъ—Козьманъ и Нарымъ.

образование получала въ 1885 г. одна изъ 249, женщинъ,— въ женскомъ населеніи одного Томска получала его одна изъ 20, женщинъ, то-есть, въ Томскѣ уровеньъ начально-школьнаго дѣла въ женскомъ населеніи стоялъ выше, чѣмъ по всей губерніи въ 12,3 разъ, а по сравненію съ остальнымъ женскимъ контингентомъ (по выдѣленіи изъ послѣдняго томскаго) даже и въ восемнадцать разъ, ибо въ остальномъ районѣ губерніи (кромѣ Томска) начально-школьное образование получала одна изъ 375,8 женщинъ. Но гораздо значительнѣе оказывается относительный % начально-школьнаго дѣла Томска, въ сравненіи со всею губерніей: онъ выражается цифрой въ 671,6%. Эта цифра пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, когда мы припомнимъ, что изъ 5 среднихъ учебныхъ заведеній губерніи съ 1.119 учащихся на долю Томска приходится четыре ¹⁾ съ 946 учащихся, изъ числа которыхъ, по меньшей мѣрѣ половина приходится на долю томичей.

Итакъ, въ концѣ концовъ, передъ нами такой выводъ:

	Въ начальныхъ училищахъ обучалось:			Въ средн. учебн. завед. обучал.
	Во всей губерніи.	Въ г. Томскѣ.	Въ остальныхъ гор.	
Одинъ мальчикъ изъ	83,3	15,3	30,7	79,4
Одна дѣвочка изъ	249,3	20,3	76,3	147,3

Такимъ образомъ, въ то время, какъ во всей губерніи начально-школьное образование получало лишь 0,05 дѣтей школьнаго возраста,— въ Томскѣ получало его 0,40, а въ другихъ городахъ—0,14, а отдѣльно по полямъ: изъ мальчиковъ школьнаго возраста начально-школьное образование получало—въ Томскѣ—0,39, въ остальныхъ городахъ—0,20, а во всей губерніи—0,08; изъ дѣвочекъ же школьнаго возраста— въ Томскѣ—0,28, въ остальныхъ городахъ—0,07, а во всей губерніи—0,03. Очевидно, что если Томскъ далеко ушелъ впередъ вообще съ своимъ школьнымъ дѣломъ, то ростомъ женскаго школьнаго дѣла онъ уже неизмѣримо выше остального района: изъ дѣтей школьнаго возраста посѣщало въ 1885 г. школу—изъ мальчиковъ: въ Томскѣ—одинъ изъ 2,7,—въ остальныхъ городахъ—одинъ изъ 4,9, а во всей губерніи—одинъ изъ 12,2; изъ дѣвочекъ же: въ Томскѣ—одна изъ 3,5,— въ остальныхъ городахъ—одна изъ 13,3, а во всей губерніи—одна изъ 37,8.

¹⁾ Барнаульское частное училище мы собственно причисляемъ къ среднимъ, благодаря его 2 специальнымъ классамъ, хотя характеръ его разнится отъ характера среднего учебнаго заведенія.

Блнстательнымъ успѣхомъ школьнаго дѣла г. Томскѣ обяванъ въ значительной степени живой общественной инициативѣ. Со времени введенія въ дѣйствіе новаго городского положенія, школьное дѣло стало процвѣтать въ Томскѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ комиссіи, завѣдующей думскими училищами, сталъ энергическій гласный П. И. Макушинъ, по почину котораго въ Томскѣ возникло въ 1882 году Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ съ руководящимъ девизомъ: „ни одного неграмотнаго“. Изъ отчета его за 1883 годъ видно, что къ концу этого года Общество насчитывало болѣе 1.400 членовъ, имѣло остатками въ кассѣ 7.336 р. 81 к., приняло на свои средства содержаніе съ жалованьемъ, въ размѣрѣ 600 р., двухъ сверхштатныхъ учительницъ и открыло въ отдаленной мѣстности женскую школу. Но еще важнѣе это Общество своимъ примѣромъ, дѣйствующимъ и на другіе сибирскіе города, гдѣ также возникли подобныя общества (Красноарскъ, Енисейскъ, Барнаулъ, Омскъ и др.). Въ 1885 г. Томское общество открыло первую въ Сибири бесплатную народную бібліотеку.

Останавливаясь въ частности на развитіи школьнаго дѣла въ селеніяхъ Томской губерніи, мы видимъ, что и оно шло довольно успѣшно. Заведенныя впервые лѣтъ 30 назадъ казенною палатой, сельскія школы стали быстро распространяться въ 60-хъ годахъ, и еще болѣе въ 70-хъ, такъ что къ 1873 году прибыло уже 91, между тѣмъ какъ, въ 1856 году ихъ было всего 8; стало быть, число ихъ приросло на 1.037,5%. За этотъ же 18-лѣтній періодъ число учащихся возросло съ 136 человекъ до 2.168 человекъ, то-есть, на 1.494%, или, среднимъ числомъ, въ годъ—на 83%; это абсолютно; относительно же число училищъ возросло за это время на 768%, а число учащихся—на 1.116,4%, то-есть, въ 1856 г. сельскія школы посѣщало лишь 0,0012 дѣтей школьнаго возраста, а въ 1873 г.—0,0154; а черезъ 9 лѣтъ, въ 1882 г. собственно—пародныхъ сельскихъ училищъ было уже 143 съ 3.437 учащихся, то-есть, за 9 лѣтъ число училищъ возросло на 57%, а число учащихся на 58,5%.

Къ сожалѣнію, качественная сторона школьнаго дѣла развивалась не столь удовлетворительно, какъ количественная. Помѣщенія подъ училищами, по большей части, крайне плохи и тѣсны, да и учительскій персоналъ не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ. Весьма немногіе изъ сельскихъ учителей окапчивали курсъ учительской семинаріи.

Въ г. Томскѣ учебный цѣнъ учителя сравнительно выше; напри-
мѣръ, въ 1886 г. учительскій персоналъ приходскихъ училищъ со-
стоялъ изъ 6 окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи, 4 окончив-
шихъ курсъ Омской учительской семинаріи, 23 окончившихъ курсъ
женской гимназіи и 3 не окончившихъ курсъ въ средне-учебныхъ за-
веденіяхъ. Учителя и учительницы получаютъ жалованья по 420 р.
въ годъ, ихъ помощницы и сверхштатныя учительницы—по 300 р.,
а законоучитель—200 р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

11.

1

1111. В

11111111.

11111

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Октябрь 1888 года.

I.

Какъ вы знаете, у насъ есть обычай, чтобы министръ народнаго просвѣщенія каждый годъ произносилъ рѣчь въ день раздачи наградъ, присуждаемыхъ воспитанникамъ парижскихъ лицеевъ на общемъ конкурсѣ; большею частью рѣчь эта бываетъ чисто официальнаго характера; рѣчь же, сказанная нынѣшнимъ министромъ 30-го минувшаго юля, надѣлала много шума. Локруа не ученый и не профессоръ; онъ извѣстенъ какъ журналистъ и политическій дѣятель; это практикъ, стремящійся дать нашему народному образованію болѣе практической характеръ. Онъ, не колеблясь, повелъ дѣло противъ классической системы, объявивъ о своемъ намѣреніи сократить въ нашихъ лицезх преподаваніе греческаго и даже латинскаго языковъ, чтобы дать болѣе широкое мѣсто изученію живыхъ языковъ и новѣйшей французской литературы. Онъ не желаетъ уничтоженія занятій классическими языками, но предлагаетъ профессорамъ изыскать средства къ сокращенію времени, посвящаемаго этому изученію. Рѣчь его—настоящій манифестъ—заставляла много говорить о себѣ въ кругу нашихъ преподавателей. Словомъ, министръ развивалъ ту же мысль, которую, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проводилъ Фрари въ своей книгѣ „Question du latin“, вызвавшей, какъ вы, вѣроятно, помните, появленіемъ своимъ въ свѣтъ сильную полемику. Но министръ не имѣетъ права измѣнять программы преподаванія по собственному почину. Всѣ этого рода нововведенія подготавлиются высшимъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія; въ своемъ юльскомъ собраніи совѣтъ разсматривалъ преимущественно вопросы по начальному преподаванію; въ будущемъ декабрѣ онъ, вѣроятно, снова займется вопросами по среднему образованію. Распоряженіемъ 12-го юля министръ поручилъ особой комис-

сін обсудить, какіи улучшенія можно ввести въ организацію нашихъ лицеевъ; въ составъ этой комиссіи входятъ: ученые, профессора, публицисты и врачи. Она, очевидно, займется также и разсмотрѣніемъ спорнаго вопроса о такъ-называемомъ переутомленіи учащихся.

Въ то время, какъ изученію латинскаго языка грозитъ значительное сокращеніе, дѣлаетъ успѣхи волапюкъ и возникаетъ вопросъ о созданіи всеобщаго языка для международной торговли. Извѣстный экономистъ, профессоръ Французской коллегіи Поль Леруа Вольте, напечаталъ недавно по этому поводу любопытную статью, въ которой выражаетъ удивленіе, что хотятъ уничтожить изученіе латинскаго языка и въ то же время стараются изобрѣсти всеобщій языкъ. Въ бывшее время существовало два языка—французскій для общества и латинскій для ученыхъ. Теперь каждая страна, даже самая небольшая, старается отдать преимущество своему языку и павязываетъ его своимъ сосѣдямъ. Всеобщее изученіе латинскаго языка создаетъ между различными народами общую связь; онъ могъ бы, въ случаѣ надобности, сдѣлаться и всеобщимъ языкомъ, и несомнѣнно, это было бы лучше волапюка. Конечно, этотъ остроумный парадоксъ останется только *plum desiderium*, а тѣмъ временемъ волапюкъ дѣлаетъ значительные успѣхи. Кстати сказать, что нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ образовали общество для преобразования французскаго правописанія. Они издають уже, съ измѣненною орѳографіей, бюллетень, стоющій всего 2 франка въ годъ. Профессоръ старо-французскаго языка въ Сорбоннѣ Дармштеттеръ напечаталъ даже брошюру о преобразованіи орѳографіи. Я сообщу вамъ со временемъ о дальнѣйшемъ ходѣ этой попытки.

II.

Недавно я писалъ вамъ о помѣщавшихся въ *Revue internationale de l'enseignement supérieur* этюдахъ Ліара, подъ названіемъ „Французскіе университеты въ 1789 году“. Эти этюды составляли часть труда, первый томъ котораго авторъ только-что выпустилъ въ свѣтъ: „Высшее образованіе во Франціи отъ 1789 до 1889 года“ (*L'Enseignement supérieur en France de 1789 à 1889. Un vol. in 8. Librairie Armand Colin*). Этотъ первый томъ всецѣло посвященъ концу XVIII вѣка. Въ немъ авторъ изображаетъ печальное состояніе университетовъ въ 1789 году, ихъ положеніе перелѣ общественнымъ мнѣніемъ, отношеніе къ нимъ республиканскаго прави-

тельства и мѣры учредительнаго собранія и конвента касательно преобразованія высшаго образованія. Объ этомъ довольно мало извѣстномъ эпизодѣ нашей исторіи Ліаръ собралъ множество документовъ, большею частью не изданныхъ. По отношенію къ университетамъ дѣятельность названныхъ собраній была волюнтаристическая: университеты были закрыты, но о возстановленіи или преобразованіи ихъ не позаботились. Въ замѣнъ ихъ учреждены были спеціальныя школы, существующія понынѣ: музей естественныхъ наукъ, центральная школа общественныхъ работъ, нормальная школа медицины, курсы восточныхъ языковъ. Нормальная школа состояла только изъ общихъ публичныхъ курсовъ и насчитывала около 1400 слушателей, но дурно организованная, она закрылась по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ. Въ сущности революція сдѣлала для высшаго образованія только одно: провозгласила принципъ, что забота объ образованіи есть дѣло государства. Наполеонъ поддерживалъ ту же идею, а теперь хотятъ примѣнить ее для воссозданія университетовъ. Слѣдующій томъ сочиненія Ліара будетъ содержать въ себѣ исторію высшаго преподаванія отъ времени Наполеона до нашихъ дней. Ліаръ располагаетъ всѣми необходимыми матеріалами для написанія этого важнаго труда, такъ какъ онъ состоитъ директоромъ высшаго преподаванія при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Онъ занимался философіей и пишетъ очень хорошо: его сочиненія о положительной наукѣ и о метафизикѣ были увѣнчаны академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ; кромѣ того, онъ напечаталъ книгу о Декартѣ, объ опредѣленіяхъ геометрическихъ и эмпирическихъ и курсъ логики для школьнаго употребленія.

Я уже не разъ бесѣдовалъ съ вами о спорахъ по поводу умственнаго переутомленія учащихъ и о попыткахъ увеличить физическія упражненія въ воспитаніи юности. Докторъ Лагранжъ напечаталъ въ „Международной Научной Библиотекѣ“ книгу, близко затрогивающую этотъ важный вопросъ: „Физиологія тѣлесныхъ упражненій“ (*Physiologie des Exercices du Corps. Librairie Alcan*). Книгу эту, не смотря на ея нѣсколько техническій характеръ, стоитъ прочесть всякому педагогу. Авторъ, говоря о значеніи гимнастическихъ упражненій, даетъ объясненія и совѣты, заслуживающіе вниманія. Онъ объясняетъ работу мускуловъ, говоритъ объ усталости, о привычкѣ къ труду, о механизмѣ различныхъ упражненій, объ участіи въ нихъ головнаго мозга. Заключение книги довольно любопытны; по мнѣнію Лагранжа, единственныя упражненія, не утомляющія головы, это упражненія автоматическія, напримѣръ, ходьба

или бѣтъ. Верховая ѣзда и гимнастика требуютъ мозговаго напряженія; та и другая можетъ быть полезна для ума празднаго, требующаго нѣкотораго принужденія къ дѣятельности; но онѣ вредны для мозга, уже утомленнаго другою работою.

Одинъ, изъ тѣхъ нашихъ ученыхъ, которые наиболѣе способствовали введенію въ наше школьное преподаваніе изученія исторической грамматики, Огюстъ Браше, издавшій еще въ 1867 году историческую грамматику, а въ 1870 этимологическій словарь французскаго языка, кромѣ того, напечатавшій хрестоматію изъ писателей XV вѣка и, вмѣстѣ съ Гастономъ Парисомъ, переведшій сравнительную грамматику романскихъ языковъ Дитца, напечаталъ недавно полную французскую грамматику, предназначенную преимущественно для не знающихъ ни греческаго, ни латинскаго языковъ. Трудъ довольно значительнаго объема (1 т. въ 12-ю д. л. въ 450 страницъ. Librairie Hachette); книга эта написана замѣчательно ясно и заслуживаетъ полнаго вниманія. Авторъ собирается также напечатать сокращенное изданіе своего сочиненія.

Профессоръ Французской коллегіи Бреаль, извѣстный нѣсколькими сочиненіями по языковѣдѣнію, посвятилъ себя съ нѣкотораго времени трудамъ чисто педагогическаго характера. Я писалъ уже вамъ въ свое время о его латинскомъ корнесловѣ, составленномъ для класнаго употребленія въ лицеяхъ, и объ его трудѣ подъ названіемъ: „Ученіе о словахъ; латинскія слова, сгруппированныя по смыслу и этимологическія“ (*Leçons de mots: les mots latins groupés d'après le sens et l'étymologie*). Теперь онъ издалъ начальную латинскую грамматику (1 т. въ 12 д. л. Librairie Hachette). Трудъ этотъ составленъ въ сотрудничествѣ съ однимъ молодымъ профессоромъ Леонсомъ Персономъ. Въ своемъ учебникѣ Бреаль не позволяетъ себѣ дѣлать большія нововведенія въ области языковѣдѣнія; прежде всего онъ руководствовался педагогическими требованіями и приводитъ изъ прежнихъ грамматикъ примѣры и правила, кажуціеся ему полезными. Имя автора рекомендуетъ это сочиненіе вниманію наставниковъ юношества.

Профессоръ исторіи въ Нормальной школѣ и главный редакторъ *Revue Historique*, Г. Моно только-что издалъ въ свѣтъ „Библиографію исторіи Франціи“ (1 т. въ 8-ку. Librairie Hachette). Печатая свое сочиненіе, авторъ желалъ сдѣлать для Франціи то же, что сдѣлалъ Дальманъ для Германіи своею книгой „*Quellenkunde zur Deutschen Geschichte*“, достигшей теперь пятаго изданія. Никто и не могъ бы совершить этотъ важный трудъ лучше Моно. Книга его

раздѣлена на слѣдующіе отдѣлы: общіе историческіе вопросы, хронологія, языковѣдніе, палеографія, геральдика, нумизматика, археологія, географія; затѣмъ авторъ указываетъ главные историческіе источники—сборники документовъ, сочиненія по исторіи общей и провинціальной, собранія мемуаровъ и сочиненія, относящіяся къ отдѣльнымъ періодамъ отъ начала исторіи Франціи до 1789 года. Этотъ каталогъ заключаетъ въ себѣ не менѣе 450 номеровъ; къ нему приложенъ азбучный указатель. Желательно, чтобы Мано, окончивъ печатаніе этого полезнаго труда, далъ намъ большое сочиненіе о Франціи временъ Меровинговъ или Карловинговъ, временъ, столь хорошо ему извѣстныхъ.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я говорилъ вамъ объ изданіи сборника мелкихъ статей покойнаго Каро. Теперь вышла въ свѣтъ еще новая серія его статей литературнаго содержанія, подъ заглавіемъ „Поэты и романисты“. Писатели, изучаемые въ этомъ сборникѣ, весьма разнообразны; изъ поэтовъ рѣчь идетъ о Де-Виньи, Лапрудѣ, Викторѣ Гюго, Бернарденѣ-де-Сенъ-Піеррѣ. Большая часть этихъ этюдовъ написана лѣтъ тридцать тому назадъ и любопытна съ точки зрѣнія исторіи литературы. Какъ и всегда, Каро сказался въ нихъ изящнымъ писателемъ и убѣжденнымъ идеалистомъ.

Книжная фирма Плона издала въ свѣтъ любопытный сборникъ записокъ и воспоминаній барона Гидъ-де-Невилля, игравшаго видную роль среди роялистовъ во время революціи, консульства и имперіи. Эти мемуары сообщаютъ много любопытнаго о заключеніи Людовика XVI и Маріи-Антуанетты въ Тамплѣ, о состояніи партій во Франціи до 19-го брюмера и о различныхъ движеніяхъ роялистовъ противъ Наполеона. Вслѣдствіе участія во всѣхъ этихъ движеніяхъ Гидъ-де-Невилль долженъ былъ оставить Францію и удалиться въ Америку, откуда возвратился уже во время реставраціи. Эти мемуары написаны легко и очень интересны для исторіи французскаго общества конца XVIII вѣка и начала нынѣшняго. Къ сожалѣнію, книга заключаетъ въ себѣ воспоминанія только о первой половинѣ жизни автора, который родился въ 1776 году, а умеръ въ 1857 году. Во время реставраціи онъ былъ посланникомъ, депутатомъ и министромъ.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я сообщилъ вамъ о новомъ путеводителѣ изъ собранія Жоанпе: „Аонны и ихъ окрестности“. Та же коллекція обогатилась недавно не менѣе любопытною книгой: „Государства придунайскія и балканскія (Etats du Danube et des Balkans)“. Она составлена неутомимымъ путешественникомъ Леономъ Руссе, сыномъ академика Камилля Руссе, и тѣмъ болѣе любопытна

что описываетъ страны, за послѣднія десять лѣтъ совершенно преобразившіяся, да и вообще мало посѣщаемыя французами; она заключаетъ въ себѣ описаніе южной Венгріи, Адриатическаго побережья, Черногоріи, Босніи и Герцеговины. Авторъ знакомъ съ новѣйшими сочиненіями по археологій и даетъ не одиѣ только справки для путешественниковъ. Въ книгѣ его помѣщены планы, никогда у насъ не появлявшіеся, городовъ Клаузенбурга, Загреба, Фиуме, Сплѣта, Сараево. Нѣкоторыя изъ картъ исполнены въ австро-венгерскомъ военномъ институтѣ. Французы все еще пребываютъ въ невѣдѣніи по части географіи, не смотря на всевозможныя изданія Гашетта, каковы, напримѣръ: издающійся этою фирмой словарь и атласъ Вивьена де Сенъ-Мартена, „Всеобщая Географія“ Элизе Реклю, и т. д. Теперь тою же фирмой выпущена первая книжка географическаго словаря Франціи, обещающаго быть весьма обширнымъ. Я еще возвращусь къ нему.

Открытіе Закаспійской желѣзной дороги возбудило во Франціи живой интересъ; явился спросъ на книги о значеніи Россіи въ центральной Азіи. Извѣстному инженеру, Эдгарду Буланжіе, поручено было министромъ общественныхъ работъ изучить сооруженіе этого желѣзнаго пути. Буланжіе только-что издалъ свои впечатлѣнія подъ заглавіемъ: „Поѣздка въ Мервѣ“ (*Voyage à Merv. 1 vol. Hachette*). Буланжіе — путешественникъ знающій и въ качествѣ инженера оцѣнилъ техническую сторону вновь открытой дороги; онъ передаетъ свои путевыя впечатлѣнія просто и пріятно. Книга его много читается; вѣроятно, и русскимъ любопытно будетъ узнать, что видѣлъ французъ въ Закаспійской области, и какія воспоминанія вывелъ онъ изъ своей далекой поѣздки.

Весьма также любопытно путешествіе по Исландіи и островамъ Ферерскаго архипелага, изданное тою же фирмой и написанное Абри Лабоннѣмъ (1 т. въ 12 д. л.). Докторъ Лабоннѣ, занимающійся геологіей и естествознаніемъ, имѣлъ отъ французскаго правительства два научныя порученія. Онъ напечаталъ результаты технической стороны своей миссіи въ Бюллетенѣ Географическаго Общества, въ *Revue Scientifique* и въ *Archives des Missions*. Въ книгѣ, теперь вышедшей, онъ разказываетъ анекдотическую сторону своего путешествія, по трудностямъ совершенно отличнаго отъ путешествія въ центральную Азію. Лабоннѣ долго пробылъ въ Исландіи и сохранилъ объ исландцахъ хорошее воспоминаніе; но онъ коритъ ихъ за нерадивость и апатію. Исландцы лѣнны, безпечны и равнодушны къ наукѣ, знаніе которой возвысило бы ихъ страну. Они не

умѣютъ воспитывать своихъ дѣтей, и смертность новорожденныхъ у нихъ ужасающая. По словамъ Лабонна, островъ съ населеніемъ въ 70,000 жителей могъ бы легко дать пропитаніе 400,000 жителей. Во время своего путешествія авторъ снялъ много фотографій, которыя и воспроизведены въ книгѣ, а въ концѣ ея приложена карта, на которой нанесенъ путь Лабонна и предшествовавшихъ ему путешественниковъ. Сочиненіе это въ высшей степени любопытно.

Французское изданіе описанія второй шведской экспедиціи Норденшельда въ Гренландію вышито въ свѣтъ той же фирмой Гашетта. Мы обязаны имъ отличному географу Рабо, имѣвшему не разъ отъ французскаго правительства научныя порученія. Въ этомъ изданіи воспроизведены гравюры и карты подлиннаго шведскаго изданія; но впрочемъ не буду хвалить извѣстный трудъ Норденшельда, — скажу только, что Рабо своимъ изданіемъ воздвигъ достойный памятникъ знаменитому шведскому изыскателю.

„Большая Энциклопедія“ продолжаетъ исправно печатать свои выпуски. Шестой, только-что появившійся въ свѣтъ, включаетъ въ себя статьи отъ *Belgique* до *Bobine*; лучшія изъ статей слѣдующія: *Belgique* (съ приложеніемъ карты), *Bénédiction*, *Bénéfice*, *Berlin*, *Bibliographie*, *Bibliothèque*. Двѣ послѣднія статьи особенно любопытны; статья *Bibliothèque* включаетъ въ себя подробное описаніе большихъ европейскихъ книгохранилищъ, начиная съ Парижской національной бібліотеки. По содержанію она равняется цѣлой книгѣ. Что особенно замѣчательно въ „Большой Энциклопедіи“, — это обиліе бібліографическихъ свѣдѣній, даваемыхъ ею въ каждой статьѣ.

Французская наука и высшее преподаваніе понесли большую утрату въ лицѣ Абея Бергена, профессора санскритскаго языка и сравнительной грамматики на Парижскомъ словесномъ факультетѣ. Начавъ сперва службу въ министерствѣ финансовъ, Бергенъ поводно посвятилъ себя научной дѣятельности, но овладѣлъ наукой вполне. Въ 1868 году онъ назначенъ былъ репетиторомъ санскритскаго языка въ школѣ высшихъ знаній, только-что основанной. Получивъ затѣмъ званіе доктора словесности, онъ въ 1877 году сдѣлался профессоромъ Сорбонны и образовалъ немало учениковъ. Онъ оставилъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ сочиненій по сравнительной грамматикѣ, особенно по санскриту, по индѣйской литературѣ, а также занимался индѣйскими надписями, недавно открытыми въ Камбоджѣ.

Л. Л.—рѣ.

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ.

(ПЕВРОЛОГЪ).

Смерть скосила одного изъ великихъ людей XIX вѣка. 20-го октября въ городѣ Караколѣ, Семирѣченской области, на 50-иѣ году жизни скончался Николай Михайловичъ Пржевальскій. Вѣсть о томъ, что его не стало, прочли, безъ сомнѣнiя, съ грустью не только тѣ, кто зналъ настоящую цѣну научному дѣлу покойнаго, но и вся грамотная Русь. То былъ дѣйствительно одинъ изъ ея доблестныхъ сыновъ—и по беззаветной любви къ родинѣ, и по чуткому пониманiю русскихъ интересовъ и задачъ. Любовью къ родинѣ дышатъ всѣ его литературныя произведенiя, а преданность ея интересамъ и глубокое пониманiе ихъ онъ доказалъ всею своею жизнью. Всѣ зрѣлые годы своей жизни онъ посвятилъ служенiю Россiи на поприщѣ географическихъ изслѣдованiй. Съ небольшими перерывами онъ странствовалъ по Азiи съ 1867 г., и смерть застала его за тѣмъ же дѣломъ. Пржевальскій пользовался громадпою извѣстностью за предѣлами нашего обширнаго отечества; на Руси же, такъ или иначе, о немъ слышали и знали его по имени всѣ грамотные. Къ разказамъ о его странствiяхъ прислушивались и тамъ, гдѣ едва ли могли подозрѣвать высокую научную цѣнность совершеннаго имъ дѣла. Эти разказы поражали фантазiю, потому что въ путешественникѣ-изслѣдователѣ какъ бы воплотился могучiй духъ эпическаго богатыря. Покойный, безспорно, былъ самымъ крупнымъ путешественникомъ нашего вѣка, какъ по громадности пройденнаго имъ пространства, такъ и по богатству научныхъ результатовъ, вывезенныхъ имъ изъ своихъ путешествiй; самъ онъ называлъ ихъ научными рекогносцировками и считалъ удѣлъ изслѣдователя 'Средней Азiи завиднымъ, хотя, по собственнымъ же его словамъ, не ковромъ тамъ постлана дорога, и не съ привѣтливою улыбкой встрѣчаетъ тамъ пустыня.

Въ четыре свои путешествiя (не считая уссурiйскихъ странствiй) Пржевальскій прошелъ безъ малаго тридцать тысячъ верстъ (29,585). Три большiе тома живо и краснорѣчиво описываютъ исторiю этихъ сказочныхъ хожденiй черезъ высокiя горы и песчаные доли, среди не-

привѣтливой природы и всевозможныхъ лишеній, въ краѣ, заповѣданномъ для европейской пытливости. Отомъ, что сдѣлано было имъ для науки неопровержимо свидѣтельствуя всевозможныя собранныя имъ коллекціи и другіе научныя матеріалы, до сихъ поръ не вполне разработанныя и не приведенныя окончательно въ общую извѣстность.

Путешественникомъ нужно родиться, сказалъ Пржевальскій гдѣ-то въ своей послѣдней книгѣ, Да! и прибавимъ отъ себя: такіе путешественники, какъ онъ, рождаются не часто. Николай Михайловичъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ. Кто видѣлъ его передъ отъѣздомъ въ далекое путешествіе и слышалъ, съ какою увлекающею отвагой онъ говорилъ о своемъ дѣлѣ, не можетъ безъ щемящей сердечной боли читать эти простые, исполненные трагической правды, слова: умеръ въ Караколѣ! Да! умеръ, не довершивъ всего, что задумалъ, и хорошо задумалъ. Кому дороги успѣхи чловѣческихъ знаній, тотъ не можетъ не оплакивать его преждевременную смерть.

Для полной и безпристрастной оцѣнки научныхъ трудовъ покойнаго не настало, еще время; безспорно однакоже, что съ его страстными свѣдѣніями успѣхъ во многихъ областяхъ чловѣческаго знанія, но въ особенности, конечно, они были плодотворны для географіи нагорной Азіи. Въ исторіи географіи именемъ Пржевальскаго отмѣчено начало новой эпохи. Какимъ-то титаномъ прошелъ онъ по азіатскому материкову, и то, что онъ повѣдалъ міру, помимо высокой научной цѣнности, не лишено въ данное время громаднаго практическаго значенія. Эти неизвѣданныя страны, безъ сомнѣнія, не закроются теперь для европейцевъ, какъ послѣ Марко Поло, опять на цѣлыя столѣтія. По общему признанію, ближайшее грядущее Азіи чревато важными перемѣнами; Азію нужно изучать, и великая заслуга Пржевальскаго состояла, между прочимъ, въ томъ, что передъ его отвагой открывались врата въ заповѣданный край. Онъ не проникъ въ Хлассу, не дошелъ до Гималая, и это очень жалко! Но русскіе могутъ утѣшиться тѣмъ, что великій починъ сдѣланъ: съ горстью русскихъ удалцовъ перегонаривался, черезъ посланцовъ, самъ Далай Лама; ихъ не то что не пустили въ Хлассу, а угонорили вернуться назадъ.

Въ своей послѣдней книгѣ покойный намѣтилъ рядъ задачъ для будущихъ изслѣдователей Средней Азіи. Это какъ бы его научное завѣщаніе. Выполненіе этого завѣщанія, хотя бы по частямъ, безъ сомнѣнія, было бы самымъ краснорѣчивымъ признаніемъ его заслугъ и самымъ яснымъ сознаніемъ величія дѣла, которому онъ служилъ.

И. Минасовъ.

преданію, отмѣвующейся на немъ такъ-называемой *sāmkhya*-философіи Капила, отъ которой, къ сожалѣнію, до насъ не дошло по длиннымъ памятниковъ, также заключалось ученіе о пяти стихіяхъ, какъ мы это знаемъ относительно позднѣйшей философіи, носящей названіе *sāmkhya*. Согласно основанному на лучшихъ древнихъ источникахъ положенію Ольденберга, Будда, говорятъ, сказалъ: „Существуетъ шесть стихій, ученики мои, земля, вода, огонь, воздухъ и эфиръ и сознаніе“. О сознаніи же говорится, что матерія, изъ которой оно сотворено, живетъ какъ бы въ собственномъ своемъ мірѣ: „То, чтó у человѣка умирающаго“, продолжаетъ Ольденбергъ, — „составлено изъ этой высшей земной стихіи, стихія сознанія, становится въ то мгновеніе, когда умираетъ старое существо, зародышемъ новаго; во чревѣ матери этотъ зародышъ сознанія ищетъ и находитъ матеріальныя вещества, изъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ новое существованіе, выраженное въ имени и тѣлесности“¹⁾. „Изъ сознанія возникаетъ, по ученію Будды, имя и тѣлесность“ (Ольденбергъ, стр. 233). „Сознаніе должно имѣть мѣсто для того, чтобы было имя и тѣлесность; отъ сознанія происходитъ имя и тѣлесность“. „Имя и тѣлесность должны быть, чтобы было сознаніе; отъ имени и тѣлесности происходитъ сознаніе. Вотъ, ученики мои, и пришелъ *Bodhisattva Vipassī* къ слѣдующей мысли: Въ обратной связи сознаніе зависитъ отъ имени и тѣлесности; далѣе ридъ не идетъ“. А самый извѣстный изъ учениковъ Будды, *Sāriputta*, какъ передаютъ, сказалъ: „Подобно тому, другъ мой, какъ стоятъ, прислонившись одна къ другой, двѣ связки осоки, такимъ же образомъ, другъ мой, возникаетъ сознаніе изъ имени и тѣлесности, а имя и тѣлесность изъ сознанія“.

Выраженіе „возникаетъ“ — прибавляетъ Ольденбергъ для объясненія, — „не должно обозначать, что сознаніе — стихія, изъ которой созданы имя и тѣлесность; это значитъ лишь, что сознаніе—формирующая сила, которая даетъ возможность возникнуть изъ матеріальныхъ стихій существу, носящему имя и облеченному въ тѣло“²⁾.

Отсюда видно, какъ рѣзко противопоставлено здѣсь сознаніе тѣлесности, матеріальному. Для этого послѣдняго остаются лишь на

¹⁾ Ольденбергъ, Будда, стр. 234. Ср. о своеобразномъ понятіи „имя и тѣлесность“ (*Körperlichkeit*) тамъ же, стр. 223 и относящееся къ этому мѣсту приложеніе.

²⁾ Ольденбергъ, Будда, стр. 235 и 236.

званія сперва Буддой пять стихій: земля, вода, огонь, воздухъ и эфиръ. Эти стихіи, равно какъ и многія другія понятія (ср. Ольденбергъ, стр. 233) Будда почерпнулъ навѣрное изъ болѣе древнихъ произведеній брахманской умозрительной философіи.

Послѣ вышесказаннаго намъ, я думаю, нельзя будетъ сомнѣваться, что ученіе о разложеніи матеріальнаго міра на пять стихій, имѣвшее мѣсто у индйцевъ въ VI столѣтіи, по всей вѣроятности, было уже извѣстно въ VII столѣтіи до Р. Х. Что касается слѣдующихъ временъ, то свидѣтельство Мегасѣена доказываетъ намъ существованіе этого ученія въ IV столѣтіи до Р. Х. '); вообще, на сколько я знаю, ученіе это пользуется общимъ распространеніемъ въ индйской духовной жизни. Оно, наконецъ, становится потомъ вполне ходячимъ представленіемъ и получаетъ право гражданства въ оборотахъ рѣчи, какъ въ обыденномъ, такъ и въ поэтическомъ языкѣ.

Неизбѣжнымъ образомъ приходимъ мы прямо къ тому выводу, что Пифагоръ перенялъ у индйцевъ и перенесъ въ Грецію ученіе о пяти стихіяхъ, составляющихъ матеріальный міръ, равно какъ и свою теорію о переселеніи душъ, свои математическія теоремы и т. д. ').

Здѣсь невольно рождается слѣдующій вопросъ: То своеобразное отношеніе, въ какое древнѣйшіе пифагорейцы, и вѣроятно, еще самъ Пифагоръ, ставятъ пять стихій къ пяти правильнымъ тѣламъ, которыя именно потому и называются космическими и открытіе которыхъ приписывается самому Пифагору, — не индйскаго ли происхожденія? Къ сожалѣнію, мнѣ не извѣстно, имѣемъ ли мы какое-нибудь прочное основаніе предполагать у индйской древности знакомство съ теоріей о пяти правильныхъ тѣлахъ. Конечно, ученіе о тѣлахъ очень хорошо могло бы развиться въ связи съ ритуаломъ жертвоприношеній; дѣло въ томъ, что приготовленіе формъ для различныхъ, разнообразныхъ до безконечности кирпичей, изъ которыхъ часто въ весьма причудливыхъ, сложныхъ формахъ строился священный алтарь у такъ-называемаго *Agniciti*, непременно подало бы

1) *Megasth. Fragm. XLI, 17* (ed. *Schwabbeck*): *πρὸς δὲ τοῖς τέτταραι στοιχείοις πέμπτη τις ἐστὶ φύσις, ἣ ἐξ ἧς ὁ οὐρανὸς καὶ τὰ ἄστρα.*

2) Слово *ἔλας* въ вышеприведенномъ мѣстѣ у Филолана, какъ названіе пятой стихіи, вызвало уже много предположеній, но ни одного удовлетворительнаго. Ужь не сохранилась ли въ вѣсть странномъ словѣ *ἔλας* искаженная индйская форма слова для обозначенія ветра, то-есть, *ākāśa*?

поводъ къ соображеніямъ о формахъ разныхъ тѣлъ. Но я не могу утверждать, имѣло ли это дѣйствительно мѣсто. Необыкновенно фантастическое уподобленіе пяти, правильныхъ тѣлъ съ пятью стихіями или, собственно съ самыми малыми частями этихъ стихій, также отлично согласовалось бы съ духомъ брахманскаго мышленія ¹⁾. Но я не могу привести въ пользу этого спеціально относящихся сюда фактовъ и долженъ, слѣдовательно, удовольствоваться тѣмъ что, обращаю вниманіе, изслѣдователей на этотъ пунктъ.

В. П.

V.

Система Пифагора и ученіе Śāṃkhya.

Пифагорейцы составляли прежде всего не ученый, а нравственно-религіозный и политическій союзъ; не всѣ члены его были философами, и не всѣ ученія и представленія, свойственныя этому союзу, произошли изъ философскихъ изысканій (Целлеръ, I, 4-е изд., стр. 314). Во всякомъ случаѣ мы находимъ въ этой школѣ весьма своеобразное философское міросозерцаніе, въ своихъ основаніяхъ несомнѣнно восходящее къ самому Пифагору.

Въ связи съ общимъ направленіемъ нашего изслѣдованія¹⁾ естественно возникаетъ вопросъ о томъ, не находится ли и это философское міровоззрѣніе пифагорейцевъ въ близкомъ соприкосновеніи съ одною изъ индійскихъ системъ?

Къ сожалѣнію, мы очень недостаточно знакомы съ умозрѣніемъ индійцевъ до Будды. Собственно только отъ одной изъ извѣстныхъ большихъ системъ индійцевъ до насъ дошли древніе памятники, относящіеся ко времени до Будды: это именно отъ ортодоксальной философіи Vedānta, которая, исходя изъ пантеистическихъ идей, изслѣдуетъ въ древнѣйшихъ Упанишадахъ существо Атмана-Брахмана, мировой души, и въ концѣ концовъ доходитъ до отождествленія индивидуальной души съ мировой, до полнаго отрицанія такъ-называемаго principium individuationis, до представленія о томъ, что весь міръ

¹⁾ Положеніе, приписываемое Платархомъ Пифагору, что изъ куба произошла земля, изъ тетраэдра — огонь, изъ октаэдра — воздухъ, изъ икосаэдра — вода, изъ додекаэдра, — пятая стихія, было бы вполне въ духѣ составителя Брахманъ. Ср. также и сказанное ниже о фантастически-мистически-символическомъ характерѣ пифагорейской системы въ сравненіи съ индійскимъ умозрѣніемъ.

не что иное, какъ обманъ, какъ грѣзы Атмана-Брахмана. Агауака и древнѣйшія Упанишады, относящіяся во всякомъ случаѣ ко времени до Будды, составляютъ для приверженцевъ этой системы *Ṣrutī* или священное писаніе, на изреченіяхъ котораго они основываютъ свои ученія. Здѣсь, конечно, было бы неумѣстно изслѣдовать, на сколько идеи позднѣйшаго *Vedānta*, развитыя въ *Брахмасутрахъ Bādarāyana*, проявляются уже въ древнихъ Упанишадахъ. Намъ достаточно констатировать, что философія Пифагора во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ означенною системой, и что по этой причинѣ письменные памятники эти, сами по себѣ столь драгоценныя, могутъ принести мало пользы для нашего вопроса.

Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что на ряду съ высокоидеалистическою философіей Упанишадъ или *Vedānta* ¹⁾ еще въ древнее время стояло другое противоположное ей міровозрѣніе гораздо болѣе трезваго характера. Я говорю о Капиловомъ ученіи *Sāṃkhya*, къ которому прикнулъ въ своемъ міросозерцаніи, по старинному преданію, и основатель буддизма.

Веберъ ²⁾ прямо называетъ ученіе *Sāṃkhya* древнѣйшею философскою системою, а Коуэлъ (*Cowell*) ³⁾ считаетъ школу *Sāṃkhya* одною изъ древнѣйшихъ. Произведенія же, въ которыхъ мы находимъ систематическое изложеніе этого ученія, относятся къ весьма позднему періоду. Отъ прославленныхъ въ древности учителей этой системы, отъ *Karṣa Pañcaśikha* и *Āsuri* у насъ не сохранилось ничего, что мы были бы въ правѣ приписывать непосредственно имъ. *Īṣvara-kṛṣṇa*, на котораго указываютъ, какъ на составителя занимающихъ насъ *Sāṃkhyasūtra*, принадлежитъ приблизительно къ VI стол. послѣ Р. X. (см. *Weber. Ind. Lit. 2. Aufl., p. 254*). Что касается до Капилова *Sūtra*, такъ-называемаго *Sāṃkhyarṅgacāpana*, то Голль (*Hall*), заявившій себя въ разработкѣ этой литературы, считаетъ эту сутру весьма второстепеннымъ произведеніемъ, кое-гдѣ, можетъ быть, даже снабженнымъ заимствованіями изъ *Īṣvara-kṛṣṇa* ⁴⁾. Этими, раз-

¹⁾ *Vedānta*, собственно конецъ Веда, окончаніе Веда, прежде всего есть обозначеніе Упанишадъ, которыя составляютъ окончаніе ведійской литературы, а затѣмъ названіе основанной на нихъ эмпирической системы.

²⁾ *Weber, Ind. Lit., 2. Aufl., p. 252.*

³⁾ *Cowell, въ Colebrooke. Misc. Ess., I, 354.*

⁴⁾ „May be suspected of occasional obligation to the *kāricās* of *Īṣvara-kṛṣṇa*“ (*Sāṃkhyasāra*, pref. p. 12). Относящіяся сюда труды Голля приведены у Вебера, *Ind. Lit., 2. Aufl., p. 254 Anm.*

умѣется, нисколько не оспаривается древнее происхожденіе самого Каріла, какъ справедливо указываетъ Голль; но мы находимся въ совершенномъ недоумѣніи: многое ли изъ того, что заключалось въ этихъ позднихъ произведеніяхъ, принадлежитъ дѣйствительно Каріла, такъ какъ ученіе это въ теченіе многихъ вѣковъ могло подвергаться и, вѣроятно, подвергалось величайшимъ измѣненіямъ. Точно также и Упанншады, въ которыхъ намъ сообщается ученіе Sāmkhya (Māitrayana-Upanishad и Śvetāsvatara — Up.), вѣроятно, относятся къ болѣе позднему времени ¹⁾ и не даютъ намъ основанія достовѣрно возстановить систему Каріла въ ея древнемъ видѣ. Тѣмъ не менѣе мы должны считать вполне вѣроятнымъ, что главнымъ мысля и основанія воззрѣнія позднѣйшей системы восходятъ къ древнему ея основателю. Но съ утвержденіями, касающимися частности, намъ надо быть весьма осторожными.

Легенды буддизма постоянно упоминаютъ о Каріла и Раḍsaçikha, какъ о задолго предшествовавшихъ Буддѣ, а по преданію, Будда, какъ выше упомянуто, примыкаетъ въ своемъ міровоззрѣніи къ древнему ученію Sāmkhya. Между тѣмъ такой выдающійся изслѣдователь, какъ Максъ Мюллеръ, оспариваетъ мнѣніе, что между метафизикой буддистовъ и системой Каріла, на сколько мы знакомы съ послѣднею изъ позднѣйшихъ Sāmkhyasūtra, существуетъ какое-либо опредѣленное сходство, а такой знатокъ, какъ Ольденбергъ, соглашается съ нимъ въ этомъ ²⁾. Но во первыхъ, этимъ еще не исключается возможность того, чтобы Будда могъ примкнуть къ древнему ученію Sāmkhya Капила, о содержаніи котораго мы совершенно не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній. А, во вторыхъ, и все-таки могу, кажется, утверждать, что міровоззрѣніе Будды, даже на сколько мы можемъ судить о немъ по позднѣйшимъ сутрамъ, въ самомъ дѣлѣ явнымъ образомъ соприкасается съ извѣстными основными идеями ученія Sāmkhya.

Въ противоположность пантеистическимъ идеямъ древняго періода, повсюду въ мірѣ искавшимъ Атмана-Брахмана и учившимъ,

¹⁾ Ср. о нихъ у Вебера въ его Ind. Lit., 2-е изд., въ различныхъ мѣстахъ, приводимыхъ въ указателѣ.

²⁾ Максъ Мюллеръ въ „Chips from a German workshop“ I, 226: „We have looked in vain for any definite similarities between the system of Kapila, as known to us in the Sāmkhyasūtras, and the Abhidharma, or the metaphysics of the Buddhists“. См. Oldenberg, Buddha, p. 93, Anm.

что весь миръ возникъ изъ него,—идеямъ; изъ которыхъ въ послѣдствіи развился идеалистическій Vedānta,—древнее учение Sāṃkhya проводило очевидно гораздо болѣе трезвый, если можно такъ выразиться, болѣе естественно-научный взглядъ. Ученіе это исходило изъ того положенія, что нашему наблюденію представляется, съ одной стороны, матерія, а съ другой—множество индивидуальныхъ духовъ, которые, согласно имѣвшему тогда еще силу мнѣнію, страдаютъ по многимъ существамъ. Это ученіе не шло далѣе въ объясненіи возникновенія матеріи и индивидуальныхъ духовъ, не нуждалось въ богѣ или богахъ какъ творцахъ или первичной причинѣ ихъ и предполагало, что и то, и другое дано готовымъ; должно быть, еще тогда считали ихъ существующими ископи¹⁾; но этого послѣдняго я не рѣшаюсь утверждать съ увѣренностью. Цѣль, къ которой должны быть направлены всѣ стремленія, есть окончательное освобожденіе духа отъ матеріальнаго міра, а что за этимъ слѣдуетъ, о томъ умалчивается. Съ этими идеями соприкасается мировоззрѣніе Будды въ томъ отношеніи, что и онъ не признаетъ творца вселенной, а равно и первичнаго духа, изъ котораго произошли индивидуальные духи посредствомъ истеченія или дѣленія. Множество индивидуальныхъ духовъ составляютъ и для него понятіе самобытное, которое является никакъ не производнымъ изъ понятія объ единомъ. Исключительная цѣль его—освобожденіе этихъ многихъ индивидуальныхъ духовъ отъ полныхъ страданій оковъ матеріальнаго міра и переселенія душъ; коль скоро цѣль эта достигнута, слѣдуетъ Nirvāna, относительно которой прямо запрещено спрашивать, бытіе ли это или небытіе.

Сообразно съ этимъ я думаю, что мы не имѣемъ никакого основанія устранивать старую традицію о связи Будды съ ученіемъ Sāṃkhya²⁾. На оба эти ученія долженъ былъ за то пасть самый тяжелый

¹⁾ Можетъ быть, въ связи съ представленіями изъ глубокой древности. Вѣра въ существованіе индивидуальныхъ духовъ испоконъ вѣковъ, до вступленія въ миръ тѣлъ, въ предсуществованіе индивидуальныхъ духовъ, вѣроятно, очень древняя. Напомню о возгласѣ punar astam ehi — „возвратись домой!“ съ которыми обращались въ Ригведѣ къ умершимъ, и о gravaahi Авесты.

²⁾ Ср. также и Вебера, Ind. Lit., 2 Aufl., p. 253, Anm. Также и въ священныхъ текстахъ Jaina является ученіе Будды рядомъ съ ученіемъ Капила и съ другими доктринами естествознанія, съ ученіемъ объ атомахъ, съ матеріализмомъ. Порядокъ, въ которомъ перечисляются эти ученія, слѣдующій: bahesviyam (то-есть, vāṛṣeshikam), Buddhasāsanam, Kāvīlam (то-есть, Kāpīlam), Logāyatam, Satthitamtam (то-есть, shashṭitantram, что въ комментаріи объясняется посредствомъ Kāpīlācāstram). Ср. Веберъ, Ind. Lit., 2 Aufl., p. 253, Anm.

упрекъ, упрекъ въ атеизмъ, котораго ученіе Sâmkhya могло избѣжать только сліяніемъ съ теистическимъ Yoga.

Мы видимъ, что здѣсь ясно выступаютъ два главныхъ положенія древняго ученія Sâmkhya:

1) Странствованіе множества индивидуальныхъ душъ, не возводимыхъ затѣмъ къ первичной душѣ, по многимъ тѣламъ, при чемъ цѣлью является освобожденіе въ концѣ концовъ этихъ душъ отъ заключенія ихъ въ тѣлахъ.

2) Понятіе о божествѣ не играетъ роли въ системѣ, не имѣетъ философскаго значенія, но примѣняется для объясненія міра.

Но оба эти положенія,—то немногое, что мы можемъ съ увѣренностью утверждать объ ученіи Sâmkhya въ его древнемъ видѣ,—находятся точно также и въ мировоззрѣніи Пиеагора.

Первое положеніе, я думаю, не нуждается въ ближайшемъ объясненіи, но и второе положеніе достаточно выяснено Целлеромъ (Фил. грек., стр. 340—346.).

Понятіе о божествѣ въ собственно философской системѣ пиеагорейцевъ не играло роли. „Аристотель въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ излагаетъ воззрѣніе пиеагорейцевъ объ основныхъ началахъ бытія ни словомъ не упоминаетъ объ ихъ ученіи о божествѣ“, а „Феофрастъ по видимому, даже прямо отличаетъ пиеагорейцевъ отъ тѣхъ, у которыхъ божество представляется какъ дѣйствующая причина“ (342—344). Ихъ вѣра въ божество вполне популярно-религіознаго характера и не находится въ тѣсной связи съ ихъ философскимъ объясненіемъ міра. Целлеръ (стр. 346) приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Хотя неоспоримо, что пиеагорейцы вѣровали въ боговъ, и хотя весьма вѣроятно, что и они, слѣдуя монотеистическому направленію, которое со времени Ксенофана пользовалось въ греческой философіи такимъ значительнымъ вліяніемъ, пришли къ тому, чтобъ изъ многобожія выставить понятіе о единомъ богѣ (ὁ θεός, τὸ θεῖον) даже съ большою отчетливостью, чѣмъ это понятіе проявлялось въ обыкновенной народной религіи; тѣмъ не менѣе значеніе идеи о божествѣ въ ихъ философской системѣ было, по видимому, ничтожнымъ, и съ изысканіями о первичныхъ основаніяхъ бытія идея эта не связывалась“.

Пиеагорейцы прямо присоединяли къ философской системѣ, обходящейся въ объясненіи міра безъ божества, вѣру въ бога; такимъ же образомъ поступали и въ Индіи всѣ тѣ, которые соединяли ученіе Sâmkhya съ теистическимъ ученіемъ Yoga; именно это тѣсное сое-

диненіе ученій *Sāmkhya* и *Yoga* пользуется, какъ извѣстно, большимъ распространеніемъ ¹⁾.

Но указанная два положенія еще не обнимаютъ всего того, что можетъ быть приведено въ пользу связи пифагорейской философіи съ ученіемъ Капила.

Основное воззрѣніе пифагорейской философіи заключается въ томъ положеніи, что число есть сущность всѣхъ вещей, что все по существу своему есть число (Целлеръ, стр. 314.). Это положеніе въ сущности правильно изложено еще Аристотелемъ, и точно также оно очевидно и изъ изложенія Целлера. Аристотель неоднократно говорить, что, по мнѣнію пифагорейцевъ, вещи состоятъ изъ чиселъ или изъ числовыхъ элементовъ; пифагорейцы, утверждаетъ онъ, предполагали, что въ нихъ находятся и вещество, и свойства вещей ²⁾. Съ другой стороны, Аристотель также говорить, что, по ученію пифагорейцевъ, вещи возникаютъ по образцу чиселъ ³⁾. Такимъ образомъ здѣсь имѣются два взгляда, которые, по мнѣнію Аристотеля, очевидно не исключаютъ другъ друга. Къ выдѣленію понятія о формѣ отъ понятія о веществѣ здѣсь еще не приступлено ⁴⁾. Въ связи съ преобладаніемъ опредѣленныхъ чиселъ и числовыхъ отношеній въ мірѣ явленій и вѣроятно также съ исконнымъ символическимъ употребленіемъ извѣстныхъ чиселъ, пифагорейцы приходятъ къ общему положенію: все есть число ⁵⁾!

Если мы, пожалуй, и не можемъ относительно каждаго отдѣльнаго пункта съ полною достовѣрностью сказать, въ какой мѣрѣ это положеніе восходитъ къ самому Пифагору, то все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что Пифагоръ въ своей системѣ предоставилъ числу первенствующее мѣсто, что число имѣло для всей его системы вполне рѣшающее основное значеніе.

Какъ выше упомянуто, мы относительно ученія *Sāmkhya* Капила въ его древнѣйшемъ видѣ, кромѣ вышеприведенныхъ положеній, едва ли можемъ высказать что-либо достовѣрное. Но что же означаетъ имя *Sāmkhya*? Слово это, очевидно, производное отъ слова

¹⁾ Даже Будда, хотя у него божество или боги не играютъ роли въ первичныхъ основаніяхъ бытія, нисколько не отрицаетъ существованія боговъ, въ которыхъ вѣруетъ народъ.

²⁾ Ср. Целлеръ, стр. 315 и 316.

³⁾ Целлеръ, стр. 317.

⁴⁾ Целлеръ, стр. 318 и 319.

⁵⁾ Целлеръ, стр. 320 и 321.

samkhyā, которое значить „число“. Такимъ образомъ *Sāmkhya* былъ бы „числовой философъ“, а учение *Sāmkhya* — „числовая философія“! Это выраженіе весьма замѣчательнымъ образомъ согласуется съ существеннымъ содержаніемъ пифагорейской философіи, тогда какъ, съ точки зрѣнія позднѣйшаго ученія *Sāmkhya*, слово это является совершенно темнымъ и непонятнымъ.

Пробѣлъ, происшедшій изъ этого послѣдняго обстоятельства, дѣйствительно уже неоднократно ощущался, при чемъ это темное выраженіе тѣмъ не менѣе не давалось удовлетворительному освѣщенію. Хотѣли было объяснять происхождение слова *Sāmkhya* отъ перечисленія 25 принциповъ; но рядъ различныхъ принциповъ, могущихъ быть перечисленными, находится, я полагаю, во всякой философіи; развѣ по такой причинѣ какой-нибудь изъ нихъ придано имя числовой философіи? Веберъ справедливо говоритъ въ своей „Исторіи инд. литературы“ (стр. 252 прим.) о названіи этого ученія, что значеніе его „собственно весьма неясно и не очень характерно“¹⁾. Мнѣ кажется, изъ названія *sāmkhya* ясно вытекаетъ, что въ этой системѣ число (*samkhyā*) первоначально имѣло рѣшающее и обосновывающее значеніе. Правда, позднѣйшая система вполнѣ утратила и izgладила эту характерную черту; ибо книги, относящіяся къ этой системѣ, появились болѣе тысячи лѣтъ позже, чѣмъ предшествующее Буддѣ ученіе *Sāmkhya* Капила. Но именно поэтому имя это является такимъ не подходящимъ къ позднѣйшей системѣ.

Признаю, что изложенное здѣсь сочетаніе древнѣйшаго ученія *Sāmkhya* съ числовой философіей Пифагора весьма смѣло; но, въ связи со всѣмъ нашимъ изслѣдованіемъ, оно носитъ характеръ чего-то поразительнаго и, конечно, не заслуживаетъ быть просто отброшеннымъ въ сторону. Какой удивительный свѣтъ проливается вдругъ изъ Пифагорова ученія на столь непонятное доселѣ названіе этой древнѣйшей философіи индійцевъ!

Я не намѣренъ излагать въ частностяхъ, какую роль играло число въ древнѣйшей системѣ *Sāmkhya*. Вѣдь въ этомъ отношеніи имя служить намъ единственнымъ свидѣтельствомъ. Очень возможно, что основатель системы исходилъ изъ наблюденія надъ

¹⁾ Ср *Weber, Ind. Lit.*, 2-е изд., стр. 252, прим.; *Ind. Stud.*, IX, 17 и слѣд.— Въ Петербургскомъ словнрѣ слово *Sāmkhya* объясняется слѣдующимъ образомъ: „человѣкъ, точно взвѣшивающій всѣ доводы за и противъ, или сторонникъ пересчитательнаго философскаго метода, то-есть, ученія *Sāmkhya*“.

извѣстными важными числовыми отношеніями въ мірѣ явленій; возможно и то, что ученіе его находилось въ связи съ тѣми древними успѣхами въ математикѣ, какіе представляла брахманская мудрость въ приложеніи къ жертвоприношеніямъ, я съ древнею ариметикой индѣйцевъ, существованіе которой слѣдуетъ предполагать ¹⁾; возможно, что ученіе это примыкало къ исконному символическому употребленію извѣстныхъ чиселъ, какъ мы его не разъ встрѣчаемъ въ Брахманахъ ²⁾. Обо всемъ этомъ, а также относительно вопроса, на сколько въ частностяхъ сохранились у Пифагора эти идеи древняго ученія *Sāmkhya*, въ какой степени онъ и его школа пролили на нихъ новый свѣтъ, поставили ихъ въ новыя отношенія,—отпосительно всего этого мы не можемъ позволить себѣ никакихъ догадокъ, такъ какъ позднѣйшее ученіе *Sāmkhya* намъ совершенно измѣняетъ въ этомъ отношеніи, а древнихъ памятниковъ не имѣется.

О мировой душѣ или развитіи божества въ мірѣ Пифагоръ во всякомъ случаѣ не училъ ³⁾, точно также, какъ и философія *Sāmkhya*. Но за то, кажется, Пифагоръ предполагалъ развитіе міра изъ болѣе несовершеннаго въ болѣе совершенное состояніе, къ каковой мысли приводитъ насъ утверженіе Аристотеля, что пифагорейцы точно также, какъ и Спевсиппъ, отрицали, что прекрасное и лучшее могло существовать отъ самаго начала міра ⁴⁾. Но развитіе міра изъ болѣе несовершеннаго состоянія въ болѣе совершенное предполагается также и въ ученіи *Sāmkhya*. Это послѣднее, по опредѣленію Дейссена, есть просто-на-просто и въ высшей степени остроумная теорія о мировомъ развитіи съ цѣлью самопознанія и вытекающаго изъ него спасенія ⁵⁾. Мы правда навѣрное не знаемъ, на сколько древнѣйшая форма ученія *Sāmkhya* оправдывала это опредѣленіе; но все таки едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ опредѣленіи указанъ важный пунктъ этого ученія. Итакъ, намъ безусловно можно будетъ выставить какъ идею древняго ученія *Sāmkhya*, успѣхъ въ развитіи міра отъ худшаго къ лучшему, то-есть, къ окончательному освобо-

¹⁾ Не находите ли, можетъ быть, прекрасный подвигъ Будды въ искусствахъ счисления, о которомъ повѣствуетъ легенда, въ какомъ-либо отношеніи съ его отношеніемъ къ школѣ *Sāmkhya*??

²⁾ Объ этомъ я ниже представляю болѣе обстоятельныя сообщенія.

³⁾ Ср. *Целлеръ*, стр. 347.

⁴⁾ *Целлеръ*, стр. 347 и 348.

⁵⁾ *Deussen*, *System des Vedānta*, p. 22.

жденію въ концѣ концовъ духа отъ оковъ матеріи; изъ заключенія въ тѣлесномъ мірѣ ¹⁾).

Послѣ всего вышесказаннаго, я думаю, мы, въ связи со исѣмъ настоящимъ изслѣдованіемъ, въ правѣ утверждать, что не лишено вѣроятія, что Пиеагоръ въ своей философской системѣ примкнулъ къ древнему ученію *Sāmkhya*; при этомъ онъ могъ подвергать нѣкоторыя его идеи дальнѣйшей самостоятельной переработкѣ, могъ внести и другія новыя идеи. Во всякомъ случаѣ этотъ пунктъ заслуживаетъ вниманія и дальнѣйшаго изслѣдованія.

VI.

Пункты второстепеннаго значенія.

Въ настоящей главѣ я хочу коснуться нѣкоторыхъ пунктовъ, которымъ не придаю большого значенія, но о которыхъ все-таки нельзя не упомянуть, такъ какъ и въ нихъ можно прослѣдить связь Пиеагора съ индійцами, хотя сами по себѣ они и не убѣдительны. Здѣсь, въ частности, позднѣйшія изслѣдованія можетъ быть, въ состояніи пролить больше свѣта; пока позволю себѣ вкратцѣ указать на эти пункты.

Извѣстно, что въ пиеагорейской школѣ усердно предавались занятіямъ музыкой; притомъ пиеагорейцамъ также приписывается основаніе научной постановки теоріи музыки. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ ²⁾, самъ Пиеагоръ называется изобрѣтателемъ ученія о гар-

¹⁾ Въ одномъ фрагментѣ изъ Филолая, который Целлеръ, правда, считаетъ подложнымъ, говорится, что міръ всегда былъ и всегда будетъ. Позднѣйшіе писатели часто утверждаютъ, что Пиеагоръ считалъ міръ превѣчнымъ (см. *Целлеръ*, стр. 378). Не слѣдуетъ ли намъ сопоставить и это съ ученіемъ о вѣчности матеріи и индивидуальныхъ духовъ? Аристотель, правда, говоритъ, что никто изъ предшественниковъ не считалъ міра превѣчнымъ, развѣ только въ смыслѣ того ученія, что вещество міра вѣчно и непреходяще, міръ же самъ подверженъ постоянному колебанію между возникновеніемъ и гибелью (*Целлеръ*, стр. 379). Но еще и не вполне исключена возможность того, что пиеагорейцы учили о періодическомъ возникновеніи и гибели міра, хотя я никоимъ образомъ не полагаю бы этого удостовереннымъ. Во всякомъ случаѣ, кажется, они думали, что въ болѣе поздній періодъ не только появляются тѣ же лица, но и всѣ поступки и состоянія этихъ лицъ будутъ повторены (ср. *Целлеръ*, стр. 410 и 411). Собственнаго самопреставленія они не допускали (стр. 411). Было бы желательно, чтобы будущіе изслѣдователи пролили больше свѣта на этотъ вопросъ, нежели это возможно здѣсь въ настоящую пору.

²⁾ *Nikomachus Harm. I, 10. Diog. VIII, 12. Jambl., 115 и слѣд.*

моніи. „Достовернѣе то, что она впервые была развѣта въ его школахъ, какъ это доказываютъ уже нѣя и теоріи Филолая и Архиты“ (Целлеръ, стр. 294). Но гармонія у пифагорейцевъ не что иное, какъ октава; *ἀρμονία*—у нихъ просто названіе октавы ¹⁾.

И у индійцевъ музыка и пѣніе рано были предметомъ усердныхъ занятій. Научная разработка музыки непосредственно примыкаетъ у нихъ къ духовному пѣнію, къ исполненію при жертвоприношеніяхъ такъ-называемыхъ пѣсенъ *Sāman*, которыя какъ извѣстно, составляютъ одна изъ четырехъ Ведовъ.

Семь ступеней музыкальной гаммы упоминаются впервые въ *Ṣikshā* и въ *Chandas*, которыя обѣ принадлежатъ къ такъ-называемой *Vedānga* или членамъ Веда, то-есть, къ дополнительнымъ ведійскимъ книгамъ. *Ṣikshā* считается индійцами первымъ изъ шести *Vedānga* (ср. о нихъ Haug, Ueber das Wesen und den Werth des vedischen Accents, стр. 53 и слѣд.). О времени ихъ составленія, къ сожалѣнію, не могу сказать ничего достовернаго. Между тѣмъ еще въ *Tāittirīya-Upaniṣhad* ²⁾, составляющей 8-ую и 9-ую книгу *Tāittirīya Āgama* (Weber, Ind. Lit., p. 103) и относящейся, слѣдовательно, къ ведійской литературѣ, упоминается о *Ṣikshā* и о пѣніи, обученіе которому содержится въ ней. Изъ этого видно, что *Ṣikshā* еще въ раннее время была однимъ изъ предметовъ ведійскаго обученія. Поэтому открытіе системы семи ступеней гаммы, то-есть, гармоніи пифагорейцевъ, мы можемъ съ достаточною увѣренностью относить еще къ ведійскому періоду до Будды. Исполненіе пѣсенъ *Sāman*, согласно обстоятельнымъ музыкальнымъ правиламъ, составляетъ вполне самостоятельную составную часть древневедійскаго жертвеннаго культа. Но предметъ этотъ, какъ указываетъ Веберъ (стр. 291), къ сожалѣнію, въ общемъ еще мало изслѣдованъ. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, можно ли и въ этомъ пунктѣ предполагать связь Пифагора съ индійцами и ихъ музыкальными теоріями, получившими развитіе въ приложеніи къ жертвенному культу, пока должно оставить открытымъ и назвать развѣ только заслуживающимъ обсужденія. Невѣроятнымъ это не можетъ считаться.

¹⁾ Напримеръ, Aristox. Mus. II, 36 τῶν ἑκταχόρων ἢ ἑκάστων ἀρμονίας. Ср. Целлеръ, стр. 329.

²⁾ *Tāitt.* Up. 1, 2, 1 *ṣikshāṁ vākyāṣṣāmaḥ | varṇaḥ svarāḥ | mātrā balam—vāta santānaḥ | ity uktaḥ ṣikshādhyaḥ* | Отсюда видно, что *Ṣikshā* уже въ весьма ранній періодъ составляла предметъ ведійскаго обученія. Ср. Haug, Accent, стр. 54.

Врачебною наукой пифагорейцы также занимались, и она, какъ кажется, была соединена съ заклинаніями, пѣніемъ и духовною музыкой (Целлеръ, стр. 295 и 300). Изъ Atharvaveda вполне извѣстно, что индійцы еще въ ранній періодъ своей исторіи занимались врачеваннымъ искусствомъ въ большомъ объемѣ, хотя и на основаніяхъ, никакъ не могущихъ считаться особенно научными. Средство заклинанія играетъ при этомъ самую большую роль, притомъ главнымъ образомъ въ метрической формѣ. Не могу опредѣлить, было ли съ этимъ соединено пѣніе и музыка. Во всякомъ случаѣ и по этому пункту долженъ возникнуть вопросъ о возможной связи Пифагора съ индійцами.

Далѣе можно было бы спросить: не составлено ли замкнутое устройство ордена съ высокочтимымъ основателемъ во главѣ по индійскимъ образцамъ? Правда, можетъ быть, давно уже и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ подобное устройство имѣло мѣсто, но все-таки можно утверждать, что система религиозныхъ орденовъ и конгрегацій особенно процвѣтала въ Индіи именно въ VI, а можетъ быть, еще и въ VII столѣтіи до Р. Х.; такъ Будда былъ „только однимъ изъ многочисленныхъ спасителей и учителей божественнаго и человѣческаго міра, въ монашескомъ одѣяніи странствовавшихъ въ то время по странѣ съ проповѣдями“¹⁾; его орденъ стоялъ на ряду съ другими, хотя и былъ самымъ значительнымъ. Буддѣ предшествовали подобныя явленія, только мы объ этомъ не имѣемъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній. Индійскою жизнью того времени овладѣло движеніе въ этомъ направленіи, движеніе, которое, конечно, могло сообщиться человѣку, стремившемуся серьезно и основательно познакомиться съ жизнью и мышленіемъ индійскихъ мудрецовъ. Тѣмъ не менѣе я обращаю особенное вниманіе на то, что не желаю придавать этому большого значенія.

Пифагорейцы наконецъ дѣлили все мірозданіе на три области; Олимпъ, Космосъ и Ураносъ (Целлеръ, стр. 409). Нельзя ли предположить въ этомъ дѣленіи сколокъ съ тройственнаго индійскаго міра?

Можно было бы привести еще довольно много подобныхъ частностией, но я предпочитаю остановиться, чтобы не слишкомъ теряться въ догадкахъ.

¹⁾ Ср. *Ольденберги*, Будда, стр. 68.

VII.

**Фантастически - мистически - символическій характеръ
пифагорейской системы.**

Для сравненія съ индійскою духовною жизнью большее значеніе чѣмъ сейчасъ приведенные пункты, имѣеть та своеобразная фантастическая черта, тотъ мистицизмъ, та символика, которые отличаютъ пифагорейскую систему, ея опредѣленія и отождествленія.

Прежде всего числа становятся игролищемъ фантастически настроеннаго умозрѣнія пифагорейцевъ, по мнѣнію которыхъ всѣ предметы въ мірѣ опредѣлены извѣстными числами, отождествлены съ извѣстными числами. Но если, по ученію пифагорейцевъ, матеріальный міръ состоитъ изъ чиселъ и приравняется къ опредѣленнымъ числамъ, то изъ этого никакъ нельзя заключить, чтобъ они считали числа чѣмъ-то матеріальнымъ; „потому что точно также, какъ пифагорейцы, опредѣляли человека, растеніе, или землю числомъ, такимъ же образомъ они говорили: два есть мнѣніе, четыре—справедливость, пять—бракъ, семь—удобное время и т. д.; при этомъ цѣлью является отнюдь не одно сравненіе того и другаго понятія; напротивъ, мысль въ любомъ такомъ отождествленіи та, что извѣстное число должно быть непосредственно и въ собственномъ смыслѣ тѣмъ, съ чѣмъ оно сравнивается. Это не что иное, какъ смѣшеніе символа и понятія, смѣшеніе существеннаго со случайнымъ, смѣшеніе, которое мы не должны устранять, если не желаемъ имѣть ложнаго представленія о внутренней своеобразности пифагорейскаго образа мыслей. Подобно тому, какъ мы имѣемъ мало основаній утверждать, что тѣла не составляли для пифагорейцевъ чего-либо матеріальнаго, такъ какъ тѣла по ихъ ученію, состоятъ изъ чиселъ, точно также не можемъ мы вывести и обратное заключеніе, что числа должны представлять нѣчто тѣлесное; ибо въ противномъ случаѣ они не могутъ быть составными частями тѣлъ, напротивъ въ тѣлахъ принимается въ соображеніе то, что подлежитъ внѣшнему ощущенію, въ числахъ — то, что доступно математическому мышленію; и то, и другое полагается непосредственно тождественнымъ, невозможности допустить такіа умозаключенія не замѣчается“¹⁾).

¹⁾ Целлеръ, стр. 352 и 353.

Пифагорейцы старались видѣть въ вещахъ, какъ говоритъ Аристотель, — „сходство съ числами и числовыми отношеніями; числовое значеніе, получавшееся у нихъ такимъ образомъ для какого либо предмета, они принимали за его сущность; если же дѣйствительность не соотвѣтствовала вполне предположенной арифметической схемѣ, то они для устраненія различій не затруднялись и въ построеніи гипотезы: такова извѣстная гипотеза о противоположной землѣ. Такъ, на примѣръ, они говорили, что справедливость содержится въ количествѣ, помноженномъ само на себя, то-есть, въ квадратѣ числа, такъ какъ ею воздается равное равнымъ; поэтому далѣе они называли число четыре, какъ первый квадратъ числа, и девять, какъ первый нечетный квадратъ числа, справедливостью; такимъ образомъ число семь должно было быть, по ихъ словамъ, рѣшительный моментъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, лѣта опредѣлены этимъ числомъ по ступенямъ; число пять, какъ соединеніе перваго числа мужскаго съ первымъ женскаго рода, означаетъ бракъ, единица — разумъ, такъ какъ она неизмѣнчива, двойка — мнѣніе, потому что она переменчива и неопредѣленна. Дальнѣйшимъ сочетаніемъ подобныхъ аналогій получались затѣмъ утвержденія въ родѣ того, что то или другое понятіе имѣетъ мѣстопробываніе въ той или другой части свѣта, мнѣніе, на примѣръ, въ области земли, удобное время — въ области солнца, такъ какъ оба эти понятія обозначались однимъ и тѣмъ же числомъ. Сроднымъ съ этимъ является приуроченіе извѣстныхъ чиселъ или извѣстныхъ фигуръ и ихъ угловъ къ опредѣленнымъ богамъ, такъ какъ и въ этомъ случаѣ дѣло идетъ только о разрозненныхъ и произвольно выхваченныхъ пунктахъ сравненія. Впрочемъ, при отсутствіи системы во всемъ этомъ приемѣ было неизбѣжно, что всѣ эти сравненія не могли обойтись безъ разныхъ противорѣчій, что одно и то же число или фигура получали разные значенія, а съ другой стороны, одинъ и тотъ же предметъ или понятіе обозначались то однимъ, то другимъ числомъ“ (Целлеръ, стр. 360—365). Такъ, на примѣръ, понятіе о справедливости, которое мы выше нашли опредѣленнымъ четверкой или девяткой, иногда приравнивается и къ 5 или къ 3. Здоровье, которое Филолай отождествлялъ съ семью, опредѣлялось также шестеркой; бракъ опредѣлялся не только пятеркой и шестеркой, но и тройкой. Солнце, которое вмѣстѣ съ удобнымъ временемъ мы нашли приуроченнымъ къ семи, опредѣлялось также и десяткой; свѣтъ, опредѣляемый Филолаемъ семер-

кой, представляется также какъ число пять и т. д.¹⁾ (ср. Целлеръ, стр. 365, прим. 1). Подобное противорѣчіе представляетъ собою мнѣніе, что время является въ міръ изъ неограниченнаго, между тѣмъ какъ оно опять-таки отождествляется съ самимъ небеснымъ шаромъ; „при первомъ опредѣленіи разумѣется безграничность времени, при послѣднемъ—что небо своимъ движеніемъ составляетъ мѣру времени; до безусловнаго соединенія обоихъ представленій пифагорейцы едва ли доходили“ (Целлеръ, стр. 406 и 407).

Итакъ, эти необыкновенно фантастическія отождествленія пифагорейской школы не исключительны, но главнымъ образомъ относящіяся къ числамъ, съ несистематическою произвольностью приравниваютъ самыя разнородныя вещи; при этомъ также является тождественность двухъ вещей между собою, при равенствѣ ихъ третьей вещи; одно отождествленіе безъ всякой послѣдовательности замѣняется опять другимъ, нерѣдко ему противорѣчающимъ. Этотъ въ высшей степени своеобразный методъ, при которомъ часто возникаетъ вопросъ, имѣемъ ли мы дѣло лишь съ мистически-символическими сопоставленіями, съ игрой или съ дѣйствительными приравненіями, отождествленіями, — методъ этотъ удивительнымъ образомъ напоминаетъ намъ приемы древнѣйшаго брахманскаго умозрѣнія, науки о жертвоприношеніяхъ, какъ она дошла до насъ въ Яджурведахъ и Брахманахъ. Это умозрѣніе, проходящее съ утомительною обстоятельностью черезъ всю объемистую литературу тѣхъ вѣковъ (отъ X до VIII или до VII столѣтія), состоитъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, изъ такихъ приравненій, которыя, являясь сначала съ символически-мистическимъ характеромъ, постепенно развиваются до ясно проявляющагося отождествленія самыхъ различныхъ вещей и понятій; при этомъ произвольность и отсутствіе системы преобладаютъ еще въ гораздо большей степени, чѣмъ у пифагорейцевъ. Разныя числа играютъ важную роль въ этихъ отождествленіяхъ, хотя бы и не въ такой преобладающей степени, какъ въ пифагорейской школѣ.

Символически мистическія толкованія отдѣльныхъ частей жертвоприношенія, его утвари, пожертвованій и т. д. составляютъ здѣсь начало; они весьма существеннымъ образомъ служатъ для того, чтобы окружить эти жертвенные обряды ореоломъ глубокаго таин-

¹⁾ Въ частностяхъ не возможно опредѣлять, какое изъ этихъ послѣднихъ опредѣленій принадлежитъ древнимъ пифагорейцамъ.

ственного значенія, чтобы возбудить представленіе о темныхъ, чудесныхъ силахъ, скрывающихся въ нихъ. Затѣмъ отъ мистическихъ символизаций недалеко до отождественій; здѣсь едва возможно провести ясную границу между тѣми и другимъ; часто едва возможно опредѣлить, слѣдуетъ ли сказать „это означаетъ“ или же „это есть“. Въ мышленіи брахмановъ того времени эта граница наивѣрное также не получила отчетливаго выраженія. Тѣмъ не менѣе много случаевъ, гдѣ имѣется лишь символическое отношеніе, мы можемъ ясно отличить отъ другихъ, которые рѣшительно должны считаться отождествленіями.

Символическая связь особенно часто проявляется въ нѣкоторыхъ числовыхъ отношеніяхъ. Такъ, на примѣръ, въ *Māitr. S. 3, 8, 1*¹⁾ говорится: „Онъ приноситъ въ жертву три Иразады²⁾; существуютъ три міра; (это происходитъ для того), чтобы приобрѣсть эти міры“. Или *Māitr. S. 4, 1, 3*: „Три раза онъ возвышаетъ голосъ, ибо боги трижды истинны“ (то-есть, въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ). Или *Māitr. S. 3, 7, 5*: „Масло для жертвоприношеній почерпнуто четыре раза; у скота четыре ноги; такимъ образомъ доставляютъ себѣ скотъ“. *Māitr. S. 3, 3, 8* въ концѣ: „Съ четырьмя (то-есть, съ четырьмя изреченіями) они отправляются отъ огня *Āhavanīya*; существуютъ четыре метра; слѣдовательно они ходятъ съ метрами; метры же суть Брахманъ; итакъ они ходятъ съ Брахманомъ“. *Māitr. S. 3, 3, 5*: „Онъ ходитъ кругомъ, поливаетъ трижды вокругъ себя; существуютъ три міра — —; онъ ходитъ кругомъ, трижды поливая вокругъ себя, а три раза не поливая; итого—шесть; есть шесть временъ года“ и т. д. *Māitr. S. 3, 1, 9* въ началѣ: „Затѣмъ онъ приноситъ въ жертву шесть *Ādhīta yajūmshī*³⁾; существуетъ шесть временъ года; при помощи временъ года онъ такимъ образомъ добываетъ силу изъ земли“. *Māitr. S. 3, 2, 2*: „Съ двѣнадцатью (изреченіями) онъ поклоняется; двѣнадцать мѣсяцевъ составляютъ годъ; такимъ образомъ онъ доставляетъ себѣ годъ“. *Māitr. S. 3, 1, 7*: „Семью (комьями изъ навоза) онъ куритъ; есть семь метровъ; такимъ образомъ онъ окуриваетъ ее (то-есть, *Ukhā*, известный сосудъ для огня) метрами; метры же — Брахманъ; слѣдовательно, онъ окуриваетъ ихъ Брахма-

1) *Māitr. S.*—сокращеніе вмѣсто *Māitrāyaṅī Samhitā*.

2) Определенное приношеніе.

3) Определенныя изреченія, которыя здѣсь понимаются какъ жертва, принесенная божеству.

номъ". „Семью (комьями изъ навоза) онъ курить; семерично дыханіе жизни въ головѣ" и т. д. *Mâtṛg. S. 1, 11, 8*, въ концѣ: „Семью онъ приноситъ жертву; существуютъ семь метровъ; такимъ образомъ онъ доставляетъ ему пищу посредствомъ метровъ; но *Vāc* равна метрамъ; стало быть, онъ добываетъ ему пищу посредствомъ *Vāc*." *Mâtṛg. S. 3, 6, 5*: „*Prajāpati* ¹⁾ есть жертвоприношеніе; жертвоприношеніе (теперь) одно, ибо *Prajāpati* есть только одинъ" и т. д.

Мы видимъ, что здѣсь единица символически обозначаетъ *Prajāpati*; тройка—три міра, но также и трижды истинныхъ боговъ; четверка—скотъ, но также и метры, а посредственно и *Брахманъ*: шестерка—времена года; семерка—также метры и посредственно *Брахманъ*, но также и семеричное дыханіе жизни: число двѣнадцать обозначаетъ годъ и т. д. Эти числа, а также и другія, часто повторяются въ подобныхъ отношеніяхъ. Такіе примѣры легко можно привести во множествѣ.

Жертвоприношеніе считается здѣсь началомъ всѣхъ вещей, разсматривается какъ космогоническая сила, унорядочиваетъ природу, человѣческой и божественный міръ, и сила эта присуща затѣмъ и относящимся къ жертвоприношенію числовымъ отношеніямъ. Такъ наприимѣръ, въ *Mâtṛg. S. 3, 2, 8* сказано: „Но такъ какъ однимъ стихомъ два раза приносятъ жертву, поэтому человекъ одинъ, и все-таки у него двѣ ноги" и т. п.

Но затѣмъ мы находимъ также въ огромномъ количествѣ приравняванія, отождествленія, въ которыхъ уже болѣе не можетъ быть рѣчи о символическихъ отношеніяхъ; здѣсь приравняются уже не только опредѣленные части жертвоприношенія къ вещамъ или лицамъ изъ царства природы или божескаго міра, но и эти вещи, лица, божества, всякія понятія приравняются другъ другу въ самыхъ разнородныхъ вариантахъ и объявляются тождественными. Иногда основаніе того или другого именно отождествленія усматривается въ какомъ-либо родствѣ или по крайней мѣрѣ въ известной связи обонхъ объектовъ отождествленія; но весьма часто такого родства или связи не замѣчается, и отождествленія производятъ впечатлѣніе произвольной и фантастической игры. Это ясно проявляется и въ томъ, что одно и то же существо или вещь въ одномъ мѣстѣ отождествляется съ однимъ существомъ или вещью, въ другомъ мѣстѣ — съ совершенно другимъ, въ третьемъ мѣстѣ — опять

¹⁾ Владыка всѣхъ тварей, высшій богъ во время *Яджурведа*.

съ чѣмъ-нибудь инымъ и т. д., при чемъ каждый разъ выводятся другія заключенія изъ того же отождествленія. Если, напримѣръ, въ *Maitr. S.* 2, 5, 1 сказано, что травы—это скоть, то здѣсь имѣется связь, такъ какъ скоть питается травами; то же самое относится и къ 3, 3, 8; 4, 4, 3 и къ другимъ мѣстамъ, гдѣ *Pûshan*, богъ стада, отождествляется со скотомъ. Но такая связь уже не имѣетъ мѣста, когда (1, 6, 11 и 2, 3, 1) скоть отождествляется съ рисомъ и ячменемъ, или (3, 7, 8)—съ топленнымъ масломъ; а въ одномъ мѣстѣ (3, 9, 7) — даже съ воздушнымъ пространствомъ! Въ *Maitr. S.* 3, 1, 6 сказано: „Право есть земля, истина — небо“. Но вслѣдъ за этимъ говорится: „Право есть день, истина — ночь“; такимъ образомъ день становится въ отношеніе къ землѣ, а ночь — къ небу. Въ другихъ мѣстахъ земля отождествляется съ метромъ *Gâyatri* (3, 11), съ метромъ *Mâ* (3, 2, 9), съ богомъ *Prajâpati* (3, 1, 3), съ *Agni Vajçvâgâra* (2, 1, 2) и т. п. Если значитъ (1, 10, 17), что безсмертіе есть небесный міръ, то это понятно; но небесный міръ по тому же самому мѣсту долженъ быть равенъ году; а по другому мѣсту (3, 1, 2) метръ *Jagati* — небо; по 3, 2, 9 — метръ *Pratimâ* и т. д. Годъ отождествляется въ *Maitr. S.* 1, 10, 17 съ небеснымъ міромъ; но по 4, 3, 3 *Indraçunâstra* долженъ быть годомъ; а въ другомъ мѣстѣ (4, 4, 7) опять говорится что богъ художникъ *Tvashîtar* — годъ; „годъ есть жизненная сила“ читаемъ мы въ 4, 6, 8; а затѣмъ опять (4, 5, 6): „Жертвоприношеніе есть годъ, *Prajâpati* есть жертвоприношеніе“, — вслѣдствіе чего опять является тождественность года съ *Prajâpati*. Если затѣмъ далѣе принять въ соображеніе, съ какими различными предметами отождествляется *Prajâpati* (напримѣръ, съ солнцемъ, съ землею и т. п.), которые затѣмъ опять приравниваются ко всевозможнымъ предметамъ, то получается длинная цѣль непрерывныхъ отождествленій.

Примѣры эти можно было бы умножить до безконечности, но я хочу лишь указать еще на то, что при этихъ умозаключеніяхъ всегда должно имѣть въ виду аксіому: „Двѣ величины, порознь равныя третьей, равны между собою“. Семеркой обозначаются метры; но метры равны Брахману, слѣдовательно, семеркой обозначается также и Брахманъ. Или же въ *Maitr. S.* 1, 10, 17, говорится, что небесный міръ есть безсмертіе, а годъ есть небесный міръ (стало быть, годъ есть безсмертіе). Если же наступаютъ двѣнадцать жертвоприношеній, обозначающихъ годъ съ его двѣнадцатью мѣсяцами, то этимъ достигается безсмертіе, такъ какъ этимъ достигали года (а понятіе о годѣ было то-

жественно съ понятіемъ о безсмертіи, обозначавшимся такимъ образомъ и числомъ двѣнадцать).

Вполнѣ очевидно, какъ много сроднаго имѣютъ фантастическія отождествленія пифагорейцевъ съ этими умозаключеніями брахмановъ, исполненными настоящаго пристрастія къ отождествленіямъ. Та же произвольность, бессистемность, фантазія, тѣ же противорѣчія. Разница только та, что у пифагорейцевъ отождествленіе, сообразно съ арифметическимъ характеромъ школы, относилось существеннымъ образомъ къ числовымъ величинамъ, — однако не исключительно, потому что напримѣръ, время приравнявалось небесному шару и т. п. У пифагорейцевъ при этомъ также имѣла силу, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, аксіома о двухъ величинахъ, поровнь равныхъ третьей. Если, напримѣръ, два было мнѣніе, но два также была и земля, то и мнѣніе совпадало съ понятіемъ земля; если и солнце и удобное время опредѣлялись семеркой, то этимъ удобное время ставилось въ область солнца и т. п. Я думаю, что и въ этомъ пунктѣ замѣтно у Пифагора вліяніе брахманскихъ учителей, хотя онъ, правда, пользуется ихъ методомъ несравненно умѣреннѣе.

Лишь въ немногихъ пунктахъ можно было бы попытаться непосредственно сопоставить тамъ и сямъ отдѣльныя отождествленія; если, напримѣръ, индѣецъ говоритъ, что годъ есть небесный міръ, то это, можетъ быть, напоминаетъ о пифагорейскомъ отождествленіи: время равно небесному шару; ибо словомъ „годъ“ индѣецъ въ этомъ періодѣ главнымъ образомъ выражаетъ понятіе о времени. Но сопоставленіе это и подобныя ему ¹⁾ легко могутъ основываться

¹⁾ Въ позднѣйшей такъ называемой символической позиціонной арифметикѣ индѣйцевъ мы находимъ, что, напримѣръ, число четыре выражено посредствомъ $krta$, — перваго изъ четырехъ періодовъ міра, вѣка совершенства. (Ср. Канторъ, Лекц. по ист. мат., стр. 516). Періодъ $krta$ длился 4800 (то-есть, $4000 + 400 + 400$) божескихъ лѣтъ (см. Пет. Словарь в. в. $krta$). Но такъ какъ $krta$ есть золотой вѣкъ, періодъ совершенства, то можно было бы предположить, что пифагорейское отождествленіе четырехъ со справедливостью можетъ быть связано съ этимъ понятіемъ; но это все-таки еще очень сомнительно, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ съ достовѣрностью опредѣлить время, отъ котораго беретъ начало это индѣйское отождествленіе. Но я все-таки желаю вообще указать еще на ту своеобразную символическую арифметику позднѣйшаго періода, въ которой, напримѣръ, $sūrya$ (солнце) 12, $aśvin$ (два бога А.) = два, $abdhi$ (океанъ) или $krta$ = 4 и т. п. Можетъ быть, и этотъ методъ восходитъ къ раннимъ временамъ и могъ бы также подлежать сравненію. Но я не рѣшаюсь высказаться объ этомъ болѣе опредѣленно.

на ошибочныхъ догадкахъ. Методъ же фантастическаго отождествленія въ цѣломъ безусловно долженъ подлежать сравненію.

Пифагоръ примѣнилъ этотъ методъ главнымъ образомъ къ арифметическимъ величинамъ. Вопросъ о томъ, не развивались ли, подобнымъ же образомъ, въ зависимости отъ умозрѣнія Брахманъ относящіяся къ періоду до Будды древняя арифметика и арифметическое умозрѣніе, о существованіи которыхъ у индійцевъ мы вообще только можемъ предполагать, — вопросъ этотъ покрытъ мракомъ неизвѣстности; пока еще мы не можемъ и думать о томъ, чтобы пролить свѣтъ на этотъ темный вопросъ.

Заключеніе.

Подведемъ краткій итогъ всему сказанному въ нашемъ изслѣдованіи.

Масса самыхъ замѣчательныхъ фактовъ и совпаденій неотразимымъ образомъ вселяетъ намъ убѣжденіе, что Пифагоръ заимствовала существенное содержаніе своихъ воззрѣній на міръ и на жизнь отъ индійцевъ.

Странное ученіе о переселеніи душъ, существованіе котораго не можетъ быть съ достовѣрностью доказано ни у какого другаго народа, развито было индійцами уже въ ранній періодъ съ большою послѣдовательностью, и представленіе Пифагора совпадаетъ въ этомъ пунктѣ съ индійскимъ до самыхъ удивительныхъ деталей. Важнѣйшія запрещенія пифагорейской школы: частное запрещеніе какъ мясого, такъ и бобовъ, а также и запрещеніе *πρός ἤλιον τετραμμέων μὴ ὀρυχεῖν*, имѣются уже въ ведійскихъ книгахъ индійцевъ. Затѣмъ, съ одной стороны, помѣщенная уже въ ведійскихъ *Sulvasūtra* и играющая тамъ главную роль математическая теорема, открытіе которой до сихъ поръ приписывалось Пифагору, доказывается въ этихъ сутрахъ даже тѣмъ же самымъ способомъ, каковымъ, вѣроятно, пользовался самъ Пифагоръ; съ другой стороны, открытіе вытекающаго изъ этой теоремы понятія объ ирраціональныхъ величинахъ равнымъ образомъ приписывалось греками Пифагору. И то, и другое съ неудержимою силой наводитъ насъ на убѣжденіе, что грекъ Пифагоръ обязанъ своими геометрическими знаніями ведійскому теологически-геометрическому умозрѣнію. Не менѣе замѣчательно совпаденіе ученія о пяти стихіяхъ, начало котораго у грековъ мы должны были отнести къ Пифагору, съ древне-индійскимъ ученіемъ

о пяти стихіяхъ: земля, огонь, вода, воздухъ и эфиръ. Сравненіе пифагорейскаго мировозрѣнія съ предполагаемыми идеями древняго ученія Sâmkhya, съ индѣйскою числовою философіею повело къ открытію самыхъ удивительныхъ точекъ соприкосновенія. Къ этому присоединялись теорія музыки съ ея гештахордомъ, искусство врачеванія, примѣнявшееся при помощи заклинаній, устройство ордена и ученіе о тройственности вселенной. Наконецъ, общій фантастически-мистически-символическій характеръ пифагорейскаго умозрѣнія обнаружилъ весьма замѣчательное и существенное сродство съ древне-индѣйскимъ брахманскимъ умозрѣніемъ какъ это послѣднее является уже въ Яджурведахъ и Брахманахъ.

Хотя бы эти сопоставленія и подвергались поправкамъ въ частностяхъ, въ существѣ дѣла они не могутъ быть поколеблены; напротивъ, я ожидаю съ увѣренностью, что продолженіе этихъ изслѣдованій въ будущемъ обнаружатъ еще не одну точку соприкосновенія, подобно тому, какъ моему вниманію, послѣ того, какъ я уже попалъ на вѣрный слѣдъ, чуть не на каждомъ шагу представлялись новые поразительные факты въ этомъ родѣ. Въ ходѣ настоящаго изслѣдованія я указывалъ на такіе отдѣльные пункты, которые еще требуютъ выясненія: желательно, чтобъ они обратили на себя вниманіе изслѣдователей.

Не нужно оспаривать того, что Пифагоръ могъ перенять нѣкоторыя ученія въ ихъ частностяхъ отъ египтянъ или отъ другаго народа, хотя въ этомъ отношеніи ничего особенно доказательнаго не извѣстно; существенное содержаніе его ученія должно было перейти къ нему изъ Индіи.

Мы не беремся опредѣлить, какимъ путемъ греческій мыслитель пришелъ въ Индію. Извѣстно, что еще издавна существовали торговыя сношенія между Индіей и Западомъ. Вопросъ о томъ, воспользовался ли онъ такимъ или же другимъ какимъ-нибудь случаемъ, чтобы посѣтить эту далекую страну, — можетъ быть, на всегда останется не разяснимымъ; тѣмъ не менѣе, никакъ нельзя оспаривать результата нашего изслѣдованія.

Мы думаемъ, что, опираясь на прочное, становившееся все яснѣе и яснѣе основаніе, мы доказали вліяніе Индіи на греческую философію и математику въ ихъ основныхъ началахъ. Здѣсь открывается обширное поле для всевозможныхъ вопросовъ, возникновеніе которыхъ является притомъ очень естественнымъ, но которые при иномъ положеніи вопроса едва ли могли бы явиться. Не естественно ли

задаться вопросомъ: не беретъ ли и то странное ученіе Парменида, что весь міръ есть обманъ, свое начало въ Индіи? Это ученіе, которое, являясь въ греческій міръ въ высшей степени чуждымъ, совершенно различнымъ отъ греческаго воззрѣнія на міръ и на жизнь, едва ли могло развиться въ немъ самостоятельно, составляетъ, какъ извѣстно, сущность ортодоксальной брахманской философіи Vedānta, первые письменные памятники которой, древнѣйшія Упанишады, во всякомъ случаѣ относятся ко времени до Будды. Не умѣстно ли обстоятельнѣе заявляться также вопросомъ о времени происхожденія индійской атомистики, чтобъ удостовѣриться относительно того, возможно ли и вѣроятно ли вліяніе ея на греческую атомистику, на ученіе Демокрита? Но все это только вопросы, которые еще и не могутъ притязать на другое названіе.

Еще не одна наука должна будетъ подать свой голосъ, свое мнѣніе, когда дѣло будетъ идти о томъ, чтобы выяснить эти древнія отношенія индійской и греческой культуры. Индологія и египтологія, исторія философіи и исторія древнѣйшихъ споменій народовъ, относящихся къ этому вопросу, и еще другія науки въ правѣ подать свой голосъ при обсужденіи этого предмета, заявить свое мнѣніе за или противъ.

Но мы не желаемъ идти далѣе; мы ограничиваемся выясненіемъ одного только вопроса о происхожденіи пифагорейской мудрости и не беремся выходить теперь же изъ предѣловъ этого вопроса.

Творческій гевій Пифагора отступаетъ, правда, въ силу нашихъ доводовъ на болѣе скромное мѣсто, чѣмъ то, которое онъ занималъ до сихъ поръ; но заслуга Пифагора тѣмъ не менѣе остается великою и, главное, весь его обликъ въ необыкновенной его своеобразности и высококомъ духовно-нравственномъ значеніи ставится болѣе понятнымъ, гораздо болѣе, чѣмъ онъ былъ прежде. Пифагоръ является намъ серьезнымъ человѣкомъ съ великими стремленіями, не могшимъ удовлетворить на родинѣ ту жажду знанія, которою онъ былъ исполненъ, и потому страствовавшимъ къ далекимъ народамъ, о мудрости которыхъ онъ, вѣроятно, слышалъ. И вотъ отправляется онъ на Востокъ, къ индійцамъ, и здѣсь находитъ онъ то, чего искалъ. Съ усердіемъ, достойнымъ удивленія, углубляется онъ въ изученіе брахманской мудрости и науки, не только знакомится съ ихъ воззрѣніями на міръ и на жизнь, но, пораженный глубокимъ и серьезнымъ значеніемъ этихъ идей, онъ волюнѣ сживается съ ними и усваиваетъ значительную ихъ часть. Склонность къ необыкновен-

ному и фантастическому, лежавшая въ его натурѣ, надо думать, способствовала этому и въ весьма значительной степени усугубляла ту чарующую прелесть, которая влекло его къ себѣ все великое въ области духа въ Индію. Если, съ одной стороны, философское и математическое умозрѣніе приковало его фантазію и мышленіе, то съ другой — серьезное стремленіе къ освобожденію изъ оковъ переселенія душъ указывало ему на ту нравственную стезю, по которой ему надлежало идти; озираясь вокругъ себя, онъ могъ видѣть, что на это стремленіе были направлены умы лучшихъ людей, оно сплачивало ихъ въ монашескіе ордена вокругъ выдающихся мудрецовъ. Съ богатѣмъ запасомъ индійской мудрости, глубоко и основательно посвященный въ ея методы мышленія, сильно проникнувшись самобытностью и высокимъ значеніемъ того далекаго, чуждаго культурнаго міра, онъ вернулся въ греко-италійскій міръ и заронилъ здѣсь сѣмена образованія, значеніе котораго, столь важное по своимъ послѣдствіямъ для греческой культуры, а слѣдовательно, для всеобщей культуры Европы, исполнѣ могло быть оцѣнено лишь гораздо болѣе поздними вѣками.

Нося въ своемъ умѣ и подвергая дальнѣйшему развитію эти чуждыя идеи и воззрѣнія, онъ почувствовалъ потребность собрать около себя кружокъ учениковъ, которымъ онъ могъ бы сообщить и черезъ которыхъ могъ бы передать для потомства то, чѣмъ онъ былъ полонъ, что его двигало. Такимъ образомъ онъ основалъ орденъ, по образцу тѣхъ религіозно-ученыхъ конгрегацій, которыя онъ видѣлъ на Востокѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ примыкая этимъ орденомъ къ дорійскимъ учрежденіямъ, укоренившимся на родной почвѣ. Здѣсь преподавалъ онъ свою мудрость, свою философію и математику и побуждалъ учениковъ своихъ къ серьезной, достойной жизни, постоянно указывая на высокую цѣль — освобожденіе изъ заключенія въ тѣлесномъ мірѣ, изъ оковъ переселенія душъ. Зависѣло ли это отъ глубины, отъ необыкновеннаго, знаменательнаго характера этихъ идей, была ли это обаятельная личность учителя, — во всякомъ случаѣ стремленія его увѣнчались значительнымъ успѣхомъ; въ восторгѣ и удивленіи собирались вокругъ него приверженцы; хотя грубое насиліе послѣ ряда лѣтъ и разстроило внѣшній составъ и уничтожило социальное значеніе ордена, онъ все-таки продолжалъ свою духовную жизнь и сохранилъ свое вліяніе въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Слова учителя были предметомъ благоговѣйнаго почитанія; *αὐτὸς ἔφα* было здѣсь благоговѣстіемъ, истиной, о которую рушилось всякое сомнѣніе; нако-

нецъ, все болѣе возраставшее почитаніе достигло такихъ размѣровъ, что этотъ удивительный человѣкъ былъ провозглашенъ богомъ; при этомъ легенда связала съ его личностью и дѣяніями такъ много чудеснаго, сверхъестественнаго и невѣроятнаго, что позднѣйшее время лишь съ трудомъ можетъ съ приблизительною вѣрностью узнать съвозъ непроглядный мракъ, созданный мифическимъ творчествомъ, образъ и черты этого мужа.

Гераклитъ, въ своемъ вѣскомъ отзывѣ о Пифагорѣ, обращаетъ особенное вниманіе не на его духовное значеніе и тѣмъ менѣе на его творческій геній; въ этомъ онъ ему, напротивъ, прямо отказываетъ; но, согласно съ результатомъ нашего изслѣдованія, онъ указываетъ на его сильную жажду познанія, которою онъ превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ, на его *ιστορίη* и *πολυμαθίη*, на его желаніе задавать вопросы, развѣдывать, узнавать о мудрости другихъ и собирать вклады въ богатую сокровищницу знанія. Намекля мимоходомъ съ усмѣшкой о его чудаческой мудрости, великій философъ не безъ пренебреженія упоминаетъ объ этихъ качествахъ. Для насъ же, могущихъ понять высокое значеніе этой *ιστορίη* и *πολυμαθίη* Пифагора для всеобщаго развитія культуры, выраженія эти являются самыми высокими и почетными; именно эти качества Пифагора, находя силу и поддержку въ глубокомъ, серьезномъ нравственномъ его обаяніи, впервые перенесли на Западъ въ некоторую долю того, о чемъ въ позднѣйшія времена часто упоминалось въ легендарномъ духѣ, именно часть „исконной мудрости индійцевъ“.

Л. Шредеръ.

ИЗЪ ПРОПЕРЦІА

(lib. I, el. XIX).

Волю я не боюсь, мой Цинтія, Мавовъ печальныхъ
И не хочу отлагать смерти назначенный срокъ,
Но что случайно монхъ похоронъ не почтишь ты любовью,
Страхъ передъ этимъ для насъ хуже кончины самой.
Въ очи мои не на столько нетвердо Эротъ поселился,
Чтобы, забывъ про любовь, прахъ мой покониться могъ.
Такъ филакійскій герой ¹⁾, по любезной женѣ безутѣшный,
Милой не могъ позабыть въ темныхъ, печальныхъ мѣстахъ,
Но, пожелавши, какъ прежде, обнять ея въ мнимыхъ объятыхъ,
Какъ ессалійская тѣнь, въ домъ свой старинный пришелъ.
Тамъ, чѣмъ бы ни былъ я, буду твоей называться я тѣнью;
Даже чрезъ берегъ судьбы наша любовь перейдетъ.
Тамъ окружить меня хоръ героинь знаменитыхъ красою,
Плѣнницъ Дарданской земли, данныхъ аргивскимъ мужамъ,
Но ни одну изъ нихъ я не сочту красотой превзошедшей
Цинтію, истину словъ Матерь Земля ²⁾ подтвердить,
И, хоть бы позднюю старость судьба для тебя присудила,
Пусть мои кости твоимъ дороги будутъ слезамъ,
Пусть и живая въ прахъ моемъ ты меня ощущаешь...
Право, тогда бы нигдѣ смерть не была мнѣ тяжка.
Но какъ боюсь я, что Цинтію, прахъ позабывшую милый,
Несправедливый Эротъ тотчасъ отъ насъ увлечетъ:
Онъ и насильно велитъ осушить непокорныя слезы
И, непрестанно грозя, даже и вѣрныхъ склонить,
Такъ что, пока мы живемъ, будемъ счастливы нашей любовью;
Самая вѣчность должна быть коротка для любви.

И. С.—скій.

¹⁾ Филакійскій герой—Протезилай, сынъ Ионига, основателя города Филая, въ Эссалии, былъ первый грекъ, павшій отъ руки Гектора въ Троискую войну. Онъ выпросилъ у Плутона позволеніе посѣтить свою жену Лаодамію на три часа; а послѣ того она сама бросилась на погребальный костеръ мужа, чтобы послѣдовать за нимъ въ царство тѣней.

²⁾ Земля — собственно богиня Земли — здѣсь богиня подземнаго царства.

1864 г., № 9; 40) Инструкція князю Н. И. Салтыкову, для воспитанія великихъ князей, 1784 г. (послана кн. Салтыкову при рескриптѣ отъ 13-го марта 1784 г.). Напечатана Богдановичемъ въ Исторіи царствованія Александра I, т. 1 (въ приложеніяхъ къ „Введенію“). 41) Письмо къ Даламберу о воспитаніи ея сына, въ газетѣ Русскій 1868 г., № 83; 42) участвовала въ составленіи Сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій, изданнаго Академією Наукъ: *Linguae totius orbis vocabularia suppleta*. Petropolis. 1787—1789, 4°, 2 vol. См. статью А. В. Старчевскаго: „Великая мысль Екатерины II“ (Истор. Вѣстникъ 1885 г., т. 21).

а) *Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenlehre*. S.-Pbg. 1816, 4°, von F. P. Adelung. б) Соревнователь Просвѣщенія 1818 г., ч. 1, стр. 271—304 (изаключенія изъ вышеуказаннаго сочиненія Аделунга). в) Филологическія занятія Екатерины II, съ замѣткою С. А. Соболевскаго, въ Р. Архивѣ 1863 г., ст. 940; см. также 1864 г., выш. 3, ст. 293—295 г) Филологическія занятія Екатерины II-й, статья Я. К. Грота, въ Р. Архивѣ 1877 г., кн. 1, стр. 425. д) Еще о трудахъ Екатерины II-й по составленію сравнительнаго словаря (письмо гр. Безбородко къ Я. И. Булгакову), въ Р. Архивѣ 1864 г., № 3, ст. 293. е) Сочин. Державина, 3, 744. ж) Еще о филологическихъ занятіяхъ Екатерины Великой, статья А. О. Круглаго (Р. Архивъ 1879 г., кн. I). з) Н. Лавровскій. О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой. Харьковъ 1856.

Г. Драматическія и сатирическія сочиненія (въ алфавитномъ порядкѣ).

43) Вотъ каково имѣтъ корзину съ бѣльемъ, комедія въ 5 д. вольное, но слабое переложеніе изъ Шекспира. С.-Пб. 1786 (передѣлка „Виндзорскихъ кумушекъ“); 44) Сказка о горѣ-богатырѣ Косометовичѣ и опера комическая, изъ словъ сказки составленная, и музыка этой оперы, сочиненія Мартина; для клавирь, съ голосами, переложенная Прачемъ. С.-Пб. 1789, 8°.

а) Сочин. Держ., изд. Грота, 4, 49; б) Комическая опера Екатерины II: „Горь-Богатырь“, статья А. Брикнера, въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1870 г., № 12; в) Генвади: Русск. книжн. рѣдкости; г) Русск. Старина 1874 г., т. XI, стр. 154—157.

45) Госпожа Вѣстникова съ семьєю, комедія въ 1 д., сочинена въ Ярославлѣ. С.-Пб. S. a. 46) За вздоръ пошлыны не берутъ; 47) За мухой съ обухомъ. Последнія двѣ піесы извѣстны только по названію; 48) Имянины г. Ворчалкиной, комедія въ 1 д., соч. въ Ярославлѣ. С.-Пб. S. a. Перепечатана въ XI т. (1786 г.) „Россійскаго Театра“. Вскорѣ послѣ сочиненія, была переведена на французскій языкъ и послана Вольтеру. Одна изъ сценъ переведена въ англійскомъ журналѣ: *The Raeder* (London. 1867, ст. И. И. Срезневскаго: Англійскіе

очерки русской литературы, въ Зап. Имп. Ак. Наукъ. т. 11, кн. 2. стр. 234—239. 49) Историческое представлѣніе изъ жизни Рюрика подражаніе Шакспіру, безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ, въ 5 дѣйствіяхъ. С.-Пб. 1786; второе изд., съ примѣчаніями И. Н. Болтина. С.-Пб. 1792; третье, С.-Пб. 1793. Перепечатана въ Росс. Театрѣ, т. 14. Нѣмецкій переводъ, Фелькнера вмѣстѣ съ русскимъ текстомъ: Historisches Drama nach Shakespears Muster aus Rjuriks Leben, zweite russische Ausgabe vom general-major Boltin. S.-Pbg. 1792, 8°. Одинъ нѣмецкій текстъ, S.-Pbg. 1792, 8° (см. Сочин. Державина, IV 35, 272 — 273). То же французскій переводъ, въ Recueil des piéces de l'Hermitage. Поправлялась Потемкинымъ (Р. Вѣстникъ 1878 г., № 3, стр. 8). 50) Начальное управленіе Олега, подражаніе Шакспіру, безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ, въ 5 дѣйствіяхъ. С.-Пб. 1786, 8°; второе, роскошное изданіе, in fol., съ гравюрами. С.-Пб. 1791 (музыка Сарти, съ его же „Объясненіями“ въ переводѣ Н. А. Львова); третье изданіе. С.-Пб. 1793, 8°. Перепечатано въ Росс. Театрѣ 1787 г., т. 14, стр. 167—248.

а) Два письма графа Эстергази изъ Петербурга къ женѣ своей, 1791 г. (Осминадцатый Вѣкъ, кн. I, стр. 357—360); б) Сочин. Держ. I, ХХІХ и 477; 4, VI и VII; 2, 42 и 463; в) одинъ стихъ ея послужилъ подлинсю подъ однимъ портретомъ Екатерины (Wassiltschikoff: Liste alphabétique de portraits russes. S.-Pbg. 1875, 1, 157); г) Геннадя, Русск. книжн. рѣдкости, стр. 63—64.

51) Невѣста-невидимка, комедія въ 1 д., сочиненная (въ 1772 г.?) въ Ярославлѣ; напечатана въ XII т. Россійскаго Театра; 52) Недоразумѣніе, комедія въ 5 д., въ Россійск. Театрѣ, ч. 31, стр. 153—318 (сочинена 1788 г.); представлена въ 1-й разъ, на Эрмитажномъ театрѣ 3-го сентября 1789 года, а на городскомъ—9-го сентября.

а) Дневникъ А. В. Храповицкаго, подъ 1788 годомъ; б) четырехстишіе на нее Державина, Соч., т. I, 294—296.

53) Новгородскій богатырь Боеславичъ, опера комическая въ 5 дѣйствіяхъ. С.-Пб. 1786, 8°. Перепечатана въ Росс. Театрѣ, т. ХХ. См. Сочин. Держ., 2, 656; 54) Обманщикъ, комедія въ 5 д. С.-Пб. 1785; 2-е изд. С.-Пб. 1786, 8°; представлена въ 1 разъ, въ Москвѣ, 4-го января 1786 г. Нѣмецкіе переводы: Der Betrüger, ein Lustspiel, aus dem russischen übersetz. S.-Pbg. 1786, 8°. Повторено въ Drey Lustspiele wider Swärmerey und Aberglauben. von J. K. M. d. K. a. R. Berlin und Stettin. 1788, 8°.

а) Сочин. Державина, 1, 148 и 5, 465; б) Вакmeister: Russ. Bibliothek; 10, 251 и 254; в) Дневникъ Храповицкаго, изд. Н. П. Барсукова. С.-Пб. 1874.

55) Обольщенный, комедія въ 5 д. С.-Пб. 1785; изд. 2-е С.-Пб. 1786. Перепечатана въ Росс. Театрѣ, т. XIII. Нѣмецкій переводъ: *Der Verblendete, ein Lustspiel, aus dem russischen übersetzt. S.-Pbg. 1786, 8°*. То же въ *Drey Lustspiele wider Schwärmerey und Aberglauben, von J. K. M. d. K. a R. Berlin und Stettin. 1788, 8°*.

а) Написана, по предположеніямъ, на графа А. С. Строганова; б) *Backmeister, Russ. Bibliothek, 10, стр. 251 и 254*; в) Дневникъ Храповицкаго; г) Сочин. Державина, 1, 242, 248—249, 363.

56) О время! комедія въ 3 д., соч. въ Ярославлѣ, во время путешествія по Волгѣ, въ 1772 г. С.-Пб. 1772, 8°. Перепечатана въ 11-омъ томѣ Россійскаго Театра. Вскорѣ послѣ написанія, была переведена на французскій языкъ и послана Вольтеру. Позднѣйшій переводъ: *O temps! O toeurs! comédie en 3 actes, traduite du russe, par M. Leclerc. (Paris). 1826, 8°*; 57) Передняя знатнаго боярина, комедія въ 1 дѣйствіи, сочинена въ Ярославлѣ, въ 1772 г., помѣщена въ XI т. Россійскаго Театра, 1786 г. Представлена въ 1-й разъ на придворномъ театрѣ 18-го сентября 1772 г.; 58) Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями, комедія въ 5 д. С.-Пб. 1788, 8°. Нѣмецкіе переводы: а) *Der Familtenzwist, ein Lustspiel, aus dem russischen übersetzt S.-Pbg. 1788, 8°*; б) то же, Berlin und Stettin. 1789, 8°. Голландскій переводъ: *Der Familietwist, Blijspel, naar het Russisch. Amsterdam. 1789, 8°*; 59) Фефей, комическая опера, въ 4 дѣйствіяхъ, составленная изъ словъ сказки, пѣсней русскихъ и иныхъ сочиненій. С.-Пб. 1786, 8°. Перепечатана въ Росс. Театрѣ, т. XX.

а) Отзывъ о ней въ журналѣ Зеркало Свѣта 1786 г., ч. 1, стр. 359; б) Соч. Державина, ч. 1, стр. 171 и ч. 5, стр. 552.

60) Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ, комическая опера въ 5 д. С.-Пб. 1787, 8°. Перепечатана въ Росс. Театрѣ, т. XX.

а) Соч. Державина, 3, 117; б) Г. Давилевскій: Сочиненія. С.-Пб. 1877, т. 2, стр. 386.

61) Шаманъ Сибирскій, комедія въ 5 д. С.-Пб. 1786, 8°. Нѣмецкіе переводы: а) *Der Sibirische Schaman, ein Lustspiel, aus dem russischen übersetzt. S.-Pbg. 1786, 8°*; б) то же, Berlin und Stettin. 1789, 8°; то же, въ *Drey Lustspiele wider Schwärmerey und Aberglauben, von J. K. M. d. K. a R. Berlin und Stettin. 1788, 8°*; 62) Одулъ съ дѣтьми, опера въ 1 д. С.-Пб. 1790, 1792 и 1798. 8°.

а) О представленіяхъ ея на сценѣ, въ Пантеонѣ русск. театра 1840 г., № 2, стр. 97 — 98: Воспоминанія о московскомъ театрѣ Медокса; б) Дневникъ Храповицкаго; в) Исторія. очерки и рассказы С. Н. Шубинскаго. С.-Пб.

1869, стр. 212—213; г) при представленіи оперы 11-го февраля 1791 г. на Эрмитажномъ театрѣ, актрисою Сандуновой вставлена пѣсня императрицы Елисаветы (см. это имя): Во селѣ, селѣ Покровскомъ (П. Безсоновъ: Восемнадцатый вѣкъ въ русск. историч. пѣсняхъ. М. 1872, стр. 203—206); д) Разсужденіе по случаю представленія оперы: Охоту съ дѣтьми, сочиненной Екатериною II, въ Русск. Вѣстникѣ 1808 г., ч. 4, стр. 113—122; е) По мнѣнію А. Д. Галахова, эта пѣса—родоначальница русскаго водевиля (Историск. словесности).

63) Il n'y a point de mal sans bien, proverbe, 1788, въ Recueil des piéces de l'Hermitage; 64) La rage aux proverbes, proverbe, 1788, ibid.; 65) Леоплава (отрывокъ на франц. яз.),—сатира на Л. А. Нарышкина (Шекарскій. Матеріалы для исторіи журн. и литер. дѣятельности Екатерины II. С.-Пб. 1863, стр. 55—59; 66) Le flatteur et les flattés, proverbe, 1788, въ Recueil des piéces de l'Hermitage; 67) Les voyages de Mr. Bontems, proverbe, 1788, ibid.; 68) Un tiens vaut mieux que deux tu l'auras, proverbe, 1787, ibidem.

а) Guarengghi, Jacques: Théâtre de l'Hermitage de s. m. l'Impératrice de toutes les Russies. S.-Pbg. 1787, fol. б) Recueil des piéces de l'Hermitage, 4 vol., s. I. (S.-Pbg.) et annexe; помѣщено пять „proverbes“ императрицы. Они же перепечатаны въ Théâtre de l'Hermitage de Catherine II, 2 vol. Paris, т. 7, (1799), 8°, изд. Castéra; другое изданіе, 2 vol. Vielle. 1799, 8°. в) Екатерины Великія Эрмитажный Театръ, въ которомъ собраны пьесы, игранныя въ Эрмитажѣ императрицы Екатерины II, сочиненныя самою ею и особамъ, составлявшими ея общество, пер. съ фр. Петръ Леон. Пельскій, 2 ч., М. 1802. Сюда вошли всѣ пьесы, кромѣ „Гюрика“. г) Эрмитажный театръ или собраніе театральныхъ сочиненій Екатерины II, перев. съ франц. (неизвѣстнаго). М. 1802, 2 ч. (5 „пословиць“ и „Гюрикъ“). д) Екатерина II, императрица Русская, на поприщѣ драматическомъ, въ Ренетуарѣ 1844 г., № 1, ст. М. Н. Макарова. е) Драматическія сочиненія Екатерины II, М. Н. Лонгиновъ, въ Молвѣ 1857 г., №№ 3—5 и отдѣльно. Рец. въ Сѣверн. Пчелѣ 1857 г., № 147. ж) Еще о драматическихъ сочиненіяхъ Екатерины II, библиографическія замѣтки Г. Н. Геннади, въ Библиогр. Запискахъ 1858 г., № 16. з) Лѣтопись русск. театра, П. Арапова. С.-Пб. 1861, стр. 113—120, 133—34, 165—166 и 319. и) О вліяніи народнаго творчества на драмы императрицы Екатерины и о пѣльныхъ русскіяхъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ, П. Безсонова, въ Зарѣ 1870 г. № 4. і) П. Щербальскаго: Драмат. и правоиспат. соч. Екатерины II, въ Русск. Вѣстникѣ 1871 г., № 5 и 6. к) Викторовъ А. Е. Бумага Н. И. Сушкова въ Московскокъ публичномъ музеѣ. М. 1872. л) Шекспиръ въ передѣлкахъ Екатерины II, В. С. Лебедева, въ Русск. Вѣстникѣ 1878 г., № 8.

69) Примѣчаніе безграмотной на подчерченныя мѣста въ комедіи Сумарокова: „Лихомецъ“, 1768 г., въ Русской Бесѣдѣ 1860 г., № 2, стр. 236—237 и 246 (сообщ. В. И. Ламанскимъ). 70) Pr. Lubomírski, Un drame sous Catherine II. Paris. 1875.

Д. Сочиненія разнороднаго содержанія и стихотворенія.

71) Полное собраніе сочиненій Екатерины II, 3 ч., изд. А. Смирдина. С.-Пб. 1849—1851.

Рец. а) Москвитянинъ 1850 г., ч. 1, № 2, кн. 2, стр. 59—61; б) Отеч. Записки 1856 г., ч. 108 (ст. А. Д. Галахова). Изданіе неполное, невѣрное и расположенное не въ хронологическомъ порядкѣ. Протестъ кн. П. А. Изземскаго противъ замѣтки Смирдина, въ Русск. Архивѣ 1870 г., ст. 1298 (въ письмѣ Плетнева къ Жуковскому). Ср. Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. III, стр. 625—626.

72) Antidote ou examen d'un mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sibérie fait par ordre du roi, par l'abbé Charpe d'Anteroche, 1770, s. I, мал. 8°, 2 vol., 232 стр., съ виньеткою на каждомъ томѣ, изображающей Канна, стоящаго надъ убиеннымъ Авелемъ; всего должно было быть 3 части, но третья не вышла. Полагають, что печатано въ Амстердамѣ. Русскій переводъ, въ Осьмнадцатомъ Вѣкѣ, изд. Бартеневымъ, кп. 4 (поправка къ нему, В. Кеневича, Р. Архивъ 1870 г., № 11). Нѣкоторые (въ томъ числѣ Quégarд и Sabathier de Cabres: Catherine II et sa cour. Berlin. 1869, pg. 7) приписывали эту книгу перу княгини Дашковой и Фальконэ. Другое изданіе, Amsterdam. 1771 — 1772, 8°. Англійскій переводъ: The Antidote, or an enquiry into the merits of a book, entitled: A journey into Siberia, made in 1761 r. and published by the abbé Charpe d'Anteroche. Translated into english by a lady. London. 1772, 8°. Въ послѣднее время установилось мнѣніе, что Antidote — произведеніе самой императрицы въ сотрудничествѣ съ И. И. Шуваловымъ. Намъ неизвѣстно содержаніе книги: L'Antidote, ou les Russes tels qu'ils sont, et non tels qu'on les croit. Lausanne. 1799, 8°; 73) Записки разнощика, за подписью: „Рыжій Фролка“, въ Собесѣдникѣ Любит. Русск. Слова 1783 г., ч. 9, стр. 10—16; по предположенію Лайбова (Добролюбова), принадлежитъ перу Екатерины (Современникъ 1856 г., № 8, стр. 77); 74) Отвѣтъ „Живописцу“, въ Живописцѣ 1772 г., ч. 1; перепечатанъ М. Н. Лонгиновымъ въ книгѣ его Новиковъ и московскіе мартинисты, приложение, стр. 03—04; 75) Отвѣты фонъ-Визяну на извѣстныя его „Вопросы“, въ Собесѣдн. Любит. Р. Слова 1783 г., ч. III. См. статью А. Д. Галахова: Идеаль нравственнаго достоинства челоуѣка по понятію фонъ-Визяна, въ Библиогр. Запискахъ 1858 г., № 13; 76) Весною 1767 г., во время путешествія своего по Волгѣ, перевела IX-ю главу изъ „Велизарія“, Мармонтеля. Вся выбранная глава касается обя-

завностей государей. Въ 1768 году полный переводъ былъ напечатанъ въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: Велизеръ, сочин. г. Мармонта, члена Французской Академіи. Переведенъ на Волгѣ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1773, 8°; изд. 3-е. М. 1785, 8° (см. Н. В. Губерти. Матеріалы для русской бібліографіи. Вып. I. М. 1878, стр. 232—233).

Любопытныя подробности объ этомъ литературномъ предпріятіи императрицы находятся въ книгѣ гр. Орлова-Давыдова: „Біографическій очеркъ гр. Владиміра Григорьевича Орлова. 2 части. С.-Пб. 1878. Графъ Владиміръ Григорьевичъ сопутствовалъ Екатериѣ и оставилъ дневникъ этого путешествія. Переводчикъ каждой главы указать: а) у Вакmeister'a: Russische Bibliothek, 3, 522 и б) въ Correspondance de Grimm et de Diderot, t. 6, partie 1-ге, по волюѣ точно и вѣрно въ книгѣ гр. Орлова-Давыдова.

77) прежде кн. Е. Р. Дашковой редактировала сама Собесѣдникъ Люб. Р. Слова (Неустровъ, стр. 344—345); 78) Введение къ посланію „Любослова“ къ издателямъ Собесѣдника Люб. Русск. Слова (1783 г., ч. II, стр. 106—107), принадлежащее, по мнѣнію Лайбова (Добролюбова), перу Екатерины (Современникъ 1856 г., № 8, стр. 77; ср. ст. Д. О. Кобеко, въ Библиогр. Запискахъ 1861 г., № 4); 79) содѣйствовала изданію Кошелька, 1774 г.

а) Лонгиновъ: Новиковъ и московскіе мартыновцы, 31; б) Сборн. студ. С.-Пб. университета, вып. 1, стр. 322; в) Неустровъ, стр. 206;

80) занималась генеалогіею. См. сообщеніе П. С. Киселева: Генеалогическія занятія императрицы Екатерины II. Изъ писемъ В. С. Попова къ Я. И. Булгакову, въ Русск. Архивѣ 1875 г., ч. I, стр. 5; 81) Надпись къ памятнику Петра Великаго; 82) Четверостишіе Потемкину, написанное весною 1787 года въ Бахчисараѣ, во время путешествія по Дибру (Сочиненія Г. П. Давилевскаго, II, 398).

Екатерина не любила писать стиховъ (куплеты вставлялись въ ея театральныхъ пьесахъ Храповицкимъ, Елагинимъ и другими (см. Сочиненія Державина, изд. Грота, ч. I, стр. 134, 255, 542 и ст. Щебальскаго, въ Зарѣ 1869 г., сентябрь); о стихахъ ея, въ статьѣ Н. В. Сушкова: Кое-что о временахъ Екатерины, въ Русск. Архивѣ 1865 г., ст. 1504.

83) Разборъ сочиненія А. Н. Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ (Архивъ князя Воронцова т. V).

Е. Переписка.

84) Письма къ арх. Амвросію и графу Безбородкѣ, въ книгѣ: Анекдоты о императрицѣ Екатериѣ Великой, собранныя П. Ш. М. 1839; 85) Письма къ Н. П. Архарову: въ а) Москвитанинѣ 1843 г., № 1; 1854 г., т. VI; б) Читенія 1863 г., т. III; в) Р. Архивъ 1864 г., ст. 873; 86) Два письма къ графу А. А. Безбородкѣ: а) Москвитанинѣ

1842 г., № 11; б) Чтенія 1863 г., ч. III; в) Р. Архивъ 1870 г., ст. 1959; 87) Письма къ А. И. Бибикову во время Пугачевского бунта: а) Записки Ими. Ак. Наукъ 1862 г., т. I: Матеріалы для исторіи Пугач. бунта; б) Р. Архивъ 1866 г., ст. 388; 88) Выписка изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (переписка Екатерины II съ графомъ Ю. Ю. Броуномъ), въ Осьмнадцатомъ Вѣкѣ, кн. I; 89) Письма къ гр. Брюсу, въ Чтеніяхъ 1863 г., III; 90) Письма къ Веніамину, архіеп. Казанскому: а) Энциклопед. Лексиконъ, IX, 418; б) Чтенія 1859 г., кн. I; в) Прав. Обзорніе 1859 г., № 6; 91) Черновое письмо Екатерины II къ Д. В. Волкову, въ Р. Архивѣ 1870 г., ст. 546; 92) Письма къ кн. М. Н. Волконскому: а) Москвитиниъ 1845 г., № 9; б) Чтенія 1863 г., III; в) въ статьѣ: Люди и дѣла прежняго времени по автографамъ, въ Зритель 1862 г., № 8 и 44; 1863 г., №№ 12—20; 93) Переписка съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ, въ Осьмнадцатомъ Вѣкѣ, кн. 1, стр. 52; 94) Письма къ гр. М. А. Воронцову, въ Архивѣ кн. Воронцова, т. VII; 95) Письма къ кн. А. А. Вяземскому, въ Р. Архивѣ 1865 г., ст. 1081 и 1866 г., ст. 63 и 68.

а) Замячавія на прошеніе его, 1783 г., Библ. Записки 1858 г., ст. 537; б) письмо, въ Б. для Чтенія 1859 г., № 11; в) Чтенія 1858 г., кн. 1, смѣсь, стр. 101.

96) Письма къ гр. П. И. Панину, кн. А. А. Вяземскому, кн. Б. А. Куракину, В. С. Попову и др., Осьмнадцатый Вѣкъ, кн. 3; 97) Письмо къ Гавріилу, архіепископу Псковскому, въ Сборн. Р. Истор. Общества, т. 1, 291; 98) 23 письма къ И. Ѡ. Глѣбову, въ Р. Архивѣ 1866 г., ст. 62; 99) Письмо къ кн. М. М. Голицыну о посылкѣ дѣтей его въ нѣмецкія училища, въ Р. Архивѣ 1865 г., № 9; 100) Письма къ Гудовичу: а) Ставроп. Губ. Вѣдомости 1859 г., № 3; б) Чтенія 1863 г., кн. III. 101) Переписка съ кн. Дашковой, въ „Запискахъ“ послѣдней (1840 г.), и въ Москвитиниѣ 1842 г., № 11; 102) Четыре письма къ митроп. Новгородскому Дмитрію Свѣчену (1763—1766 г.) съ примѣч. Н. И. Григоровича, въ Р. Архивѣ 1869 г., ст. 196—202; 103) Письмо къ нему же, отъ 22-го мая 1767 г., *ibid.* 1866 г., ст. 55—58; 104) Письмо къ князю В. М. Долгорукову-Крымскому (1771 г.), въ Русск. Архивѣ 1871 г., ст. 1348, и въ Москвитиниѣ 1854 г., т. IV, стр. 36; 105) Письма къ московскимъ главнокомандующимъ: 1) кн. В. М. Долгорукову-Крымскому; 2) графу З. Г. Чернышеву; 3) графу Я. А. Брюсу, и 4) П. Д. Еропкину, въ Русск. Архивѣ 1872 г., ст. 225—336; 106) Письмо къ П. Д. Еропкину,

отъ 23-го сентабря 1789 г., въ Москвитинѣхъ 1844 г., № 11, стр. 213; 107) 9 писемъ къ нему же, въ Чтен. Общ. исторіи и древн. 1863 г., кн. 3; 108) Высочайшія собственноручныя письма и повелѣнія блаженной и вѣчной славы достойной памяти государыни императрицы Екатерины Великой къ покойному генералу П. Д. Еропкину и всеподданнѣйшія его донесенія. Собралъ Яковъ Ростъ. М. 1808, 8°; 109) Письма къ М. М. Измайлову, въ Р. Архивѣ 1872 г., ст. 865—880; 110) Письмо къ С. А. Колычеву, въ Русск. Архивѣ 1869 г., ст. 209; 111) Письмо къ П. П. Кововницыну о пасквиляхъ, въ Русск. Архивѣ 1877 г., кн. 3, стр. 333; 112) Письмо къ графу Вал. Плат. Мусину-Пушкину, въ Русск. Архивѣ 1869 г., ст. 208; 113) Переписка съ А. В. Олсуфьевымъ объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, въ газетѣ День 1862 г., № 17, въ статьѣ М. Лонгинова: Новые документы для біографіи Арсенія Мацѣевича; 114) Письма къ А. В. Олсуфьеву 1762—1767 г., съ примѣчаніями М. Лонгинова, въ Русск. Архивѣ 1863 г., №№ 2—4, ст. 81, 177 и 273; 115) Письма къ нему же, въ Москвитинѣхъ 1855 г., № 17 и 18.

Замѣтка И. Киселева на письма императрицы Екатерины II къ Олсуфьеву, въ Русск. Архивѣ 1863 г., № 5 и 6.

116) Письма къ гр. Орловымъ, въ Чтеніяхъ 1863 г., кн. 3, и Русск. Архивѣ 1866 г., ст. 65; 117) Письмо къ гр. П. А. Палену, въ Осьмнадцатомъ Вѣкѣ, кн. I, стр. 422; 118) Письма и записки къ гр. Н. И. Панину: а) въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1858 г., кн. 2 и 1863 г., № 2; б) въ Запискахъ Академіи Наукъ 1863 г., т. 3, кн. I, въ статьѣ Я. К. Грота; в) въ Русск. Вѣстникѣ 1863 г., № 6.

Объясненіе къ вѣсткѣ О. Водянскаго, въ Чтен. въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ 1863 г., № 3, стр. 193—197.

119) Записка къ протоіерею Павфилову, въ Русск. Архивѣ 1864 г., ст. 590; 120) Записочки къ Анніѣ Никитишнѣ Нарышкиной, въ Русск. Архивѣ 1869 г., ст. 193 и 1870 г., ст. 545; 121) Письма къ кн. Потемкину: а) въ Русск. Старинѣхъ 1876 г., т. 16 и 17; б) въ Москвитинѣхъ 1854 г., т. IV, стр. 38; в) въ Русск. Архивѣ 1864 г., ст. 594; 1875 г., кн. 3, стр. 253; 122) Письма къ П. С. Потемкину, въ Р. Старинѣхъ 1875 г., т. 13; 123) Письма къ кн. А. А. Прозоровскому: а) Русск. Архивъ 1872 г., ст. 533; б) Чтеніи 1863 г., III; в) Русск. Архивъ 1873 г., стр. 73; 124) Переписка съ гр. Румянцевымъ-Задубайскимъ. М. 1805, 8°; изд. 2-е. М. 1808, 8°; 125) Письма къ гр. Н. П. Румянцеву (о невѣстѣ для в. к. Александра Павловича): а) Русск. Архивъ 1869 г., ст. 202; б) Сѣверн. Архивъ 1822 г.,

ч. 1 — 3; в) Москвитянинъ 1849 г., ч. 3; г) Чтенія 1863 г., III; 126) Письма къ оберъ-полиціймейстеру Гордѣеву, Чтенія 1863 г., ч. III; 127) П. С. Салтыкову: а) въ Русск. Бесѣдѣ 1860 г., т. II, стр. 238 и въ Р. Архивѣ 1886 г., кн. III; б) Чтенія 1863 г., кн. II; 128) А. Н. Самойлову, Чтенія 1863 г.; 129) Письмо къ Сатину (1769 г.) и графу Чернышеву (1772 г.), въ Русск. Архивѣ 1873 г., ст. 0449; 130) Письма къ гр. Я. Е. Сиверсу (1765—1778 г.), въ Русск. Архивѣ 1870 г., ст. 1422—1438; 131) Письма къ кн. Н. И. Солтыкову 1763—1796 гг. въ Русск. Архивѣ 1864 г., № 9, ст. 92; 1865 г., ст. 1031; 132) Письмо къ С. Ѡ. Стрекалову о безпорядкахъ въ театральномъ управленіи, въ Русск. Архивѣ 1870 г., ст. 547; 133) Письмо къ Суворову, Москвитянинъ 1848 г., № 7; 134) Письмо къ А. П. Сумарокову (о представленіи его трагедіи въ Москвѣ), въ Чтеніяхъ Московск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ 1860 г., № 2, стр. 238; 135) Письмо къ Сумарокову, въ Correspondance de Grimm et de Diderot. Paris. 1812. См. Сынъ Отечества 1818 г., ч. 50, стр. 166; 136) Письма къ Т. И. Тутолмину, архангельскому, потомъ брацлавскому и являславскому генераль-губернатору, 1794 — 1796 гг. (сообщено кн. Н. Н. Голицынымъ), Русск. Архивъ 1873 г., ст. 2273; 137) Письма къ Фалькона, 1767—1778 гг., въ Сборн. Русск. Истор. Общества, т. 17, стр. 1—247, съ примѣчаніями А. А. Половцова; 138) Письма къ А. В. Храповицкому, въ Русск. Архивѣ 1872 г., ст. 2062 и 1866 г., ст. 70; 139) Письма къ барону Черкасову, въ книгѣ П. Лебедева: „Графы Н. и П. Панины“. С.-Пб. 1863; 140) Четыре письма къ княгинѣ А. И. Черкасской, въ Русск. Архивѣ 1870 г., ст. 529, съ замѣткою о нихъ М. Н. Лонгинова; 141) Записка къ графу Ивану Чернышову, въ Сборн. Русск. Истор. Общества, т. 2, стр. 406—412; 142) Письма къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, въ Русск. Архивѣ 1870 г., ст. 284 и 1871 г., ст. 1313; 143) Двѣ записочки (къ И. И. Вецкому и неизвѣстному лицу) въ Русск. Архивѣ 1875 г., кн. 2, стр. 490; 144) Письма къ И. И. Пувалову, въ Русск. Архивѣ 1867 г., ст. 98—99; 145) Письма къ генераль-поручику Щербинину, въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ 1861 г., № 1, стр. 173—181; 146) Два письма на имя уфимскихъ памѣстниковъ, Якобія и барона Игельштрома, въ Русск. Архивѣ 1867 г., ст. 512; 147) Тринадцать писемъ къ оберъ-прокурорамъ святѣйшаго синода, въ Русск. Архивѣ 1870 г., ст. 744; 148) Письма къ разнымъ лицамъ, въ Русск. Архивѣ 1866 г., ст. 55 и въ Чтен. Моск. Общ. и Др. Россійскихъ 1863 г., № 3, стр. 158—184; 149) Письмо къ гр. Штакель-

бергу и къ принцу де-Линь, въ Вѣстн. Европы 1806 г., ч. 8, № 8, стр. 305—315; 150) Переписка съ Гриммомъ, въ Сборн. Русск. Истор. Общества, т. XXIII; выдержки въ русскомъ переводѣ, Русск. Архивъ 1878 г., № 9 и 10; Обзоръ этой двадцатилѣтней переписки см. въ книгѣ Я. К. Грота: „Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ“. С.-Пб. 1884; 151) Письма къ госпожѣ Жоффренъ, 1763—1768 г., въ Сборн. Русск. Истор. Общества т. I, X и XIII; 152) Joseph II und Catharina von Russland. Ihr Briefwechsel herausgegeben von Alfred Arneth. Wien. 1869, 8°.

153) Переписка съ королемъ Станиславомъ Августомъ: Stanislaw August Poniatowskiego i jego korespondencje z Cesarzową Katarzyną II. Poznań. 1862, 8°; 154) Correspondance originelle et tres intéressante de l'Impératrice Catharina II avec le chevalier de Zimmermann; publiée par H. M. Marcard. Brême et Aurich. 1808, 8°.

а) Н. Е. Marcard: Zimmermann's Verhältnisse mit der Kaiserinn Catharina II und mit den Herrn Weikard. Nebst einer Anzahl Original-Briefe der Kaiserinn. Bremen. 1803, 8°; б) то же, подъ заглавіемъ: Beiträge zur Lebensgeschichte und Charakteristik der Kaiserinn Catharina II. Bremen und Aurich. 1808, 8°; въ русскомъ переводѣ: Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II съ докторомъ Циммерманомъ, съ 1786 по 1792 г., переводъ съ французскаго Ивана Степанова. С.-Пб. 1803, 8°. Два письма ея 1789 и 1791 г. къ Циммерману, въ Вѣстн. Европы 1803 г., ч. 10, № 14, стр. 142. См. очеркъ А. Г. Вриквера: „Екатерина II въ перепискѣ съ докторомъ Циммерманомъ 1784—1791 гг.“ (Русск. Старина 1887 г., т. LIV).

155) Переписка съ Вольтеромъ: Recueil de lettres de m-r de Voltaire et de l'Impératrice de Russie, s. I. (Paris). 1785, 8°. Другое изданіе, Lettres de l'Impératrice de Russie et de m-r Voltaire. Paris. 1821, 12°. Всѣ они вошли въ образцовое изданіе сочиненій Вольтера — Beuchot; кромѣ того, въ неполномъ видѣ, во всѣхъ другихъ изданіяхъ Вольтера. Нѣмецкій переводъ: Correspondenz der Kaiserinn Katharina II von Russland mit Voltaire'n. Berlin. 1791, 8°. Итальянскій переводъ: Corrispondenza di lettere tra Catharina II-e e signore de Voltaire. Aggluntavi una lettera di Catherina II a s. s. Pio VI ed in oltre il Saggio sopra la Legislazione, oppure l'Istruzione per formare un nuovo Codice di Leggi. Lugano. 1799, 8°. Русскіе переводы: а) Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ, переводъ Подлясъцаго и М. Антоновскаго. С.-Пб. 1802, 2 ч., 8°; б) Философическая и политическая переписка Екатерины II съ г. Вольтеромъ, съ 1763 по 1778. С.-Пб. 1803, 2 ч., 8°, съ портретомъ императрицы; в) Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ, переводъ съ французскаго П. Фабіана. М. 1803, 8°; г) Письмо Воль-

тера къ императрицѣ Екатеринѣ II 1774 г. (сообщ. К. К. Злобинъ), въ Сборн. Русск. Истор. Общества, т. 1, стр. 291—293. 156) Переписка Екатерины II съ разными особами. С.-Пб. 1807, 8°¹⁾; 157) Екатерина II и Даламбергъ. Новооткрытая переписка Даламбера съ Екатериной и другими лицами. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. Ф. Кобеко (Истор. Вѣстникъ 1884 г., т. XVI).

Дополнительные материалы для изученія литературной дѣятельности Екатерины II.

1) Письма къ ней кв. Дашковой, въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1862 г., № 1, стр. 171; 2) Письмо О. Новаковича, славяно-сербскаго типографа къ имп. Екатеринѣ II, въ Библиогр. Запискахъ 1859 г., № 11, стр. 339—340; 3) Посланіе ей Новикова, въ Живописцѣ 1772 г., ч. 1, стр. 41; 4) Письмо митроп. Платона къ императрицѣ Екатеринѣ II, о вопросныхъ пунктахъ, предложенныхъ Новикову, въ Лѣтоп. Русск. Литер. и Древностей, т. 1, кн. 1, отд. 3, стр. 23—28; 5) Письмо къ ней князя Потемкина (объ успленіи занятій греческимъ языкомъ въ семинаріяхъ), въ Библиогр. Запискахъ 1861 г., № 12; 6) Письма къ ней Сумарокова, въ Лѣтоп. Русск. Лит. и Др., т. 3, стр. 59—80; 7) Письмо къ ней Сумарокова, въ Р. Бесѣдѣ 1860 г., кн. 2; 8) Письма И. И. Шувалова къ имп. Екатеринѣ II, въ Библ. Запискахъ 1861 г., № 12; 9) Письмо И. И. Шувалова, въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 65—97; 10) Императрица Екатерина II, въ перепискѣ съ иностранцами, ст. Альфреда Рамбо, въ Р. Арх. 1877 г., кн. 2, стр. 269, 403 и 424; 11) *Erzählungen und Gespräche von J. K. M. d. K. a. R. Berlin und Stettin. 1783*; 12) E. C. Müller: *Catharina II. Dargestellt in Ihren Werken, zur Beherzigung der Völker Europas. Vom Verfasser der Oekonomisch-politischen Hefte für den Norden. Berlin. 1794, 8°*; 13) *Monument Littéraire, consacré aux mains de l'auguste Catherine II*; s. I. 1798; 14) Masson. *Mémoires secrets. Paris. 1802, vol. 1, стр. 92—104 и 122*; 15) Черты Екатерины II, соч. Павла Сумарокова. С.-Пб. 1819; перепеч. въ Р. Архивѣ 1870; 16) *Дамск. Журналъ 1827 г., ч. 17, стр. 32; 1830 г., ч. 2, стр. 17 и 1830 г., ч. 31, стр. 193*; 17) Имп. Екатерина II, русская писательница, статья „Отставнаго кадета“, въ Д. Журналѣ 1833 г., ч. 41, № 1, стр. 1—9; № 2, стр. 17—24; № 3, стр. 33—38; № 11, стр. 161—166; 18) *Живоп. Обзорѣіе, т. VIII, стр. 173, 194, 242*; 19) *Смысл Отечества 1836 г., ч. 175, № 2*; 20) *Живоп. Энциклопедія. М. 1847, т. 1, стр. 214*; 21) *Очерки Н. Полеваго. С.-Пб. 1839, т. 1, стр. 53—56*; 22) *Соч. Бѣлинскаго, I, 43—46; IV, 434—435; VII, 128—129 гг.*; 23) *Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII столѣтіи, статьи Вл. Стоюнина, Русск. Педаг. Вѣстникъ 1857 г., №№ 7 и 8; 1858 г., № 1*; 24) *Дудышкинъ, въ статьѣ о фонѣ-Визинѣ, Отеч. Записки 1847 г., № 8; перепеч. въ изданіи Перевлѣскаго; „Избр. сочиненія фонѣ-Визина“. С.-Пб. 1858*; 25) *Статьи о ней, въ Arsène Houssaye: Les étoiles du monde. Paris, 1858*; 26) *Письмо В. С. Попова къ императору Александру, Русск. Архивъ 1864 г., ст. 447*; 27) *А. Н. Аевасевъ: Русскіе сатирическіе журналы, 1769—1774 гг., М. 1859*; 28) *Добролюбовъ. Русская*

¹⁾ Изъ многочисленной переписки Екатерины II, мы отиѣчили тутъ лишь тѣ собранія или отдѣльно напечатанныя письма, которыя имѣютъ литературное значеніе, или которыя рѣзко характеризованы екатерининскимъ слоюзомъ.

сатира въ вѣкъ Екатерины, въ Современникѣ 1859 г., № 10, стр. 267—356; перепечатано въ Сочиненіяхъ Добролюбова, 1862 г., т. 1, стр. 104—196; 29) Литературныя отношенія къ М. И. Веревкину, въ ст. М. П. (олуденскаго), въ Р. Бесѣдѣ 1860 г., № 1, стр. 1—21; 30) Энциклопед. Словарь, сост. русск. учен. и литераторами, т. V; 31) Екатерина II, какъ писательница, въ Воскресн. Досугѣ 1863 г., №№ 37, 38 и 41; 32) Екатерина II—образовательница подданныхъ, П. Н. Петрова, въ Сѣверн. Сіяніи 1864 г., № 4; 33) Екатерина и Эйлера, П. Пекарскаго, въ Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. 6, кн. 1, стр. 59—62; 34) Екатерина Великая и Радищевъ (по поводу обнаруженія новыхъ документовъ о Радищевѣ), М. Лонгинова, въ газетѣ Вѣсть 1865 г., № 28; 35) Екатерина II, и Радищевъ, въ газетѣ Голосъ 1865 г., № 317; 36) Сердце и законы Екатерины Великой, Самодержицы Всероссийской, почерпнутые изъ ея частныхъ преченій, писавій и законодательства, Михаиломъ Антоновскимъ. С.-Пб. 1804 г.; 37) Екатерина II—законодательница, статья Ф. И. Шубина, въ Иллюстраціи 1862 г., № 226; 38) Екатерина II—законодательница, П. Н. Петрова, въ Сѣверн. Сіяніи 1863 г., № 12; 39) Нравственные идеалы Екатерины II, въ Р. Архивѣ 1863 г., № 12; 40) Духъ Екатерины II, въ Р. Архивѣ 1865 г., ст. 1278; 41) Ученая степень Екатерины II, М. Шугурова, въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1262—1263; 42) Русское вольвоудство при Екатеринѣ II и эпоха реакціи, Ф. Ал. Терновскаго, въ Трудахъ Киевск. Дух. Академіи 1868 г., № 3 и № 7; 43) Домашн. Бесѣда 1868 г., № 35—45; 44) Mémoires de Jaque Casanova, de Seingalt. Bruxelles. 1868, t. 6 и въ Р. Старинѣ 1873 г., т. IX; 45) В. Я. Стоюнинъ: Еще о Княгининѣ и о его трагедіи: „Вадимъ“, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1860 г., № 10; 46) Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II, М. Ф. Шугурова, въ Осмьнадцатомъ Вѣкѣ, кн. 1; 47) Екатерина II, какъ писательница, ст. П. Щебальскаго, въ Зарѣ 1869 г., № 2, 3, 5, 8 и 9; 1870 г., № 3; 48) Голосъ 1869 г., № 207, библиограф. замѣтка о ст. Щебальскаго и объ Антидогѣ, сочин. Екатерины II; 49) Сѣверная Пчела 1869 г., № 59 (по поводу ст. Щебальскаго); 50) Сынъ Отечества 1869 г., № 163, ст. А. X. о статьяхъ П. Щебальскаго: Екатерина какъ писательница; 51) Мордовцевъ: Русскія женщины второй половины XVIII в. С.-Пб. 1875; 52) Екатерина II, стихи М. А. Дмитриева, въ Р. Архивѣ 1866 г., ст. 52; 53) Ода Хераскова (1787 г.), Современникъ 1857 г., № 11, Библиогр. Записки Лонгинова; 54) Baudouin: Le triomphe de l'éloquence dans les facultés des arts, discours prononcé à l'occasion de l'avènement au trône, de S. M. J. Catherine II. Moscou. 1779, 4°; 55) Ph. Er. Hane: Die zehnjährige Glückseligkeit der Cimbrischen Musen, bei der zeithero geführten Vormundschaft J. K. M., Catharine II. Kiel und Hamburg (1773); 56) Musée de l'Ermitage Imperial, Notice sur la formation ce musée et description des diverses collections, qu'il renferme, avec une introduction historique sur l'Ermitage de Catherine II. S.-Pbg. 1863; 57) Слово о полку Игоревѣ, по списку, найденному между бумагами имп. Екатерины II, П. Пекарскаго, въ Записк. Имп. Акад. Наукъ, т. 5, кн. 1, стр. 1—43 (есть оттиски); 58) То же, изд. А. Ф. Вельмана. М. 1866; 59) А. И. Незеленовъ. Н. И. Новиковъ. издатель журналовъ 1769—1785 гг. С.-Пб. 1875; 60) Д. Ф. Кобеко. Екатерина II и Ж. Ж. Руссо (Истор. Вѣстникъ 1883 г., т. XII); 61) Екатерина II и Дидро. Исследование по вновь изданнымъ матеріаламъ (Р. Старина 1884 г., т. XLII); 62) Дѣякомо Казанова и Екатерина II, по неизданнымъ документамъ. Статья

Шарля Генри (Истор. Вѣстникъ 1885 г., т. XXI); 63) Е. С. Шумагорскій. Очерки изъ русской исторіи. I. Императрица—публицистъ. С.-Пб. 1887.

Екатерининская институтна.—Рецензія на повѣсть А. Погорѣльскаго: Монастырка, въ Галатеѣ 1830 г., ч. 16, стр. 260—365.

Елагина, Авдотья Петровна, рожд. Юшкова (дочь Петра Николаевича Юшкова и Варвары Аванасьевны, рожд. Буниной, † 1794); род. 11-го января 1789 г., въ селѣ Петрицевѣ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ., † 1-го іюня 1877 г., въ Дерптѣ; въ 1-мъ бракѣ (съ 1804 г.), за В. И. Кирѣевскимъ (отцомъ извѣстныхъ славянофиловъ), † 1812 г.; во 2-мъ бракѣ (съ 1817 г.), за Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ († 21-го марта 1846 г.); сестра Анны Петровны Зонтагъ; племянница Жуковскаго.—1) Донъ-Кихоть, Флоріана переводъ (по заказу Жуковскаго), въ рукописи. 2) Повѣсть рыцарская, переводъ изъ Sagen der Vorzeit, Фейтъ-Вебера, въ Европейцѣ (1832 г.), И. В. Кирѣевскаго. 3) Отрывки изъ мемуаровъ Стефенса, въ Москвитинѣ 1845 г. 4) О Троянской войнѣ, статья въ Новой Библ. для воспитанія, П. Г. Рѣдкина. (М. 1847, кн. VII). 5) Левана, или о воспитаніи, Ж. П. Рихтера, въ рукописи. 6) Жизнь Гусса, Боншоца, въ 2 т., то же. 7) Тысяча и одна ночь, то же. 8) Принцесса Брамбилла, Гофмана, то же. 9) Переводъ нѣкоторыхъ изъ проповѣдей Винэ (Vinet), то же. 10) Переводъ одной изъ проповѣдей ревальскаго проповѣдника Гуна, то же. 11) Письма къ А. Н. Попову 1842—1855 гг. (Р. Архивъ 1886 г., кн. I, стр. 334—351).

1) К. К. Зейдлицъ. Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. С.-Пб. 1883; 2) П. Загаринъ. В. А. Жуковскій и его произведенія. М. 1883; 3) биографическая о ней статья К. Д. Кавелина, въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1877 г., № 68 и 69; 4) стихотворенія ей Лымова: а) Стихотворенія. С.-Пб. 1858 II, 244; б) въ газетѣ Парусъ 1859 г., № 1; 5) Авдотья Петровна Елагина, биографич. очеркъ, въ Русск. Архивѣ 1877 г., кн. 2; 6) Стихотвореніе ей И. С. Аксакова, *ibid.* 1877 г., кн. 2, стр. 496; 7) Толычева: Разказы и анекдоты, въ Русск. Архивѣ 1877 г., № 7, стр. 361—368; 8) письмо къ ней Гоголя, Сочин. и письма его. С.-Пб. 1857, т. V, 406.

Елисавета Петровна, императрица Всероссійская, род. 18-го декабря 1709 г., въ Москвѣ; объявлена царевною 6-го марта 1711 г. и цесаревною 23-го декабря 1721 г.; вступила на престолъ 25-го ноября 1741 г., короновалась 25-го апрѣля 1742 г., † въ С.-Петербургѣ, 25-го декабря 1761 г.; погребена 5-го февраля 1762 г. въ Петропавловскомъ соборѣ.—1) Элегія (посвященная памяти Алексѣя Никифоровича Шубина), около 1735—1740 годовъ:

Всякій разсуждаетъ, какъ въ свѣтѣ бѣ жить, и т. д.

напечатана: а) Бантышъ-Каменскій: Словарь достопамятныхъ людей,

т. 2; б) П. И. Мельниковъ: Княжна Тараканова и принцесса Владимірская. М. 1868, стр. 11; в) Мордовцевъ: Русскія женщины второй половины XVIII в. С.-Пб. 1874; г) Въ отчетѣ Импер. Публ. Библиотеки за 1870 г., стр. 159 — 160, съ хранящагося въ Библиотекѣ автографа Елисаветы, и полнѣе, чѣмъ въ другихъ изданіяхъ; 2) Народная пѣсня (сочин. до 1740 г.):

„Во селѣ—селѣ Покровскомъ,
„Среди улицъ большой“, и т. д.

(сюжетъ ея — предполагавшійся бракъ царицы съ принцемъ Людовикомъ, братомъ принца Антопа Браунгшвейгскаго, супруга Анны Леопольдовны). Напечатана во всѣхъ почти русскихъ „Пѣсенникахъ“ и кромѣ того, включена актрисою Е. Урваповою (Сандуновою) въ оперу Екатерины II: „Одулъ съ дѣтми“, игранную на Эрмитажномъ театрѣ 11-го февраля 1796 года. Первый, болѣе ясный намекъ на автора сдѣланъ только въ 1820-хъ годахъ, въ пѣсенникахъ изданія М. Маклакова („Орловскій“, „Туалетный“, „Полный Пѣсенникъ для особъ обоюго пола“); в) у Безсонова, Восемнадцатый Вѣкъ въ русск. истор. пѣсняхъ. М. 1872, стр. 204—209, съ подробными комментаріями; 3) Начало акростиха (около 1742 г.), въ Архивѣ князя Воронцова, кн. I, стр. 9—10: „Сія удивлейна“... (съ fac-simile); 4) Пѣсня (пасторальная):

„Чистый источникъ, ты цвѣтовъ краснѣйшій,
„И мнѣ пріятнѣе всѣхъ розъ“, и т. д.

сочинена до 1740 года. Напечатана: а) въ разныхъ пѣсенникахъ конца прошлаго вѣка (напримѣръ, въ Новомъ рос. пѣсенникѣ, изд. Шноромъ. С.-Пб. 1791, ч. 2, стр. 59—60); б) Чтенія въ Бесѣдѣ Любител. Русск. Слова. С.-Пб. 1815, т. XIV, стр. 24, 29 — 30, по тексту, сообщенному Державиннымъ, въ его: „Разсужденіи о лирической поэзии“ (см. Соч., т. VII, стр. 610 — 611); в) Восемнадцатый Вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ послѣ Петра Великаго, стр. 197—199, въ двухъ редакціяхъ и съ комментаріями.

Елистратова, С. А.—Неугомонная, повѣсть, Современникъ 1865 г., № 5.

Е—ва.—По поводу нашихъ браковъ, Библ. для Чтенія 1862 г., № 9.

Емельянова, А.—Любовь не шутка, или Марія Моръ, драма въ 4-хъ дѣйств., разрѣшенная для сцены, съ исключеніями (Указат. по дѣл. печати 1873 г., стр. 58).

Ермолинская, А. П.—Мѣщанинъ въ дворянствѣ, ком. въ 5 дѣйств., Мольера, переводъ съ французскаго. Въ 1873 году, разрѣшена безусловно для постановки на сценѣ (Указат. по дѣл. печати 1874 г., Зстр. 5).

Ермолова, писала подъ псевдонимомъ Тригорскій (псевдонимъ указанъ въ Древ. и Нов. Россіи 1877 г., № 10, стр. 160). Ей принадлежить повѣсть: „Въ свѣтъ и дома“, въ Русск. Вѣстникѣ 1856 г., т. I, стр. 449, 623 и т. II, стр. 79.

Ефименно, Александра Яковлевна.—1) Сотрудница журналовъ: Знаніе, Дѣтское Чтеніе, Дѣло; 2) Народно-юридическія воззрѣнія на бракъ, въ Знаніи 1874 г., № 1.

Разборъ см. въ Отеч. Запискахъ 1874 г., № 4.

3) Участвовала въ „Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи“. С.-Пб. 1873—1875.; 4) Словарь архангельскихъ провинціализмовъ, въ Трудахъ Этнограф. Отд. Общ. любит. естествознанія, антропологии и этнографіи. М. 1876, кн. V, вып. 2; 5) Народные юридическіе обычаи Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ Архангельской губерніи. С.-Пб. 1877; 6) Исслѣдованія народной жизни. Выпускъ I. Обычное право. Изд. В. И. Касперова. М. 1884.

О ней: Дополн. къ Наст. Словарю Тома (В. П. Волевса). С.-Пб. 1875, стр. 376.

Ж., М. — Кабинетъ магика или 60 опытовъ натуральной магіи, занимательныхъ и легкихъ въ исполненіи, съ объяснительными чертежами; посвящается удовольствіямъ юности. С.-Пб. 1855, 32°.

Рец. въ Москвитинѣ 1856 г., т. 1, стр. 98.

Жадовская, Аграфена Ивановна, дочь Симбирскаго масона Ивана Васильевича Жадовскаго. Будучи хорошо образована, по натурѣ своей пылкая и восторженная, обладала большимъ сцепическимъ талантомъ и занималась литературой. По свидѣтельству И. А. Второва, она перевела съ французскаго драму „Англійскій купецъ Вотъ“, которая и была представлена на домашнемъ театрѣ въ Симбирскѣ въ февралѣ 1804 г. (М. Ѳ. Де-Пуле. Отецъ и сынъ, въ Р. Вѣстникѣ 1875 г., № 5, стр. 183). Подъ старость Жадовская достигла такого христіанскаго смиренія, что, вмѣстѣ съ гр. А. А. Орловой-Чесменской, сдѣлалась послушницей извѣстнаго монаха Фотія (Н. В. Сушковъ. Выдержки изъ записокъ. М. 1868, стр. 28).

Жадовская, Елизавета А. — 1) Басни и стихотворенія. М. 1857, 8°; 2) Потерянный рай, поэма І. Мильтона, съ приобщеніемъ Возвращеннаго рая. Переводъ съ прозы, въ 2 отд. и 5 пѣсняхъ, въ стихахъ. Часть I. М. 1859, 8°.

Рец. Современникъ 1859 г., № 12; перепеч. въ Сочин. Добролюбова, т. III.

3) Двѣ легенды, въ стихахъ. Отшельникъ и искуситель. М. 1860 12°; 4) Первообразъ смерти или братоубійца, поэма въ стихахъ, переложено съ прозы. М. 1859, 12°.

Жадовская, Юлія Валеріановна, дочь статскаго совѣтника, род. 29-го іюня 1825 г., въ Любимскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. (съ 1863 г. въ супружествѣ за докторомъ Северъ), племянница писательницы Анны Ивановны Готовцовой, † въ іюлѣ 1883 г., въ селѣ Толстяковѣ, Буйскаго уѣзда, Костромской губерніи.— 1) Письмо изъ Ярославля о посѣщеніи государя императора, въ Москвитянинѣ 1841 г., ч. IV, № 7, стр. 246; 2) Проводы масляницы въ Буйскомъ и Солигалицкомъ уѣздахъ (ibid., 1843 г., ч. II); 3) „Два стихотворенія“ (ibid., ч. VI); 4) Водяной, стих. (ibid., 1844 г., ч. III); 5) Стихотворенія. М. 1846, 8°.

Рец. въ Современникѣ, Отеч. Запискахъ, Вибл. для чтенія, Иллюстраціи и Финскомъ Вѣстникѣ.

6) Четыре стихотворенія (Взглядъ, Я вновь полна чудесныхъ звуковъ, Облака, Возрожденіе), въ Московск. Литер. и Учен. Сборникѣ 1847 г.; 7) Ошибка, стихотв., въ Моск. Городск. Листкѣ 1847 г., стр. 34; 8) Христось Воскресе и Молитва (Не за себя), ibid., стр. 261; 9) Записки Мины, ibid., стр. 430; 10) Стихотворенія, въ Вибл. для Чтенія 1847 г., т. 81; 11) Никто не виноватъ, стих. (Москвитянинъ 1848 г., ч. II); 12) Посѣщеніе, разсказъ (ibid., ч. III); 13) Вечернія думы, стих. (ibid., ч. V); 14) Дума, стих. (ibid., ч. VI); 15) Когда я грущу, стих. (ibid.); 16) Ни тьма, ни свѣтъ, повѣсть (ibid.); 17) Необходимое притворство, стих. (ibid., 1849 г., ч. I); 18) Вечерь, стих. (ibid.); 19) Переписка, повѣсть (ibid., ч. II); 20) У портрета, стих. (ibid., ч. III); 21) Пробужденіе сердца (ibid.); 22) Непринятая жертва, повѣсть (ibid., ч. VI); 23) Письмо къ Ю. Н. Бартепеву (ibid., ч. III); 24) Стихотворенія, въ Ярославскомъ Литературномъ Сборникѣ 1850 г.; 25) Сила прошедшаго, повѣсть (Москвитянинъ 1851 г., кн. VI) и отдѣльно; 26) Ты меня позабудешь не скоро, стих. въ Раутѣ 1851 г.; 27) Чары вечера, тамъ же; 28) Нѣтъ, полно, брось перо, стих. (Москвитянинъ 1852 г., ч. I); 29) Отсутствующему другу, стих. (ibid., ч. IV); 30) Первая любовь, эпизодъ изъ неоконченнаго романа (ibid., 1853 г., ч. III); 31) Кто мнѣ родня, стих. (ibid., ч. VI); 32) Страсти истинной, глубокой, стих. (ibid.); 33) Полночная молитва, стих. (ibid., 1854 г., ч. VI); 34) Раннимъ утромъ, стих. (ibid.); 35) Одиночество, въ Раутѣ 1854 г.; 36) Небо голубое, тамъ же; 37) Ель, тамъ же; 38) Прошедшій годъ, стих. (Москвитянинъ 1855 г., ч. III); 39) Въ створѣхъ отъ большаго свѣта, романъ, въ Русск. Вѣстникѣ 1857 г., №№ 5—8 и отдѣльно. М. 1857, 8°. Изд. 2-е М. 1887, 8°;

40) Повѣсти. С.-Пб. 1858, 16°. Онѣ вошли въ составъ „Библіотеки для дачъ, пароходовъ, и жел. дорогъ“, серія 2, книга 9; 41) Стихотворенія; изд. 2-е. С.-Пб. 1858.

Рец. а) Современникъ 1858 г., т. 69, № 6, отд. 2; б) Разсвѣтъ 1859 г., № 1; в) Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1859 г., № 6., ст. А. Пятковского; г) Моск. Обзорѣніе 1859 г., № 1, отд. 3; д) Библ. для Чтенія 1858 г., т. 14⁰ (ст. Вейберга); е) Журн. для дѣтей 1859 г. и 1862 г., № 2; ж) Соч. Вѣлислава, VI, 46; з) Соч. Добролюбова, II.

42) Изъ Гейпе, въ Сынѣ Отечества 1858 г., стр. 1333; 43) Стихотворенія, въ 3 и 6 томахъ Сборника въ память А. Ф. Смирдина. С.-Пб. 1858; 44) Фей весны, стих., въ Русск. Словѣ 1859 г., апрѣль, (последнее ея стихотвореніе); 45) Женская исторія, романъ, въ журналь Время 1861 г., №№ 2, 3, 4 и отдѣльно: С.-Пб. 1861.

Рец. въ Книжн. Вѣстникѣ 1861 г., № 10.

46) Отсталая, повѣсть, тамъ же, 1861 г., № 12.

Рец. Отеч. Записки 1862 г., № 5.

47) Стихотворенія, въ Иллюстраціи 1850-хъ годовъ; 48) Полное собраніе сочиненій, посмертное изданіе П. В. Жадовскаго, три тома. С.-Пб. 1885, 8°. См. „Пѣсни о женской неволѣ“, критическая статья А. Скабичевскаго (Вѣстн. Европы 1886 г., № 1); 49) Сочиненія, стихотворенія и переписки, посмертное изданіе, въ одномъ томѣ. С.-Пб. 1886, 8°.

О ней: а) Древняя и Новая Россія 1877 г., № 9, стр. 71 — 74, биогр. и литерат. очеркъ П. В. Быкова; б) Толль, Справочный Словарь, 2, 151; в) Хрестоматія для всѣхъ Н. Гербеля. С.-Пб. 1873, стр. 577 — 580; г) Соч. Вѣлинскаго, XI, 46 — 47; д) Стихотв. М. П. Розенгейма. С.-Пб. 1858, стр. 140; е) Истор. Вѣстникъ 1883 г., т. XIV, стр. 463; ж) Д. Д. Лыковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. С.-Пб. 1886; з) То же, выпускъ IV. С.-Пб. 1888; и) Н. П. Федорова. Воспоминаніе объ Ю. В. Жадовской (Истор. Вѣстникъ 1887 г., т. XXX, стр. 394—407); і) При посылкѣ стихотвореній Ю. Жадовской, стих. И. С. Аксакова (И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, ч. I. М. 1888, приложеніе, стр. 89).

Жандръ, Александра Васильевна, † 29-го апрѣля 1883 г., въ Москвѣ. — 1) Корреспонденціи изъ Вѣли, въ Моск. Вѣдомостяхъ; 2) Калейдоскопъ — обзоръ современныхъ общественныхъ явленій, также въ Моск. Вѣдомостяхъ.

О ней: а) Моск. Вѣдомости 1883 г., № 118; б) Д. Д. Лыковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. III. С.-Пб. 1886.

Ж—ва, Марья. — О пользѣ подсолнечниковъ для пчелъ, въ журналь Сельское Хозяйство 1861 г., № 2.

Желховская, Вѣра Петровна, дочь П. А. и Е. А. Ганъ. — 1) За приключеніями. Разсказъ, посвященный Кавказскимъ дѣтямъ.

- Тифлисъ. 1878, 8°; 2) [Варивъ. Отрывокъ изъ повѣсти „Тамара“. Тифлисъ. 1879, 16°; 3) Мамедъ-Селимъ, разсказъ. Тифлисъ. 1879, 16°; 4) Ночь наканунѣ Троицына дня. Тифлисъ. 1879, 16°; 5) По закону Моисееву. Тифлисъ. 1879, 8°; 6) У вѣчныхъ огней. Тифлисъ. 1879, 8°; 7) На Черномъ морѣ, разсказъ (Русск. Вѣстникъ 1880 г., № 7); 8) Наши доморощенные герои. Сцена съ натуры. Тифлисъ. 1880, 8°; 9) Наши шапочныя знакомства. Изъ галлерей современныхъ портретовъ. Тифлисъ. 1880, 16°; 10) Изъ тьмы къ свѣту. С.-Пб. 1882, 8°; 11) Кто преступница. Драматическая быль въ 3 дѣйств. Одесса. 1883, 8°; 12) Было, прошло и быльемъ поросло. Романъ на старинъ ладъ. Одесса. 1885, 8°; 13) Кавказъ и Закавказье. С.-Пб. 1885, 8°; 14) Наши войны православныя. С.-Пб. 1885, 8°; 15) Необъяснимое или необъясненное. Изъ личныхъ и семейныхъ воспоминаній. Изд. редакціи журнала Ребусъ. С.-Пб. 1885, 8°; 16) Письмо въ редакцію журнала Истор. Вѣстникъ (Истор. Вѣстникъ 1886 г., т. XXVI, стр. 462 — 464); 17) Гордѣй-лѣсовикъ. С.-Пб. 1886, 8°; 18) Назвался груздемъ, пользай въ кузовъ, комедія въ 4-хъ дѣйств. С.-Пб. 1886, 8° (удостоена преміи Вучины); 19) Царь и козакъ. Изд. редакціи журнала Досугъ и Дѣло. С.-Пб. 1886, 8°; 20) На сорной почвѣ, комедія въ 5 дѣйств. С.-Пб. 1887, 8°; 21) Забытые герои, 4 выпуска. Изд. редакціи журнала Досугъ и Дѣло. С.-Пб. 1888, 8°; 22) Сидорычъ Безъимянный. С.-Пб. 1888, 8°.

Жилина, К. — Сцены природы въ Сѣверной Америкѣ, Олюбова; пер. съ франц., съ карт. и рис. М. 1868.

Рец. Вѣств. Европы 1869 г., № 4.

Жительница Выборгской стороны. — Подивись встрѣчающаяся часто въ Сынѣ Отечества 1840 и 1850-хъ годовъ.

Ж—и—ва, М. (Жукова?) — К. Н — ву, стихотв., Отеч. Записки 1839 г., № 11.

Жохова, воспитанница женскаго Патриотическаго института. — Раскажаніе грѣшника. Отрывокъ приводится въ Благонамѣренномъ 1822 г., ч. 17, стр. 358.

Жукова, Анна Сергѣевна, рожд. Бутурлина, супруга поэта Вас. Мих. Жукова, сестра писательницы Ел. Серг. Неѣловой. — 1) Чувство матери, стихотв., въ Иппокренѣ 1799 г., ч. 2, стр. 28; 2) Зимнія явленія, стих., *ibid.*, стр. 29; 3) Чувства о Творцѣ, стих., *ibid.*, стр. 31 (перепеч. въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, № 25); 4) Супругу моему, съ которымъ я въ разлукѣ, *ibid.*, ч. 4, стр. 264; 5) Кто счастливо желаетъ, стих., *ibid.*, стр. 266.

О ней: а) Дамск. Журналь 1830 г., ч. 30, № 25; б) Русск. Вѣстникъ 1878 г., кв. 7, стр. 190.

Жукова, Марья Семеновна, родилась въ 1804 г., † 14-го апрѣля 1855 г., въ Саратовѣ. — 1) Вечера на Карповкѣ. С.-Пб. 1837 — 1838, 16°, 2 части, съ посвященіемъ княгинѣ Софіи Алексѣевнѣ Голицыной, рожд. Корсаковой; изд. 2-е С.-Пб. 1838, 12°.

Рец. а) Библ. для Чтенія 1837 г., т. 21, отд. 6 и 1838 г., т. 29, отд. 6; б) Сынъ Отечества 1838 г., т. 4, отд. 4; в) Литер. приб. къ Русск. Инвалиду 1837 г., № 19 и 1838 г., № 21; г) Сѣв. Пчела 1837 г., № 121 и 1838 г., № 94 и 181.

2) Мои курскіе знакомцы, въ Библ. для чтенія 1838 г., т. XXVII, отд. 1; 3) Падающая звѣзда, повѣсть, въ Отеч. Запискахъ 1839 г., № 9; 4) Повѣсти. С.-Пб. 1840, 8°, 2 части; 2-е изданіе. С.-Пб. 1841, 8°, подъ заглавіемъ „Русскія повѣсти“.

Рец. а) Литер. Газета 1840 г., № 28 и 1841 г., № 112.

б) Черный демонъ, преданіе, въ Утренней Зарѣ 1840 г.

Рец. Библ. для чтенія 1840 г., т. 38, отд. 6.

6) Ошибка, повѣсть, въ Библ. для Чтенія 1841 г., т. 48, отд. 1;

7) Картезианскій монастырь, въ Утренней Зарѣ 1842 г.

Рец. въ Опытѣ библиографич. обзорнія русск. литературы, Л. Вранца С.-Пб. 1842, стр. 39.

8) Лавдыши, разсказъ старушки, въ альманахѣ Русск. Весѣда (1841 г.), т. I; 9) Двѣ сестры, повѣсть, Отеч. Записки 1843 г., т. 30; 10) Миссіонеръ, повѣсть, въ Молодикѣ 1844 г.; 11) Набѣгъ въ степи, *ibid*; 12) Разсказы о южной Франціи, Отеч. Записки 1844 г., т. 36, отд. 1; 13) Очерки южной Франціи и Ниццы, изъ дорожныхъ замѣтокъ. 1840 и 1842 гг. С.-Пб. 1844, 2 части.

Рец. а) Литерат. Газета 1844 г., № 46. б) Манкъ 1844 г., т. 18, кв. 36. в) Отеч. Записки 1844 г., т. 37, № 12, отд. 6. г) Библ. для чтенія 1845 г., т. 68, отд. 6. д) Москвитянинъ 1845 г., № 1, ч. 1. е) Современникъ 1845 г., т. 37; ж) Финскій Вѣстникъ 1845 г., т. 1, отд. 5; з) Русск. Инвалидъ 1844 г., № 253; и) Финскій Вѣстникъ 1845 г., т. I.

14) Дача на Петергофской дорогѣ, Отеч. Записки 1845 г., т. 39;

15) Эпизодъ изъ жизни деревенской дамы, Отеч. Записки 1847 г., т. 52; 16) Наденька, повѣсть, въ Современникѣ 1853 г., т. 40; 17) Двѣ свадьбы, ромашъ, Отеч. Записки 1857 г., т. 112 и 113.

О ней: а) Соч. Евлинскаго, IV, 49, 60 и VII, 164; б) ея некрологи, въ Отеч. Запискахъ 1855 г., т. С, отд. V, стр. 57 и въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1855 г., № 94; в) Сѣв. Пчела 1855 г., № 95 и 99; г) Толль. Справочный Словарь, 2, 174; д) Дополненіе къ нему, 1, 396; е) Ф. Толль: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862.

Заборовская, Елизавета. — Зависть, статья, въ Дамскомъ Вѣстникѣ 1826 г., № 1.

Заварзина, Марья Симоновна. См. Сарновская, М. С.

Завойно, Ю., супруга покойнаго адмирала. Воспоминанія о Камчаткѣ и Амурѣ (1864—1865), въ Русск. Вѣстникѣ 1876 г., июнь. Есть оттиски.

Заволожская, Юлія Игнатьевна, ур. Фарюковская, ординаторъ при проф. Эйхвальдѣ (1878).—1) Диссертация на ученую степень (1877); 2) О вліяніи заповровъ на содержаніе въ мочѣ нѣкоторыхъ составныхъ ея частей, Врачъ 1882 г., №№ 44—45.

Занна, Клеопатра, дочь тайнаго совѣтника. Въ 1875 году состояла редакторомъ журнала Аврора (Указат. по дѣл. печати 1875 г., стр. 313).

Заревская, Софья А.—1) Институтка, романъ въ письмахъ, въ Отеч. Запискахъ 1841 г., т. 19, № 12, отд. 3; 2) Ярмарка, повѣсть, *ibid.* 1843 г., т. 26, отд. 1; 3) Крепицы, романъ въ 2-хъ частяхъ, въ Финскомъ Вѣстникѣ 1847 г., т. XX, XXI.

О ней: Соч.Вѣлинскаго, VI, 98.

Заневская, Надежда Павловна; — 1) Помада полезная, когда кожа на рукахъ трескается, въ журналѣ Русская Хозяйка 1861 г., № 11; 2) Ратафія апельсиновая, *ibid.*; 3) Ратафія лимонная, *ibid.*; 4) Сохраненіе спаржи, *ibid.*; 5) Самый простой домашній способъ лакировать мебель, *ibid.*

Звѣрева, Александра. 1) Нѣмецкая азбука или руководство къ правильному чтенію. С.-Пб. 1847.

Реч. Отеч. Записки 1847 г., т. 50, отд. 6, стр. 119.

2) Нѣмецкая грамматика съ русскимъ переводомъ. С.-Пб. 1866, 8°.

Зейдеръ, Анна.—Имперская графиня Гизелія, соч. Е. Марлитта, въ Переводахъ лучш. иностр. писателей 1871 г., № 2 и отдѣльно: С.-Пб. 1872, 8°.

Зельницкая, Елизавета Григорьевна.—Исслѣдованіе древнихъ истор. мѣстъ или урочищъ, которыя должны находиться въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи, въ Отеч. Запискахъ 1826 г., ч. 2, № 75.

Зенаида Р—ва, псевдонимъ Е. А. Ганъ (см. это имя).

Зимарова, С. (псевдонимъ?); — 1) Разсказъ экономки, повѣсть, въ Отечеств. Запискахъ 1864 г., т. 153; 2) Будь хуже—было бы лучше, Ежегод. Новое Время 1879 г., т. 1, стр. 591; 3) Семейная скорбь, тамъ же, т. III, стр. 77; 4) На покой, очеркъ, тамъ же, т. IV, стр. 577, 641.

З—на, А.—Проншествіе, случившееся въ 1814 году, при осадѣ Парижа, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 31.

3—на, Софья.— Судьба, романъ въ 3-хъ частяхъ. С.-Пб. 1867, 12^о.
Рец. Разсвѣтъ 1862 г., № 3.

3—ва, М.—1) О висьмахъ, пер. съ франц., въ Дамск. Журналѣ 1829 г., ч. 25, № 5 и 6; 2) Подписка, *ibid.*, № 10; 3) Гастрономія. *ibid.*, № 11.

Зонтагъ, Анна Петровна, рожд. Юшкова, дочь крестной матери Жуковского, сестра Авдотьи Петровны Благиной и тетка П. В. и И. В. Кирѣевскихъ; почетный членъ Общества Любителей Россійской Словесности, съ 1858 года; род. 6-го іюля 1785 † 18-го марта 1864 г.—1) Дѣвица Березвица, сказка, перев. съ нѣмецкаго. Одесса 1830; 2) Влестящій червякъ, правоучительная повѣсть для дѣтей, пер. съ франц. М. 1834, 24^о; изд. 2-е. М. 1840, 16^о.

Рец. а) Библ. для Чтенія 1834 г., т. 6, отд. 6.

3) Повѣсти для дѣтей перваго и втораго возраста С.-Пб. 1828—1830, 12^о; 4) Повѣсти для дѣтей Анны Зонтагъ, издательницы „Повѣстей для дѣтей 1 и 2 возрастъ“, пер. съ франц. М. Г. и И. Г. М. 1835, 12^о; 2-е изд. С.-Пб. 1844, 12^о.

Рец. а) Библ. для Чтенія 1836 г., т. 14, отд. 6, в т. 7, отд. 6; б) Сѣвери. Пчела 1844 г., № 25 (часть этихъ повѣстей вошла въ книгу: Дѣтскій разсказникъ. М. 1836, 24^о).

5) Священная исторія для дѣтей, выбранная изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, 2 ч. С.-Пб. 1837, 12^о; 2 изд. М. 1841; 3 изд. С.-Пб. 1843, 16^о; 4-е изд. С.-Пб. 1845; 5-е изд. С.-Пб. 1849; 6-е изд. С.-Пб. 1853, 12^о; 7-е изд. М. 1860; 8-е изд. М. 1864; 9-е, изд. М. 1871, 12^о.

Рец. а) Толя: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862; б) Библ. для Чтенія, т. 23, отд. 6; в) Сѣв. Пчела 1837 г., № 177; г) Восьмое присуд. демиднаградъ. С.-Пб. 1839 г., (ст. прот. Кочетова); д) Литер. приб. къ Руск. Цивилѣ 1837 г., № 41; е) Москвитиниъ 1849 г., № 13; ж) Отеч. Записки 1845 г., т. 40, отд. VI; з) Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1839 г., ч. 24, отд. 3.

6) Восточная повѣсть, въ Одесскомъ альманахѣ на 1839 годъ.

Рец. Библ. для Чтенія 1839 г., т. 33, отд. 6.

7) Повѣсти и сказки для дѣтей, 3 тома. С.-Пб. 1832—1834, 12^о

8) Влестящій червякъ, правоучительная повѣсть для дѣтей. Пер. съ фр. М. 1840, 16^о; 9) Три комедіи для дѣтей. С.-Пб. 1842, 12^о; посвящено малелькимъ моимъ друзьямъ, Варенькѣ и Катенькѣ Свербѣевымъ.

Рец. а) Отеч. Записки, т. 20, отд. 6; б) Сѣвери. Пчела 1844 г., № 25; в) Современникъ 1844 г., т. 34; г) Брантъ. Опытъ библ. обзор. русск. литературы. С. Пб. 1842.

10) Новая повѣсти для дѣтей. С.-Пб. 1844, 12^о.

Рец. Отеч. Записки 1844 г., т. 32, отд. VI.

11) Воспоминаніе о Жуковскомъ, въ Москвитиниъ 1849 г., № 9;

то же. подробности, тамъ же, 1852 г., № 18; 12) Письмо ея къ Жуковскому (1828 г.), въ книгѣ Плетнева: О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковского. С.-Пб. 1853; 13) Подарокъ дѣтямъ въ день Свѣтлаго Воскресенія или собраніе дѣтскихъ повѣстей для перваго возраста, 2 части. М. 1861.

Рец. Толя: Наша дѣтск. литература. С.-Пб. 1862.

14) Исторія Англии для дѣтей, Карла Диккенса, пер. съ англ. М. 1860.

Рец. а) Кв. Вѣстникъ 1861 г., № 23; б) Толя, Наша дѣтск. литература

15) Волшебныя сказки для дѣтей перваго возраста. М. 1862, 18°; изд. 2-е. М. 1871, 18°.

Рец. а) Толя, Наша дѣтская литература; б) Учитель 1869 г., № 9—10; в) Книжн. Вѣстникъ 1862 г., стр. 80.

16) Сочельникъ предъ Рождествомъ Христовымъ или собраніе повѣстей и рассказовъ для дѣтей, съ 10 карт. М. 1864; изд. 2-е. М. 1880.

Рец. Кв. Вѣстникъ 1869 г., стр. 171.

17) Дѣтскій театр или собраніе дѣтскихъ комедій. М. 1865, 18°; изд. 2-е. М. 1879, 18°; 19) Сказка въ видѣ альманаха на Свѣтлое Воскресенье 1844 г. М. 1844, 16°.

Рец. Отеч. Записки 1844 г., т. 33, отд. VI.

О ней: а) Геннадіи, Словарь; б) Иллюстр. Газета 1864 г., т. 18, № 15; в) День 1864 г., № 13, ст. П. Б. (Бартенева); г) Книжн. Вѣстникъ 1864 г., стр. 146, 171; д) Воспоминанія Вигеля, ч. 7, гл. 9, стр. 462; е) Толя, Справ. Словарь, ч. 2, стр. 225; ж) письмо къ нефъ Ив. Вас. Кирѣевского, въ статьѣ о русскихъ писательницахъ въ альманахѣ: Подарокъ бѣднымъ на новый годъ. Одесса, 1839; перепеч. въ Соч. Кирѣевского т. 1, стр. 114; з) Кн. И. М. Долгоруковъ посвятилъ ей стихотворенія „На долину Мишенскую“ и „На картину“ (Соч. кн. И. М. Долгорукаго. М. 1828, т. 2, стр. 130); и) имя ея упомянуто въ спискѣ тульскихъ писателей Сахарова, въ Матеріалахъ Ефремова. С.-Пб. 1869, стр. 216; і) письма къ ней Жуковского, съ которыми была въ дружескихъ отношеніяхъ по воспоминаніямъ дѣтства и родственнымъ связямъ, въ книгѣ Плетнева: О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковского. М. 1853, стр. 64, 83 и 88; к) Исторія русск. словесности, Галахова; л) Кое-что о русскихъ поэтахъ. С.-Пб. 1859, стр. 13; м) Толмчева: Рассказы и анекдоты, въ Р. Архивѣ 1877 г., № 7, стр. 361—368; о) ея письмо къ Плетневу, въ Р. Арх. 1870 г., ст. 1314; п) Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. III. С.-Пб, 1885, стр. 520—521.

Зражевская, Александра, дѣвица.—1) Картины дружескихъ связей. С.-Пб. 1833, 8°; 2-е изд. С.-Пб. 1839, 8°.

Рец. а) Сынъ Отечества 1838 г., т. 7, отд. 4; б) Литерат. приб. къ Русск. Инвалиду 1839 г., т. 1, отд. 6, стр. 130; в) Сѣверн. Пчела 1839 г., № 37; г) Библиот. для Чтенія 1839 г., т. 33, отд. 6.

2) Лорпетъ, романъ, соч. Эм. Жиранденъ, перев. съ французскаго. С.-Пб. 1834, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1839, 8°.

Рец. а) Литер. приб. къ Русск. Инвалиду 1839 г., т. 6, № 7, стр. 149; б) Сынъ Отеч. 1839 г., т. 7, отд. 4; в) Библіот. для Чтенія 1839 г., т. 33, отд. 6.

3) Созерцательная жизнь Лудвига Ламберта, сочин. г. Бальзака, пер. съ франц. С.-Пб. 1835, 8°.

Рец.: а) Библіот. для Чтенія 1836 г., т. 14, отд. 6; б) Русск. Инвалидъ 1836 г., № 64; в) Сѣверн. Пчела 1836 г., № 47.

4) Дѣвица де-Марсанъ, или послѣдняя глава моего романа, соч. Карла Нодье, пер. съ франц. С.-Пб. 1836, 8°. За этотъ переводъ награждена императрицею брилліантовыми серьгами; 5) Пустынникъ Чимборазскій или колоды безстрашные Колумбійцы, соч. г. Мирвиля. С.-Пб. 1838, 8°.

Рец. Современникъ 1838 г., ч. 10.

6) Дѣтская Библіотека. Леонъ, молодой граверъ, соч. Уллякъ-Тремадеръ, перев. со 2-го франц. изданія. С.-Пб. 1839—1840, 4 части; 7) Похвальное слово Петру Первому, изъ Фонтенея, въ Маякѣ 1840 г., ч. 4; 8) Новая Бретонка, изъ d'Erigny, въ Маякѣ 1840 г., ч. 5; 9) Три повѣсти, соч. г-жи Рэбо, пер. съ французскаго. С.-Пб. 1841, 12°; посвящено графинѣ Еленѣ Михайловнѣ Завадской.

Рец. а) Сынъ Отечества 1841 г., т. 3, № 46—52; Врѣтъ: Опытъ библиогр. обзор. литературы С.-Пб. 1842; в) Сочин. и переписка П. А. Плетнева, т. II, С.-Пб. 1885, стр. 331.

10) Очеркъ новой итальянской литературы, соч. Фортуната Пранди, пер. съ франц. С.-Пб. 1841, 12°. Посвящено ея превосходительству Варварѣ Дмитріевнѣ Паглиновской.

Рец. а) Москвитянинъ 1842 г., ч. 1, № 7; б) Отеч. Записки 1842 г., т. 20, № 1, отд. 6; в) Библ. для Чтенія 1841 г., т. 49, отд. 6.

11) Ле-Сажъ, пер. съ франц., въ Маякѣ 1841 г., ч. 8; 12) Критическая статья на книгу О. П. Шишкиной: Князь Скопинъ-Шуйскій, *ibid.* 1842 г., т. 1, кн. 2.; 13) Рецензія на романъ М. Н. Загоскина: Кузьма Петровичъ Мирошевъ, въ Маякѣ 1842 г., т. 3, кн. 5; 14) Нѣчто о пользѣ старорусскихъ соляннхъ источниковъ, въ Москвитянинѣ 1843 г., № 5; 15) О чтеніи романовъ, *ibid.*, 1840-хъ годовъ; 16) Норий изъ Русскихъ членъ королевской парижской академіи наукъ, Маякъ 1840 г., ч. 1; 17) Фелиція Гименсъ, статья г-жи Тастю, Маякъ 1840 г., ч. 2; 18) Рупертъ Лидсей, перев. съ англійскаго, Маякъ 1840 г., ч. 3; 19) Дурафья, статья С. Ге, Маякъ 1841 г., ч. 11, смѣсь; 20) Фильдъ и дѣвица Першеронъ, Маякъ 1841 г., ч. 24, смѣсь; 21) Женщина, поэтъ и авторъ, Москвитянинъ 1842 г., ч. 5; 22) Звѣринецъ, Маякъ 1842 г., т. 1; 23) Св. Димитрій, митр. ростовскій и Стефанъ Яворскій, митр. рязанскій, Маякъ 1842 г., т. 2;

24) Разныя мнѣнія объ изащномъ, Маякъ 1842 г., т. 3. смѣсь; 25) Осень 1812 г. въ Москвѣ, изъ записокъ актрисы Луизы Физа, *ibid.*, смѣсь.

а) Письмо къ ней кв. А. А. Шаховскаго, Маякъ 1842 г., т. 6, смѣсь, стр. 35; б) Соч. Бѣлинскаго, VII, 52—85.'

Зубова, Аделанда Алексѣевна, въ 'супружествѣ Рода янко, писала подъ псевдонимомъ Тальцева, директриса Кіевскаго института благородныхъ дѣвиць.—1) Аларчикъ просто открывался, переводный водевилъ, представленный въ 1851 году (А. И. Вольфъ. Хроника Петербургскихъ театровъ, часть II. С.-Пб. 1877); 2) Любовь по приказу или первые опыты кокетства, комедія въ 1 д., передѣланная съ французскаго (Пантеонъ и Репертуаръ русской сцены 1851 г., декабрь); 3) И дружба, и любовь, разговоръ для сцены, въ Библи для Чтенія 1852 г., № 2; играно на александрийской сценѣ, въ первый разъ, въ бенефисъ В. В. Самойловой, въ 1852 г. (А. И. Вольфъ. Хроника, ч. III); 4) Сельцо Михайловское, повѣсть въ Сынѣ Отечества 1852 г., № 3 и 4; 5) Пять дней въ уѣздномъ городѣ, разсказъ молодого человѣка, *ibid.*, № 10; 6) Однофамильцы, комедія-водевилъ въ 2-хъ отдѣленіяхъ, въ Пантеонѣ 1853 г., № 10; есть оттиски; 7) Три жизни, романъ, въ Пантеонѣ 1854 г., № 5 и 6; 8) Русскіе въ 1854 году, драматическія сцены, изъ 2-хъ дѣйствій и картинахъ; даво въ бенефисъ Н. В. Самойловой, 28-го января 1855 г., въ Пантеонѣ 1855 г., № 3; есть оттиски; 9) Елена, повѣсть, въ стихахъ (въ рукописи); 10) Старый пріятель, повѣсть въ 3-хъ частяхъ (въ рукописи).

Зубова, Варвара. — Благоговѣйное приношеніе вѣрноподданной. С.-Пб. 1846, 8°.

Рец. а) Отеч. Записки 1846 г., т. 49, отд. VI, стр. 89; б) Финскій Вѣстникъ 1847 г., т. XIII

Зубова, Евфимія Борисовна, рожд. баронесса Вревская.—1) Записка князя Меттерниха о состояніи умовъ въ Европѣ и объ обязанностяхъ правительствъ. Пер. съ франц. (Русск. Старина 1873 г., т. VIII, стр. 782—799; переводчица указана на страницѣ 1003); 2) A la mémoire de l'impératrice Elisabeth. Par Serge d'Ouvargoff (1826 г.)—русскій переводъ, исполненный въ 1870 году, напечатанъ въ Р. Старинѣ 1884 г., т. XLI, стр. 225—23.

Зубова, Елизавета, дѣвица, р. 1843 г.—1) Вотъ три кумушки-кумы, современная пѣсенка, сочиненіе десятилѣтней дѣвицы. С.-Пб. 1854, 8°; 2) Молитва Русскаго народа къ день священнаго коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ государя императора Александра

Николаевича и государыни императрицы Марии Александровны, 26-го августа 1856 г. С.-Пб. 1856, 12^о (сочинено на 13 году возраста).

Зубова, Марья Войновна, супруга статскаго совѣтника, р. Римская-Корсакова († осенью 1779 г. „внезапно, за бостономъ у Н. К. Загряжской“; см. письмо гр. Ф. В. Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову, въ Русск. Архивѣ 1876 г., № 9, стр. 93); извѣстна въ свое время пѣвица и любительница народныхъ пѣсень.—1) Нѣсколько пѣсень, во 2-й части Пѣсенника, изд. Чулковымъ. С.-Пб. 1770; 2) Перевела „нѣсколько книгъ съ французскаго (Новиковъ, Опытъ истор. словаря. С.-Пб. 1772, стр. 68).

О ней: а) Макаровъ, въ Дамскомъ Журналѣ 1830 г., ч. 29; б) упоминается въ числѣ русскихъ писательницъ, въ Joh. Bernouilli's Reisen etc. Leipzig. 1780, 5-ter Band, S. 356; в) о ней (названа ошибочно Марья Ивановна) и ея пѣснѣ „Я въ пустыню удаляюсь“,—Д. Мордовцевъ: Русскія женщины новаго времени (второй половинѣ XVIII вѣка). С.-Пб. 1874; г) Настольн. Словарь Толля, 1, 228; д) Руссовъ, стр. 24—25.

Зыбина, Анна.—Монтадеръ или ткачъ и визирь (восточная сказка), пер. съ франц., въ Сынѣ Отечества и Сѣв. Арх. 1880г., ч. 137 и 138.

Зыбина, Анна.—Взглядъ на значеніе женщины въ исторической жизни народа. I. Китай М. 1870, 8^о.

Рец. а) Соврем. Лѣтопись 1870 г., № 26; б) Вѣстн. Европы 1870 г., № 9; в) Голосъ 1870 г., № 318; д) Бирж. Вѣдомости 1870 г., № 339; е) Дѣло 1870 г., № 9; ж) Кронштадтскій Вѣстникъ 1870 г., № 90.

Зыкова, В. Н.—Исторія семейства Честеръ и двухъ маленькихъ сиротъ, переводъ. С.-Пб. 1875, 8^о.

И—а, Л—ъ (Любовь).—На игру В. И. Г—вой, стихотвореніе, помѣченное 24 октября 1826 г., Чугуевъ; въ Сынѣ Отечества 1827 г., ч. 111.

Ив—а, В.—Есть край, стихотъ, въ Лучахъ 1858 г., № 6.

И—ва, П—я.—Прогулки въ Крыму, въ Библ. для Чтенія 1837 г., т. 24, отд. 3.

Иваненко, Марья (виѣствъ съ братомъ Григоріемъ).—Нравственныя картины, пер. съ франц. М. 1800, 12^о. Посвящено: Любезнѣйшимъ нашимъ родителямъ.

О ней: Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, № 19.

Иванина, Наталья.—Жизнь и смерть пѣвицы. Виль. Разсказъ дяди Адама, пер. съ шведскаго. С.-Пб. 1866, 8^о; изд. 2-е. С.-Пб. 1873.

Рец. Мірское Слово 1871 г., № 1.

Иванова, Е.—Сельско-хозяйственный сборникъ, вып. I и II. С.-Пб. 1874, 8^о.

Иванова, Е. Л., сестра милосердія. — Поѣздка во Фратешти, изъ путевыхъ впечатлѣній, въ журналъ Слово 1878 г., май.

Иванова, Елизавета Михайловна. — Отъ Москвы до Ханькоу. Извлеченія изъ письма русской путешественницы. М. 1873, 16°.

Иванова, М. П. (вмѣстѣ съ Ю. В. Боборыкиной). — Игра дѣтей въ Робинзонъ Крузо. Съ англ. С.-Пб. 1875, 12°.

Рец. Биржев. Вѣдомости 1874 г., № 345.

Ивановская, С. — Отчетъ объ Елисаветградскомъ дѣвичьемъ училищѣ 2-го разряда за 1863—64 годъ, въ Одесск. Вѣстникѣ 1864 г., № 287.

Ивашина, Е., сотрудица газеты Недѣля, въ 1870 г.

Ивина, псевдонимъ Леоновой Александры (см. это имя).

Игнатовичъ, Юлія. — Сборникъ игръ для дѣтей; вып. 1 и 2. С.-Пб. 1871—74, 8°; 2-е, дополн. изд. С.-Пб. 1878, 8°.

Игренева, Настасья Сергѣевна. — Мытье перчатокъ яркихъ цвѣтовъ и бѣлыхъ, въ журналъ Русская Хозяйка 1861 г.; 2) Искусство управленія пчелами, по методѣ знаменитаго малороссійскаго пчеловода Прокоповича, *ibid.*; 3) Пушневая эссенція, *ibid.*

Ида Бергенъ, — псевдонимъ г-жи Данненбергъ (см. это имя).

Извѣкова, Марія Евграфовна, дочь Евграфа Степановича, род. 12-го февраля 1794 г., въ Зубцовскомъ уѣздѣ, Тверской губ., † 15-го января 1830 г., въ С.-Пб., въ замужествѣ за д. с. с. Θεодоромъ Николаевичемъ Бедряга. Печатала свои сочиненія только до замужества. — 1) Эмилія или печальныя послѣдствія безразсудной любви. М. 1806, 16°, 4 части; посвящено императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ; 2) Милена или рѣдкій примѣръ великодушія. С.-Пб. 1809, 16°. Нандостойнѣйшей матери съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью посвящаетъ искренно-приверженная дочь; 3) Стихи къ русскимъ героямъ, на отдѣльномъ сѣромъ листѣ; подписано: Соч. дѣвицы Маріи Извѣковой. Безъ года и мѣста печати. На видѣнномъ мною экземплярѣ, въ библиотекѣ С. Д. Полторацкаго, отмѣчено было карандашомъ: „1806“; 4) Стихи на побѣды, одержанныя россійскимъ войскомъ надъ турками, подъ предводительствомъ графа Каменскаго. С.-Пб., 4° (1806?); 5) Торжествующая добродѣтель надъ коварствомъ и злобою, 3 ч. С.-Пб. 1809, 24°; 6) Альфонсъ и Флорестина, или счастливый оборотъ, драма въ 4 д. М. 1807, 12°; 7) Многія сочиненія, оставшіяся послѣ ея смерти, въ рукописи.

О ней: а) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 32, № 51; б) Энциклоп. Лексиконъ, Шюнара, 5, стр. 159; в) Толя, Наст. Словарь 2,250; г) Молва 1857 г., стр. 356 и 403; е) Dupré de St. Maur: Anthologie russe, 1823 г., pg. XXV; ж) Руссова, стр. 25; з) Соч. Бѣлинскаго, VП, 158—159; и) Соч. К. Н. Батюшкова, т. III. С.-Пб. 1886, стр. 59, 627.

Извѣстный каноникъ — одяпъ изъ псевдонимовъ императрицы Екатерины II (см. это имя, § 17).

Искунъ фонъ, баронесса, Юлія-Шарлота, воспитанница Смольнаго монастыря. † 1866.—1) Festgesang am Vermählungstage S. K. H. des Grossfürsten Constantin Nicolajewitsch mit S. K. H. der Grossfürstinn Alexandra Jossifowna. S.-Pbg. 1848, 4°; 2) Вступленіе молодой дѣвицы въ свѣтъ или наставленіе какъ должна поступать молодая дѣвица при визитахъ, на балахъ, обѣдахъ и ужинахъ, въ театрахъ, концертахъ и собраніяхъ, соч. Адельгейды Мерсіерклеръ, пер. съ нѣм. С.-Пб. 1852; 2-е изд. С.-Пб. 1859, 12°, съ прибавленіемъ: Совѣты молодымъ дамамъ.

Ред. а) Современникъ 1852 г., т. 32, отд. 4; б) Отеч. Записки 1852 г., т. 23, № 8, отд. 6; в) Библ. для Чтевія 1852 г., ч. 150; г) Сѣверн. Пчела 1852 г., № 146.

3) Елка на праздникъ Рождества Христова; рассказы, посвященные благоправнымъ дѣтямъ, пер. съ нѣм. С.-Пб. 1856, 12°; изд. 2-е. С.-Пб. 1857; изд. 3-е. С.-Пб. 1871.

4) Повѣсти Андерсона, пер. съ нѣм. С.-Пб. 1856, 12°.

Ред. Толя: Наша дѣтск. литература. С.-Пб. 1862.

5) J. K. H. der Princessin Alexandra von Oldenburg, gesungen zur Feter der Vermählung Höchst Derselben mit S. K. H. dem Grossfürsten Nicolai Nicolajewitsch. Den 25 Jan. 1856. S.-Pbg. 1856, 4°; 6) J. K. H. dem Prinzen Peter und der Prinzessin Thorese von Oldenburg zur Feter der Vermählung der vielgeliebten Tochter Alexandra, K. H. S.-Pbg. 1856, 4°; 7) Подарокъ въ день ангела, рассказы, съ 4 лит. карт., пер. съ англ. С.-Пб. 1857, 12°.

Ред. Толя: Наша дѣтск. литература.

8) Wallhalla. Denkmäler der Liebefreundschaft und Verehrung in Gesängen, von A. V. Reding und dessen Cousine Baronesse J. von Uexküll. S.-Pbg. 1857, 24°; 2-е, умноженное изд. S.-Pbg. 1860, 12°; 9) Покореніе Магдебурга, отрывокъ изъ Исторіи 30-ти-лѣтней войны въ Германіи, соч. Шиллера, пер. съ нѣм. С.-Пб. 1859, 8°; 10) Часы досуга, Die Erholung, La récréation; рассказы для дѣтей на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. С.-Пб. 1860, 12°; 11) Цѣна жизни, пер. съ франц. С.-Пб. 1860, 16°; 12) In Veranlassung der gottseeligen Vollendung unserer erhabenen Gebieterin—Mutter aller Russen, Alexandra Feodorowna, 5 Nov. 1860 (стихи). S.-Pbg. 1860; 13) Букетъ, собранный въ цвѣтущихъ лугахъ Германіи. Миловидный дѣвамъ и великодушнымъ дамамъ Россіи, предпочтительно же незабвеннымъ, далеко разсѣянными подругамъ Смольнаго монастыря,

вмѣсто сердечнаго привѣта и поклона отъ баронессы Ю. фонъ-Икскуль. С.-Пб. 1861, 12°; 14) Am Tage der Feier des tausendjährigen Bestandes Ruslands (стихи). S.-Pbg. 1862, 8°; 15) Der Einsamen Weihnachtsabend, 1866 г., s. l.; 16) Одинокій сочельникъ Р. Христова. Подарокъ на елку—радость и утѣшеніе дарующимъ. Изд. баронессы Екатерины фонъ-Икскуль. Пер. съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1869, 8°.

О ней: а) въ Вѣдом. Москов. Полиціи 1859 г., № 231; б) Сѣв. Пчела 1869 г., мартъ; в) С.-Пб. Вѣдомости 1856 г., № 275; г) Разсвѣтъ 1859 г., № 2; д) A. v. Reding: Den Manen Juliens, Baronesse von Uexküll. Москва. 1866, 8°.

Ильина, Александра.—Нѣсколько замѣтокъ о преподаваніи ариеметики въ элементарной школѣ Ильинныхъ въ Николаевѣ. С.-Пб. 1872, 16°.

Ильина, Анна Павловна.—Два замѣчательныхъ событія художественной жизни Анны Павловны Ильиной. Въ двухъ письмахъ, посвященныхъ другу моему, многотимой тетущкѣ, рязанской помѣщицѣ Аннѣ Авдасьевнѣ Тютчевой, 9-го декабря 1877 года. М. 1878, 8°.

Ильинская, Л. Ан(полоповна?).—Во второмъ полугодіи 1880 г. утверждена издателемъ Русскаго Музыкальнаго Листка.

И—на, Э.—Записки лишией женщины, повѣсть, въ журналѣ Современное Обозрѣніе 1868 г., т. II.

Институтка.—Нѣсколько чертъ изъ институтскаго быта, въ Русск. Педаг. Вѣстникѣ 1861 г., № 7.

И. П. А. (то-есть ягуменія Парѣенія, рожд. Абаза).—Стихотворенія. Кіевъ. 1875, 8°. Нѣкоторыя стихотворенія весьма замѣчательны, наиримѣръ, „Жрецы наукъ....“ (стр. 130) и всѣ вообще отличаются правильнымъ стихомъ и поэтическимъ чувствомъ.

Ипатова, Капитолина Семеновна.—1) Предохраненіе квашеной капусты отъ порчи, до половинны лѣта, въ журналѣ Русская Хозяйка 1861 г., № 11; 2) Способъ истреблять въ домахъ сырость, *ibid.*; 3) Наставленіе для правильнаго ухода за мерьясами, *ibid.*

Ишимова, Александра Осиповна, родилась 25-го декабря 1804 г., † 4-го іюня 1881 г., въ С.-Пб. (нѣкоторыя свѣдѣнія о ея литературно-педагогической дѣятельности, сообщены намъ самою покойною Александрою Осиповною). — 1) Переводы съ англійскаго (въ 1830-хъ годахъ) духовно-нравственныхъ летучихъ брошюръ, изъ которыхъ нѣкоторыя доходили до 10-го изданія; 2) Переводы въ Дѣтск. Журналѣ, издававшемся, въ 1839 году, Белизаромъ; 3) Искусство быть счастливымъ, I. Дроза, свободный перен. съ франц. С.-Пб. 1831; 4) Красный

морской разбойникъ, повѣсть Купера, перев. съ англійскаго. С.-Пб. 1832; 5) Семейные вечера. С.-Пб. 1832 и 1833; 6) Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей. С.-Пб., 6 частей, 1837—1840, 8°. Изданіе напечатано на счетъ Россійской Академіи; автору данъ пожизненный пенсіонъ въ 300 р. асс. и присуждена демаидовская премія въ 2500 р. асс.; 2-е изд. С.-Пб. 1841; 3-е изд. С.-Пб. 1846—1847; 4-е изд. С.-Пб. 1856; 5-е изд., испр. и дополн. С.-Пб. 1862 г.; 6-е изд. С.-Пб. 1867.

Рец. а) Современникъ 1838 г., т. 9; б) *ibid.*, 1839 г., т. 14; в) *ibid.*, 1841 г., т. 21; г) Отеч. Записки 1841 г., т. 14, № 1, отд. 6; д) *ibid.*, 1841 г., № 11, т. 19, отд. 6; е) *ibid.*, 1847 г., т. 50, № 1, отд. 6; ж) Брань: Опытъ библиографическаго обозрѣнія. С.-Пб. 1842; з) Оѣв. Пчела 1836 г., № 293 (ст. П. Плетнева); и) Моск. Вѣдомости 1837 г., № 42; i) Русск. Инвалидъ 1837 г., № 150; к) Сѣв. Пчела 1837 г., №№ 52, 117 и 245; л) *ibid.*, 1841 г., № 258; м) С.-Пб. Вѣдомости 1841 г., № 263; н) Седьмое и десятое приеужденіе Демидовскихъ наградъ, ст. Устрялова. С.-Пб. 1838 и 1841; о) Отеч. Записки 1861 г., № 9; ст. В. Водовозова; п) Толль, въ книгѣ: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862.

7) Драматическіе очерки; Баргу Cornwell'а, пер. съ англ., въ Современникѣ 1837 г.; ч. 8; 8) Разсказы старушки. С.-Пб. 1838—1839. Двѣ части.

Рец. а) Сѣв. Пчела 1838 г., № 297; б) Библи. для Чтенія 1839 г., т. 34, отд. 6; в) Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. II. С.-Пб. 1885, стр. 268—269.

9) Императрица Марія Ѳеодоровна, въ Современникѣ 1840 г., ч. 20; 10) Священная исторія въ разговорахъ для маленькыхъ дѣтей. С.-Пб. 1841, 16°; изд. 2-е. С.-Пб. 1843; изд. 3-е. С.-Пб. 1849; изд. 4-е. С.-Пб. 1854, 8°; изд. 5-е. С.-Пб. 1856, 8°; изд. 6-е. С.-Пб. 1864.

Рец. а) Отеч. Записки 1854 г., т. 94, № 5, отд. 4; б) Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. II, стр. 325—328; г) Москвитинишъ 1844 г., ч. 2, № 4; д) Брань: Опытъ библиогр. обозрѣнія. С.-Пб. 1842.

11) Звѣздочка, дѣтскій журналъ, основанный въ 1843 году, въ 12 д. л., а до 1849 г. въ 8°, ежемѣсячно, книжками, до четырехъ и болѣе печатныхъ листовъ, существовавшій до 1864 г. включительно; въ двухъ отдѣлахъ (съ 1845 г.), для старшаго и младшаго возраста. Въ журналѣ этомъ помѣщено до 472 статей самой издательницы.

Рец. а) Соч. Бѣлявскаго, VII, 54; б) Москвитинишъ 1844 г., ч. 6, № 11; в) Толль, въ книгѣ: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862.

12) Чтеніе для дѣтей перваго возраста. С.-Пб. 1845, 12°; 13) Мери и Флора, повѣсть для дѣтей, пер. съ англ. С.-Пб. 1846, 8°; 14) Каввулы 1844 г. или повѣдка въ Москву. С.-Пб. 1846, 12°. Помѣщалось первоначально въ журналѣ Звѣздочка; 15) Кончака,

царевна татарская. С.-Пб. 1847; 16) Юванъ Амвросій Розенштраухъ, лютеранскій пасторъ въ Харьковѣ, пер. съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1847, 8°.

Рец. Толя, въ книгѣ: Наша дѣтская литература.

17) Колокольчикъ, книга для чтенія въ пріютахъ. С.-Пб. 1849, 24°
Рец. Отеч. Записки 1849 г., т. 64.

18) Историческіе рассказы. С.-Пб. 1849, 8°.

Рец. а) въ Современникѣ 1840 г., т. XIII; б) Отеч. Записки 1849 г., т. 62, отд. VI.

19) Двѣ жизни или казаться и быть, соч. миссъ Меккнтошъ, пер. съ англ., въ Сынѣ Отечества. 1850 г., № 5; отдѣльно: С.-Пб. 1850;

20) Лучи, журналъ для дѣвицъ, выходившій съ 1850 года ежемѣсячно, книжками до пяти печатныхъ листовъ, въ 8 д. л.; окончился 1860 годомъ. Въ журналѣ помѣщено до 134-хъ статей самой издательницы; 21) Рассказы тети, соч. миссъ Меккнтошъ, пер. съ англ. С.-Пб. 1851, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1865.

Рец. а) Современникъ 1852 г., т. 31, отд. 4; б) Отеч. Записки 1852 г., т. 80, № 1, отд. 6; в) Книжный Вѣстникъ 1866 г., стр. 11—12.

22) Бабушкины уроки или русская исторія для маленькихъ дѣтей. Три выпуска. С.-Пб. 1852—1856, 8°; изданіе 2-е, 2 части. С.-Пб. 1859, 8°.

Рец. а) Звѣздочка 1853 г., № 1; б) Отеч. Записки 1853 г., т. 86, № 2, отд. 5; в) Современникъ, т. 37, отд. 4; г) Москвитинъ 1853 г., т. 1, № 3, кн. I; д) Сѣв. Пчела 1853 г., № 40.

23) О ласкомъ обращеніи съ животными, пер. съ англ. С.-Пб. 1854, 8°; изъ Звѣздочки 1853 и 1854 гг.

Рец. а) Современникъ 1855 г., т. 49, № 2; б) Отеч. Записки 1855 г., № 3; в) Библиотека для Чтенія 1855 г., № 2.

24) Рисованье безъ учителя по способу, изобрѣтенному Маріею-Елизаветою Каве, пер. съ франц. С.-Пб. 1855, 8°.

Рец. а) Современникъ 1855 г., т. 51, № 5; б) Отеч. Записки, т. 100, № 5; в) С.-Пб. Вѣдомости 1855 г., № 67; г) Учитель 1868 г., № 17—24.

25) Первое чтеніе и первые уроки для маленькихъ дѣтей. С.-Пб. 1856—1858; изд. 2-е. С.-Пб. 1860, 8°.

Рец. а) Современникъ 1855 г., т. 56; б) Журналъ для воспитанія 1859 г., т. 5, № 1; в) С.-Пб. Вѣдомости 1858 г., № 277; г) Толя, Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862.

26) Маленькны уроки или всеобщая исторія въ разговорахъ для дѣтей. 5 выпусковъ. С.-Пб. 1858—1863.

Рец. Журналъ для воспитанія 1859 г., № 1.

27) Сокращенная русская исторія. С.-Пб. 1867, 8°; 2-е изд. С.-Пб. 1870, 8°; 3-е изд. С.-Пб. 1873, 8°; 4-е изд. С.-Пб. 1879, 8°; 28) Рассказы для дѣтей изъ естественной исторіи, съ картинками. С.-Пб. 1876, 8°. Посвящено е. и. в. к. Николаю Александровичу; 29) Рассказы

изъ священной исторіи для крестьянскихъ дѣтей. С.-Пб. 1877, 8°; 30) О молитвѣ Господней. Для маленькихъ дѣтей. Изд. Общества распростран. полезныхъ книгъ. М. 1881, 8°; 31) Русскимъ дѣтямъ. Рассказы для дѣтей перваго возраста. С.-Пб. 1881, 8°; 32) Эліась, маленькое путешествіе на Востокъ, Б. Пужула. С.-Пб. 1854, 8°.

О ней: а) Энциклопедическій Словарь, Старчевскаго; б) Наст. Словарь, Толя, 2, 290; в) Письма къ ней Пушкина, Соч., изд. Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, т. 7. С.-Пб. 1837; г) статья П. В. Быкова, въ Древней и Новой Россіи 1878 г., № 8, съ портретомъ; д) Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. I. С.-Пб. 1886; е) Соч. Бѣлинскаго, VII, 54; X, 33—36, 379; ж) Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. III, стр. 546—547.

Юрникъ, псевдонимъ Александры Григорьевны Степановой (см. это имя).

Югансонъ, Эмилія.—Блаженный Августинъ, въ Маякѣ 1842 г., т. 2, Юльская, Марья. — 1) Сказка за сказкой для малыхъ и милыхъ дѣтей. С.-Пб. 1863, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1871, 8°; 2) Небывалая исторія, сцены изъ жизни, въ 3-хъ отдѣленіяхъ. С.-Пб. 1864, 8°; 3) Рассказы для малолѣтнихъ дѣтей. Одесса. 1865—1866; изд. 2-е. С.-Пб. 1871.

Рец. Семья и Школа 1872 г., № 2 (ст. Нето: Педагогическій кукульванъ).

4) Комедія для дѣтей. С.-Пб. 1872, 16°.

Рец. Народная Школа 1873 г., № 5.

5) Азбука—забава. С.-Пб. 1872, 8; 6) Дружокъ, чтеніе для малолѣтнихъ, съ 24 карт. С.-Пб. 1873, 8°.

Н. А (дама ли?).—1) По вопросу о калмыкахъ Астраханской губерніи, въ Отеч. Запискахъ 1871 г., № 6; 2) Пршшлое. Изъ записокъ управительской дочери, въ Отеч. Запискахъ 1876 г., № 12; 3) Недавнее, изъ воспоминаній управительской дочери, *ibid.* 1877 г., № 8.

Н., К. — 1) Первый блинъ—комовъ. Изъ записокъ земской акушерки, въ журналѣ Слово 1878 г., июль и августъ; 2) Записки акушерки, Отеч. Записки 1874 г., №№ 5, 6 и 7.

Рец. въ Гражданинѣ 1874 г., № 37.

Н. Маруся (псевдонимъ?).—1) Листы украинки Маруси, Основа 1862 г., № 9; 2) Очерки украинской драматической литературы: Котляревскій, Гоголь-отецъ и Кухаренко, въ Русской Сценѣ 1865 г., №№ 6—7.

Н., Франциска.—Изъ записокъ. Годъ траура, въ Москвитинѣ 1866 г., № 3.

Н—а., Н. Д. Л.—Аллегорія, съ нѣмецкаго, въ Иппокренѣ 1800 г., ч. 6, стр. 346, съ помѣтою: Казань, 1800, мая 5-го дня.

И—а, К—а (Екатерина?).— Элегія: „Коль должно быть“.... въ С.-Пб. Вѣстникъ 1778 г., ч. 1, стр. 376.

Кавелина, С. К. (см. Врюллова, С. К.).

Казина, Александра.— До разсвѣта, рассказы изъ дѣтской жизни. С.-Пб. 1873, 8°.

Ред. а) Педагогич. Листокъ при Дѣтскомъ Читеніи 1874 г., № 2; б) С.-Пб. Вѣдомости 1874 г., № 98; в) Семья и Школа 1874 г., № 6, кн. 2 (ред. А. Крючковой).

Каирова, Настасья Васильевна, † 23-го февраля 1888 г.; въ С.-Петербургѣ. — 1) Корреспонденція въ Голосѣ 1876 г., о сербско-турецкой войнѣ, а въ 1877 и 1878 году, изъ Аѳинъ и Вѣны (за подписью Н. С., но показанію Московскихъ Вѣдомостей); 2) Была корреспондентомъ Новаго Времени во время сербской войны; 3) Сотрудничала въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ, Молвѣ, Дѣлѣ, Русской Мысли и въ Вѣстникѣ Европы; 4) Переводила историческіе документы для Сборника Историческаго Общества.

О ней: а) Новое Время 1888 г., № 4308; б) Историч. Вѣстникъ 1888 г., № 4.

Кайзеръ, А.— 1) Миссъ Сарра Самисопъ, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, пер. съ нѣмецк. М. 1877, 4°. 2) Графиня Романи, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. Г. Ж. Елена, пер. съ французскаго. М. 1878, 8°; 3) Герцогиня Ла-Вальеръ, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Бульвера, вольный переводъ съ англ. М. 1877.

Кайзеръ, Марья.— Вечеръ, стихотвореніе, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29.

Кайзеръ, Юлія Феодоровна перевела нѣсколько театральныхъ пьесъ въ 1860-хъ годахъ.

Каурина, Варвара.— 1) Святый великомученикъ Евстафій Плакида, римскій воевода съ семьей, въ стихахъ, въ 2-хъ частяхъ. М. 1862, 8°; 2) Святая великомученица Екатерина. Жизнеописательное стихотвореніе, въ 2-хъ частяхъ. Переложеніе Варвары Кауриной. М. 1862, 8°; 3) Святая великомученица Варвара. Жизнеописательное стихотвореніе въ 3-хъ частяхъ. Переложеніе. М. 1862, 12°; 4) Преподобный Юсафъ, царь индійскій, въ стихахъ, въ 3-хъ частяхъ, переложеніе В. Кауриной. М. 1864, мал. 8°.

Калашникова, Надежда (Васильевна?), рожд. Левшина. Сотрудница М. А. Арбузовой (см. это имя), въ ея литературныхъ занятіяхъ, 1802—1803 годахъ.

а) О ней: Дамскій Журналъ 1830 г., ч. 31.

Калиновская, Е.— Рассказы и сказки Чуреньки. С.-Пб. 1873, 8°.

1-го ПОЯВРЯ вышла и разослана подписчикамъ XI-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки академика проф. Александра Васильевича Никитенко. — II. Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 гг. Сообщ. В. Е. Якушкинъ. — III. Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій. Историко-біографическій очеркъ, 1784—1818 гг. — IV. Студенческія возмунія въ Москвѣ 1861 г. Воспоминаній П. Д. Шестакова. — V. Затиски моряка-художника, 1856—1857 гг. Сообщ. А. П. Боголюбовъ. — VI. Императоръ Александр I на югѣ Россіи: письма К. К. Гирсъ, 1818—1825 гг. — VII. Осипъ Максимовичъ Бодяскій въ его дневникѣ, 1849—1850 гг. — VIII. Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ: 1. Очеркъ о немъ Н. В. Кукольникъ, 1863 г. — 2. Воспоминанія артистки А. И. Шубертъ. — IX. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: набѣгъ русскихъ войскъ на Адрианополь въ 1877 г. — X. Не изданныя стихотворенія Николая Платоновича Огарева, 1830—1840 гг. — XI. Леонтій Васильевичъ Дубельтъ. Біографическій очеркъ и его письма. — XII. Дмитрій Николаевичъ Бантыш-Наменскій, 1788—† 1850—1888 гг. — XIII. Николай Михайловичъ Пржевальскій: 1. Его разказъ о своей жизни, автобіографія. — 2. Чествованіе памяти его въ СПб. Городской Думѣ. — XIV. Матеріалы и замѣтки. М. В. Петрашевскій. — П. В. Гоголь. — А. П. Сѣровъ въ 1861 г. — Словарь г. Гальтебрандта. — Къ путевымъ очеркамъ. — XV. Библиографическій списокъ.

Приложеніе: Портретъ историка Д. Н. Бантыш-Наменскаго, гравировать художникъ И. И. Матюшинъ.

Открыта подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), И. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха) и И. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

I. Продается у г. Цинзерлинга новая книга: «Альбомъ М. И. Семевскаго, книга автобіографическихъ замѣтокъ 850 современныхъ дѣятелей». Цѣна ДВА руб. съ доставкой.

II. Подписчики «Русской Старины» на 1889 годъ могутъ получить до 15-го декабря 1888 г. новую книгу: «Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей» (третій выпускъ) за ОДИНЪ руб. съ пересылкою (вмѣсто 4 руб.)

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ

(съ толкованіями на Ветхій Заветъ),

издаваемые при С.-Петербургской духовной академіи.

„Церковный Вѣстникъ“ и „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ составляютъ въ годъ около двухсотъ пятидесяти пяти (255) печатныхъ листовъ („Церковный Вѣстникъ“ до 140 лл. и „Христіанское Чтеніе“ до 115 лл.).

Условія подписки на 1889 годъ: Годовая цѣна въ Россіи: за оба журнала 7 р. (семь) съ пересылкою; *отдѣльно* за „Церковный Вѣстникъ“ 5 р. (пять), за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ 5 р. (пять). За границу, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р. (девять), за каждый отдѣльно 7 р. (семь) съ пересылкою. *Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: „Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ“. *Подписывающіеся въ Петербургѣ* обращаются въ контору редакціи (Невскій проспектъ, д. № 182, кварт. № 12), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 коп. за мѣсто, занимаемое одной строкой пята, за объявленіе болѣе 1 раза и 15 коп.—за 1 разъ) и для расылки при „Церк. Вѣстн.“ (по 3 р. за тысячу въ пользу редакціи, а для уплаты въ почтамтъ смотря по вѣсу объявленія, согласно почтовымъ правиламъ).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Условія подписки на 1889 годъ: Безъ доставки на годъ 9 руб. 50 коп., на полгода 5 р. Съ доставкой и пересылкою во всѣ мѣста Россіи на годъ 10 р., на полгода 6 р. За границу на годъ 12 р., на полгода 7 р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается. За перемѣну городского адреса на иногородный и обратно уплачивается 50 к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны. Подписка принимается въ г. Киевѣ, въ конторѣ редакціи, Театральная, д. № 4 и въ книжв. магазинѣ П. Я. Оглобина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину“ за 1883—1887 гг. по 8 руб. 50 коп. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за всѣ годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—1887 гг. продаются по 1 руб. съ пересылкою.

Редакторъ-издатель А. С. Лашкевичъ.

ИЗДАНІЯ ХУДОЖНИКА

АГАѦОНА НИКИТИЧА АВНАТОМОВА.

(Адресъ: Гончарная улица, д. 8, кв. 13).

Портретъ Государя Императора Александра III, 15 в. $\times$ 17 в., исполненный олеографіей, ц. 10 руб. съ перес. (овальный).

Тотъ же портретъ, наклеенный на холстъ, съ подрамникомъ и подправленный отъ руки маслянными красками, 25 руб. Укладка въ ящикъ и пересылка по своей цѣнѣ на счетъ заказчика.

Примѣчаніе. Къ этимъ портретамъ золотыя рамы съ короной и украшениями 25 р. и дороже.

Литографированный портретъ въ Божѣ почившаго Государя Александра II, цѣна 5 р. съ перес.

Тотъ же портретъ, писанный по литографіи маслянными красками, цѣна отъ 25 руб.

Упаковка и пересылка по стоимости.

Литографированные портреты: Министра народнаго просвѣщенія И. Д. Деянова. 10 $\times$ 11 вершковъ, ц. 5 руб. съ пересылкой; наклеенные на холстъ на подрамникѣ, писанные маслянными красками ц. по 35 р. Къ нимъ золотыя рамы равныхъ цѣнъ.

Принимаются заказы на работы того же художника: Портреты Государя Императора, грудные и во весь ростъ, писанные маслянными красками; ц. отъ 300 руб., смотря по величинѣ и работѣ, а также на портреты и другихъ членовъ Царской фамиліи.

Портретъ И. Д. Деянова, писанный маслянными красками, грудной овальный, 17 $\times$ 15 вершковъ, ц. 100 р., въ золотой рамѣ 130 руб. Пересылка и упаковка по стоимости.

Заказы принимаются у Г. Авнатомова. (С.-Петербургъ, Гончарная ул., д. № 8, кв. 13.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Ивогородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХ.

1888.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	29
В. Н. Колосовъ. Вновь открытое сочиненіе Юрія Крижаневича	179
Н. А. Астафьевъ. Опытъ исторіи Вибліи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и правами (продолженіе).	208
Н. П. Карбевъ. „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ (окончаніе)	232

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. П. Веселовскій. <i>И. О. Морозовъ</i> . Очерки изъ исторіи русской драмы XVII и XVIII столѣтій. С.-Пб. 1888	252
О. Г. Мищенко. Неудачная и ненужная защита Геродота	267
Н. В. Безобразовъ. <i>Θ. Π. Успенскій</i> . Визавтійскіе землемѣры. Одесса. 1887	272
А. Л. Петровъ. <i>A. Kaluzniacki</i> . Monumenta linguae palaeoslovenicae. 1888.	280
Н. П. М. Новый журналъ по фонетикѣ	284
А. О. Ивановскій. О коренномъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ. <i>Сергій Георгіевскій</i> . С.-Пб. 1888	286
О. Г. Мищенко. Отвѣтъ рецензенту Московскихъ Вѣдомостей по поводу перевода Геродота.	299
А. М. Позднѣевъ. Отвѣтъ на рецензію профессора И. П. Минаева на сочиненіе: „Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи“	304
Н. П. Минаевъ. Замѣтка на отвѣтъ А. М. Позднѣева.	323
— Книжныя повости	326
— Наша учебная литература (разборъ 12 книгъ).	57

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности министра народнаго просвѣщенія статс-секретаря графа И. Д. Делянова	I
— Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологій и этнографіи	51
— Наши учебныя заведенія: Школы въ Омбери (окончаніе).	55
— В. Я. Стоюнинъ (некрологъ)	88

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. П. П—скій. Кубышка. Комедія Т. М. Плавта	75
---	----

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Князь Н. П. Голицынъ. Библиографическій словарь русскихъ писателей (продолженіе)	129
--	-----

Редакторъ Л. Майковъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХ.

1888.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. У. Балашева. Наб. Екатерининскаго вѣд., № 75.

1888.

Екаториницкій шк., д. 87.
№ 2856.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря графа Делянова.

Графъ Иванъ Давидовичъ! Полюбка тому назадъ, окончивъ юридическое образованіе въ Московскомъ университетѣ, вы вступили на службу въ бывшее II отдѣленіе канцеляріи Царей и посвятили себя разработкѣ законодательныхъ вопросовъ. Ваше трудолюбіе и познаніе привлекли вниманіе начальника вашего графа Блудова и снискали вамъ благоволеніе императора Николая Павловича. Будучи затѣмъ призваны къ занятіямъ — столь сроднымъ съ душевными вашими качествами — руководить воспитаніемъ и образованіемъ молодого поколѣнія, вы и на должностяхъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, директора Императорской Публичной Библіотеки и товарища министра народнаго просвѣщенія приобрѣли всеобщее уваженіе и заслужили признательность въ Бозѣ почившаго Родителя Моего.

Дѣятельность ваша въ государственномъ совѣтѣ была всегда направлена къ охраненію въ законахъ нашихъ зиждительныхъ началъ вѣры и порядка, основаннаго на самодержавіи, а учрежденіемъ императрицы Маріи останется навсегда памятно проникнутое любовью попеченіе ваше не только о воспитаніи дѣтей, но и о дальнѣйшей судьбѣ ихъ по окончаніи онаго.

Многолѣтняя опытность ваша на учебно-административномъ поприщѣ, ваша справедливость и челоуѣколюбіе побудили Меня съ

полнымъ довѣріемъ поручить вамъ важный и отвѣтственный постъ министра народнаго просвѣщенія. Обдуманно и неуклонно устраиваемое дѣло университетскаго образованія служить предметомъ особыхъ заботъ вашихъ. Вами обращено должное вниманіе на устройство и развитіе техническихъ и профессиональныхъ училищъ, столь необходимыхъ на пользу нашего отечества. По указаніямъ вашимъ, начальное обученіе въ народныхъ школахъ въ духѣ постоянного общенія съ церковью направляется къ одной цѣли съ недавно возникшими на благо народа церковно-приходскими школами. Постепенное, но непреклонное направленіе, даваемое, подъ руководствомъ вашимъ, устройству учебнаго дѣла на одинакихъ началахъ во всей Россіи упрочиваетъ въ будущемъ господство русскаго языка на всѣхъ окраинахъ Нашей имперіи.

Желая въ знаменательный день полувѣковаго вѣрнаго служенія вашего престолу и отечеству выразить вамъ Мое благоволеніе и признательность, Я, указомъ правительствующему сенату, сего числа даннымъ, повелѣлъ васъ въ графское Россійской имперіи достоинство.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„я благодарный

Александръ“.

23 ноября 1888 года.

Гатчина.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4. (16-го октября 1888 года). Объ учрежденіи неприкосновеннаго капитала коммерціи совѣтника П. А. Бѣльева.

Во исполненіе воли покойнаго коммерціи совѣтника Петра Абрамовича Бѣльева душеприкащиками его представленъ въ министерство народнаго просвѣщенія капиталъ, въ количествѣ 3074 руб. 58 коп., съ тѣмъ, чтобы проценты съ онаго употреблялись на содержаніе Повѣнецкаго городскаго училища, а самый капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, носилъ наименованіе: „неприкосновенный капиталъ коммерціи совѣтника П. А. Бѣльева“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 16-й день октября 1888 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означеннаго капитала.

5. (16-го октября 1888 года). Объ учрежденіи при Московскомъ учительскомъ институтѣ капитала имени покойнаго директора сего института, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Малинина.

Начальство Московскаго учебнаго округа вошло въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ учрежденіи при Московскомъ учительскомъ институтѣ, на счетъ процентовъ съ двухъ тысячъ семидесяти руб., пожертвованныхъ разными лицами, капитала имени покойнаго директора означеннаго института, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Ѳедоровича Малинина, въ ознаменованіе его шестнадцатилѣтней благотворной дѣятельности на пользу упомянутаго института.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управленнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 16-й день октября 1888 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означеннаго капитала.

6. (5-го октября 1888 года). О переводѣ стипендіальнаго капитала имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Базилевскаго, пожертвованнаго бывшей Стерлитамакской прогимназіи, въ мѣстное городское училище.

Комитетъ министровъ, по выслушаніи записки министра народнаго просвѣщенія о переводѣ стипендіальнаго капитала имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Базилевскаго, пожертвованнаго бывшей Стерлитамакской прогимназіи, въ мѣстное городское училище, и соглашаясь съ представленіемъ по сему дѣлу министра народнаго просвѣщенія, полагаель: капиталъ имени покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ѳедоровича Базилевскаго, пожертвованный съ цѣлью учрежденія стипендіи при бывшей Стерлитамакской прогимназіи, считать принадлежащимъ Стерлитамакскому четырехклассному училищу, образованному изъ упомянутой прогимназіи, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ сего капитала была относима плата за ученіе въ означенномъ училищѣ такого числа дѣтей мѣстныхъ жителей, какое возможно будетъ допустить сообразно размѣру установленной за ученіе платы и суммѣ процентовъ отъ пожертвованнаго капитала.

Государь Императоръ, въ 5-й день октября 1888 года, положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

7. (15-го октября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени капитала Николая Ивановича Алексѣева при Московскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ тысячу триста руб., пожертвованнаго Анною Ивановною Поповой, учреждается при Московскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени умершаго брата ея Н. И. Алексѣева.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, составляя неотъемлемую собственность этого заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ упраздненія или преобразования реального училища, означенный капиталъ долженъ составлять собственность того учрежденія, которое, находясь въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, будетъ или замѣнять реальное училище, или вообще соответствовать образовательному характеру и типу сего заведенія.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата въ теченіе полнаго курса помянутаго заведенія.

§ 5. Могущіе быть остатки отъ стипендіальнаго капитала употребляются на приобрѣтеніе учебныхъ пособій стипендіату или же на какія-либо другія его нужды.

§ 6. Выборъ стипендіата предоставляется учредительницѣ стипендіи, а послѣ ея смерти—педагогическому совѣту Московскаго реального училища.

§ 7. Стипендіатъ избирается изъ достойнѣйшихъ по успѣхамъ и дѣйствительно нуждающихся учениковъ Московскаго реального училища безъ различія классовъ.

§ 8. Въ случаѣ неусиѣшности или неодобрительнаго поведенія, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи, но съ вѣдома и по соглашенію съ учредительницею стипендіи. Равнымъ образомъ можетъ быть лишенъ стипендіи также и стипендіатъ, оставшійся по неуспѣхамъ въ на-

укахъ на другой годъ въ одномъ и томъ же классѣ, если только малоуспѣшность произошла не отъ болѣзни или не по другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (16-го октября 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Ивана и Варвары Погонать при Таганрогской мужской гимназіи.

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ десять тысячъ сто руб., заключающагося въ 5% закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, приобретенныхъ на завѣщанный вдовою маіора Варварою Андреевною Погонать капиталъ въ 10,000 руб. наличными деньгами, учреждаются при Таганрогской мужской гимназіи двѣ стипендіи имени „Ивана и Варвары Погонать“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность Таганрогской мужской гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи и не можетъ быть обращенъ ни на какія другія нужды гимназіи.

§ 3. Стипендіи, въ размѣрѣ 252 р. 50 коп. каждая, за вычетомъ изъ этой суммы установленнаго государственнаго налога, составляютъ изъ ежегодныхъ процентовъ съ означеннаго капитала.

§ 4. Согласно волѣ завѣщательницы, право выбора стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, при чемъ выборъ производится исключительно изъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ и чиновниковъ Екатеринославской губерніи, и лишь въ случаѣ недостатка въ нихъ послѣднихъ изъ дѣтей прочихъ сословій.

Примѣчаніе. Такъ какъ завѣщаніе вдовы маіора Варвары Андреевны Погонать написано въ 1884 году, когда въ составъ Екатеринославской губерніи входили Таганрогское градоначальство и Ростовскій уѣздъ, присоединенные въ началѣ 1888 года къ области Войска Донскаго, то правъ на стипендіи имени „Ивана и Варвары Погонать“ не лишаются тѣ ученики Таганрогской гимназіи, которые, удовлетворяя остальнымъ требованіямъ № 4, должны быть причислены по мѣсту происхожденія къ бывшему Таганрогскому градоначальству или къ району бывшаго Ростовскаго на Дону уѣзда Екатеринославской губ.

§ 5. При выборѣ стипендіатовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ этого параграфа, педагогическій совѣтъ отдаетъ преимущество: а) ученикамъ, отличающимся лучшими успѣхами и поведеніемъ и б) при одинаковыхъ условіяхъ—ученикамъ старшихъ классовъ, чтобы сбереженіями отъ стипендій обезпечить ихъ при поступленіи въ высшія учебныя заведенія.

§ 6. Стипендіаты ежегодно получаютъ половину назначенной имъ стипендіи и, по возможности, въ два срока: въ началѣ учебнаго года и въ началѣ гражданскаго для взноса платы за право ученія, пріобрѣтенія учебныхъ пособій и для удовлетворенія другихъ нуждъ; другая же половина стипендіи сдается въ мѣстное отдѣленіе государственнаго банка для приращенія процентами и выдается стипендіатамъ на руки при окончаніи ими курса гимназій.

Примѣчаніе. Въ случаѣ крайней нужды стипендіата ему могутъ быть выдаваемы изъ сбереженій единовременныя пособия, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназій.

§ 7. Получившійся при покупкѣ закладныхъ листовъ остатокъ въ 47 р. 50 к., а также могуція образоваться отъ невыдачи по какимъ-либо причинамъ стипендій сбереженія присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

Примѣчаніе. Въ случаѣ смерти стипендіата сбереженія (§ 6) выдаются его родителямъ или лицамъ, на попеченіи коихъ онъ находился.

§ 8. Выдача стипендіи прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ: а) по окончаніи стипендіатами курса наукъ въ Таганрогской гимназій или же выбитіи ихъ изъ этой гимназій по какому бы то ни было случаю, и б) въ случаѣ малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительнаго поведенія. Если же малоуспѣшность стипендіата произойдетъ отъ болѣзни, или если стипендіатъ по той же причинѣ будетъ оставленъ на два года въ томъ же классѣ, то отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависить продолжать или прекратить дальнѣйшее производство ему стипендіи.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

9. (31-го октября 1888 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ условіяхъ открытія начальныхъ училищъ на средства городскихъ, земскихъ и сословныхъ учрежденій.

На разрѣшеніе правительствующаго сената восходило дѣло по

жалобѣ карачевскаго городского головы на постановленіе Орловскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія о выдачѣ городомъ пособія на содержаніе Карачевскаго начальнаго училища.

Изъ обстоятельствъ этого дѣла видно, между прочимъ, что:

§ 1. Карачевская городская дума постановленіемъ 9-го ноября 1877 г. опредѣлила: открыть въ г. Карачевѣ бесплатное мужское народное училище на основаніи Высочайше утвержденнаго, 25-го мая 1874 года, положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ. Посему Карачевская городская управа обратилась къ мѣстному инспектору народныхъ училищъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи на открытіе означеннаго училища. Хотя въ доставленныхъ по требованію инспектора свѣдѣніяхъ управа и объяснила, что расходы по содержанію сего училища предполагается производить изъ ассигнованной городомъ суммы 1000 рублей, но инспекторъ, признавая, что суммы этой недостаточно на содержаніе училища и что исправный отпускъ ея не обезпеченъ законнымъ актомъ, не нашелъ возможнымъ удовлетворить ходатайство управы.

§ 2. На такой отказъ инспектора карачевскій городской голова подалъ жалобу въ Орловскій губернскій училищный совѣтъ, прося оный о разрѣшеніи на открытіе упомянутаго училища. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду дополнительное заявленіе Карачевской городской управы о томъ, что на содержаніе названнаго училища ассигновано 1000 р. и что, если этой суммы будетъ недостаточно, то городъ принимаетъ на себя расходъ по содержанію училища безъ ограниченія суммы, губернскій училищный совѣтъ разрѣшилъ управѣ открытіе училища съ тѣмъ, между прочимъ, условіемъ, чтобы на содержаніе его была ассигнована опредѣленная и достаточная сумма.

§ 3. При утвержденіи городской смѣты на 1880 годъ Карачевская городская дума уменьшила размѣръ суммы, отпускавшейся на означенное училище. Орловское губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, ксему принесена была жалоба на такое распоряженіе думы, отмѣнило это распоряженіе, признавъ для нея обязательнымъ отпускать на содержаніе упомянутаго училища по 1000 рублей въ годъ.

§ 4. Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, нашелъ, что въ постановленіи Карачевской городской думы объ открытіи означеннаго начальнаго училища ни о припятіи содержанія этого училища на счетъ города, ни о размѣрѣ сего расхода никакого указанія не было, и что для города могло бы имѣть значеніе лишь надлежащее о семъ постановленіе городской думы, какъ представи-

тельницы всего городского общества. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду: 1) что разрѣшеніе Орловскаго губернскаго училищнаго совѣта на открытіе Карачевскаго училища послѣдовало не на основаніи ого-либо положительно принятаго на себя городомъ обязательства выраженнаго въ опредѣленіи подлежащаго его органа — городской думы, а лишь на исполнѣ неопредѣленною и условною заявленіи управы объ ассигнованіи на это училище 1000 р., а если этой суммы будетъ недостаточно, то городъ приметъ на себя означенный расходъ „безъ ограниченія суммы“; 2) что еще большею неопредѣленностью отличается въ этомъ отношеніи разрѣшеніе самаго училищнаго совѣта, въ коемъ не упоминается даже и объ означенной суммѣ 1000 р., какъ наименьшемъ размѣрѣ требуемаго имъ пособія, а единственныиъ относительно этого предмета условіемъ поставлено, чтобы на содержаніе училища была ассигнована „опредѣленная и достаточная“ сумма, и 3) что при такомъ положеніи настоящаго дѣла, не можетъ быть и рѣчи о примѣненіи къ нему закона 23-го октября 1878 года (примѣч. 3 къ п. 4 ст. 139 город. полож. яз. 1886 г.), ибо онъ предполагаетъ обязательство производить пособіе со стороны города и принятіе его правительствомъ, въ данномъ же случаѣ ни того, ни другаго не усматривается, правительствующій сенатъ, какъ видно изъ указа онаго отъ 15-го сентября текущаго года, призналъ состоявшееся по настоящему дѣлу постановленіе Орловскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, коимъ опредѣленъ обязательный для города Карачева размѣръ пособія упомянутому начальному училищу по 1000 р. въ годъ, не имѣющимъ основанія.

Принимая во вниманіе, что по отношенію къ начальнымъ народнымъ училищамъ, учрежденнымъ на основаніи положенія 25-го мая 1874 года, наиболѣе часто возникаютъ случаи недоумѣній касательно обязательности отпуска и размѣра суммъ на ихъ содержаніе со стороны мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, на счетъ и по ходатайству коихъ эти училища открываются, я, въ видахъ устраниенія на будущее время такихъ случаевъ, считаю нелишнимъ о вышеизложенномъ сообщить вашему превосходительству, въ дополненіе къ циркулярному предложенію моему отъ 26-го апрѣля 1886 года, за № 6541, съ покорнѣйшею просьбою предложить о семъ училищнымъ совѣтамъ, равно директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа къ руководству въ подлежащихъ случаяхъ, дабы означенные совѣты и чины инспекціи, при разсмотрѣніи ходатайствъ городскихъ, земскихъ и сословныхъ учрежденій объ откры-

тѣмъ училищъ съ отпускомъ суммъ отъ сихъ учрежденій, непременно имѣли въ виду постановленія о семъ городскихъ думъ, земскихъ собраний и сословныхъ учрежденій, изложенныя съ надлежащею опредѣлительностью относительно какъ размѣра, такъ и продолжительности отпуска ассигнуемыхъ на училища суммъ.

10. (3-го ноября 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ при Ярославской женской гимназіи имени дворянки Марьи Павловны Макиной.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Ярославской женской гимназіи учреждаются двѣ стипендіи имени дворянки Марьи Павловны Макиной на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, отказаннаго ею по духовному завѣщанію, утвержденному Ярославскимъ окружнымъ судомъ.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, по обращеніи его въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, составляя неотъемлемую собственность означенной женской гимназіи, остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Стипендіей пользуются двѣ бѣднѣйшія ученицы гимназіи, отличающіяся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ предоставляется попечительному совѣту гимназіи.

§ 5. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, передачѣ въ казну, поступаютъ въ уплату за обученіе стипендіатовъ обязательнымъ предметамъ въ теченіи гимназическаго курса.

§ 6. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ могутъ быть уплачиваемы за обученіе стипендіатовъ одному или нѣсколькимъ не обязательнымъ предметамъ по мѣрѣ надобности и по усмотрѣнію попечительнаго совѣта заведенія.

§ 7. Стипендіатки пользуются стипендіями во все время пребыванія ихъ въ гимназіи и могутъ быть лишены ея только по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительному поведенію, согласно постановленію о семъ педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

11. (5-го ноября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени настоятеля Шлиссельбургскаго Благовѣщенскаго собора священника Григорія Кесарева.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 150 р., пожертвованнаго прихожанами Шлиссельбургскаго Благовѣщенскаго собора, учреждается при Шлиссельбургскомъ городскомъ училищѣ стипендія имени настоятеля Шлиссельбургскаго Благовѣщенскаго собора, священника Григорія Кесарева.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ облигаціяхъ восточнаго займа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Шлиссельбургскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Шлиссельбургскаго городского училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за вычетомъ части подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, употребляются на уплату училищу за обученіе стипендіата и на приобрѣтеніе необходимыхъ для него учебныхъ пособій.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа учениковъ православнаго исповѣданія.

§ 5. Избраніе стипендіата предоставляется священнику Григорію Кесареву, а по смерти его—педагогическому совѣту училища.

§ 6. Пользованіе стипендіей не валагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

27-го октября 1888 г. утверждены: профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета: заслуженный ординарный, тайный совѣтникъ Васильевъ и ординарный, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣевичъ — деканами факультетовъ сего университета, на четыре года: первый — восточныхъ языковъ, съ 1-го октября 1888 г. и послѣдній—юридическаго, съ 27-го октября 1888 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Демченко — деканомъ юридическаго факультета сего университета, съ 1-го октября 1888 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Штернь—ординарнымъ профессоромъ сего

университета по занимаемой имъ. кафедрѣ классической филологіи, съ 6-го октября 1888 г.; доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Лембертъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ минералогіи, съ 23-го сентября 1888 г.; докторъ медицины Миллеръ и лѣкари: Булатовъ и Ауэ — сверхштатными ассистентами клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, съ 24-го іюня 1888 г.; исполняющій обязанности инспектора Елисаветградскаго земскаго реальнаго училища, преподаватель сего училища, статскій совѣтникъ Бучинскій — директоромъ сего училища, съ 23-го сентября 1888 г.; исправляющіе должность дѣлопроизводителей VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскіе секретари: Егоровъ и Маннъ—въ сихъ должностяхъ, съ 5-го октября 1888 года.

Назначены: прозекторъ и приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Поповъ — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ анатоміи, съ 6-го октября 1888 г.; кандидаты юридическихъ наукъ: Печавевъ и титулярный совѣтникъ Минервинъ — исправляющими должность доцентовъ Демидовскаго юридическаго лица въ Ярославль, съ 13-го сентября 1888 г.; консультантъ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны Виддеръ — членомъ попечительнаго комитета сего института, со дня выбора его въ сію должность, съ 12-го іюня 1887 г., на три года; окончившіе курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Иванъ Суровцевъ, Константинъ Проскуряковъ, Алексій Флеровъ и Иванъ Доладугинъ—учителями въ гимназіи: Суровцевъ — въ Олонецкую, древнихъ языковъ, Проскуряковъ — въ Вологодскую, русскаго и латинскаго языковъ; оба—съ 1-го іюля 1888 г.; Флеровъ и Доладугинъ — въ Ригельевскую, русскаго языка, съ 11-го іюня 1888 года.

Опредѣлены: инженеръ-технологи, надворные совѣтники: Денисъ и Самусь — адъюнкты-профессорами С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, съ 1-го сентября 1888 г.; бывший ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лица, статскій совѣтникъ Исаевъ—вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленнымъ къ оному, съ 22-го августа 1888 г.; кандидаты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — Николай Бубновъ, Владиміръ Свѣнцицкій и Александръ Лакмундъ, и св. Владиміра — Сергій Пѣвницкій—на службу по ми-

нистерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному, Бубновъ, съ 28-го сентября 1888 г., Свѣнцицкій и Лакмундъ, съ 9-го октября 1888 г. и Пѣвницкій, съ 18-го сентября 1888 года.

Причислены къ министерству народнаго просвѣщенія: причисленный къ министерству юстиціи, титулярный совѣтникъ Юшкевичъ, съ 18-го сентября 1888 г., съ оставленіемъ на службѣ по министерству юстиціи; преподаватель С.-Петербургской женской гимназіи кляггини Оболенской, палаточный совѣтникъ Шварсалонъ, съ 17-го сентября 1888 г., съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Оставленъ по службѣ на пять лѣтъ, директоръ Троицко-савскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Солдатовъ, съ 16-го августа 1888 г.

Оставлены на службѣ по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части: заслуженные ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго—тайный совѣтникъ Богдановъ, съ 28-го сентября 1888 г. и С.-Петербургскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Коркинъ, съ 24-го сентября 1888 г.; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Вериго, съ 15-го августа 1888 г.; С.-Петербургскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣевичъ, съ 26-го сентября 1888 г.; Харьковскаго—статскій совѣтникъ Безсоповъ, съ 12-го августа 1888 г., и статскій совѣтникъ Вагнеръ, съ 1-го сентября 1888 г.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: начальникъ Калишской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Барановъ—на двѣ недѣли; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Дукшта-Дукшинскій—на одинъ мѣсяцъ; директоръ народныхъ училищъ, Оренбургской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пасада и почетный попечитель Одесской первой прогимназіи Целехянъ—на два мѣсяца, и б) за границу, учитель гимнастики Императорскаго Дерптскаго университета Буро—съ 7-го декабря 1888 г. по 21-е января 1889 г.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству Михаилъ Царевскій, съ 1-го сентября 1888 г., по случаю назначенія его штатнымъ учителемъ русскаго языка, исторіи и географіи Ломжинской женской гимназіи.

Уволенъ, согласно прошенію, отъ службы, ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Шульце, съ 1-го октября 1888 г.

Объявлена принятельность министерства народнаго просвѣщенія: попечительницамъ и учредительницамъ начальныхъ народныхъ училищъ: въ с. Василевкѣ, Лебединскаго уѣзда, вдовѣ надворнаго совѣтника Маріи Богаевской и въ с. Гречаниковѣ, Ахтырскаго уѣзда, дворянкѣ Анастасіи Подольской и попечительницѣ женскаго отдѣленія Ахтырскаго Коммиссарово-Костромскаго приходскаго училища, женѣ потомственнаго почетнаго гражданина Аннѣ Виноградовой—за усердную и полезную дѣятельность ихъ по народному образованію.

Исключены изъ списковъ умершіе: почетный попечитель коллегіи Павла Галагана въ городѣ Кіевѣ, тайный совѣтникъ Галаганъ; помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кунъ; профессоръ богословія Императорскаго Новороссійскаго университета, протоіерей Кудрявцевъ; директоръ Калужскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Коноповъ; профессоръ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, статскій совѣтникъ Монастырскій и завѣдывавшій аптекою сего института, провизоръ Домбровичъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управлявшимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: „С. Мечъ. Россія. Географическій очеркъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. Москва. 1888. Стр. 358 въ 8-ку. Цѣна 1 р.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ низшихъ и среднихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій.

— Книжку: „С. Мечъ. Сахара и Пилъ. Географическій очеркъ. Москва. 1888. Стр. 87 въ 8-ку. Цѣна 30 коп.“—рекомендовать для ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Мірскіе захребетники. Профессора С.-Петербургскаго университета Модеста Богданова. Изданіе 2-е. С.-Пб. Стр. 185 въ 8-ку. Съ 27 рисунками. Цѣна 1 р.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „П. Смирновскій. Русская хрестоматія. Часть вторая. Для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 4-е.

С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. 270+IV+VII. Цѣна 85 коп.—одобрить какъ учебное пособіе для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка, изложенная сравнительно съ русскою. Составлена для среднихъ учебныхъ заведеній П. Смирновскимъ. Изданіе 6-е. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. VIII+142. Цѣна 60 коп.—одобрить какъ учебное пособіе для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „П. Смирновскій. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Этимология. Изданіе 6-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 40 коп.—одобрить для младшихъ классовъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „П. Смирновскій. Курсъ систематическаго диктанта для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I (курсъ I и II кл.). Изданіе 6-е. С.-Пб. 1888. Стр. 144. Цѣна 60 коп.—одобрить для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Русская хрестоматія. Часть I, для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Смирновскій. Изданіе 6-е. С.-Пб. 1888. Стр. 309+VIII. Цѣна 70 коп.—одобрить въ видѣ учебнаго пособія для первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Краткій учебникъ русской грамматики для низшихъ классовъ гимназій и городскихъ училищъ. Составилъ П. Ваталинъ, преподаватель Московской 6-й гимназій. Москва. 1887. Въ 8-ку, стр. IV+119. Цѣна 50 коп.— одобрить какъ учебное руководство для I и II классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и преподавателей. Выпускъ IV. Составилъ В. Покровский. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. 550+VI. Цѣна 2 руб.— одобрить въ видѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ: 1) Жуковскій, Крыловъ, Дмитріевъ, Аксаковъ, Кольцовъ. 2) Карамзинъ, Пушкинъ, Дельвинъ, Лермонтовъ, Гоголь. Книга для занятій по отечественному языку въ I, II и III (въ первомъ полугодіи) классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ. Приложенія: 1) Произведенія народной словесности. 2) Указатель объясненныхъ въ книгѣ словъ и оборотовъ. В. Мартиновскаго, инспек-

тора Тифлисской прогимназіи. Изданіе 2-е, печатанное съ изданіи 1897 г., съ измѣненіями и дополненіями. Правописаніе соглашено съ академическимъ. Тифлисъ. 1888. Въ 8-ку стр. XV + 100 + 16. Цѣна 90 коп." — одобрить какъ учебное пособіе для I, II и III классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ, и для городскихъ училищъ; и

— Брошюру: „О преподаваніи отечественнаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. В. Мартыновскаго. Изданіе 2-е. Тифлисъ. 1888. Въ 8-ку стр. 37" — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ означенныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Краткая грамматика латинскаго языка. Третье изданіе, исправленное и дополненное. Составили И. Сидоровъ и Э. Кесслеръ. С.-Пб. 1888. Стр. 90 + 177. Цѣна 1 р. 25 коп." — рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Учебникъ латинскаго языка для I и II классовъ классическихъ гимназій и прогимназій. Составили П. Симсонъ и Э. Югансонъ. Изданіе 2-е. Часть I. Грамматика. Одесса. 1888. Цѣна 60 коп." — одобрить въ качествѣ руководства для I и II классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Учебникъ латинскаго языка для I и II классовъ гимназій. Составили Симсонъ и Югансонъ. Часть II. Изданіе 2-е. Одесса. 1888" — одобрить какъ руководство по латинскому языку для I и II классовъ гимназій.

— Книгу: „Сокращенный синтаксисъ латинскаго языка. Профессора И. В. Нетушига. Изданіе 2-е. Харьковъ. 1888. Цѣна 75 к." — допустить къ употребленію въ видѣ учебнаго пособія.

— Книгу: „*Chrestomathia graeca*. Избранныя изъ греческихъ авторовъ статьи для школьнаго чтенія. М. Григоровскаго. Харьковъ. 1888. Въ 8-ку стр. 409. Цѣна 1 руб. 50 коп." — одобрить въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Σοφοκλέους Οιδίπους ἐπὶ Κολώνῃς*. Эдипъ въ Колонѣ, трагедія Софокла. Текстъ съ примѣчаніями, составленными О. Петрученко, преподавателемъ Московской 2-й гимназіи. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. 131. Цѣна 90 коп." — одобрить какъ полезное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „В. В. Латышевъ. Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ и для начинающихъ часть сокл., отд. I.

филологовъ. Часть I. Государственныя и военныя древности. Изданіе 2-е, переработанное. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. 366. Цѣна 1 руб. 50 коп.—рекомендовать какъ полезное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Элементарная алгебра.“ Курсъ систематическій, въ двухъ частяхъ, Н. Н. Марачева, преподавателя математики. Часть I. Москва. 1887.—Часть II. Москва. 1888. Стр. III+454+506+II. Цѣна 4 руб.—одобрить какъ весьма полезное пособіе для гимназій и реальныхъ училищъ и рекомендовать для всѣхъ фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Курсъ опытной физики. А. П. Шимкова, профессора Императорскаго Харьковскаго университета. Часть I. Общая физика и акустика, 409 стр. Цѣна 2 р. 50 коп.—Часть II. О свѣтѣ, 305 стр. Цѣна 2 руб.—Часть III. О теплотѣ, 269 стр. Цѣна 1 р. 70 к.—Часть IV. О магнетизмѣ и электричествѣ, 587 стр. Цѣна 4 руб. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Харьковъ. 1884—1888. Въ 8-ку. Цѣна всего изданія 10 руб. 20 коп.“ — рекомендовать для основныхъ библиотекъ реальныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ гимназій и учительскихъ институтовъ.

— Изданіе: „J. B. Roquelin-Molière. I. L'Avare. Comedie en cinq actes. II. Le Misanthrope. Comedie en cinq actes en vers (Édition épurée). Выпускъ I. Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабдилъ объясненіями В. С. Игнатовичъ. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р.—J. B. Roquelin-Molière. I. Le Bourgeois gentilhomme, Comedie en cinq actes et en vers (Édition épurée). Выпускъ II. Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабдилъ объясненіями В. С. Игнатовичъ. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р.“—допустить въ качествѣ полезнаго пособія при изученіи французскаго языка въ старшихъ классахъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Руководство къ физическому воспитанію дѣтей школьнаго возраста. П. Лесгафта. Часть I. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. 356. Цѣна 1 р. 75 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Э. А. Андреевъ. Занканіе и его лѣченіе. Практическое руководство для родителей, воспитателей и для самообученія. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку стр. 96. Цѣна 1 р.“ — допустить въ библиотекѣ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: „Мірскіе захребетники. Профессора С.-Пб. университета Модеста Богданова. Изданіе 2-е. С.-Пб. Стр. 185 въ 8-ку. Съ 27 рисунками. Цѣна 1 р.“ — одобрить для ученическихъ бібліотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— „Начальныя прописи Ѳ. Ѳ. Пуциковича. С.-Пб. 1888. Цѣна 8 коп.“ — одобрить для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Книга для чтенія русскими солдатами всѣхъ родовъ оружія. Съ портретами и рисунками. Составилъ Старый ротный Командиръ. Изд. 3-е, В. Березовскаго. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 191 стр. Цѣна 35 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были сдѣланы указанныя исправленія и было обращено вниманіе на корректуру.

— Книгу: „Первыя разказы изъ естественной исторіи. М. Бывовой. Для дѣтей, только что научившихся читать. Изд. 2-е. С.-Пб. 1888. Въ 12-ю д. л. 77 стр. Цѣна 30 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Полезныя свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ. (Разведеніе и уходъ за домашними животными и птицами и лѣченіе ихъ болѣзней). Составилъ А. Савольевъ. Изд. 4-е. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 123 стр. Цѣна 40 коп.“ — одобрить для ученическихъ бібліотекъ народныхъ училищъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесеніямъ попечителей учебныхъ округовъ послѣдовало открытіе: ремесленныхъ отдѣленій для обученія столярно-токароному дѣлу въ Тургайскомъ и Иргнскомъ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ и однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Будицахъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, при 50 учащихся.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Департаментомъ народнаго просвѣщенія переданы комиссіонеру сего департамента, книгопродавцу Глазунову, въ С.-Петербургѣ, для продажи печатные экземпляры свиска лицанъ, служащихъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, на 1888—1889 учебный годъ.

ВНОВЬ ОТКРЫТОЕ СОЧИНЕНІЕ ЮРІЯ КРИЖАНИЧА ¹⁾.

Въ бібліотекѣ Тверской духовной семинаріи сохранился одинъ изъ неизвѣстныхъ доселѣ наукѣ трудовъ знаменитаго славянскаго ученаго, отца современнаго папславизма, Юрія Крижанича. Рукописный трудъ этотъ носитъ слѣдующее названіе: „Обіясненіе виводно о писмѣ Словѣнскомъ“ ²⁾. Имя автора ни въ началѣ, ни въ концѣ сочиненія не обозначено; въ концѣ его находится только приписка, вполне точно обозначающая годъ, мѣсяцъ и день окончанія этого труда. Въ концѣ рукописи, предъ вычетомъ раздѣловъ, или оглавленіемъ, стоятъ слѣдующія слова: „Сверха и Богу слава 1661, Авг. 8,“ откуда, очевидно, слѣдуетъ вывести, что трудъ этотъ оконченъ составленіемъ 8-го августа 1661 года.

По вѣншнему своему виду рукопись эта представляетъ нѣсколько сброшюрованныхъ тетрадей въ листъ, бумага которыхъ отъ ветхости начинаетъ распадаться. Все сочиненіе написано на стоодиннадцати страницахъ, помѣченныхъ славянскими цифрами сверху каждой страницы, далѣе на двухъ страницахъ помѣщенъ „вчетъ раздѣловъ“, или оглавленіе; въ счетъ страницъ не включенъ „предговоръ“, или предисловіе, занимающее въ рукописи первыя шесть не пронумерованныхъ страницъ. Кромѣ помѣты въ концѣ рукописи, приведенной нами выше, на первомъ листѣ рукописи носторопнею рукою паверху и внизу листа слѣданы слѣдующія двѣ помѣты: 1) „Грамматика древняя русская“ и 2) „Ex Cathedrali Bibliotheca Episcopi Tferensis“. Вся ру-

¹⁾ Читано въ засѣданіи Тверской ученой архивной комиссіи 23-го марта 1888 года.

²⁾ Второе слово этого заглавія въ самой рукописи позднѣе поправлено на слово „виводно“; мы удерживаемъ первоначальную редакцію.

копись писана кириллицей и однимъ почеркомъ, по начертанію нѣкоторыхъ буквъ отличнымъ отъ тогдашняго русскаго. Почеркъ всей рукописи имѣетъ несомнѣнное сходство съ почеркомъ большинства собственноручныхъ сочиненій Крижанича, на сколько можно судить объ этомъ по образцамъ его почерка, приложеннымъ къ статьѣ Безсонова. ¹⁾ Вся эта рукопись во многихъ мѣстахъ, за исключеніемъ небольшого числа поправокъ, сдѣланныхъ авторомъ при послѣдней проверкѣ своего сочиненія, представляетъ по виду вполнѣ чистый и даже щеголеватый списокъ, въ которомъ многія существенныя слова написаны кинноварью; по мѣстамъ же она писана довольно слѣшно, со многими поправками и не съ такою оцратностью. Все это даетъ намъ право заключить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ спискомъ вышеназваннаго сочиненія Крижанича, который предназначался быть бѣловымъ, но не сталъ такимъ по какимъ-либо обстоятельствамъ, можетъ быть—потому, что при окончательной перепискѣ этого труда автору представилось нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія и поясненія къ первоначальной черновой редакціи своего сочиненія. Хотя рукопись эта доселѣ хранилась въ семинарской библіотекѣ безъ переплета, но сохранилась она удивительно хорошо; за исключеніемъ перваго и нѣсколькихъ послѣднихъ листовъ, которые отваливаются отъ рукописи, вся остальная часть манускрипта представляетъ прочно сшитую связку тетрадей, въ которыхъ хотя края листовъ отъ ветхости въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и повывалились, но доселѣ не утратилась ни одна строка самаго текста сочиненія.

Мысль о принадлежности вышеназваннаго сочиненія Юрію Крижаничу зарождается въ умѣ при первомъ взглядѣ на рукопись и при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ ея содержаніемъ. Всѣ мысли и правила, излагаемыя въ этомъ сочиненіи, основываются на постоянной параллели между пятью главнѣйшими славянскими нарѣчійми: чешскимъ, русскимъ, польскимъ, сербскимъ и хорватскимъ, откуда съ несомнѣнностью видно, что авторъ этого сочиненія опытный и знающій славистъ. Такихъ свѣдущихъ славистовъ немного и теперь, а въ XVII столѣтіи такимъ славистомъ въ Россію былъ только одинъ Юрій Крижаничъ, время пріѣзда котораго въ Россію близко совпадаетъ со временемъ окончанія этого труда ²⁾, отмѣченнымъ въ самой

¹⁾ *Православное обозрѣніе* 1870 г., т. III, прилож. къ стр. 702.

²⁾ Крижаничъ прибылъ въ Россію въ 1659 году, посланъ въ Тобольскъ 8-го января 1661-го года (*Маркевичъ*. Юрій Крижаничъ. Варшава. 1876, стр. 20 и 24; *Правосл. обозрѣніе* 1870, т. III, стр. 824—826).

рукописи. Таково было первое соображеніе, приведшее насъ къ предположенію о принадлежности этой рукописи перу Крижанича. Болѣе тщательное изученіе рукописи въ связи съ другими сочиненіями этого писателя, а особенно съ его грамматикой, привело насъ, да по всей справедливости, должно привести и всякаго, въ твердой увѣренности въ томъ, что авторъ разсматриваемаго сочиненія—знаменитый славянскій ученый Юрій Крижаничъ.

Предметъ, трактуемый Юріемъ Крижаничемъ въ этомъ сочиненіи, изслѣдуется имъ и въ его грамматикѣ въ раздѣлахъ, или главахъ, 11-мъ и 12-мъ и др.; заглавіе раздѣла 11-го ¹⁾ между прочимъ почти буквально сходно съ общимъ заглавіемъ нашей рукописи. Мысли вновь открытаго нами сочиненія Крижанича по этому предмету, будучи сходны съ указанными главами грамматики по содержанию, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходятся съ грамматикой до буквальности и по изложенію, что, поватно, убѣждаетъ съ полною несомнѣнностью въ принадлежности этого сочиненія тому же автору, которому принадлежитъ и грамматика, то-есть, Юрію Крижаничу. Приведемъ для сравненія нѣсколько мѣстъ изъ того и другаго сочиненія.

Въ самомъ началѣ грамматики въ раздѣлѣ 1-мъ „объ словехъ“ читаемъ:

„Пика іест наименьше знаме въ писму: какот овди: іесут три пики.

Изъ пикъ постаіетъ черта: какот овди ІЗС, іесут три черти.

Изъ чертъ постаіетъ слово, іли чертина: какот овди, А, Б, В, іесут три слова, три чертини.

Изъ словъ постаіетъ склад: какот овди, по-ча-ток, іесут три.

Изъ складовъ постаіетъ Рич: какот овди, початок, іест іедна рич.

Изъ ричей постаіетъ Бесида. ка-

Въ началѣ нашей рукописи, въ раздѣлѣ 1-мъ, „о частехъ, изъ коихъ постаетъ писмо“, читаемъ:

„Точка іест наименьше знаме въ писмѣ:

Изъ точекъ постаетъ чертка.

Изъ чертокъ чертина; какоти, А, Б, В, Г.

Изъ чертинъ склад, какот Го-сподн.

Изъ складовъ рѣч; какот, Господин.

Изъ рѣчей Вестѣда, какот, Поча

¹⁾ „Исказаніе объ правомъ писму“ см. грамматику Крижанича въ изданіи Бодляскаго. Москва. 1859, стр. 126.

кот овди, Початок мудрости іест боіазен Господня, іест іедна бесида¹⁾.

Въ раздѣлѣ 11-мъ грамматики читаемъ:

„Блаженъ Кирилъ Солунскъ, хотещ нам словинцем писмо избрест: Словинска імена іест писменим словом издил. Гласници А и Е по нуже, а не властито іесут названи Аз и Ест. Право бо изрицаемъ Іаз или Іа и іест от Іесем: а не Аз, нити Ест.

Али пока места въ нашемъ іезику нит таковыхъ ричей, коіе би се начинали от чистихъ гласницъ А и Е (оприч споіеницъ Ако, Али, Аще): за то по нуже іесут тим словомъ надана та імена тако обсичена, Аз, Ест: из ричия Іаз, Іест²⁾.

Въ грамматикѣ въ раздѣлѣ 11-мъ, пунктѣ 9-мъ, читаемъ:

„Греки, како во своіемъ іезику, над всакоіу начальноїу гласницеіу пишут или Осопеніе: или Несопеніа бесполезно знаме: також и въ нашемъ іезику, при всакоь ко-

токъ мудрости іест боіазен Господня³⁾.

На раздѣлѣ 2-мъ нашей рукописи находимъ:

Блаженъ Кирилъ отлучи всямъ чертинамъ издѣт імена Словѣнска; то іест въ рѣчехъ въ нашемъ іазыцѣ обикньенихъ. Али понеже во всемъ іазыцѣ не находится рѣчъ, каіа бы се начинала от чистее гласници Е, то іест от Э: зато невозможне обрѣст пригожего імена съ гласницѣ Е: него іу нарече Ест: хотящ, да ми изговараемъ чисто Эст, како во греческомъ словце ἐστί; кое тоже у грековъ значит, што у насъ Ест, льубо іест. Али наши льудіе немогуща оставитъ своего природнаго обичаіа: іно гдѣ во азбуцѣ стоитъ Ест; начыша читат не эст, него іест: и тако сїю просту чертину, Е, почтоша и пріяша не за чисту гласницу Э; него за двѣ чертини, или за цѣль склад ІЕ⁴⁾.

Въ нашей рукописи въ раздѣлѣ 8-мъ, „о полугласницѣ Ъ“, читаемъ:

„Нашъ Учитель, или паче кто ін после ньего, смотрящъ на то, што у грековъ, над всакоіу от гласници начытоіу рѣчи, пишется іеден от двѣхъ противнихъ знаковъ: или Осоп-

¹⁾ Грамматика Крижаняча по изданію *Водлянскаго*, стр. 1.

²⁾ Грамматика Крижаняча, стр. 126, раздѣлъ 11-тый, пунктъ 1-й.

³⁾ „Обясненіе виводно о писемѣ словѣнскомъ“, рукопись тв. сем. бібліотеки, стр. 3.

⁴⁾ Грамматика, стр. 131 и 132.

нечноь негласнице пишут или Ошумльєніє Ъ; или Неошумльєніа, знаме Ъ; какот, Краль, Конь, Орель, Законъ, Братъ, Градъ.

Слово (Ь) из тонкиє негласници чынит шумну. А іор (Ъ) ничесом іного не знаменуєт: неже да разумієм, ієж тамо нит Ієра (ь) илити ошумльєніа. І затож, гд(ѣ) ієст шумно изречєніє, тамо ієст потрібно писат Ієр Ъ: какот, Краль, Конь. А гди нит шумного изрока: тамо нит триби никаковаж знаменіа. І то приписованіє Ієра на концих завдаєт въ писму вного непотрибниє забави. Напиши Орел и закон: и будет изречєніє тож, что во Орель, Законъ¹⁾.

Въ 17-мъ раздѣлѣ грамматики читаем:

„.... Въ іедином Херватском зроку чуіутсе влаки правилни: и извирноь Словинскоь бесиде привластни. І то істо не вєзди: него

ниъ, или Неосопниъ: уставил ієст, да потомже у нас, при всакоь рѣчи, кончащєсьє на негласницу припишетсе на концѣ ієден от двѣх противних знаков; или знак шумниъ Ъ, или знак тонкиъ Ъ. Сут бо нѣкиє негласници (наіпачє Л, да Н:), кои се изговараіут овда шумно; какот Краль, Конь: овда тонко: какот украль, Законъ.

Али вед и то ієст печал непотрѣбна; и каіа премного суетного труда прибавляєт въ нашем писмѣ: прямо како и презеречєниъ Неосопниъ знак бездѣлен ієст, и въ греческом писмѣ, и въ нашем.

Аще бо гдѣ-коли не будет пи, сан ни ов, ни он знак; то ієстни Ъ, ни Ъ: лєхко ієст познат всакому, же овдѣ непристоит чест Ъ, нити изрєчь шумно. Буди писано Орел, Закон: и зансто никто же, кто будет читал, не прибавит Ъ; сице Орель, Законъ: него пачє всакиъ хоцєт чест просто, како негласници Л, Н, сами о себѣ зоват: не мєньє, ни інако, неже аще би писано било Орель, Законъ.

За то же адда ов знак, Ъ, на концѣх рѣчєм ієст совсѣм непотрѣбєн²⁾.

Въ пашєй рукописи въ 17-мъ же раздѣлѣ говоритсѧ:

„Въ самом іедином Харватском

¹⁾ Рукопись, стр. 10

²⁾ Грамматика, стр. 188—189.

лихо между Куноіу и Вупоіу рѣками: во уіездех Бихща града, напаче окол Дубовца, Озля, и Рибника, острогов. Онамо бо во врїме Турских послїдних прогов ¹⁾ и при взетіу херватскїе столицы Бихща, между стернїе гори, и въ тежко переходна мїста, сохранили сут се останки Херватского больарства. І кулико іест іош досели остало Словїнского чїста іезика: тамо се іест обрїтало, за нашего дїтинства. Алїти садаіуж я тамо все се проминь-аіет, и гинет²⁾.

Такое сходство мыслей обоихъ сочиненій въ приведенныхъ нами трехъ первыхъ отрывкахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (особенно въ первомъ случаѣ) почти буквальное сходство даже изложенія должно убѣдить всякаго въ вѣрности нашего вывода объ авторѣ разсматриваемаго сочиненія. Еще болѣе убѣдительно въ этомъ направленіи четвертое изъ приводимыхъ нами мѣстъ. Убѣжденіе, что только въ этомъ мѣстѣ Хорватїи (между Куною и Волною рѣками) сохранился чїстый, такъ сказать, идеальный, славянскїй языкъ, составляетъ личное убѣжденіе Крижанича. Повтореніе этого убѣжденія въ обоихъ сочиненіяхъ и почти въ одинаковыхъ словахъ, понятно, еще съ болѣею несомнѣнностью убѣждаетъ въ принадлежности обоихъ этихъ сочиненій одному автору.

Къ тому же убѣжденію приводитъ и оригинальное правописаніе найденнаго нами сочиненія Крижанича. Извѣстно, что Крижаничъ, измысливъ свой общеславянскїй языкъ, создалъ и свое правописаніе, единственнымъ примѣромъ практическаго приложенія котораго и являются его собственныя сочиненія, преимущественно филологическія. Грамматика Крижанича издана О. М. Бодянскимъ съ соблюденіемъ всѣхъ малѣйшихъ особенностей его правописанія,

¹⁾ Рукопись, стр. 67 и 68.

²⁾ На основаніи нашей рукописи можно исправить эту или оечатку, или не исправленную описку Крижанича: очевидно, нужно читать „прогонов“.

³⁾ Рукопись, стр. 106—107.

и это правописание, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, различіе въ которыхъ произошло отъ перемены взглядовъ самого Крижанича, оказывается безусловно сходнымъ съ правописаніемъ нашей рукописи. О главной особености своего правописанія самъ Крижаничъ въ началѣ разсматриваемой нами рукописи говоритъ слѣдующее: „Чертина Ъ, да склад Ы, круто часто биваѣютъ уживани въ Русскомъ писмѣ. Здѣ пак пишутсе въ рѣткыхъ, и токмо нужнихъ мѣстѣхъ, гдѣ по нужѣ писатсе імаѣутъ“ ¹⁾. Этимъ же правиломъ Крижаничъ руководствовался и при писаніи своей грамматики, въ чемъ не можетъ ни на минуту усумниться никто, сколько-нибудь знакомый съ особенностями правописанія Крижанича. А это обстоятельство въ связи съ сходствомъ правописанія въ обоихъ сочиненіяхъ и въ громадномъ большинствѣ другихъ случаевъ служитъ новымъ доказательствомъ вѣрности нашего вывода.

Думаемъ, что всѣхъ изложенныхъ нами соображеній и доказательствъ вполне достаточно для полнаго убѣжденія въ томъ, что въ вышеупомянутой рукописи Тверской семинарской бібліотеки мы имѣемъ дѣло съ сочиненіемъ Крижанича, собственноручно имъ написаннымъ ²⁾, а потому, не влагая другихъ доказательствъ нашей мысли, какъ-то сходства въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ и мн. др., мы прямо перейдемъ къ рѣшенію другихъ вопросовъ относительно этого вновь открытаго нами сочиненія Крижанича.

Всѣ доселѣ извѣстныя сочиненія Крижанича можно раздѣлить на три группы, рѣзко различающіяся и по содержанію. Къ первой группѣ относятся его сочиненія, написанныя имъ до прибытія его въ Малороссію, ко второй слѣдуетъ отнести сочиненія, написанныя имъ въ Малороссіи, и къ третьей нужно отнести сочиненія, написанныя Крижаничемъ въ Россіи или, правильнѣе, въ Сибири.

Къ числу первыхъ нужно отнести:

1) Переводъ сочиненія Нила Солунскаго, въ которомъ этотъ авторъ разъясняетъ причины церковнаго раздора и происхожденія мнимаго главенства папы; рукопись этого перевода въ настоящее

¹⁾ Рукопись, стр. 1.

²⁾ Мы не выдвигаемъ этого обстоятельства въ число доказательствъ принадлежности этой рукописи Крижаничу потому, что послѣ всѣхъ вышеизложенныхъ доказательствъ, опредѣленіе почерка является дѣломъ второстепеннымъ хотя мы, повторяемъ, вполне убѣждены, что наша рукопись писана Юріемъ Крижаничемъ собственноручно.

время хранится въ Римѣ въ доминиканскомъ монастырѣ Santa Maria sopra Minerva ¹⁾).

2) Всеобщая бібліотека схизматиковъ въ двухъ томахъ, обнимающая всѣ книги схизматиковъ, доселѣ напечатанныя. Сочиненія предшествовавшихъ двѣнадцати сочинителей, на трехъ языкахъ, древне-греческомъ, ново-греческомъ и московскомъ, отпечатанныя гредше въ различныхъ издапіяхъ т. 1 ч. 1-ая. Въ переводѣ и толкованіи Юрія Крижаняча. Римъ. Іюня 31-го 1656 года ²⁾).

Ко второй группѣ относятся:

1) *Putno opisanie od Lewowa do Moskwi.*

1) *Besida ko Czerkassom wo osobi Czerkassa upisana* ³⁾).

Последнія два сочиненія, по вполне вѣроятному предположенію г. Безсонова, написаны Крижанячемъ между мартомъ и октябремъ 1659 года ⁴⁾).

Изъ сочиненій третьей группы доселѣ были извѣстны:

1) Русская лѣтопись, писанная абецедой, съ присоединеніемъ выписокъ изъ другихъ иностранныхъ историческихъ сочиненій, имѣвшихъ отношеніе къ Россіи. О времени составленія этихъ выписокъ Безсоновъ говоритъ слѣдующее: „1-го сентября 1661 года были начаты работы изученія надъ Кромеромъ съ выписками изъ него; русская лѣтопись кончена перепиской и изученіемъ 8-го января 1662 года; возвращеніе къ Кромеру и продолженіе работъ по его книгѣ того же года января 10-го и 16-го, затѣмъ изученіе Петра Петрея, по лѣмецкому тексту и лейпцигскому изданію 1620 г., того же года января 21-го, 31-го и далѣе; потомъ съ Бароніемъ, отъ древнѣйшихъ временъ постепенные шаги чрезъ область польской исторіи до 1662 года и до царей Русскихъ; съ февраля 16-го 1662 года обращеніе къ изученію „Филиппа Комнина“ ⁵⁾).

¹⁾ *Русскій Вѣстникъ* за 1887 годъ, т. 189; Юрій Крижанячъ. Статья *Брикнера*, стр. 9; *Правосл. Обзор.* 1870 г., стр. 701.

²⁾ *Ibid.* Эта рукопись хранится въ вышеупомянутомъ же монастырѣ.

³⁾ См. *Маркевича* Юрій Крижанячъ, стр. 16. Проф. Брикнеръ отдѣляетъ отъ „Бесѣды Малороссіянина“ „Усмотреніе о царскомъ величествѣ“ какъ особое сочиненіе, но дѣлаетъ это, кажется, по недоразумѣнію; мы, считая оба указанныхъ сочиненія за одно, слѣдуемъ гг. Безсонову и Маркевичу. *Прав. Обзор.* 1870 г., III, стр. 816—817; *Маркевичъ*, стр. 19; *Русскій Вѣстникъ*, 189 томъ, стр. 12.

⁴⁾ *Русскій Вѣстникъ*, т. 189, стр. 12—13. *Прав. Обзор.* 1870 г. III, стр. 807.

⁵⁾ *Безсоновъ*—*Прав. Обзор.* 1870 г., т. 1, стр. 349—350; *Брикнеръ*—*Р. Вѣстникъ*, т. 189, стр. 16.

2) „Разговоры объ владѣтельствѣ“; трудъ этотъ начатъ 15-го апрѣля 1663 г. и былъ продолжаемъ даже за 22-е октября 1664 года ¹⁾).

3) „Грамматично искаваніе об Рускомъ іезику“, конченное авторомъ 7-го октября 1666 года (7174 года ²⁾).

4) De providentia Dei, sive de causis victoriarum et cladum. Colloquium. Valerius et Augustinus, конченное Крижаничемъ 25-го мая 1666 года ³⁾).

5) „Объ светомъ крещенію“. Разговоръ между Богданомъ и Милошемъ. Это сочиненіе начато составленіемъ, по предположенію Маркевича, въ 1668—1669 году ⁴⁾).

6) Соловечка челобитна, об суіеверствѣ и об раздору: съ объясненіемъ Юрка Крижанича презваніемъ Серблянина: об Апостольской Соборной Церкви: како іестъ всехъ Владика, и церкви Созидатель Христосъ, своіей возлюбленной церкви обещалъ, и далъ вѣчну необлудность... Писалъ по Юрай Крижаничъ, презваніемъ Серблянина: во 183 (1675) году; въ Сибири ⁵⁾).

7. „Письмо объ освобожденіи“ къ царевичу Теодору Алексѣевичу (litterae pro liberatione), писанное въ 1676 году ⁶⁾).

8. „Письмо на счастливое государское вѣнчаніе (Теодора Алексѣевича). Червя Юрка Серблянина благопривѣтствованіе и за свое освобожденіе низжайшее поклоненіе и благодареніе“ ⁷⁾).

Изъ даты окончанія найденнаго нами цоваго сочиненія Крижанича (8-го августа 1661 года), обозначенной самимъ авторомъ этого труда, становится очевидно, что среди всѣхъ доселѣ извѣстныхъ двѣнадцати сочиненій Крижанича „Обіясненіе выводно о писмѣ Словѣнскомъ“ по времени составленія должно занять пятое мѣсто, и что оно является такимъ образомъ первымъ сочиненіемъ въ

¹⁾ Маркевичъ, стр. 29; Р. Вѣстникъ, т. 189, стр. 17.

²⁾ Грамматика въ изданіи Бодянской, стр. VI.

³⁾ Маркевичъ, стр. 124.

⁴⁾ Ibid., стр. 199.

⁵⁾ Ibid., стр. 205. По исполнѣнн въроятному предположенію Маркевича, первая редакція этого сочиненія была написана еще въ 1668 году.

⁶⁾ Маркевичъ, стр. 220.

⁷⁾ Ibid., стр. 222. Мы не говоримъ здѣсь еще о трехъ сочиненіяхъ (Лексиконъ латинско-славянскій, Dialogus de processione Spiritus Sancti в Роксія ac rhetorica), принадлежащихъ перу Крижанича, по предположенію г. Сьерниго, такъ какъ принадлежность этихъ сочиненій Крижаничу не установлена съ надлежащею доказательностью; см. Русск. Вѣстникъ 189 т., стр. 12.

третьей группѣ сочиненій Крижанича, то-есть, первымъ сочиненіемъ, написаннымъ имъ въ Россіи или, правильнѣе, въ Сибиря, являясь въ то же время и первымъ грамматическимъ трудомъ его, упреждая, по времени составленія, его грамматику на цѣлыя пять лѣтъ.

Сочиненію Крижанича „о письмѣ Словѣнскомъ“ предшествуетъ, какъ мы уже упомянули выше, довольно обширный „предговоръ“¹⁾ или предисловіе. Въ этомъ предговорѣ авторъ говоритъ: „Здѣсь найдешь, охотный читатель, все, что необходимо для славянскаго правописанія, уясненнымъ, на сколько мы могли найти и разсудить“²⁾. Изложеніе этого сочиненія не идетъ догматически (dogmatikōs), то-есть, по учительски, но критически (kritikōs) съ обширными объясненіями. Можно бы все это изложить и короче, давая только одни краткія правила и говоря съ повелѣніемъ, но такъ какъ наше славянское письмо отъ самаго своего начала никакъ не было критически изслѣдовано, кромѣ развѣ только одного Смотрицкаго, и съ теченіемъ времени подверглось много-различнымъ искаженіямъ, то необходимо для большей понятности о всякомъ искаженіи „изводно доказать, отъ кого, како и зашто“ оно сдѣлано. Въ греческихъ преданіяхъ разсказывается объ хлѣвѣ Авгіевомъ, въ которомъ стояло три тысячи воловъ, и за чудо почитается, что „дивосиль“ Геракулесъ очистилъ весь навозъ въ одинъ день. Сказка сказкою, а письмо славянское можно приравнять къ хлѣву Авгія,—„когда на письмо словѣнско гледиш; згола считаа, же нѣкѣ Авгіини хлѣвъ видиш: тако въ немъ размантихъ превратовъ и поблудковъ песчетна іест множина“³⁾. Изъ этого сочиненія можно увидѣть, что внесли въ славянскій языкъ бѣлоруссы изъ польскаго языка и письма, что греки-переводчики изъ своего языка и что внесли русскіе писцы изъ своего „домышленія“, съ указаніемъ, что изъ этого свойственно и что несвойственно славянскому языку. Какъ великъ и многообразенъ былъ трудъ нашъ при составленіи этого сочиненія, можно видѣть изъ того, что „кто не би разумѣл: въ чемъ се разнитъ іазикъ Русскій отъ Лешкого; Лешкнѣ отъ Харватскаго: Харватскнѣ отъ Сербскаго и Чешкаго; и аще неби разумѣлъ правописанія Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго, Лешкого, Рускаго, Вѣлорускаго

¹⁾ А не „предговоріе“, какъ онъ писалъ послѣ; см. Грамм., стр. I.

²⁾ Мы рѣшаемся для сокращенія времени передать содержаніе этого довольно обширнаго „предговора“ путемъ свободнаго перевода важнѣйшихъ мѣстъ его, иногда отходя довольно далеко отъ подлинника.

³⁾ Рукопись тв. сем. бібліотеки. Предговоръ, л. 1 об.

и Задунайскаго: никакo же сего разсуженія неби могел составит¹⁾). Нужво при этомъ припомнить, что и самъ русскій языкъ „на троіе іест раздѣльен... Рускнѣ общнѣ и подлинннѣ: коимъ на великовъ Руса говорят; Бѣлорускнѣ., кнѣ іест нѣкое мерзко смѣшаніе изъ Руского да Лешкого; и книжннѣ, или Преводничскнѣ, кнѣ такоже іест мѣшанннѣ изъ Греческаго да Руского дрѣвннѣго: дрѣвннѣ бо на всѣхъ Русехъ люднѣ общено говораху овнмъ іазнкомъ, кнѣ нннѣ чтемъ въ кннгахъ; опрочъ отнѣннѣ изъ Греческаго іазнка поведенихъ“²⁾). Я здѣсь собралъ и издадѣлъ только „малее чѣстки (коликo ми по Господнѣемъ извольеннѣ разумѣтъ бѣ удѣльено)“, не все, чтѣ нужно, а только то, чтѣ могѣ. Знаю, что всѣ мои разсужденія и мнѣнія не всѣмъ поврѣвятся,—кто можетъ всѣмъ угодитъ и все уразумѣть?—Поэтому-то я „и подѣіу дѣло разумннѣ, и рускнѣ бесѣди свѣдомшнмъ людѣмъ на судъ: да, што почтутъ слушно битъ речено, укрѣпятъ; а што за непригоже узнаіутъ, да каково“³⁾ битъ покажутъ... „Въ пространнѣшемъ разговорѣ (:како се рече:) выдаіемъ сіе обіаснѣніе: а после разсмотренія людѣмъ разумннѣхъ, зможно будетъ овоже въ кратка правила стѣгнутъ. Хощнѣ боіусе, же и снцего разшнреніе не во всемъ тако достатно будетъ: да не би при нѣемъ и словного выклада нѣкоимъ въ разумлѣніу трѣба бнло“⁴⁾).

По окончанія этого предговора, поставлено заглавіе всего сочиненія: „Обіаснѣніе виводно о писмѣ Словѣнскомъ“, непосредственно за котормъ слѣдуетъ „Опомянокъ о чтеннѣ сего списка“ относительно употребленія буквъ ъ и ы, бо́льшую часть котораго мы написали выше. Вслѣдъ за этнмъ опомннкѣмъ помѣщенъ другой „предговоръ“ Тутъ Крижаннчъ говоритъ: Ни одннъ языкъ не существуетъ „искони вѣка“, въ совершенномъ и законченномъ видѣ съ самаго начала. Греческое письмо и языкъ усовершенствовались только послѣ египетскаго, латинское — послѣ греческаго. „А наше словѣнско письмо и іазнкъ јещче лежитъ во своихъ плѣннцахъ и потрѣбуетъ изтяжанія. Ј николиже не постанетъ јазнкъ себѣ сличенъ, строіенъ, и въ разумному коему писаніу и говореніу пригоденъ; доколігодъ неістѣжитъсе: а наіначе доколи се непокажетъ, како бесѣда и писмо

¹⁾ Ibid., л. 2.

²⁾ Ibid., л. 2 и об.

³⁾ Въ рукописи написано: „узнадутъ... таково“. Мы, считая это опискою, исправляемъ.

⁴⁾ Предговоръ, лл. 2 об. и 3 и об.

наше многоразлично из левякого, греческого и латинского іазика бѣ заматено, превращено и скажено. Іа въ тоѣ мѣрѣ, над чимъ се трудих уже гѣт без мала тридесет, то желай и надѣйсе, въ Божьимъ послѣшениѣм, въ краткомъ врѣмени на свѣт виставит: граматку дим, да лексикон подат на разсуженіе всимъ разумнимъ людемъ. А тому на узор и на указаніе нинѣ подају сеѣ кратокъ списокъ, о праведномъ писаньи¹⁾. Далѣе Крижаничъ говоритъ, что прежде всего нужно принять къ свѣдѣнію, что наша азбука составлена по образцу греческой и не во всемъ устроена согласно съ нашимъ языкомъ. А потому „бѣлорусци“ сдѣлали много перемѣнъ и ввели много различныхъ новинъ при напечатаніи Библии, лексикона, грамматики и другихъ книгъ, и русское правописание, или орфографію „несмерно мерзко и одурно прековаша“ по примѣру польскаго говора и письма „и тимъ іазикъ превратилъ, да не речемъ, въ конецъ затершъ“. Это все съ Божьею помощію и намѣреваемся мы здѣсь вкратцѣ доказать и объяснить²⁾.

Послѣ этого предисловія начинается уже самое сочиненіе „раздѣломъ“ первымъ— „о чястехъ, изъ коихъ постаѣтъ писмо и о раздѣленьи черти“. Начало этого раздѣла мы привели уже выше. Главнѣйшимъ отличіемъ содержанія этого раздѣла въ нашей рукописи отъ части содержанія раздѣла 1-го грамматики Крижанича состоитъ въ томъ, что здѣсь онъ перечисляетъ 41 букву славянской азбуки, какъ дѣлалъ Кирилломъ Солунскимъ, и указываетъ еще пять буквъ, прибавленныхъ послѣ „со временемъ“³⁾. Тутъ онъ не входитъ въ критическій разборъ этихъ звуковыхъ начертаній, какъ дѣлаетъ онъ это въ своей грамматикѣ.

Раздѣлъ второй „о гласницахъ“ съ большими подробностями трактуетъ о гласныхъ: І, И, V, OV, O, Ѡ, Е, Э, Ә и Ы. Обо всѣхъ этихъ гласныхъ говоритъ Крижаничъ и въ своей грамматикѣ въ разныхъ пунктахъ раздѣловъ 11-го и 12-го; такъ о гласныхъ І, И, V и OV—въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ раздѣла 12-го и въ 12-мъ пунктѣ раздѣла 11-го; о гласныхъ O и Ѡ—въ пунктѣ 5-мъ раздѣла 11-го; о гласныхъ Е, Э, Ә—въ четвертомъ пунктѣ раздѣла 11-го⁴⁾. Содержаніе нашей рукописи въ данномъ раздѣлѣ не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ содержанія вы-

¹⁾ Ibid., стр. 1—2.

²⁾ Ibid., стр. 2—3.

³⁾ Ibid., стр. 4.

⁴⁾ Грамматика Крижанича, стр. 126—127; 137—139; 129; 128.

шеуказанныхъ мѣстѣ грамматикѣ, кромѣ только того, что изложеніе всего этого въ нашей рукописи проще, понятнѣе и доказательнѣе, что вполне соответствуетъ обѣщанію Крижанича писать это сочиненіе не догматикѣс, но критикѣс. Въ изложеніи нѣкоторыхъ, впрочемъ, мѣстѣ нашей рукописи въ этомъ раздѣлѣ есть и отличія отъ его грамматикѣ. Такъ, сказавъ о пяти различныхъ способахъ произношенія буквы иpsilon у грековъ, Крижаничъ заканчиваетъ свою рѣчь о ней такимъ правиломъ: „Намъ таково замѣтеніе... смутную многу и недоуміе приводитъ... Паче пристоіаше намъ смотритъ, како се изговараіутъ греческа імена, неже како се пишутъ“¹⁾. Въ нашей рукописи онъ также гораздо подробнѣе говоритъ объ „ε великомъ“, о которомъ въ своей грамматикѣ онъ дѣлаетъ только краткое упоминеніе. Въ нашей рукописи объ этомъ предметѣ онъ говоритъ: „Іешче вимислиши и великое ε: и уставшия правило, да въ іединичнихъ падежѣхъ пишется ε да ο; а во множиннихъ ε, да ω; какотъ, предъ іеднимъ мужемъ: предъ іеднимъ чловѣкомъ. Ко тримъ мужемъ; но тримъ чловѣкомъ. Обаче и то бѣваше излишна печалъ. Абовѣмъ у грековъ очивиста іестъ потрѣба и причина, зашто пишутъ, τὸν χαλόν, λѣпого, и τὸν χαλόν, λѣпнихъ: различно бо іестъ провлеченіе гласа; оно кратко, ово долго. У насъ пакъ тее разности нѣтъ, въ такихъ мѣстѣхъ. А къ тому іешче питаемъ: чему не велѣтъ во множиннихъ же падежѣхъ потомже писатъ великого α, да неликого и? Сице, ко главамъ, къ ногамъ: къ моимъ, къ нашимъ. Іавно, чаіу, поста: како и правило то іестъ бездѣлно, и писмо постае неслично; аще наставемъ между дробницами писатъ грубци: то іестъ грубне чертнина между дробними въ срѣдинѣ рѣчь“²⁾.

Третій раздѣлъ нашей рукописи „о негласницѣхъ Ја“³⁾ Крижаничъ начинаетъ такъ: „Въ жидовскомъ писмѣ іестъ негласница јодъ, а въ нашемъ іестъ Ъ іеднакосилна тожьже жидовскоѣ јодъ. Јишице въ нашемъ, какоти и въ латинскомъ писмѣ, іестъ чертнина двоесилна Ј: иногда бо іестъ гласница; какотъ, јстина: иногда негласница; какотъ, јаіце. Мы, ради разлученја: (когда іестъ негласница:) хоцемъ іу назинатъ ја.

„Въ Греческомъ пакъ іивницѣ отнѣудъ нѣтъ тее негласници. И греческа чертнина Ιῶτα, во всякомъ мѣстѣ іестъ гласница: и никогда же не прѣмѣняется въ негласницу. Зачимъ въ Жидовскихъ, Латинскихъ и нашихъ

¹⁾ Рукопись тв. сем. бібліотеки, стр. 7.

²⁾ Ibid., стр. 11—12.

³⁾ То же, что јодъ по грамматикѣ.

рѣчех, греци чертину јод, лубо Ја, премѣняутъ въ гласницу. Ј потомъ гдѣ жидовје чтут на два склада: Ја—коб: Јо—аб: Јо—рам; а Латини: Ма—јус: Ка—јус; Се—јус; а ми: Ја—ма; Је—лен: Је—сен: Греци чтут на три склада: Ј—а—ковъ: Ј—о—ав; Ј—о—рам: Ма—і—ос: Ка—і—ос: Се—і—ос: Ј—а—ма: Ј—е—лен: Ј—е—сен.

„За то блаженіи Килія, јли кто ин после нього, Греком на угоженіе: да би чуп они могли наш јазикъ правѣе читат; и разумѣт, когда се чертина ј преиѣняетъ въ негласницу: измислиа јестъ пѣтъ связанихъ складовъ: коихъ сила јестъ сицева. ѿ стоитъ за іа:.... къ стоитъ за іе:.... ы стоитъ за ји:.... ю, стоитъ за јо:.... жъ стоитъ за ју:.... Греком, во правому чтенію нашею рѣчи, потрѣбни може битъ сѣтъ ти связи; али намъ Словѣнцемъ отнюдъ ни сѣтъ полезни: него паче смутни, забавни, и всакоко непригожи“¹⁾.

Далѣе Крижаничъ излагаеть частнѣйшія правила относительно употребленія буквъ И и Ъ, Ј и И, Ја и Ъ, Ја, ЪИ, Ъ и „о сошествіи двѣхъ гласницъ“. Все это приблизительно такимъ же образомъ излагается и въ граматикѣ²⁾, но въ нашей рукописи говоритъ оное обо всемъ этомъ съ нѣсколькими большими подробностями. Въ частности оное здѣсь сильно вооружается противъ употребленія такъ называемаго ись краткаго, говоря: „Бѣлорусци недостоини сію чертину (И) во мнозихъ мѣстѣхъ почитајутъ за негласницу: и надписујутъ надъ нѣеіу облачокъ, сице, Мой, Рај; мѣсто Моь, Раь. А иногда и безъ облачка кладутъ іу за негласницу; какот, Данте, Стоите, Здравие; мѣсто, Даіте, Стоіте, Здравіе“³⁾.

Въ раздѣлѣ пятомъ нашей рукописи Крижаничъ говоритъ „о складѣхъ связанихъ ѿ, ѿ, ѿ, ю, жъ и о двогласницѣхъ а, ѣ“. Начинаеть оное этотъ раздѣлъ такимъ разсужденіемъ: „Повѣдали есмо въ третіемъ раздѣлѣ: зашто они связи биша измишльена: и каіа јестъ н-ихова сила. А јешче трѣба знати, како и тижи связи и двогласници сѣтъ премѣняени и неуживајутсе нинѣ, каково бѣаху дрѣвни устављени.

„жъ стоитъ за ју: али изъ работи в обичаіа бѣ опущено; и то слышно: абовѣмъ и вси ти вазы сѣтъ непотрѣбни: (тимъ што Ј при гласницѣхъ, и безъ связанія всегда јестъ негласница): и сицева чертина жъ претрудна верло и непригожа къ писанію“⁴⁾. Далѣе оное говоритъ оубо

¹⁾ Ibid., стр. 13—14.

²⁾ Грамматика, стр. 139—141.

³⁾ Ibid., стр. 18—18.

⁴⁾ Рукопись та. сем. библіотеки, стр. 29.

юсѣ, то же, что читается въ пунктѣ 5-мъ раздѣла 12-го его грамматикѣ ¹⁾). Въ грамматикѣ о буквѣ а онъ говоритъ только: „а јест составлено изъ Ј, А, или изъ Е, А. Триба јест соблудат разлученіе между а, да ЈА. Гдѣколи русьани пишуць а.... тамо хервати и серби изривајут.... просто Е.... А гдѣ се по достоину пишеть ЈА; тамо вси једнако и згодно говореть“ ²⁾). Въ нашей рукописи объ этой буквѣ Крижаничъ пишеть: „Между а да Ја јест разност: абовѣм а јест сложено изъ А да Ј; сице А: каконо и Греческа двоегласница алфа-јота, либо а: и глас имаеть съ тоіу же Греческоіу једнаков: снит нѣкако и смѣшан изъ Е да А. Ј то јављається оттуд: што во всаком мѣстѣ, гдѣ слушно и достоино пишеться а: тамо задунајци изговарајут просто Е: а не Ја.... А гдѣ се пригоже пишеть Ја тамо и они згодно со Русми изглашајут Ја; какот Јарост, Бајати, Ладіа“ ³⁾).

Далѣе въ этомъ же раздѣлѣ нашей рукописи говоритъ онъ и о буквѣ ѣ съ гораздо большими подробностями, чѣмъ въ грамматикѣ, при чемъ дѣлаеть любопытное замѣчаніе о произношеніи буквы ять въ тогдашней Руси. „Рускѣ общи изговор“, говоритъ онъ,— „гласитъ льубо ІЕ, льубо Е; какот Бѣло, Тѣло, въ главѣ, въ полатѣ: Руси чтутъ Биело, Тиело, въ главие, въ полатие; или Бело, Тело, въ главе, въ полате. А после Р нити пишуць, нити изговарајутъ Ъ, нити ІЕ, него просто Е; какот Рѣка, Стрѣла, врѣме: они пишуць и чтутъ, Река, Стрела, время“ ⁴⁾).

Въ шестомъ раздѣлѣ нашей рукописи Крижаничъ ведеть рѣчь о томъ, „како писмо Руско, изъ Лешкого, бѣ превращено и скажено“. Здѣсь онъ говоритъ о слѣдующихъ четырехъ „скаженіяхъ“ русскаго письма подѣ влияніемъ польскаго языка: „1) Бѣлорусци пишуць Ь, гдѣ изреченіе јестъ тонко; 2) пишуць склады тонкѣ ЛЕ, ІЕ мѣсто шумныхъ ЛБЕ, НБЕ; 3) пишуць склады тонкѣ ЛІ, НІ мѣсто шумныхъ ЛБИ, НБИ; 4) почитајутъ складъ І за просту, чисту гласницу І“ ⁵⁾). О первыхъ трехъ „скаженіяхъ“ говоритъ онъ и въ своей грамматикѣ, именно въ раздѣлѣ 13-мъ, пунктѣ третьемъ ⁶⁾, но очень кратко, почти только упоминаеть; въ нашей же рукописи онъ излагаетъ все

¹⁾ Грамматика, стр. 142—143.

²⁾ Ibid., стр. 142.

³⁾ Рукопись тв. сем. бібліотекѣ, стр. 30—31.

⁴⁾ Ibid., стр. 31—32.

⁵⁾ Ibid., стр. 33, 36, 43, 47.

⁶⁾ Грамматика, стр. 150 и 152.

это очень обширно, проводя постоянно по этимъ пунктамъ параллель между бѣлорусскимъ и польскимъ письмомъ и приводя въ подтвержденіе своихъ мыслей десятки примѣровъ. О четвертомъ „скаженіи“ Крижаничъ даетъ очень подробное разсужденіе и въ своей грамматикѣ ¹⁾, но и изложеніе этого предмета въ нашей рукописи имѣетъ несомнѣнное преимущество по своей обстоятельности, простотѣ и доказательности. Въ нашей рукописи въ обсужденіи этого предмета прибавлено „скажаніе обильнѣе, како Бѣлорусци во всемъ наслѣдуіутъ Леховъ въ писаньи склада И^а и „укази Лешкого писма и Бѣлоруского наслѣдованія, въ чертинахъ И, да И^а ²⁾, гдѣ путемъ параллели между десятками примѣровъ изъ польскаго, бѣлорусскаго и славянскаго языковъ наглядно доказывается вѣрность предыдущаго указанія Крижанича.

Въ седьмомъ раздѣлѣ нашей рукописи Крижаничъ говоритъ „о осопеньи, лубо о чертинахъ: X,   “. Статья эта по всѣмъ существеннымъ чертамъ сходна съ тѣми, что говоритъ объ этомъ же предметѣ Крижаничъ въ пунктѣ 8-мъ 11-го раздѣла своей грамматики ³⁾. Но изложеніе мыслей Крижанича о безполезности „неосопного знака“ въ нашей рукописи отличается отъ изложенія грамматики особенною ясностью и даже рѣзкостью. „Сила того неосопного знака“, говоритъ онъ здѣсь, — „ничесо же иного несмагает, неже іединое сіе, што значит, тамо не бити осопного знака   . Разсуди овдѣ бездѣлну печаль. Абовѣмъ гдѣ се не нишет осопниъ знак: всакому іест доста іавно, да тамо нимаєт изречь осопно, него чисто: и нит на то трѣби иного знака. Какоти, аще будет без знака писано, амин: никто же не станет чест осопно.... будто хамин; него чисто, амин. Ј потомуъ очевисто постаєт: греком непотрѣбен бити сеъ неосопнив знак. А по готовіу іест непотрѣбен нам. Поколи и противного пьему осопного знака у нас нит: и што би тоъ неосопняъ знак імал ползоват, никто указат не может. Чим вєщєе замири и удивльєнїа ієст достоїпо: како преводницы въ писмѣ святом, надъ всими без нзма(ла) ⁴⁾ отъ гласниц начинајуцими се рѣчми, надписашя ов непотрѣбен знак. А навет и над негласницеіу Ј; какот, 'Јако, 'Јакòв, 'Јажє, 'Јужє“ ⁵⁾.

Въ восьмомъ раздѣлѣ нашей рукописи говорится „о полугласницѣ з“,

¹⁾ Ibid., раздѣлъ 12, пункты 7 и 8, стр. 143—145.

²⁾ Рукопись тв. сем. бібліотеки, стр. 53 и 60.

³⁾ Грамматика, стр. 130—131.

⁴⁾ Добавляемъ слогъ „ла“, считая опущеніе его простою недонискою автора.

⁵⁾ Рукопись тв. сем. бібліотеки, стр. 65—66.

и говорится почти то же самое, что и 9-мъ пунктъ II раздѣла грамматики ¹⁾. Все изложеніе этого раздѣла очень невелико, и большую часть содержанія его мы привели уже выше.

Въ раздѣлѣ девятомъ нашей рукописи Крижаничъ говоритъ о греческомъ ф и латинскомъ F и „о двоіемъ Гили ГГ“; въ раздѣлѣ 10-мъ— „о гласѣ чертини Г“; въ раздѣлѣ 11-мъ—говорится „о чертинахъ Ѡ да Ф“. Разсужденія Крижанича о всѣхъ этихъ буквѣхъ почти буквально сходны съ тѣми, что онъ даетъ во 2-мъ, 3-мъ, и 6-мъ пунктахъ 11-го раздѣла своей грамматики ²⁾. Любопытаю особенность нашей рукописи представляетъ въ данномъ случаѣ только одна подробность о произнесеніи буквы Ѡ. „Не можемъ заисто ми право изречь чертини Ѡ“,... говорятъ Крижаничъ, — „і нимаемъ о томъ скорбит, ни на то настоіят, да бисмо іу право изрекли: абовѣмъ и остали іевропци не тратятсе въ томъ. Паче же и хуже би было изречь Ѡ прямо, неже въ нього мѣсто ф: поньеже глас Ѡ іест нам іеще необычнейши: и прямо іеднак со онимъ гласомъ, кий творят гуски, когда протягнувши іазикъ звизгаіут“ ³⁾.

Въ раздѣлѣ 12-мъ нашей рукописи Крижаничъ говоритъ „о изговараньи чужихъ рѣчей“, и притомъ почти то же самое, что и въ 13-мъ пунктѣ 11-го раздѣла грамматики ⁴⁾, только въ нашей рукописи изложеніе соображеній Крижанича по данному вопросу снабжено большимъ количествомъ примѣровъ. Но въ концѣ этого раздѣла сдѣлано слѣдующее замѣчаніе, котораго нѣтъ въ грамматикѣ: „Ѡ прменяти во Ф и Б во В“, говоритъ онъ здѣсь, — „іест въ конецъ непристоіно и замирно. Потомъ бо жидовско, латинско и наше право и резво изреченіе премѣняетсе въ нѣкии намъ необычен и распустен глас: и сподобен, будто би каіа старца безъ зубей говорила, Саваоф, Вифлеем, мѣсто Сабаот, Бетлеhem“ ⁵⁾.

Въ тринадцатомъ раздѣлѣ нашей рукописи говорится „о чертинахъ тонкихъ и шумныхъ“ и „правомъ гласѣ чертини щ“. „Чертини“ Крижаничъ дѣлитъ также, какъ и въ своей грамматикѣ ⁶⁾, по нѣ нашей рукописи онъ, кромѣ того, устанавливаетъ нѣкоторыя правила перехода этихъ звуковъ или „премѣнъ“, по его выраженію. Онъ отмѣ-

¹⁾ Грамматика, стр. 131—132.

²⁾ Ibid., стр. 127—128 и 129—130.

³⁾ Рукопись тв. сем. бібліотеки, стр. 74.

⁴⁾ Грамматика, стр. 136—137.

⁵⁾ Рукопись тв. сем. бібліотеки, стр. 80.

⁶⁾ См. раздѣлъ, I пунктъ 5, стр. 1.

часть, что г и в переходить въ ж, к и ц—въ ч, с и х—въ ш, т въ щ, л въ ль, н въ нь, д въ дь, ж, жд, лж, б въ бль, В въ вль; м въ мль, п въ плъ, отмѣчая, что Г можетъ переходить и въ з, к—въ ц, а х въ с, подтверждая все это примѣрами. Разсужденія его въ этомъ же раздѣлѣ нашей рукописи о буквѣ щ вполне сходны съ тѣми, что онъ говоритъ въ пунктѣ 7-мъ раздѣла 11-го своей грамматики ¹⁾; по въ концѣ своего разсужденія о щ въ нашей рукописи онъ даетъ слѣдующее замѣчаніе: „Могли бисмо обoitъсе безъ щ; могущи iего гласъ совершенно выразити чертинами чь или шч. Али jеднако же обрѣтена и устављена iестъ чертина щ: iедво зато, да се товчица т въ ну премѣняетъ: друго зато, да се згодно пишеть щ въ таковыхъ складѣхъ, гдѣ круто незгодно и различно биваетъ изреченіе; какотъ, ношъ изглашаютьъ сиче ношч, воц, воть, ночь“ ²⁾.

Въ 14-мъ раздѣлѣ нашей рукописи идетъ рѣчь „о сошестыи вѣкоихъ чертинъ и о повторенъ негласницѣ“. Обо всемъ этомъ Крижаничъ говоритъ съ такою же подробностью, а иногда даже и съ большею, въ своей грамматикѣ, въ пунктахъ 11-мъ и 12-мъ раздѣла 11-го ³⁾. Поэтому изъ всего содержанія этого раздѣла считаемъ нужнымъ отмѣтить только одно мѣсто, нѣсколько различающееся отъ изложенія грамматики. Въ послѣдней Крижаничъ, сказавъ о различіи гласныхъ, вставляемыхъ славянами послѣ буквы р, говоритъ: „Въ сицевомъ возметеномъ изроку, никоіе кнѣги пишутъ jор: и то не безъ сподобіа: да би чушъ всакому удобно било изрещъ, како самъ хоцетъ, воздль властности своіего домовиннаго изрока“ ⁴⁾. Въ нашей же рукописи объ этомъ предметѣ онъ говоритъ: „Въ таковомъ аддасмятенномъ изговорѣ пригоже въ печатномъ писмѣ пишеться ъ: да множимъ удатно поставеть чтеніе: и да всакнъ изречеть, како самъ schoцетъ. А въ ручномъ писмѣ чиянеться совѣтнѣше бити, да всакнъ пишеть по своемъ домовинномъ законѣ“ ⁵⁾.

Въ 15-мъ раздѣлѣ нашей рукописи Крижаничъ говоритъ: „о іменѣхъ и числѣхъ чертинъ Словѣнскихъ“. Все содержаніе этого раздѣла представляетъ особенность нашей рукописи, такъ какъ въ грамматикѣ Крижанича нѣтъ ничего подобнаго; кромѣ того, содержаніе этого раздѣла является очень характернымъ для пони-

¹⁾ Грамматика, стр. 130.

²⁾ Рукопись тв. сем. библіотеки, стр. 84.

³⁾ Грамматика, стр. 122—136.

⁴⁾ Ibid., стр. 134.

⁵⁾ Рукопись тв. сем. библіотеки, стр. 87—88.

манія воазрѣній Крижанича. Приведемъ часть этого небольшого, но очень интереснаго раздѣла: „Цицерон, Римскій мудрецъ, во своихъ тускуланскихъ разговорѣхъ, сице писано остави: ја (: правит:) всегда судилъ іесем, же наши людїе всачтоже или мудрѣе изобрѣтоша, неже Греци; или што отъ нихъ взяши, то учиниши лутше. Ова рѣчъ, да би во всемъ имала битъ истинна, недокончалъ бихъ тако просто: али ово іестъ очивисто и извон сумнѣи, же імена и лица чертвин Латинскихъ сутъ сличнеіша, пригожша, и лѣпша отъ Греческихъ. Латинскіе бо чертвини вси сутъ правильни: то іестъ, же се могутъ писати ведле Правилъ и Кружїла: а інихъ всихъ іязыковъ чертвини немогутъ битъ писани правильно. Ја потомъ надъ всакоє іное писмо најдегше и најкорше іестъ Латинско: и всакаіа рѣчъ можетъ написати іеднимъ влакомъ: то іестъ, да пера отъ бумаги не подвигнешъ, доколи рѣчи не допишешъ: а во інихъ народовъ писмѣхъ трѣба іестъ за всакою безъ мала чертиноу перо отъ бумаги подвигнутъ. Јешце и ово іестъ знаменита крѣпостъ сего писма: же се можетъ тако размантими створи и вираженїи писати, како іестъ видно въ кнѣгахъ печатнихъ: што въ ниіедномъ іномъ писмѣ битъ не можетъ. Једнимъ словомъ: изъ правильности сего писма, доказуєтсе оно бити најсовершенеіше: тако да и нинѣ нитъ писма нѣмудру равногъ; и вимішлено битъ не можетъ іно совершенеіше отъ него.

„Ми, поколи Греческо писмо приіакомъ, Латинского во створѣхъ и лицѣхъ виражатъ неможемъ: али во іменѣхъ чертвиннихъ, можемъ и него Греческого, и въ кулѣ Греческого наслѣдовати лучше, неже досели. То іестъ да чертвинамъ издеємъ імена прїстоіеіша: рекши іедноскладна и проста: ради полегченїа ученикомъ. Легше бо іестъ считати склади простїи, неже долгїи и множескладнїи іменїи. Зато ведле Греческого и Латинского іменованїа, скратїиши рѣчи, и лишнїи склади отсѣиши, сице можемъ читати азбуку: ведле Греческого: а, бу, ви, га, де, е, жи, зе, и великое, і малое, ље, ка, ла, ми, ни, о, пи, ро, си, та, у, хи, ци, че, ша, ща, я (еа), ѣ (іе), љ (ор), зѣло, оита, вси, ипсїаоч, фи, пси, ѡ великое; ведле Латинского: а, бе, ви, га, де, е, жи, зе, и великое, і малое, ље, ка, ле, ме, не, о, не, ре, се, те, у, ха, ци, че, ша, ща, я (еа), ѣ (іѣ), љ (ор), шестъ (зѣло), оита, вси, и тонкое, фи, пси, ѡ великое. Послѣднихъ седемъ сутъ Гречески, и намъ лише въ числѣхъ потрібни: а въ писмѣ мѣсто ..... (ихъ) стави: з, т, кс, нс, и, о. Јединое ф іестъ и въ писмѣ потрібно“¹⁾.

Этотъ раздѣлъ закључаетъ такимъ разсужденїемъ: „Ја потомъ

¹⁾ Рубоньскъ тв. сѣм. библіотекѣ, стр. 94—97.

чертин нашихъ подлинныхъ іестъ 26: а въ двогласницѣхъ, и съ полугласницею, постаеъ ихъ 29: а со Греческими намъ непотребными постаеъ 36-ть¹⁾.

16-й раздѣлъ нашей рукописи содержитъ въ себѣ ученіе Крижанича „о предѣленъи писменомъ“, то-есть, о знакахъ препинанія. Этого раздѣла также нѣтъ въ грамматикѣ Крижанича. Изложеніе своего ученія о знакахъ препинанія Крижаничъ начинаетъ такимъ опредѣленіемъ ихъ: „Предѣленіе писменое іестъ писма на членки или частки раздѣленіе: потрібно къ легшему чтенію, и къ разумленію бесѣди“. Знаковъ препинанія онъ насчитываетъ десять: „Разница“, или запятая, „половица“, или точка съ запятой, „точка“, „знакъ питанья“ (?), или вопроса, „знакъ удивленія“ (!) или восклицанія, „привденъеніе“ или скобки, „означеніе“ [ ], „разлученіе“, или дізресисъ ѣ, „привязаніе =“, или, по нашему, знакъ переноса²⁾.

О запятой Крижаничъ говоритъ слѣдующее: „Смотрицкыи за разницу подаеъ два знака: черту (/) и запятую: али то безъ потреби: сеъ бо знакъ (/), или черта, ни Грекомъ ни Латинномъ нитъ въ работѣхъ ни въ уживанъи: и неслично да нестроено творитъ писмо. Нѣмци, ради грубости своихъ чертин, измислиша и пишутъ тую черту, мѣсто разницы или запяте: и Лехи въ томъ наслѣдуиутъ Нѣмцевъ, токмо въ печатномъ писмѣ. Лехи бо, невѣмо зашто, въ ручномъ писмѣ пишутъ Латинскими; а въ печатномъ Нѣмецскими чертинами. Нашему писму удатнѣиша іестъ разница“³⁾.

О двоеточіи сказано, что этотъ знакъ нельзя называть двоеточіемъ; „нитъ бо то рѣчь Словѣнска“, и авторъ рекомендуетъ называть его двумя точками: „двѣ точки или двѣ пикъ“⁴⁾.

Говоря о точкѣ съ запятой, Крижаничъ даетъ слѣдующее общее правило о томъ, когда этотъ знакъ нужно ставить: „Половница слово Латинномъ знакъ срѣднѣи, или половиннѣи: и іестъ предѣлъ полезенъ и потрібенъ: и уживаемъ іего во многихъ мѣстѣхъ, а наипаче

¹⁾ Ibid., стр. 97—98.

²⁾ Смотрицкій въ своей грамматикѣ перечисляетъ слѣдующіе десять знаковъ: „черта /, запятая, двоеточіе, точка, разъятая (/), единитная (переноса), вопросная (;), удивлялая (!), выѣстная [ ], отложная ( )“. Ученіе его о знакахъ препинанія изложено кратко и не вполне удобовразумительно. См. Грамматику Смотрицкаго, по изд. 1721 г., лл. 15, 16 и об.

³⁾ Рукопись тв. сем. бібліотеки, стр. 99.

⁴⁾ Ibid.

гдѣ се бесѣда нѣвако на двѣ половинѣ, или на два разума раздѣляетъ; какот, Людїе се разидоша: іедни поїдоша на десно; друзи на лѣво. У Греков нит сего предѣла, нити знака нанѣ. А знак сеѣ половинниѣ Греци пишут за знак питавіа¹⁾.

О точкѣ Крижаничъ говоритъ слѣдующее: „Точка се пишет на концѣ совершеного разума, или бесѣди. А после точки, за почяток наслѣдующаго разума, Латини всегда пишут Грубицу: то іест, вещь или начялују чертину. А Греци пишут гдѣ Грубицу, гдѣ Дробницу²⁾).

О знакахъ вопроса и восклицанія Крижаничъ замѣчаетъ только, что они ставятся, когда мы спрашиваемъ о чемъ-либо или удивляемся и восклицаемъ по поводу чего-либо³⁾.

О „привденъеньѣ“ Крижаничъ учитъ: „Привдененіе, или медверженіе (Греком названо Парентезис) пишется тамо, гдѣ іедно или множе слов, ради обіясненія, прибавимъ въ бесѣду; тако да ко основанію бесѣди непристоіят: іно будси іе и извержем; цѣла о станет бесѣда; како на семже мѣстѣ указ видиши, въ рѣчех (Греком названо Парентезис)“⁴⁾.

„Означеніе“, говоритъ Крижаничъ,—„се пишет: гдѣ приводимъ кое реченіе изъ святаго писма, изъ святыхъ отецъ, или отъ коегоголи мудреца и парочита мужа: либо гдѣ куіу либуд іпуіу рѣч хонцемъ учинитъ значіу надъ остальне. Въ привденъеньи и по означеньи, послѣднѣи чертини словутъ заповори; заповоръ привдененію (,) заповоръ означенію]: или, заври врывдененіе, заповоръ означеніе“⁵⁾.

„Разлученіе (Греком Діерезис) сут“, по Крижаничу, „двѣ точки кои се пишутъ надъ і, да ъ, сице І, ъ: зато, да і останетъ гласницеіу, и да не преїдетъ въ негласницу; какот, Індѣа. і зато, да се ъ не слветъ со ближнѣіеіу негласницеіу въ іеденъ глас: него да се виразно изречетъ; какот, Орудѣи, Брезѣи, Платѣи“⁶⁾.

„Привязаніе се пишетъ“, говоритъ Крижаничъ,—„когда на концѣ строки не можетъ совершенно дописатъ коего слова: и тогда овимъ знакомъ = обіавляемъ, рѣчъ не бити совершенно дописану, него раздѣлену на двѣхъ строкахъ“⁷⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 100.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., стр. 100—101.

⁴⁾ Ibid., стр. 101.

⁵⁾ Ibid., стр. 101—102.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Ibid.

Заканчиваетъ Крижаничъ этотъ раздѣлъ правиломъ о томъ, что собственныя имена: „Чловѣцкаіа, Градскаіа; Рѣцкаіа, Горскаіа и осталаіа“ нужно писать съ большой буквы, или съ „Грубицъ“ ¹⁾).

Въ 17-мъ и послѣднемъ раздѣлѣ нашей рукописи Крижаничъ говоритъ „о влацѣхъ“ или удареніяхъ. Это изложеніе его объ удареніяхъ почти тождественно съ тѣмъ, что сказано объ этомъ предметѣ въ 17-мъ же раздѣлѣ его грамматики ²⁾, но то, что въ грамматикѣ онъ излагаетъ въ формѣ положительныхъ правилъ, въ нашей рукописи излагается послѣ слѣдующей оговорки: „Мы хотимъ оvdѣ томко о харватскомъ завлаченіи повѣдат: из коего лехко хочетъ битъ познат: што сѣтъ завлаци. А при томъ никто не будетъ принужденъ писатъ влаковъ по харватскомъ законѣ: него всакому на волюѣ останае, по своемъ домовинномъ обичаіѣ завлачитъ, и влаки надписоватъ. Али властъ и каковостъ влаковъ, неможетъ се изказатъ во иноѣ, измеждъ Словѣнскихъ отмѣнъ, неже въ Харватскоѣ“ ³⁾).

Свое сочиненіе „о писмѣ Словѣнскомъ“ Крижаничъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Толико оvdѣ буди доста о завлацѣхъ речено. А индѣ останае намъ сказати: како се влаци премѣняіаіутъ; или гдѣ іеденъ переходитъ въ другого. Сверху и Богу Слава. 1661 авг. 8“ ⁴⁾).

Таково содержаніе открытаго нами сочиненія Юрія Крижанича „о Словѣнскомъ писму“. Это произведеніе его несомнѣнно займетъ видное мѣсто среди другихъ его трудовъ, особенно филологическихъ. Къ такому убѣжденію придетъ несомнѣнно всякій при болѣе тщательномъ изученіи особенностей этого сочиненія сравнительно съ его грамматикой. Попытаемся намѣтить нѣкоторые важнѣйшіе пункты этого вопроса.

Прежде всего несомнѣнно обращаютъ на себя вниманіе слова Крижанича въ предговорѣ „Обіясненія“, что оно есть результатъ безъ малаго тридцатилѣтняго изученія славянскаго языка ⁵⁾. Это мѣсто предговора „Обіясненія“, въ связи съ противорѣчающимъ ему, по видимому, мѣстомъ предговора его грамматики, гдѣ онъ говоритъ, что грамматика есть результатъ съ небольшимъ двадцатилѣтнихъ трудовъ его по изученію славянскаго языка ⁶⁾, служитъ несомнѣнно

¹⁾ Ibid., стр. 103.

²⁾ Грамматика, стр. 187—189.

³⁾ Рукопись тв. сем. бібліотеки, стр. 107.

⁴⁾ Ibid., стр. 111.

⁵⁾ Ibid., стр. 2.

⁶⁾ Грамматично изказаніе. Предговоръ, стр. V.

важнымъ показаніемъ, для рѣшенія уже поставленнаго наукою вопроса о времени первоначальнаго возникновенія широкихъ панславистическихъ замысловъ Крижаняча. Съ современнымъ состояніемъ этого вопроса довольно ясно знакомить насъ г. Марковичъ въ своемъ сочиненіи о Юріи Крижанячѣ. „Что касается мысли объ исправленіи языка“, говоритъ онъ,— „то, по моему мнѣнію, она овладѣла Крижанячемъ уже въ Италіи, а не на родинѣ, какъ думаютъ гг. Кукулевичъ-Сакцинскій и Везоново. Въ мнѣніи объ идеѣ народности у Крижаняча я согласенъ съ г. Кукулевичемъ-Сакцинскимъ и проф. Ягичемъ, но ничуть не съ г. Везоновымъ, дѣйствительно черезъ-чуръ идеально представившимъ образъ молодаго Крижаняча и его мысли о народности. Эта идея развилась въ немъ позже, уже въ Италіи“. Чтобы вполне понять значеніе этого вопроса и оцѣнить значеніе показанія предговора вновь открытаго сочиненія Крижаняча, нужно припомнить важнѣйшія даты его жизни. Съ достовѣрностью извѣстно, что онъ родился въ 1617 году. Съ пемевшею же достовѣрностью установлено, что, получивъ первоначальное образованіе на родинѣ, онъ въ 1638 году былъ отправленъ для продолженія образованія въ Вѣну, а въ 1640 году уѣхалъ съ тою же цѣлью въ Римъ, гдѣ и пробылъ нѣсколько лѣтъ.

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ біографіи Крижаняча съ показаніемъ предговора его новаго сочиненія обнаруживается, что впервые мысли объ исправленіи языка славянскаго явились у Крижаняча еще въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія, когда ему было еще только 14—15 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно, задолго до отъѣзда его не только въ Римъ, но даже и въ Вѣну. Такому рѣшительному выводу противорѣчить, по видимому, показаніе предговора его грамматики, написанной имъ въ 1666 году, гдѣ онъ говоритъ, что „іужедавниіе от двадесети лит, начал іесем думат и трудитсе въ іезика изправльеніу“¹⁾.

То-есть, въ 1661 году Крижанячъ говоритъ, что надѣ изученіемъ славянскаго языка онъ „се трудих уже лѣт без мала тридесет“²⁾, а въ 1666 году, пять лѣтъ спустя послѣ этого, утверждаетъ, что трудился онъ надѣ этимъ только двадцать слишкомъ лѣтъ; но это противорѣчіе только кажущееся. Рѣшительный выводъ изъ этого противорѣчія можно сдѣлать только одинъ,— что самъ Крижанячъ не

¹⁾ Грамматика, предисловіе, стр. V.

²⁾ Рукопись тв. сек. бібліотеки, стр. 2.

могъ съ опредѣленностію сказать, когда именно впервые явилось въ немъ стремленіе, приведенное въ исполненіе лишь много лѣтъ спустя. Такое психологическое состояніе—не невозможно, особенно когда дѣло идетъ о стремленіяхъ и намѣреніяхъ, явившихся впервые еще въ молодые годы, когда дѣтскія мечты перепутываются съ наполовину уже серьезными юношескими порывами. Кто тутъ можетъ съ рѣшительностію разобратъ, что здѣсь и на сколько серьезно? Когда и что началось и впервые возникло? Очевидно, что о такомъ приблизительно состояніи и приходилось въ данномъ случаѣ говорить и Крижаничу. Знакомясь съ роднымъ языкомъ и судьбами своего народа еще въ школѣ, онъ могъ уже мечтать о будущей своей дѣятельности на пользу роднаго славянскаго племени; эти дѣтскія мечты могли не прерываясь пройти черезъ всѣ долгіе годы ученія и въ концѣ концовъ слиться съ началомъ серьезныхъ попытокъ на этомъ пути. Гдѣ тутъ начало? Обративъ вниманіе на основное стремленіе своей дѣятельности, онъ могъ всегда отодвинуть начало ея въ отдаленную эпоху своего юношества; напротивъ того, обративъ вниманіе на начало серьезнаго, осмысленнаго подготовленія къ своему дѣлу, Крижаничъ необходимо долженъ былъ считать, что приступилъ къ своей дѣятельности въ болѣе позднее время. Таковъ, по нашему крайнему разумнію, смыслъ этого противорѣчія между двумя вышеуказанными показаніями. Если же это такъ, то показаніе вновь открытаго сочиненія Крижанича несомнѣнно рѣшаетъ вышепоставленный вопросъ въ пользу мнѣнія г. Безсонова и даетъ этому мнѣнію сильное фактическое основаніе.

Не менѣе важно вновь открытое сочиненіе Крижанича и для опредѣленія смысла и значенія филологическихъ работъ его. Вопросъ о значеніи ихъ, по нашему мнѣнію, едва только затронуть въ ученой литературѣ и еще далеко то время, когда заслугамъ Крижанича по этой части дана будетъ полная оцѣнка. Одной изъ главныхъ причинъ рѣзкихъ и неправильныхъ сужденій объ его филологическихъ работахъ служила доселѣ недостаточная мотивированность его замысла создать общеславянскій языкъ посредствомъ смѣшенія русскаго языка съ хорватскимъ, при чемъ русскій языкъ въ большинствѣ случаевъ безапелляціонно подчиняется хорватскому. Полная несостоятельность такого плана бросается въ глаза съ перваго взгляда. Но вновь открытое сочиненіе Крижанича съ полною наглядностію показываетъ, что было время, когда онъ не держался такихъ узкихъ воз-

зрѣній, когда планы его относительно исправленія языка были весьма близки къ истинѣ, и когда приемы, при помощи которыхъ намѣревался онъ достигнуть своей цѣли, были гораздо практичнѣе и удобоисполнимѣе, и что сталъ онъ на новую, гораздо болѣе невѣрную, дорогу только въ силу тяжелыхъ обстоятельствъ своей жизни.

Въ предисловіи къ „Обіясненію“ Крижаничъ весьма ясно высказывается относительно пути, которымъ онъ хотѣлъ слѣдовать въ дѣлѣ упорядоченія славянскаго правописанія и исправленія языка. „Подаяіу дѣло это“, говоритъ Крижаничъ,—„разумним и рускіе бесѣди сиѣдомшимъ людемъ на суд: да, што почтутъ слушно битъ речено, укрупятъ; а што за непригоже увнаіутъ, да каково битъ покажутъ.... После разсмотренія людеѣ разумнихъ, зможно будетъ овоже въ кратка правила стагнутъ“¹⁾. Вотъ, слѣдовательно, путь, которымъ Крижаничъ хотѣлъ идти къ задуманной имъ высокой цѣли. Но очевидно, что среди русскаго общества XVII вѣка голосъ Крижанича долженъ былъ оставатися по истинѣ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда онъ могъ получить тогда хоть малѣйшій откликъ на свой призывъ? Кромѣ бывшихъ тогда въ Москвѣ нѣсколькихъ ученыхъ бѣлоруссовъ или малоруссовъ, противъ которыхъ такъ ратовалъ Крижаничъ, кто могъ помочь ему въ его начинаніи въ странѣ, глубоко погруженной въ невѣжество? Отсюда-то, и только отсюда, и становится понятною вся горечь его словъ въ предисловіи къ грамматикѣ, гдѣ онъ говоритъ: „Неможетъ іединъ чловикъ всего знатъ: наіпаче безъ испытанія и безъ совѣта ннихъ: іакоже ми грѣшному лучшдосе іестъ се діало ділатъ безъ всакого совѣта. Ізпитатъ бо и провидатъ ни объ чемже нестъ ми било како, живущему дльбаради моѣихъ грѣховъ во отлученіи отъ чловичскаго общенія и совѣта“²⁾. Вотъ что заставило Крижанича искать разрѣшенія всѣхъ вопросовъ языка въ самомъ только себѣ, вотъ что вынудило его такъ рѣзко выдвинуть стѣнью роднаго ему языка хорватскаго.

Что все это не пустая гаданія, это, какъ нельзя лучше, доказывається особенностями вновь открытаго сочиненія Крижанича по сравненію содержанія его съ содержаніемъ грамматики. Хотя и во время составленія „Обіясненія“, у Крижанича песомнѣнно былъ уже замыселъ исправить русскій языкъ такъ, чтобы онъ

¹⁾ Рукопись т. е. сем. бібліотеки, л. 3 об.

²⁾ Грамматика, стр. VI.

могъ стать общеславянскимъ ¹⁾, и хотя и въ это время онъ считаетъ идеально правильнымъ только хорватскій языкъ въ известной, точно опредѣляемой имъ мѣстности, но приступалъ онъ къ этой работѣ гораздо осторожнѣе и съ возрѣніями, несравненно менѣе радикальными, чѣмъ въ грамматикѣ, черезъ-чуръ большая радикальность которой и сдѣлала ее не приложимою къ жизни. При изслѣдованіи языка во время составленія вновь открытаго сочиненія Крижанича, онъ стоялъ несомнѣнно на болѣе вѣрпой почвѣ, чѣмъ во время составленія своей грамматики. Языкомъ, на которомъ говорили въ древности „на всѣхъ Русехъ людіе“, онъ признавалъ книжный языкъ богослужебныхъ книгъ за исключеніемъ „отмѣнъ“, заимствованныхъ изъ греческаго ²⁾. Съ такимъ возрѣніемъ не можетъ не согласиться и современная наука. Весьма ясно отдавая преимущество латинской азбукѣ и считая ее совершеннѣйшею изъ всѣхъ, онъ не настаиваетъ на безусловной необходимости писать іотированные звуки по способу латинской азбуки и сохраняетъ во многихъ случаяхъ присутствующее славянской азбукѣ выраженіе сложныхъ іотированныхъ звуковъ отдѣльными буквами ³⁾, даже допускаетъ въ азбуку совершенно излишнія, по его мнѣнію, буквы только потому, что онѣ приняты всѣми ⁴⁾ или имѣютъ особый звукъ въ русскомъ языкѣ ⁵⁾. Въ ученіи о переходѣ согласныхъ звуковъ онъ слѣдуетъ Смотрицкому ⁶⁾; допускаетъ постановку удареній по „домовинному“ обычаю ⁷⁾; по „домовинному“ же обычаю допускаетъ произнесеніе буквы «ъ» въ нѣкоторыхъ словахъ ⁸⁾ и мн. др.

Соображенія Крижанича о славянскомъ правописаніи въ „Обіасненіи“ весьма часто излагаются не въ видѣ рѣшительныхъ, выдаваемыхъ за безусловную истину, правилъ, а скорѣе въ формѣ совѣтовъ, разсужденій съ цѣлью вызвать критику и общими силами придти къ истинѣ. Крижаничъ иногда старается даже при-

¹⁾ Рукопись тв. сем. бібліотеки, стр. 2, 84, 87—88 и др.

²⁾ Ibid., л. 2 об.

³⁾ Онъ допускаетъ въ нашемъ сочиненіи буквы: ѣ и я: *ibid.*, л. 96; часто пишетъ е вмѣсто ie.

⁴⁾ Ibid., стр. 134, 96.

⁵⁾ Ibid., стр. 31—32.

⁶⁾ Ibid., стр. 80—81; ср. Грамматика Смотрицкаго 1721 г., лл. 4 об. и 5.

⁷⁾ Рукопись тв. сем. бібліотеки, стр. 107.

⁸⁾ Ibid., стр. 87—88.

мѣняться въ раскольническимъ тенденціямъ тогдашней Руси ¹⁾ и съ сожалѣніемъ говорить о непопнятности для всѣхъ русскихъ языка его сочиненія ²⁾. Всѣ эти особенности новаго сочиненія Крижанича, влады особый отпечатокъ на это произведеніе, даютъ въ то же время возможность вѣрнѣе оцѣнить и значеніе самыхъ грамматическихъ трудовъ Крижанича, уясняя, что та дорога, на которую сталъ онъ при составленіи своей грамматики, не была единственною, по которой онъ могъ и намѣревался идти въ своихъ филологическихъ сочиненіяхъ, и что если пошелъ онъ по этой именно дорогѣ, то въ этомъ много было виновато тогдашнее русское общество, оставившее его на этомъ пути безъ всякой помощи и указаній, хотя онъ и просилъ его объ этомъ.

Разсматривая „Обясненіе о писмѣ Словѣнскомъ“ съ точки зрѣнія научной состоятельности его воззрѣній, мы несомнѣнно должны призвать за нимъ многія и существенныя достоинства по содержанію и по методу. Крижаничъ въ этомъ сочиненіи дѣлаетъ первую попытку критически-научнаго разбора звуковыхъ начертаній славянской азбуки, при чемъ предлагаетъ много дѣльныхъ и остроумныхъ замѣчаній, во многомъ вполне вѣрно намѣчающихъ путь дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія славянской орфографіи. И нужно замѣтить, Крижаничъ дѣлаетъ все это въ то время, когда другіе изслѣдователи славянскаго правописанія еще вполне поработали его правописанію греческому, какъ, напримѣръ, Смотрицкій въ своей грамматикѣ. Уже это одно представляетъ несомнѣнно важную заслугу Крижанича. Дальнѣйшее развитіе русскаго языка какъ нельзя больше под-

¹⁾ Въ своемъ предговорѣ онъ между прочимъ говоритъ: „Чаю, же и сіе наше, хошти въ мѣлкихъ вещей поднято, іеднакоже немало и трудовно настоіавіе, от всакаго права судит хотащего не будет згоржено: аще теми істина іеет, же всакоє, *хоцъ високо почтеное, хоцъ святое и нашьряднеіше писмо, потрѣбуєтъ смываюу разсмотреніа: и безъ него неможесть по достоинности битъ составлено*“. Рукопись тв. сем. бібліотеки, л. 3.

²⁾ Ibid., л. 3 об. Этими стремленіемъ Крижанича къ общепонятности и объясняется большая близость языка вновь открытаго нами сочиненія его къ русскому языку сравнительно съ языкомъ его грамматики. Свою грамматику Крижаничъ, по его собственнымъ словамъ, писалъ „общимъ нѣкоимъ іезикомъ: дабы отъ всехъ (славянъ) было разумно“; а „Обясненіе“ онъ писалъ только для людей „разумныхъ и русские вѣсиди сѣдомимихъ“ и естественно старался быть прежде всего понятнымъ для нихъ“.

твердило основное убѣжденіе Крижанича о необходимости его освобожденія отъ еллинизмовъ и полонизмовъ. Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, отдѣливъ славянскій языкъ отъ русскаго, освободилъ послѣдній отъ многихъ чуждыхъ ему оборотовъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка. Русскій языкъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи отбросилъ и полонизмы, въ изобиліи начавшіе вторгаться въ русскую рѣчь чрезъ малоруссовъ. Все это является несомнѣннымъ подтвержденіемъ вѣрности воззрѣній Крижанича,—вѣдь и Крижаничъ писалъ о славянскомъ языкѣ для Россіи и для русскихъ. При дальнѣйшемъ развитіи русскаго языка оправдалась вѣрность и многихъ другихъ менѣе важныхъ замѣчаній Крижанича. Лишнія буквы славянскаго алфавита, которыя рекомендовалъ онъ выбросить, въ большинствѣ и были признаны впоследствии излишними. Звукъ греческой ѳиты сталъ переходить впоследствии въ русскую рѣчь посредствомъ указаннаго Крижаничемъ болѣе сроднаго ей звука т. Знаки препинанія почти всѣ приняты было впоследствии изображать согласно Крижаничу. Кромѣ всего этого, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, которые намъ кажутся неправильными (напримѣръ, въ разсужденіяхъ его о буквахъ щ и ѱ), онъ опирается на данныя тогдашняго русскаго говора, отрицать которыя мы не имѣемъ никакого права.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что Крижаничъ первый позаботился о „полегченіи“ учениковъ, предлагая замѣнить сложныя названія славянскихъ буквъ односложными для удобства при обученіи чтенію: дѣло, которое было совершенно русскими педагогами не въ особенно давнее время предъ введеніемъ звуковаго обученія чтенію.

Обращая вниманіе на методъ изслѣдованія славянскаго правописанія въ „Обясненіи“, мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ Бодянскаго, что Крижаничъ является отцомъ сравнительной славянской грамматики. Намѣреніе автора установить начала славяно-русскаго правописанія путемъ сравненія нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчій и правописанія еврейскаго, греческаго и латинскаго выполнено Крижаничемъ съ большою обстоятельностью, полнымъ знаніемъ дѣла и послѣдовательностью. И какою поразительною ясностью и доказательностью отличаются его разсужденія по многимъ пунктамъ славянскаго правописанія!

Заканчивая свое сообщеніе объ открытомъ нами доселѣ неизвѣстномъ трудѣ Юрія Крижанича, не можемъ не упомянуть о

естественно возникающемъ при этомъ вопросѣ: какъ могло оно попасть въ Тверскую семинарскую библіотеку? Не имѣя возможности отвѣтить на этотъ вопросъ съ полною опредѣленностью, мы, на основаніи почерка второй приписки на первомъ листѣ рукописи, можемъ высказать предположеніе, что она попала въ библіотеку семинаріи еще въ прошломъ столѣтіи и, всего вѣроятнѣе, изъ поступившей въ нее библіотеки архіепископа Тверскаго Теофилакта Лопатинскаго, большаго, какъ извѣстно, любителя книгъ; а онъ могъ вывезти эту рукопись изъ какого-либо московскаго книгохранилища ¹⁾.

Вл. Колесовъ.

¹⁾ Сознвая значеніе для науки вновь открытаго сочиненія Крижанича, мы приготовили его въ изданію и въ непродолжительномъ времени надеемся приступить къ печатанію его.

В. К.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ВИБЛИ ВЪ РОССИИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ И ПРАВАМИ ¹⁾.

2) Тридцатилѣтіе по закрытіи Россійскаго Виблейскаго Общества.

(1826—56).

Возникновеніе партіи враждебной Виблейскому Обществу, добившейся закрытія его, было реакціей противъ увлеченій и ошибокъ библейскихъ дѣятелей. Реакція, какъ и всегда, сама увлеклась за предѣлы благоразумія и впала въ другую крайность: имѣя въ виду лишь злоупотребленія Св. Писаніемъ и ратуя противъ нихъ, она стала стѣснятъ распространеніе Св. Писанія въ народѣ. Переводъ Св. Писанія на русскій языкъ былъ приостановленъ; уже переведенныя и отпечатанныя первыя восемь книгъ Библии не были пущены въ продажу, а отдѣльными изданія Пятикнижія Моисеева были сожжены (въ концѣ 1824 и въ началѣ 1825 гг.) ²⁾, прекращена была, по видимому, пролажа и Новаго Завѣта на одномъ русскомъ языкѣ. Сла-

¹⁾ *Продолженіе.* См. октябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ По поводу этой мѣры Кіевскій митрополитъ Филаретъ писалъ въ 1857 г. „Я не могу безъ глубокой скорби вспомнить, что... нашимъ необходимымъ предать огню... нѣсколько тысячъ экземпляровъ пяти книгъ св. пророка Моисея, переведенныхъ на русское нарѣчіе въ С.-Петербургской духовной академіи и напечатанныхъ Виблейскимъ Обществомъ“. Подобнымъ образомъ выражался и Московскій митрополитъ Филаретъ, въ томъ же 1857 г.: „Это темное пятно на томъ, кто выдумалъ сію мѣру и своею необдуманною ревностью увлекъ другихъ. Но пятно сіе не падаетъ на верховное духовное начальство. Святейшій синодъ не составлялъ опредѣленія о семъ“. *Чистовичъ, I, стр. 356—357.*

вяно-русскій Новый Заѣтъ оставался еще въ обращеніи, но новаго изданія не дѣлали, и книга мало по малу стала рѣдкостью. Русскій языкъ представлялся необычнымъ и недостаточно выразительнымъ для Св. Писанія. Славянскому тексту Библии готовы были придать непогрѣшимость и неподвижность католической Вульгаты; подъ вліаніемъ тѣхъ же католическихъ воззрѣній почитали опаснымъ позволять каждому, безъ различія, читать Св. Писаніе, и дѣлали попытки запретить народу домашнее чтеніе Библии, полагая достаточнымъ слышать чтеніе Евангеліи въ церкви. Важнѣйшія мѣры въ этомъ направленіи, принятыя по иниціативѣ графа Н. А. Протасова, который съ 1836 г. по 1855 г. занималъ должность оберъ-прокурора св. синода, были слѣдующія:

1) Изданы такъ-называемыя „Патріаршія Грамоты“, то-есть, грамоты греческихъ патріарховъ (XVIII в.) къ русскіиному св. синоду. Онѣ разосланы были во всѣ духовно-учебныя заведенія и раздавались обязательно воспитанникамъ семинарій, при окончаніи ими курса. Въ патріаршихъ грамотахъ о чтеніи Св. Писанія сказано было слѣдующее: „Всякому благочестивому позволено слушать Писаніе, дабы вѣровать сердцемъ въ правду и устами исповѣдовать во спасеніе; но не всякому позволено безъ руководства читать нѣкоторыя части Писанія, особливо Ветхаго Заѣта. Безъ разбору позволять неискуснымъ чтеніе Св. Писанія то же значить, что и младенцамъ предложить убогребленіе крѣпкой нищи“. Это содѣйствовало къ распространенію, въ извѣстномъ кругу, той мысли, что будто у православной церкви есть правило—не всемъ христіанамъ дозволить чтеніе Слова Божія ¹⁾).

2) Въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, въ руководство по части богословія введено (въ 1838 г.) „Православное исповѣданіе вѣры“ Петра Могилы, гдѣ, кромѣ заповѣдей Господнихъ, есть еще заповѣди церковныя, которыхъ православное богословіе не вводило въ свой кругъ и которыхъ потому же не было и въ катихизисѣ преосв. Филарета, издавномъ съ одобренія и разрѣшенія св. синода. „Графъ Протасовъ“, говоритъ Н. В. Сушковъ въ своихъ „Запискахъ о жизни Филарета“,—„по усерднымъ внушеніямъ одного довѣрен-

¹⁾ По этому поводу Тверской архіепископъ Григорій (впослѣдствіи—митрополитъ С.-Петербургскій) писалъ къ Филарету: „Одна мысль о запрещеніи чтенія Свящ. Писанія простымъ христіанамъ приводитъ меня въ страхъ. Не могу постигнуть, откуда происходитъ такое мнѣніе... Нѣтъ ни одной истины, которой бы мнѣ было уотребить во зло“ (Чистовичъ, I, стр. 167, 168).

наго чиновника изъ униатовъ, и потому сочувствовавшего болѣе латинскому согласію, чѣмъ православной церкви, настаивалъ, чтобы въ катихизисѣ (преосв. Филарета) было упомянуто о предопредѣленіи и о церковныхъ заповѣдяхъ. Митрополитъ объяснилъ, что ученіе о предопредѣленіи составляетъ предметъ богословскій, а церковныя заповѣди, какъ заповѣди человѣческія, излишни и не кстати при заповѣдяхъ Божіихъ. Но Протасовъ, какъ не богословъ и не догматистъ, убѣждалъ синодъ поручить митрополиту не только ввести въ катихизисъ указанныя имъ дополненія, а еще и откинуть начало о „естественномъ познаніи Бога изъ видной природы“. Итакъ, начало выкинуто, добавленія внесены⁴⁾.

3) „Предпринятъ былъ пересмотръ классическихъ и вспомогательныхъ книгъ по богословскимъ наукамъ, употреблявшихся въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, въ видахъ ближайшаго приспособленія ихъ не только къ догматамъ, но и къ преданіямъ и чиноположеніямъ православно-каеолической восточной церкви“. Такъ, между прочимъ, введена была въ учебный курсъ семинарій Патристика или ученіе объ отцахъ церкви, „изъ которой академіи и за ними и семинаріи сдѣлали науку, но которая введена была собственно въ видахъ практическаго ознакомленія духовныхъ воспитанниковъ съ отеческою письменностью“.

Главнымъ сотрудникомъ графа Протасова въ преобразованіи духовно-учебной части въ этомъ направленіи былъ архимандритъ Аванасій Дроздовъ, ректоръ С.-Петербургской духовной академіи съ 1841 г. Имѣя въ своемъ ближайшемъ распоряженіи академическій журналъ—Христіанское чтеніе, новый ректоръ и редакторъ, въ духѣ выступившаго новаго направленія понятій, съ 1842 г. замѣнилъ прежній эпиграфъ, печатавшійся обыкновенно на заглавномъ листѣ каждой книжки: „Наздани на основаніи апостолъ и пророкъ сущу краеугольну самому Іисусу Христу“, другимъ: „Да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть церковь Бога жива, столпъ и утверженіе истины“. По поводу этого новаго направленія церковнаго ученія, митрополитъ Филаретъ писалъ тогда (въ 1842 г.) къ архіепископу Гавріилу: „Споспѣшествуйте охраненію ученія отъ уклоненій, благонамѣренныхъ по цѣли охранить преданіе, но не безопасныхъ по мыслямъ, унижающимъ достоинство Священнаго Писанія“⁵⁾.

⁴⁾ Чистовичъ, I, стр. 163—164.

⁵⁾ Чистовичъ, I, стр. 148—167.

Въ эпоху паденія Россійскаго Библейскаго Общества митрополитъ Филаретъ дважды возбуждалъ вопросъ о продолженіи перевода Священнаго Писанія на русскій языкъ, какъ дѣла „полезнаго для Церкви“, но встрѣчая всякій разъ безусловное сопротивленіе тому со стороны С.-Петербургскаго митрополита Серафима, возрѣнія коего на этотъ предметъ раздѣлялъ и тогдашній Кіевскій митрополитъ, и „не желая производить раскола въ Церкви“, не настаивалъ, отлагая дѣло это до времени болѣе благопріятнаго. Между тѣмъ идея перевода Священнаго Писанія на современный языкъ нашла себѣ убѣжденныхъ поборниковъ въ средѣ учениковъ митрополита Филарета по С.-Петербургской духовной академіи, коей онъ былъ нѣкогда ректоромъ. Г. П. Павскій и алтайскій миссіонеръ архимандритъ Макарій (Глухаревъ), независимо другъ отъ друга, предприняли, одинъ въ С.-Петербургѣ, другой „на Алтаѣ, переводъ священныхъ книгъ Ветхаго Завета съ еврейскаго языка на русскій.

Герасимъ Петровичъ Павскій, глубокой знатокъ еврейскаго языка, будучи въ теченіе двадцати лѣтъ профессоромъ этого языка въ С.-Петербургской духовной академіи, переводилъ на своихъ лекціяхъ, для студентовъ, еврейскій текстъ Библии и такимъ образомъ постепенно перевелъ всѣ учительныя и пророческія книги ветхозавѣтнаго канона ¹⁾. „Переводъ дѣлался въ классѣ, и потому переведенное отдавалось студентамъ на бумагѣ въ видѣ лекцій“. Къ переводу лекторъ присоединялъ историческія и филологическія поясненія (введенія, изложеніе содержанія, примѣчанія), самый текстъ Библии располагая не по общепринятому порядку, но по однородности содержанія,—согласно своимъ учебно-филологическимъ цѣлямъ. Лекціи эти, пересмотрѣнныя и исправленныя профессоромъ, были отлитографированы ²⁾ студентами, для собственнаго употребленія, дважды (въ 1839 и 1841 гг.), въ количествѣ всего до 500 экземпляровъ. Учебный переводъ Павскаго съ его поясненіями, преслѣдуя исключительно филологическія цѣли, и налитографированный безъ обычнаго цензурнаго дозволенія, не назначался для всеобщаго употребленія; тѣмъ не менѣе онъ распространился за предѣлы С.-Петербургской духовной академіи,—преимущественно въ средѣ духовенства, интересовавшагося русскимъ переводомъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Съ лѣто

¹⁾ Книги: Іова, Экклезиастъ, Псалтирь, Притчи Соломона, большихъ и меньшихъ пророковъ. Переведена была также (но не для лекцій) и Псалнь Писней

²⁾ Между ними и—Псалнь Писней; но Псалтирь не была помѣщена, потому что она прежде еще была издана въ печати.

графированныхъ экземпляровъ дѣлались многочисленныя рукописныя списки. Переводъ этотъ вызвалъ горячій протестъ со стороны одного изъ духовныхъ лицъ, видимо впрочемъ сочувствовавшаго вообще русскому переводу Библии. Въ концѣ 1841 г. всѣ три митрополита (С.-Петербургскій, Московскій и Кіевскій) одновременно получили изъ Владиміра по анонимному письму одинаковаго содержанія. Авторъ письма ¹⁾, указавъ на рационалистическій характеръ нѣкоторыхъ поясненій къ переводу и на могущій отъ того возникнуть вредъ для церкви, при томъ авторитетѣ, какимъ пользуется ученый переводчикъ, замѣчаетъ: „Распространенію перевода способствуетъ не желаніе читателя раздѣлять мысли переводчика, но общее чувство нужды въ переводѣ. Каждый христіанинъ, для котораго дорого спасеніе, тѣится познать истину Божию сколь можно совершеннѣе, видя образцы и прямыя заповѣди о семъ въ самомъ Св. Писаніи. Но онъ не можетъ удовлетворить себя славянскимъ переводомъ, котораго темнота и невѣрность по мѣстамъ закрываютъ отъ него истину. У него нѣтъ другаго перевода; онъ по необходимости обращается къ мутнымъ водамъ, чтобы чѣмъ-нибудь утолить жажду. Люди, получившіе свѣтское образованіе, давно уже не читаютъ славянскаго перевода Ветхаго Завѣта и прибѣгаютъ къ иностраннымъ переводамъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ наставники и воспитанники для объясненія текстовъ должны также обращаться къ подлиннику, и если оный неизвѣстенъ, то къ иностраннымъ переводамъ. Священное достоинство славянскаго перевода исотъемлемо; его церковное употребленіе должно остаться неприкосновеннымъ до времени. Но онъ не можетъ доставлять полнаго назиданія при домашнемъ чтеніи, яснаго наученія при школьныхъ занятіяхъ; его темнота такъ велика, что читатель не только не видитъ въ текстѣ отношенія къ предмету рѣчи, но и мысли, тогда какъ общее направленіе нынѣшняго времени ищетъ именно ясности понятій и не довольствуется темными представленіями объ истинѣ. Сіи-то причины заставляютъ христіанъ приобрѣтати русскій переводъ. И по симъ-то причинамъ онъ распространился и продолжаетъ распространяться въ великомъ множествѣ, какъ въ литографированныхъ экземплярахъ, такъ и въ рукописяхъ. Самое дѣйствительное средство воспрепятствовать распространенію сего перевода состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворить

¹⁾ По нѣкоторымъ извѣстіямъ, это былъ бакалавръ Московской духовной академіи іеромонахъ Агаваггелъ, впоследствии—архіепископъ Волынскій.

общему чувству нужды вѣрнымъ переводомъ, обнаружить въ полномъ свѣтѣ самую истину, которая имѣетъ довольно силы состязаться съ ложью и одержать надъ нею побѣду. Справедливо, что при семъ дѣлѣ не возможно избѣгать роптанія со стороны людей суевѣрныхъ или упорствующихъ въ темпотѣ невѣжества. Но чѣмъ виновны души, ищущія истины, чтобы изъ опасенія возмутить покой суевѣрія и грубости, отказывать имъ въ пищѣ?... Ни въ какое время истина Божія не была скриваема отъ людей, преданныхъ ей. Мы можемъ указать даже на многіе отечественные примѣры въ доказательство того, какъ всегда заботились пастыри приблизить разумніе Слова Божія къ понятіямъ и языку современному“. „Конечно, справедливо и то, что яркій свѣтъ священныхъ книгъ можетъ ослѣпить многихъ, знаемыхъ съ однимъ славянскимъ переводомъ. Но ужели пельзя удержатъ и въ русскомъ переводѣ тѣ славянскіе слова, обороты и словосочиненія, которые отличаются ясностью, силою и выразительностью? Можно также помѣщать при каждой книгѣ вступленіе въ нее и подъ самымъ текстомъ краткія объясненія, чтобы невразумительныя мѣста не дали повода къ ложнымъ толкованіямъ... Можно сдѣлать много другаго, чтобы только не заграждать источника воды, текущей въ животь вѣчный“.

По поводу этого письма произведено было тщательное изслѣдованіе дѣла. Въ своихъ объясненіяхъ и отвѣтахъ на предложенные ему вопросные пункты прот. Павскій, оправдывая вообще свою систему перевода его учебно-филологическою цѣлью, сознался въ „необдуманности“ нѣкоторыхъ своихъ толкованій, при чемъ сказалъ, что, по слову Апостола, онъ все Писаніе признаетъ богодухновеннымъ. Дѣло это тянулось болѣе двухъ лѣтъ, наконецъ опредѣленіемъ свѣтѣйшаго синода, Высочайше утвержденнымъ, положено было: дѣло прекратить, прот. Павскаго отъ отвѣтственности освободить, собранные же экземпляры его перевода уничтожить ¹⁾).

Переводъ Павскаго представляетъ первый опытъ перевода священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго подлинника на современный русскій языкъ, сдѣланный притомъ превосходнымъ знаткомъ какъ еврейскаго, такъ и русскаго языковъ, — въ этомъ заключается главное и важное значеніе ученаго перевода Павскаго: онъ облегчилъ трудъ послѣдующихъ переводчиковъ Библии ²⁾).

¹⁾ Исторія перевода Библии на рус. яз., Чистосиича, I, стр. 151—273, 354—355.

²⁾ Внимательность къ подлиннику составляетъ главное достоинство перевода Павскаго; но, увлекаемый стремленіемъ къ буквальной точности, ученый перевод-

Въ то время какъ прот. Павскій на своихъ лекціяхъ истолковывалъ предъ студентами смыслъ еврейскаго текста Вѣднн, другой ученикъ Филарета по академіи, архимандритъ Макарій, на дальнемъ востокѣ, посреди снѣговъ Сибири, горя пламенною любовью къ Слово Божію, предпринялъ переводъ священныхъ книгъ Вѣтхаго Завета съ еврейскаго подлинника на современный русскій языкъ для общенароднаго употребленія. Михаилъ Яковлевичъ Глухаревъ, въ монашествѣ—Макарій, былъ сынъ священника въ г. Вязьмѣ. Окончивъ курсъ въ Смоленской семинаріи, онъ поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію во время ректорства архимандрита Филарета. Между наставниками его въ послѣдній годъ пребыванія его въ академіи былъ и его бывшій товарищъ по ученію Г. П. Павскій, за годъ лишь передъ тѣмъ (въ 1816 г.) окончившій курсъ и оставленный при академіи для преподаванія еврейскаго языка. По окончаніи академическаго курса въ 1817 году, М. Я. Глухаревъ назначенъ былъ профессоромъ церковной исторіи и инспекторомъ въ Екатеринославскую семинарію; здѣсь, по совѣту мѣстнаго епископа Іова (Потемкина), онъ поступилъ въ монашество. Въ 1821 г. инокъ Макарій назначенъ былъ ректоромъ въ Костромскую семинарію съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, но въ 1824 году принужденъ былъ оставить учебную службу по возникшимъ неурядицамъ. Въ 1830 году мы встрѣчаемъ архимандрита Макарія уже на Алтаѣ, полагающимъ здѣсь, среди кочевыхъ калмыковъ, начало миссіи, существующей и понынѣ. Съ великимъ самоотверженіемъ трудился онъ на этомъ поприщѣ. Чтобы доставить своей новообращенной паствѣ возможность пользоваться сокровищницею Слова Божія на языкѣ ей болѣе понятномъ, нежели славянскій, а также и вообще въ виду общенародной пользы отъ чтенія Слова Божія на родномъ языкѣ, Макарій въ 1834 году прислалъ къ Московскому митрополиту Филарету письмо „о потребности для русской церкви преложенія всей Вѣднн съ оригинальныхъ текстовъ на современный русскій языкъ“. Но митрополитъ Филаретъ не далъ тогда этому дѣлу дальнѣйшаго хода, такъ какъ высшая духовная администрація тому не благопріятствовала. „Но это не остановило Макарія. Среди трудовъ евангельской проповѣди язычникамъ, онъ предпринялъ переводъ священныхъ книгъ Вѣтхаго Завета съ еврейскаго языка на русскій и въ 1837 г. прислалъ въ комиссію

.....
 чинъ употребляетъ мѣстами грубыя простонародныя выраженія (Чистомичъ, I, стр. 175).

духовныхъ училищъ начало своего труда—переводъ книги Іова. Макарій началъ съ этой книги, вѣроятно, потому, что Библейское Общество довело свой переводъ до этой книги⁴. Вѣсть съ тѣмъ онъ послалъ и письмо на Высочайшее имя, „прося Высочайшаго повелѣнія о разсмотрѣніи перевода его въ комиссіи духовныхъ училищъ и объ изданіи его на суммы комиссіи для употребленія въ духовныхъ училищахъ“. Изложивъ въ немъ значеніе перевода Св. Писанія на русскій языкъ, Макарій указывалъ и на возможность превратнаго толкованія слова Божія. „Впрочемъ“, говоритъ онъ, — „нѣтъ такихъ священныхъ и благотворныхъ учрежденій въ человѣческомъ родѣ, которыхъ бы человѣкъ не могъ во зло употребить. Предусматриваютъ сіи злоупотребленія, предотвращаютъ ихъ, какъ умѣютъ и могутъ¹⁾, имѣютъ въ готовности все въ мужественному принятію сихъ непріятелей, которыхъ появленіе неизбежно, и въ то же время идутъ впередъ, съ Богомъ, въ созиданіи общаго блага... Апостолъ Петръ свидѣтельствуетъ, что невѣжды къ собственной своей гибели превращали смыслъ посланій св. Павла, подобно какъ и прочія Писанія. Но это не воспрепятствовало св. Павлу проповѣдывать слово о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, которое для однихъ казалось безуміемъ, а для другихъ было соблазномъ, между тѣмъ какъ вѣрующіе находили въ немъ силу Божію и божественную премудрость“. Въ 1839 году Макарій сдѣлалъ переводъ книги пророка Ісаіи и тоже отослалъ его въ комиссію духовныхъ училищъ, для разсмотрѣнія, съ новымъ прошеніемъ на имя государя. Комиссія, на основаніи отзыва профессора еврейскаго языка въ С.-Петербургской академіи, прот. Иванова, что переводы архим. Макарія требовали нѣкоторыхъ исправленій, оставила дѣло это безъ послѣдствій.

Приобрѣта между тѣмъ переводъ пророческихъ и учительныхъ книгъ Ветхаго Завета, сдѣланный прот. Павскимъ, и исправивъ по немъ собственный переводъ книгъ Іова и прор. Ісаіи, Макарій въ 1840 году снова представилъ свой трудъ святѣйшему синоду, при прошеніи, въ коемъ снова выражалъ свою неизмѣнную увѣренность въ необходимости для церковныхъ миссій и вообще для русскаго народа полной Библіи на русскаго нарѣчій.

Попытки архим. Макарія вызвать изданіе полной русской Библіи

¹⁾ Для огражденія нѣкоторыхъ нѣсть священныхъ книгъ отъ превратныхъ толковъ и злоупотребленій, Макарій предлагаетъ снабдить ихъ краткими примѣчаніями.

были безуспѣшны. Но трудъ этотъ сталъ потребностью для его души, главною задачею его жизни. Постепенно перевелъ онъ съ еврейскаго языка на русскій всѣ ветхо-завѣтныя книги ¹⁾, частью на Алтай, а частью въ Болховскомъ Оптавомъ монастырѣ, Орловской губерніи, куда назначенъ былъ настоятелемъ въ 1843 г. Затѣмъ онъ задумалъ отправиться въ Иерусалимъ, чтобы тамъ заняться пересмотромъ своего перевода ветхо-завѣтныхъ книгъ; но, уже собираясь въ путь, онъ занемогъ и вскорѣ скончался 18-го мая 1847 года. Его библейскіе переводы, изданные впоследствии ²⁾, отличаются живыми оборотами рѣчи, языкомъ сильнымъ и выразительнымъ, нося на себѣ отпечатокъ воодушевленія словомъ Божиимъ, каковымъ исполненъ былъ самъ истолкователь священныхъ писменъ ³⁾.

3. Русская Библия

(1856—1875 г.).

Митрополитъ Филаретъ и разсужденіе св. синода въ общемъ собраніи его 10-го сент. 1856 г. — Проектъ синодальнаго опредѣленія, составленный митрополитомъ Филаретомъ. — Оппозиція синодальнаго оберъ-прокурора. — Мнѣніе Кіевскаго митрополита. — Отзывъ митрополита Филарета. — Изданіе русской Библии „по благословенію синода“. — Оживленіе духовной литературы. — Миссіонерства. — Проповѣди.

Самымъ ревностнымъ поборникомъ перевода Библии на русскій языкъ былъ митрополитъ Московскій Филаретъ. Ясно сознавая насущную потребность этого дѣла, знаменитый святитель, съ рѣдкою энергіей и мудростью, стремился къ осуществленію его, умѣя терпѣливо выжидать благоприятнаго къ тому времени. Время это наступило съ воцареніемъ императора Александра II. Въ 1856 году, на коронацію новаго государя собрались въ Москвѣ всѣ члены св. синода, и между ними высшіе іерархи Русской церкви: С.-Петербургскій митрополитъ Никаноръ, Московскій митрополитъ Филаретъ, Литовскій митрополитъ Іосифъ

¹⁾ Переводъ Павскаго, которымъ онъ пользовался какъ пособіемъ, значительно облегчалъ ему это дѣло. Въ донесеніи своемъ святѣйшему синоду, при представленіи книги пророка Исаіи, онъ говоритъ по этому поводу, что онъ, въ переводѣ своемъ, „слѣдовала учителью своему (Павскому) какъ ученикъ, не какъ невольникъ, и не всѣ мнѣнія его принялъ за самыя вѣрныя“.

²⁾ Они напечатаны были въ *Православномъ Обзорѣ*и 1860—1867 годовъ в, кромѣ того, отдѣльными оттисками для продажи.

³⁾ *Чистотичъ*, I, стр. 273—319.

(Сѣмашко) и Казанскій архіепископъ Григорій, также почтенный при этомъ саномъ митрополита. ¹⁾ Этимъ счастливымъ обстоятельствомъ не упустилъ воспользоваться святитель Московскій, чтобы расположить своихъ сотоварищей въ пользу завѣтнаго своего предпріятія, перевода Библии на русскій языкъ. Послѣ предварительныхъ частныхъ совѣщаній, члены св. синода, въ общемъ собраніи своемъ 10-го сентября, единогласно признали, въ принципѣ, потребность перевода Св. Писанія на русскій языкъ, при чемъ, по настояцію митрополита Филарета, положено было переводить съ еврейскаго и греческаго подлинниковъ; ему же, на основаніи бывшаго разсужденія, поручено было составить и проектъ синодальнаго опредѣленія. „Сіе исполнено мною со всевозможною точностію“, будемъ продолжать словами самого митрополита Филарета ²⁾, — „и въ проектъ опредѣленія внесены соображенія предположенныя въ засѣданіи разными членами св. синода и всѣми принятыя. Но мнѣ уже не можно было предложить сего изложенія къ слушанію и подписанію св. синода, потому что онъ, вслѣдъ за вышеупомянутымъ засѣданіемъ, въ Москвѣ закрытъ и возвратился въ въ Петербургъ. Посему я прочиталъ сдѣланное изложеніе оставшемуся въ Москвѣ члену св. синода, архіепископу Евгенію, который и призналъ оное вѣрнымъ съ бывшимъ въ синодѣ разсужденіемъ и рѣшеніемъ“.

Въ этомъ документѣ читаемъ мы, между прочимъ слѣдующее:

1) „Святые пророки и апостолы писали священныя книги на природномъ и общеупотребительномъ языкѣ тѣхъ народовъ, къ которымъ первоначально поступить должны сїи книги, и преподавали оныя въ общее употребленіе въ церковныхъ собраніяхъ и виѣ оныхъ. Они же показали намъ примѣръ и перевода съ первоначальнаго языка на другой, болѣе употребительный. Такъ св. Златоустъ (на Матѣ. бесѣда 1) пишетъ, что св. евангелистъ Матеей „отъ Іудей вѣровавшимъ еврейскимъ языкомъ сложи Евангеліе“: но въ то же апостольское время оно переведено на греческій.

2) „Святые отцы всегда побуждали всѣхъ вѣрующихъ къ чтенію Священнаго Писанія. Святый Златоустъ (на Матѣ. бес. 2) говоритъ къ мірянамъ: „Сіе-то есть, еже вся повреди, яко единымъ монахомъ чтеніе божественныхъ писаній мните потребно быти, въ нихже много

¹⁾ Недоставало только Кіевскаго митрополита Филарета.

²⁾ См. письмо его отъ 20-го января 1863 г. къ синодальному оберъ-брокюру А. П. Ахитову, приведенное *Чистотичемъ*, II, стр. 3.

вашу оиѣхъ въ потребу имате"... И въ другомъ мѣстѣ (бесѣда LXXIV) о прачеваніи больной грѣхомъ души говорить: „Покажи ту недугующую Павлу; приведи Матѳея; близъ посади Іоанна; слыши отъ нихъ, что подобаетъ творити тако страждущу. Всячески рекутъ и не скрываютъ: не умреша бо, но живутъ и вѣщаютъ". То-есть: читай у себя въ домѣ священныя книги и вѣруй, что чрезъ нихъ священныя писатели, какъ живые, дѣйствуютъ спасительно на твою душу.

3) „Языкъ славянскаго перевода Библии, общевразумительный и общеупотребительный въ свое время, не таковъ уже въ настоящее время, по своей древности...

4) „Неоспоримо то, что въ славянскомъ переводѣ Библии есть многія мѣста, въ которыхъ составъ рѣчи невразумителенъ, и которыя требуютъ сличенія съ первоначальными текстами—еврейскимъ и греческимъ...

5) „Въ вышесказанномъ можно видѣть причины, по которымъ святѣйшій синодъ въ 1813 году, съ Высочайшаго соизволенія, разрѣшилъ приступить къ переводу Священнаго Писанія на русское нарѣчіе, и въ послѣдовавшіе потомъ годы сдѣланъ переводъ Новаго Завѣта подъ смотрѣніемъ и съ участіемъ присвопомытныхъ первенствующихъ членовъ святѣйшаго синода, митрополитовъ Новгородскихъ Амвросія, Миханѣла и Серафима.

6) „Въ слѣдующіе далѣе годы дѣло перевода Священнаго Писанія на русское нарѣчіе и изданіе онаго, не по разсужденію святѣйшаго синода, но по причинамъ официально не объясненнымъ, пріостановлено; впрочемъ, напечатанныя экземпляры онаго продолжали поступать въ общее употребленіе и между прочимъ чрезъ общество попечительное о тюрьмахъ, пока запасъ ихъ въ недавніе уже годы не истощился.

7) „Послѣдствіемъ истощенія печатныхъ экземпляровъ Новаго Завѣта на русскомъ нарѣчій въ главномъ хранилищѣ ихъ, въ вѣдомствѣ святѣйшаго синода, сдѣлалось то, что экземпляры, вышедшіе предъ тѣмъ въ вольную продажу, начали продаваться необычайно дорогою цѣною, что, съ одной стороны, показываетъ народное требованіе, съ другой—подастъ поводъ къ жалобамъ"... 1)

На основаніи этихъ соображеній состоялось вышеупомянутое опредѣленіе святѣйшаго синода о возобновленія перевода Св. Писанія

1) Чистовичъ, II, стр. 4—6.

на русскій языкъ, при чемъ, между прочимъ, признавалось полезнымъ къ книгамъ ветхозавѣтнымъ прилагать краткія поясненія, „особенно въ отношеніи къ новозавѣтному исполненію пророчества“. Въ заключеніе синодальнаго опредѣленія о возобновленіи перевода Св. Писанія на русскій языкъ, сказано: „Какъ въ 1813 г. дѣло сіе начато было съ Высочайшаго соизволенія, то и нынѣ о возобновленіи оаго представить на Высочайшее благоусмотрѣніе“¹⁾.

Составленный митрополитомъ Филаретомъ проектъ синодальнаго опредѣленія препровожденъ былъ къ тогдашнему оберъ-прокурору святѣйшаго синода графу А. П. Толстому. Оберъ-прокуроръ, взглянувъ на представленный ему документъ какъ на взложеніе простаго мнѣнія, такъ какъ онъ не былъ облеченъ въ законную форму, не имѣя подписей, а потому, не давая ему хода, препроводилъ его, подъ общимъ названіемъ „Записки“, на обсужденіе къ Кіевскому митрополиту Филарету. „Записка“ сопровождалась пространнимъ письмомъ, въ коемъ гр. Толстой, напоминая митрополиту содержаніе бесѣды ихъ, въ началѣ декабря 1855 г., въ Кіевѣ, о томъ, „нужно ли и полезно ли перевести Св. Писаніе на общеупотребительный русскій языкъ“, просилъ его „опытнаго совѣта, который могъ бы въ настоящемъ случаѣ послужить ему руководствомъ къ дальнѣйшему направленію дѣла“. Вмѣстѣ съ проектомъ синодальнаго опредѣленія 10-го сентября 1856 г., гр. Толстой хотѣлъ представить, на предварительное усмотрѣніе государя, и ожидаемое возраженіе на него со стороны Кіевского митрополита.

Въ отношеніи своемъ на имя оберъ-прокурора святѣйшаго синода, престарѣлый и досточтимый іерархъ Кіевскій, ссылаясь на трудность дать вполне удовлетворительный отвѣтъ въ дѣлѣ столь великой важности, не отвергалъ безусловно пользы русскаго перевода Св. Писанія, съ должною осмотрительностью предпринятаго, справедливо почитая, притомъ, одной школьной учености недостаточнымъ „для уразумѣнія силы богодухновенныхъ словесъ Писанія“²⁾, и полагая вообще этимъ дѣломъ не спѣшить. По рѣшительное предпочтеніе онъ отдавалъ переводу церковно-славянскому, во первыхъ, какъ труду, исполненному святыми мужами, Кирилломъ и Меодіемъ, „слѣдовательно, несомнѣнно, подъ особеннымъ смотрѣніемъ и руководствомъ Духа Божія“; а во вторыхъ, потому, что „русское нарѣчіе

¹⁾ Чистовичъ, II, стр. 8.

²⁾ Намекъ, по видимому, на трудъ Павскаго.

не можетъ передать Священнаго Писанія со всею тою силою и вѣрностью, какими отличается переводъ славянской. Въмѣсто того, чтобы переводить Св. Писаніе на русскій языкъ, іерархъ Кіевскій признавалъ „полезными, для споспѣшествованія народу въ разумѣніи Слова Божія“, слѣдующія, между прочимъ, мѣры:

1) „Оставляя навсегда неприкосновеннымъ основной текстъ славянскаго перевода... позаботиться о томъ, чтобы при новыхъ изданіяхъ Библии постепенно вводить нѣкоторыя частныя исправленія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ самомъ дѣлѣ особенно невразумительны, замѣняя одни слова и даже цѣлыя выраженія другими, яснѣйшими и точнѣйшими, или поставляя ихъ на поляхъ, либо подъ чертою въ видѣ примѣчаній и поясненій, держась впрочемъ строго славянскаго склада и оборота рѣчи. Напримѣръ, въ книгѣ Бытія, въ 3-й главѣ, въ 15 стихѣ, очень можно и нужно противъ словъ: „той твою блюсти будетъ главу“, подъ чертою или на поляхъ замѣтить: той твою сокрушить голову; или въ той же книгѣ, въ главѣ 49, ст. 10, противъ или даже вмѣсто словъ: „дондеже пріидуть отложенная ему“, поставить: дондеже пріидеть примиритель, и подоб. Или же въ Новомъ Завѣтѣ, въ Евангеліи Маттея, въ 11-й гл., ст. 12, исправить такъ: царствіе небесное съ усиленіемъ воспріемлетъ и усиленные искатели восхищаютъ е. Или: въ 16 гл. Іоанна, въ ст. 22, вмѣсто: „вины не имуть о грѣсѣхъ своихъ“, поставить: извиненія не имуть; или еще: въ посланіи Іакова, въ гл. 3-й, ст. 6, вмѣсто: „языкъ огнь, дѣлота неправды“, поставить: сконнице (κόσμος) неправды; тамъ же въ главѣ 5-й, ст. 12, вмѣсто: „да не въ лицемѣріи впадете“, поставить: да не осужденію подпадете (sic ὑποκρισίου πέσετε)“ и проч. ¹⁾

2) „Необходимо позаботиться о томъ, чтобы составить для народа и издать краткое, по возможности, толкованіе всего Священнаго Писанія, избранное изъ отцевъ церкви“.

Въ заключеніе митрополитъ Кіевскій предлагалъ издать отъ св. синода, для обязательнаго всеобщаго употребленія, славяно-русскую азбуку, по примѣру старинной нашей азбуки, со статьями для первоначальнаго упражненія въ чтеніи, выбранными изъ Библии, твореній свв. отцевъ и изъ самыхъ навидательныхъ и благочестивыхъ книгъ, такъ какъ этимъ путемъ „въ дѣтяхъ, только-что начинающихъ учиться, будетъ полагаться начало истинной премудрости —

¹⁾ Чистовичъ, стр. 9—29.

благочестіе и страхъ Божій; и знаніе на память съ равнихъ лѣтъ. молитвъ, псалмовъ, богослужебныхъ пѣсней и проч. на всю жизнь будетъ для нихъ чрезвычайно благотворно... Азбуки же и книжки, издаваемыя нынѣ у насъ во множествѣ для обученія дѣтей частными людьми, . . . въ которыхъ . . . вмѣсто благочестивныхъ статей для первоначальнаго чтенія предлагаются самыя пустыя, если не вредныя, сказки, басни и разказы, слѣдуетъ изъять изъ употребленія и изданіе подобныхъ книгъ частнымъ лицамъ впредь воспретить совершенно“.

Препровождая это мнѣніе свое къ оберъ-прокурору, высокопреосвященный Филаретъ Кіевскій выражалъ сомнѣніе относительно того, какъ оно принято будетъ въ св. синодѣ, уже разъ одобрявшемъ содержаніе „Записки“ митрополита Филарета Московскаго, и потому совѣтовалъ изложенное имъ мнѣніе о русскомъ переводѣ Св. Писанія представить прямо на воззрѣніе Его Величества: „Одно державное слово Его прекратило бы дѣло рѣшительно“.

Оберъ-прокуроръ гр. Толстой, слѣдуя этому совѣту, „30-го января 1857 года, представилъ на благоусмотрѣніе государя письмо свое къ митрополиту Кіевскому и полученный отъ него отвѣтъ „вмѣстѣ съ проектомъ митрополита Московскаго“, испрашивая Высочайшаго повелѣнія внести въ святѣйшій синодъ означенное мнѣніе митрополита Кіевскаго на совокупное разсмотрѣніе, сообщивъ оное предварительно митрополиту Московскому“. Въ то же время, представляя на Высочайшее вниманіе то обстоятельство, что при новомъ переводѣ книгъ Священнаго Писанія возникаетъ вопросъ, можно ли принимать въ соображеніе и еврейскій текстъ, который греческая церковь признаетъ поврежденнымъ¹⁾, оберъ-прокуроръ, согласно съ мнѣніемъ Кіевскаго митрополита, находилъ необходимымъ, въ предупрежденіе всякихъ разногласій съ греческою церковью, не приступать къ сему столь важному дѣлу безъ сношенія съ нею.

Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ: „Внести мнѣніе преосвященнаго Кіевскаго митрополита въ святѣйшій синодъ на совокупное разсмотрѣніе, но предварительно сообщить митрополиту Московскому“.

Въ отзывѣ своемъ митрополитъ Филаретъ опровергаетъ мнѣніе,

¹⁾ Злонамеренная порча еврейскаго текста евреями, противниками христіанства въ первые вѣка его, не доказана; поврежденіе же временемъ коснулось еврейскаго текста не болѣе, чѣмъ греческаго.

будто русскій языкъ не можетъ передать Св. Писаніе съ тою силою и вѣроятностью, какъ славянскій, слѣдующими доводами: 1) русское нарѣчіе обладаетъ обиліемъ славянскаго и присовокупляетъ къ нему свое обиліе; 2) языки, менѣе обильные, нежели русскій, выдерживаютъ удовлетворительное переложеніе Св. Писанія. Славянскій языкъ преимуществуетъ краткостью и важностью, но для перевода всего нужнѣ ясность".

Ссылаясь на то, что въ настоящее время и католическая церковь разрѣшаетъ переводы на народныя языки, „кольми паче“, заключаетъ свой отзывъ Московскій митрополитъ Филаретъ, — „православная російская церковь не должна лишать православный народъ чтенія Слова Божія на языкѣ современномъ, общевразумительномъ: ибо такое лишеніе было бы несообразно съ ученіемъ святыхъ отецъ, съ духомъ восточно-каѳолической церкви и съ духовнымъ благомъ православнаго народа“.

Сдѣлана была еще попытка, путемъ новыхъ изысканій и изслѣдованій, поколебать доводы, приведенные митрополитомъ Московскимъ въ защиту перевода Св. Писанія. Наконецъ, во исполненіе Высочайшей воли, проектъ синодальнаго опредѣленія 10-го сентября 1856 г., замѣчанія на него митрополита Кіевскаго и отзывъ на эти замѣчанія митрополита Московскаго, 15-го сентября 1857 г., предложены были оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, первенствующимъ членомъ коюго былъ тогда митрополитъ Григорій, заступившій мѣсто скончавшагося (въ 1856 г.) митрополита Никанора. „Святѣйшій синодъ, разсмотрѣвъ мнѣнія обоихъ преосвященныхъ митрополитовъ и сообразивъ ихъ съ церковными правилами и изданными въ разныя времена постановленіями по сему предмету, полагалъ, что переводъ на русскій языкъ сначала книгъ Новаго Завѣта, а потомъ постепенно и другихъ частей Св. Писанія, необходимъ и полезенъ, но не для употребленія въ церквахъ, для которыхъ славянскій текстъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ, а для одного лишь пособія къ разумѣнію Св. Писанія, и что къ переводу сему, по особенной важности настоящаго дѣла, должно приступить со всевозможною осмотрительностью, чрезъ лицъ испытанныхъ въ знаніи еврейскаго и греческаго языковъ, по избранію и утвержденію святѣйшаго синода. Вслѣдствіе сего, опредѣленіемъ 24-го января—20-го марта 1858 года, святѣйшій синодъ предоставилъ оберъ-прокурору, графу А. П. Толстому доложить о семъ предложеніи Государю Императору и на исполненіе онаго испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества

разрѣшеніе, съ тѣмъ, что по воспослѣдованіи такового святѣйшій синодъ не оставитъ постановитъ подробныя правила, какимъ образомъ начать и совершить сіе дѣло.

5-го мая 1858 года, по всеподданнѣйшему докладу оберъ-прокурора, воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе: „Согласно опредѣленію святѣйшаго синода 20-го прошлаго марта, приступить къ переводу на русскій языкъ книгъ Св. Писанія на изысненныхъ въ опредѣленіи основаніяхъ“.

Гораздо позже, и притомъ случайно, узналъ Московскій митрополитъ Филаретъ о ходѣ возбужденнаго имъ дѣла о переводѣ Св. Писанія на русскій языкъ и писалъ по этому поводу (20-го января 1863 г.) къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода А. П. Ахматову, преемнику гр. А. П. Толгаго: „Только вчера, при чтеніи одной изъ сообщенныхъ (изъ синода) мнѣ записокъ, узналъ я, что первый актъ по сему предмету выставленъ какъ мое личное мнѣніе. Это не вѣрно. Истина должна быть восстановлена. Это было не мое мнѣніе, а опредѣленіе святѣйшаго синода, постановленное въ его собраніи, въ которомъ присутствовали 4 митрополита, 4 архіепископа, каковой полноты не бывало со времени учрежденія святѣйшаго синода... Выѣсто того, какъ теперь оказывается, рѣшеніе святѣйшаго синода переименовано въ мое мнѣніе и отправлено къ митрополиту Кіевскому; и по полученіи его мнѣнія опять неправильно поступлено въ томъ, что не предложено святѣйшему синоду, а прямо представлено Его Императорскому Величеству. Мнѣніе достопочтеннаго митрополита Кіевскаго съ указаніемъ еще на безыменныя духовныя лица при сокрытіи мнѣнія цѣлаго святѣйшаго синода, могло привлечь рѣшительное Высочайшее вниманіе. Однако явилась надъ симъ дѣломъ рука провидѣнія Божія и сердце Царено въ рудѣ Божіей. Государь Императоръ обратилъ дѣло къ порядку и первоначальное рѣшеніе святѣйшаго синода явилось вновь и вошло въ силу“.

Такимъ образомъ великое дѣло перевода Священнаго Писанія на русскій языкъ взято было теперь въ руки высшимъ церковнымъ правительствомъ, святѣйшимъ синодомъ: это придавало переводу церковный авторитетъ, устранившій всякія недоразумѣнія и оппозицію. Огнниѣ всякій, съ довѣріемъ и себѣ въ назиданіе, могъ пользоваться книгами Священнаго Писанія на русскомъ языкѣ, издаваемыми „по благословенію святѣйшаго синода“. Переводъ предпологалось сдѣлать съ оригинальныхъ текстовъ, греческаго и еврейскаго.

19-го мая 1858 года святѣйшій синодъ постановилъ немедленно

приступить къ дѣлу перевода, начиная съ книгъ Новаго Завѣта. Трудъ перевода распредѣленъ былъ между четырьмя духовными академіями (С.-Петербургскою, Московскою, Кіевскою и Казанскою), коимъ предписано было: избрать изъ служащихъ надежныхъ для сего дѣла лицъ; исполняемый ими переводъ пересмотрѣвъ съ полнымъ вниманіемъ въ комитетѣ изъ нѣсколькихъ опытныхъ въ семъ дѣлѣ лицъ, представлять въ святѣйшій синодъ для дальнѣйшаго разсмотрѣнія. При переводѣ предписывалось соблюдать слѣдующія правила: 1) переводъ долженъ былъ точно выражать подлинникъ, впрочемъ, соответственно свойству языка русскаго и удобовразумительно для читающаго; 2) чтобъ размыщеніе словъ соответствовало свойству языка русскаго и благопріятствовало ясности рѣчи ¹⁾; 3) чтобъ слова и выраженія при переводѣ употреблялись всегда общепонятныя, но употребляющіяся въ высшемъ обществѣ, а отнюдь не простонародныя. Преосвященнымъ митрополитамъ Кіевскому, С.-Петербургскому и Московскому и Казанскому архіепископу поручено наблюденіе за точнымъ исполненіемъ академіями возложеннаго на нихъ порученія. Общая редакція перевода поручена была профессору греческаго языка въ С.-Петербургской духовной академіи Е. И. Ловягину.

Одинъ изъ трехъ присутственныхъ дней въ святѣйшемъ синодѣ назначенъ былъ исключительно для разсмотрѣнія постепенно представляемаго перевода Бяблин, предварительно просмотрѣннаго каждымъ изъ членовъ синода на дому. По пересмотрѣ перевода членами синода въ Петербургѣ, онъ отсылаемъ былъ въ Москву къ митрополиту Филарету, пока онъ былъ живъ, и его замѣчанія дѣлались предметомъ новаго обсужденія въ святѣйшемъ синодѣ.

Такимъ образомъ въ 1860 году вышелъ въ свѣтъ русскій переводъ Четвероевангелія въ 8-ю долю, въ 1862 году — Дѣянія и Посланія Свв. Апостоловъ съ Апокалипсисомъ, тоже въ 8-ю долю. Въ 1863 году, по указанію покойной Императрицы Маріи Александровны, синодальною типографіей напечатано изданіе Новаго Завѣта въ 32-ю долю, — собственно для солдатъ, которымъ удобнѣе помѣстить въ рапцѣ священную книгу малаго формата ²⁾.

Когда переводъ Новаго Завѣта приближался къ концу (въ 1860 г.),

¹⁾ Въ славянскомъ переводѣ слова расположены въ томъ же порядкѣ, какъ и въ греческомъ текстѣ.

²⁾ Цѣна экземпляру назначена была лишь 16 коп. Мысль этого изданія подава была покойнымъ лейбъ-медикомъ Императрицы Ф. Я. Карелемъ, действительнымъ членомъ „Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи“.

духовныя академіи приглашены были къ подготовленію перевода священныя книгъ Ветхаго Завета на русскій языкъ съ оригинальнаго текста.

Первою отозвалась на это приглашеніе С.-Петербургская духовная академія. Для перевода образованъ былъ при ней комитетъ изъ профессора Священнаго Писанія М. А. Голубева, преподавателя еврейскаго языка Д. А. Хвольсона и профессора греческаго языка Е. И. Ловягина. По смерти М. А. Голубева (въ 1869 г.), мѣсто его заступилъ П. И. Савванитовъ. Митрополитъ С.-Петербургскій Григорій, одинъ изъ дѣятелей бывшаго Россійскаго Библейскаго Общества, принялъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе и далъ въ руководство академіи собственный экземпляръ перевода первыхъ восьми книгъ, издавнаго (въ 1825 г.) Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ. Переводъ дѣлался съ еврейскаго языка, но переводчики пользовались и греческимъ текстомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это представлялось нужнымъ для возстановленія подлинника или правильнаго чтенія при неясности или даже испорченности еврейскаго текста; съ этою же цѣлью пользовались также текстами сирійскимъ, арабскимъ, халдейскимъ и Вульгатою. Переводъ сопровождался филологическими примѣчаніями; главнымъ дѣтелемъ былъ здѣсь, конечно, Д. А. Хвольсонъ. Переводъ этотъ печатался, съ 1861 года, въ издававшемся при академіи журналѣ Христіанское чтеніе. Такъ переведены были постепенно и напечатаны: Пятокнижіе Моисея, книга Иисуса Павина, книга Судей, книги Царствъ, Паралипоменонъ, книга Иова, притчи Соломона и Екклесіастъ ¹⁾.

Кіевская духовная академія съ 1861 года стала печатать въ современномъ изданіи Труды Кіевской Академіи переводъ книгъ Царствъ и Паралипоменонъ ²⁾; затѣмъ напечатаны были, въ переводѣ съ еврейскаго подлинника книги прор. Исаія, Іеремія и Іезекиля. Переводъ сопровождался филологическими и историческими примѣчаніями.

Въ это же время печатались: въ московскомъ духовномъ журналѣ Православномъ обзорѣнн вышеупомянутый переводъ священныя книгъ Ветхаго Завета, сдѣланный архимандритомъ Макаріемъ, завѣтное желаніе котораго наконецъ исполнилось, а въ Петербургскомъ по-

¹⁾ Последняя книга напечатана была въ двухъ переводахъ,—одинъ изъ нихъ сдѣланъ былъ профессоромъ Кіевской духовной академіи Максимовичемъ въ 1861 г., другой с.-петербургскимъ комитетомъ въ 1870 г.

²⁾ Переводъ сдѣланъ былъ профессоромъ М. С. Гуляевымъ (ум. въ 1866 г.).

временномъ изданіи Духъ христіанна—переводъ Павскаго 3-й и 4-й книгъ Царствъ, 1-й и 2-й Паралипоменонъ, съ краткимъ изложениемъ содержанія каждой главы, и Притчей Соломона.

Появились и отдѣльныя изданія русскихъ переводовъ: книги Премудрости Іисуса сына Сирахова въ Петербургѣ въ 1859 году, съ краткимъ объясненіемъ, и книги Іова въ Вяткѣ въ 1860 году, съ обширными примѣчаніями.

Усматривая общую потребность въ достовѣрномъ переводѣ Библии, святѣйшій синодъ призналъ необходимымъ отъ своего лица предпринять изданіе русскаго перевода священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта и имѣлъ разсужденіе о порядкѣ веденія перевода и о текстѣ, съ котораго долженъ быть дѣлать переводъ. Согласно предложенію митрополита Фяларета (20-го января 1863 г.) опредѣлено было начать переводъ съ Книги Бытія и продолжать его по порядку расположенія книгъ въ греческой Библии, самый же переводъ дѣлать, сообразуясь съ греческимъ и еврейскимъ текстами¹⁾, при чемъ библейскія имена писать не по еврейскому, а по греческому произношенію, къ коему уже давно привыкли.

Приступая въ 1867 г. къ изданію Библии на русскомъ языкѣ, святѣйшій синодъ принялъ за основаніе, для книгъ Ветхаго Завѣта, переводъ, напечатанный С.-Петербургскою духовною академіею въ Христіанскомъ Читеніи, и поручилъ конференціямъ Киевскои Московскои и Казанскои академій приступить къ пересмотру этого перевода, свѣривъ его съ подлиннымъ текстомъ, и замѣчанія свои по этому предмету представить на разсмотрѣніе святѣйшаго синода. Продолженіе перевода поручено было прежнему петербургскому академическому комитету. Переводъ и замѣчанія, препровождавшіеся въ святѣйшій синодъ, разсматривались членами его подъ предсѣдательствомъ С.-Петербургскаго митрополита преосв. Исидора,—преемника митрополита Григорія, скончавшагося въ 1860 г. вскорѣ за выходомъ въ свѣтъ русскаго Четверосангелія. Синодъ замѣчаній дѣлалъ и редакцію ихъ держалъ членъ святѣйшаго синода, протопресвитеръ В. В. Бажановъ, подъ наблюденіемъ коего производилось и самое печатаніе Библии въ синодальной типографіи. Первая часть Библии русскои: „Пятюкнижіе Моисея“ вышло въ свѣтъ 1868 г.; затѣмъ не-

¹⁾ То-есть, еврейскія ветхозавѣтныя священныя книги переводить съ еврейскаго текста, а апокрифическія книги и отрывки, дошедшіе до насъ въ греческомъ текстѣ,—съ греческаго языка.

прерывно продолжалось печатаніе Библии по частямъ. Изданіе окончено было съ появленіемъ послѣдняго выпуска лѣтомъ 1875 г., ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ начала этого труднаго и великаго дѣла (1856 г.). Въ слѣдующемъ затѣмъ 1876 году, три вѣка спустя послѣ появленія въ свѣтъ первопечатной (Острожской) славянской Библии, появилась въ одномъ томѣ, полная русская Библия, изданная „по благословенію святѣйшаго синода“

Всѣ лица, составлявшіе присутствіе святѣйшаго синода съ 1858 г. принимали болѣе или менѣе участіе въ этомъ дѣлѣ; но постоянное и наибольшее участіе въ переводѣ Священнаго Писанія на русскій языкъ принимали С.-Петербургскій митрополитъ преосв. Исидоръ и протопресвитеръ В. В. Важановъ. Еврейскій текстъ, положенный въ основаніе русскаго перевода, отъ начала до конца переводился извѣстнымъ гебраистомъ Д. А. Хвольсономъ, профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Издатели русскаго перевода Библии, напечатаннаго, „по благословенію святѣйшаго синода“, предположили издать Библию на русскомъ языкѣ — въ томъ самомъ порядкѣ и составѣ, какъ онѣ стоятъ въ греческой и славянской Библии. Такимъ образомъ, хотя переводъ сдѣланъ съ еврейскаго, но въ него включены всѣ мѣста ¹⁾ и реченія, какія есть въ греческой Библии, и которыхъ нѣтъ въ еврейской, или когда въ греческомъ текстѣ 70-ти мысль представляется болѣе ясно и вѣрно выраженной, нежели въ дошедшемъ до насъ еврейскомъ текстѣ, — предполагая, что 70 толковниковъ пользовались спискомъ еврейскаго текста, намъ неизвѣстнымъ, и отличавшимся кое-гдѣ отъ дошедшихъ до насъ списковъ. Можно сказать, что переводъ сдѣланъ съ еврейскаго подъ руководствомъ греческой Библии. Всѣ вставки съ греческаго, для отличія, обозначены скобками. Въ составъ русской Библии включены также и всѣ апокрифическія книги, переведенныя съ греческаго и латинскаго языковъ, въ коихъ они сохранились, и поставлены въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя они занимаютъ въ греческой и славянской Библии, а именно: книги 2-я и 3-я Ездры, Товита, Юдиѣ, кн. Премудрости Соломона, кн. Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Посланіе Іереміи, кн. пророка Варуха, и 1-я, 2-я и 3-я книги Мак-

¹⁾ Напримѣръ, Прибавленія къ книгѣ Есѣи, къ книгѣ Давида, молитва Манассіи въ концѣ 2-й кн. Паралипоменонъ,—всѣ эти прибавленія появились позже, на греческомъ языкѣ.

кавейскія ¹⁾). При трудно согласимыхъ чтеніяхъ еврейскаго и греческаго текста, и если мѣсто притомъ имѣеть особое значеніе, издатели привели оба чтенія; такъ въ псалмѣ 39-мъ, въ ст. 7-мъ, при переводѣ съ еврейскаго: „Ты открылъ мнѣ уши“, внизу подѣ чертою сдѣлано примѣчаніе: по переводу 70-ти: „готовилъ мнѣ тѣло“. Существеннымъ достоинствомъ перевода слѣдуетъ признать точность и ясность изложенія и возможную близость къ оригиналу ²⁾).

Потребность въ переводахъ Священнаго Писанія на современный языкъ давно уже чувствовалась у насъ. Языкъ Кирилло-Меодіевской Библии, въ началѣ столь мало отличавшійся отъ языка нашихъ предковъ XI вѣка, что писатель этого времени (мнихъ Іаковъ) прямо называетъ его русскимъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе отдалялся отъ живой народной рѣчи, которая, естественно развиваясь, обогащалась новыми понятіями, выраженіями, формами. Мы видѣли, что еще въ XVI столѣтіи дѣлались въ юго-западной Россіи попытки перевода книгъ Св. Писанія на современный языкъ. Такъ, въ 1517—1525 гг. была напечатана „Библия Руска“ Скоринны ³⁾). Позже, во второй половинѣ этого столѣтія, появилось еще нѣсколько попытокъ передачи разныхъ

¹⁾ За исключеніемъ 3-й книги Ездры, которая сохранилась лишь въ латинскомъ переводѣ, остальными апокрифическія книги переведены съ греческаго языка.

²⁾ Чистовичъ, II, стр. 1—88, 103—113. Одновременно съ синодальнымъ переводомъ, „Британское и иностранное библейское общество“ предприняло переводъ священныхъ книгъ Ветхаго Завета на русскій языкъ исключительно съ еврейскаго текста. Переводъ этотъ дѣлался въ Петербургѣ, чрезъ посредство агентовъ Британскаго библейскаго общества А. Х. Эка, а по смерти его (1869 г.)— В. Ф. Никольсона, знатока и еврейскаго языка В. А. Левисономъ (при содѣйствіи, для русскаго языка, П. И. Боголюбова) и, по смерти его (1869 г.), Д. А. Хвольсономъ (при содѣйствіи П. И. Саввантова). Переводъ по частямъ печатался въ Лондонѣ. Сначала переведены были и изданы книги пророковъ (переводъ Левисона), а затѣмъ и остальные книги Ветхаго Завета (переводъ Хвольсона); изданіе окончено въ 1875 г. Но такъ какъ изданіе, какъ напечатанное за границею, къ распространенію въ Россіи, по существующему праву, не было допущено, то Британское библейское общество, чрезъ агента своего В. Ф. Никольсона, ходатайствовало для себя позволеніе напечатать въ синодальной типографіи русскую Библию синодальнаго изданія съ выпускомъ изъ нея всѣхъ апокрифическихъ книгъ, а равно и всѣхъ вставокъ изъ греческаго текста (обозначенныхъ скобками). Изданіе это вышло въ 1882 г. подѣ названіемъ „Священные книги Ветхаго Завета“ въ переводѣ съ еврейскаго текста, напечатанныя „съ разрѣшенія святѣйшаго правительствующаго синода для англійскаго библейскаго общества“. Изданіе это въ настоящее время истощилось.

³⁾ Слѣдовательно, прежде Лютеровой Библии, изданной въ 1522—1534 гг.

частей Библии на мѣстныхъ нарѣчій. Въ XVII в., въ школахъ юго-западныхъ братствъ славянскій и русскій языки составляли уже два отдѣльные предмета ученія. Мы видѣли, что Петръ Великій, обновляя народную жизнь во всѣхъ направленіяхъ, имѣлъ также намѣреніе перевести Библию на тогдашній русскій языкъ, и этому дѣлу положено было уже и начало, но оно остановилось за смертью переводчика. Наконецъ, при Александрѣ Благословенномъ, подъ его высокимъ покровительствомъ, Россійское библейское общество приступило дѣятельно къ переводу Св. Писанія на русскій языкъ. Изданы уже были книги Новаго Завѣта и восемь первыхъ книгъ Ветхаго Завѣта. Но затѣмъ, дѣло перевода было оставлено не по Высочайшему повелѣнію и не по опредѣленію святѣйшаго синода, а по инымъ причинамъ. Изданіе русскаго перевода Библии 1876 г. съ Высочайшаго соизволенія и по благословенію святѣйшаго синода было такимъ образомъ возобновленіемъ и окончаніемъ временно приостановленнаго дѣла. Главный двигатель этого великаго дѣла, Московскій святитель Филаретъ не дожидъ до окончанія его: онъ умеръ въ 1867 году, но имя его неразрывно связано съ исторіей русскаго перевода Библии. Его любви къ слову Божію, его мудрости и настойчивости всего болѣе обязанъ русскій народъ тѣмъ, что имѣетъ теперь Священное Писаніе на родномъ своемъ языкѣ.

Имѣя въ виду лишь точность и ясность передачи рѣчи съ одного языка на другой, что при переводѣ составляетъ, конечно, главное, и оставляя въ сторонѣ постороннія соображенія, безпристрастный человѣкъ едва ли усумнится, какому языку въ этомъ отношеніи отдать предпочтеніе,—языку ли народа, едва начинающаго жить гражданскою жизнью и не имѣющаго еще собственной нисѣменности, или языку, прошедшему уже тысячелѣтній періодъ развитія и имѣющему богатую литературу.

Приводимъ въ заключеніе Высочайшую грамоту, данную Императоромъ Александромъ II 27-го марта 1877 года на имя святѣйшаго правительствующаго синода по случаю приведенія къ окончанію (въ 1876 г.) изданія полной русской Библии.

„Въ 1856 году, при воспріятіи Мною прародительскаго вѣща, святѣйшій синодъ въ собраніи своемъ въ Москвѣ, имѣя разсужденіе о доставленіи православному русскому народу способа къ обильнѣйшему пользованію сокровищемъ Слова Божія, призналъ необходимымъ перевести книги Священнаго Писанія на русскій языкъ.

„Приступивъ затѣмъ, съ Моего соизволенія, къ исполненію сего предположенія, святѣйшій синодъ непрерывно, въ теченіе двухъ

десятилѣтій, продолжалъ совершать оное съ неослабною ревностью, съ пресвѣщеннымъ вниманіемъ и съ тою мудрою осмотрительностью, какихъ требовала высокая важность сего церковнаго и народнаго дѣла. Съ окончаніемъ нынѣ сего многолѣтняго и многосложнаго труда, во вниманіе къ ожидаемой отъ него духовной пользѣ паствы отечественной церкви, поставляю справедливымъ долгомъ выразить Мою искреннюю признательность свѣтлѣйшему синоду, ознаменовавшему себя въ совершеніи сего великаго дѣла столь достойнымъ подвигомъ.

„Молю Бога, да явитъ Онъ спасительную свѣту Своего слова къ преуспѣванію православнаго русскаго народа въ вѣрѣ и благочестіи, на коихъ зиждется истинное благо царствъ и народовъ“.

Переводъ Библии на народный языкъ возбудилъ новый интересъ къ Священному Писанію, облегчивъ изученіе его. Усердное же изученіе Слова Божія не осталось безъ обычныхъ плодовъ: оно дало новое движеніе духовной литературѣ, возбудило духъ миссіонерства, вызвало усиленіе живой проповѣди и благопріятно повліяло на оживленіе вѣры и благочестія въ народѣ.

Какъ въ XI в., предки наши, получивъ Библию на понятномъ языкѣ, немедленно позаботились о переводѣ твореній святыхъ отцовъ, для лучшаго уразумѣнія смысла божественныхъ словесъ,—такъ и теперь, одновременно съ переводомъ Библии на русскій языкъ, по распоряженію духовныхъ властей приступлено было къ переводу на русскій языкъ и къ печатанію твореній Іоанна Златоуста и другихъ отцовъ церкви ¹⁾. Появились и пособія къ изученію Священнаго Писанія и толкованія на разныя части Священнаго Писанія ²⁾.

¹⁾ Такъ переведены и напечатаны *Св. Іоанна Златоуста*: бесѣды на Евангеліи отъ Маттея и отъ Іоанна, Толкованія на Посланія ап. Павла къ римлянамъ, 1-е и 2-е къ коринѳянамъ, къ елліпційцамъ, бесѣды на разныя мѣста Св. Писанія; *св. Григорія Двоеслова* бесѣды на Евангеліе, на пророка Іезекиіла, *блж. Феодорита* Толкованіе на книгу Псалнь Псалней; *блж. Теофилакта* Толкованіе на посланіе ап. Павла къ елліпційцамъ; *Теофилакта архіепископа Болгарскаго* Толкованія на Евангеліи отъ Маттея, Марка, Луки и Іоанна, на соборныя Посланія апостоловъ, на посланія къ римлянамъ и на Дѣянія свв. апостоловъ. Кроме того, изданы Творенія свв. Амвросія Медиоланскаго, Василія Великаго, Еврема Сирина, Діонисія Ареопагита, Іоанна Дамаскина, Іоанна Лествичника, Кирилла Іерусалимскаго, Дмитрія Ростовскаго, Тихона, епископа Воронежскаго.

²⁾ Изъ нихъ, напримѣръ, слѣдующія: „О происхожденіи Псалтири“ свщ. Н. Вишнякова, „Руководство къ истолковательному чтенію книгъ Новаго Завѣта“ А. Иванова, „Учебное руководство по предмету Священнаго Писанія, книги законоположительныя, историческія и учительныя Вѣтхаго Завѣта“ Д. Леонасевича, „Обозрѣніе пророческихъ книгъ Вѣтхаго Завѣта“ А. Херхгозерскаго,

Миссіонерская дѣятельность приняла широкіе размѣры: появились новыя миссіи на Кавказѣ, въ Казани, въ разныхъ частяхъ Сибіри, на Амурѣ, въ Япоіи, въ Туркестанѣ. Наконецъ въ 1870 году, стараніями вѣстнаго миссіонера Алеутскихъ острововъ, а потомъ митрополита Московскаго Івнокентія возникло въ Москвѣ большое Православное миссіонерское общество ¹⁾, объединившее въ себѣ отдѣльныя миссіи и съ каждымъ годомъ развивающее свою дѣятельность: въ 1881 году оно имѣло уже 33 отдѣленія въ Европейской и Азіатской Россіи. Миссіонеры, проповѣдуя Евангеліе, нерѣдко съ большимъ самоотверженіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ заводятъ школы и переводятъ Священное Писаніе на инородческіе языки; такъ переведены Евангеліе отъ Матѳея на голыдскій языкъ, Евангеліа отъ Матѳея, Марка и Луки—на корейскій языкъ, Евангеліе отъ Іоанна на чувашскій языкъ.

Живая проповѣдь Слова Божіа усилилась, въ послѣднее время, принявъ еще новую форму евангельскихъ „бесѣдъ“,—въ церкви, вѣ богослуженія, или въ школахъ и другихъ мѣстахъ, и начавшись въ С.-Петербургѣ, быстро распространилась въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и во многихъ другихъ городахъ и даже селеніяхъ, привлекая сотни внимательныхъ слушателей, ищущихъ истины. Движеніе это, съ каждымъ годомъ развиваясь, проникаетъ и въ отдаленную Сибірь, принося обильные благіе плоды.

III. АСТРАХАНЬ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Пособіе къ доброму чтенію и слушанію Слова Божіа въ книгѣхъ Петкова и Новаго Заветѣ“ *В. Смарадова*, „Симеоіи“ или согласіе на Новый Заветъ кн. *Барятинской*, „Библейскій богословскій словарь“ прот. *В. Михайловскаго*, „Библейскій Словарь“ прот. *II. Солярскаго*, „Толковое Евангеліе“—арх. *Михаила*, „Бесѣды на воскресныя и праздничныя Евангелія и чтенія изъ Апостола“—архіеп. *Евсевія*, его же „Бесѣды на 1-е посланіе ап. Іоанна“, „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Ісуса Христа—архіеп. *Івнокентія*, „Объясненіе Посланія къ галатамъ“—арх. *Алѣксандра*, „Толковыя Евангелія и чтенія изъ Апостола воскресныя и праздничныя“—*А. Свирѣлина*, „Бесѣды на молитву Господню и девять евангельскихъ блаженствъ“—*В. Смарадова*, его же „Бесѣды о десяти заповѣдяхъ Божіихъ“, „Нагорная проповѣдь Господа нашего Ісуса Христа“—*А. Марсальскаго*, и ин. др.

¹⁾ Начало этому Обществу положено было, года за три предъ тѣмъ, въ Петербургѣ, а потомъ оно переведено было въ Москву.

„ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ“ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ¹⁾).

VIII.

Самые общіе выводы изъ изученія литературы по исторіи паденія Польши.

Задача, которую мы себѣ поставили — дать по возможности полный и подробный обзоръ историографіи паденія Польши, доведена до конца. Въ этой заключительной главѣ мы сдѣлаемъ самые общіе выводы.

Главная мысль, проходящая черезъ всю разсмотрѣнную нами литературу, — та, что Польша пала вслѣдствіе своей внутренней безурядицы. Западно-европейскіе публицисты XVIII вѣка, которымъ извѣстна была польская анархія, выражали удивленіе, какимъ образомъ государство, столь странно устроенное, могло существовать, а когда оно стало подвергаться раздѣламъ между сосѣдями, то они видѣли въ этомъ естественный результатъ внутренняго безнарядья. Польскіе политическіе писатели прошлаго столѣтія равнымъ образомъ были озабочены пріисканіемъ средствъ для устраненія того „niezładu“, въ коемъ наконецъ стали видѣть причину упадка, въ какомъ находилась Рѣчь Посполитая, а не основу ея существованія, какъ думали поляки равнѣе, выражая свою мысль въ извѣстномъ изреченіи: „Polska niezładem stoi“. Историки, какъ польскіе, такъ и иноземные — французы, нѣмцы, русскіе, писавшіе о паденіи Рѣчи Посполитой въ XIX вѣкѣ, указываютъ на то же политическое разложеніе, какъ на главную причину того, что Польское государство не могло удержаться въ международной борьбѣ за существованіе. При общемъ согласіи историковъ относительно полной негодности государственнаго строя Рѣчи Посполитой существуетъ, однако, немалая

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

разница въ пониманіи того, въ чемъ же заключался корень зла. Когда барскіе конфедераты обратились за политическими совѣтами къ Маблю и Руссо, вышло такъ, что одинъ хвалилъ въ польской конституціи именно то, что у другаго встрѣчено было порицаемъ. Въ самой Польшѣ по вопросу о недостаткахъ въ устройствѣ Рѣчи Посполитой и о необходимыхъ въ неѣ реформахъ были высказаны два совершенно различные взгляда, такъ что публицисты польскіе раздѣлились на два лагеря, то-есть, на монархистовъ, желавшихъ усиленія королевской власти, и на республиканцевъ, не считавшихъ нужнымъ измѣнять основы государственнаго быта Польши. Когда послѣдняя пала, и ея паденіе сдѣлалось достояніемъ исторической науки, то и въ польской исторіографіи продолжался споръ, начатый публицистами еще въ то время, когда паденіе Рѣчи Посполитой не было еще совершившимся фактомъ: къ монархическимъ публицистамъ прошлаго вѣка примкнулъ основатель польской національной исторіографіи Нарушевичъ, образовавшій цѣлую школу историковъ, школу, традиціи коей были возобновлены въ послѣдніе дни десятка лѣтъ такъ-называемою краковскою школою, а въ промежутокъ между этими двумя школами господствовало направленіе Лелевеля, точно также имѣвшее много послѣдователей,—направленіе, усвоившее политическія представленія республиканскихъ публицистовъ прошлаго вѣка. Сравнивая, наконецъ, взгляды на тотъ же предметъ, высказанные двумя послѣдними видными историками, писавшими о паденіи Рѣчи Посполитой, то-есть, кс. Калинкою и г. Корзономъ, мы находимъ, что и они смотрятъ на дѣло совершенно различно: для перваго изъ нихъ наиболѣе подходящею политическою реформою была бы та, которая произошла бы въ болѣе монархическомъ духѣ, тогда какъ другой думаетъ, что Польшѣ слѣдовало сохранить свою прежнюю республиканскую форму. Такое же раздѣленіе мнѣній,—впрочемъ съ перевѣсомъ монархическихъ,—мы можемъ обнаружить и въ историческихъ сочиненіяхъ о паденіи Польши на другихъ языкахъ.

Указанное разногласіе касается вопроса о тѣхъ лѣкарствахъ, какими нужно было лѣчиться Рѣчи Посполитой отъ болѣзни, которой пророчили въ случаѣ дурнаго лѣченія смертельный исходъ: діагнозъ самой болѣзни ставился всѣми въ сущности одинаково, такъ что тутъ мы не наблюдаемъ особаго разногласія между писателями прошлаго и нынѣшняго вѣковъ, а среди нихъ между публицистами и историками, а притомъ безразлично, къ какому бы народу они пи

принадлежали. Болѣзнь эта—бессиліе законодательной власти и полнѣйшее разстройство власти исполнительной. Причины такого печальнаго состоянія власти въ польскомъ государственномъ обществѣ опять понимались по-своему разными писателями, и каждымъ сообразно съ тѣмъ, въ чемъ именно онъ видѣлъ наилучшее средство къ уврачеванію всѣхъ золъ, то-есть, и тутъ, въ наложеніи причины разстройства государства въ Польшѣ, мы встрѣчаемся съ тѣми же политическими тезисами, которые выдвигались на первый планъ, когда шелъ вопросъ о лѣкарствахъ отъ болѣзни: причина послѣдней для однихъ была въ томъ, что Польша, превратившаяся изъ монархіи въ республику, не въ состояніи была возвратиться къ монархіи, а для другихъ—въ томъ, что Польша не сдѣлалась совершенною республикой и даже не прочь была отъ попытки усилить у себя „роялизмъ“.

Для чисто научнаго рѣшенія вопроса нужно отрѣшиться отъ предвзятыхъ взглядовъ, нужно стать на точку зрѣнія исторіи государственныхъ учрежденій въ Польшѣ. Переходъ монархіи въ республику, какой мы дѣйствительно наблюдаемъ въ Польскомъ государствѣ, не есть самъ по себѣ нѣчто равносильное обезсиленію законодательной власти и разстройству власти исполнительной, какъ это выходитъ по представленію всего дѣла у нѣкоторыхъ историковъ, и въ такой же мѣрѣ остатокъ „роялизма“ въ республиканской конституціи Польши, на который указываютъ другіе историки, какъ на нѣчто вредное, не былъ необходимо элементомъ порчи этой конституціи. Вопросъ заключается въ томъ именно, какъ организовались власти при новой формѣ бытія Польши, и почему это такъ случилось. Хотя исторія польскаго государственнаго права разработана очень мало ¹⁾, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ довольно обстоятельный. Впервыхъ, у старыхъ публицистовъ, какъ у польскихъ, такъ и у иностранныхъ, есть не мало вѣрныхъ замѣчаній объ отдѣльныхъ сторонахъ польскаго политическаго строя, замѣчаній, до сихъ поръ не утратившихъ своего значенія; вовторыхъ, историки, специально писавшіе о паденіи Польши, считали нужнымъ дѣлать очерки польскаго устройства, въ которыхъ мы также находимъ нѣрѣдко дѣльные наблюденія надъ тѣми или другими особенностями этого устройства; втретьихъ, для цѣльнаго представленія о ходѣ политической эво-

¹⁾ См. замѣчаніе объ этомъ предметѣ у *A. Pawińskiego: Rządy sejmikowe w Polsce, p. IV sq.*

люціи въ Польшѣ весьма важное значеніе имѣютъ такіе общіе обзоры польской исторіи, какова книга профессора Бобржинскаго; наконецъ, у насъ есть научныя работы, посвященныя спеціально исторіи государственнаго права въ Польшѣ вообще и особенно за послѣдніе два, три вѣка существованія Рѣчи Посполитой, а именно труды Гофмана-Гюппе, проф. Павинскаго и др. Въ отдѣльных мѣстахъ нашего обзора приведено для рѣшенія вышеставленнаго вопроса не мало данныхъ, заключающихся въ замѣчаніяхъ и взглядахъ весьма различныхъ писателей, нами разсмотрѣнныхъ, но по самой сущности своего обзора я не могъ останавливаться на подробномъ изложеніи исторіи образованія польскаго безбарядья. Въ особомъ „Историческомъ очеркѣ польскаго сейма“, выходящемъ въ свѣтъ одновременно съ настоящей работой, я представляю анализъ причинъ, почему Польша, превращаясь изъ монархіи въ республику, не организовала новой центральной власти, которая заняла бы въ государствѣ мѣсто прежней королевской власти, превратившейся въ королевскій санъ. Дѣло въ томъ, что польскому сейму не удалось, во первыхъ, получить окончательное преобладаніе надъ областными сеймиками, обнаружившими стремленіе къ полной независимости, и вторыхъ, создать сильное правительство, хотя бы и зависимое отъ сейма. Польша и пала потому, что въ рѣшительную пору, когда ей нужно было прежде всего являться единымъ государствомъ съ сильнымъ правительствомъ, дабы отстаивать свою независимость, она едва лишь приступала къ реформѣ своего сейма и къ созданію у себя настоящаго правительства. Въ только что указанномъ этюдѣ о сеймѣ мы и разсматриваемъ причины того, что сеймъ не взялъ перевѣса надъ сеймиками и не создалъ зависимаго отъ себя правительства, которое было бы его органомъ: здѣсь замѣтимъ, что причины эти мы отыскиваемъ въ историческихъ условіяхъ политической эволюціи польской націи, устраняя гипотезу о якобы врожденной въ этой націи неспособности къ политической организаціи. Дѣлаю это замѣчаніе въ виду того, что пѣкоторые историки (главнымъ образомъ нѣмецкіе и русскіе) причину безбарядья, погубившаго Польшу, усматривали во врожденномъ народномъ характерѣ поляковъ.

Только что было сказано, что Рѣчь Посполитая стала дѣлать попытки выйти изъ своего безбарядья какъ разъ въ ту пору, когда ей нужно было уже быть единою и сильною: политическая реформа являлась слишкомъ поздно. На это послѣднее обстоятельство указываютъ весьма многіе историки, писавшіе о паденіи Польши, и съ

этимъ нельзя не согласиться. Государство, въ которомъ буквально не было правительства, а подданные отвыкли отъ дисциплины, отъ несенія повинностей въ пользу государства, представляло изъ себя легкую добычу для завоеванія. Но въ другихъ отношеніяхъ дезорганизація власти и политическая деморализація гражданъ, находящаяся въ позднѣйшей связи съ первою, содѣйствовали разложенію государства: дѣло заключалось не въ одномъ томъ, что не было верховнаго распорядительства общественными силами въ борьбѣ съ внѣшними врагами, а и въ томъ, что не существовало силы, которая такъ или иначе ослабляла бы дурныя слѣдствія печальныхъ явленій польской жизни въ отношеніяхъ социальномъ и культурномъ. Угнетеніе хлопа паномъ и утѣсненіе диссидентовъ католиками, два явленія, коимъ справедливо приписываютъ болѣе или менѣе значительную долю участія въ причинахъ паденія Рѣчи Посполитой, находятъ, конечно, аналогию въ пораженіи народныхъ массъ и въ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, происходившихъ въ другихъ странахъ, но при болѣе сильномъ правительствѣ либо сдерживались бы, по меньшей мѣрѣ, крайности и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, и народныя массы не были бы доведены до полного равнодушія къ судьбамъ Рѣчи Посполитой, даже до желанія ея скорѣйшей гибели, либо парализовались бы опасныя слѣдствія указанныхъ явленій, по крайней мѣрѣ, для существованія государства. Само собою разумѣется, что угнетеніе крестьянъ, ихъ равнодушное или прямо враждебное отношеніе къ „отечеству“, экономическій упадокъ страны, преслѣдованія диссидентовъ, всегда почти готовыхъ на возстанія, подавленіе умственной жизни католическою реакціей, повальное невѣжество правящаго класса и т. д. сами по себѣ были элементами упадка, за которымъ слѣдовало и окончательное паденіе, но нельзя не упомянуть о томъ, что Польша перестала существовать, какъ государство, не тогда, когда находилась въ наибольшемъ культурномъ и социальномъ упадкѣ, и что улучшенія въ умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ не могли ее спасти, когда весь-то вопросъ въ томъ и заключался, чтобъ имѣть сильное правительство (сильное сознательнымъ повиновеніемъ общества), а затѣмъ деньги и солдатъ. Вотъ почему во всѣхъ историческихъ сочиненіяхъ о паденіи Польши на первый планъ выдвигается вопросъ политическій, хотя обращается вниманіе и на явленія упадка Рѣчи Посполитой въ отношеніяхъ матеріальномъ и духовномъ.

Въ серединѣ прошлаго вѣка состояніе Польши было таково, что

нѣкоторые иностранные публицисты или удивлялись тому, какимъ образомъ государство это не превратилось раньше въ провинцію со-сѣдней имперіи, или же пророчили ему въ самомъ близкомъ буду-щемъ подобную участь. Одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ истори-ковъ, какъ мы видѣли, высказываетъ даже такое предположеніе, что еслибы Россія, Австрія и Пруссія вздумали въ 1772 г. подѣ-лить всю Польшу, а не ограничили лишь частичнымъ разчлене-ніемъ ея территоріи, то не встрѣтили бы никакого сопротивленія. Поэтому весьма понятно, что первый раздѣлъ казался современни-камъ не покаяшъ совершенно естественнымъ результатомъ шляхет-ской анархіи, хотя общественное мнѣніе и высказывалось противъ „политики захватовъ“, примѣненной къ данному случаю. Признаки внутреннего возрожденія Рѣчи Посполитой въ эпоху четырехлѣт-няго сейма расположили независимое общественное мнѣніе на Западѣ окончательно въ пользу поляковъ, такъ что второй и третій раз-дѣлы были приняты тамъ съ негодованіемъ. Въ общихъ чертахъ такое же отношеніе къ дѣлу образовалось и утвердилось среди са-михъ поляковъ, но — что для насъ тутъ особенно важно, — внѣшнія отношенія Польши, игравшія важную роль въ ея паденіи, поняты были въ свое время весьма поверхностно, какъ писателями западно-европейскими, такъ и польскими. Впервые, въ достаточной сте-пени не были оцѣнены историческія польско-прусскія отношенія: главнымъ врагомъ Польши, которому принадлежала инициатива раз-дѣловъ, считалась Россія, дѣйствительно, хозяйничавшая въ Рѣчи Посполитой со временъ Петра Великаго, тогда какъ Пруссійскій король не представлялся опаснымъ сосѣдомъ, хотя два самыя важныя его владѣнія были отрѣзаны одно отъ другаго польскою территоріей, а самъ онъ вообще весьма хлопоталъ объ „округленіи“ своихъ вла-дѣній. Повторяю, и русско-польскія отношенія не были надлежа-щимъ образомъ поняты публицистами польскими и западными XVIII вѣка и всѣми вообще нерусскими историками XIX вѣка: для по-слѣднихъ эти отношенія, по скольку въ нихъ лежалъ зародышъ бу-дущаго паденія Рѣчи Посполитой, начинались лишь съ Петра Ве-ликаго, такъ что имъ совершенно неизвѣстнымъ оставался весь предыдущій споръ между Москвою и Литвою, а потомъ и Польшею за обладаніе Русью, да и значеніе этого спора не могло быть вполне оцѣнено, такъ какъ русскій національный вопросъ, разрѣшавшійся въ эпоху паденія Рѣчи Посполитой, не выступалъ съ достаточною ясностью даже въ сознаніи самихъ русскихъ государственныхъ дѣя-

телей XVIII вѣка. И вотъ по всему этому лишь историографія нашего столѣтія пришлось обнаружить во всей ихъ силѣ тѣ виѣшнія причины паденія Польши, которыя лежали въ польско-прусскихъ отношеніяхъ, съ одной стороны, и въ польско-русскихъ—съ другой. Публицистамъ прошлаго вѣка и прежнимъ историкамъ могло казаться, что Пруссія и Россія къ силу чисто временныхъ обстоятельствъ воспользовались слабостью Польши, чтобы поживиться на ея счетъ, какъ въ дѣйствительности и поступала Австрія, допускаясь къ первому и третьему раздѣламъ. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи нѣмецкіе историки указали на то, что самые жизненные интересы Прусской монархіи требовали отдѣленія отъ Польши территорій, широкою полосой лежавшей между двумя главными владѣніями Гогенцоллерпскаго дома: рано или поздно за „польскую“ или „королевскую“ (нынѣ Западную) Пруссію должна была произойти борьба на животъ и на смерть между Рѣчью Посполитою и Прусскою монархіей, потому что для обѣихъ нужна была эта территория, для первой — какъ единственный выходъ къ морю, для другой — какъ страна, съ пріобрѣтеніемъ коей Гогенцоллерны уничтожали чрезполосность своихъ владѣній. Усиленіе Польши было бы смертью Пруссіи, такъ какъ Рѣчь Посполитая воспользовалась бы своимъ усиленіемъ для того, чтобы завладѣть всѣмъ Балтійскимъ побережьемъ, примыкавшимъ къ Польской землѣ, а территориальное объединеніе Прусской монархіи, безъ котораго ей трудно было удержаться, какъ государству съ громаднымъ будущимъ, могло произойти только путемъ отторженія отъ Польши весьма важныхъ для послѣдней земель. Такимъ образомъ пріобрѣтеніе Пруссіей того, что ей досталось по первому раздѣлу (да отчасти и по второму), не было случайнымъ расширеніемъ государственной территорій вслѣдствіе того только, что по сосѣдству, такъ-сказать, „плохо лежало“, а потому „само давалось въ руки“. Въ подобію же результату въ данномъ вопросѣ пришла и русская историческая литература по отношенію къ тѣмъ областямъ, которыя отъ Рѣчи Посполитой отошли къ Россіи: эти области равнымъ образомъ не были случайнымъ пріобрѣтеніемъ Русскаго государства, конимъ оно было бы обязано только чисто временнымъ обстоятельствамъ, возможности взять, пользуясь крайнею слабостью сосѣда и уговоромъ съ другими сосѣдами. Русскіе писатели (публицисты и историки) указали на то, что земли, отторгнутыя отъ Рѣчи Посполитой по тремъ раздѣламъ и присоединенныя къ Россіи, составляли нѣкогда русскія княжества, подчин-

нившіея Литвѣ, — на то, что изъ-за обладанія ими между Москвою и Литвою, какъ двумя собирательницами Руси, велись войны, которыя перешли въ войны Московскаго государства съ Рѣчью Посполитою, когда послѣдняя соединилась съ Литвою, — на то, что само выселеніе спорныхъ земель начало тяготѣть къ единовѣрному государству Московскому, когда православная вѣра стала подвергаться преслѣдованіямъ со стороны католицизма, — и на то, наконецъ, что за сто лѣтъ до Екатерины II Россія была уже близка къ осуществленію своей вѣковой задачи. Такимъ образомъ въ историческомъ освѣщеніи съ русской точки зрѣнія польскіе раздѣлы получаютъ такой смыслъ, какого они не могли имѣть для западно-европейскихъ и польскихъ писателей, не обращающихъ вниманія на предыдущую исторію и этнографическій составъ населенія тѣхъ земель, которыя достались Россіи. Впрочемъ, и у насъ-то самихъ только сравнительно недавно поняли старыя русско-польскія отношенія съ надлежащей точки зрѣнія ¹⁾.

Нѣмецкіе и русскіе историки внесли, такимъ образомъ, въ исторію паденія Польши взгляды, бывшіе совершенно недоступными писателямъ польскимъ и французскимъ, при чемъ и нѣмецкіе историки не усвоили еще въ достаточной степени того, что было внесено въ пониманіе судьбы Рѣчи Посполитой нашими писателями. Такъ какъ за послѣднее время представители польской національной историографіи слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается учеными другихъ странъ для исторіи Рѣчи Посполитой, то нѣмецкіе и русскіе взгляды не могли не отразиться на представленіяхъ новѣйшихъ польскихъ писателей: современные національные историки Польши также начинаютъ понимать, что не одна простая страсть къ захватамъ, пользуясь слабостью сосѣда, не одиѣ временныя обстоятельства, сложившіеся подъ вліяніемъ случайныхъ условій текущей политики, играли роль при отторженіи отъ Рѣчи Посполитой и Западной Пруссіи, в русскихъ земель; они сами уже указываютъ на то, что и Пруссія, и Россія самою силою историческихъ обстоятельствъ, сложившихся вѣками, были поставлены по отношенію къ Польшѣ въ такое положеніе, что борьба съ нею cadaго изъ указанныхъ государствъ должна была окончиться либо побѣдою, почти равносильною уничтоженію Польши, либо по-

---

¹⁾ Известно, что впервые въ русской исторіи даль событіямъ Литовской Руси равное мѣсто съ событіями Руси Московской только *Устряловъ* (*Русская Исторія*, С.-Пб. 1837—1841).

раженіемъ, которое было бы, на оборотъ, равнозначущимъ чуть не гибели ея соперника.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ внутреннее безнарядье Рѣчи Посполитой облегчало для Россіи и Пруссіи достиженіе ихъ историческихъ задачъ, мы не можемъ, однако, не выставить на видъ того соображенія, что и при болѣе сильномъ государственномъ строѣ Рѣчи Посполитой рано или поздно Россія или Пруссія стали бы добиваться, одна — включенія въ свой составъ всѣхъ русскихъ земель („всѣя Руси“), другая — приобрѣтенія того, что также называлось Пруссіей: причина этого лежала въ общихъ историческихъ условіяхъ Рѣчи Посполитой, Пруссіи и Россіи, ибо первая въ болѣе отдаленныя времена, дозволивъ образоваться подъ бокомъ у себя нѣмецкому государству, которое могло сдѣлаться — да и сдѣлалось — для нея опаснымъ, сама искала себѣ приобрѣтений въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ неминуемо, однако, должна была столкнуться съ другимъ славянскимъ государствомъ, смотрѣвшимъ на часть польскихъ владѣній, какъ на свое законное наследіе. Поэтому, если не полный раздѣлъ Рѣчи Посполитой между сосѣдями, то, по крайней мѣрѣ, отторженіе отъ нея и того, безъ чего не могла обойтись Пруссія, и того, что составляло цѣль вѣковыхъ стремленій Россіи, было, такъ-сказать, намѣчено исторіей польско-прусскихъ и польско-русскихъ отношеній, исторіей, сводящеюся, собственно говоря, къ замѣчаемому въ государственномъ существованіи Польши отступленію съ запада и движенію на востокъ. Кто ищетъ причинъ паденія Рѣчи Посполитой въ общихъ условіяхъ ея исторіи, какъ внутреннихъ, такъ и вѣшнихъ, тотъ не можетъ не обратить особаго вниманія на этотъ капитальный фактъ, и, напримѣръ, изъ повѣйшихъ польскихъ историковъ, особенно проф. Бобржинскій съ весьма вѣрной точки зрѣнія разобралъ главныя ошибки вѣшней политики Польши, приведшія къ такому результату.

Въ другомъ мѣстѣ и мы сами представили общій очеркъ того, какъ совершалось перемѣщеніе, всего Польскаго государства съ запада на востокъ, имѣя въ виду, что первоначальныя западныя и восточныя границы этого государства шли гораздо западнѣе, чѣмъ тѣ же границы въ эпоху паденія Рѣчи Посполитой¹⁾. Къ числу фактовъ польской „абдикаціи“ (выраженіе проф. Бобржинскаго) на западѣ относится, конечно, и содѣйствіе со стороны самой Польши образованію Прусскаго государства и усиленію Австріи (которая также по-

¹⁾ Новѣйшая польская исторіографія, стр. 567 вѣ.

томъ получила свою часть въ раздѣлѣ), абдикація же эта стоитъ въ связи съ тѣмъ, что національные историки называютъ „миссіей“ польскаго народа на востокъ, приведшею Рѣчь Посполитую къ роковому столкновенію съ Россіей. Русскіе историки указали еще на то, что упомянутая „миссія“ весьма дорого обошлась русскому народу, попавшему подъ власть Рѣчи Посполитой, хотя именно „плантаторская политика“ пановъ (выраженіе проф. Вобржинскаго), вмѣстѣ съ католическимъ фанатизмомъ ксендзовъ, — къ чему и свелась вся „миссія“, — и была причиной того, что самъ русскій народъ началъ стремиться къ отторженію отъ польскаго владычества. И эта сторона дѣла, прежде совершенно игнорировавшаяся польскими писателями, начинаетъ приниматься въ расчетъ представителями современной польской историографіи, напимѣръ, въ лицѣ проф. Вобржинскаго ¹⁾, хотя еще не всѣ новѣйшіе польскіе историки вполне усвоили то, что въ данномъ случаѣ есть вполне вѣрнаго и научнаго, отрѣшеннаго отъ націоналистическаго субъективизма, во взглядѣ русскихъ публицистовъ и ученыхъ.

До сихъ поръ мы разбирали причины паденія Польши, лежавшія въ общихъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ ея существованія. Дѣйствіе этихъ причинъ само по себѣ не приводило еще Польшу къ паденію: Рѣчь Посполитая „дѣйствительно даже стояла своимъ безпарядьемъ“ (*Polska niegziłem stoł*), ибо сосѣднія державы ревниво оберегали ея цѣлость отъ захвата другими. „Начало конца“ могло наступить при соглашеніи сосѣдей, направленномъ противъ Польши: это соглашеніе было заключено Фридрихомъ II съ Петромъ III, а потомъ съ Екатериной II, и однимъ изъ пунктовъ договора было — не дозволить въ Польшѣ реформъ, которыя вывели бы страну изъ прежней анархіи, а какъ разъ около этого времени въ Рѣчи Посполитой почувствовалась потребность реформъ и нашлись люди, которые готовы были ихъ проводить. Такимъ образомъ реформа приходила слишкомъ поздно, ибо ей сознательно рѣшились мѣшать государства, имѣвшія съ Рѣчью Посполитою не оконченные счеты, ибо она приходила какъ разъ тогда, когда наступало время сведенію этихъ счетовъ Польши съ двумя ея сосѣдями. Въ дальнѣйшемъ мы и сдѣлаемъ анализъ хода событій, бывшихъ ближайшими причинами паденія Рѣчи Посполитой.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, интересовавшихъ историковъ

¹⁾ Ibid., стр. 574 sq.

польскихъ раздѣловъ вообще и въ частности перваго раздѣла, касался инициативы этого послѣдняго. Рѣшеніе указаннаго вопроса могло быть дано лишь послѣ того, какъ историкамъ открытъ былъ доступъ въ архивы, хранящіе въ себѣ дипломатическіе документы эпохи. Какъ обнародованный историческій матеріалъ, такъ и спеціальныя изслѣдованія по вопросу о томъ, кому принадлежала инициатива перваго раздѣла Рѣчи Посполитой, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣло было задумано Фридрихомъ II, которому, однако, пужно было пустить въ ходъ все свое политическое искусство, чтобы добиться желаннаго результата. Впрочемъ, и Фридрихъ II лишь приводилъ въ исполненіе намѣреніе, существовавшее уже у его предшественниковъ: мысль объ отдѣленіи отъ Рѣчи Посполитой части ея территорій въ пользу Пруссіи внушалась черезполосностью главнѣйшихъ составныхъ частей Прусской монархіи. Прусскіе короли думали осуществить эту мысль въ союзѣ съ Россіей, которой и предлагали соответственное „вознагражденіе“, но съ послѣдняго „вѣчнаго мира“ между Рѣчью Посполитой и Москвою прежняя русская политика по отношенію къ Польшѣ совершенно измѣнилась: въ XVI и XVII вв. Московскіе цари искали только „отчины своей“, то-есть, русскихъ земель, не распространяя свои планы на самую Польшу, такъ что ихъ политика явно стремилась къ расчлененію Рѣчи Посполитой, въ XVIII же вѣкѣ цѣлью русской политики ставилось уже господство надъ нераздѣльнымъ Польскимъ государствомъ, что хорошо понимали и современники, и въ чемъ теперь не можетъ быть сомнѣнія также и для исторической науки. Такимъ образомъ прусскіе и русскіе виды на Польшу расходились: въ Берлинѣ страстно желали раздѣла, въ Петербургѣ думали о непрямосновенности польской территорій. И тамъ, и здѣсь, далѣе, должны были для достиженія своихъ цѣлей хлопотать о томъ, чтобы Польша по прежнему представляла изъ себя слабое государство, но и по этому предмету въ одномъ отношеніи прусская и русская политика расходились: Фридрихъ II былъ принципиальнымъ врагомъ всякихъ реформъ, которыя вывели бы Рѣчь Посполитую изъ ея анархическаго состоянія, ибо анархіи была ему на руку, тогда какъ Екатерина II была не прочь содѣйствовать реформамъ въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы государство это, не дѣлаясь сильнымъ само и потому оставаясь по прежнему въ русской опецѣ, могло тѣмъ не менѣе превратиться въ болѣе благоустроенную страну, дабы этимъ устранены были поводы для

другихъ сосѣдей вмѣшиваться въ польскія дѣла и помышлять о раздѣлѣ польской территоріи. Обстоятельства сложились въ пользу плана Фридриха II, противъ плана Екатерины II. Не касаясь другихъ сторонъ дѣла, мы должны обратить главное вниманіе на то, что планъ Екатерины требовалъ дѣятельной поддержки со стороны самихъ поляковъ, а ея-то и не могло быть ни въ какомъ случаѣ.

Въ настоящее время не существуетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первый раздѣлъ Польши былъ результатомъ дипломатической побѣды Пруссіи надъ Россіей; инициатива раздѣла вышла отъ Фридриха II; Екатерина II около трехъ лѣтъ противилась этому плану, и только угроза европейскою коалиціей заставила ее взять „вознагражденіе“ за побѣды надъ Турціей изъ территоріи не этой послѣдней, а Рѣчи Посполитой,—противилась потому, что смотрѣла на всю Польшу, какъ на свое достояніе, въ той или другой формѣ. Благодаря первому раздѣлу, Пруссія добилась своей цѣли: двѣ главныя части монархіи Фридриха II слились въ одно цѣлое, и ей стало принадлежать нижнее теченіе Вислы. Цѣль эта была, однако, достигнута не вполне: два важные торговые города, лежавшіе на двухъ концахъ той части Вислы, которая сдѣлалась прусскою, именно Торнъ и Данцигъ, остались за Польшою, не смотря на все желаніе Фридриха II в нихъ также включить въ свои новыя владѣнія. Ихъ принадлежность Рѣчи Посполитой отстояла русская дипломатія, и цѣлью дальнѣйшей политики прусскаго правительства относительно Польши должно было сдѣлаться присоединеніе этихъ двухъ городовъ. Между тѣмъ у Россіи послѣ 1772 г. явился новый мотивъ охранять Рѣчь Посполитую отъ возможныхъ уменьшеній ея территоріи: съ согласія Австріи и Пруссіи, считавшихъ себя достаточно вознагражденными, Россіи былъ отданъ верховный надзоръ за внутренними порядками въ Польшѣ, утвержденными на сеймѣ 1773—1775 года, то-есть, другими словами, Польша фактически передавалась подъ русскую власть. Такимъ образомъ виды прусской и русской политики относительно Рѣчи Посполитой опять расходились, и въ эпоху второй турецкой войны и четырехлѣтняго сейма преемникъ Фридриха II, Фридрихъ-Вильгельмъ II, началъ дѣйствовать противъ русскаго преобладанія въ Польшѣ, дабы за союзъ, который онъ предлагалъ послѣдней, она уступила ему Данцигъ и Торнъ, или чтобы, разсоривъ поляковъ съ Россіей, воспользоваться потомъ этою ссорой для совершенія новаго раздѣла. Результаты извѣстны: то, чего Польша добровольно не уступала Пруссіи, послѣдняя при-
часіи ослх отд. 2.

обрѣла въ союзѣ съ Россіей, до войны съ которою сама довела поляковъ, надававъ имъ обѣщаній, поддерживавъ въ нихъ враждебное настроеніе къ Россіи, заключивъ съ ними союзъ и вѣроломно этотъ союзъ нарушивъ, а вмѣстѣ съ Данцигомъ и Торнемъ она прихватила и значительную часть уже настоящей Польши, вѣзвывавшуюся въ прусскія владѣнія въ формѣ клина между южною границей провинціи Пруссіи и восточною границей Силезіи. Правда, власть Россіи надъ тѣмъ, что еще оставалось отъ Рѣчи Посполитой послѣ втораго раздѣла, была еще болѣе усилена сравнительно съ тѣмъ, что было установлено въ 1775 году, но въ сущности и тутъ Пруссіей была одержана надъ Россіей дипломатическая побѣда: Екатерина не удалось достигнуть своей цѣли—удержать всю Польшу для себя; Фридрихъ Вильгельмъ сумѣлъ отхватить отъ Рѣчи Посполитой побольше двухъ городовъ, пріобрѣтеніе конхъ должно было быть цѣлью прусской политики послѣ того, какъ оба берега нижняго теченія Вислы стали принадлежать Пруссіи.

Прусская политика, одержавшая такія побѣды надъ русскою, въ сущности содѣйствовала только тому, что Россія въ эпоху польскихъ раздѣловъ достигла цѣли стремленій прежнихъ великихъ князей и царей Московскихъ, „собирателей Русской земли“: западная Русь соединилась съ восточною. Въ XVIII вѣкѣ не это „воссоединеніе“ было задачею русской политики, а—повторяемъ—господство надъ всею Польшею, которому должны были препятствовать другія сосѣднія державы, бывшія однако не прочь отъ раздѣла. Такимъ образомъ Пруссія, а за нею и Австрія, безсознательно заставляли Россію сойти съ дороги, на которую она вступила въ XVIII вѣкѣ, вернуться на путь, по коему шла ея политика относительно Рѣчи Посполитой при прежнихъ великихъ князьяхъ и царяхъ Московскихъ, искавшихъ своей „отчины“, стремившихся не по титулу только быть государями „всѣя Руси“. Въ XVIII вѣкѣ Россія желала просто обладать всею Польшею, какъ населенною территоріей безъ всякаго отношенія къ этнографическому составу ея населенія: вынужденная согласиться на первый раздѣлъ, она брала себѣ полосу земли, ближе всего прилегавшую къ ея владѣніямъ, совершенно также, какъ это дѣлала Пруссія, устраняя черезполосность, существовавшую между ея главными провинціями, или какъ дѣлала это Австрія, пріобрѣтая Галицію, „округлявшую“ ея границу съ сѣверо-востока. Въ XVIII вѣкѣ Россія отказывалась отъ „собиранія Русской земли“ ради новой цѣли, требовавшей сохраненія цѣлости Польши и, вынужден-

нан на раздѣлъ, еще разъ заявила о своемъ отказѣ отъ „собиранія Русской земли“ уступкою русской Галиціи въ пользу имперіи Габсбурговъ. Въ единовѣрїи своемъ съ большинствомъ населенія восточныхъ частей Рѣчи Посполитой Россія видѣла главнымъ образомъ лишь поводъ для виѣпательства въ польскія дѣла, а ссылка, кромѣ этого, на единоплеменность (въ эпоху втораго раздѣла) была скорѣе предлогомъ, который можно было привести въ оправданіе своихъ дѣйствій, нежели дѣйствительною ихъ причиною, ихъ мотивомъ. Было бы въ высшей степени ошибочно отъ полученныхъ результатовъ тогдашней русской политики дѣлать заключеніе о первоначальныхъ ея намѣреніяхъ: окончательное объединеніе всѣхъ почти вѣтвей русскаго народа подъ одною верховною властью не могло совершиться безъ расчлененія Рѣчи Посполитой, не входившаго въ планъ русской политики и вынужденнаго только Пруссіей.

Русскіе историки, выяснившіе старинныя русско-польскія отношенія съ XIV по XVII вѣкъ, подвергли критикѣ польскую политику Екатерины II съ точки зрѣнія русскихъ національныхъ и народныхъ интересовъ: слабыми сторонами этой политики они признали уступку Галиціи Австріи и оставленіе русскаго народа подъ властью польскихъ пановъ. Факты указаны вѣрно, и задача историка заключается, конечно, въ объясненіи причинъ этихъ фактовъ. Съ другой стороны, русскіе историки, становясь на точку зрѣнія политическихъ интересовъ Россіи или на точку зрѣнія интересовъ славянства, нападаютъ на то, что Екатерина не сумѣла или не смогла удержать подъ своею властью всю Рѣчь Посполитую и допустила раздѣлъ „настоящей“, этнографической Польши, то-есть, самого польскаго народа между двумя нѣмецкими державами. И тутъ, конечно, историку нужно считаться съ условіями возможности или невозможности, съ каковыми приходилось имѣть дѣло русской политикѣ въ польскомъ вопросѣ.

Въ ходѣ событій, приведшихъ Рѣчь Посполитую къ паденію, весьма многое зависѣло отъ поведенія самихъ поляковъ. Еслибы даже въ согласіи болѣе съ филантропическими принципами, нежели съ политическими правилами XVIII вѣка, весьма далекими отъ филантропіи, Екатерина, какъ этого желали бы нѣкоторые прежніе писатели, дѣйствительно, захотѣла быть безкорыстною „благодѣтельницей“ несчастной республики, или, какъ это было бы пріятно современнымъ защитникамъ славянскихъ интересовъ, стала искреннѣе стремиться спасти польскій народъ отъ опасности германизациі, въ

обоихъ случаяхъ она не могла бы этого сдѣлать безъ содѣйствія со стороны самихъ поляковъ. Польская шляхетская нація не заглядывала въ будущее, а видѣла одно настоящее, этимъ же настоящимъ были вмѣшательство Россіи въ диссидентскій вопросъ, война ея съ барскою конфедераціей, участіе въ первомъ раздѣлѣ, установленіе ею своей власти надъ Рѣчью Посполитой при помощи новыхъ учрежденій и гарантій, враждебное отношеніе къ реформамъ, предпринятымъ вопреки ея согласію, наконецъ, открытая война 1792 года,—то-есть, Россіей большинство шляхты въ Рѣчи Посполитой оскорблялось и въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, получившихъ со времени іезуитской реакціи отбѣнокъ крайней нетерпимости и фанатизма, и въ своемъ національномъ патріотизмѣ, соединенномъ съ представленіемъ объ особомъ благородствѣ поляковъ и объ особыхъ, сравнительно съ другими народами, правахъ ихъ на свободу. И старый шляхетскій консерватизмъ, выразившійся въ ультракатолическомъ характерѣ барской конфедераціи, и прогрессивный духъ, руководившій реформаторами четырехлѣтняго сейма, одинаково были враждебны Россіи. Правда, послѣдняя имѣла за себя въ Рѣчи Посполитой не мало все-таки политическихъ дѣятелей, ставшихъ на ея сторону отчасти ради матеріальныхъ выгодъ, отчасти по политическимъ соображеніямъ, но то, что можно назвать національнымъ духомъ въ Польшѣ,—проявлялся ли онъ въ фанатическомъ католицизмѣ барскихъ конфедератовъ, или въ реформаторскихъ стремленіяхъ дѣятелей 3-го мая,—имѣло рѣшительно анти-русскую окраску. Не объ одну прусскую политику, сумѣвшую кстаті эксплуатировать въ свою пользу польскую неприязнь къ Россіи, но и объ этотъ антагонизмъ самой польской стихіи, объ оскорбленныя религіозныя и національныя чувства поляковъ разбились усилія Екатерины, направленныя къ тому, чтобы не допустить раздѣла Рѣчи Посполитой между Австріей и Пруссіей.

Этими чувствами къ Россіи прониклась и польская исторіографія: главною виновницей паденія Польши сдѣлалась для нея Россія, и особое сочувствіе высказывалось ею по отношенію къ лицамъ и партіямъ, дѣйствовавшимъ противъ русскаго вмѣшательства въ польскія дѣла и русскаго господства въ Рѣчи Посполитой. Помимо того обстоятельства, что эти лица и партіи являлись защитниками національной независимости, сочувствіе къ нимъ историковъ объясняется еще тѣмъ, что въ ихъ глазахъ дѣятельность означенныхъ лицъ и партій одна только была согласна съ интересами націи и, какъ таковая,

вела къ цѣли, которой не достигла лишь вслѣдствіе „независящихъ обстоятельствъ“. Дѣло въ томъ, что польская историографія долгое время раздѣляла слѣвавшуюся всеобщей вѣру въ то, что въ Польшѣ къ эпохѣ окончательной борьбы за независимость, то-есть, къ 1791—1794 гг., произошло совершенное внутреннее возрожденіе, полное перевоспитаніе націи въ прогрессивномъ духѣ: въ силу этого переворота, казалось, Польшѣ было обеспечено славное будущее, еслибы дѣлу не помѣшали внутренніе измѣнники, призвавшіе себѣ на помощь внѣшнихъ враговъ. При болѣе подробномъ изученіи эпохи, у нѣкоторыхъ польскихъ историковъ взглядъ на все дѣло существеннымъ образомъ измѣнился. Съ точки зрѣнія, которая проводится въ новѣйшихъ историческихъ трудахъ, внутреннее состояніе Польши въ XVIII в. стало представляться до такой степени безнадежнымъ, а внѣшнія условія столь неблагоприятными, что для государства Польскаго признано было существованіе только двухъ дорогъ—или раздѣла между сосѣдями, или подчиненія Россіи. Последняя перспектива была болѣе выгодна для польской національности: новые польскіе историки стали даже осуждать Екатерину II за то, что она не сумѣла завладѣть всею Польшей, если уже нельзя было Рѣчи Посполитой иначе избѣгнуть раздѣла, и сообразно съ этимъ начали относиться и ко многимъ людямъ, и ко многимъ явленіямъ изъ эпохи раздѣловъ совершенно не такъ, какъ относились прежніе историки. Такъ какъ къ раздѣламъ привели люди, въ силу національнаго и политическаго патріотизма тяготившіеся зависимою отъ Россіи, и предпріятія, оказавшіеся рискованными и вслѣдствіе своей несоразмѣрности съ силами и средствами страны, и вслѣдствіе малаго своего соответствія съ традиціями и привычками польскаго общества, то новые историки импено и взяли подъ свою защиту и лицъ, и политику, прежде подвергавшихся нареканіямъ за свое тяготѣніе къ Россіи. Эти историки стали проводить ту мысль, что люди, стоявшіе за подчиненіе Россіи, обнаруживали гораздо болѣе политической мудрости, чѣмъ ихъ противники, и что мирная дѣятельность въ предѣлахъ той свободы, какую Россія оставляла на долю Рѣчи Посполитой, вела вѣрнѣе къ цѣли, къ внутреннему возрожденію общества и укрѣпленію государства, нежели рискованныя предпріятія „патріотовъ“. Таковъ общій выводъ изъ историческихъ трудовъ Калинки, такова точка зрѣнія и проф. Бобржинскаго ¹⁾). Исходя изъ той мысли, что Россія стремилась завладѣть

¹⁾ Взглядъ этого историка подробно изложенъ въ нашей статьѣ „Новѣйшая польская историографія“, стр. 583 sq.

всєю Польшей, и что для послѣдней подчиненіе себя Россіи было единственнымъ средствомъ избѣжать раздѣла, новыя польскіе историки отрицають иѣвнѣе, будто Екатерина хотѣла погубить Польшу, признають, что Россія, хотя и не безкорыстно, оберегала Польшу отъ захватовъ со стороны Пруссій, что русская политика не была принципиально противъ необходимыхъ въ Рѣчи Посполитой реформъ, лишь бы онѣ не шли въ разрѣзъ съ интересами Россіи и не заходили такъ далеко, чтобы сдѣлать изъ анархической страны сильное государство, — а также высказываютъ взглядъ, по которому созданныя Россіей въ Рѣчи Посполитой учрежденія (*gada nieustająca*) были очень полезны для разстроеннаго государства, и что большою ошибкою было мѣнять ихъ на другія, которыя сами по себѣ могли быть лучше, но имѣли одинъ существенный недостатокъ, а именно—были созданы безъ согласія Россіи и даже во враждебномъ ей направленіи, и притомъ лицами, не имѣвшими своихъ силъ и средствъ для предстоявшей борьбы. Если нѣкоторые польскіе писатели начинаютъ такимъ образомъ порицать политику Екатерины за то, что она не сумѣла привести Польшу въ зависимость отъ Россіи, то другіе въ самомъ поведеніи поляковъ видятъ главную причину того, что Екатерина не удержалась на своемъ первоначальномъ намѣреніи относительно Польши: роль Россіи представляется, напримѣръ, Бобржинскому вынужденною именно поведеніемъ какъ тѣхъ, которые выступили противъ политики Екатерины, такъ и тѣхъ, которые сами призывали Русскую императрицу ко вмѣшательству въ польскія дѣла.

Въ этомъ новомъ польскомъ историческомъ взглядѣ мы находимъ весьма много общаго съ тѣми воззрѣніями, какія встрѣчали и у русскихъ историковъ, занимавшихся послѣдними временами Рѣчи Посполитой. Общее здѣсь вотъ что: Екатерина II хотѣла завладѣть всею Польшей, и ей слѣдовало этого добиться; но ея планамъ помѣшали, вопервыхъ, прусская политика при Фридрихѣ II и его преемникѣ, а вовторыхъ, сами же поляки. Затѣмъ уже начинается область историческихъ гаданій на тему, что было бы, еслибы случилось то-то и то-то,—рѣшеніе вопроса, представляющаго изъ себя нѣчто въ родѣ одного уравненія со многими неизвѣстными. Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что и при другомъ исходѣ дѣла, нежели тотъ, какой былъ въ дѣйствительности, рано или поздно, старый русско-польскій споръ, нѣсколько позабытый въ XVIII вѣкѣ, долженъ былъ бы снова рѣшиться, а его естественное рѣшеніе было именно дано отдѣленіемъ отъ Рѣчи Посполитой того, чего не доставало еще до

„всѣя Руся“. Польша, сохраняющая свою цѣлостъ и политическое бытіе въ союзѣ съ Россіей, не могла бы оставаться навсегда Польшею въ границахъ 1772 года.

Итакъ, новѣйшіе историческіе труды, какъ русскіе, такъ и польскіе, выяснили, что для Рѣчи Посполитой существовала только дилемма — или вражда къ Россіи съ раздѣломъ между сосѣдами въ перспективѣ, или союзъ съ Россіей, равносильный однако подчиненію Рѣчи Посполитой этой послѣдней: *tertium non datur* или считается въ высшей степени сомнительнымъ (это *tertium* — сохраненіе или, вѣрнѣе, приобритеніе Рѣчью Посполитой полной независимости). Этимъ опредѣляется и взглядъ новѣйшихъ историковъ на то возрожденіе, которое начиналось въ Польшѣ послѣ перваго раздѣла. Иностранные публицисты и историки, сочувственно относившіеся къ бѣдствіямъ польской націи, выражали полное свое удовлетвореніе по поводу исправленія поляковъ и негодованіе на сосѣдей, препятствовавшихъ всѣмъ улучшеніямъ въ Польшѣ. Въ польской политической и исторической литературѣ также утвердился взглядъ на время отъ перваго раздѣла до паденія Рѣчи Посполитой, какъ на эпоху быстрого и всесторонняго прогресса, возрожденія національнаго духа, утвержденія новыхъ началъ общественной жизни, исправленія поляковъ отъ всѣхъ прежнихъ недостатковъ: послѣдніи времена Рѣчи Посполитой окружались поэтому ореоломъ, блескъ коего затемнялся только присутствіемъ въ патріотической націи нѣсколькихъ презрѣнныхъ измѣнниковъ, продавшихъ свое отечество сосѣдямъ. Оставляя въ сторонѣ пока вопросъ о самомъ этомъ возрожденіи, мы должны указать на то, что, на сколько возрожденіе польской націи зависѣло отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ и партій, и оно также могло быть, какъ и внѣшнія отношенія Польши, или пріятнымъ, или непріятнымъ Россіи. Русская политика, какъ мы говорили, не была противъ реформъ въ Польшѣ вообще: только реформы эти должны были закрѣплять въ Рѣчи Посполитой политическое вліяніе Россіи и ограничиваться достиженіемъ одного большаго благоустройства страны безъ превращенія ея въ сильное государство. Такія реформы, однако, не могли удовлетворить польскихъ патріотовъ, для которыхъ перемѣны въ ихъ политическомъ и общественномъ быту могли имѣть смыслъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ возвращали ихъ отечеству независимость отъ иностранной опеки и былую силу изнѣ, какъ гарантію независимости и на будущее время. Патріоты стремились къ тому, чего не хотѣла Россія, и притомъ стремились, рассчитывая на союзъ съ дру-

гою державою, что заставляло русскую политику еще болѣе противиться неприятымъ ей пововведеніямъ. Новѣйшіе историки осудили этихъ дѣятелей за ихъ недалководность, за отсутствіе у нихъ политическаго такта и вмѣстѣ съ этимъ поставили подъ знакъ вопроса значеніе и того самаго возрожденія, которое, по словамъ прежнихъ историковъ, было произведено дѣятелями четырехлѣтняго сейма, и того общаго улучшенія, которое вызвало эту дѣятельность, хотя улучшеніе это было результатомъ примѣненія къ внутреннимъ дѣламъ политики, пріятной Россіи или ею допускавшейся. Новѣйшіе историки, о конхъ идетъ рѣчь, явились скептиками относительно силы и значенія возрожденія Польши за послѣднія двадцать лѣтъ ея существованія: не отрицая факта, они сводятъ его къ болѣе скромнымъ размѣрамъ и находятъ, что предпріятія спасителей отечества не могли удалиться потому, что морально и политически нація не на столько еще перевоспиталась и матеріально государство не на столько окрѣпло, чтобы успѣхъ могъ быть несомнѣннымъ,—а потому винятъ дѣятелей четырехлѣтняго сейма въ томъ, что они предприняли пѣчто, бывшее выше силъ и средствъ Польши. Въ этомъ обвиненіи есть доля правды (въ такомъ случаѣ оно надаетъ съ еще болышымъ правомъ на героническое усиліе Костюшки), но въ своей оппозиціи прежнимъ взглядамъ новая историческая школа, особенно въ лицѣ Калинки, зашла слишкомъ далеко, такъ что г. Корзонъ, доказывающій, какъ мы видѣли, діаметрально противоположный тезисъ (и притомъ съ гораздо болышимъ успѣхомъ, чѣмъ это дѣлалось прежде), своею книгой создаетъ важный противовѣсъ одностороннему освѣщенію фактовъ у Калинки, хотя—целью этого не оговорить—г. Корзонъ также довольно односторонне обращаетъ почти все свое вниманіе на одни матеріальные и внѣшніе факторы.

Какое же общее заключеніе можно сдѣлать о состояніи главнаго вопроса изученной нами литературы въ современной исторической наукѣ?

Раздѣливъ причины паденія Польши на основныя, слагавшіяся вѣтками, и на непосредственныя, дѣйствовавшія въ самую эпоху окончателныхъ расчетовъ Рѣчи Посполитой съ своимъ прошлымъ и со своими сосѣдями, и подраздѣливъ тѣ и другія причины на внѣшнія и на внутреннія, мы можемъ сказать, что едва ли какія-либо важныя недоумѣнія могутъ возбуждать въ настоящее время основныя причины паденія Польши, какъ внутреннія (развитіе безурядицы въ ея бытѣ), такъ и внѣшнія (историческія русско-польскія и польско-

прусскія отношенія), а язь причинъ непосредственныхъ, думаемъ мы, въ такомъ же положеніи находятся тѣ внѣшнія отношенія, которыя создали соединеніе трехъ державъ, подѣлившихъ между собою Рѣчь Посполитую. Иное дѣло — внутренняя исторія Польши въ послѣднія тридцать лѣтъ существованія этого государства: исторія производившихся тогда реформъ и дѣйствовавшихъ тогда партій нуждается, на нашъ взглядъ, въ новомъ пересмотрѣ въ виду отмѣченнаго нами разногласія между наиболѣе важными историками, писавшими объ эпохѣ „паденія“, и только такой пересмотръ могъ бы дать отвѣтъ на вопросъ, въ какомъ отношеніи къ факту паденія Польши стоятъ внутреннія явленія, въ ней происходившія. Мы думаемъ также, что дѣло теперь, особенно послѣ труда г. Корзона, не въ накопленіи новаго матеріала, а въ разработкѣ существующаго, если только новый матеріалъ не имѣетъ отношенія къ такимъ сторонамъ польской жизни, которыя до сихъ поръ были мало изслѣдованы, примѣръ чего представляютъ сеймики, впервые получившіе свою исторію въ прекрасномъ трудѣ проф. Цавинскаго „Rządy sejmikowe w Polsce“.

Пересмотръ, о которомъ мы говоримъ, возможенъ въ двухъ направленіяхъ: во первыхъ, необходимо изслѣдовать отдѣльныя стороны польскаго политическаго и соціальнаго быта, и мнѣ кажется, что тутъ предстоитъ еще не малая работа для историковъ, которые взялись бы за разрѣшеніе этой задачи ¹⁾, а во вторыхъ, не менѣе необходимо представить въ связномъ критическомъ очеркѣ всю исторію общественнаго движенія въ Польшѣ съ перваго зарожденія мысли о реформахъ до окончательной неудачи, ихъ постигшей. Последнее мы и собираемся сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ.

И. Каръевъ.

---

¹⁾ Въ виду этого мною предложена была на 1888 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ тема на золотую медаль — „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ во второй половинѣ XVIII вѣка“.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII столетій. С.-Пб. 1888.

Исторіи русской драмы мы въ правѣ были ожидать отъ проф. Н. С. Тихошрава. Начиная съ его извѣстнаго этюда въ Лѣтписяхъ русской литературы до „Русскихъ драматическихъ произведеній 1672—1725 годовъ“ (С.-Пб. 1874, два тома) и статьи въ Журн. Мин. Нар. Просв. за май 1879 г. (Трагикомедіи Феофана Прокоповича Владимиръ), ему принадлежать главные труды въ этой области: и изданіе текстовъ, и объяснительный къ нимъ комментарий, и общія точки зрѣнія на развитіе русскаго театральнаго дѣла. Остается пожалѣть, что не зависѣвшія отъ автора обстоятельства помѣшали ему издать „Русскія драматическія произведенія“ въ томъ видѣ, въ какомъ они были затѣяны. Послѣ долгихъ проволочекъ, вслѣдствіе перехода не конченнаго изданія изъ однихъ рукъ въ другія, выпущены были въ свѣтъ, съ согласія редактора лишь два тома текстовъ съ предисловіемъ, въ которомъ указаны были, между прочимъ, источники нѣкоторыхъ пьесъ Кунштовой труппы: Принца Пикельгаринга, комедіи о Донъ Педрѣ и Донъ Янѣ и Честнаго Измѣнника. Къ пьесамъ 2-го тома предпологалось присоединить примѣчанія и словарь къ текстамъ того и другаго; такъ какъ печатаніе первыхъ не было окончено, то они, по требованію автора, и не должны были быть допущены въ обращеніе. Это не помѣшало имъ очутиться въ продажѣ, хотя и въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, разошедшихся по рукамъ библіофиловъ. Въ экземплярѣ 2-го тома, которымъ я пользуюсь, за послѣднею пьесой (Интермедіи) слѣдуютъ примѣчанія ко 2-му тому, стр. 498—680 и, съ новою пагинаціей, Словарь (стр.

I—XXXIII), а въ приложеніи: Драма Стефанотокось, съ комментариемъ къ ней (стр. XXXVII—CII). Въ примѣчаніяхъ превосходно разобраны, въ рядѣ отдѣльныхъ этюдовъ, слѣдующія пьесы: Ужасная измѣна сластолюбиваго житія (стр. 506—510); Страшное изображеніе втораго прішествія Господня на землю (511—520); Царство міра (521—525); Торжество міра православнаго (526—536); Ревность православія и т. д. (537—549); Сципіо Африканъ (550—554); Принцъ Пикельгарнигъ (555—579); Честный Измѣнникъ (580—588); Отрывокъ изъ комедіи о Донъ Янѣ (589—614); Драгья Смѣянна (615—627); Владиміръ (628—674); Освобожденіе Ливоніи и Ингерманландіи (675—680). Комментарій къ послѣдней книгѣ не оконченъ печатаніемъ; статья, посвященная Владиміру, если не ошибаемся, единственная, съ которою публика знакома (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г., май)—изъ числа многихъ и драгоцѣнныхъ, которыя авторъ скромно называетъ „примѣчаніями“.

„Очеркъ“ г. Морозова является полезнымъ сводомъ всего, что по исторіи русскаго театра за избранный имъ періодъ сдѣлано было другимъ: Пекарскимъ, проф. Тихомировымъ, г. Шлипкинымъ и др. Г. Морозовъ пользовался и примѣчаніями проф. Тихомирова, черпая въ нихъ свѣдѣнія и указанія, и надо пожалѣть о непростительномъ легкомысліи, побудившемъ автора, вообще отдающаго должное своимъ предшественникамъ, ни разу не сослаться на одно изъ своихъ главныхъ пособій. Такое упоминаніе было бы возстановленіемъ научной преемственности, спасло бы г. Морозова отъ нецрїятной полемики и облегчило бы намъ трудъ—выдѣлить въ его сводѣ долю его личнаго вклада въ разработку исторіи русскаго театра. Оцѣнка этого вклада лежала въ прямыхъ интересахъ автора; читатель, не имѣющій подъ руками примѣчаній проф. Тихомирова, не въ состояніи этого сдѣлать; читавшіе совместно обѣ книги найдутъ въ нихъ много общихъ цитатъ, съ тою, напримѣръ, разницей, что у проф. Тихомирова Fritsche, Ein Namenbuch zu Molière's Werken приводится въ первомъ, а у г. Морозова во 2-мъ изданіи; тѣ же случайныя подробности о костюмѣ Жоделета и Бельтрама, замѣчанія о словарѣ перевода ¹⁾, о

¹⁾ См. Тихомировъ, стр. 555 и Морозовъ, стр. 261, прим. 2, 3, 4. Первый объясняетъ странное выраженіе: „ты добра глубоко въ зачье сало вступилъ“—дословнымъ переводомъ съ нѣмецкаго, не совсѣмъ общаго присловья: *du hast ins Hasenfell getreten*—ты не въ своемъ умѣ. То же у г. Морозова, съ естественнымъ исправленіемъ опечатки: *Hasenfett*, но съ тѣмъ же *hast* и. *dist*. См. пословицы у *Wander'a*: *Er ist ins Hasenfett getreten; Er ist mit Hasenfett begossen* (*Narrenspiegel* 45: um zu sagen: er ist ein Narr).

Рамазкѣ-лисенкѣ-Reineke-Fuchs и о томъ, что авторъ нѣмецкой передѣлки Jodelot prince Томаса Корнеля, послужившей оригиналомъ Фельтену Пикельгерингу, зналъ, вѣроятно, и подлинникъ Корнеля, то-есть, пьесу Кальдерона. См. у проф. Тихонравова, стр. 573, прим. къ стр. 117 второго тома: „Гляди на меня теперь, не подобенъ ли я рыцарю Георгію, который змію закололъ? А въ дѣйствіи я пройду чужимъ рыцаремъ и назовусь рыцаремъ съ замороженнымъ оружіемъ.

Suivant des grands guerriers les tiales si vantées
Je suis le chevalier aux armes enchantées.

„Нельзя не обратить вниманіе на то, что въ пьесѣ Кальдерона, которая служила оригиналомъ для Корнеля, Бенито, надѣвъ найденное имъ платье и оружіе Фредерика, восклицаетъ: Et Antona donc que dira-t-elle?... Elle croira voir saint Georges lorsqu'il s'en va pour tuer le dragon.—Не слѣдуетъ ли вывести изъ этого заключеніе, что Фельтенъ въ своемъ Prinz Pickelhäring, кромѣ пьесы Корнеля Jodelot-prince, пользовался и испанскимъ оригиналомъ французскаго драматурга и вставлялъ въ свою комедію такія подробности изъ Кальдерона, которыя были обойдены Корнелемъ?“

То же, въ видѣхъ выраженія и съ цитатою изъ испанскаго текста, находимъ у г. Морозова (стр. 259—60); согласіе, быть можетъ, случайное, какъ случайнымъ покажется и то, что проф. Тихонравовъ (стр. 525) и г. Морозовъ (стр. 324) приводятъ въ объясненіе анаграммы одна и тѣ же латинскіе стихи, первый—по рукописи собственнаго собранія, второй—по рукописи Императорской Публичной Библиотекы Q, XIX, 229. Работая надъ однимъ матеріаломъ и въ томъ же направленіи два изслѣдователя по неволѣ пользуются источниками извѣстнаго рода; отсюда согласіе цитать. На той же 324 страницѣ г. Морозовъ говоритъ, безъ указанія источника, что 24-го октября комедіантскому правителю Кунсту было приказано „въ скорости, какъ можно, новую комедію о побѣдѣ и о врученія крѣпости Орѣшва великому государю составить“. Профессоръ Тихонравовъ (стр. 526) приводитъ то же свѣдѣніе изъ не изданныхъ дѣлъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.—Слѣдующее совпаденіе уже не производитъ впечатлѣнія случайности; мы все на той же страницѣ: 6-го декабря 1702 года царь прибылъ въ Москву и „имѣлъ торжественный входъ черезъ трои триумфальныя ворота“, у которыхъ его привѣтствовали „какъ первые духовные, такъ и прочихъ чиновъ люди и школьники“. Слова, по-

ставленныя въ кавычки, находятся и у проф. Тихонравова, стр. 527, съ ссылкой на Журналъ или Поденную Записку Петра Великаго, стр. 64, 65; г. Морозовъ ссылается по поводу этого извѣстія на Вѣдомости 1703 года (2-е изданіе 1855 г., стр. 223). Эта ссылка находится и у проф. Тихонравова (стр. 537), но относится къ извѣстію о приѣздѣ въ Москву Петра въ ноябрѣ слѣдующаго (1703) года.

Страннымъ кажется еще вотъ что: г. Морозовъ (стр. 349 слѣд.) подробно излагаетъ содержаніе Стефанотокоса по рукописи Имп. Публ. Библіотека, но цитуетъ текстъ съ поправками изданія проф. Тихонравова. См. стр. 350: Да никтоже избѣжитъ нашего навѣта, рп. никакже; стр. 351: только намъ прилѣпился, рп. и прилѣпился.

Начиная съ комментарія къ „Честному измѣннику“ (о немъ и о Донъ Педрѣ и Донъ Янѣ необходимое было сказано въ предисловіи къ „Русскимъ драматическимъ произведеніямъ“), отношенія Очерка къ тексту Примѣчаній оказываются менѣе тѣсными. Отмѣтимъ мимоходомъ, что ссылка на стр. 141, прим. 1, на расходныя книги приказа Галицкой чети видимо спутана: разумѣются не столбцы Галицкой чети, напечатанныя во Временникѣ проф. Безсоновымъ, а совсѣмъ другія дѣла. То же смѣшеніе мы находимъ въ литографированныхъ лекціяхъ проф. Тихонравова по исторіи театра.

И не останавливаясь на другихъ совпаденіяхъ, которыхъ, въ иныхъ случаяхъ, не слѣдовало бы, быть можетъ, и искать, еслибы умолчаніе г. Морозова не направило любопытство въ извѣстную сторону. Оно вскорѣ будетъ удовлетворено, ибо, какъ мы слышали, проф. Тихонравовъ намѣренъ перевести свой трудъ, съ которымъ читатели поспѣшатъ познакомиться. Надѣмся, что и г. Морозовъ снова вернется къ излюбленной имъ области разысканій. Какъ не-спеціалистъ, я не могу прибавить ничего существенно поваго къ матеріаламъ, собраннымъ въ Примѣчаніяхъ и въ Очеркѣ; но слѣдующія параллели къ „Честному измѣннику“ показали мнѣ достойными вниманія.

И проф. Тихонравовъ, и г. Морозовъ руководствовались въ объясненію его пересказомъ италіанской драмы Чиконьяни у Клейна; и могу дополнить его теперь, пользуясь слѣдующимъ изданіемъ подлинника: *Il tradimento per l'onore o vero il vendicatore pentito, opera tragica del Sig. Dottor Giacinto Andrea Cicognini fiorentino. In Roma per Aegidio Ghezzi 1664.*

Предисловіи и пѣсни, которыми открывається русская пьеса (Тихонравовъ, II, 197), въ подлинникѣ нѣтъ: у насъ является „духъ

Маркизовъ отъ Купида связанъ* и Аловізія спящая; духъ Маркиза поетъ арію; вмѣсто того въ итальянскомъ текстѣ стихотворный діалогъ Амура и Гименея на тему: кто изъ нихъ остался побѣдителемъ (въ исторіи Аловізіи съ ея мужемъ и любовникомъ). Амуръ признаетъ себя побѣжденнымъ:

Non più d'affetti impuri
Perito cor languisce,
Sol chi lega Himeneo mia man ferisce (стр. 7).

Слѣдуетъ на 8-й страницѣ, подъ подписаніемъ Prologo, списокъ дѣйствующихъ лицъ; въ соотвѣтствующемъ спискѣ русской драмы Предисловіе попало въ число послѣднихъ. Считаемъ не бесполезнымъ сопоставить обл списка.

Federico Duca di Popple	Арцугъ Фридерико фонъ-Поплей.
Alovisia sua moglie . . .	Аловізія, супруга его.
Alfonso marchese di Radiano	Маркизь Альфонзо.
Fidalbo, suo segretario	Фидальбо, его вѣрный капитанъ.
Rodrigo cameriere di Federico	Родернго.
Armida } Dainigelle d'Alovisia.	Предисловіе.
Pasquella }	
Almonte Cap. di Guardia del Rè di Sardegna	Духъ маркизовъ.
Finochio } servi di Federico	Купидо.
Solfetto }	Лентуло веселый музыкантъ.
Bagattino servo del Marchese	
Due cacciatori	
Leontio e } soldatà.	два солдата.
Leobio }	Четыре машкаратчиковъ.

Предисловіе, Духъ Маркизовъ и Купидо относятся къ той части русской пьесы, которой нѣтъ въ итальянской драмѣ; забытъ въ русскомъ перечнѣ капитанъ (Almonte), являющійся въ дѣйствѣ 2, сѣнѣ 3. Чему отвѣчали машкаратчики—остается неизвѣстнымъ, ибо текстъ обрывается до окончанія драмы; итальянская пьеса и здѣсь кое-что подсказываетъ. Затѣмъ нѣтъ въ нашемъ текстѣ (я въ его нѣмецкомъ оригиналѣ?) прислужницъ Аловізіи, двухъ слугъ Федерико, Finochio и Solfetto, и Bagattino. слуги маркиза. Всѣмъ вмѣстѣ, и особенно типамъ Finochio и Bagattino, отвѣчаетъ у насъ веселый музыкантъ Лентуло, задуманный недурно и совершенно въ итальянскомъ вкусѣ, что и намело г. Морозова на предположеніе, что эта роль не сочинена нѣмецкимъ передѣльвателемъ, а находилась уже у самого Чикопльни* (251).

Соотвѣтствіе его драмы съ русскою лучше всего видно изъ слѣдующаго сопоставленія.

Актъ I, сцена 1. Разговоръ Финоккіо и Сольфетто, которые говорятъ, что Федерико добился, наконецъ, руки Алоизіи и прибылъ съ нею, чтобы провести здѣсь медовый мѣсяцъ. Вотъ они идутъ (сцена, очевидно въ саду). Финоккіо и Сольфетто удаляются.

Сцена 2. Герцогъ и Алоизія гуляютъ; Алоизія ранитъ руку, срывая розу; Герцогъ падаетъ въ обморокъ при видѣ ея крови, Алоизія зоветъ на помощь Родриго (наше дѣйство I, сѣнь 1).

Сцена 3. Родриго является, но Герцогъ уже оправился; слѣдуетъ діалогъ, которому *a-parté* вторитъ Родриго; русская пьеса даетъ такое же *a-parté* Лентуло, вводя его такимъ образомъ на сцену.

Donna Aloisia. Ardita, perchè v'amo.

Duca. Timoroso, perchè v'adoro.

Rodrigo. Disperato, perchè non oso.

Сл. Тихонр., 2, 200:

^ Ардугъ.

Испуженъ есмь, повеже вамъ подарилъ ¹⁾.

Алоизія.

Мужественна есмь, что я возлюблю.

Родриго.

Въ отчаяніи есмь, потому что я безъ обнадеженія люблю.

Лентуло.

Разуменъ есмь я, зане такихъ дураческихъ дѣлъ не почитаю и т. д.

Герцогъ съ женой уходитъ; въ слѣдующемъ монологѣ Родриго выражаетъ свою несчастную любовь къ Алоизіи, кончая стихами:

Dehi piangete, occhi miei,

Chè nella terra suole

Cader la pioggia all'hor che manca il sole.

Сцена 5. Альфонсъ и Фидальбо: сл. Д. I, сѣнь 3. Маркизь разказываетъ, какъ онъ влюбился въ Алоизію; въ концѣ: *Eccoti dunque detto in brevi note*

La cagione crudel di quel dolore

Ch'a tutta possa mi tormenta il core.

¹⁾ Въ нѣм. текстѣ стояло, быть можетъ: *verehre=adoro* и—подарить, приподнести.

(Тихонравовъ, I. с., 203: Итакъ тебѣ разказавъ полную печаль мою любви, которая меня мучитъ и вовсе сердце мое отъ души отлучаетъ). Fidalbo утѣшаетъ его; въ русскомъ текстѣ его роль сокращена; сл. вставленныя въ его роль двустипіи:

Bella donna suol sovente il cuore
Donar a chi per lei si strugge e muore.

—
Nella gaggia d'Amor si sospirata
Spero resta d'Amor disperanzata.

Сцена 6. Finocchio, Bagattino con due levrieri; послѣдній посланъ графомъ d'Adriazzo въ услуженіе маркиза, который пріѣхалъ сюда поохотиться. Finocchio идетъ предупредить герцога.

Сцена 7. Монологъ Багаттино (изъ охоты онъ любитъ одну: за жареною дичью).

Сцена 8. Alfonso, Fidalbo, cacciatori e Bagattino: Маркизь узнаетъ, что онъ въ сосѣдствѣ съ дворцомъ герцога. Является герцогъ и (въ 9-й сценѣ, сл. дѣйство I, сѣнь 4) приглашаетъ Alfonso къ себѣ. У него неотложное дѣло, онъ долженъ на время оставить его и велитъ позвать жену, чтобы занять гостя.

Сцена 10. Тѣ же, Алоизія, Armitdea e Elisa damigelle. Обмѣнъ любезностей; всѣ удаляются; своихъ прислужницъ Алоизія отсылаетъ; слѣдуетъ въ 11 сценѣ (дѣйство I, сѣнь 5) торопливый обмѣнъ страстныхъ полуфразъ и междометій между маркизомъ и Алоизіей (сл. Морозовъ, 247—248), который въ сценѣ 12 (дѣйство I, сѣнь 6) подслушиваетъ Родриго: Алоизія говоритъ Альфонсу: *Dietro a quel gelso-mini v'è un'uscio segreto, là attendetemi, ch'arrigo*—Тихонравовъ, 210. На концѣ сереборинныхъ цвѣтовъ гульбища суть маленькія дверцы, тамъ васъ дождуся.—Монологъ Родриго въ концѣ 6-й сѣни составляетъ въ италіанской пьесѣ сцену 13-ю: движимый ревностью Родриго готовъ все открыть герцогу: пусть погибнетъ и маркизь, и Алоизія, пусть я самъ умру;

Chè meglio al fine sia, lasso, il morire,
Ch' in si penosa vita, o Dio, languire.

Тихонравововъ, 211: ибо лучше есть скорая смерть, нежели печаль, мученіе же и страхъ въ бѣдѣ.

Сцена 14. Armitdea и Pasquella (гуляя, разговариваютъ о красавцѣ-маркизѣ, о вѣрности женъ и т. п.). Въмѣсто того въ русскомъ текстѣ дѣйство 1, сѣнь 7 (Лентуло) и 8 (монологъ Родриго).

Сцена 15. Dusa и Rodrigo. Нач. E questo è vero? Онъ уже разказалъ (за сценой) герцогу о невѣрности его жены; въ русскомъ текстѣ онъ разказываетъ о томъ. Далѣе въ общемъ сходно.

Сцены 16, 17 и 18 отвѣчаютъ дѣйству 1, сѣни 10. Сл. Тихонр., стр. 217: Живи, яко сонная коза, потому что самъ вѣрю, что во снѣ есмь, зане я тебя шажу—р. 40. Partì, o Marchese, e credi il tuo vivere una chimera del sogno, perchè io credo sognare, mentre che ti perdono.

Сцена 19. Dusa e Rodrigo—дѣйство 1, сѣнь 11 (въ италіанскомъ текстѣ герцогъ велитъ Родериго открыть комнату, гдѣ заперлась герцогиня, и въ это время убиваетъ его).—Сѣни 12 (Лентуло) и 13 (Фидальбо, Лентуло) 1-го дѣйства нѣтъ въ италіанскомъ текстѣ.

Актъ II, сцена 2: Dusa e duchessa vestita di nero—дѣйство II, сѣнь I. Словамъ герцога стр. 223: „О противный фениксъ!“ отвѣчаетъ въ италіанскомъ текстѣ (стр. 44) цѣлая рѣчь герцога, гдѣ о фениксѣ нѣтъ и рѣчи.

Сцена 2. Duchessa sola—конецъ 1-ой сѣни втораго дѣйства, стр. 223 (Алоизія: О бѣдная и несчастливая арцугиня!). Стихи въ концѣ (стр. 46) монолога не отвѣчаютъ русскимъ:

E vegga il mondo al fine,
Anzi ogni lingua il dica
Che vien l'impudicitia hoggi pudica.

Сцена 3. Città. Almonte, Leontio e Lesbio.—Almonte—капитанъ говоритъ солдатамъ, что онъ имѣетъ порученіе убить маркиза—д. II, с. 3).

Сцена 4. Finocchio e Solfetto; сц. 5. Dusa e detti (герцогъ велитъ одному идти къ нему въ комнату, al mio quarto, другому быть на посту на всякій случай); сц. 6. Dusa solo.—Всего этого въ нашемъ текстѣ нѣтъ.

Сцена 7. Alfonso solo (монологъ); сц. 8: Almonte, Leontio, Lesbio, Alfonso e Dusa—отвѣчаютъ вмѣстѣ дѣйству II, сѣни 4.

Сцена 9. Dusa e Alfonso—дѣйству II, с. 5 (русскій текстъ сильно сокращаетъ).

Сцена 10 (Arzidea e Pasquella), 11 (Aloisia e dette); въ русскомъ вмѣсто того сѣнь 6: Лентуло.

Сцена 12 (Dusa e Duchessa), сц. 13 (Duchessa sola) отвѣчаютъ дѣйству II, сѣни 2-й. Конецъ 12 сцены: A Dio mio inferno amoroso—Тихонр., 229: Живи добро, мой огонь адскій; начало 13: E sarà vero, Aloisia—Тихонр., 229: Правда ли будетъ, арцугиня?

Сцена 14. (Marchese solo)—д. 2, с. 7.

ЧАСТЬ ССЛХ, ОТД. 2.

15-я (Duca, Marchese e servi) и, за исключеніемъ 16-й (Finocchio. e Solfetto: вѣтъ въ русскомъ текстѣ), 17-я (Duca, Marchese, i servi e detti) и 18-я (Duca, Marchese e servi) сцены отвѣчаютъ не конченной и, вдобавокъ, страшно скомканной 8-й сѣни. Соотвѣтствующее содержаніе италіанской пьесы пересказано было проф. Тихонравовымъ (стр. 582) и г. Морозовымъ (стр. 249): герцогъ пригласилъ къ себѣ маркиза на ужинъ, приносятъ два закрытыя блюда; когда открыли ихъ, въ томъ, которое назначено для маркиза, оказывается портретъ Аловизіа въ блюдѣ герцога стилеть. Недостаетъ еще вина, говоритъ онъ; по его знаку выходятъ четыре человѣка съ алебардами; маркизъ убитъ. Гг. Тихонравовъ и Морозовъ говорятъ о четырехъ замаскированныхъ человѣкахъ, что отвѣчаетъ росписи дѣйствующихъ лицъ русской пьесы: „четыре манскаратчиковъ“; они, несомнѣнно, являлись въ концѣ 8-й сѣни. Страшно, что въ моемъ экземплярѣ Чиконьяни ничего не говорится о замаскированіи: *escono quattro con quattro alabarde* (стр. 70); они и не упомянуты въ перечнѣ *interlocutori*. Вотъ послѣднія слова 8-й сѣни—говоритъ арцугъ: „Не надобно вамъ, господине маркизе, удивляться, что тако мало кушанья готовлено, но обнадеживаю васъ, что никогда вамъ никакое кушаніе укусиѣ не было, какъ то, котораго образецъ предъ собою имѣете. Но сіе кушаніе, которое предо мною... Сл. сц. XVIII: „*Sedete, Sig. Marchese, siedo anch'io, vi trattarò alla meglio che posso, non vi mancherà cosa alcuna, nè havrete cosa di soverchio. Queste sono due vivande, quella che avanti havete, è una di quelle pretiose, che più vi piacciono, questa che tengo avanti io, è di tutta mia perfettione, poichè mi renderà satollo*“.

Сѣни 9-й (Лентуло), 10-й (Арцугъ, Лентуло) 2-го дѣйства и 1-й сѣни 3-го (Лентуло) нѣтъ въ италіанскомъ текстѣ; въ русскомъ, на оборотъ, нѣтъ ничего, отвѣчающаго Atto III, sc. 1. (Finocchio e Solfetto con la lanterna), 2 (Duchessa, Armidea e Pasquella, porta Armidea il telarino e Pasquella il Pastor Fido) и 3 (Dette e Finocchio).

Актъ III, сцена 4—дѣйство 3, сѣнь 2. Сл. начало—Duca: Signora Duchessa, vi haverò questa notte tanto trattenuta, che vi haverò incommodato. Per l'avvenire però non v'incomodarò più.

Alovisia. V. Eccel. erra, mentre da il nome d'incommodo a i favori.

Сл. Тихонр., 235—236. Арцугъ. Прости мя, супруга моя, буде я тебѣ чрезъ мое поминаваніе какую противность учинилъ. — Аловизіа. Любовь ваша мѣшается, егда вы сладкое любви свидѣтельствованіе противностью называете.

Сд. 5 (Duca e Solfetto), 6 (Duca solo), 7 (Finocchio e Solfetto) въ русскомъ нѣтъ; вмѣсто нихъ д. III, с. 2 (Лентуло, Фидальбо). —

Сд. 8 (Duca solo) = д. III, сѣнь 4.

Сд. 9 (Duca e Duchessa) = д. III, с. 5. Сл. итал. текстъ:

ALONVISA. Vi veggo torbido.

DUCA. Hò passione al cuore.

ALONVISA. Poss' io rimediarmi?

DUCA. Anzi solo lei da questa può guarirmi.

Тихонрав., стр. 239.

Алонвиза. Что ты весь мнѣ премѣненъ видишься?

Ардуго. Имѣю собииную печаль.

Алонвиза. Могу ли я ту отъ васъ отнять?

Ардуго. Вы единая меня отъ той свободить можете.

На этомъ обрывается русскій текстъ Честнаго измѣнника. Подробное сличеніе его съ италіанскимъ, не непосредственнымъ его оригиналомъ, вывело меня за предѣлы отчета о книгѣ г. Морозова. Полагаю однако, что подобное сличеніе окажется полезнымъ, ибо оно дастъ матеріалъ для рѣшенія вопроса: какимъ путемъ и по какимъ приемамъ совершалось приуроченіе пьесы, назначенной для салонной публики, ко вкусамъ среды, потѣшавшейся Гаусвурстомъ и Пикельгерингомъ. Лентуло—ихъ слабое отраженіе во всякомъ случаѣ не принадлежитъ Чиконьини, какъ предположилъ г. Морозовъ (стр. 251). Рѣшеніе подобнаго рода вопросовъ, важныхъ для исторіи драмы вообще, стоитъ въ прямой зависимости отъ знакомства съ источниками, съ внѣшнею исторіей той или другой пьесы. Это не всегда дается и требуетъ много труда и времени: „Русскія драматическія произведенія“ стоили ихъ комментатору нѣсколькихъ лѣтъ труда. Къ объясненію Сципіона Африканскаго г. Морозовъ привлекъ драму Лээнштейна ¹⁾, и этотъ отдѣлъ его книги, вмѣстѣ съ указаніями на польскую школьную драму по рукописямъ Императорской Публичной Библиотеки, принадлежатъ къ наиболѣе самостоятельнымъ: авторъ могъ пользоваться книгой Воаса объ іезуитскомъ театрѣ, и ему надлежало подробнѣе развить или изложить найденное имъ въ не изданныхъ пока источникахъ. Съ русскими пьесами, найденными имъ лично, ему не повезло, но конечно, никто изъ знающихъ условія подобнаго

¹⁾ О новыхъ трудахъ по поводу драматическихъ обработокъ „Союзницы“ см. отчетъ Махъ Кочъ въ *Zs. f. vergleich. Literaturgeschichte*. N. F. I, 5—8 H., стр. 471—474.

рода разысканій, не поставитъ ему въ вину ихъ относительную неопредѣленность: ни одна изъ этихъ пьесъ не могла быть приурочена къ какому-нибудь драматическому оригиналу: для комедій объ Гендрикѣ и Мелендѣ (стр. 279 слѣд.) высказывается догадка, что ея русскій авторъ ограничился безыскусственнымъ переложениемъ въ разговоры повѣсти того же содержанія и заглавія (стр. 286), тогда какъ объ авторѣ Акта о царѣ Перскомъ Кирѣ и царицѣ Скинской Тамирѣ (стр. 289) говорится, что онъ могъ быть однимъ изъ учениковъ славяно-латинской академіи, которыхъ докторъ Бидло переманивалъ въ свой госпиталь (стр. 292). На этихъ заключеніяхъ остановимся пока и мы—до возможнаго открытія новыхъ данныхъ.

Нашъ разборъ книги г. Морозова мы начали нѣсколько случайно съ группы свѣтскихъ пьесъ Петровскаго времени. Передъ этимъ третьимъ моментомъ въ развитіи русскаго театра авторъ разбираетъ еще начатки народной драмы и драму школьнаго польско-южно-русскаго происхожденія; собственно церковный, мистеріальный театръ мало затронуть въ обзорѣ, потому что въ русской дѣйствительности онъ не развился.

Общія свои воззрѣнія на развитіе драматическаго рода авторъ изложилъ въ концѣ книги (стр. 375 слѣд.). Они и даютъ мнѣ поводъ коснуться другихъ сторонъ его труда.

О такъ-называемой народной драмѣ г. Морозовъ говоритъ на стр. 9—29, разбирая драматическій элементъ святокъ, масляницъ, проводовъ зимы и встрѣчи лѣта, характеризуя дѣятельность скомороховъ и театральные элементы брачнаго обряда. Этотъ обзоръ привелъ его (стр. 28) къ заключенію, что въ старое время у насъ были въ рукахъ всѣ средства для того, чтобы простымъ, естественнымъ путемъ дойти до своеобразной обработки театральныхъ зрѣлищъ. Въ народѣ жива была потребность такихъ зрѣлищъ, процвѣтало скоморошное художество, существовали кукольные комедіи и т. д.; словомъ, народъ былъ очень расположенъ къ сценическому дѣлу и въ самой своей жизни, въ своихъ праздничныхъ обрядахъ и играхъ, имѣлъ весьма достаточный матеріалъ для того, чтобы устроить это дѣло по собственному плану или, по крайней мѣрѣ, по собственному характеру. Недоставало только одного—свободы дѣйствія, хотя бы и не полной, но только допущенной закономъ, чтобы не казалась эта свобода грѣхомъ и беззаконіемъ. Между тѣмъ руководители русскаго общества въ продолженіе всего древняго и средняго періода нашей литературы и образованности постоянно

относились отрицательно ко всякому проявленію народнаго веселія, фантазіи, поэтическаго творчества, строго осуждая его, какъ поганство, какъ изычество, какъ служеніе діаволу, и усердно стараясь его искоренить. Если, не смотря на многовѣковое преслѣдованіе „бѣсовскихъ игрищъ“, они все-таки уцѣлѣли, въ силу присущей народу живучести, то развитіе ихъ было, тѣмъ не менѣе, крайне затруднено, если не вовсе остановлено. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, благодаря особенностямъ нашей культуры, мы далеко отстали отъ западной Европы, гдѣ народная поэзія получила широкое развитіе и давно уже сдѣлалась важною зиждущею силою въ литературѣ.

Наша культура дѣйствительно представляетъ особенности сравнительно съ западною, но едва ли въ области народнои драмы и ея послѣдующихъ вліяній. И на западѣ, какъ у насъ, народный драматическій обрядъ, по скольку онъ представлялся наслѣдіемъ изычества, подвергался гоненію и пережилъ его по общей, присущей народу, живучести,—въ формахъ того же обряда, не драмы. Драма переняла изъ народныхъ увеселеній нѣсколько бытовыхъ сценъ, нѣсколько потѣшныхъ типовъ, но они еще вызываютъ вопросъ: на сколько они принадлежатъ доморощенной народной потѣхѣ или фантазіи бродячихъ шпильмановъ-скомороховъ, средневѣковыхъ носителей международной поэтической традиціи. Оба теченія слѣдуетъ отличать; если и смѣшать ихъ, какъ то дѣлаетъ г. Морозовъ и, еще откровеннѣе, г. Фаминцынъ ¹⁾, то все же окажется, что народный элементъ вторгся въ драму, не создалъ ея; „народная потѣха“, говоритъ г. Морозовъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 376),—„создала бытовныя комическія сцены и фарсы, мало по малу проникшіе въ серьезную мистерію и значительно измѣнившіе ея первоначально строго-учительный склад“. Дѣло идетъ, стало быть, объ измѣненіи, не объ устроеніи драмы по собственному складу, да и измѣненія были не принципиальныя—я недоумѣваю, какой періодъ средневѣковой европейской литературы и драмы разумѣтъ авторъ, говоря о широкомъ развитіи въ ней народнои поэзіи и ея зиждительной силѣ?

Такъ или иначе, и въ Европѣ, не смотря на ея культурныя особенности, и у насъ драма не выросла изъ народнаго обряда, а создалась помимо его—изъ литургическаго обихода. Никакой анализъ

¹⁾ А. Фаминцынъ. Скоморохи на Руси. С.-Пб. 1889, стр. 27—28.

святочныхъ и другихъ игръ не объяснить появленія мистеріи; эта церковная форма драмы у насъ не принялась, и если надо было что-нибудь объяснить, такъ именно причины этого явленія; запреты народныхъ игръ тутъ не при чемъ, и ихъ обзоръ въ вводной главѣ относится къ теоретическому вопросу о возникновеніи драматической формы вообще, не къ историческому обзоръ какой-нибудь европейской драмы въ особенности.

Итакъ, мистеріи у насъ не было, не было, стало быть, и формы, куда бы могъ проникнуть театральнй элементъ народной или скоморошьей потѣхи.

Переходя къ другимъ, смѣнявшимъ другъ друга, „формаціямъ драматической литературы“, отразившимся и въ исторіи нашего театра, г. Морозовъ говоритъ о *moralités* (стр. 376): „Изъ церковнаго обряда выработалась духовно-историческая мистерія и духовно-нравоучительная *moralité*“; далѣе „школьная драма“ представляется ему „вторичною формаціей драматической литературы“ (ib.); третичною—ложно-классическая трагедія, въ сущности—та же средневѣковая *moralité*, но обработанная по строгимъ правиламъ школьной пьески...; ложно-классическая комедія, въ свою очередь, находится въ такомъ же отношеніи къ средневѣковой *sottie* или фарсу (стр. 377). Рубрики—всѣмъ знакомыя, но ихъ постановка и самое названіе „формаціи“ вызываютъ сомнѣніе. Не справедливо, во первыхъ, утверженіе, что *moralité* выработалась изъ церковнаго обряда, и трудно понять, какъ представляетъ себѣ авторъ эту эволюцію. *Moralités* также принадлежатъ школѣ, какъ мистеріи церкви; въ средневѣковой школѣ читали Психомачію Пруденція (стр. 317), въ которой почерпали любовь къ аллегоріи, образы пороковъ и добродѣтелей; но читали и Теренція. Школа XVI вѣка продолжаетъ средневѣковую и создаетъ школьную драму, на первыхъ порахъ подъ стилистическимъ влияніемъ Теренція, *Terentius christianus*, которое позже смѣняется влияніемъ Сенеки. *Vartistes* Бухавана (1543)—первая трагедія этого стиля, вводящая насъ въ то новое теченіе, которое г. Морозовъ назвалъ ложно-классическимъ. Но вѣдь это то же древнее русло школьно-классическаго преданія, ндущаго отъ *moralité* къ школьной драмѣ и далѣе къ пьесамъ ложно-классическаго стиля; ничто новое не вторглось, но повышался или обострялся интересъ къ однимъ и тѣмъ же образцамъ, къ тѣмъ же красотамъ. Дѣло не въ формаціяхъ, а въ культурныхъ теченіяхъ: одно, исшедшее изъ церкви, создавшее мистерію и въ XVI вѣкѣ сходящее со сцены; другое классическое, проходившее

школой и по немногу овладѣвшее вкусомъ общества. Въ этихъ двухъ направленіяхъ и созданъ театръ; народъ явился лишь началомъ воспринимавшимъ и усваивавшимъ: въ мистеріи онъ внесъ эпизодическія реальныя картины быта, комическіе типы, созданныя его юморомъ и скоморошьей традиціей; послѣдней, болѣе чѣмъ народному обряду, принадлежатъ веселыя *Fastnachtspiele*; въ области школьно-классической традиціи усвоеніе было разнообразно: отличія романской и германской, ближе сказать, французской и англійской драмы отражаютъ различныя отношенія школы и народной, усваивающей среды. Поэтому я не могу согласиться съ мнѣніемъ автора (376), что англійская драма развилась изъ „первичной драматической формации“ (подъ которою г. Морозовъ разумѣетъ церковно-обрядовый и народно-бытовой элементы средневѣковаго театра), „въ всякаго вліянія какихъ бы то ни было школьныхъ правилъ“. Если это сказано о драмѣ Марло и Шекспира, то подобное утвержденіе въ своей категоричности не справедливо, хотя оно и принадлежитъ къ числу повторяемыхъ. Классическое преданіе драмы не только отразилось въ англійской литературѣ струей подражаній, начиная съ Горбодука, но и опредѣлило нѣкоторыя особенности драмы Шекспировскаго типа. Ея любовь къ ужасамъ и крови могла быть навѣяна и живнью, и чтеніемъ Сенеки; духъ отца Гамлета, какъ раньше того духъ *Gorlois'a* въ *Misfortunes of Arthure* Томаса *Hughes'a*,—это духъ Тавтала и Тіэста въ Сенековыхъ Тіэстѣ и Агамемнонѣ; очерченность характеровъ—типовъ яркихъ, но одностороннихъ представителей одной какой-нибудь психической силы, такъ сказать старинныхъ—эта типичная черта англійской драмы восходитъ къ наивному пониманію мистеріи и—къ психологической опредѣленности Сенековыхъ героевъ. Шекспировскіе потѣшные люди могутъ дать поводъ къ подобнымъ же замѣчаніямъ, но я предпочитаю поставить вопросъ шире: въ Гансвурстѣ, Пикельгерингѣ передъ нами возстаютъ сложныя явленія, элементы мѣстнаго юмора и скоморошьей традиціи, вліянія италіанской *commedia dell'arte*, привязывающейся къ старому народному Риму—и пьесъ Теренція и Плавта, обновленныхъ средневѣковою школою и литературой возрожденія. Анализъ такого рода типовъ интересенъ, когда удастся выдѣлить изъ общей сложности мотивы, спеціально принадлежащіе тому или другому народному пониманію. Прошло ли что русское въ Пикельгеринга петровской пьесы, или, на оборотъ, захожіе потѣшные мотивы опредѣляли качество нѣкоторыхъ обнародованныхъ русскихъ типовъ? Жюделетъ французскаго фарса является на сценѣ напудренный по

обычаю старыхъ фарсеровъ, мукою, съ большими усами и бакенбардами (Тихонравовъ, Примѣчанія, стр. 559—560), какъ въ нашей повѣсти о Оомѣ и Еремѣ говорится, что

У нихъ бороды какъ бороны, усы какъ кнуты,

а въ масляничномъ театрѣ вмѣсто Оомы выходитъ выпачканный въ мукѣ Замазка, съ которымъ бранится и дерется Ерема. У Еремы на заду лисій хвостъ (сл. Ровинскій, Русскія народныя картинка, I, стр. 427, № 189); въ повѣсти онъ сговорился съ Оомой зайцевъ да лисицъ хватать, да въ кошель сажать. Сл. Принца Шикель-Геринга, д. I, с. 2:

Жодыеть.

Будеть здѣсь не были дикія утки, то дамъ себя кпутомъ выбить.

Пашкаль.

Дуракъ! Сія животная всегда на водахъ охотна жпть, неже на земли.

Жодыеть.

И конечно лисицы были, дуракъ! А ты не чаешь, что я искусевъ въ большой охотѣ?

Пашкаль.

Не очень: ты уваваешь людей за лисицы.

Жодыеть.

Онѣ были; тебя чаяли быти охотникомъ, а меня рабомъ; того ради онѣ такъ скоро въ норы поползли.

Пашкаль.

Когда ты видѣлъ лисицъ въ шафтанныхъ ставѣхъ?

Жодыеть.

Диковянно; недавно читалъ я книжицу прозваніемъ Рамазка лисевокъ и т. д.

Русскія потѣшныя сказки могли бы явиться матеріаломъ такихъ же сравненій, еслибы пьесъ подобныхъ Пикель-Герингу сохранилось больше; къ счастью или, говоря языкомъ нашихъ драмъ, „счастопаденію“ (Glücksfall), ихъ немного, и читатель, не преслѣдующій археологической цѣли, избавленъ отъ лишней скуки и опасности „вступитъ въ заячье сало“, „ins Hasenfett treten“, то-есть, выйдти изъ ума.

Александръ Веселовскій.

Неудачная и ненужная защита Геродота.

B. Höl. Logographis qui dicuntur Num Herodotus usus esse videtur. Dissertatio inauguralis. Marburgi Cattorum. 1884.

Желая доказать слишком много, мы не доказываемъ ничего. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этого правила служить разсужденіе Гейля. Авторъ старается доказать, что отецъ исторіи вовсе не пользовался сочиненіями своихъ предшественниковъ и современниковъ, что, слѣдовательно, все повѣствованіе Геродота во всѣхъ своихъ частяхъ есть результатъ личныхъ наблюденій историка и непосредственныхъ разспросовъ свидѣтелей. Видимое исключеніе представляетъ Гекатей, и то въ единственномъ мѣстѣ (VI, 137), гдѣ приводится разказъ милетскаго прозанка о поселеніи пеласговъ въ Аоніяхъ. Въ остальныхъ случаяхъ, хотя и показывающихъ знакомство Геродота съ Гекатеемъ, первый только направляетъ послѣдняго. По обзорѣ всѣхъ логографовъ, извѣстныхъ намъ по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ или только по названіямъ сочиненій ихъ, Гейль заключаетъ, что логографы не были источниками Геродота; даже заимствованіе изъ Гекатея оказывается только предположеніемъ, догадкою ¹⁾. Мы знаемъ, что Сейсъ и Панофскій держатся противоположнаго взгляда на отношенія Геродота къ предшественникамъ; но не эти только ученые расходятся съ нашимъ авторомъ: онъ имѣетъ противъ себя Мюллера, Клаузена, Гахтмана, Крейцера, Урликса и др. Въ виду такихъ противниковъ необходимо было занастись сильными доводами; безъ этого всѣ старанія убѣдить читателей въ независимости Геродота отъ предшествовавшей литературы способны только укрѣпить положеніе противной стороны. Такъ именно и вышло въ настоящемъ случаѣ.

Въ своихъ усиліяхъ авторъ руководствуется несомнѣнно добрымъ намѣреніемъ—спасти честь Геродота, какъ историка добросовѣстнаго, обязаннаго всецѣло себѣ самому обиленъ и разносторонностью слѣдѣній, какъ писателя, неповиннаго въ плагиатахъ и утаиваніи литературныхъ источниковъ. Но критикъ впадетъ въ другую крайность, перенося позднѣйшія понятія о плагиатѣ на то древнее время. Дѣло въ томъ, что присутствіе въ Геродотовой исторіи извѣстій, которыя

¹⁾ Vidimus, ut omnium, quae adhuc disceptavimus, summam faciamus, Herodotum nisi duobus locis (II, 143, VI, 137), ubi quae de Hecataeo tradat, ex hoc ipso haurisse videatur, nusquam logographis usum esse fontibus. P. 61.

раньше его были записаны и обнародованы, нисколько не вредитъ славѣ нашего историка, а если онъ не называетъ своихъ источниковъ по именамъ, то это объясняется господствовавшими тогда литературными приемами. Съ другой стороны, трудно допустить, чтобы Геродотъ, во многихъ мѣстахъ сообщающій по нѣскольку вариантовъ одного и того же извѣстія, сталъ пренебрегать тѣмъ или другимъ вариантомъ только потому, что раньше его онъ былъ записанъ какимъ-либо собирателемъ. Засвидѣтельствованная самимъ авторомъ выписка изъ Гекатея (VI, 137) не можетъ считаться исключеніемъ изъ правила, единственнымъ примѣромъ заимствованія изъ литературнаго источника, какъ то желательно доказать Гейлю. Между тѣмъ и извѣстія Гекатея называются у нашего историка τὰ λεγόμενα, то-есть, „то, что говорятъ“. Если Геродотъ изъ всѣхъ предшественниковъ называетъ по имени одного только Гекатея, то причина такого отличія могла быть двоякая: или признанный современниками авторитетъ милетскаго историка, — въ такомъ случаѣ онъ названъ Геродотомъ по тому же мотиву, по какому онъ называетъ Гомера, Симоида, Солона, Эсхила и другихъ поэтовъ, — или же сочиненіе Гекатея шло въ свѣтъ не задолго до Геродота и пока было мало извѣстно публикѣ. Первый изъ этихъ мотивовъ кажется намъ вѣроятнѣе. Гекатей былъ дѣйствительно выдающимся писателемъ, какъ о томъ свидѣлствуетъ слѣдующая характеристика его у Гермогена (De gen. dic., II, 12): „Гекатей милетецъ, у котораго всего больше заимствовалъ Геродотъ, пишетъ ясно и понятно, и языкъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличается рѣдкою прелестью“. Младшій современникъ Гекатея Гераклитъ называетъ его человекомъ замѣчательной учености. Вотъ, по всей вѣроятности, тѣ обстоятельства, которыя побудили Геродота отличить его отъ прочихъ предшественниковъ-прозаиковъ и занести его въ свое повѣствованіе подъ собственнымъ именемъ. Кромѣ Эллады, Гекатей посѣтилъ, какъ можно судить по его отрывкамъ, Египетъ, Персію, Понтъ, Фракію. Ясныя точки соприкосновенія между двумя источниками существуютъ въ сходствѣ, даже тождествѣ извѣстій не только по содержанию, но и по формѣ. Такъ Египетъ называется у Геродота „даромъ Нила“, при чемъ онъ добавляетъ, что опредѣленіе это слышалъ (или вычиталъ) уже раньше (II, 5)¹⁾. Изъ Арріана (Exped. Alex., V, 6,5) мы

¹⁾ У Геродота: δῆλα γὰρ δὴ καὶ μὴ προακούσαντι. Не разъ мы обращали вниманіе на то, что какъ λέγει, λέγουσι и т. п. имѣютъ иногда значеніе: „пишетъ“, „пишутъ“, такъ ἀκούω и под. могутъ означать: „читаю“, „читаетъ“ и пр.

узнаемъ, что точно также называлъ Египетъ и Гекатей (fr. 279). Объ египтянахъ Геродотъ между прочимъ говоритъ, что они питаются хлѣбомъ изъ полбы, называемымъ у нихъ калестисъ (II, 77). У Аевнея мы читаемъ, что то же самое почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говорилъ объ египтянахъ Гекатей (Athen., III, p. 80. X, 447 C. Fragm. Hecat. 289, 290). Кромѣ того, позднѣйшая древность въ лицѣ Гермогена и Порфирія устанавливала категорически литературную зависимость отца исторіи отъ Гекатея; мнѣніе это перешло и къ Свидѣ. Порфирій (Euseb. praer. evang. X, 3, p. 166 В. Изд. Нейне), замѣчая, что Геродотъ во второй книгѣ многое заимствовалъ отъ милетянина Гекатея, перечисляетъ дальше и тѣ предметы, извѣстія о которыхъ у Геродота составляютъ плагиатъ, именно: птица фениксъ, гиппопотамъ и охота на кроликовъ, то-есть, II, 70—71, 73.

Какъ же поступаетъ нашъ критикъ для того, чтобъ ослабить значеніе всѣхъ этихъ данныхъ? Онъ ищетъ убѣжища въ догадкѣ, что не Геродотъ заимствовалъ нѣкоторые выраженія и извѣстія отъ Гекатея, но что сравнительно рано сочиненія послѣдняго приняли въ себя не мало вставокъ изъ Геродота, и вставки эти позднѣйшимъ драматиками и комъ пияторами сочтены были за литературную собственность Гекатея, похищенную Геродотомъ. Какъ видитъ читатель, критику повнадобилось крайнее средство, въ которомъ вовсе не нуждается имя Геродота ¹⁾. Указаніе критика на то, что между Геродотомъ и удѣлявшими отрывками Гекатея можно отмѣтить больше пунктовъ разногласія, нежели сходства, что въ Геродотовомъ повѣствованіи есть не мало мѣстъ, свидѣтельствующихъ о критическомъ отношеніи нашего историка къ предшественнику,—эго указаніе не отнимаетъ силы выраженій, общихъ обоимъ историкамъ, и у наблюденій, сдѣланныхъ Гермогеномъ и Порфиріемъ. Столь же не убѣдительно и замѣчаніе критика, что писатели эти могли ошибиться (стр. 21); возможность ошибки и самая ошибка—дѣйствительно.

Точно также рассуждаетъ критикъ и объ отношеніи Геродота къ Ксанѣу лидянину (стр. 27 сл.). Аевней (XII, p. 515) сохранилъ свидѣтельство Ефора, что Ксанѣъ былъ старше Геродота, и что Геродотъ кое въ чемъ отправлялся отъ того, что находилъ у Ксанѣа (Ἐφορος ὁ συγγραφεὺς μνημονεύει αὐτοῦ, то-есть, ο Κσανεὺς, ὃς παλαιότερου ὄντος καὶ Ἠρόδοτου τὰς ἀφορμὰς δεδωκότος). „Какъ ни великъ авторитетъ

¹⁾ Persuasi mihi non Herodotum locos, quos dicimus, ex Hecataeo delibasse, sed e contrario interpolatores eos ex illo in huius libros inseruisse. P. 21. Ср. стр. 11 сл., 24, 33.

Ефора", говоритъ критикъ, —, но онъ могъ заблуждаться въ столь сомнительномъ дѣлѣ" (стр. 29). Гораздо важнѣе крайняя малочисленность пунктовъ соприкосновенія въ содержаніи извѣстій и въ именахъ между Геродотомъ и уцѣлѣвшими отрывками Ксанова, съ одной стороны, и съ другой — множество случаевъ разногласія между двумя писателями. Вѣроятнѣе всего, что, какъ говоритъ и Ефоръ, сборникъ Ксанова давалъ только отправные пункты Геродоту, что не мѣшало этому послѣднему оставаться самостоятельнымъ изыскателемъ тѣхъ же предметовъ.

Если Геродотъ зналъ Кадма, какъ утверждаетъ и Гейль, что же могло мѣшать ему пользоваться трудомъ предшественника въ тѣхъ частяхъ исторіи, которыя касаются Милета и іонійскихъ дѣлъ вообще? (стр. 52). Отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ у критика; не рѣшается вопросъ въ томъ или иномъ смыслѣ и имѣющимся у насъ слишкомъ скуднымъ матеріаломъ. Рѣшать вопросъ отрицательно, какъ дѣлаетъ Гейль, у насъ нѣтъ основаній. О Гелланикѣ Лесбійскомъ критикъ могъ бы не гозорить вовсе, такъ какъ есть большая вѣроятность, что историкъ этотъ писалъ послѣ Геродота, а не раньше его. Но за то, если критикъ допускаетъ (стр. 42), что сочиненія Харона Лампсакскаго были въ рукахъ у Геродота (*in manibus habuisse debeat*, стр. 42), то ему слѣдовало признать и возможность заимствованій изъ сочиненій извѣстныхъ. Ссылка Гейля на VI, 37, гдѣ Геродотъ не упоминаетъ о древнемъ наименованіи Лампсака Питиуссою, то-есть, „изобилующею соснами" (*Char., fr. 6, Strab., p. 589*) и потому не понимаетъ смысла угрозы Ксеркса, ничего еще не доказываетъ: Геродотъ могъ по чему бы то ни было оставить безъ вниманія эту связь угрозы съ прежнимъ названіемъ города.

Оставаясь на дальнѣйшихъ частностяхъ труда Гейля мы не считаемъ нужнымъ, такъ какъ вездѣ повторяются тѣ же приемы и основныя положенія. Частное замѣчаніе Геродота о томъ, что онъ не станетъ объяснять, какииъ образомъ египтяне получили царскую власть надъ дорьянами (VI, 55), Гейль черезчуръ обобщаетъ и возводитъ это замѣчаніе въ правило, отъ котораго Геродотъ и не уклонялся (стр. 5, 61). Но критику слѣдовало бы принять во вниманіе и другія мѣста Геродотовой исторіи, хотя бы VI, 137, гдѣ тотъ же Геродотъ передаетъ слова Гекатея о пеласгахъ, а также II, 147, гдѣ нашъ историкъ передаетъ объ египтянахъ не только то, что они говорятъ о себѣ сами, но и то, что разказывается другими народами, потомъ VI, 55, передаетъ общезвѣстные у еллиновъ раз-

казы и пр. Вообще одно изъ достоинствъ труда Геродота состоитъ именно въ томъ, что онъ сообщаетъ множество вариантовъ, не стѣсняясь хотя бы и большою извѣстностью нѣкоторыхъ изъ нихъ у своихъ современниковъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить подробное разсмотрѣніе басни объ Еленѣ и Менелая, обработанной Гомеромъ и кикликами (II, 112 сл.). Потомъ, критикъ поспѣшно принимаетъ положеніе Rogge, будто слова ἐ; ἐμὲ, μέχρη ἐμαῖ — „до меня“, „до моего времени“ — всегда обозначаютъ у Геродота такіе мѣста или предметы, которые онъ видѣлъ самъ (Rogge, Die Logographen u. Herodot. въ Literarhistor. Taschenb. ed. Prutz. 1847, стр. 124). Гораздо вѣрнѣе, но не въ этомъ смыслѣ объясняются эти выраженія Гильдебрандтомъ въ изслѣдованіи De itineribus Herodoti Europaeis et Africae. Lips. 1883, стр. 74 сл. Далѣе, критикъ вовсе не обращаетъ вниманія на манеру древне-еллинскихъ историковъ, позволявшую имъ передавать отъ своего лица и такія извѣстія безъ указанія источника или свидѣтеля, которыя историкъ сообщалъ со словъ другихъ, устныхъ ли то, или записанныхъ. Не принимаетъ критикъ во вниманіе и того, что Геродотовскія выраженія „говорить“, „слышалъ“ и т. п. не всегда означаютъ устное показаніе свидѣтеля; они относятся и къ письменнымъ источникамъ. Наконецъ, напрасно критикъ настаиваетъ на разногласіяхъ между Геродотомъ и уцѣлѣвшими фрагментами его предшественниковъ. Разногласія эти свидѣлствуютъ только, что отецъ исторіи не довольствовался матеріаломъ, уже раньше его записаннымъ, но они не исключаютъ заимствованій отъ тѣхъ самыхъ предшественниковъ; близость Геродотовыхъ извѣстій не по содержанію только, но и по формѣ, къ тѣмъ, какія мы находимъ въ фрагментахъ его предшественниковъ показываетъ, что Геродотъ не пренебрегалъ и письменными источниками. Что касается умолчанія именъ прозаиковъ, за исключеніемъ Гекатея, то винить за это Геродота значило бы обязывать древняго писателя къ соблюденію литературныхъ нравовъ и правилъ гораздо болѣе поздняго времени.

Однако, въ диссертациі Гейля читатель найдетъ не мало цѣнныхъ критическихъ замѣчаній по поводу новыхъ спеціальныхъ изслѣдованій въ области древнѣйшей историографіи. Замѣчанія критика лишній разъ напоминаютъ о необходимости осторожности въ рѣшеніи вопросовъ темныхъ при крайней недостаточности матеріала.

Ф. Мищенко.

Θ. И. Успенскій. Византійскія землемѣры. Одесса. 1888.

Θ. И. Успенскій, какъ извѣстно читателямъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, давно трудится надъ исторіею византійскаго землевладѣнія и успѣлъ выяснить не мало сторонъ византійскаго повземельнаго устройства. Моя статья можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ, какъ много сдѣлано этимъ неутомимымъ и талантливымъ изслѣдователемъ; возраженія мои будутъ основаны исключительно на матеріалахъ, впервые напечатанныхъ Θ. И. Успенскимъ и на его же прекрасныхъ изслѣдованіяхъ.

Въ Трудахъ VI археологическаго съѣзда Θ. И. Успенскій напечаталъ нѣсколько отрывковъ, извлеченныхъ изъ ватиканскихъ, парижскихъ и вѣнскихъ рукописей, появляющихся въ печати въ первый разъ и представляющихъ новыя и чрезвычайно интересныя данныя. Отрывки снабжены русскимъ переводомъ и обширнымъ комментариемъ. Эта же статья существуетъ и въ отдѣльныхъ оттискахъ, и въ такомъ именно видѣ подала поводъ къ настоящей замѣткѣ.

Главные результаты изъ наблюденій по исторіи сельскаго хозяйства, какъ назвалъ авторъ свою работу, сводятся къ слѣдующему: 1) Мы знаемъ теперь самымъ точнымъ образомъ величину византійскаго модія. 2) Знаемъ, что въ Византійской имперіи земля дѣлилась по качеству на три категоріи, лучшую, среднюю и худшую; прежде мы только предполагали это по аналогіи съ порядками Римской имперіи, но положительныхъ свѣдѣній не имѣли. 3) Имѣемъ новыя данныя для опредѣленія цѣны на землю. 4) Узнаемъ кое-что новое объ организаціи зевгаря.

Я выразился о зевгарѣ такъ неопредѣленно, потому что никакъ не могу согласиться съ комментариемъ Θ. И. Успенскаго къ третьему самому важному изъ изданныхъ имъ отрывковъ, озаглавленному „Организація зевгаря“ (стр. 31—48 отд. оттиска). Главный выводъ, къ которому приходитъ почтенный изслѣдователь, выраженъ имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Практически зевгаремъ записывался такой земельный крестьянскій надѣлъ, который оцѣнивался свѣдущими людьми, по соображенію качествъ земли, въ 60 перверовъ“. По моему мнѣнію, къ такому выводу никакъ нельзя придти на основаніи отрывка, напечатаннаго въ „Византійскихъ землемѣрахъ“, а также на основаніи прежде извѣстныхъ данныхъ.

Для того, чтобы читатели могли слѣдить за ходомъ моихъ доказательствъ, мнѣ необходимо выписать послѣднюю часть 3-го отрывка,

имѣющаго: заглавіе „Επιτηρεία εἰς ἀποκοπὴν ψωμίων τῆς κατωμαρίας, въ переводѣ издателя „Толкованіе на снятіе дробей въ равной мѣстности“¹⁾).

„Опиши зевгаратовъ²⁾ и одноволовыхъ, и пѣшихъ“, говоритъ анонимный авторъ отрывка, — и описавъ сложи число ихъ. Опиши и всю землю этого мѣстечка — сколько есть модіевъ. Потомъ отдѣли на зевгаръ 40 модіевъ, на имѣющихъ одного вола (иначе: воидатъ) по 30 модіевъ, на пѣшаго 20 модіевъ, и считанъ такъ: зевгаръ—60 перперовъ, одноволовый—49 перп., пѣшій—20 перп. Остальную же землю, какая останется за надѣломъ ихъ, считать по выше объяснен-

¹⁾ Словами „равная мѣстность“ Ф. М. Успенскій переводитъ греческое κατωμαρία и говоритъ объ этомъ словѣ на стр. 33: „Смыслъ ясенъ, но употребленіе слова κατωμαρία въ значеніи низины или равнины совсѣмъ неизвѣстно въ древнемъ языкѣ (а также и въ новомъ — добавлю отъ себя); очевидно, это слово новаго образованія“. Но слово κατωμαρία весьма сомнительное, и позволительно думать, что это ошибка переписчика, такъ какъ образованіе существительныхъ съ κατω представляетъ рѣдкое исключеніе. Во всякомъ случаѣ едва ли можно переводить κατωμαρία русскимъ „низина“. Это загадочное слово встрѣчается два раза въ отрывкѣ, напечатанномъ Ф. И. Успенскимъ. Въ одномъ мѣстѣ читается: εἰς δὲ τὴν ὀμαλὴν τῆν καὶ κατωμαρίαν ὄλην ὀφείλει ποιεῖν ὀτως, что издатель перевелъ: „ровная мѣстности и низины считаются такъ“. Но еслибъ авторъ далъ себѣ трудъ перевести эту фразу буквально и не пропустилъ ὄλην, онъ замѣтилъ бы, что его переводъ не удовлетворителенъ; пришлось бы сказать: „въ равной мѣстности и во всѣхъ низинахъ слѣдуетъ дѣлать такъ“. Переводъ вышелъ бы довольно бессмысленный, потому что спрашивается: что же надо дѣлать? Очевидно, при глаголѣ ποιεῖν требуется дополненіе, и нельзя не видѣть дополненія въ κατωμαρίαν. А если это такъ, то и κατωμαρία не можетъ значить „низина“. Скорѣе надо предполагать тутъ ошибку переписчика и думать, что вмѣсто κατω первоначально стояло κατὰ; нѣтъ κατὰ μέρος могло образоваться κατωμαρεία (хотя и это слово до сихъ поръ не встрѣчалось), могущее означать раздѣлъ, а затѣмъ можетъ быть и расчетъ. При такомъ предположеніи приведенная фраза давала бы ясный смыслъ: „а въ равной мѣстности весь расчетъ слѣдуетъ вести такъ“. Второе мѣсто, гдѣ встрѣчается κατωμαρία, то, къ которому сдѣлано настоящее примѣчаніе, Ф. И. Успенскій переводитъ произвольно: „въ равной мѣстности“, тогда по гречески сказано было бы εἰς τὴν κατωμαρίαν соотвѣственно съ предъидущимъ εἰς τὴν ὀμαλὴν. Очевидно, что родительный τῆς κατωμαρίας зависитъ отъ ψωμίων, и здѣсь опять-таки κατωμαρία не можетъ значить „низина“, ибо никакъ нельзя ни думать, ни сказать, что десятая доля скидывалась съ низины.

²⁾ Издатель принимаетъ здѣсь зевгаратъ за одушевленный предметъ, разумна, вѣроятно, владѣльца зевгара. Хотя по гречески написано ζευγαράτοι, а не ζευγαράτα, но изъ того, что ниже говорится 11^{1/2} ζευγαράτους, и нѣсколькими строками дальше тѣ же зевгараты называются ζευγαράτα, видно, что авторъ отрывка не дѣлаетъ разницы между мужскимъ и среднимъ родомъ. Далѣе Ф. И. Успенскій вседѣ переводитъ зевгаръ, хотя по гречески вседѣ написано зевгаратъ.

ному: орошаемую землю (или 1-го качества) на 1 перперъ $1\frac{3}{4}$ модія, воздѣлываемую (или 2-го качества) на 1 перперъ $3\frac{1}{2}$ модія, пастбищную ¹⁾ (или 3-го качества) на 1 перперъ 7 модіевъ. Представимъ это на слѣдующемъ примѣрѣ: Пусть будетъ дано въ помѣстьи зевгарей $11\frac{1}{2}$ и земли 1497 модіевъ, то-есть, 2-го качества 1367 модіевъ и пастбищной 130 модіевъ. За $11\frac{1}{2}$ зевгарей и за 470 модіевъ земли перперовъ 700. За остальную землю 897 модіевъ перперовъ 256, кокиевъ 6. За 130 модіевъ пастбищной земли перперовъ 18, кокиевъ 13. Всего перперовъ $974\frac{3}{4}$. За скидкой одной десятой доли остается 877 перперовъ²⁾.

Весь отрывокъ, какъ справедливо замѣтилъ $\Theta.$ И. Успенскій, не имѣетъ за собою officialнаго значенія и долженъ быть разсматриваемъ какъ записъ совершенно частнаго характера, пригодная для экономическихъ соображеній сельскаго хозяина. Какой же смыслъ имѣетъ послѣдняя, выписанная мною часть? Смыслъ, кажется, ясенъ: дать руководство помѣщику, какимъ образомъ опредѣлять стоимость имѣнія. Издатель мелькомъ замѣтилъ, что итогъ $974\frac{3}{4}$ и послѣ скидки десятой 877 перперовъ выражаетъ стоимость помѣстья въ $11\frac{1}{2}$ зевгарей (то-есть, 11 зевгарей и 1 вондата) при 1497 модіяхъ земли ³⁾. Но въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается вся суть отрывка, и съ этого нужно начинать критическое его изученіе. Итогъ, къ которому приходитъ авторъ вышеприведеннаго расчета, представляетъ цѣну, по которой помѣщикъ могъ продать имѣніе, и всѣ приводимыя имъ данныя необходимы для опредѣленія этой цѣны.

Въ приведенномъ отрывкѣ имѣются двоякаго рода данныя для опредѣленія стоимости имѣнія: во-первыхъ, стоимость модія земли, во-вторыхъ, стоимость зевгарата, вондата и т. д. (то-есть, крестьянскихъ надѣловъ). Прежде чѣмъ дѣлать какіе-нибудь выводы изъ этихъ данныхъ, надо уяснить себѣ, что разумѣетъ авторъ отрывка подъ зевгаратомъ. „Можно опредѣлить зевгаратъ“, говоритъ $\Theta.$ И. Успенскій въ одной изъ прежнихъ своихъ статей, — „какъ такой участокъ земли,

¹⁾ Словоиъ „пастбищная“ авторъ не совсемъ удачно передаетъ греческое $\chi\epsilon\rho\sigma\alpha\iota\alpha$. Вмѣсто $\chi\epsilon\rho\sigma\alpha\iota\alpha$ лучше читать $\chi\epsilon\rho\sigma\eta$, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ того же отрывка (на стр. 34). $\chi\epsilon\rho\sigma\oslash\sigma$ въ древнемъ и новомъ языкѣ значить не воздѣлываемая, безплодная земля въ противоположность $\epsilon\rho\upsilon\sigma\alpha\sigma\rho\acute{\iota}\nu\eta$. Терминъ $\chi\epsilon\rho\sigma\oslash\sigma$ соответствуетъ $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\theta\epsilon\rho\upsilon\sigma$, $\mu\epsilon\tau\rho\upsilon\beta\eta$; другаго источника (прим. 1 на стр. 34) и всего ближе можетъ быть переданъ нашимъ терминомъ „неудобная земля“.

²⁾ Я сказалъ бы: помѣстья въ 1497 модіевъ при $11\frac{1}{2}$ зевгаратахъ, такъ какъ $11\frac{1}{2}$ зевгаратовъ не составляютъ всего помѣстья.

который занять крестьяниномъ, отбывающимъ опредѣленные подати и повинности, или, что то же, зевгарать соответствуетъ mansus vestitus западно-европейской писцовой книги* (Журн. Мин. Нар. Пр. 1885 г., июль, стр. 17). „Эти зевгараты не могутъ быть объяснены ни въ смыслѣ пары воловъ, ни въ смыслѣ участка земли; они обозначаютъ паричскіе стаи или крестьянскіе дворы“ (тамъ же, стр. 18). Такимъ образомъ, прежде О. И. Успенскій, кажется, справедливо полагалъ, что зевгарать не то же самое что зевгарь. Но если даже допустить, что термины эти могли смѣшиваться, все-таки надо имѣть въ виду слова того же изслѣдователя: „Выраженіе зевгарь съ производными отъ него словами употребляется въ пяти значеніяхъ: пара воловъ, участокъ земли, крестьянскій дворъ въ обширномъ смыслѣ слова, земельная подать и, наконецъ, пахотная земля“ (тамъ же, стр. 25). Въ какомъ же смыслѣ употребляется зевгарать въ нашемъ отрывкѣ въ смыслѣ ли участка земли, или въ смыслѣ крестьянскаго двора? Остальные значенія, очевидно, сюда не подходятъ.

Прежде всего ясно, что еслибы стоимость зевгарата и другихъ крестьянскихъ надѣловъ зависѣла исключительно отъ количества земли, то помѣщику не зачѣмъ было бы высчитывать, сколько у него крестьянскихъ надѣловъ и сколько въ этихъ надѣлахъ модіевъ, а зная все количество земли (въ данномъ примѣрѣ 1367 модіевъ 2-го качества и 130 модіевъ 3-го) и цѣну на землю, онъ могъ бы простымъ умноженіемъ получить требуемый итогъ. На то же обстоятельство указываетъ еще яснѣе слѣдующее соображеніе: если стоимость крестьянскихъ надѣловъ зависитъ исключительно отъ количества земли, то цѣна ихъ должна быть пропорціональна количеству модіевъ, въ нихъ заключающихся, при условіи, что надѣлы состоятъ изъ земли одинаковаго качества. Изъ даннаго примѣра видно, что зевгарать и вондаты состоятъ изъ земли втораго качества, слѣдовательно, мы въ правѣ заключать, что если говорится: въ зевгаратѣ 40 модіевъ, въ вондатѣ 30, въ пѣшемъ надѣлѣ 20, то разумѣется земля одинаковаго качества. Еслибы стоимость крестьянскихъ надѣловъ зависѣла только отъ количества земли, то пропорціи 60:40:20 должна была бы быть равна пропорціи 40:30:20, то-есть, стоимость надѣловъ была бы пропорціональна количеству заключающихся въ нихъ модіевъ. Но стоитъ только взглянуть на эти пропорціи, чтобъ убѣдиться, что онѣ не равны. Итакъ, стоимость крестьянскихъ надѣловъ не пропорціональна количеству земли.

Если стоимость крестьянскихъ надѣловъ не пропорціональна ко-
часть ослх, отд. 2.

личеству заключающихся въ нихъ модіевъ земли, изъ этого слѣдуетъ, что стоимость зевгарата не обуславливается исключительно однимъ факторомъ—цѣною земли, но зависитъ еще отъ какого-то другаго фактора. Найдти этотъ другой факторъ, по моему мнѣнію, не трудно. „Подъ зевгаратами и войдатами“, говоритъ Ѳ. И. Успенскій въ одной изъ прежнихъ статей,—„разумѣются крестьянскія хозяйства, въ составъ которыхъ входятъ дворъ и усадьба, пахотная земля, виноградники или фруктовые сады и разныя принадлежности хозяйства, напримѣръ, рабочей и домашней скотъ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1884 г., февраль, стр. 310). Слѣдовательно, подъ зевгаратомъ въ нашемъ отрывкѣ никакъ нельзя разумѣть участка земли, а цѣнность зевгарата равняется цѣнности земли + цѣнность усадьбы, скота и т. п., то-есть, всего хозяйственнаго инвентаря. Наконецъ, сами крѣпостины (парики) представляли также известнаго рода цѣнность. Изъ формулы „передачи париковъ дукой области стратиоту“, напечатанной въ „Византійскихъ землемѣрахъ“ (стр. 63—64), видно, что одинъ землевладѣлецъ продаетъ другому не только зевгари (земельные надѣлы), но и самихъ крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу: стоимость зевгарата представляетъ сумму стоимостей земельного участка, усадьбы и хозяйственнаго инвентаря, самихъ париковъ; подъ зевгаратомъ надо разумѣть крестьянскій дворъ въ обширномъ смыслѣ слова. Оттого-то и оказывается, что земля, населенная париками, гораздо дороже не населенной. Въ первомъ случаѣ зевгаратъ, имѣющій всего 40 модіевъ, стоитъ 60 иперпировъ, а 40 модіевъ земли лучшаго качества по оцѣнкѣ, приведенной въ нашемъ отрывкѣ, стоили бы всего $22\frac{2}{7}$ иперпиря.

Имѣемъ ли мы право повторять вмѣстѣ съ Ѳ. И. Успенскимъ, что „зевгаремъ записывался такой земельный крестьянскій надѣлъ, который оцѣнивался свѣдущими людьми въ 60 перперовъ“? Ничего подобнаго нѣтъ въ источникѣ, откуда сдѣланъ этотъ выводъ. Впервые, тамъ говорится о зевгаратѣ, крестьянскомъ дворѣ, а не о зевгарѣ, крестьянскомъ надѣлѣ. Въ вторыхъ, сказано, что зевгаратъ стоитъ 60 иперпировъ, иначе—что по этой цѣнѣ можно было продать зевгаратъ; о какой бы то ни было оцѣнкѣ, дѣлаемой свѣдущими людьми, цѣтъ и помину.

Считая свой главный выводъ безспорнымъ, авторъ дѣлаетъ изъ него дальнѣйшіе выводы. Принимая во вниманіе, что зевгаръ оцѣнивался въ 60 перперовъ, а цѣна земли намъ известна, Ѳ. И. Успен-

скій приходитъ къ заключенію: „Если зевгарь квалифицируемъ былъ какъ хозяйственная и податная единица стоимостью въ 60 перперовъ, то реальное количество модіевъ въ зевгарѣ должно было колебаться, судя по качеству почвы между 105 и 420 модіями (то-есть, 1-го и 3-го качества)“. Этотъ выводъ, по моему мнѣнію, вдвойнѣ незаконенъ. Вопервыхъ, авторъ не принялъ во вниманіе, что зевгарать стоитъ 60 перперовъ, не только потому что въ немъ x модіевъ земли но еще потому, что на этой землѣ сидятъ парики, стоитъ усадьба и т. д. Выражаясь математически, авторъ составилъ неправильное уравненіе $ax=60$, гдѣ a извѣстно и x легко можетъ быть найдено. Уравненіе могло быть составлено только неопредѣленное, допускающее нѣсколько рѣшеній: $ax + y = 60$, разумѣя подъ y стоимость остальныхъ факторовъ зевгарата, кромѣ земли. Вторыхъ, въ нашемъ отрывкѣ сказано совершенно ясно, что въ зевгаратѣ 40 модіевъ. Какъ же утверждать, что въ зевгарѣ не можетъ быть меньше 105 модіевъ? Объ этихъ 40 модіяхъ Θ . И. Успенскій говоритъ слѣдующее: „Правда, въ нашемъ отрывкѣ сказано еще, что зевгарать долженъ имѣть 40 модіевъ, но это величина условная, очевидно, зависящая отъ идеальной качественности земли, это исходное количество модіевъ въ организациі зевгаря“ (стр. 39). Сознаюсь, слова эти для меня не вразумительны: я не понимаю, что значитъ условная величина. Въ вышеприведенномъ отрывкѣ 40 модіевъ представляются величиной реальною. Помѣщикъ вычитаетъ изъ общей суммы модіевъ столько разъ 40 модіевъ, сколько у него зевгаратовъ, и такимъ образомъ приходитъ къ весьма реальному выводу о стоимости имѣнія. Почему же мы должны вѣрить, что зевгарать стоитъ 60 перперовъ, и не вѣрить тому же автору, что въ зевгаратѣ 40 модіевъ?

Постараюсь доказать математически, что выводъ Θ . И. Успенскаго неправиленъ. Если изъ аксіомы $a=b$ выведемъ $c=d$, и если путемъ разныхъ математическихъ дѣйствій падъ послѣднимъ равенствомъ можно придти къ выводу, что a больше b , это будетъ доказывать неправилность нашего вывода $c=d$. Признаемъ на время, что выводъ Θ . И. Успенскаго вѣренъ, и посмотримъ, къ какимъ слѣдствіямъ мы должны придти. Если принимать, что зевгаръ есть такой земельный надѣлъ, который оцѣнивался свѣдущими людьми по соображенію качества земли въ 60 перперовъ, то мы должны также принять, что вондатъ такой надѣлъ, который оцѣнивался въ 40 перперовъ, а пѣшій — въ 20 перперовъ. Если въ зевгарѣ, по мнѣнію Θ . И. Успенскаго, 105 модіевъ земля лучшаго качества, то въ вондатѣ 70 модіевъ, въ

пѣшемъ 35 модіевъ, или втораго качества 210, 140, 170. Слѣдовательно, отношеніе между зевгаремъ, вондатомъ и пѣшимъ надѣломъ 105 : 70 : 35 или 3 : 2 : 1; а въ источникѣ, на основаніи котораго сдѣланъ этотъ выводъ, сказано, что количество земли въ крестьянскихъ надѣлахъ относится какъ 4 : 3 : 2. По мнѣнію Ѳ. И. Успенскаго, зевгарать имѣлъ земли втрое больше противъ пѣшаго надѣла, а вондаты вдвое больше; а въ источникѣ, на которомъ онъ основываетъ свой выводъ, читаемъ, что въ зевгаратѣ вдвое больше противъ пѣшаго надѣла, а въ вондаты въ полтора раза. Принявъ выводъ автора, мы выдаемъ въ противорѣчіе съ тѣми данными, на которыхъ этотъ выводъ основывается; приходится отвергнуть не только тотъ фактъ, что зевгарь могъ имѣть 40 модіевъ, но и относительную величину крестьянскихъ надѣловъ, на что историческая критика не даетъ намъ никакого права. Мнѣ кажется, мы должны или заподозрить весь источникъ, или принимать всѣ его данныя.

Мы имѣли бы, конечно, пѣкоторое право принимать одно, отвергать другое, еслибъ отвергаемое противорѣчило другимъ извѣстнымъ намъ даннымъ, извлеченнымъ, напримѣръ, изъ официальныхъ документовъ, имѣющихъ большую степень достовѣрности, чѣмъ вышеприведенный отрывокъ, представляющій только частную запись помѣщика. Но я не вижу противорѣчія нашего отрывка съ другими источниками. „Главнѣйшій камень преткновенія“, говоритъ Ѳ. И. Успенскій, — „заключается въ томъ, что здѣсь прямо утверждается, будто зевгарь есть надѣлъ въ 40 модіевъ, такъ какъ только эти 40 модіевъ идутъ въ счетъ при классификаціи зевгаря, какъ хозяйственной единицы въ 60 перперовъ. Если давать вѣру этому положенію, то оно прежде всего оказалось бы въ противорѣчіи съ другими источниками по византійскому землевладенію и лишило бы всякаго значенія вопросъ о качественности земли до организаціи крестьянскаго надѣла. Но допустить это значило бы снова погрузиться въ непроницаемый мракъ“. Съ этими словами никакъ согласиться не могу. Теперь, когда изданы византійскіе землемѣры, мы уже никакъ не можемъ сомнѣваться, что земля дѣлилась въ Византіи по качеству на три категоріи, и несомнѣнно, качество земли принималось въ расчетъ при надѣленіи крестьянъ землею. Но нашъ отрывокъ нисколько этому не противорѣчитъ, если не придавать ему слишкомъ общаго значенія. Не надо забывать, что намъ неизвѣстно ни время составленія нашего отрывка, ни мѣсто, гдѣ онъ былъ написанъ. Очень вѣроятно, что анонимный авторъ имѣлъ въ виду только сосѣднихъ

помѣщиковъ; можетъ быть, онъ написалъ свои замѣтки для руководства сыновьямъ; во всякомъ случаѣ онъ говоритъ только объ условіяхъ, существовавшихъ въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ. Поэтому мы только и можемъ сказать, что въ нѣкоторое время и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ полный крестьянскій надѣлъ состоялъ изъ 40 модіевъ земли втораго качества. Это не значитъ погружаться въ непроницаемый мракъ, потому что на основаніи нашего отрывка нельзя утверждать, что всегда и вездѣ на крестьянскій надѣлъ отбиралось 40 модіевъ земли, какого бы качества она ни была.

Представляетъ ли надѣлъ въ 40 модіевъ что-нибудь чрезвычайное, не находящее себѣ соотвѣтствія въ другихъ источникахъ? Изъ прежнихъ изслѣдованій *Θ. И. Успенскаго* видно, что крестьянскіе надѣлы были разные; всего больше земли имѣли государственные крестьяне, меньше церковные, всего меньше помѣщичьи. Изъ Хилапдарской писцовой книги, изданной тѣмъ же неутомимымъ изслѣдователемъ, видно, что въ селѣ Градцѣ церковный зевгарь равнялся $74\frac{1}{6}$ модія, а провіарскій (то-есть, надѣла помѣщичьихъ крестьянъ) $43\frac{8}{10}$ модія. Всего замѣчательнѣе то, что авторъ привелъ эти свѣдѣнія въ „Византійскихъ землемѣрахъ“ и въ то же время утверждаетъ, что зевгарь не могъ быть меньше 105 модіевъ. 43 модія въ селѣ Градцѣ и 40 модіевъ въ приведенномъ выше отрывкѣ такъ близко подходят другъ къ другу, что надѣлъ въ 40 модіевъ представляется довольно обыкновеннымъ, и не зачѣмъ предполагать въ 40 модіяхъ какую-то условную величину. Такимъ образомъ выводъ *Θ. И. Успенскаго*, а не изданный имъ отрывокъ, противорѣчитъ остальнымъ намъ известнымъ источникамъ и его же собственнымъ изслѣдованіямъ¹⁾.

На основаніи третьяго отрывка, напечатаннаго въ „Византійскихъ землемѣрахъ“, можно, по моему мнѣнію, придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Земля по качеству дѣлилась на три разряда: лучшую, среднюю, худшую.

---

¹⁾ *Θ. И. Успенскій* повторилъ свои главнѣйшіе выводы на страницахъ *Ж. М. Н. Пр.* (октябрь 1888 г.). Но непонятно, какимъ образомъ онъ на стр. 255 говоритъ: „Какъ сейчасъ было заключено, зевгарь или полный крестьянскій надѣлъ замѣтнаго домохозяина, за которымъ числилось бы только 40 модіевъ пахотной земли, есть явленіе безпримѣрное, не имѣющее для себя оправданія въ источникахъ по византійскому землевладѣнію“, а на слѣдующей страницѣ пишетъ какъ разъ противоположное: „помѣщики села Градца считали тоже на зевгарь немногимъ больше 40 модіевъ“.

2) Модій земли 1-го качества стоилъ $\frac{4}{7}$ иперпера или номизмы, 2-го качества— $\frac{2}{7}$ номизмы, 3-го качества— $\frac{1}{7}$ номизмы. Однако не слѣдуетъ думать, что во все время существованія Византійской имперіи и во всѣхъ мѣстностяхъ цѣна на землю была одна. Изъ геометрической статьи, напечатанной въ первый разъ въ тѣхъ же „Византійскихъ землемѣрахъ“, узнаемъ, что модій земли 1-го качества стоилъ 1 номизму, 2-го качества— $\frac{1}{2}$ номизмы, 3-го качества— $\frac{1}{3}$ номизмы. Въ обоихъ источникахъ не только не сходится абсолютная цѣна на землю, но и относительная. Въ первомъ случаѣ земля 1-го качества цѣнится вдвое дороже земли втораго качества, а послѣдняя вдвое дороже земли 3-го качества; во второмъ случаѣ земля 1-го качества также вдвое дороже земли втораго качества, но послѣдняя въ полтора раза дороже земли 3-го качества ¹⁾).

3) Въ зевгарѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было 40 модіевъ земли втораго качества.

4) Зевгаратъ (крестьянскій дворъ въ обширномъ смыслѣ слова) стоилъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ 60 номизмъ.

III. Безобразіе.

Act. Kaluzniacki. MONUMENTA LINGVAE PALAEOSLOVENICAE. Tom. I: Evangeliarium Putnanum. Wien u. Teschen. 1888.

Профессоръ славяновѣдѣнія въ Черновенкомъ университетѣ, докторъ Эменъ Калужняцкій, извѣстный своими трудами въ области древне-славянской и старо-польской письменности, предполагая начать рядъ изданій доселѣ еще не опубликованныхъ древне-славянскихъ текстовъ, въ этомъ первомъ, недавно вышедшемъ выпускѣ помѣщаетъ Евангеліе-пиракось, входящее въ настоящее время въ базилианскомъ монастырѣ Путна на Буковинѣ. По описанію профессора Калужняцкаго, Путенское Евангеліе по палеографическимъ даннымъ относится къ концу XIII или первой половинѣ XIV вѣка. Евангеліе писано на довольно хорошемъ, особенно въ началѣ, пергаменѣ, носящемъ однако явные слѣды частаго употребленія, и заключаетъ въ себѣ въ настоящее время 146 листовъ, каждый листъ около 7—10

¹⁾ Поэтому О. И. Успенскій не правъ говоря: „Указанная геометрическая пропорція качественности къ цѣнности соблюдалась, по видимому, всегда, земля 1-го качества вдвое дороже земли 2-го качества, а земля 3-го качества вдвое дешевле земли 2-го качества“ (*Ж. М. Н. Пр.* 1888 г. октябрь, стр. 249).

двоймовъ. Въ первоначальномъ видѣ рукопись должна была состоять не менѣе, чѣмъ изъ 151 листа. Въ ней ясно различаются три почерка: первымъ написаны листы 1—48, вторымъ 49—146, третьимъ листы 65-б, 66-а и двѣ строки на листѣ 81-б. Первые два почерка относятся къ одному и тому же времени (XIII—XIV вв.), третій значительно позже.

Не смотря на довольно позднее происхожденіе, Путенское Евангеліе представляетъ весьма важныя данныя, какъ для собственно древне-славянской письменности, такъ въ особенности для исторіи памятниковъ русской редакціи. Прежде всего любопытно то обстоятельство, что, не смотря на очевидныя слѣды русскаго языка и позднее время написанія, это Евангеліе по многимъ особенностямъ относится не къ той редакціи, древнѣйшимъ представителемъ которой является Остромирово Евангеліе, а должно быть сближено съ такъ называемыми юго-славянскими, паннонскими памятниками, редакція которыхъ весьма многими учеными считается болѣе близкою ко времени перевода Кирилла и Меѳодія. Наибольшее сходство Путенское Евангеліе представляетъ съ глаголическимъ Ассеманевымъ Евангеліемъ, а преимущественно съ кирилловскимъ Саввинымъ.

Къ такимъ особенностямъ слѣдуетъ отнести: 1) частое употребленіе *е, жс, ѱ*, вмѣсто *к, з, ѱ*; 2) нѣкоторыя остатки старыхъ формъ аориста и прошедшаго переходящаго (прійдоу-шь, рѣхъ, рѣсте, подобашъ, башета, вѣдшета, течашета и др.); 3) встрѣчающіяся иногда не переведенныя греческія слова и нѣкоторыя славянскія, считающіяся исключительно свойственными паннонскимъ памятникамъ; 4) нѣкоторыя особенности перевода и даже ошибки, общія Евангелію Путенскому и паннонскимъ текстамъ.

Для объясненія того, какимъ образомъ въ основу Путенскаго Евангелія могъ лечь памятникъ паннонской редакціи, профессоръ Калужняцкій дѣлаетъ предположеніе, что подобнаго рода рукопись паннонской редакціи могла быть занесена въ южно-русскія области непосредственно изъ Моравіи, благодаря близости къ ней южно-русской окраины, часть которой входила въ составъ державы Святополка Моравскаго, при чемъ связи этихъ русскихъ земель съ Моравіей не прекращались и послѣ мадьярскаго погрома. Подобнаго рода паннонско-моравская рукопись и могла породить такіе тексты, образцы которыхъ мы видимъ въ Путенскомъ Евангеліи.

Еще болѣе интереснымъ является Путенское Евангеліе по явнымъ слѣдамъ малорусскаго нарѣчія, положившаго свой отпечатокъ

на немъ въ большей степени, чѣмъ на Евангеліи Галицкомъ. Такими, довольно многочисленными, малорусскими особенностями профессоръ Калужняцкій считаетъ: 1) замѣну древне-славянскаго *e* чрезъ *ъ* и *и* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ нынѣшнемъ малорусскомъ нарѣчій *e* переходитъ въ *i*, то-есть, въ слогахъ, въ которыхъ *e*, является между двумя согласными: нѣць, сръбра, нестроиыа, сильныхъ (вмѣсто сельныхъ), андрѣй, камѣнь, свѣдѣтьль, также въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа мужскаго и средняго рода мѣстоименій *и*, *сь*, *чь*, *всь*, мой, твой, нашъ, вашъ; 2) замѣну въ подобныхъ случаяхъ *o* чрезъ *ю*; на это есть одинъ только примѣръ, да и то очень сомнительный: ехнью (вмѣсто *ю*хоню); 3) смѣшеніе *и* съ *ъ*: дщеры, левгыты, паки, погибнетъ; 4) замѣну *ъ* чрезъ *оу*: оу домъ, оудовица; 5) родительный падежъ единственнаго числа, именительный и винительный множественнаго числа основъ на *ја*, принимающій окончаніе *ъ* и *и*; родительный падежъ единственнаго числа: вечери, доушѣ; именительный падежъ множественнаго числа: лисицѣ; винительный падежъ множественнаго числа: темници; 6) именительный падежъ двойственнаго числа и винительный падежъ множественнаго числа основъ на *ъ* (= *ъ*) съ окончаніемъ *и*: именительный падежъ двойственнаго числа: свѣдѣтеля; винительный падежъ множественнаго числа: мѣсаці; 7) слова пакъ (вмѣсто пакы) и боукакъ (вмѣсто боуки), употребляющіяся доселѣ въ малорусскомъ нарѣчій.

На основаніи этихъ особенностей и сходства съ Галицкимъ Евангеліемъ Путенское Евангеліе также должно было быть написано въ предѣлахъ распространенія малорусскаго нарѣчій, и именно въ Галичинѣ или въ западной части Волыни (но не въ Киевѣ, гдѣ точнѣе переписывались древне-славянскіе памятники и менѣе давалось мѣста народному говору).

По поводу вліянія малорусскаго нарѣчій на древне-славянскій текстъ въ Путенскомъ Евангеліи профессоръ Калужняцкій дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній по вопросу объ отношеніи малорусскаго нарѣчій къ великорусскому и бѣлорусскому. Онъ совершенно отрицаетъ возможность выдѣленія малорусскаго нарѣчій въ особый малорусскій языкъ; основными особенностями малорусскаго нарѣчій сравнительно съ великорусскимъ (къ которому профессоръ Калужняцкій относитъ и бѣлорусскіе говоры) могутъ быть признаны, по его мнѣнію, только слѣдующія: 1) переходъ въ извѣстныхъ случаяхъ *o* и *e* въ *i*; 2) проиязновеніе *и* какъ *ъ*; 3) отсутствіе перехода *e* въ мягкое *e* и перехода *o* въ *a*; 4) сохранившееся смягченіе гортанныхъ при скло-

неніи. Остальныя особенности малорусскаго нарѣчія, такъ тщательно приискиваемые и выставляемые сторонниками теоріи самостоятельнаго малорусскаго, южно-русскаго, русскаго языка, или встрѣчаются и въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ, или свойственны лишь отдѣльнымъ поднарѣчіямъ и говорамъ малорусскимъ, а не всему нарѣчію въ цѣломъ его объемѣ.

Мы особенно остановились на этихъ общихъ замѣчаніяхъ профессора Калужняцкаго не только потому, что мнѣніе знатока, специалиста весьма важно по отношенію къ такому и теперь часто поднимаемому вопросу, но еще въ виду нѣкоторыхъ мѣстныхъ условій. На Буковинѣ (какъ и вообще у австрійскихъ русскихъ), преимущественно въ послѣднее время, особенно усилилось такъ-называемое украинофильство, имѣющее теперь своихъ представителей въ самомъ Черновецкомъ университетѣ, правда, представителей довольно юныхъ и ничего цѣльнаго къ научному отношенію доселѣ не представившихъ, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ большое вліяніе въ мѣстномъ обществѣ и, главное, среди буковинской русской молодежи. Было бы весьма желательнымъ, чтобы выводы извѣстнаго профессора и строгаго ученаго оказали отрезвляющее дѣйствіе и ослабили бы украинофильское направленіе въ наукѣ, направленіе, вытекающее въ сущности изъ соображеній ничего общаго съ наукой не имѣющихъ.

Въ заключеніе нашего краткаго отчета объ этомъ новомъ и цѣнномъ вкладѣ въ науку славяновѣдѣнія, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшности книги. Памятникъ изданъ весьма тщательно, хотя кое-гдѣ и встрѣчаются очевидныя опечатки; тексту рукописи предпослано обширное введеніе (на латинскомъ языкѣ), обстоятельно характеризующее особенности Путенскаго Евангелія; подъ текстомъ Евангелія помѣщены варианты изъ Евангелій Ассеманіева, Остромирова, Архангельскаго и Туровскаго; въ концѣ приложены указатели наиболѣе замѣчательныхъ словъ славянскихъ и иностранныхъ и, наконецъ, три палеографическія снимка для характеристики трехъ почерковъ рукописи.

Къ сожалѣнію, сильнымъ препятствіемъ къ распространенію труда профессора Калужняцкаго среди лицъ, интересующихся славяно-русскою лингвистикой, должна послужить весьма высокая цѣна книги (12 гульд.) за небольшой томъ въ 8-ку, назначенная ея издателемъ К. Прохазкой; у рижскаго книгопродавца Киммеля, конечно по—ошибкѣ, она увеличена до 12 рублей.

А. Истромъ.

Новый журналъ по фонетикѣ.

PHONETISCHE STUDIEN. Zeitschrift für wissenschaftliche und praktische Phonetik mit besonderer Rücksicht auf den Unterricht in der Aussprache... Herausgegeben von W. Victor. Drei Hefte. Marburg in Hessen. 1887—1888.

Новое лингвистическое повременное изданіе посвящено исключительно фонетикѣ, и притомъ не только теоретической, но и практической. Журналъ предполагаетъ послужить дѣлу разработки не только обще-фонетическихъ вопросовъ, но обратить также вниманіе на практическую фонетику новыхъ языковъ, нѣмецкаго, англійскаго, французскаго и др., то-есть, на произношеніе индивидуальное, мѣстное, провинціальное нарѣчій, на исторію произношенія, на статистику произношенія, на методику наученія правильному выговору новыхъ языковъ. По вышедшимъ первымъ тремъ книжкамъ можно ожидать, что содержанія журнала заинтересуетъ специалистовъ.

Спеціальныи органъ фонетики, кромѣ болѣе или менѣе обширныхъ статей, общааетъ тоже слѣдить за текущею литературой по фонетикѣ. Составъ первыхъ тетрадей вполне оправдалъ эти общанія. Здѣсь есть и большія статьи весьма содержательныя и рядъ мелкихъ замѣтальныхъ замѣтокъ, а также нѣсколько толково составленныхъ рецензій. Изъ большихъ статей обращаютъ на себя вниманіе двѣ: „Die Phonetik als Universitätsfach“ и „Der Anfangsunterricht im englischen auf lautlicher Grundlage“. Обѣ статьи интересны, потому что весьма опредѣленно намѣчаютъ то, къ чему стремятся очень многіе соврменные фонетисты въ университетѣ и въ средней школѣ, и въ нихъ въ то же время какъ бы излагается программа журнала. Въ первой статьѣ разказывается о попыткѣ возвести фонетику на степень особой университетской специальности, во второй—авторъ описываетъ на основаніи собственнаго опыта, какъ слѣдуетъ обучать новымъ языкамъ.

Попытка возвести фонетику въ особую университетскую специальность не удалась, но авторъ статьи, разказывая исторію попытки, справедливо называетъ ее знаменіемъ времени (стр. 13: Der Schritt hatte für diesmal keine sichtbare Folgen, ist aber jedenfalls „ein Zeichen der Zeit“). Не порѣшенный вопросъ возникъ слѣдующимъ образомъ: нѣкто г. Арни, cand. phil., спеціально занимавшійся ново-исландскимъ языкомъ въ Упсальскомъ университетѣ, для своего экзамена (Lizentiatenexamen) выбралъ слѣдующіе предметы: а) скандинавскіе языки, б) санскритъ съ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ и с) фоне-

тику. Просьба о допущеніи экзаменоваться по этимъ предметамъ была передана въ факультетъ, и мотивировалась такъ: 1) „фонетика“ говорилъ г. Арпи,—съ одной стороны есть основаніе для научнаго изслѣдованія звуковыхъ системъ въ отдѣльныхъ языкахъ и группахъ языковъ, съ другой—по своей задачѣ и объему это совершенно самостоятельная наука, имѣющая богатую литературу и особливыхъ представителей во многихъ иностранныхъ университетахъ (напримѣръ, въ Берлинѣ, Лейпцигѣ); 2) въ Упсальскомъ университетѣ назначенъ также доцентъ фонетики“.

Факультетское большинство, состоявшее изъ двухъ профессоровъ исторіи, двухъ профессоровъ римской филологіи, одного статистики, и одного практической философіи, отклонило просьбу г. Арпи и высказалось отрицательно по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) преподаваніе фонетики въ университетѣ, и назначеніе доцента фонетики не могутъ рассматриваться достаточнымъ основаніемъ для допущенія фонетики какъ особенной экзаменаціонной спеціальности; 2) фонетика, будучи общею подготовкою къ языкознанію, по своему объему и содержанію не можетъ почитаться за совершенно самостоятельную науку. Большинство факультета, такимъ образомъ, не признало за фонетикой характера самостоятельной науки.

Авторъ статьи (Lundell), разказавшій этотъ печальный для фонетики инцидентъ, замѣчаетъ по этому поводу: *Die Frage verlief. Sie scheint aber—im parlamentarisch zu reden—vorwärts gefallen zu sein* (стр. 15), и утѣшившись такимъ соображеніемъ, онъ далѣе начерталъ въ общихъ чертахъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ требовать отъ спеціальнаго экзамена по фонетикѣ. Требования двоякаго рода: а) слѣдуетъ имѣть спеціальныя знанія въ одномъ изъ слѣдующихъ языковъ: 1) въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ, 2) въ нѣмецкомъ языкѣ, 3) въ англійскомъ, 4) во французскомъ, 5) въ латинскомъ, 6) въ греческомъ, 7) въ русскомъ. Спеціальныя знанія въ этихъ языкахъ, само собою разумѣется, должны быть главнымъ образомъ фонетическаго характера. Русскаго читателя можетъ нѣсколько изумить, что для изученія русскаго языка съ этой точки зрѣнія рекомендуются фонетическія изслѣдованія Свита (Sweet) и Лундела (Lundell). Первый—очень извѣстный и добросовѣстный наблюдатель звуковыхъ явленій—русскаго языка не знаетъ, хотя, по собственному заявленію, и вполне постигъ тайну образованія ѣ; второй дѣйствительно изучалъ русскій языкъ въ Москвѣ, но, какъ иностранецъ, едва ли вполне овладѣлъ тонкостями и трудностями русскаго произношенія.

Кромѣ специальныхъ свѣдѣній въ одномъ изъ сейчасъ перечисленныхъ языковъ, отъ испытываемаго потребуются еще общія познанія въ фонетикѣ; съ этою цѣлью ему рекомендуется цѣлый рядъ сочиненій, — такъ для того, чтобы получить высшую отиѣтку *laudatur*—3, ему нужно будетъ прочесть двадцать одно сочиненіе. Для того, чтобы выдержать экзаменъ только удовлетворительно, отъ него потребуется знакомство съ семью книгами (см. стр. 16—17).

Во второй статьѣ передъ читателемъ живописуется картина, какъ фонетика на практикѣ прикладываетъ свои теоретическія познанія. Авторъ (Max Walter in Kassel) очень живо рассказываетъ, какъ онъ обучалъ англійскому языку, и отправляясь отъ звука, переходилъ къ письму. Въ статьѣ все это читается съ удовольствіемъ, и успѣхъ дѣла кажется несомнѣннымъ. Современные фонетики, дѣйствительно, различаютъ по слуху звуковыя тонкости, но и самому тонкому слуху не всегда послушны бываютъ органы, долженствующіе воспроизводить эти тонкости. Какъ же научить правильному произношенію, если органы не повинуются теоретическимъ соображеніямъ?

Изъ другихъ статей любопытна замѣтка самого редактора (*Beiträge zur Statistik der Aussprache der Schriftdeutschen*). Исслѣдователи говоровъ найдутъ въ ней много поучительнаго, также точно какъ въ обстоятельномъ описаніи звуковой системы французскаго языка П. Пасси (*Kurze Darstellung der Französischen Lautsystems*) и въ любопытной статьѣ одного американца о чарльстонскихъ провинціализмахъ: (*Charleston provincialisms. Von Sylvester Primer*). Кромѣ названныхъ статей, въ первомъ томѣ есть еще два интересные отдѣла подъ заглавіями „смѣсь“ и „рецензія“

И. И.

О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ. *Сергій Георгіевскій*. С.-Пб. 1888.

Это сочиненіе, какъ показываетъ самое заглавіе, состоитъ изъ двухъ частей: лингвистической (гл. I и II) и исторической (гл. III и IV). Въ первой части авторъ старается доказать, что въ китайскомъ языкѣ (стр. 23—24) ¹⁾ есть слова однокоренныя со словами: А)

---

¹⁾ Цѣфры безъ звездочекъ указываютъ на страницы печатнаго текста, а со звездочками—литографованнаго.

арійскими, В) японскими, ¹⁾ С) корейскими, D) маньчжурскими, E) монгольскими, F) турецкими, G) тибетскими и H) азнамскими, сіамскими и бирманскими—а) при тожествѣ начальныхъ звуковъ, б) при соответствіи, в) при недостаткѣ въ китайскихъ словахъ начальной гласной или согласной и д) при недостаткѣ въ нихъ согласной, слѣдующей за корневою согласной. Во второй части авторъ разбираетъ, или, говоря его словами, „позволяетъ себѣ указать и подвергнуть нѣкоторому анализу главнѣйшіе типы, къ которымъ сводятся мнѣнія сивологовъ о происхожденіи народа китайскаго“ (стр. 29), а въ заключеніе излагаетъ свой взглядъ на китайскій народъ, какъ на конгломератъ различныхъ народностей, конгломератъ, запечатлѣвшійся и въ языкѣ.

Авторъ заявляетъ себя сторонникомъ западнаго происхожденія китайцевъ; предки ихъ, по его мнѣнію, пришли аріицы. Странная аналогія замѣчается между самимъ авторомъ и судьбой этихъ предковъ-арійцевъ, какъ онъ ее рисуетъ. Какъ аріицы, предки китайцевъ, пришли, по его словамъ, съ запада, такъ и онъ самъ, будучи уже кандидатомъ историко-филологическаго факультета (ergo посвятившимъ себя изученію языковъ арійскихъ), поступилъ впоследствии на факультетъ восточныхъ языковъ и занялся изученіемъ китайскаго языка; тѣ странствовали для отысканія удобныхъ мѣстностей, обратясь спиною къ сѣверу ²⁾, авторъ для доказательства своихъ гипотезъ какъ бы обращается спиною къ отрицательной критикѣ „китайскихъ первоисточниковъ“; придя въ Китай или, точнѣе на его теперешнюю территорію, аріицы увидѣли себя со всѣхъ сторонъ окруженными чуждыми племенами, съ которыми имъ пришлось вести упорную борьбу; съ меньшимъ числомъ только уже не враговъ, а противоположныхъ, несходныхъ теорій приходится считаться и автору (см. часть историческую); тѣ совершенно потеряли свою арійскую наружность, строй языка и проч.,—автора покинули необходимая для филолога осторожность въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ, классическое спокойствіе и неувлекаемость; тѣ утопили,

¹⁾ Здѣсь уже прежде всего можно указать ошибку автора: онъ не различаетъ разговорныхъ, чисто японскихъ и т. д., словъ отъ чтенія китайскихъ гіероглифовъ на языкахъ японскомъ, сіамскомъ, бирманскомъ и т. д. (только испорченнаго, видоизмененнаго изъ китайскаго), что даѣтъ вещи совершенно равныя.

²⁾ Такъ объясняетъ авторъ въ другомъ своемъ трудѣ (Анализъ) происхожденіе китайскаго слова бѣи спина.

исчезла въ морѣ враждебныхъ элементовъ. Много ли останется отъ труда автора, если подвергнуть послѣдній строгому разбору ¹⁾).

Чтобы судить о родствѣ китайскаго языка съ другими, нужно прежде всего изучить его корни. Но этого-то до сихъ поръ и не сдѣлано. До сихъ поръ мы не знаемъ корней китайскаго языка. Какъ извѣстно, въ китайскомъ языкѣ существуетъ множество нарѣчій; сами китайцы говорятъ, что черезъ каждые 100 ли (50 верстъ) встрѣчается особый говоръ. Мало того, даже западная и восточная половины Пекина различаются нѣсколько по говору. Печего и говорить про кантонское или фуцзяньское нарѣчіе. Можетъ ли осторожный лингвистъ для своихъ изслѣдованій ограничиться (хотя бы и съ оговорками) однимъ какимъ-ни будь нарѣчіемъ, напримѣръ, пекинскимъ? Не долженъ ли онъ сперва убѣдиться, какъ понимать всѣ эти нарѣчія, не есть ли это просто говоры одного языка? Не долженъ ли онъ попытаться подвести всѣ эти нарѣчія подъ одно и такимъ образомъ выяснитъ себѣ корни? Тутъ онъ увидитъ ту внутреннюю жизнь, тѣ постепенныя видоизмѣненія моносиллабовъ, на которыя указалъ, напримѣръ, проф. Васильевъ въ первой части своего „Анализа китайскихъ гіероглифовъ“ и въ другихъ сочиненіяхъ. Безъ этого тотъ переходъ звуковъ одного въ другой, который мы можемъ замѣтить въ китайскихъ нарѣчіяхъ, не будетъ намъ понятенъ, мы не можемъ имъ пользоваться. Вѣдь для сравненія мало того, что, напримѣръ, въ санскритскомъ словѣ въ корнѣ есть *ḍ*, а соответствующее ему по значенію китайское начинается съ *m*. Корневое ли это *m*, и образовалось ли, оно совершенно по тѣмъ же законамъ, какъ санскритское, и слѣдовательно, равносильно ли ему? Затѣмъ, для изслѣдованія нужно выдѣлнить только слова древнія. Сюда никоимъ образомъ не годятся слова новыя, составленныя въ послѣдующія времена. А такихъ-то словъ, благодаря характеру китайскаго письменнаго языка, въ немъ очень много. Китайскій письменный языкъ беретъ изъ разговорнаго для выраженія извѣстнаго понятія только одинъ звукъ, одинъ моносиллабъ. Но этотъ моносиллабъ можетъ удвоиваться, удвоеніе можетъ быть безъ измѣненія или съ измѣненіемъ (гоу-цюань (кюань) собака, гънь-бэнь корень). Такое измѣненное слово могло составиться во всякое время. Затѣмъ, сколько словъ составилось въ долгій періодъ китайской исторіи для названій горъ, рѣкъ и т. д.: бралась извѣстная фонетическая группа, при-

¹⁾ Хотя авторъ, нужно отдать ему честь, очень скромно и не настаиваетъ на непреложности своихъ гипотезъ.

бывающа въ письмѣ на своемъ мѣстѣ—сбоку или сверху—составляющій ключъ, а въ разговорѣ этотъ ключъ произносится послѣ фонетической группы. Помнимъ примѣромъ: желая назвать, положимъ, какую-нибудь гору Фынъ, на письмѣ брали фонетическую группу, произносящую Фынъ (или приблизительно гаъ), и ставили сбоку ключъ шанъ гора, а въ разговорѣ произносили Финъ шанъ.

Что же между тѣмъ сдѣлалъ авторъ? Въ основу своихъ изслѣдованій онъ взялъ не составъ гіероглифовъ въ древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ китайскихъ книгахъ, а просто словарь современнаго китайскаго языка проф. Васильева и бралъ оттуда гіероглифы, ничѣмъ не стѣснясь. Словарь этотъ, дѣйствительно, отличается ¹⁾ громадными достоинствами: въполнѣ достаточное количество гіероглифовъ (до 15000), точность и вѣрность ихъ значеній, некипское чтеніе, хорошо подобранные примѣры и, главное, графическая система расположенія; но вѣдь пр. Васильевъ вносилъ въ свой словарь всѣ употребительныя теперь гіероглифы, и между ними несомнѣнно много гіероглифовъ, явившихся въ позднія времена. Мало того, авторъ не принялъ во вниманіе того, что многіе гіероглифы съ ключами шуй вода, шанъ гора и т. д. суть не что иное, какъ графическое соединеніе этихъ нарицательныхъ именъ (вода, гора) съ ихъ эпитетами (свѣтлая, высокая) и т. д., а вовсе не синонимы словъ вода, гора и т. д. Оттого-то, придерживаясь одного только некипскаго нарѣчія, онъ насчиталъ въ китайскомъ языкѣ 52 гіероглифа для выраженія понятія „вода“, 86—для слова „гора“, 30—для слова „дождь“, 45—для слова „свѣтъ“, 67—для слова „идти“ и 65—для слова „смотреть“. Откуда же такое поражающее автора лексическое богатство китайскаго языка—345 гіероглифовъ для шести понятій! ²⁾ Что же это

¹⁾ Кстати исправляемъ маленькій недосмотръ автора: называя на стр. 3 своего труда словарь пр. Васильева („Графическая система китайскихъ гіероглифовъ“) неполнымъ, но единственнымъ китайско-русскимъ словаремъ, онъ упустилъ изъ виду вышедшій въ прошломъ году „Китайско-русскій словарь“ Д. А. Шещурова. Этотъ словарь, правда, не великъ (до 6000 гіероглифовъ), но онъ первый словарь и даже первая печатная въ Россіи книга съ китайскими гіероглифами (не считая мелкихъ замѣтокъ); для него приведенъ въ порядокъ единственный въ Россіи китайскій шрифтъ—академическій.

²⁾ Среднимъ числомъ 57 гіероглифовъ на понятіе. Еслибы китайскій языкъ былъ хоть вдвое менѣе богатъ для другихъ понятій, то-есть, считая, напримеръ, по 25 гіероглифовъ на понятіе, оказалось бы, что при 49000 гіероглифовъ (въ томъ числѣ масса неупотребительныхъ) въ китайскомъ языкѣ существуетъ приблизительно 2000 понятій.

такое? Беремъ слово „вода“ (прил. № 1, стр. 1*—2*). Шуй вода... минь текущая вода, юй большая вода, дянь обширное пространство воды, мань шумная и обширная вода, вань текущая вода, вань глубокая вода, цюй мутная вода и т. д.—все это вода. Возьмемъ другое слово „гора“ (2*—5*): ли ¹⁾ высокая гора, у голая гора, сунь большая гора, ци сухая гора, цзань высокая гора и т. д. до безконечности. Не разобравшись въ этой массѣ сочиненныхъ имъ 345 словъ для выражанія шести понятій, авторъ задумалъ объяснить это явленіе, объяснилъ по-своему, и плодомъ этого явилась первая часть его труда—ислѣдованіе корпеваго состава китайскаго языка. Обратимся къ нему.

Въ началѣ (стр. 6—10) первой главы авторъ, на основаніи подобранныхъ имъ примѣровъ, выводитъ въ § 29 соотвѣтствіе звуковъ въ китайскомъ языкѣ, напримѣръ, а и я (§ 1), ю, я, ж (§ 9), д, т (§ 24) и т. д. Свойство китайскаго языка таково, что, по замѣчанію пр. Васильева ²⁾, можно одинъ корень провести чуть ли не по всему алфавиту. Что же тутъ значить соотвѣтствіе звуковъ? Да пусть даже это будетъ соотвѣтствіе звуковъ. Равносильно ли оно соотвѣтствію тѣхъ же звуковъ въ языкахъ арійскихъ? Это вопросъ, да еще и какой! А авторъ, какъ увидимъ ниже, не стѣсняясь пользуется аналогіями и сближаетъ корни.

На основаніи этихъ соотвѣтствій звуковъ авторъ сближаетъ между собою 52 слова для выраженія понятія „вода“, „интегрируетъ“ ихъ въ схему изъ 18 группъ (стр. 11) и наконецъ, сблизивъ послѣднія, находитъ въ китайскомъ языкѣ не болѣе семи корней для слова „вода“, именно: в... д... м... г... к... х... Затѣмъ (стр. 14—15), „допуская распаденіе древняго китайскаго языка, какъ родовой совокупности, на элементы съ видовыми и подвидовыми отличіями“, авторъ „позволяетъ себѣ составить такую (гипотетически только мыслимую) схему, по которой могли территориально развѣщаться корни, послужившіе основой для словъ означающихъ понятіе „вода“:

корни

(пров. Ганьсу и Шаньси) Цянь	в...	т(янь), в... (ц... ч)
(пров. Шаньси) Цянь	у...	т(янь), х... (с... ш)
(пров. Чжили) Янь		ю(й), т(янь), (и(ю)) ³⁾ и т. д.

Хотя „это—только гипотетически мыслимая схема“, хотя „априорной допустимости существованія въ древнемъ китайскомъ языкѣ нѣсколь-

¹⁾ Ли стоять съ ключемъ гора. Очевидно, сокращеніе ли шань—стоящая (прямо) гора, точно также, какъ у графически столовая, плоская гора и т. д.

²⁾ Напримѣръ, Аналивъ, стр. 21.

кихъ нарѣчій мы находимъ и постеріорное подтвержденіе въ литературѣ китайцевъ⁴ (стр. 13), но все-таки немножко рано рисовать такія схемы; лучше было бы по возможности точно выяснить, что слѣдуетъ разумѣть подъ этими нарѣчіями, какъ понимать то, что Цицець не понималъ Чусца (стр. 14), китаецъ инородца изъ губерніи Хунань, и на оборотъ и т. д. А то всё эти гипотезы и схемы доказываютъ только остроуміе изобрѣтателей, но не болѣе.

Во второй главѣ авторъ „подвергаетъ матеріалъ китайской лексикографіи сравнительному разсмотрѣнію“ съ цѣлью выяснить вопросъ: „составляетъ ли китайскій языкъ, со всѣми своими нарѣчіями, діалектами и жаргонами, особую семью языковъ, или имѣетъ родство съ языками другихъ семействъ“. Это сравненіе авторъ дѣлаетъ со слѣдующими оговорками (стр. 18—23): 1) не возможно пользоваться указаніями нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ¹⁾ на родственность китайскаго языка съ другими языками, такъ какъ они, будучи сдѣланы при разныхъ научныхъ основаніяхъ и точкахъ зрѣнія, при неодинаковой степени широты и полноты, не сближены между собою и не сведены въ такую систему, которую можно было бы разрабатывать въ ея частностяхъ²⁾; 2) сравненію не подлежатъ: а) слова, возникшія на основѣ звукоподражанія, б) слова подобозвучныя по какимъ-то субъективнымъ причинамъ самого человѣка (слова для выраженія понятій „отецъ“, „мать“ и т. д.), в) слова заимствованныя; 3) несомнѣнно, что пекинское произношеніе является упростившимся, и можно, нисколько не стѣсняясь сближать, такія слова, какъ русск. гора и кит. гао (1б.); 4) отсутствующимъ въ китайскомъ языкѣ звукамъ р и з эквивалентны китайскіе звуки л и цз (г, ж); 5) въ древнемъ китайскомъ языкѣ было стеченіе согласныхъ звуковъ; 6) въ языкахъ индо-европейскихъ начальныя гласныя словъ не всегда являются устойчивыми; 7) въ устной рѣчи китайцы пользуются всего чаще двух- или трех-сложными словами; поэтому авторъ, не зная древняго разговорнаго языка китайцевъ, позволяетъ себѣ при сравненіи комбинировать гіероглифы, напримѣръ: русское лиса=китайск. ли (+си), русское черепъ=китайск. (кз+лу, стр. 82*); 8) желая только констатировать фактъ корневой родственности, авторъ ограничивается „приведеніемъ примѣровъ, убѣдительныхъ по своему качеству и доста-

¹⁾ Васильевъ, Edkins, Klaproth, Schlegel, Peryu, Haldeman, Подгорскій и de Harlez.

²⁾ Отчего бы не сдѣлать этого автору?

точныхъ по своему количеству*; 9) авторъ сближаетъ китайскія слова изъ арійскихъ языковъ прежде всего съ русскими, такъ какъ не пишетъ полнаго сравнительнаго словаря, и такъ какъ такіа сближенія никѣмъ систематически не сдѣланы и очень любопытны по результатамъ ¹⁾, и 10) авторъ располагаетъ изслѣдуемый матеріалъ по удобству для заключительныхъ выводовъ изъ данныхъ лингвистическаго анализа.

Къ какимъ же результатамъ приходитъ авторъ послѣ такихъ предусмотрительныхъ оговорокъ? Это лучше всего будетъ видно изъ примѣровъ. Беремъ нѣсколько на удачу (стр. 48—55): Китайское онъ, ванъ, вэй (пепелъ)—уголь, санскритское *angāga*, литовское *anglis*; китайское ъ ²⁾ — есть, санскритское *asī* и т. д.; китайское гунъ—гордый; китайское цюанъ—цѣлый, цѣлить; китайское чунъ—чаша, санскритское *caṣhaka*; китайское чоу—черпать (слич. санскритское *krpta* (вода) и проч.); китайское чао (жарить)—чадить; китайское мо—мочить (стр. 72*); китайское манъ—обманывать (ib.); китайское мо—молчать (стр. 73*); хао (волосъ)—космы (стр. 73). Сравненію китайскихъ корней съ арійскими посвящены стр. 48*—119, и всѣ примѣры въ томъ же родѣ, такъ что и китайское лу (грубый) сближено съ русскимъ грубъ. Не особенно тонкое сближеніе! Возьмемъ японскія слова. Авторъ сближаетъ, на примѣръ, китайское кунъ (пустой) съ японскимъ куу, гѣ (гусь)—съ га, гавъ; хой (зола)—съ хай (стр. 120*), сы (умирать)—съ сясу (стр. 121*), нийцзы (дѣвушка)—съ нийоси, най (молоко)—съ ниу (стр. 122*), мао (мозгъ), съ нау (стр. 123*), паянь (годъ)—съ нень (стр. 123) и т. д. Но вѣдь это все чтеніе китайскихъ гіероглифовъ на японскомъ языкѣ, испорченное изъ китайскихъ звуковъ, а вовсе не японскія слова. Таковы же несомнѣнно аннамское деао, бирманское та, въ отношеніи китайскаго дао (стр. 173), аннамское чуоенъ и сіамское чоугъ—китайское чуанъ, аннамское там, сіамское тамъ, сіамское дам—китайское данъ (ib.) и пр.

Несравненно основательнѣе сдѣлано г. Георгіевскимъ сближеніе китайскихъ корней съ словами монгольскими, маньчжурскими, тибетскими и турецкими, но это-то сближеніе, представляющее много несомнѣнныхъ примѣровъ, и подрываетъ арійскую теорію происхожденія

¹⁾ Напримѣръ, лясъ=ли+сы (не отъ Цинь ши хуандіева ли министра Лисы?) черепъ=кв+лу?

²⁾ Окончательная частица.

китайцевъ. Впрочемъ, о ней мы поговоримъ ниже, а теперь, чтобы покончить съ лингвистическою частью, вернемся къ схемѣ семи корней для слова „вода“ въ китайскомъ языкѣ. Эти корни авторъ причисляетъ слѣдующимъ образомъ (стр. 27—28): 1) в... (у, ю... л... ф...) находятъ родство и соотвѣтствіе въ арійскихъ, 2) д... (т...) тоже, 3) м... въ японскомъ, корейскомъ и маньчжурскомъ, 4) п... въ аннамскомъ, тонкинскомъ и сіамскомъ, 5) г... (цв..чок) въ бирманскомъ, 6) в.... (д... ч...) въ тибетскомъ и 7) х... (с... ш...) въ монгольскомъ и татарскомъ. Затѣмъ онъ восполняетъ приведенную выше гипотетическую схему, и такимъ образомъ у него получаются корни арійскіе въ Ганьсу, Шэньси, Чжили, Шаньдунъ (то-есть, во всемъ сѣверномъ Китаѣ), Хэнань и (увы!) Цзяньсу, Хубэй, Аньхуй и Чжэцзянь (то-есть, въ юго-восточномъ Китаѣ, куда уже никто не заводитъ арійцевъ). Тогда авторъ идетъ на уступки и соглашается признать корни л... въ Цзяньсу, Хубэй, Аньхуй и Чжэцзянь за неарійскіе, родственные, напримѣръ, языку Мяо или Машь. Вотъ арійскій элементъ уже и побавился! Кромѣ того, немного сомнительны (хотя авторъ и умалчиваетъ объ этомъ), напримѣръ, бирманскіе корни въ Аньхуй и Хубэй, или аннамскіе, тонкинскіе и сіамскіе въ Чжэцзянь. Остаются, значитъ, арійцы въ сѣверномъ Китаѣ. Постараемся выселить ихъ и оттуда при разборѣ части исторической, попробуемъ указать, что имъ и не зачѣмъ, и не возможно было туда забираться.

Третья глава посвящена авторомъ разбору теорій различныхъ европейскихъ ученыхъ на счетъ происхожденія китайскаго языка. Тутъ прежде всего нельзя не попенять автору за цитаты въ 3, 4, 5 страницъ на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ, которыя встрѣчаются во всѣхъ его трудахъ. Какой это имѣетъ смыслъ? Многие ли читаютъ у насъ, напримѣръ, по англійски? Останавливаться на сдѣланномъ г. Георгіевскимъ разборѣ теорій миссіонеровъ и особенно Эдкинса (стр. 30—38), Клапрота и др. (стр. 38—43), мы не будемъ, потому что и сами не соглашаемся съ ними, хотя по другимъ соображеніямъ, чѣмъ авторъ. Скажемъ только, что онъ напираетъ главнымъ образомъ на то, что эти теоріи не позволяютъ смотрѣть на древній китайскій языкъ какъ на конгломератъ элементовъ, которыхъ разнородность обуславливалась этнографическими ингредиентами народа китайскаго. Но онъ самъ своими легкомысленными сраженіями (въ части лингвистической) китайскихъ корней съ арійскими, японскими, сіамскими и т. д. подрываетъ этотъ мнимый конгломеративнъ китайскаго языка гораздо болѣе, чѣмъ названнаго те-

орія. Всякій, не увлекающійся подобно автору, человекъ ясно пойметъ, что корни арійскіе, японскіе и т. д. нужно оставить, и тогда много ли останется отъ конгломерата. Къ слову скажемъ, что автору, на 88 страницахъ хотя бы даже и гипотетически трактующему „о корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“, автору, который, хотя бы и съ оговорками, сближаетъ такія слова, какъ китайское шоу (рука) и славянское шуйца (стр. 60*) или китайское во (красивые волосы) и русское волосъ (стр. 65*), по меньшей мѣрѣ не слѣдовало бы говорить про трудъ Эдкинса того, что мы находимъ въ его книгѣ: „Къ труду Эдкинса нельзя относиться безъ предубѣжденности, вызываемой именно тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ слишкомъ опредѣленно заявлялъ,.... какую цѣль преслѣдуетъ въ своей quasi научной работѣ“ (стр. 37). „Прочитывая книгу Эдкинса, оставивъ всякое предубѣжденіе, нельзя прежде всего не удивляться, сколько этнографическихъ вопросовъ затронуто и разрѣшено авторомъ на 403 страницахъ.... Почему авторъ такъ развязно обращается съ этими вопросами?... Авторъ дѣлаетъ это единственно по легкомысленному отношенію къ научнымъ вопросамъ....“ (ib.). „Трудъ Эдкинса даже самому не предубѣжденному читателю долженъ показаться слабымъ, фантастичнымъ, бездоказательнымъ“... (стр. 38). На стр. 43—50 третьей главы авторъ высказываетъ свой взглядъ на рѣшеніе профессоромъ Васильевымъ вопроса о томъ, откуда произошли китайцы и что должно разумѣть подъ ними. Хотя мы сами являемся глубоко убѣжденными сторонниками воззрѣній профессора Васильева, но не считаемъ себя ни въ правѣ, ни достаточно авторитетными, чтобы возражать г. Георгіевскому, и разъяснять ему непонятное въ воззрѣніяхъ профессора Васильева. Да это, по нашему убѣжденію, и не нужно. Профессоръ Васильевъ послѣдовательно проводитъ свои взгляды во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Прочитавъ ихъ внимательно, не увлекаясь предвзятыми теоріями, можно совершенно ясно понять то, что такое по мнѣнію профессора Васильева китайскій народъ и откуда онъ явился ¹⁾. Мы позволимъ себѣ только сказать нѣсколько словъ по поводу замѣчанія г. Георгіевскаго (стр. 51), будто наше

¹⁾ Основательность доводовъ профессора Васильева, по нашему глубокому убѣжденію, лучше всего будетъ доказана послѣдующими выискиваніями ученыхъ, и никакія возраженія и недоумѣнія „положительной краткии китайскихъ первоисточниковъ“ не могутъ поколебать ея.

миѣніе о происхожденіи китайцевъ-инородцевъ находится въ противорѣчіи со взглядами профессора Васильева ¹⁾. Дѣло въ томъ, что у г. Георгіевскаго какая-то странная манера цитовать сочиненія профессора Васильева: онъ беретъ какую-нибудь отдѣльную фразу изъ сочиненія профессора Васильева, отлично понимаетъ (увѣрены мы), что послѣдній хотѣлъ сказать ею, но выставляетъ ее на видъ и находитъ въ ней противорѣчіе. Такъ и въ данномъ случаѣ (см. стр. 51). Въ очеркѣ исторіи китайской литературы (стр. 15) В. П. Васильевъ говоритъ: „Мы менѣе другихъ наклоны говорить о разселеніи народовъ съ горы ли Араратъ, или изъ Бактріаны, но болѣе другихъ, однакожь, видимъ сродство китайскихъ корней съ арійскими (санскритскими)“. Эти слова профессора Васильева, по миѣнію г. Георгіевскаго, противорѣчатъ нашимъ, что въ языкѣ китайцевъ не осталось ни малѣйшаго намека на ихъ арійское происхожденіе. Пичуть не бывало. Вѣдь самъ профессоръ Васильевъ не признаетъ предковъ китайцевъ пришлыми арійцами; онъ допускаетъ только духовное родство этихъ народовъ (см. стр. 44), выразившееся въ образованіи одинаковыхъ корней. Признавая человечество или даже народы Азіи и Европы происшедшими отъ одной семьи, одной пары, ничего нельзя возразить противъ такого духовнаго отдаленнаго родства, но такое родство совсѣмъ не то, которое проводитъ г. Георгіевскій.

Показавъ въ третьей главѣ несостоятельность теорій европейскихъ ученыхъ со своей точки зрѣнія, авторъ въ четвертой главѣ приступаетъ къ изложенію своего взгляда на происхожденіе китайцевъ. Предварительно онъ старается доказать, что имѣетъ право приняться если не за разрѣшеніе, то за попытку разрѣшить этотъ вопросъ. Это право автора можно формулировать его же словами (стр. 54): „Если существуютъ труды.... „*Sinico-aryaca*“; „*China's place in philology*“; „*The origin of the Chinese*“; „Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ средне-азиатскимъ“ и др., то имѣетъ *raison d'être* и наше изслѣдованіе: „О корневомъ составѣ и т. д.“. Изъ перечня этихъ сочиненій нужно исключить статью профессора Васильева (Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ среднеазиатскимъ), основательно трактующую о родствѣ китайскаго со среднеазиатскими, и тогда автору останется, рѣшить два открытые вопроса: 1) если появились означенныя сочи-

¹⁾ Болѣе подробное изложеніе нашей теоріи, объясненіе непринятія нами во вниманіе возраженій на нее, сформулированныхъ г. Георгіевскимъ, будетъ помѣщено въ печатаемомъ нынѣ трудѣ нашемъ, составляющемъ продолженіе „Материаловъ для исторіи инородцевъ“.

ненія, то имѣли ли и имѣютъ ли они свой *raison d'être*, и 2) не отведутъ ли сочиненію автора то же самое мѣсто, которое отводятъ, напримѣръ, „*Sinico ayaca*“, или не скажутъ ли про его сочиненіе того же, что онъ говоритъ про Эдкинса.

Приступая къ рѣшенію вопроса о томъ, откуда произошелъ китайскій народъ, авторъ предварительно выясняетъ (стр. 56—57), „что должно разумѣться подъ словами „народъ произошелъ“. „Народъ, какъ совокупность большаго или меньшаго количества человѣческихъ индивидуумовъ, есть доля великаго человечества и потому имѣетъ одинаковое съ послѣднимъ основное происхожденіе. Народъ какъ таковой, какъ нѣчто обособленное, есть одна изъ дифференцій человечества. Если мы спрашиваемъ, откуда произошелъ народъ, то мы желаемъ знать, какой части человечества представляетъ онъ дифференцію, гдѣ и когда эта часть дифференцировалась.“ Откуда же произошелъ китайскій народъ по мнѣнію г. Георгіевскаго? Въ китайскомъ языкѣ, по его мнѣнію, есть не мало словъ, однокоренныхъ со словами языковъ индо-европейскихъ, повтому онъ склоненъ видѣть въ первобытномъ китайскомъ народѣ „дифференцію той предедентной дифференціи человечества, изъ которой выдѣлилась и впоследствии обособилась эта самая семья“¹⁾. Общую колыбель индо-европейцевъ и древнихъ китайцевъ, по мнѣнію автора, нужно искать въ Средней Азій. Какія основанія существуютъ для этой догадки? Впервыхъ, „китайскій народъ на памяти довольно достовѣрной исторіи постепенно подвигался отъ послѣдняго крутаго изгиба Хуанхэ къ востоку, ...это сравнительно позднее движеніе къ востоку можетъ разсматриваться какъ продолжавшееся по инерціи отъ толчка, даннаго въ болѣе отдаленныхъ западныхъ странахъ“ (но это движеніе вполне понятно даже и при автохтонизмѣ китайцевъ, безъ всякаго толчка съ запада); вторыхъ, у китайцевъ существуютъ легендарныя сказанія о томъ, что ихъ праотцы пришли въ Срединное царство (а отчего оно срединное, если для нихъ крайнее?) и изъ западныхъ странъ“ (какія хоть пемпого достовѣрны, не составленныя послѣ?); третьихъ, „въ китайскомъ языкѣ понятіе „умереть“ (по русски „возвратиться къ праотцамъ“) можетъ выражаться словами гуй си

¹⁾ Еслибы авторъ не увлекался очень дифференцированіемъ и семью корнями для слова вода, то онъ увидѣлъ бы, что и профессоръ Васильевъ (правда, болѣе человѣческимъ языкомъ) проводитъ ту же мысль. Разница только въ томъ, въ какомъ отношеніи китайская дифференція находится къ дифференціямъ средне-азиатскимъ (говоря языкомъ автора).

(собственно „возвратиться на западъ“), изъ чего ясно слѣдуетъ, „что китайцы традиціонно считаютъ западныя страны мѣстомъ жительства ихъ прародителей“; четвертыхъ, „родиною первобытныхъ индо-европейцевъ (съ которыми совмѣстно жили родственные имъ китайцы) ученые признаютъ территоріи ничуть не собственного Китая, а по крайней мѣрѣ Центральной Азіи“. Четвертое положеніе объясняется специальными воззрѣніями автора, имѣеть условное значеніе: гдѣ будутъ находить и гдѣ наконецъ (будемъ надѣяться) найдутъ родину индо-европейцевъ, сообразно съ этимъ будутъ измѣнять и маршруты предковъ китайцевъ въ Китай, на изгибъ Хуанъхэ. Тутъ ужъ имъ навѣрное придется идти спиною не на сѣверъ, какъ думаетъ авторъ въ своемъ Анализѣ. Займемся теперь словомъ гуйси въ значеніи умереть. По нашему глубокому убѣжденію, это слово обязано своимъ происхожденіемъ буддизму (Амитабъ, китайское Омитофо живетъ на западѣ). Но пусть оно древне-китайское, тогда оно взято (какъ и въ буддизмѣ) отъ заката солнца и во всякомъ случаѣ не доказываетъ того, что авторъ говоритъ въ третьемъ пунктѣ своихъ доводовъ. Вѣдь, напримѣръ, Элизіумъ грековъ находился на западѣ,—неужели и ихъ праотцы тоже пришли съ запада?

Далѣе авторъ говоритъ, что „китайцы передвинулись на востокъ не за одинъ разъ, и что партіи ихъ оставили западъ черезъ болѣе или менѣе значительныя промежутки времени“. Такъ какъ это авторъ выводитъ изъ очень сомнительнаго по меньшей мѣрѣ родства китайскихъ словъ съ языками индо-европейскими, то мы и не будемъ ничего говорить объ этомъ соображеніи.

Вопросъ объ отношеніяхъ китайцевъ къ инородцамъ мы пройдемъ также молчаніемъ по указанной выше причинѣ, хотя и могли бы съ большою выгодой для себя воспользоваться имъ, разбирая взглядъ автора на происхожденіе китайцевъ.

Посмотримъ теперь, какъ авторъ опредѣляетъ (стр. 81) „этнографическій генезисъ монголовъ и маньчжуровъ“. Это опредѣленіе автора въ основѣ схоже съ таковымъ же профессора Васильева, только онъ корню мук (вода по Васильеву) придаетъ странное значеніе „поднятіе ¹⁾), возвышеніе, славный, знаменитый“ и очень своеобразно толкуетъ его примѣненіе. Такимъ образомъ вмѣсто объясненія профессора Васильева ²⁾ (основаннаго на обычаяхъ маньчжурскихъ

¹⁾ Вероятно, отъ маньчжурскаго муэвнь.

²⁾ Исторія и древности восточной части Средней Азіи, стр. 159.

племень разселяться по рѣкамъ и по нимъ называться), связавшаго непрерывною цѣлью названія поколѣній мохэ—монголъ—маньчжу—мангуны, у автора получилось, что монголъ происходитъ отъ корня монг, употреблявшагося у швейцезъ для обозначенія родовыхъ старѣйшинъ, а при Чингисъ-ханѣ сдѣлавшагося почетнымъ (?) названіемъ всего народа.

Посвятить страницы 84—86 своего труда объясненію того, какииъ образомъ инородцы при помощи элементовъ китайской письменности фиксировали звуки ихъ собственныхъ словъ, и почему такіе сформированные для фиксированія гіероглифы не пришли въ забвеніе, а на оборотъ сдѣлались достояніемъ обще-китайской письменности, авторъ странныиъ образомъ разумѣетъ подъ инородческими языками только тибетскій, монгольскій, маньчжурскій, татарскій, японскій, тонкинскій, сіамскій и аннамскій языки. А оставшіеся и доселѣ въ южномъ Китаѣ многочисленныя инородцы? Они-то что же?

Въ заключеніе формулируемъ все сказанное нами выше съ цѣлью выяснитъ основную ошибку автора. Авторъ, въпервыиъ, невѣрно появивъ лексическое богатство китайскаго языка, пришелъ къ заключенію о его небывалой многокоренности; вовторыиъ, желая объяснить эту многокоренность, авторъ дошелъ до принятія родства китайскаго языка съ совершенно чуждыми языками; втретьииъ, отвергнувъ, подъ вліяніемъ принятія этого родства, всѣ прежде составленныя теоріи о происхожденіи китайскаго народа, онъ, вчетвертыиъ, составилъ свою новую, такъ-сказать, конгломеративную гипотезу, совершенно излишнюю при невѣрности первыхъ положеній.

Вотъ нашъ скромный взглядъ на трудъ автора. Выражая его, мы имѣли въ виду только показать, какииъ образомъ представляется сочиненіе г. Георгіевскаго съ точки зрѣнія отрицательной критики, хотѣли показать, почему синологи, держащіеся этой отрицательной критики китайскихъ первоисточниковъ, имѣютъ полное право не принимать при своихъ выводахъ гипотезъ, предположеній и догадокъ положительныхъ критиковъ, чтобы путемъ отрицательнымъ добратъся до истины во мракъ первыхъ временъ китайской исторіи. Наконецъ, мы желали показать, что такъ мало еще разработанъ, даже попросту затронутъ матеріалъ синологіи, что нельзя и думать о созиданіи чего-либо болѣе или менѣе прочнаго; достаточно разсорттировать этотъ матеріалъ; не бѣда, если откинется въ сторону что-нибудь годное: оно пригодится впослѣдствіи.

А. Ивановскій.

Отвѣтъ рецензенту Московскихъ Вѣдомостей по поводу разбора перевода Геродота.

Въ № 299-мъ Московскихъ Вѣдомостей появилась критическая замѣтка г. П. Каленова на второе изданіе I тома моего „Геродота“ подъ заглавіемъ: „Какъ наши ученые спеціалисты переводятъ древнихъ классиковъ“. Замѣтка написана очень горячо и уснащена выдержками изъ греческаго подлинника, а потому можетъ произвести на не знающихъ такое впечатлѣніе, какъ будто г. Каленовъ въ самомъ дѣлѣ компетентный судья въ вопросахъ классической филологіи. Быть можетъ, отвѣтъ нашъ послужитъ доказательствомъ того, какъ вообще трудно разбирать такія книги, оцѣнка которыхъ требуетъ отъ критика особенной осторожности и дѣйствительно спеціальныхъ знаній. О томъ, въ какомъ написана вся замѣтка, мы говорить не будемъ. Пускай читатель самъ видитъ, на сколько основательна притязательность автора.

Г. Каленовъ „внимательно прочелъ, сравнивая съ подлинникомъ“, только 85 главъ 4-й книги нашего „Геродота“ и открылъ въ нихъ рядъ грубыхъ ошибокъ, обличающихъ въ переводчикѣ и недостаточное знаніе греческаго языка, граничащее чуть не съ полнымъ невѣжествомъ, и пренебреженіе къ нѣмецкой ученой литературѣ, и отсутствіе здраваго смысла. Ошибки наши онъ подраздѣляетъ на двѣ группы: „1) ошибки, съ перваго взгляда незамѣтныя и открывающіяся лишь по сличеніи перевода съ подлинникомъ, и 2) ошибки, поражающія и безъ сличенія съ подлинникомъ искаженіемъ въ нихъ всякаго здраваго смысла“.

Рецензентъ начинаетъ съ слова *ἅλαρα* въ гл. 26-й и находитъ совершенно невозможнымъ нашъ переводъ этого слова „священный сосудъ“. Для подтвержденія своего мнѣнія г. Каленовъ выписываетъ, не называя впрочемъ источника, значенія *ἅλαρα* изъ словаря Пассова съ прибавкою находящейся тамъ же ссылки на Рункена. Но дѣло въ томъ, что послѣ Рункена изученіе Геродота подвинулось далеко впередъ; во главѣ этого изученія стоитъ въ настоящее время Штейнъ, текстомъ котораго мы и пользовались для нашего перевода, и который, по видимому, извѣстенъ и нашему рецензенту. Чтò же говорить Штейнъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту? „*ἀτε ἅλαρατι, als ein vas sacrum*“, замѣчаетъ онъ кратко, отсылая читателя къ главѣ 65, въ гдѣ приводится слѣдующее мѣсто Ливія, XXIII, 24: „*ibi Postumius omni vi ne caperetur dimicans occubuit.*

Spolia corporis caputque praecisum ducis Boii ovantes templo, quod sanctissimum est apud eos, intulere. Purgato inde capite, ut moeis est, calvam auro caelavere idque sacrum vas iis erat, quo solemnibus libarent poculumque idem sacerdoti esset ac templi antistibus". Совершались ли изъ этого сосуда возліанія, пили ли изъ него остававшіеся въ живыхъ потомки умершаго, или какъ-нибудь иначе онъ служилъ предметомъ почитанія—Геродотъ объ этомъ молчитъ, молчимъ, разумѣтся, и мы. Къ чему же ни на чемъ не основанныя догадки рецензента о назначеніи „священнаго сосуда“, какое будто бы мы даемъ ему.

Далѣе, главу 11-ю нашего перевода г. Каленовъ называетъ „вполнѣ сочиненіемъ г. Мищенко“. Истиннымъ „куріозомъ“ представляется рецензенту такое мѣсто перевода: „цари раздѣлились на двѣ стороны (курсивъ у г. Каленова), равныя по численности, и въ средѣ ихъ завязалась междоусобная брань. Всѣ цари были перебиты другъ другомъ“. Но „куріозъ“ оказывается не у меня только, а и у Геродота. Конструкція въ подлинникѣ самая простая, такъ что каждый мало-мальски знакомый съ греческимъ языкомъ можетъ оцѣнить по достоинству мѣру основательности рецензента. *διαστάνας καὶ ἀριθμὸν ἰσοῦς γινόμενους μάχεσθαι πρὸς ἀλλήλους· καὶ τοὺς μὲν ἀποθανόντας πάντας ὅπ' ἐμοτέρων θάψαι τὸν δῆμον τῶν Κιμμερίων*. Кого хоронить киммерійскій народъ? „Всѣхъ царей, когда они пали отъ собственныхъ рукъ“, говоритъ Геродотъ. Но Штейнъ, видно, хорошо знаетъ низкій уровень знаній по греческому языку у юныхъ читателей Геродота, и потому въ своемъ школьномъ изданіи онъ не оставляетъ этого мѣста безъ примѣчанія: „*διαστάνας, die Könige. Sie theilten sich in zwei gleiche Gruppen, die sich im Einzelkampfe tödteten. Das Volk blieb natürlich unbetheiligt*“. Кто же изъ насъ сочиняетъ курьезы? Но что кажется естественнымъ истинному знатоку греческаго языка, то г. Каленовъ считаетъ курьезною выдумкой переводчика.

Что касается словъ „изъ-за праха“, которыя будто бы выдуманы нами, и по поводу которыхъ рецензентъ восклицаетъ: „Откуда онъ взялъ этотъ прахъ, неизвѣстно“,—это недоразумѣніе г. Каленова разрѣшилось бы просто и легко, еслибы только онъ умѣлъ слыхать переводъ съ подлинникомъ. Дѣло въ томъ, что рукописное чтеніе *πρὸ πολλοῦ* и *πρὸς πολλοῦς*,—послѣднее извѣстно и рецензенту,—исправлено Штейномъ въ *πρὸ σποδοῦ*, и поправка внесена въ текстъ

въ тотъ самый текстъ, по которому сдѣланъ и нашъ переводъ... Что же намъ было писать? Sancta simplicitas!

Но верхомъ нашего невѣжества могло показаться читателю Моск. Вѣдомостей и кажется нашему рецензенту, что въ главѣ 85-й ἐς βρεχὸς ἐκὶ τῆ ἱρῆ мы перевели: „сѣлъ на косѣ“ вмѣсто „у храма“. И въ самомъ дѣлѣ, не зная, что ἱερόν или ἱερόν означаетъ свѣтлыице, храмъ и обратитъ храмъ въ косу, мыслъ! Въ укоризну намъ г. Каленовъ замѣчаетъ, что онъ сравнивалъ (sic) всѣ лучшія нѣмецкія изданія: Вера, Крюгера, Штейна, Абихта, и во всѣхъ чтеніе этого мѣста оказалось одинаковымъ. Что жъ дѣлать? И на старуху бываетъ проруха. Въ предисловіи къ переводу мы обозначили ясно, текстъ какого изданія Штейна избранъ нами для перевода, а потому, будь у насъ въ этомъ мѣстѣ „у храма“, намъ необходимо было бы или дать критическое замѣчаніе, что нарушало бы общій планъ нашего перевода, или подвергнуться упреку со стороны дѣйствительно знающаго критика. Въ Штейновомъ изданіи 4-й книги (1877 г.) читаемъ: ἐκὶ τῆ ῥίφ, а не ἐκὶ τῆ ἱρῆ, а слово ῥίον значить мыслъ, коса. Не такъ ли, г. Каленовъ? Но мы добыли переводъ Геродота самого Штейна и тамъ читаемъ: Dasselbst setzte er sich auf einen Vorgsprung. Зачѣмъ же повнадобилось рецензенту говорить неправду, будто онъ „сравнивалъ“ для даннаго мѣста всѣ лучшія изданія Геродота?

Впрочемъ, есть случаи, когда сила рецензента обнаруживается со всею непрекаемостью. Это — случаи описокъ. Тутъ онъ стоитъ на твердой почвѣ. Такъ, у насъ написано съ правой стороны вмѣсто съ лѣвой стороны, откуда дѣлается заключеніе, что переводчикъ не знаетъ слово ἀριστέρος. Но вѣдь слово это встрѣчается у Геродота много разъ и переводится „лѣвѣй“...

Вотъ какого рода тѣ нелѣпости, какія изобличаетъ съ изумительною увѣренностью нашъ критикъ. Не съ большой ли головы на здорovou?

Прежде, чѣмъ перейти ко второй группѣ нашихъ ошибокъ, въ которыхъ искажается смыслъ подлинника, а Геродотъ является помѣшаннымъ человѣкомъ и пр., мы замѣтимъ, что г. Каленовъ по напечатанію своей замѣтки убѣдился, вѣроятно, какъ трудно на протяженіи не двухъ газетныхъ столбцовъ и не 85 главъ одной книги, во двухъ большихъ томовъ уберечься отъ опечатокъ. Въ собственной его замѣткѣ мы находимъ и невѣроятное правописаніе греческихъ словъ, и небывалое имя. Такъ, τῆ ἱρῆ вмѣсто τῆ ἱρῆ, ἐκὶ τῆ

(bis) вмѣсто ἐκαί-τε, Сетаспъ (всѣ четыре раза) вмѣсто Сатаспа, или Сатаспесъ. Описки ли это, или опечатки, для насъ все равно.

Между тѣмъ чего только не взваливаетъ на насъ г. Каленовъ въ обзорѣниі ошибокъ второй группы по поводу гораздо болѣе ясныхъ типографскихъ или рукописныхъ lapsus. Такъ, въ главѣ 44 достаточно поставить слово Индію вмѣсто Ливію, какъ стоитъ у насъ, и всѣ изліянія рецензента теряютъ свой raison d'être; въ гл. 85 (1-е изданіе) вмѣсто уже слѣдуетъ поставить устье, чтò казалось намъ на столько яснымъ, что мы не внесли даже этой опечатки въ листокъ опечатокъ при первомъ изданіи. Во второмъ изданіи мы замѣнили слово устье мѣстоименіемъ оно, но въ знакахъ препинанія оказалась перестановка, а рецензентъ рветъ и мечетъ по этому поводу. Нашъ уважаемый критикъ г. Цукаревъ, на страницахъ Журн. Мин. Нар. Пр. отмѣтилъ нѣсколько случаевъ такихъ lapsus, но какъ lapsus, потому что и безъ этого онъ располагалъ достаточнымъ матеріаломъ для критики. Не то г. Каленовъ. Онъ считаетъ нужнымъ останавливаться и на 45 главѣ, хотя все наше разногласіе сводится къ тому, что у меня написано одной, а онъ желаетъ навязать мнѣ единой. За это я не стою; не хорошо только, что внесенную мною поправку во 2-е изданіе онъ приписываетъ какому-то „постороннему указанію“,—не самого ли г. Каленова или другаго подобнаго, какъ можетъ легко подумать читатель.

Еще хуже то, что г. Каленовъ дозволяетъ себѣ настоящія передержки, и тутъ же берется поправлять переводчика, не зная значенія такого сочетанія, какъ ἐκαί-τε. Мы перевели эти слова для литературнаго перевода словомъ именно, а онъ предлагаетъ свою поправку уже съ спеціальною цѣлью и потому, надо бы думать, буквально отвѣчающую словамъ подлинника, и пишеть тогда какъ—значеніе въ данномъ случаѣ невозможное, а вообще невѣрное. Рецензентъ, очевидно, не могъ справиться съ ограничительною и пояснительною частицею τε и потому счелъ за лучшее игнорировать ее совсѣмъ. Въ нѣмецкихъ словаряхъ ἐκαί-τε значитъ da nämlich, weil ja, а на русскомъ языкѣ причинные союзы ѣар и ꙗкѣ съ наибольшимъ удобствомъ во многихъ случаяхъ могутъ быть передаваемы словомъ именно. Во всякомъ случаѣ греческое сочетаніе въ нашемъ мѣстѣ не имѣетъ значенія „тогда какъ“. И на сей разъ рецензенту могъ бы помочь тотъ же Штейнъ, и имъ признаваемый за авторитетъ: „ἐκαί-τε“, говорятъ онъ,—„denn was den Sataspes anbelangt, so hat er die Fahrt nicht vollendet. sonst wäre auch er unter den Zeugen zu nennen“.

Еслибы рецензентъ внимательнѣе отнесся къ нѣмецкимъ пособіямъ, онъ не сталъ бы взводить на насъ напраслину. У насъ сказано: „Впослѣдствіи то же сообщали кароагеняне, именно: Сатаспесъ, сынъ Теасписа, изъ рода Ахеменеса“ и пр. Подъ словами „то же самое“ разумѣется извѣстіе, что Ливія омывается кругомъ водою, о чемъ сказано у Геродота выше. Срвн. примѣчаніе Штейна къ гл. 43-й. Сатаспесъ не могъ быть свидѣтелемъ этого, потому что не объѣхалъ Ливіи кругомъ. Такъ понимаетъ и Штейнъ, что можетъ видѣть читатель изъ приведеннаго выше нѣмецкаго примѣчанія. Гдѣ же мы обращаемъ перса Сатаспеса въ кароагенца? Чтобы доказать это, рецензентъ выпускаетъ промежуточные слова и соединяетъ: „кароагеняне, именно Сетаспъ“. Къ чему же понадобилась эта передержка? Видно, критика не такъ легка, какъ кажется...

Послѣдняя изъ указанныхъ г. Каленовымъ ошибокъ содержится въ 22-й главѣ. Вотъ это мѣсто дѣйствительно осталось у насъ не исправленнымъ, и какъ мы его напишемъ въ новомъ изданіи, если доведется, это—наше дѣло, только не позаимствуемся отъ рецензента для перевода *κατανοήτος εἶναι* ни словами „ради низкости“, ни „чтобы быть незамѣтною“.

Мы разобрали всѣ указанія рецензента и предоставляемъ читателю судить о степени обнаруженныхъ имъ знаній и о качествахъ его литературныхъ приемовъ. Но г. Каленовъ не ограничился „фактическими“ изобличеніями ошибокъ въ разсмотрѣнныхъ имъ 85 главахъ 4-й книги, а потому и мы не можемъ остановиться на этомъ. Зачѣмъ это рецензенту понадобилось упомянуть похвальный отзывъ профессора Модестова въ журналѣ *Новь* о нашемъ „Геродотѣ“, какъ будто репутаціей своею обязаны мои переводы только похваламъ этого много работающаго ученаго. Гораздо болѣе похвальные отзывы о нашемъ переводѣ „Геродота“ были въ другихъ изданіяхъ, напримѣръ, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, *Повомъ Времени* и и. др. Что касается того, на сколько небрежно отношусь я къ нѣмецкимъ ученымъ, объ этомъ рецензентъ могъ бы лучше всего узнать изъ нѣмецкихъ спеціально-филологическихъ изданій *Berliner philolog. Wochenschrift* (1887, № 20; 1888, № 36), *Wochenschrift f. class. Philologie* (1887, № 51; 1888, № 2). Всѣ четыре тома моихъ переводовъ подверглись разсмотрѣнію въ учебномъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, всѣ они одобрены и рекомендованы комитетомъ для среднихъ учебныхъ за-

веденій; а вотъ что говорить о нашемъ Геродотѣ строгій, безспорно знающій дѣло и добросовѣстный критикъ Журнала: „Если просматривать указатель подъ рядъ, прочитывая наиболѣе подробныя примѣчанія, которыя выдѣлены по большей части въ скобкахъ, то можно только преклоняться передъ знаніями г. Мищенко и тою любовью и стараніемъ, съ которыми онъ привлекаетъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, зачастую изъ другихъ специальностей (напримѣръ, естественно-историческія), для объясненія автора, которымъ онъ, очевидно, всесторонне и съ любовью занимался многіе годы. Особенно можно позавидовать знакомству г. Мищенко съ англійскою Геродотовскою и оріентальною литературою — знакомство, рѣдкое между русскими учеными, обыкновенно находящимися подъ сильнѣмъ, зачастую исключительнымъ вліяніемъ нѣмецкой науки“.

Много ли, мало ли поправили мы переводъ для втораго изданія, объ этомъ пускай судятъ болѣе компетентные судьи, чѣмъ г. Каленовъ.

Ф. Мищенко.

Отвѣтъ на рецензію проф. И. И. Манаева на сочиненіе: „Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи“.

Въ іюньской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за текущій годъ появилась рецензія проф. Манаева на изданный Русскимъ Географическимъ Обществомъ трудъ мой „Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи“.

Въ началѣ своей рецензіи г. Манаевъ разбираетъ изложеніе причинъ, побудившихъ меня обнародовать свое сочиненіе. Раскрывая эти причины въ предисловіи къ своей книгѣ, я говорилъ, что, получивъ возможность приступить къ разработкѣ своихъ дневниковъ, я почиталъ въ ту пору „болѣе благовременнымъ и болѣе важнымъ сгруппировать собранныя мною свѣдѣнія о буддійскихъ монастыряхъ“ (стр. VII), при чемъ указанная благовременность вытекала для меня изъ того, что 1887 годъ, когда, по расчету, я могъ обнародовать свою книгу, удачно совпадалъ съ годомъ трехсотлѣтняго юбилея возрожденія буддизма въ Халхѣ. Эта замѣтка о трехсотлѣтіи, которое, какъ увидимъ ниже, не имѣетъ ровно никакого значенія у азіатовъ, да и изъ среды европейцевъ вспомнано, вѣроятно, только мною, при одномъ словѣ „юбилей“ со-

здала въ воображеніи г. Минаева цѣлую картину религиозныхъ торжествъ въ Монголіи, участникомъ которыхъ онъ представляетъ и меня. Г. Минаевъ совершенно забылъ даже о невозможности примѣнять къ жизни востока обычаи, усвоенные Европой, а потому убѣждаетъ далѣе своихъ читателей въ такой догадкѣ: „Не подлежитъ сомнѣнію, что юбилей, празднуемый г. Позднѣвымъ, имѣетъ высокое религиозное значеніе не только для халхасовъ, но и, напримеръ, для русскихъ подданныхъ бурятъ“. Эта догадка легко можетъ показаться намекомъ, что своимъ изданіемъ я дѣйствовалъ въ угоду бурятъ-буддистовъ; но къ счастью, то, что „не подлежитъ сомнѣнію“, по мнѣнію г. Минаева,—не имѣетъ никакого оправданія въ дѣйствительности и свидѣлствуетъ только о томъ, что ему неизвѣстна самая выдающаяся изъ особенностей монгольской народности. По этой характерной особености всѣ монголы-буддисты, безотчетно увлекаясь возвышенными идеями, смотрятъ на дѣйствительность, какъ на нѣчто ничтожное и недостойное вниманія, а потому рѣшительно небрегутъ храненіемъ памяти о событіяхъ своей минувшей жизни. Это извѣстно всѣмъ, хотя мало знающимъ монголовъ (разумѣемъ подъ этимъ общимъ именемъ всѣ монгольскія народности), и каждый изъ таковыхъ совершенно убѣжденъ, что ни халхасы, ни еще больше буряты не только не праздновали въ 1887 году никакого юбилея возрожденія буддизма въ Халхѣ, но даже ни одному изъ нихъ и въ голову не пришло, что въ 1887 году исполнилось 300 лѣтъ со времени этого дѣйствительно знаменательнаго въ жизни монголовъ событія. Но профессору Минаеву хотѣлось доказать, что основною причиною, побудившею меня обнародовать свою книгу, былъ именно трехсотлѣтній юбилей, и съ этою цѣлью онъ игнорируетъ все то, почему считалъ я важнымъ свое изданіе, и распространяется только объ этомъ юбилей. А между тѣмъ я совершенно ясно говорилъ, что важность моего изслѣдованія обуславливается весьма многими обстоятельствами. Впервые, несомнѣнно, что буддизмъ, получивъ чрезвычайное развитіе въ Монголіи, „руководитъ теперь не только всѣми дѣяніями, но и сужденіями и намѣреніями монголовъ“; отсюда я утверждалъ, что изученіе буддизма важно въ дѣлѣ ознакомленія съ жизнью монголовъ вообще, и что „признапіе этой важности побуждаетъ меня приступить къ изданію моихъ замѣтокъ прежде всего о буддизмѣ въ Монголіи“ (стр. IX). Вотъ торыхъ, мы почти не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о цзонхавинскомъ вѣроученіи, о его обрядахъ, требованіяхъ и проч.; между

тѣмъ Россіи въ настоящее время можетъ считать у себя уже миллионъ поклонниковъ будды по сектѣ Цзонхавы, — для правильнаго же отношенія къ ламству и ламантамъ намъ необходимо знать ихъ собственныя ученіе, правила и воззрѣнія (стр. XII). Встрѣтихъ, мое изслѣдованіе имѣетъ своимъ предметомъ именно обрядовое ученіе ламантовъ, одинаковое и для халхасовъ, и для нашихъ забайкальскихъ бурятъ, и для волжскихъ, донскихъ и ставропольскихъ калмыковъ; а какъ буддизмъ у всѣхъ этихъ народностей сводится главнымъ образомъ къ обрядности, то именно практическое-то ученіе его и представляетъ особенную важность для нашихъ администраторовъ въ борьбѣ съ буддизмомъ (стр. XIV). Полагаю, что эти указанія исполнѣ выясняютъ, почему, начавъ разработку своихъ дневниковъ, я приступилъ прежде всего къ изданію очерковъ быта буддійскихъ монастырей. Умолчать совершенно объ этихъ причинахъ не могъ и г. Минаевъ; но онъ, не останавливаясь на нихъ, лишь вскользь замѣчаетъ: „Впрочемъ у автора, при изданіи его книги, кромѣ желанія принять посильное участіе въ халхаскомъ юбилеѣ, были, по всей вѣроятности, еще и другія цѣли“.

Свое „не подлежащее сомнѣнію“ заключеніе о значеніи халхаскаго юбилея для бурятъ г. Минаевъ задумалъ подтвердить высказанными мною въ моихъ прежнихъ работахъ наблюденіями относительно связи бурятъ съ халхасами. „Г. Позднѣевъ разказываетъ когда-то“, говоритъ онъ, — „что ламы у бурятъ... вселяютъ въ сердца ихъ вѣру въ духовное величіе буддійскихъ святыхъ въ отдаленныхъ мѣстахъ спѣжнаго царства и сопредѣльной имъ Монголіи“. Но спросимъ профессора, откуда взялъ онъ эти мои рѣчи, и имѣлъ ли право приводить ихъ какъ доказательство своихъ заключеній? Оказывается, что все это было говорено мною въ разъясненіе той же мысли, что монголы чуждаются реальнаго, что даже въ области любимыхъ ими религіозныхъ вопросовъ они не думаютъ о существующихъ предметахъ ихъ почитанія или о дѣйствительныхъ событіяхъ, а напротивъ, ихъ мысль витаетъ только въ отвлеченностяхъ. „Воспѣвая святыхъ буддизма въ той или другой странѣ“, говорилъ я, — „бурятскіе ламы обращаютъ все свое вниманіе на духовное значеніе этихъ предметовъ, изображаютъ исключительно ихъ мистическую сторону, упоминаютъ только о томъ, въ чемъ проявляется ихъ таинственное значеніе, описаніе же внѣшности этихъ святыхъ ограничиваютъ едва ли не одною ихъ номенклатурой... Такимъ образомъ ламы у бурятъ... вселяютъ въ сердца ихъ

вѣру"... и проч. Желающихъ провѣрить наше показаніе мы отсылаемъ къ стр. 222 сочиненія, „Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ“; по ней каждому будетъ очевидно, на сколько сдѣланная профессоромъ Минаевымъ выписка можетъ въ дѣйствительности подтверждать его настоящую мысль, что буриты за одно съ халхасами должны праздновать воспоминанія объ историческихъ событіяхъ Халхи.

Сверхъ того, г. Минаевъ приводитъ цѣлую страницу выписокъ изъ моихъ прежнихъ работъ, по которымъ оказывается, что прежде я говорилъ о буддизмѣ совсѣмъ иное, чѣмъ утверждаю теперь. Существеннѣйшія изъ приводимыхъ мѣстъ суть слѣдующія: „Монгольскіе ламы, вопреки обѣтамъ безбрачія, живутъ открыто съ женами и имѣютъ дѣтей; пьютъ вино какъ воду, наконецъ, они прославились даже какъ разбойники. Буддизмъ докончилъ дѣло убійства халхасовъ. Черезъ три года послѣ появленія на свѣтъ халхасъ дѣлается ламой и балованнымъ ребенкомъ; съ 10-ти до 17-ти заучиваетъ нѣсколько молитвъ и усволяетъ науку ханжества, притворства и обмановъ; въ 20-ть лѣтъ начинается у него жизнь, полная разгула и лишеній“ и т. д. Понабравъ еще съ десятокъ подобныхъ же замѣтокъ, г. Минаевъ почелъ этого достаточнымъ для уразумѣнія того, какъ смотрѣлъ я на буддизмъ прежде, и произноситъ свое заключеніе: „Прежде, тотчасъ по возвращеніи изъ Монголіи, авторъ живо описалъ ламъ пьяницами развратниками, теперь... въ годъ халхаскаго юбилея, онъ утверждаетъ, что въ халхаскихъ монастыряхъ существуютъ строгія правила. Гдѣ же правда? Куда вкралась кривда? Конечно, можно и не сильно добиваться отвѣта, можно успокоиться на томъ соображеніи, что указанія противорѣчія имѣютъ значеніе только для характеристики нашего автора“...

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что я никогда не называлъ ламъ развратниками, а мое выраженіе „пьютъ вино какъ воду“ вовсе не характеризовало ихъ какъ пьяницъ. Общій смыслъ стр. 80 сочиненія „Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ“, откуда взято это отрывочное выраженіе, несомнѣнно покажетъ всякому, что рѣчь идетъ у меня не о пьянствѣ ламъ, не о количествѣ вина, выпиваемого ламами, а о томъ, что совѣсть ихъ ни мало не возмущается нарушеніемъ принятаго обѣта не прикасаться къ водкѣ, и что они пьютъ ее какъ невиннѣйшій изъ напитковъ. Но пусть за г. Минаевымъ остается то толкованіе моихъ словъ, какое онъ далъ имъ; я согласенъ даже на то, что ламъ живописалъ я нарушителями

кнаоновъ, а въ буддійскихъ монастыряхъ нашель не только существующими, но и исполняющимися стройныя правила. Что же слѣдуетъ изъ этого? Г. Минаевъ, очевидно, не хотѣлъ ни принять къ свѣдѣнію, что въ новой книгѣ я далъ очерки быта буддійскихъ монастырей, ни понять мои описанія, хотя они изложены совершенно ясно. „Если“ говорилъ я,—„подъ духовенствомъ сѣверной Монголіи разумѣть всѣхъ лицъ, принявшихъ духовное званіе и священныя обѣты (то-есть, всѣхъ носящихъ званіе ламъ), то оно составитъ собою такой многочисленный классъ въ Халхѣ, что охватитъ болѣе $\frac{5}{8}$ всего халхаскаго народа (стр. 110); по число тѣхъ ламъ, которые постоянно живутъ въ монастыряхъ, является сравнительно уже очень незначительнымъ (стр. 114). Большинство мопгольскихъ ламъ поступаетъ въ монастырь отъ 8-ми до 10-ти лѣтняго возраста, проживаетъ въ немъ лѣтъ до 17-ти и засимъ возвращается въ степи, чтобы проводить тамъ обыденную жизнь простолюдиновъ (стр. 115) на вѣчную жизнь въ монастырѣ посвящаютъ себя весьма немногіе (стр. 114). Въ хошувѣ Мэргэнь-вана въ 1878 г. считалось, напримѣръ, всѣхъ ламъ различныхъ степеней 2384 человекъ, а въ хошунныхъ монастыряхъ ихъ проживало только 118 (стр. 169). Далѣе я обстоятельно изложилъ, что каждый монастырскій лама гэлунъ ежедневно совершаетъ религиозныя обряды (стр. 170), даетъ наставленіе простолюдинамъ (стр. 172), исполняетъ требы (стр. 173), обучаетъ учениковъ (стр. 174); сверхъ сего, тѣ же монастырскіе ламы переписываютъ книги, выдѣлываютъ бурхановъ, являются лучшими портными, ткачами, красильщиками, столярами, плотниками и т. д., словомъ трудятся гораздо больше простолюдиновъ (стр. 178). Ламы, проживающіе въ степи, напротивъ, ничѣмъ не разнятся отъ людей свѣтскихъ (стр. 176). Переселившись въ монастыря въ степь, эти ламы включаются въ списокъ хошунныхъ данщиковъ (стр. 115), служатъ на пограничныхъ пикетахъ, являются почтарями, отбываютъ даже военную повинность (стр. 116), женятся и имѣютъ дѣтей (стр. 176); короче, они дѣлаются ламами только въ дни великихъ хураловъ (стр. 177), то-есть, „дней на десять въ теченіе всего года“ (стр. 291). Приведенныхъ указаній, я полагаю, достаточно для уразумѣнія того, что я дѣлаю строжайшее различіе между монастырскими ламами и ламами, живущими въ степяхъ; а отсюда не трудно рѣшить, справедливо ли на образъ жизни первыхъ переносить то, что говорилось мною о вторыхъ. Составляя очерки быта буддійскихъ монастырей я долженъ былъ описывать буддійскихъ, собственно монастырскихъ

ламъ; ислѣдуя прежде народныя пѣсни монголовъ, я характеризовалъ ламъ, живущихъ въ народѣ, а не за монастырскою стѣною.

Но вѣдь ламы принимаютъ обѣты 3-хъ, 4-хъ лѣтъ, а въ монастырь приходятъ лѣтъ десяти. Г. Минаевъ указываетъ на мой прежній отзывъ, что халхасъ „трехъ лѣтъ дѣлается ламою и балованнымъ ребенкомъ“; можетъ быть, въ этомъ я противорѣчу себѣ настоящимъ ислѣдованіемъ? Но вотъ что говорится у меня какъ заключеніе трактата о воспитаніи дѣтей, принявшихъ посвященіе: „Благодаря (этой) относительной свободѣ, дѣти монголовъ, принявшіе обѣты монашества, бываютъ крайне шаловливы, своевольны, капризны и упрямы... Съ дѣтства привыкаютъ они къ отличіямъ, такъ какъ ребенку-баньди всегда и первое мѣсто и первый кусокъ; нерѣдко можно видѣть, что отецъ монголъ сажаетъ своего шестя, семилѣтняго сына-баньди выше себя и очевидно заботится о томъ, чтобы угодить ему“ (стр. 129).

„Съ 10-ти до 17-ти лѣтъ (лама) изучиваетъ нѣсколько молитвъ и усваиваетъ себѣ науку ханшества, притворства и обмановъ“. Обязательный курсъ ламскаго ученія подробно изложенъ у меня теперь на стр. 134 настоящаго труда; этотъ курсъ заключаетъ въ себѣ всего 39 чтеній. Ханшество, притворство и обманы являются какъ необходимый результатъ также описанной мною системы воспитанія хувараконъ; что же касается изобрѣженія этихъ пороковъ, то не предубѣжденный увидитъ ихъ на многихъ и многихъ страницахъ книги. Вотъ, напримѣръ, какое заключеніе представляю я по поводу обычности обмановъ въ исполненіи правила, предписывающаго не замедлять возвращеніемъ по выходѣ изъ хурала, „Вѣроятно, наученные долгимъ опытомъ о преступленіи этого правила каждымъ, гебкуи постановили, что каждый, возвращающійся въ кумирию, долженъ водходить для полученія наказанія“. Относительно другихъ болѣе серьезныхъ проступковъ у хувараконъ отроческаго возраста я замѣчаю, что „къ нимъ относятся неумѣренныя драки, воровство и прочее. Во время одного изъ моихъ посѣщеній цокчина одинъ мальчикъ, лѣтъ 13-ти, былъ уличенъ другимъ въ кражѣ у него чашки; вориска тутъ же, въ кумирнѣ, былъ раздѣтъ до нага и высѣченъ. Сцены такого рода повторяются ежедневно“.

„Въ 20-ть лѣтъ (у ламы) начинается жизнь, полная разгула и лишеній“... Это было говорено мною о томъ періодѣ жизни ламъ когда: окончивъ изученіе богослужебнаго круга, они получаютъ званіе старшихъ баньди и засимъ принимаютъ обѣты гѣцуля (стр. 135). Теперь

объ этихъ гѣцуляхъ и старшихъ баньди я говорю: „Это самый вольный народъ. Прощедши курсъ наукъ, каждый гѣцуль, равно какъ и старшій баньди, если они не имѣютъ собственной склонности къ занятіямъ, остаются свободными и безъ присмотра на цѣлый день. Въ урочное время они три раза присутствуютъ при богослуженіяхъ, весь же остальной свой досугъ посвящаютъ ничего недѣланью, бродя изъ юрты въ юрту, или шатаясь гдѣ-либо за стѣнами монастыря“ (стр. 174). Шатанія эти обыкновенно приводятъ къ тому, что лама увлекается міромъ, оставляетъ монастырь и начинаетъ жить своимъ домкомъ, какъ всякій простолюдинъ. Съ этого времени лама уже не состоитъ въ монастырѣ и ео ipso не можетъ быть предметомъ изслѣдованія трактующей о монастыряхъ книги; но съ этой же поры обязанности, наложенныя имъ на себя обѣтами ламства, дѣйствительно предаются имъ полному забвенію: вмѣсто обѣта безбрачія онъ начинаетъ открыто жить съ женщиною; давъ обѣтъ не прикасаться къ вину, будетъ пить его именно съ такою же спокойною совѣстью, какъ выпилъ бы воды. Но объ этихъ ламахъ на стр. 177 у меня прямо замѣчается, что я готовъ согласиться и вовсе не считать ихъ ламами. Послѣ представленныхъ выписокъ мнѣ приходится въ свою очередь спросить: гдѣ же взаимное несогласіе моихъ показаній? Въ чемъ заключается ихъ противорѣчіе? Конечно, можно и не сильно добиваться отвѣта и успокоиться на томъ соображеніи, что подыскиваніе какихъ-либо, хоть мнимыхъ, противорѣчій имѣетъ значеніе лишь для характеристики нашего критика.

Создавъ въ своемъ воображеніи для меня роль апологета буддизма, г. Минаевъ нашелъ потомъ, что роль эта не выдержана мною послѣдовательно, что въ моей книгѣ „проскальзываютъ факты, прямо противорѣчащіе тому, что заявлено въ предисловіи“. Отысканныя г. Минаевымъ по этому поводу новыя противорѣчія заключаются въ томъ, что въ предисловіи я подвергъ сомнѣнію вопросъ о развратной жизни ламъ, а въ изслѣдованіи излагаю нѣсколько фактовъ о сожительствѣ хутухтъ съ паложницами. Но вѣдь если г. Минаевъ не хотѣлъ вникать въ выясненныя мною обстоятельства, то пусть обратилъ бы онъ вниманіе хоть на внѣшность. Спрашивается: почему даже весь трактатъ о хутухтахъ выдѣленъ мною въ отдѣльную главу? Да потому, что хутухты не могутъ быть описываемы заодно съ ламами. Первымъ моимъ словомъ о хутухтахъ было то, что они составляютъ собою особый классъ буддійскаго духовенства. Условія происхожденія и жизни хутухтъ,

взгляды на нихъ народа, все это отлично отъ условій ламъ, какъ монастырскихъ, такъ и покинувшихъ монастыри для свободной жизни въ степи. Разказавъ о жизни хутухтъ и характеризуя отношенія къ нимъ народа, я говорилъ, что „можно по истинѣ удивляться непоколебимому и глубоко благоговѣйному вѣрованію народа въ сверхъестественность бытія ихъ святителей и, кажется, никакія обстоятельства не въ силахъ вложить въ душу монгола сомнѣнія, что хубилганъ такой же человѣкъ“ (стр. 261). „Никакія, даже самыя эксцентричныя выходки хутухтъ нисколько не оскорбляютъ религіознаго чувства монгола“ (стр. 262). Все это, конечно, можетъ быть понято и усвоено людьми, желающими знать монголовъ, также точно, какъ все это извѣстно знакомымъ съ монгольскимъ бытомъ. Профессоръ Васильевъ какъ бы въ развитіе сказаннаго имъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ сочиненіи „Религіи востока“ (стр. 70) и въ подтвержденіе моихъ сообщеній, въ разборѣ моей книги (напечатанномъ рядомъ со статьей г. Минаева) пишетъ: „Хотя бы выросши, такой перерожденецъ и оказался полнымъ невѣждой, но ему не откажутъ даже въ титулъ всевѣдущаго; какъ бы душно на вель онъ себя, простой народъ увѣренъ, что святитель съ умысломъ притворяется“. Но, по мнѣнію г. Минаева, всѣ ламы живутъ по одному шаблону; ко всему примѣняетъ онъ одну мѣрку, а потому и дѣлаетъ такое заключеніе: „Ужъ если хутухта имѣетъ наложницъ, то, само собою разумѣется, простой лама и подавно въ этомъ грѣшенъ“. Выходитъ однако какъ разъ на оборотъ. О хутухтахъ можно сказать, что большинство изъ нихъ свободно живетъ съ женщинами; относительно же описываемыхъ мною монастырскихъ ламъ „будетъ черезъ чуръ несправедливо, еслибы мы вздумали почитать ихъ пьяницами и развратниками“ (стр. 178). Въ подтвержденіе своего мнѣнія о развратной жизни ламъ г. Минаевъ указываетъ то мѣсто изъ моей книги, гдѣ я въ короткихъ словахъ сообщаю о судьбѣ ламъ, покидающихъ монастырь, чтобы захватить жизнью монгольскихъ престолоудинцовъ; говорю, что эти ламы, оставивъ монастырь, вступаютъ въ сожительство съ женщинами, не совершая никакихъ брачныхъ обрядовъ и замѣчаю, что такой порядокъ, при его обычности, мало имѣетъ значенія для нравственнаго чувства монголовъ. „Любопытно“, восклицаетъ по этому поводу г. Минаевъ, — „извѣстна ли халхаскимъ хуваракамъ эта точка зрѣнія на сожительство внѣ брака и жоржъ-заидовскія вольныя мысли о бракѣ?“ Думаю однако, что г. Минаевъ не задастъ бы этого вопроса, еслибы внимательно просмотрѣлъ мои „Образцы народной

литературы монгольскихъ племенъ"; такъ на стр. 112 онъ нашелъ бы очень характеристичную поговорку калхасовъ, которая гласитъ: „эрэ хунъ хулагайнѣса гарху ѳосу угэй, эмэ хун хуйлѣса гарху ѳосу угэй"; это значитъ: „мужчинѣ уходитъ отъ воровства—не порядокъ, а бабѣ уходитъ отъ бля...ва не порядокъ". Вотъ монгольская точка зрѣнія на сожительство внѣ брака!

Покончивъ съ противорѣчіями, г. Минаевъ обращается къ научной оцѣнкѣ моего труда. „Въ европейской литературѣ" ... говоритъ онъ, — „вошли въ общее употребленіе два термина при описаніи буддизма... есть южный буддизмъ (въ Цейлонѣ, Вирѣ, Сіамѣ) съ тремя языками на языкѣ Пали и сѣверный (въ Непалѣ, Сиккимѣ, Тибетѣ, Китаѣ, Монголіи), сохранившій обширную литературу въ переводахъ на тибетскомъ и китайскомъ языкахъ и отчасти въ оригиналахъ въ Непалѣ. Буддизмъ въ Монголіи не есть явленіе, стоящее внѣ этихъ двухъ важныхъ фактовъ. Монголы приняли буддизмъ изъ Тибета... богослуженныя книги написаны у монголовъ на тибетскомъ языкѣ... очевидно, что какого-то особливаго, монгольскаго буддизма нѣтъ". Все это, конечно, говорится по поводу того, какъ осмѣлился написать я особое изслѣдованіе о буддійскихъ монастыряхъ въ Монголіи, если европейская литература ввела въ употребленіе при описаніи буддизма два термина—сѣверный и южный.

Терминъ „сѣверный буддизмъ" хотя и извѣстенъ мнѣ изъ европейской литературы, однако никакъ не могъ быть принятъ мною. Въ самомъ дѣлѣ, мы признаемъ возможность допустить различіе буддійскаго вѣроученія по школамъ и сектамъ, дѣлится это ученіе на хинаяническое и махаяническое; но въ терминахъ сѣверный и южный буддизмъ не видно даже и смысла. Г. Минаевъ упрекаетъ меня за незнакомство съ Винаей; но именно основательное знакомство съ Винаей, толкующей о правилахъ жизни и обрядахъ буддистовъ, и должно было бы показать ему всю несостоятельность терминовъ — сѣверный и южный буддизмъ. Развѣ одно и то же представляетъ собою буддизмъ въ Непалѣ, Китаѣ и Монголіи, причисляемыхъ европейцами, а вслѣдъ за ними и г. Минаевымъ, къ одному сѣверному буддизму? Конечно, доходя до первоисточника, мы должны будемъ сказать, что догма у нихъ одна; но теоріи, умозрительныя объясненія этой догмы весьма различны. Не говоримъ уже о философскихъ доктринахъ, — обратимся къ обрядовому ученію буддизма, изложенному въ Винаѣ. И въ Непалѣ, и въ Китаѣ, и въ Монголіи признается Виная, и однако, на основаніи толкованій этой Виная.

въ Непалѣ нѣтъ безбрачнаго духовенства, нѣтъ и монастырей, а въ Китаѣ хошанн не могутъ и помыслить о бракѣ, жилищемъ же ихъ является только монастырь; по тому же различію толкованій Винаи, китайскій хошанъ во всю свою жизнь не прикасается къ мясу, а монгольскій лама не только ѣстъ его, но еще называетъ китайскаго хошана еретикомъ за его своеобразное толкованіе Винаи. Спрашивается: какое же право имѣемъ мы признавать за единое тѣ вѣроученія, которыя сами почитаютъ другъ друга еретическими? По той же причинѣ мы всегда думали, что, при изученіи современнаго намъ буддизма въ различныхъ странахъ, недостаточно знанія Винаи: текстъ ея, какъ памятникъ историческій, несомнѣнно, важенъ для изученія основъ буддизма, положенія его въ древности, но для познанія его современнаго состоянія необходимо знать принятыя въ той или другой странѣ комментаріи Винаи, а эти послѣдніе различны въ своихъ толкованіяхъ иногда до діаметральной противоположности. Г. Минаевъ держится, по видимому, другихъ взглядовъ и, развивая далѣе свою мысль о значеніи для моего труда текстовъ Винаи, говоритъ: „Будь авторъ знакомъ самымъ поверхностнымъ образомъ съ Винаей,... онъ, конечно, разгадалъ бы, что такое служеніе Яра, или Сочжинъ, и описалъ бы и то, и другое не такъ, какъ это сдѣлано имъ въ его книгѣ. Все это такія старинныя, общепубличскія учрежденія, толковать которыя автору обширнаго труда о буддійскихъ монастыряхъ даже нѣсколько неловко“. А какъ бы хотѣлось г. Минаеву, чтобы я описалъ помянутыя служенія? Не хотѣлъ ли онъ, чтобы, сообщая объ обрядахъ Ярай-хурала, принятыхъ въ монгольскихъ монастыряхъ, я выписывалъ тексты Винаи о буддійскихъ лѣтованіяхъ? Или, можетъ быть, ему хотѣлось, чтобы мое описаніе Ярай-хураловъ походило на описаніе этихъ обрядовъ на Цейлонѣ, гдѣ буддійскіе монахи во все время лѣтованія цѣлыми днями произносятъ народу поученія? Думалъ ли онъ, наконецъ, что монгольскій Ярай-хуралъ походитъ на китайскій? По въ томъ-то и дѣло, что обряды Ярай-хурала въ Монголіи равняются даже и отъ тибетскихъ, не смотря на то, что „монголы заимствовали буддизмъ прямо изъ Тибета“. Начать съ того, что въ Тибетѣ еще сохранилось отчасти ученіе Винаи о жребіяхъ, а въ Монголіи его нѣтъ совершенно; въ Тибетѣ въ Ярай-хуралахъ имѣютъ право участвовать не только гэлунъ и гѣцули, но и банди,—въ Монголіи эти послѣдніе лишены такого права; въ Тибетѣ Ярай-хуралъ совершается „7×7=49 дней“, а въ Монголіи только 45, да еще прибавляется одинъ день на хуралъ Гагъ-и, который

опять-таки нисколько не походить на обрядъ Катины. Тибетская цитата, которая кажется г. Минаеву случайно вкрапшеюся въ мою книгу, вовсе не случайна. Гдѣ еще находилъ онъ когда-либо въ объясняющихъ обрядъ лѣтованія буддѣйскихъ легендахъ, чтобы будда предписывалъ созерцанія въ періодъ лѣтованія? Мы по крайней мѣрѣ рѣшительно нигдѣ не встрѣчали такого предписанія, помимо принятаго въ Монголіи служебника Чжанчжа-хутухты. Изъ біографіи этого святителя мы узнаемъ, что въ періодъ пребыванія его въ Кукухото монгольскіе ламы и дѣйствительно, согласно сказанному предписанію, сидѣли въ созерцаніяхъ и полагали еще на себя обѣтъ молчанія при совершеніи Ярнай-хурала; но со временъ Цаганъ даянчи оказалось измѣненнымъ и это: служащіе Ярнай отправляютъ нынѣ лишь свои обычныя, ежедневныя службы, такъ что изъ всѣхъ старинныхъ узаконеній они удержали, кажется, только одно правило не выходить изъ монастыря во все время лѣтованія ¹⁾. Если же таково отправленіе Ярнай-хурала въ Монголіи въ настоящее время, то какъ же я могъ описать его иначе? Ужели мнѣ слѣдовало выписывать правила о немъ, наложенныя въ Випаѣ? Но такое изслѣдованіе не входило въ мою задачу; напротивъ, я хотѣлъ изучить и представить своимъ читателямъ буддизмъ именно въ тѣхъ его формахъ, которыя приняты въ Монголіи. Какимъ образомъ можно было достигнуть такого изученія? Самая кратковременная практика убѣдила меня, что для этого требовалось, во первыхъ, жить въ монастыряхъ по два и по три мѣсяца, вовторыхъ, сходиться съ учеными монгольскими ламами и даже поступать къ нимъ въ науку. По этого проживанія въ монастыряхъ, чтенія номовъ (священныхъ книгъ) и слушанія ламскихъ объясненій еще недостаточно. Не всѣ помы приняты какъ руководство въ употребленіе монголами, равно какъ и не всѣ устные объясненія ламъ могутъ быть правдивы. Вотъ отчего при своихъ изслѣдованіяхъ я не только добывался отъ своихъ учителей устныхъ

¹⁾ По этой-то причинѣ въ монгольскихъ служебникахъ послѣднѣйшаго времени являлось я волое наименованіе хурала Гагъ-и. Прежде это слушеніе называлось „ама нэгэхуйнъ хуралъ“, то-есть, „слушеніе (для) открытія усть“; нынѣ слово „ама“ = ротъ замѣнилъ словомъ „эгуданъ“ = двери и называютъ „эгудан нэгэхуйнъ хуралъ“, то-есть, „слушеніе для открытія дверей“. Есть даже подробное толкованіе, что слово „ама“ понималось прежде черезъ-чуръ точно, какъ „ротъ“, „уста“; тогда какъ оно значить: „ротъ“, „отверстіе“, „проходъ“, „дверь“. Школа Цаганъ даянчи утверждаетъ, что хуралъ Гагъ-и есть слушеніе не „для открытія усть“, а „для открытія дверей“.

толкованій каждаго предмета, его постановки, значенія, причинности и проч., но еще требовалъ для себя провѣрки даваемыхъ объясненій книгою. Этимъ путемъ я достигалъ двухъ цѣлей: съ одной стороны, я убѣждался въ истинности даннаго мнѣ толкованія, а съ другой—узнавалъ, на какихъ именно уставахъ обосновываютъ монголы обрядовую сторону своего культа. Такого-то рода изслѣдованія, виѣстѣ съ текстомъ и переводомъ указанныхъ мнѣ толкованій, были заносимы мною, для памяти, въ дневникъ, и вотъ почему настоящая книга, будучи дословною выпиской изъ этого дневника, является испещренною монгольскими и отчасти тибетскими текстами ¹⁾. Г. Минаевъ полагаетъ, что я буду сконфуженъ его указаніями на несогласныя съ Винаею описанія буддійскихъ обрядовъ и въ свое оправданіе буду ссылаться на заявленіе, что моя книга представляетъ личныя наблюденія, а не изслѣдованія по памятникамъ; поэтому онъ торопится пояснить, что „этого заявленія авторъ въ книгѣ нигдѣ строго не придерживается, а иногда даже какъ будто и совсѣмъ забываетъ его, потому что начинаетъ глухо называть свои источники, или разказывать происхожденіе какого-нибудь обряда культа. Къ сожалѣнію, и то, и другое, въ большей части случаевъ неудовлетворительно“. Полагаю, для читателей понятво теперь, почему и какимъ образомъ мои личныя наблюденія явились подтвержденными у меня монгольскими текстами, правда, признаваемыми г. Минаевымъ неудовлетворительными. Но отстаивать достоинство принятыхъ монголами буддійскихъ сочиненій я, конечно, не стану: очень можетъ быть, что излагаемыя въ нихъ теоріи и толкованія буддистовъ неудовлетворительны—по оцѣнкѣ г. Минаева; для насъ важно лишь то, что эти толкованія приняты въ Монголіи, а что они передаются правильно, за это порукою приводимые въ книгѣ тексты. Не называю я своихъ источниковъ и глухо, а прямо говорю, что въ подтвержденіе своихъ мнѣній, или толкованій ламы ссылаются на такой-то текстъ такого-то сочиненія. Я не счи-

---

¹⁾ Я убѣжденъ, что эти тексты спасли меня отъ очень и очень многихъ возраженій г. Минаева; вѣдь заподозрилъ же онъ меня въ недобросовѣстной передачѣ ламскихъ толкованій рисунка біографіи Шигемунія, которыя не подтверждены у меня текстами? Сообщить эти толкованія я считалъ необходимою, а будущіе изслѣдователи, посѣтивъ монастырь Эрдене-цау, подтвердятъ справедливость моихъ словъ, найдя на стѣнѣ тамошняго Цауань-сумѣ рисунковъ этой біографіи, въ которомъ подъ изображеніемъ каждаго событія сдѣлавы надписи, объясняющія это изображеніе именно такъ, какъ объяснены они въ моей книгѣ.

такъ нужнымъ скрываться въ своихъ изслѣдованіяхъ и глубоко убѣжденъ, что другаго метода и не возможно принять для выясненія истиннаго положенія буддизма въ какой бы то ни было мѣстности. „Буддизмъ представляетъ много измѣненій и отступленій отъ своихъ канонѣвъ въ каждой странѣ, въ которой онъ водворился“. Этотъ выводъ, повторенный въ разборѣ моей книги профессоромъ Васильевымъ, былъ сдѣланъ еще въ прошломъ столѣтіи Палласомъ; это такое старинное, общеевропейское мнѣніе, толковать о которомъ автору обширныхъ изслѣдованій о буддизмѣ даже нѣсколько неловко. И вотъ на основаніи этого-то различія буддизма мы убѣждены, что при изученія и опредѣленія положенія его въ той или другой странѣ рѣшительно не возможно строить никакихъ своихъ выводовъ и умозаключеній,—безошибочнымъ явится только точное знаніе. „Несомнѣнно“, говоритъ г. Минаевъ,—„что все книжное у монголовъ тибетское, и безъ знанія тибетской литературы нельзя основательно описывать буддизмъ въ Монголіи. И это блестяще подтвердилъ нашъ авторъ“. Въ чемъ нашлось указанное подтвержденіе, г. Минаевъ не выспяетъ; я же, вполне признавая значеніе тибетской литературы для изученія буддизма въ Монголіи, тѣмъ не менѣе считаю долгомъ сказать, что, во первыхъ, не все книжное у монголовъ тибетское, а вторыхъ, и многое, находящееся у монголовъ тибетское, отъ тибетскаго разнѣ; опредѣлять это различіе, конечно, не возможно безъ знанія тибетской литературы и я знаю ее, на сколько это мнѣ требуется. Правда, всегда бываетъ трудно отрѣшиться отъ старыхъ убѣжденій, и это блестяще подтвердилъ нашъ критикъ. По тѣмъ основаніямъ, что монголы заимствовали буддизмъ изъ Тибета, и что все книжное у монголовъ тибетское, то-есть, написанное по тибетски, мы долго еще будемъ считать буддизмъ въ Монголіи за тотъ же самый, что и въ Тибетѣ. Однако извѣстно, что монгольскіе ламы, развивая ученіе буддизма, обогатили отъ себя не только монгольскую, но и еще больше тибетскую литературу, ибо громадное большинство монгольскихъ ламъ писало свои сочиненія по тибетски; извѣстно далѣе, что изъ числа этихъ монголо-буддійскихъ сочиненій очень многія не признаются въ Тибетѣ, равно и въ Монголіи не признаются нѣкоторыя сочиненія тибетскія. По мнѣнію г. Минаева, нельзя и говорить „о монголо-буддійскихъ сочиненіяхъ, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ не просто переводы и сочиненія на монгольскомъ языкѣ, а произведенія съ оригинальнымъ монголо-буддійскимъ содержаніемъ“; но еслибы г. Минаевъ былъ ближе знакомъ съ литера-

турою о Монголіи, ему, без сомнѣнія, было бы извѣстно одно замѣчательное сообщеніе профессора Васильева, высказанное еще лѣтъ 25 тому назадъ въ видѣ коротенькой замѣтки „Монгольскіе (ламы),“ говоритъ г. Васильевъ, — „напримѣръ, Чжебдаунъ-дамба ургипскій, Нэйчжи тойнъ и проч. играютъ важную роль въ судьбѣ своей страны, которая находится вполнѣ подъ вліяніемъ ихъ интригъ и наконецъ подъ ихъ управленіемъ; монастыри, ими основываемые, суть зародыши будущаго большаго или меньшаго владычества; сочиненія, ими оставленныя, составляютъ часто даже при ихъ жизни новыя школы“ (Уч. Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. III). И мы, дѣйствительно, не можемъ смотрѣть на современныи монгольскій буддизмъ иначе, какъ на отдѣльную школу тибетскаго, ибо развившееся въ Монголіи вѣроученіе представляется тибетцами въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ даже въ тѣсной связи съ погрѣшительными догматами ¹⁾. Но еще большее различіе является въ преданіяхъ, сохраняемыхъ буддѣйскою общиною Монголіи и обрядахъ. Мы знаемъ, что въ жизни обрядовой по монгольскимъ монастырямъ установились свои, совершенно отдѣльныя отъ тибетскихъ правила, составленъ свой уставъ богослуженій, измѣнены ламскіе костюмы, видоизмѣненъ виѣшній видъ храмовъ и утвари; всему этому приданы особныя толкованія, для всего подысканы, а можетъ быть, и составлены вновь, завѣщанія будды; чего же нужно еще, чтобы въ этнографической наукѣ не обособить буддизмъ Монголіи отъ тибетскаго? Между тѣмъ мы преслѣдовали своею книгою не только научно-этнографическую, но и практическую цѣль: намъ нужно было показать именно тѣ формы, въ которыхъ является буддизмъ въ Монголіи, изложить именно тѣ основы, которыя приняты самими монгольскими ламами. Безъ этого пра-

¹⁾ Лучшую иллюстрацію этой розни вѣроученія тибетцевъ и монголовъ мы имѣемъ у себя, въ исторіи развитія буддизма среди бурята. Известно, что въ первое время бурятскіе ламы получали свое образованіе въ Тибетѣ и Монголіи. Въ 1750 г. одна партія такихъ ламъ, въ числѣ 90-ти человекъ, подъ главенствомъ Хатакинскаго ламы Агалдаева, окончила курсъ Цангита въ Ургѣ, а другая, жившая во главѣ цонгольскаго ламы Завена, возвратилась, окончивъ курсъ въ Тибетѣ. Ученіе тѣхъ и другихъ оказалось настолько несогласнымъ между собою, что породило расколъ въ народѣ. Ламы вѣдѣли споры, вели диспуты и результатомъ этого явилось такое раздѣленіе, что цонголы не хотѣли признавать хуроловъ и ламъ хатакинскихъ, а хатакинны—цонгольскихъ, величая другъ друга еретиками. Только время и постепенное воздѣйствіе русскаго правительства, прекратили эту рознь, но во всякомъ случаѣ потребовалось около 60 лѣтъ, пока цонголы согласились признавать „учителя вѣры“ изъ хатакиновъ.

вильное отношеніе къ буддизму и борьба съ нимъ для насъ положительно не возможны. Какъ Донъ-Вихоты, будемъ мы вооружаться противъ воображаемыхъ нами враговъ, восставать противъ того, что было когда-то, по предписаніямъ Винаи, но теперь существуетъ совершенно въ другихъ формахъ, бороться съ тѣмъ, о чемъ нашимъ буддистамъ не приходило и въ голову.

Подтверждая далѣе свой выводъ о незнаніи мною Винаи, г. Минаевъ говоритъ: „Незнакомство автора съ Винаей... доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что о существованіи на монгольскомъ языкѣ такого важнаго памятника, какъ Пратимокша, онъ узналъ лишь послѣ того, какъ ламы рекомендовали ему его чтеніе“ (стр. 349). „Трудно представить себѣ существованіе общины гэлунговъ безъ Пратимокши, и Пратимокша, конечно, необходимо должна быть переведена съ тибетскаго на монгольскій“. Недоумѣваю, гдѣ и когда говорилъ я, что ламы рекомендовали мнѣ чтеніе Пратимокши, да еще на монгольскомъ языкѣ. На стр. 349, которую цитуетъ г. Минаевъ, у меня сообщается только, что, служа Сочжинъ, ламы собираются въ сумѣ „для чтенія, извѣстнаго у монголовъ подъ именемъ „тэбчиль“, и что „для ознакомленія съ этимъ чтеніемъ они рекомендовали мнѣ сочиненіе „Аяга тахмилигунъ сургаль“. Зная теперь принятый монголами тибетскій текстъ Пратимокши и монгольскій текстъ сочиненія „Аяга тахмилигунъ сургаль“, я могу сказать, что эта ламская рекомендація была равнозначуща, какъ еслибы для ознакомленія съ текстомъ нашего Евангелія, мы рекомендовали монголу изданнаго святѣйшимъ синодомъ „Чтенія изъ четырехъ евангелистовъ“. Сочиненіе „Аяга тахмилигунъ сургаль“ не есть Пратимокша; оно составлено монгольскими ламами съ принятаго въ Монголіи тибетскаго текста Пратимокши; въ немъ, по увѣренію моихъ учителей, соблюденъ тотъ же порядокъ расположенія частей, какъ въ принятой монголами Пратимокшѣ, и излагаются краткія, принятая монголами, толкованія Пратимокши; но само это сочиненіе все же не Пратимокша. Ни одинъ изъ ламъ, храня тайну Сочжина, не сказалъ мнѣ, что въ этомъ хуралѣ читается Пратимокша, и только ознакомившись съ содержаніемъ сочиненія „Аяга тахмилигунъ сургаль“, я, по этому содержанію, могъ догадаться объ ея чтеніи. Принимая, далѣе, во вниманіе вышепомянутое увѣреніе учителей, я тогда же могъ отмѣтить еще, что въ изданіи и употребленіи монгольскихъ ламъ „эта сутра, очевидно, является значительно измѣненною противъ всѣхъ еврейскихъ (съ восточными и еще не былъ знакомъ въ ту пору) изданій не только въ порядкѣ распо-

ложенія своихъ частей, но по мѣстамъ и въ содержаніи^а; но никогда не утверждалъ я, чтобы я читалъ Пратимокшу на монгольскомъ языкѣ, да и не могъ утверждать этого. Отчего же? Да по той простой причинѣ, что въ монгольскихъ монастыряхъ не извѣстно ни одного монгольскаго перевода этого сочиненія, а по нѣкоторымъ указаніямъ мы имѣемъ право предполагать, что его нѣтъ и вовсе. Пратимокша читается у монголовъ только на тибетскомъ языкѣ; на монгольскомъ же имѣются только пересказы Пратимокши, отдѣльныя сужденія объ ея предписаніяхъ и комментаріи ея. Какъ одно изъ самыхъ основныхъ сочиненій буддизма, Пратимокшу на монгольскомъ языкѣ отыскивали и въ Китаѣ, и въ степяхъ Монголіи всѣ наши знатоки монгольскаго языка—Ковалевскій, Поповъ, Васильевъ, но не нашли ея. Безспорно, что все основное по буддійской литературѣ на монгольскомъ языкѣ издавалось въ Пекинѣ, и Ковалевскій скупилъ всѣ эти изданія, тѣмъ же менѣе имъ не было приобрѣтено Пратимокши; въ библиотекѣ профессора Васильева, поставившаго своею задачею пополнять сборы Ковалевскаго, имѣются такія рѣдкости по монгольской литературѣ, которыя, несомнѣнно, составляютъ unicum во всемъ мірѣ, и все-таки нѣтъ Пратимокши. Было отыскиваемо это сочиненіе и мною, но, повторяю, я узналъ лишь то, что въ халхаскихъ монастыряхъ неизвѣстенъ монгольскій переводъ Пратимокши. Конечно, если при Линданъ-ханѣ и Канси былъ переводимъ на монгольскій языкъ Канджуръ, то, само собою разумѣется, была переведена и Пратимокша; но эти переводы Канджура не извѣстны въ Монголіи вообще. Гадательно можно, пожалуй, предполагать, что въ какомъ-либо монгольскомъ монастырѣ, какой-нибудь кропотливый труженикъ лама, читая тибетскій текстъ Пратимокши, записывалъ переводъ его на монгольскій языкъ, подобно тому, какъ наши священники переводятъ иной разъ на русскій языкъ славянскія молитвы; но такого рода переводы у монголовъ, какъ и у насъ, обыкновенно остаются подъ сундомъ, въ шкапулкахъ ихъ авторовъ. Такимъ образомъ приведенное г. Минаевымъ новое доказательство моего незнакомства съ Винаей совершенно не у мѣста.

По словамъ г. Минаева, лучшую часть моей книги составляютъ страницы, гдѣ авторъ описываетъ то, что онъ видѣлъ, ... но какъ только дѣло касается предметовъ, требующихъ знакомства съ литературными источниками, то сейчасъ начинаютъ сказываться великіе недочеты^а. Для подтвержденія этой мысли онъ указываетъ на мое заявленіе, что „третья часть буддійскихъ молитвенниковъ называется

тантра", и восклицаетъ: „Трудно себѣ вообразить молитвенникъ, одну часть котораго составляли бы тантры. Какія же? Неужели всѣ? Простая справка съ извѣстными обзорѣніями содержанія Канджура, могла бы убѣдить автора, что молитвенникъ, часть котораго тантры—обширная библіотека, прочесть которую и въ цѣлый годъ трудно“, Но неужели не понятно было для г. Минаева, что я говорю о молитвенникахъ, а не о Канджурѣ. Дѣло въ томъ, что по третьей части молитвенниковъ буддисты совершаютъ такъ-называемыя тарнистическія богослуженія, составъ которыхъ слагается изъ созерцаній и произнесенія таинственныхъ, чародѣйственныхъ формулъ (тарни), ацѣль которыхъ— въ производствѣ чудесъ ради блага одушевленныхъ существъ. Основное ученіе о созерцаніяхъ, равно какъ и самыя тарни, произнесеніемъ которыхъ можетъ быть совершенно чудо, изложены въ отдѣльной части Канджура, называемой тантрами и раздѣляющейся на четыре отдѣла. По воззрѣніямъ монгольскихъ ламъ, такое дѣленіе обосновывается, во первыхъ, на различіе степени высоты созерцанія, а во вторыхъ, на различія цѣлей, которыя достигаются этими созерцаніями. Въ Крия-тантрѣ излагаются созерцательные обряды, имѣющіе своимъ предметомъ созерцаніе одного какого-либо будды или одной какой-либо формулы, и при томъ въ ихъ вѣдшихъ формахъ; усвоеніе этого рода созерцанія и произнесеніемъ съ вѣрою этого рода формулъ человѣкъ пріобрѣтаетъ силу самъ лично отвращать препятствія, которыя онъ во-очію видитъ и чувствуетъ надъ собою, или надъ своимъ собратомъ. Постаповленія о такого рода созерцаніяхъ и самыя тарни выбраны ламами изъ Крия-тантры Канджура для примѣненія ихъ къ извѣстнымъ случаямъ человѣческой жизни и заключены въ 1-й отдѣлъ 3-й части буддійскихъ молитвенниковъ, которому, отъ имени первоначальнаго мѣсто нахождения входящихъ въ составъ его тарни, дано названіе Крия-тантры. Здѣсь находится, на примѣръ, способъ произвести дождь или ненастье, а равно и отклонить ихъ (хурѣ орогѣхѣ дзвѣдан убадис), отогнать болѣзнь и пріобрѣсти сидди безсмертія (тарни лугѣ сэлтѣ үхүлѣ уэгийнѣ сидди хэмѣхѣ); придать твердость войскамъ и несокрушимость ихъ оружію и проч. Въ созерцательныхъ обрядахъ по Ачара-тантрѣ, помимо созерцанія какого-либо будды въ его вѣдней формѣ прибавляется еще созерцаніе пустоты; произнесеніемъ формулъ, заключенныхъ въ Ачара-тантрѣ, тотъ или другой будда приглашается самъ придти на помощь человѣку и самому быть активнымъ въ отогнаніи отъ людей препятствій видимыхъ и непредвидимыхъ. Къ отдѣлу Ачара-тантры ламы относятъ въ своихъ молит-

венникахъ, напримѣръ, докшитскія служенія (дапчикъ), въ которыхъ испрашивается защита вѣры отъ враговъ. Въ созерцательныхъ обрядахъ по Йога-тантрѣ созерцается уже не одинъ какой-либо будда, а нѣсколько; произнесениемъ же тарни, находящихся въ Йога-тантрѣ искореняются вообще препятствія духовныя, неспровергается значеніе грѣховъ, приобрѣтаются силы къ совершенію добродѣтелей и пр. Въ молитвенникахъ по отдѣлу Йога-тантры можно найдти обряды, потребныя для того, чтобы устроить душу покойника, умиротворить бука и проч. Ануттара-тантра, по толкованію ламъ, имѣетъ своимъ предметомъ исключительно созерцаніе пустоты и заключенныя въ ней тарни предназначаются для приобрѣтенія алмазнаго тѣла будды. Служеніе по этому четвертому отдѣлу молитвенниковъ совершается ежедневно ламами тарнианъ-хурала. Въ самыхъ монгольскихъ служебникахъ, начиная съ первообраза ихъ, — служебника, составленнаго Цзонхаюю, первый отдѣлъ третьей части служебниковъ постоянно начинается такимъ заголовкомъ: „Крія-эцэ номлахсан дучишъ табуи хотамапдалуи абишикъ укхуйн уншилгану дзанъ ѱуйлэ, то-есть, „порядокъ и обрядъ чтеній при даваніи посвященія сорока пяти мандаловъ, ученіе о которыхъ вложено въ Крія (-тантрѣ)“. Подобнымъ образомъ обозначается, откуда именно заимствованы и другіе отдѣлы третьей части служебниковъ; вса же она въ литературѣ носитъ общіе названіе „Цокту яигуца тантрис’унъ хэсэкъ, то-есть: „Кусочки (или извлеченія) изъ могущественныхъ и таинственныхъ тантръ“, а сокращенно надписывается просто „тантра“. Полагаю, что этимъ достаточно выясняется, какимъ образомъ составилаь у монгольскихъ ламъ третья часть буддійскихъ молитвенниковъ, что именно входитъ въ составъ ея и почему носитъ она названіе тантръ; относительно же возраженія г. Минаева въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, можно сказать одно, что лишь только упреки его касаются предметовъ, требующихъ знакомства съ литературою, то сейчасъ начинаютъ сказываться у него нкіе недочеты.

Другихъ вопросовъ по содержанію моей книги статья г. Минаева не представляетъ; но остъ у него еще одно замѣчаніе, относящееся до принятой мною транскрипціи буддійской терминологіи. Будучи земствомана съ языковъ санскритскаго и тибетскаго, буддійская терминологія является у монголовъ въ нѣсколько искаженной формѣ, тѣмъ не менѣ эта форма была принята мною, ибо говоря о буддизмѣ въ Монголіи, а всегда почитаю за болѣе вѣрное давать вещи и монгольскія названія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы знаемъ, что

русское слово „ангелъ“ есть неполное греческое ἄγγελος, что слово „іерей“ есть искаженіе греческаго ἱερός, и однако, говоря о христіанствѣ въ Россіи, никто не станеть называть эти предметы ихъ греческими именами, а употребить слова для обозначенія ихъ въ той формѣ, въ какой усвоены они русскими. „Совершенно вѣрно“, возражаетъ г. Минаевъ,—но никто до сихъ поръ въ научныхъ книгахъ не писалъ „анделъ“ и тому подобныя искаженія въ устахъ народа греческихъ словъ*. Можно по истинѣ только недоумѣвать передъ такимъ возраженіемъ. Да развѣ я писалъ что-либо подобное слову „анделъ“? Извѣстно, что у каждаго, имѣющаго свою письменность, народа имѣются два рода искаженій иностранныхъ словъ, при чемъ одно изъ такихъ искаженій, будучи освящено въ народномъ употребленіи временемъ и запечатлѣно литературою, не почитается уже искаженіемъ, а правильною формою въ языкѣ, усвоившемъ себѣ чужое слово; другія же измѣненія, возникшія уже изъ этой формы, дѣйствиительно признаются искаженіями. Въ моей книгѣ буддійская терминологія транскрибирована именно въ той формѣ, въ какой является она въ современной монгольской литературѣ и въ устахъ ученыхъ монгольскихъ ламъ; поэтому я и полагаю, что это правильныя монгольскія слова, хотя и заимствованныя монголами у иностранцевъ. Надобно замѣтить еще, что въ моемъ изданіи ни одинъ терминъ не названъ лишь по монгольски, и ко всякому изъ нихъ присоединено еще, во первыхъ, литературное правописаніе, во вторыхъ, его тибетское и, наконецъ, третьихъ, его санскритское наименованіе. Представляется, стало быть, четыре способа названія, и лицамъ, не желающимъ, подобно г. Минаеву, читать буддійскую терминологию по монгольски, дана такимъ образомъ полная возможность читать ее, какъ они пожелаютъ: и по монгольскому правописанію, и по тибетски, и по санскритски. Профессоръ Минаевъ умолчалъ объ этомъ важномъ добавленіи, которое дѣлаеть монгольскую терминологию болѣе понятною и для людей, незнающихъ монгольскаго языка. Но въ то время онъ желаетъ узнать: „Становится ли слово, представленное въ искаженномъ монголами видѣ, вразумительнѣе? И если да, то для кого?“ Отвѣчаемъ прямо: оно становится вразумительнѣе, во первыхъ, для того бурята или монгола, у котораго всякій, не знающій усвоенной монголами терминологіи, желая провѣрить показанія моей книги, или пополнить ихъ, спросилъ бы какой-нибудь предметъ изъ храмовой утвари. Еслибы онъ, пришедши въ кумирню, попросилъ ламу показать ему „вачжра“, лама, конечно, не понялъ бы, чего отъ него требуютъ, ибо онъ привыкъ

называть этотъ предметъ не санскритскимъ именемъ „вачжра“, а монгольскимъ—очиръ. Вотъорыхъ, оно дѣлается вразумительнѣе и для русскаго, имѣющаго дѣло съ бурятами и монголами. Представимъ случай полученія русскимъ чиновникомъ письменнаго заявленія отъ бурята, что у него украли „очиръ“, „бадиръ“ и „шалиръ“; догадался ли бы русскій чиновникъ, что это за вещи, еслибы въ моей книгѣ онѣ были описаны подъ одними только санскритскими названіями „vadjra“, „ratra“ и „chariga“?

Впрочемъ въ концѣ концовъ г. Минаевъ заявляетъ, что онъ „по совѣсти“, все-таки не можетъ не признать, что описаніе монастырей „трудъ очень интересный, и специалистъ прочтетъ его съ удовольствіемъ“. „Чистосердечнымъ и горячимъ признаніемъ достоинствъ книги“, заключаетъ онъ,—„полагаемъ, мы хоть нѣсколько искупили въ глазахъ автора наше прямодушное отношеніе къ слабымъ сторонамъ его важнаго труда“. Закончимъ и мы заявленіемъ, что, по совѣсти, ничего намъ такъ не жаль, какъ времени, потраченнаго на написаніе отвѣта г. Минаеву: польза всякаго рода полемики, для насъ, вообще сомнительна, ибо научныя истины, чтобы быть имъ вполне ясными для читателей, должны раскрываться спокойно, систематично и широко. Мы предполагаемъ поэтому еще разъ возвратиться къ уясненію важныхъ вопросовъ, возбужденныхъ г. Минаевымъ; теперь же почитали долгомъ отвѣтить своему критику лишь въ виду того, что представленный имъ разборъ проникнуть столь „прямодушнымъ“ отношеніемъ къ нашему труду. Г. Минаевъ искупилъ все въ моихъ глазахъ тѣмъ, что подписался подъ этою статью.

А. Позднѣевъ.

Замѣтка на отвѣтъ А. М. Позднѣева ¹⁾.

Профессоръ Позднѣевъ почтилъ мою рецензію пространнымъ отвѣтомъ, и почти половина отвѣта посвящена разъясненіямъ указанныхъ противорѣчій въ разныхъ трудахъ почтеннаго профессора и на страницахъ послѣдней книги, вызвавшей мои замѣчанія. Разъясненія эти могутъ обойтись безъ всякихъ возраженій съ моей стороны; во избѣжаніе безцѣльнаго и бесплоднаго спора, я готовъ признать, что вы-

¹⁾ Даемъ мѣсто этой замѣткѣ рядомъ съ отвѣтомъ г. Позднѣева съ согласія сего послѣдняго и въ видахъ прекращенія полемики. Редакторъ.

раженіе о ламахъ „пьютъ вино какъ воду“ въ книгѣ А. М. Позднѣва „не характеризовало ихъ (то-есть, ламъ) какъ пьяницъ“ и „что они (ламы) пьютъ ее (водку) какъ невиннѣйшій изъ напитковъ“ не будучи знакомъ съ обыденною жизнью монгольскихъ ламъ, охотно допускаю, что ламы нецѣломудренны только за монастырскими стѣнами, и весь вопросъ объ ихъ нравственности вполне и точно разрѣшается халхасскою поговоркою, выше приведенною профессоромъ Позднѣвымъ (стр. 312). Не стану также полемизировать съ уважаемымъ профессоромъ о терминахъ южный и сѣверный буддизмъ; представляю ему на досугѣ поразмыслить, дѣйствительно ли „въ терминахъ сѣверный и южный буддизмъ не видно даже и смысла“, и быть можетъ, въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ трудовъ онъ и смягчитъ пастоящій суровый приговоръ. Считаю, однакоже, нужнымъ теперь же замѣтить, что говорилось о сѣверномъ и южномъ буддизмѣ вовсе „не по поводу того, какъ осмыслился“ профессоръ Позднѣвъ „написать особое изслѣдованіе о буддійскихъ монастыряхъ въ Монголіи“. Нивакой, полагаю, смѣлости не нужно, для того, чтобы писать сочиненія о монгольскихъ ламахъ и объ ихъ обществѣ; въ литературномъ дѣлѣ безъ смѣлости такого рода не обойдѣться—развѣ только въ томъ одномъ случаѣ, когда авторъ недостаточно знакомъ съ предметомъ изслѣдованія, и имѣтъ у него начитанности въ относящейся сюда спеціальной литературѣ.

Еслибы профессоръ Позднѣвъ ограничился опроверженіемъ и разъясненіемъ monkъ ошибочныхъ мнѣній или—печальныхъ заблужденій относительно нравственности халхасскихъ хуvaraковъ, я принялъ бы къ свѣдѣнію и съ благодарностью всѣ его соображенія и молчалъ бы; но въ жару полемики онъ задаетъ мнѣ вопросы, отмѣчаться на которые я не считаю себя въ правѣ. Вопросы его касаются разныхъ частныхъ; я останавливался въ моей рецензіи на этихъ частностяхъ, потому что усматривалъ въ нихъ подтвержденіе болѣе общихъ выводовъ о научномъ достоинствѣ труда профессора Позднѣва. Нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ профессоръ Позднѣвъ обошелъ молчаніемъ, и этому я радъ отъ души; по поводу другихъ онъ кое-что добавилъ, и не безъ ядору спрашиваетъ:

1) „А какъ бы хотѣлось г. Минаеву, чтобы я описалъ помянутыя служенія“ (то-есть, Ярѣ и Сочжинѣ; удерживаемъ всюду транскрипцію автора)? (стр. 313) Едва ли профессору Позднѣву есть какая-либо надобность соображаться съ моими желаніями; онъ можетъ, полагаю, съ спокойною совѣстью игнорировать ихъ вполне. Знакомство съ пред-

метомъ должно подсказать ему и содержаніе, и форму описанія. Я находилъ и нахожу, даже и послѣ теперешнихъ добавленій, описаніе Яра въ книгѣ профессора Позднѣва очень страннымъ. Яръ—юяснимъ для не знающихъ тибетскихъ словъ въ ихъ монгольскомъ произношеніи—есть тибетскій переводъ санскритскаго слова варша и значить—годъ, сезонъ дождей; въ буддійскихъ памятникахъ и въ буддійской практикѣ словомъ этимъ обозначается буддійскій обычай, обязывающій буддійскихъ монаховъ проводить извѣстнымъ образомъ нѣкоторую часть года; обычай этотъ древне-индійскаго происхожденія, а въ разныхъ буддійскихъ странахъ соблюдался и соблюдается весьма различно; описанъ онъ былъ много разъ и путешественниками, и изслѣдователями буддизма. Что же значить, спросимъ въ свою очередь профессора Позднѣва, его выраженіе: „служеніе Яра“ (года? лѣта?), „богослуженіе Яра“ (года? лѣта?), „служащіе Яра“ (года? лѣта?)

По поводу того же буддійскаго обычая профессоръ Позднѣвъ задаетъ мнѣ еще другой вопросъ:

2) „Гдѣ еще находилъ онъ (то-есть, пишущій эти строки) когда-либо въ объясняющихъ обрядъ лѣтованія буддійскихъ легендахъ, чтобы будда предписывалъ созерцаніи въ періодъ лѣтованія?“ (стр. 314). Не въ интересахъ профессора Позднѣва задавать такой вопросъ, недостойно ученаго монголиста, то-есть, „знатока одной изъ буддійскихъ литературъ, отыскивать библиографическія указанія именно такимъ способомъ.

По поводу Сочжина профессоръ Позднѣвъ, по счастью, не задаетъ мнѣ никакого вопроса, но, Богъ вѣсть зачѣмъ, почелъ онъ нужнымъ заявить: „Хуралъ Гягъ-и..... опять таки нисколько не походить на обрядъ Катина“ (стр. 314). Точно для знающихъ значенія тибетскаго и санскритскаго словъ могло быть какое-нибудь сомнѣніе въ этомъ; оба слова обозначаютъ два различныя обряда. Занявшеніе это показалось мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что послѣ словъ профессора Позднѣва о его знакомствѣ съ тибетскою литературою, на сколько это ему требуется, я, конечно, не осмѣливался болѣе сомнѣваться въ его знаніи винаи и тибетскаго языка.

3) „Недоумѣваю“, продолжаетъ профессоръ Позднѣвъ допрашивать меня,—„гдѣ и когда говорилъ я, что ламы рекомендовали мнѣ чтеніе Пратимокши, да еще на монгольскомъ языкѣ“ (стр. 318).

На стр. 348—349 своего сочиненія профессоръ Позднѣвъ повѣствовалъ: „Ламы рекомендовали мнѣ сочиненіе Аягъ тахимлигунъ

сургаль, знакомство съ которымъ съ первыхъ же страницъ убѣдило меня, что это есть не что иное какъ чтеніе известной сутры „Пратимокша“.

Теперь профессоръ Позднѣевъ, послѣ дальнѣйшихъ разысканій, разъяснилъ, что памятникъ рекомендованный ему ламами, не есть Пратимокша, а ея пересказъ. Предположеніе объ этомъ уже высказано въ моей рецензій.

4) По поводу описанія молитвенниковъ я позволилъ себѣ выразить нѣкоторое недоумѣніе и спросилъ автора: какія же тантры вошли въ эти молитвенники? На это недоумѣніе профессоръ Позднѣевъ отвѣтилъ вопросомъ: „Неужели непонятно было для г. Минаева, что я говорю о молитвенникахъ, а не о Канчжурѣ?“ (стр. 320) Именно потому, что я понималъ, о чемъ рѣчь идетъ на стр. 307—308, я и позволилъ себѣ задать такой вопросъ, и признаюсь, нинѣ, послѣ разъясненій профессора Позднѣева, я не отказываюсь отъ него, полагая, что краткое, общее описаніе содержанія тантръ не есть отвѣтъ на мой вопросъ, а такія выраженія, какъ: тарни (sic) выбраны изъ крия-тантры Канчжура“, падаютъ на сомнѣніе, заглядывалъ ли профессоръ Позднѣевъ въ эти тома Канчжура?

5) „Да развѣ!“ восклицаетъ профессоръ Позднѣевъ, — „я писалъ, что-либо подобное слово анделъ?“ (стр. 322) Увы! въ книгѣ много санскритскихъ словъ въ разныхъ искаженіяхъ: есть очиръ, вачиръ, вачжра, есть бадиръ, бадра, есть махаранца и махарачжа, галабъ и галбаварасъ, даянъ и діанъ, есть „монгольское“ (?) слово сансаръ, есть другое еще „монгольское“ (?) слово мусарага, есть и утбала, и усниръ и т. д. Какое изъ этихъ искаженіе всего болѣе похоже на русское искаженіе греческаго слова—не беремса рѣшать, да и нужно ли это?

Въ заключеніе, отъ души желаемъ, чтобы профессору Позднѣеву удовлетворилостъ нашими отвѣтами.

И. Мининъ.

Книжныя новости.

Протоколы Истроваго Ощества извладователей Астраханскаго края съ 4-го октября 1874 года по 31-е декабря 1887 года, съ приложениями. Астрахань.—Протоколы того же Общества за январь—апрѣль 1888 года. Астрахань.—Астраханскій край, въ высшей степени замѣчательный по своимъ историческимъ судьбамъ и представляющій богатый матеріалъ для этнографическихъ и естественно-историческихъ изслѣдованій, остается до сихъ поръ однимъ изъ наименѣе известныхъ краевъ Россіи. Нельзя не привѣтствовать поэтому ома-

вленія въ дѣятельности Петровскаго общества изслѣдователей этого края. Основанное еще въ 1874 г., оно долгое время ни въ чемъ не проявляло своихъ трудовъ. Изъ опубликованныхъ въ текущемъ году протоколовъ видно, что члены этого общества, устроивъ два общія собранія въ 1874 г. и одно—въ 1875 г., затѣмъ вплоть до 1886 года совсѣмъ не собирались ни на общія собранія, ни на собранія отдѣленій; совѣтъ, имѣвшій по одному засѣданію въ 1874 и 1875 годахъ, тоже совершенно бездѣйствовалъ въ теченіе десяти лѣтъ. Впрочемъ, какихъ-либо научныхъ результатовъ не дали и собранія 1874—1875 гг., занятія исключительно организаціей общества, такъ что началомъ дѣятельности его слѣдуетъ считать собственно 1886 годъ. Къ 1-му января 1888 г. общество состояло изъ 100 слишкомъ членовъ, большинство которыхъ избраны въ 1886—1887 годахъ. Въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ оно имѣло 8 общихъ собраній, два собранія историко-этнографическаго и 8 собраній естественно-историческаго отдѣленій; составилъ по программамъ обществъ Географическаго, Любителей Естественнаго и Казанскаго Археологическаго свою программу для собранія археологическихъ, нумизматическихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Астраханскому краю и, наконецъ, напечатало протоколы своихъ засѣданій съ приложеніями къ нимъ. Большая часть рефератовъ, читаемыхъ въ Петровскомъ обществѣ, приходится на долю естественно-историческаго отдѣленія. Изъ сообщеній въ историко-этнографическомъ отдѣленіи заслуживаетъ особеннаго вниманія отчетъ К. Н. Малиновскаго о поѣздѣ его въ село Селитряное Епотаевскаго уѣзда, расположенное на томъ мѣстѣ, гдѣ была, какъ предполагаютъ, нѣкогда столица Золото-Ордынскаго царства, Сарай. Единственный памятникъ, оставшійся отъ этого города, представляютъ двѣ полуразрушенныя древнія кирпичныя стѣны, соединенныя подъ прямымъ угломъ. Всѣ остальные сооруженія разрушены и разсѣяны на постройки. Автору удалось также собрать при раскопкахъ и отъ мѣстныхъ жителей нѣсколько ордынскихъ монетъ и другихъ вещей. Г. Жатецкій сообщилъ о способѣ производства, составѣ, свойствахъ и употребленіи арыки, казмышной водки изъ молока, а г. Харузинъ—о результатахъ своей поѣздки въ степь Киргизской Букеевской орды. Это, конечно, небольшая жатва съ того богатаго матеріальнаго поля, какой представляетъ Астраханскій край, бывшій когда-то сценой великихъ историческихъ событій и до сихъ поръ отличающійся отъ другихъ мѣстностей особенно цѣстрымъ составомъ населенія. Но вѣдь это только начало. Будемъ надѣяться, что Петровское общество не остановится на первыхъ попыткахъ изученія края и если не дастъ полныхъ изслѣдованій, то по крайней мѣрѣ, обогатитъ науку опубликованіемъ архивныхъ матеріаловъ, сборниками мѣстныхъ сказаній и преданій и описаніемъ, а также фотографическими снимками съ остатковъ старины.

Предварительный отчетъ о поѣздѣ въ сѣверо-западную Сибирь *Н. Я. Гондатти*. М.—Слѣды кочевства у иногородцевъ сѣверо-западной Сибири. Его же. М.— Въ названныхъ брошюрахъ г. Гондатти сообщаетъ результаты своихъ интересныхъ наблюденій надъ бытомъ кочевцевъ сѣверо-западной Сибири, среди которыхъ онъ провелъ время съ мая, 1885 по апрѣль 1886 года. Занятый, главнымъ образомъ, производствомъ антропологическихъ изслѣдованій, онъ успѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ собрать довольно значительную коллекцію матеріаловъ и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ этнографіи. Населеніе сѣверо-западной Сибири смѣшанное: кромѣ русскихъ и вырлянъ, здѣсь обитаютъ еще три народности: остяки, населяющіе

преимущественно среднее и нижнее теченіе рѣки Оби съ ея притоками и низовья Иртыша, самоѣды, которые бродятъ съ своими стадами по берегамъ Ледовитаго океана и его островамъ, и маньчи, извѣстные у прежнихъ писателей подъ именемъ угровъ или югровъ и по типу, языку, обычаямъ и религіи совершенно сходные съ вогулами Пермской губерніи; маньчи живутъ по берегамъ рѣкъ Сѣверной Сосвы и Сычевы съ притоками. По костюму эти народности на столько похожи другъ на друга, что на первый взглядъ отличить ихъ почти не возможно; но онѣ значительно различаются по образу жизни и обычаямъ. Авторъ подробно описываетъ одежду каждаго изъ этихъ племенъ, матеріалы и инструменты, употребляемые для ея приготовления, принадлежности и орудія охоты и рыбной ловли, и предметы домашней обстановки, затѣмъ сообщаетъ свѣдѣнія о ихъ пищѣ, звѣрствахъ, краскахъ и, наконецъ, знакомитъ съ предметами, имѣющими отношеніе къ религіи. Особенно интересно описаніе религиозныхъ обрядовъ инородцевъ, которые хотя и крещены всѣ, за исключеніемъ низовыхъ остяковъ и самоѣдовъ, но по прежнему вѣруютъ въ своихъ боговъ, приносятъ имъ жертвы и почитаютъ своихъ шамановъ; вся разница съ временемъ до принятія христіанства лишь въ томъ, что они стараются теперь исправлять свои обряды потихоньку. Не смотря на трудность наблюденій при такихъ условіяхъ, автору удалось собрать много цѣнныхъ свѣдѣній о слѣдахъ язычества у названныхъ инородцевъ. Между прочимъ г. Гондатти описываетъ, кажется въ первый разъ въ литературѣ, празднества въ честь медвѣдя. Празднества эти продолжаются иногда двѣнадцать ночей, во время которыхъ даются особыя представленія, около десяти сценъ каждую ночь. Представленія эти автору пришлось видѣть самому. Сюжетомъ ихъ служатъ различные эпизоды изъ охоты на медвѣдя. Нѣкоторыя сцены въ высшей степени неприличны, а вообще всѣ онѣ сопровождаются остротами часто даже надъ присутствующими зрителями, жестами и всевозможными движеніями. Въ послѣднюю ночь выступаютъ дѣйствующими въ этихъ представленіяхъ лица боги, которые призываются какъ бы свидѣтелями хорошаго обращенія съ медвѣдями.

И. Первухинъ. Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Вятка. — Г. Первухинъ основалъ свои изслѣдованія надъ инородцами Глазовскаго уѣзда частью на личныхъ наблюденіяхъ, частью на сообщеніяхъ другихъ наблюдателей. Предметомъ 1-го выпуска его очерковъ служить „древняя религія вотяковъ по ея слѣдамъ въ современныхъ преданіяхъ“. У вотяковъ, по словамъ автора, съ вымираниемъ стариковъ, утрачиваются преданія былаго, и если еще сохранялись кое-какіе языческіе религиозные обряды и молитвы, то смыслъ и значеніе ихъ, очевидно, измѣнились примѣнительно если не въ православной вѣрѣ, то къ русскимъ суевѣріямъ. Однако, путемъ тщательныхъ изысканій автору удалось представить довольно обстоятельный очеркъ языческихъ божествъ вотскаго племени. Начавъ съ подробной характеристикъ извѣстной инородческой триады, составляющей главныя божества вотяковъ — Инмаръ, Калдмсинъ и Квазь, авторъ переходитъ затѣмъ къ доброму божеству Воршуду; распространившись о Воршудѣ въ разныхъ его значеніяхъ и о соединенномъ съ нимъ во ртудномъ коробѣ и сообщивъ при этомъ любопытныя преданія о вотской книгѣ, авторъ обращается къ остальнымъ божествамъ, которыя являются уже со слѣдами злобы и желанія вредить людямъ. Здѣсь идетъ рѣчь о

Керемети и Шайтанъ, замѣнившемъ собою множество мелкихъ древнихъ вотскихъ божествъ, о которыхъ сохранились слѣды лишь въ выраженіяхъ языка, часто не объяснимыхъ уже для самихъ вотяковъ, особенно для молодого поколѣнія. Изъ такихъ божествъ авторъ характеризуетъ Акшана, Вожо, Пери и Чера. Кромѣ добрыхъ и злыхъ божествъ, вотская языческая религія признавала существованіе въ природѣ полубоговъ или просто духовъ, не многимъ превышающихъ человека своею силой и могуществомъ и близкихъ къ человеку, какъ по наружному виду, такъ и по способностямъ и желаніямъ. Авторъ останавливается на характеристикѣ десяти такихъ полубоговъ. Эскизъ свой онъ заканчиваетъ упоминаніемъ о томъ, что въ ночь на Великій Четвергъ и съ Рождества до Крещенія, по мѣстнымъ не только вотяковъ, но и мѣстныхъ русскихъ, ушамъ являлась нечистая сила. „Разумѣется, трудно сказать“, говоритъ авторъ въ заключеніе, — „на сколько фанатично исповѣдывали вотяки свою вѣру въ глубокой древности, но судя по современнымъ разказамъ стариковъ, которые намъ случило слышать въ Глазовскомъ уѣздѣ, вотяки относились ко всѣмъ религіямъ крайне вѣротерпимо“. Объ этомъ свидѣлствуетъ между прочимъ и любопытное записанное авторомъ преданіе о томъ, какъ спорили о вѣрѣ русскій, татаринъ и вотякъ.

Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и проовѣщанію. *М. И. Сухомякова*. Т. I. С.-Пб. — Съ особымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе этого сборника: многочисленныя исслѣдованія акад. Сухомякова оставались до сихъ поръ разбѣянными по разнымъ періодическимъ изданіямъ; появленіе ихъ въ отдѣльной книгѣ облегчитъ пользованіе ими. Всѣмъ извѣстна та тщательность, съ которою г. Сухомяковъ изучаетъ всякій занимающій его вопросъ, и то умѣнье, которымъ онъ обладаетъ въ разисканіи новыхъ матеріаловъ. Эти качества дѣлаютъ его статьи особенно цѣнными для науки, въ которой онъ останутся надолго высокополезнымъ вкладомъ. Въ нынѣ изданномъ I-мъ томѣ исслѣдованій почтеннаго академика помѣщены: а) Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, и б) А. Н. Радищевъ. Слѣдующій томъ будетъ содержать въ себѣ монографіи, въ которыя войдутъ данныя о жизни и литературной дѣятельности Пушкина, Гоголя, князя Вяземскаго Полеваго и др.

Н. Стреловъ. Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. С.-Пб.—Въ этомъ сборникѣ г. Стреловъ соединилъ рядъ своихъ статей, въ разное время напечатанныхъ, о Пушкинѣ и поэтахъ послѣ-пушкинскаго періода. Естественно, что главѣ русской поэзіи отведено здѣсь первое мѣсто, и несомнѣнно, что страницы, ему посвященныя, не только лучшія въ книгѣ, но и принадлежать къ числу лучшихъ опытовъ критической оцѣнки Пушкина, какіе только есть въ нашей литературѣ. Но читая ихъ, нельзя не пожалѣть объ одномъ—о томъ, что этимъ прекраснымъ очеркамъ дана форма летучихъ замѣтокъ, въ которыхъ многое остается какъ бы не досказаннымъ.

Старинное разсужденіе о буквахъ сиречь о словахъ. По рукописи библіотеки Казанскаго университета сообщилъ *М. Петровский*. С.-Пб.—Настоящее изданіе представляетъ первый шагъ въ области, доселѣ еще мало разслѣдованной, области собранія русскихъ старинныхъ грамматическихъ трактатовъ и замѣтокъ. Необходимость такого собранія чувствуется уже давно, и хотя и

прежде, время отъ времени, появлялись въ печати памятники, могшіе занять въ немъ мѣсто, однако они или помѣщались въ провинціальныхъ, мало для кого доступныхъ изданіяхъ, или выставлялись въ не надлежащемъ свѣтѣ и значеніи. Тѣмъ, еще въ 1862 г. покойный В. И. Григоровичъ въ одномъ изъ сборниковъ Новгородской Соединенной бібліотеки нашелъ сочиненіе подъ названіемъ: Беседа о грамотѣ и ея строеніи прѣврсвостаго Евдокима, во инокахъ Еуфимія. Трактатъ этотъ интересенъ по тому, что отличается отъ всѣхъ подобныхъ разсужденій, извѣстныхъ по описаніямъ азбуковниковъ, и въ составительѣ показываетъ, между прочимъ, знакомство съ извѣстнымъ Скаваніемъ, какъ составилъ св. Кирилль философъ азбуку, которое приписывается черноризцу Храбру. Рукопись, изъ которой извлекъ проф. Петровскій изданный имъ трактатъ, принадлежитъ Казанскому университету и воспроизведена съ буквальною точностію; въ извлеченному изъ нея трактату издатель присоединилъ выписку изъ одной соловещкой рукописи, заключающую въ себѣ „предисловіе грамматичѣ“. Изданіе не только важно, но и роскошно: оно входитъ въ составъ Памятниковъ, издаваемыхъ Обществомъ Любителей Древней Письменности.

Греческое Четвероевангеліе. Пергаменная рукопись Н. П. Лихачева. Сообщилъ Д. Ф. Биллаезъ С.-Пб.—Прекрасно составленное описаніе греческаго пергаменнаго Четвероевангелія, превосходно сохранившагося я, судя по почерку. Принадлежащаго къ концу XI или началу XII вѣка. Описаніе это также принадлежитъ къ той же серіи публикацій вышеназваннаго общества.

Изданія Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. С.-Пб.— Учрежденное въ 1877 году Императорское Общество Любителей Древней Письменности въ прошломъ 1887 году праздновало десятилѣтіе своего существованія: за этотъ періодъ времени оно успѣло издать значительное количество древнерусскихъ памятниковъ и отдѣльныхъ изслѣдованій въ области отечественной письменности и искусства. Появившаяся на дняхъ брошюра, заглавіе которой выписано выше, представляетъ подробный перечень изданій Общества, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ: сверхъ выписаннаго въ точности заглавія изданія, указанія на форматъ и число страницъ, она сообщаетъ и болѣе близкія подробности о содержаніи, упоминая рукопись, съ которой изданъ тотъ или другой памятникъ, способъ его воспроизведенія, редактора изданія и т. д. Какъ хорошая справочная книга, это изданіе будетъ не бесполезно для всякаго, занимающагося и интересующагося нашею древнею литературою и письменностію.

Ростовчискія лѣтши 1812 года. Библиографическое изданіе въ 300 экземплярахъ. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб.—Въ этой книжкѣ является впервые полное по возможности собраніе знаменитыхъ Ростовчискіихъ афишъ. Чтобы составить его, потребовались значительныя и тщательныя поиски, которые и были вполнѣ успѣшно произведены опытнымъ бібліографомъ В. И. Савтовымъ. Текстъ воспроизведенъ съ полною точностію, и самое изданіе отличается очень тщательнымъ видомъ.

И. П. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. В. Н. Витовскаю. Выпускъ I. Казань. 1889.—Начало прекраснаго труда, о которомъ журналъ надѣется вскорѣ представить обстоятельную рецензію.

Александръ Николаевичъ Сяровъ. II. Библиографическій указатель литературы о А. Н. Сяровѣ и его произведеніяхъ. Составилъ А. Е. Молчановъ. С.-Пб.—Второй выпускъ прекраснаго библиографическаго труда, о первой части котораго уже было сообщено на страницахъ нашего журнала.

Шотландскій Песталоцци. (Посвящается памяти Г. И. Бутакова). Н. Арельскъ. С.-Пб.—Очень хорошо составленный очеркъ жизни и дѣятельности В. Кворрера, основателя земледѣльческихъ сиротскихъ пріютовъ въ Шотландіи.

Эпиграфико-грамматическія этюды. Очеркъ развитія флексіи окнітти винсалавъ въ именныхъ латинскихъ основахъ на А. Е. О. Н. Холодникъ. С.-Пб.—Не смотря на то, что разработка латинской грамматики продолжается уже нѣсколько столѣтій, не смотря на то, что на эту разработку тратили свои силы великіе умы юной Европы, нельзя сказать, чтобы она была закончена, и чтобы послѣдующимъ поколѣніямъ оставался лишь трудъ провѣрки уже добытыхъ результатовъ: постоянно появляющійся на свѣтъ новый матеріалъ, расширеніе научнаго кругозора и постановка новыхъ требованій постоянно возбуждаютъ ученую дѣятельность грамматиковъ, и далеко еще то время, когда мы будемъ имѣть надлежаще научную грамматику латинскаго языка. Предварительно необходимо дѣлать рядъ специальныхъ, подготовительныхъ монографій: какъ бы узки ни были ихъ темы, онѣ не могутъ удивлять того, кто знаетъ, что въ наукѣ, и въ грамматикѣ по преимуществу, нѣтъ ничего мелочнаго, что все занимаетъ подобающее ему мѣсто въ цѣлой системѣ. Можно поэтому говорить не объ узкости задачи, а объ ея ограниченіи, и съ этой точки зрѣнія трудъ г. Холодника можетъ вызвать замѣчаніе, что авторъ произвольно выдѣлилъ темы А. Е. О., оставивъ безъ вниманія всѣ остальные. Извиненіемъ ему въ данномъ случаѣ можетъ служить то соображеніе, что безъ этого ограниченія трудъ его, и безъ того значительнаго объема, разросся бы до огромныхъ размѣровъ. Въ предѣлахъ избранной задачи работа автора должна быть признана весьма удовлетворительною; она распадается на двѣ части: въ первой собраны — почти съ безусловною полнотою — какъ свидѣтельства древнихъ грамматиковъ объ интересующихъ автора формахъ, такъ и эпиграфическія данныя, ихъ представляющія; подборъ тѣхъ и другихъ сдѣланъ съ большою тщательностью и отчетливостью; послѣдняя особенно ярко сказывается въ подборѣ свидѣтельствъ древнихъ грамматиковъ: не удовлетвовавшись прекраснымъ критическимъ аппаратомъ, который представляетъ изданіе Grammatici Latini Кейля, авторъ, пользуясь своимъ пребываніемъ за границей, самъ провѣрилъ соответствующія мѣста изъ наиболее важныхъ рукоисей и въ примѣчаніяхъ далъ не безынтересное добавленіе и исправленіе къ аппарату Кейля. Вторая часть труда посвящена изложенію развитія разсматриваемой имъ флексіи. Въ этомъ очеркѣ авторъ строго держится на почвѣ, представляемой явленіями латинской рѣчи, лишь нрѣдка позволяя себѣ привлекать къ сравненію данныя, представляемыя другими италійскими диалектами, и еще рѣже — въ двухъ, трехъ случаяхъ — данныя изъ другихъ языковъ indo-европейской семьи. Его трудъ поэтому къ сравнительной грамматикѣ прямого, непосредственнаго отношенія не имѣетъ, и входитъ скорѣе въ область грамматики исторической. Исслѣдованіе свое авторъ ведетъ съ большою осторожностью и исполнѣ научными приѣмами; осторожность эта иногда заходитъ далеко черезъ мѣру и часто заставляеть автора со-

проводить свои разъясненія различными смягчающими оговорками. И въ грамматикѣ, какъ и въ другихъ филологическихъ дисциплинахъ, иногда не безплодными оказываются гипотезы, которыхъ однако авторъ избѣгаетъ принципиально. Онъ старается вездѣ придать своему изслѣдованію характеръ положительной очевидности, въ родѣ той, которой обладаютъ науки математическія. Изъ научныхъ приемовъ автора особенно рѣзко выдѣляется его акрибія, столь необходимая въ грамматическихъ деталяхъ: благодаря ей, всѣ сопоставляемыя авторомъ данныя, на основаніи которыхъ онъ оперируетъ въ своей работѣ, строго и тщательно проверены; и нерѣдко эта проверка приводитъ его къ весьма важнымъ результатамъ. Въ одномъ только авторъ измѣнилъ своей обычной осторожности — онъ увлекается различными новшествами, которыя не всегда бывають однозначущи съ ученымъ прогрессомъ. Особенно рѣзко сказалось это увлеченіе въ пользованіи изданіями древнихъ текстовъ, вышедшими изъ-подъ редакціи Беренса, къ которому авторъ почему-то питаетъ особое уваженіе, не оправдываемое научными результатами этихъ изданій. Вообще, трудъ г. Холодняка представляетъ собою хорошій вкладъ въ нашу филологическую литературу.

Ермогѣя. Edidit H. Usener. Lipsiae. 1887.—Вотъ трудъ въ высшей степени полезный для всѣхъ, занимающихся и интересующихся древнею философіей. Узенеръ собралъ всѣ отрывки Эпикура, сохранившіеся у различныхъ авторовъ. Муллахъ въ своемъ изданіи фрагментовъ греческихъ философовъ остановился на третьемъ томѣ, вышедшемъ еще въ 1879 году; онъ хотѣлъ закончить свой трудъ четвертымъ томомъ, въ составъ коего должны были войти отрывки стоиковъ и эпикурейцевъ и общій указатель ко всѣмъ четыремъ томамъ. Еслибъ онъ и выпустилъ теперь 4-й томъ, то часть его труда прінадлежала бы даромъ, вслѣдствіе появленія книги Узенера. Въ составъ ея не вошли только два отрывка: одинъ, касающійся физики Эпикура, и другой, касающійся этики. Онущеніе сдѣлано намѣренно, ибо отрывокъ изъ περί φύσεως Эпикура долженъ былъ вѣдать академикъ Гомперцъ по папирсамъ, найденнымъ въ Геркуланумѣ (къ сожалѣнію, преждевременная смерть этого достойнаго филолога помѣшала изданію отрывка). Другой отрывокъ былъ изданъ г. Компаретти въ 1879 г. въ *Rivista di filologia*, t. VII, и въ 1884 году въ *Museo italiano di antichità classica*. Поэтому Узенеръ ограничился только нѣсколькими исправленіями текста, изданнаго Компаретти, и опроверженіемъ мысли его, что отрывки принадлежатъ самому Эпикуру и составляютъ часть книги *Περὶ ἀρετῶν καὶ φυτῶν*. Узенеръ говоритъ: *demonstratum est tantum abesse ut volumen illud Epicurus ipse potuerit scribere, ut scriptor etiam illo sectatore qui has sententias tam malo delectu quam ordine composuit, aliquanto recentior fuerit* (р. LI). Главною задачей Узенера было исправленіе текста десятой книги Діогена Лаэртія, главнаго источника свѣдѣній объ эпикурейской философій. Узенеръ сначала выдѣлилъ три письма, принадлежащія самому Эпикуру, *ἰριστίαια* *verba*, и постарался возстановить точный ихъ текстъ (стр. 1—66), потомъ надалъ *χρίαι δόξαι*, катехизисъ нравственности, составленный не самъ Эпикуромъ, а кѣмъ-либо изъ ближайшихъ его учениковъ (стр. 61—81); затѣмъ слѣдуютъ фрагменты, расположенные по частямъ эпикурейской философій, отрывки изъ Эпикура и біографія Эпикура изъ Діогена Лаэртія. Нельзя утверждать, что изобразженіе философій Эпикура станеть существенно инымъ, благодаря глггѣ Узенера, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ придется измѣнить сужденіе о немъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

П. Смирновскій. Учебникъ русскоѣ грамматики для младшихъ классовъ опредѣнныхъ учебныхъ заведеній. Часть II. Элементарный Синтаксисъ. С.-Пб. 1888. Стр. V + 118. Цѣна 50 коп.

Въ довольно пространномъ предисловіи г. Смирновскій указываетъ, что обращало на себя его особенное вниманіе при составленіи задуманнаго курса. Онъ, во первыхъ, затруднялся—какой объемъ дать книгѣ? Но, соображаясь съ учебными планами и практикой, изъ этого затрудненія онъ вышелъ вполне успѣшно: по объему учебникъ его удовлетворителенъ. Далѣе г. Смирновскій остановился на нѣкоторыхъ сторонахъ дѣла, изъ которыхъ столь многочисленныя въ послѣднее время составители элементарныхъ учебниковъ по русскому языку безъ нужды создали рядъ совершенно искусственныхъ вопросовъ. Разнородныя рѣшенія этихъ вопросовъ, дѣйствительно, усваиваются нѣкоторыми преподавателями такъ фанатически, что лучшіе ученики одного заведенія оказываются „слабыми по разбору“ въ другомъ, что каждый преподаватель русскаго языка, экзаменуясь по синтаксису у другаго преподавателя, рискуетъ получить единицу. Тѣмъ не менѣе странно видѣть, что г. Смирновскій останавливается на слѣдующихъ, напримѣръ, „вопросахъ“ (стр. III): Слѣдуетъ ли указать при опредѣленіи подлежащаго, кромѣ логическаго признака его, еще и признакъ формальный? ²⁾ Къ опредѣленіямъ или къ до-

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

²⁾ Сомнѣніе особенно странно потому, что г. Смирновскій, не колеблясь, довольствуется формальными признаками для прочихъ частей предложенія, и тѣмъ не менѣе настаиваетъ, что логическій признакъ подлежащаго — „главный предметъ предложенія“ — выбранъ неудачно (§ 3). Очень часто для говорящаго „главный предметъ сужденія не подлежащее.“

полненіямъ относятся косвенные падежи на вопросы „чей? какой“? Могутъ ли опредѣленія быть подраздѣлены на согласуемыя и не согласуемыя? Принадлежитъ ли обращеніе къ членамъ предложенія? Можно ли признать сокращенными предложеніями выраженія въ родѣ „при впаденіи Оки въ Волгу“? и т. п. Остановливаясь на такихъ сомнѣніяхъ, авторъ, однако, оставляетъ безъ вниманія вопросы, несравненно болѣе существенные для составителя элементарнаго курса, напримѣръ, вопросъ о задачѣ такого курса и о представляемыхъ школою и современною наукою средствахъ къ ея выполненію.

Элементарные курсы наши въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе одолѣваетъ односторонній формализмъ. Изъ элементарнаго курса грамматики роднаго языка чуть ли не съ каждымъ новымъ учебникомъ все замѣтнѣе устраняются именно основные элементы, устраняется такъ-называемая „общая грамматика“, уясненіе тѣхъ понятій, тѣхъ логическихъ категорій, безъ которыхъ уразумѣніе выражающихъ ихъ внѣшнихъ формъ совершенно немислимо. Что скали бы объ учебникѣ ариметики, который, не выяснивъ сущности численія и задачъ cadaго изъ четырехъ дѣйствій, училъ бы этимъ дѣйствіемъ, указывая исключительно механическіе, внѣшніе приемы ихъ: какъ подписывать слагаемыя строку подъ строкой, затѣмъ слагать вертикальные ряды цифръ слѣва на право, записывать притомъ подъ даннымъ рядомъ только послѣднюю цифру полученной суммы, а предшествующія цифры того же числа „держатъ въ умѣ“ для присоединенія къ слагаемымъ слѣдующаго вертикальнаго ряда, и т. д.? Такой учебникъ, не задумываясь, признали бы негоднымъ, не выполняющимъ основныхъ задачъ общеобразовательнаго курса, лишаящимъ всякой возможности дальнѣйшаго прохожденія математики и проч. и проч. Между тѣмъ составители новѣйшихъ учебниковъ по русской грамматикѣ вообще, и русскому синтаксису въ частности, твердою поступью идутъ къ полнѣйшей замѣнѣ пониманія основныхъ началъ развитіемъ механическаго навыка развѣшивать на слова и предложенія ярлыки: „опредѣленіе, дополненіе, такое-то предложеніе“ по вопросамъ и другимъ внѣшнимъ признакамъ, при чемъ самыя понятія, выраженные этими признаками, остаются совершенно не выясненными. Если, при такомъ методѣ преподаванія, разбирая предложеніе: „Дерева въ зимнемъ серебрѣ“, ученикъ, по вопросу „въ чемъ?“, усмотритъ въ словахъ „въ зимнемъ серебрѣ“ обстоятельство мѣста, онъ ^{будетъ совершенно правъ.}

Въ стремленіи къ исключительно формальному изложенію син-

таксиса г. Смирновскій не только не отсталъ отъ своихъ предшественниковъ, но еще сдѣлалъ новые и довольно крупные шаги впередъ. Онъ не довольствуется признаками подчиненія придаточныхъ предложений, указываемыхъ въ прочихъ учебникахъ синтаксиса, но, опираясь на книгу проф. Будиловича „Начертаніе церковно-славянскій грамматики“, въ число необходимыхъ признаковъ подчиненія вводитъ еще союзное реченіе главнаго предложенія. Обойдти молчаніемъ встрѣчающіеся во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ форму указательнаго мѣстоименія, опредѣленнаго предложеніемъ, очевидно, нельзя, и порядочные преподаватели древнихъ и новыхъ языковъ не могутъ миновать объясненія этого оборота; но пріучать дѣтей каждое придаточное предложеніе подчинять главному возстановленіемъ такого опредѣленнаго указанія,—значить убивать въ нихъ всякую чуткость къ живому языку, не только безпрестанно уклоняющемуся отъ этой архаической формы рѣчи, но уже обратившему въ рядъ выраженій указаніе главнаго предложенія и союзъ подчиненнаго въ одинъ союзъ. Да и самая обязательность этой формы въ первоначальномъ строѣ языка требуетъ болѣе точныхъ изысканій и далеко не можетъ быть признана научно доказанною. Признавать такую обязательность въ элементарномъ курсѣ во всякомъ случаѣ неумѣстно. Проходя яркою нитью черезъ все ученіе о придаточныхъ предложеніяхъ, нововведеніе это существенно вредитъ синтаксису г. Смирновскаго.

Вслѣдствіе того же стремленія подчинить анализъ языка исключительно указаніямъ формъ, избѣгая разъясненія ихъ значенія въ оборотахъ живаго языка, уклоняющихся отъ нормальнаго строя рѣчи, г. Смирновскій приходитъ подчасъ къ самому странному анализу; напримѣръ, (стр. 15) въ предложеніи „шесть всадниковъ сражаются“— „шесть“ признаетъ подлежащимъ, „хотя оно по смыслу должно быть опредѣленіемъ“ (?), а „всадникъ“ — дополненіемъ (?), „хотя оно по смыслу должно быть подлежащимъ“... Только изъ-за ослѣпленія формою можно не видать существенной разницы въ значеніи неопредѣленнаго наклоненія въ предложеніяхъ (стр. 17) „Быть бычку на веревочкѣ“, „Не догнать тебѣ бѣшеной тройки“ и— „Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту“? „О чемъ жалѣть“? и подводитъ ихъ подъ одну категорію.

Ученикъ по требованію учителя можетъ, конечно, наметаться въ распредѣленіи условенныхъ ярлыковъ по частямъ предложенія на основаніи чисто внѣшнихъ признаковъ, но здравый смыслъ

его врядъ ли помирится съ подобнымъ анализомъ; да и желательно ли, чтобы съ первыхъ классовъ мертвый формализмъ замѣнялъ юношамъ всякую попытку внкать въ смыслъ читаемаго, чтобы они шагъ за шагомъ утрачивали способность внкать въ логическія отношенія между понятіями и теряли всякую чуткость къ оборотамъ живаго языка?

Хотя языкъ, какъ особенно стало ясно послѣ излишняго увлеченія идеями Беккера, и не слѣдуетъ строгой логикѣ, а напротивъ, въ долгіе пѣка своего развитія отражалъ въ себѣ разнообразнѣйшія формы мышленія и самыя разпохарактерныя міровоззрѣнія, тѣмъ не менѣе составителямъ элементарныхъ курсовъ слѣдуетъ помнить, что ученику при встрѣчѣ съ реченіями живаго языка, отражающими въ себѣ историческія наслоенія, для уясненія этихъ реченій возможно пользоваться только отчетливо усвоенными основными синтаксическими понятіями. Уясненіе же причинъ появленія въ рѣчи той или другой формы, несвойственной нормальному ея строю, а слѣдовательно и, основнаго ея значенія, еще мало доступно самой филологической наукѣ. Сравнительная и историческая грамматика, широко разработавъ этимологию, едва пытается подойти къ синтаксису; для историческаго и сравнительнаго изученія синтаксическихъ формъ сдѣлано еще очень мало. Если пѣкоторые обороты рѣчи и могутъ быть пояснены; если, напримѣръ, легко истолковать винительный надежъ въ реченіи „пусть его идетъ съ Богомъ!“ часто употребляемый на ряду съ именительнымъ („пусть онъ идетъ съ Богомъ!“), третье лицо въ формѣ глагола „идеть“; или творительный надежъ въ выраженіи: „То сносило градомъ, то снесло пожаромъ!“ гдѣ въ представленіи говорящаго градъ и пожаръ явились не дѣйствующими лицами, а какъ бы только орудіями дѣяствія высшей силы, рока; если даже нѣкоторыя изъ такихъ выраженій могутъ быть пояснены уже и въ школѣ, то подобныхъ удобообразъяснимыхъ своеобразныхъ выраженій немного; для большинства формъ, отступающихъ отъ обычнаго своего значенія, пока возможно только — какъ это и дѣлается въ лучшихъ учебникахъ синтаксиса всѣхъ языковъ — указывать на значеніе этихъ формъ: „вотъ-де обороты съ косвенными самостоятельными надежами, вотъ одно время употребленное въ смыслѣ другаго, одно склоненіе въ смыслѣ другаго“... не болѣе; а убивать въ ученикѣ всякую сообразительность, заставляя его, вопреки смыслу, различать части предложенія исключительно по внѣшнимъ признакамъ, вопросамъ, формамъ и т. п.,

вряд ли основательно. К. Аксаковъ и другіе почтенные охранители живаго языка справедливо возставали противъ своевольныхъ искаженій его лишеными научнаго основанія „возстановленіями“ предложеній въ нормальной формѣ, но такое охраненіе отнюдь не требуетъ присвоенія формамъ, отступающимъ отъ нормальнаго строя, значенія, имъ въ данномъ случаѣ несвойственнаго.

Чтобъ еще указать, до какой степени г. Смирновскій поглощенъ вышшею стороною рѣчи, укажемъ хотя бы на слѣдующія замѣчанія:

Стр. 11. „Опредѣленіе, стоящее въ родит. п. съ предлогомъ изъ и указывающее матеріалъ, изъ котораго состоитъ вещь (напримѣръ: черналка изъ бересты, платье изъ сукна)“, пишетъ онъ, „не надо смѣшивать съ подобнымъ же опредѣленіемъ, означающимъ имя того цѣлаго (?), изъ котораго берется часть; напримѣръ: одинъ изъ перевозчиковъ привязалъ лодку“.

Какой же ученикъ изъ русскихъ способенъ смѣшать дапныя понятія только потому, что и тѣ, и другія выражены родительнымъ п. съ предлогомъ изъ! (Ср. еще примѣч. къ § 33, стр. 22).

„Подбирая примѣры“, говоритъ также г. Смирновскій на стр. V, — „я старался, гдѣ нужно, сопоставлять такіи формы, которыя при видимомъ сходствѣ въ нѣкоторыхъ чертахъ, въ то же время существенно различны; напримѣръ, „Душа стала чѣмъ-то полна“ и „Волга въ этотъ годъ стала чисто“ . Жалѣю, что не провелъ подобное сопоставленіе съ большею послѣдовательностью. Ошибку (?) поправлю въ слѣдующемъ изданіи“. Ошибка ли такая неполнота? Требуется ли эти сопоставленія?

Еще ни одинъ синтаксисъ не доходилъ до такихъ предѣловъ выдержанности исключительно формальнаго отношенія къ русской рѣчи, а потому вопросъ о пригодности новой книжки г. Смирновскаго для школы, очевидно, можетъ быть рѣшенъ только по предварительномъ рѣшеніи вопроса — на сколько возможно допустить въ ней подобный характеръ анализа рѣчи? Врядъ ли онъ, во всякомъ случаѣ, представляетъ явленіе желательное.

Укажемъ кстати на одинъ существенный недосмотръ: на стр. 20 (§ 32) читаемъ: „Если предложенія имѣютъ общіе главные члены — одинъ или оба — то они могутъ сливаться въ одно предложеніе, которое и называется слитнымъ“; а на слѣдующей страницѣ (§ 33) слитнымъ предложеніемъ признается и такое, въ которомъ вообще есть нѣсколько однородныхъ членовъ, хотя бы и второстепенныхъ; напримѣръ: „О Боже! ты даешь для родины

моей тепло и урожай (2 однородныхъ дополненія къ одному глаголу)". Туманно.

IUVENALIS SATURAE. Cum lectionum varietate commentarius prooemius et indice uberrimo edidit *Darius Nagiewski*. Vol. I. Casani. 1868. Въ 8-ку стр. 229. Цѣна 4 руб.

Уже болѣе десяти лѣтъ г. Нагуевскій занимается спеціально Ювеналомъ и въ теченіе этого времени издалъ нѣсколько монографій объ этомъ сатирикѣ въ частности и о римской сатирѣ вообще. Настоящее изданіе, имѣющее въ виду дать полное критико-эзегетическое изданіе Ювенала, является, такимъ образомъ не случайностью, а представляетъ звено въ той цѣпи трудовъ г. Нагуевского, которое соединено съ другими единствомъ содержанія. Кромѣ того, указаннымъ только-что обстоятельствомъ объясняется близкое знакомство г. Нагуевского съ Ювеналомъ и относящеюся къ нему ученою литературой. Оно простирается не только на отдѣльныя книги и монографіи, но и на журнальныя статьи и замѣтки. Въ этомъ отношеніи, ученый аппаратъ г. Нагуевского не заставляетъ желать ничего большаго, напротивъ, иногда представляется даже обремененнымъ ненужными и излишними указаніями; такъ, напримѣръ, на стр. XXX встрѣчаемъ цитату на Всемирную Иллюстрацію 1871 г., на стр. LXXI читаемъ перечисленіе (далеко впрочемъ неполное) трудовъ Мадвига по грамматикѣ и К. Фр. Германна по разработкѣ греческихъ древностей, на стр. 61 цитруется газета Голосъ 1876 г. и др. Въ связи съ этимъ обиліемъ цитатъ находится и другое замѣчаніе, которое можно сдѣлать г. Нагуевскому: оно состоитъ въ томъ, что авторъ не всегда приводитъ указаніе на труды достаточно авторитетные или дѣйствительно представляющіе что-либо важное и замѣчательное для разъясненія того или другаго факта или обоснованія того или другаго сужденія; иногда, вмѣсто того, чтобы приводить указаніе на источники, онъ цитуетъ пособіе, иногда, наконецъ, считаетъ нужнымъ обосновывать цитатой такія вещи, которыя въ этомъ нисколько не нуждаются. Для примѣра приведемъ нѣсколько указаній: на стр. XXIII для доказательства того, что Квинтиліанъ былъ преданъ (г. Нагуевскій говоритъ: „рабскія“ преданъ, что не вѣрно) Домніціану, какъ воспитатель его племянника, авторъ ссылается на ничтожное изданіе X-й книги *Institutio-pes oratoriae* Квинтиліана, сдѣланное Доссономъ въ Парижѣ 1884 г.; на стр. LVI вмѣсто того, чтобы привести хотя нѣсколько примѣро въ подражаніи Ювеналу позднѣйшихъ писателей: Драконція, Сидонія Аполліарія, ссылки у Епиподія, г. Нагуевскій предпочитаетъ отослать чл-

тателей къ журнальнымъ замѣткамъ Бюхлера и О. Риббека и къ своей книгѣ: *de Juvenalis vita* (замѣтимъ кстати, что самоцитованіе практикуется г. Нагуевскимъ въ весьма широкихъ размѣрахъ); на стр. 37, по поводу измѣненности Мецената цитруется ничтожная компиляція *Detto. Horaz und seine Zeit*; на стр. 42 по поводу значенія *satura* указывается на два сочиненія самого г. Нагуевского; на стр. 63 ссылкой на словарь Любкера въ изданіи Вольфа г. Нагуевскій считаетъ нужнымъ подтвердить заявленіе объ изображеніяхъ похищеннаго нимфами Гиласа; на стр. 80 указаніе изданія знаменитаго *Scutum de Vasanalibus* ограничивается ссылкой на Дракенборха (*in editioe Livii*), и т. д.

Первый разсматриваемый томъ изданія г. Нагуевского состоитъ изъ обширнаго введенія, текста сатиръ съ подстрочными критическими примѣчаніями, комментарія и указателя. Что касается введенія (стр. VII—LXII), озаглавленнаго: Ювеналь и его сатиры, то оно содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: I) Источники жизнеописанія Ювенала, II) жизнеописаніе Ювенала, III) характеръ Ювеналовыхъ сатиръ, IV) о рукописяхъ и схоліяхъ Ювенала, и V) обзоръ литературы о Ювеналѣ, съ *editio princeps* по 1887 г. Въ общемъ, введеніе составлено очень обстоятельно, читается легко и можетъ ознакомить съ вопросами, возбуждаемыми біографіей Ювенала и его произведеніями; но въ отдѣльныхъ частностяхъ оно можетъ возбудить недоумѣнія и вызвать болѣе или менѣе вѣскія замѣчанія. Наиболѣе слабою представляется третья его глава, начинающаяся слѣдующею характеристикой эпохи, въ которой пришлось жить и дѣйствовать сатирику (стр. XXXIX): „Въ эту эпоху весь строй римской жизни начинается свою медленную и жалкую агонію; все видимо разлагается и клонится къ паденію; добродѣтели прошлаго умираютъ одна за другою и новое время не представляетъ взамѣнъ ихъ новыхъ. Клавдій и Неронъ, Гальба и Вител(л)ій, От(т)онъ и Домиціанъ проносятся мрачными фантомами надъ оцѣпенѣвшимъ Римомъ, оставляя кровавые слѣды на страницахъ его исторіи. Только риторы и ихъ школьники говорятъ теперь о вѣчномъ городѣ. Въ римскомъ творчествѣ и литературѣ чутся затишье. Краснорѣчіе превращается въ декламаторство, ограничиваясь льстивыми панегириками и глашатайствомъ за и противъ. Убѣжденія въ народѣ распались и вѣрованія замерли; вся религія замѣнилась одною обрядностью. Повсемѣстное своеволие и необузданность нравовъ, пустившія глубокіе корни уже въ первыя годы имперіи, теперь свирѣпствовали въ полной силѣ, предоставивъ народъ

въ жертву тиран(н)іи и нахал(ь)ству“ и т. д. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что приведенныя нескладно изложенныя строки в односторонни, и невѣрны; по нимъ можно судить и объ остальномъ содержаніи III-ей главы введенія. По поводу ея сдѣлаемъ еще замѣчаніе автору: характеристика слога и языка Ювенала, представленная на стр. XLVIII и состоящая изъ 11 строкъ, слишкомъ недостаточна, а по своей общности и малосодержательна. И другія главы введенія въ отдѣльныхъ частностяхъ возбуждаютъ, какъ было замѣчено выше, недоумѣніе въ читателѣ: такъ, на стр. 1, говорится, что „повдѣйшіе грамматики и схоласти, вообще пассивно относившіеся къ древнѣйшимъ преданіямъ о жизни римскихъ писателей, на столько измѣнили древнія редакціи біографическихъ свѣдѣній о Ювеналѣ, что въ дошедшихъ къ намъ (?) его жизнеописаніяхъ достовѣрные факты теряются среди противорѣчивыхъ, сбивчивыхъ и темныхъ указаній позднѣйшаго времени“. Что-нибудь одно: или грамматики и схоласти, относившіеся къ древнѣйшимъ свидѣтельствамъ пассивно, должны были ихъ передать въ болѣе или менѣе исконномъ видѣ, или же, если они измѣнили древнюю редакцію біографическихъ свѣдѣній объ Ювеналѣ, то относились къ древнѣйшимъ свидѣтельствамъ не пассивно. Стр. XXI: „Если положительно извѣстно, что въ эпоху сатирика даже лучшіе и ученѣйшіе мужи занимались составленіемъ мелкихъ, задорныхъ стихотвореній (Plin. Ep. IV, 14; VII, 4)—то“ и т. д. Въ цитованныхъ письмахъ Плинія о „задорѣ“ не говорится ничего. На стр. LXIX, характеризуя изданіе Ювенала Гейнриха, г. Нагуевскій говоритъ, что все, что было сдѣлано по Ювеналу, начиная съ Ашентра (1810), оставлено составителемъ безъ вниманія, а на стр. LXX—что Гейнрихъ полемизируетъ съ своими предшественниками, съ Ашентромъ, особенно же съ Руперти.

Второй отдѣлъ разсматриваемой книги представляетъ текстъ трехъ первыхъ сатиръ, сопровождаемый критическими примѣчаніями: Въ установкѣ текста г. Нагуевскій отличается консервативною и поступаетъ почти вездѣ эклектически. Но при этомъ онъ не вездѣ выдерживаетъ должную послѣдовательность и не вездѣ отдаетъ предпочтеніе болѣе вѣрному чтенію; кромѣ того, онъ не съ должнымъ вниманіемъ относится къ интерпункціи и орѳографіи. Ограничимъ наши замѣчанія первую сатирой; неосновательно и неметодично поступилъ г. Нагуевскій, отдавъ предпочтеніе, въ ст. 3, чтенію *cantaverit* передъ *recitaverit*. Первое сохранилось въ Копенгагенскомъ кодексѣ и предпочтено г. Нагуевскимъ на томъ основаніи, что *cantare* болѣе

подходить въ тону, въ какомъ произносились стихи на публичныхъ чтеніяхъ. Этотъ мотивъ долженъ быть признавъ принципиально невѣрнымъ; кромѣ того, о тонѣ рецитаций Ювеналъ не говоритъ здѣсь ни слова; наконецъ, при одинаковой законности чтеній *recito* и *santo* методъ требуетъ придерживаться ископаемаго преданія, представляемаго рукописью Питу. Точно также неосновательно замѣненіе въ стихѣ 58 чтенія *spectare*, представляемаго рукописью Питу, черезъ *spectare*, которое даютъ другія, при чемъ основаніемъ для этого предпочтенія выставляется лишь то, что *spectare* кажется болѣе подходящимъ въ данному мѣсту. Наконецъ, третье измѣненіе противъ *codex Pithoeanus*—*quiescit* вм. *quiescet* (стр. 126), тоже неосновательное, мотивируется лишь ссылкой на Вейднера. Что касается орѳографіи, то она представляется не выдержанною и устарѣлою; такъ въ стихѣ 2 г. Нагуевскій пишетъ *toties*, а въ стихѣ 165, *quotiens*, въ ст. 13, *assiduo*, а въ ст. 36, *submissa*; затѣмъ онъ удерживаетъ и такіа, теперь уже антиквированныя формы, какъ *coelum*, *coena*, *roeritet*, *quum* и т. д. Точно также издатель не вездѣ правильно интерпунгируетъ издаваемый текстъ, напримѣръ, ст. 1, напрасно ставитъ знакъ вопроса послѣ *herodam*, въ ст. 22 двоеточіе послѣ *spero*, въ ст. 98 точку послѣ *rosas* и т. д.

Переходя къ третьему отдѣлу книги г. Нагуевского, содержащему въ себѣ объяснительный комментарий, мы должны прежде всего сказать, что онъ представляетъ достаточно данныхъ для уясненія подробностей, заключающихся въ текстѣ, но при всемъ томъ возбуждаетъ вопросъ: для кого или для какого сорта читателей онъ предназначенъ? Если составитель имѣлъ въ виду лицъ, уже достаточно знакомыхъ съ латинскою поэзіею, то для нихъ многія подробности его экзегезы представляются совершенно излишними и ненужными; если же онъ имѣлъ въ виду обширный кругъ читателей, то для него многое оказывается черезъ мѣру специальнымъ и малодоступнымъ. Къ перваго рода замѣчаніямъ мы относимъ такіа, какъ, напримѣръ, на стр. 36 о *stylus*, на стр. 161 объ Исеѣ, стр. 179 о *торгѣ* и т. д.; ко вторымъ—замѣчанія относительно разныхъ, но большей части неважныхъ вариантовъ текста, въ родѣ написанія *Cordi* и *Codri* во 2 стихѣ 1-ой сатиры.

Въ отдѣльныхъ частностяхъ комментарий г. Нагуевского также вызываетъ замѣчанія: такъ, на стр. 21 говорится, будто Эолъ царствовалъ надъ Эолійскими островами во время Троянской войны, но изъ разказа Виргилія мы знаемъ, что онъ царствовалъ надъ ними и

послѣ нея; тамъ же, въ выраженіи: *quid agant venti* — *agere* понимается врядъ ли вѣрно, какъ *verbum fogense*, въ смыслѣ говорить, переговариваться; точнѣе понимать это слово въ смыслѣ нашего: „что подѣлываютъ?“ „какъ поживаютъ?“ (сравн. *quid agis, dulcissime gegum* у Ног.); на стр. 24 говорится, что сл. *sampus*, какъ мѣсто упражненія, встрѣчается у Корнелія Непота и приводится цитата изъ *Eum. V. 5*, гдѣ вмѣсто *sampus* стоитъ *spratum*; на стр. 48 невѣрно говорится о сенаторской должности; на стр. 49 смѣшивается Лиципъ съ Лициліемъ; на стр. 50 ученый XVI вѣка Томасъ Фарнабій считается за древняго комментатора; на стр. 55 игнорируется превосходное объясненіе сл. *Agabarches*, данное Л. Ренье; на стр. 79 нестати говорится о *Morigagusa* кимвровъ, которыхъ г. Нагуевскій, вѣроятно, считаетъ за славяпъ, потому что приравниваетъ это названіе словамъ „море мравное“; на стр. 82 утверждается невѣроятный фактъ, будто волосы на тѣлѣ древніе уничтожали чаще всего клещами; тамъ же нестати говорится о тонзурѣ католическаго духовенства и т. д.

Э. Вахофъ. Сборникъ статей для перевода съ греческаго на русскій и съ русскаго на греческій. Курсы III и IV классовъ гимназій. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Счастлищцева, преподавателя Виленской 1-й гимназій. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. 238. Цѣна 1 рубль.

Въ виду затрудненій, возникающихъ при переходѣ учениковъ отъ теоретическаго изученія этимологическихъ формъ греческаго языка къ практическому примѣненію ихъ при переводѣ съ изучаемаго языка, Э. Вахофъ составилъ особаго рода учебникъ подъ заглавіемъ: *Griechisches Elementarbuch von Dr. Ernst Bachof, Gymnasiallehrer in Bremen. 1 Theil. Gotha. 1883*. Цѣль этого учебника двоякая: съ одной стороны, ввести больше содержательности въ читаемый текстъ путемъ сочетанія легкихъ предложеній въ связный разказъ, и съ другой — облегчить переводомъ этихъ легкихъ фразъ переходъ къ чтенію Ксенофонта. При этомъ помѣщенные въ учебникъ статьи, по свойству употребляемыхъ въ нихъ грамматическихъ формъ словъ, строго приурочены къ теоретическому прохожденію греческой этимологій по какой бы то ни было грамматикѣ. Этотъ учебникъ г. Счастлищцевымъ предлагается учащемуся юношеству въ русскомъ переводѣ. Книга состоитъ изъ 124 статей то греческаго, то русскаго текстовъ для перевода съ одного языка на другой, изъ схемы образованія нѣкоторыхъ глагольныхъ формъ, изъ

33 правилъ элементарнаго синтаксиса, и наконецъ, изъ сборника словъ, который для первыхъ 36 статей представляется въ видѣ вокабулярія, вмѣщающаго въ себѣ слова отдѣльно по статьямъ, съ присовокупленіемъ другихъ, не относящихся къ тексту вокабуль для упражненія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ или для заучиванія, а для прочихъ статей—въ видѣ алфавитныхъ греческо-русскаго и русско-греческаго словарей. Матеріалъ очень обильный, и въ случаѣ оставленія учениковъ въ классѣ на второй годъ онъ можетъ дать преподавателю возможность мѣнять содержаніе упражненій по одному и тому же отдѣлу этимологій.

Слѣдуетъ признать, что, благодаря добросовѣстному отношенію какъ автора, такъ и переводчика къ дѣлу, цѣль означенной книги въ значительной степени достигается, хотя противъ нѣкоторыхъ частныхъ можно сдѣлать кое-какія возраженія, а именно:

1) Переводчикъ (см. предисловіе) осуждаетъ составителей существующихъ нынѣ руководствъ того же рода за неудобопонятность нѣкоторыхъ предложеній. Справедливость однако требуетъ замѣтить, что подѣ-часъ грѣшить тѣмъ же и Бахофъ; едва ли выраженія въ родѣ: „благочестіе не рабство души, но источникъ свободы“ (стр. 1); „знаніе безъ справедливости скорѣе источникъ порочности, чѣмъ добродѣтели“ (стр. 3) и т. д. лучше, чѣмъ Кюнеронскія: „не бѣгай, юноша, теплоты и холода“ (стр. 50); „подлость рождаетъ безчестіе“ (стр. 26) и т. д. Впрочемъ, самъ Бахофъ (см. предисловіе подлинника) указалъ на неустранимую трудность изъ словъ перваго склоненія составлять фразы конкретнаго содержанія, такъ какъ слова этого склоненія едва ли не исключительно значенія отвлеченнаго; затѣмъ онъ ограничился небольшимъ количествомъ отдѣльныхъ фразъ (лишь для 1-го и 2-го склоненій). Въ статьяхъ же замѣтна большая тщательность перевода; русскія фразы весьма точно соображены съ нѣмецкими и съ греческими, которыя имѣлъ въ виду нѣмецкій авторъ. Если и встрѣчаются кое-гдѣ шероховатости въ русскомъ слогѣ, то онѣ происходятъ единственно изъ желанія сдѣлать болѣе легкимъ для ученика переводъ на греческій языкъ, какъ, напримѣръ, въ § 29: „такъ-называемаго Коринита“ (*χαλοόρειος*) ви. „называвшагося“ и т. д.

2) Какъ ни старался составитель подобрать фразы на различные отдѣлы этимологій, преподавателю, пользующемуся этою книгою, все-таки придется и отъ себя предлагать фразы, въ которыхъ легче уложить какія-нибудь мелочи, исключенія и т. д., не нашедшія

мѣста въ статьяхъ Бахофа. Вообще и при этомъ учебникѣ талантъ и энергія преподавателя остаются главными условіями успѣха, особенно при сохраненіи непрерывной связи между теоріей и практикою.

Примѣчанія къ статьямъ не безусловно удовлетворительны, такъ какъ слѣдовало бы указывать и на встрѣчающіяся по необходимости рѣзкая формы, до которыхъ еще не доведено было систематическое заучиваніе этимологій, какъ, напримѣръ, въ § 17 (стр. 18) въ статьѣ на 3-е склоненіе на формы *futuri* *φουδούσι*, *ἔσονται* и т. д. Ссылки же на латинскій языкъ иногда слишкомъ требовательны для III и IV классовъ. Пользованіе словаремъ оказывается удобнымъ; но было бы желательно дополнить вокабулярную часть его, такъ какъ ученику приходится отыскивать иное слово помимо его въ алфавитной части, напримѣръ, къ ст. 30 *καρέω*; къ ст. 31 *πρόσταμα*, *θάλπει*; къ ст. 32 *σπαράττω* и т. д. Приложенныя синтактическія правила на столько ясно изложены и толково выбраны, что ради нихъ уже стоитъ пользоваться книгою.

Вообще трудъ г. Счастливецова стоитъ несравненно выше всѣхъ возникшихъ въ послѣднее время попытокъ такъ-называемаго эвристическаго метода и, оставаясь на рациональной почвѣ систематическаго изученія греческой грамматики, вполне заслуживаетъ вниманія преподавателей греческаго языка, обучающихся въ III и IV классахъ гимназій, сколько по формѣ, столько же и по содержанію.

Учебникъ географіи. Составилъ *А. Я. Гердъ*. II. Азія. Съ 25-ю рисунками и 5-ю картами въ текстѣ. С.-Пб. 1887 г. Стр. 98 въ 8-ку Ц. 50 коп.

Учебникъ географіи. Сост. *А. Я. Гердъ*. III. Австралія, Полинезія, Африка и Америка. Съ 49 рисунками и съ 7 картами въ текстѣ. С.-Пб. 1888. Стр. 124 въ 8-ку. Цѣна 75 коп.

Всякій интересующійся учебнымъ дѣломъ привыкъ уже встрѣчаться съ общимъ грѣхомъ всѣхъ старыхъ и новыхъ учебниковъ географіи, именно: съ обиліемъ ненужныхъ для обще-образовательнаго курса, неважныхъ въ географической наукѣ и неуловимыхъ для памяти названій и цифръ. Этому грѣху не избѣжалъ и настоящій учебникъ; существенный же недостатокъ его состоитъ въ большомъ числѣ описаній, сравненій и разнаго рода замѣтокъ. Такого рода ненужный матеріалъ встрѣчается и въ другихъ распространенныхъ учебникахъ, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ у нашего автора. Представляемъ примѣры такихъ излишествъ. Такъ, во второй книгѣ, на стр. 15

находимъ: „Желтая рѣка или Гоанго очень извилиста и песнокойна; она въ теченіи историческаго времени не менѣе девяти разъ измѣняла свое теченіе въ нижнихъ частяхъ, въ равнинѣ Китая, и притомъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ подобнаго явленія не представляетъ никакая другая рѣка. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ рѣка Гоанго впадала въ море къ югу отъ большаго Шантунгскаго полуострова (на 34 параллели), и таковымъ былъ ея путь въ теченіи послѣднихъ шести столѣтій, но раньше, до тринадцатаго столѣтія, она вливалась въ заливъ Печели, къ сѣверу отъ Шантунга. Стремленіе вернуться въ древнее русло уже давно было замѣчено, и китайцы старались воспрепятствовать этому обширными и искусственными сооружениями, но въ 1851 году сооруженія эти были отчасти прорваны, а въ 1857 году Гоанго снова направилась въ Печелийскій заливъ, на цѣлѣе четыре градуса сѣвернѣе, и это перемѣщеніе сопровождалось большими бѣдствіями для человѣка, гибелью многихъ жилищъ и людей“. Только что описанное явленіе, какъ единственное въ своемъ родѣ, конечно интересно; но сообщеніе ученикамъ II класса подробностей, касающихся такого явленія, будетъ составлять роскошь, такъ какъ у нихъ едва достанетъ времени на то, чтобы затвердить названія: Гоанго и Печели. Въ той же книгѣ, на стр. 16, читаемъ: „Долгое время оставалось неизвѣстнымъ, въ которую изъ рѣкъ юго-восточной Азіи вливаются воды Санпо, большой рѣки Тибетскаго плоскогорія, которая течетъ на востокъ позади Гималайскаго хребта, на высотѣ болѣе трехъ съ половиною верстъ (13000 футовъ) надъ моремъ. Хотя и до настоящаго времени никому не удавалось достичь мѣста прохода этой рѣки черезъ горы, но теперь почти нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Санпо составляетъ верхнее теченіе Брампутры, которая прерываетъ Гималайскую цѣпь и, круто измѣнивъ направленіе, соединяется съ Гангомъ на восточной части ихъ общей дельты“. Сообщенное свидѣніе имѣетъ значеніе только для ученаго географа, но отнюдь не для учениковъ низшихъ классовъ, и тѣмъ болѣе, что нельзя найти рѣки подъ названіемъ Санпо не только въ русскихъ атласахъ, но даже въ лучшихъ нѣмецкихъ. Въ 3-ей книжкѣ, на стр. 67, государство Конго описано съ такими подробностями, какъ будто наше отечество связано съ нимъ какими-либо важными интересами. Тамъ идетъ рѣчь и о протяженіи рѣки Конго, о разстояніи водопада Стэнли отъ устья рѣки, о цѣляхъ африканской международной комиссіи, о проведеніи дорогъ по Конго, о европейскихъ станціяхъ, объ устано-

вленіи свободы торговли въ центральной Африкѣ и объ организаціи управленія Конго. Къ этому надо присоединить, что р. Конго была уже довольно подробно описана въ общемъ обзорѣ (стр. 37). Впрочемъ, выписанныя мѣста можно легко опустить, тѣмъ болѣе, что ихъ не такъ много; во труднѣе справиться преподавателямъ съ разными общими мѣстами и разсужденіями автора, которыхъ въ книгѣ разсѣяно довольно много, и которыя въ устахъ учениковъ могутъ превратиться въ пустыя фразы. Выписываемъ для примѣра.

Во второй части:

Стр. 10. „Въ первой части курса было указано на то, что дѣйствующіе вулканы почти всегда находятся на островахъ или, во всякомъ случаѣ, на небольшомъ разстояніи отъ моря. Законъ этотъ, какъ нельзя лучше, подтверждается въ Азіи“.

Стр. 20. „Мы уже знаемъ, что положеніе даннаго мѣста среди материка, или вблизи моря, имѣетъ огромное вліяніе на его климатъ, и что по мѣрѣ удаленія отъ океана внутрь материка климатъ становится болѣе и болѣе континентальнымъ, то-есть, температура утрачиваетъ равномѣрность, и контрасты между холодомъ и тепломъ возрастаютъ“.

Въ третьей части:

Стр. 5. „Климатъ Австраліи болѣе однообразенъ, чѣмъ можно было бы ожидать, принимая во вниманіе обширные размѣры материка и то, что онъ приходится отчасти въ жаркомъ поясѣ и отчасти въ умѣренномъ“.

Стр. 32. „Малодоступные, негостепріимные берега, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія внутри Африки, а также и другія неблагоприятныя условія (слишкомъ знойный климатъ, дикость туземныхъ жителей) долгое время препятствовали европейцамъ ознакомиться съ этою частью свѣта, и до настоящаго времени большія пространства внутри ея остаются неизвѣстными. Только съ половины текущаго столѣтія изслѣдованіе Африки быстро двинулось впередъ, и уже нѣсколькимъ путешественникамъ удалось проникнуть во внутренность материка и пройти большія разстоянія въ различныхъ направленіяхъ. Благодаря имъ, мы имѣемъ теперь нѣкоторое представленіе о формѣ и характерѣ поверхности этой части свѣта“.

Встрѣчаются преждевременныя сравненія, въ родѣ слѣдующихъ: Аравія, подобно Испаніи, представляетъ... Индостанъ, подобно Италіи, защищенъ... Индо-Китай соответствуетъ Балканскому полуострову..

и т. д. Такія сравненія были бы нѣсколько терпимы, еслибъ изученіе Европы предшествовало изученію Азии.

Также встрѣчается забѣганіе впередъ, какъ, напримѣръ: описаніе религій магометанской, буддійской и браминской въ общемъ обзорѣ, а не на мѣстѣ ихъ нахожденія; впрочемъ и самыя описанія не нужны въ географіи.

Поппадаются мелкія неточности. Во второй книгѣ отмѣтимъ слѣдующія:

Стр. 1. Мысь Романія вмѣсто Буро.

Стр. 5. Мысь Восточный будто бы называется также Чукотскимъ носомъ; но въ дѣйствительности этого нѣтъ.

Стр. 13. Имя Норденшильда упомянуто два раза, не позабыто имя и норвежца Югансена, но о заслугахъ Сидорова для нашего сѣвера — ни одного намека.

На стр. 15 говорится, что Татарскій проливъ соединяетъ Охотское море съ Желтымъ; въ дѣйствительности же съ Лионскимъ.

Стр. 45. „Курды добываютъ себѣ пропитаніе главнымъ образомъ разбоемъ и грабежемъ“. Это вѣрно, но слѣдовало бы сказать и о томъ, что они занимаются земледѣліемъ.

Въ третьей книгѣ:

Стр. 3. Въ Австраліи, по обычаю впрочемъ другихъ учебниковъ, отмѣчена самою высокою горою Костюшко, чего на дѣлѣ нѣтъ.

Стр. 32. Аденскій заливъ отнесенъ къ Африкѣ, но городъ Аденъ находится въ Азии, и заливъ того же имени также азиатскій.

Стр. 81. О р. Паранѣ почти такая же путаница, какая была до послѣдняго изданія въ учебникѣ Смирнова.

Изложеніе удобопонятное, но мѣстами растянутае и вообще недостаточное сжатое для учебника. Напечатана книга на хорошей бумагѣ, довольно четко, но съ большимъ числомъ опечатокъ и искаженныхъ названій; какъ-то: Балти море, Галопогосскіе острова и Галаногосскіе, Тарбогатай, Телушкинъ, Канчинжинга, Калькута, Солеймоновы, Индійскій океанъ, Джоржтаунъ и Джоржтоупъ, Суэсъ, Фесъ и т. д.

Внесенныя въ текстъ карты не имѣютъ никакой цѣны, такъ какъ не вѣрны и не ясны. Сѣтки иногда расходятся съ географическими названіями; на картахъ Индіи и Индо-Китая нѣтъ меридіановъ, на картѣ Малоазійскаго архипелага проведены градусы широты, но не обозначены цифрами, и градусовъ долготы вовсе нѣтъ, на картѣ Сѣверной Америки нѣтъ тропика.

Но въ учебникѣ разсѣяно не мало полезныхъ свѣдѣній, и встрѣчаются страницы, которыя могутъ быть предложены ученикамъ для прочтенія. Сверхъ того, онъ снабженъ рисунками, большая часть которыхъ весьма характерны, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, видъ Столовой горы, плантація агавы, еще не встрѣчались въ нашихъ школьныхъ изданіяхъ.

Со стороны физической географіи и географіи растеній и животныхъ, эти отдѣлы учебника г. Герда представляютъ простыя, вѣрныя, очень ясно и легко изложенныя свѣдѣнія, которымъ авторъ, очевидно, придаетъ особую важность, такъ какъ онѣ занимаютъ всего больше мѣста въ учебникѣ. Тѣмъ не менѣе, свѣдѣнія эти, по необходимости, авторъ долженъ былъ лишити строго-научнаго характера, и это, какъ мы думаемъ, умаляетъ ихъ важность въ составѣ географическаго обученія. Такъ, о геологическихъ свойствахъ описываемыхъ странъ не возможно было сдѣлать никакихъ указаній, почему и говорится только о наружномъ видѣ горъ, степей и пр. Въ растеніяхъ и животныхъ не возможно было сослаться ни на систематическія группы организмовъ, ни на опредѣленныя области, установленныя въ зоологической и ботанической географіи. Поэтому животныя и растенія перечисляются отдѣльно одно за другимъ и характеризуются ростомъ, красотою, вредомъ и т. д., словомъ какою-нибудь своею замѣчательностію.

Тѣмъ не менѣе, этотъ учебникъ можетъ быть читаемъ съ интересомъ и пользою въ тѣхъ отдѣлахъ, о которыхъ мы говоримъ. Какъ примѣръ живаго и поучительнаго разказа, укажемъ на страницы 38, 39, (въ III части), гдѣ описывается флора Африки. Рисунки растеній и животныхъ очень недурны и хорошо выбраны, но напечатаны часто до того дурно, что ничего нельзя разобрать; напримѣръ, въ III части фиг. 22 (стр. 50), фиг. 34 (стр. 83), фиг. 38 (стр. 90), особенно фиг. 41 (стр. 93) и проч.

Неточностей въ текстѣ намъ не встрѣтилось; неполнота же и отрывочность замѣчаній обусловлена необходимостію малаго объема всего учебника.

Учебникъ воевоиды географіи. Курсъ второй. Географія Австралія, Африка, Азія и Америка. Составилъ А. Вороничій. С.-Пб. 1888. Стр. 79 въ 8-ку. Цѣна 50 коп.

Въ этомъ учебникѣ мы насчитали свыше 900 названій; если на прохожденіе курса вновь отвести 40 уроковъ, то на каждый изъ нихъ

учащимся придется затверживать до 22 названий, большей частью непривычных для русскаго уха. Многія названія нашли мѣсто въ учебникѣ положительно безъ всякихъ основаній; такъ, напримѣръ, на стр. 12 и 69 голословно перечисляются негрскія и американскія племена, какъ-то: волофы, сопран, гаусса, канури, шилуки, вуэры, динка, сандеки или нiams, койква, чуаны, молуа, дамары, койкоины, цамбо муэни, кетчуа, аймары, араукане, коробы, гуаране и т. п. Чтò бы сказалъ составитель, еслибъ ему попались въ руки прежніе учебники исторіи, гдѣ помножены: гарaborиты, набаты, серваты, анцимбы азаны, салаты, линксаматы и другіе народы, не игравшіе никакой роли во всемірной исторіи и, конечно, неизвѣстные самимъ составителямъ? Впрочемъ авторъ не ограничивается перечнемъ существующихъ народностей, но останавливается на племенахъ, жившихъ до открытія Америки Колумбомъ, какъ-то: дакота, комапчи, апахи, соноры и т. д., приурочивая всѣхъ ихъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ (стр. 56). Думаемъ, что 12—13-тилѣтній мальчикъ можетъ обойтись безъ такихъ знаній, какъ малоислѣдованное во внутренней Аравіи царство вехабитовъ съ городами Гайль и Ріадъ (стр. 53), тѣмъ болѣе, что ученики не найдутъ въ распространенномъ атласѣ Ильина городовъ подъ тѣми же названіями.

Другія подробности изъ физической и политической географіи, изъ естественной исторіи особенно обильно разсѣяны при обзорѣнн Америки, такъ что изученіе этой части при обычномъ числѣ уроковъ будетъ соединено съ немовѣрными затрудненіями. Этотъ отдѣлъ имѣетъ почти столько же страницъ, сколько заключается въ соотвѣствующемъ отдѣлѣ послѣдняго расширеннаго изданія учебника Смирнова, но съ тѣмъ различіемъ, что въ немъ все напечатано крупнымъ шрифтомъ, а въ учебникѣ г. Смирнова приблизительно 10 страницъ мелкой печати. При обзорѣнн другихъ частей, наблюдается больше умѣренности, и, за исключеніемъ Австраліи, онѣ изложены вообще короче учебника г. Смирнова.

Частное обзорѣніе Египта, Марокко, Алжира, Туниса, Триполи, Фецдана, Барки, Сенегамбіи, Китайской и Японской имперій, полуострова Индо-Китая, Персіи, Афганистана, Белуджистана, Турана и Аравіи изложены въ желательномъ для учебника II-го класса видѣ, именно въ нихъ сообщаются главные, такъ сказать, центральные факты; общія мѣста и тонкія подробности, которыми такъ переполнено послѣднее изданіе Смирнова, опущены.

Число погрѣшностей въ учебникѣ вообще не велико. Отмѣтимъ главныя изъ нихъ.

Стр. 3. Въ Новой Голландіи, по обычаю, занесена высота Костюшко, какъ будто она есть самая высокая. Впрочемъ, въ спискѣ, приложенномъ къ концу книги, Готамъ показана самая высокая гора въ Новой Голландіи.

Стр. 5. „Въ моряхъ Австраліи ловится трепангъ“; но не во всѣхъ моряхъ, и на это нужно было указать.

Стр. 28. Восточный мысъ Азіи названъ „Дежневимъ“. Хорошо, что имя отважнаго казака попало въ учебникъ; но Дежневимъ скорѣе можетъ быть названъ проливъ или по крайней мѣрѣ часть пролива Берингова; мысомъ же остается Восточный.

Стр. 35. „Главное духовное лицо считается верховнымъ правителемъ всѣхъ монгольскихъ ордъ и имѣетъ свое мѣстопробываніе въ г. Ургѣ“. Здѣсь разумѣется духовное лицо—хутухту, но многія монгольскія племена управляются свѣтскими князьями, признавая хутухту только духовнымъ главою.

Стр. 37. „Изъ другихъ городовъ Японіи славится Кіото (бывшій Міако), старая столица Японіи“. „Бывшій Міако“ здѣсь излишне, такъ какъ это слово не есть старое названіе города, а означаетъ „столица“.

Стр. 42. „Португальцы достигли до Малабарскаго берега около 300 лѣтъ тому назадъ“. Въ дѣйствительности же это было около 400 лѣтъ тому назадъ, въ 1498 году.

Стр. 50. „Моссулъ лежатъ на дорогѣ отъ Средиземнаго моря къ Евфрату“. Къ чему служить такое свѣдѣніе?

Стр. 67. О Парагваѣ и Паранѣ почти такая же путаница, какая нѣкогда была и въ учебникѣ г. Смирнова.

Изложенъ учебникъ удовлетворительно; но простотѣ и ясности мѣстами мѣшаютъ лишнія сравненія, прилагательныя и разнаго рода вставки. Представимъ примѣры.

Стр. 10. „Большая часть Африки совсѣмъ еще не изслѣдована относительно минеральныхъ богатствъ и можетъ быть во внутреннихъ ея областяхъ откроются богатства болѣе значительныя чѣмъ тѣ, которыя теперь намъ извѣстны“. Напечатанное съ разрядкой совершенно неумѣстно.

Стр. 30. „Горы Азіи... сравнительно съ горами другихъ частей свѣта изобилуютъ всякаго рода минеральными богатствами“. Но лучше было бы сказать: горы Азіи изобилуютъ минеральными богатствами.

Тамъ же: „Объ съ Иртышемъ, Енисей и Лена отличаются длиною своего теченія и многоводностью, но не имѣютъ большаго судоходнаго значенія, потому что протекаютъ по малонаселеннымъ странамъ“. Условія краткости требовали бы опущенія словъ: „не имѣютъ большаго судоходнаго значенія“, ибо, если мѣстность мало населена, то и рѣки, протекающія по ней, малосудоходны. Къ тому же слово „малосудоходный“ въ данномъ случаѣ неумѣсто.

Стр. 31. „На сколько Азія богата рѣками, на столько же она бѣдна озерами“. Надо бы просто сказать: Азія бѣдна озерами; до богатства же рѣкъ ученики могутъ додуматься сами.

Тамъ же: „Слабое бродячее населеніе тундръ кормится не столько оленеводствомъ, сколько рыболовствомъ и охотою“. Упоминаемое здѣсь средство прокормленія—для учениковъ отгѣнокъ очень тонкій; поэтому слова „не столько“, „сколько“ лучше опустить.

Иллюстрированная учебная географическая хрестоматія. Въ трехъ частяхъ. Часть вторая. Вѣв-европейскія страны. Составилъ *Воронскій*. С.-Пб. 1887. Стр. 238 въ 8-ку. Цѣна 2 руб.

Хрестоматія эта состоитъ изъ 68 статей, изъ коихъ 26 приходится на Азію, 18—на Африку, 7 на Австралію и 17 на Америку. Статьи довольно разнообразны по содержанію и составлены на основаніи извѣстныхъ географическихъ монографій и путешествій. Такъ, Азію представляютъ слѣдующія статьи: „Японцы“, по Гюмберу, „Уличная жизнь въ Іеддо-Токіо“, по Гюмберу, и др. „Корейцы“, по Зуберу, „Китайцы“, по Бурбулону и др. „Народныя увеселенія въ Китаѣ“, по Бурбулону и др. „Чайное производство въ Китаѣ“, по Рейнботу и др.; „Монголы“, по Пржевальскому; „Тибетъ и тибетцы“, по Пржевальскому и др.; „Гималаи“, по Шлагинтвейну и Реклю; „Народы Индо-Китая“, по Ховелаку и Гельвальду; „Сіамскій бѣлый слонъ“, изъ кн. Рафи; „Даяки острова Борнео“, по Узласу; „Индусы“, по Мюллеру и Берлету; „Бенаресь“ по Мейеру; „Ловля жемчуга у острова Цейлона“, по Вальхнеру; „Персія и персы“, по Россельту и Огородникову; „Курдистанъ и курды“, по Вагнеру и др.; „Бухара“, по Вамбери и др.; „Араратъ“, по Мордовцеву; „Іерусалимъ“, по Норову и Даніели; „Мертвое море“, „Природа Аравіи“, „Синай“, по Шуберту и др.; „Ведуины Аравіи“, по Пальгреву и Ваксмуту; „Кааба въ Меккѣ“, по Грубе и др.

По свойству содержанія, по тону и объему статьи болѣе приспособлены къ чтенію въ низшихъ классахъ, чѣмъ статья, вошедшія

въ другую географическую хрестоматію, издавную въ 1883 году г. Малининымъ; къ тому же текстъ освѣщается 125-ю, довольно изящными и болѣею частью хорошо отпечатанными рисунками. Эти условія даютъ автору право думать, что книга его должна быть въ рукахъ учениковъ на ряду съ учебникомъ. Такое мнѣніе автора могло бы быть осуществлено только въ томъ случаѣ, еслибы географія преподавалась въ гимназіяхъ безъ всякихъ учебниковъ, исключительно при помощи атласа и стѣнныхъ картъ, какъ это зачастую дѣлается въ пѣмецкихъ семинаріяхъ, а иногда и въ гимназіяхъ; въ такомъ случаѣ съ учениками можно бы было прочитывать въ классѣ, а иногда и давать имъ для домашняго чтенія наиболѣе характерныя и подходящія по содержанию статьи изъ хрестоматіи, какъ это и дѣлается въ предполагаемыхъ нами иностраннымъ школахъ. Въ настоящее же время, при существованіи переполненныхъ излишними названіями и разнаго рода безсвязными свѣдѣніями учебниковъ, давать въ руки ученикамъ еще какую-либо книгу, будетъ дѣломъ крайне безтактнымъ. Для умственного развитія учащихся имѣютъ значеніе только свѣдѣнія, организованная въ какую-либо систему, твердо хранящаяся въ памяти и могущія часто быть воспроизводимыя по какой-либо категоріи. Географія при самомъ краткомъ учебникѣ представляетъ много расчлененнаго матеріала, который ученикамъ трудно связать по какимъ-либо ассоціаціямъ и еще труднѣе часто воспроизводить въ сознаніи. Чтѣ же станется, если каждый урокъ будетъ сопровождаться чтеніемъ подробныхъ статей? Не обипуясь можно сказать, что въ головѣ учениковъ образуется хаосъ, а въ конечномъ результатѣ получатся ничтожныя географическія знанія.

Возвращаясь къ хрестоматіи, необходимо упомянуть, что далеко не всѣ статьи, заключающіяся въ ней, могутъ отвѣчать индивидуальнымъ особенностямъ учениковъ; статьи же бытовыя, какъ, на примѣръ, „Уличная жизнь въ Іеддо“, въ „Каирѣ“, описаніе Нью-Йорка, описаніе жизни въ Сѣверной Америкѣ, положительно преждевременны для учениковъ 12—13 лѣтъ. Рисунокъ, изображающій церемонію людодѣства, могъ бы быть опущенъ.

Учебникъ неорганической химіи по повѣйшимъ изслѣдованіямъ, *В. Рихтера*.

Съ полнотпажами и спектральной таблицей. Шестое, исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. 1887.

Учебники Рихтера, доктора химіи С.-Петербургскаго университета, а нынѣ профессора Бреславскаго университета, болѣе 17 лѣтъ

известны въ литературѣ. Появившійся въ прошломъ году учебникъ неорганической химіи, какъ пособие и руководство для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается химія, представляетъ шестое исправленное и дополненное изданіе. Благодаря послѣдовательному, ясному и научному изложенію, учебники проф. Рихтера переведены на многіе иностранные языки и являются руководствами по химіи не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ. Главное вниманіе при составленіи ихъ авторомъ было обращено на общій планъ и методъ изложенія. Избѣгая догматичности въ изложеніи, авторъ (какъ самъ онъ выражается) старался ознакомить начинающаго прежде всего съ индуктивнымъ методомъ въ примѣненіи къ химіи и дать ясное и наглядное представленіе о тѣсной связи между данными опыта и химическими теоріями съ цѣлью возбудить въ занимающемся интересъ къ химіи, наукѣ умозрительной и общеобразовательной, и заставить его относиться самостоятельно къ изучаемому предмету. Цѣль, намѣченная авторомъ, съ успѣхомъ достигнута, и его учебники составили ему имя въ учебной литературѣ. Въ разсматриваемомъ учебникѣ, послѣ введенія, въ которомъ говорится о законахъ сохраненія вещества и силы, о химической энергіи, химическихъ знакахъ и формулахъ и изложено ученіе о термохиміи, въ специальной части сначала описываются металлоиды и ихъ соединенія съ другими элементами, кромѣ кислорода (за исключеніемъ воды); затѣмъ кислородныя соединенія металлоидовъ, какъ болѣе сложныя, и наконецъ металлы.

Теоретическая часть расположена весьма искусно. Послѣ описанія водорода и галлоидовъ авторъ даетъ понятіе о кислотахъ, основаніяхъ и соляхъ, объ экзотермическихъ и эндотермическихъ реакціяхъ, происходящихъ при соединеніяхъ галлоидовъ съ водородомъ, о стехіометрическихъ законахъ и излагаетъ атомно-молекулярную теорію. Описаніе металлоидовъ заканчивается статьею объ установленіи химической формулы, объ атомности и химическомъ строеніи. Наконецъ, передъ металлами дается ясное понятіе о періодической классификаціи элементовъ. Другія обобщенія сдѣланы при болѣе выдающихся фактахъ, напримѣръ, при описаніи озона говорится объ аллотропическихъ модификаціяхъ и изомерныхъ тѣлахъ, а описанію каждой группы металловъ предшествуетъ общая характеристика группъ и типы соединеній.

Кромѣ подробнаго изложенія фактовъ, авторъ обратилъ особенное вниманіе на связь ихъ между собою, и эта задача выполнена имъ

съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Съ другой стороны, придерживаясь строгой систематичности и заимствуя много новаго безъ увлеченія новизною, что часто встрѣчается при составленіи учебниковъ, проф. Рихтеръ сумѣлъ составить руководство, которое, не смотря на малый сравнительно объемъ, богато содержаніемъ (учебникъ содержитъ 500 стр. малаго формата, на которыхъ $\frac{1}{4}$ мелкаго шрифта, слѣдовательно, все главное и существенное занимаетъ менѣе 400 страницъ). Въ послѣднемъ изданіи сдѣланы всѣ необходимыя дополненія и поправки, сообразно современному состоянію науки.

Что касается до недостатковъ, то затруднительно указать ихъ. Въ этомъ отношеніи приходится ограничиться нѣкоторыми недомолвками и опясками. Такъ, напримѣръ, на стр. 33 сказано, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ „составъ воздуха непостояненъ“, а на стр. 128 говорится: „многочисленныя опредѣленія показали, что составъ воздуха всегда и вездѣ одинаковъ“. На стр. 37, 38, 39 излагаются свойства газовъ, критическое состояніе ихъ и критическая температура, то-есть, такая опредѣленная температура, выше которой газы не могутъ быть сгущаемы никакимъ, даже самымъ сильнымъ, давленіемъ. Такая критическая температура для водорода равна— 180° при давленіи 99 атмосферъ. А между тѣмъ при описаніи опыта сказано: „Для сгущенія Пикте получалъ газы въ прочной желѣзной ретортѣ нагрѣваніемъ (хлорноватокалиевой соли для кислорода, муравьинокалиевой и ѣдкимъ кали для водорода); выдѣляющіеся газы сжимались въ мѣдной трубкѣ, соединенной съ ретортою подъ вліяніемъ собственнаго давленія. Эта трубка была окружена твердою угольною кислотою, температура которой при испареніи въ разряженномъ пространствѣ понижалась до— 140° “. Ясно, что этотъ опытъ не могъ относиться до водорода, для котораго критическая температура равна— 180° . Подобныя неточности не имѣютъ существеннаго значенія и не затрудняютъ изучающаго химію.

Нормальный курсъ аналитической химіи. Часть I, количественный анализъ, съ приложеніемъ правилъ для производства судебнохимическихъ изслѣдованій. Для высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и фармацевтовъ. В. Морковникова, профессора Московскаго университета. Москва. 1887. VIII и 119 стр.

Появленіе учебниковъ по аналитической химіи на русскомъ языкѣ вообще представляетъ фактъ весьма отрадный, такъ какъ у насъ есть весьма мало хорошихъ руководствъ по этому отдѣлу химіи. Въ виду

сего, появленію въ свѣтъ „Нормальнаго курса“ профессора Морковникова можно было бы только порадоваться, тѣмъ болѣе, что самое названіе „Нормальный курсъ“ внушаетъ мысль, что это дѣйствительно нормальный курсъ въ смыслѣ объема и точности изложенія. Къ сожалѣнію, однакоже, авторъ уже въ предисловіи разочаровываетъ читателя, объясняя, что названіе „нормальный курсъ“ придано учебнику только въ смыслѣ объема.

Въ введеніи авторъ въ краткихъ словахъ знакомитъ учащагося съ задачей аналитической химіи и ея подраздѣленіями, объясняетъ почему въ аналитической химіи элементы систематизируются иначе, нежели въ общей химіи, справедливо указываетъ на вредъ существующихъ аналитическихъ таблицъ и на необходимость изучать аналитическую химію практически; наконецъ, высказываетъ мысль, что практическое изученіе анализа должно начинать съ частныхъ реакцій элементовъ и постепенно переходить къ болѣе сложнымъ вопросамъ. Такое мнѣніе совершенно справедливо, признается почти всѣми, и имѣются уже руководства, къ тому приспособленныя.

За введеніемъ авторъ предпосылаетъ общія замѣчанія о томъ, что разумѣется подѣ словомъ реакціи въ аналитическомъ смыслѣ, при какихъ условіяхъ обнаруживается чувствительная реакція, даетъ совѣтъ начинающему изученіе аналитической химіи въ лабораторіи, какъ слѣдуетъ при этомъ обращаться съ реагентами, производить разныя манипуляціи: раствореніе, процѣживаніе, промываніе осадковъ, сцѣживаніе, опредѣляетъ характеръ осадковъ, описываетъ устройство и примѣненіе въ лабораторіи газовой горѣлки и излагаетъ сущность анализа огненнымъ путемъ съ помощью паяльной трубки.

Далѣе авторъ, распредѣливъ элементы на шесть группъ, подобно Фрезениусу, и охарактеризовавъ каждую группу ея групповымъ реагентомъ, приступаетъ къ изложенію частныхъ реакцій каждаго металла отдѣльной группы, вслѣдъ за симъ объясняетъ систематическій ходъ открытія элементовъ только этой группы и т. д., постепенно переходя къ болѣе сложнымъ смѣсямъ, при чемъ вторую и пятую группы металловъ раздѣляетъ каждую на двѣ подгруппы. Въ изложеніи этого отдѣла аналитической химіи, къ сожалѣнію, встрѣчаются весьма грубыя ошибки, изъ коихъ наиболѣе бросающіяся въ глаза слѣдующія: На стр. 19 сказано, что „углекислый натрійъ съ солями барія, кальція и т. д. реагируетъ какъ въ кислыхъ, такъ и въ среднихъ растворахъ“. Несомнѣнно, что въ кислыхъ растворахъ углекислыя соли щелочныхъ металловъ не будутъ осаждать щелочно-земельныхъ

металловъ, пока онѣ не насытятся избыткомъ кислоты, то-есть, пока реакція раствора не сдѣлается среднею.

То же относится и къ дѣйствию сѣрнистаго аммонія въ кислотномъ растворѣ на соли металловъ IV-й группы (стр. 20). Здѣсь авторъ противорѣчитъ самъ себѣ, такъ какъ немного далѣе говоритъ, что осадки сѣрнистыхъ металловъ этой группы „растворяются въ минеральныхъ кислотахъ“.

На стр. 28 говорится, что въ присутствіи металловъ I-й подгруппы II-й группы въ отдѣльныхъ пробахъ открываютъ барій, стронцій и кальцій, и что послѣдній обнаруживають посредствомъ щавелево-амміачной соли, но не сказано, что это возможно только въ отсутствіи барія и стронція.

На стр. 30 при отдѣленіи магнія отъ металловъ I-й группы сказано, что послѣ кипяченія смѣси съ баритовой водой или известковымъ молокомъ: „Вмѣсто углекислаго аммонія избытокъ барія и кальція можно осадить пропусканіемъ въ жидкость угольной кислоты при кипѣніи раствора, фильтратъ отъ осадка содержитъ только I-й группу.“ Не возможно предлагать такой способъ, такъ какъ автору должно быть хорошо извѣстно, что въ этомъ случаѣ большая часть барія или кальція будетъ находится въ растворѣ въ видѣ солей и, конечно, свободнымъ угольнымъ ангидридомъ осаждаться не будетъ, а стало быть и не будетъ выдѣлена изъ раствора.

На стр. 38 сказано: „Соль марганцевой кислоты можно получить, сплавления какую-либо соль марганца съ содой и селитрой“, но извѣстно, что въ этомъ случаѣ получается соль марганцовистой кислоты, а не марганцовой.

На стр. 41 при отдѣленіи желѣза отъ прочихъ металловъ IV-й группы помощью углекислаго аммонія не указано, что реакція ведется на холоду; между тѣмъ это весьма важное условіе.

Здѣсь же для отдѣленія желѣза предлагается употреблять или уксуснонатріевую соль, „или же разводять жидкость значительно водой, прибавляютъ избытокъ нашатыря и осторожно углекислаго аммонія, такъ чтобы появилась муть, а реакція оставалась кислой, и кипятятъ до полного выдѣленія основной соли“. При такомъ способѣ желѣзо вовсе не осадеть и, сообщая этотъ приѣмъ, авторъ, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду старый способъ, употреблявшійся при количественномъ отдѣленіи желѣза отъ марганца, никкеля, кобальта и цинка, изложенный въ „Quantitative Analyse“ Фрезениуса, стр. 575(82), 6-е изданіе, но невѣрно изложилъ его, ибо тамъ совѣтуется прибавлять углекислосѣрную

ную соль до тѣхъ поръ, пока появившійся осадокъ желѣза вновь растворится.

На стр. 42 при отдѣленіи никкеля отъ кобальта, послѣ кипяченія раствора синеродистыхъ металловъ въ синеродистомъ калиѣ съ соляною кислотою, предлагается осаждать синеродистый никкель соляною кислотою; между тѣмъ правильнѣе было бы прибавить избытокъ соляной кислоты и никкель осаждать ѣдкимъ натромъ, или же перевести никкель въ окись помощью хлора или брома.

На стр. 44 говорится, что ѣдкія щелочи и амміакъ изъ солей серебра осаждаютъ бурый гидратъ окиси Ag OH : Известно, что гидрата окиси серебра не существуетъ.

То же слѣдуетъ замѣтить и относительно водной окиси ртути (стр. 48):

На стр. 49 неправильно указывается, что при нагрѣваніи голубаго гидрата окиси мѣди съ избыткомъ щелочи онъ переходитъ въ бурую безводную окись Cu O . При этомъ образуется не безводная окись, а гидратъ окиси состава $3\text{CuOH}_2\text{O}$.

На стр. 56 сказано: „Въ видѣ пятиатомныхъ производныхъ мышьякъ встрѣчается“ и т. д. Такъ выразиться нельзя, особенно профессору химіи, ибо не производныя пятиатомны, а мышьякъ въ нихъ пятиатоменъ.

На стр. 78 сказано: „Названіе фосфорной кислоты неправильно дается тремъ различнымъ соединеніямъ, изъ которыхъ только одно представляетъ настоящую кислоту. Это такъ-называемая обыкновенная кислота $\text{PO}(\text{HO})_3$ “. Почему авторъ полагаетъ, что пиро и мета-фосфорныя кислоты не суть „настоящія“ кислоты? Это такія же кислоты, какъ и прочія, ибо способны давать соли.

На той же страницѣ, далѣе, неправильно примѣняются названія „одноосновная соль, двуосновная соль“; выраженія эти примѣнимы къ кислотамъ, а не солямъ, потому слѣдовало бы сказать „однометалльная, двуметалльная соль, какъ это и принято.

Въ отдѣлѣ кислоты авторъ, предпославъ классификацію кислотъ на 3 группы съ указаніемъ группныхъ реагентовъ и съ подраздѣленіемъ 1-й группы на двѣ подгруппы и 2-й группы на 3 подгруппы, излагаетъ частныя реакціи кислотъ каждой группы и подгруппы, по которымъ открываются эти кислоты въ ихъ соляхъ, а послѣ того систематическій ходъ анализа кислотъ каждой группы.

Изложеніе этого отдѣла аналитической химіи страдаетъ также важными погрѣшностями, изъ которыхъ укажемъ на существеннѣйшія.

На стр. 80 указанъ невозможный способъ отдѣленія фосфорной кислоты отъ металловъ II группы прибавленіемъ хлорнаго желѣза, простою нейтрализаціей жидкости до появленія муты и кипяченіемъ. Можно съ увѣренностью сказать, что при этомъ фосфорная кислота не осадеть.

На стр. 81 говорится, что при дѣйствіи фтористаго водорода на кремневую кислоту образуется летучая кремнефтористоводородная кислота. Между тѣмъ извѣстно, что кремнефтористый водородъ не летучъ, а при нагрѣваніи крѣпкаго воднаго раствора онъ уже распадается. Къ тому же и уравненіе не вѣрно, такъ какъ при образованіи кремнефтористаго водорода въ реакціи участвуетъ вода.

На стр. 83 неправильно уравненіе образованія кремнефтористаго водорода; свободный фтористый водородъ не можетъ существовать въ присутствіи свободной кремневой кислоты.

На стр. 98 предлагается найденный Вортманомъ способъ отдѣленія галлоидовъ другъ отъ друга помощью уксусной кислоты и перекиси винца. Такой способъ нельзя рекомендовать, въ особен но : наущимъ изученіе химическаго анализа, такъ какъ при выполненіи его нужно строго слѣдовать условіямъ, указаннымъ Вортманомъ (см. *Zeitschr. f. analyt. Ch.* 22,567), между тѣмъ авторъ объ этихъ-то условіяхъ и умалчиваетъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ учебника: „Общій ходъ анализа“, изложены сначала предварительныя испытанія веществъ, подлежащихъ анализу, на содержаніе воды, органическихъ веществъ, летучесть, плавкость, постоянство или разлагаемость, а за симъ систематическій анализъ растворовъ, послѣ чего приведена таблица атомныхъ вѣсовъ элементовъ и въ 2 приложеніяхъ реактивы и правила производства судебнохимическихъ изслѣдованій внутренностей для открытія въ нихъ присутствія мышьяка. Въ изложеніи этого отдѣла учебника не находится ничего такого, что вызывало бы на замѣчанія.

Кромѣ вышеуказанныхъ недостатковъ, въ учебникѣ встрѣчаются неточности въ номенклатурѣ; такъ, напримѣръ, гдѣ слѣдуетъ сказать „хлористые металлы“ или вообще галлоидные металлы—говорится „хлористыя и др. соли“. Эти два названія не слѣдуетъ смѣшивать: подъ именемъ хлористой соли нужно разумѣть соль хлористой кислоты, а не хлористый металлъ, то-есть, не соль хлористоводородной кислоты. Вмѣсто выраженія „соли щелочныхъ металловъ“ почти вездѣ употребляются выраженія: „щелочныя соли“ или „соля щелочей“; это неправильно, одно понятіе не можетъ замѣнять другое.

Вмѣсто выраженія „гидрата окиси“ барія, кальція и т. д. употребляется выраженіе „гидратъ“ барія, кальція и т. д. (стр. 24, 27, 33).

На стр. 34 говорится, что, начиная съ IV группы, „анализъ имѣеть дѣло съ многоосновными металлами“; слѣдуетъ сказать „многоатомными“. Смѣшиваніе попятій объ атомности и основности непростительно и не представляется опечаткою, такъ какъ таковая исправлена, но въ другомъ смыслѣ, а грубою ошибкою.

На стр. 42 вмѣсто „азотистокалиевой соли“ употребляется выраженіе: „азотистый калий“, что вовсе не одно и то же.

Далѣе, для двуокиси азота удержано старое названіе „азотно-ватаго ангидрида“ (стр. 97) и для двуокиси хлора—„хлористаго ангидрида“. Оба названія неправильны, такъ какъ это суть смѣшанные ангидриды. Точно также пиро-сурьянокалиевая соль названа мета-сурьяною.

Затѣмъ попадаются странныя выраженія въ родѣ: „оловянная кислота или гидратъ окиси, какъ показываютъ реакціи, можетъ содержаться, какъ слабая кислота“; „сѣрнистый аммоній содержится подобно сѣрководороду“. Вообще, если указывается на отношеніе одного реактива къ другому, говорится, что такой-то реактивъ содержится съ такимъ-то такъ-то. На слогъ также не обращено достаточнаго вниманія, такъ какъ повсюду встрѣчаются весьма странныя выраженія, напримѣръ, жидкость разводитъ (стр. 41), „для упариванія жидкости“ (стр. 9), „осажденіе появляется“ (стр. 58), „нѣтъ осажденія“ (стр. 68) и многія другія.

Изъ вышензложеннаго видно, что профессоръ Морковниковъ отнесся довольно небрежно къ составленію изданнаго имъ руководства. Но если исправить указанныя выше ошибки и неточности, то учебникъ могъ бы принести известную долю пользы для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; для высшихъ же заведеній размѣръ учебника слишкомъ ограниченъ.

Опыты практической химіи. Составилъ *И. Шишло*. Часть неорганическая, металлоиды, съ приложеніемъ чертежа. С.-Пб. 1887. 58 стр.

О цѣли своего труда авторъ выражается весьма неясно слѣдующимъ образомъ: „Практическимъ изученіемъ того, либо другаго предмета усвоиваемъ его навсегда. Съ этою цѣлью я обособилъ программу опытовъ, дабы каждая химическая реакція была продѣлана съ возможно упрощенными манипуляціями, обнаруженными мною частымъ демонстрированіемъ тѣхъ же опытовъ“.

Изъ этихъ словъ видно, что авторъ придаетъ своему труду какъ бы самостоятельное значеніе. Такое мнѣніе автора однако не подтверждается. Книжка г. Шишло содержитъ краткое описаніе многихъ химическихъ реакцій, заимствованное изъ популярныхъ руководствъ по химіи; но, къ сожалѣнію, описаніе это сопровождается ошибками и доказываетъ недостаточное знакомство автора съ предметомъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 14 говорится, что органическія вещества, содержащіяся въ водѣ, разрушаются отъ минеральнаго хамелеона, то-есть, отъ марганцовокислаго кали¹⁾, и затѣмъ дѣлается выводъ, что негодную воду прибавленіемъ къ ней раствора этой соли можно сдѣлать безвредною для употребленія въ пищу. На стр. 23 объясняется, что свѣтильный газъ, пропущенный черезъ стеклянку съ водою, оставляетъ въ ней жидкіе и твердые углеродистые водороды, напримѣръ, деготь, смолы, амміачныя соли и водяные пары. На стр. 29 излагается полученіе хлористаго водорода изъ поваренной соли дѣйствіемъ сѣрной кислоты, при чемъ приводится формула; реакція, выраженная формулою, не вѣрна: при описанныхъ условіяхъ происходитъ образованіе кислой соли, но не средней.

Такихъ ошибокъ и притомъ не извинительныхъ довольно много. Кромѣ того, достаточно прочесть предисловіе, чтобы придти къ убѣжденію, что авторъ мало знакомъ съ русскимъ языкомъ и потому употребляетъ невозможные обороты рѣчи, напримѣръ: „Предусматривая, что любознательность изучающаго химію можетъ зайти напередъ безъ преподавателя, не усвоивъ еще приемы—я не помѣстилъ окислы галогидовъ и нѣкоторыя другія соединенія“; или (стр. 13): „на раскаленную пластинковую чашку опустимъ каплю воды, то она будетъ перебрасываться въ ней“; или (стр. 24): „закрытіе печной трубы прежде чѣмъ синій огонь исчезнетъ—въ такомъ случаѣ окись углерода будетъ распространяться въ комнатѣ“; или еще (стр. 25): „свойство задыханія животныхъ“ и т. д.

Краткій учебникъ ботаники. *И. П. Бородина*, проф. С.-Пб. лѣснаго института
Съ 257 политипажамъ въ текстѣ. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р. 75 к.

По составу и расположенію, это такъ-называемый систематическій учебникъ, гдѣ кратко и въ строгомъ порядкѣ изложены факты науки. Въ предисловіи авторъ объясняетъ, почему онъ опустилъ описаніе отдѣль-

¹⁾ Минеральный хамелеонъ не есть марганцово-кислосе кали, а марганцово-вислосе; авторъ перепуталъ названія и формулы.

выхъ типичныхъ растений, которымъ, по программѣ земледѣльческихъ училищъ, долженъ начинаться курсъ ботаники, совершенно такъ, какъ въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. Указаніе и описаніе въ самомъ учебникѣ опредѣленныхъ типическихъ растений г. Бородинъ находитъ отчасти лишнимъ, отчасти неудобнымъ. „Подобная нормировка“, говоритъ онъ, — „нежелательна; гораздо лучше предоставить нѣкоторый просторъ преподавателю, дать ему возможность сообразоваться съ мѣстными условіями и мѣнять по временамъ растенія, служащія примѣрами“ (стр. V). Это замѣчаніе, полагаемъ, можно распространить на всякіе другіе методическіе приемы. Мѣсто имъ—въ классѣ; мѣра ихъ опредѣляется временемъ, удобствомъ, свойствами учащихся. Въ учебникѣ же предметъ долженъ являться въ порядкѣ и въ строгихъ научныхъ формахъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ книга г. Бородина ни мало не отступаетъ отъ требованій программы реальныхъ училищъ; поэтому пужно разсмотрѣть, не пригодна ли она и для нихъ въ качествѣ учебника.

Достоинства книги въ этомъ смыслѣ несомнѣнны. Можно видѣть въ ней интересную поинтку сдѣлать выборъ важнѣйшихъ положеній науки въ ея современномъ состояніи. И этотъ выборъ, и расположеніе частей предмета, и большая или меньшая подробность изложенія, все здѣсь совершенно самостоятельное. Между тѣмъ у автора нѣтъ никакихъ поползновеній на то новаторство во взглядахъ или въ терминахъ, которое никакъ не позволительно въ учебникѣ. Мы не можемъ одобрить у г. Бородина только слова медникъ, которое онъ употребляетъ вмѣсто нектарникъ или медовникъ (см. стр. 324). Не нужно и тяжело также слово пасткомоопыляемое (цвѣты); попадаютъ иногда и другія неловкости въ языкѣ. Но вообще изложеніе легко и ясно, а въ мѣстахъ, гдѣ объясняются сложные процессы, напримѣръ, питаніе, оплодотвореніе, очень замѣчательно по простотѣ, полнотѣ и выбору самыхъ существенныхъ данныхъ.

Рисунки въ этой книгѣ очень удовлетворительны и вполне соответствуютъ требованіямъ текста. Въ концѣ книги есть три указателя, одинъ—терминовъ, другой—русскихъ названій растений и третій—латинскихъ названій.

И. Р. Цицинскій. Русское практическое садоводство и лѣсоводство, съ 6 рисунками. 2-е изд., исправл. и дополн. Мценскъ. 1887. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Цицинскій занимается садоводствомъ уже болѣе тридцати лѣтъ и несомнѣнно обладаетъ обширнымъ опытомъ и большимъ практиче-

скимъ умѣнемъ; благодаря тому, онъ достигъ замѣчательныхъ результатовъ, которые и были признаны, между прочимъ, на бывшей въ 1887 году, въ Харьковѣ, всероссійской выставкѣ сельскаго хозяйства. Въ указанномъ выше сочиненіи своемъ, г. Цивинскій проводитъ безспорно вѣрную мысль, что тѣ приемы по садоводству, и въ особенности по плодоводству, которые выработаны и практикуются въ западной Европѣ, большею частью не пригодны у насъ въ Россіи. Дѣйствительно, при условіяхъ нашего континентальнаго климата, отличающагося суровыми зимами и знойнымъ лѣтомъ, сопровождаемымъ нерѣдко засухами, форма и обрѣзка фруктовыхъ (преимущественно же яблоневыхъ) деревьевъ должна быть иная, чѣмъ, напримѣръ, во Франціи. Доказательствомъ тому могутъ служить жестокія зимы 1868 и 1875 годовъ, въ которыя большинство деревъ, съ длинными, голыми стволами, обрѣзанными на манеръ иностранныхъ, было побито морозомъ, между тѣмъ, какъ уцѣлѣли тѣ деревья, которыя имѣли короткіе стволы, съ низкою и широкою кроною. Однако же, г. Цивинскій нѣсколько преувеличиваетъ свое мнѣніе въ этомъ отношеніи: по справедливому замѣчанію извѣстнаго московскаго садовода Р. И. Шредера, слишкомъ низкоствольная форма яблоневыхъ деревъ является не всегда удобною: въ небольшихъ садахъ низкая крона стѣсняетъ мѣсто для прохода и не пригодна въ мѣстностяхъ, гдѣ зайцы обгладываютъ вѣтви.

Фактическихъ погрѣшностей въ разсматриваемой книгѣ г. Цивинскаго немного, но за то встрѣчаются нерѣдко недомолвки или просто недоразумѣнія. Такъ, напримѣръ, на стр. 91 говорится о каштанахъ и, судя по названію „мароновъ“, авторъ имѣлъ въ виду настоящій каштанъ (*Castanea vulgaris* или *vesca*); онъ говоритъ, что дерево это, не будучи завернуто, легко переносить зимы въ Воронежской, Курской и Орловской губерніяхъ. На сколько извѣстно, культура настоящаго каштана ограничивается у насъ одними лишь самыми южными окраинами, то-есть, полуденною Бессарабією, Крымомъ и Кавказомъ. По всей вѣроятности, г. Цивинскій разумѣлъ не настоящій, а такъ-называемый дикій или конскій каштанъ (*Aesculus hippocastanum*). Но, въ такомъ случаѣ, породу эту вовсе не слѣдовало помѣщать между плодовыми деревьями.

Слогъ разсматриваемой книги мѣстами крайне неудовлетворителенъ. Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ. Глава объ устройствѣ древеснаго питомника для выращиванія прививныхъ дичковъ, начинается (на стр. 14) такъ: „Съ сѣмянной грядки заступомъ выкопать

двулѣтніе, но можно и однолѣтніе дички, они имѣютъ длинный, въ глубь идущій, корень и мало боковыхъ мочекъ, или вѣтвей съ волокнами, каковыя искусственно произвести на новомъ мѣстѣ, потому что голый корень болѣе взрослога дерева, какъ далеко въ глубь растущій, съ трудомъ выкапывается и рѣдко принимается^а. На стр. 25 значится: „Прорѣзы ножикомъ (при прививкѣ очкомъ) дѣлаются легко, не очень надавливая имъ, дабы не повредить на дичкѣ древесину, а только бы перерѣзать кору, которой вверху, сперва ножикомъ, немного угла приподнять“ и пр. На стр. 44: „Предъ самой посадкой, а еще лучше, если ямы выкопать для весенней посадки — съ осени“ и пр. На стр. 53: „Въ это время (то-есть, осенью) пересаживать крыжовникъ, смородину... и проч., но и эти растенія лучше, если успѣютъ, ихъ пересадить весною“. На стр. 57: „Яблони составляютъ главную часть фруктоваго сада; онѣ менѣе другихъ деревъ боятся суроваго климата, легче могутъ сберегаться въ хозяйствѣ, перевозиться на дальніе рынки“ и пр. Понятно, что въ послѣднемъ случаѣ говорится не о яблоняхъ, а о яблокахъ.

Иные отдѣлы помѣщены не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Такъ, напри- мѣръ, въ главѣ о лѣсоводствѣ разсматриваются на стр. 100—116 отдѣльныя лѣсныя породы, и вдругъ, на стр. 109—110, между пихтой и топодемъ говорится, совершенно не къ мѣсту, о сѣмянномъ и древесномъ питомникахъ.

Въ предисловіи ко второму изданію г. Цивинскій заявляетъ, что онъ избѣгалъ „многословіи, къ дѣлу мало относящихся, полурусскихъ выраженій и лишнихъ фразъ“. Однако же онъ грѣшитъ и противъ многорѣчія, и, особенно, противъ воздержанія отъ иностранныхъ словъ; настримѣръ, на стр. 4 говорится объ интервалахъ между крестьянскими избами, проще было бы назвать эти интервалы промежутками; на стр. 17 находимъ слово купулированное, на стр. 16 купулированіе, а на стр. 30 даже купулированіе; но притомъ подъ этимъ, однимъ и тѣмъ же названіемъ на стр. 16 и 30 понимаются совершенно различные способы прививки. Не только иностранныя, но также и русскія выраженія у г. Цивинскаго иногда не совсѣмъ удачны. Такъ, во многихъ мѣстахъ (настримѣръ, на стр. 12 и 14) говорится о привойныхъ (вмѣсто прививныхъ) дичкахъ; на стр. 87 значится точно также привой, вмѣсто прививка; на стр. 15, вмѣсто привойные, должно быть: привитые дички и пр. Сверхъ того, книга изобилуетъ опечатками, а иногда и грамматическими ошибками.

Въ случаѣ новаго изданія этой книги, можно посовѣтовать г. Цивинскому,—не ограничиваться однимъ своимъ личнымъ опытомъ, а пробѣрить его наблюденіями, сдѣланными другими русскими садоводами. Наша домашняя (не переводная) литература о плодоводствѣ не такъ бѣдна, какъ полагаетъ г. Цивинскій. Укажемъ, наприимѣръ, на небольшую, но довольно хорошую брошюру Р. И. Шредера: Плодоводство, краткое наставленіе къ разведенію плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Москва. 1882.

10

11

1

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, СТАТСЬ-СЕКРЕТАРЯ ГРАФА И. Д. ДЕЛЯНОВА.

28-го ноября текущаго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ служебной дѣятельности государственнаго сановника, стоящаго нынѣ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Сынъ генераль-маіора, съ честью принимавшаго участіе въ досто-славныхъ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ, Иванъ Давидовичъ Деляновъ родился въ 1818 году въ Москвѣ, гдѣ и получилъ образованіе, окончивъ на 20-мъ году жизни курсъ первымъ кандидатомъ юридическаго факультета Московскаго университета. Одновременно съ нимъ вышли изъ того же университета кандидатами по 1-му разряду философскаго факультета покойные М. Н. Катковъ и Ю. О. Самаринъ и нынѣ здравствующій, извѣстный академикъ О. И. Буслаевъ. Въ 1838 году И. Д. Деляновъ поступилъ на службу въ бывшее второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и здѣсь, подъ руководствомъ главноуправляющаго отдѣленіемъ графа Д. Н. Влудова, занимался работами по составленію новаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Кромѣ прямыхъ обязанностей, на него возлагаемы были еще особія порученія и участіе въ различныхъ комиссіяхъ. Въ 1854 году онъ былъ назначенъ управляющимъ дѣлами секретнаго комитета о раскольникахъ, а въ 1858 году, когда онъ уже имѣлъ званіе камергера Высочайшаго двора и чинъ тайнаго совѣтника, ему Высочайше повелѣно было быть попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа. Съ этихъ поръ начинается дѣятельность И. Д. Делянова по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Въ 1859 году Императорская Академія Наукъ избрала его своимъ почетнымъ членомъ, и въ томъ же году онъ въ первый разъ вступилъ временно въ завѣдываніе, вмѣсто А. С. Норова, учебною частью нѣкоторыхъ женскихъ институтовъ. Состоитъ въ должности попечителя, И. Д. Деляновъ поставилъ себѣ долгомъ ознакомиться всесторонне со всѣми подвѣдомственными ему учебными заведеніями и съ этою цѣлью не только постоянно объѣзжалъ учи-

часть ССЛХ, отд. 4.

лица столицы, но и всѣ губерскіе и многіе уѣздные города обширнаго С.-Петербургскаго округа, въ который тогда, кромѣ шести сѣверныхъ губерній, входила еще часть нынѣшняго Виленскаго учебнаго округа. Ему одинаково были извѣстны какъ профессора университета, такъ и преподаватели гимназій; онъ помнилъ многихъ изъ учащыхся и слѣдилъ за ихъ успѣхами.

6-го декабря 1861 года И. Д. Деляновъ былъ назначенъ директоромъ Императорской Публичной Библиотеки. Въ 1865 году, на него было возложено, за отъѣдомъ министра А. В. Головнина, управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, и за исполненіе этихъ обязанностей въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ онъ удостоился Высочайшей признательности. Тогда же И. Д. Деляновъ былъ назначенъ сенаторомъ, а въ 1866 году занялъ постъ товарища министра, оставаясь въ то же время директоромъ Императорской Публичной Библиотеки и присутствуя постоянно въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената. Въ теченіе восьми лѣтъ И. Д. Деляновъ не только являлся ближайшимъ и самымъ дѣлительнымъ помощникомъ министра, графа Д. А. Толстаго, но и замѣнялъ его по управленію министерствомъ во время частныхъ поѣздокъ графа по Россіи для ревизіи учебныхъ заведеній. Кромѣ того, въ 1871 году И. Д. Деляновъ былъ назначенъ членомъ совѣта Павловскаго института по учебной части и принималъ ближайшее участіе въ различныхъ комиссіяхъ по вѣдомствамъ министерства народнаго просвѣщенія и IV отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Въ 1867 году И. Д. Деляновъ удостоился получить званіе статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества; въ 1870 году, имѣя уже всѣ предыдущіе высшіе знаки отличія, онъ былъ пожалованъ алмазными званами ордена св. Александра Невскаго, а въ 1873 году получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и назначенъ почетнымъ опекуномъ. С.-Петербургскій университетъ еще въ 1866 г. избралъ И. Д. Делянова своимъ почетнымъ членомъ, а по оставленіи имъ службы по министерству народнаго просвѣщенія въ одномъ изъ протоколовъ совѣта выразился о его дѣятельности слѣдующими словами: „Дѣятельность Ивана Давидовича въ должности сперва попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, а потомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, была такъ благотворна для учебно-воспитательнаго дѣла, что она останется навсегда памятна для всѣхъ служащихъ подъ его вѣдѣніемъ“. 1-го января 1874 года статсъ-секретарю И. Д. Делянову было Всемилостивѣйше повелѣно быть членомъ государственнаго со-

вѣта съ увольненіемъ отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія, и въ теченіе восьми лѣтъ его дѣятельность сосредоточивалась, съ одной стороны, въ этомъ высшемъ правительственномъ учрежденіи и въ Императорской Публичной Библіотекѣ, а съ другой—въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи. Въ семь послѣднемъ онъ въ 1877 году исполнялъ обязанности, особымъ Государя Императора распоряженіемъ на него возложенныя, а въ 1880 году, въ теченіе довольно продолжительнаго времени, управлялъ симъ вѣдомствомъ на правахъ главноуправляющаго.

16-го марта 1882 года И. Д. Деляновъ назначенъ на занимаемый имъ нынѣ постъ министра народнаго просвѣщенія съ увольненіемъ отъ управленія Библіотекой. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ въ день священнаго коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ 15-го мая 1883 года, при пожалованіи И. Д. Делянова орденомъ св. Андрея Первозаннаго, заключаются слѣдующія многозначительныя слова: „Призвавъ васъ на тяжелый и отвѣтственный постъ министра народнаго просвѣщенія, Я не сомнѣваюсь, что многолѣтняя на этомъ поприщѣ опытность ваша и искреннее ваше усердіе помогутъ Мнѣ, въ пользу грядущимъ поколѣніямъ и во славу Отечества, окончательно устать установить дѣло народнаго образованія на прочныхъ основахъ не одного только расширенія научныхъ средствъ, но еще и яснаго пониманія достигаемыхъ этими средствами истинно человѣческихъ цѣлей: правды, добра и любви къ ближнимъ“.

За время управленія И. Д. Делянова министерствомъ народнаго просвѣщенія приведены въ исполненіе или получили начало слѣдующія главнѣйшія мѣропріятія:

1) Составленъ уставъ россійскихъ университетовъ 1884 г., введенный нынѣ въ семи университетахъ, и образовано особое совѣщаніе членовъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и профессоровъ, для руководства этимъ дѣломъ.

2) Учрежденъ Западно-Сибирскій учебный округъ и открытъ Императорскій Томскій университетъ.

3) Обращено особое вниманіе на техническое и промышленное образованіе, вслѣдствіе чего: а) открытъ Харьковскій технологическій институтъ и выработанъ его уставъ; б) измѣненъ уставъ Петербургскаго технологическаго института, в) Московское техническое училище передано въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія и теперь болѣе приравнивается къ практическимъ цѣлямъ; г) расширены и организованы: Комиссаровское техническое училище въ Москвѣ, Красноуфимское реальное училище, при-

способленное къ сельско-хозяйственнымъ потребностямъ, и Иркутское техническое училище; д) пересмотрѣны и измѣнены уставы реальныхъ училищъ; е) выработано положеніе о среднихъ и низшихъ техническихъ и промышленныхъ училищахъ и образована, съ Высочайшаго соизволенія, особая коммиссія для дальнѣйшаго направленія сего дѣла; ж) открыто нѣсколько отдѣльныхъ низшихъ техническихъ училищъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

4) Выработаны проекты подробнаго положенія о женскихъ медицинскихъ курсахъ въ особой коммиссіи отъ министерства народнаго просвѣщенія и министерства внутреннихъ дѣлъ.

5) Составлены проекты уставовъ женскихъ гимназій и высшихъ женскихъ курсовъ, а также маринскихъ и профессиональныхъ женскихъ училищъ.

6) Пересмотрѣно положеніе объ учительскихъ семинаріяхъ и установлено разсмотрѣніе въ особой коммиссіи отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, съ цѣлью единства направленія сельскихъ и начальныхъ городскихъ училищъ, какъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и духовнаго вѣдомства (церковно-приходскія школы).

7) Съ цѣлью достиженія единства въ устройствѣ учебной части въ Дерптскомъ учебномъ округѣ: а) приняты въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія изъ министерства внутреннихъ дѣлъ до 2,000 сельскихъ школъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, для управленія ими образована дирекція и нѣсколько инспекцій, и выработаны временныя правила для завѣдыванія сими училищами; б) преобразовано и открыто вновь 21 городское училище; в) открыты русская прогимназія въ Полацкѣ и русское реальное училище въ Ригѣ, а также нѣсколько двухклассныхъ сельскихъ училищъ; г) введено обязательное преподаваніе на русскомъ языкѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся правами казенныхъ училищъ.

8) Послѣдовало присоединеніе къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія Кавказскаго учебнаго округа, Кавказскаго музея, Тифлисской публичной библіотеки и Тифлисской физической обсерваторіи, при чемъ для всѣхъ этихъ учрежденій выработаны уставы и штаты.

9) Переданы изъ горнаго вѣдомства метеорологическія обсерваторіи и станціи; учреждены новыя обсерваторіи въ Екатеринбургѣ и Иркутскѣ, и проч.

Въ текущемъ году Н. Д. Деляновъ совершилъ большую поѣздку для ближайшаго обзора училищъ въ разныхъ учебныхъ округахъ.

23-го ноября воспослѣдовалъ Высочайшій рескриптъ Его Импе-

раторскаго Величества Государя Императора, коимъ И. Д. Деляновъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство.

Удостоенный столь высокою Монаршею милостью въ день пятидесятилѣтняго юбилея своей служебной дѣятельности, г. министръ уклонился отъ празднованія и уѣхалъ изъ Петербурга. Въ его отсутствіи былъ доставленъ утромъ, 23-го ноября, къ нему на квартиру отъ чиновъ министерства народнаго просвѣщенія роскошный альбомъ съ фотографическими портретами служащихъ въ министерствѣ. Среднія учебныя заведенія приготовили юбиляру роскошный адресъ, явнѣтка къ которому сдѣлана художникомъ Карзынымъ, а текстъ художественно написанъ каллиграфомъ Беземаномъ. Въ теченіе дня получено было множество адресовъ и около 200 телеграммъ отъ разныхъ учебныхъ заведеній и другихъ учреждений и лицъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Въ 10 часовъ утра, въ церкви св. Николая Чудотворца въ домѣ министерства народнаго просвѣщенія, было совершено торжественное богослуженіе. Литургію совершалъ духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, въ сослуженіи профессора С.-Петербургскаго университета протоіеря М. И. Горчакова и настоятели церкви министерства, при придворномъ протодіаконѣ и пѣвчихъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка. По окончаніи литургіи было совершено благодарственное Христу Спасителю молебствіе, предъ началомъ котораго протопресвитеръ Янышевъ обратился съ слѣдующими словами:

„Мы собрались сегодня для принесенія Господу благодарственной молитвы по случаю пятидесятилѣтія общественной и государственной дѣятельности министра народнаго просвѣщенія, нынѣ графа Ивана Давидовича Делянова.

„Къ такой молитвѣ у тѣхъ изъ насъ, которые по дѣламъ ли службы, или по домашнимъ обстоятельствамъ, входили въ сношенія съ юбиляромъ, есть, конечно, много побужденій личныхъ, частныхъ и потому можетъ быть особенно живыхъ и сердечныхъ; еслибы мы имѣли возможность сегодня присутствовать его лично, то безъ сомнѣнія высказали бы съ радостью эти одушевляющія насъ личныя чувства и благожеланія. Здѣсь же, въ храмѣ Божиємъ, въ собраніи представителей и дѣятелей народнаго просвѣщенія, мысль отъ частныхъ и личныхъ побужденій къ молитвѣ обращается къ побужденіямъ болѣе общимъ и глубокимъ. Здѣсь мы являемся, какъ христіане и какъ русскіе. Какъ русскіе, мы знаемъ, что Отечество наше для развитія своего внутренняго благосостоянія, для упроченія себѣ своихъ окраинъ и

для сохраненія и возвышенія своего достоинства среди другихъ государствъ ни въ чемъ столько не нуждается, какъ въ наилучшемъ всенародномъ просвѣщеніи. А какъ христіане, мы убѣждены, что для всесторонняго народнаго преусиленія нѣтъ наилучшаго просвѣщенія, кромѣ того, которое не свѣтитъ только темнымъ людямъ, не освѣщаетъ имъ только задачи и средства жизни, но и согрѣваетъ ихъ, одушевляетъ, даетъ силы къ пользованію этими средствами и къ осуществленію этихъ задачъ. А это есть то просвѣщеніе, которое зиждется на христіанскихъ началахъ, свою теплоту и животворность заимствуетъ отъ Единого Солнца Правды, отъ Котораго исходятъ всякая — и личная, и народная жизнь.

Дѣятельность юбиляра въ такомъ русскомъ и христіанскомъ духѣ, дѣятельность пятидесятилѣтняя, непрерывная, всегда любвеобильная и долготерпѣливая, есть для Отечества благо, за которое достойно и праведно воздать хвалу Богу, Подателю всѣхъ благъ. Эту благодарственную молитву мы нынѣ по силѣ и приносимъ не только, какъ личные почитатели Ивана Давидовича, но и какъ русскіе и какъ христіане“.

Молебствіе, въ присутствіи собора священниковъ, законоучителей учебныхъ заведеній, закончилось возгласеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Царствующему Дому, а затѣмъ юбиляру.

На богослуженіи присутствовали: товарищъ министра народнаго просвѣщенія, сенаторъ, тайный совѣтникъ князь М. В. Волконскій, директоръ Императорской Публичной Библіотеки, дѣйствительный тайный совѣтникъ А. Ѳ. Бычковъ, генераль-адъютантъ Н. О. Розенбахъ, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа генераль-лейтенантъ И. П. Новиковъ, находящіеся въ Петербургѣ попечители: Дерптскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ М. Н. Капустинъ, и Кіевскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, директоръ Императорскаго историко-филологическаго института тайный совѣтникъ К. В. Кедровъ, члены совѣта министра, директоръ департамента народнаго просвѣщенія, ректоръ и профессора С.-Петербургскаго университета, члены археографической комиссіи, директора гимназій и реальныхъ училищъ и начальницы женскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, преподаватели и чиновники департамента.

По окончаніи богослуженія въ церкви министерства, присутствовавшіе послали графу И. Д. Делянову привѣтственную телеграмму а общюю подписью.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.

15-го октября состоялось въ Москвѣ, въ большой аудиторіи Политехническаго музея, торжественное годовичное засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ, при чемъ было отпраздновано первое двадцатипятилѣтіе существованія этого полезнаго учрежденія.

Засѣданіе было открыто рѣчью предсѣдателя, профессора Ал. П. Богданова, который представилъ очеркъ дѣятельности Общества за истекшія 25 лѣтъ. Предсѣдатель обратилъ вниманіе слушателей главнымъ образомъ на то, что въ теченіе этого періода времени Общество никогда не отступало отъ намѣченной его основателями программы, въ силу которой исключительно преслѣдовало строго научныя дѣли, не вдаваясь ни въ какія тенденціи, хотя находилось не мало людей, которые обвиняли его именно въ тенденціозности.

Общество поставило себѣ цѣлю: а) помогать преподаванію естествознанія въ Московскомъ университетѣ, б) изслѣдовать естественныя произведенія Россіи и по преимуществу Московскаго учебнаго округа, в) вызывать спеціальныя работы по естествознанію и содѣйствовать имъ, г) помогать расширенію и укрѣпленію русскои спеціально-научной литературы печатаніемъ на русскомъ языкѣ спеціальныхъ работъ и д) содѣйствовать распространенію въ обществѣ общеобразовательныхъ и научныхъ свѣдѣній по естествознанію. Въ теченіе 25 лѣтъ Обществомъ были устроены въ Москвѣ многочисленныя,
часть ослх, отд. 4.

обширныя коллекціи, каковы: этнографическая, помѣщающаяся нынѣ въ Московскомъ Публичномъ музеѣ, антропологическая, находящаяся въ Историческомъ музеѣ и принадлежащая университету, и коллекція прикладнаго естествознанія для Политехническаго музея. За время своего существованія Общество изъ своихъ средствъ выдало занимающимся студентамъ медикамъ и естествоиспытателямъ 22 микроскопа, 10 микротомовъ и 12 анатомическихъ приборовъ. Для экскурсій по Московской губерніи была оказана субсидія 36 начинающимъ зоологамъ и геологамъ. Кромѣ того, оказано матеріальное содѣйствіе восьми спеціалистамъ для поѣздокъ, имѣвшихъ цѣлю окончаніе спеціальныхъ работъ, напечатанныхъ ватѣмъ въ Извѣстіяхъ Общества, и 53 молодымъ начинающимъ естествоиспытателямъ для поѣздокъ съ цѣлю изученія фауны различныхъ областей Россіи и русскихъ морей, а восьми зоологамъ было оказано значительное содѣйствіе при ихъ поѣздкахъ за границу. Независимо отъ этого, на счетъ Общества были выданы двѣ ботаническія и четыре зоологическія докторскія диссертациі и семь магистерскихъ зоологическихъ диссертаций, которыя безъ помощи Общества не могли бы появиться въ той полной формѣ, въ какой онѣ были напечатаны. Всѣ предметы, собранные поѣздками и экскурсіями, предпринятыми на счетъ или при содѣйствіи Общества, составили его собственность, переданную имъ Московскому университету, при которомъ Общество на частныя средства обезпечило первую въ Россіи кафедру антропологии и прикладнаго естествознанія. Изданія Общества составили нынѣ 55 томовъ со множествомъ таблицъ и политипажей, и всѣ напечатаны на русскомъ языкѣ, при чемъ Общество, съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости, какъ выразился А. П. Богдановъ,—можетъ указать на то, что послѣ Петербургскаго Географическаго Общества оно первое рѣшилось печатать свои изданія неуклонно и исключительно на русскомъ языкѣ, и притомъ въ такое время, когда вообще у насъ въ Россіи не было принято печатать на русскомъ языкѣ что-либо, кромѣ диссертаций. Въ этомъ отношеніи Обществу пришлось преодолѣть много затрудненій, предубѣжденій и даже сильныхъ нападокъ, въ особенности отъ иностранныхъ своихъ сочленовъ, но оно все-таки продолжало преслѣдовать свою цѣль и, въ концѣ концовъ, достигло того, что его изданія мало по малу, не смотря на русскій языкъ, вошли въ ученый обиходъ спеціалистовъ, цитировались, конспектировались, а нѣкоторыя и цѣликомъ переводились на иностранныя языки.

Отдавая должную дань благодарности первымъ дѣателямъ Обще-

ства, теперь уже покойнымъ, именно двумъ его предсѣдателямъ Г. Е. Щуровскому и А. Ю. Давидову, бывшему Туркестанскому генераль-губернатору К. П. фонъ-Кауфману, а также князю В. А. Черкасскому, С. М. Соловьеву, А. П. Федченку, Н. К. Зенгеру и другимъ лицамъ, не мало потрудившимся на пользу Общества, А. П. Богдановъ, засвидѣтельствовалъ искреннюю признательность Общества Московскому генераль-губернатору князю В. А. Долгорукову и директору Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ В. А. Дашкову за ихъ постоянное сочувствіе и содѣйствіе Обществу. Затѣмъ А. П. Богдановъ выразилъ признательность Общества П. Г. Губонину, К. К. фонъ-Макку, І. И. Барнову, С. П. фонъ-Дервизу, А. К. Трапезникову и другимъ лицамъ, которыя своими матеріальными пожертвованіями, достигающими въ общей сложности 170,000 р., дали Обществу возможность осуществить его завѣтныя идеи по устройству этнографической, антропологической и политехнической выставокъ, по изданію Трудовъ Общества и т. п.; безъ пожертвованій Общество, по выраженію А. П. Богданова, не только осталось бы при однихъ своихъ идеяхъ, но, можетъ быть, уже покончило бы давно и самое существованіе свое. Въ заключеніе своей рѣчи А. П. Богдановъ констатировалъ тотъ фактъ, что въ настоящее время Общество не только заслужило довѣріе русскаго общества, но и правительства, и заслужило его на столько, что въ Бозѣ почившій императоръ Александръ Николаевичъ былъ „благодѣтелемъ“ Общества, а въ настоящее время Его Величество Государь Императоръ, по докладу г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. Ѳ. Бычкова объ исполненіи двадцатипятилѣтія Общества, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему 2,500 рублей на изданіе его Трудовъ и другія пущды. Рѣчь А. П. Богданова была покрыта единодушными и продолжительными аплодисментами.

Затѣмъ въ засѣданіи были выслушаны отчеты по всѣмъ отдѣламъ Общества, чтеніе которыхъ сопровождалось провозглашеніемъ именъ вновь избранныхъ почетныхъ членовъ и присужденныхъ медалей. Прежде всего секретаремъ совѣта Н. Ю. Зографомъ прочитавъ былъ отчетъ о дѣятельности Общества за 25 лѣтъ его существованія, изъ котораго, между прочимъ, видно, что въ теченіе этого времени въ Обществѣ состояло 583 члена, при чемъ оно имѣло сношенія съ 350 учеными обществами, изъ которыхъ 120 русскіихъ. По выслушаніи этого отчета оглашено было объ избраніи, по пред-

ложеиію совѣта, въ почетные члены Общества В. Я. Буняковского, К. С. Веселовскаго, П. П. Семенова и І. Н. Шатилова, послѣ чего президентъ А. П. Богдановъ вручилъ присужденныя совѣтомъ и Обществомъ большія золотыя медали І. И. Баранову, А. К. Трапезникову и С. Н. фонъ-Дервизу за ихъ сочувствіе и матеріальную помощь Обществу, серебряную медаль студенту Е. С. Маркову за совершенное имъ истекшимъ лѣтомъ восхождение на Араратъ, а В. Н. Бензенгру почетный адресъ въ память его пятидесятилѣтней ученой дѣятельности.

Затѣмъ общій обзоръ дѣятельности отдѣла этнографіи былъ сообщенъ вице-президентомъ Общества, профессоромъ В. О. Миллеромъ, который провозгласилъ послѣ этого объ избраніи въ почетные члены маститаго академика О. И. Буслаева и вручилъ присужденныя Обществомъ серебряныя медали гг. Анисимову и Хаханову за ихъ научныя работы по этнографіи. Самый же отчетъ по отдѣлу этнографіи былъ прочитанъ секретаремъ Н. А. Дячукомъ.

Обзоръ дѣятельности и отчетъ по отдѣлу физическыхъ наукъ былъ доложенъ предсѣдателемъ этого отдѣла профессоромъ А. Г. Столѣтовымъ, при чемъ имъ сообщено было также объ избраніи, по предложенію отдѣленія, въ почетные члены Общества А. И. Воейкова и профессоровъ иностранныхъ университетовъ Жозефа Бертрана, Маскара и Резала, и о присужденіи Обществомъ въ первый разъ новоучрежденной преміи имени В. П. Мошняина въ 300 руб. магистранту Московскаго университета В. А. Михельсону за его сочиненіе: „О распредѣленіи энергіи въ спектрѣ твердыхъ почвъ“. По окончаніи сообщенія А. Г. Столѣтова, президентъ А. П. Богдановъ вручилъ Н. К. Мошняиной, представившей капиталъ на премію имени ея покойнаго мужа въ 8.000 р., присужденную ей Обществомъ большую именную медаль.

Отчетъ по отдѣлу антропологіи былъ прочитанъ секретаремъ Н. Л. Гондатти, при чемъ провозглашено было объ избраніи въ почетные члены Общества профессора Краковскаго университета Майера.

По отдѣлу зоологіи отчетъ прочелъ секретарь Н. М. Булагинъ, послѣ чего провозглашено было объ избраніи въ почетные члены Общества профессора С.-Петербургскаго университета Д. М. Сычева въ память двадцатипятилѣтней его профессорской дѣятельности, а затѣмъ президентъ А. П. Богдановъ вручилъ студентамъ графу В. А. Бобринскому и К. А. Сатунину присужденныя имъ Обществомъ серебряныя медали за совершенную минувшимъ лѣтомъ экс-

курсю въ Алжиръ и пустыню Сахару и объявилъ объ избраніи ихъ, кромѣ того, въ члены-сотрудники Отдѣленія.

Послѣдній отчетъ по отдѣлу ботаники былъ прочитанъ секретаремъ С. Г. Навашинымъ, при чемъ провозглашено было объ избраніи, по предложенію отдѣла, въ почетные члены Общества профессора В. Я. Цингера.

Вторая часть засѣданія посвящена была прочтенію адрессовъ и телеграммъ, полученныхъ Обществомъ по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія его ученой дѣятельности. Нѣкоторыя изъ этихъ привѣтствій сопровождалась увѣдомленіями объ избраніи предсѣдателя Общества А. П. Богданова почетнымъ членомъ привѣтствовавшихъ учреждений.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ШКОЛЫ ВЪ СИБИРИ ¹⁾.

III. Акимовская область.

Мы приступаемъ къ обзорѣнiю области, входящей въ настоящее время въ составъ Степнаго генералъ-губернаторства, но прежде, до упраздненія Западно-Сибирскаго генералъ-губернаторства, входившей въ составъ послѣдняго. Областной городъ Омскъ, какъ прежде, такъ и теперь, служитъ резиденціей генералъ-губернатора, и въ немъ сосредоточивались всѣ главныя мѣстныя учрежденія — гражданскія и военныя, въ томъ числѣ и главнаго учебнаго начальства Западной Сибири ²⁾. Благодаря отчасти этому обстоятельству, а отчасти значительному проценту казачьяго элемента, составляющаго 15,3% общаго населенія области и обладающаго сравнительно, лучшими матеріальными средствами, школьное дѣло достигло здѣсь довольно высокаго количественнаго уровня.

Въ началѣ 1885 года, народонаселеніе области, занимающей площадь въ 9.903 кв. миль, простиралось до 470.249 душъ (249.480 м. и 220.819 ж.), и изъ нихъ приходилось — на города 59.799 душъ (12,7%), а на уѣзды—410.450 душъ (87,3%). Надо имѣть въ виду, что значительную часть населенія составляютъ кочевые киргизы, численность которыхъ простиралась до 3.377.250 (72,8%); русскихъ же было всего 132.524 души (27,2%).

¹⁾ Окончаніе, см. ноябрьскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Съ учрежденіемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа, во главѣ котораго поставленъ попечитель, резиденція главнаго начальства учебнаго округа перенесена въ г. Томскъ.

На все это населеніе существовало 131 учебное заведеніе, что составитъ, среднимъ числомъ, по одному на 3,589,7 жителей. Изъ этого числа приходилось: на города—47 учебныхъ заведеній, а на уѣзды—84. Стало быть, въ первыхъ приходилось по одному учебному заведенію на 1.272,3 души, а въ послѣднихъ—на 4.886,3 души; другими словами, изъ общаго числа учебныхъ заведеній приходилось на города 35,9%, а на уѣзды—64,1%. Абсолютно, число учебныхъ заведеній въ уѣздахъ было больше въ 1,8 разъ (на 78,7%); но относительно оно меньше въ 3,8 разъ (на 281,7%).

Общее число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ простиралось до 5.379 человекъ. Это составляло по одному учащемуся на 87,4 жителей,—0,07 дѣтей школьнаго возраста ¹⁾ и 1,1% всего областного населенія. Изъ этого контингента учащихся приходится—на города 3.313, или 61,5% и на уѣзды—2.066 или 38,5%. Стало быть, число учащихся въ городахъ больше числа учащихся въ уѣздахъ—абсолютно въ 1,6 разъ (на 59,7%), а относительно—почти въ одиннадцать разъ (на 1.000%): въ то время, какъ въ городахъ одинъ учащійся приходился на 18 жителей, въ уѣздахъ онъ приходился на 198,6 жителей; въ то время, какъ въ городахъ учащіеся составляли 5,5% населенія, въ уѣздахъ они составляли лишь 0,5 сельскаго населенія, въ то время, какъ въ городахъ учащіеся составляли 0,32 дѣтей школьнаго возраста, въ уѣздахъ они составляли лишь 0,03.

Контингентъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ по поламъ представляетъ слѣдующія отношенія: Общее число учащихся въ городахъ состоитъ изъ 2.333 мальчиковъ и 1.080 дѣвочекъ, то-есть, первые составляютъ 67,4%, а послѣднія—32,6%. Учившіеся же въ уѣздахъ состояли изъ 1.591 мальчиковъ (77%) и 475 дѣвочекъ (23%). Въ уѣздахъ, стало быть, школьно-учебное дѣло слабѣе, чѣмъ въ городахъ—для женскаго населенія слишкомъ въ 3 раза (3,3).

Въ общій составъ городского населенія входило 33.196 мужчинъ и 26.603 женщины. Стало быть, здѣсь обучался одинъ мальчикъ изъ 14,2 мужчины и одна дѣвочка изъ 24,6 женщинъ; въ уѣздахъ же, населеніе которыхъ состояло изъ 216.234 мужчинъ и 194.216 женщинъ,—приходится одинъ ученикъ на 135,8 мужчинъ и одна ученица—на 408,9 женщинъ. Стало быть, отношеніе числа учащихся въ

¹⁾ Если считать одно только осѣдлое русское населеніе, то одинъ учащійся придется на 24,4 жителей, а всѣ учащіеся составятъ 0,3 дѣтей школьнаго возраста и 4% осѣдлаго населенія.

учебныхъ заведеніяхъ мальчиковъ къ общей численности мужскаго населенія въ городахъ въ 9,6 разъ больше, чѣмъ въ уѣздахъ, а отношеніе числа учащихся дѣвочекъ ко всему женскому населенію — въ 16,6 разъ больше. Изъ 10.000 мужчинъ въ городахъ обучается — 728, а въ уѣздахъ—73; изъ 10.000 женщинъ обучается—въ городахъ 406, а въ уѣздахъ—24. Такимъ образомъ, уровни школьно-учебнаго дѣла городовъ и уѣздовъ относятся другъ къ другу — въ мужскомъ населеніи, какъ 728 : 73, а въ женскомъ, какъ 406 : 24. Изъ контингента дѣтей школьнаго возраста мужскаго пола посѣщало школы — въ городахъ 0,43, а въ уѣздахъ—0,04, а женскаго пола — въ городахъ 0,21, а въ уѣздахъ—0,01.

Выше мы уже замѣтили, что довольно высокій уровень школьно-учебнаго дѣла въ Акмолинской области отчасти, и довольно существенно, обусловленъ значительнымъ элементомъ казачьяго сословія. И дѣйствительно, изъ общаго числа 131 учебнаго заведенія — казачьихъ школъ было 86, то-есть, 65,7%. Значить, число казачьихъ школъ превышало число школъ прочаго населенія—абсолютно въ 1,9 разъ (на 92%), а относительно—въ 10,6 разъ (976%); а между тѣмъ и нѣкоторыя другія учебныя заведенія (кадетскій корпусъ, женская гимназія и др.) служатъ также не мало потребностямъ казачьяго сословія. Если принять во вниманіе одно лишь осѣдлое населеніе, среди котораго казаки составляютъ слишкомъ половину (53,7%), то и тогда окажется, что число казачьихъ школъ превышаетъ общее число школъ осѣдлаго населенія ¹⁾ абсолютно въ 2,4 раза (на 145%), а относительно—въ 4,5 разъ (на 275%). Но надо еще замѣтить, что поглощающее большинство казачьихъ школъ приходится на округа [такъ-называемыя, поселковыя и станичныя]. Что же касается учащихся, то изъ общаго числа 5.879 чел. на казачьи школы приходится 2.122, или 39,4%, то-есть, абсолютно оно меньше числа учащихся всего остальнаго населенія въ 1,5 разъ (на 65%), а относительно больше въ 3,7 разъ (на 265%), а въ сравненіи съ однимъ осѣдлымъ населеніемъ, число учащихся въ казачьихъ школахъ, составляя 41% учащихся всего осѣдлаго населенія, абсолютно меньше числа учащихся остальнаго осѣдлаго населенія въ 1,4 раза (на 44%), а относительно—больше въ 1,3 разъ (на 30%). Въ казачьемъ населеніи обучался одинъ изъ 33,5 душъ,— между тѣмъ какъ

¹⁾ Для кочеваго населенія киргизовъ существовало спеціально только 23 школы съ 583 учащимиися.

во всемъ населеніи — одинъ изъ 87,4 жителей; а въ одномъ осѣдломъ — одинъ изъ 62,3 жителей. Изъ казачьяго элемента области школы посѣщали 0,18 дѣтей школьнаго возраста, а изъ всего населенія — 0,07, изъ одного же осѣдлаго населенія — 0,13.

Такимъ образомъ школьное дѣло въ казачьемъ населеніи области, въ количественномъ отношеніи, поставлено довольно удовлетвори-тельно. Къ сожалѣнію однако, замѣчается уменьшеніе общаго числа учащихся, сравнительно съ 1884 годомъ, на 382 чел. (число учащих-ся мужскаго пола увеличилось на 77, а женскаго пола уменьшилось на 4.599); уменьшеніе это надаетъ преимущественно на станичныя школы (на 419) и объясняется вообще недостаточнымъ сочувствіемъ казаковъ дѣлу обученія дочерей, что видно изъ того, что изъ общаго числа 2.122 чел., обучавшихся въ казачьихъ школахъ, мальчиковъ было 1.623, а дѣвочекъ — 499, то-есть, послѣднія составляли всего 23,5% учащихся.

Для выясненія положенія собственно начально-школьнаго дѣла въ области, слѣдуетъ выдѣлить изъ вышеприведенныхъ цифръ учащихся и школъ въ городахъ цифру специальныхъ и среднеучебныхъ заведеній съ учащимися въ нихъ.

Всѣ 4 средне-учебныхъ заведенія сосредоточены въ Омскѣ. Къ нимъ мы относимъ: мужскую классическую гимназію съ 256 учащихся, Сибирскій кадетскій корпусъ съ 390 учащихся, учительскую семинарію съ 72 учащихся и женскую гимназію съ 316 учащихся; 4 специальныя учебныя заведенія сосредоточены также въ Омскѣ; изъ нихъ въ техническомъ училищѣ 62 учащихся, въ центрально-фельдшерской — 80 учащихся, въ ветеринарно-фельдшерской — 28 учащихся, да въ казачьей повивальной школѣ 24 учащихся. А всего въ среднихъ и специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ — 1.228 учащихся (888 мужчинъ и 340 женщинъ).

Если отнестн упомянутыя училища ко всему населенію области, то окажется, что одно средне-учебное заведеніе, какъ и одно специальное, приходится на 33.131 жителей осѣдлаго населенія (изъ кочеваго населенія не наберется и двухъ десятковъ, посѣщающихъ среднія учебныя заведенія и специальныя), а пользуется ими одинъ изъ 108 жителей осѣдлаго населенія, при чемъ собственно — средними учебными заведеніями пользуется одинъ изъ 129,4, а специальными — одинъ изъ 683 осѣдлыхъ жителей. Но правильнѣе будетъ относить среднее образованіе не ко всему осѣдлому населенію области, а только къ одному городскому, простирающемуся до 59.799 душъ — 33.196 муж-

чинъ и 26.603 женщины. Стало бытъ, по одному среднему (а также и спеціальному) учебному заведенію приходится на 14.940 жителей:— въ мужскомъ населеніи—одно на 11.065 душъ, а въ женскомъ—на 26.603 душъ. Что же касается учащагося персонала, то среднее образованіе получалъ одинъ мальчикъ изъ 46,2 мужчинъ и одна дѣвушка—изъ 84,2 женщинъ, спеціальное же образованіе—1 мальчикъ изъ 195,3 мужчинъ и одна дѣвушка изъ 1,108,4 женщинъ¹⁾...

Теперь мы можемъ подвести итоги для начально-школьнаго дѣла въ городахъ. Если отбросить изъ всѣхъ 47 учебныхъ заведеній 8 среднихъ и спеціальныхъ съ 1.228 учащимися, то останется 39 училищъ съ 4.161 учащимися (3.036 м. и 1.125 д.). Это составитъ одно училище на 1.533,3 душъ, обоюго пола и на 106,6 учащихся, при чемъ обучался одинъ изъ 18 мужчинъ и одна изъ 23,6 женщинъ; въ уѣздахъ же, какъ мы видѣли, одно училище приходится на 4.886,3 душъ обоюго пола и на 24,5 учащихся, при чемъ обучался одинъ мальчикъ изъ 135,8 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 408,9 женщинъ.

Слѣдующая таблица наглядно покажетъ размѣры роста школьнаго дѣла въ Акмолинской области въ послѣдніи 6 лѣтъ:

	Въ 1879 г.	Въ 1886 г.
Количество учебныхъ заведеній.	125	131
Изъ нихъ: а) въ городахъ	39	47
б) въ уѣздахъ.	86	84
Одно учебное заведеніе приходится на число душъ:		
а) въ городахъ.	1.307,7	1.272,2
б) въ уѣздахъ.	4.709,2	4.886,2
в) по всей области	3.633,0	3.589,7
Количество учащихся:		
а) въ городахъ.	2.779	3.313
б) въ уѣздахъ.	2.091	2.066
в) по всей области	4.870	5.379
Изъ нихъ мальчиковъ:		
а) въ городахъ.	1.866	2.333
б) въ уѣздахъ.	1.634	1.591
в) по всей области:	3.500	3.924
Изъ нихъ дѣвочекъ:		
а) въ городахъ	913	980
б) въ уѣздахъ.	457	475
в) по всей области	1.370	1.455

¹⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что казачья повивальная школа находится въ уѣздныхъ казачьихъ.

Въ общемъ количествѣ учащихся:

а) мальчиковъ.	3.500	3.924
б) дѣвочекъ.	1.370	1.455

Процентъ учащихся:

а) мальчиковъ.	71,9	72,9
б) дѣвочекъ.	28,1	27,1

Процентъ учащихся по населенію.

а) въ городахъ.	6,9	5,7
б) въ уѣздахъ.	0,3	0,3
в) по всей области	1,1	1,1

Что касается кочеваго населенія, то на его долю изъ 131 учебнаго заведенія приходится 23 (17,6%): 12 магометанскихъ школъ при мечетяхъ съ 379 учащихся и 10 уѣздныхъ киргизскихъ школъ (бывшихъ интернатовъ) съ 204 учащимися, то-есть, изъ общаго числа 5.379 учащихся на инородцевъ приходится 583, или 10,8. Это значитъ другими словами, что для кочеваго населенія Имперіи число училищъ меньше, чѣмъ для осѣдлаго—абсолютно въ 5,7 разъ, а относительно въ 14 разъ: въ осѣдломъ населеніи одна школа приходится на 1.227 душъ, а въ кочевомъ—на 14.683 души. Но интересно при этомъ то, что въ общій счетъ 583 учащихся входятъ мужчинъ—359, а женщинъ 223, то-есть, въ то время, какъ въ общемъ числѣ учащихся по всей области дѣвочки составляютъ только 27,1%, общаго числа учащихся—въ кочевомъ населеніи оно составляетъ—38,2%; а въ осѣдломъ—25,7% и въ томъ числѣ, въ казачьемъ сословіи—23,5%. Мы видимъ, такимъ образомъ, что кочевники менѣе всѣхъ дѣлаютъ различія, въ школьномъ отношеніи, между мальчиками и дѣвочками, а казаки—болѣе всего. Но во всякомъ случаѣ, школьный уровень въ кочевомъ населеніи области пока вообще крайне низокъ: обучающихся одинъ изъ 579,3,—и при этомъ одинъ мальчикъ изъ 504,6 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 702 женщинъ.

IV. Семипалатинская область.

Въ составъ вновь-образованнаго Степнаго генералъ-губернаторства, по упраздненіи Западно-Сибирскаго, вошла и Семипалатинская область, занимающая площадь въ 8.856 кв. миль. Здѣсь кочевой элементъ почти совсѣмъ поглощаетъ осѣдлый: въ Акмолинской, какъ мы видѣли, онъ составляетъ 72,8% всего населенія, здѣсь же онъ составляетъ 89,6%, а на осѣдлый элементъ остается всего 10,4%. Къ январю 1886 года все населеніе области простиралось именно до 573.744 душъ обоюго пола (312.371 мужчина и

261.373 женщины), и изъ нихъ на долю кочеваго населенія приходилось 513.833 душъ, и на долю осѣдлаго 59.911 душъ.

Въ распоряженіи этого населенія было 105 учебныхъ заведеній,—но изъ числа ихъ не было ни одного съ характеромъ настоящаго средняго учебнаго заведенія. Изъ этого числа приходилось на города 38 (36,2%) и на уѣзды 67 (63,8%), то-есть, въ городахъ число учебныхъ заведеній было меньше, чѣмъ въ уѣздахъ, абсолютно въ 1,8 разъ; относительно же оно было больше въ 8,8 разъ, ибо населеніе уѣздовъ простиралось до 539.878 душъ обоого пола (293.380 мужчинъ и 246.498 женщинъ), а въ городахъ до 33.866 душъ (18.991 мужчинъ и 14.875 женщинъ). Другими словами, въ городахъ одно учебное заведеніе приходилось на 891,2 жителя, а въ уѣздахъ на 8.057,8 жителей,—и по всей области—на 5.464,2 жителя. Надо замѣтить, что въ областномъ городѣ Семипалатинскѣ изъ всѣхъ 38 городскихъ учебныхъ заведеній находится 15 (39,5%), и такъ какъ его населеніе простиралось до 16.449 душъ, то стало быть, въ немъ одно учебное заведеніе приходилось на 1.096,6 жителей,—въ другихъ же городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, одно на 757 жителей.

Городскія школы были слѣдующія: 1 женская 4-хъ-классная гимназія, 1 пятиклассное и 3 трехклассныхъ мужскихъ городскихъ училища, 11 приходскихъ и станичныхъ училищъ, 13 татарскихъ, 1 еврейская и 8 русско-киргизскихъ школъ. Во всѣхъ этихъ училищахъ обучалось 1.859 человекъ — 1.478 мальчиковъ и 381 дѣвочка. Но изъ этихъ училищъ на долю Семипалатинска приходились женская гимназія, 5-ти-классное мужское училище, приходское, 2 русско-киргизскія школы, 8 татарскихъ и 1 еврейская. Во всѣхъ этихъ училищахъ было 1.085 учащихся — 886 мальчиковъ и 199 дѣвочекъ. Это значитъ, что въ Семипалатинскѣ обучался одинъ изъ 15,1 жителя,—а въ отдѣльности, одинъ мальчикъ изъ 10,2 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 37,13 женщинъ, то-есть, дѣвочки составляли 18,3% всѣхъ учащихся и обучались относительно въ 3,6 разъ меньше. Въ остальныхъ городахъ области, вмѣстѣ взятыхъ, приходится одинъ учащійся на 17,6 жителей, при чемъ обучался одинъ мальчикъ изъ 12,9 мужчинъ и одна дѣвочка—изъ 41,1 женщинъ, то-есть, дѣвочки составляли здѣсь 23,7% (ихъ было 182 на 774 учащихся) всего числа учащихся и обучались относительно въ 3,2 раза меньше. Стало быть, въ Семипалатинскѣ, сравнительно съ другими городами области, вмѣстѣ взятыми, число учащихся относительно больше—въ мужскомъ населеніи въ 1,7

разъ, а въ женскомъ—въ 1,1 разъ. Въ Семипалатинскѣ изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста обучается 0,39 (0,60 мальчиковъ и 0,16 дѣвочекъ), а въ остальныхъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, изъ дѣтей школьнаго возраста обучается только 0,27 (0,37 мальчиковъ и 0,14 дѣвочекъ); во всемъ же городскомъ населеніи дѣтей школьнаго возраста посѣщало школы 0,33 (0,48 мальчика и 0,15 дѣвочекъ); въ Семипалатинскѣ учащіеся составляли 6,6% всего населенія, а въ остальныхъ городахъ 4,4%.

Что касается уѣздовъ, то въ нихъ 67 школахъ обучалось 1.078 человекъ—973 мальчика и 105 дѣвочекъ, то-есть, послѣднія составляли всего 9,7% всѣхъ учащихся. Изъ мужскаго населенія обучался въ нихъ одинъ мальчикъ изъ 301,5 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 2.347 женщинъ, а изъ всего населенія обоого пола—одинъ изъ 500,8 душъ. Стало быть, абсолютно число учащихся въ городахъ больше числа учащихся въ уѣздахъ въ 1,7 разъ,—мужскаго пола—въ 1,5 разъ, а женскаго — въ 3,6 разъ; относительно же число учащихся въ уѣздахъ меньше числа учащихся въ городахъ въ 27,5 разъ,—мужскаго пола въ 12,8 разъ, а женскаго—въ 60 разъ. Учащіеся составляли въ уѣздахъ 0,2% населенія и 0,1 дѣтей школьнаго возраста, то-есть, изъ 100 дѣтей школьнаго возраста посѣщало школы только одно, при чемъ изъ 100 мальчиковъ — около двухъ, а изъ 1.000 дѣвочекъ также около двухъ. Другими словами, въ уѣздахъ школы посѣщало изъ дѣтей школьнаго возраста $\frac{1}{50}$ часть мальчиковъ и $\frac{1}{500}$ часть дѣвочекъ.

Мы считаемъ необходимымъ, ради большей отчетливости, выдѣлить изъ общаго населенія—осѣдлое, такъ какъ въ его средѣ потребность въ школахъ все же развита, сравнительно, гораздо сильнѣе. И тогда передъ нами такіе выводы: на осѣдлое населеніе въ 59.911 душъ обоого пола приходится 97 учебныхъ заведеній съ 2.740 учащихся (2.451 мальчиковъ и 289 дѣвочекъ); на кочевое же населеніе въ 513.833 дѣтей всего 8 учебныхъ заведеній съ 183 учащими (143 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ). Стало быть, число школъ, которыми пользуется почти ¹⁾ исключительно одно осѣдлое населеніе, превышаетъ число школъ, предназначенныхъ для кочеваго населенія въ 12,1 разъ—абсолютно и въ 104 раза относительно: одно учебное заведеніе приходится—въ осѣдломъ населеніи на 617,6 дѣтей обоого

¹⁾ Мы говоримъ „почти“, такъ какъ въ нихъ попадаются, хотя въ ничтожномъ процентѣ, и дѣти киргизъ.

пола населенія а въ кочевомъ — на 64.229 дѣтей. Число же учащихся въ осѣдломъ населеніи превышаетъ таковое же въ кочевомъ населеніи—абсолютно почти въ 15 разъ, а относительно—въ 129 разъ: въ осѣдломъ населеніи одинъ учащійся приходится на 21,9 жителей, а въ кочевомъ—на 2.807,3 ж.,—при чемъ въ мужскомъ населеніи приходится—въ осѣдломъ одинъ мальчикъ на 13,2 ж., а въ кочевомъ—на 1.958,2; въ женскомъ же населеніи приходится: въ осѣдломъ—одна дѣвочка на 95,4 ж., а въ кочевомъ—одна на 5.845 ж. Изъ общаго контингента дѣтей школьнаго возраста посѣщало школы—въ осѣдломъ населеніи 0,27 (0,47 м. и 0,06 д.), а въ кочевомъ—0,0021 (0,0032 м. и 0,0019 д.). Учащіеся въ осѣдлой части составляютъ 4,6% населенія, а въ кочевой—0,03%.

Какъ видимъ, уровень школьнаго дѣла въ кочевой части населенія очень низокъ. Но надо замѣтить, что сравнительная высота его въ осѣдломъ населеніи не столько зависитъ отъ русскаго элемента, сколько отъ магометанскаго: именно въ числѣ 38 городскихъ школъ было 13 татарскихъ школъ съ 798 учащихся обоого пола, что составляло по одному учащемуся на 17 жителей обоого пола, когда для остальнаго населенія городского приходилось только по одному на 20 ж. ¹⁾ Къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ магометанскихъ школахъ преподаваніе ведется на татарскомъ языкѣ, и дѣти обучаются лишь чтенію, письму и правиламъ религіи.

„Состояніе сельскихъ, станичныхъ и поселковыхъ школъ вообще должно быть признано мало удовлетворительнымъ. Помимо того, что дѣти часто отрываются родителями отъ ученія для домашнихъ работъ и по небрежности родителей, нѣрѣдко не имѣютъ учебныхъ пособій, плохое матеріальное положеніе школъ невыгодно отражается на ученіи. Изъ 67 школъ отдѣльныя помѣщенія, устроенныя на общественный счетъ, имѣютъ только 17, а остальныя 50 школъ помѣщаются въ частныхъ домахъ. Годовое содержаніе 50 руб. получаетъ 48 учителей и учительницъ, отъ 50 до 100 р.—17 и только 2 учительницы получаютъ немного болѣе 200 рублей въ годъ.

Общее состояніе учебнаго дѣла въ области наглядно видно изъ слѣдующей таблицы:..

¹⁾ Надо, впрочемъ, оговориться, что магометанскія школы посѣщаются и прибывающими изъ уѣздовъ.

Въ 1878 г. Въ 1885 г.

Количество учебныхъ заведеній:

а) въ городахъ.	29	38
б) въ уѣздахъ . . .	38	67
в) по всей области	67	105

Одно учебное заведеніе приходится на число душъ:

а) въ городахъ.	965,3	891,3
б) въ уѣздахъ	12.947,4	8.057,3
в) по всей области	7.642,3	5.464,3

Количество учащихся:

а) въ городахъ:		
1) мальчиковъ .	1.254	1.478
2) дѣвочекъ .	220	381
3) обоого пола.	1.474	1.859
б) въ уѣздахъ:		
1) мальчиковъ.	533	973
2) дѣвочекъ .	57	105
3) обоого пола .	590	1.078

Одинъ учащійся на число душъ:

а) въ городахъ .	18,3	17,3
б) въ уѣздахъ .	833,3	500,3
в), по всей области . . .	245,1	195,4

Учащихся на одно учебное заведеніе:

а) въ городахъ .	50,3	48,3
б) въ уѣздахъ	15,4	16,3
в) по всей области .	30,3	27,3

Процентъ дѣвочекъ къ числу учащихся:

а) въ городахъ .	15,3	20,4
б) въ уѣздахъ	9,3	9,7
в) по всей области .	13,4	16,4

Процентъ учащихся въ городахъ къ городскому населенію 5,3 5,3

Процентъ учащихся въ уѣздахъ къ уѣздному населенію 0,13 0,13

Процентъ учащихся въ области ко всему областному населенію 0,33 0,33

Стало бытъ, школьное дѣло за 6 лѣтъ все же подвинулось впередъ не только абсолютно, но и относительно, при чемъ больше успѣховъ относительныхъ сдѣлало именно школьное дѣло въ уѣздахъ.

На этомъ заканчиваемъ нашъ обзоръ школьнаго дѣла въ Западной Сибири къ январю 1886 года.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что на обширной площади странствомъ въ 59.256 кв. миль, населенной 3.586.395 душами обо-

его пола (1.851.663 м. и 1.734.732 ж.) всего на всего находилось 849 учебныхъ заведеній, съ 30.462 учащихся (22.798 м. и 7.664 д.), изъ которыхъ приходилось—на города 196 учебныхъ заведеній (23,09%) съ 14.506 учащихся (47,6%)—9.859 мальчиковъ (68%) и 4.647 дѣвочекъ (32%),—а на уѣзды—653 учебныхъ заведеній (76,91%) съ 16.956 учащихся (52,4%)—12.939 мальчиковъ (82,8%) и 3.017 дѣвочекъ (17,8%).

Нижеслѣдующая таблица указываетъ общее количественное положеніе школьнаго дѣла въ этой половѣ Сибири къ 1886 году, а также и ростъ его за послѣднія 6 лѣтъ:

	Въ 1879 г.	Въ 1885 г.
Количество учебныхъ заведеній:		
а) въ городахъ .	148	196
б) въ уѣздахъ .	512	653
в) во всемъ районѣ .	660	849
Одно учебное заведеніе приходится на число душъ:		
а) въ городахъ .	1.324	1.459,а
б) въ уѣздахъ . .	5.949,7	5.054
в) во всемъ районѣ	4.911	4.212,с
Количество учащихся:		
а) въ городахъ .	11.049	14.506
б) въ уѣздахъ . .	11.765	15.956
в) во всемъ районѣ	22.814	30.462
Въ томъ числѣ мальчиковъ:		
а) въ городахъ .	7.671	9.859
б) въ уѣздахъ .	9.794	12.939
в) во всемъ районѣ	17.465	22.798
Дѣвочекъ:		
а) въ городахъ .	3.378	4.647
б) въ уѣздахъ . .	1.971	3.017
в) во всемъ районѣ	5.349	7.664
Въ общей массѣ учащихся процентъ:		
а) мальчиковъ .	76,а	74,а
б) дѣвочекъ . .	23,а	25,а
Процентъ учащихся къ населенію:		
а) въ городахъ .	5,а	5,аа
б) въ уѣздахъ . .	0,а	0,аа
в) во всемъ районѣ .	0,7	0,а
Какая доля дѣтей школьнаго возраста посѣщала школу:		
а) мальчиковъ .	—	0,07а
б) дѣвочекъ .	—	0,02а
в) обоюго пола .	0,04а	0,09а
Обучался въ школахъ одинъ изъ:		
а) мужчинъ .	—	81,а
б) женщинъ .	—	226,а
в) обоюго пола .	142,а	117,7

Таблица эта свидѣтельствуеетъ, что школьно-учебное дѣло въ районѣ Западной Сибири замѣтно развивается съ количественной стороны. Въ самомъ дѣлѣ, за небольшой періодъ въ 6 лѣтъ число его учебныхъ заведеній возрастаетъ съ 660 до 849, то-есть, на 189, или на 28,6%, а число учащихся въ нихъ — съ 22.814 до 30.462, то-есть, на 33,5%. Другими словами, число учебныхъ заведеній приростало въ годъ, среднимъ числомъ, на 31,5 или на 4,8%, а число учащихся — на 1.275 ч. или на 5,6%. Но прогрессъ въ школьномъ дѣлѣ былъ не только абсолютный, но и относительный: въ 1879 г. одно учебное заведеніе приходилось на 4.911 душъ населенія и на 34,6 учащихся, а въ 1885 г. — на 4.212,5 душъ и 35,9 учащихся; въ 1879 г. учащіеся составляли 0,7% населенія района, а въ 1885 г. — 0,8%; въ 1879 г. обучался одинъ изъ 142,1 душъ населенія, а въ 1885 г. — одинъ изъ 117,7; въ 1879 г. учащіеся составляли 0,042 дѣтей школьнаго возраста, а въ 1885 г. — 0,050. Въ женскомъ населеніи района школьное дѣло прогрессируетъ даже быстрѣе, чѣмъ въ мужскомъ: въ 1879 г. дѣвочки составляли 23,4% общаго числа учащихся, а въ 1885 г. — 25,2%; число учащихся мальчиковъ, за 6 лѣтъ, возросло съ 17.645 до 22.798, то-есть, на 30,5%, — а число учащихся дѣвочекъ — съ 5.349 до 7.664, то-есть, на 43,3%. Другими словами, за это время среднее годовое приращеніе числа учащихся мальчиковъ доходило до 5,08% а число учащихся дѣвочекъ — до 7,22%, то-есть, оно было въ 1,0 разъ большее. Въ 1879 г. на 100 учащихся въ школахъ мальчиковъ и дѣвочекъ приходится, среднимъ числомъ, 30,6, — а въ 1885 г. — 33,6 душъ. За этотъ періодъ число учащихся дѣвочекъ въ уѣздахъ возросло относительно больше, чѣмъ въ городахъ: въ первыхъ оно возросло съ 3.378 до 4.647, то-есть, на 1.269 дѣвочекъ, или на 37,6%, а это составляетъ среднее годовое приращеніе въ 6,3%; въ уѣздахъ же число учащихся дѣвочекъ возросло съ 1.971 до 3.017, то-есть, на 1.100 душъ или на 57,4%, что составляетъ среднее годовое приращеніе въ 9,6%, то-есть, въ 1,5 разъ большее. Къ сожалѣнію, общее число учащихся въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1885 г. оказывается относительно меньше, чѣмъ въ 1879 г., ибо тогда учащіеся составляли 5,6% городского населенія, а въ 1885 г. — только 5,06%; но это выкупается тѣмъ, что въ уѣздахъ общее число учащихся за это время и относительно возросло въ 1,2 разъ: въ 1879 г. изъ 10.000 душъ уѣзднаго населенія въ школахъ обучается 40 человекъ, а въ 1885 г. — 48. И

даже, если число обучавшихся въ учебныхъ заведеніяхъ района, въ это время, дѣвочекъ относительно вообще возросло, то въ уѣздахъ оно все же возросло замѣтнѣе, чѣмъ въ городахъ: на 1.000 обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ мальчиковъ — дѣвочекъ приходится въ 1879 году — въ городахъ 440, а въ уѣздахъ — 201, а въ 1885 году — въ городахъ 471, а въ уѣздахъ — 233, то-есть, въ уѣздахъ на каждую 1,000 учащихся мальчиковъ прибавилось по 32 дѣвочки, а въ городахъ — только по 26, или въ 1,23 разъ меньше.

V. Иркутская губернія.

Теперь мы обратимся къ болѣе обширной по пространству, но за то и болѣе рѣдкой по населенію половинѣ Сибири — Восточной, а въ ней прежде всего остановимся на губерніи, главный городъ которой, долгое время служилъ, а отчасти и теперь служитъ, сосредоточіемъ главныхъ административныхъ органовъ края (въ томъ числѣ учебнаго вѣдомства), именно къ Иркутской губерніи, занимающей площадь въ 14.542,8 кв. миль.

Первая школа, основанная въ этой губерніи въ 1754 году, была чисто-спеціальная, навигацкая. Цѣлыхъ 27 лѣтъ она стояла одинокою, пока въ 1781 году не открылась городская школа, преобразованная въ 1789 году въ главное народное училище. Правда, сельскія училища, въ настоящемъ смыслѣ слова, въ Сибири возникаютъ впервые въ Иркутской губерніи, но не раньше, какъ въ текущемъ столѣтіи, въ 1816 году, когда ихъ открыто было до 18. Что же касается до г. Иркутска, то здѣсь въ 1779 году открыта была (вторая въ Сибири) духовная семинарія, а спустя только четверть столѣтія — въ 1800 г. появилась гимназія (первая въ Сибири), да уѣздное и приходское училища.

Почти въ этомъ видѣ засталъ Сперанскій въ Сибири школьное дѣло. Вслѣдъ за своимъ пріѣздомъ онъ учредилъ въ Иркутскѣ ланкастерскую школу, сталъ поощрять устройство народныхъ училищъ, способствовалъ открытію инородческихъ школъ и т. п. Съ отъѣздомъ его изъ Сибири, школьное дѣло опять пришло въ упадокъ, и снова стало преуспѣвать только съ 50-хъ годовъ. Къ январю 1886 г. мы уже находимъ здѣсь, при населеніи въ 408.028 душъ обоего пола (213.912 мужчинъ и 194.116 женщинъ), учебныхъ заведеній (считая въ томъ числѣ церковно-приходскія и воскресныя) 247, а учащихся въ нихъ — 7.736 человекъ.

Изъ общаго числа учебныхъ заведеній на города, съ населеніемъ въ 46.349 душъ обоого пола 52 учебныхъ заведенія, а на округи съ населеніемъ въ 361.719 душъ обоого пола (187.343 мужскаго и 174.376 женскаго)—195 учебныхъ заведеній. Стало быть, на города приходится 21%, а на округа—79% учебныхъ заведеній, или на первые приходится ихъ въ 3,7 разъ абсолютно меньшее число. Однако, относительно число учебныхъ заведеній въ городахъ въ два раза больше,—ибо въ то время, какъ по всей губерніи вообще приходится одно учебное заведеніе на 1.652 душъ обоого пола, въ отдѣльности приходилось: въ городахъ одно на 891,3 д., а въ округахъ—на 1.854,9 д.

Такъ какъ учащихся во всѣхъ 247 учебныхъ заведеніяхъ было 7.736 человекъ, то стало быть, одинъ учащійся приходится на 52,7 душъ обоого пола населенія, а на одно учебное заведеніе приходится по 31,3 учащихся. Въ общее число 7.736 учащихся входятъ 5.396 мальчиковъ и 2.340 дѣвушекъ. Стало быть, первые составляютъ 71%, а послѣднія 29% всѣхъ учащихся. Въ мужскомъ населеніи обучается одинъ изъ 39, а въ женскомъ—одна изъ 82, женщинъ. Это значитъ, другими словами, что въ женскомъ населеніи школьно-учебное дѣло стояло на уровнѣ въ 2,1 раза низшемъ чѣмъ въ мужскомъ.

Обращаясь отдѣльно къ городамъ и округамъ, мы видимъ, что на первые изъ общаго числа учащихся приходится 4.178 человекъ, или 54%, а на послѣдніе—3.558 учениковъ, или 46% общаго числа учащихся. Тутъ прямо обнаруживается разница въ ходѣ развитія школьнаго дѣла въ разсмотрѣнныхъ районахъ Западной Сибири и въ Иркутской губерніи: относительно и тамъ число учащихся вездѣ было въ городахъ больше, чѣмъ въ уѣздахъ, но абсолютно вездѣ меньше; здѣсь же оно не только больше въ 9,1 разъ, но и абсолютно даже больше на 620 учащихся, или на 17,4%. Въ городахъ одинъ учащійся приходится на 11,1 дѣтей обоого пола, а въ округахъ—на 101,1 дѣтей. Эти цифры достаточно убѣждаютъ въ томъ, что въ округахъ школьное дѣло поставлено плохо: въ то время, какъ учащіяся въ городахъ составляютъ 9% городского населенія, они въ округахъ составляютъ лишь 0,98% окружнаго населенія. По всей же губерніи вообще, учащіяся составляютъ 1,9% населенія.

Разсматривая контингенты учащихся въ городахъ и округахъ по поламъ, мы видимъ, что въ общемъ числѣ учащихся въ городахъ 4.178 человекъ—дѣвочекъ было 1.508,—въ общемъ числѣ уча-

щихся въ округахъ—3.558 человекъ—дѣвочекъ было 832. Это значитъ, что въ городахъ мальчики составляли 63,9%, а дѣвочки—36,1% учащихся; въ округахъ же первые составляли 76,8%, а послѣднія—только 23,4% общаго числа учащихся. Стало быть, даже не принимая во вниманіе численность населенія того и другаго пола въ городахъ и округахъ, школьно-учебное дѣло для женскаго населенія въ округахъ поставлено въ 1,8 разъ хуже, чѣмъ въ городахъ. Разсматривая же это обстоятельство въ связи съ численностью населенія того и другаго пола, мы видимъ, что въ городахъ, при населеніи въ 26.609 м. и 19.740 ж., обучался одинъ мальчикъ изъ 10 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 13,1 женщины,—въ окружномъ же населеніи обучался одинъ мальчикъ изъ 66,3 мужчинъ, а одна дѣвочка—изъ 209,6 женщинъ. Стало быть, отношеніе учащихся мальчиковъ къ мужскому населенію въ городахъ въ 6,6 больше отношенія учащихся мальчиковъ въ округахъ къ окружному мужскому населенію; отношеніе же учащихся дѣвочекъ къ женскому населенію въ городахъ въ 16 разъ больше, чѣмъ въ округахъ, то-есть, послѣднее отношеніе болѣе перваго въ 2,4 разъ. Это значитъ, другими словами, что въ городахъ обучается изъ 100 мужчинъ 10 мальчиковъ, а изъ 100 женщинъ—7,6 дѣвочекъ; въ округахъ же обучается изъ 100 мужчинъ—1,5 мальчикъ; а изъ 100 женщинъ 0,5 дѣтей, то-есть, уровни школьно-учебнаго дѣла въ городахъ и округахъ относятся другъ къ другу—въ мужскомъ населеніи, какъ 10: 1,5, а въ женскомъ, какъ 7,6: 0,5.

Выводы, полученные нами до сихъ поръ, рисуютъ школьное дѣло въ Иркутской губерніи въ довольно благоприятномъ свѣтѣ. Достаточно вспомнить, что въ Томской губерніи изъ 100 мужчинъ учатся—въ городахъ 5,46 м., а въ округахъ 0,87, а изъ 100 женщинъ—въ городахъ—3,21 д., а округахъ 0,18 дѣвочекъ. Но мы должны имѣть въ виду, что Иркутскъ сосредоточиваетъ въ себѣ почти всѣ среднія и спеціальныя учебныя заведенія, предназначенныя для всего района Восточной Сибири и включающія въ себѣ громадный процентъ учащихся, такъ что для болѣе или менѣе правильнаго представленія о начально-школьномъ дѣлѣ, намъ необходимо выдѣлить изъ общаго числа учебныхъ заведеній и учащихся среднія и спеціальныя учебныя заведенія съ учащимися въ нихъ.

Всѣ эти учебныя заведенія, числомъ 18, сосредоточены въ Иркутскѣ. Собственно средними можно считать 5 изъ нихъ: мужскую классическую гимназію съ 314 учащихся, женскую гимназію съ 216 уч.

женскій институтъ съ 116 уч., духовную семинарію съ 114 уч. и учительскую семинарію съ 76 уч.; специальныхъ же (въ тѣсномъ смыслѣ слова) также 5: техническое училище съ 184 уч.; военное юнкерское училище и прогимназія съ 202 уч., фельдшерская школа съ 62 уч. и писарская школа съ 40 уч. Если мы изъ 52 учебныхъ заведеній городовъ Иркутской губерніи съ ихъ 4.178 учащихся выдѣлимъ эти 10 учебныхъ заведеній (19,2%), съ учащимися въ нихъ 1.324 чел. (31,7%), то начально-школьное дѣло въ Иркутской губерніи выразится въ городахъ—42 учебными заведеніями съ 2.854 учащихся обоего пола. А это составитъ, среднимъ числомъ, по одному учебному заведенію на 1.103 души и по одному учащемуся на 16,2 души населенія, и на учебное заведеніе по 68 учащихся. Сортируя послѣднія данныя по поламъ, мы видимъ, что въ контингентѣ 2.854 учащихся было 1.678 м. и 1.176 ж.

Такимъ образомъ, итоги начально-школьнаго дѣла въ Иркутской губерніи, въ окончательномъ результатѣ, могутъ быть представлены такъ: въ городахъ обучался одинъ мальчикъ изъ 15,8 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 16,8 женщинъ; въ округахъ же обучался одинъ мальчикъ изъ 66,3 м. и одна дѣвочка изъ 209,6 ж. Стало быть, уровни начально-школьнаго дѣла въ городахъ и округахъ относятся другъ къ другу—для мужскаго населенія, какъ 66,3: 15,8, а для женскаго,—какъ 209,6: 16,8; то-есть, первое отношеніе выгодно послѣдняго въ 3 раза.

Попытаемся теперь формулировать положеніе средняго образованія. Мы видѣли, что учебныхъ заведеній съ характеромъ среднихъ можно считать 5 съ 836 учащихся. Это составитъ (беря въ расчетъ всю губернію) по одному учебному заведенію на 81.605,6 душъ и по одному учащемуся на 488 душъ обоего пола, а на одно учебное заведеніе—по 167,2 учащихся. Въ мужскомъ населеніи губерніи, это среднее образованіе, при подобномъ расчетѣ, досталось на долю одного изъ 425,6, а въ женскомъ населеніи одной изъ 584,7. Отнеся же эти 5 среднихъ учебныхъ заведеній къ однимъ городамъ, мы получимъ такіе выводы: одно учебное заведеніе приходилось на 9.270 душъ обоего пола населенія и на 163 учащихся, среднее образованіе получилъ въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 52,8, или одинъ изъ 3 получившихъ школьно-начальное образованіе, а въ женскомъ населеніи одна изъ 59,5 или одна изъ 3,5 получившихъ начально-школьное образованіе. Стало быть, изъ 1.000 душъ мужскаго пола городского населенія получали образованіе: начальное—

63, да среднее 19; а изъ 1.000 душъ женскаго населенія начальное получали 59, а среднее—17.

Теперь намъ предстоитъ выдѣлить г. Иркутскъ изъ общей массы городовъ губерніи, такъ какъ онъ занимаетъ между ними совершенно исключительное положеніе. Не говоря уже о среднихъ и специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя приходятся всѣ на его долю, и изъ остальныхъ 42 начальныхъ учебныхъ заведеній, на долю одного Иркутска приходится 30, а на долю остальныхъ 5 городовъ всего 12, то-есть, въ Иркутскѣ, при населеніи въ 39.226 душъ (22.645 м. и 11.581 ж.), приходилось 40 учебныхъ заведеній съ 3.809, а въ другихъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, съ населеніемъ въ 7.123 души—12 учебныхъ заведеній съ 369 учащихся (247 м. и 122 ж.). Итакъ, одинъ городъ Иркутскъ насчитываетъ больше учащихся, чѣмъ всѣ округа, вмѣстѣ взятые: въ то время, какъ въ послѣднихъ одно учебное заведеніе приходится на 1.854,9 душъ, въ Иркутскѣ оно приходится на 980 душъ, а въ остальныхъ городахъ на 594 души; въ округахъ учебное заведеніе приходится на 18,2 учащихся, въ г. Иркутскѣ на 95,2 уч., а въ прочихъ городахъ на 30,7 уч., въ округахъ приходится одинъ учащійся на 101,1 душу, въ Иркутскѣ—на 10,3, а въ прочихъ городахъ—на 19,3. Отдѣльно по поламъ обучалось въ мужскомъ населеніи: въ округахъ одинъ изъ 66,3, въ Иркутскѣ одинъ изъ 9,7 (а одно начальное образование получалъ одинъ изъ 15,7), въ прочихъ городахъ одинъ изъ 16,3; въ женскомъ населеніи: въ округахъ одна изъ 238,2, въ Иркутскѣ одна изъ 11,2 (одно начальное—одна изъ 14,4), а въ прочихъ городахъ—одна изъ 25,4.; въ округахъ учащіеся составляли 0,01 окружнаго населенія, въ Иркутскѣ—0,09 населенія, а въ прочихъ городахъ 0,05 населенія; въ округахъ учащіеся составляли 0,059 дѣтей школьнаго возраста (0,093 м. и 0,024 д.),—въ Иркутскѣ—0,582 (0,636 м. и 0,514 д.), въ прочихъ городахъ—0,309 (0,386 м. и 0,221 д.).

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками соответствующихъ данныхъ для изображенія роста школьнаго дѣла въ Иркутской губерніи, но что школьное дѣло здѣсь преуспѣвало довольно замѣтно, ясно изъ того уже, что въ 1881 году въ губерніи приходилась одна народная школа на 6.363 души населенія и одинъ учащійся на 232 души,—въ 1886 г., какъ мы видѣли, одна народная школа приходится на 1.854,9 д. и одинъ учащійся на 101,1 душу. Стало

быть, школьно-учебное дѣло даже относительно за 4—5 лѣтъ возросло въ 2,3 раза или на 131,8%.

VI. Енисейская губернія.

По занимаемой площади, Енисейская губернія—самая обширная изъ сибирскихъ губерній. Пространство ея именно составляетъ до 45.708,1 кв. миль, а въ длину она имѣетъ протяженіе въ 3.800 верстъ и въ ширину до 1.300 верстъ. Какъ самостоятельная губернія, районъ этотъ существуетъ лишь со времени Сперанскаго, съ 1822 года, и въ дѣлѣ просвѣщенія очень не далеко ушла впередъ, если сравнить ее съ Иркутскою или съ Томскою. Первое приходское училище, въ Енисейской губерніи открыто было въ 1822 году, въ г. Канскѣ; черезъ 10 лѣтъ открыто было второе („казенное“) уѣздное училище въ Ачинскѣ. Училища эти въ этихъ городахъ почти до самого послѣдняго времени оставались одинокими. Первая гимназія въ губерніи (и единственная) открыта въ Красноярскѣ только въ 1868 году, то-есть, черезъ 40 лѣтъ послѣ предположенія. Сельскія школы, какъ и повсюду въ Сибири, возникаютъ лишь съ 60-хъ гг., но открытіе ихъ происходитъ гораздо медленнѣе и съ гораздо большими перерывами, чѣмъ въ другихъ районахъ; то же самое можно сказать о женскихъ школахъ, возникающихъ только съ 60-хъ годовъ. До чего туго подвигалось здѣсь учебное дѣло, видно изъ того, что къ 1862 году,—черезъ 40 лѣтъ послѣ учрежденія губерніи, на ея колоссальной площади, обучалось всего на всего 870 человекъ; и въ округахъ изъ этого числа не болѣе 282 ч., то-есть по одному учащемуся приходилось, среднимъ числомъ, на 2.600 кв. верстъ площади. Въ послѣднюю четверть вѣка учебное дѣло однако сдѣлало здѣсь кое-какіе успѣхи. Къ январю 1886 г. здѣсь насчитывалось уже 127 учебныхъ заведеній съ 4.022 учащихся, то-есть, сравнительно съ 1861 г., число послѣднихъ увеличилось въ 4¹/₂ раза съ лишнимъ (4,6).

Общее населеніе губерніи къ этому году простиралось до 447.076 д. об. п. (249.140 м. и 197.936 ж.), изъ которыхъ на города приходится 49.072 д. (27.126 м. и 21.946 ж.), а на округа 398.004 (222.014 м. и 175.990 ж.). Число же учебныхъ заведеній распредѣлялось такъ: въ городахъ, 29 (22,8%) и въ округахъ 98 (78,2%), то-есть, въ первыхъ ихъ было абсолютно въ 3,4 раза меньше, но относительно оно въ 2,4 разъ больше, ибо въ округахъ одно учеб-

ное заведеніе приходится на 4.061,3 душъ а въ городахъ — на 1.692,1 д.: по всей же губерніи—на 8.520,3 д.

Всѣхъ учащихся въ 127 учебныхъ заведеніяхъ къ 1886 году было 4.022. Стало быть, по одному учащемуся приходилось на 111,2 душъ обоого пола, а на одно учебное заведеніе приходилось по 31,7 учащихся.

Контингентъ учащихся 4.022 чел. состоитъ изъ 2.902 мальчиковъ и 1.120 дѣвочекъ, то-есть, послѣднія составляли 27,8%, а первые 72,2% всего числа учащихся. Другими словами, число учащихся дѣвочекъ меньше числа учащихся мальчиковъ абсолютно въ 2,6 разъ, а относительно—въ 2,06 разъ, ибо въ мужскомъ населеніи обучался одинъ изъ 85,8, а въ женскомъ—одна изъ 176,7 женщинъ.

Анализируя контингентъ учащихся отдѣльно по городамъ и округамъ, мы видимъ, что изъ общаго контингента учащихся приходится на первые 1.911 ч., а на вторые—2.111, то-есть, на первые приходится 47,5%, а на вторые 52,5%. Другими словами, число учащихся въ городахъ абсолютно меньше числа учащихся въ округахъ въ 1,1 разъ, относительно же оно больше въ 7,3 разъ, ибо въ то время, какъ въ округахъ одинъ учащійся приходится на 188,5 душъ населенія, въ городахъ онъ приходится только на 25,7 душъ. Ясно, что въ городахъ школьно-учебное дѣло въ значительно лучшемъ состояніи, чѣмъ въ округахъ: тамъ учащіеся составляютъ 3,9% населенія, здѣсь-только 0,5% сельскаго населенія (а по всей губерніи 0,9%).

Теперь разсмотримъ контингентъ учащихся въ городахъ и округахъ отдѣльно по поламъ. Изъ общаго числа учащихся въ городахъ 1.911 ч. было 1.296 м. и 615 дѣв., въ окружномъ же контингентѣ учащихся, 2.111 ч. мальчиковъ было 1.606, а дѣвочекъ—505. Стало быть, въ городахъ дѣвочки составляли 32,2%, а мальчики — 67,8%, въ округахъ же первые составляютъ 23,9%, а послѣдніе—66,1%. Итакъ, безотносительно къ численности населенія того и другаго пола, можно сказать, что школьно-учебное дѣло въ средѣ женскаго населенія округовъ поставлено въ 1,3 разъ хуже, чѣмъ въ средѣ женскаго населенія городовъ. Принявъ же еще во вниманіе численное отношеніе населенія обоого пола, увидимъ, что въ городахъ обучался одинъ мальчикъ изъ 20,3 мужчинъ и одна дѣвушка изъ 35,7 женщинъ; въ округахъ же одинъ мальчикъ изъ 238,2 м. и одна дѣвочка изъ 348,5 ж. Другими словами, между числомъ учащихся мальчиковъ и мужскаго населенія въ городахъ отношеніе въ 6,6 разъ

большее, чѣмъ въ округахъ; отношеніе же между числомъ учащихся дѣвочекъ и числомъ душъ женскаго населенія въ городахъ въ 9,8 разъ больше, чѣмъ въ округахъ. Стало быть, послѣднее отношеніе больше перваго въ 1,5 разъ. Другими словами, изъ 1.000 мужчинъ бучается въ городѣ 48 м., а въ округахъ—7; изъ 1.000 же женщинъ обучается въ городахъ 28 д., а въ округахъ—3 дѣвочекъ, то-есть, уровни школьно-учебнаго дѣла въ городахъ и округахъ относятся другъ къ другу—въ мужскомъ населеніи, какъ 48,7, а въ женскомъ населеніи—какъ 280,3.

Сопоставляя приведенныя данныя съ соотвѣтствующими данными другихъ Сибирскихъ губерній, мы должны признать положеніе школьнаго дѣла въ Енисейской губерніи мало благоприятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ городахъ изъ 1.000 мужчинъ обучается—въ Тобольской губерніи—61, въ Томской—54,6, въ Иркутской—100, въ Енисейской—48 мальчиковъ, а изъ 1.000 женщинъ обучаются—въ Тобольской 46, въ Томской—32,1, въ Иркутской—76, а въ Енисейской—23; что же касается округовъ, то въ нихъ изъ 1.000 мальчиковъ училось въ томъ же 1885 году—въ Тобольской губерніи—9, въ Томской—8,7, въ Иркутской—15, а въ Енисейской—7, а изъ 1.000 женщинъ въ Тобольской губерніи—2, въ Томской—1,89, въ Иркутской—4 въ Енисейской же губерніи 3 дѣвочки. Стало быть, только процентъ учащихся дѣвочекъ въ округахъ Енисейской губерніи выше, чѣмъ въ другихъ, а процентъ учащихся мальчиковъ и въ городахъ, и въ округахъ, а дѣвочекъ въ городахъ—въ Енисейской губерніи значительно ниже. Вообще же изъ 1.000 душъ населенія обучалось.

	мальч.	дѣвоч.
Въ Тобольской губерніи	12,3	4,5
„ Томской	13,2	4,61
„ Иркутской	25,2	12,05
„ Енисейской	11,6	5,65

На сколько, стало быть, Иркутская губернія въ школьномъ дѣлѣ (въ количественномъ отношеніи) опередила Тобольскую и Томскую, на столько же (хотя и не въ такомъ размѣрѣ) Енисейская губернія отстала.

Теперь выдѣлимъ изъ общаго числа учебныхъ заведеній и учащихся въ городахъ среднія съ учащимися въ нихъ. Таковыхъ въ Енисейской губерніи 5 съ 599 учащихся; а именно въ Красноярскѣ: мужская классическая гимназія съ 190 уч., женская гимназія съ

179 уч., да учительская семинарія съ 37 уч., да въ Енисейскѣ мужская 6-ти классная прогимназія съ 63 уч., да женская гимназія съ 130 уч.

Отбросивъ изъ 29 городскихъ учебныхъ заведеній 5, съ 599 уч., мы увидимъ, что начально-учебное дѣло въ Енисейской губерніи можетъ быть выражено 24 учебными заведеніями съ 1.312 учащихся обоего пола. Это составитъ, среднимъ числомъ, по одному учебному заведенію на 2.044,7 душъ населенія и 54,7 учащихся и по одному учащемуся на 37,4 населенія.

Такъ какъ упомянутые 599 учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ состоятъ изъ 290 м. и 309 дѣвушекъ, то отнеся ихъ на счетъ одного городского населенія, ¹⁾ мы видимъ, что среднее образованіе выпало на долю одного изъ 93,5 мужчинъ и одной изъ 71 женщины; другими словами, среднее образованіе изъ контингента, получившаго начальное образованіе, получили одинъ изъ 4,5 мальчиковъ и одна изъ двухъ дѣвочекъ. А еслибы мы вдумали отвести среднее образованіе на всю губернію, то оказалось бы, что приходилось по одному учебному заведенію на 89.415 душъ населенія и 120 учащихся, или одинъ учащійся въ среднемъ учебномъ заведеніи приходится на 746,4 д., или въ мужскомъ населеніи губерніи среднее образованіе досталось на долю 1,16 изъ 1.000, а въ женскомъ населеніи изъ 1.000 душъ удостоилось его 1,56.

Само собою разумѣется, что въ школьно-учебномъ дѣлѣ изъ всѣхъ городовъ губерніи въ самомъ выгодномъ положеніи оказывается губернская городъ Красноярскъ. Кромѣ трехъ среднихъ учебныхъ заведеній, на его долю изъ 29 городскихъ учебныхъ заведеній приходится еще 10 начальныхъ, такъ что на долю всѣхъ остальныхъ городовъ, вмѣстѣ взятыхъ, остается 16 учебныхъ заведеній, а такъ какъ изъ 49.072 душъ городского населенія на долю Красноярска приходится 19.840 (11.386 м. и 8.454 ж.), то стало быть, абсолютно число учебныхъ заведеній Красноярска меньше числа ихъ въ другихъ го-

---

¹⁾ Вотъ доказательство тому, что среднее образованіе доступно почти исключительно городекому населенію: въ 1881 г., въ Енисейской мужской прогимназіи (6-тиклассной) изъ 104 учащихся лицъ сельскаго сословія было всего 20, да изъ нихъ большинство живетъ въ городахъ; также въ Енисейской женской гимназіи изъ 93 ученицъ только 9 было сельскаго сословія. По даннымъ г. Ядрянцова видно, что въ 1880 г. дѣтей сельскаго сословія было 21 на 679 дѣтей другихъ сословія, то-есть, оно составляетъ только 3%, всѣхъ учащихся въ сибирскихъ гимназіяхъ.

родахъ, вмѣстѣ вятыхъ, въ 1,2 разъ, но относительно оно больше въ 1,25 разъ. Что же касается числа учащихся, то на долю 13 учебныхъ заведеній г. Красноярска ихъ приходится изъ общаго числа 1.911 ч.—929 ч. (48,6%), а на долю остальныхъ городовъ—982 ч. (51,4%), то-есть, число учащихся въ г. Красноярскѣ, по сравненію съ числомъ учащихся во всѣхъ остальныхъ городахъ, абсолютно меньше въ 1,06 разъ, а относительно больше въ 1,4 разъ. Разсматривая по поламъ, видимъ, что въ г. Красноярскѣ было 670 учащихся мальчиковъ и 259 уч. дѣвочекъ, а въ остальныхъ городахъ—626 уч. мальчиковъ и 356 дѣвочекъ. Стало быть, въ г. Красноярскѣ учился одинъ мальчикъ изъ 17 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 32,6 женщинъ; въ остальныхъ же городахъ—одинъ мальчикъ изъ 25,1 муж. и одна дѣвочка изъ 37,9 женщ. Что касается контингента дѣтей школьнаго возраста, то между тѣмъ, какъ по всей губерніи школы посѣщаетъ только 0,054 его, а по округамъ—0,032, въ г. Красноярскѣ, изъ дѣтей школьнаго возраста школы посѣщаетъ 0,28 (0,36 мальч. и 0,18 дѣвоч.), а въ остальныхъ городахъ—0,20 (0,25 мальч. и 0,15 дѣвоч.).

Слѣдующая таблица показиваетъ положеніе и ростъ школьнаго дѣла въ Енисейской губерніи:

	Въ 1861 г.	Въ 1863 г.	Въ 1879 г.	Въ 1881 г.	Въ 1885 г.
Количество учебныхъ заведеній:					
а) въ городахъ	—	—	19	20	29
б) въ округахъ	—	—	36	39	98
в) во всей губерніи	—	—	55	59	127
Одно учебное заведеніе на число душъ:					
а) въ городахъ	—	—	1.704	2.242	1.692,1
б) въ округахъ	—	—	11.003,6	9.645	4.061,2
в) во всей губерніи	—	—	7.791,2	7.135	3.520,2
Количество учащихся:					
а) въ городахъ	610	870	1.536	1.654	1.911
б) въ округахъ	234	338	813	1.033	2.111
в) во всей губерніи	844	1.208	2.349	2.687	4.022
Въ томъ числѣ мальчиковъ:					
а) въ городахъ	—	—	1.148	1.252	1.296
б) въ округахъ	—	—	689	900	1.608
в) во всей губерніи	—	—	1.837	2.152	2.902
Дѣвочекъ:					
а) въ городахъ	—	—	388	402	615
б) въ округахъ	—	—	124	133	505
в) во всей губерніи	—	—	512	535	1.120
Одинъ учащійся на число душъ:					
а) въ городахъ	—	—	21	27	25,7

б) въ округахъ .	—	—	487,2	364	188,5
в) во всей губерніи	377,9	267,4	182,4	156	111,2
Учащихся на одно учебное за- веденіе:					
а) въ городахъ .	—	—	80,2	82,7	65,9
б) въ округахъ .	—	—	22,5	26,2	21,5
в) во всей губерніи	—	—	42,5	45,5	31,7
Процентъ учащихся:					
а) мальчиковъ	—	—	78,2	80	72,2
б) дѣвочекъ .	—	—	21,2	20	27,2
Процентъ учащихся къ населенію:					
а) въ городахъ	—	—	4,7	3,7	3,9
б) въ округахъ . .	—	—	0,2	0,2	0,2
в) во всей губерніи	0,20	0,27	0,2	0,2	0,2
Какая доля дѣтей школь- наго возраста посѣщала въ гу- берніи школы.	0,016	0,022	0,022	0,022	0,024

Таблица эта убѣждаетъ въ безспорномъ ростѣ школьнаго дѣла въ губерніи, не только абсолютномъ, но и относительномъ. Въ 1861 г. одинъ учащійся приходится на 377,9 душъ, а черезъ 24 года—въ 1885 г. уже—на 111,2 душъ, то-есть, число учащихся даже относительно возросло въ 3,4 раза или на 229,8⁰/₀. Правда, видно нѣкоторое неблагоприятное колебаніе въ школьномъ дѣлѣ городовъ: въ 1879 г. тамъ обучается одинъ изъ 21, а въ 1881 г.—одинъ изъ 27, но въ 1885 г. уже одинъ изъ 25,7; но за то окружное населеніе безостановочно преуспѣваетъ въ школьномъ дѣлѣ какъ абсолютно, такъ и относительно, и въ то время, какъ въ 1879 г. обучается тамъ только одинъ изъ 487,2 душъ, въ 1885 г.—уже обучается одинъ изъ 188,5, то-есть, здѣсь число учащихся только въ теченіе 6 лѣтъ возросло относительно въ 2,6 разъ или на 159,4⁰/₀, что составитъ среднее относительное приращеніе въ годъ до 26,6⁰/₀. Особенно интенсивно возрастаетъ число учащихся въ женскомъ населеніи и, преимущественно, опять въ округахъ: въ 1881 г. обучалась въ городахъ одна дѣвочка изъ 48 жит., а въ 1885 г.—изъ 35,7 жит., а въ округахъ—въ 1881 г.—одна дѣвочка изъ 1.235 жит., а въ 1885 г. одна изъ 348,5 жит.; то-есть, число учащихся дѣвочекъ относительно возросло въ городахъ въ 1,3 разъ, а въ округахъ—въ 3,5 разъ, то-есть, въ округахъ школьно-учебное дѣло женщинъ прогрессировало интенсивнѣе въ 2,7 разъ. Возстановочный ростъ школьнаго дѣла за последнее время рѣзко бросается въ глаза: еще въ 1881 г. было всего 59 учебныхъ заведеній, изъ коихъ одно приходилось, среднимъ

числомъ, на 7.135 душъ населенія, и всего черезъ 4 года въ 1885 г., число учебныхъ заведеній возросло уже до 127, то-есть, въ 2,1 разъ, а одно учебное заведеніе приходилось на 3.520,3 душъ, и опять-таки и въ данномъ отношеніи преимущественный ростъ на сторонѣ округовъ: въ городахъ число учебныхъ заведеній возросло съ 20 до 29 или на 45%, а въ округахъ—съ 39 до 98 или на 151,3%; въ городахъ же въ 1881 г. приходилось на одно учебное заведеніе 2.242 души, а въ 1885 г. 1.692,1 душъ, то-есть, на 32,5% меньше,—въ округахъ же въ 1881 г. на одно учебное заведеніе приходилось 9.645 душъ, а въ 1885 г.—всего 4.061,3 душъ, то-есть, на 137,5% меньше.

VII. Забайкальская область.

Переходимъ къ наиболѣе населенной области Восточной Сибири—Забайкальской, входящей нынѣ въ составъ Примурскаго генералъ-губернаторства.

Населеніе этой области, занимающей площадь въ 11.825 кв. миль, простиралось къ 1886 году до 529.903 душъ (277.121 м. и 252.782 ж.). Характеръ школьнаго дѣла въ значительной степени зависитъ здѣсь отъ состава населенія, въ который почти на дѣлу третью входятъ казаки; ихъ здѣсь, именно въ 1885 г., насчитывалось 161.256 душъ (30,4%); да и инородцы составляютъ здѣсь весьма видную часть населенія—157.468 душъ, или 29,9%, такъ что тѣ и другіе вмѣстѣ составляютъ болѣе $\frac{2}{3}$ (60,3%) населенія.

Въ этомъ районѣ насчитывалось въ 1885 г. 200 учебныхъ заведеній, изъ которыхъ приходилось на города 21 (10,5%), а на округа—179 учебныхъ заведеній (89,5%). Принимая во вниманіе, что городское населеніе простиралось до 23.867 душъ, 13.957 м. и 9.907 ж., а окружное—до 506.039 душъ (263.164 м. и 242.875 ж.), видимъ, что даже число учебныхъ заведеній въ городахъ абсолютно меньше, чѣмъ въ округахъ, въ 8,5 разъ, но относительно оно больше въ 2,5 разъ: въ городахъ одно учебное заведеніе приходится на 1.136,4 душъ, а въ округахъ—на 2.827. По всей же области одно учебное заведеніе приходится на 2.644 души обоого пола.

По разрядамъ, учебныя заведенія области состоятъ изъ 2 среднихъ—мужской классической гимназій въ Читѣ и реальнаго училища въ Троицкосавскѣ, 12 училищъ 3-го разряда (7 мужскихъ, 4 женскихъ и одно частное для обоого пола), да 186 низшихъ учебныхъ

заведеній (съ томъ числѣ 61 церковно-приходскихъ и 19 миссіонерскихъ).

Для большаго однообразія и ясности мы, по прежнему, отнесемъ училища 3-го разряда и низшія къ одной группѣ начальныхъ, и тогда окажется, что одно среднее учебное заведеніе приходится на 11,932 душъ, одна начальная школа на 2.676 душъ, и одна миссіонерская—на 7.761,4 инородцевъ.

Общее число учащихся во всѣхъ 200 учебныхъ заведеніяхъ простиралось до 6.287 чел.—5.166 м. и 1.121 д. Изъ этого числа на города приходится—1.333 учащихся (741 м. и 593 д.), а на округи 4.954 учащихся (4.425 м' и 529 д.). Стало быть, въ городахъ на учебное заведеніе приходится, среднимъ числомъ, по 63,5 учащихся, въ округахъ—по 62,7; учащіеся въ городахъ составляли 5,6% городского населенія, а въ округахъ—0,98 окружнаго населенія, а по всей области—1,2% населенія, то-есть, процентъ довольно крупный сравнительно съ другими районами Сибири, даже крупнѣе, чѣмъ въ Акмолинской области, и объяснить это можно именно тѣмъ, что здѣсь казачій элементъ относительно вдвое больше, чѣмъ тамъ (въ Акмолинской области онъ составляетъ 15,3%, и здѣсь 30,4% населенія), а отчасти тѣмъ, что инородческій элементъ здѣсь значительно меньше, чѣмъ тамъ (въ Акмолинской области онъ составляетъ 72,8%, здѣсь же всего 29,9%). Въ городахъ одинъ учащійся приходится на 17,9 душъ обоюго пола, а въ округахъ одинъ на 102,2 души, а по всей области—на 84,3 души.

Группируя учащихся въ городахъ и округахъ по поламъ, мы видимъ, что учащіеся мальчики въ городахъ составляютъ 5,4% мужскаго населенія, а учащіеся дѣвочки—почти 6%; въ округахъ же первые составляютъ 1,7%, а послѣднія 0,2%. Здѣсь рѣзко бросается въ глаза отсталость школьнаго дѣла въ женскомъ населеніи округовъ сравнительно съ городами: въ послѣднихъ процентъ учащихся дѣвочекъ даже больше процента учащихся мальчиковъ; въ округахъ же онъ меньше процента учащихся мальчиковъ въ 8,5 разъ, и въ то время, какъ, въ городахъ обучался одинъ мальчикъ изъ 18,8 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 16,7 женщинъ, въ округахъ обучался одинъ мальчикъ изъ 59,5 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 459,1 женщинъ, то-есть, уровень школьно-учебнаго дѣла въ городахъ и округахъ относится другъ къ другу—въ мужскомъ населеніи, какъ 59,5: 18,8, а въ женскомъ населеніи, какъ 459,1: 16,7. По всей же области учащіеся мальчики составляютъ 2,3% мужскаго на-

селенія, а учащіяся дѣвочки—0,4% женскаго населенія, то-есть, обучался одинъ мальчикъ изъ 53,6 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 225,5 женщинъ. Другими словами, разсматривая область въ цѣломъ, мы видимъ, что уровень школьно-учебнаго дѣла въ женскомъ населеніи въ 4,2 раза ниже, чѣмъ въ мужскомъ населеніи, но при обзорѣнии отдѣльно городовъ и округовъ оказывается, что въ послѣднихъ уровень школьно-учебнаго дѣла въ женскомъ населеніи ниже, чѣмъ въ первыхъ въ 27,5 разъ, между тѣмъ какъ въ мужскомъ населеніи онъ ниже только въ 3,1 разъ.

Посмотримъ теперь отношеніе учащихся къ контингенту дѣтей школьнаго возраста. По всей области таковыхъ, по исчисленію Вуняковскаго, должно быть 88.812—44.727 м. и 44.085 д., а въ отдѣльности въ городахъ 3.981—2.253 м. и 1.728 д., а въ округахъ 84.832—42.475 м. и 42.357 д. Стало быть, учащіяся по всей области составляютъ 0,07 дѣтей школьнаго возраста, въ городахъ 0,31, а въ округахъ—0,06; при этомъ изъ контингента мальчиковъ школьнаго возраста по всей области обучается въ школахъ 0,115, въ городахъ—0,329, а въ округахъ—0,104, изъ контингента же дѣвочекъ школьнаго возраста по всей области обучается въ школахъ 0,025 въ городахъ—0,343, а въ округахъ—0,012.

Для большей отчетливости мы теперь выдѣлимъ областной городъ Читы и изъ общаго числа городскихъ учебныхъ заведеній среднія.

Изъ 21 городского учебнаго заведенія на долю Читы приходится 10 (47,6%) съ 526 учащихся (39,5%)¹⁾, а на остальные города остается 11 учебныхъ заведеній (52,4%) съ 807 учащихся (60,5%). Такъ какъ населеніе Читы простиралось въ 1885 г. до 4.735 д. (3.447 м. и 1.284 ж.), а населеніе остальныхъ городовъ, вмѣстѣ взятыхъ, до 19.129 д. (10.510 м. и 8.619 ж.), то выходитъ, что число учебныхъ заведеній въ Читѣ было меньше числа учебныхъ заведеній въ остальныхъ городахъ только абсолютно въ 1,1 разъ, а относительно оно было больше въ 3,7 разъ: въ Читѣ одно учебное заведеніе приходилось на 473,5 душъ, а въ остальныхъ городахъ—на 1.739 душъ. Что же касается числа учащихся, то оно абсолютно въ Читѣ меньше, чѣмъ въ остальныхъ городахъ въ 1,5 разъ, но отно-

¹⁾ Вотъ учебныя заведенія Читы: классическая гимназія (2 кл.) съ 81 уч., женская прогимназія съ 104 уч., трехклассное горное училище съ 146 уч., 2 дѣтскихъ пріюта съ 11 м. и 42 д., елизаветинская школа съ 12 уч., повивальная школа съ 12 уч., начальная женская школа съ 44 уч. и миссіонерская школа съ 30 уч.

сительно оно больше въ 2,7 разъ: въ Читѣ одинъ учащійся приходится на 9 душъ, а въ другихъ городахъ — одинъ на 23,7 д.; въ Читѣ учащіеся составляютъ 11,1% населенія, а въ остальныхъ городахъ 4,2%; въ Читѣ школы посѣщало 0,67 дѣтей школьнаго возраста, а въ остальныхъ городахъ — 0,25. Такъ какъ въ составъ 526 учащихся въ Читѣ входитъ 324 м. и 202 д., а въ составъ 807 учащихся остальныхъ городовъ 417 м. и 390 д., то стало быть, въ Читѣ обучался одинъ мальчикъ изъ 10,6 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 6,4 женщинъ; въ остальныхъ же городахъ одинъ мальчикъ изъ 25,2 муж. и одна дѣвочка изъ 22,1 женщинъ.

Что касается средняго образованія, то его, собственно говоря, можно признать лишь за классическою гимназіей въ Читѣ, въ которой обучалось (въ 2-хъ классахъ) 81 ч., да за реальнымъ училищемъ въ Троицкосавскѣ съ 60 учащимися. Если взять изъ общаго числа учащихся въ городахъ этихъ 141 человекъ, то можно сказать, что начально-школьное дѣло (мы беремъ это слово въ болѣе широкомъ смыслѣ) въ городахъ выражается въ 19 учебныхъ заведеніяхъ съ 1.192 учащихся, что составитъ по одному учебному заведенію на 1.256 душъ населенія и на 62,7 учащихся; при этомъ на 1.000 душъ мужскаго пола обучается: въ городахъ 57 м., въ округахъ 17 м., а по всей области 18 м.; на 1.000 душъ женскаго пола въ городахъ 69 д., въ округахъ 2 д., а по всей области 4 д. Изъ 100 дѣтей школьнаго возраста посѣщало школы: по всей области 7, въ г. Читѣ 167, а въ прочихъ городахъ 25; при этомъ изъ 100 мальчиковъ школьнаго возраста посѣщало школы: во всей области 11 м. въ г. Читѣ 58 м., а въ прочихъ городахъ 25; изъ 100 дѣвочекъ школьнаго возраста въ области 2 д., въ г. Читѣ 90 д., а въ прочихъ городахъ 26 д.

Въ заключеніе замѣтимъ, что на чисто крестьянскія, казачьи и инородческія школы, числомъ 73 (36,5%), изъ общаго числа учащихся приходится 2.213 учащихся (2.016 м. и 197 д.) или 34,1% общаго числа учащихся въ области; въ томъ числѣ на 19 миссіонерскихъ школъ, предназначенныхъ спеціально для инородческихъ дѣтей, въ 1885 году приходилось 337 учащихся. При численности инородческаго населенія въ 157.468 душъ это составитъ по одному учащемуся на 467 душъ обоюго пола и по одному училищу на 8.287,8 душъ населенія и 17,7 учащихся, и всѣ учащіеся составляютъ 0,21% инородческаго населенія.

Слѣдующая таблица покажетъ наглядно положеніе и ходъ школьнаго дѣла въ Забайкальской области.

	Въ 1879 г.	Въ 1884 г.	Въ 1885 г.
Количество учебныхъ заведеній:			
а) въ городахъ	25	21	21
б) въ округахъ	77	126	179
в) во всей области .	102	147	200
Одно учебное заведеніе приходится на число душъ:			
а) въ городахъ	1.069, ^а	1.109, ^а	1.136, ^а
б) въ округахъ	5.990, ^а	3.933, ^а	2.827
в) во всей области .	4.784	5.293	2.614
Количество учащихся:			
а) въ городахъ	1.547	1.854	1.338
б) въ округахъ .	2.480	3.939	4.954
в) во всей области .	4.027	5.293	6.287
Въ томъ числѣ мальчиковъ:			
а) въ городахъ	1.034	701	741
б) въ округахъ	2.216	3.613	4.425
в) во всей области .	3.250	4.313	5.166
Дѣвочекъ:			
а) въ городахъ	513	653	592
б) въ округахъ	264	326	529
в) во всей области .	777	979	1.121
Процентное отношеніе къ общему числу учащихся:			
а) учащихся мальчиковъ.	80, ⁷	81, ^а	82, ^а
б) учащихся дѣвочекъ	19, ^а	18, ^а	17, ^а
Процентное отношеніе учащихся въ населенію:			
а) въ городахъ	5, ^а	5, ^а	5, ^а
б) въ округахъ .	0, ^а	0, ^а	0, ^а
в) во всей области .	0, ^{аа}	1, ^{аа}	1, ^{аа}
Обучался одинъ изъ сколькихъ душъ населенія:			
а) въ городахъ	17, ^а	17, ^а	17, ^а
б) въ округахъ	186	125, ^а	102, ^а
в) во всей области .	121, ^а	98	84, ^а
На 100 учащихся мальчиковъ обучалось въ школахъ дѣвочекъ:			
а) въ городахъ.	50	93	80
б) въ округахъ.	12	9	12
в) во всей области	24	22	23

Изъ этой таблицы можно сдѣлать болѣе благопріятный выводъ только по отношенію къ округамъ, гдѣ школьно учебное дѣло прогрессировало не только абсолютно, но и относительно: въ 1879 г. обучался здѣсь одинъ изъ 186, въ 1884 г.—одинъ изъ 125,8, а въ 1885 г. уже одинъ изъ 102,2; въ городахъ же оно относительно чаетъ солх, отд. 4.

регрессировало: въ 1879 г. обучался одинъ изъ 17,3, а въ 1885 г. одинъ изъ 17,9, при чемъ не дагѣ какъ въ 1884 г. обучался одинъ изъ 17,2—то-есть, въ теченіе одного года число учащихся относительно уменьшилось на 4%. Но за то женское образованіе относительно регрессируетъ для всей области: въ 1879 г. учащіяся дѣвочки составляютъ 19,3%, въ 1884 г. 18,5%, а въ 1885 г. 17,5%; въ 1879 г. на 100 учащихся мальчиковъ приходилось 24 учащіяся дѣвочки, а въ 1885 г. только 23, и это проявилось не только въ округахъ, но и въ городахъ. Въ 1884 г. на 100 учащихся мальчиковъ приходилось въ послѣднихъ 93 дѣвочки, а въ 1885 г. уже только 80, то-есть, на 16,2% меньше.

VIII. Якутская область.

Намъ остается еще разсмотрѣть школьно-учебное дѣло въ колоссальнѣйшемъ районѣ Восточной Сибири, въ Якутской области, занимающей пространство въ 71.352 кв. миль, то-есть, площадь, превышающую площадь любого европейскаго государства и растаянувшуюся между 73° и 141° восточной долготы и 54° и 73° сѣверной широты.

Къ январю 1886 г. на этой обширнѣйшей площади насчитывалось всего 23 учебныхъ заведенія (въ томъ числѣ 2 среднихъ). Такъ какъ крайне рѣдкое населеніе области простиралось въ это время до 251.896 душъ обоого пола, то, стало быть, одно учебное заведеніе приходилось на 10.952 душъ обоого пола. Но необходимо оговориться, что поглощающую часть населенія составляютъ якуты и другіе инородцы; тѣхъ и другихъ насчитываютъ именно 233.230 душъ—117.253 мужчинъ и 115.977 женщинъ (въ томъ числѣ однихъ якутовъ было 233.230 душъ). Стало быть, русское населеніе состояло всего изъ 18.666 душъ обоого пола, то-есть, изъ 7,4% всего населенія.

Изъ общаго числа учебныхъ заведеній на города приходится 9 и на округа 14. Это составитъ по одному учебному заведенію—въ городахъ на 821,1 душъ, а въ округахъ на 17.646,5. Другими словами, хотя число учебныхъ заведеній въ колоссальной площади округовъ и превышаетъ число учебныхъ заведеній въ городахъ абсолютно въ 1,6 разъ, но относительно оно меньше въ 21,2 раза.

Общее число учащихся въ области простиралось до 611 человекъ. Это составляетъ по одному учащемуся на 412,2 душъ населенія, 0,24% областного населенія и 0,016 дѣтей школьнаго возраста.

Изъ 611 учащихся на города приходится 413 (67,6%), а на округа 198 (32,4%). Стало быть, число учащихся въ городахъ превышаетъ таковое въ округахъ абсолютно въ 2,08 разъ, а относительно въ 68,8 разъ, ибо въ городахъ одинъ учащійся приходится на 17,8 душъ обоого пола, а въ округахъ—на 1.235 душъ. Въ городахъ учащіеся составляли 5,5% населенія, а въ округахъ 0,08%; въ городахъ учащіеся составляли 0,333 дѣтей школьнаго возраста, а въ округахъ—0,005.

Изъ общаго числа учащихся въ городахъ было 300 мальчиковъ (72,6%) и 113 дѣвочекъ (27,4%). Приходящіеся же на округа 198 учащихся были исключительно мальчики, а дѣвочекъ въ школахъ не обучалось ни одной. Имѣя въ виду, что 7,390 душъ городского населенія распредѣляются на 4.014 мужчинъ и 3.376 женщинъ, то стало быть, въ городскомъ населеніи обучался одинъ мальчикъ изъ 13,4 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 29,9 женщинъ; въ округахъ же дѣвочки вовсе не посѣщали школъ, а одинъ учащійся мальчикъ приходился на 624 души, то-есть, мужское образованіе было въ 46,5 разъ слабѣе, а женское — безконечно слабѣе. Въ городахъ изъ 100 мужчинъ 7,5 мальчиковъ и изъ 100 женщинъ 3,3 дѣвочекъ; въ округахъ же изъ 100 мужчинъ 0,16 мальчиковъ, а изъ 100 женщинъ 0 дѣвочекъ.

Изъ 9 городскихъ учебныхъ заведеній области, на одинъ городъ Якутскъ, съ 5.490 душъ населенія (3.056 мужч. и 2.434 женщ.), приходится 5 заведеній съ 302 учащимися—189 мальчиковъ и 113 дѣвочекъ, а на остальные города съ 1.900 душъ населенія (958 мужчинъ и 942 женщины) 111 учащихся. Стало быть, въ г. Якутскѣ приходится одинъ учащійся на 16,2 мужчинъ и одна учащаяся на 21,5 женщинъ, или одинъ учащійся на 18,2 душъ обоого пола. Учащіеся въ г. Якутскѣ составляютъ 5,5% городского населенія и 0,329 дѣтей школьнаго возраста, учащіеся въ остальныхъ городахъ 5,8% населенія и 0,348 душъ школьнаго возраста. Въ числѣ учебныхъ заведеній г. Якутска есть два съ характеромъ среднихъ, именно шестиклассная мужская гимназія съ 93 учащихся и духовная семинарія съ 46 учащихся. Если распредѣлить этихъ учащихся на все городское населеніе, то окажется, что среднее образованіе (хотя и неполное) выпало на долю одного изъ 28,9 мужчинъ; но изъ женщинъ ни одна его не получала, ибо женскую гимназію мы (какъ и вездѣ) къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ не причисляемъ.

Таблица, составленная по даннымъ 1879 и 1885 годовъ, можетъ

болѣе наглядно обрисовать положеніе школьнаго дѣла въ этой отдаленной области.

Въ 1879 г.   Въ 1885 г.

Количество учебныхъ заведеній:		
а) въ городахъ .	8	9
б) въ округахъ .	13	14
в) во всей области .	21	23
Одно учебное заведеніе на число душъ:		
а) въ городахъ .	921, ₂	821, ₁
б) въ округахъ .	18.048, ₁	17.646, ₂
в) во всей области	11.523, ₂	10.952
Количество учащихся:		
а) въ городахъ .	358	413
б) въ округахъ .	191	198
в) во всей области	549	611
Въ томъ числѣ мальчиковъ:		
а) въ городахъ .	329	300
б) въ округахъ .	187	198
в) во всей области	516	498
Дѣвочекъ:		
а) въ городахъ .	29	113
б) въ округахъ .	4	—
в) во всей области	33	113
Учащихся на одно учебное заведеніе:		
а) въ городахъ .	44, ₇	60, ₂
б) въ округахъ .	14, ₂	14, ₁
в) во всей области	23, ₂	26, ₂
Одинъ учащійся на число душъ:		
а) въ городахъ .	20, ₂	17, ₂
б) въ округахъ .	1.228, ₁	1.238
в) во всей области	441, ₂	412, ₂
Процентъ учащихся:		
а) мальчиковъ	93, ₂	81, ₂
б) дѣвочекъ .	6, ₁	18, ₂
Процентное отношеніе учащихся къ населенію:		
а) въ городахъ .	4, ₂	5, ₂
б) въ округахъ .	0, ₀₀₁	0, ₀₀₂
в) во всей области	0, ₂₂₂	0, ₂₂
Какая доля дѣтей школьнаго возраста въ области посѣщала школы		
	0, ₀₁₂	0, ₀₂₂

Мы видимъ такимъ образомъ, что если и нельзя призвать школьное дѣло въ Якутской области совершенно неподвижнымъ, то ростъ его совершается, во всякомъ случаѣ, очень медленно; за 6 лѣтъ число учащихся абсолютно возросло на 62 человѣка, то-есть, на

11,3%, или болѣе чѣмъ на 2% въ годъ; относительно же оно возросло всего на 9%, или на 1½% въ годъ. Да и этотъ скудный ростъ приходится преимущественно на города, въ округахъ же школьное дѣло даже уменьшилось относительно, хотя и на незамѣтную величину. Въ самомъ дѣлѣ, въ городахъ учащіяся въ 1885 г. составляютъ 5,5% населенія вмѣсто 4,8% въ 1879 г., а въ округахъ они въ 1885 году составляютъ 0,080% вмѣсто 0,081% въ 1879 году; въ городахъ въ 1885 г. приходится одинъ учащійся на 17,8 душъ вмѣсто 1 на 20,8 въ 1879 г., а въ округахъ въ 1885 г. приходится одинъ учащійся на 1.235 душъ вмѣсто 1 на 1.228,5 въ 1879 году.

Итакъ, въ разсмотрѣнномъ нами районѣ Восточной Сибири, занимающемъ 2 губерніи и 2 области и занимающемъ пространство въ 143.427,9 кв. миль, населенныхъ 1.636.903 душъ обоого пола (868.746 мужчинъ и 768.157 женщинъ), къ январю 1886 года считалось 597 учебныхъ заведеній съ 18.656 учащихся 13.962 мальчика (74,8%) и 4.694 дѣвочки (25,2%). Изъ этого общаго числа приходилось: на города 111 учебныхъ заведеній (18,4% съ 7.835 учащихся (42%)—5.007 мальчиковъ (35,8%) и 2.828 дѣвочекъ (60,2%), а на округа—486 учебныхъ заведеній (81,6%) съ 10.821 учащихся (58%)—8.955 мальчиковъ (64,2%) и 1.866 дѣвочекъ (39,8%). Стало быть, во всей Восточной Сибири приходилось по одному учебному заведенію на 2.686,6 душъ населенія и 85,9 учащихся, а въ отдѣльности, въ городахъ—одно учебное заведеніе на 1.141,2 душъ и 70,6 учащихся, а въ округахъ—на 3.107,5 душъ населенія и 22,3 учащихся. По всему району обучался одинъ изъ 87,7 душъ населенія, по городамъ—одинъ изъ 16,2 а по округамъ—одинъ изъ 139,6, то-есть, въ округахъ обучалось въ 8,6 разъ меньше народа. Изъ среды мужскаго населенія обучался—въ городахъ одинъ изъ 15,5, а въ округахъ одинъ изъ 88,3, а изъ среды женскаго населенія—въ городахъ одна изъ 19,4, а въ округахъ одна изъ 382,2 по всему же району—одинъ изъ 62,2 мужчинъ и одна изъ 163,6 женщинъ. Стало быть, по всему району число учащихся мальчиковъ превышало число учащихся дѣвочекъ въ 2,6 разъ, въ отдѣльности же, въ городахъ—въ 1,2 раза, а въ округахъ въ 4,3 разъ, причѣмъ въ городахъ обучается относительно больше—мальчиковъ—въ 5,7 разъ, а дѣвочекъ—въ 20 разъ.

Въ заключеніе приводимъ слѣдующую параллельную таблицу, обрисовывающую сравнительно положеніе школьнаго дѣла въ обѣихъ половинахъ Сибири.

	Въ Западной Сибирѣ.	Въ Вос- точной Сибирѣ.
Количество учебныхъ заведеній:		
а) въ городахъ.	196	111
б) въ округахъ .	653	486
в) во всемъ районѣ	849	597
Одно учебное заведеніе на число душъ:		
а) въ городахъ.	1.459,2	1.141,2
б) въ округахъ .	5.054	3.107,2
в) во всемъ районѣ	4.212,2	2.686,2
Количество учащихся:		
а) въ городахъ.	14.506	7.835
б) въ округахъ .	15.956	10.821
в) во всемъ районѣ	30.462	18.656
Процентъ учащихся:		
а) мальчиковъ .	74,2	74,2
б) дѣвочекъ	25,2	25,2
Процентное отношеніе учащихся къ населенію:		
а) въ городахъ.	5,22	6,2
б) въ округахъ.	0,22	0,2
в) во всемъ районѣ	0,2	1,1
Обучался одинъ изъ:		
а) мужчинъ.	81,2	62,2
б) женщинъ.	226,2	163,2
в) обоого пола .	117,2	87,2
Какая доля дѣтей школьнаго возраста обучается:		
а) въ городахъ .	0,222	0,222
б) въ округахъ .	0,222	0,221
в) во всемъ районѣ	0,222	0,222

С. Чудомеміи.

В. Я. СТОЮНИНЪ.

(неврологъ).

4-го ноября скончался извѣстный педагогъ, членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Владимиръ Яковлевичъ Стоюнинъ.

Покойный былъ питомцемъ 3-й С.-Петербургской гимназiи и С.-Петербургскаго университета, въ которомъ и кончилъ въ 1850 г. курсъ кандидатомъ историко-филологическаго факультета по разряду восточной словесности. Онъ однако не сдѣлался ориенталистомъ; еще будучи въ университетѣ, онъ занимался изученiемъ исторiи русской литературы и получилъ медаль за сочиненiе о Крыловѣ и Пушкинѣ. По окончанiи курса онъ занялъ мѣсто учителя русскаго языка и словесности въ той гимназiи, въ которой самъ учился, и вскорѣ успѣлъ приобрести извѣстность, какъ одинъ изъ лучшихъ преподавателей по этому предмету. Впослѣдствiи онъ занималъ нѣкоторое время должность инспектора въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ въ Москвѣ.

В. Я. Стоюнинъ много трудился для литературы; въ числѣ изданныхъ имъ сочиненiй есть учебники и этюды по педагогикѣ и исторiи русской литературы. Съ учебною цѣлью имъ изданы: „Высшiй курсъ русской грамматики“ (1855 г.), сочиненiе по своему времени очень замѣчательное, и два руководства, одно — для „теоретическаго изученiя литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ“, и другое — „для историческаго изученiя замѣчательнѣйшихъ произведенiй русской литературы“ (оба 1869 г.). Этими двумя руководствамъ предшествовалъ обширный трактатъ „О преподаванiи русской литературы“ (1864 г.), въ которомъ авторъ

имѣлъ случай высказать нѣсколько замѣчательныхъ соображеній какъ по методикѣ этого предмета, такъ еще болѣе по самой исторіи русской словесности, Затѣмъ, къ области педагогики относится нѣсколько статей, помѣщенныхъ В. Я. Стоюнинымъ въ періодическихъ изданіяхъ. По части исторіи литературы имъ были въ разное время напечатаны этюды о князѣ Кантемирѣ, Сумароковѣ, Княжнинѣ, Шишковѣ и Пушкинѣ; не представляя собою особенно глубокихъ научныхъ изслѣдованій, они отличаются живымъ пониманіемъ предмета и занимательностью изложенія.

Въ послѣдніе годы жизни В. Я. Стоюнинъ уже мало занимался литературой, но не покидалъ занятій педагогическихъ и руководилъ учебною частью въ частной женской гимназій, содержимой его супругой.

КУБЫШКА

(Aulularia).

Комедія Т. М. Плавта.

Судьбы греко-римскаго театра и его отношенія къ драматургiи новыхъ народовъ представляютъ занимательную страницу въ исторiи литературныхъ заимствованiй и влiянiй.

Извѣстно продолжительное влiянiе классической трагедiи на мiръ новый, выразившееся въ псевдо-классическихъ потугахъ романскихъ племенъ, а чрезъ романскiя племена и на славянъ, не отстававшихъ отъ своихъ сосѣдей въ литературныхъ стремленiяхъ. Но трагедiя, имѣвшая дѣло съ героями и богами, въ которыхъ не всѣ вѣрили, даже въ свое время не могла такъ сжиться съ новымъ человѣчествомъ, какъ старая комедiя, болѣе понятная своими житейскими положенiями, близкая своими вѣчными типами всему человѣчеству. Различны были боги стараго и молодаго человѣчества, но люди съ ихъ страстями, увлеченiями, привычками—были тѣ же, и сердца ихъ такъ же бились подъ парижскими корсетами, какъ и подъ греко-римскими строгiями. Хоть Кврицидъ и Сенека, въ оригиналахъ и передѣлахъ, и заставляли сильно биться эти сердца, но успѣхъ прославленныхъ трагиковъ-писателей не могъ быть такъ проченъ, какъ влiянiе комическаго писателя Плавта, котораго и сейчасъ съ наслажденiемъ смотритъ новый мiръ, если не въ оригиналѣ, то по крайней мѣрѣ въ передѣлкѣ Шекспира (*The comedy of errors*) или, по преимуществу, въ живой сценичной переработкѣ Мольера. Мольеръ талантливѣе своихъ предшественниковъ и потомковъ на драматическомъ поприщѣ пользовался Плавтомъ. Мольеръ бралъ у Плавта и остроумный стихъ, и комическое положенiе, и цѣлый характеръ; наконецъ бралъ цѣликомъ комедiю Плавта и чужое произведенiе излагалъ по своему, сообразуясь со вкусомъ и пониманiемъ своей публики. Изъ комедiи *Aulularia*, предлагаемой здѣсь въ переводѣ, Мольеръ заимствовалъ для своего „Скупаго“

(L'avare); кромѣ нѣкоторыхъ положеній, главный характеръ греко-римскаго Плюшкина и плавтовскій Евклионъ, преобразенный, или, вѣрнѣе, переименованный у Мольера въ Гарпагона, явился однимъ изъ увѣковѣченныхъ типовъ, сдѣлался нарицательнымъ именемъ скряги.

Впрочемъ и задолго до Шекспира и Мольера Плавтъ находилъ себѣ толкователей у разныхъ народовъ. Такъ, извѣстна одна латинская прозаическая передѣлка комедіи *Aulularia*, подъ названіемъ *Quogolus*, появившаяся еще въ V вѣкѣ и въ свою очередь переложенная въ стихи еще въ XII столѣтіи. Затѣмъ италянцы и англичане въ свою очередь передѣлывали и оригиналъ Плавта, и французскую копію Мольера. Даже юго-западные славяне видѣли на своей сценѣ Плавта въ половинѣ XVI столѣтія. Далматинскій писатель Маринъ Држичъ (род. ок. 1520 г., † ок. 1580 г.) поставилъ на сцену весною 1555 г. комедію „Skup“, которая была заимствована или, выражаясь словами автора, „*sva je ukradena... is Plauta*“¹⁾. Это сообщается въ прологѣ далматинской комедіи Сатиромъ, выступающимъ у Држича вмѣсто Плавтова Лара. Не останавливаясь подробно на множествѣ передѣлокъ Плавтовой Кубышки (*Aulularia*), замѣтимъ, что она и сама не оригинальна, что она по типу принадлежитъ къ такъ называемымъ *fabulae palliatae*, къ сценическимъ произведеніямъ, въ которыхъ зритель видитъ и греческіе нравы, и греческіе костюмы. Нѣкоторые изъ комментаторовъ Плавта даже называли авторомъ греческой комедіи Менандра, говорили, что въ оригиналъ комедія называлась *Φιλάργυρος* или *Θηραυρός*.

Все это подтверждалось такими непрочными доказательствами, что современные ученые школы Ричля отвергли такіа соображенія. Лучшими изданіями *Aulularia* Плавта въ настоящее время должны считаться изданія Гётца²⁾ и Лео³⁾; послѣдняго изъ нихъ держался и переводчикъ въ распредѣленіи текста. Фр. Лео воспользовался всѣмъ матеріаломъ, появившимся вслѣдъ за изданіемъ Гётца и внесъ въ текстъ свой нѣкоторыя перемѣны и въ порядкѣ рѣчи, и въ принадлежности реченій тому или другому лицу комедіи. Эти перемѣны касались второстепенныхъ лицъ, а именно невольниковъ, изъ которыхъ только одному суждено было играть важную роль въ развязкѣ комедіи, какъ увидимъ сейчасъ изъ ея содержанія.

¹⁾ Ztari pisci hrvatski. VII. Diela Marina Držića. U Zagrebu. 1875, стр. 189.

²⁾ T. M. Plavti *Aulularia* recensit Georgius Goetz. Lipsiae. MDCCCLXXXI. (T. M. Plavti comoediae recensit instrumto critico et prolegomenis avxit Fr. Ritschelios sociis operae adsumptis G. Loewe, G. Goetz, F. Schoell. Lipsiae. T. II. Fasc. I).

³⁾ T. M. Plavti comoediae recognovit *Fridericus Leo*. Vol. 1. Berolini¹⁾ MDCCCLXXXV.

Комедія начинается прологомъ, въ которомъ домовою (вѣрище Ларъ) разсказывается о томъ, какъ дѣдъ того домохозяина, у котораго онъ, Ларъ, пребываетъ, ввѣрилъ ему кубышку съ золотомъ и зарылъ ее подъ домашнимъ очагомъ. Старикъ умеръ, не сказавъ сыну о зарытомъ кладѣ; сынъ этого старика холодно относился къ домовому и умеръ, не зная о скрытомъ богатствѣ, оставивъ послѣ себя сына, который былъ также скупъ на должныя почести Лару, какъ его дѣдъ и отецъ. Но у старика Евклиона, героя комедіи, была дочь Федра, которая, тѣмъ могла, цествовала Лара; и онъ, въ вознагражденіе ея устроилъ такъ, что старикъ Евклионъ нашелъ у себя въ домѣ кладъ, чтобы быть въ состояніи приличіе выдать дочь, тѣмъ болѣе, что она уже была лишена чести какимъ-то молодымъ человѣкомъ во время празднествъ въ честь Цереры. Первый актъ самой комедіи начинается тѣмъ, что Евклионъ выталкиваетъ изъ дому старуху-служанку, чтобы въ отсутствіе ея убѣдиться, на мѣстѣ ли, сохранна ли кубышка съ золотомъ. Убѣдившись, что все въ порядкѣ, онъ приказываетъ служанкѣ возвратиться въ домъ, стеречь его и никого не впускать, пока онъ не возвратится; а идти изъ дому хоть и мучительно для него, но необходимо, потому что въ той части или куріи, къ которой принадлежитъ Евклионъ, будутъ бѣднякамъ раздаваться пособія; не идти за полученіемъ значило бы заявить о своей состоятельности, о своемъ богатствѣ, чего такъ боятся несчастный скряга. Второй актъ начинается бесѣдой Евклионова сосѣда, богатаго пожилаго холостяка Мегадора съ сестрой Евноміей о семейной жизни. Евномія предлагаетъ брату невѣсту съ хорошими придаными, отъ которой онъ отказывается, утверждая, что богатая жена доводитъ мужей до нищеты, и заявляетъ, что намѣренъ жениться на Федрѣ, дочери бѣдняка Евклиона. Возвращается Евклионъ, съ которымъ Мегадоръ и начинаетъ бесѣду и проситъ руки Федры. Евклионъ видитъ въ этомъ предложеніи желаніе Мегадора прибрать къ рукамъ дорогую кубышку и сначала отказывается Мегадору, но затѣмъ, заявивъ, что за своею дочерью, по бѣдности, не можетъ дать приданого, соглашается на этотъ бракъ. Довольный Мегадоръ, порѣшивъ, что свадьба будетъ сыграна въ тотъ же день, удаляется, а Евклионъ приказываетъ своей служанкѣ перемыть посуду, чтобы все было готово къ свадебному ужину. Евклионъ уходитъ на рынокъ за провизіей. Старуха ужасается при этомъ сообщеніи о свадьбѣ, такъ какъ для Федры наступитъ время родовъ. Послѣ того появляются на сценѣ Стробилъ или Пнеоникъ, слуга Мегадора, и нанятые повара Амераксъ и Конгріонъ. Мегадоръ закупилъ всѣ припасы для ужина и одну половину ихъ вишетъ съ поварамъ и флейтщицей послалъ въ домъ Евклиона, а другую оставилъ у себя. Во всѣхъ изданіяхъ Плавта, до появленія текста Фр. Лео, является въ

качествѣ слуги или дворецкаго Мегадора Стробилъ, распоряжающійся припасами и наемною прислугою Мегадора, командироваемаго въ домъ Евклиона, а вслѣдъ затѣмъ появляется новая личность — Пнеодикъ ¹⁾, въ качествѣ наблюдателя за поварями и, проговоривъ монологъ въ восемь стиховъ, исчезаетъ безслѣдно, а съ IV акта комедіи вновь появляется Стробилъ, № 2, въ качествѣ слуги Ликонида, племянника Мегадору, влюбленнаго въ Федру и бывшаго въ праздникъ Цереры виновникомъ ея невольнаго паденія. Комментараторовъ удивляло то обстоятельство, что имена слугъ у разныхъ лицъ одной комедіи одинаковы безъ надобности, то-есть, на совпадении именъ никакихъ *qui pro quo* въ комедіи не основывалось. Одни изъ комментаторовъ только заявляли такой странный на взглядъ фактъ, другіе брались объяснять, допуская, что и дядя (Мегадоръ) и его соперникъ племянникъ (Ликонидъ) живутъ въ одномъ домѣ, и невольникъ, прислуживавшій Мегадору въ первыхъ трехъ актахъ весьма легко могъ сдѣлаться слугою племянника съ IV-го акта комедіи. Но не слѣдуетъ забывать, что комедіи Плавта, покупавшіяся театральными антрепренерами, подвергались передѣлкамъ, сокращеніямъ, прибавкамъ и перестановкамъ текста вскорѣ уже послѣ появленія ихъ въ свѣтъ. Въ средніе вѣка переписчики продолжали искаженіе текста по невѣдѣнію, по безграмотности, а въ эпоху Возрожденія уже вслѣдствіе непрошеннаго усердія и грамотные люди по своему передѣлывали текстъ Плавта, измѣняя одно, выпуская другое, вставляя третье по произволу ²⁾. Еще Гётцъ ранѣе изданія *Aululariae* замѣтилъ, что у Плавта, вѣроятно, былъ на мѣстѣ Стробила № 1 — Пнеодикъ, и что досужіе люди могли замѣнить Пнеодика Стробиломъ, чтобы, какъ думалъ и Дзятко, „тѣснѣе ссрѣнить связь между Мегадоромъ, съ одной стороны, и Ликонидомъ съ Евноіей — съ другой, показавъ этимъ, что они не только жили вмѣстѣ, но имѣли и одного невольника“ ³⁾. Дзятко замѣтилъ при этомъ, что въ тѣхъ четырехъ мѣстахъ текста, гдѣ встрѣчается имя Стробилъ, также легко укладывается въ стихъ и имя Пнеодикъ ⁴⁾. Въ той же замѣткѣ находимъ иногда перестановку въ именахъ поваровъ — Конгріона и Анеракса. Такую перестановку допускаетъ и Лео въ своемъ текстѣ, которому слѣдовалъ и русскій переводчикъ. — Итакъ, Пнеодикъ (или Стробилъ № 1) приводитъ поваровъ и флейтицницу, присланныхъ Мегадоромъ въ домъ Евклиона, въ его отсутствіе, а затѣмъ является съ рынка и

¹⁾ *Eitodicus servus...* Въ изд. Гетца, стр. VIII п 43.

²⁾ *Модестовъ*, Плавтъ и его значеніе въ университетскомъ преподаваніи, стр. 10—11.

³⁾ *Zur Aulularia des Plautus. Rhein. Museum.* B. 37, p. 267.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 268.

разочарованный Евклионъ: цѣна на всю провинцію, которую онъ хотѣлъ купить для свадебнаго пира, такъ дорога, по его словамъ, что онъ возвращается съ пустыми руками и вдругъ слышитъ, что въ его домѣ говорится къ-мъ-то и что-то о кубышкѣ.. Этого вполне достаточно, чтобъ ошеломить скрягу, который убѣжденъ уже въ пропажѣ своей завѣтной кубышки, чѣмъ и заканчивается второй актъ. Третій актъ начинается воплиаи Конгріона, избитаго Евклиономъ, который, по возвращеніи домой, неожиданно встрѣтилъ у себя въ домѣ незваныхъ-нежданныхъ поваровъ и флейтщицу. Послѣ объясненій съ Конгріономъ Евклионъ видитъ возвращающагося съ форума Мегадора, который въ монологахъ высказываетъ мысль, какъ опасно жениться на богатой дѣвушкѣ, какія требованія предъявляютъ богатыя жены, и какъ надѣдають толкущіеся у дверей поставщики „различныхъ вздоровъ“, требующіе уплаты по счетамъ. Весьма любопытенъ монологъ, въ которомъ перечисляются эти, такъ-сказать, „тюремщики“ въ дверяхъ людей, живущихъ на большую погу. Ни въ одномъ произведеніи древности не сгруппировано столько предметовъ дамскаго туалета и греко-римскихъ модъ. На сколько правятся Евклиону жалобы Мегадора на излишнюю роскошь женъ, которая доводитъ мужей до нищеты, на столько же пугаетъ его обѣщаніе Мегадора подкупить его, Евклиона, въ этотъ вечеръ. Евклионъ видитъ въ этомъ намѣреніи Мегадора средство похитить его безцѣнную кубышку и хочетъ унести ее изъ дому и сохранять въ храмѣ богини Вѣрности (Fides), чѣмъ и оканчивается третій актъ. Четвертый актъ начинается разсужденіями Стробила (№ 2-й, по прежнимъ изданіямъ), Ликонидова невольника, объ обязанностяхъ вѣрнаго слуги, исполняющаго безпркословно порученія своего господина. На этотъ разъ господинъ поручилъ ему разузнать, что дѣлается въ домѣ Евклиона, такъ какъ Ликонидъ услыхалъ о помолвкѣ Федры съ Мегадоромъ. Но появляется Евклионъ, не замѣчающій Стробила, и молитъ Вѣрность беречь ввѣренное ей сокровище, то-есть, кубышку съ золотомъ. Стробила подслушиваетъ слова Евклиона и разчитываетъ воспользоваться кубышкой; но Евклионъ замѣчаетъ Стробила, подозрѣваетъ въ похищеніи кубышки, обыскиваетъ Стробила, подозрѣваетъ, что онъ имѣлъ сообщника, который роется въ храмѣ Вѣрности, бѣжитъ въ храмъ и хоти находить кубышку въ цѣлости, не вѣрить болѣе Вѣрности и намѣревается перепрятать кубышку въ роцѣ, посвященной Сильвану, за городомъ, въ сторонѣ отъ дороги. Стробила, конечно, незамѣтно подслушиваетъ, бѣжитъ въ роцъ Сильвана и влѣзаетъ на высокое дерево, чтобы видѣть, гдѣ Евклионъ зароетъ свое сокровище. По удаленіи обоихъ, на сцену являются Ликонидъ съ матерью, Евноміей, которую онъ и спрашиваетъ переговорить съ дядей на счетъ Федры; Евномія надѣется, что дядя, узнавъ о состояніи

Федры, откажется от нея въ пользу племянника; а за сценой въ это время раздаются болѣзненные вопли рождающей женщины. Евномія идетъ къ брату, а Ликонидъ, слѣдующій за нею, удивляется тому, что не встрѣтилъ Стробила, которому поручено было дожидаться господина у дома Евкліона. Всадъ за нимъ мимоходомъ появляется и Стробилъ, успѣвшій подгнать кубышку Евкліона и отправляющійся домой, чтобы припрятать благопріобрѣтенное сокровище. По удаленіи его вбѣгаетъ обокраденный Евкліонъ, успѣвшій зашѣтить похищеніе кубышки, обращающійся къ зрителямъ съ мольбою указать ему вора, съ бранью, въ которой не стѣсняясь высказываетъ, что не смотря на цѣвныя выраженія ихъ лицъ и одежду цвѣта невинности (и достоинства) онъ знаетъ, что между ними немало воровъ. Евкліону, послѣ потери богатства, и жизнь становится въ тягость. По вопли его услышаны въ домѣ Мегадора. Оттуда выходитъ Ликонидъ и при видѣ растерявшагося Евкліона сознаетъ всю тяжесть своего преступленія, предположивъ, что позоръ Федры убиваетъ старика, и въ самомъ началѣ бесѣды заявляетъ, что онъ, Ликонидъ, виновникъ зла, которое гнететъ Евкліона. Евкліонъ, ничего не зная о положеніи дочери и думая единственно о кубышкѣ, упрекаетъ молодого человѣка въ томъ, что онъ безъ спросу „касается не принадлежащаго ему“. Это комическое *qui pro quo* продолжается до той поры, пока Ликонидъ не разъясняетъ дѣла и не сообщаетъ Евкліону объ отказѣ Мегадора отъ брака съ Федрой. Евкліонъ, узнавъ отъ Ликонида, что сдѣлался дѣдушкой, уходитъ въ горѣ домой, чтобы лично убѣдиться во всемъ, чѣмъ и заканчивается четвертый актъ.

Пятый актъ дошелъ до насъ въ не оконченномъ видѣ. На сценѣ Стробилъ, невольникъ Ликонида, который похвальною своею дорогою находкой, и Ликонидъ, давно ожидавшій его, какъ мы уже видѣли. Одинъ желаетъ похвастаться предъ господиномъ благопріобрѣтенною кубышкой съ намѣреніемъ выкупиться на волю, другой желаетъ узнать отъ слуги что-нибудь о Федрѣ. Услыхавъ о находкѣ Стробила, Ликонидъ тотчасъ соображаетъ, что Стробилъ у Евкліона стянулъ деньги и требуетъ ихъ возвращенія; но Стробилъ, не ожидавшій такой развязки, отказывается отъ своего перваго показанія о находкѣ и говоритъ, что просто пошутилъ, по своему обыкновенію, и что господинъ „ничего болѣе отъ него не добьется“.

На этихъ словахъ прерывается текстъ комедіи, развязка которой впрочемъ извѣстна изъ предшествующаго комедіи „содержанія“ (*argumentum*), въ которомъ сообщается, что украденная кубышка неожиданно возвращается Евкліону, и Евкліонъ на радостяхъ соглашается выдать дочь свою за Ликонида.

Еще въ XV столѣтіи Болонскій профессоръ Antonius Codrus Urceus (1446—1500) сдѣлалъ попытку дополнить или закончить обитую временемъ

„Кубышку“ Плавта, а вслѣдъ за нимъ такой же опытъ сдѣлалъ Ioh. Ph. Raucus (1546—1648), но эти попытки ни по стилю, ни по композиціи не считаются достойными оригинала. Въ первой изъ нихъ скупой Евкліонъ мѣняетъ свой нравъ и дѣлается вдругъ великодушнымъ; во второй хотя и нѣтъ такого скачка въ обрисовкѣ характера, но за то находятъ мало драматичности, недостатокъ движенія, и Евкліонъ, которому Ликонидъ хочетъ возвратитъ завѣтную кубышку, не является болѣе на сценѣ. Во всякомъ случаѣ, тѣ немногія, не дошедшія до насъ, сцены V-го акта „Кубышки“ едва ли прибавили бы что-нибудь для характеристики дѣлаго. Ученый эпохи Возрожденія могъ даже быть правъ, могъ поступать въ духѣ Aululariæ, заставляя Евкліона разомъ измѣнять свой характеръ. Примѣръ къ тому въ греко-римской драматургіи представляютъ „Братья“ (Adelphi) Теренція, въ которыхъ брюзгливый и скупой Демей, во всемъ представляющій протавоположность гуманному и щедрому Миціону, тоже вдругъ въ концѣ комедіи мѣняется и даже въ щедрости идетъ далѣе своего чиваго брата. Не въ томъ дѣло—допускалъ или не допускалъ Плавтъ такую метаморфозу въ характерѣ своего героя въ утраченныхъ сценахъ, а въ томъ: какъ смотрѣть на дошедшія до насъ сцены? На сколько оригинальна эта комедія, не смотря на свою видимую греческую виѣшность? На сколько жизненны лица, выводимыя въ ней? Какое мѣсто занимаетъ она въ ряду другихъ комедій, дошедшихъ до насъ съ именемъ Плавта? Наука только мимоходомъ задѣвала эти вопросы, и не только въ ней не рѣшенъ главный изъ нихъ—о степени оригинальности комедіи, но даже не установился взглядъ на характеръ главнаго дѣйствующаго лица.

Считая излишнимъ пересказывать здѣсь исторію виѣшней и взглядовъ на этотъ характеръ, припомнимъ только взглядъ на него одного изъ достойнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, всегда самостоятельно относившагося къ литературнымъ явленіямъ не только современности, но и прошлаго.

Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Шевыревъ въ своей прекрасной статьѣ „Плавтъ и Теренцій“¹⁾ обратилъ вниманіе на характеръ Евкліона.

Приведа монологъ Евкліона (Актъ II, сц. 7), въ которомъ онъ жалуется на рыночную дороговизну провизіи, заставившую его ограничиться покупкою дешеваго куренья да вѣнка изъ живыхъ цвѣтовъ на алтарь Лара, Шевыревъ замѣтилъ: „Я въ этихъ словахъ какъ будто слышу и вижу римлянина; здѣсь я увѣренъ, что Плавтъ не переводилъ Менандра, а списывалъ съ природы римской. Извѣстно, что древніе римляне были скупы—и этотъ характеръ Евкліона былъ въ римскихъ нравахъ“.

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. XIX, стр. 47—51.

А нѣсколько ранѣе, указавъ на характеръ комедіи: „Амфитріонъ“ (Amphitruo), „Близнецы“ (Menaechmi), „Хвастливый воинъ“ (Miles Gloriosus), въ которыхъ Шевыревъ видитъ комизмъ фарса, а не комизмъ характеровъ, онъ переходитъ къ нашей Aulularia (которую называетъ „Шкатулкой“). „Въ ней“, говоритъ онъ, — „видимъ характеръ. Конечно, онъ представленъ въ каррикатуру, онъ преувеличенъ, онъ вообще маска, а не живое лицо; но есть въ немъ многія черты живыя. Вы не найдете теперь такихъ скулыхъ въ нашемъ образованномъ обществѣ, вы не найдете человѣка, который былъ бы привязанъ къ своей шкатулкѣ съ деньгами и ходилъ бы зарывать ее изъ угла въ уголь, и у Мольера такой скупой есть карриатура, снятая съ Плавтовой комедіи; но Плавтъ или Менандръ, вѣроятно, снимали съ природы. Въ нашемъ необразованномъ обществѣ, въ нашихъ купцахъ и крестьянахъ, можно найти еще дикіе образцы этой животной скупости, этой матеріальной привязанности къ своей кубышкѣ съ золотомъ. Теперь ужъ скупость вѣдять въ каретахъ, живетъ въ пышныхъ чертогахъ; теперь она расточительна для другихъ и скупа только для себя“.

„Каррикатурность“ въ обрисовкѣ характера Евкліона признавалась не только русскимъ ученымъ поавѣка тому назадъ, но признается и современнымъ нѣмецкимъ переводчикомъ Плавта Биндеромъ, который тоже видитъ въ Aulularia — „Carrikaturstück“ ¹⁾. Словомъ, если Шевыревъ и ошибался на счетъ „каррикатурности“ въ изображеніи Евкліона, то ошибался не одинъ; за то во взглядѣ его на сословность, такъ сказать, въ проявленіи скупости онъ сдѣлалъ несомнѣнный промахъ: въ то самое время, какъ русскій ученый высказывалъ свои нѣнія и на счетъ каррикатурности въ изображеніи характера, и на счетъ „необразованной“ скупости, удамивающей за горшкомъ съ деньгами, русскій художникъ, помимо Плавтовъ и Мольеровъ, рѣзкими чертами набрасывалъ типичный портретъ русскаго „образованнаго“ скряги, который няичется не съ дорогою кубышкой, наполненной золотомъ, какъ Евкліонъ, а съ клочкомъ бѣлой бумаги, съ заплѣсневлымъ сухаремъ и также заподозриваетъ всѣхъ и каждого въ наѣбреніи обворовать его. И если въ изображеніи Плюшкина нельзя не признать полной жизненной правды, то нельзя отказать въ ней и изображенію Евкліона. Правда, одинъ изъ нихъ драпировался допотопнымъ татарско-русскимъ халатомъ, а другой греко-римскимъ палатомъ, но всмотритесь въ ихъ внутреннюю фizioномію, вслушайтесь въ логику ихъ рѣчей и невольно согласитесь, что это родные братья, не смотря на то, что ихъ раздѣляетъ двадцать одно столѣтіе.

¹⁾ Т. М. Plautus Lustspiele, d. Goldtopf, p. 5.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ларъ

Евкліонъ, старикъ.

Стафила, старуха, его служанка.

Мегадоръ, богатый старикъ.

Евномія, его сестра.

Ликонидъ, ея сынъ.

Стробилъ, невольникъ Ликонида.

Писодикъ, невольникъ Мегадора.

Анеракъ } повара.

Конгріонъ }

Фригія } флейтщицы.

Элевзія }

Дѣйствіе происходитъ въ Аеннахъ. Театръ представляетъ улицу. Дома Евкліона и Мегадора стоятъ рядомъ. Въ отдаленіи видна роща съ храмомъ богини Вѣрности.

С о д е р ж а н і е.

Скупой старикъ, суровый Евкліонъ,
 Подъ очагомъ въ своемъ родимомъ домѣ,
 Находитъ кладъ — кубышку съ кучей денегъ.
 Отъ радости себя не помня, онъ
 Ее опять глубоко зарываетъ
 И сторожитъ. Но равьше Ликонидъ
 Невинности лишаетъ дочь скупого;
 А между тѣмъ богатый Мегадоръ,
 Сестрой своей подбитый на женитьбу,
 На дочери скупого радъ жениться;
 И Евкліонъ согласіе даетъ.
 Но все боясь за цѣлость денегъ въ домѣ,
 Въ другихъ мѣстахъ старикъ скрываетъ кладъ;
 Но скраденъ онъ слугою Ликонида.
 А Ликонидъ упрашиваетъ дядю,
 Чтобъ онъ ему невѣсту уступилъ.
 Погибшій кладъ скупому возвращаютъ
 Негаданно-нежданно для него,
 И Евкліонъ согласенъ выдать дочь,
 На радостяхъ, за Ликонида замужъ.

Прологъ.

Ларъ.

Чтобъ зрители ни мало не дивились ¹⁾,
 Скажу, кто я: я здѣшній Ларъ ²⁾, и дому,
 Откуда я пришелъ, принадлежу,
 Ужь много лѣтъ живу я въ этомъ домѣ,
 И блюлъ за нимъ и при отцѣ, и дѣдѣ
 Того, кому теперь принадлежить онъ.
 Его-то дѣдъ и ввѣрилъ мнѣ съ мольбою
 Богатый кладъ и, тайно ото всѣхъ,
 Зарылъ его подъ очагомъ домашнимъ,
 Прося, чтобъ я сокровище стерегъ.
 И умеръ онъ; на столько былъ онъ жаденъ,
 Что не сказалъ о кладѣ даже сыну:
 Желалъ его оставить въ нищетѣ,
 Чтобъ сохранить зарытое богатство;
 И сыну онъ оставилъ лишь неважный
 Клочекъ земли, тяжелый трудъ и бѣдность.
 Когда отецъ, довѣрившій мнѣ кладъ,
 Скончался, сталъ я наблюдать за сыномъ, —
 Не будетъ ли почтительнѣе онъ
 Ко мнѣ, чѣмъ былъ его отецъ; но сынъ
 Напротивъ былъ на почести скупѣ,
 И меньше чтялъ меня и уважалъ
 И я предъ нимъ въ долгу не оставался...
 И умеръ онъ, оставивъ только сына,

¹⁾ Ne quis miretur qui sim... (v. 1). Обыкновенно выходилъ предъ началомъ представленія актеръ, сообщавшій или содержаніе комедіи, или обстоятельства, уясняющія постановку произведенія на сцену, какъ напримѣръ у Теренція Prologus; но здѣсь является Ларъ.

²⁾ Ego Lar sum familiaris (v. 2). Ларъ, домашній богъ, покровитель „семьи“, въ родѣ нашего домового; раньше думали, что души усопшихъ, заботясь о близкихъ людяхъ, являлись къ нимъ и заботились о личности ихъ и даже объ ихъ ниществѣ. Въ каждомъ семействѣ былъ *фамиліальный ларъ*. Прологъ комедіи *Aulularia*, въ которомъ излагается завязка пьесы, считается характернымъ для изложенія значенія Ларовъ. Въ русской наукѣ пишется специальное изслѣдованіе *R. Scharbe: De genis, manibus et laribus. Casnovi. 1854. О Ларахъ — стр. 81 и слѣд.*

Который здѣсь теперь живетъ, съ такимъ же
 Характеромъ, какъ дѣдъ, и какъ отецъ.
 Имѣетъ онъ единственную дочь,
 Которая на мой алтарь приносить
 Порой вино, порой благоуханій,
 И чувствуетъ меня хоть чѣмъ-нибудь,
 Вѣнки мнѣ вѣты! ¹⁾ и въ благодарность ей
 Устроилъ я, что позабытый владѣ
 Отысканъ былъ отцомъ ея, который
 Съ богатствомъ могъ скорѣе выдать замужь
 Дѣвицу-дочь, лишенную ужъ чести
 Однимъ юнцомъ высокаго полета.
 Тому юнцу извѣстно — кто она.
 На оборотъ она его не знаетъ.
 Отецъ о томъ не знаетъ ничего.
 Сегодня же устрою, что ее
 Старикъ сосѣдъ въ замужство пожелаетъ;
 И это я продѣлаю затѣмъ,
 Чтобы на ней женился обольститель.
 Притомъ старикъ сосѣдъ придется дядей
 Тому юнцу, который обезчестилъ
 Дѣвицу въ ночь мистерій элевзинскихъ ²⁾.
 А вотъ и мой скупой кричитъ ужъ дома —
 Таковъ его обычай! выгоняетъ
 Старуху, чтобъ о владѣ не узнала.
 Увѣренъ я, что хочетъ онъ взглянуть
 На золото — въ сохранности ли полной?

¹⁾..... ea mihi cottidie

aut ture aut vino aut aliqui semper supplicat, dat mihi coronas....v. 22—24.

Изображенія Ларовъ помѣщались въ божницѣ (lararium), находившейся, обыкновенно, на очагѣ дома. Въ жертву имъ приносились первые плоды, вино, куренія (ладонь), и вѣнки, надѣвавшіеся на нихъ, какъ сообщается и въ приводимомъ здѣсь текстѣ Плавта.

²⁾... qui illam stuprarit noctu, Cereris vigiliis... (v. 36).

Это греческій праздникъ Цересовій (Церерофорія) въ честь Цереры, который праздновали женщины въ продолженіи трехъ дней въ Афинахъ и Эвееѣ, по ночамъ. Во время такихъ празднованій совершалось не мало насилій, если вѣрить писателямъ древности. Въ Epidicus (IV актъ, I сц.) Плавта, въ комедіяхъ Несуга (arg.) и Rhognion (V актъ, 9 сц.) Теренція, находимъ указанія этого: то же встрѣчаемъ въ трагедіи Еврипида — Ioh.

А К Т Ъ I.

Сцена I.

Евклионъ и Стафила.

Евклионъ (выгоняя Стафилу изъ дома).

Пошла! сказалъ тебѣ — пошла отсюда!
 Клянусь — сейчасъ пойдешь ты у меня,
 Лазутчица глазастая, отсюда.

Стафила.

За что же бьешь несчастную меня?

Евклионъ.

Чтобъ ты была дѣйствительно несчастной...
 Чтобъ не ушла судьбы тебя достойной.

Стафила.

Но изъ дому зачѣмъ же выгоняешь?

Евклионъ.

Вотъ такъ сейчасъ и дамъ тебѣ отчетъ,
 Избойна! ¹⁾ Подальше отъ дверей-то!
 Сюда! Смотри, какъ важно выступаетъ!
 Не знаешь, что съ тобой сегодня будетъ?!
 А вотъ возьму я палку или бичъ —
 Такъ и пойдешь не черепашьимъ шагомъ.

Стафила.

Да лучше мнѣ сейчасъ же удавиться,
 Чѣмъ у тебя служить . . .

Евклионъ.

Еще бормочетъ,

Негодная, ворчитъ себѣ сквозь зубы!

¹⁾ . Stimulorum seges. (v. 45).

Это трудное для русской передачи выраженіе переводится словомъ „избойна“ въ его этимологическомъ смыслѣ. Едва ли это не латинское, чѣмъ

Dir, moinst du, soll ich Rede steh'n, du Stachelsaat?

Какъ передавалъ извѣстный у немцевъ переводчикъ Плавга—Доннеръ (Die Lustspiele des Plautus, III Bd., p. 126). То же самое и въ переводѣ В. Вандера (T. M. Plautus Lustspiele, X Bd., p. 11).

Я выколю глаза тебѣ, клянусь я,
 Чтобъ не могла подсматривать за мной.
 Иди же!... ну!... еще... еще немного...
 Довольно! стой!... И тронься только съ мѣста
 На персть одинъ, на ноготокъ — не больше —
 Да оглянись, пока я не дозволю,
 Клянусь, тебѣ на висѣлицѣ бытъ!
 Миѣ кажется, и съ роду не видалъ
 Еще такой разбойницы старухи.
 Боюсь ее: она меня обманеть,
 И сдуру я въ ловушку попадусь;
 Подстережетъ она, пожалуй, ловко —
 Гдѣ золото хранится у меня:
 У ней глаза вѣдь есть и на затылкѣ...
 Пойди — взглянуть на золото мое:
 Сохранно ли, на мѣстѣ ли, гдѣ скрыто?
 Ужь какъ же я, несчастный, этимъ мучусь.

Сцена II.

Стафила.

Что за бѣда съ хозяиномъ стряслась,
 И отъ чего безуміе такое —
 Не объяснить и не придумать даже!
 О какъ же я несчастна! Десять разъ
 На дно меня выталкиваетъ онъ!
 Не знаю, что находятъ на него:
 То по почамъ не дрыхнетъ опъ совѣмъ,
 То дни сидитъ, и изъ дому ни шагу,
 Ни дать ни взять — хромой бапмачникъ-сидѣнь.
 Не знаю, какъ и-скрыть бѣду съ хозяйкой:
 Пришла пора родить бѣдняжкѣ Федрѣ.
 Не знаю, что придумать въ этомъ дѣлѣ...
 Какъ поглядишь, придется, видно, мнѣ
 Въ длиннѣйшую изъ литеръ превратиться,
 Опутавши веревкой крѣпкой шею ¹⁾.

¹⁾ ex me ut unam faciam litteram
 longam ... (v. 77 — 78).

Подразумѣвается юта, которой уподобляется висѣльщикъ.

Сцена III.

Евклионъ, Стафила.

Евклионъ.

Я выхожу теперь съ спокойнымъ сердцемъ,
Увѣрился, что дома все въ порядкѣ...
(Стафила) Теперь войди и наблюдай за всѣмъ.

Стафила.

За чѣмъ же мнѣ прикажешь наблюдать-то?
Чтобъ самый домъ, быть можетъ, не украли?
Вѣдь нѣтъ у насъ поживы для воровъ:
Лишь пустота, да паутина всюду.

Евклионъ.

Давлюсь и я, зачѣмъ Юпитерь самъ,
Хоть для тебя бы, вѣдьма, не придумалъ
Меня въ царя Филиппа превратить,
А то бы могъ и въ Даріа ¹⁾!... Желаю,
Чтобъ въ цѣлости была и паутина ²⁾...
Я бѣденъ — что жъ? терплю и не сарываю,
И что даютъ мнѣ боги, то несю.
Ступай домой, замкни покрѣпче двери,
А я сейчасъ приду сюда. Смотри же,
Ко мнѣ кого чужаго не впусти.

Стафила.

А за огнемъ придуть ко мнѣ сосѣди?!

Евклионъ.

Такъ потуши, и повода не будетъ
Искать огня... и ежели огонь

¹⁾ *Mirum quin tua me causa faciat Juppiter
Philippum regem aut Darioum nunc, trivenefica* (с. 85—86).

Богатства вѣликъ царей въ древности вошли въ пословицу.

²⁾ *agapeas mi ego illas servari volo* (с. 87).

Некоторые думаютъ, что Евклионъ бережетъ пауковъ, какъ предвѣстниковъ счастья; но нашему, нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ такому толкованію.

Замѣчу я, такъ ты сама потухнешь
 Въ мгновеніе... а кто воды попроситъ —
 Скажи, что нѣтъ, что вышла. Зачастую
 Приходятъ къ намъ за ступкой, за пестомъ,
 И за ножомъ, и за сѣкирой,—словомъ,
 За утварью домашней отъ сосѣдей —
 Скажи, что нѣтъ, что воры утащили,
 И словомъ—я хочу, чтобы никто,
 Въ отсутствіи моемъ, не смѣлъ являться
 Ко мнѣ, въ мой домъ. И говорю публично,
 Хоть завернетъ Благая къ намъ Фортуна,
 Ты и Благой Фортуны не пускай ¹⁾!

Стафила.

Клянусь, она сама не завернетъ,
 Я думаю, она остережется...
 Хоть и близка, а къ намъ не подойдетъ ²⁾).

Евклионъ.

Молчать!.. домой!..

Стафила.

Молчу и ухожу.

Евклионъ.

Смотри, запрясь покрѣпче на задвижки,
 А я сейчасъ опять вернусь домой.

Сцена IV.

Евклионъ.

Мнѣ изъ дому ходить—одно мученье!
 Да и теперь иду я по неволѣ:

¹⁾ . Si Bona Fortuna veniat, ne intro miseris. (v. 100).

Была и Mala Fortuna.

²⁾ . ad aedis nostras numquam adit, quamquam prope est (v. 102).

Комментаторы думаютъ, что недалеко отъ дома Евклиона былъ храмъ Благой Фортуны, на который указываетъ выраженіе *prope est*; но вѣрнѣе допустить, что Стафила указываетъ на богатый домъ сосѣда Мегадора.

Сегодня намъ магистромъ куріальнымъ,
 Какъ онъ сазалъ, раздача денегъ будетъ ¹⁾.
 И не пойдя, не попроси я только —
 Сейчасъ же всё и заподозрять разомъ,
 Что золото есть въ домѣ у меня.
 И было бы весьма невѣроятно,
 Чтобы бѣднякъ не оцѣнилъ и мелочь,
 Чтобы не сталъ просить себѣ хоть нуммъ ²⁾.
 Хотя я отъ всёхъ рачительно скрываюсь,
 Чтобы никто не могъ смекнуть о кладѣ,
 Но, кажется, уже всё узнали тайну,
 Уже всё меня привѣтствуютъ нѣжибе,
 Чѣмъ нѣкогда, подходятъ, говорятъ,
 И руки жмутъ; спрашиваютъ всё —
 Здоровъ ли я, что дѣлаю, чѣмъ занятъ...
 Пора идти къ раздачѣ, а потомъ
 Вернусь домой, какъ только можно будетъ.

А К Т Ъ ІІ.

Сцена І.

Евномія, Мегадоръ.

Евномія.

Надѣюсь, братъ, поймешь мои слова:
 Я говорю по родственному долгу
 Съ желаніемъ полезнаго тебѣ,
 Обязанность сестры я исполняю.
 Считаютъ насъ назойливыми — знаю,
 И говорятъ, что мы болтливы всѣ,

¹⁾ nam noster nostrae quisq; magister curiae
 dividere argenti dixit nummos in viros (v. 107—108).

Въ Римѣ было тридцать курій, подъ начальствомъ *магистровъ куріальныхъ*, которые соответствовали тѣмъ, кого греки называли *триккоруос*. Эти тридцать дѣлений народа римскаго вели начало свое отъ Ромула. Начальникъ куріи бѣднякамъ нерѣдко раздавалъ вспомошествованіе.

²⁾ . quin nummum petat (v. 112).

Нуммъ равнялся двумъ драхмамъ, а иногда означалъ просто мелкую монету; *нитти* обозначало просто деньги. Ср. русское—*деньга*.

Что женщины нѣмой напрасно будешь
 Въ нашъ вѣкъ искать... А все же, милый братъ,
 Не забывай хотя о томъ: на сколько
 Влзка къ тебѣ сестра твоя, на столько
 Мнѣ близокъ братъ—и, стало быть, обонимъ
 И разсуждать объ общей пользѣ нужно.
 У насъ съ тобой не можетъ быть и тайнъ—
 Изъ страха мы скрывать не будемъ правды.
 Да будетъ же во всемъ у насъ взаимность!
 Я вызвала тебя сюда секретно —
 Поговорить съ тобой о важномъ дѣлѣ.

Мегадоръ.

Такъ по рукамъ, о, лучшая изъ женщинъ!

Евномія.

Да гдѣ жъ она? и кто она такая?

Мегадоръ.

Все ты же!

Евномія.

Я?

Мегадоръ.

Но если отрицаешь,
 Тогда и я не буду утверждать.

Евномія.

Ужь говори правду! Не возможно
 Прекраснѣйшей изъ женщинъ и искать:
 Одна другой, вѣдь, хуже, братъ.

Мегадоръ.

Увѣренъ,
 И въ споръ вступать на этотъ счетъ не стану.

Евномія.

Прошу тебя,... два слова и не больше...

КУВЫШЕА.

МЕГАДОРЪ.

Призывай и говори, что хочешь.

ЕВНОМІА.

А что наша полезнымъ для тебя,
О томъ къ тебѣ и прихожу съ совѣтомъ.

МЕГАДОРЪ.

По своему, сестра, и поступаешь.

ЕВНОМІА.

Желаю я...

МЕГАДОРЪ.

Чего, сестра? скажи.

ЕВНОМІА.

Желаю я, чтобы обзавелся ты
Женой, дѣтьми—да созволять боги ¹⁾,
Что было бы на вѣкъ тебѣ во благо.

МЕГАДОРЪ.

Какой ударъ наносишь!

ЕВНОМІА.

Почему же?

МЕГАДОРЪ.

А потому что сотрясенье мозга
Я получу какъ разъ отъ словъ подобныхъ:
Твоя слова, что камень!

ЕВНОМІА.

Полно, сдѣлай.

Какъ говорить тебѣ сестра.

¹⁾ ...ita di faxint... (v. 149).

Иными эти слова приписываются Мегадору.

МѢГДОРЪ.

Пожалуй,
Понравится, такъ я и соглашусь.

Евномія

Вѣдь говорю въ твою же только пользу.

МѢГДОРЪ.

Да я умру скорѣе, чѣмъ женюсь.
Но на одномъ условіи, пожалуй,
Женюсь, на комъ тебѣ угодно: если
Жена придетъ ко мнѣ, положимъ завтра,
А черезъ день ее мы похоронимъ.
И я не прочь жениться на такомъ
Условіи, на комъ сестра желаетъ...
Такъ снаряжай и свадьбу хочь сейчасъ...

Евномія.

Какое, братъ, приданое получишь!..
Не молода, а будетъ средникъ лѣтъ...
Велишь, такъ я носватаю охотно...

МѢГДОРЪ.

Позволишь ли задать тебѣ вопросъ?

Евномія.

Прошу, давай вопросъ какой угодно.

МѢГДОРЪ.

Положимъ я женюсь на склонѣ лѣтъ,
На женщинѣ такихъ же лѣтъ, и если
Она на грѣхъ случайно понесетъ,
Какъ думаешь?—вѣдь ния для ребенка
Придумано давно уже: Постумъ ¹⁾).

¹⁾ ...quin sit paratum nomen puero Postumus? (v. 164).

„Постумомъ“ назывался рожденный по смерти отца, или хотя и при жизни его, но послѣ составленія завѣщанія таинке; и послѣдній по времени появленія на свѣтъ изъ дѣтей носилъ это имя.

Но я хочу, сестра, тебя избавить
 Отъ всѣхъ заботъ на счетъ моей женитьбы.
 По милости боговъ и нашихъ предковъ
 Не бѣдуй я! и, права, не забочусь
 О пышности, о славѣ, о приданомъ,
 Не нужно мнѣ народныхъ одобреній,
 Почетныхъ мѣстъ, роскошныхъ колесницъ,
 Богатыхъ паллъ и пурпурной одежды ¹⁾:
 Расходъ на нихъ мужей приводитъ къ рабству...

Евномія.

На комъ же ты рѣшилъ жениться, братъ?

Мегадоръ.

Скажу тебѣ: вѣдь ты сосѣда знаешь...
 Вѣдникъ старикъ... зовется Евклиономъ?

Евномія.

Ну знаю я! Хорошій человекъ!..

Мегадоръ.

Его-то дочь дѣвницу и желаю
 Сосватать... ты, сестра, не спорь напрасно.
 Ты возразишь, конечно, что она
 Бѣдна!.. бѣдна, но мнѣ пришлось по праву.

Евномія.

И пусть тебѣ помогутъ боги!

¹⁾ ...pallaa, purpuram,.. (ч. 168).

Палла—верхняя одежда римлянки, накидываемая въ родѣ шали. Уишь накидывать паллу дѣлалось римскими щеголихами. Палла накидывалась на лѣвое плечо, и была принадлежностью только римлянокъ свободнаго званія. Впрочемъ длинная палла составляла также одежду актеровъ. *Пурпуръ* (какъ матерія) выдѣлывался обыкновенно изъ шерсти, а впоследствии изъ шелка, льна и хлопчатой бумаги. Краска пурпурная была двухъ цвѣтовъ — черная и красная. Краска отличалась замѣчательною прочностью. Самымъ дорогимъ считался тирскій пурпуръ. Фунтъ матеріи, окрашенной въ немъ, стоилъ больше тысячи денаріевъ (Прописевъ, кн. II, отд. I, 225—226).

МЕГАДОРЪ.

Самъ

Надѣюсь я на это...

Евномія.

Можетъ быть,
Чего-нибудь еще ты пожелаешь бы?

МЕГАДОРЪ.

Здорова будь!

Евномія.

Прощай, любезный братъ!

МЕГАДОРЪ.

Пойду сейчасъ къ сосѣду, если дома...
Да вотъ и онъ! откуда-то идетъ...

Сцена II.

Евклионъ и Мегадоръ.

Евклионъ.

Моя душа предчувствовала ясно,
Что изъ дому бесплодно выхожу я.
Я нѣ хотя отправился туда,
И никого тамъ не было изъ нашихъ,
Не приходилъ туда и самъ магистръ,
Хотя на немъ лежать раздача денегъ.
Спѣшу домой! Я здѣсь витаю тѣломъ,
Душою — тамъ...

Мегадоръ.

Желаю, Евклионъ,
Здоровымъ быть и счастливымъ!

Евклионъ.

Спасибо!

Мегадоръ.

Ну, какъ твои дѣлишки?

КУБИШКА.

Евклионъ (въ сторону).

Не случайно
Богачъ весьма привѣтливъ съ бѣднякомъ.
Узналъ, что есть кубышка у меня,
И потому привѣтствуетъ нѣжнѣе.

Мегадоръ.

Такъ, видно, все идетъ благополучно?

Евклионъ.

Не слишкомъ-то: хоть въ денежныхъ дѣлахъ...

Мегадоръ.

Клянусь, когда душа твоя спокойна,
Такъ можешь жить въ довольствѣ, Евклионъ.

Евклионъ (въ сторону).

Клянусь, ему старуха разказала
О золотѣ!.. Теперь ужъ это ясно.
Постой же! я отрубжу ей языкъ
И выколю глаза.

Мегадоръ.

О чемъ съ собою

Бесѣдуешь?

Евклионъ.

Да, жалуюсь на бѣдность.
Имѣю дочь въ лѣтахъ, изъ безприданницъ,
Которую и замужъ мнѣ не сбыть.

Мегадоръ.

Не торопись, мужайся, Евклионъ,
И выдашь дочь, а я тебѣ помощникъ...
Лишь заяви, приказывай, что нужно..

Евклионъ (въ сторону).

Ужъ требуетъ... хоть самъ дастъ на взглядѣ!
Разинулъ пасть на золото мое,

Чтобъ проглотить... Въ одной рукѣ онъ держитъ
 Голышъ, въ другой, по видимому, хлѣбъ...
 Не вѣрю я богатому, который
 Бываетъ щедръ на ласку къ бѣднякамъ:
 Не даромъ онъ ему протянетъ руку...
 Видали мы такихъ полиповъ ловкихъ,
 Которые, къ чему не прикоснутся,
 Прицѣплятся...

Мегадоръ.

Прошу тебя, постой...
 И въ двухъ словахъ замѣчу я о дѣлѣ,
 Которое не чуждо намъ обоямъ—
 Тебѣ и мнѣ!...

Евклионъ.

Ужъ чувствую бѣду!
 Ужъ золото забагрено!... ¹⁾ понятно,
 Насчетъ его войдти онъ хочетъ въ сдѣлку...
 Узнаю я всю правду только дома.

Мегадоръ.

Куда идешь?

Евклионъ.

Сейчасъ же возвращусь,
 Лишь загляну домой, сосѣдъ.

Мегадоръ.

Ну право,
 Какъ только я упомяну ему
 О дочери, и попрошу въ замужство,
 Подумаетъ, что я надъ нимъ смѣюсь,

¹⁾ ...aurum mi intus harpagatumst (v. 201).

Глаголь harpagare—забагрить—придуманъ Плавтомъ, какъ и многія слова во мично составленныя имъ. Впрочемъ и у грековъ былъ глаголь ἀρπάγειν. Отъ греческо-латинскаго ἀρπάγειν—harpago, въ значеніи крикъ, багоръ и также алчность (у Грековъ); въ передѣлкѣ Мольера, на мѣстѣ Евклиона, является Гарпагонъ.

Изъ бѣдняковъ едва ли гдѣ найдется,
Еще скупой такой же, какъ сосѣдъ?

Евклионъ.

Еще хранить меня благіе боги!
Въ порядкѣ все!... ничто еще не сгибло!
А я дрожалъ не мало. Передъ тѣмъ
Какъ мнѣ войдти, безъ памяти я былъ...
Ну вотъ и я вернулся, Мегадоръ,
И радъ служить тебѣ...

Мегадоръ.

Благодарю.

Прошу тебя не погрѣвиться, если
Я предложу тебѣ вопросъ—другой.

Евклионъ.

Конечно, ты и спрашивать не будешь,
О чемъ и мнѣ не ловко говорить.

Мегадоръ.

Скажи, каковъ, по твоему, мой родъ?

Евклионъ.

Почтенный родъ!

Мегадоръ.

А мой кредитъ?

Евклионъ.

Въ порядкѣ.

Мегадоръ.

На счетъ моихъ поступковъ что замѣтишь?

Евклионъ.

Не знаю я ни подлыхъ, ни дурныхъ.

Мегадоръ.

Лѣта мои, конечно, знаешь?

Евклионъ.

Знаю.

Не мало ихъ, какъ денегъ у тебя.

Мегадоръ.

Блянусь, всегда тебя я называлъ,
Какъ и теперь, достойнымъ гражданиномъ.

Евклионъ.

Пронюхалъ онъ мою кубышку... Что же,
Скажи — чего ты хочешь отъ меня?

Мегадоръ.

А такъ какъ мы давно другъ друга знаемъ,
То и прошу въ замужство дочь твою,
Что было бы намъ всѣмъ тронмъ во благо...
Такъ согласишься и выдай за меня.

Евклионъ.

Ахъ, Мегадоръ! достойно ли тебѣ
Надъ бѣднякомъ смѣяться — не вредившимъ
Ни твоему семейству, ни тебѣ?
Не заслужилъ ни словомъ, ни дѣлами
Такихъ рѣчей со стороны твоей...

Мегадоръ.

Блянусь тебѣ, я вовсе и не думалъ
Осмѣивать тебя, и не смѣюсь.
И ты, по мнѣ, не заслужилъ насмѣшекъ.

Евклионъ.

Зачѣмъ же ты въ замужство просишь дочь?

Мегадоръ.

Чтобъ чрезъ меня тебѣ же было лучше,
А чрезъ тебя и чрезъ твоихъ — и мнѣ.

Евклионъ.

Что мнѣ на мысль приходитъ, Мегадоръ:
Ты человекъ богатый, сильный; я же

Изъ бѣдняковъ бѣднякъ... теперь положимъ,
 Что я бы дочь и выдалъ за тебя:
 И каждому тогда на мысль пришло бы
 Какъ разъ, что ты играешь роль вола,
 А я — ослъ! Въ одной съ тобой упряжкѣ,
 Не въ силахъ грузъ тяжелый волочить,
 Осленокъ — я залягу въ грязной тинѣ,
 А ты мой волъ, забудешь обо мнѣ,
 Какъ будто ты не звалъ меня бѣдняжку.
 И ты со мной сурово обойдешься,
 Да и мой меня же осмѣютъ.
 Какъ только мы съ тобою разойдемся,
 Я стояла себѣ ужь не найду.
 Ослы меня зубами истерзаютъ,
 Быки меня подымутъ на рога...
 Бѣда ослу — табунъ ослиный бросить
 И перейти къ быкамъ могучимъ въ стадо. ¹⁾

Мегадоръ.

Чѣмъ ближе ты сроднишься съ честнымъ людемъ,
 Тѣмъ лучше всѣ дѣла твои пойдутъ...
 Такъ принимай предложенное мною,
 Послушайся, отдай мнѣ дочь свою.

Евклионъ.

За ней вѣдь вѣтъ приданого.

Мегадоръ.

Не надо!

Была бы лишь дѣвица благонравна, —

Евклионъ.

Но я сказалъ за тѣмъ, чтобъ ты не думалъ,
 Что у меня сокровища найдешь.

Мегадоръ.

Я знаю самъ! напрасно говоришь ты...
 Такъ по рукамъ?!...

¹⁾ Hoc magnum est periculum ab asinis ad boves transcendere (v. 235).
 Въ некоторыхъ текстахъ прибавлено me postъ periculum.

Евклионъ.

Да будетъ такъ!.. Юпитеръ!..

Погибну я!..

Мегадоръ.

Да что съ тобой?

Евклионъ.

Какой-то

Раздался звукъ!.. Какъ будто отъ желѣза!.. (уходитъ).

Мегадоръ.

Въ моемъ саду... велѣлъ его вскопать...
 А гдѣ же онъ? ушелъ, не давъ отвѣта.
 Ломается, неожиданно услышавши,
 Что я ищу его почтенной дружбы...
 Ужь таковы людскіе нравы всюду:
 Когда богачъ приходитъ къ бѣдняку
 За помощью, — бѣднякъ обыкновенно
 Бойтся съ нимъ сойтись; и оттого
 И дѣло онъ ведетъ всегда неладно,
 А пропустивъ благоприятный случай,
 Жалѣеть онъ потомъ, хоть слишкомъ поздно.

Евклионъ (возвращаясь, Стафила)

Клянусь тебѣ, Стафила: если только
 Я не велю тебя обезьязничать — ¹⁾
 Сама вели кастрировать меня...

Мегадоръ.

Не подавалъ я повода тебѣ
 Считать меня, въ лѣтахъ моихъ преклонныхъ,
 Достойнымъ лишь насмѣшекъ...

Евклионъ.

Нѣтъ, клянусь,

Я не смѣюсь, да если бъ и хотѣлъ я,
 Такъ нѣтъ и средствъ на это.

¹⁾ Si hercle ego te non elinguandam dedero usque ab radicibus... (v. 250).
 Ellinguatio — γλωσσοτομία.

КУБЫШКА.

МЕГАДОРЪ.

Ну такъ что же?

Отдашь ли дочь?

Евклионъ.

Согласенъ, но на тѣхъ
Условіяхъ и только съ тѣмъ приданымъ,
Которыя тебѣ уже извѣстны.

МЕГАДОРЪ.

Такъ выдаешь?

Евклионъ.

Согласенъ!

МЕГАДОРЪ.

Пусть же боги

Помогутъ намъ!

Евклионъ.

Да помогаютъ боги!

Но не забудь при этомъ Мегадоръ:
Ты порѣшилъ, что дочь моя ни мало
Приданого тебѣ не принесетъ.

МЕГАДОРЪ.

Забуду ли!

Евклионъ.

Я знаю вашу братью:

Для васъ пустякъ—въ условіяхъ напутать:
И договоръ у васъ—не договоръ.
Не договоръ—сочтется договоромъ,
И все, какъ вамъ понравится.... ¹⁾

¹⁾ Pactum non pactumst, non pactum pactumst, quod vobis (v. 260).

У Теренція въ *Форміонѣ* (v. 947—950) читается кѣчто, напоминающее слова

Плавта:

Quid vos, malum! ergo me sic iudificamini,
Inepti, vostra puerili sententia?

„Nolo, volo; volo, nolo rursus; cape, cedo“.

Quod dictum, indictum'st; quod modo erat ratum, irritum'st.

МЕГАДОРЪ.

Не будетъ

У насъ съ тобой объ этомъ препирательствѣ,
А что бы намъ сегодня не сыграть
И свадьбы?

ЕВКЛИОНЪ.

Что жъ? придумалъ ты прекрасно!

МЕГАДОРЪ.

Итакъ пойду, начну приготовляться.
Еще чего не хочешь ли?

ЕВКЛИОНЪ.

О, нѣтъ!

МЕГАДОРЪ.

Да будетъ такъ! прощай! А ты, Пиеодикъ,
Иди за мной на рынокъ.... да скорѣе ¹⁾.

ЕВКЛИОНЪ.

Ушелъ онъ! вотъ что значить золото, боги!
Я убѣжденъ: ужь вѣрно онъ слышалъ,
Что у меня сокровище есть дома.
И жаждетъ онъ.... поэтому и началъ
Наставать на счетъ родства со мной.

Сцена III.

ЕВКЛИОНЪ. СТАФИЛА.

ЕВКЛИОНЪ.

Да гдѣ же ты, навравшая сосѣдамъ,
Что я даю приданое за Федрой?
Тебя зовутъ!.. Стафила!.. Ты не слышишь!
Поторопись сосуды наши вымыть

¹⁾ ... Nens, Pythodice, sequere prope te ad massellim strone.... (v. 264).
Такое чтеніе принято Фридрихомъ Лео. Во всѣхъ изданіяхъ согласно съ кодексами, принято Strobile вм. Pythodice.

Почище... я просвѣтала нынче дочь.
Сегодня мы отпразднуемъ и свадьбу.

Стафиа.

Безсмертные да помогаютъ!.. Только
Никакъ нельзя!.. внезапно слишкомъ это!

Евклионъ.

Молчи, пошла!.. да ты смотри, чтобъ было
Готово все къ приходу моему.
Кругомъ запиры!.. а я сейчасъ вернусь.

Стафиа.

И что теперь я стану дѣлать? намъ,
И мнѣ, самой, и дочери хозяйской,
Бѣда грозитъ; ужь наступаютъ роды...
Какой позоръ! узнаютъ всѣ объ этомъ;
И, смотришь все, что было шито—крыто,
Теперь нельзя ужь болѣе таять...
Пойди теперь, къ хозяйскому приходу
Пристроить все, что велѣно... Борсь,
Чтобъ не пришлось мнѣ пить изъ горькой чаши.

Сцена IV.

Преодикъ, ¹⁾ Анеракъ, Конгрюнъ.

Преодикъ.

Хозяинъ мой, припасы закупивши,
И поваровъ, и флейтщицъ нанялъ разомъ
На форумъ, и далъ такой приказъ,
Чтобъ я разбилъ припасы на двѣ части.

Анеракъ. ²⁾

Скажу при всѣхъ: меня не раздѣлишь,
Но если взять всего меня желаешь,
Такъ приложу старанія свои.

¹⁾ Во всѣхъ изданіяхъ, кромѣ вышущаго Фридрихомъ Лео, здѣсь называется Стробила.

²⁾ У Лео—Анеракъ, въ другихъ изданіяхъ—Конгрюнъ.

Конгрюнь ¹⁾.

Прелестное, невинное дитя,
Доступное для всѣхъ, ты не захочешь
Дѣланнымъ быть, когда тебя попросятъ?!

Пнеодикъ ²⁾.

Я говорилъ не въ томъ конечно смыслѣ,
Въ какомъ меня ты, Анераксъ, понималъ. Ничего
Хозяинъ мой свою справляетъ свадьбу. ³⁾

Анераксъ.

Чью дочь беретъ?

Пнеодикъ.

Сосѣда Евкліона, ..

И приказалъ къ нему же отослать
Изъ всѣхъ своихъ запасовъ половину,
Да повара, да флейтщицу.

Анераксъ.

Итакъ,

Сосѣду дать придется половину
Другую же оставить у себя?

Пнеодикъ.

Ну, да!

Анераксъ.

А что жъ? на собственный-то счетъ
Старикъ не могъ ужъ брачный пиръ устроить?

Пнеодикъ.

Старикъ-то?... Пфуй!

Анераксъ.

Такъ въ чемъ же значить, дѣло!

¹⁾ Въ другихъ изданіяхъ—Анераксъ.

²⁾ Въ другихъ изданіяхъ—Конгрюнь.

³⁾ Эта послѣдняя фраза во всѣхъ изданіяхъ, кромѣ Лео, приписана Стробилу.

БУВЫШКА.

Пнеодикъ.

Такъ дѣло въ чемъ? Да только въ томъ, что немца
И та не такъ суха, какъ Евкліонъ.

Анораксъ.

И будто такъ?

Пнеодикъ.

Какъ говорю! подумай!
Взываетъ онъ къ богамъ и людямъ вѣчно,
Кричитъ, что онъ убить и разоренъ,
Когда ему хоть печь топить придется.
А спать пойдетъ—затягиваетъ глотку
Веревочкой тугой своей мошны.

Анораксъ.

Зачѣмъ же?

Пнеодикъ.

Чтобъ не выпустить случайно,
Въ глубокомъ снѣ хоть часть своей души ¹⁾.

Анораксъ.

Конечно онъ вѣдь также затыкаетъ
И нижнее отверстіе, боясь,
Что выпуститъ хотя частичку духа?...

Пнеодикъ.

Взаимно мы должны другъ другу вѣрить.

Анораксъ.

И вѣрю я.

Пнеодикъ.

Но, знаешь ли? Клянусь,
Воды—и той жалѣетъ, умываясь.

¹⁾ То-есть, чтобы цѣле были деньги Евкліонъ, какъ многіе римляне (и по римляне), надували на шею дешевый вѣшокъ.

АНОРАКСЪ.

А знаешь что?—едва ли у него
Большой талантъ мы выпросимъ на выкупъ! ¹⁾

Пнеодикъ.

Да попроси хоть голода—не дастъ.
Когда ему цирюльничекъ рѣжетъ ногти,
Сбираетъ онъ обрѣзки и уносить.

АНОРАКСЪ.

Какъ видится изъ словъ твоихъ, онъ—скрага!

Пнеодикъ.

Подумай, какъ онъ скупъ и вмѣстѣ жалокъ:
Однажды лунь изъ-подъ носа у скраги
Схватилъ кусокъ чего-то изъ съѣстнаго.
Что жъ? онъ пошелъ вѣдь къ претору съ печали,
И требовалъ, съ слезами, съ громкимъ воплемъ,
Чтобы на судъ былъ вытребованъ лунь.
И я бы могъ тебѣ припомнить сотни ²⁾
Подобныхъ дѣлъ, да времени-то нѣтъ...
А кто изъ васъ двоихъ попрытче будетъ?

АНОРАКСЪ.

А все же я и много лучше буду...

Пнеодикъ.

Не забудь: не воръ, а поваръ нуженъ.

АНОРАКСЪ.

О поварѣ и я вѣдь говорю.

Пнеодикъ (обращаясь къ Конгріону).

Что скажешь ты?

¹⁾ talentum magnum... (v. 309).

Аттический большой талантъ, въ шестьдесятъ минъ или шесть тысячъ драхмъ, что равнялось 1456 р. съ кон.

²⁾ Въ оригиналѣ: sescenta sunt, quae nemo potest (v. 320).

КУБЫШКА.

КОНГРІОНЪ.

Я весь передъ тобой,
Какъ видишь самъ.

АНЕРАКСЪ.

Онъ поваръ поминальный,
Въ девятый день онъ страпаетъ обѣдъ ¹⁾.

КОНГРІОНЪ.

И смѣешь ты, трехлитерный, позорить
Меня? ахъ, воръ!

АНЕРАКСЪ.

Ты воръ, и трижды воръ ²⁾!

ПНОДИКЪ.

Да замолчи! а изъ ягнять, изъ пары,
Возьми того, который пожирнѣе...

АНЕРАКСЪ.

Пожалуй!...

ПНОДИКЪ.

А другаго, Конгріонъ,
Возьми съ собой и прямо къ Евклиону
Ступай... (слугамъ) и вы за нимъ туда идите;
(остальнымъ слугамъ) А вы при насъ останетесь.

КОНГРІОНЪ.

Дѣлежъ-то

Несправедливъ! ягненокъ ихъ жирнѣе.

¹⁾ *Cocus ille pundinallist, in nonum diem
volet ire coctum...* (v. 324—325).

Эти слова Плавта объясняются различно: *pundinallis* можетъ называться поваръ, который умѣетъ готовить только немногія извѣстныя кушанья, употребляшіяся въ 9-й день смерти чьей-либо, на поминкахъ, или поваръ, который имѣетъ работу только въ „пундлинъ“, въ день торга, когда посѣщали Римъ деревенскіе соседніе жители, то-есть, каждый девятый день; и отъ такого повара нельзя было требовать искусства.

²⁾ Въ другіяхъ изданіяхъ эти слова составляютъ продолженіе рѣчи Конгріона.

Пиоодикъ.

За то у васъ жирѣе музыкантша...
Итакъ, за нимъ ты, Фругія, иди,
А ты у насъ, Элевзія, останься.

Конгрюнь.

Лукавъ же ты, Пиоодикъ! ты назначилъ
Меня служить ужаснѣйшему скрягѣ!
Вѣдь если же понадобится мнѣ —
До хрилоты я накричусь, покуда
Мнѣ выдадутъ.

Пиоодикъ.

Ты глупъ, неблагодаренъ!...
И для тебя не стоило трудиться ¹⁾.

Конгрюнь.

Но какъ же?

Пиоодикъ.

Какъ!! Да ранѣе всего
Не будетъ тамъ народу, — суматохи;
Все нужное ты изъ дому захватишь
И принесешь, не тратя лишнихъ словъ.
А вотъ у насъ, въ хоромахъ будетъ куча
Своихъ, чужихъ, да утварь, да одежда...
А золото! а серебро!... а вазы..!
И что-нибудь утратится... (я знаю:
Воздержень ты, какъ нечего стянуть!)...
Утратится — и скажутъ: поварами
Утащено... ловите ихъ, вижите,
Вичуйте ихъ, сажайте въ подземелье ²⁾.

¹⁾ У Лео: *Stultus et sine gratia es.*

(*tibi recte facere, quando quod facias perit!*) (v. 337—338).

Въ другихъ наданіяхъ — *Stultum et sine gratia'st*

ibi recte facere, quando, quod facias, perit.

²⁾ *In puteum condite...* (v. 347).

Puteum или *puteus* обозначало — и яму, и колодезь, и темницу въ землѣ, вродѣ колодезя, въ которомъ заключали рабовъ въ наказаніе.

И ничего съ тобой не приключится:
Стянулъ бы ты, да нечего. Иди
За мной.

КОНГРИОНЪ.

Иду.

Пнеодикъ ¹⁾).

Стафила! отопри!

Сцена V.

Тъ же и Стафила.

Стафила.

Кто тамъ?

Пнеодикъ ²⁾).

Пнеодикъ!

Стафила.

Что тебѣ угодно?

Пнеодикъ.

А вотъ прими ты этихъ поваровъ
Да флейтщицу и всѣ запасы къ свадьбѣ:
Велѣлъ послать все это Мегадоръ
Сосѣду Евклиону.

Стафила.

Ахъ, Пнеодикъ!

Цереринъ бракъ справлять, какъ видно, будутъ!

Пнеодикъ.

А что?

Стафила.

Да я напитоковъ-то не вижу ³⁾).

¹⁾ У Лео, конечно, вслѣдствіе недосмотра, находимъ — Стробила.

²⁾ Въ этой сценѣ, по изданію Лео, Пнеодикъ заивщаетъ Стробила другяхъ недавнѣй.

³⁾ Стафила: Cererin, Pythodice, has sunt facturi nuptias?

Пнеодикъ.

Появятся они, какъ только съ рынка
Вернется самъ домой.

Стафила.

Но вѣдь у насъ
Полѣна дровъ не сыщется

Ковгріонъ.

У васъ шести... хотъ отъ носилокъ?
А есть

Стафила.

Есть.

Ковгріонъ.

Такъ, значить, есть у васъ дрова. Не нужно
Отыскивать въ сосѣдяхъ...

Стафила.

Ахъ, нечестный,
Хотъ и ведешь дѣла всегда съ Вулканомъ! ¹⁾
Желаетъ ты, чтобы сожгли мы домъ,
Чтобъ только былъ тебѣ обѣдъ и плата?

Ковгріонъ.

Не требую.

Пнеодикъ.

Впусти же ихъ...

Стафила.

За мной!

Пнеодикъ: Qui?

Стафила: Quia temetinihil adlatum intellego (v. 354—355).

На празднествахъ Цереры вино не допускалось, по указаніямъ однихъ, но разрешалось, по словамъ другихъ. Нѣкоторые объясняютъ это различіемъ греческаго и римскаго празднованія; у грековъ на празднованіи Фесмофорій вино было запрещено, на что и указываютъ слова Стафилы.

¹⁾ Quid? impurate, quamquam Volcano studes... (v. 359).

Поваръ постоянно имѣетъ дѣло съ огнемъ, стало бытъ, чествуетъ Вулкана (огонь), силою котораго все очищается, кромѣ вора-повара.

Сцена VI.

Инеодикъ (слугамъ).

Старайтесь же!.. а я понаблюду,
 Что повара подѣлываютъ. Право,
 Ужасный трудъ за ними наблюдать.
 Хоть есть одно дѣйствительное средство—
 Заставить ихъ работать въ подземельи ¹⁾
 И, что у нихъ готово будетъ, тотчасъ
 На верхъ сюда въ корзинахъ поднимать:
 Но могутъ съѣсть они и въ подземельи
 Состряпанный самими ими ужинъ!
 И верхнимъ быть безъ ужина придется,
 А нижніе поужинаютъ всласть... ²⁾.
 Но что же я слова теряю даромъ,
 Какъ будто нѣтъ и дѣла у меня,
 Когда у насъ въ хоромахъ стан хищныхъ?

Сцена VII.

Евклионъ, Конгріонъ.

Евклионъ.

Ну вотъ и я рѣшился прибодриться,
 Чтобъ шровать у дочери на свадьбѣ,
 И прихожу на рынокъ. Прежде рыбы я
 Спросилъ себѣ; но рыба дорога;
 Ягнатица—какъ рыба дорогая;
 Говядина, телятина, свиинина,
 Морская тварь—на все дороговизна,
 И дорого, все дорого на рынокѣ,
 Что у меня и денегъ не хватало;
 И я ушелъ отсюда, разсердившись,
 Что ничего купить не привелось...
 И торгоши остались не при чемъ;

¹⁾ То-есть, заключивъ ихъ въ темницу, вырытую въ землѣ въ образѣ колодез.

²⁾ *Superi incenati erunt et cenati inferi...* (v. 368).

У Плавта каламбуръ въ словахъ *superi* и *inferi*, которыя относятся у римлянъ обыкновенно въ богамъ.

А самъ съ собой я разсуждалъ дорогой,
Идя домой: не будешь бережливъ,
И что-нибудь ты промотаешь въ праздники—
Въ простые дни почувствуешь нужду.
Какъ эту мысль я предложилъ разсудку
И виѣствъ съ тѣмъ желудку, мой разсудокъ
Сейчасъ присталъ къ сентенціи моей:
Потратиться, какъ только можно, меньше
На брачный пиръ! И я рѣшилъ купить
Однихъ вѣнковъ цвѣтущихъ, да куренья,
Чтобъ возложить на алтарѣ предъ Ларомъ,
Да ниспошлетъ оуъ счастье повобрачнымъ.
Но это что? я вижу—домъ мой отпертъ!
И шумъ внутри!.. Я, бѣдный, обокрадепъ?!

Голосъ Конгріона въ домъ Евкліона.

„Ступай же ты, въ сосѣдяхъ попроси
Кубышку мнѣ другую, больше этой:
Она мала, и въ ней не помѣстится...“.

Евкліонъ.

О горе мнѣ! Клянусь, я уничтоженъ!
Воруютъ кладъ, кубышку ищутъ тамъ!
Не послѣшу туда, такъ и погибъ я!
Молю тебя, великій Аполлонъ! ¹⁾
Приди ко мнѣ на помощь и стрѣлами
Пропзи воровъ сокровища, какъ прежде
Помогъ ты мнѣ въ такой бѣдѣ... Чего же
Я жду еще погибели конечной?

Сцена VIII.

Анѳраксъ, въ домъ Мегадора.

Дромонъ, примись за рыбу, чешую
Сними съ нея... а ты, Махеріонъ,
Займись сейчасъ муреною и конгромъ ²⁾.

¹⁾ Аполлонъ призывается на помощь, какъ божество, защищающее отъ несчастія, отъ зла=ἀλεξίμαχος.

²⁾ ... tu, Machaerio, congrum, inuagiam exdorsua quantum potest (v. 398—399).
Нѣкоторые комментаторы думали, что Machaerio здѣсь не имя раба, а

А я спрошу у Конгріона плошку...
 На хлѣбъ нужна!.. да если ты сумѣешь,
 То пѣтуха на столько оголи ты,
 Чтобъ глаже былъ, чѣмъ щипанный актеръ ¹⁾.
 Но что за крикъ въ сосѣдствѣ нашемъ? Вѣрно,
 Тамъ повара трудятся, по привычкѣ...
 Вернусь, чтобъ и у насъ чего не вышло...

А К Т Ъ III.

Сцена I.

Конгріонъ.

О граждане, сограждане, сосѣди,
 Туземцы, чужеземцы—разступитесь,
 Къ побѣгу мнѣ освободите путь.
 Сегодня я попалъ впервые страпать
 Къ вакханкамъ, знать, на самый Вакханаль ²⁾;
 И тамъ меня, съ подручными монни,
 Порядочно избили батожемъ,
 Болѣю я, страдаю: будто въ школѣ
 Старикъ на мнѣ всѣ силы упражнялъ...
 Ай, ай! клянусь, я погибаю, бѣдный!
 Раскрылся здѣсь ужасный вакханаль...
 Бѣжить за мной... но знаю я, что дѣлать:
 Учителя самъ предъ нами на лицо... ³⁾.

названіе кухоннаго орудія—ножа. Мурена и конгръ (у грековъ—*μύρανα* и *κόνγρος*) морскіе угри, любимая рыба римлянъ.

¹⁾ *Glabriorem reddes mihi quam vulsus ludius* (v. 402).

Первоначально всѣ актеры назывались *ludii* или *histriones*, впоследствии подъ *ludii* подразумѣвались низшіе комическіе актеры, танцоры и акробаты, у которыхъ выщипывали волосы на тѣлѣ, чтобы они казались бѣлѣе и моложе.

²⁾ ... *ad Bacchas veni in Bacchanal equinatum* (v. 408).

Вакханаль — мѣсто, куда собирались вакханки. Вакханки каждые три года справляли оргію въ честь Вакха. Онѣ бѣгали какъ бѣшенныя и били тирсами своихъ встрѣчныхъ, почему Конгріонъ и сбѣгаетъ ихъ неистовства съ подвигами расходявшагося Евклиона.

³⁾ *Nos ipse magister me docet* (v. 412).

То-есть: „я убѣгу“. Ранѣе Конгріонъ заявлялъ, что Евклионъ обошелся съ поварами какъ учитель въ школѣ гимнастиковъ, гдѣ учили и бѣгать.

Тутъ и дрова прекрасныя явились!.. ¹⁾.
 Меня и всѣхъ, кто были тамъ со мной,
 Онъ выгналъ вонъ, измолотивши волю.

Сцена II.

Евклионъ, Конгріонъ.

Евклионъ (выбѣгая изъ дома).

Куда бѣжишь?.. Назадъ!.. держи его!

Конгріонъ.

Ну что же ты, безумный, такъ зѣваешь?!

Евклионъ.

А вотъ тебя я выдамъ триумвирамъ ²⁾.

Конгріонъ.

За что?

Евклионъ.

За то, что носишь ножъ съ собой ³⁾.

Конгріонъ.

Но я могу его носить, какъ поваръ...

Евклионъ.

За то, что ты грозился...

¹⁾ Ранѣе не оказывалось дровъ въ домѣ Евклиона, и палки для нанесенія ударовъ отыскались, почему Конгріонъ и говоритъ: ...neque ligna ego usquam gentium praebere vidi pulchrius (v. 413).

²⁾ Quia ad tres viros iam te deferam nomen tuum (v. 416).

Въ „Asinaria“ Плавта (v. 131 по изд. Лео) тоже встрѣчаемъ: ibo ego ad tres viros... Эти „триумвиры“ имѣли надзоръ за мѣстами заключенія, правосудительствовали во время казней; имъ поручалось наказаніе невольниковъ. Ихъ называли: „triumviri capitales“.

³⁾ Quia cultrum habes (v. 417).

Евклионъ видитъ въ Конгріонѣ не повара, а вооруженнаго раба, на котораго и хочетъ донести триумвирамъ. По законамъ XII таблицъ можно было убить вора, захваченнаго ночью, а вооруженнаго вора—даже и захваченнаго днемъ.

КУВЫШКА.

КОНГРЮНЪ.

Виновать,

Лишь въ томъ, что бокъ тебѣ не пропоролъ я.

Евклионъ.

Не сыщется еще на вольномъ свѣтѣ
Такой, какъ ты, разбойникъ, надъ которымъ
Отъ всей души потѣшился бы я!

КОНГРЮНЪ.

Молчалъ бы ты! Безъ словъ повятно это;
Поступокъ твой—свидѣтель очевидный!
Отъ палокъ я размялся, размягчился
Побольше, чѣмъ любой плясунъ безпутный ¹⁾.
И что тебѣ до насъ за дѣло было,
Голышь!

Евклионъ.

И ты съ вопросомъ еще лѣзешь?!
Какъ видится, я мало билъ тебя.

КОНГРЮНЪ.

Не тронь! не то жалѣть тебя придется,
Покуда смыслъ изъ головы моей
Не вылетитъ...

Евклионъ.

Не знаю, что съ ней будетъ,
Теперь же въ ней чувствительность сильна...
Желаю знать, зачѣмъ въ мой домъ попалъ ты,
Безъ моего приказа, безъ меня?

КОНГРЮНЪ.

Да слушай: мы пришли на свадьбу стряпать.

Евклионъ.

Да что тебѣ за дѣло, негодий,

¹⁾ Ita fustibus sum mollior magis quam ullus cinaedus (v. 422); cinaedus—χιναῖος.

Сырое ли, вареное ли ѣмъ я?
Давно ли ты мнѣ въ тютюры почалъ!

Ковгрюнъ.

Желаю знать, допустишь ли достраивать
Заказанный намъ ужинъ, или нѣтъ?

Евклионъ.

И я вѣдь знать желаю, все ли будетъ
Въ сохранности по дому у меня?

Ковгрюнъ.

Да хоть бы то мнѣ увести въ порядкѣ,
Что самъ принесъ! Объ остальномъ ужъ я
Не думаю; чужаго мнѣ не нужно.

Евклионъ.

Ужъ не учи! я самъ ученъ довольно!

Ковгрюнъ.

Зачѣмъ же ты нѣшаешь намъ достраивать?
Что сдѣлали, и что сказали мы
Не по тебѣ?

Евклионъ.

Еще спросилъ, разбойникъ!

Зачѣмъ же вы и въ домѣ, и въ пристройкахъ
Обшарили, открыли всѣ углы?
Останься ты при очагѣ какъ нужно,
И съ головой не тронутой ушелъ бы!
Теперь же всѣмъ досталось по заслугамъ.
Такъ знай теперь желаніе мое:
Лишь подойдешь ты къ этой двери ближе,
Чѣмъ я велю, ты будешь у меня
Несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ... Все сказалъ я...
(Уходитъ въ домъ).

Ковгрюнъ.

Куда идешь? вернись пока назадъ ¹⁾!

¹⁾ Quo abis? redi rursum (v. 444).

Въ большинствѣ изданій этотъ стихъ приписывается Евклиону.

Клянусь тебѣ Лаверной ¹⁾, если только
 Ты не велишь сейчасъ же мнѣ отдать
 Назадъ мои снаряды поварскіе,
 И музыку ²⁾ такую подниму
 Передъ твоимъ жилищемъ!!!... Чтѣмъ пачну я
 Тенерь? съ дурной примѣтой, знать, пошелъ я...
 Я нанялся сюда за нуммъ работать,
 А медиву съ залишкомъ уплачу...

Сцена III.

Евклионъ. Конгріонъ.

Евклионъ (возвращаясь изъ дому съ
 кубышкой подъ плащомъ).

Клянусь: теперь, куда бы ни пошелъ я,
 Возьму съ собой сокровище мое;
 Оно всегда при мнѣ отнынѣ будетъ,
 Впередъ ему въ опасности не быть!
 Гей всѣ тенерь ко мнѣ ступайте, всѣ—
 И повара, и флейтцицы... Теперь
 Введи ко мнѣ, по своему желанью,
 Хотя толпу продажныхъ ³⁾, Конгріонъ.
 И стряпайте теперь, и суетитесь,
 Работайте, какъ вамъ угодно будетъ.

Конгріонъ.

Тенерь—пора, какъ голову разбилъ ты
 Ударами дубины...

¹⁾ Ita me bene amet Laverna... (v. 445).

Римскіе воры молились Лавернѣ объ успѣшности въ своемъ промыслѣ. См. Notal. Ep. 1, 16. Вообще же, Лаверна — богиня прибыли. Вокругъ Рима ей была посвящена роща, гдѣ прятали разныя вещи, вѣтряя ся охрала.

²⁾ Nec pipulo te differam ante aedis... (v. 446).

По законамъ XII таблицъ позволялось оскорбленному безъ свидѣтелей нанести оскорбленіе обидчику предъ его домомъ, крикомъ, пивгомъ, или кошачью музыкой, принимаясь къ современнымъ нѣмецкимъ понятіямъ.

³⁾ Можетъ быть, дѣйствительно за нуммъ, то-есть, за его дѣйствительную стоимость, а можетъ быть, и въ значеніи „за бездѣлку“, „за грошъ“.

⁴⁾ Gregem venalium (v. 452).

Venalis—и въ смыслѣ раба, и въ значеніи продажныхъ, подкупной.

Евклионъ.

Ну, иди же:

Вы наняты работать—не болтать.

Конгрюнъ.

Постой, старикъ! клянусь, что за увѣче
 Взыщу съ тебя: я strapать нанялся,
 А не терпѣть побои.

Евклионъ.

По законамъ

Со мной судись, а такъ не досаждай!
 Ступай сейчасъ готовить ужинъ!... Если
 Не хочешь—убирайся со двора.

Конгрюнъ.

И самъ ступай... (уходить).

Сцена IV.

Евклионъ.

Ушелъ!... клянусь богами
 Безсмертными! Какъ дерзокъ каждый бѣдный,
 Хоть чѣмъ-нибудь связавшійся съ богатыми!
 Вотъ, напримѣръ, несчастнаго меня
 На всѣ лады пытается Мегадоръ:
 И поваровъ, какъ будто для почета,
 Послалъ ко мнѣ, а собственно за тѣмъ,
 Чтобы меня они обворовали!...
 Да и пѣтухъ,—пѣтухъ моей старухи,—
 И тотъ меня чуть-чуть не погубилъ!
 Придумалъ онъ когтиами тамъ копаться,
 Гдѣ я зарылъ сокровище мое.
 Къ чему слова? Онъ такъ меня разгнѣвалъ,
 Что я убилъ его на мѣстѣ палкой,
 Какъ явнаго ворѣшку... Мнѣ сдается,
 Что повара награду обѣщали
 Ему за то, чтобъ тайну имъ открылъ.

Изъ рукъ у нихъ я вырвалъ рукоятку... ¹⁾
 Къ чему слова?.. Не стало пѣтуха!..
 Вотъ съ форума идетъ и Мегадоръ..
 Не проущу я будущаго зятя;
 Позадержу, чтобъ съ нимъ поговорить.

Сцена V.

Мегадоръ, Евклионъ.

Мегадоръ.

Я о своемъ намѣреніи многимъ
 Друзьямъ своимъ подробно сообщалъ,
 И всѣ они, хвала мою невѣсту,
 Сказали мнѣ, что дѣлаю умно.
 Что богачи, женясь на дочеряхъ
 Бѣднѣйшихъ лицъ, и, взявши безприданницъ,
 И въ общество согласіе внесуть,
 И зависти не возбуждять къ богатымъ..
 И жепы бы поосторожнѣй были,
 Да и мужья бы меньше проживались;
 И большинству понравилось бы это;
 Не по душѣ пришлось бы меньшинству
 Изъ алчныхъ лицъ, для жадности которыхъ
 Никто не могъ установить границъ,
 Ни самъ законъ, ни представитель власти ²⁾.
 Но если мнѣ на это возражать,
 Что дѣвушкамъ богатымъ не придется
 Поэтому и замужъ выходить,
 Замужство же падеть на долю бѣдныхъ?
 Неправда! Пусть себѣ выходятъ замужъ,
 Хоть за кого угодно будетъ,—только
 Приданое пусть будетъ въ сторонѣ:
 И еслибы къ намъ это привилось,
 То жены намъ съ собою приносили бъ

¹⁾ exemi ex manu manubrium, (v. 471).

Римская поговорка.

²⁾ У Лео neque lex neque autor... (v. 488).

Переводчикъ держался много чтенія: вмѣсто autor—*autor* въ значеніи *praeses, magistratus*.

Въ приданое улучшенные нравы —
 Не жалкое богатство, какъ теперь.
 И мулъ, теперь цѣннѣйшій здѣсь дороже,
 Чѣмъ добрый конь, спустили бы въ цѣнѣ,
 Пониже, чѣмъ нѣжный галльскій меренъ ¹⁾).

Евклионъ.

О боги! Какъ его пріятно слушать!
 Какъ мило намъ онъ хвалить бережливосты!

Мвгадоръ.

И ни одна потомъ уже не скажетъ:
 „Приданое, которое за мной
 „Ты получилъ, значительно крупнѣе
 „Всего того, что было у тебя.
 „И вправдѣ я разчитывать на пурпуръ,
 „На золото, на женскую прислугу,
 „На мальчишковъ разсылныхъ ²⁾, провожатыхъ,
 „И на муловъ съ погонщиками вмѣстѣ;
 „Для выѣзда мнѣ нужны колесницы“...

Евклионъ.

Какъ изучилъ онъ прихоти матронъ! ³⁾
 Вотъ бытъ кому префектомъ женскихъ нравовъ! ⁴⁾

Мвгадоръ.

И въ городѣ, куда ты ни заходишь,

¹⁾ ego fecim mult, pretio qui superant equos,
 sint viliores Gallicis cantheriis... (ч. 494—495).

Въ колесницы римскихъ женщинъ запрягались обыкновенно мулы, которые и цѣнились дорого въладѣтвіе моды.

²⁾ ...salutigerulos pueros... (ч. 500).

³⁾ То же, что у насъ „дама“.

⁴⁾ Moribus praefectum mulierum hunc factum velim...

У грековъ наряды женщинъ подвергались (ч. 504) контролю извѣстныхъ начальственныхъ лицъ; да и въ Римѣ, уже въ эпоху Плавта, народный трибуны К. Опцій нашели нужнымъ даже издать законъ, чтобы остановить роскошь римскихъ женщинъ (Lex Oppia); скорѣ затѣмъ (195 г. до Р. Х.) изданъ былъ другой болѣе строгій законъ противъ роскоши. Подробности о нарядахъ римлянокъ русскій читатель найдетъ въ статьѣ Тихоновича (Пропилеи, кн. II) „Древнія римлянки“ и еще болѣе въ извѣстномъ трудѣ Вейса: „Визшній бытъ народовъ. Т. I, часть 2. Москва. 1874.

Всегда найдешь повозокъ больше въ домѣ,
 Чѣмъ на поляхъ, на виллу прѣбжая..
 Но это все еще пустякъ, бездѣлка
 Въ сравненіи съ расходами иными..
 Сушонщикъ ждетъ, золотошвей стоитъ,
 И золотыхъ дѣлъ мастеръ поджидаетъ,
 И шерстяныхъ матерій фабрикантъ;
 И продавцы оборокъ и обшивокъ,
 И шьющіе рубанки на матронъ,
 И мастера покрововъ брачныхъ красныхъ,
 Красильщики въ различные цвѣта—
 Въ лиловый цвѣтъ и въ золотисто-желтый,
 Поставщики различныхъ рукавовъ,
 И продавцы восточныхъ ароматовъ,
 Разнощики или ткачи полотенеъ,
 Поставщики—и обуви для дома,
 И обуви, потребной для прогулокъ...
 Стоять и ждутъ поставщики сандалій,
 Красильщики въ зеленый яркій цвѣтъ,
 И мастера наряды мыть и чистить,
 И мастера починивать и штопать..
 И денегъ всѣхъ и требуютъ, и ждутъ!
 Одинъ себѣ уплаты ждетъ за строфій,
 Другой стоитъ и денегъ ждетъ за поясъ..
 Ну, кажется, раздѣлялся со всѣми,
 Анъ, смотришь, вновь и лѣзутъ, и тормозать,
 Какъ истые тюремщики въ дверяхъ..
 Вѣдь сотни ихъ... ткачи бахромокъ разныхъ,
 Да столары.. уплачено ужъ всѣмъ!..
 Подумаешь, раздѣлялся со всѣми,
 А тамъ, глядишь, оианъ пришля: за платье
 Шафранное еще уплаты ждутъ ¹⁾...

¹⁾ Stat fullo, phrygio, aurifex, linarius;
 caupones patagiarii, indusiarii,
 flammarii, violarii, carinarii;
 stant manulcarii, stant murobatharii;
 propolae linteones, calceolarii;
 sedentarii autores, diabathrarii,
 solearii astant, astant molocinarii;

Того гляди, придетъ напасть иная,
Которой вновь потребуетъ денегъ...

Евклионтъ.

Охотно съ нимъ заговорилъ бы я,
Да все боюсь, что онъ, какъ разъ въ началѣ
Прерветъ разказъ о нравахъ нашихъ женщинъ...
И такъ, его не стану прерывать.

Мегадоръ.

Когда разчетъ съ поставщиками вздора
Окончите, приходитъ воинъ сборщикъ
За деньгами ¹⁾. Вбѣгутъ сейчасъ къ банкиру ²⁾,
Считаютъ, а тотъ воинъ, не поѣвшій,
Стоитъ и ждетъ законныхъ денегъ.
Когда разчетъ сведется у банкира,
Окажется не рѣдко, что супругъ
Уже кругомъ въ долгу передъ банкиромъ;
И войну другой назначенъ день...

petunt fullones, sarcinatores petunt;
strophiarum astant, astant semisonarii.
iam hosee absolutos censeas: cedunt, petunt
trecenti, cum stant phylacistaе in atriis,
textores, limbularii, arcularii.
ducuntur, datur aes. iam absolutos censeas,
quom incedunt infectores corcotarii... (v. 508—521).

Въ высшей степени любопытный перечень мастеровъ и продавцовъ различныхъ принадлежностей дамскаго туалета въ Римѣ времени Плавта. Вуквальный переводъ, за отсутствиемъ въ наше время некоторыхъ предметовъ въ этомъ родѣ, не возможенъ, да и самый текстъ еще нуждается въ болѣе тщательномъ просмотрѣ даже послѣ Ричля. Изъ совершенно непонятныхъ русскому читателю аксессуаровъ римскаго наряда слѣдуетъ указать на *строфій* (*strophium*—*στροφίον*), который обозначается иногда выраженіемъ *корсетъ*. Это повязка вокругъ груди. Употребляли ее отчасти для того, чтобы округлить и одѣлать полнѣе грудь, отчасти чтобы прширить и уменьшить излишнюю полноту и большое развитіе ихъ—*pinnium tumorem*. Строеій составлялъ постоянную принадлежность женской одежды; носили его сверху рубашки (Проппен, кн. II, отд. I, стр. 220).

¹⁾ Фигуральное выраженіе—вмѣсто сбора на содержаніе войска, на жалованье.

²⁾ Богатые люди не держали денегъ дома, а отдавали ихъ банкирамъ (*argentarii*), у которыхъ и брали по мѣрѣ надобности.

Вотъ образцы—да и другихъ не мало,—
 И неудобствъ, и тягостныхъ расходовъ,
 Какъ слѣдствіе значительныхъ приданныхъ.
 На оборотъ: жена изъ безприданницъ
 Вездѣ всегда во власти мужа будетъ.
 Мужамъ отъ жёнъ богатыхъ только горе!...
 А вотъ сосѣдъ!... что скажешь Евклионъ?

Сцена VI.

Евклионъ и Мегадоръ.

Евклионъ.

Слова твои я съ жадностью глотаю...

Мегадоръ.

Такъ слышалъ ты?

Евклионъ.

Съ начала до конца.

Мегадоръ.

Казалось мнѣ, ты лучше поступишь бы,
 Отпраздновавъ пышнѣе свадьбу Федры?

Евклионъ.

По средствамъ блескъ и пышность по богатству.
 И богачамъ не худо помнить это.
 У бѣдняковъ, подобныхъ мнѣ, сосѣдъ,
 Не больше средствъ, чѣмъ думать.

Мегадоръ.

И боги

Имущество твое да увеличатъ,
 И впредь блюдутъ въ сохранности, что есть!

Евклионъ.

Ужъ не по мнѣ слова его „что есть“...
 И о моемъ имуществѣ онъ знаетъ,

Какъ видится, не менѣе, чѣмъ я:
Старуха все ему пересказала.

МЕГАДОРЪ.

Зачѣмъ же ты разстроилъ нашъ сенатъ? ¹⁾

ЕВКЛИОНЪ.

Да вотъ хотѣлъ тебѣ на видѣ поставить
Вину твою.

МЕГАДОРЪ.

Вину мою! Какую?

ЕВКЛИОНЪ.

Какую? вотъ еще хорошъ вопросъ!
Во всѣ углы жилища моего
Ты натолкалъ воровъ, приславши разомъ
Ко мнѣ пятьсотъ—не меньше—поваровъ,
Людей, какъ всѣмъ извѣстно, шестирукихъ;
Вѣдь, всѣ они породы Геріона ²⁾.
И хотъ блюда за ними даже Аргусъ,
Который былъ покрытъ очами весь,
Котораго Юнона послала
Изъ ревности за Іо сторожить,—
За ними самъ не услѣдилъ бы Аргусъ ³⁾)...
Да флейтщицу еще ко мнѣ прислалъ:
Она одна могла бы выпить цѣлый
Коринтскій ключъ Пирены, еслибъ онъ
Бѣжалъ съ виномъ... и слопать всѣ припасы ⁴⁾)...

¹⁾ Фигуральное выраженіе, (е senatu vocosam... v. 549) вмѣсто: зачѣмъ пересталъ говорить со мною? зачѣмъ началъ, самъ съ собою бесѣдовать. Двое разсуждающихъ стариковъ (Евклионъ и Мегадоръ) какъ бы составляли сенатъ.

²⁾ . . . cum senis manibus, genere Geryonaseo (v. 554).

Великанъ Геріонъ, сынъ Хризаора и Калиронъ, имѣлъ, по словамъ повтоузъ, три туловища, а стало быть—три головы, шесть рукъ и шесть ногъ.

³⁾ . . . quos si Argus servet (v. 555).

Когда Меркурій, по приказу Юпитера, убилъ Аргуса, Юнона украсила глазами его хвостъ павлина.

⁴⁾ . . . quae mi interbibere sola, si vino sciat,
Corinthiensem fontem Pirenam potest.
tum obscenium autem (v. 558—560).

МЕГАДОРЪ.

На легионъ ¹⁾ хватило бы припасовъ....
Да въ томъ числѣ барашка я прислалъ.

ЕВКЛИОНЪ.

На счетъ его одно я заявляю:
Не видывалъ заботливѣе звѣря.

МЕГАДОРЪ.

Желалъ бы я услышать отъ тебя,
Какъ можетъ быть заботливымъ барашекъ?

ЕВКЛИОНЪ.

Онъ исхудалъ, какъ видно, отъ заботъ,
И сдѣлался онъ—кожа лишь, да кости.
Легко гадать, казалось, по нему
И живо, глядя на свѣтъ: такъ сильно
Бѣднякъ севозилъ, какъ будто карагенскій
Фонарь ²⁾.

МЕГАДОРЪ.

Его купилъ я на убой.

ЕВКЛИОНЪ.

Такъ поспѣши теперь распорядиться
На счетъ его достойныхъ похоронъ....
Конечно, онъ успѣлъ вздохнуть....

МЕГАДОРЪ.

Знаешь,

Намѣренъ я съ тобой сегодня выжить.

По видимому, елейтщины временъ Плавта пользовались такою же репутаціей, какъ російскія арестки. Пирена былъ источникъ, бивавшій съ горы, на которой стояла коринтская крѣпость. Онъ возникъ изъ слезъ, пролитыхъ Пиреной—дочерью Ахелоя, по своему сынѣ, убитомъ нечаянно Діаной. Источникъ былъ посвященъ музѣмъ.

¹⁾ *Pol vel legioni sat est* (v. 560).

На цѣлый полкъ (*legio*).

²⁾ *Ita is pellucet quasi lanterna Punica . . .* (v. 566).

Роговые карагенскіе (пунскіе) фонари были весьма любимы за свою про-
зрачность и служили въ Римѣ не малоразнымъ предметомъ торговли.

Евклионъ.

Но я не пью, клянусь....

Мегадоръ.

Сюда веляю я
Кубшинъ вина постарше принести.

Евклионъ.

Не хочется, клянусь! я порѣшилъ
Одной водой довольствоваться.

Мегадоръ.

Я же
Виномъ тебя сегодня накачу ¹⁾,
Какъ слѣдуетъ, суровый вѣдошца!

Евклионъ.

Понятно мнѣ теперь, куда онъ мѣтитъ:
Какъ только онъ виномъ меня уложить,
Достигнетъ тѣмъ давно желанной цѣли,
И перейдетъ къ нему моя кубышка...
Остерегусь, подальше перепричу
Куда-нибудь кубышку.... выйдеть то,
Что онъ вино и трудъ потратить даромъ.

Мегадоръ.

Такъ если я не нуженъ, то побду
И совершу предъ жертвой омовенье... ²⁾ (Уходить)

Евклионъ.

Клянусь, враговъ вы нажали не мало,
И ты, моя Кубышка дорогая,
И золото, хранимое тобой....

¹⁾ Ego te hodie reddam madidum, si vivo, probe.... (v. 573).

Въ большинствѣ изданій—sed vino, что удержано и въ переводѣ, вместо—
si vivo.

²⁾ Ego, nisi quid me vis, eo lavatum, ut sacrificem (v. 579).

По словамъ извѣстнаго комментатора Виргилія Сервія, жившаго въ началѣ V вѣка по Р. Х., ни вступать въ бракъ, ни начинать пашню, нельзя было безъ жертвоприношенія, предъ которыми и позаталось омовеніе.

За лучшее считаю я отсюда
 Убрать тебя и Вѣрности ¹⁾ доверить;
 Надежно тамъ тебя я спрячу... Вѣрности!
 Другъ друга мы вѣдь знаемъ хорошо!
 Не вѣмънись на этотъ разъ, смотри же,
 Довѣрчивость мою не обманя.
 Къ тебѣ одной, о Вѣрность, прибѣгаю,
 Во всемъ вполнѣ надѣясь на тебя.

А К Т Ъ IV.

Сцена I.

Стрѣвиль.

Мнѣ кажется, порядочный невольникъ—
 Вести себя обязанъ такъ, какъ я,
 Не тяготясь ни въ чемъ хозяйской волей.
 Желающій по чести служить
 Заботится о господнѣ прежде
 И ужъ потомъ припомнить о себѣ;
 И если спать, то спать на столько чутко,
 Что помнить онъ обязанность слуги.
 Влюбленному хозяину служба
 (Какъ я служу), замѣтивъ силу страсти,
 Снѣдающей хозяина, слуга
 Его спасти обязанъ, удержать,
 А не толкать, куда онъ такъ стремится.
 Какъ мальчикамъ, которыхъ учатъ плавать
 Ведать всегда привязывать тростникъ, ²⁾
 Чтобы они не слишкомъ утомлялись:
 Чтобы гребли свободнѣе руками
 И плавали сравнительно легко.

¹⁾ in Fidei sanum... (v. 583).

Храмъ богини „Вѣрности“ былъ въ Римѣ недалеко отъ Юпитера Капитолинскаго и всдвигнуть былъ ей Нумою Помпилиемъ. У древнихъ былъ обычай хранить деньги въ священнѣхъ зданіяхъ.

²⁾ quasi pueri qui nare discunt scirpea indultur ratis... (v. 595).

Scirpea ratis—тростниковый плотъ, визанка тростнику, называемаго у грековъ λείος (лоѳс).

Я думаю такимъ же тростникомъ
 Обязанъ быть слуга для господина
 Влюбленнаго, чтобъ могъ его поднять,
 Не допустивъ до погруженья въ бездну;
 И такъ его онъ долженъ изучить,
 Чтобъ знать его желаніе по взгляду,
 И исполнять хозяйскіе приказы
 Быстрѣ, чѣмъ лихая четверня.
 Исполнившій указанное мною
 Всегда уйдетъ отъ жесткаго ремня,
 Да яркости оковъ носить не будетъ.
 Хозяинъ мой давно ужъ любить дочь
 Вотъ этого бѣдняги Евклиона,
 И узнаеть, что выдаютъ ее
 За старика сосѣда Мегадора.
 Хозяинъ мой послалъ меня сюда,
 Чтобъ разузнать о томъ, что здѣсь творится.
 Засяду я при этомъ алтарѣ ¹⁾
 И тѣмъ уйду отъ всякихъ подозрѣній:
 Отсюда мнѣ весьма удобно будетъ
 Подмѣтить все, что здѣсь произойдетъ.

Сцена II.

Евклионъ, Стровилъ.

Евклионъ.

О Вѣрность! ты, надѣюсь, никому
 Не сообщишь, что здѣсь мое богатство.
 Не страшно мнѣ! его не сыщутъ здѣсь:
 Такъ хорошо въ укромномъ этомъ мѣстѣ
 Лежать ему. Хорошую добычу
 Нашедшему доставила бы эта
 Тяжелая отъ золота кубышка!
 Но снова я молю тебя, о Вѣрность,
 Не допускай до этого!... Теперь

¹⁾ in ara hie adsidam sacra (v. 606.).

Жертвенники устраивались не только въ храмахъ, но и при дорогахъ и на уладахъ.

Пойди, было, умыться передъ жертвой,
 А то какъ разъ я задержу сосѣда,
 Который въ мигъ, пославъ увѣдомленье,
 И дочь мою проводить въ домъ къ себѣ.
 И снова я прошу тебя, о Вѣрность!
 Въ сохранности мнѣ возврати кубышку!
 Вѣдь золото довѣрилъ я тебѣ
 И положилъ въ твой храмъ въ твоей же рошѣ.

Стровиль.

Безсмертные!... что слышу?... въ этомъ храмѣ
 Онъ золото въ кубышкѣ спряталъ! Вѣрность!..
 Молю тебя—не будь ему вѣрнѣе,
 Чѣмъ мнѣ была!... Да мнѣ еще сдается,
 Что онъ отецъ той дѣвушки, въ которой
 Хозяинъ мой души своей не чаеъ...
 Войду я въ храмъ... обшарю все... авось
 И кладъ найду, пока его хозяинъ
 Пробудеть здѣсь въ занятіяхъ... О Вѣрность!
 Когда найду въ тебѣ сокрытый кладъ
 Я посвящу тебѣ хоть цѣлый конгій ¹⁾
 Сладчайшаго напитка, словно медъ...
 Хоть поднесу тебѣ, а самъ я выпью.

Сцена III.

Евклионъ.

А воронъ мнѣ кричалъ не даромъ слѣва...
 И землю рылъ когтями онъ и каркалъ!
 И у меня, какъ танцовщикъ какой-то,
 Запрыгало, засуетилось сердце,
 И выскочить желаетъ... Что жъ я медлю?

Сцена IV.

Евклионъ, Стровиль.

Евклионъ.

Пошелъ, червякъ, гнѣвдящійся въ землѣ!
 Изъ-подъ земли не вылѣзалъ ты прежде;

¹⁾ Congius—мѣра медныхъ и сыпучихъ тѣлъ, равнявшаяся шести секотаріамъ или бутылкамъ обыкновенной мѣры; такимъ образомъ конгій= $\frac{3}{10}$ ведра.

И выльвзъ ты на гибель наконецъ.
Клянусь, тебя какъ слѣдуетъ я встрѣчу,
Обманщикъ! ¹⁾)

Стровилъ.

Что?... Здоровъ ли ты старикъ?
Что общаго, скажи мнѣ, между нами?
Зачѣмъ меня ты оскорбляешь, тащишь?
За что же ты дерешься?

Евклионъ.

Негодяй!
Плетей тебѣ! съ вопросомъ лѣзешь? Ты вѣдь
Не просто воръ, какъ всѣ, а трижды воръ!

Стровилъ.

Да что же я украсть-то у тебя?

Евклионъ.

Отдай сейчасъ!

Стровилъ.

Да что тебѣ отдать-то?

Евклионъ.

Не знаешь?

Стровилъ.

У тебя по крайней мѣрѣ
Рѣшительно я не бралъ ничего.

Евклионъ.

А ты отдай, что для себя ²⁾) стянулъ ты!
Ну что же ты?

¹⁾ praestrigiator (v. 630) съ отглагольнымъ фокусникъ, обмрачиватель.

²⁾ Стровилъ: Nil equidem tibi abstuli

Евклионъ: At illud quod tibi abstuleras cedo (v. 635).

Игра словъ: tibi въ первомъ случаѣ можетъ быть принимаемо и въ смыслѣ: для тебя, что не переводимо соответственнымъ коллибуромъ.

КУВЫШКА.

СТРОВИЛЪ.

Да что же?

ЕВКЛИОНЪ.

У МЕНЯ

Не унесешь!...

СТРОВИЛЪ.

Чего ты хочешь?

ЕВКЛИОНЪ.

Дай же!

СТРОВИЛЪ.

Ты, видно, самъ, старикъ, привыкъ давать ¹⁾.

ЕВКЛИОНЪ.

Давай сейчасъ, безъ шутокъ!... не шучу я!

СТРОВИЛЪ.

Да что давать? Скажи сначала толкомъ.

Клянусь тебѣ: я не бралъ ничего,

Ни до чего я даже не касался.

ЕВКЛИОНЪ.

Давай сюда сейчасъ же руки...

СТРОВИЛЪ.

Вотъ!...

ЕВКЛИОНЪ.

Да вытяни!...

СТРОВИЛЪ.

Ну вотъ онѣ!

ЕВКЛИОНЪ.

Я вижу:

А третья!...

¹⁾ *Евкл.* Роме. Строб. Id quidem pol te, datare, credo consuevit, senex (с. 637).

Sensus obscurior, какъ замѣтилъ одинъ изъ старинныхъ издателей Платона.

Стровилъ.

Мой старикъ, какъ видно, бредитъ,
Безумствуетъ, съ ума сошелъ!... Вѣдь ты
Несправедливъ ко мнѣ, старикъ, признайся!...

Евклионъ.

Дѣйствительно, вполне несправедливъ:
Тебя давно повѣсить нужно было...
Но петли ты и не минуешь, если
Сейчасъ же мнѣ во всемъ не повинишься.

Стровилъ.

Но въ чемъ?

Евклионъ.

А въ томъ, что ты стянулъ отсюда.

Стровилъ.

Да пусть меня накажутъ боги, если
Хоть что-нибудь унесъ или желалъ
Стянуть ¹⁾.

Евклионъ.

Теперь встряхни-ка паллій ²⁾.

Стровилъ.

Если

Желаешь ты!

Евклионъ.

А въ тунникахъ не спряталъ? ³⁾

Стровилъ.

Ощупай, какъ угодно.

¹⁾ Стровилъ: *Di me perdant, si ego tui quicumque abstuli
Nive adeo abstulisse vellem* (v. 645—646).

Въ старыхъ изданіяхъ второй стихъ приписывался обыкновенно Евклиону.

²⁾ *Pallium*, оставленное безъ перевода, означаетъ греческій плащъ.

³⁾ Исполная тунника у римлянъ исправляла должность нашей рубашки. Мушкетеры для защиты отъ холода надевали по двѣ тунники и больше. Светоній говоритъ, что Августъ надевалъ виной по четыре тунники.

КУВЫШКА.

Евклионъ.

Негодяи!

Невиннымъ онъ прикинулся въ надеждѣ,
 Что въ воровствѣ его не заподоврю.
 Но хитрости такъ знаю я...
 А покажи мнѣ правую-то руку.

Стровилъ.

Ну вотъ она!

Евклионъ.

Такъ лѣвую теперь...

Стровилъ.

Да вотъ тебѣ хотѣ объ вмѣстѣ разомъ...

Евклионъ.

Ужъ я тебя обыскивать не стану:
 Лишь возврати...

Стровилъ.

Да что же возвратить?

Евклионъ.

Напрасно лжешь! Вѣдь ты стянулъ? сознайся.

Стровилъ.

Такъ я стянулъ? Да что же я стянулъ?

Евклионъ.

Я не скажу, отвѣта не дождешься...
 Огдай лишь то, что у меня укралъ.

Стровилъ.

Помѣшанъ ты! Вѣдь ты меня обшарилъ
 Со всѣхъ сторонъ, и что же ты нашелъ?

Евклионъ.

Постой, постой! а гдѣ же тотъ, другой,
 Что былъ съ тобой? ⁵⁾ клянусь, я погибаю...

⁵⁾ Евклионъ, хотѣ и не выдалъ никого, но внезапнымъ вопросомъ, предло-

Конечно, все онъ перероеъ тамъ!
 Не удержи я этого—уйдетъ онъ;
 А впрочемъ я его вѣдь обыскалъ,
 И ничего при немъ не оказалось...
 Пошелъ, куда глаза глядятъ!

Стровиль.

Юпитеръ

И боги всѣ тебя да покараютъ ¹⁾.

Евклионъ.

Не дурно онъ меня благодаритъ!... ²⁾
 Теперь пойду и затаю я глотку
 И твоему сообщнику... Да что же—
 Изчезнешь ты отсюда съ глазъ моихъ?
 Уйдешь ли ты? Не хочешь?

Стровиль.

Ухожу я.

Евклионъ.

Смотри же, мнѣ впередъ не попадайся! (уходитъ въ храмъ).

Сцена V.

Стровиль.

Хоть доведись позорной смертью сгнуться,
 А подсижу сегодня старика...
 И деньги здѣсь онъ не посмѣетъ спрятать,
 Съ собой возьметъ, въ другомъ зароеетъ мѣстѣ...
 А! та—та—та! Ужь заскрипѣла дверь ³⁾.

женнымъ увѣреннымъ тономъ, какъ будто хочетъ врасплохъ захватить Стровиля, а, съ другой стороны, онъ можетъ и самъ себя обманывать, какъ видно изъ последующей сцены.

¹⁾ Стровиль: Iuppiter te dique perdant... (v. 658).

Въ большинствѣ изданій эта слова приписываются Евклиону.

²⁾ Евклионъ: Naud male egit gratias (v. 658).

Въ большинствѣ изданій эти слова приписываются Стровилу.

³⁾ Atfat, foris scrupuit... (v. 665).

Разумѣется, дверь могла скрипнуть при отпираниіи, что не нуждается въ комментаріяхъ, но некоторые придаютъ этому выраженію иной смыслъ: по-

Старикъ несетъ сокровище изъ храма,
И я сейчасъ ко входу проберусь.

Сцена VI.

Евклионъ, Стровилъ.

Евклионъ.

Я полагалъ, что Вѣрность безупречна,
И только былъ помазанъ по губамъ!
Не помоги мнѣ воронъ, я бы сгинулъ!
Желалъ бы я, чтобъ воронъ-предсказатель ¹⁾
Явился бы сейчасъ передо мной,
Чтобы я могъ сказать ему спасибо,
А накормить его я не берусь..
Придумалъ я, куда теперь кубышку
Запрятать мнѣ: имѣется мѣстечко
За городской стѣной, и въ сторонѣ,
Растетъ лѣсокъ, Сильвану ²⁾ посвященный,
Густой ивнякъ.... на немъ остапоплюсь.
Рѣшительно Сильвану больше вѣрю,
Чѣмъ Вѣрности.

Стровилъ.

Ого, ого! да, боги
Рѣшительно ко мнѣ благоволятъ!
Предупрежу сейчасъ же Евклиона,
На дерево высокое залѣзу
И посмотрю—куда онъ спрячетъ кладь.
Хозяинъ мой приказывалъ мнѣ, правда,
Остаться здѣсь, но я рѣшилъ, что лучше
Попастъ въ бѣду съ надеждой на барышъ (уходить).

слышался стукъ въ двери, на томъ основаніи, что двери въ римскихъ зданіяхъ, какъ иногда и въ греческихъ, постоянно отворялись наружу, на улицу, и чтобы не задѣть кого-либо изъ проходящихъ или стоящихъ у входа, приходилось постучать первоначально въ дверь.

¹⁾ Между птицами предѣстиями древности, не маловажную роль играютъ вороны и воробьи; неблагопріятнымъ считалось ихъ предсказаніе, если ихъ видѣли слѣва, и благопріятнымъ, если — справа.

²⁾ Сильванъ—богъ лѣсовъ, полей и стадъ, позднее смѣшивали его съ Паномъ.

Сцена VII ¹⁾.

Ликонидъ, Евномія, Федра.

Ликонидъ.

Я все сказалъ: ты все о Федрѣ знаешь,
 Какъ я, итакъ, прошу тебя: нельзя ли
 Поговорить объ этомъ дѣлѣ съ дядей....
 Молю тебя, о чемъ молилъ и прежде.

Евномія.

Ты знаешь самъ, желаю я того же,
 Чего и ты, и я вполне надѣюсь,
 Что какъ-нибудь уговорю я брата;
 Законная причина, если ты,
 Какъ говоришь, напившись, обезчестилъ
 Ее.

Ликонидъ.

Солгать передъ тобой могу ли?

Голосъ Федры.

О, боги! я страдаю, умираю...
 Кормилица, родная, помоги!
 Какая боль! Подательница свѣта,
 Юнона, вся надежда на тебя ²⁾.

Ликонидъ.

О, матушка! не слово слышишь, — дѣло!
 Ты слышишь вопль!.. она уже рождаетъ.

¹⁾ Въ некоторыхъ изданіяхъ этою сценою начинается V-й актъ.

²⁾ Такія восклицанія постоянно слышались въ комедіяхъ древнихъ, напримеръ, въ „Андріанкѣ“ и „Братьяхъ“ Теренція: голосъ и вопли рождающей женщины всегда слышались, по мнѣнію комиковъ, на улицѣ. Juno Lucina — Юнона Луцина, какъ покровительница рождающихъ, вѣсть съ Діаной Луциною, *подающая свѣтъ* (lux) младенцамъ. Вспомнимъ слова Овидія:

Gratta Lucinae dedit haec tibi nomina Lucina;
 Vel quia principium, tu Dea, lucis habes....

Евномія.

Любевный сынъ, пойдемъ сейчасъ же къ дядѣ;
Добьюсь, чего желаешь ты.

Ликонидъ.

Иди, и я сейчасъ же за тобой...
Но не повѣю, куда дѣвался Стробилъ?
Ему велѣлъ я здѣсь же дожидаться.
А впрочемъ я сердиться не могу:
Быть можетъ, онъ трудится для меня же....
Пойду туда, гдѣ будетъ, наконецъ,
Рѣшенъ вопросъ о жизни или смерти.

Сцена VIII.

Стробилъ.

Да я теперь богаче сталъ, чѣмъ грифы ¹⁾,
Живущіе на золотыхъ горахъ...
Не говорю я о простыхъ царяхъ—
Въ моихъ глазахъ они не лучше нищихъ;
Могу сравнить себя съ царемъ Филиппомъ.
Чудесный день!.. Пораньше старика
Отсюда я ушелъ и много раньше
На мѣстѣ былъ; на дерево залѣзъ я,
Чтобъ выслушать, гдѣ прячетъ онъ свой кладъ.
Старикъ ушелъ... я съ дерева спустился
И выкопалъ тяжелую кубышку.
При выходѣ я видѣлъ, какъ старикъ
Пошелъ назадъ, меня не замѣчая;
А я съ пути немного своротилъ...
Та-та-та-та! Какъ легко на поминѣ!
Пойду домой съ сокровищемъ моимъ!

¹⁾ *Pici divitiis qui aureos montes colunt ego solus supero...* (v. 701—702).

Ноній Марцеллъ (Pergateticus Tuburticensis) говоритъ, что у древнихъ назывались пиками тѣ существа, которыхъ греки называли *грифами* (γρίφας). Ср. Геродота, IV, 13; Плинія, VII, 1, X, 49. У Помпонія Мелы, въ главѣ о Скиѣіи. Всѣ древніе писатели называютъ ихъ стражами золота.

Оцена IX.

Евклионъ.

Погибъ!... пропагъ!... убить!... куда пойду я?
 Куда идти не долженъ я?... Держи,
 Держи его!... кого?... и самъ не знаю,
 И ничего не вижу и!... слѣпой
 Иду!... куда?... и гдѣ я, или кто я?!...
 Не въ силахъ я толково разобрать!
 Прошу я васъ, молю я—помогите,
 И выдайте скорѣе мнѣ того,
 Кто у меня укралъ мою кубышку ¹⁾...
 Сѣветесь вы, а я, вѣдь, знаю всѣхъ
 И знаю я, что здѣсь воровъ не мало...
 Скрываютъ ихъ наряды и бѣлила...
 Сидятъ себѣ и честными глядятъ...
 Что говоришь?... тебѣ я долженъ вѣрить...
 Вѣдь ты на взглядѣ на честнаго похожъ!
 Такъ не у нихъ?... скажи мнѣ: у кого же?
 Не знаешь ты?!.. о, горе! я погибъ,
 Погубленъ я, безсовѣстно ограбленъ ²⁾!..
 О, сколько же и горя, и печали
 Мнѣ этотъ день убійственный принесъ!
 И мнѣ грозятъ теперь нужда и голодъ.
 Несчастіе меня не отыскать
 На всей землѣ! И чтѣ мнѣ въ этой жизни,
 Когда мое сокровище погибло,
 Которое такъ ревностно берегъ я....
 Я самъ себѣ отказывалъ во всемъ,
 И вотъ теперь другіе торжествуютъ
 Въ моей бѣдѣ, въ потерѣ невозвратной...
 Я этого не въ силахъ пережить.

¹⁾ Въ изданіи Лео порядокъ стиховъ въ монологѣ Евклиона измѣненъ сравнительно съ другими текстами. Переводчикъ слѣдовалъ изданію Лео. Плантъ весьма безцеремонно обращается къ зрителямъ и устамъ Евклиона высказываетъ, быть можетъ, мысли о римскомъ обществѣ своей поры.

²⁾ Male perditus, pessime orbatu eo (v. 722).

Въ другихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и у Геца: ognatus.

Сцена X.

Ликонидъ, Евклионъ.

Ликонидъ (выходя изъ дома).

И кто такой стоитъ предъ нашимъ домомъ
 И плачется, и жалуется съ грустью?
 Да, кажется, вѣдь, это Евклионъ?...
 Теперь, увы, погибъ я безвозвратно!
 Открылось все! конечно, онъ узналъ,
 Что дочь его сегодня развѣшилась....
 Я не могу придумать ничего—
 Уйдти ли мнѣ, остаться ли, къ нему ли
 Мнѣ подойдти?... не убѣжать ли лучше?
 Не знаю я, что дѣлать мнѣ, клянусь....

Евклионъ.

Послышался мнѣ возлѣ чей-то голосъ!

Ликонидъ.

Несчастнаго!...

Евклионъ.

Несчастенъ, на кого,
 Какъ на меня обрушилось внезапно
 Такъ много бѣдъ, и горя, и печалей....

Ликонидъ.

Мужайся!

Евклионъ.

Нѣтъ, ужъ это не возможно.

Ликонидъ.

Передъ тобой стоитъ виновникъ зла,
 Которое тебя гнететъ: я каюсь.

Евклионъ.

Что слышу я?

Ликонидъ.

Дѣйствительную правду.

Евклионъ.

Но въ чемъ же я повиненъ предъ тобой?
За что хотѣлъ сгубить меня съ семействомъ?

Ликонидъ.

Внушителемъ монимъ явился боги¹⁾,
Вѣдь онъ-то ей меня и соблазнилъ.

Евклионъ.

Но какъ же?

Ликонидъ.

Я покаюсь, согрѣшилъ я,
И прихожу къ тебѣ съ повинной, съ просьбой:
Прости меня любовно, благодушно.

Евклионъ.

Но какъ же ты рѣшился посягнуть
На то, что не тебѣ принадлежало?

Ликонидъ.

Но какъ же быть? Уже свершилось все...
Не можетъ быть уже не совершеннымъ...
Конечно, такъ богамъ угодно было:
Безъ воли ихъ ничто бы не свершилось.

Евклионъ.

Конечно, такъ богамъ угодно было,
Чтобъ я тебя въ оковахъ уморилъ²⁾...

Ликонидъ.

Не говори такихъ вещей.

¹⁾ Deus impulsor mibi fuit... (v. 737).

Разумѣется—Cupido, Амуръ.

²⁾ : At ego deos credo voluisse ut apud me te in nervo euicem (v. 743).

Въ большинствѣ изданій: „apud te me“, совершенно измѣняющее смыслъ.

КУВЫШКА.

Евклионъ.

Зачѣмъ же
Ты посягнулъ безъ спроса на чужое?

Ликонидъ.

Вино, любовь повинны въ этомъ ¹⁾....

Евклионъ.

Дерзкій!

И смѣешь ты ко мнѣ соваться съ этѣмъ,
Безстыжій воръ! Такъ это оправданье?
Да если такъ, то можно оправдаться
И въ грабежѣ, средь бѣла дня сорвавши
На улицѣ съ матроны драгоцѣнность!
А схватятъ насъ—сказать, что въ пьяномъ видѣ
Амуромъ мы невольнo увлеклись,
Вино, любовь противны будутъ, если
Влюбленному и пьяному прощать
Безпутства ихъ.

Ликонидъ.

Но я вѣдь добровольно
Пришелъ къ тебѣ съ повинной головой.

Евклионъ.

Такихъ людей, которые, нагадивъ,
Придутъ просить прощенья, не люблю,
И ты вѣдь зналъ, что не твоя—и трогать
Не долженъ былъ.

Ликонидъ.

Такъ какъ я дерзнулъ,
То взять се себѣ не откажусь я.

Евклионъ.

Безъ моего согласія желаешь
Ее себѣ оставить?

¹⁾ Quia vini vitio atque amoris feci (v. 745).

Такия оправданія постоянно встрѣчаются въ римскихъ комедіяхъ, и у Плавта, и у Теренція, и въ одинаковыхъ почти выраженіяхъ.

Ликонидъ.

Не хочу я
И требовать наперекоръ тебѣ;
Но думаю, что ей бы должно было
Моей и быть!.. Подумавъ, Евклионъ,
Рѣшишь, что ей за мной остаться должно ¹⁾.

Евклионъ.

Да если ты не принесешь обратно...

Ликонидъ.

Не принесу!!... да что же приносить-то?

Евклионъ.

Что у меня сегодня ты укралъ...
Тебя стащу я къ претору сейчасъ же
И жалобу формальную подамъ ²⁾.

Ликонидъ.

Укралъ?... твое?... откуда?... что такое?

Евклионъ.

Такъ пусть къ тебѣ благоволятъ Юинтеръ,
Когда о томъ не знаешь ничего.

Ликонидъ.

Не скажешь мнѣ, такъ я и знать не буду,
Чего тебѣ приводится искать?

Евклионъ.

Да золотомъ набитую кубышку,
Которую укралъ ты у меня,
Какъ ты и самъ признался!

¹⁾ Обезчестившій гражданку давицу обязанъ былъ по законамъ жениться на ней безъ приданого или выдать ей соответственное вознагражденіе.

²⁾ iam quidem hercle te ad praetorem gartam et tibi scribam
dicam (v. 760).

Вводитъ соответствуетъ оригинальному: τράφομαι δίχην, „ограмоchu“—выражалась языкомъ Псковской судной грамоты.

КУБЫШКА.

Ликонидъ.

Какъ признался?

Не говорилъ, чего не дѣлалъ я.

Евклионъ.

Не признаешь?

Ликонидъ.

Конечно отрицаю:

О золотѣ твоємъ и о кубышкѣ
Не знаю я и никогда не зналъ.

Евклионъ.

Сейчасъ отдай ту самую кубышку,
Которую укралъ ты у меня
Изъ рощицы Сильвану посвященной.
Сходи за ней. Я подѣлюсь съ тобой—
Тебѣ отдамъ я больше подовняны.
Хоть ты меня и обокралъ, но я
Преслѣдовать тебя уже не стану...
Скорѣе же иди и принеси.

Ликонидъ.

Здоровъ ли ты? Но твоему—я воръ?
Ахъ Евклионъ! Сначала я подумалъ,
Что ты меня за дѣло упрекаешь,
Которое касается меня...
А то, о чемъ хотѣлось мнѣ съ тобой
Поговорить спокойно, на досугѣ,
Серьезное, значительное дѣло.

Евклионъ.

Такъ говори по совѣсти: не кралъ ты
Кубышки?

Ликонидъ.

Нѣтъ, по совѣсти не кралъ.

Евклионъ.

Но, можетъ быть, случайно знаешь вора?

Ликонидъ.

По совѣсти и этого не знаю.

Евклионъ.

Но еслибъ ты узналъ объ этомъ ворѣ,
Сказалъ бы мнѣ?

Ликонидъ.

Сказалъ бы.

Евклионъ.

И не сталъ бы
Просить себѣ извѣстной доли денегъ?
Не сталъ бы ты и вора прикрывать? ¹⁾

Ликонидъ.

Конечно нѣтъ.

Евклионъ.

Не лжешь?

Ликонидъ.

Да если лгу я,
То пусть меня Юпитеръ покараетъ.

Евклионъ.

Достаточно покуда, а теперь
Скажи, о чемъ хотѣлъ ты перемолвить.

Ликонидъ.

Быть можетъ, ты достаточно не знаешь
Ни моего семейства, ни меня,
Такъ знай теперь, что Мегадоръ мнѣ дядя,
Что мой отецъ былъ Антимахъ, а мать—
Евномія... Мнѣ имя Ликонидъ.

*)

Neque partem tibi

ab eo quousque indispices neque furem excipies? (v. 774—775).

Въ текстахъ встрѣчаются варіаціи, измѣняющія дѣло, а именно придается такой смыслъ: „А не подѣлился бы ты съ воромъ?“ „Не потребовалъ бы у него доли добычи?“

КУВЫШВА.

ЕВКЛИОНЪ.

Твоя семья известна мнѣ. Чего же
Желаешь ты, хотѣлось бы мнѣ знать.

ЛИКОНИДЪ.

Имѣешь дочь?

ЕВКЛИОНЪ.

Имѣю.

ЛИКОНИДЪ.

Ты помолвилъ
Ее, кажись, за дядю моего?

ЕВКЛИОНЪ.

Все это такъ.

ЛИКОНИДЪ.

Мнѣ дядя поручаетъ
Сегодня же сказать тебѣ, что онъ
Отказъ своей невѣстѣ посылаетъ!

ЕВКЛИОНЪ.

Отказъ, когда ужъ все припасено,
Когда ужъ все припасено для свадьбы?
О пусть же всѣ и боги, и богини
Какъ слѣдуетъ накажутъ Мегадора!
По милости его же я, несчастный,
Лишенъ всего богатства...

ЛИКОНИДЪ.

Успокойся,
Благословляй свою судьбу. Отказъ
Отъ дочери твоей да будетъ въ пользу
И дочери да и тебѣ! Скажи:
„Да совершатъ благіе боги тако!“.

ЕВКЛИОНЪ.

Да совершатъ благіе боги тако!

Ликонидъ.

Да совершать благіе боги!... Слушай:
 Не можетъ быть преступникъ такъ испорченъ,
 Чтобъ за вину свою не покраснѣлъ,
 И не желалъ, какъ можетъ, оправдаться.
 Итакъ теперь—прошу тебя: прости
 Мой тяжкій грѣхъ, поступокъ безразсудный,
 Передъ тобой и дочерью твоей!
 И пусть она моей женою будетъ,
 Какъ требуетъ того и самъ законъ.
 Предъ дочерью твоей я провинился,
 На празднествѣ Цереры, увлеченный
 Тогда виномъ и юношескимъ пыломъ...

Евклионъ.

Что слышу я!

Ликонидъ.

О чемъ же горевать-то?

О томъ, что ты, по милости моей,
 Являешься на свадьбу дочки дѣдомъ:
 Вѣдь дочь твоя сегодня родила.
 Хоть сосчитай: уже десятый мѣсяць
 Теперь пошелъ отъ празднества Цереры;
 А потому, и ради просьбъ моихъ,
 И Мегадоръ отъ брата отказался.
 Ступай домой и тамъ увидишь самъ
 Правдивость словъ моихъ...

Евклионъ.

Какое горе!

Одна бѣда, какъ видно, не приходитъ!
 Пойдти домой!.. узнать, какъ было дѣло.

Ликонидъ.

И я съ тобой..... Какъ видится, дѣлишки
 Идутъ на ладъ... но гдѣ же мой слуга?
 Не сторожить указанное мѣсто?!..
 Могу его немного подождать,

А послѣ я за старикомъ отправлюсь.
 А той порой узнаеть Евклионъ
 Отъ Федриной кормилицы все дѣло:
 Она одна вполнѣ и знала все.

А К Т Ъ V.

Сцена 1.

Стровилъ, Ликонидъ.

Стровилъ.

Безсмертныя! вы даровали мнѣ
 Богатыя, безчисленныя блага!
 Досталась мнѣ кубышка съ золотыми
 Монетами, четыре фунта вѣсомъ! ¹⁾
 Ну есть ли кто теперь меня богаче?
 Найдется ли въ Афинахъ человекъ,
 Къ которому такъ благосклонны боги?

Ликонидъ.

Какъ будто мнѣ въ сосѣдствѣ чей-то голосъ
 Послышался...

Стровилъ.

Да это мой хозяинъ?

Ликонидъ.

Да это мой слуга, кажись?

Стровилъ.

Онъ самый!

Ликонидъ.

Дѣйствительно!

Стровилъ.

Пойди, было, къ нему.

¹⁾ Римскій фунтъ заключалъ въ себѣ $76\frac{1}{2}$ золотника.

Ликонидъ.

Пойду къ нему. Я думаю, что онъ,
Какъ я велѣлъ, бесѣдовалъ съ старухой,
Кормилицей моею невѣсты.....

Стровилъ.

Что же

Не сообщу ему, что на добычу
Напалъ. Итакъ пойду его просить,
Чтобъ отпустилъ теперь меня на волю...
Пойду и все ему перескажу...
А я нашелъ...

Ликонидъ.

Ну что же ты нашелъ?

Стровилъ.

Да ужъ не то, что дѣти находили
Въ извѣстной всѣмъ старинной баснѣ ¹⁾.

Ликонидъ.

Ты,

Какъ и всегда, конечно шутишь.

Стровилъ.

Слушай,

И все тебѣ, хозяинъ, разкажу.

Ликонидъ.

Такъ говори!

Стровилъ.

Вѣдь я нашелъ сегодня
Несмѣтные богатства.

Ликонидъ.

Гдѣ? Какія?

¹⁾ Въ оригиналѣ: .... Non quod pueri clamitant in faba se reperisse.

(v. 817—878).

Стровилъ.

Попалась мнѣ кубышка съ золотыми
Монетами, въ четыре фунта вѣсомъ...

Ликонидъ.

Что слышу я!... стаянулъ у Евклиона ¹⁾!...
А гдѣ же та находка?

Стровилъ.

У меня
Въ укладѣ. Мнѣ хотѣлось бы свободу
Заполучить ²⁾!...

Ликонидъ.

Тебя пустить на волю,
Отъявленный бездѣльникъ, негодяй!

Стровилъ.

Вѣдь я давно тебя, хозяинъ, знаю,
И надъ тобой недурно подшутялъ,
А ты ужь былъ я радъ меня очистить!
Но еслибъ я дѣйствительно нашелъ,
Скажи мнѣ, какъ ты поступилъ бы?

Ликонидъ.

Шутки
Теперь оставь: давай сейчасъ кубышку.

Стровилъ.

Какую тамъ нашелъ еще кубышку?

Ликонидъ.

Отдай сейчасъ, я говорю тебѣ,
Чтобъ возвратить хозяину...

¹⁾ Eucelioni hic seni subcipit.. (v. 822).

Обычно въ изданіяхъ этотъ стихъ (въ формѣ: Eucel. v. subcipit) приписывается Стровилу.

²⁾ То-есть, выкупиться на волю.

КУВЫШКА.

СТРОВИЛЪ.

Откуда

Возьму ее?

Ликонидъ.

Въ укладѣ у себя,
Какъ самъ сейчасъ признался ты.

СТРОВИЛЪ.

Клянусь,
Люблю шутить ¹⁾... итакъ сболтнулъ для шутки...

Ликонидъ.

Но, знаешь что?...

СТРОВИЛЪ.

Да хоть убей, клянусь,
Что ничего ты не добьешься больше...

М. П—ский.

¹⁾ После этихъ словъ Стровила въ текстахъ начинаются пропуски.

Наменова, воспитанница Московскаго Екатерининскаго училища (1807 г.).—Стихи на кончину вице-канцлера, князя А. М. Голицына († 1807 г.), появившіеся въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Напечатаны въ Русской Старинѣ 1870 г., № 7 (сообщ. П. И. Савваитовымъ).

Каменская, Александра И., дочь И. П. Каменскаго († 6 августа 1819 г.).—1) Черты греческой мѣлологіи, изъ Бартеlemi, въ Украинскомъ Вѣстникѣ 1816 г., ч. 1; 2) О мозаикѣ, пер. съ франц., *ibid.*; 3) Вожатый Велисарія, повѣсть, изъ Бланшарда, *ibid.*, ч. 2; 4) Приключенія матери, оставленной на морѣ, съ двумя дѣтьми, истинное происшествіе, съ франц. (*ibid.*); 5) Изображеніе одного предмета знаменитыми авторами: Совѣсть изъ Массильона, Шатобриана и Руссо (*ibid.*, ч. 3); 6) Сраженіе при Термопилахъ, историческій отрывокъ, изъ Бартеlemi (*ibid.*); 7) Различныя виды безсмертія, изъ Геродота (*ibid.* 1817 г., ч. 1.); 8) Переводы, въ стихахъ, изъ Легуве: Сельское кладбище (*ibid.*); 9) Удовольствіе отъ благотворенія, правоучительная повѣсть (*ibid.*); 10) Письмо Жанъ-Жака Руссо къ Вольтеру, *ibid.*, ч. 7, подписано: А. К.

а) Она значится въ спискѣ „слободско-украинскихъ писателей и ревнителей просвѣщенія“, составленномъ П. Кеппеномъ (Матеріалы для исторіи русск. литературы, П. Ефремова. С.-Пб. 1867, стр. 212); б) Руссовъ, стр. 25—26.

Каменская, Александра Феофановна, въ замужествѣ Ржевская (см. это имя).

Каменская, Марья Феофановна, рожд. графиня Толстая, дочь вице-президента Академіи Художествъ, графа Феофора Петровича (родился 1783 г., ум. 1872 г.), отъ перваго брака его съ Дулиной.—1) Стихотворенія, въ Лучахъ, Ишимовой; 2) Искалъ булавочку, нашель жену, комедія. С.-Пб. 1851.

Ред. Отеч. Записки 1851 г., ч. 79, отд. 8.

3) Волосъ дологъ, умъ коротокъ, ориг. комедія, представленная въ 1851 году (А. И. Вольфъ. Хроника Петерб. театровъ, ч. II.); 4) Сказка о дѣдушкѣ Январѣ и о бѣдной сиротинушкѣ, Народное Чтеніе 1859 г., кн. 6, и оттиски: С.-Пб. 1860; 5) Стихотворенія, въ Народн. Чтеніи 1859 г.

Ред. Учитель 1863 г., № 17.

6) Сказка о мудромъ царѣ и трехъ царевнахъ и о шести диковинкахъ. М. 1860, 16°; 7) Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ Отеч. Запискахъ 1860 г., №№ 11 и 12; оттиски: С.-Пб. 1861; 8) Знакомые (воспоминанія былого). Семейство Голохвастовыхъ и семейство Шепотковыхъ, въ журналѣ Время 1861 г., № 7;

9) Непѣтый, романъ, въ Свѣточѣ 1860 г., № 1—3.

Ред. Книжн. Вѣстникъ 1862 г., стр. 171.

10) Лиза Фомина, ориг. драма, игранная въ 1863 году (А. И. Вольфъ. Хроника Петербургскихъ театровъ, ч. III. С.-Пб. 1884).

11) Старина, комедія въ 1 дѣйствіи, Пантеонъ 1852 г., № 4 и отдѣльно. 12) Своя рубашка ближе къ тѣлу, романъ въ 3 ч., въ Живописномъ Обзорѣніи 1880 г., томъ 2, №№ 27, 28, 29 и слѣд. (почти перепечатка ея же романа „Непѣтый“ (см. Новое Время 1881 г., № 1827, „Вопросы и отвѣты“).

Каминова, псевдонимъ г-жи Михаэлисъ (см. это имя).

Камская, псевдонимъ Е. А. Слоцовой. Указано у Геннади, Словарь, 2, 99.

Кандаурова, Елизавета.—Утѣшеніе матери въ тяжелой разлукѣ съ дѣтьми, Странникъ 1861 г., февраль, отд. V.

Каразина, А. В. (дочь Василя Назаровича?).—Показана въ спискѣ харьковскихъ писательницъ, въ „Матеріалахъ“, Ефремова (С.-Пб. 1867), стр. 212. Произведенія ея намъ неизвѣстны. Вѣроятно 1820-хъ годовъ.

Каразина, А. В.; см. Мухина, Александра Васильевна.

Караулова, Варвара Александровна (род. 9-го августа 1774 г., † 23-го января 1842 г., погребена на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ), въ замужествѣ за литераторомъ Александромъ Яковлевичемъ Княжнинымъ (род. 1771 г., † 1829 г.), сыномъ Якова Борисовича.—1) Строщіева пещера, пер. съ франц. С.-Пб. 1802, 12°. 2) Разговоръ матери съ маленькимъ ея сыномъ, стихотв., въ Иппокрепѣ 1800 г., ч. 6, стр. 478—80, перепечатка въ Дамскомъ Журналѣ 1830 г., ч. 31, № 27.

а) Руссовъ, стр. 26; б) Дамскій Журналъ 1830 г., ч. 31. в) Геннади, 2, 116, а на стр. 144 неправильно приписана Строщіева пещера Екатерины Александровны Княжниной.

‘Нарачунъ, Домникія.—1) Малый курсъ французской литературы, на русск. и франц. языкѣ. Харьковъ. 1875, 8°; изд. Любови Абазы; 2) Morceaux choisis en vers et en prose; изд. Л. Абазы. Харьковъ. 1875, 8°.

Нарелина, А.—Катина книжка. С.-Пб. 1864, 8°. (Посвящено Катѣ Бекетовой).

Ред. Дѣтскій Садъ 1871 г., № 6 и 7.

Нарелина, Софья Григорьевна, дочь Г. С. Карелина.—Русскій человѣкъ на восточной окраинѣ, въ Р. Архивѣ 1873 г., ст. 1318.

Карлагофъ, Е. А., супруга литератора, Василя Ивановича Карлагофъ, во 2-мъ бракѣ—Драшусона (см. это имя).

Карлова, М. Ѳ.—Турецкая провинція и ея сельская и городская жизнь, или путешествіе по Македоніи и Албаніи, въ Вѣстникѣ Европы 1870 г., № 6 и 7.

Кармалина, Л. И., рожд. Вѣденицына. — Воспоминанія о М. И. Глинкѣ, въ Р. Старинѣ 1876 г., № 6.

Карпова, С.—Краткій начальный курсъ географіи. С.-Пб. 1875, 8°.

Касторская, О.—Гувернантка, въ журналѣ Р. Рѣчь 1861 г., №№ 67—72.

Кашеварова-Руднева, Варвара Александровна, въ первомъ бракѣ за Кашеваровымъ, во второмъ, за докторомъ Рудневымъ, дочь еврея Витебской губерніи.—1) Хроническое воспаленіе отпадающей оболочки матки. Изъ Медич. Вѣстника 1868 г., № 6 и 7; 2) Матеріалы для патологической анатоміи маточнаго влагалища. С.-Пб. 1876, 8°.

Дѣло ея съ редакторомъ Новаго Времени М. П. Федоровымъ (по поводу повѣсти „Самохвалова-Самолюбова“), въ Нов. Времени 1879 г.

Кашевская, Ю.—Женщины въ Восточномъ вопросѣ. Одесса. 1877, 8°.

Кашкина, NN, ученица жепскихъ высшихъ курсовъ въ Казани.—Внутреннее состояніе Россіи въ XVII столѣтіи по Котошихину.—По отзыву профессора Осокина, сочиненіе это не уступаетъ, по достоинству, лучшимъ студенческимъ курсовымъ сочиненіямъ. О немъ въ Кіевлянинѣ 1878 г., № 132.

Кашпирева, Софья Сергѣевна, съ 1870 года издаетъ Семейные Вечера, педагогическій журналъ, основанный М. Ѳ. Ростовскою (см. это имя).

К—ва, А.—Порченая, повѣсть, въ Современникѣ 1865 г., № 11 и 12.

К—ва, Е. М.—1) Краткій катехизисъ Русскаго народа. С.-Пб. 1837, 12°; 2) Общество для распространенія грамотности въ народѣ, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1860 г., № 204.

К—ва, Лидія Петровна (Корсакова?)—1) Бредина и волны стих., въ Современникѣ 1840 г., ч. 20; 2) Вопросъ, отвѣтъ, желаніе, Маякъ 1840 г., кн. 11; 3) Жакаръ, біографія, соч. Берту, Маякъ 1840 г., кн. 2; 4) Отрывокъ изъ путешествія Плюшонно по Зондскому архипелагу, Маякъ 1841 г., кн. 17; 5) Весенній сумракъ, стихотв., въ Маякѣ 1841 г., ч. 13; 6) Мотылекъ, изъ Ламуртина, Маякъ 1842 г., т. 1.

Н—ва, Н. В.—Три звѣзды XVIII столѣтія, или бѣдовныя женщины; перев. съ франц. Москва. 1871; изд. 2-е. Москва. 1873; 12°.

Н—ва, С.—Дженни Эйръ или записки гувернантки, переводъ съ англ., въ Библиотекѣ для дачъ, пароходовъ и пр. А. Смирдина—сына, 1856 г., ч. 3.

Рец. Библ. для Чтенія 1852 г., т. 116, отд. 5.

Кельсіева, Зененда Алексѣевна, рожд. Вердеревская, р. 1834 г.—Сотрудница Отечеств. Записокъ, до 1869 г., иллюстрированнаго журнала Пина, 1870—1871 года, журнала Заря и Всемирнаго Труда.

О ней: Москов. Вѣдомости 1866 г., № 206.

Кернь, Анна Петровна, во второмъ бракѣ Маркова-Виноградская, род. 11-го февраля 1800 г., ум. 1880 г., въ Москвѣ; дочь Петра Марковича Полторацкаго и Екатерины Ивановны, рожд. Вульфъ.— 1) Воспоминаніе о Пушкинѣ (сообщено П. В. Анненковымъ), въ Библ. для Чтенія 1859 г., т. 154, № 4, отрывокъ перепечатанъ въ Моск. Вѣдомостяхъ 1880 г., № 156; 2) Отрывокъ изъ записокъ. Воспоминанія о Пушкинѣ, Дельвигѣ и Глицкѣ, въ Семейн. Вечерахъ 1864 г., № 10; 3) Три встрѣчи съ императоромъ Александромъ I, въ Русск. Старинѣ 1870 г., мартъ; 4) Изъ воспоминаній о моемъ дѣтствѣ (Р. Архивъ 1884 г., кн. III).

а) Пушкинъ посвятилъ ей нѣсколько стихотвореній и находится съ ней въ перепискѣ (см. соч. Пушкина, изд. Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. С.-Пб. 1887, т. I, II, VII); б) въ ст. М. С(емевского): Прогулка въ Тригорское, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1866 г., №№ 139, 146, 157, 163, 168 и 175; в) Вдохновительница Пушкина, статья К. Б., въ Неждѣль 1880 г., № 34; г) ея некрологъ, въ Варшавск. Дневникѣ 1880 г., № 159; д) Л. Н. Павлицевъ, Изъ семейной хроники (Истор. Вѣстникъ 1888 г., № 5); е) Соболевскій про мадамъ Кернь, Р. Архивъ 1884 г., № 6.

Керфъ, Камилла.—Необходимыя свѣдѣнія для каждой женщины. Физиологія, діететика регулъ, беременности и послѣродоваго періода, женскія болѣзни, гигиена и болѣзни новорожденнаго. М. 1876, 8°.

Кинсестеръ, Елена.—Шесть крупнонокъ противъ бессонницъ (multum in parvo). С.-Пб. 1878, 8°.

Рец. Указат. по дѣл. печати 1878 г., № 9.

Кирьянова, Анастасія Яковлевна, рожд. Марченко (см. это имя).

Кирьянова, Марья.—1) Сестра милосердія 1877 г., драма въ 4-хъ дѣйств. и 6 карт. С.-Пб. 1877, 4°. Дозволено на сценѣ съ исключеніями (Указат. по дѣл. печати 1878 г., № 18—19, стр. 2); 2) Княжна-ищанка, драма въ 3-хъ дѣйств., съ эпилогомъ (литограф.) С.-Пб. 1877, 4°; дозволено на сценѣ съ исключеніями (ibid. 1877 г.,

№ 12—13, отд. 1, стр. 4); 3) Безъ отца, драма въ 5-ти дѣйств. С.-Пб. 1877, 8°; 4) Жертва интриги, драма въ 5-ти дѣйств. (литограф.). С.-Пб. 1878, 4.

Кисленская, А. В.—Показана Тульской писательницею въ „Материалахъ“ Ефремова. Она упоминается также въ статьѣ Н. Андреева: „Прогулка по Тульѣ“ (Москвитининъ 1843 г., ч. III, № 6, стр. 537). Изъ произведеній ея указаны; 1) Путешествіе въ Ростовъ, напечатанное въ 1814 г.; 2) Поѣздка въ Воронежъ (рукопись).

К—ная, А. (Колечницкая?).—Семейство Вифаніи. Размышленіе о болѣзни, смерти и воскрешеніи Лазаря; передѣлаю съ франц. С.-Пб. 1871, 8°.

Рец. Листокъ духовной библиографіи и журналистики 1872 г., № 4.

Клевецкая, Елизавета Алексѣевна, р. 1804 г.—1) Руководство къ перспективѣ, соч. Лавита, пер. съ франц. С.-Пб. 1834.

Рец. Сѣв. Пчела 1834 г., № 293.

2) Три дѣтскіе водевиля, съ нотами и тремя гравированными картинками, подарокъ на новыи годъ. С.-Пб. 1839, 16°.

Рец. Отеч. Записки, ч. 2, отд. 7.

3) Дѣтскій водевиль „Ружье“, съ нотами и картинками. С.-Пб. 1839, 16°; на цвѣтной оберткѣ прибавлено: подарокъ на новыи годъ;

4) Добрые братья, дѣтскій водевиль, въ 2-хъ дѣйств., съ карт. и 7 нумерами нотъ. С.-Пб. 1839, 16°. Въ концѣ: списокъ подписавшихся дѣтей;

5) Два друга, дѣтскій водевиль въ 1 д. С.-Пб. 1839, 16°; 6) Дѣтскій театръ. Двѣ комедіи: 1) Волшебница, 2) Негритянка. С.-Пб. 1845, 16°; 7) Ботаническій атласъ, разцвѣченный,

съ краткими объясненіями 89-ти находящихся въ немъ растений и съ приложеніемъ начальныхъ понятій о ботаникѣ. С.-Пб. 1864, 4°.

Рец. Книжки. Вѣстникъ 1864 г., № 10, стр. 109. О ея Дѣтскомъ театрѣ см. Соч. Вѣлинскаго, X, 33.

К—на.—Палемонъ и Хлоя, идиллія, въ Пріятн. и полезн. препр. времени 1795 г., ч. 7; стр. 173.

Княгинина, Е. А. рожд. Сумарокова (см. это имя).

Княгинина, В. А. рожд. Караулова (см. это имя).

Кобякова, А. П. псевдонимъ А. П. Студзинской (см. это имя).

Ко—ва, Елена (Копьева?).—Послание къ Д. А. Г., въ Московскомъ Телеграфѣ 1830 г., ч. 1, № 2.

Коваленская, Александра Григорьевна, р. 1821 г.—1) Семь новыхъ сказокъ, съ 8 картинками. С.-Пб. 1864, 12; 2) Павлика, сказка для дѣтей, въ Дѣтскомъ Читеніи, изд. Головачевымъ, т. III.

М. 1865; 3) Галка, сказка для дѣтей. С.-Пб. 1872, 8°; 4) Мачиха, рассказъ изъ народной жизни. М. 1872; 2-е изд. М. 1887, 8°; 5) Народные рассказы. М. 1876; 6) Ива, сказка, въ Семейныхъ Вечерахъ 1865 г., младш. возрастъ, № 8; 7) Счастливый человекъ, тамъ же, № 12; 8) Крутиковъ, рассказъ. С.-Пб. 1881, 16°; удостоено золотой медали отъ комитета грамотности, по рецензiи В. Я. Стоюнина. Изд. 2-е. С.-Пб. 1884, 8°; изд. 3-е. С.-Пб. 1886, 8°; 9) Рассказы и сказки для дѣтей. Съ иллюстраціями Е. М. Немъ. С.-Пб. 1885, 8°; 10) Новые рассказы и сказки для дѣтей. Изд. П. В. Луковникова. С.-Пб. 1885, 8°; 11) Назарычъ, рассказъ. Рисунки К. А. Гагенкампа. Изд. Комитета грамотности. С.-Пб. 1887, 8°; 12) Баранчикъ, народный рассказъ. М. 1887, 8°; 13) Дядя Власъ, народный рассказъ. М. 1887, 8°; 14) Исаевна, народный рассказъ. М. 1887, 8°; послѣдніе три рассказа, съ прибавленіемъ рассказа, „Мачиха“ были напечатаны въ томъ же году всѣ вмѣстѣ.

О ея книгѣ „Семь сказокъ“ см. Сем. Вечера 1864 г., младш. возрастъ, № 1, ст. М. Ф. Ростовской.

Коваленская, О.—Гекторъ Фіерамоска, романъ Массимо д'Азеліо, перев. съ итальянскаго. М. 1874, 8°.

Нованью, Клавдія.—1) Большая, повѣсть, въ Женскомъ Вѣстникѣ 1867 г., №№ 8 и 9; 2) Сумасбродка, этюдъ, въ журналѣ Дѣло 1868 г., № 9 и 10; 3) Любовь и трудъ, повѣсть, въ Женск. Вѣстникѣ 1868 г., № 1.

Ноган, Розалія (писала безъ еровъ).—Суц для грудныхъ дѣтей, Юстуса Либиха. С.-Пб. 1866.

Ноженинова, Марья Васильевна.—1) О гнѣвѣ Божиѣмъ и наказаніи людей, передъ вторымъ и страшнымъ пришествіемъ Господнимъ. М. 1854, 24; 2) Рѣдкіе примѣры христіанскаго нищелюбія, взятые изъ жизни св. угодника Божія Филарета Милостиваго. М. 1840, 8°; изд. 2-е. М. 1845, 12°; изд. 3-е. М. 1849, 12°; изд. 4-е. М. 1851, 12°; изд. 6-е. М. 1851, 12°; изд. 7-е. М. 1853, 12°; изд. 8-е. М. 1855, 12°; 3) Застуленіе Божіей Матери, истинная повѣсть, съ литогр. картинкою. М. 1847, 1849, 1852, 1856, 16°.

Нозменинова.—Коробейники, опера въ 3 д. и 5 карт.; разрѣшена для представленія на сценѣ съ исключеніями, въ 1875 году.

Нозырева, В.—1) Краткая священная исторія Ветхаго Заветъа. С.-Пб. 1872, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1875, 8°; изд. 3-е. С.-Пб. 1877, 8°; изд. 4-е. С.-Пб. 1879, 8°; изд. 5-е. С.-Пб. 1884, 8°. 2) Краткая священная исторія Новаго Заветъа. С.-Пб. 1874, 8°; изд. 2-е. С.-Пб.

1875, 8°; изд. 3-е. С.-Пб. 1877, 8°; изд. 4-е. С.-Пб. 1879, 8°; изд. 5-е. С.-Пб. 1885, 8°:

Нологривова, Анисья Ѳедоровна, р. 28-го октября 1788 г. † въ Москвѣ 25-го марта 1876 г. Старшая дочь Ѳедора Михайловича Вельяминова-Зернова и Екатерины Николаевны, ур. Рагозиной.—1) Монастырь В. перев. съ франц. (Новости русск. литературы 1802 г., ч. III, стр. 125); 2) Грація, перев. съ франц. (*ibid.*, стр. 271); 3) 1812 годъ. Изъ семейныхъ воспоминаній. Написано въ январѣ 1873 г. (Русскій Архивъ 1886 г., кн. II).

О ней: 1) Кн. И. М. Долгорукой. Канище моего сердца. М. 1874, стр. 366—369; 2) Русск. Архивъ 1866 г., кн. II, стр. 346; 3) Вослѣта А. Ѳ. Мерзляковымъ подъ именемъ Нисм.

Нологривова, Елизавета Васильевна, писала подъ псевдонимомъ: Фанъ-Димъ.—1) Голосъ за родное, въ Маякѣ 1841 г. и отдѣльно: С.-Пб. 1843; изд. 2-е. С.-Пб. 1843, 16°.

Рец. а) Отеч. Записки 1843 г., № 1; б) Литерат. Газета 1841 г., № 3; в) Библ. для Чтенія 1842 г., т. 51, отдѣлъ 6.

2) Божественная комедія, Данте Алигьери. Адъ, съ очерками Флаксмана и италіанскимъ текстомъ; пер. съ италіанскаго (съ введеніемъ и біографіею Данте, Д. Струкова). С.-Пб. 1842, 8°. Перепечатано въ изданіи: Для учащихся. Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ, подъ редакціею Петра Вейнберга. Вып. IV. С.-Пб. 1875, 8°.

Рец. а) Отеч. Записки 1843 г., № 2, т. 26, отд. 6; б) Современникъ 1843 г., т. 29; в) С.-Пб. Вѣдомости 1843 г., № 146—149 (ст. В. Тувѣва); г) Библ. для Чтенія 1843 г., т. 61, отд. 5; д) Сѣвер. Пчела 1843 г., № 10, 23, и 37.

3) Два призрака, романъ. С.-Пб. 1842.

Рец. а) Литер. Газета 1842 г., № 10; б) Москвитинъ 1842 г., № 6; в) Отеч. Записки 1842 г., № 71; г) С.-Пб. Вѣдомости 1842 г., № 68; д) Опытъ библ. обзорѣнія, Бравта. С.-Пб. 1832, стр. 69—70; е) Соч. и переписка П. А. Шлетнева, т. II. С.-Пб. 1885, стр. 336—337.

4) Александрина, небольшой романъ, взятый изъ записокъ Юріи З., въ Русск. Вѣстнѣ 1842 г. и отдѣльно: С.-Пб. 1855, 24° (изъ Библиотеки для дачъ, т. 4 и 5).

Рец. въ Русск. Вѣстникѣ 1842 г., т. 6.

5) Хозяйка, повѣсть, въ Библиот. для Чтенія 1843 г., т. 56; б) Отрывки изъ XXXVI пѣсни „Ада“, Данте, въ сборникѣ „Новоселье“. С.-Пб. 1846, т. 3.

а) Соч. Бѣлинскаго, VI, 351—354; VII, 223, 335; б) Петербургская женщина-литераторъ сороковыхъ годовъ („Фанъ-Димъ“). Изъ воспоминаній Петербургскаго Старожила въ 1846 и 1846 гг. (В. II. Бурнашева), въ Бирж. Вѣдомостяхъ 1873 г., № 18, 19, 22, 24, 27 и 33; в) Геннади, Словарь, 2, 151 и

406; г) Ефремовъ, въ словарь тульскихъ писателей (см. его Матеріалы С.-Пб. 1867, стр. 216); д) Москвитянинъ 1841 г., ч. VI, № 11, стр. 177.

Кологривова, Наталья, сотрудница дѣвицы Баскаковой.—1) Знай, кому вѣрить, перев. съ нѣмец., въ Иппокренѣ 1799 г., ч. 3, стр. 81—86; 2) Великодушная дочь, пер. съ нѣм., *ibid.*, стр. 118—119; 3) Болтушка, перев. съ нѣмец., *ibid.*, стр. 152—155; 4) Путь къ истинной славѣ, въ Пріятн. и полезн. препр. времени 1796 г., ч. 12, стр. 304; 5) Превосходство воспитанія древнихъ Персовъ, *ibid.*, стр. 302; 6) Анекдоты, пер. съ нѣм. *ibid.*, 1797 г., ч. 13, стр. 156.
О ней: Дамскій Журналъ 1830 г., ч. 30, № 21.

Коломойцова, Н. А.—Общедоступный, дешевый и вкусный столъ. С.-Пб. 1874, 8°; изд. 2-е, испр. и дополн. С.-Пб. 1884, 8°.

Колобанина, А.—1) Разказы дѣтямъ, съ приложеніемъ карты Европы в двухъ полушаріи. М. 1866, 8°; М. 1868, 8°.

Рец. Современ. Лѣтопись 1868 г., № 20.

2) Англійскій языкъ, приспособленный къ понятіямъ дѣтей, соч. Р. Робертсона, перев. съ англ. М. 1868; изданіе г-жи Мерантье Прадересъ.

Рец. въ газетѣ Русскій 1868 г., л. 21, стр. 334.

3) Бабушка и внукъ. Тифлисъ. 1881, 8°.

Колопанова, Е.—Голосъ Русскаго народа, стихотв., въ Моск. Вѣдомостяхъ 1854 г., № 36.

Кондратова, Людмила.—1) Блуждающійся грѣшникъ. Современная поэма въ стихахъ. Воронежъ. 1871.

Рец. Донъ 1871 г., № 86.

2) Современныя пѣсни (подражаніе Беранже) и стихотворенія повѣстическія и юмористическія. С.-Пб. 1873, 8°; 3) Несчастное увлеченіе. Современная поэма (изъ уголовныхъ дѣлъ) въ стихахъ. Острогжскъ. 1879, 8°; 4) Дня брака. Современная поэма въ стихахъ, 4 части. Острогжскъ. 1880, 8°.

Кондратьева, Аделаида.—Бочевая жизнь въ Сибири, Джоржа Кеванъ, пер. съ англ. С.-Пб. 1872, 8°.

Рец. а) Вѣстн. Европы 1872 г., № 4; б) Дѣло 1872 г., № 3.

Кондратьева, Серафима.—Перечень именъ исторіи древнихъ и среднихъ вѣковъ. С.-Пб. 1876, 8°.

Кони, И. С., супруга Федора Алексѣевича Кони (1808 † 1879 г.), издателя журнала Репертуаръ и Пантеонъ, писала подъ псевдонимомъ Юрьевой.—1) Повѣсти, соч. дѣвицы Юрьевой. М. 1837, 16°.

Рец. Библ. для Читанія, т. 26, отд. 6, стр. 11.

2) Идеаль жены, повѣсть въ Литерат. Газетѣ 1832 г., № 50;

- 3) Пуля — дура, разсказъ, Пантеонъ 1852 г.; 4) Цыганка, повѣсть, въ Пантеонѣ 1853 г., № 2; 5) Купеческая дочь, повѣсть, *ibid.* 1854 г., № 8 и 9; 6) Порывъ и страсть, или два женскія сердца, драма въ 2 дѣйств., передѣланная съ франц., *ibid.*, 1850 г., № 8; есть отъ тиски; 7) Сапожный снарядъ, повѣсть въ 2-хъ частяхъ (*ibid.*, № 4); 8) Цѣлковый, повѣсть (*ibid.*, 1851 г., № 2).

Конради, Евгенія Ивановна, супруга врача. — 1) Несчастные (*Les Misérables*), В. Гюго, перев. съ франц. С.-Пб. 1869; 2) Рабство въ Америкѣ, въ Русск. Словѣ 1860-хъ годовъ; 3) Критическія статьи, о книгахъ: „Новая атмосфера“, соч. Гамильтонъ, „Совѣты молодымъ дѣвушкамъ“, соч. Уевера, и „Мысли женщины о женщинахъ“, въ Женск. Вѣстникѣ 1866 г., № 1; 4) Заграничная жизнь, тамъ же, № 2 (о женскомъ вопросѣ въ Германіи, Англии и Америкѣ); 5) Последняя любовь, романъ Ж. Санда, Женскій Вѣстникъ 1867 г., № 3; 6) Понавляющія психическія болѣзни среднихъ вѣковъ, Женск. Вѣстникъ 1867 г., № 6; 7) Новѣйшія усовершенствованія воспитательной машины, въ Недѣлѣ 1868 г.; 8) Корреспонденція по поводу литературнаго процесса Г. Благосвѣтлова, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1871 г., № 41; 9) Въ 1872 г. издавала (вмѣстѣ съ домашнимъ учителемъ; Павломъ Гайдебуровымъ и кол. ассес. Евгеніемъ Рагозиннымъ) газету Недѣля, но въ мартѣ 1874 года отказалась отъ своей доли участія въ изданіи (Указ. по дѣл. печати 1874 г., стр. 126); 10) Американцы у себя и дома, переводъ. С.-Пб. 1875, 8°; 11) Сотрудница педагогическаго журнала Воспитаніе и обученіе въ 1877 году; 12) Общія мѣста и дѣйствительность (по поводу одного фельетона), въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1877 г., №№ 179 и 180; 13) Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ, соч. Макса Вирта, перев. съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1877, 8°; изд. ред. журнала Знаніе; 14) Исповѣдь матери. С.-Пб. 1876; 15) Общественныя задачи домашняго воспитанія. Книга для матерей. С.-Пб. 1883, 8°; 16) Черныя богатыри. Жизнь рудокоповъ подъ землей. Вып. 1—8. С.-Пб. 1884, 8°.

Константинова. — 1) Обзоръ книгъ для общаго знакомства съ правильнымъ воспитаніемъ дѣтей, въ Воронежск. Телеграфѣ 1869 г., № 34 и 59; 2) Рецензія на книгу: Замѣтки о воспитаніи, А. Ш. (М. 1868), въ Воронежск. Телеграфѣ 1869 г., № 34 и 39; 3) Рецензія на книгу: Уходъ за дѣтьми, А. Комба (С.-Пб. 1868), *ibid.* № 34 и 39.

Корвинъ-Круковская, А. І. — Зарница, современная болгарская повѣсть, перев. съ польскаго. С.-Пб. 1877, 8°.

Корвинъ-Круковская, Анна Васильевна, писавшая подъ псевдонимомъ Ю. О—въ. Въ 1870 году вышла замужъ за французскаго журналиста Виктора Жакара. Умерла въ Парижѣ въ концѣ 1887 г., на сорокъ первомъ году. — 1) Сонъ, разсказъ (Эпоха 1864 г., № 8); 2) Михайлъ, повѣсть (ibid., № 9); 3) Записки спирита, разсказъ (Сѣверн. Вѣстникъ 1886 г., № 7); 4) Фельдшерница, разсказъ (ibid., 1887 г., № 3).

О ней: Истор. Вѣстникъ 1888 г., № 1.

Коренева, Раиса Александровна, род. въ 1840 году, въ замужествѣ Гарднеръ (иногда подписывала свою фамилію на оборотъ: Авенерокъ). — 1) Пустушково, Русск. Вѣстникъ 1860 г., № 12; 2) Всякому свое, романъ, въ Русск. Вѣстникѣ 1862 г., т. 39; 3) Сотрудница журналовъ: Другъ женщины и Развлеченіе.

Корнилова. — Сотрудница Сіонскаго Вѣстника, А. Ф. Лабзина (1816—1820 гг.).

Корнилова, Анна Иваповна, см. Готовцева.

Корнильева, Юлія. — 1) Приключенія молодого натуралиста Л. Віара, въ Переводахъ лучшихъ иностранныхъ писателей 1871 г., № 2, стр. 21—60 и № 3, стр. 61—92; 2) Скала чаекъ, или заблудившіяся дѣти на океанѣ, Жуль Зандо, съ карт. С.-Пб. 1873.

Короставцева, Любовь Ивановна, сестра писательницы Людмилы Короставцевой (см. это имя). — 1) Подражаніе псалму 115, въ Укр. Вѣстникѣ 1816 г., № 2; 2) Обайдагъ, аллегорическая повѣсть, изъ Ратблера, перев. съ англійск., ibid. 1817 г., ч. 1.

Короставцева, Людмила Ивановна, род. 1794 г. † 24-го іюня 1883 г., въ Петергофѣ; въ замужствѣ за адмираломъ П. И. Рикордомъ, сестра писательницы Любови Короставцевой; съ 1869 года, учредительница и предсѣдательница Прибалтійскаго братства, во имя Христа Спасителя. — 1) Подражаніе псалму 114-му, въ Украинск. Вѣстникѣ 1816 г., ч. 3, стр. 205; 2) Приключеніе на именинахъ, стихотвореніе, ibid. 1817 г., ч. 1 стр. 102; подписано:—а. Кяхта, 30-го ноября 1816 г.; авторъ вездѣ говоритъ о себѣ въ мужскомъ родѣ; 3) Будучи въ Охотскѣ, она послала оттуда въ Украинскій Вѣстникъ статью о тамошнемъ краѣ (подъ заглавіемъ „Къ издателю Украинскаго Вѣстника“), но такъ какъ въ это самое время изданіе прекратилось, то статья помѣщена въ Вѣстникѣ Европы 1820 г., ч. 111, № 11; 4) Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ. Біографическій очеркъ. С.-Пб. 1875, 8°; 5) Записки о плаваніи къ японскимъ берегамъ, въ 1812 и 1813 гг. и сношеніяхъ съ японцами, адмирала П. И. Рикорда.

Изд. Л. И. Рикордъ. С.-Пб. 1875, 8°; 6) Воспоминанія о пребываніи въ Константинополѣ, въ 1830 г. С.-Пб. 1877, 8°; 7) Воспоминанія (Русск. Старина 1876 г., т. XVII, стр. 499—512; 1879 г., т. XXIV, стр. 41—48; 1883 г., т. XXXIX, стр. 361—368). См. замѣтки къ нимъ В. А. Васильева, въ Русск. Старинѣ 1884 г., т. XLIV, стр. 219—226.

а) О ней упоминается въ словарѣ харьковск. писателей, въ „Матеріалахъ“, Ефремова (С.-Пб. 1867, стр. 212 и 213); б) Моск. Вѣдомости 1883 г., № 182; в) Русск. Старина, т. XXXIX, стр. 368; г) *Ibid.*, 1883 г., т. XI, стр. 177—480; д) Д. Д. Лязковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. III. С.-Пб. 1886.

Корсакова, Анна. — Расужденіе о истинномъ величійи человѣка, соч. Шл—ра. С.-Пб. 1792, 8°; перев. съ пѣмецкаго.

О ней: а) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1880 г., ч. 29, № 13; б) Геннади, Словарь, 2, 163.

Корсакова, Екатерина. — Пѣсни пастушки, въ Новостяхъ русск. литературы 1802 г., ч. 4, стр. 399.

Корсакиъ, Марья. — 1) Гастонъ Буасье (Boissier): Римская религія отъ Августа до Антоининовъ, пер. съ франц. М. 1878, 8°.

Рец. Вѣстн. Европы 1878 г., июнь.

2) Первоначальные уроки русской грамматики. М. 1878, 8°.

Корсини, Марія Антоновна, рожд. Быстроглазова, супруга архитектора, воспитанница Екатерининскаго института (выпуска 1830 г.), † 11-го февраля 1859 г.—1) Статьи въ Звѣздочкѣ 1845—1848 и 1856—1857 годовъ; 2) Мысли и повѣсти, посвященныя юношеству. С.-Пб. 1846.

Рец. Отеч. Записки 1847 г., № 1.

3) Очерки современной жизни. С.-Пб. 1848—1851, 16°, 9 частей; изд. 2-е. С.-Пб. 1853.

Рец. а) Отеч. Записки 1848 г., № 12; 1851 г., № 1; 1853 г., № 4; б) Современникъ 1848 г., № 12; 1849 г., №№ 1, 4 и 12; 1850 г., т. 20; 1851 г., т. 25; в) Библия для Чтенія 1848 г., т. 91, отд. 6; 1851 г., т. 105, отд. 6; г) Москвитинъ 1849 г., т. 1, № 3 и т. 2, № 12; 1850 г., № 5; 1851 г., № 5; д) С.-Пб. Вѣдомости 1848 г., № 285; е) Сынъ Отечества 1848 г., № 11, отд. 6; 1849 г., № 1, отд. 6; № 4, отд. 6; 1850 г., № 2, отд. 6; 1851 г., № 1, отд. 6.

4) Самолюбіе губить насъ, разговоръ для дѣтей отъ 12-ти лѣтъ. С.-Пб. 1849, 16°; 5) Народное чтеніе. Дѣль книги. С.-Пб. 1851, 16°.

Рец. а) Отеч. Записки 1851 г., т. 75, № 4, отд. 6; б) Звѣздочка 1858 г., ч. 28, стр. 191 и 265.

6) О воспитаніи дѣтей въ обществахъ, въ Сѣверн. Пчелѣ 1851 г., № 244; 7) Прогулка въ Петербургѣ, *ibid.* 1854 г., № 201—205;

8) Счастье христіанской жизни, сочиненіе опытной старушки, посвя-

щенное дѣвцамъ и молодымъ женщинамъ (анонимно). С.-Пб. 1856, 8° (Геннади: Списокъ русск. анон. книгъ. С.-Пб. 1874, стр. 42); 9) Первая выставка сельскихъ произведеній въ Петербургѣ, въ Сѣверн. Пчелѣ 1850 г., № 16 (есть отгвски); 10) Петергофъ и петергофскій праздникъ 11-го іюля. С.-Пб. 1854, 8°.

О ней: а) Некрологъ, въ академ. Мѣсяцесловѣ на 1860 г.; б) Сѣверн. Пчела 1859 г., № 39; в) Иллюстрація 1859 г., № 58; г) Геннади, въ Библиограф. Запискахъ 1861 г., № 4; д) его же, Словарь, 2, 163 и 408; е) Сочин. и переписка П. А. Шетнева, т. III. С.-Пб. 1835 г., стр. 474.

Корфъ, баронесса, Елена Модестовна, дочь дѣйств. тайн. сов., барона (а впоследствии графа) Модеста Андреевича (родился 11-го сентября 1800 г. † 2-го января 1876 г.). — 1) Исторія моего котенка. С.-Пб. 1864, 12°, 4 стр., въ типогр. Второго Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеларіи. Печатано въ числѣ только 30 экземпляровъ (Кв. Вѣстникъ 1864 г., стр. 2), два изданія одно за другимъ. „Произведеніе малолѣтней, вскорѣ затѣмъ скончавшейся дочери гр. М. А. Корфа“ (Геннади: Русскія книжн. рѣдкости. С.-Пб. 1872, стр. 124).

Косаговская, Надежда. — Дядѣ я благодѣтелю И. А. К., стихоть, въ Собр. новыхъ русск. стихотвореній. С.-Пб. 1826, ч. 2, стр. 236.

Косачева, Ольга П. — Украинскій народный орнаментъ. Вышивки, ткани, писанки. Кіевъ. 1876, 4°.

Костромская, Софья (псевдонимъ?). — 1) Въ перергону. Иллюстрированные рассказы въ стихахъ, для дѣтей. Лейпцигъ и С.-Пб. 1876. (Указ. по дѣл. печати 1876 г., стр. 277); 2) Не ея ли перу принадлежатъ изданіе (анонимное) многочисленныхъ дѣтскихъ книжечекъ въ Лейпцигѣ (см. Указ. по дѣл. печати 1873—1876 гг.), разрѣшенныхъ въ обращенію въ Россіи.

Костылева. — Какъ люди выучились считать, въ Дѣтск. Чтеніи 1876 г., № 12.

Котельникова, Елизавета, ученица женскихъ высшихъ курсовъ въ Казани. — Казанское взятіе 1552 года. По отзыву профессора Осокина, сочиненіе это не ниже, по достоинству, лучшихъ студенческихъ курсовыхъ сочиненій. См. Кіевлянинъ 1878 г., № 132, стр. 3.

Котельникова, С. А. — 1) Реймонъ, Вильямъ. Исторія искусствъ, перев. съ франц., съ рис. М. 1876, 8°; 2) Завѣщаніе Каина, галицкіе рассказы, Захеръ-Мазоха, пер. съ вѣмец. М. 1877, 8°; 3) Идеалы нашего времени, ром. Захеръ-Мазоха, пер. съ нѣмецк. М. 1877, 8°. Объ этихъ переводахъ см. Отеч. Записки 1877 г., № 8, ст. Н. Михайловскаго. Кохановская, псевдонимъ Н. С. Соханской (см. это имя).

Кошелевская, Марья Николаевна, † 8-го января 1883 г. — 1) Въ

1836—1850 гг. издавала Вѣстникъ парижскихъ модъ. 2) Коллекція картинъ, состоящая изъ 94 рисунковъ. С.-Пб. 1850.

Рец. Отеч. Записки 1850 г., ч. 72, отд. 6, стр. 116.

3) Съ 1851 года издавала въ Петербургѣ Магазинъ модъ и рукодѣлія, ежемѣсячный журналъ въ двухъ отдѣлахъ; прекратился въ 1856 году..

О ней: Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. III. С.-Пб. 1886.

Ношлакова, Софья И.—1) Практическое руководство къ изученію англійскаго языка, по методу Оллендорфа. Изд. Софьей Кошлаковой, подъ редакціей г. Дункана. Изд. 2, испр. и допол. С.-Пб. 1864, 8°.

Рец. въ журналѣ Учитель 1865 г., № 23—24.

2) Ключъ къ упражненіямъ въ практическомъ изученіи англійскаго языка, по методу Оллендорфа (дополненіе къ предыдущему изданію). С.-Пб. 1864, 8°. 3) Будьте здоровы! Популярно-медицинскія бесѣды доктора Бока; пер. съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1862; изд. 2-е, исправленное и дополненное, подъ ред. II. Конради. С.-Пб 1864, 8°.

Крамеръ, А. В., рожд. Скалонъ.—„Зашумитъ ли листь древесный“ (съ переложеніемъ на музыку, А. А. Калиновскаго); изданъ музыкальнымъ магазиномъ Л. Ютта въ С.-Пб. 1863 года.

Крапивина, С. И., псевдонимъ Лободы С. М. (см. это имя).

Крестинна, Анна. Чувства и мысли при чтеніи русской книжки о правахъ женщинъ въ Россіи, въ Дамск. Журналѣ 1827 г., ч. 20.

Крестовскій, В., псевдонимъ Н. Д. Хвоцниной (см. это имя), который не слѣдуетъ смѣшивать съ „Н. Крестовскимъ“ (псевдонимомъ Н. Куликова, бывшаго режиссера русской драматической труппы въ Петербургѣ, автора многихъ театральныхъ пьесъ), и съ Всеволодомъ Владиміровичемъ Крестовскимъ, авторомъ „Петербургскихъ Трущобъ“.

Криворотова, Павла Григорьевна. Итальянско-россійскій словарь. М. 1838—1839, 16°.

Рец. а) Галатея 1839 г., ч. 1; б) Литер. приб. къ Русск. Инвалиду 1839 г., т. 1; в) Отеч. Записки 1839 г., т. 3, отд. 7.

Криницкій, псевдонимъ княгини Вадбольской (см. это имя).

Кривечская.—1) Примѣчанія о картофелѣ, въ Трудахъ Волян. Экон. Общества, ч. 55, стр. 67; 2) Письмо о сибирскомъ шелковникѣ, *ibid.*, ч. 56, стр. 68.

Кривечская Любовь Яковлевна.—1) Р-ву (на совѣтъ описать садъ его), стих., въ Украинск. Вѣстникѣ 1816 г., ч. 2; при этомъ письмо въ прозѣ; 2) Къ пучку незабудокъ, посланныхъ моимъ друзьямъ,

четырёхстишіе, *ibid.*; 3) Вздохъ моего сердца, стих., *ibid.*, ч. 3; 4) Раскаяніе, стихотв., *ibid.*, ч. 4; 5) Пѣсня, подражаніе, *ibid.* 1817 г., ч. 1; 6) Дѣйпръ, отрывокъ изъ моего журнала, посвящается дровнямъ, *ibid.*; 7) Пѣсня, подражаніе, *ibid.*; 8) Пріятнымъ днямъ въ моей жизни, стихи, *ibid.*; 9) Вѣра, надежда и любовь, стих., *ibid.* 1816 г., ч. 2; 10) Мои свободныя минуты, или собраніе сочиненій въ стихахъ и провѣ. Харьковъ. 1817, 16°; 11) Съ береговъ Терновки, въ Украинск. Журналѣ 1824 г., ч. 4; 12) Историческіе анекдоты и избранныя изреченія извѣстныхъ людей. Харьковъ. 1826, 8°; 13) Нѣтъ добра безъ награды, драма въ 3 дѣйств. Харьковъ. 1826, 12°; на оберткѣ—извѣстіе о ея литературныхъ трудахъ; 14) Двѣ повѣсти: Коринна и Эмма. М. 1827, 12°; 15) Графъ Горскій. Харьковъ. 1837, 16°; посвящено кн. Эмилии Петровнѣ Трубецкой, супругѣ тогдашняго Харьковскаго губернатора, князя Петра Ивановича Трубецкаго.

Ред. а) П. А. Плетнева (Соч. и переписка, т. II. С.-Пб. 1885, стр. 244—245; б) О новомъ сочиненіи Любови Кричевской, въ Дамск. Журналѣ 1827 г., ч. 18, стр. 313.

О ней: а) стихотвореніе, ей посвященное, въ Украинск. Вѣстникѣ 1816 г., ч. 2, стр. 220, подписано: Lxx—Cс б) Толль, Настольн. Словарь, 2. 592; в) упоминается въ словарѣ харьковскихъ писателей, въ „Материалахъ“, Ефремова (С.-Пб. 1867, стр. 212); г) Руссонъ, стр. 28; д) Геннади, Словарь.

Крупская, Александра.—Воспоминанія Крымской войны, сестры Крестовоздвиженской общины, въ Военномъ Сборникѣ 1861 г., № 8 и отдѣльно: С.-Пб. 1861, 8°, два изданія.

Крупская, Е.—Дѣтскій день, въ стихахъ, съ картинками. Варшава. 1874, 8°.

Крутикова, Елена Ивановна.—Зеркало души и проч. Объ этомъ сочиненіи, имѣвшемъ появиться въ свѣтъ, см. Московскіи Вѣдомости 1834 г., № 30, стр. 1423.

Крылова, Елизавета.—1) Рондо, въ Дамскомъ Журналѣ 1830 г., ч. 30; 2) Умѣренность, стихотв., *ibid.*, ч. 29; 3) Посланіе къ Д. Л., стихотв., *ibid.*, ч. 29, № 5.

Крылова, Надежда Александровна, въ замужествѣ Дестунисъ (см. это имя).

О ней: Россійская Библиографія 1881 г., № 80.

Крюкова, Ольга Петровна, дѣвица, род. 1817 † 1885 г. (Даты сообщены П. Н. Петровымъ).—1) Дюпецъ. повѣсть въ стихахъ. М. 1833, 8°. Писана 16-ти лѣтъ.

Ред. въ Дамск. Журналѣ 1833 г., ч. 42, № 24, стр. 173—175.

2) Старина: I. Барышни Стрѣльниковы, II. Капитанъ-исправникъ,

въ Развлеченіи 1859 г., № 38—40; есть оттиски. М. 1859, 8°; 3) Двѣ подруги, стихотв., въ Дамск. Журналѣ 1833 г., ч. 41, № 6; 4) Жертва любви, стихотв., *ibid.*, № 9; 5) Тоска о минувшемъ, стихотв., *ibid.*, ч. 42, № 10; 6) Отрывокъ изъ поэмы: Илецкій казакъ, *ibid.*, № 21; 7) Притча о нуждѣ и лихомствѣ, записано со словъ старушки, Развлеченіе 1860 г., № 84.

О вей: Толь, Наст. Словарь, 2, 603.

Крючичкова, А. — Печатала рецензіи на слѣдующія сочиненія: 1) на изд. А. Анненской: „Робинзонъ Крузе“ (С.-Пб. 1873), въ журналѣ Семья и Школа 1863 г., № 10; 2) на соч. А. Якоби: „Нашимъ дѣтямъ“ (С.-Пб. 1873), *ibid.* 1873 г., № 4—5; 3) на соч. „Морская глубина“, Рожера (М. 1873), *ibid.* 1873 г., № 10, кн. 2; 4) на книгу „Розовая Библиотека“ (С.-Пб. 1873—1874), *ibid.* 1873 г., № 10; 5) на „Разказы для дѣтей“, С. Бурениной (С.-Пб. 1873), *ibid.* 1873 г., № 45; 6) на соч. А. Казинной: „До разсвѣта“ (С.-Пб. 1874), въ журналѣ Семья и Школа 1874 г., № 5; 7) на соч. А. Владиміровой: „Сказки, преданія и легенды“ (С.-Пб. 1874), въ журналѣ Семья и Школа 1873 г., № 10, кн. 2; 8) на изданіе А. Маркеловой: „Его не повили“, Монгомери (С.-Пб. 1874), *ibid.* 1874 г., № 5, кн. 2; 9) на „Библиотеку мнѣхъ старшихъ дѣтей“ (С.-Пб. 1874), *ibid.* 1874 г., № 5; 10) на „Бабушкины Сказки“, Жоржъ-Санда (С.-Пб. 1875), *ibid.* 1874 г., № 5.

К—с—л—ва, (Киселева?).—Грусть невѣсты, стихотв., въ Библ. для Чтенія, т. 23, кн. 1, стр. 155.

Кубе—подпись иногда употреблявшаяся Е. И. Вельтманъ (Геннаді, Словарь, 2, 194).

Кувы--я, Авдотья.—Буря 30-го мая 1841 г. М. 1841, 24°.

Кудрявцева, Софія († 1834 г.), дочь Польскаго короля Станислава Понятовскаго.—Краткія выписки моей жизни. (Посвящено 10-го марта 1827 г., Олыгъ Трошинской), въ Р. Старинѣ 1882 г., т. XXXVI, стр. 119—130.

Кузнецова, П. П.—Князь Василій Сицкій, романъ изъ временъ царя Бориса Θεодоровича Годунова. М. 1853, 16°; М. 1869, 16°.

Рец. Пантеонъ 1859 г., № 9.

Кузнецова-Горбунова, Прасковья Ивановна, крѣпостная крестьянка подмосковнаго села Кускова (графовъ Шереметевыхъ); съ 6-го ноября 1801 года — супруга оберъ-камергера графа Николая Петровича Шереметева (род. 28-го іюня 1751 г., † 2-го января 1809 г.); род. 20-го іюля 1768 г., † въ С.-Пб. 23-го февраля 1803 г. и скоронена въ Александро-Невской лаврѣ.—Народная пѣсня (сочиненная ок. 1790 г.):

„Вечоръ поздно изъ глѣсочку

и „Я коровъ домой гнала“, и т. д.

(описывающая первую встрѣчу съ будущимъ своимъ супругомъ). Появилась въ нашихъ Пѣсенникахъ не ранѣе 1819 года, но пѣлась въ народѣ со времени своего сложенія. Сборникъ различныхъ ея редакцій у Бессонова: Восемнадцатый вѣкъ въ русскихъ историч. пѣсняхъ М. 1872, стр. 49—65.

Биографія самого автора, *ibid.*, стр. 1—92.

Кузьмина, Анна Павловна, писавшая подъ псевдонимомъ Апека.—

- 1) Катрины капризы, Чарльза Дикенса (въ одномъ томѣ съ переводомъ Марка-Вовчка: Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. С.-Пб. 1873);
- 2) Собраніе стихотвореній. С.-Пб. 1876, 8°.

Кулишъ, Александра Михайловна рожд. Вѣлозерская, супруга П. А. Кулиша. Писала подъ псевдонимомъ Ганна Барвінокъ и Нечуй-вѣтеръ.—1) „Въ осини літо“, и 2) „Лихо не безъ добра“— въ сборникѣ „Хата“, изд. П. Кулишъ. С.-Пб. 1860. Первый разсказъ переведенъ на русскій языкъ П. Малыхинымъ и напечатанъ въ Ворон. Литер. Сборникѣ 1861 г., стр. 197. То же, переводъ А. Стороженко, Сѣв. Пчела 1866 г.; 3) Съ Волини, корреспонденція, *ibid.*, 1861 г., № 1, стр. 282—292; 4) Трудящій szukaе домі, а доля szukaе трудящато, записала з народніх уст Ганна Барвінокъ, въ буковинскомъ (галицко-русскомъ) альманахѣ на 1877 г. „Руська хата“ (Указат. по дѣл. печати 1878 г., № 11, отд. III, приложение, стр. LXIX); 5) Чорты у Крепацтві, тамъ же (*ibid.*, стр. LXIX).

Кульжинская, З. А. — См. Генъ.

Кульманъ, Елизавета Борисовна, родилась 5-го іюня 1808 г., въ С.-Пб., † 19-го ноября 1826 г., тамъ же; скоронена на Смоленскомъ кладбищѣ.—1) Пѣтическіе опыты. С.-Пб. 1883, 8°. Посвящено Е. И. В. императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Изданіе Россійской Академіи. Изд. 2-е. С.-Пб. 1839, 8°.

Ред. а) Библ. для Чтенія 1834 г., т. 1, отд. 6; б) Моск. Телеграфъ 1833 г., т. 53; в) Сѣверн. Пчела 1833 г., № 39; г) Литер. приб. къ Русск. Инвалиду 1834 г., № 5; д) Молва 1836 г., т. 11; е) Отеч. Записки 1841 г., т. 14, № 2, отд. 6; ж) С.-Пб. Вѣдомости 1841 г., № 119 (ст. Сорокина).

2) Полное собраніе русскихъ, вѣмецкихъ и итальянскихъ стиховъ Елизаветы Кульманъ. С.-Пб. 1841, 8°. На вѣмецкомъ языкѣ, было всего восемь изданій ихъ: С.-Пб. 1835, 8°; 2-е изд. Leipzig. 1884, 8°; 3-е изд. Leipzig. 1844, 8°; 6-е изд. Frankfurt am M. 1851, 8°; 7-е изд. Frankfurt. 1853, 8°; 8-е изд. Frankfurt. 1857, 8°.

О ней: а) Елизавета Кульманъ, ея труды и таланты въ литературѣ, въ Виб-

ліот. для Читенія 1834 г., ч. 1, отд. 1, стр. 166; б) Жизнеописаніе двѣнадцати Кульманъ, А. Никитенки, въ Библ. для Читенія 1835 г., т. 8, № 12, отд. 1, стр. 39, съ портретомъ; есть оттиски: С.-Пб. 1835. Отсюда, въ переводѣ, отдѣльною книгою: *Saggi poetici di Elisabetta Kulmann*, per A. Nikitenko. St.-Pbg. 1839, 8°, съ портретомъ; ed. terzio. Milano. 1847, 8°. Отзвѣтъ объ этой книгѣ въ рѣчи А. Ѳ. Бычкова въ память А. Никитенки; переизд. въ Головѣ 1878 г.; в) Елисавета Кульманъ, фантазія, А. Тимофѣева. С.-Пб. 1835, 8°; (реп. Библ. для Читенія, ч. 13, отд. 6, стр. 13; ч. 21, отд. 6, стр. 42, и Соч. Бѣлинскаго, II, 182); г) Елисавета Кульманъ и ея стихотворенія, соч. К. Гроссгейнриха, пер., съ вѣм. Е. и М. Бурнашовыхъ; первоначально было помѣщено въ Библиот. для Читен. 1849 г., т. 94—96, а потомъ издано отдѣльно; д) Хмыровъ, въ *Газетѣ* 1861 г., № 12, стр. 257—275; е) о ея гравированномъ пояскомъ портретѣ см. Ровинскаго: *Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ*. С.-Пб. 1872, стр. 74 и 201; ж) Мордовцевъ, *Русскія женщины XIX вѣка*. С.-Пб. 1874; з) Живоп. Сборникъ 1857 г., № 11, стр. 445; и) Соч. Бѣлинскаго, VII, 160; i) *Ausgewählte Dichtungen von Elisabeth Kulmann; ausgewählt und mit einer Einleitung versehen von E. Miltner*. Heidelberg. 1875; к) Толль, *Настольн. Словарь*, 3, 611; л) ея портретъ и біографія, въ изд. Вольфа: *Русскія люди*. С.-Пб. 1866, т. 1, стр. 54—83; м) Иллюстр. Газета 1866 г., № 21; н) статья о ней Е. Бурнашевой, въ *Лучахъ* 1853 г., № 3, 5 и 6; о) *Monnich. Elisabeth Kulmann*. Nürnberg. 1843; п) Геннадіи, 2, 200; р) Е. С. Некрасова. Елисавета Кульманъ, въ *Истор. Вѣстникѣ* 1886 г., т. XXVI, стр. 551—579; с) Сборникъ 2-го отд. *Ав. Наукъ*, т. V, вын. 2, стр. 334; т) *Отеч. Записки* 1850 г., т. 77, отд. 6, стр. 38.

Курманалѣва, Н.—1) Золото и женщина, переводъ съ франц., въ *Дамск. Журналѣ* 1830 г., ч. 30, № 26; 2) Вѣда за бѣдою, или приключенія застѣнчиваго человѣка, имъ самимъ рассказанныя, переводъ съ франц., *ibid.*, „первые опыты юной переводчицы“, по выраженію издателя *Дамскаго Журнала*; 3) Могущество музыки, *ibid.*, № 24; 4) Изящный умъ и благоразуміе, перев. съ франц., *ibid.*, ч. 31; 5) О силѣ предрасудковъ между индійцами, *ibid.* 1830 г., ч. 30, № 22; 6) Благость, пер. съ франц., *ibid.*, ч. 31; 7) Лицо, видъ и фізіономія, пер. съ франц., *ibid.*, ч. 31, стр. 97.

Кусовникова, Вѣра Ивановна, двѣнца, сотрудница сестры своей Надежды Ивановны (см. это имя).

Кусовникова, Надежда Ивановна (въ замужествѣ Шульгина), въ сотрудничествѣ съ сестрою своею, Вѣрою Ивановною, перевела съ нѣмецкаго: *Наставленіе добродѣтельной матери ея дочери, съ присокупленіемъ благодаренія отъ чувствительной дочери къ своей матери, въ день ея рожденія*. М. 1804, 12°.

О ней: а) Макаровъ, въ *Дамск. Журналѣ* 1830 г., ч. 31; б) ей посвящевъ переводъ „*Каминна*“, А. П. Хвостовой, М. Мальфа, на нѣмецкій языкъ

(„Fraulein Nadeschda Kusownikow gewidmet“); в) Руссовъ, стр. 29; г) Геванде, Словарь, 2, 204.

Кутузова, Александра.—Сцены изъ американской жизни, соч. Вальи, въ переводахъ лучшихъ иностр. писателей 1871 г., № 2. Вышло отдѣльно: С.-Пб. 1872.

Ред. Педагогич. листокъ при Дѣтск. Читенія 1872 г., № 1.

Кушелева, Елизавета.—Историческая и хронологическая роспись всѣхъ въ Россіи владѣтельныхъ великихъ князей, царей, императоровъ и императрицъ, съ показаніемъ ихъ супруговъ, потомковъ и свойствъ съ прочими европейскими домами, служащая къ введенію въ російскую исторію. Отчасти изъ російской исторіи писателей выбрано, а отчасти изъ французскаго на російскій языкъ переведено Елисаветою Кушелевой, подъ руководствомъ ея учителя Федора Габлиця. С.-Пб. 1875, 16°.

Л—а, М—а.—Чувства дочери, стихотв., въ Библиот. для чтенія 1836 г., январь.

Лаврентьева, С.—Поиграли, рассказъ, въ Русской Рѣчи 1880 г., № 7.

Лангъ, Амалія.—Новый Пигмалионъ, повѣсть, пер. съ нѣм. С.-Пб. 1832, 12°.

Ланская-Вилламова, Елизавета Ивановна, рожд. Вилламова, род. 1764 г., сконч. 8-го октября 1847 г.; за т. с. и сенаторомъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Ланскимъ (ум. 29-го апрѣля 1814 г.), дочь нѣмецкаго поэта и инспектора классовъ въ Петропавловской школѣ, въ С.-Пб., сестра статсъ-секретаря Григорія Иван. Вилламова (род. 1773 г., скончался 1842 г.), наставница великой княжны Александры Павловны.— 1) Посланіе Державину (1811 г.), въ Сочиненіяхъ Державина, изд. Грота, ч. 3, стр. 516—517. 2) *Mélanges littéraires, dédiés à l'indulgence*, par m-me de Lanskoj-Willamow; trimestre 1—3, S.-Pbg. 1830, 8° (весьма рѣдко). На 225-й стр. 1-й части, стихотвореніе *A ma fille, m-me Zénéide Lanskoj, née princesse Wolkonsky*, то-есть, собственно: *à ma belle-fille*, ибо сынъ Вилламовой, Петръ Сергѣевичъ Ланской, былъ женатъ на княжнѣ Зинайдѣ Дмитріевнѣ Волконской († 1830 г., въ Царскомъ Селѣ), дочери князя Дмитрія Михайловича (род. 1759 г., ум. 1814 г.), в княгини Марѣи Никитишны, рожд. Зибиной (род. 1766 г., ум. 1816 г.). Въ Росс. Род. Книгѣ кн. Долгорукова (ч. 1, стр. 268), не показано именъ: ни Зинаиды Дмитріевны, ни ея мужа; въ Русск. Родосл. Книгѣ, изд. Русск. Старинны (С.-Пб. 1873, ч. 1, стр. 102—103), не показаны вовсе ни Петръ Сергѣевичъ Ланской (въ родословной Ланскихъ), ни бракъ отца его на Вилламовой, ко-

торый показанъ только въ родословной Вилламовыхъ (ч. 2, стр. 5). См. также въ „Разсказахъ Бабушки“. С.-Пб. 1885, стр. 46, 436.

О ней: а) Соч. Державина, 3, 516—517; 6, 216, 229, 291 и 858; б) ей посвящена книга С. Шердей (см. это имя, въ приложеніи franco-russes; г) кн. И. М. Долгорукій. Калище моего сердца. М. 1874, стр. 282—284.

Ласкосъ, Изабелла Львовна, рожденная фонъ-Гринбергъ, дочь доктора медицины Льва Павловича (род. 1796 г., † 2-го апрѣля 1850 г.), † 13-го мая 1877 г., въ С.-Пб.—1) Меценатъ, драма въ 4 дѣйствіяхъ (не поставленная на сценѣ). Была переведена авторомъ на вѣмецкій языкъ и принята дирекціями Пражскаго и Рижскаго театровъ. 2) Бѣдная племянница, драма, игравшая въ 1862 году. 3) Театральные артисты, романъ Гизланцони. Сокращ. переводъ съ итальянскаго (Русск. Вѣстникъ 1869 г., т. 82, съ подписью: И. Д. Г.). 4) Магнолья, повѣсть, въ Зарѣ 1871 г., № 9. 5) Первая бѣлая роза (святочный разсказъ); посвящено гр. А. Д. Блудовой, въ Нивѣ 1870 г. № 2 и 3 (за подписью: Иза Г—). 6) Изъ путевыхъ воспоминаній. Наполеонъ на двухъ балахъ въ Влпи (Сем. Вечера 1873 г. Старшій возрастъ, № 5). 7) Изъ путевыхъ воспоминаній. Островъ Мадера (ibid., № 9). 8) О женскомъ трудѣ (ibid., 1874 г. № 6). 9) Изъ путевыхъ воспоминаній (ibid., № 9). 10) Корреспонденціи, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1874—1876 гг. (одна изъ нихъ, объ овреяхъ въ Вѣнѣ, перепечатана въ V т. „Еврейской Библіотеки“ (С.-Пб. 1875) издававшейся А. Ландау. 11) Италія (Сем. Вечера 1875 г. Старшій возрастъ, № 6). 12) При дворѣ, романъ въ 3-хъ ч., въ Русск. Вѣстникѣ 1876—1877 гг., в отдѣльно: С.-Пб. 1878, 8°.

Рец. Указат. по дѣл. печати 1878 г., стр. 428.

13) Сотрудница Гражданина.

О ней: а) Моск. Вѣдомости 1877 г., № 121; б) Гражданинъ 1877 г., № 20, стр. 493—494; в) Семейные Вечера 1877 г. Старшій возрастъ, № 6.

Лачинова, Е., генеральша, рожд. Шалашикова, писала подъ псевдонимомъ: Хамаръ-Дабановъ, Е.—1) Закубанскій Хараизаде, отрывокъ изъ романа, Библ. для Чтенія 1842 г., т. 54 (см. Соч. Бѣлинскаго, VII, 48). 2) Продѣлки на Кавказѣ. С.-Пб. 1844, 12°. Вѣроятно, за изображеніе лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ, этотъ романъ, хотя и былъ допущенъ въ продажу, но вскорѣ отобранъ, и сталъ рѣдкостью. Вѣроятно, переводъ этой книги значится въ Каталогѣ иноязычныхъ сочиненій о Россіи И. П. Б—ки: Нашаг-Дабанов, Moscowiter und Tcherkessen. Leipzig. 1846, 8°, 2 vol. Экземпляры у М. Н. Лонгинова, и М. И. Семейскаго* (Геннадіи, Русскія книжныя рѣдкости. С.-Пб. 1872, стр. 114).

См. Книжный Вѣстникъ 1865 г., № 20 и Р. Архивъ 1881 г., кн. 2, стр. 246, гдѣ указанъ псевдонимъ.

Л—ва, А.—Графиня Саласбюри, соч. А. Дюма, пер. съ франц. М. 1850, 16°.

Рец. а) Отеч. Записки 1850 г., ч. 73, отд. 6; б) Сынъ Отечества 1850 г., т. 73, № 12, отд. 6; в) Москвитянинъ 1850 г., т. 2, № 22; г) Библия для Чтенія 1850 г., т. 104, отд. 6.

Лебедева, Е., съ 1881 г. издастъ журналъ: Переводы отдѣльныхъ романовъ.

Лебедская, Елизавета.—Дамскій зонтикъ, стихотв., въ Моск. Телеграфѣ 1827 г., т. 2.

Левина (вмѣстѣ съ Поляровой).—1) Дѣтскіе рассказы. М. 1874, 12°. Рсс. Моск. Вѣдомости 1874 г., № 56.

2) Изъ жизни замѣчательныхъ людей. Моцартъ. М. 1874, 12°.

Левицкая, Софья Александровна, вдова генерала-лейтенанта.—Корреспонденція и стихотворенія въ галиційской газетѣ Слово 1878—1881 г. (подъ псевдонимомъ: „Русская солдатка“).

Лейла, псевдонимъ Е. Н. Ахматовой (см. это имя).

Лелева, М. П.—Примирительница. Сцены изъ прошлой помѣщицкой жизни, въ 5 д. С.-Пб. 1875, 4°. Лятогр.

Ленкевичъ, Лидія, дочь коллежскаго ассессора. Въ 1875 году разрѣшено ей издавать въ Казани, подъ предварительною цензурою, Листокъ Объявленій (Указат. по дѣламъ печати 1875 г., стр. 280), который она передала, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, казанскому 2-й гильдіи купцу Карлу Тилли (*ibid.*, стр. 389).

Лениновичъ, М.—Опытная прачка или собраніе способовъ мыть разнаго рода матеріи, мѣха и проч. С.-Пб. 1874, 8°.

Ленковская, Стефанія, дочь маіора. Съ іюня мѣсяца 1875 года, издавала дамскій иллюстрированный журналъ Аврора, право на изданіе котораго перешло къ ней отъ дочери кол. сов. Ольги Миропольской (Указат. по дѣл. печати 1875 г., стр. 212).

Леонидова, Клеопатра.—Нѣкоторые факты и мысли о мужьяхъ и супружескомъ счастьи, въ Библия для Чтенія 1838 г., т. XXX, отд. 1.

Леонова, Александра, подъ псевдонимомъ Ивина. Не судьба, повѣсть, въ Отечественныхъ Запискахъ 1862 г., т. 140.

Леонтьева С.—1) Игрная книжка для дѣвочекъ. С.-Пб. 1870; составляетъ 11-ю книжку Дѣтской Библіотеки, изд. В. Гольдшмидтомъ; 2) Рассказы для дѣтей, г-жи Жаняльсь, пер. съ франц. (13 т. Дѣтск. Библіотеки). С.-Пб. 1871, 16°; 3) Рассказы для дѣтей, пер. съ франц. (14 т. Дѣтск. Библіотеки). С.-Пб. 1871, 16°.

Лепко, Ольга Александровна, р. Соколовская, дочь полковника инженернаго вѣдомства, воспитанница кievскаго института, р. 1837 г., супруга Ивана Тимофѣевича Лепко;—1) Женскій вопросъ, стихотв., въ Отеч. Запискахъ 1868 г., № 7; 2) Стихотворенія, въ Будильникѣ (1869—1871 гг.), въ отдѣлѣ Мелочи, подъ псевдонимомъ „Охтенская“; 3) Стихотворенія въ Искрѣ 1868—1869 гг., подъ тою же подписью; 4) Перевела „Кобзарь“, Шевченка, изданный Д. Е. Кожанчиковымъ С.-Пб. 1867; 5) Пѣсни П. Дюнона, въ Живописн. Обзорѣнн 1880 г., т. 1.

Изъ за изданія „Кобзаря“ возникъ судебный процессъ, подробности о которомъ смотри въ Петербургскомъ Листкѣ 1868 г., № 136 и Судебномъ Вѣстникѣ 1867 г., № 269.

Лещ—ская, Прасковья.—Невѣста изгнанника, соч. г-жи Евгеніи Фоя, пер. съ франц. М. 1839, 16°.

Либина, Надежда, псевдонимъ Л. Г. Гарелиной (см. это имя).

Лизварская, псевдонимъ княжны В. Н. Рѣвниной, отъ именъ: Лизавета и Варвара.

Лизогубъ, Варвара.—Зюлейка, повѣсть въ стихахъ. М. 1845, 8°.
Рец. Современникъ 1845 г., т. 40.

Лилма (псевдонимъ?).—1) Ката и Лиза, пер. съ англ. М. 1878, 8°;

2) Разказы для маленькихъ дѣтей. М. 1877, 8°.

Рец. въ Женск. Образованіи 1878 г., мартъ.

Л—и—и—ская, Елена.—1) Новый дѣтскій театр. С.-Пб. 1841, 32°; 2) Новый дѣтскій театр, соч. Маріи Жюзе. С.-Пб. 1855, 8°.

Линдфорсъ, Софья, супруга бывшаго предсѣдателя мирового съѣзда посредниковъ, Винницкаго уѣзда, Подольской губ., содержательница пансіона въ Кіевѣ.—1) Отчетъ элементарной школы Линдфорсъ, за 1872—1873 учебный годъ. Кіевъ. 1873, 8°; 2) Жители сада, зоологическіе разказы для дѣтей 5—8 лѣтъ, съ картинками. Кіевъ. 1874, 8°; 3) Мои дѣтямъ. Разказы для дѣтей 5—8 лѣтъ. Изданіе И. И. Динтера. Кіевъ. 1887, 8°.

Лиснская, Ж. А.—1) Добрые люди, повѣсть, въ Русск. Словѣ 1861 г., № 2; 2) Разказъ изъ московской жизни, *ibid.*, № 3; 3) Московская идиллія, *ibid.*, № 11.

Лисицына, Марья.—1) Стихи и проза, 1826—1829. М. 1829, 12°.
2) Моя отрада, въ Дамск. Журналѣ 1827 г., ч. 20; 3) Романсъ, *ibid.*;
4) Къ NN, *ibid.*; 5) Къ невѣрной, *ibid.*; 6) Эмилиі Лихтенбергъ.
М. 1828, 12°; изд. 2-е, безъ перемѣнъ. М. 1835.

Рец. Библ. для Чтенія, ч. 12, № 22.

7) Элегія, въ Русск. Зрителѣ 1829 г., ч. 4; 8) сотрудница Дамскаго Журнала 1828 г.

О ней: а) Толь, Настольн. Словарь, 2,707; б) Соч. Бѣлинскаго, I, 419—421.

Литвинова Е.—Первоначальная свѣдѣнія изъ физики или введеніе въ изученіе статьи, динамики, гидростатистики и оптики, Ньюта (Newth); пер. съ англ., подъ ред. С. Усова. С.-Пб. 1873, 16°.

Литвинова, М.—Корреспонденція съ лѣваго берега Днѣпра, въ Кіевляницѣ 1877 г., № 42 (о земской врачебной помощи въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губ.).

Литвинова, Пелагея Яковлевна.—1) Русскіе народные узоры. Выпускъ первый. Малорусскіе узоры Черниговской и Полтавской губерній; изд. редакціи Кіевского Народнаго Календаря. Кіевъ. 1877, 6°; 2) Азбука для народныхъ школъ, составленная по звуковому способу, для нагляднаго обученія. Кіевъ. 1877, 8°; 3) Южнорусскій народный орнаментъ, вып. I. Узоры, вышиванья и рисованья; Черниговской губ. Глуховскій уѣздъ. Кіевъ. 1878, 13 стр. и 30 рис. большого формата; 4) Сборникъ народныхъ русскихъ узоровъ для женскихъ рукодѣлій. Кіевъ. 1879, 6°.

Лихарева, Елизавета Александровна.—Исправленный вертопрахъ или великодушная любовница, пер. съ франц. М. 1801, 24°. Посвящено Прасковѣ Александровнѣ Ушаковой.

О ней: а) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 31, № 27; б) Руссовъ, 29; в) Геннаді, Словарь, 2, 242.

Лихачева, Е. О., супруга дѣйств. стат. сов. В. И. Лихачева, бывшаго издателя газеты Новое Время.—1) Путешествіе къ центру земли, соч. Ю. Верна, перев. съ франц., съ приложеніемъ статьи: Очеркъ происхожденія и развитія земнаго шара; съ рисунками первобытныхъ растений и животныхъ (въ сотрудничествѣ съ А. В. Сувориною). С.-Пб. 1865, 8°;

Ред. Современникъ 1865 г., № 11 и 12; б) Книжн. Вѣстникъ 1865 г., № 23; в) Голось 1866 г., № 63; г) Циркуляры по Московскому учебному округу 1867 г., № 3, стр. 13 (запрещеніе приобрѣтать ее для библіотекъ казенныхъ учебныхъ заведеній).

2) Для чтенія. Сборникъ повѣстей и рассказовъ, стихотвореній и популярныхъ статей для дѣтей всѣхъ возрастовъ (въ сотрудничествѣ съ А. В. Сувориною). С.-Пб. 1866, 16°.

Ред. а) Книжн. Вѣстникъ 1866 г., № 3; б) Соврем. Листокъ 1866 г., № 41: „Нигилистическій сборникъ для дѣтскаго чтенія“; в) С.-Пб. Вѣдомости 1866 г., № 123—отвѣтъ издательницъ „Современной Лѣтописи“.

3) Исторія французской революціи, соч. Минье, пер. съ 9-го франц. изданія, съ предисловіемъ К. Арсеньева и приложеніемъ нѣсколькихъ

главъ изъ „Революціи“, Эдгара Кнѣз, 2 тома. С.-Пб. (въ сотрудничествѣ съ А. В. Сувориною). С.-Пб. 1866, 8°.

Рец. а) Книжн. Вѣстникъ 1866 г., № 8; б) Вѣстн. Европы 1866 г., № 2.

4) Слуги желудка (Исторія пяти чувствъ), соч. Массэ, передѣлка съ франц. (въ сотрудничествѣ съ А. В. Сувориною). С.-Пб, 1866—1867; изд. 2-е, испр., съ рис. С.-Пб. 1870, 8°.

Рец. а) Русское Слово 1864 г., № 12; б) Современникъ 1865 г., № 1; в) Книжн. Вѣстникъ 1864 г., № 24; г) Русск. Инвалидъ 1865 г., № 9; д) Отечест. Записки 1865 г., (июнь, кн. 2) и 1868 г., т. 178, № 5, отд. 2 (статья В. Водовозова, подъ заглавіемъ: „Обзоръ руководствъ и книгъ для общаго образованія“); е) Учитель 1865 г., № 5 (ст. Е. Кемница); ж) *ibid.* 1879 г., № 23—24; з) Дѣтск. Чтеніе 1870 г., № 10.

5) Великія явленія и очерки природы. Географическая христомація, съ гравюрами и 115 рисунками, рѣзанными въ Парижѣ (изм. съ А. В. Сувориною). С.-Пб. 1866—1867; 2-е изд., дополн. и испр. С.-Пб. 1874, 8°.

Рец. а) Голось 1867 г., № 247; б) Вѣстн. Европы 1874 г., № 1; в) Голось 1873 г., № 355; г) Природа 1874 г., № 1; д) Одесск. Вѣстникъ 1874 г., № 2 е) С.-Пб. Вѣдомости 1873 г., № 350.

6) Герои труда, исторія четырехъ англ. работниковъ, по Смайлсу. С.-Пб. 1870, 8°.

Рец. а) Вѣстн. Европы 1870 г., № 8 (на оберткѣ); б) Дѣтское Чтеніе 1870 г., № 8; в) Голось 1870 г., № 353; г) Дѣтскій Садъ 1870 г., № 11—12; д) Недѣля 1870 г., № 35; е) Отечест. Записки 1870 г., № 11; ж) С.-Пб. Вѣдомости 1870 г., № 228.

7) Рецензія на книгу Милля: О подчиненности женщины, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1869 г., № 280; 8) Сломанная кукла, М. Нуаро, въ Переводахъ лучшихъ иностр. писателей 1871 г., № 2; 9) Европейскіе реформаторы: Гусъ, Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ, съ 4 портретами. С.-Пб. 1872, 8°.

Рец. а) Дѣтск. Садъ 1873 г., № 8—9; б) Вѣстн. Европы 1872 г., № 11; в) Дѣло 1872 г., № 8; г) Сіаніе 1872 г., № 41; д) С.-Пб. Вѣдомости 1872 г., № 241.

10) Отвѣтъ надательницъ Современной Лѣтописи (изм. съ А. В. Сувориною), въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1866 г., № 123; 11) Австралія. Исторія открытія и колонизація; растенія и животныя пятой части свѣта. Съ нѣмецкаго, выѣстъ съ А. В. Сувориною. С.-Пб. 1871, 8°.

Рец. а) Отечест. Записки 1871 г., № 2; б) Вѣстн. Европы 1871 г., № 2; в) Недѣля 1871 г., № 8; г) Русск. Лѣтописецъ 1871 г., № 2; д) С.-Пб. Вѣдомости 1871 г., № 1; е) Дѣтскій Садъ 1871 г., № 2.

12) Корреспонденціи, въ Отечест. Запискахъ 1876 г., о сербско-турецкой войнѣ. Отзывъ о нихъ см. въ Древней и Новой Россіи 1877 г., № 2, стр. 195—196; 13) Новости по женскому дѣлу во Франціи и

въ Америкѣ, въ Отечест. Запискахъ 1869 г., № 10; 1870 г., № 1; 14) Женское движеніе у насъ и за границей, Отечест. Записки 1870 г., № 4; 15) Воспитаніе женщинъ съ точки зрѣнія положительной философіи, *ibid.*, № 10; 16) Женщины въ современной войнѣ, *ibid.* 1871 г., № 2; 17) Избирательныя права женщинъ въ Англии, *ibid.*, № 6; 18) Парижскій конгрессъ по женскому вопросу, *ibid.* 1873 г., № 5; 19) Последніе романы Вичеръ-Стоу, *ibid.* 1872 г., № 8 и 1874 г., № 11; 20) Экономическое положеніе женщинъ во Франціи, *ibid.* 1874 г., № 1; 21) Посмертное сочиненіе Прудона о женщинахъ, *ibid.* 1876 г., №№ 2 и 3; 22) изъ Сербіи; въ Отечест. Запискахъ 1876 г., № 10; 23) Англійская и русская благотворительность въ Сербіи, *ibid.* 1877 г., № 2.

Лихачева, Любовь. — Θεодосій Великій и святой Амвросій, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, № 23.

Лишке, Амалія Андреевна, лифляндская гражданка. — Издавала Новый Русскій Баварь, послѣ издателя инженеръ-технолога Гаусмана (Указ. по дѣл. печати 1873 г., стр. 275 и 303).

Л., К. О. — Нравственное чтеніе для дѣтей, отъ 6 до 9 лѣтъ, составленное К. О. Л., кандидаткою Императорскаго С.-Шб. Воспит. Дома. С.-Шб. 1854.

Ред. въ Москвитинѣ 1854 г., № 9.

Лобанова, Дарья. — 1) Пустынникъ, стихотв., въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29, № 12; 2) Уединеніе, стихотв., *ibid.*, № 13.

Лобода, Стефанія Матвѣевна, писала подъ псевдонимомъ Крапивина С. И., род. въ 1827 г., † 21-го января 1887 г. — 1) Замятка на статью г. Колмогорова (О публичныхъ лекціяхъ въ хозяйственномъ образованіи женщинъ, въ Сынѣ Отечества 1859 г., № 42), Русск. Мірѣ 1859 г., № 62; 2) Дневникъ княгини Хмуровой, повѣсть, Пчела 1875 г., № 18—21; 3) Молчальникъ, рассказъ моей кузины, *ibid.*, № 34—35; 4) Знакомство съ Погодиннымъ, Пчела 1876 г., № 1; 5) Миссіонеры нашего времени, Пчела 1876 г., № 22; 6) Сел (старо-польская народная легенда), въ Пчелѣ 1878 г., № 2; 7) Нѣсколько словъ о Т. Шевченко, Пчела 1875 г., № 42; 8) Жуткій вечеръ изъ жизни Т. Г. Шевченко, *ibid.* 1878 г., № 5; 9) О Псковичахъ, *ibid.*, № 10—11; 10) Сила моды, въ журналѣ Женское Образованіе 1878 г., апрѣль; 11) Ласточкино горе, рассказъ, въ Семейныхъ Вечерахъ 1878 г., № 6; 12) Заколдованное царство, въ Ежегод. Новомъ Времени 1879 г., т. II, стр. 411; 13) Изъ быта нашихъ фельдшерицъ, *ibid.*, стр. 482; 14) Сотрудница Живописнаго Обзорія

1878 и 1879 гг.; 15) Діонсія Федоровна, разсказъ, въ Игрушечкѣ 1880 г., № 31—32; 16) Родныя картинки. Этнографическія очерки для дѣтей старшаго возраста. С.-Пб. 1881, 8°; 17) Розы и шипы. 8 разсказовъ для дѣтей. С.-Пб. 1884, 8°; 18) Сотрудничала въ Гражданинѣ, Мысли, Свѣтѣ, Невѣ, Дѣтскомъ Читеніи, Семьѣ и Школѣ, Сельскомъ Читеніи, Другѣ Народа, Здравьѣ, Врачебныхъ Вѣдомостяхъ. Некрологъ ея въ Истор. Вѣстникѣ 1887 г., т. XXVII, стр. 722.

Ловцова, М.—Объ уходѣ за больными дѣтьми, соч. Ч. Веста, пер. съ англ. С.-Пб. 1865, 8°.

Логинова, Марья. — Ложь, пер. съ франц., въ Дамск. Журналѣ 1827 г., № 16.

Лоди, А. — Польскія пасхальныя печенія, въ подарокъ русскимъ хозяйкамъ. Собственность издательницы А. Лоди. С.-Пб. 1878, 8°.

Лодыженская, Елизавета Александровна, рожд. Сушкова, писала подъ псевдонимомъ С. Вахновская, сестра писательницы Екатерины Александровны Хвостовой и двоюродная сестра писательницы Елены Андреевны Ганъ.

Псевдонимъ указанъ между прочимъ въ Древней и Новой Россіи 1877 г., № 10.

1) Лѣто въ Гансалѣ, въ Русск. Вѣстникѣ 1856 г., т. 2 (посвящ. И. С. Тургеневу); 2) Неудавшаяся жизнь, Русск. Вѣстникъ 1858 г., № 7; 3) Разсказы и очерки. М. 1859, 8°.

Рец. а) Современникъ 1859 г., № 8; б) С.-Пб. Вѣдомости 1859 г., № 202.

4) Нравственная философія. Образецъ американской литературы, Ральфа Уальда Эмерсона, пер. съ англійск. С.-Пб. 1868, 8°.

Рец. Отеч. Записки 1868 г., т. 4, № 7, отд. 2.

5) Замѣчанія на „Воспоминанія“ Е. А. Хвостовой, въ Русск. Вѣстникѣ 1872 г., № 2, стр. 637—662 (возраженіе на нихъ В. Бурнашова, въ Русск. Мірѣ, подъ заглавіемъ: „Замѣтка о бѣлыхъ перчаткахъ и о пистолетѣ, заряженномъ клюквою“).

Лопатѣва.—Повѣсти для дѣтей, съ литогр. карт. Кіевъ. 1848, 16°; изд. 2-е. Кіевъ. 1858.

Рец. Отеч. Записки 1848 г., т. 58, отд. 6.

Луговишнина, М. А. — 1) Средство тушить огонь въ трубѣ, въ журналѣ Русская Хозяйка 1861 г., № 11; 2) Сборникъ наблюденій опытной украинской шелководки по предмету шелководства на Украинѣ, ibid.; 3) Постоянная сотрудница журнала Русская Хозяйка.

Лундъ, А. — Изъ письма къ редактору, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1860 г., № 143.

Лунсий,—псевдонимъ А. И. Бибиковой (см. это имя), указанный въ Книжномъ Вѣстникѣ 1865 г., № 20, стр. 379.

Л—цо, Адель. — Отрывъ о „Монастырѣ“, Погорѣльскаго, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, № 26.

Львова, Анфиса Петровна, рожд. Валовенская, род. 24-го іюня 1822 г., съ 1862 г. супруга Ѳедора Ѳедоровича Львова (брата композитора). Въ первомъ бракѣ была за Вас. Никол. Креницкимъ, съ которымъ въ разводѣ. — 1) Пьесы для дѣтскаго театра. С.-Пб. 1876, 8°; 2) Годичная выставка въ Академіи Художествъ въ 1863 г., въ Семейн. Вечерахъ (старшій возрастъ) 1864 г., № 1.

Рец. Книжн. Вѣстникъ 1864 г., стр. 82.

3) Террариумъ и аквариумъ, Сем. Вечера 1864 г., старшій возрастъ. № 8; 4) Разказы для дѣтей. Изд. А. Л. Васильева. М. 1886, 8°.

Львова, Елизавета Николаевна, дочь тайн. совѣтн. Николая Александровича и Маріи Алексѣевны Дьяковой (сестры второй супруги Державина), род. 2-го сентября 1788 † 28-го декабря 1864 г., вторая супруга Ѳедора Петровича Львова (род. 1766 † 1836). — Отрывки изъ „Записокъ“, въ Р. Старинѣ 1880 г., № 3 и слѣд.

Львова, Марья Николаевна, дочь коллежск. сов. Николая Степановича и Натальи Ивановны. — Съ 22-го мая 1878 года, состоитъ издательницею журвала: Переводы отдѣльныхъ романовъ, бывшаго съ мая 1875 г., подъ редакціею ея матери, а до того времени, подъ редакціею супруги статск. совѣтника Ольги Сухомлиной (Указ. по дѣл. печати 1878 г., № 12, стр. 355).

Львова, Наталья Ивановна, супруга коллеж. совѣтника Николая Степановича, мать Марьи Николаевны Львовой (см. это имя). — Съ мая мѣсяца 1875 г. издавала журналъ: Переводы отдѣльныхъ романовъ, право на изданіе котораго приобрѣтено ею отъ прежней издательницы, Ольги Сухомлиной (Указ. по дѣл. печати 1875 г., стр. 179).

Лю—ва, Викторина. — Секреты дамскаго туалета и тайны женскаго сердца. М. 1848.

Рец. Современникъ 1849 г., № 12, отд. 3.

Л—я. — Вехингеровы куклы (письмо—реклама), въ Дамск. Журналѣ 1829 г., ч. 25, № 8.

Лялимова, Надежда. — Галерея монтионовскихъ премій за добродѣтель и подвиги самоотверженія, въ простыхъ разказахъ для юношества, соч. Густава Деа' Эссара, пер. съ франц. Одесса 1849; изд. 2-е, дополн. Одесса. 1851, 12°; изд. 3-е. М. 1876, 8°.

Рец. а) Современникъ 1850 г., т. 19, отд. 4; б) Отеч. Записки 1850 г., т. 68, № 1, отд. 6; в) Москвитинъ 1850 г., ч. 2; г) Журн. Мн. Народ. Просвѣщенія 1851 г., т. 70, отд. 6 (ст. И. Галайяна).

М.—1) Плачь надъ гробомъ друга моего, стих., въ С.-Петербургскомъ Журналѣ 1798 г., ч. 1, февраль, стр. 132; 2) Къ моему лирѣ, стихотв., *ibid.*, мартъ, стр. 256; 3) Амуръ предъ зеркаломъ, стихотв., *ibid.*, ч. 8, сентябрь, стр. 92; 4) Къ истинѣ, стихотв., *ibid.*, ч. 4, октябрь, стр. 66.

М. А. И.—Поваренная книга, полвѣвшая изъ всѣхъ до нынѣ изданныхъ, и проч. М. 1852, 16°.

Ред. Отеч. Записки 1852 г., ч. 81, отд. 6.

М.—В., дѣвица (Макшѣева?)—Стихотворенія. С.-Пб. 1838, 24°.

М. Елена.—Страница изъ моей жизни; дневникъ провинціалки, въ Отеч. Записки 1856 г., № 8.

М. З., подпись М. С. Заварзиной, рожд. Сарновской (см. это имя).

М. И.—сокращенная подпись М. А. Корсини (см. это имя).

М. К.—Сборникъ переводныхъ повѣстей и разсказовъ для юношества. М. 1862, 8°.

М. Софья.—1) Женихъ-мертвецъ, повѣсть въ стихахъ. М. 1831, 16°;

Ред. въ Молвѣ 1832 г., № 37.

2) Бабушкинъ котъ или заклинательница, повѣсть въ стихахъ. М. 1831, 8°.

М. Ф.—Сотрудница Пріятн. и пол. препр. времени, Сохацкаго, до 1802 г.

См. Дамск. Журн. 1830 г., ч. 30, № 25.

М—а, —И. Нѣсколько словъ о западныхъ Славянахъ и о всеславянскомъ языкѣ, въ Новгородскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1867 г., № 49.

Ма—, Е—я.—Уединеніе, стихотв., въ Молвѣ 1833 г., № 150, стр. 597.

Магницкая, Александра Михайловна, дочь д. стат. сов. Михаила Леонтьевича, сестра писательницы Натальи Михайловны Магницкой и известнаго попечителя Казанскаго учебнаго округа, Мих. Мих. Магницкаго.—1) Сонъ, стихотв., въ Пріятн. и пол. препр. времени 1796 г., ч. 12, стр. 238; 2) Къ безсмертному творцу Россіады, *ibid.* 1798 г., ч. 13, стр. 176; 3) Благотворитель, стихотв., *ibid.* 1797 г., ч. 16, стр. 318; 4) На смерть жаворонка, стихотв., *ibid.* 1798 г., ч. 17, стр. 15; 5) Авиньонъ (письмо), переводъ, *ibid.*, стр. 193; 6) Аполлонъ, переводъ, *ibid.*, стр. 196; 7) Картина четырехъ возрастовъ, переводъ, *ibid.*, стр. 201; 8) Въ Римѣ, переводъ, *ibid.*, стр. 203; 9) Время, стихотв., *ibid.*, стр. 240; 10) Сельская жизнь, стихотв., *ibid.* стр. 253; 11) Неаполь, переводъ, *ibid.*, стр. 273; 12) Римъ, съ франц., *ibid.*, стр. 312; 13) Письмо VII и XXXII: Генуя, переводъ

(изъ Дюпати), *ibid.*, ч. 20, стр. 339, 1798 г.; 14) Письмо XXXV Флоренція, переводъ, *ibid.*, стр. 344; 15) Письмо LXX: Римъ, переводъ, *ibid.*, стр. 345; 16) Письмо XXXVII: Флоренція, переводъ, *ibid.* стр. 348; переп. въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, № 18; 17) Нищій, въ Аовидахъ 1797 г., ч. 2, стр. 70; перепеч. въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, № 18.

О ней: а) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30; б) Dupré de St. Maur: *Anthologie russe*. Paris. 1823.

Магницкая, Наталья Михайловна, сестра Александры Михайловны.—1) Къ розѣ, стихотв., въ Пріятн. и полезн. препровожд. времени 1796 г., ч. 12, стр. 237; 2) Къ бюсту М. М. Х. (ераскова), *ibid.* 1797 г., ч. 13, стр. 113. Перепечат. въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, № 18; 3) Пѣсьи Богу, стихотв., *ibid.* 1798 г., ч. 15, стр. 205; 4) Два пѣвтка—соперника, къ Аглаѣ, *ibid.*, стр. 207; 5) Спичее дитя, *ibid.* 1797 г., ч. 16 стр. 363; 6) Красота и скромность, стихотв., *ibid.* 1798 г., ч. 17, стр. 223; 7) Ода изъ Анакреона, *ibid.*, стр. 272; 8) Леопольдъ, Флоренція, переводъ, *ibid.*, стр. 279; 9) Во Флоренціи, *ibid.*, стр. 284 и 305; 10) Албанова картина, переводъ, *ibid.*, стр. 287; 11) Къ Цивитіа: На привязанность къ нарядамъ, стихотв., *ibid.*, стр. 303; 12) Госпиталь неизлѣчимыхъ, *ibid.*, стр. 315; 13) Корреджіевъ Амуръ, съ франц., *ibid.*, стр. 317; 14) Письмо XII (Дюпати) о Генуѣ, *ibid.*, ч. 20, стр. 325; 15) Письмо XI: Генуя, *ibid.*, стр. 337; 16) Письмо LXXXII: Римъ, *ibid.*, стр. 346. По показанію Макарова она перевела до 15 писемъ изъ путешествія Дюпати, изъ которыхъ 8—въ Пріятн. и полезн. препр. времени.

О ней: а) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30; б) Dupré de St. Maur: *Anthologie russe*. Paris. 1823.

Мадатова, Софья Александровна княгиня, рожд. Саблукова, супруга кн. Валеріана Григорьевича Мадатова (род. 1782 + 1829); род. 21-го ноября 1787 г., ум. 4-го сентября 1875 г.—1) Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова. С.-Пб. 1837, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1863, 8°; изъ 3-е. С.-Пб. 1874.

Рец. Сѣверн. Пчела 1857 г., № 124 и 125.—Составлено при содѣяствіи М. Р. Колебу, А. С. Хомякова и И. М. Базунина (Геннадіи: Списокъ русск. анов. книгъ. С.-Пб. 1874, стр. 8).

2) Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспоминаніяхъ бывшей ея фрейлины кн. С. А. Мадатовой. Пер. съ французскаго (Р. Старпна 1884 г., т. XLIV.

Мадеранъ, В. А.—Дѣтскій театр. Посвящено Августѣйшимъ Дѣтямъ ея имп. в. в. кн. Маріи Николаевны. С.-Пб. 1852, 16°.

Майко, Катря,—псевдонимъ Е. П. Майковой (см. это имя).

Майкова, Евгенія Петровна (род. 17-го декабря 1803 г., въ Москвѣ, ум. 19-го июля 1880 г., въ С.-Петербургѣ), рожд. Гусятникова, супруга Николая Аполлоновича Майкова.—1) Стихотворенія, въ Библиотекѣ для чтенія 1841—1842 г.г., съ подписью: М—ва; 2) Женщина, повѣсть (ibid. 1850 г., т. ХСІХ, съ подписью: Е. М—ва); 3) Разсказъ изъ частной жизни женщины (Семейный Кругъ 1858—1859 гг., № 2, съ подписью: Е.—ва).

Майкова, Екатерина Павловна (род. 1836 г.), рожд. Калита, супруга покойнаго Владиміра Николаевича Майкова.—1) Какъ началась моя жизнь (Семейные вечера 1864 г., съ подписью В. и отдѣльно въ томъ же году. То же, изд. Дѣтской Библиотеки. С.-Пб. 1871, 8°; 2) Азбука и первые уроки чтенія. Составлена по новой, легчайшей для учащихся методѣ, съ избранными стихотвореніями для ученія наизусть и съ краткимъ очеркомъ исторіи Россіи. С.-Пб. 1867, 8°.

Майкова, Софья Михайловна, род. 23-го июля 1835 г., дочь генерала отъ артиллеріи Михаила Аполлоновича Майкова и Анны Петровны, рожд. баронессы Меллеръ-Закомельской.—1) Конанчи, вождь Индійцевъ, разсказъ для старшаго возраста, составленный Ф. Гофманомъ по Куперу. Пер. съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1872, 8°; 2) Въ добрый часъ, романъ Е. Вернера, пер. съ нѣмец. С.-Пб. 1873, 8°; 3) О чемъ щебетала ласточка, романъ Фр. Шнильгагена, съ приложеніемъ повѣсти: Роковая встрѣча, переводъ съ нѣмец. С.-Пб. 1873, 8°.

Рец. Одесск. Вѣстникъ 1873 г., № 58.

4) Характеръ, Самуила Смайлса, пер. съ англ. С.-Пб. 1872, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1874, 8°; изд. 3-е. С.-Пб. 1880, 4°; изд. 4-е. С.-Пб. 1882, 8°.

Рец. а) Дѣло 1874 г., № 3; б) Дѣтскій Сады 1873 г., № 8—9.

5) Красный разбойникъ, разсказъ для старшаго возраста, по Куперу, пер. съ нѣмец. С.-Пб. 1874, 8°. Изд. 2-е. С.-Пб. 1885, 8°; 6) Талисманъ, разсказъ изъ крестовыхъ походовъ, Вальтеръ-Скотта, пер. съ англ. С.-Пб. 1874, 8°; 7) Послѣдній изъ Могикановъ, повѣсть Фенимора Купера; пер. съ англ. С.-Пб. 1874, 8°.

Рец. а) Русск. Миръ 1874 г., № 246; б) С.-Пб. Вѣдомости 1874 г., № 251.

8) Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена, съ предисловіемъ Франца Гофмана, переводъ. С.-Пб. 1872, 8°; 9) Счастливыя примѣты, комедія въ 1 д., перев. съ нѣмецк., разрѣшенная въ 1873 году къ постановкѣ на сцену безусловно (Указ. по дѣл. печати 1873 г., стр. 250); 10) Смайлсъ, Самуиль. Бережливость, перев. съ англійск. С.-Пб.

1876, 8°; 11) Вѣчный труженикъ, С. Смайлса. С.-Пб. 1877, 8°, изд. Я. М. Шульгина; изд. 2-е. С.-Пб. 1888, 8°; 12) Долгъ, С. Смайлса, перев. съ англійск. С.-Пб. 1882, 8°; 13) Полное собраніе сказокъ Андерсена, т. III. С.-Пб. 1885, 8°; 14) Самостоятельная дѣятельность, С. Смайлса, перев. съ англійск. С.-Пб. 1888, 8°.

Майнова, М. М., содержательница Дѣтскаго Сада, въ Саратовѣ.— Ширрефъ, Е., мистрисъ: Очеркъ жизни Фридриха Фребеля, чтяный въ собраніи англійскаго Фребелевскаго Общества. Изд. Дѣтскаго Сада М. М. Майновой. М. 1878, 8°.

Майская, Е. —Сборникъ новѣйшихъ народныхъ, черкесскихъ, цыганскихъ, грузинскихъ и солдатскихъ пѣсень, различныхъ романсовъ и проч., 4 части. М. 1875, 8°.

Макарова, Ольга Михайловна. — 1) Коля (стихотвореніе). Посвящается Н. Я. Макарову. М. 1870, 8°; 2) Завѣщаніе. С.-Пб. 1883, 8°.

Макарова, Н. А.; см. Неѣлова, Наталья Алексѣевна.

Макарова, Софья Марковна (род. 6-го января 1834 г. † 10-го августа 1887 г.), рожд. Веприцкая. — 1) Петербургъ, Москва, Нижній-Новгородъ — три статьи, помѣщенныя въ „Отечественнѣдія“, Д. Д. Семенова, т. V, 1869 г.; 2) Изъ дѣтскаго быта, рассказы для дѣтей. С.-Пб. 1869, 16°.

Рец. Дѣтск. Чтеніе 1870 г., № 1, стр. 5—6.

3) Пожаръ на мельницѣ, въ Семейн. Вечерахъ 1871 г., № 1 и 2; 4) Повѣсти изъ русскаго быта. С.-Пб. 1873, 8°.

Рец. Педагог. Листокъ при Дѣтск. Чтеніи 1873 г., № 1, стр. 65—67.

5) Деревня, рассказы для дѣтей, съ 7 карт. академикъ Трутовскаго. С.-Пб. 1871, 8°; изд. 2-е, дополи. С.-Пб. 1874, 8°; 6) Изъ русской жизни. Рассказы для дѣтей старшаго возраста, съ 8 рис. С.-Пб. 1875, 8°; 7) Дѣлу—время, отдыху—часть, рассказы для дѣтей младшаго возраста, съ карт. С.-Пб. 1875, 8°; 8) Царствованіе Екатерины II, истор. очеркъ для юношества, съ карт. С.-Пб. 1875, 8°; 9) Картины къ соч. Пушкина: Полтава, 7 картинъ. С.-Пб. 1876, 8°; 10) Столѣтіе со дня рожденія императора Александра Благословеннаго, 12-е декабря 1777—1877 г. Александръ I Благословенный.— Подарокъ отъ города Москвы. С.-Пб. 1877, 8°, 30 стр. текста и 7 картинъ; 11) Редактировала журналъ Задушевное Слово въ 1878 г., и съ 1882 года въ теченіе трехъ лѣтъ. Здѣсь напечатаны многіе ея рассказы; 12) Бабушкины сказки. С.-Пб. 1881, 8°; С.-Пб. 1884, 8° 13) Боря сь дикарями. Техаскіе рассказы, передѣланные для юношества изъ Купера. Перев. съ нѣмецк. С.-Пб. 1881, 8°; 14) Отваж-

ная охотница, Майнъ-Рида. Для юношества. С.-Пб. 1882, 8°; 15) 75 рассказовъ для дѣтей младшаго возраста, по Фр. Гофману. С.-Пб. 1882, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1886, 8°; 16) Новинка. Рассказы для дѣтей младшаго возраста. С.-Пб. 1882, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1886, 8°; 17) Отголоски старины. Изд. магазина „Начальная школа“. М. 1883, 8°, 6 выпусковъ; 18) Зимніе вечера. Рассказы для маленькихъ дѣтей. С.-Пб. 1883, 8°; 19) Леночка, рассказъ для дѣтей. С.-Пб. 1884, 8°; 20) Миньона, дочь музыканта. Рассказъ для дѣтей. С.-Пб. 1884, 8°; 21) Сказки—удивленіе, картинки—заглядываніе. С.-Пб. 1884, 8°; 22) Черный коршунъ, рассказъ для юношества, Франца Гофмана. Перев. съ нѣмецк. С.-Пб. 1885, 8°; 23) Грозная туча. Истор. повѣсть для юношества изъ временъ Отечественной войны. С.-Пб. 1886, 8°; 24) День Лизы. С.-Пб. 1886, 4°; 25) Дѣтскій кружокъ. Рассказы для дѣтей. С.-Пб. 1886, 8°; 26) На досугѣ. Рассказы, заимствованные съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1886, 8°; 27) Принять дѣтямъ. Рассказы, заимствованные съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1886, 8°; 28) Суета суетъ. Истор. повѣсть для юношества изъ русской жизни прошлаго столѣтія. Съ рисунками Н. Н. Каравина. С.-Пб. 1887, 8°; 29) Императоръ Александръ I въ воспоминаніяхъ графини Шуазель-Гуфье (Русск. Старина 1877 г., т. XX); 30) Сотрудница Родника и Семьи и Школы.

О пей: а) Истор. Вѣстникъ 1887 г., т. XXX, стр. 246; б) Очеркъ ея жизни и литературно-педагогической дѣятельности, Д. Д. Семенова (Русск. Старина 1888 г., № 4).

Макаровская, псевдонимъ Н. С. Соханской (см. это имя).

Мая — ва (Макарова?), Аспазія (?).—Забавныя привычки женщины въ словахъ (изъ книги: *Der Weibergwitz*), въ Журналѣ для милыхъ 1804 г., № 10.

Макова, Софья. — Нѣкоторыя свѣдѣнія о хозяйствѣ въ имѣніяхъ Новоселки и Марьяна-горка (Минской губ., Игуменскаго уѣзда), въ Труд. Имп. Вольн. Экон. Общества 1878 г., т. 1, вып. 3.

Манифѣва, Варвара Д. (род. въ Вологдѣ).—1) Мечта, стихотв., Библ. для чтенія 1839 г., т. XXXII, отд. 1; 2) Думы поэта, стихотв., въ Маякѣ 1840 г., ч. 4; 3) Русская пѣсня, *ibid.*, т. 6; 4) На смерть Н. И. Н...а, Маякѣ 1841 г., кн. 15; 5) Поэту, стихотвореніе, *ibid.*; 6) Всегда я любила, стихотвореніе, въ Одесскомъ Альманахѣ на 1839 г.; 7) Стихотворенія, въ Галатеѣ, Рача; 8) Нововерскій монастырь, въ Москвитинѣхъ 1842 г., № 8.

Ея стихи Соколовскаго: „Къ поэту“, въ Альманахѣ на 1838 г., стр. 307 въ „Я одинокъ“, тамъ же, стр. 323.

Мая — Гаханъ, Варвара Николаевна, рожд. Елагина, вдова

извѣстнаго англійскаго корреспондента Іануаріа-Алонзіа Макъ-Га-хана (род. 31-го мая. 1844 г., † 28-го мая 1878 г.). — 1) Празд-нство рыцарей—храмовниковъ въ Чикаго, въ Нов. Времени 1880 г., сентября 16-го; 2) Постоянная сотрудница Новаго Времени.

Малаховецъ, Елена, супруга Курскаго губернскаго архитектора въ 1864 г.).—1) Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Курскъ. 1861; 2-е, дополненное изданіе. С.-Пб. 1866, 8°; 3-е изд. С.-Пб. 1868, 8°; 4-е — С.-Пб. 1869, 8°; 5-е—С.-Пб. 1871, 8°; 6-е, испр. С.-Пб. 1872, 8°; изд. 7-е, испр. С.-Пб. 1875, 8°; изд. 8-е, 3 части. С.-Пб. 1878; изд. 9-е. С.-Пб. 1881, 8°; изд. 10-е. С.-Пб. 1883, 8°; изд. 11-е. С.-Пб. 1884, 8°; изд. 12-е. С.-Пб. 1886, 8°; изд. 13-е. С.-Пб. 1887, 8°. Нѣмецкій переводъ: Geschenk für Junge Hausfrauen. Leipzig. 1877.

Въ виду огромнаго успѣха этой полезной и практически составленной книги, появились очевидныя контрфакціи, напр. Подвій подарокъ для молодыхъ хозяекъ, и т. д....., составила Е. М.....нъ. М. 1870.

2) Храмъ медицины. С.-Пб. 1880, 8°; 3) Русскому народу. Собра-ніе гигиеническихъ и полезнѣйшихъ, простыхъ, домашнихъ вра-чующихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней взрослыхъ и дѣтей. С.-Пб. 1880, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1880, 8°; 4) Помощь врачамъ и врачующимъ. С.-Пб. 1883, 8°; 5) Простая общедоступная кухня С.-Пб. 1884, 8°.

Появились книги подъ одвороднымъ заглавіемъ, напр.: Для подарка моло-дымъ хозяйкамъ; всѣмъ хозяйкамъ настоящая поваренная книга... и проч. Лва Гурничя. М. 1878 г.

Малоземова, А.—Букварь для пособія въ сельскихъ школахъ. С.-Пб. 1875, 16°.

Малышева, Марія Ивановна, дочь извѣстнаго воронежскаго врача, Ивана Андреевича Малышева (1794 † 1851).—1) Письмо ея (по по-воду дѣла объ изданіи М. Вовчокъ Сказокъ Андерсена), въ С.-Пб. Вѣдо-мостяхъ 1871 г., № 13; 2) Рецензія на романъ Шпильгагена: „Про что щебетала ласточка“, въ русск. переводѣ (С.-Пб. 1873), въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1873 г., № 352; 3) Природа и жизнь, научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ политинажами; изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. С.-Пб. 1875, 8°.

Рец. а) Голось 1875 г., № 16; б) С.-Пб. Вѣдомости 1874 г., № 357; в) Вѣстн. Европы 1875 г., № 2; г) Педагог. Листокъ для родителей и воспитателей 1875 г. № 1; д) Дѣтскій Садъ 1875 г., № 3 и 4.

4) Гумифринъ: Наши мохнатые и пернатые друзья, пер. съ англ. С.-Пб. 1875, 12°.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ШЕСТИДЕСЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

.....
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

	СТРАН.
Высочайшій рескриптъ.	29
Высочайшія повелѣнія.	
1. (4-го марта 1888 годъ). Объ учрежденіи Московскаго нумизматическаго общества	3
2. (18-го августа 1888 года). Объ учрежденіи при Краснослободской прогимназіи стипендіи имени въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.	—
3. (4-го сентября 1888 года). Объ устройствѣ въ г. Москвѣ VIII археологическаго сѣзда	4
4. (16-го октября 1888 года). Объ учрежденіи непркосновеннаго капитала коммерціи совѣтника П. А. Бѣльева	30
5. (16-го октября 1888 года). Объ учрежденіи при Московскомъ учительскомъ институтѣ капитала имени покойнаго директора сего института, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Малинина	31
6. (5-го октября 1888 года). О переводѣ стипендіальнаго капитала имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вазилевскаго, пожертвованнаго бывшей Стерлитамакской прогимназіи, въ мѣстное городское училище.	—
Высочайшій приказъ.	
(29-го сентября 1888 года)	4

ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ .

5

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (10-го августа 1888 года). Уставъ общежитія студентовъ при Томскомъ университетѣ 14
2. (10-го августа 1888 года). Положеніе о преміяхъ имени С. М. Соловьева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 17
3. (12-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени заслуженнаго профессора тайнаго совѣтника Модеста Яковлевича Киттары при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ 19
4. (22-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Николая Петровича Родункина при Воровежской мужской прогимназій 21
5. (22-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Василя Алексѣевича Акифьева при Владимирскомъ Нижегородскомъ реальномъ училищѣ 22
6. (6-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени управляющаго нижегородскою конторою графа С. А. Строганова ораніенбаумскаго купца Ивана Карповича Ширшова при Владимирскомъ Нижегородскомъ реальномъ училищѣ 23
7. (15-го октября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени капитана Николая Ивановича Алексѣева при Московскомъ реальномъ училищѣ 32
8. (16-го октября 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Ивана и Варвары Цюгановъ при Таганрогской мужской гимназій 33
9. (31-го октября 1888 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ условіяхъ открытія начальныхъ училищъ на средства городскихъ, земскихъ и сословныхъ учрежденій 34
10. (3-го ноября 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ при Ярославской женской гимназій имени дворянки Марьи Павловны Мажной 37
11. (5-го ноября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени настоятеля Шинссельбургскаго Благовѣщенскаго собора священника Григорія Кесарева 39

ПРИКАВЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

- (27-го октября 1888 года). 38

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

- О книгѣ: „Дѣтскій акваріумъ. Н. Ф. Золотницкаго“ 24
- Объ изданіи: „Первая помощь. Д-ра П. С. Алексѣева“ . . . . . —
- О книгѣ: „Соловки. В. И. Нелмировича-Данченко. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности“ . . . . . —

О книгѣ: „Записки по методикѣ элементарной ариметики. Составилъ Г. М. Вишняковскій“	25
О книгѣ: „Добрый сынъ. Эпизодъ изъ жизни Императора Александра I. Разказъ въ стихахъ“	—
О книгѣ: „М. Герасимовъ. Элементарная анатомія, физиологія и гигиена“	—
О книгѣ: „Вторая пчелка. Составилъ Левъ Поливановъ“	—
О журналѣ: „Читальня народной школы“, издаваемомъ редакціей журнала „Родникъ“	—
О книгѣ: „Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Н. Бунакова“	—
О книгѣ: „Dr. Павелъ Гарре. Учебникъ латинскаго синтаксиса. Приспособилъ къ курсу русскыхъ гимназій А. Гловачевскій“	26
О книгѣ: „Bonnellъ. Реальный латинскій словарь. Обработалъ С. Любимудровъ“	—
О книгѣ: „Географическое обозрѣніе Китайской имперіи. З. Матусовскаго“	—
О книгѣ: „Исторія французской литературы. Составлена по Demogeot, Aubertin, Gidel, Littré, Lenient и другимъ“	—
О книгѣ: „С. Мечъ. Россія“	41
О книгѣ: „С. Мечъ. Сахара и Нилъ“	—
О книгѣ: „Мирскіе захребетники. Составилъ профессоръ С.-Петербургскаго университета Модестъ Бодановъ“	—
О книгѣ: „П. Смирновскій. Русская хрестоматія. Ч. II“	—
О книгѣ: „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка. Составлена П. Смирновскимъ“	42
О книгѣ: „П. Смирновскій. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I“	—
О книгѣ: „П. Смирновскій. Курсъ систематическаго диктанта для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I“	—
О книгѣ: „Русская хрестоматія. Составилъ П. Смирновскій. Ч. I“	—
О книгѣ: „Краткій учебникъ русской грамматики. Составилъ Н. Баталіевъ“	—
О книгѣ: „Историческая хрестоматія. Составилъ В. Покровскій“	—
О книгѣ: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школы. В. Мартьяновскаго“	—
О брошюрѣ: „О преподаваніи отечественнаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. В. Мартьяновскаго“	43
О книгѣ: „Краткая грамматика латинскаго языка. Составили Н. Сидоровъ и Э. Кесслеръ“	—
О книгѣ: „Учебникъ латинскаго языка. Составили П. Симсонъ и Э. Йолансонъ. Ч. I“	—
О книгѣ: „Учебникъ латинскаго языка. Составили Симсонъ и Йолансонъ. Ч. II“	—
О книгѣ: „Сокращенный синтаксисъ латинскаго языка. Профессора Н. В. Немукила“	—
О книгѣ: „Chrestomathia graeca. М. Гриморовскаго“	—

О книгѣ: <i>Xoφoxλίoσ Oίδίπoσ ἐπὶ Κολόνwφ</i> . Эдипъ въ Колонѣ, трагедія Софокла. <i>О. Петрученко</i>	48
О книгѣ: „ <i>В. В. Латышевъ</i> . Очеркъ греческихъ древностей. Ч. I ^a .“	—
О книгѣ: „Элементарная алгебра. <i>Н. Н. Маракуевъ</i> . Ч. II ^a .“	44
О книгѣ: „Курсъ опытной физики. <i>А. П. Шимкова</i> “	—
Объ издавіи: „ <i>J. B. Roquelin-Molière</i> . I. <i>L'Avare</i> . Comedie en cinq actes. II. <i>Le Misanthrope</i> . Comedie en cinq actes et en vers (Édition érudite). <i>В. С. Имятовичъ</i> “	—
О книгѣ: „Руководство къ физическому воспитанію дѣтей школьнаго возраста. <i>И. Лесгафта</i> “	—
О книгѣ: „ <i>Э. А. Андреевъ</i> . Занзаніе и его глѣченіе“	—

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Мірскіе захребетники. Профессора С.-Петербургскаго университета <i>Модеста Боданова</i> “	45
О „Начальныхъ прописяхъ <i>Ө. Ө. Луцкивича</i> “	—
О книгѣ: „Книга для чтенія русскими солдатами всѣхъ родовъ оружія. Составилъ <i>Старый ротный Командиръ</i> “	—
О книгѣ: „Первые разказы изъ естественной исторіи. <i>М. Биковой</i> “	—
О книгѣ: „Полезныя свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ. Составилъ <i>А. Савельевъ</i> “	—
Открытие училищъ	26 и 45
Объявленія	46

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

<i>Н. И. Карѣевъ</i> . „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ (окончаніе)	1 и 282
<i>А. Н. Веселовскій</i> . Нерѣшенные, нерѣшительные и безразличные Дантовскаго ада	87
<i>М. И. Изюмовъ</i> . Историческій обзоръ доказательствъ теоремы о параллелограммѣ египъ	117
<i>В. И. Колосовъ</i> . Вновь открытое сочиненіе Юрія Крижанича	179
<i>Н. А. Астафьевъ</i> . Опытъ исторіи Библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и правами (продолженіе)	208

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

<i>Ө. М. Истомина</i> . Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. <i>И. В. Шейна</i> . Т. I. С.-Пб. 1887.	132
<i>И. И. В. Дѣтскія</i> игры преимущественно русскія. <i>Е. А. Похроевича</i> . Москва. 1887	147

Ю. П. Кулаковскій. Новые мысли въ области греческой метрич.	150
А. О. Лаппо-Данилевскій. Замѣтка по поводу статьи Ѳ. Г. Мищенко о „Скелескихъ древностяхъ“	162
А. Н. Веселовскій. П. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы XVII и XVIII столѣтій. С.-Пб. 1888	252
Ѳ. Г. Мищенко. Неудачная и ненужная защита Геродота	267
П. В. Везобразовъ. Ѳ. И. Успенскій. Византийскіе землемѣры. Одесса. 1888	272
А. Л. Петровъ. А. Кайшляцкі. Monumenta linguae palaeoslovenicae. 1898	280
И. П. М. Новый журналъ по фонетикѣ	284
А. О. Ивановскій. О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ. Сергій Георгиевскій. С.-Пб. 1877	236
Ѳ. Г. Мищенко. Слѣды рецензенту Московскихъ Вѣдомостей по поводу разбора перевода Геродота	199
А. М. Позднѣевъ. Огвѣтъ на рецензію профессора И. П. Минаева на сочиненіе: „Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи“	304
И. П. Минаевъ. Замѣтка на отвѣтъ А. М. Позднѣева	308
Книжныя новости	174 и 326

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

М. Л. Стефановичъ. Берлинская конференція 1873 года и дѣятельность главнаго нѣмецкаго педагогическаго общества по женскому школьному образованію съ 1872 по 1886 годъ (окончаніе)	1
Наша учебная литература (разборъ 15 книгъ)	49

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря графа И. Д. Делянова	1
Отчетъ о тридцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова	1
Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологій и этнографій	51
Наши учебныя заведенія: Школы въ Сибири	20 и 55
Л. Л — ръ. Письмо изъ Парижа	42
Некрологъ: I. Н. М. Пржевальскій	49
II. В. Я. Стоюнинъ	88

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

	СТРАН.
Л. Ю. Шредеръ. Пнеагоръ и индійцы (окончаніе)	49
Б. Н. С—скій. Изъ Проперція . . .	74
М. П. П—скій. Кубышка. Комедія Т. М.: Плавта.	75

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Бнязь Н. Н. Голицынъ. Библиографическій словарь русскихъ писателей (продолженіе) .	97
--	----

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го ДВЕНАВРЯ вышла и разслана подписчикамъ XII-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Поездъ о самомъ себѣ. Посмертныя записки академика проф. Александра Васильевича Пикутенко. — II. Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 гг. Сообщ. В. Е. Якушкинъ. — III. Стихотворенія Николая Платоновича Огарева, 1830—1840 гг. — IV. Воспоминанія стараго студента. Сообщ. В. М. Сорокинъ. — V. Студенческія волненія въ Казани 1882 г. Воспоминанія П. Д. Шестакова. — VI. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: набѣгъ русскихъ войскъ на Адрианополь въ 1878 г. (Оконч.). — VII. Александръ Карловичъ Пфелъ. Очерки А. С. Исеева и В. Д. Смиловскаго. — VIII. Карлъ Карловичъ Арнгеймъ, † 3-го іюля 1888 г. — IX. Николай Ивановичъ Крицковъ, 1791—1843 гг. — X. Ученая архивная коммиссія въ 1887 гг. Обзоръ ихъ дѣятельности. Состав. директ. арх. института И. Е. Андреевскій. — XI. Матеріалы и замѣтки: Карлъ XII. — Памятникъ 1812 г. — Н. И. Тургеневъ. — Д. М. Княжевничъ. — Н. В. Гоголь. — Рядовой Озеровъ 1853 г. — Кн. В. И. Васильчиковъ. — Кн. В. А. Черкасскій. — Протоіерей Наумовъ. — XII. „Русская Старина“ въ 1888 г.: 1. Обзоръ двѣнадцати книгъ. — 2. Сотрудники, 1870—1888 гг. — 3. Подписчики въ 1888 гг. — XIII. Библиографическій листокъ.

Приложенія: I. Портретъ Александра Карловича Пфеля, гравиров. на мѣди художн. О. А. Мѣркинъ. — II. Указатель личнымъ именъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г.

Открыта подписна на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. О. ЦИЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха) и Н. И. Мамоптова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Подписчики «Русской Старины» на 1889 годъ могутъ получить до 25-го декабря 1888 г. новую книгу: «Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей» (третій выпускъ) за ОДИНЪ руб. съ пересылкою (вмѣсто 4 руб.)

Изг.-рек. Мих. Ив. Самойскій

Библиотека "Руниверс"

1889.

БИБЛИОГРАФЪ

Годъ V.

ВѢСТНИКЪ

Литературы, науки и искусства.

Журналь библиографическій, критическій и историческій.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія РЕКОМЕНДОВАНЫ для основныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.— Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотекы духовныхъ семинарій и училищъ.— По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библиотекъ.

Отдѣль 1-й. Историческіе, историко-литературные и библиографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отдѣль 2-й (справочный). Полная библиографическая гѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) правительственныя распоряженія; 4) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ: И. О. Анопскій, А. И. Барбашевъ, И. О. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, Е. А. Вѣловъ, П. В. Владимировъ, Н. В. Губертъ, И. В. Дмитровский, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Кареевъ, Д. О. Кобеко, И. А. Козево, А. С. Лаппо-Даниловскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, Б. И. Межовъ, проф. О. О. Миллеръ, А. Е. Молчановъ, С. О. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Д. Пташникъ, А. П. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Д. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шлякинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Лыковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ: съ доставкой и пересылкой въ Россіи 5 р., за границю 6 р., отдѣльно померъ 50 к., съ пересылкой 60 к.

Плата за объявленія: стран.— 8 р.; $\frac{1}{4}$ стран.— 6 р. 50 к.; $\frac{1}{2}$ стран.— 4 р. 50 к.; $\frac{1}{4}$ стран.— 2 р. 50 к.; $\frac{1}{6}$ стран.— 1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, прислаемыхъ въ редакцію, печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (С.-Пб., Невскій просп., д. № 88) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обуховскій просп., д. 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библиографа“ за 1885, 1886 и 1887 гг. продаются по 5 р. (съ доставкой и пересылкой) за годовою экземпляръ. Также пѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1 и 2. Ц. по 60 к. 2) Библиографическій указатель книгъ и статей о свв. Кириллѣ и Меодіѣ. Ц. 40 к. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библиографическій указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библиографическій указатель литературы о Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 р. за выпускъ.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ Н. Ш. Лисовскій.

Библиотека „Руниверс“

ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ
на ежемѣсячный историко-литературный журналъ
ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Издаваніа годъ второй).

Въ предстоящемъ году „Пантеонъ Литературы“ будетъ издаваться по той же программѣ, при прежнемъ составѣ редакціи и прежнихъ сотрудникахъ.

Назначеніе журнала—путемъ интереснаго и общедоступнаго чтенія содѣлывать ознакомленію публики съ первоклассными писателями и распростра-ненію историко-литературныхъ знаній.

Въ журналѣ участвуютъ слѣдующія лица: В. А. Аленовъ, проф. А. С. Архангельскій, Е. В. Балабанова, пр.-доц. Ф. Д. Батюшковъ, акад. и проф. Ф. И. Буслаевъ, пр.-доц. Л. П. Бѣльскій, гр. Н. Д. Бутурлинъ, Э. И. Ватсонъ, акад. и проф. А. Н. Веселовскій, проф. А. Н. Веселовскій, проф. А. Я. Гаршави, акад. Я. К. Гротъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, М. И. Кудряшовъ, прив.-доц. Р. О. Ланге, А. Н. Майковъ, П. В. Майковъ, проф. Ф. Ф. Миллеръ, прив.-доц. П. О. Морозовъ, А. П. Мысовска, А. А. Рейнгельдъ, проф. Н. И. Стороженко, П. С. Соколовъ, М. И. Цибрикова, О. Н. Чумина и др.

Подробное объявленіе высылается желающимъ по первому требованію.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой въ Петербургъ и пересылкой во всѣ города: на годъ 8 р., на полгода 5 р. За границу на годъ 10 р.

Разсрочка допускается по 1 р. въ мѣсяцъ до уплаты всей суммы.

Желающіе приобрести 12 книжекъ „Пантеона Литературы“ также и за 1888 г высылаютъ, за оба года, 15 р.

Подписка принимается: въ редакціи журнала „Пантеонъ Литературы“: С.-Петербургъ, Захарьевская ул., д. 19, кв. 10, а также въ книжныхъ лавкахъ „Новаго Времени“: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Редакторъ-издатель А. Чудинскій.

ИЗДАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ, ВЫШЕДШИЯ ВЪ СВѢТЪ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Записки Императорской Академии Наукъ. Томъ пятьдесятъ третій, книжка 1-ая. 1886. (*Содержаніе*: Къ аномаліямъ перваго шейнаго позвонка человѣка. Д-ра А. Фортунатова. Съ 2 рисунками.— Памяти почетнаго члена Академіи Абиха. Записка Адъюнкта А. П. Карпинскаго.— О преміяхъ таврическаго дворянства, предлагаемыхъ за сочиненія по исторіи русскаго дворянства.— Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи за февраль, мартъ, апрѣль и май 1886 года.— *Приложенія*: № 1. Временные барометрическіе максимумы въ Европѣ. П. И. Броунова. Съ 2 чертежами и 16 картами.— № 2. Отчетъ о первомъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго).

Цѣна книжки: 2 руб. 5 коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 1... — » 75 »
№ 2... 1 » 10 »

——— Томъ пятьдесятъ третій, книжка 2-ая. 1886. (*Содержаніе*: Рыбы озера Ильменя и рѣки Волхова, Новгородской губерніи. Н. Варпаховскаго. Съ рисункомъ.— Правила о преміяхъ А. С. Пушкина.— *Приложенія*: № 3. Литовскій катихизисъ Н. Даушки. По изданію 1595 г. вновь перепечатанный и снабженный объясненіями Э. Вольтеромъ.— № 4. Отчетъ о двадцати восьми присужденіи наградъ графа Уварова).

Цѣна книжки: 1 руб. 60 коп.
Цѣна приложенія № 4 отдѣльно: — » 60 »

Записки.... Томъ пятьдесятъ четвертый. 1887. (*Содержаніе*: Обзоръ млекопитающихъ животныхъ долины рѣки Малки. К. Н. Росси-кова. — О снимкѣ съ китайской надписи, полученномъ Академіею отъ російскаго консула въ Кашгарѣ г. Петровскаго. Донесеніе Академика В. П. Васильева. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1886 года. — *Приложенія*: № 1. Городскія училища въ царствованіе Импера-трицы Екатерины II. Графа Д. А. Толстаго. — № 2. Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій. Я. К. Грота. — № 3. О соотношеніяхъ между раздраженіемъ и возбужденіемъ при тетанусѣ. Н. Е. Введенскаго. Съ 13 таблицами. — № 4. Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія (по поводу книги П. Н. Петрова «Исторія родовъ русскаго дворянства»). Александра Барсукова. — № 5. Грозы въ Россіи за 1884 годъ. А. Шенрока. Съ 1 чертежемъ).

	Цѣна книжки: 4 руб. 20 коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 1...—	» 90 »
№ 2...—	» 40 »
№ 3... 1	» 65 »
№ 4...—	» 50 »
№ 5...—	» 20 »

— Томъ пятьдесятъ пятый, книжка 1-ая. 1887. (*Содер-жаніе*: Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1886 годъ, составленный и читанный Непремѣннымъ Секрета-ремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ публичномъ засѣданіи Академіи 29 декабря 1886 года. (Съ приложеніемъ изо-браженія медали Н. М. Пржевальскаго). — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1886 г., составленный Акаде-микомъ А. Ѳ. Бычковымъ и читанный имъ въ торжествен-номъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1886 года. — Личный составъ Императорской Академіи Наукъ. — Новые виды птицъ центральной Азіи. Статья почетнаго члена Академіи Н. М. Пржевальскаго. — *Приложенія*: № 1. Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи. Д. З. Бакрадзе, члена-кор-респондента Академіи Наукъ. — № 2. Объ интегральныхъ выче-тахъ, доставляющихъ приближенныя величины интеграловъ. П. Че-бышева. — № 3. Присужденіе преміи имени графа Дмитрія Андре-евича Толстаго въ 1886 году. — № 4. Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 19 апрѣля 1886 года, въ па-мять двухсотлѣтней годовщины дня рожденія В. Н. Татищева. (Съ приложеніемъ портрета В. Н. Татищева). — № 5. Замятка

ой формулѣ, относящейся къ теоріи чиселъ. Академика Ковскаго).

	Цѣна книжки: 1 руб. 56 коп.
Цѣна приложений отдѣльно: № 1...	» 20 »
№ 2...	» 20 »
№ 3...	» 20 »
№ 4...	» 45 »
№ 5...	» 10 »

— Томъ пятьдесятъ пятый, книжка 2-ая. 1887. (*Содержаніе* — движеніи поверхности, прикасающейся къ другой поверхности, подвижной. Д. Бобылева. — Загѣтки по Буддизму. Академика В. П. Васильева. — Климатъ Енисейска по двѣнадцатилѣтнимъ наблюденіямъ 1871—1883 гг. М. Маркса. — О предстоящемъ соисканіи наградъ графа Уварова. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за январь, февраль и мартъ 1887 года. — *Приложенія*: № 6. О двухъ теоремахъ относительно вѣроятностей. П. Л. Чебышева. — № 7. Развитіе палочекъ, колбочекъ и наружнаго ядернаго слоя въ сѣтчаткѣ зародыша человѣка. І. Костеняча. (Съ одной таблицей). — № 8. Очеркъ физико-географическихъ условій Европейской Россіи въ минувшіе геологическіе періоды. А. П. Карпинскаго. (Съ одною картою). — № 9. Общій способъ нахождения рациональныхъ дробныхъ частныхъ интеграловъ линейныхъ уравненій съ рациональными коэффициентами. В. Г. Имшенецкаго. — № 10. Къ вопросу объ опредѣленіи истинной температуры и влажности воздуха. Р. П. Савельева).

	Цѣна книжки: 1 руб. 70 коп.
Цѣна приложений отдѣльно: № 6...	» 10 »
№ 7...	» 40 »
№ 8...	» 40 »
№ 9...	» 15 »
№ 10...	» 25 »

— Томъ пятьдесятъ шестой, книжка 1. 1887. (*Содержаніе*: О преміяхъ почетнаго члена Императорской Академіи Наукъ, генерала-отъ-инфантеріи Федора Федоровича Шуберта. — Правила о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучший малорусскій словарь. — Собраніе портретовъ въ Императорской Академіи Наукъ. — О новыхъ открытіяхъ въ области низшихъ кэмбрійскихъ образованій въ Эстляндіи. Докладъ Академика Ф. Б. Шмидта Физико-Математическому Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ, читанный въ засѣданіи 13-го октября 1887 года. — *Приложеніе*: № 1. Критическій обзоръ млекопитающихъ и птицъ Кольскаго полуострова. Ф. Д. Плеске, ученаго хранителя Зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ).

	Цѣна книжки: 2 руб. 20 коп.
Цѣна приложения отдѣльно: 2	» 10 »

Записки..... Томъ пятьдесятъ шестой, книжка 2-ая. 1888. (*Содержаніе:* О предстоящихъ въ нынѣшнемъ году сонсканіяхъ наградъ за ученые сочиненія, присуждаемыхъ Академію Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ.—Отъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ (объ изданіи полнаго собранія сочиненій Ломоносова и о предстоящихъ въ 1888 году конкурсахъ).—Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за апрѣль и май 1887 года.—*Приложенія:* № 2. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1885 и 1886 годы, представленный Физико-Математическому Отдѣленію Академіи Наукъ 25 августа 1887 г. Директоромъ Г. Вильдомъ.—№ 3. Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22-го ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова.—№ 4. О фигурѣ земли. І. И. Стебницкаго.—№ 5. Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 года. Приватъ-доцента Э. А. Вольтера).

Цѣна книжки: 2 руб. 10 коп.
 Цѣна приложеній отдѣльно: № 2... — » 80 »
 № 3... — » 20 »
 № 4 .. — » 10 »
 № 5... — » 80 »

— Томъ пятьдесятъ седьмой. 1888. (*Содержаніе:* Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1887 годъ, читанный Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ торжественномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1887 года.—Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1887 г., составленный предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи, Ординарнымъ Академикомъ Я. К. Гротомъ, и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1887 года.—Личный составъ Императорской Академіи Наукъ.—Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1887 года.—*Приложенія:* № 1. Орнитологическая фауна Оренбургскаго края. Н. А. Заруднаго. Подъ редакцію О. Д. Плеске.—№ 2. Графъ Фѣдоръ Петровичъ Липке. В. П. Безобразова, Дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ. Съ 3 портретами).

Цѣна тома: 4 руб. 40 коп.
 Цѣна приложеній отдѣльно: № 1... 1 » 30 »
 № 2... 2 » 40 »

Метеорологическій Сборникъ, издаваемый Императорскою Академію Наукъ подъ редакцію д-ра Г. И. Вильда. Томъ X. Съ 14

таблицами и 29 картами. 1887. (*Содержаніе*: № 1. И. Мильбергъ. Обь абсолютномъ опредѣленіи горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма. — № 2. Р. Лауренти. О личной погрѣшности при опредѣленіи степени облачности (съ 1 таблицей). — № 3. П. Мюллеръ. О нормальномъ ходѣ и о возмущеніяхъ въ ходѣ элементовъ земнаго магнетизма въ Павловскѣ, во время дѣйствій полярныхъ экспедицій, съ августа 1882 до августа 1883 г. (съ 10 таблицами). — № 4. Г. Вильдтъ. Новые опыты по опредѣленію истинной температуры воздуха. — № 5. Э. Лейстъ. Изслѣдованія надъ инклинометрами со стрѣлками. (Съ 2 таблицами). — № 6. А. Шенрокъ. Грозы въ Россіи въ 1884 г. (съ 1 таблицей). — № 7. А. Тилло. Горизонтальное напряженіе земнаго магнетизма въ сѣверной Сибири. (Съ 1 картою). — № 8. П. Броуновъ. Пути антициклоновъ въ Европѣ. (Съ 16 картами). — № 9. Б. Срезневскій. Пути циклоновъ въ Россіи за 1881 — 1883 гг. — № 10. Г. Вильдтъ. Дальнѣйшія изслѣдованія по опредѣленію истинной температуры воздуха. — № 11. Э. Лейстъ. Погрѣшность въ опредѣленіи продолжительности качанія магнита и вліяніе ея на абсолютное опредѣленіе горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма. — № 12. Г. Вильдтъ. Годовой отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1885 и 1886 гг. — *Мелкія сообщенія*: 1) К. Лауренти. О кажущемся сплюснутомъ видѣ небснаго свода и пр. — 2) Б. Срезневскій. Упрощенныя гипсометрическія таблицы. — 3) Р. Бергманъ. Наблюденія надъ погодою, произведенныя діакономъ Истомнымъ въ Ишмѣ).

6 руб. 45 коп.

— Томъ XI. Съ 6 таблицами, 9 картами и однимъ рисункомъ въ текстѣ. 1888. (*Содержаніе*: № 1. Б. Срезневскій. Среднее распредѣленіе атмосфернаго давленія въ Европейской Россіи съ 1881 до 1885 г. Съ тремя картами. — № 2. М. Рыкачевъ. Распредѣленіе вѣтровъ и атмосфернаго давленія на Каспійскомъ морѣ. Съ 6 картами. — № 3. А. Шенрокъ. Грозы въ Россіи за 1885 г. Съ таблицей. — № 4. Г. Абельсъ. Преобразование и труды магнитно-метеорологической Обсерваторіи въ г. Екатеринбургѣ въ теченіе 1885 и 1886 гг. — № 5. В. Фридрихсъ. Изслѣдованія относительно дѣйствія термографа Ришара. Съ 2 таблицами кривыхъ. — № 6. Б. Керсновскій. Къ вопросу о предсказаніяхъ наименьшихъ температуръ. — № 7. В. Дубинскій. Сравнительная повѣрка двухъ анемометровъ въ Гамбургѣ (Deutsche Seewarte) и въ С.-Петербургѣ (Главная Физическая Обсерваторія). — № 8. А. Шенрокъ. О способѣ вычисленія и надежности среднихъ атмосфернаго давленія, выведенныхъ изъ наблюденій по анероидамъ. — № 9. П. Броуновъ. Сравненіе нормальныхъ барометровъ нѣкоторыхъ

самыхъ важныхъ метеорологическихъ институтовъ въ Европѣ. Съ таблицей. — № 10. В. Фридрихсъ. Исслѣдованія относительно дѣйствія барографа Ришара. Съ таблицей. — № 11. Р. Розенталя. О вѣтрахъ въ С.-Петербургѣ. — № 12. Шенрокъ. Къ вопросу объ изслѣдованіи грозъ въ Россіи. Съ таблицей. — № 13. Э. Бергъ. О значеніи абсолютной влажности при образованіи и наступательномъ движеніи грозъ. Съ таблицей. — № 14. Г. Вильдъ. О зимнихъ изотермахъ и о мнимомъ увеличеніи температуры съ высотой въ западной Сибири. — *Мскія сообщенія*: 1) М. Маркъ. Климатъ Енисейска по 12-лѣтнимъ наблюденіямъ, съ 1871 по 1883 г. — 2) А. Шенрокъ. Къ вопросу о повѣркѣ карты анероидовъ подъ воздушнымъ насосомъ. — 3) А. Шенрокъ. Къ вопросу объ опредѣленіи изморози и гололедицы. — 4) Г. Абельсъ. О высотѣ барометровъ надъ уровнемъ моря на нѣкоторыхъ станціяхъ Западной Сибири. — 5) Р. Бергманъ. Путевой журналъ Фердинанда фонъ Врангеля съ зимы 1823 по 1824 г.). 6 руб. 20 коп.

Бобылевъ, Д. К. О перемѣнѣ координатъ въ дифференціальныхъ уравненіяхъ динамики. 1888. 20 коп.

Вильдъ, Г. Объ осадкахъ въ Россійской Имперіи. 1888. Съ атласомъ. 6 руб.

Дубровинъ, Н. Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I: (Съ 1807—1829 годъ). 1883. 2 руб.

— Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рескрипты, письма, реляціи и донесенія. Томъ первый. 1775 — 1777 гг. 1885. 3 руб. 50 коп.

— Томъ второй. 1778 г. 1885. 3 руб. 60 коп.

— Томъ третій. 1779 — 1780 гг. 1887. 8 руб.

— Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Томъ III, годъ 1713-й. Книга 2 (іюль — декабрь). 1887. 2 руб.

Катаповъ, Н. Ф. Алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ первомъ томѣ Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ, собранныхъ В. В. Радловымъ. 1888. 20 коп.

— Алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ второмъ томѣ Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ, собранныхъ В. В. Радловымъ. 1888. 60 коп.

(Пржевальскій). Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи. Отдѣлъ зоологическій. Томъ I. Млекопитающія. Обработалъ Евг. Бихнеръ. Выпускъ 1. 1888.

5 руб.

Отчетъ о двадцать девятомъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1888. 2 руб. 50 коп.

— о второмъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго. 1888. 70 коп.

Радловъ, В. В. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ. Часть V. Нарѣчіе дикокаменныхъ киргизовъ. 1885. 2 руб. 40 коп.

— Часть VI. Нарѣчіе таранчей. 1886. 90 коп.

Рыкачевъ, М. Вскрытія и замерзанія водъ въ Россійской Имперіи. Съ 3 картами. 1886. 8 руб. 50 коп.

Сухомлиновъ, М. И. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ восьмой и послѣдній. 1888. 8 руб. 50 коп.

Толстой, графъ Д. А. Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. 1885. 45 коп.

— Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. 1885. 80 коп.

— Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. 1886. 90 коп.

Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, VIIe Série, tome XXXV.

— № 1. A. v. Gutschmid. Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroëne. 1887. 45 коп.

— № 2. A. Strauch. Bemerkungen über die Geckoniden-Sammlung im Zoologischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Mit 1 lithographischen Tafel. 1887. 70 коп.

— № 3. L. Struve. Bestimmung der Constante der Praecession und der eigenen Bewegung des Sonnensystems. 1887. 80 коп.

— № 4. N. Uskow. Die Blutgefäßskeime und deren Entwicklung bei einem Hühnerembryo. Mit 2 Kupfertafeln. 1887. Цѣна 90 коп.

— № 5. Th. Pleske. Beschreibung einiger Vogelbasterde. Mit 1 Tafel. 1887. 80 коп.

— № 6. W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. Manuscript der Bibliothek der Marcus-Kirche in Venedig. Nach der Ausgabe des Grafen Kuun (Budapest 1880). 1887. 1 руб.

Mémoires.... Tome XXXV, № 7. I. Setschenow. Weiteres über das Anwachsen der Absorptions-Coefficienten von CO₂ in den Salzlösungen. 1887. 80 коп.

— № 8. E. Büchner. Zur Geschichte der kaukasischen Ture (*Capra caucasica* Güld. und *Capra cylindricornis* Blyth.) Mit 2 photographischen Tafeln. 1887. 60 коп.

— № 9. G. Tamman. Die Dampftensionen der Lösungen. Mit 5 Tafeln. 1887. 1 руб. 75 коп.

— № 10 et dernier. J. Woldřich. Diluviale europäisch-nordasiatische Säugethierfauna und ihre Beziehungen zum Menschen. Mit Benutzung hinterlassener Manuscripte des Akademikers Geheimrathes Dr. Joh. Fried. Brandt bearbeitet und mit Zusätzen versehen. 1887. 1 руб. 40 коп.

— Tome XXXVI, № 1. H. Wild. Neuer magnetischer Universal-Theodolith. Mit 2 Tafeln. 1888. 70 коп.

— № 2. F. Schmidt. Über eine neuentdeckte untercambrische Fauna in Estland. Mit 2 Tafeln. 1888. 1 руб.

— № 3. Theodor Pleske. Revision der turkestanischen Ornith. Nach Sammlungen des verstorbenen Conservators Valerian Russow verfasst. 1888. 1 руб.

— № 4. A. E. Feoktistow. Eine vorläufige Mittheilung über die Wirkung des Schlangengiftes auf den thierischen Organismus. 1888. 85 коп.

— № 5. Dr. Edmund Mojsisovics von Mojsvár. Über einige arktische Trias-Ammoniten des nördlichen Sibiren. Mit 3 lith. Tafeln. 1888. 1 руб.

— № 6. M. Woronin. Über die Sclerotienkrankheit der Vaccinieen-Beeren. Entwicklungsgeschichte der diese Krankheit verursachenden Sclerotinien. Mit 10 Tafeln. 1888. 3 руб.

— № 7. O. Backlund. Über die Herleitung der im achten Bande der «Observations de Poulkova» enthaltenen Stern-Cataloge, nebst einigen Untersuchungen über den Pulkowaer Meridiankreis. 1888. 1 руб. 40 коп.

— № 8. Dr. C. V. L. Charlier. Über eine mit dem Problem der drei Körper verwandte Aufgabe. 1888. 40 коп.

— № 9. Ph. Owsiannikow. Über das dritte Auge bei *Petromyzon fluviatilis* nebst einigen Bemerkungen über dasselbe Organ bei anderen Thieren. Mit 1 Tafel. 1888. 80 коп.

Mémoires.... Tome XXXVI, № 10. N. v. Kokscharow. Beiträge zur Kenntniss der Krystallisation des Klinochlors und über das Krystall-system und die Winkel des Kotschubeits. 1888. 1 pyč.

Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XXX. Avril 1885 — juillet 1886. (Contenant les articles de MM.: O. Backlund, V. Bianchi, M. Bogdanow, A. Bonsdorff, Al. Bunge, A. Famintzin, A. Gorloff, B. Hasselberg, A. Kessler, S. Kolotow, A. Krakau, E. Leyst, P. A. Muller, A. Nadéjdine, A. Nauck, A. Nikolski, M. Nyrén, K. Pogosheff, D. S. Przybytek, W. Radloff, F. Schmidt, O. Struve, A. Tarenetzky, Al. v. Tillo, J.-S. et M.-N. Vaněček, N. Warpachowsky, W. Welikij, H. Wild, Th. Wittram). 3 pyč.

—— Tome XXXI. Avril 1886 — avril 1887. (Contenant les articles de MM.: O. Backlund, V. Bianchi, O. Chwolson, B. Imchénetsky, Imchénetzky et Bouniakowsky, A. Karpinsky, N. Katanoff, N. de Kokcharoff, C. J. Maximowicz, A. Nauck, W. Radloff, B. Rizza et A. Boutléroff, C. Salemann, Carl Schmidt, O. Struve, N. Warpachowsky, J. Wiedemann, Č. Zahálka). 3 pyč.

—— Tome XXXII. Novembre 1887 — août 1888. (Contenant les articles de MM.: O. Backlund, N. Békétoff, A. Bonsdorff, C. V. L. Charlier, M. Chrapowitzki, A. Gernet, Gorboff, B. Hasselberg, A. Karpinsky, N. Katanoff, Kessler, O. Lemm, C. J. Maximowicz, A. Nauck, M. Nyrén, W. Radloff, M. Rykatschew, C. Salemann, Carl Schmidt, B. Séraphimoff, N. Warpachowsky, H. Wild). 3 pyč.

Mélanges mathématiques et astronomiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome VI, livraison 3. 1885. (Contenu: O. Backlund. Ueber die Anwendung einer von P. Tschebyschew vorgeschlagenen Interpolationsmethode. — V. Bouniakowsky. Démonstration de quelques propositions relatives à la fonction numérique $L(x)$. Article 4^{m^e}. — O. Backlund. Elemente und Ephemeride des Encke'schen Cometen für die Erscheinung 1884—1885.— Th. Wittram. Zur Berechnung der speciellen Störungen der kleinen Planeten). 80 коп.

—— Tome VI, livraison 4. 1886. (Contenu: J. S. et M. N. Vaněček. Nouvelle génération d'un faisceau de coniques. — A. Bonsdorff. Ableitung neuer Formeln zur Auflösung sphäroidischer Dreiecke. — M. Nyrén. Polhöhenbestimmungen mit dem Ertel-Repsold'schen Verticalkreise. — O. Backlund. Comet Encke. I. Bearbeitung der Erscheinung 1885 und die Verbindung derselben mit den vier vorhergehenden Erscheinungen. — O. Struve. Die Photographie im Dienste der Astronomie. (Aus einem Vortrage des Akademikers

O. Struve, gehalten in der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften am 4 Februar 1886).— O. Backlund. Dr. Harzer's Untersuchungen über einen speciellen Fall des Problems der drei Körper. Bericht an die Akademie der Wissenschaften. 1886).

86 коп.

Mélanges physiques et chimiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, tome XII, livraison 3. 1885. (Contenu: B. Rizza et Boutlerow. Sur l'asarone.— Dr. B. Hasselberg. Zusatz zu meinen Untersuchungen über das zweite Spectrum des Wasserstoffs. — H. Wild. Bericht über eine neue Verification der Schwingungszahl der Normal-Stimmgabel Russlands im physikalischen Central-Observatorium. — S. Kolotow. Ueber das Verhalten des Oxymethylens zu Aminen. — Generalmajor Dr. Al. v. Tillo. Ueber die absolute Höhe des Ladoga-Sees und das Gefälle der Newa. — E. Leyst. Beobachtung auffallender Blitze. — A. Nadéjdine. La détermination de la température critique dans les tubes opaques. — A. Krakau. Ueber die Einwirkung von Aetzalkalien auf Cinchonin und einige andere China-Alkaloide. — A. Gorboff und A. Kessler. Ueber die Einwirkung von Natriumisobutylat auf Jodmethylen. — H. Wild. Ueber die Beziehungen zwischen den Variationen des Erdmagnetismus und den Vorgängen auf der Sonne. (Mit einer Curven-Tafel).

45 коп.

— Tome XII, livraison 4. 1886. (Contenu: Prof. A. Famintzin und D. S. Przybytek. Aschenanalyse des Pollens von Pinus sylvestris. — H. Wild. Temperatur-Minimum in Werchojansk im Winter 1884 auf 1885. — H. Wild. Erzielung constanter Temperaturen in ober- und unterirdischen Gebäuden. — H. Wild. Vergleich der durch Nivellement und der barometrisch bestimmten Meereshöhe des Ladoga-Sees. — H. Wild. Bericht über die Sitzungen des internationalen meteorologischen Comités und des internationalen Maass- und Gewichts-Comités im September 1885 zu Paris.— A. v. Tillo. Die Meereshöhen der Seen Ladoga, Onega und Ilmen, und das Gefälle des Ladoga-Sees. Auszug aus einem Briefe an den Akademiker O. Struve. — Dr. P. A. Müller. Die Dauer der Sonnenrotation nach den Störungen der erdmagnetischen Elemente in Pawlowsk. — F. Schmidt. Ueber einige neue ostsibirische Trilobiten und verwandte Thierformen. (Mit einer Tafel).— H. Wild. Sonderbare Hagelerscheinung beobachtet am 16 (28) November 1885 in Bobruisk.— P. A. Müller. Ueber die electromotorische Differenz und die Polarisation der Erdplatten).

45 коп.

— Tome XII, livraison 5. 1887. (Contenu: O. Chwolson. Photometrische Untersuchungen über die innere Diffusion des Lichtes. — Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen,

XLV—XLVIII.—N. v. Kokscharow. Mursinskit, ein neues Mineral.—C. Zahálka. Beitrag zur Kenntniss der Phymatellen der böhmischen Kreideformation. (Mit einer Tafel).—A. Karpinsky. Zur Geologie des Gouvernements Pskow. (Mit einer Tafel).—A. Karpinsky. Ueber einige graphit- und granatführende metamorphische Gesteine des Urals. Mit einer Tafel. 45 коп.

Mélanges physiques et chimiques.... Tome XII, livraison 6 et dernière. 1887. (*Contenu*: Benvenuto Rizza et A. Boutlerow. Sur l'asarone (2me partie).—Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, XLIX.—H. Wild. Note sur l'effet du tremblement de terre du 23 février 1887 à l'Observatoire magnétique de Pawlowsk. - Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, L.—M. Rykatschew. Das vormittägige Temperaturmaximum zur See in den Tropen, nach den auf der Korvette «Witjas» unter dem Commando des Flügeladjutanten Capitain L. Ranges S. O. Makarow angestellten Beobachtungen.—A. Karpinsky. Bemerkungen über die Regelmässigkeit in der Gestalt und dem Bau der Continente.—N. Békétoff. Recherches sur l'énergie de combinaison. Les oxydes de potassium et de lithium.—H. Wild. Polarisations-Photometer für technische Zwecke und Untersuchung von Wenham-Gaslampen mit demselben). 85 коп.

Mélanges biologiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Tome XII, livraison 3. 1886. (*Contenu*: A. Tarenetzky. Ueber Sehnenretinacula und dieselben spannende Muskeln auf dem Rücken des menschlichen Fusses.—Dr. Al. Bunge. Bericht über fernere Fahrten im Lena-Delta und die Ausgrabung eines angeblich vollständigen Mammutcadavers. Aus Briefen an den Akademiker L. v. Schrenck. (Mit einer Karte).—W. Welikij. Ueber die Lymphherzen bei *Siredon pisciformis*. Vorläufige Mittheilung.—Dr. Al. Bunge. Brief an den beständigen Secretär der Akademie über den Gang der von der Akademie veranstalteten Polar-Expedition.—M. Bogdanow. Kurze Bemerkung über *Plasianus Komarowii* n. sp.—L. Pogosheff. Ueber den Nerven in den Enden des *Musculus sartorius*.—A. Morawitz. Zur Kenntniss der chilenischen Carabinen). 60 коп.

— Tome XII, livraison 4. 1886. (*Contenu*: C. J. Maximovicz. Diagnoses plantarum novarum asiaticarum. VI. Insunt stirpes quaedam nuper in Japonia detectae.—A. Famintzin. Ueber Knospenbildung bei Phanerogamen). 45 коп.

— Tome XII, livraison 5. 1886. (*Contenu*: N. Warpachowsky. Eine neue Form von Opalina.—V. Bianchi. Ueber einen neuen Würger aus der Untergattung *Otomela* (*Otomela Bogdanovi*).—A. Famint-

zin. Ueber Knospenbildung bei Phanerogamen. (Mit einer Tafel). — V. Bianchi. Zur Ornis der westlichen Ausläufer des Pamir und des Alai).

80 коп.

Mélanges biologiques.... Tome XII, livraison 6 et dernière. 1888. (*Contenu*: N. Warpachowski. Notiz über die in Russland vorkommenden Arten der Gattung Phoxinus. — N. Warpachowski. Über die Gattung Hemiculter Bleek. und über eine neue Gattung Hemiculturella. — Chrapowitzki. Über die Synthese der Eiweisstoffe in chlorophyllhaltigen Pflanzen. *Vorläufige Mittheilung*. — C. J. Maximowicz. Diagnoses plantarum novarum asiaticarum. VII. Mit 4 Tafeln).

70 коп.

Mélanges russes tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome V, livraison 1. 1886. (*Contenu*: Dr. W. von Gutzeit. Über die Lebensgeschichte des heil. Georgios von Amastra und die Zeit ihrer Abfassung. — E. Kunik. Ergänzende Bemerkungen zu den Untersuchungen über die Zeit der Abfassung des Lebens des h. Georg von Amastris. Ein Beitrag zur Aufklärung der russisch-byzantinischen Chronologie des 9ten Jahrhunderts. — F. G. Wiedemann. Zusätze und Berichtigungen zu dem syrjänisch-deutschen und wotjakisch-deutschen Wörterbuch. 1880).

80 коп.

Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome IX, livraison 1. 1883. (*Contenu*: Liste des travaux de M. Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, † le 22 août (3 septembre) 1880. — B. Dorn. Nachträge zu der Abhandlung über die Münzen der Heke oder ehemaligen Chane von Turkistan. — O. Böhlingk. Bemerkungen zu Ginakirti's Kampakakathánaka, herausgegeben und übersetzt von A. Weber).

80 коп.

— Tome IX, livraison 2. 1886. (*Contenu*: W. Radloff. Bericht über die Ausgabe des Sprachmaterials des Codex Comanicus. — W. Radloff. Bericht über die Kurdischen Sprachsammlungen des Prof. Albert Socin. — N. Katanoff. Castrén's koibalisch-deutsches Wörterverzeichnis und Sprachproben des koibalischen Dialectes. Neu transscribirt).

80 коп.

— Tome IX, livraison 3. 1887. (*Contenu*: C. Salemann. Mittelpersische Studien. Erstes Stück. — C. Salemann. Bericht über des Mag. V. Žukovski Materialien zur persischen Dialektologie. — W. Radloff.

Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886. — N. Katanoff. Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialektes. — N. Katanoff. Verzeichniß der sagaischen Namen der Flüsse, Dörfer, Städte und Stämme, welche die Unterthanen des Steppengerichts der vereinigten Stämme (an der Mündung des Askys) bilden. — C. Salemann. Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums).

50 коп.

Mélanges asiatiques..... Tome IX, livraison 4 et dernière. 1888. (*Contenu*: W. Radloff. Bericht über eine Reise zu den Karaimen der westlichen Gouvernements.—C. Salemann. Bericht über die aussgabe des Mi'jar i Jamâlt.—W. Radloff. Der Bericht des Hrn. Professor Chwolson über die in dem Gebiete von Semiretschie aufgefundenen syrischen Grabinschriften.—Dr. O. v. Lemm. Die Geschichte von der Prinzessin Bentreš und die Geschichte von Kaiser Zeno und seinen zwei Töchtern).

1 руб. 50 коп.

Mélanges gréco-romains tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St-Pétersbourg. Tome V, livraison 1. 1884. (*Contenu*: A. Nauck. De Marci Antonini commentariis. — M. Schmidt, in Jena. Zweiter textkritischer Beitrag zu den Trachinierinnen).

80 коп.

—— Tome V, livraison 2. 1885. (*Contenu*: A. Nauck. Kritische Bemerkungen).

40 коп.

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Dritte Folge. Auf Kosten der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von L. v. Schrenck und C. J. Maximowicz.

—— Band I. 1886. Graf D. A. Tolstoi. Das akademische Gymnasium und die akademische Universität im XVIII. Jahrhundert. Nach handschriftlichen Documenten des Archivs der Akademie der Wissenschaften. Aus dem Russischen von P. von Kugelgen.

90 коп.

—— Band II. Gemischten Inhalts. 1887. 1) Eug. Büchner. Die Vögel des St. Petersburger Gouvernements. 2) Graf D. A. Tolstoi. Die Stadtschulen während der Regierung der Kaiserin Katharina II. Aus dem Russischen übersetzt von P. v. Kugelgen.

1 руб. 80 коп.

—— Band III. 1887. Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande. Mit 6 Karten.

2 руб. 10 коп.

Beiträge.... Band IV. Gemischten Inhalts. 1888. 1) W. Petersen. Die Lepidopteren-Fauna des arktischen Gebietes von Europa und die Eiszeit. 2) A. Karpinski. Uebersicht der physiko-geographischen Verhältnisse des Europäischen Russlands während der verfloßenen geologischen Perioden. Mit einer Karte. 3) V. Bianchi. Biologische Notizen über die im Sommer 1884 bei Uschaki (Gouvernement Nowgorod) beobachteten Vögel. 2 руб. 30 коп.

— Band V. 1888. Fr. Th. Köppen. Geographische Verbreitung der Holzgewächse des Europäischen Russlands und des Kaukasus. Erster Theil. 4 руб. 40 коп.

Auwers, Arthur. Neue Reduction der Bradley'schen Beobachtungen aus den Jahren 1750 bis 1762. Dritter Band, den Sterncatalog für 1755 und seine Vergleichung mit neuen Bestimmungen enthaltend. 1888. 4 руб. 60 коп.

Bésobrasof, W. Études sur l'économie nationale de la Russie. Région (centrale) industrielle de Moscou. Tome I. 1888. 1 руб. 60 коп.

----- Tome II, première partie. 1886. 1 руб. 20 коп.

— Tome II, seconde partie. 1886. 1 руб. 20 коп.

Böhtlingk, Otto. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung.

— Sechster Theil, erste Lieferung. (घ—वेव). 1885. 1 руб. 25 коп.

— — Zweite Lieferung. (वेघ—ष). 1886. 1 руб. 20 коп.

— Siebenter Theil, erste Lieferung. (स—सुरङ्कपुत्र). 1887. 1 руб. 30 коп.

Leyst. Katalog der meteorologischen Beobachtungen in Russland und Finnland. Vierter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887. 8 руб. 50 коп.

Markoff, André. Table des valeurs de l'intégrale $\int_a^b x^{-2} dt$. 1888. 1 руб.

Prym, E. und A. Socla. Kurdische Sammlungen. Erste Abtheilung. Erzählung und Lieder im Dialekte des Tür 'Abdin. Gesammelt, herausgegeben und übersetzt von. . . . a. Die Texte. 1887. 30 коп.

— b. Uebersetzung. 1887. 45 коп.

Radloff, W. Proben der Volksliteratur der nördlichen türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von... V. Theil. Der Dialect der Kara-Kirgisen. 1885.

2 руб. 40 коп.

— VI. Theil. Der Dialect der Tarantschi. 1886.

1 руб. 10 коп.

Rykatschew, M. Ueber den Auf- und Zugang der Gewässer des Russischen Reiches. Mit 3 Tafeln. Zweiter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887.

3 руб. 20 коп.

Struve, Otto. Sammlung der Beobachtungen von Sternbedeckungen während der totalen Mondfinsterniss 1884 October 4. 1885.

20 коп.

Tolstol, Graf D. A. Ein Blick auf das Unterrichtswesen Russlands im XVIII. Jahrhundert bis 1782. Aus dem Russischen übersetzt von P. v. Kugelgen. 1884.

60 коп.

Wahlén, E. Wahre Tagesmittel und tägliche Variation der Temperatur an 18 Stationen des Russischen Reiches. Dritter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887.

4 руб. 25 коп.

Wild, N. Die Regen-Verhältnisse des Russischen Reiches. Mit einem Atlas (6 Karten). Fünfter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887.

Съ атласомъ 6 руб.

Изданія Академіи продаются у комисіонеровъ оной: И. Глазунова и Эггерса и К^о въ С. Петербургѣ, Н. Киммеля, въ Ригѣ, и въ Комитетѣ Правленія Императорской Академіи Наукъ (В. О., набережная Большой Невы, близъ Дворцоваго моста, д. № 5). Покупателямъ, обращающимся за книгами въ Комитетъ, дѣляется уступка 25% съ объявленной цѣны.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1888 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

